

ФИЛИП ШАФФ

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

V

Средневековое христианство

1049 — 1294 г. по Р.Х.

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

HISTORY
of the
CHRISTIAN
CHURCH

Philip Schaff

*Christianus sum. Christiani nihil
a me alienum puto*

VOLUME V
MEDIÆVAL CHRISTIANITY

FROM GREGORY VII TO BONIFACE VIII

A.D. 1049 – 1294

WM. B. EERDMANS PUBLISHING COMPANY

GRAND RAPIDS MICHIGAN

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Филип Шафф

*Christianus sum. Christiani nihil
a me alienum puto*

ТОМ V СРЕДНЕВЕКОВОЕ ХРИСТИАНСТВО

От Григория VII до Бонифация VIII

1049 – 1294 г. по Р. Х.

«БИБЛИЯ ДЛЯ ВСЕХ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2008

HISTORY OF THE CHRISTIAN CHURCH

Copyright 1907
by CHARLES SCRIBNER'S SONS

Photolithoprinted by
Eerdmans Printing Company
Grand Rapids, Michigan, U.S.A.
ISBN 0-8028-8051-7
Reprinted, February 1994

Перевод: Рыбакова О. А.

Редактирование и верстка: Цыганков Ю. А.

Дизайн обложки: Молчанов А. Ю.

При оформлении обложки
использована картина Эжена Делакруа
«Взятие Константинополя крестоносцами».

Заказы на книгу, а также все замечания и пожелания
просим направлять по адресу:

196233, Санкт-Петербург, а/я 237

*Христианское общество «Библия для всех»,
издательский отдел*

Тел. (812) 542-86-61

Эл. почта: bfe@mail.wplus.net

Интернет: <http://www.bible.org.ru>

Охраняется законодательством об авторском праве. Никакая часть этой книги не может копироваться и публиковаться никакими средствами (печатными, фотографическими, электронными, звукозаписывающими и пр.) без предварительного письменного разрешения издательства (за исключением цитирования в пределах стандартных норм).

ISBN 978-5-7454-1104-5

© Русское издание, перевод, оформление, «Библия для всех», 2008

Этот том
о средневековой истории церкви
С УВАЖЕНИЕМ ПОСВЯЩАЕТСЯ
ПРЕП. УИЛЬЯМУ О. КЭМПБЕЛЛУ, D. D.,
ПРЕП. ДЖЕЙМСУ Х. СНОУДЕНУ, D. D.,
ПРЕП. ДЖЕССУ Ч. БРЮСУ, D. D.,
И ДРУГИМ ЧЛЕНАМ
СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ
ЗАПАДНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ СЕМИНАРИИ
с благодарностью
за оказанную автору честь
быть избранным на кафедру
церковной истории, 1903

ПРЕДИСЛОВИЕ

Доктор Филип Шафф, автор «Истории христианской церкви», неослабно надеялся, что до конца своей жизни успеет закончить рассмотрение Средневековья, но его сил хватило только на один том — с 600 по 1050 год. Он часто говорил в последние годы своей жизни: «Если мне удастся это сделать, моя История христианской церкви будет сравнительно полной и я буду доволен». Он начал выполнять поставленную задачу и уже завершил свои исследования о понтификатах Григория VII и Александра III, когда, 20 октября 1893 г., смерть взяла над ним верх. Две книги лежали открытыми на его рабочем столе, как он оставил их накануне: «Святая жизнь и святая смерть» Джереми Тейлора и том «Жизни Иннокентия III» Хертера, — откуда видна направленность его мыслей в последние часы жизни.

Доктор Шафф отличился как автор церковной истории в 1851 г., когда появилась его «История апостольской церкви», сначала в немецком оригинале (Mergersburg, Pa., pp. xvi, 576, и Leipzig, 1853), затем — в английском переводе (New York and Edinburgh, 1853, 1854). До того времени он уже проявил интерес к историческим исследованиям — в трактате «Что такое история церкви?» (перев. доктора Джона У. Невина, Филадельфия, 1846, 128 стр.) и в обращении «Принцип протестантизма», произнесенном на его вступлении в должность профессора в богословской семинарии Мерсерсбурга (1844). Это обращение было опубликовано в немецком варианте и в английском переводе доктора Невина (Chambersburg, 1845).

Доктор Шафф продолжил публикации в данной области своей «Историей христианской церкви» (1 — 600 годы по Р.Х., в 2 томах, New York, 1858 — 1867). Затем его внимание привлекли темы библейской литературы и экзегетики, и его стараниями было опубликовано американское издание комментария Ланга, в 25 томах, и другие труды. В 1887 г. он выпустил свои «Символы веры христианского мира», в 3 томах. Получив возможность продолжить «Историю», которую он был склонен считать своим главным трудом, он решил пойти в ногу со временем и представить вниманию читателей свежий взгляд на этот предмет, начав исследования с самого начала. В результате серия, к которой относится и этот том, была написана как независимый труд, опирающийся на сделанные заново исследования и заметно отличающийся от предыдущего. Например, в первом томе, об апостольской эпохе, большое внимание уделяется вопросу авторства и датировке апостольских сочинений — о чем почти не говорится в «Истории апостольской церкви» 1851 г. и в «Истории христианской церкви» 1858 — 1867 г. И такой пересмотр был действительно необходим из-за нового отношения ученых к проблемам апостольской эпохи.

Доктор Шафф успел подготовить шесть томов этого нового труда, три — о раннем христианстве, один — о средневековом христианстве и два — о протестантской Реформации. Представляет интерес, что последним произведением доктора Шаффа был памфлет о воссоединении христианского мира (71 стр.) — на тему, к которой он относился с живой практической симпатией и которую рассматривал на основании материалов исторических исследований. Содержание памфлета было использовано в докладе, прочитанном перед Парламентом Рели-

гий на Колумбовской выставке в Чикаго. Он почел за большую честь, что факультет Берлинского университета — на котором он провел часть студенческой жизни (1840 — 1841) и который присвоил ему степень доктора богословия в 1854 г. — свидетельствовал в поздравительном послании на полувековой юбилей его профессорской деятельности, что его «История христианской церкви» представляет собой самый заметный памятник всеобщей исторической учености, созданный школой Неандера («Жизнь Филипа Шаффа», с. 467).

Дальнейшее рассмотрение средних веков доктор Шафф оставил своему сыну, автору этого тома, который посчитал за лучшее начать работу заново, взяв материалы, оставленные доктором Шаффом, за основу для первых четырех глав.

Задержка в выходе этого тома в основном связана с требованиями исследования и отчасти с трудностью в нахождении всей необходимой литературы. Автору не хотелось выпускать том, не проработав всю информацию так тщательно, как только возможно. Он должен был ознакомиться не только со средневековыми произведениями, но и с большим количеством исследований за последнюю четверть века и ранее, посвященных средним векам. Что касается литературы, то немалое ее количество до недавнего времени было недоступно исследователям в Америке. В семинарии Лейн, профессором которой был автор, он нашел в библиотеке необычайно хорошо подобранную коллекцию трудов по средневековому периоду, мудро составленную пятьдесят лет назад двумя профессорами, Кальвином Э. Стоувом и покойным Джорджем Э. Дзем, которые совершали поездки в Европу ради приобретения книг. Автор благодарен также преп. доктору Генри Гудвину Смиту, профессору семинарии в течение некоторого времени и ее библиотекарю, за возможность свободно пользоваться фондами библиотеки при поиске трудов по Средневековью. Здесь следует упомянуть также о публичной библиотеке Цинциннати, где довольно много трудов для исследователей истории, а некоторые, возможно, присутствуют в единственном экземпляре в стране. Их целенаправленно подбирали такие люди, как профессор Джордж Э. Дэй, на средства из большого постоянного фонда, выделенного для приобретения богословских трудов более чем полвека назад.

Перебравшись в Западную богословскую семинарию, автор встретил библиотекаря, профессора Джеймса Э. Кельзо, всегда готового пополнять полки средневекового отдела, так что сейчас там есть самые важные труды — и оригинальные, и исследовательские. Автор весьма признателен за участливую помощь и разрешение свободно пользоваться фондами сотрудникам двух библиотек Католической церкви в Цинциннати и другим библиотекарям.

Здесь следует объяснить, почему мы посвятили отдельный том центральному периоду Средневековья (1050 — 1294), тогда как доктор Филип Шафф намеревался осветить его и окончание Средневековья (1294 — 1517) в одном томе. Если бы доктор Шафф продолжил изучение темы, он вряд ли посчитал бы мудрым следовать первоначальному замыслу. Как бы то ни было, ограничить рассмотрение отрезка в 500 лет одним томом было бы несправедливо и, в свете недавних исследований, мы уделили бы ему недостаточно внимания. Первым 600 годам истории церкви (1 — 590) «История» посвящает три тома. Доктор Шафф собирался посвятить три тома протестантской Реформации, два из которых он успел подготовить. Промежуточные 900 лет требуют не меньшего внимания. Период, освещенный в этом томе, очень важен. К нему относятся крестовые походы, обновление монашества за счет нищенствующих орденов, формирование канонического права, возникновение университетов, борьба папства с империей, образо-

вание инквизиции, установление системы таинств и некоторых других характерных элементов христианской церкви. Невозможно полностью понять дух и вероучительную систему Рима, не зная этого периода. Без такого знания невозможно также полностью понять смысл протестантской Реформации, потому что Реформация была протестом против средневекового богословия и средневековых практик. Лучшее свидетельство правоты этого утверждения предоставил нам труд ученого доминиканца Денифле, называемый *Luther und Lutherthum*, и протестантские ответы на содержащиеся в нем обвинения.

Из неполного списка современных трудов видно, сколько исследований в последнее время было посвящено этому периоду. Среди великих сборников средневековых документов, помимо более древних, Мабийона, Муратори и Миня, можно упомянуть *MONUMENTA GERMANIAE*, призванные стать исчерпывающим собранием средневековых германских авторов, а также серии сборников папских документов, называемые *REGESTA*, изданные Жаффе, Поттхастом, Оврэем, Бержером и другими, *CHARTULARIUM UNIVERSITATIS PARIISIENSIS* — сборник документов, изданный Денифле и Шателеном и имеющий величайшую важность для изучения университетской системы, *RECUEIL DES HISTORIENS DES CROISADES*, замечательный сборник средневековой священной поэзии, изданный Древсом и Блюмом и насчитывающий более 15 томов, сборник канонического права Бемера-Фридберга и *Rolls Series*, содержащие труды авторов средневековой Англии. Сюда следует добавить и новые издания схоластов — Альберта Великого (Борнье), Бонавентуры (Пелтиера), Дунса Скота и Фомы Аквината, а также издания таких авторов, как Цезарий Гейстербахский, Иаков из Варацце, Салимбене и Этьен де Бурбон. Среди исследователей недавнего времени, которые специализируются на данном периоде, упоминаются заслуживают Гизбрехт, Грегоровиус, Шеффер-Бойхорст, Карл Мюллер, Хаук, Дейч, Лемпп и другие протестанты из Германии, а среди немецких католических ученых — Доллингер, отец Денифле, Эрле, Кнопфлер, Шване, Шульце, Функ и Фельдер. Во Франции работают Ремюза, Оро, Шевалье, Вакандар, Сабатье, Альфандери. В Англии и Америке — доктор Генри Чарльз Ли, который заслуживает того, чтобы быть упомянутым первым, покойный епископ Стаббс, Р. Л. Пул, Рэшделл, Бриджес, издатели *Rolls Series*, такие как Брюэр и Луард, и профессор Д. Ч. Мунро, О. Т. Тэтчер и Шейлер Мэтьюз.

Кроме немногочисленных случаев, цитаты взяты из оригинальных трудов независимо от того, написаны они в средние века или в наше время. Исключение составляет «История города Рима» Грегоровиуса. Нам пришлось строго ограничивать себя в цитировании, хотя хотелось расширить примечания, особенно в главах о системе таинств и схоластах. В списках литературы наиболее важные современные труды отмечены звездочками.

В подготовке этого тома к печати эффективную помощь оказал преп. Дэвид Э. Калли, мой товарищ и наставник из Западной богословской семинарии, чьи литературные и исторические вкусы и здравое суждение утвердились при обучении за границей.

В завершение автор выражает надежду, что этот том проникнут духом терпимости, характерным для доктора Филипа Шаффа, и заявленные здесь общецерковные суждения вполне могли быть сделаны самим доктором Шаффом.

Дэвид С. Шафф
 Западная богословская семинария
 Аллегени, Пенсильвания

ПЯТЫЙ ПЕРИОД

**ПАПСКАЯ ТЕОКРАТИЯ В КОНФЛИКТЕ
СО СВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ,
ОТ ГРИГОРИЯ VII ДО БОНИФАЦИЯ VIII**

1049 — 1294

§1. Общая литература

- Источники: J. P. Migne: *Patrologiae cursus completus*, etc. Латинские серии содержат произведения отцов, учителей и авторов Латинской церкви от Тертуллиана до Иннокентия III, 221 том, Paris, 1844 — 1864. Обязательный для ознакомления сборник. Авторы XI века начинаются с т. 139. PHILIP LABBAEUS, S. J., ум. в 1667: *Sacrosancta concilia ad regiam editionem exacta*, 18 vols. Paris, 1662 sqq. Лаббей дожил до публикации т. IX. Завершил его труд Gabriel Cossart. Данный сборник мы иногда использовали в этом томе. — JOHN D. MANSI, архиепископ Лукки, ум. в 1769: *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*, 31 vols., Florence and Venice, 1759 — 1798. До собора во Флоренции, 1439. Новое факсимильное издание с продолжением. Paris, 1901 sqq. До сих пор вышло 38 томов, до 1735 г. — L. A. MURATORI, ум. в 1750: *Rerum Italicarum scriptores*, 500 — 1600, 25 vols. Milan, 1723 — 1761, с дополнительными томами, Florence, 1748, 1770, Venice, 1771, всего 31 часть. Переиздание G. Carducci et V. Fiorini, Citta di Castello, 1902 sqq. — *Monumenta Germaniae historica*, ed. G. H. PERTZ, ум. в 1870, и его сотрудники и преемники, WATTENBACH, BÖHMER, etc. Более 50 томов, Han., 1826 sqq. Они освещают всю историю империи и папства. — *Scriptores rerum Germanicarum* для использования в школах, составлено на основании предыдущего, ed. PERTZ, 42 vols. Han., 1840 — 1894. — *Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit*, ed. PERTZ, etc., в немецком переводе, 92 vols. Berlin and Leipzig, 1849 — 1892. — *The Rolls Series, Rerum Britannicarum medii aevi scriptores*, 97 vols., London, 1858 — 1891, содержит великолепные издания Уильяма из Малмсбери, Роджера из Вендовера, Ральфа из Коггешала, Ричарда из Ховедена, Матфея Париса (7 vols.), Гроссетеста и других английских средневековых авторов. — Bohn's Antiqu. Library, 41 vols. London, 1848 — 1864 sqq., приведены переводы М. Париса, Ричарда из Ховедена и др. — J. F. BÖHMER: *Regesta imperii*, 1198 — 1254. Новое издание — J. Ficker and Winkelmann, Innsbruck, 1881 — 1894. *Regesta pontificum romanorum* от ап. Петра до Иннокентия III, ed. Jaffé, ум. в 1878, Berlin, 1851, pp. 951; второе издание — WATTENBACH, LÖWENTHAL, KALTENBRUNNER и EWALD, vol. I. Lips., 1885, от Петра до Иннокентия II, 64 — 1143; vol. II. Lips., 1888, от Целестина II до Иннокентия III, 1143 — 1198. — Продолжение: Aug. Potthast, от Иннокентия III до Бенедикта XI, 1198 — 1304, 2 vols., p. 2157, Berlin, 1873, 1875. — J. VON PFLUGK HARTUNG: *Acta pontificum rom. inedita*, 3 vols. Tübing., 1881 — 1888. CARL MIRET: *Quellen zur Geschichte des Papsttums und des röm. Katholizismus*, 2^d ed. Tübing., 1901, pp. 482. Очень удобное и ценное издание, содержит оригинальные латинские документы. — SHAILER MATHEWS: *Select Mediaeval Docts. etc., illustr. the Hist. of the Church and Empire, 754 — 1254*, N. Y., 1892. — HEINRICH DENIFLE (орден доминиканцев), архивариус Ватиканской библиотеки, ум. в 1905, и FRANZ EHRLER, S. J.: *Archiv für Literatur und Kirchengeschichte des Mittelalters*, Freib. im Br., 1885 sqq. Многие важные документы были опубликованы здесь впервые. — *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken herausgegeben vom Koenigl-Preussischen Historischen Institut in Rom.*, пока 8 томов, 1897 — 1905.
- ИССЛЕДОВАНИЯ: *Histoire Littéraire de la France*, 1733 sqq. *Dicty. of Natl. Biogr.*, ed. LESLIE STERHEN, 63 vols. с дополнениями, London, 1885 — 1903, — WETZER-WELTE: *Kirchen Lexikon*, 2^d ed. 12 vols. Freib. im Br., 1882 — 1901. — HERTZOG: *Realencyclopaedia für protestantische Theologie und Kirche*, ed. A. HAUCK, 3^d ed. 1896 sqq. Пока 18 томов. — W. GIESEBRECHT: *Gesch. der deutschen Kaiserzeit*, 3 vols. 5th ed. Leipzig, 1890. — DÖLLINGER-FRIEDRICH: *Das Papstthum*, Munich, 1892. Пересм. вариант *The Pope and the Council* Доллингера, который вышел в 1869 под псевдонимом JANUS, как протест против учения о папской непогрешимости, одобренного Ватиканским собором. — FERDINAND GREGOROVIVUS: *Geschichte der Stadt Rom. im Mittelalter*, англ. перев. с 4-го нем. изд., 1886 — 1893, Stuttg., Annie Hamilton, 8 vols. (13 parts), London, 1894 — 1902. Самый ценный общий труд по средним векам. — JAMES BRYCE: *The Holy Roman Empire*, новое издание — London, 1904, pp. 575. Подробный и ясный. — CARL J. VON HEFELE, епископ Роттенбурга, ум. в 1893: *Concilien-geschichte*, до 1536, 2^d ed. 9 vols. Freib. im Br., 1873 — 1890. Vols. V — VII во втором издании, A. Knöpfler. Vols. VIII, IX подготовил кардинал HERGENRÖTHER. — A. HAUCK: *Kirchengeschichte Deutschlands*, 4 vols. Leipzig, 1887 — 1903; vols. I, II, 4th ed. 1904. — GIBBON: *Decline and Fall of Rome*, ed. J. B. BURY, 7 vols. London, 1897 — 1900. — LEOPOLD VON RANKE: *Weltgeschichte*, до 1453, 9 vols. Leipzig, 1883 — 1888. — Истории церкви: NEANDER, GIESELER, BAUR, *Die christl. Kirche des Mittelalters*, 1861, MILMAN, HAGENBACH, K. HASE, RICH. C. TRENCH: *Med. Ch. History*, 1877. Учебники церковной истории: HEFELE-

KNÖPFER, 3^d ed. 1902, F. X. FUNK, 4th ed. 1902, W. MÖLLER, англ. перев., 3 vols. 1898 — 1900, KARL MULLER, 2 vols. 1892 — 1902, HERGENRÖTHER, пересм. J. P. KIRSCH, 4th ed. 1902 sqq. LOOFS, 1901, HANS VON SCHUBERT, 1904, GEO. P. FISHER, 1887, H. C. SHELDON, 5 vols. N. Y. 1890, A. C. ZENOS, Phil., 1899, A. H. NEWMAN, 2 vols. 1900 sqq. Истории христианского учения: HARNACK, англ. перев. с 3-го немецк. изд., 7 vols. Boston, 1897 — 1900. LOOFS, 3^d ed. 1893, GEO. P. FISHER, 1896, SEEBERG, 2 vols. 1895, H. C. SHELDON, 2 vols. 4th ed. 1905. — HALLAM: *Hist. of the Middle Ages*. — GUIZOT: *Hist. of Civilization from the Fall of the Rom. Emp. to the French Revolution*. — LECKY: *Hist. of Rationalism in Europe and European Morals*. — H. WEINGARTEN: *Zeittafeln und Ueberblicke zur Kirchengeschichte*, 6th ed. Arnold, Leipzig, 1905.

СПИСКИ ЛИТЕРАТУРЫ: А. POTTHAST: *Bibliotheca Historica medii aevi, Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters bis 1500*, 2 vols. Berlin, 1864 — 1868, 2^d ed. Berlin, 1896. Очень умелый и ценный труд. — U. CHEVALIER: *Répertoire des sources historiques du moyen âge*, Paris, 1877 — 1886, Supplem. 1888. — W. WATTENBACH: *Deutsche Geschichtsquellen im Mittelalter*, до 1250, 2 vols. Berlin, 1858, 6th ed. 1893 sq.

Другие труды обо всем периоде Средневековья см. в т. IV, гл. I — IV.

§2. Вступительный обзор

Пятый период общей церковной истории, или второй период средневековой церковной истории, начинается с возвышения Гильдебранда (1049) и заканчивается восшествием на папский престол Бонифация VIII (1294).

В этот период церковь и папство возносятся от нижайшего положения слабости и коррупции до высшей власти и влияния на народы Европы. Это классический век латинского христианства — век папской теократии, нацеленной на контроль над Германской империей и королевствами Франции, Испании и Англии. Мы наблюдаем подъем великих нищенствующих орденов и вызванное ими религиозное пробуждение. Это эпоха рыцарства и крестовых походов — с героическим завоеванием Святой Земли и ее последующей утратой. В это время закладываются основания известнейших университетов Болоньи, Парижа, Оксфорда. Это век философии и богословия, ознаменованный гигантскими усилиями схоластов по разрешению всех возможных проблем и доказательству всех догматов веры с помощью диалектических навыков. Норманнская и готическая архитектура начинают выражать себя в величественных соборах. Все искусства поставлены на службу религии. Процветают легендарная поэзия и романы. Учреждается инквизиция, считавшая гонения на евреев и еретиков своим божественным правом и воплощавшая его в ужасных сценах пыток и кровопролития. Это век яркого света и глубоких теней, сильной веры и еще более сильных суеверий, возвышенного героизма и диких страстей, аскетического самоотречения и чувственных излишеств, христианской преданности и варварской жестокости¹. Данте в своей «Божественной комедии», которую совместно создавали «небеса и земля», поэтически рисует христианство и цивилизацию с XIII по начало XIV века, когда Римская церковь была в полном расцвете сил, но злоупотребление этими силами и их мирской характер вызывали громкий протест и со всех концов западного христианского мира доносились требования глубоких реформ.

Поразительной особенностью средних веков стали противопоставление и направленность предельного самоотречения, выразившегося в монашестве, и крайних амбиций папской устремленности к мирской власти². Первое оказывало

¹ Декан Стенли (*Sermons and Addresses in America*, p. 220) говорит о «благодати средних веков и их отвратительных жестокостях».

² Эти идеи передаются немецкими словами *Weltentsagung* и *Weltbeherrschung*.

моральную поддержку второму, а второе пользовалось первым. Монахи выступали как армия, поддерживавшая папу, и сражались за него против светских правителей Западной Европы.

Ведущая тема эпохи — папская теократия в конфликте со светскими властями и расцвет ее влияния. Слабых и вырождавшихся пап, которые занимали римский престол в 900 — 1046 г., теперь сменили решительно настроенные папы, обладающие моральной и интеллектуальной силой. В мире было немного правителей, равных Григорию VII (1073 — 1085), Александру III (1159 — 1181) и Иннокентию III (1198 — 1216), не говоря уже о других понтификах, которые ненамного уступали этим корифеям в искусстве администрирования и достижения целей. Папство было необходимостью и благословением в варварскую эпоху, ограничителем грубой силы и школой моральной дисциплины. Папы занимали более высокое положение, чем князя того времени. Дух имеет право господствовать над телом; интеллектуальные и моральные интересы превосходят интересы материальные и политические. Но папская теократия несла в себе искушение обмирщения. Злоупотребляя своими возможностями, она стала препятствием для чистой религии и нравов. Христос дал Петру ключи от царства небесного, но сказал также: «Царство Мое не от мира сего». Папа зарился на оба эти царства и получал то, чего алкал. Но в своем звании он был не в силах удержать власть над государством, на которую претендовал. Стремясь к светской власти, он утрачивал власть духовную. Бонифаций VIII знаменует начало заката и падения папской власти. Семена этого упадка были посеяны в тот период, когда церковная иерархия гордилась своей мирской мощью и славой.

Также в этот период, в основном вследствие крестовых походов, был доведен до конца раскол между Восточной и Западной церковью. Все попытки примирения, предпринимавшиеся папами и соборами, вели только к еще большему отчуждению.

Главенствующими народами средних веков были латиняне, происходившие от древних римских корней, но подкрепленные притоком варварской крови и силы, и тевтонцы. Итальянцы и французы отличались самой большой ученостью и культурой. В политическом отношении немецкий народ, обладающий императорской короной и связью с папством, был самым могущественным, особенно при династии Гогенштауфенов. Англия, которой пошла на пользу островная изоляция, развила сильное самоуправление, независимый национальный характер и начала играть выдающуюся роль при папской администрации. Западная Европа стала сценой важных интеллектуальных, церковных и политических событий, но ее оружие и вера находили самое активное применение в Палестине и на Востоке.

Наконец, эти два с половиной века ознаменованы деяниями влиятельнейших личностей. Имена величайших пап мы уже упоминали — Григорий VII, Александр III и Иннокентий III. Наиболее заметными правителями были Вильгельм Завоеватель, Фридрих Барбаросса, Фридрих II и Людовик Святой Французский. Последние годы этого периода озаряет своим поэтическим талантом Данте. Святой Бернар, Франциск Ассизский и испанец Доминик положили начало длинной череде знаменитых монахов. В первых рядах схоластов стоят Ансельм, Абеляр, Альберт Великий, Фома Аквинат, Бонавентура и Дунс Скот. Выдающиеся представители епископов-политиков — Фома Бекет и Гроссетест. Благодаря сочетанию великих действующих лиц и великих движений данный период привлекает к себе внимание своеобразием, характерным для немногих периодов как в церковной истории, так и в истории человечества.

ГЛАВА I

ГИЛЬДЕБРАНДОВСКИЕ ПАПЫ. 1049 — 1073

§3. Источники и литература к главам I и II

См. общий список литературы о папстве и список средневековых пап в т. IV.

I. Источники по ВСЕМУ ПЕРИОДУ с 1049 по 1085 г.

MIGNE: *Patrol. Lat.*, vols. 140-148. — DAMIANI *Epistolae*, в Migne, vol. 144. — BONIZO или BONITHO (епископ Сутри, 1091; пленник Генриха IV, 1082; великий поклонник Григория VII): *Liber ad amicum, sive de persecutione ecclesiae* (в Jaffé, *Monum. Gregor.*, p. 628 sqq., где его обвиняют во лжи; но см. Giesebrecht и Hefele, IV. 707). PHIL. JAFFÉ (ум. в 1870): *Regesta Pontif. Rom.*, pp. 366-443, 2^d ed. I. 629-649. — JAFFÉ: *Monumenta Gregoriana* (см. ниже). — K. FRANCKE: *Libelli de lite imperatorum et Pontificum Saeculi XI et XII conscripti*, 3 vols. Hannov., 1891 — 1897, содержит трактарианскую литературу об эпохе Гильдебранда. О других источниках см. WATTENBACH: *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*, II. 220 sqq. и MIRBT: *Publizistik*, 6-95.

II. ТРУДЫ ОБО ВСЕМ ПЕРИОДЕ с 1049 по 1085 г.

HÖFLER: *Deutsche Päpste*, Regensb., 1839 sqq., 3 vols. — C. WILL: *Anfänge der Restauration der Kirche im 11ten Jahrh.*, Marburg, 1859 — 1862, 2 parts. — THS. GREENWOOD: *Cathedra Petri*, books X and XI. London, 1861. — GIESEBRECHT: *Gesch. der deutschen Kaizerzeit*, vols. II and III (Braunschweig, 5th ed. 1881). — RUD. BAXMANN: *Die Politik der Päpste von Gregor I bis auf Gregor VII*, Elberfeld, 1868, 1869. 2 vols., vol. II, 186-434. — WATTENBACH: *Geschichte des röm. Papstthums*, Berlin, 1876 (pp. 97-136). — GREGOROVIVS: *Hist. of the City of Rome*. — HEFELE: *Conciliengeschichte*, IV. 716-900, V. 1-185. — L. V. RANKE: *Weltgeschichte*, vol. VII. — BRYCE: *Holy Roman Empire*. — FREEMAN: *Hist. of Norman Conq. of England*, vol. IV. Oxford, 1871, и *Hist. of Sicily*. — F. NEUKIRCH: *Das Leben des Petrus Damiani bis 1059*, Gött., 1875. — J. LANGEN: *Geschichte der röm. Kirche von Gregor VII bis Innocent III*, Bonn, 1893. — НАУСК: *Kirchengeschichte Deutschlands*, vols. III, IV. — W. F. BARRY: *The Papal Monarchy from 590 — 1303*, N. Y., 1902.

III. ЧАСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ТРУДЫ О ГИЛЬДЕБРАНДЕ

Его послания (359), так называемый *Registrum*, в MIGNE, vol. 148, MANSI, XX. 60-391, и лучшие — в JAFFÉ, *Monumenta Gregoriana*, Berol., 1865, 712 pp. (в «Bibliotheca Rerum Germanicarum», vol. II). Первое критическое издание. Жаффе издает *Registrum* в восьми книгах, с 51 дополнительным посланием, собранными из рукописей, и *Bonithonis episcopi Sutri ad amicum*. Биографии Григория — кардинала Петра Пизанского, Бернида, Амальрика, Ламберта и т. д. в МУРАТОРИ: *Rerum Italicarum Scriptores*, vol. III; and WATTENBACH: *Pontif. Boni. Vitae*, Lips., 1862, I. 293 sqq.; *Acta Sanct. Maii, die 25*, VI. 102-159.

Современные труды: Жон. VOIGT (профессор истории в Кенигсберге, ум. в 1863): *Hildebrand als Papst Gregorius VII und sein Zeitalter*, 1815, 2^d ed. Weimar, 1846, pp. 625. Первая попытка дать беспристрастную оценку Григорию с протестантской точки зрения. Первое издание было переведено на французский и итальянский и породило примечательную переписку на латинском с Климентом Виллекуртом, епископом Ла-Рошеля, которая публикуется в предисловии ко второму изданию. Епископ пытался обратить Войгта в католичество, но напрасно. — Сэр ROGER GREISLY: *The Life and Pontificate of Gregory VII*,

London, 1832, pp. 372. Беспристрастный, но незначительный труд. — J. W. BOWDEN: *The Life and Pontificate of Gregory VII*. London, 1840, 2 vols., p. 374, 411. — КАРД. NEWMAN: *Hist. Essays*, II. 249-336. — СЭР JAMES STEPHEN: *Hildebrand*, в «*Essays on Ecclesiastical Biography*», 1849, 4th ed. London, 1860, pp. 1-58. Он называет Гильдебранда «воплощением папского высокомерия и духовного деспотизма». — SÖLTL: *Gregor VII*, Leipzig, 1847. — FLOTO: *Kaiser Heinrich IV und sein Zeitalter*. Stuttg., 1865, 1856, 2 vols. На стороне Генриха IV. — HELFENSTEIN: *Gregor VII Bestrebungen nach den Streitschriften seiner Zeit.*, Frankfurt, 1856. — A. F. GFRÖRER (сначала рационалист, потом обратился в католичество, 1853; ум. в 1861): *Papst Greg. VII und sein Zeitalter*. 7 vols. Schaffhausen, 1859 — 1861. — GIESEBRECHT: *l. c.*, vol. III. — A. F. VILLEMMAIN: *Hist. de Grégoire VII*. 2 vols. Paris, 1873. Англ. перев. J. B. Brockley, 2 vols. London, 1874. — S. BARING-GOULD, в «*The Lives of the Saints*» May 25, London, 1873. — W. MARTENS: *Die Besetzung des päpstlichen Stuhls unter den Kaisern Heinrich III und Heinrich IV*. 1887; **Gregor VII, sein Leben und Wirken*, 2 vols. Leipzig, 1894. — W. R. W. STEPHENS: *Hildebrand and his Times*, London, 1888. — O. DELARC: *S. Gregoire VII et la réforme de l'église au XI siècle*, 3 vols. Paris, 1889. — C. MIRBT (профессор в Марбурге): *Die Stellung Augustins in der Publizistik des Gregorianischen Kirchenstreits*, Leipzig, 1888. Показывает влияние святого Августина на обе партии в споре Григория об отношениях церкви и государства; *Die Wahl Gregors VII*, Marburg, 1892; **Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII*, Leipzig, 1894, pp. 629. Подробное рассмотрение обширной трактарианской литературы о веке Гильдебранда и ее отношении к разным целям политики Григория; статья *Gregor VII* в Herzog, VII. 96-113. — MARVIN R. VINCENT: *The Age of Hildebrand*, N. Y. 1896. — Также J. GREVING: *Paul von Bernried's Vita Gregorii VII*, Berlin, 1893, pp. 172.

§4. Гильдебранд и его воспитание

История этого периода начинается с обзора папства как силы, которая контролировала Западное христианство. Она делится на шесть этапов: 1. Гильдебрандовские папы, 1049 — 1073. 2. Григорий VII, 1073 — 1085, или утверждение высшего авторитета папы в человеческих делах. 3. От смерти Григория до Вормского конкордата, 1122, или улаживание спора об инвеституре. 4. От Вормского конкордата до Иннокентия III, 1198. 5. Понтификат Иннокентия III, 1198 — 1216, или расцвет папства. 6. От Иннокентия III до Бонифация VIII, 1216 — 1294, или борьба папства с Фридрихом II и восстановление мира между папством и империей.

Папство достигло предела слабости и вырождения, когда в 1046 г. в Сутри, под влиянием Генриха III, два папы были смещены, а третий был вынужден отречься³. Однако никудышные папы, которые продавали должности и оскорбляли чувства христианского мира в X — первой половине XI века, могли привести к падению папства не больше, чем цари-идолопоклонники могли привести к падению иудейской монархии, а порочные императоры — к падению Римской империи. В общественном мнении Европы папство оставалось обязательным институтом, учрежденным Христом, Который поставил Петра главой церкви для управления и назидания. Ничто другое не могло занять его место. И преображение всей церкви могло произойти только как следствие радикального преображения ее главы. Праведные верующие всей Европы желали и надеялись, что Провидение вмешается, избавит престол Петра от власти воров и грабителей и вновь превратит его в благословение. Христиане того времени не допускали даже мысли о возможности упразднить папство.

И в конце концов Провидение послало человека для осуществления необходимых преобразований в лице Гильдебранда, который держал в своей власти пять

³Т. IV, §66.

папских администраций подряд в течение двадцати четырех лет, с 1049 по 1073 г., а затем и сам занимал папский престол в течение двенадцати лет, с 1073 по 1085 г., после чего ему на смену пришли преемники-единомышленники. Это один из величайших, если не самый великий папа и один из наиболее замечательных людей в истории. Он вызывал в свой век глубочайшее восхищение и жесточайшую ненависть. До сих пор выражаются самые разные мнения о его принципах и политике, но невозможно отрицать, что он был способным, энергичным, искренним и многого добился.

Гильдебранд был родом из скромной и неизвестной семьи, но ему было суждено стать князем церкви. Он был маленького роста, за что враги называли его *Hildebrandellus*, но в плане интеллекта и характера он был гигантом. Внешность его не производила впечатления, голос был слабый, но взгляд был ясным и пронизывающим, свидетельствующим о силе мысли, пылкости духа и неустанной деятельности. Начало его жизни теряется в неизвестности. Он сам лишь вскользь упоминает о детстве в своих более поздних посланиях и любит говорить о сверхъестественной защите со стороны святого Петра и святой Девы. С монашеским пренебрежением к земным отношениям, он никогда не упоминает о своей семье. Год его рождения неизвестен. Подобострастие друзей и хула врагов привели к тому, что его юность оказалась окружена вымыслами и ложью. Он был сыном крестьянина или козопаса Бонизона, жившего близ Соаны — селения в тосканских болотах, в нескольких милях от Орбителло. Часто упоминаемое предание о том, что он был сыном плотника, по-видимому, возникло из желания провести параллель между ним и Иисусом из Назарета. О его матери мы ничего не знаем. Его имя указывает на лангобардское или германское происхождение. Оно объяснялось современниками как «заклейменный адом» или «заклейменный огнем»⁴. Одилон, аббат Ключни, видел огненные искры, исходящие от его одежды, и предсказал, что, подобно Иоанну Крестителю, он будет «велик пред Господом».

Он вступил в бенедиктинский орден в монастыре Св. Марии на Авентине в Риме, аббатом которого был его дядя с материнской стороны. С холма открывался великолепный вид на вечный город⁵. Здесь он воспитывался вместе с римлянами из знатных семейств⁶. Монастырь находился под влиянием реформаторского духа Ключни. Здесь останавливались аббаты Ключни, когда совершали паломничества в Рим. В монастыре Гильдебранд предавался суровому самовоспитанию, и в плане строгости поведения он оставался монахом всю свою жизнь. Он с энтузиазмом поклонялся деве Марии. Лично наблюдая за скандальными спорами трех пап-соперников и за внушающей ужас безнравственностью столицы христианского мира, он, будучи искренне верующим, должен был испытывать сильное негодование. Он был сторонником партии, которая готовила реформу иерархии.

Его симпатии были на стороне учителя и друга, Григория VI — папы, который сам купил папский престол у порочного Бенедикта IX, но сделал это ради

⁴ Современные написания: *Yldibrandus, Heldebrandus, Idebrandus, Oldeprandus*. Уильям из Малмсбери называет его *homuncio exilis staturae*.

⁵ Гизбрехт (III. 12 sq.): *Das Marienkloster auf dem Aventin, jetzt unter dem Namen des Priorats von Malta bekannt, bietet eine entzückende Aussicht... ein hochbegabter Knabe, der hier erwuchs, musste die verschiedensten und mächtigsten Eindrücke erhalten, die sich kaum in einem anderen Gedanken zusammenschliessen konnten, als in dem der unvergleichlichen Hoheit des ewigen Roms.*

⁶ Об этом пишут Мартенс и т. д. Григорий говорит, что воспитывался с детства *a pueritia* князем апостолов и «в римском дворце».

блага церкви и добровольно отказался от должности на синоде в Сутри (1046) по прибытии Генриха III. Странно, что Гильдебранд, ненавидевший симонию, начал свое общественное служение как симонист, — но он действительно считал Григория VI единственным правомочным папой среди трех соперников и последовал за ним в качестве капеллана в ссылке в Германию.⁷

Он посетил Вормс, Шпейер, Кельн, Экс-ла-Шапель, древние города империи, и проводил много времени при дворе Генриха III, где к нему очень благосклонно относились. После смерти Григория в Кельне (1048) Гильдебранд отправился в Клуни, колыбель моральной реформы монашества. По некоторым сообщениям, он бывал там и раньше. Он ревностно предавался аскетическим упражнениям и церковным исследованиям под руководством превосходного аббата Гуго и стал приором монастыря. Позже он часто говорил, что предпочел бы провести жизнь в молитве и созерцании в стенах этого священного убежища.

Однако избрание Вормским рейхстагом на папский престол епископа Бруно из Туля, двоюродного брата императора Генриха III, побудило его выйти на сцену общественной деятельности. «С неохотой я пересекал Альпы, и с еще большей неохотой возвращался в Рим», — говорил он. Он посоветовал Бруно (в Клуни или в Безансоне) не принимать тиару из рук императора, но подождать канонического избрания клиром и народом Рима. Так он впервые заявил о принципе превосходства церкви над государством.

Бруно, сопровождаемый Гильдебрандом, совершил путешествие в Рим как паломник, вошел в город босиком, был принят восторженно, избран канонически и занял папский престол 12 февраля 1049 г. как Лев IX.

С этого момента Гильдебранд стал духовным руководителем папства. Он обладал умением управлять делами через других так, что этим другим казалось, будто они управляют сами. Его помощником был Петр Дамиани, суровый монах и бесстрашный критик безнравственности того века, покоривший обмирщенность внутри себя самого и помогавший покорять ее снаружи, в крестовом походе против симонии и конкубината у священников. Однако он умер в 1072 г., за год до того, как Гильдебранд стал папой⁸.

§5. Гильдебранд и Лев IX. 1049 — 1054

Моральная реформа папства началась с Гильдебранда как ее лидера⁹. Он продолжил начинания императора Генриха III и осуществлял их в интересах иерархии. Он был назначен кардиналом-иподиаконом, казначеем Римской церкви и аббатом монастыря Св. Павла. Его неоднократно посылали в качестве легата в другие страны, с делами которых он был хорошо знаком. Он наполнил пустую казну и обогатился сам с помощью крещеного еврея Бенедикта Христиана и его сына Льва, преуспевавших в ростовщичестве. Но деньги были для него только средством возвышения церкви. Его главной целью была реформа клира посредством уничтожения двух практически повсеместных зол: симонии (Деян. 8:18), то есть торговли церковными должностями, и николаитства (Отк. 2:6,15), то есть сожителства священников с женщинами. В обоих отношениях он был полно-

⁷ *Victrix causa Deis placuit, sed victa Catoni*. Немецкий историк Оттон Фрейзингенский совершенно уместно относит этот стих Лукана к отношениям между двумя папами, сравнивая Гильдебранда с Катонем.

⁸ См. т. IV, §182.

⁹ См. E. Martin, *St. Leon IX*, Paris, 1904, pp. 216; статья Mirbt'a в Herzog, XI. 379-386.

стью единодушен с новым папой и на его стороне были законы церкви. Реформа должна была проводиться посредством регулярного применения синодических законов под личным руководством папы.

Лев, сопровождаемый Гильдебрандом, провел несколько синодов в Италии, Франции и Германии. Он был почти вездесущ в церкви и умел сочетать монашескую простоту с папским достоинством и величием. Считалось, что он совершает чудеса повсюду, куда бы он ни отправился, и обладает магической властью над птицами и зверями.

На его первом синоде, состоявшемся в Риме на Пасху 1049 г., симония была запрещена под страхом отлучения и виновных епископов, и рукоположенных ими священников. Но выяснилось, что, если исполнять этот закон строго, то церкви, особенно римские, вообще лишатся своих пастырей. Смещение священника заменили на сорокадневное наказание. Тот же самый синод возобновил старый запрет на половые отношения клириков и сделал сожигательниц римских священников служанками Латеранского дворца. Почти забытая обязанность уплаты десятины была объявлена необходимой для всех христиан.

Реформаторские синоды в Павии, Реймсе и Майнце, проведенные в том же году, приняли законы против тех же пороков, а также против ростовщичества, брака между родственниками, ношения оружия клириками. Они также показали, что симония и безнравственность священников достигли опасных размеров. Несколько епископов были смещены¹⁰. Архиепископ Видон из Реймса едва избежал такой судьбы по обвинению в симонии. По возвращении Лев провел синоды в Южной Италии и в Риме. Он совершил второе путешествие за Альпы в 1052 г., посетив Бургундию, Лотарингию и Германию, а также своего друга императора. Он побывал в Регенсбурге, Бамберге, Майнце и Вормсе. Вернувшись в Рим, он провел в апреле 1053 г. свой четвертый Пасхальный синод. Помимо реформ церкви, на нескольких из этих синодов обсуждались вопрос Беренгара и отношения с Греческой церковью. Беренгар был осужден в 1050 г. за отрицание учения о пресуществлении. Примечательна терпимость, с которой Гильдебранд отнесся к Беренгару и к его евхаристическому учению, несмотря на осуждение папы, однако здесь надо отметить, что он не был ученым богословом. Переговоры с Греческой церковью закончились еще более полным отчуждением¹¹.

Лев окружил себя коллегией кардиналов, которые поддерживали его в реформах. В конце своего понтификата он повел себя непоследовательно, выступив с оружием против норманнов для защиты церковной собственности. Он потерпел поражение и был взят в плен в Беневенто, но потом его освободили, и он даровал норманнам от имени святого Петра завоеванные ими области в Апулии, Калабрии и на Сицилии. Поцеловав ему палец на ноге, норманны просили отпущения грехов и благословения. Странники строгих реформ осудили его. Петр Дамиани утверждал, что священник не может братья за оружие даже в защиту собственности церкви и, следуя примеру Христа, должен терпеливо сносить злобу мира.

Оставшиеся дни Лев провел, оплакивая свое поражение. Он умер в Риме 19 апреля 1054 г., на пятьдесят третьем году жизни, вручив свою душу Богу в смиренной немецкой молитве, и был похоронен рядом с могилой Григория I. Так

¹⁰ Смещая на синоде в Реймсе архиепископа из Сент-Яго, который принял титул *apostolicus*, Лев решительнейшим образом заявил о превосходстве римского престола (*quod solus Romanae sedis pontifex universalis, ecclesiae primas esset et apostolicus* — Mansi, XIX. 738).

¹¹ Спор Беренгара рассматривается в т. IV; греческий спор — там же. О синодах в период понтификата Льва IX см. Jaffé, *Reg.*, 529-549, Hefele, IV. 716-777, и Mirbt, *Quellen*, 95 sq.

как он начал реформы в церкви и имелись сообщения о совершенных им чудесах, его имя было занесено в списки святых. Дезидерий, позже Виктор III, писал: «Все церковные интересы были преобразованы Львом, и в его лице миру воссиял новый свет».

§6. Виктор II и Стефан IX (X). 1055 — 1058

Когда Лев умер, Гильдебранд был во Франции и поспешил в Рим. Он не мог найти достойного преемника в Италии и не хотел принимать бремя папства сам. Его внимание привлек Гебхард, епископ Эйхштадта, самый способный, богатый и влиятельный прелат Германии, страстно преданный императору. Гильдебранд прибыл во главе делегации, избранной клиром и народом, к германскому двору и просил императора возвысить Гебхарда до папского престола. После долгой отсрочки Гебхард был избран на соборе в Регенсбурге в марте 1055 г. и посвящен в соборе Св. Петра в Риме 13 апреля как Виктор II. Он продолжил синодическую войну против симонии, но умер 28 июля 1057 г. в Ареццо от лихорадки. Он был последним из германских пап.

Затем 3 августа 1057 г. папой стал кардинал — аббат Монте Кассино. Он был избран и посвящен на папский престол клиром и народом Рима как Стефан IX (X), уже без обращения к германскому двору, но умер на следующий год, 29 марта.

Тем временем в Германии происходили великие перемены. Генрих III умер во цвете лет, 5 октября 1056 г., оставив вдову-регентшу и шестилетнего сына, печально известного Генриха IV. Долгое правление несовершеннолетнего позволило реформаторам сделать папство независимым от императорской власти, которую Генрих III мудро использовал на благо церкви, хотя и в ущерб собственной свободе.

Римская знать под руководством графов Тускуланских воспользовалась отсутствием Гильдебранда, уехавшего в Германию, чтобы восстановить свой прежний контроль над папством, избрав Бенедикта X (1058 — 1060). Но это было краткое интермеццо. По возвращении Гильдебранд с помощью герцога Годфри изгнал папу-узурпатора и обеспечил, с согласия императрицы, избрание Герхарда, епископа Флоренции, решительного сторонника реформ, человека обширной учености и безупречного характера, который принял имя Николая II при посвящении, 25 января 1059 г. Бенедикт был смещен, покаялся и получил прощение. Ему выделили помещение в церкви Св. Агнессы, где он прожил около двадцати лет.

§7. Николай II и кардиналы. 1059 — 1061

Понтификат Николая II проходил исключительно под контролем Гильдебранда, который стал архидиакономом и главой канцелярии Римской церкви в августе или сентябре 1059 г. Враги говорили, что Гильдебранд держит Николая как осла в стойле, кормя его, чтобы он выполнял свою работу. Петр Дамиани называет Гильдебранда «господином папы» и выражает желание скорее подчиниться господину папы, нежели самому господину-папе¹². Он также называл Гильдебранда «его святейством сатаной»¹³, которому приходится подчиняться против своей

¹² Вот его эпиграммы о Гильдебранде (Opera, II. 961, 967):

*«Vivere vis Romae, clara depromito voce:
Plus domino Papae, quam domino pareo Papae».*
*«Papam rite colo, sed te prostratus adoro:
Tu facis hunc Dominum; te facit iste Deum».*

¹³ Ep. 1:16.

воли, — например, когда Петр Дамиани хотел отказаться от епископства в Остии и удалиться в монастырь, но это не было ему позволено. Петру не нравилось мирское великолепие, которое уже проскальзывало в одежде и образе жизни Гильдебранда и противоречило его собственным аскетическим принципам.

В это время были сделаны два важных шага в развитии иерархии — утверждены изменения в избрании папы и заключен союз с норманнами для защиты папства светскими властями.

Николай созвал Латеранский собор в апреле 1059 г. — крупнейший из проводившихся в Риме до тех пор. В нем принимало участие сто тринадцать епископов и множество клириков, но более двух третей прелатов были итальянцами, остальные — бургундцами и французами. Германия вообще не была представлена. Беренгар был вынужден на этом синоде отречься от своих взглядов (к которым он снова вернулся, возвратившись во Францию). Он называет собравшихся там епископов «дикими зверями», глухими к идее духовного причастия и настаивавшими на капернаитском поедании тела Христова¹⁴.

Далеко идущим актом этого собора стало решение избирать папу «кардиналами-епископами» и «кардиналами-клириками»¹⁵. После смерти папы инициативу должны были брать на себя кардиналы-епископы. В том случае, если они приходили к согласию, они должны были созывать кардиналов-клириков. Когда оба класса функционеров приходили к согласию, они должны были представить кандидата римскому клиру и народу для утверждения. Такое возвышение кардиналов-епископов было нововведением, и очевидно, что кардиналы приобретали важность и авторитет, которыми не обладали до сих пор. Можно сказать, что история кардиналов как класса началась с этих канонов, и его прерогативой стало избрание папы. Далее синод предписал, что папа должен избираться из римского клира, если в его рядах найдется достойный кандидат. В обычных случаях местом избрания должен быть Рим, но кардиналам позволялось проводить избрание и в другом месте. Что касается императора, то из канонов неясно, отводилась ли ему какая-либо роль в утверждении избранного папы. Его имя упоминается с уважением, но представляется, что он должен быть только должным образом оповещен об избрании нового понтифика. А следовательно, вопрос полностью выводился из ведомства императора и зависел от коллегии кардиналов¹⁶. Так как

¹⁴ См. т. IV, пар. 128.

¹⁵ Каноны приводятся в Mirbt, *Quellen*, 97 sqq. Два класса кардиналов называются *cardinales episcopi* и *cardinales clerici*. Ланген делает попытку отождествить последних с «клиром Рима», но без веских на то оснований. Клир, *clerus*, как особый орган, явно упоминается в канонах.

¹⁶ Каноны дошли до нас в двух формах. Второй вариант, подделанный в интересах императоров, был распространен по меньшей мере через тридцать лет после смерти Николая. Четвертый канон, который касается императора, в оригинале начинается так: *salvo debito honore et reverentia dilecti filii nostri Henrici, qui in presentiarum rex habetur et futurus imperator deo concedente speratur, sicut jam sibi concessimus et successoribus illius qui ab hac apostolica sede personaliter hoc jus impetraverint*. См. Scheffer-Boichorst (*Die Neuordnung der Papstwahl durch Nikolas II*, Strass., 1879), который тщательно исследовал данную тему; Hefele, IV. 800 sqq.; Hergenröther-Kirsch, *Kirchengesch.*, II. 342 sqq.; Mirbt, *Nikolas II*, в Herzog, XIV. 73 sq.; Hauck, *Kirchengesch.* III. 683 sqq. Гергенротер, р. 344, note, истолковывает канон как относящийся к уведомлению и не более того, в свете слов современника, Ансельма из Лукки (Александра II): *ut obeunte Apost. pontifice successor eligeretur et electio ejus regi notificaretur, facta vero electione, etc., regi notificata, ita demum pontifex consecraretur*. Имперские епископы Германии выступали против решения ограничить кандидатов клерикальными кругами Рима. При Генрихах III и IV среди них преобладало мнение, что никто не может быть законным папой без согласия императора. См. Scheffer-Boichorst, *Zu den Anfängen des Kirchenstreites unter Heinrich IV*, Innsbruck, 1892, p. 122 sq.

Генрих был еще молод и не был еще облечен императорским саном, у папского круга возникла благоприятная возможность обеспечить постоянный контроль римлян и римского клира над папской должностью. За редкими исключениями (как, например, в период «авиньонского пленения»), избрание папы остается в руках римлян до сих пор.

Союз с норманнами из Южной Италии, который был заключен Николаем в 1059 г., стал вторым актом в той долгой и примечательной роли, которую они сыграли в истории папства. В начале XI века четыре брата из дома Отвилей, происходящего из Нормандии, начали свою полную приключений карьеру в Италии и на Сицилии. Их приветствовали как крестоносцев, освобождавших христианское население от власти сарацин и снимавших угрозу их распространения. Королевство, учрежденное ими с помощью оружия, было поддержано апостольским престолом. И при первоначальной династии, и при Анжуйском доме оно оказывало большее влияние на судьбы папства в течение трехсот лет, чем норманнская Англия и преемники Вильгельма Завоевателя. Роберт Гвискар, который нанес поражение армии Льва IX и девять месяцев продержал его в плену, был утвержден Николаем как герцог Апулии и Калабрии. Герцогство стало леном Рима, приняв обязательство ежегодно платить по двенадцать динаров за каждую упряжку волов и защищать святой престол от нападков на его власть. Брат Роберта Роджер (ум. в 1101) начал покорение Сицилии в 1060 г. с захвата Мессины. Затем он взял Палермо (1071) и Сиракузы (1085). Он стал князем Сицилийским и постоянным легатом святого престола. Один из его преемников, Роджер II (1105 — 1154), был коронован королем Сицилии в Палермо властью антипапы Анаклета II. Полвека спустя кровь этого дома смешалась с кровью дома Гогенштауфенов в лице великого Фридриха II. Мы увидим, что эти норманнские князья сыграли важную роль в истории папства — то поддерживая его планы, то сопротивляясь им.

Примерно в то же время, когда Отвили и другие норманны покоряли Южную Италию, норманны под командованием Вильгельма Завоевателя (1066) покоряли Англию. Благодаря им Англия вошла в семью европейских народов, и ее национальная изоляция закончилась¹⁷.

§8. Война против браков священства

Тот же самый Латеранский собор (1059) принял суровые законы против двух ересей эпохи — симонии и николаитства. Собор угрожал всем священникам, которые не желали отказываться от своих жен или сожительниц, утратой всех бенефициев и прав проведения мессы и предостерегал мирян против посещения их богослужений. «Никто, — говорит третий канон из тринадцати, — не должен слушать мессу священника, который, если это точно известно, имеет наложницу или *subintroducta mulier*».

Эти строгие меры привели к серьезным беспорядкам в Северной Италии, особенно в Миланской епархии, где все церковные должности, от низших до высших, продавались, а брак или наличие сожительниц были обычным состоянием среди священников всех уровней, включая архиепископа¹⁸. Брак священников

¹⁷ Stubbs, *Rich. de Hoveden*, II, pp. lxxiii sqq.

¹⁸ Бонизон, друг Гильдебранда, называет Видона, который был избран епископом Милана в 1045 г., *vir illiteratus et concubinarius et absque ulla verecundia Simoniacus*. Migne, tom. CL,

считался одним из прав церкви святого Амвросия, которая обладала некоторой независимостью от Рима и клир которой был многочисленным и богатым. Миланцы отстаивали право на такой брак на основании текстов Писания и вымышленного решения святого Амвросия, который, напротив, был сторонником безбрачия. Кандидатов на священнические должности, если они были холостыми, спрашивали, хватит ли у них сил оставаться таковыми; в случае отрицательного ответа им следовало вступить в брак по закону; причем повторные браки были запрещены, и соблюдались левитские законы о девственности невесты. Те, кто оставался холостым, находились под подозрением, в то время как державшие семью в страхе Божьем пользовались уважением и избирались на посты епископов. Наличие наложниц рассматривалось как тяжкое прегрешение и препятствовало продвижению¹⁹.

Но Римская церковь и партия Гильдебранда изменили положение дел и объявили брак священников незаконным сожителем. Вождем этой партии в Ломбардии был Ансельм из Баджио (к западу от Милана), ревностный и красноречивый молодой священник, который позже стал епископом Лукки, а затем папой (как Александр II). Он выступал против аморальности клира, и его поддерживали низшие слои населения, презрительно называемые *pataria* или *patarines*, «оборванцы»²⁰. Яростные и кровавые столкновения происходили в церквях и на улицах. Петр Дамиани, искренний сторонник аскетической святости, был послан папским легатом в Милан. Он защищал *pataria* с риском для жизни, провозглашал превосходство римского престола и осуждал все еретические обычаи.

Эта победа оказала большое влияние на всю Ломбардию, но борьба возобновилась при следующем папе и при Григории VII. Лишь в 1093 г. Урбан II одержал окончательную победу над николаитством на великом соборе в Пьяченце.

§9. Александр II и раскол Кадалуса. 1061 — 1073

Папа Николай II умер 27 июля 1061 г., а 30 сентября 1061 г. кардиналы, в каком-то неизвестном месте вне Рима, избрали папой Ансельма, епископа Лукки. На следующую ночь норманские солдаты препроводили его в Рим, и 1 октября он был посвящен на служение как Александр II. Первым делом новый папа принял присягу на верность от Ричарда, норманнского вождя.

Антигильдебрандовская партия римской знати, возглавляемая графом Жирардом из Галерии (отлученным от церкви грабителем), с помощью недовольных ломбардских клириков и молодого императора Генриха IV избрала Кадала (или Кадалуса), епископа Пармы, антипапой. Он был посвящен 28 октября 1061 г. как Гонорий II, и раскол продолжался десять лет. Кадалуса неоднократно обвиняли в симонии. Ему симпатизировали женатые и имевшие сожительниц клирики, которые надеялись, что его продвижение приведет к отмене строгостей дисциплины и к легализации брака священников. Так оппозиция оказалась органи-

825; Jaffé, *Mon. Greg.*, 639. Но Гефеле, IV. 793, сомневается в правдивости обвинений в сожительстве, так же как и Mirbt, *Publizistik*, 249.

¹⁹ Lea, *l. c.*, p. 210.

²⁰ Муратори и Дю Канж (sub *Pataria* и *Paterinus*) считают *pataria* происходящим от *pate*, что на миланском диалекте значит «мелкий торговец» или «коробейник». Так же считает Hefele, IV. 796. Гизбрехт (III. 31) переводит *Patarina* как *Lumpengesindel*. Современник, Бонизон, истолковывает этот термин как «оборванец» — *patarinos id est pannosos* {ходящий в лохмотьях} *vocabant*. См. Mirbt, ст. *Patara*, в Herzog, XIV. 761 sqq. (Здесь и далее примечания редактора русского издания помещаются в фигурные скобки или же сопровождаются добавлением «Прим. ред.».)

зованной партией, и ее уже можно было обвинить в ереси — а это гораздо хуже, чем плотской грех сожительства. Дамиани и Гумберт отстаивали тот принцип, что священник, виновный в симонии или сожительстве и считающий себя невиновным, — больший преступник, чем тот, кто считает себя виновным. Дамиани самым яростным образом, в стиле еврейских пророков, осуждал антипапу. Кадалус вошел в Рим во главе армии и два года продержался в замке Святого Ангела, но в конце концов ему пришлось спасаться бегством без единого последователя и перебраться в Парму. Он умер в 1072 г. Его партия распалась.

Александр провел собор в Мантуе 31 мая 1064 г. и был признан всеми как законный папа. Кадалусу объявили анафему, и он исчез с исторической сцены.

Во время понтификата Александра война против симонии и николаитства велась под руководством Гильдебранда и Дамиани с переменным успехом. Беспорядки в Ломбардии возобновились. Архиепископ Видон Миланский выступил на стороне Кадалуса и был отлучен от церкви. Он попросил прощения, понес наказание и вернул себе должность. После его смерти в 1071 г. борьба возобновилась, уже с печальными сценами насилия. Партия патаренов, поддерживаемая золотом папы, одержала верх после смерти Кадалуса. Норманны отразили мусульманское вторжение и завоевали Южную Италию и Сицилию для Римской церкви.

Эта услуга норманнов оказала влияние на решение Гильдебранда поддержать притязания Вильгельма Норманнского на корону Англии, что стало мастерским политическим ходом: остров оказался тесно связан с Римом и укрепилось право папы распоряжаться мирскими престолами. Вильгельм сражался под знаменем, получившим благословение папы, и основал норманнскую династию в Англии (1066). Завоевание завершилось в Винчестере торжественной коронацией, которую папские легаты провели на Пасху 1070 г.

Но в Германии все это вызвало сильную оппозицию — не против папства, которое было общей основой всех партий, а против политики Гильдебранда. Были посеяны семена конфликта между Григорием VII и Генрихом IV. Александр грозил Генриху отлучением, если он будет упорствовать в решении развестись со своей женой Бертой.

ГЛАВА II

ГРИГОРИЙ VII.

1073 — 1085

См. список литературы в §3.

§10. Избрание Гильдебранда. Его взгляд на ситуацию

АЛЕКСАНДР II умер 21 апреля 1073 г. и был похоронен в латеранской базилике Св. Иоанна на следующий день. Город, обычно приходивший в волнение после смерти папы, оставался спокоен. Гильдебранд отдал приказ о трехдневном посте с литаниями и молитвами об усопшем, после которого кардиналы должны были приступить к избранию. Еще до завершения погребальной службы народ начал кричать: «Пусть Гильдебранд будет папой!» Гильдебранд попытался взойти на кафедру и успокоить толпу, но кардинал Гуго Кандид опередил его и объявил: «Мужи и братья, вы знаете, как со времен Льва IX Гильдебранд возвысил Святую Римскую церковь и отстаивал свободу нашего города. Нам не найти для папства лучшего человека или даже равного ему, так что давайте выберем его, клирика нашей церкви, хорошо известного и одобряемого всеми нами». Кардиналы и клирики воскликнули, согласно принятой формулировке: «Святой Петр избирает Григория (Гильдебранда) папой»²¹.

Это спонтанное избрание было тут же узаконено кардиналами. Народ в триумфальном шествии нес Гильдебранда до церкви S. Petrus ad Vincula, облеченного в пурпурную одежду и тиару, и его провозгласили избранным в силу «выдающегося благочестия и учености, как человека, любящего равенство и справедливость, твердого перед лицом трудностей, умеренного в богатстве, соответствующего апостольским предписаниям (1 Тим. 3:2) — “непорочного... трезвого, целомудренного, благочинного, честного, страннолюбивого, учительного...”, возвращенного и воспитанного в лоне матери церкви, возвышенного за его заслуги до должности архидиакона, которого ныне и впредь мы будем называть Григорием, папой и апостольским примасом»²².

²¹ Древнейший рассказ об этом приводится у самого Григория в двух письмах от 24 апреля 1073 г. и в третьем, написанном 26 апреля к Виберту из Равенны (*Reg.*, I. 1-3). Он подтверждается Бонизионом. Григорий часто говорил, что это избрание произошло против его воли (см. *Mirbt, Wahl, etc.*, pp. 2, 42). Антигригорианская партия обвиняла его в том, что он обеспечил себе должность силой и подкупом, но обвинения эти начали выдвигаться, только когда разгорелась борьба между ним и Генрихом IV. Эта тема подробно обсуждается Мирбтом в *Wahl Gregors VII*, p. 56. В своем более позднем труде, *Die Publizistik*, p. 582, он опять упоминает собственный рассказ Григория как «наиболее достоверный».

²² Выражения «одной жены муж» и «детей содержащий в послушании» были осознанно выброшены в цитате из послания Павла к Тимофею. Они оказались бы роковыми для папской теории о безбрачии священников. См. латинский текст в *Acta Sanctorum* за 25 мая, tom. VI, 117, из «Acta Romae 10 Kalend. Maji». Кардиналы завершили провозглашение вопросами: *Placet vobis? Placet. Vultis eum? Volumus. Laudatis eum? Laudamus.*

Человеку, который почти четверть века обладал реальной властью, стоя у папского престола, следовало рано или поздно занять его самому. И он уже давно получил бы этот сан, если бы желал того. Ему было тогда около шестидесяти лет — а это возраст, когда занятые люди начинают искать покоя. Он избрал имя Григория в память о своем покойном друге, которого сопровождал в качестве капеллана в изгнание, и как протест против вмешательства империи в дела церкви²³. Он не спрашивал мнения императора о своем избрании, но проинформировал его об этом факте и откладывал посвящение, пока не получил согласия Генриха IV, который тем временем стал императором. Это был последний раз, когда император подтверждал избрание папы²⁴.

Гильдебранд был рукоположен священником 22 мая и посвящен в папы 29 июня без какой бы то ни было оппозиции. На посвящении присутствовал епископ Григорий из Верчелли, германский канцлер Италии. Папа сообщил своим друзьям, выдающимся аббатам, епископам и князьям, об избрании, выразил чувства и взгляды на свой ответственный пост и просил их об участии и молитвах²⁵.

Его переполняют чувства, когда он пишет герцогу Годфри Лотарингскому (6 мая 1073 г.) о стоящей перед ним задаче; он предпочел бы умереть, чем жить среди стольких опасностей; только вера в Бога и молитвы добрых людей спасают его от отчаяния; весь мир погряз в грехе; даже высшие должностные лица церкви, жаждущие выгоды и славы, — скорее враги, чем друзья религии и справедливости. На второй год понтификата он уверял своего друга Гуго из Клуни (22 июня 1075 г.), что часто молит Бога освободить его от этой жизни или использовать его на благо матери церкви, и так описывает плачевное положение своей эпохи:

Восточная церковь отпала от веры, и неверные атакуют ее извне. На западе, юге или севере вряд ли можно встретить епископа, который получил бы свою должность достойным образом, чья жизнь и поведение соответствовали бы его призванию и которым двигала бы любовь ко Христу, а не мирские амбиции. Не существует ни одного князя, который предпочел бы честь Бога своей собственной, и справедливость — выгоде. Римляне, лангобарды и норманны, среди которых я живу, — хуже, чем иудеи и язычники, и я часто говорил им об этом. Когда же я гляжу на себя, я чувствую угнетенность таким бременем греха, что мне не остается иной надежды на спасение, кроме как в одной лишь милости Христа²⁶.

Эта картина верна, и нам не стоит удивляться, что ему часто хотелось удалиться в тихое уединение монастыря. Он добавляет в том же послании, что, если бы не желание служить Святой Церкви, он не остался бы в Риме, где провел двадцать лет против своей воли. Он пишет, что колеблется между скорбью и надеждой, что он охвачен тысячей штормов и живет как умирающий. Он сравнивал себя с моряком, плывущим во тьме по открытому морю. И он писал Вильгельму Завоевателю, что не по доброй воле взошел на корабль, которому

²³ Из рассказа Бонизона представляется, что это имя дали ему кардиналы, но, вероятно, они спросили его заранее о его желаниях или предвосхитили их. Ваттенбах (р. 130) считает, что имя Григорий было открытым оскорблением в адрес империи и синода в Сутри, где Генрих III сместил трех пап, включая Григория VI.

²⁴ Таково мнение Мирбта. Антигригорианские авторы, пишущие о политике Генриха IV, настаивают на том, что Григорий не получал королевского согласия. Имперская теория была изложена у Бриксена (1080): тот, кто объявляет себя папой, не имея такого согласия, — отступник (*si quis sine assensu romani principis papari praesumeret, non papa sed apostata ab omnibus haberetur*). См. Mirbt, *Die Wahl*, etc., pp. 29-38.

²⁵ Jaffé, *Mon. Greg.* (1885), pp. 9 sqq.

²⁶ Сокращенный вариант из *Ep.* II. 49; Jaffé, p. 163; Migne, 148, 400.

угрожают яростные ветра, свирепые штормы, скрытые подводные камни и прочие опасности²⁷.

Две отличительные особенности правления Григория — это защита папского абсолютизма и проведение моральных реформ. В обоих отношениях Григорий оказал долговременное влияние на представления и практику латинского христианского мира. Даже не разделяя взглядов Григория, мы не можем не восхищаться его моральной силой и неукротимой смелостью.

§11. Теократия Григория

Гильдебрандовский, или григорианский церковный идеал — это теократия, основанная на образце Моисея и каноническом праве. Это абсолютный суверенитет церкви в поднебесном мире, требующий уважения и повиновения ее моральной чистоте и аскетическому благочестию. Под церковью, конечно же, понимается римская иерархическая организация, возглавляемая папой как наместником Христа. И эта иерархическая структура отождествляется с Царством Божьим, в котором люди спасены от греха и смерти и вне которого нет спасения. Не делается разграничений между церковью и царством — или церковью видимой и невидимой. Святая Вселенская Апостольская Римская церковь была для пап такой же зримой и осязаемой, как Германская империя, или Французское королевство, или Венецианская республика. Помимо этой церкви не признавалась никакая другая — даже Греческая церковь считалась лишь раскольническим ответвлением Римской.

Этот идеал формировался веками. Его подготавливали лже-Исидор в IX веке и святой Августин в V веке.

Святой Августин, величайший богословский авторитет средних веков, первым отождествил зримую Католическую церковь с Градом или Царством Божьим. В своем великом апологетическом труде *De Civitate Dei* он проследил отношения этого Царства с изменяющимися и преходящими царствами мира сего и составил, можно сказать, манифест средневековой теократии, которого, в теории, Римская церковь придерживается по сей день²⁸. Но Августин не был деятелем церкви, подобным Киприану и папам. Его больше интересовало богословие, чем церковная политика. Ему почти нечего было сказать о папстве, и он проводил явное разграничение между «истинным телом Христовым» и «смешанным телом Христовым», откуда в конечном счете и пошло протестантское различие (впервые сделанное Цвингли) между видимой и невидимой церковью²⁹. В споре Гильдебранда его цитировали обе стороны, причем более часто, чем любого другого отца церкви, но ни Григорий, ни его самые ревностные сторонники не могли найти у Августина поддержку своей иерократической теории апостольского права смещать светских правителей.

²⁷ *Reg.*, I. 70.

²⁸ Папа Лев XIII в своей энциклике о христианской государственной конституции (*Immortale Dei*, 1 ноября 1885) отстаивает средневековую теорию церкви и государства и ссылается на авторитетное мнение святого Августина, находя в его *De Civitate Dei* ясно сформулированные истинные принципы этой темы на все грядущие времена. См. изданные Шаффом труды Августина, предисловие к тому II (New York, 1887). См. также: Reuter, *Augustinische Studien* (Gotha, 1887), pp. 106-152, и Mirbt, *l. c.* — который трудолюбиво собрал цитаты из Августина, приводимые сторонниками и оппонентами Григория VII.

²⁹ О влиянии теории Августина на Виклифа, Гуса и деятелей Реформации говорится в нашей «Истории церкви», т. VI.

Лжеисидоровы декреталии шли дальше — они отождествляли вселенскую церковь с властью папской иерархии и с помощью ряда литературных вымыслов доводили эту систему вплоть до II века невзирая на тот факт, что Восточная церковь никогда не признавала притязаний епископов Рима ни на что большее, чем простое первенство почета среди равных им патриархов.

Григорий VII воплотил в жизнь эту политическо-церковную систему более полно, чем любой предыдущий папа, насколько ему позволили человеческие силы и осторожность. Слава церкви была всепоглощающей страстью его жизни. Он стремился к ней в самые мрачные часы и был велик ею перед лицом трудностей. Из более ранних пап ближе всего подошли к нему в своих возвышенных притязаниях Николай I и Лев I, — но в Григории папский абсолютизм стал плотью и кровью. Григорий VII был папой в самом полном смысле этого слова. Он предвосхитил Ватиканскую систему 1870 года. В каком-то отношении он не дошел до нее, но в каком-то пошел даже дальше. Он не претендовал на непогрешимость в теории, хотя уже действовал исходя из этого факта; вместе с тем он провозглашал и осуществлял, насколько мог, абсолютное господство над светскими властями христианского мира, которое папы после него утратили и так и не смогли обрести снова.

Гильдебранд был убежден, что, каким бы недостойным ни был он лично, официально он — преемник Петра, и как таковой он — заместитель Христа в воинствующей церкви³⁰. Он полностью отождествлял себя с Петром как главой коллегии апостолов, хранителем ключей Царства небесного, но забывал о том, что в мирском отношении Петр был смиренным подданным враждебного правительства и призывал христиан с уважением относиться к правителю (1 Пет. 2:17) в то самое время, когда престол занимал Нерон. Григорий VII постоянно ссылаясь на знаменитые слова Христа (Мф. 16:18-19) так, будто они были сказаны ему самому. Папа наследует возвышенное положение Петра. Он — скала церкви. Он — всеобщий, вселенский епископ (хотя первый римский Григорий протестовал против этого титула, видя в нем признак противного христианству высокомерия). Его заботе вверен весь христианский мир (включая Греческую церковь, которая никогда не признавала такого возвеличивания). Он обладает абсолютной и окончательной юрисдикцией и отвечает только перед Богом, но не перед земным судом. Он один может смещать и восстанавливать епископов, и его легаты важнее всякого епископа. Он — верховный судья, решающий, что правильно, а что неправильно во всем христианском мире. Он выше всех светских правителей. Он может носить императорские регалии. Он может смещать королей и императоров и освобождать подданных от их клятвы верности недостойным правителям.

Эти и подобные притязания сформулированы в документе из двадцати семи кратких положений, сохранившемся среди посланий Григория (их подлинность сомнительна, но они верно отражают его взгляды³¹), а также в знаменитом послании к Герману, епископу Метца.

³⁰ Григорий снова и снова признается в собственной недостойности в таких выражениях, как *cui licet indigni et nolentes praesidemus* (Reg., I. 18, 70, etc.; Migne, 300, 344, etc.).

³¹ *Dictatus Papae*, Migne, 148, 407 sq.; Mirbt, *Quellen*, p. 113. См. прим. в Gieseler, II. B. 7 (Germ. ed.). Я процитирую несколько из них: 12. *Quod illi liceat imperatores deponere*. 22. *Quod Romana Ecclesia numquam erravit, nec in perpetuum, Scriptura testante, errabit*. 26. *Quod catholicus non habeatur, qui non concordat Ecclesiae Romanae*. 27. *Quod a fidelitate iniquorum subjectos potest absolvere*.

Среди его любимых цитат из Писания, помимо пророчества о Петре (Мф. 16:18-19), — два отрывка из Ветхого Завета: слова пророка Самуила к Саулу, отражающие его отношение к непокорным королям: «Непокорность есть такой же грех, что волшебство, и противление то же, что идолопоклонство; за то, что ты отверг слово Господа, и Он отверг тебя, чтобы ты не был царем» (1 Цар. 15:23); и слова пророка Иеремии: «Проклят, кто дело Господне делает небрежно, и проклят, кто удерживает меч Его от крови!» (Иер. 48:10). Григорий имел в виду в основном духовный меч, но, если необходимо, то и мирской. Ему пришлось бы по душе перспектива повести армию воинов святого Петра на покорение Святой Земли и подчинить себе всех непокорных монархов. Он предвосхитил первый крестовый поход, который осуществил второй из его преемников.

Мы должны более внимательно рассмотреть его взгляды на отношения церкви и государства. Общественное мнение в средние века не верило ни в координацию, ни в разделение двух этих сил, а только в подчинение одной из них другой на основании союза. Церковь и государство были неразрывно переплетены со времен Карла Великого и даже Константина. Они вместе составляли христианский мир, *respublica Christiana*.

Все соглашались с тем, что церковь обладала духовной, а государство — светской властью, но партии не приходили к согласию в вопросе, где именно проходит граница между двумя сферами власти³². Папская партия настаивала на теократическом превосходстве церкви над государством, а императорская — на цезаропапистском превосходстве государства или, по крайней мере, на равенстве двух сил. Это был конфликт между священством и государством, между *sacerdotium* и *imperium*, клиром и мирянами. Сторонники имперского превосходства подчеркивали божественное происхождение и древность гражданского правительства, которому подчинялись даже Христос и апостолы. Иерархическая партия отвергала государство и ставила церковь выше него даже в светских делах, когда они приходили в конфликт с духовными. Такие императоры, как Оттон I и Генрих III, смещали и избирали пап; такие папы, как Григорий VII и Иннокентий III, смещали и избирали императоров.

Григорий VII сравнивает церковь с солнцем, а государство — с луной, которая отражает свет солнца³³. Достоинство епископа — выше царского и императорского достоинства, как небеса выше земли. Он допускает, что государство необходимо для светского управления людьми; однако, конфликтуя с гражданскими властями, он пришел к пессимистическому выводу, что государство — просто продукт разбоя, убийства и всевозможных преступлений, нарушение первозданного равенства, которое должно быть восстановлено властью священников. Самые возвышенные представления о церкви и папстве сочетались в его сознании с самыми низменными представлениями о государстве и империи³⁴.

³² См. Mirbt, *Publizistik*, 572-579.

³³ Послание от 8 мая 1080 г. Вильгельму Английскому. Jaffé, 419 sq.; Migne, 148, 569. Григорий сравнивал также священство с золотом, а царскую власть со свинцом — *Reg.*, IV.2.

³⁴ В послании к епископу Герману из Метца от 15 марта 1081 г. (*Reg.*, VIII. 21) он пишет: *Quis nesciat reges et duces ab illis habuisse principium, qui, Deum ignorantes, superbia, rapinis, perfidia, homicidiis, postremo universis pene sceleribus, mundi principe Diabolo videlicet agitante, super pares scilicet homines, dominari caeca cupidine et intolerabili presumptione affectaverunt*. Святой Августин подобным же образом сочетает два взгляда о происхождении государства, называя его как Божьим установлением, так и *grande latrocinium*, порабощением людей вследствие греха. См. Reuter, *August. Studien*, I. c., 135 sq. Послание к Герману приведено также в Mirbt, *Quellen*, 105-112.

Теория Григория VII о папской власти была выражена наиболее ярко, когда в письме к Санчо, королю Арагонскому, он заявил, что Иисус, царь славы, поставил Петра господином над всеми царствами мира. И он последовательно действовал согласно этому принципу³⁵. Генриха IV Германского он дважды смецал, освобождая его подданных от клятвы верности ему. Второе отлучение Генриха IV от церкви, принятое на синоде в великий пост, 7 марта 1080 г., он завершает следующим поразительным обращением:

И теперь, о князя и отцы, святейшие апостолы Петр и Павел, явите нам себя так, чтобы весь мир узнал и понял, что, обладая властью связывать и разрешать на небесах, вы обладаете также властью упразднить империи, царства, княжества, герцогства, маркизаты, графства и все виды человеческих прав и собственности... Если вы обладаете таким могуществом в вещах духовных, так неужели на земле есть нечто превосходящее вашу власть в вещах мирских? Если вы судите ангелов, которые гораздо выше самых гордых князей, разве не можете вы судить тех, кто ниже их? Пусть короли и принцы земли знают и чувствуют, как вы велики — и как возвышенна ваша власть! Пусть страшатся презирать заповеди вашей церкви!

Вершите же скорый суд над этим Генрихом, чтобы все люди знали: он пал не по прихоти судьбы, не случайно, но по вашей воле! Пусть же он покается, чтобы душа его была спасена в день Господень!

Таков верх иерархического высокомерия и суровости. Григорий всегда претендует на высшую власть над королями и знатью, так же как над епископами и аббатами, и ждет от них абсолютного повиновения.

К Сардинии и Корсике он относился как к ленам³⁶. Испанским князьям в 1073 г. он писал, что в древности Испания принадлежала святому Петру и что она принадлежит не смертным людям, а апостольскому престолу. Ибо разве не святой престол даровал испанские земли некоему Эвулу при условии, что тот прогонит оттуда язычников?³⁷ Альфонсо Кастильскому и Санчо Арагонскому он напоминал, что святой Павел совершил путешествие в Испанию и что семь епископов, посланных Павлом и Петром, основали там христианскую церковь³⁸. Филиппа I, короля Франции, он холодно извещал, что каждый дом в его королевстве обязан платить Риму лепту святого Петра, и угрожал, что, если король не откажется от симонии, придется наложить на его королевство интердикт³⁹. Несколько месяцев спустя в послании к Манассии, архиепископу Реймса, он называл короля свирепым волком, врагом Бога и религии⁴⁰. Он призывал короля Дании Свенона признать зависимость своего королевства от Рима и послать в Рим своего сына, чтобы он с мечом в руках выступил против врагов Бога, обещая этому сыну богатую итальянскую провинцию в награду⁴¹. Болеслава, герцога Польского, он уговаривал уплатить некую сумму царю России, сын которого, как мы узнаем из другого послания, прибыл в Рим, чтобы получить из рук папы свой трон⁴². Венгерскому королю Соломону он напоминал, что король Стефан отдал свое королевство святому Петру и что оно по

³⁵ *Petrus dominus Jesus Christus, rex gloriae, principem super regna mundi constituit* — Reg., I. 63; Migne, 148, 339.

³⁶ Reg., I. 29, VII. 10; Migne, 148, 312, 584.

³⁷ Reg., I. 7; Migne, 289.

³⁸ Reg., I. 64; Migne, 339.

³⁹ Reg., II. 5, 18, 32.

⁴⁰ *Lupus rapax*, etc.

⁴¹ Reg., II. 51, 75; Migne, 403, 426.

⁴² Reg., II. 73, 74; Migne, 423 sq.

праву принадлежит Риму⁴⁴, и сурово упрекал его за то, что он принял корону от германского короля в качестве лена, а не просил ее у Рима. Димитрию, герцогу Далмации, Григорий вручил королевский титул при условии, что тот ежегодно будет выплачивать двести серебряных слитков ему самому и папам, его преемникам. В письме Михаилу, византийскому императору, он выражал надежду, что церковь Константинополя, как истинная дочь, примирится со своей матерью, церковью Рима⁴⁵. В других посланиях к императору Григорий предлагает ему предпринять крестовый поход для освобождения Святой Земли.

К Вильгельму Завоевателю Григорий был весьма привязан, обращался к нему не иначе как «возлюбленный» (*carissime*), но официально напоминал, что тот обязан своим возвышением на престол Англии благосклонностью римского престола, и призывал его без промедления выплачивать лепту святого Петра⁴⁶. Гордый англичанин отвечал, что обязан своей короной Богу и собственному мечу, а не папе. Он готов был платить лепту святого Петра, которую платили его предшественники, но никак не феодальную подать, платить которую его предшественники отказывались⁴⁷.

Сколь бы небиблейскими и неприемлемыми ни представлялись эти отношения Гильдебранда, выстраивавшего теорию папского абсолютизма на все времена, в условиях Средневековья папское правление было предпочтительнее. Да, это был настоящий духовный деспотизм, но с его помощью сдерживался военный деспотизм, который был единственной альтернативой и привел бы к худшим результатам. В конечном счете, церковь преследовала моральные и интеллектуальные цели, возвышавшиеся над грубой силой и страстями. Она могла выполнять свои обязанности, только будучи свободной и независимой. Князья средних веков в основном были невежественными и развратными деспотами, в то время как папы в своем официальном качестве были защитниками учености, святости брака и прав народа. Это был конфликт между моральной и физической властью, интеллектом и невежеством, религией и пороком.

Теократическая система сделала религию правящей силой средневековой Европы и дала Католической церкви возможность проявить себя с лучшей стороны. Ее влияние было, в целом, благотворным. Религиозный энтузиазм вдохновил крестовые походы, принес христианство диким язычникам, воздвиг соборы и бесчисленные церкви, основал университеты и выработал схоластическое богословие, умножил монашеские ордена и благотворительные организации, смирил дикие страсти, смягчил нравы, стимулировал открытия и изобретения, сохранил древнюю классическую и христианскую литературу, способствовал развитию цивилизации. Папство уходило корнями в глубокое прошлое, вплоть до II века, но

⁴⁴ *Regnum Hungariae sanctae Romanae ecclesiae proprium est a rege Stephano beato Petri olim cum omni jure et potestate sua oblatum et devote traditum*, *Reg.*, II. 13; Migne, 373.

⁴⁵ *Reg.*, I. 18; Migne, 300.

⁴⁶ *Reg.*, I. 70, VII. 23; Migne, 345, 565 sqq., etc.

⁴⁷ «Губерт, ваш легат, от вашего имени убеждал меня платить феодальную подать вам и вашим преемникам и быть внимательнее к отправке денег, которые и мои предшественники посылали Римской церкви. С одним моментом я согласился, с другим — нет. Подать я отказался платить, и не буду это делать, и я не нахожу, что мои предшественники платили ее вашим предшественникам» (послание Вильгельма Завоевателя Григорию, написанное после 1076 г., точная дата неизвестна). См. Gee and Hardy, *Documents of Eng. Ch. Hist.*, p. 57. Попытки Григория заручиться поддержкой Вильгельма в споре с Генрихом IV не увенчались успехом. *Reg.*, VI. 30, VII. 1; Migne, 535, 545.

эти корни частично основывались на благочестивых вымыслах — таких как Лжеисидоровы декреталии и подложный дар Константина.

Средневековая теократия была, в лучшем своем проявлении, предвосхищением тысячелетнего царства, когда все земные царства подчинятся мирному скипетру Христа. Папство все больше и больше вырождалось в мирской институт и нестерпимую тиранию над сердцами и умами людей. Человеческая природа слишком благородна, чтобы подчиняться деспотическому правлению, и в то же время слишком слаба, чтобы сопротивляться его искушениям. Власть государства — от Бога, как и власть церкви, и миряне обладают правами наряду с клириками. Эти права стали выходить на первый план по мере того, как цивилизация развивалась, а иерархия злоупотребляла своей властью. Злоупотребление властью священников для порабощения людей, обмирщение церкви, деградация и профанация религии, выразившиеся в торговле индульгенциями, привели к суду Реформации.

§12. Григорий VII как реформатор морали. Симония и брак священников

Григория VII следует рассматривать не только как сторонника папского абсолютизма, но и как творца моральных реформ. Он стал выдающейся исторической личностью благодаря тесной связи этих поставленных перед папством целей, но если усилия по осуществлению моральных реформ вызывают реальное уважение к нему, то претензии на абсолютную власть роняют его с самыми бесполезными из пап.

Его церковный идеал составлял разительный контраст с фактическим положением церкви, и он не мог достичь его, не подняв клир из глубин распущенности на более чистый и высокий уровень.

Его реформы были направлены против симонии и николаитства. То, что он, будучи Гильдебрандом, делал посредством советов, теперь вершилось официальной властью.

Борясь с симонией, он был совершенно прав с точки зрения как протестантской, так и римской католической этики. Торговля церковными должностями была откровенно вредной, скандальной и являлась двойным преступлением, если ею занимались епископы и папы.

В борьбе с николаитством Григорий опирался на древние законы Римской церкви, но не руководствовался подлинным духом христианства. Библия не требует обязательного безбрачия священников, которое даже противоречит библейскому представлению о священстве. Реальная сила и полезность клира зависит от его моральной чистоты, которую защищает и которой способствует законный брак, древнейшее Божие установление, возникшее еще в период райской невинности.

Причины, по которым Григорий так ревностно боролся за безбрачие священников, были отчасти монашескими, а отчасти иерархическими. Безбрачие было неотъемлемым элементом его аскетических идеалов Божьего священника, который должен возвышаться над плотскими страстями и слабостями, полностью посвящать себя интересам церкви, не отвлекаться ни на какие земные заботы, быть отделенным от других людей и вызывать их уважение своей ангельской чистотой. Более того, безбрачие было для него обязательным условием свободы иерархии. Он объявил, что не сможет освободить церковь от правления мирян, если священники не освободятся от своих жен. Женатый клирик связан с миром общественными узами и беспокоится о содержании семьи; неженатый клирик

независим — у него нет дома, нет иных забот, кроме церковных, и такие священники защищают папу, как регулярная армия.

Еще одной причиной, по которой он выступал против браков священства, было желание предотвратить возникновение наследственной касты, которая присвоила бы церковную собственность для частного использования и привела бы церковь к обнищанию. Ряды иерархии, даже престол святого Петра, должны быть открыты для выходцев из низжайших классов общества и закрыты для наследственных претендентов. Это практическое признание демократического принципа контрастирует с аристократическим феодализмом средних веков. Сам Гильдебранд, вышедший из низжайших слоев общества и дошедший до папского престола без покровительства, был лучшим примером действия этой церковной демократии.

Стремление к целибату нашло поддержку в обряде исповедания, ставшем одним из краеугольных камней священства. Женщины стеснялись раскрывать свои секреты священнику, если он был мужем и главой семейства.

Женатые священники приводили в пример священников Ветхого Завета. На этот довод Дамиани отвечал, что еврейским священникам запрещалось есть перед принесением жертв на алтаре, так насколько же менее подобает священникам новой веры оскверняться плотскими сношениями перед отправлением таинств Божьих! Новые установления требуют посвящать все свое время служению, ничего не оставляя для брака и семейной жизни (1 Кор. 7:32). Только неженатый мужчина, который отказался от удовлетворения плотской похоти, может быть храмом Божьим и избежать угасания Духа (Еф. 4:30; 1 Фес. 5:19)⁴⁸.

Этими мотивами руководствовались также последователи Григория и иерархия в целом — и они обеспечили окончательный триумф целибата священников. Время от времени поднимался вопрос о его упразднении, и в единичных случаях, как у маронитов и униатских греков, папы допускали брак из почтительности к древним обычаям или из осторожности. Папа Пий II перед восшествием на престол (1458 — 1464) сказал, что есть веские причины запрещать брак клириков, но еще более веские причины требуют его восстановления — однако иерархические интересы всегда одерживали верх над этими «более вескими причинами». Какими бы ни были преимущества клерикального целибата, зло, связанное с ним, было больше. Сексуальная безнравственность клира больше, чем что-либо иное, подрывала уважение народа к духовным наставникам и была одной из основных причин Реформации, восстановившей почетный брак клириков, возродившей дом пастора со всеми его благословениями и утвердившей превосходство совести над иерархическими амбициями.

С точки зрения ревностного реформатора, такого как Григорий, мораль клириков действительно пребывала в плачевном состоянии. Ничто он не осуждал так пылко, как открытый брак священников или их тайное сожительство с женщинами, выступавшими в роли их жен во всех отношениях. Григорий придал столь важную роль канонам Римского синода 1049 г., принятым при Льве IX и подтвержденным на Римском синоде 1059 г. при Николае II, что можно было подумать, будто само существование церкви зависит от насаждения целибата. Авторы того времени, такие как умерший в 1072 г. Дамиани в своем *Gomorrhianus*, рисуют мрачные картины жизни священников. Но если к описаниям строгих аскетов еще можно было бы отнестись с осторожностью, то в данном случае

⁴⁸ См. Mirbt, p. 278.

они в изобилии сопровождаются другими свидетельствами о том, что во всех землях латинского христианского мира закон celibата священников игнорировался⁴⁹. Современные католические историки, такие как Гефеле⁵⁰ и Функ⁵¹, без тени сомнения приводят доказательства печального положения дел. Папа Бенедикт IX, по свидетельствам его друзей, собирался открыто взять себе жену⁵². Даже в Италии были епископы, открыто допускавшие брак священников, — например, Куниберт Туринский⁵³. В Германии епископ Поппон из Туля не скрывал своих почти супружеских отношений, которые Григорий осудил как блуд⁵⁴, а епископам Шпейера и Лозанны пришлось потрудиться, оправдывая себя на церковных синодах от подобных обвинений. Женатые священники характеризовались синодами и Григорием VII как «невоздержанные» или «сожительствующие священники»⁵⁵. Григорий говорил, что Германия поражена «застарелой болезнью блуда клириков»⁵⁶. В Англии положение было не лучше, чем в Италии и Германии.

§13. Насаждение безбрачия священников

ЛИТЕРАТУРА по данному вопросу: HENRY C. LEA: *A Hist. Sketch of Sacerdotal Celibacy in the Christian Church*, Phil., 1867, 2^d ed. Boston, 1884. — A. DRESNER: *Kultur und Sittengeschichte der italienischen Geistlichkeit im 10 und 11 Jahrhundert*, Berlin, 1890. — MIRBT: *Publizistik*, pp. 239-342; HEFELE, V. 20 sqq. Главные источники того времени: DAMIANI, *De coelibatu sacerdotum*, обращение к Николаю II; *Gomorrhianus*, который хвалил Лев IX, и другие произведения; *Послания Григория VII*. Мирбт приводит обзор этой литературы (pp. 274-342).

Действуя с неустанной энергией и весом своего официального авторитета, Григорий довел до конца моральную реформу клира как средство обеспечения церковной свободы и власти. Он проводил синод за синодом, которые принимали законы против симонии и николаитства и осуждали все плотские связи священников с женщинами, сколь бы законными они ни казались, как греховное и постыдное сожительство. Не удовлетворяясь законами синодов, он отправлял послания и легатов во все страны, чтобы обеспечить соблюдение своих постановлений. Эта война началась в марте 1074 г. с синода в Риме. На нем были смещены священники, купившие свой сан или бенефиции, были запрещены все будущие браки священников, от женатых священников потребовали либо отказаться от жен, либо прекратить совершение мессы, а мирянам было велено не посещать их службы. Такие законы уже были приняты ранее, при Николае II и Александре II, но не насаждались. Наложённый на мирян запрет посещать мессы, совершавшиеся женатым священником, был самой опасной, деспотической мерой, которой не было прецедентов в древности. В энциклике 1079 г., разосланной по всем областям Италии и Германии, Григорий использует самые решительные

⁴⁹ Мирбт (*Publizistik*, 259) утверждает, что в Западной Европе вообще не было повсеместного соблюдения celibата.

⁵⁰ *Kirchengesch.*, 339.

⁵¹ *Kirchengesch.*, 271. Следует вспомнить, что в Испании в VIII веке король Витиза формально упразднил закон о безбрачии священников.

⁵² Сообщает Бонизон из Сутри *ad amicum*, lib. V.

⁵³ Это сообщает Дамиани. См. *Mirbt*, 248.

⁵⁴ Григорий, *Reg.*, II. 10.

⁵⁵ *Incontinentes sacerdotes et levitae... sacerdotes concubinati*.

⁵⁶ *Reg.*, II. 30.

выражения: «Если есть пресвитеры, диаконы или иподиаконы, виновные в преступлении блуда (то есть живущие с женщинами как со своими женами), мы запрещаем им, во имя Всемогущего Бога и властью святого Петра, входить в церкви (*introitum ecclesiae*), пока они не покаются и не исправят свое поведение».

Эти постановления вызвали шквал возражений. По сообщению Ламберта из Герсфельда, многие клирики Германии осудили Григория как безумца и еретика: он забыл о словах Христа из Мф. 19:11 и апостола из 1 Кор. 7:9; он вздумал принудить людей жить подобно ангелам и, в нарушение закона природы, подталкивал их к безнравственному поведению. Некоторые священники предпочитали отказаться от служения, но не от своих жен и в насмешку просили Григория найти ангелов, которые займут их место. Епископы оказались в наиболее затруднительном положении. Одни, как Оттон из Констанца, симпатизировали женатым священникам, — и Оттон пошел настолько далеко, что даже повелевал своим клирикам жениться⁵⁷. Другие, как святой Альтман Пассауский, с энтузиазмом относились к целибату священников. Третьи, как Зигфрид из Майнца, заняли двойственную позицию⁵⁸. Архиепископ Аннон из Кельна соглашался с принципами Гильдебранда, но считал их непрактичными или неуместными.

Там, где епископам не хватало рвения, Григорий настраивал мирян против священников, виновных в симонии или сожительстве. Он призывал некоего графа Альберта (октябрь 1074 г.) упорно насаждать распоряжения папы, а в январе 1075 г. приказывал герцогу Рудольфу Швабскому и герцогу Бертольду из Каринтии — если это необходимо, то даже силой — не позволять непокорному священству вести богослужения, что бы им ни говорили епископы, не желающие наказывать виновных. То есть он открыто призывал мирян к бунту против клира вопреки своей фундаментальной догме об абсолютной власти иерархии. Он действовал исходя из принципа, что цель оправдывает средства. Епископ Теодорих Верденский, который сначала был на стороне Григория, но потом перешел в ряды его оппонентов, открыто упрекал его за такие экстраординарные меры, считая их пагубными для мира церкви, для благополучия клира и даже для христианской веры. Епископ Генрих из Шпейера осуждал Григория как подорвавшего авторитет епископов и подвергнувшего церковь опасности пострадать от безумия народа. Когда епископы в январе 1076 г. сместили Григория на Вормском рейхстаге, одним из предъявленных обвинений было то, что он отдал церковь в руки мирян.

Но князья, которые выступали против Генриха IV и низложили его в Трибуре (1076), с большим рвением отнеслись к Римской церкви и моральным реформам, так что их даже заклеили миланским прозвищем «патарены» («патарии»). Даже Генрих IV, молчаливо принимавший сторону клира, виновного в симонии и сожительстве, и пользовавшийся его поддержкой, никогда не осмеливался выступить открыто, а избранный им в 1080 г. антипапа Климент III отличался почти гильдебрандовской строгостью в презрительном отношении к сожительству священников — хотя и угрожал отлучением тем бесцеремонным мирянам, которые отказывались принимать таинство у аморальных священников. Епископ Бензон, самый ревностный сторонник имперских взглядов, не хотел, чтобы его причисляли к еретикам-николаитам.

⁵⁷ В послании к Сикарду, архиепископу Аквилеи, от 24 января 1074 г. Григорий жалуется на князей, которые относятся к церкви как к служанке, *quasi vilem ancillam*, etc. *Reg.*, I. 42; Migne, 148, 322.

⁵⁸ Григорий, *Reg.*, II. 29, III. 4, велит ему искоренить «блуд клириков».

Автор той эпохи (вероятно, священник из Трира) рисует пугающую картину непосредственных результатов реформы, которой он в принципе сочувствовал. Рабы предавали хозяев, а хозяева рабов, друзья доносили на друзей, вера и истина были обесчещены, богослужениями пренебрегали, общество находилось в полном раздоре. Кающиеся священники подвергались насмешкам и презрительному отношению со стороны мирян, толпа наносила им увечья, их лишали имущества, мучили и отправляли в изгнание. Их жен, которые состояли с ними в официально заключенном, с кольцами и религиозными обрядами, законном браке, оскорбляли как блудниц, а их детей клеймили как незаконнорожденных. Многие из этих несчастных женщин умерли от голода или горя или покончили с собой в отчаянии и были похоронены на неосвященной земле. Крестьяне сжигали свою десятину в поле, чтобы она не попала в руки непокорных священников, топтали гостию ногами и сами крестили собственных детей⁵⁹.

В Англии святой Дунстан, архиепископ Кентерберийский (ум. в 988), предвосхитил реформы Гильдебранда, но лишь с временным успехом. Вильгельм Завоеватель не пытался насадить безбрачие священников, а только использовал обвинение в сожителстве как предлог для удаления англо-саксонских прелатов, чтобы освободить места для их норманнских соперников. Ланфранк Кентерберийский был сторонником Гильдебранда, но, несмотря на его усилия, реформаторский собор в Винчестере в 1076 г. позволил женатым священникам сохранить брак, а запретил лишь будущие браки. Запрет Гильдебранда был подтвержден на соборе, состоявшемся в Лондоне в 1102 г., когда престол Кентербери занимал Ансельм. Женатым священникам было велено оставить своих жен, а их детям было запрещено наследовать церкви отцов. Безбрачие требовалось для рукоположения иподиаконов и более высоких чинов, но наказаний за нарушение этих канонов не предписывалось. Ансельм ревностно претворял их до и после своего изгнания. Новый собор, созданный королем Генрихом в Лондоне в 1108 г., за год до смерти Ансельма, принял суровые законы против брака священников, угрожая смещением, изгнанием из церкви, конфискацией собственности и бесчестием. Светские власти обязывались соблюдать это законодательство, но Эадмер, биограф Ансельма, с сожалением замечает, что в результате участились шокирующие сожителства священников с их родственниками и что немногие отличались той непорочностью, которой Ансельм хотел украсить свой клир.

В Испании, которая была так же отделена от континента Пиренеями, как Англия — морем, celibат клира до Григория не насаждался. Сарацинское вторжение и последующая борьба христиан делали обстановку неблагоприятной для строгостей дисциплины. Каноник Компостеллы, впоследствии епископ Мондonego, описывает церковных служителей конца XI века как безудержных и склонных к насилию людей, способных совершить преступление, готовых к ссорам и иногда убивающих друг друга. Священники низших чинов обычно были женаты, но епископам и монахам на соборе в Компостелле (1056) было запрещено общение с женщинами, за исключением матерей, теток и сестер, носящих монашеское платье. В 1077 г. Григорий VII послал в Испанию легата, некоего епископа Аманда, чтобы провести свои реформы. Собор в Жироне (1078) запретил рукополагать сыновей священников и передавать церковные должности по наследству. Собор в Бургосе (1080) повелел женатым священникам отказаться от своих жен, но, похоже, это постановление оставалось только на бумаге до XIII века,

⁵⁹ Hauck, III. 780 sq.; Mirbt, *Publizistik*, 269 sqq.; Hefele, V. 30 sqq.

когда свод законов, составленный Альфонсо Мудрым и известный под названием «Партиды» (*Las Siete Partidas*), предписал наказывать брак священника лишением сана и должности и велел прелатам прибегать к помощи светских властей для исполнения этого закона. «После этого мы уже редко слышим о законном браке, который вытеснило греховное сожитительство или постоянные незаконные союзы»⁶⁰.

Во Франции попытки реформ, совершенные предшественниками Григория, почти не имели успеха. Парижский синод 1074 г. объявил постановления Григория неприемлемыми и неразумными⁶¹. На бурно проходившем синоде в Пуатье (1078) легат Григория добился принятия канона, угрожавшего отлучением всякому, кто будет слушать мессу священника, о котором известно, что он виновен в симонии или сожительстве. Но епископы не могли претворить в жизнь этот канон без помощи светских властей. Норманнский клир в 1072 г. изгнал архиепископа Руанского с проводившегося там собора, кидая в него камнями. Вильгельм Завоеватель пришел на помощь в 1080 г. на синоде в Лиллебонне, который запретил рукоположенным лицам держать женщин в своих домах. Однако браки священников по-прежнему заключались, свадьбы проходили публично, и дети мужского пола наследовали церковные должности согласно признанному праву первородства. Вильгельм Завоеватель, который содействовал этим безнадежно проваливающимся реформам в Нормандии, отказался от них в подчиненной ему соседней провинции Бретани, где клирики, как описывает Пасхалий II в начале XII века, пренебрегали канонами и занимались чудовищными извращениями, ненавистными для Бога и людей.

В конце концов безбрачие священников, насаждаемое Григорием, победило во всей Римской церкви, но эта победа нанесла ужасный ущерб целомудрию священников. Была достигнута иерархическая цель, но не ангельская чистота священства. Личная мораль священника была принесена в жертву иерархическим амбициям. Место священного брака заняли прелюбодеяние и разврат. Акты соборов изобиловали жалобами на аморальность клириков, на пороки прелюбодеяния и пьянства. «Записи средних веков полны свидетельств того, что разнуданный блуд худшего порядка преобладал на всех уровнях иерархии»⁶². Коррупция вновь проникла в папство, особенно в XV веке. Иоанн XXIII и Александр VI соперничали в греховности и разврате с худшими папами X — XI века.

§14. Борьба против инвеституры

Другой великий реформаторский замысел Григория был нацелен на полное освобождение церкви от ига светской власти. В его понимании, церковная свобода достигалась за счет рабского положения государства. Пока же государство осуществляло контроль над церковью, продавая церковные должности, практикуя симонию, а также задействуя светскую инвеституру (назначение) епископов и аббатов, с дарованием им посоха и кольца⁶³. Это были регалии церковной власти: посох был символом духовной власти епископа, а кольцо — символом его мистического обручения, брака с церковью.

⁶⁰ Lea, p. 309.

⁶¹ *Importabilia ideoque irrationabilia*.

⁶² Lea, p. 341.

⁶³ *Investitura per baculum et annulum*.

Феодалная система Средневековья, сформировавшаяся среди новых народов Европы со времен Карла Великого, была основана на владении землей и взаимных обязательствах господина и вассала: господин, начиная с короля и заканчивая самым мелким собственником земли, обязан был защищать своего вассала, а вассал — служить своему господину. Церковь во многих странах владела почти половиной или даже более чем половиной всех земель, с правом на таможенные пошлины, дань, чеканку монеты и т. д., и по справедливости брала на себя часть обязательств, связанных с владением землей. Светские лорды считали себя патронами церкви и претендовали на право назначать ее служителей и даровать им не только мирские блага, но и регалии их духовной власти. Это было чрезвычайно оскорбительно для церковных деятелей. Епископ, назначенный лордом, становился его вассалом и должен был принести клятву повиновения, которая предполагала обязанность служить при дворе и предоставлять войска для защиты страны. Иногда епископу приходилось покидать алтарь, потому что господин приказывал ему взять меч и отправиться воевать. После смерти епископа король или князь пользовались доходами его престола до избрания преемника, причем нередко они затягивали назначение по финансовым соображениям, в ущерб церкви и бедным. При выборе кандидата король руководствовался политическими, общественными и финансовыми критериями и часто продавал должность тому, кто больше всех за нее платил, не обращая внимания на его интеллектуальные или моральные качества. Таким образом, право инвеституры было тесно связано с вопиющим церковным злоупотреблением — симонией и было ее основной причиной.

Неудивительно, что Григорий изо всех сил выступал против светской инвеституры. Кардинал Гумберт критиковал ее в специальной книге при Викторе II (1057), объявляя бесчестием и скандалом тот факт, что руками мирян, а тем более женщин, даровались кольцо и посох духовной власти. Он настаивал, что инвеститура — это чисто духовная функция и что светские князья не имеют ничего общего с выполнением функций, в которых есть хоть намек на таинство. Они совершают святотатство, прикасаясь к одеждам священника. Пользуясь правом инвеституры, князья, которым подобает защищать церковь, выступают ее господами и властителями. От этой практики исходит великое зло, особенно в Италии, где амбициозные священники стекаются ко двору и предаются пороку угодничества, *vitium adulationis*⁶⁴.

Первый закон против светской инвеституры был принят на синоде в Реймсе (1049) под влиянием Льва IX. Там было объявлено, что ни один священник не должен вступать в должность, не будучи избран клиром и народом. Десять лет спустя, в 1059 г., Римский синод объявил недействительным любое назначение клирика или пресвитера на должность, если оно сделано мирянином⁶⁵. В следующем году (1060) французские синоды в Туре и Вьенне распространили этот запрет на епископов. И Григорию оставалось лишь взволновать всю Европу вопросом о том, кто имеет право на инвеституру.

⁶⁴ Труд Гумберта, *Adversus simoniacos*, приведен в *Libelli de lite* и в Migne, vol. 153. Видон из Арецо и Дамиани высказывали такое же мнение. См. Mirbt, *Publizistik*, 463-471. О тех, кто принял инвеституру от мирян, начали говорить, что «они вошли не через дверь» (*non per ostium intraverant*).

⁶⁵ *Ut per laicos nullo modo quilibet clericus aut presbyter obtineat ecclesiam nec gratis nec pretio* (Mansi, XIX. 898).

Упразднив этот обычай, Григорий надеялся освободить клир от подчинения государству, собственность церкви — от феодального надзора князей, а также сделать епископов покорными слугами папы.

Спор продолжался при следующих папах и в конце концов был улажен компромиссом в Вормсе (1122). Император уступил лишь отчасти — подчинение всей церковной собственности абсолютной власти папы превратило бы гражданскую власть в фикцию. С другой стороны, этот частичный триумф папства весьма способствовал обмирщению церкви.

§15. Григорий VII и Генрих IV

Конфликт в связи с инвеститурой начался на Римском синоде в великий пост (24 — 28 февраля) 1075 г. и привел к знаменитому столкновению с Генрихом IV, в ходе которого папа и король боролись за власть. Возрастом, мудростью и моральными качествами папа превосходил несчастного князя, который, будучи еще мальчиком шести лет (1056), потерял своего достойного отца Генриха III, был отнят от своей благочестивой, но слабой матери Агнессы и испорчен дурным воспитанием. Генрих обладал живым умом и благородными побуждениями, но был деспотичен и распущен. Богатство сделало его гордым и высокомерным, а обрушившиеся невзгоды сломили дух. Его жизнь отличалась поразительными переменами судьбы. Он дважды переходил от возвышения к унижению и обратно. Сначала он оскорбил папу, потом просил у него прощения; вновь взбунтовался против него, в течение какого-то времени одерживал победу, был дважды отлучен от церкви и низложен; наконец, покинутый и преследуемый своим собственным сыном, он умер несчастным и был похоронен в неосвященной земле. Лучшие из его собственных подданных выступили против него в его споре с папой. Саксы открыто взбунтовались против его тирании в тот самый день, когда Гильдебранд был посвящен в папы (29 июня 1073 г.).

Синод 1075 г. запретил королю и всем мирянам вообще хоть как-то касаться назначения епископов или претендовать на право инвеституры⁶⁶. Синод, проведенный в ноябре 1075 г., решительно запретил епископам, аббатам и другим церковным деятелям принимать церковные назначения от короля или какого-либо светского правителя. На том же самом синоде Григорий отлучил от церкви за симонию пятерых советников Генриха⁶⁷.

Король, на которого оказывали давление бунтовщики саксы, сначала уступил и сместил этих советников, но потом, подавив восстание (5 июня 1075 г.), вернул их и продолжал практиковать постыдную симонию. Он платил своим солдатам доходами от церковной собственности и украшал своих любовниц бриллиантами со священных сосудов. Папа — в послании и через депутацию — призвал его к покаянию и пригрозил отлучением. Король принял его легатов весьма недружелюбно и отвечал им в откровенно враждебном тоне. Вероятно, с его ведома Цен-

⁶⁶ Это утверждение основано на авторитетном мнении Арнульфа Миланского. Само постановление утрачено. См. Mirbt, *Publizistik*, 492. Арнульф говорит: *papa... palam interdicat regi jus deinde habere aliquod in dandis episcopatus omnesque laicas personas ab investituris ecclesiarum summovet*.

⁶⁷ *Si quis deinceps episcopatum vel abbatiam de manu alicujus laicae personae susceperit, nullatenus inter Episcopos vel Abbates habeatur... Si quis Imperatorum, Regum, Ducum, Marchionum, Comitum, vel quilibet saecularium potestatum aut personarum investituram episcopatus vel alicujus ecclesiasticae dignitatis dare praesumserit, ejusdem sententiae vinculo se adstrictum sciat* (Pagi, *Crit. ad ann. 1075*, no. 2; Watterich, I. 365; Hefele, V. 47; *Reg.*, VI. 5).

ций, кузен императорского префекта Рима, отнесся к папе весьма непочтительно — схватил его у алтаря ночью накануне Рождества 1075 г. и заключил в башню. Однако народ освободил папу и обратил Ценция в бегство.

Генрих созвал епископов и аббатов империи 24 января 1076 г. в Вормс на собор, проводившийся под руководством архиепископа Зигфрида Майнцского. Этот собор сместил Григория, даже не выслушав его, на основании ложных обвинений в измене, колдовстве, сговоре с дьяволом и разврате, которые выдвинул против него Гуго Бланк (Леблан), смещенный кардинал. Он даже утверждал, что папа управляет церковью с помощью женского сената, состоящего из Беатрикс, Матильды Тосканской и Агнессы, матери императора. Только два епископа осмелились протестовать против этой незаконной процедуры. Оттоны и Генрих III смещали пап, но не таким образом.

Генрих заручился также поддержкой несогласных епископов Северной Италии, собравшихся на соборе в Пьяченце. Он сообщил Григорию о решении Вормса в оскорбительном послании:

Генрих, король не по захвату власти, но по Божьему святому изволению, Гильдебранду, не папе, а лжемонаху. Как осмеливаешься ты, завоевавший власть колдовством, лестью, подкупам и силой, простирать руку свою против помазанника Господа несмотря на предписание истинного папы, святого Петра: «Бога бойтесь, царя чтите»? Ты, не боящийся Бога, не чтить и меня, назначенного Им. Осужденный голосом всех наших епископов, сойди с апостольского престола, и пусть его займет другой, кто будет проповедовать здравое учение святого Петра, а не творить произвол под видом религии. Я, Генрих, благодатью Божией король, со всеми моими епископами, говорю тебе: «спускайся, спускайся!»⁶⁸.

Генрих также написал обращение к кардиналам и римскому народу, прося помощи в избрании нового папы. Роланд, священник из Пармы, выступил с его посланием в Риме в конце февраля, где Григорий как раз проводил синод при ста десяти епископов, и завершил свою речь такими словами: «Я говорю вам, братья, что мы должны явиться на Пятидесятницу перед королем, чтобы получить из его рук папу и отца, ибо *этот* человек — не папа, а хищный волк». Его речь вызвала шквал негодования. Прелаты схватились за мечи и были готовы убить посланца на месте, но Григорий остался спокоен и защитил его от насилия.

На следующий день (22 февраля) папа отлучил Генриха IV от церкви, именем святого Петра низложил его и освободил всех его подданных от клятвы верности. Он обнародовал это решение в послании ко всем христианам. Приговор о низложении звучит следующим образом:

Благословенный Петр, князь апостолов, преклони свой слух ко мне и услышь меня, твоего раба, которого ты с детства и по сей день воспитывал и защищал от беспорядочных людей. Ты и госпожа моя, Матерь Божья, и твой брат, святой Павел, — мои свидетели, что Святая Римская церковь возвысила меня против моей воли и что я не взшел на твой престол как разбойник. Лучше бы я был всю свою жизнь паломником, чем держался за твой престол в поиске мирской славы и в мирском духе... По твоему ходатайству Бог доверил мне власть связывать и разрешать на земле и на небесах.

Посему, уповая на это доверие, ради чести и безопасности церкви, во имя Всемогущего Отца, Сына и Святого Духа, я запрещаю Генриху, королю, сыну императора Генриха, править королевством Тевтонским и Итальянским, потому что с неслыханной гордостью он ополчился на твою церковь; и я освобождаю всех христиан от клятвы верности ему, которую они принесли или принесут, и я запрещаю служить ему как королю. Ибо подобает, чтобы покусившийся на достоинство церкви утратил

⁶⁸ *Descende, descende!* (Bruno, *De bello Saxonico*, в Pertz, VII. 352 sq.). Существует несколько вариантов послания Генриха, но тон императорского высокомерия и презрения везде одинаков.

свое собственное достоинство. Так как он презрел повиновение, общаясь с отлученными, творя скверные дела и пренебрегая предостережениями, которые я делал ради его же блага, я объявляю ему анафему; чтобы все народы земли знали, что ты — Петр, и на твоей скале Сын Бога Живого построил Свою Церковь, и врата ада не одолеют ее⁶⁹.

Вдовствующая императрица присутствовала при объявлении анафемы на ее сына. В то же время папа отлучил от церкви всех германских и итальянских епископов, которые сместили его в Вормсе и Пьяченце.

Это был самый критический момент, сигнал к началу смертельной схватки между двумя величайшими силами христианского мира. Никогда раньше не произносилось такого приговора над коронованной особой. Низложение Хильдерика папой Захарией было только санкцией, одобрявшей вступившего в правление Пипина. Григорий угрожал низложением и королю Филиппу Французскому, но не выполнил угрозу. А теперь преемник галилейского рыбака объявил вне закона потомка Карла Великого, и вся Европа ждала, чем это кончится. Звучали, конечно, и голоса, которые сомневались в правомочности приговора, оправдывавшего нарушение торжественной клятвы. Все соглашались с тем, что папа имеет право отлучать от церкви, но не с тем, что он имеет право низложить короля. Если бы Генрих пользовался уважением и любовью своих подданных, он мог бы не обращать внимания на Григория. Но религиозные чувства той эпохи были на стороне папы, и общественность была гораздо менее шокирована тем, что папа отлучил и низложил короля, нежели тем, что король сместил папу. Никто не забыл, что папа короновал Карла Великого, и казалось вполне естественным, что тот, кто наделяет светской властью, может и забирать ее⁷⁰.

Григорий ни на мгновение не сомневался в справедливости этого поступка. Он призвал верующих молиться, но не пренебрегал и необходимостью в мирской предосторожности. Он укрепил военные силы в Риме и возобновил переговоры с Робертом Гвискардом и Роджером. В Северной Италии у него был могущественный союзник в лице графини Матильды, которая, после недавней смерти своего мужа и матери, стала полноправной владелицей обширных имений и создала оплот против недовольного клира и знати из Ломбардии и против вторжения армии из Германии⁷¹.

Когда Генрих услышал об отлучении и низложении, он пришел в ярость, назвал Григория лицемером, еретиком, убийцей, клятвопреступником, прелюбо-

⁶⁹ Bernried, *Vita Greg.*, с. 68 sq. (в Migne, 148, p. 74); Jaffé, 223; Mirbt, *Quellen*, 100; Hefele, V, 70 sqq.

⁷⁰ Приговор папы против Генриха произвел глубокое впечатление на Западную Европу. Бонизон говорит: *universus noster romanus orbis contemruit, postquam de banno regis ad aures personuit vulgi*. См. Mirbt, 139.

⁷¹ Отлучение Генриха в 1076 г. и снова, в 1080 г., освещено во многих противоречивых трудах (Mirbt, *Publizistik*, 134-239), как и отношение Григория к симонии и целибату клириков. Противники Григория считают, что отлучение было несправедливым и даже сомневаются в праве папы отлучать от церкви короля. Григорий отвечает на эти возражения в посланиях. В письме к Герману из Метца (*Reg.*, IV, 2) Григорий говорит, что некоторые открыто заявляют, будто король не может быть отлучен от церкви (*regem non oportet excommunicari*). Григорий оправдывал свое решение тем, что король общался с отлученными лицами, не желал покаяться в своих преступлениях и его действия угрожали единству церкви (*Reg.*, IV, 1, etc.). Собор в Трибуре, 16 октября 1076 г., обсуждал, может ли папа отлучать от церкви короля и поступил ли Григорий справедливо, отлучив Генриха. На оба вопроса был дан положительный ответ. Однако через сто лет Оттон Фрейзингенский (*Gesta Friderici*, I) говорит о решении собора как о чем-то неслыханном: *quo numquam ante haec tempora hujusmodi sententiam in principem romanum promulgatam cognoverat*.

деем и заявил, что анафема падет на его голову. Вильгельм, епископ Утрехтский, без стеснения потакал желаниям короля и с кафедры своего собора объявил анафему Григорию как «монаху-клятвopепреступнику, который осмелился поднять голову против помазанника Господа». Генрих созвал национальный собор в Вормсе в Пятидесятницу (15 мая), чтобы протестовать против попытки Григория соединить в одной руке два меча, которые разделил Бог⁷².

Это знаменитое выражение для обозначения духовной и светской власти часто использовалось папами, которые утверждали, будто Бог дал церкви оба меча — духовный, чтобы его держала она сама, и светский, чтобы его держало за нее государство, подчиненное и повинующееся ей.

На соборе в Вормсе присутствовало мало епископов, и он провалился. Собор в Майнце, 29 июня, удался не лучше, и Генрих оказался вынужден прибегнуть к переговорам. Саксония была утрачена. Прелаты и знать покидали его. Рейхстаг в Трибуре, императорском замке близ Майнца, состоявшийся 16 октября 1076 г., потребовал от него подчиниться папе и попросить прощения в срок до двенадцати месяцев с даты отлучения, иначе он рискует лишиться короны. Ему предписывалось явиться на рейхстаг, который будет проведен в Аугсбурге 2 февраля 1077 г. под председательством папы. Тем временем ему надлежало жить в Шпейере в строгом уединении, в окружении его жены, епископа Вердена и нескольких слуг, выбранных знатью. К легатам Григория отнеслись с ярко выраженным уважением, и они простили отлученных епископов, в том числе Зигфрида из Майнца, который подчинился папе.

Генрих провел два тяжелых месяца в уединении в Шпейере, лишенный богослужений и вдали от государственных дел. Наконец он решил просить прощения, что было единственным средством сохранить корону. Нельзя было терять время. Всего несколько недель оставалось до Аугсбургского рейхстага, который должен был решить его судьбу.

§16. Каносса. 1077

Зима 1076 — 1077 г. была одновременно и одной из самых холодных и длинных на памяти людей (Рейн замерз и был покрыт сплошным льдом с ноября по апрель), и одной из самых памятных в истории. Она ознаменовалась событием непреходящей значимости — унижением главы Германской империи у ног епископа Римского в Каноссе, символизирующим подчинение государства церковью и триумф политики Гильдебранда.

За несколько дней до Рождества Генрих IV покинул Шпейер, чтобы совершить путешествие через Альпы в качестве кающегося, который ищет прощения у папы. Его сопровождали жена Берта с маленьким сыном Конрадом (он родился в августе 1074 г.) и один верный слуга. Берта, дочь маркграфа Одона Туринского и Адельгейды из Сузы, была помолвлена с Генрихом в 1055 г. в Цюрихе и вышла за него замуж 13 июля 1066 г. Она была молода, красива, добродетельна и учтивая, но он предпочитал жить со своими любовницами. Через три года после вступления в брак он пожелал развестись, заручившись содействием беспринципного архиепископа Зигфрида из Майнца. Папа отказался дать согласие на развод, что было вполне уместно. Король отказался от своего греховного намерения и привя-

⁷² *Reg.*, IV. 2; Migne, 148, 455.

зался к Берте. Она была рождена для того, чтобы любить и страдать, и сопровождала его, как ангел-утешитель, во всех тяжелых невзгодах его жизни.

Королевская чета прошла через Бургундию и Сузу под защитой графа Вильгельма и матери Берты, затем пересекла Мон-Сени. Королева и ее ребенок поднимались и спускались по обледеневшим склонам в грубой повозке из воловьих шкур; несколько лошадей погибло, но никто из людей не пострадал. Когда Генрих достиг равнин Ломбардии, антигильдебрандовская партия с радостью приветствовала его, но он поспешил на встречу с преемником Петра, который единственный мог даровать ему прощение.

Генрих оставил жену и ребенка в Реджио и, в сопровождении тещи и нескольких друзей, поднялся на вершину крутого холма в Каноссу, где остановился Григорий по пути на Аугсбургский рейхстаг, ожидая времени, когда сможет безопасно перейти через Альпы.

Лежащая сейчас в руинах Каносса, к югу от Реджио, на северных склонах Апеннин, была неприступной крепостью графини Матильды, окруженной тремя стенами и включавшей в себя замок, капеллу и монастырь⁷³.

Папа уже принял ряд отлученных епископов и знатных лиц и дал им прощение или обещал дать после того, как будет решено дело главного грешника, покушавшегося на величие святого Петра.

Генрих достиг подножия замковой горы 21 января 1077 г., когда было очень холодно и земля была покрыта снегом. Он посоветовался с Матильдой и Гуго, аббатом Ключийским, своим крестным отцом, и объявил о готовности подчиниться папе, если тот освободит его от интердикта. Но Григорий выразил готовность простить его, только если он подчинит ему свою корону и навсегда откажется от королевского достоинства. Тогда король сделал последний шаг, чтобы снискать милость папы, — он подвергся строжайшему покаянию, которого церковь требует от грешника, дабы обеспечить вернейший путь к прощению. В течение трех дней, с 25 по 28 января, Генрих стоял во дворе между внутренними стенами как кающийся, с непокрытой головой и босиком, в грубой шерстяной рубахе, дрожа от холода, и безрезультатно стучался в ворота, которые до сих пор носят имя *Porta di penitenza*, ворота Покаяния, в память об этом событии⁷⁴.

Суровый старый папа, твердый, как скала, и холодный, как снег, отказывался впускать короля, несмотря на старательные уговоры Матильды и Гуго, пока чаша унижения не будет выпита до дна или пока дальнейшее упорство не станет аполитичным. Для начала он потребовал, как условие прощения, что Генрих пообещает подчиниться его решению на приближающемся собрании германской знати под председательством папы как арбитра и предоставит ему и его депутатам защиту во время путешествия на север. Но на это время он должен будет воздерживаться от выполнения функций короля⁷⁵.

⁷³ Замок был разрушен обитателями Реджио в 1255 г. С этого места открывается великолепный вид на Апеннины к югу и на равнину реки По к северу, а также на города Парму, Реджио и Модену. Экскурсия из Реджио в Каноссу и обратно занимает восемь часов. Рассказ Григория об этой встрече см. в *Reg.*, IV, 2, в Migne, 148, 465, и в Mirbt, *Quellen*, 101. См. также Hauck, III, 792 sqq.

⁷⁴ Бертольд говорит: *Illic laneis indutus, nudis pedibus, frigosus, usque in diem tertium foris extra castellum cum suis hospitabatur* (*Monum. Germ. SS.*, V, 289). На ночь король прятался под кровом. См. Hefele, V, 94 sq.

⁷⁵ Бертольд опускает этот последний момент, хотя о нем явно упоминает Ламберт из Герсфельда и его подтверждает сам Григорий, который говорит в своем рассказе о событиях в Каноссе германским прелатам и князьям, что он допустил Генриха только к церковному общению, но

Король дал такое обещание, и два епископа и несколько представителей знати поклялись за него на священных реликвиях, что он сдержит его. Гуго, будучи монахом, не мог клясться, но дал свое слово перед всевидящим Богом. Гуго, епископы, знать, графиня Матильда и Адельгейда подписали письменное соглашение, которое до сих пор сохранилось.

После этих предварительных соглашений внутренние ворота были открыты, и король, наследник многих коронованных монархов, высокий мужчина в расцвете лет благородной наружности, бросился к ногам седовласого папы, человека низкого происхождения, маленького и невзрачного, слово которого повелевало империями. Он расплакался и воскликнул: «Пощади меня, святой отец, пощади меня!» Собравшиеся были тронуты до слез. Даже железный папа проявил нежность и сострадание. Он выслушал исповедь Генриха, поднял его, дал отпущение грехов и апостольское благословение, отвел его в капеллу и скрепил примирение, проведя мессу.

Некоторые летописцы добавляют сюда следующее событие, о котором часто рассказывают, но которое очень маловероятно. Григорий, прежде чем принять освященные дары, призвал Бога поразить его насмерть, если он виновен в преступлении, в которых его обвиняли, и съел половинку освященного хлеба без вреда для себя. Затем он дал вторую половину Генриху, предложив ему пройти через такую же повергающую в трепет ордалию, но король отказался и оставил вопрос на усмотрение общего собора⁷⁶.

После мессы папа вежливо беседовал с королем на обеде, дал ему несколько отеческих наставлений и советов и обновил свое апостольское благословение.

Генрих получил желаемое, но пожертвовал царским достоинством. Он засвидетельствовал актом покаяния, что папа имеет право низложить короля и наследника императорской короны и освободить его подданных от клятвы верности. Глава государства признал превосходство церкви и в земных делах. Каносса была величайшим унижением государства и величайшим возвышением церкви — мы имеем в виду политизированную папскую церковь Рима, а не духовную Церковь Христа, Который в этом мире носил терновый венец и молился на кресте за Своих убийц.

Григорий в данной ситуации действовал исключительно в интересах иерархии. Даже друзья Григория, как мы узнаём из его официального отчета перед германцами, считали его поведение «тиранической жестокостью, а не апостольской строгостью». Он видел в Генрихе воплощение светской власти, которая

не вернул ему царство (*losum ei communionem redidi, non tamen in regno... instauravi*) и не связывал верующих клятвой преданности королю до будущего решения этой проблемы. Jaffé, p. 402; Hefele, V. 96. Той же самой позиции он придерживался и при втором отлучении. Ввиду этих фактов странно, что Гизбрехт (III. 403) не верит сообщению Ламберта и заявляет, будто вместе с прощением Генрих получил и королевские права.

⁷⁶Эту историю, впервые рассказанную Ламбертом из Грегфельда, который в основном был на стороне Григория и против Генриха, опровергают Giesebrecht, III. 401; Ranke, VII. 284; Mirbt, 194-199. Католические историки Доллингер и Гефеле (V. 98) также отвергают ее как вымысел. Сам папа не нуждался в том, чтобы доказывать невиновность. Обвинения же против короля он оставил на усмотрение немецкого суда, и король уже пообещал предстать перед этим судом. Так что целью Генриха было только избавление от интердикта, чтобы получить свободу действий. Значит, если бы сейчас он отказался от ордалии, то он подтвердил бы свою вину, признав верным решение папы об интердикте и заранее определил приговор германского суда. Об исторической ценности *Annales* Ламберта см. Giesebrecht, III. 1030-1032, и Wattenbach, *Deutschlands, Geschichtsquellen*, II. 87 sqq. Грегоровиус повторяет эту историю как достоверную.

противостоит власти церковной, и он одержал над ней победу, но на краткое время. Он перегнул палку и впоследствии был изгнан из Рима тем самым человеком, которому отказывался открывать ворота.

Отношения Григория с Матильдой были политическими и церковными. Обвинения его врагов в плотской близости с ней чудовищны и неправдоподобны, если учесть его преклонный возраст и неустанную борьбу против сожительства священников⁷⁷. Графиня была самой могущественной в Северной Италии и предоставляла папе наилучшую защиту от возможного вторжения армий с севера. Она была предана Гильдебранду как главе видимой церкви, была горда и счастлива тем, что помогает ему. В 1077 г. она передала свои владения престолу Петра, тем самым преумножив пагубный дар Константина, который Данте считает источником всех зол церкви. Она продолжала воевать с Генрихом и помогала Конраду и Генриху V в бунте против их отца. Ради политических интересов папства на пятьдесят пятом году жизни (1089) она заключила второй брак с Гвельфом, восемнадцатилетним юношей, сыном герцога Баварского, самого могущественного противника Генриха IV, но этот брак, похоже, так и не осуществился на практике и распался несколько лет спустя (1095). Она умерла в 1115 г. Многие считают, что Матильда у Данте, которая переправляет его через реку Лету к Беатриче, — это и есть знаменитая графиня⁷⁸, однако Данте нигде не упоминает Григория VII (вероятно, из-за распрей с императором).

Каносса вошла в поговорку как место триумфа священников над королями⁷⁹. Были пролиты реки крови, чтобы смыть пятно унижения Генриха перед Гильдебрандом, но память об этой сцене воскресла в *Culturkampf*, разгоревшейся между прусским государством и Ватиканом с 1870 по 1887 г. В начале конфликта Бисмарк заявил прусскому парламенту, что «никогда не пойдет в Каноссу», а десять лет спустя обнаружил, что политика требует отправиться именно в этом направлении и прийти к компромиссу со Львом XIII, который оказался равным ему в мастерстве дипломатии. Антипапские «майские законы» были отозваны один за другим, пока от них не осталось ничего, кроме собственно *Anzeigepflicht* — современного эквивалента инвеституры. Римская церковь обрела новые силы в Пруссии и Германии вследствие гонений со стороны закона и теперь пользуется большей свободой и независимостью, чем когда-либо, и гораздо большей, чем протестантская церковь, которая невинно пострадала от принятия «майских законов».

⁷⁷ Ламберт опровергает эту хулу (*M. G.*, V. 257), и лучшие современные историки, протестанты и католики, отвергают ее. См. Neander, Ranke (VII. 280) и Hefele (V. 67 sq.). Ранке говорит: *Solche Verhältnisse giebt es ja zwischen Individuen beiderlei Geschlechtes, die sich nur auf geistigem Boden entwickeln, in welchen ohne sinnliche Annäherung die tiefste innere Vereinigung der Gesinnungen und Ueberzeugungen besteht. Die Markgräfin glaubte an die Wahrhaftigkeit und den geistigen Beruf des Papstes, und der Papst andererseits bedurfte ihrer Hilfe.*

⁷⁸ Чистилуце, XXVIII. 40, XXXII. 92; XXXII. 28, 82, XXXIII. 119, 121.

⁷⁹ Mirbt (*Publizistik*, 181-200) старается доказать, что поведение Генриха в Каноссе воспринималось в его век как смирение, а не как унижение. Авторы той эпохи говорят о Каноссе как о проявлении неслыханного и чудесного смирения, *mira inaudita humilitas, officium humilitatis*. И если учесть преобладавшее тогда глубокое уважение к церкви, то не возникает сомнений, что народ смотрел на эти события как на акт смиренного благочестия. Для Генриха же ситуация была иной. Мирbt соглашается с тем, что король руководствовался не религиозными убеждениями, а желанием сохранить свою корону. Для него Каносса была унижением, и историку следует воспринимать именно как унижение момент, когда государство пало к ногам папы. Другие случаи, когда князья подчинялись папе, см. в Mirbt, p. 198, note.

§17. Возобновление конфликта. Два короля и два папы

Следствием Каноссы была гражданская война в Германии и Италии: король против короля, папа против папы, знать против знати, епископы против епископов, отец против сына и сын против отца. Война продолжалась несколько лет. Григорий и Генрих умерли в изгнании. Григорий потерпел поражение от Генриха, Генрих — от своего собственного непокорного сына. В этот период начались долгие войны гвельфов и гибеллинов. Герцог Гвельф IV Баварский присутствовал в Форкхейме, когда Генрих был низложен, и выступил с оружием против него. Папы выступили на стороне гвельфов против императоров Гогенштауфенов и гибеллинов.

Друзья и сторонники Генриха IV в Ломбардии и Германии были недовольны. Они рассматривали его унижение как проявление трусости, а поведение папы — как оскорбление германского народа и королевской короны. Его противники, небольшое количество саксонских и швабских князей и епископов, собрались в Форкхейме 13 марта 1077 г. и в присутствии двух легатов папы, хотя и без его явно выраженного согласия, предложили корону Германии Рудольфу, герцогу Швабскому, шурину Генриха, но с двумя важными условиями (которые, возможно, были выдвинуты папскими легатами): он должен отказаться от наследственных претензий на трон и гарантировать свободу назначений на церковные должности. И Рудольф был коронован 26 марта в Майнце архиепископом Зигфридом, но предзнаменования были дурные: освященного елея не хватило, Евангелие читал епископ, виновный в симонии, а горожане подняли бунт. Рудольфу пришлось бежать ночью вместе с Зигфридом, который так и не вернулся. Он нашел мало поддержки в Южной Германии и отправился к противникам Генриха в Саксонию.

Генрих потребовал от папы забрать корону у разбойника, но напрасно. Тогда он отказался оберегать спокойствие папы на пути в Германию, повел себя как король, пересек Альпы и нанес Рудольфу поражение в битве при Мельрихштадте во Франконии 7 августа 1078 г., но потерпел поражение от него близ Мюльгейма в Тюрингии 27 января 1080 г. в решающем сражении. Рудольф воспринял эту победу как Божье знамение, и она же склонила папу на его сторону.

После долгих колебаний Григорий VII на Римском синоде 7 марта 1080 г. осмелился на поступок, исключительный даже для человека, занимавшего самое высокое положение. Призвав себе на помощь святого Петра и святого Павла, Григорий произнес вторую и более суровую анафему против Генриха и всех его сторонников, вновь лишил его королевств Германии и Италии, запретил всем верующим повиноваться ему и даровал корону Германии (не Италии) Рудольфу. Это обращение было одновременно молитвой, повествованием и приговором. Холодное здравомыслие сочеталось в нем с религиозным пылом. Оно основывается на убеждении, что папа, как представитель Петра и Павла, облечен высшей властью над миром, а не только над церковью⁸⁰.

Григорий рискнул произнести пророчество, что до дня святого Петра и Павла (29 июня) Генрих потеряет либо жизнь, либо трон, — но история признала его пророчество ложным. После завершения синода он послал Рудольфу Швабскому (вместо железной короны Карла Великого, которой владел Генрих) венец с демонстративной надписью:

*Petra dedit Petro, Petrus diadema Rudolpho*⁸¹.

⁸⁰ См. цитату в §11 и латинский текст обращения в Mansi, Harduin, Jaffé и Shailer Mathews, 51-54.

⁸¹ «Скала увенчала Петра, а Петр венчает Рудольфа».

Теперь примирение было невозможно. Генрих ответил на папскую анафему избранием антипапы. Собор из примерно тридцати германских и итальянских епископов собрался в Бриксене, в Тироле, 26 июня 1080 г. и сместил Григория, легкомысленно обвинив его в амбициях, жадности, симонии, колдовстве и ереси Беренгара. Решение подписали кардинал Гуго Кандид и двадцать семь епископов (Бриксена, Бамберга, Кура, Фрейзингена, Лозанны и др.). Одновременно они избрали отлученного архиепископа Виберта Равеннского папой, под именем Климента III. Это был человек талантливый, достойный и безупречного характера, но он попал в руки симонистов и противников реформ. Генрих признал его, преклонив перед ним колени, и обещал посетить Рим следующей весной, чтобы получить от него императорскую корону. Виберт вернулся в Равенну с папскими регалиями и с великой торжественностью.

Это было началом двойной гражданской войны между соперничающими папами и соперничающими королями, со всеми ее ужасами. Григорий рассчитывал на саксонцев в Германии, графиню Матильду в Северной Италии и норманнов в Южной Италии.

Генрих потерпел поражение 15 октября 1080 г. на берегах Эльстера, близ Наумбурга, но Рудольфа смертельно ранил Готфрид Бульонский, герой Иерусалима⁸², а другой противник отрубил ему правую руку. Рудольф умер в тот же вечер, воскликнув, как сообщает история: «Этой рукой я клялся в верности своему господину королю Генриху». А согласно другому свидетельству, он, услышав о победе своих войск, сказал: «Теперь я охотно приму страдания, которые уготовил мне Господь». Его тело вместе с отрубленной рукой было похоронено в соборе в Мерсебурге⁸³.

Смерть Рудольфа превратила победу в поражение — в тот век в ней увидели суд Божий над ним и антипапой. Его друзья не могли прийти к согласию по поводу преемника до следующего лета, когда они избрали графа Германа Люксембургского, оказавшегося никудышным правителем. Весной 1081 г. Генрих пересек Альпы с небольшой армией, чтобы сместить Григория, у которого за несколько лет до того он покаянно просил прощения в Каноссе. Его приветствовали в Ломбардии. Он нанес поражение войскам Матильды и явился к воротам Рима в Пятидесятницу, 21 мая. Григорий, перед лицом опасности, был тверд как скала и отказывался от компромиссов. На своем последнем регулярно проводившемся по великим постам синоде (конец февраля 1081 г.) он возобновил свои анафемы и отстранил от должности тех епископов, которые не подчинялись его призывам. Об этом синоде ничего не известно, кроме принятых им мер наказания. В послании от 15 марта 1081 г. к Герману, епископу Метца, Григорий оправдывал свое поведение по отношению к Генриху, а 8 апреля он предостерегал венецианцев от какого бы то ни было общения с ним и его сторонниками. «Я не боюсь, — говорил он, — угрозы грешников и скорее пожертвую жизнью, чем уступлю злу».

Генрих, которого римляне, вопреки его ожиданиям, не пустили в свой город и который не был готов к осаде, провел лето в Северной Италии, но вернулся в Рим во время великого поста 1082 г., а затем снова, уже с большими силами, на

⁸² Об этом факте рассказывает Альберик из Труа-Фонтена, но в нем сомневаются Сибел (*Gesch. des ersten Kreuzzugs*, p. 218) и Гефеле (V. 150, note).

⁸³ Битва хорошо описана в Giesebrecht, III. 516 sqq.

Пасху 1083 г., и захватил город и собор Св. Петра в июне. Григорий укрылся в замке Святого Ангела и выпустил новую анафему на Генриха и его последователей (24 июня). Генрих в ответ посадил Виберта на престол в соборе Св. Петра (28 июня), но вскоре покинул Рим вместе с Вибертом (1 июля), пообещав вернуться. Вероятно, он заключил тайный договор с римской знатью, желая прийти к мирному компромиссу с Григорием, но папа был неумолим. Весной 1084 г. Генрих вернулся и созвал синод, который сместил и отлучил Григория от церкви. В вербное воскресенье Виберт, как Климент III, был посвящен на папский престол в Латеранском дворце двумя отлученными от церкви епископами — Модены и Ареццо (вместо епископов Остии, Альбано и Порто). Генрих и его супруга Берта получили от него императорскую корону в соборе Св. Петра на Пасху, 31 марта 1084 г. Он покинул Рим вместе с Вибертом (21 мая), оставив защиту города римлянам. Обрато он так и не вернулся.

Тем временем Григорий призвал себе на помощь норманнского вождя Роберта Гвискара (или Вискара). Этот смелый авантюрист пришел с юга с разношерстными силами норманнов, лангобардов, апулийцев и сарацин, всего до тридцати тысяч пехотинцев и шести тысяч всадников. В Риме он появился 27 мая 1084 г., освободил папу и вошел вместе с ним в Латеранский дворец. Потом он начал такой грабеж и бойню, каких не совершали даже варвары. Половина города была превращена в руины; многие церкви были разрушены, другие превратились в крепости; женщин и девушек, даже монахинь, насиловали, несколько тысяч горожан продали в рабство. Оставшиеся в живых проклинали папу и его избавителя. Выражаясь языком современника, жестокость норманнов обратила на сторону императора больше сердец, чем сто тысяч золотых слитков. Рим сделался своей собственной тенью. Когда Гильдеберт Турский посетил его более десяти лет спустя, он увидел лишь руины былого величия⁸⁴. Это был поистине ужасный суд, но крайне отличавшийся от того, который Григорий навлек на Генриха несколькими годами ранее.

О судьбе Григория VII рассказывали по-разному. Его верный друг, графиня Тосканская, собирала войска, посылала гонцов во всех направлениях и возбуждала недоверие и ненависть к Генриху в Германии. Следующее послание сохранилось как свидетельство ее ревностной защиты Григория:

Матильда, такая, как она есть по благодати Божьей, если она вообще что-то из себя представляет, приветствует всех верующих Тевтонского королевства.

Мы хотели бы, чтобы вы знали, что Генрих, ложный король, украл печать господина папы Григория. Поэтому, если вам сообщат что-нибудь противоречащее словам наших посланников, воспринимайте это как ложь и не верьте лжи Генриха. Кроме того, Генрих забрал с собой епископа Порто, потому что этот человек был когда-то знаком с господином папой. Если с его помощью он попытается совершить что-то с вами или против вас, будьте уверены, что этот епископ — лжесвидетель, и не верьте тем, кто будет убеждать вас в обратном. Знайте, что господин папа уже покорил Сутри и Непи. Разбойник Варавва, то есть поставленный Генрихом папа, бежал, как и сам Генрих. Остерегайтесь козней Генриха.

§18. Смерть Григория VII

Григорий VII снова завладел Латеранским дворцом, но покинул эти трагически опустошенные места вместе с Гвискаром, несколькими кардиналами и представителями римской знати. Он отправился сначала в Монте Кассино, потом в

⁸⁴ Поэма Гильдеберта, в которой тот оплакивает руины Рима, есть в Migne, 171, 1441 sq.

Салерно. Путь от Каноссы до Салерно был воистину *via dolorosa*, но старый папа, сломленный телесно, не был сломлен духовно.

Он возобновил анафему против Генриха и антипапы в конце 1084 г. и послал письмо к христианам Германии, в котором говорилось, что исполнились слова псалмопевца *Quare fremuerunt gentes* («Зачем мятутся народы», Пс. 2:1,2), что цари земные взбунтовались против Христа и Его апостола Петра, чтобы уничтожить христианскую религию, но не смогут обольстить тех, кто верит в Бога. Он призвал их прийти на помощь церкви, если они хотят обрести отпущение грехов и вечное спасение. Это его последний письменный документ.

Его ум оставался ясным и твердым до конца. Он избрал своим преемником кардинала Дезидерия из Монте Кассино (Виктора III), а следующим после него — Оттона, епископа Остии (Урбана II). Он простил всех своих врагов, кроме Генриха и Виберта, «узурпатора апостольского престола»⁸⁵. Он умер 25 мая 1085 г. со словами, которые лучше всего отражают смысл его общественной жизни и характер: «Я возлюбил правду и возненавидел беззаконие, а потому умираю в изгнании»⁸⁶, — на что один из епископов ответил: «Нет, не может умереть в изгнании тот, кто, будучи наместником Христа и Его апостолов, получил все народы в свое наследие и все пределы земли в свое владение» (Пс. 2:8).

Роберт Гвискар, его защитник, умер несколько недель спустя (17 июля 1085 г.).

Тело Григория, облаченное в папские одежды, было похоронено в церкви Св. Матфея в Салерно, освященной им незадолго до того. На его могиле лежал простой камень, пока Иоанн из Прочиды — хотя и ревностный гибеллин — не воздвиг над ним величественную капеллу⁸⁷. В 1584 г. Григорий XIII включил его имя в церковный календарь на 25 мая без формальной канонизации; Павел V в 1609 г. велел отмечать день нового святого, а Бенедикт XIII в 1728 г. сделал этот день общецерковным. Император Германии, король Франции и другие монархи возражали против празднования, но если какой-нибудь папа и заслуживал канонизации за верность папской теократии, то это был именно Гильдебранд. Восемьсот лет со дня его смерти Римская церковь отмечала 25 мая 1885 г.

Григорий в свое время и позже подвергался как высочайшей хвале, так и суровейшим упрекам. Современные историки соглашаются в том, что он был честен и смел в убеждениях, что его помыслы и цели были чисты и возвышенны. Он — типичный представитель папского абсолютизма средних веков в конфликте с императорским абсолютизмом. В нем сочетались прямота характера, таланты государственного деятеля и монашеское презрение к миру. Он жил и был движим идеей ветхозаветной теократии и не имел представления о свободном

⁸⁵ *Praeter Henricum regem dictum omnes absolvo et benedico, quicumque me hanc habere specialem potestatem in vocem apostolorum Petri et Pauli credunt indubitanter* (Paulus Bernriedensis, *Vita Greg.*, с. 12; Baronius, *Ann.* XVII. 566).

⁸⁶ *Dilexi iustitiam et odi iniquitatem; propterea morior in exilio*. Первые слова дословно взяты из Пс. 44:8, а окончание фразы стоит вместо *propterea unxit te Deus*. Его враги распространили ложное известие, что он раскаялся в вызванном им споре. *Mon. Germ. Script.*, VIII. 470; Wasmann, II. 424 sqq.

⁸⁷ На его памятнике, поставленном в 1587 г. в соборе Салерно, написано: *Gregorius VII Soanensis, P.O.M., Ecclesiae libertatis vindex acerrimus, assertor constantissimus, qui dum Romani Pontificis auctoritatem adversus Henrici perfidiam strenue tueretur, Salernae sancte decubuit. Anno Domini 1085, oct. Cal. Jun. Hefele, V. 184; Gregorovius, Die Grabmäler der Päpste, p. 49; Giesebrecht, III. 578. В Риме, где так много памятников папам, нет памятника Григорию VII, за исключением надписи на камне в S. Prudentiana, где он назван *Vir benedictus, moribus ecclesiam renovavit*. См. Gregorovius, IV. 246.*

духе Евангелия. Это был человек из крови и железа, суровый монах, не способный к нежным чувствам, когда он выступал как официальный глава римской иерархии, однако он проявлял исключительную либеральность в отношении к Беренгару и протестовал против использования пыток. Его благочестие было проникнуто верностью иерархии, святому Петру и Деве Марии. Он не стеснялся в выборе средств для достижения своей цели и одобрял гражданскую войну ради триумфа Римской церкви.

Он был готов принести свою жизнь в жертву своим возвышенным принципам. Ни один папа не использовал слово «праведность» чаще, чем он. Ни один папа не сравнивал чаще конфликты, в которые был вовлечен, с военными действиями⁸⁸. Ни один человек не был сильнее убежден в здравости своего дела. Он считал свою власть основанной на Писании и свободно использовал его, чтобы убеждать остальных, цитируя некоторые места снова и снова — например, 1 Цар. 15:23 цитируется в его сочинениях девятнадцать раз⁸⁹. В Мф. 16:18 он находил явную гарантию папского превосходства и считал всех людей подчиненными власти преемников Петра⁹⁰. Как защитник папского абсолютизма и моральный реформатор, он оказал долговременное влияние на мышление и практику римского христианского мира. Даже если мы совсем не склонны разделять его взгляды, мы не можем не восхищаться человеком такого бесстрашия и такой моральной убежденности.

Его дух до сих пор витает в курии, которая тяготеет к теократии, но не способна претворить ее на практике. Папский «Силлабус» 1864 г. отрицает, что «римские понтифики выходили за границы своей власти» (§V. 23), и утверждает превосходство церкви над государством «в спорных вопросах юрисдикции» (§VI. 54). Политико-церковные энциклики Льва XIII (*Immortale Dei*, 1 ноября 1885 г., и *Libertas praestantissimum naturae donum*, 20 июня 1888 г.), по сути, заново провозглашают, хотя умеренно и осторожно, григорианскую теорию церкви и государства.

Ранке в свои последние годы писал о Григории⁹¹: «Его иерархическая система основана на устремлении сделать церковный порядок основой человеческого существования вообще. В таком контексте становятся понятными два его характерных и основополагающих принципа — заповедь безбрачия священников и запрет на светскую инвеституру. С помощью первого он намеревался превратить низший клир в орган, изолированный от всех личных и семейных отношений человеческого общества. С помощью второго он собирался освободить высший клир от всякого вмешательства гражданских властей. Великий иерарх хорошо продумал платформу, на которой хотел утвердиться. Он шел навстречу требованиям своего века, желавшего видеть в священнике как таковом существо высшего порядка. Все, что он говорит, отличается достоинством, силой и логической последовательностью... Его всеохватывающая деятельность была очень человеческой и в то же время предполагала религиозные идеалы. Иерархический принцип был самой его жизнью».

⁸⁸ Hauck, III. 754 sqq.

⁸⁹ В одном послании к Герману из Метца (*Reg.*, IV. 2) Григорий цитирует по меньшей мере девять мест Писания.

⁹⁰ *Ubi Deus Petro principaliter dedit potestatem ligandi et solvendi in terra et in caelo, nullum excepit, nihil ab ejus potestate subtraxit* (*Reg.*, IV. 2; Migne, 148, 456).

⁹¹ *Weltgesch.*, VII. 34 sqq.

Грегоровиус, который проводит сравнение между Григорием и Наполеоном, восхваляет гений Григория и его моральную силу. Он говорит⁹²: «Григорий был наследником древних задач папства. Но его беспрецедентный гений правителя и государственного деятеля принадлежит ему самому, и никто другой ни в древнем Риме, ни в современности не обладал его революционным дерзновением... Его слова перед смертью свидетельствуют об основных чертах его характера, который был великим и мужественным. Этому великому духу, этому характеру, почти не имеющему себе равных, принадлежит место между правителями земли, людьми, чье влияние на мир было насильственным, но благотворным. А религиозная составляющая возносит его в более высокую сферу, нежели та, к которой принадлежат светские монархи. В сравнении с Григорием Наполеон страдает бедностью идей».

Будем надеяться, что в глубине души Григорий ощущал ту христианскую любовь и кротость, восхвалением которых завершается одно из его посланий к Герману, архиепископу Метца⁹³, самое решительное выражение папского абсолютизма: «Если пренебрегать добродетелью любви, то, сколько бы добра человек ни совершил, он начисто лишен плода спасения. Мы должны действовать в смиренности и любить Бога и нашего ближнего — и к нам будет милостив Тот, Кто сказал: “Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем“. Тот, кто смиренно следует за Ним, попадет из царства повиновения, которое преидет, в царство истинной свободы, которое пребудет вовеки».

⁹² *Hist. of City of Rome*, IV. 256. О Каноссе этот автор заметил: «Победа монаха Григория, одержанная без оружия, должна вызывать восхищение мира не меньше, чем все победы Александра, Цезаря и Наполеона» (IV. 207). Как и другие протестантские немецкие историки, он не симпатизирует папскому абсолютизму Григория, однако большинство немецких церковных историков, как Мирбет и Хаук, склонны преувеличивать смелость, отвагу и мужество Генриха, превозносить справедливость его позиции, недооценивать моральные качества Григория в его конфликте с императором и непосредственные результаты событий в Каноссе. Хаук (III. 805) опускает подробное описание этой примечательной сцены, говоря, что она слишком хорошо известна немцам, чтобы ее пересказывать. Он, как это обычно делают, считает интеллектуальные достоинства Григория чересчур завышенными и объявляет, что титул «Великий» не случайно достался первому Григорию, а не седьмому папе с этим именем. У Гильдебранда было достаточно убеждений, но ему не хватало природной силы (p. 832 sq.).

⁹³ От 15 марта 1081 г., *Reg.*, VIII. 21; Mirbt, *Quellen*, 105-112; Migne, 148, 594-604.

ГЛАВА III

ПАПСТВО

ОТ СМЕРТИ ГРИГОРИЯ VII

ДО КОНКОРДАТА В ВОРМСЕ.

1085 — 1122

§19. Виктор III и Урбан II. 1086 — 1099

См. тж. главу о крестовых походах.

После смерти Григория его противник-император одержал победу в Германии и вернул себе часть Саксонии. Ломбардия оставалась верна империи. Матильда была в печали и заболела. Антипапа Виберт (Климент III, 1080 — 1100) продолжал занимать часть Рима (Латеранский дворец и замок Святого Ангела). Роджер, новый герцог Норманнский, направил все силы для обеспечения своего единовластия над Калабрией и Апулией, против своего брата Боэмунда. В череде пап был двенадцатимесячный перерыв.

В конце концов 24 мая 1086 г. превосходный аббат Дезидерий из Монте Кассино, возвысивший свой монастырь до высот процветания, был избран преемником своего друга Григория. Он принял престол после длительной отсрочки под именем Виктора III, но правил только восемнадцать месяцев. Он любил монашеское уединение и умер 16 сентября 1087 г.

Его преемником стал Оттон (Одон), кардинал-епископ Остии, француз, бывший приор Клюни и один из ближайших советников Гильдебранда. Он взял имя Урбана II и правил с 12 марта 1088 г. по 29 июля 1099 г. Он следовал по стопам Григория, но более осторожно и приспособляясь к обстоятельствам. Время своего понтификата он провел в основном вне Рима, но его моральное влияние постоянно возрастало. Он поддерживал растущий энтузиазм в отношении к священной войне креста против полумесяца, которая была чрезвычайно выгодна для папства, пожавшего все плоды и заслуги этого необычного движения.

Урбан благородно выступал в поддержку святости брака против развратного короля Филиппа I Французского, отказавшегося от законной жены Берты (1092) и поддерживавшего прелюбодейную связь с Бертрадой из Монфорта, беглой женой варварского графа Фулькона Анжуйского. Публичный скандал стал причиной нескольких синодов. Король был отлучен от церкви на синоде в Отуне в Бургундии 16 октября 1094 г. и на синоде в Клермоне в 1095 г. Позже он отослал от себя Бертраду и был прощен папой.

Урбан продолжал войну с Генрихом IV, не стесняясь в средствах. Он поощрял бунт его старшего сына Конрада, слабого и добродушного человека, который искал защиты у графини Матильды, был коронован королем Италии в Монце и

воздал папе почести, поддерживая его стремя (*officium stratoris*) в Кремоне (1095). Урбан, который был посвящен в папы вне Рима, смог с помощью норманнов войти в город (1088) и овладеть всеми его районами, кроме замка Святого Ангела, оставшегося в руках сторонников Виберта. Виберт удерживал в своих руках собор Св. Петра, который он превратил в крепость для защиты от Виктора III. Улицы папского города наполнились воинственными кличами двух папских армий, в то время как папа и антипапа провозглашали анафемы друг другу. Виберт умер во Флоренции в 1101 г.

Папа устроил неестественный брачный союз между вдовствующей графиней и молодым Гвельфом Баварским, отец которого был самым могущественным из врагов императора в Германии. Это был чисто политический союз, который не оставил ни одну из сторон и закончился разводом (1095), но он дал папской партии политическую организацию и привел к началу длительной войны между гвельфами и гибеллинами, затронувшую все города Италии и, как утверждают, вызвавшую семь тысяч двести переворотов и более семисот жестоких убийств в этой стране⁹⁴. Каждый рождавшийся итальянец получал в наследство ненависть и месть и не мог не принять участие в конфликте группировок мелких тиранов. Гвельфы защищали папу в борьбе с императором и демократию в борьбе с аристократией в городском управлении. Они были сильны и умели ниспровергать, но не были способны создать новое государство. Гибеллины утверждали божественное происхождение и независимую власть государства во всех светских делах в противовес притязаниям папства. Борьба группировок долго не утихала в Италии даже после того, как германский император утратил свою власть. Данте был сначала гвельфом, но в зрелости присоединился к гибеллинам и стал самым решительным оппонентом папы Бонифация VIII.

На великий пост 1095 г. Урбану удалось провести синод в Пьяченце, в Ломбардии, которая поддерживала Генриха IV. На синоде присутствовало четыре тысячи священников и монахов и более тридцати тысяч мирян. Заседания проводилось в открытом поле. Папа позволил Евпраксии (Адельгейде), второй жене Генриха IV, рассказать грязные подробности греховных действий, которым подвергал ее муж, одобрил ее бесстыдное повествование, отпустил все ее грехи и освободил от покаяния, «потому что она не постеснялась публично и добровольно исповедаться в своих недобровольных прегрешениях»⁹⁵. Осудив Генриха, синод подтвердил законы против симонии и николаитства. Виберт, антипапа, был подвергнут анафеме, его рукоположения были объявлены недействительными. В противовес ереси Беренгара была утверждена католическая вера в истинное и реальное присутствие тела и крови Христа на евхаристии.

Более важным был синод в Клермоне во Франции 18-28 ноября 1095 г., с которого начался первый крестовый поход. Здесь Урбан произнес самую эффектную из своих проповедей и его влияние достигло своего пика.

Он проехал в триумфальной процессии, окруженный князьями и прелатами, через Францию и Италию. Повсюду он призывал народ покаяться в грехах и

⁹⁴ *Guelfi, Welfen*, от *Welf* («волк»), фамильного имени герцогов Баварии. *Ghibellini, Ghibellinen*, от *Waiblingen*, наследного замка Конрада Гогенштауфена в Швабии. См. Ferrari, *Histoire des révolutions d'Italie, ou Guelfes et Ghibellins*, Paris, 1858, 4 vols. От гвельфов произошли дома Брюнсвика и Ганновера и королевское семейство Англии начиная с Георга I (1714).

⁹⁵ Евпраксия (Praxedis, Euraxia) или, как называли ее германцы, Адельгейда была русской {киевской} княгиней, которая вышла за Генриха в 1089 г., через два года после смерти Берты. Она выдвинула точно такие же ужасные обвинения на синоде в Констанце в 1094 г. См. Pertz, tom. VII, 458, XVII. 14; Hefele-Knöpfler, V. 211 sq. и 216; Greenwood, IV. 561.

доказать искренность своего обращения, убив столько врагов креста, сколько они смогут поразить своими мечами. Когда он достиг Рима, антипапа был выгнан оттуда крестоносцами. Он отпраздновал Рождество 1096 г. с необычайной пышностью и провел два синода в Латеранском дворце, в январе 1097 г. и в апреле 1099 г. Он умер 29 июля 1099 г., через две недели после захвата крестоносцами Иерусалима (15 июля).

§20. Пасхалий II и Генрих V. 1099 — 1118

Послания Пасхалия II в Migne, 163. — W. Schum: *Die Politik Papst Paschalis II gegen Kaiser Heinrich V*. Erfurt, 1877. — G. Peiser: *Der deutsche Investiturstreit unter Heinrich V bis 1111*. Berlin, 1883. — Gregorovius, IV, Hauck, III, Pflugk-Hartung: *Die Bullen der Päpste*. Gotha, 1901, pp. 234-263. — Miret, art. *Paschalis II* в Herzog, XIV. 717-725, и приведенная там литература.

Пасхалий II, монах из Клуни и ученик Гильдебранда, но менее твердый и последовательный, был избран папой в июле 1099 г. и правил до 1118 г. Климент III, антипапа, умер в сентябре 1100 г. утомленный делами мира, оставив о себе память как о человеке чистом, кротком и достойном. Имперский клир Рима избрал другого антипапу, Сильвестра IV, который вскоре тихо исчез со сцены.

Пасхалий достиг полной победы над Генрихом IV, поддержав греховный бунт его второго сына, Генриха V, последнего из Салической или Франконской линии императоров (1104 — 1125).

Несчастный отец умер — преданный анафеме, в нищете — в Льеже (Люттихе) 7 августа 1106 г. Народ города, который остался верен ему, оплакивал его смерть, однако папские агенты велели епископу Льежа убрать его тело из освященной земли и перенести на остров на реке Маас. Генрих V не утратил окончательно чувств к своему отцу и выполнил предсмертную просьбу похоронить его в императорской гробнице в Шпейере. Клир и горожане сопровождали погребальную процессию до собора Св. Марии, который покойный монарх сам построил и богато одарил. Он был похоронен со всеми почестями. Но когда об этом услышал епископ Гебхард, один из наиболее яростных гонителей Генриха, который в то время отсутствовал, он велел эксгумировать тело и перенести его и запретил все богослужения в церкви, пока она не будет очищена от скверны. Тем не менее невозможно было воспрепятствовать народу, посещавшему неосвященную часовню, в которую поместили несчастные останки их монарха и покровителя. В конце концов папа отменил анафему благодаря уверениям Генриха V, что его отец искренне раскаялся, и его тело было снова помещено в собор 7 августа 1111 г. Своими моральными недостатками и своим унижением в Каноссе Генрих IV способствовал усилению папской иерархии, но, продолжая сопротивление после этих событий, помешал ее полному триумфу. Вскоре после его смерти анонимный автор красноречиво и трогательно выразил свою скорбь по императору, которого он называет надеждой и утешением, гордостью Рима, украшением империи, светочем миру, благодетелем вдов и сирот и отцом бедных⁹⁶.

⁹⁶ Этот трактат более красноречив, чем точен. Голдаст, Флото и Гизелер приписывают его епископу Отбергу из Люттиха (Льежа); доктор Жаффе — неизвестному автору из Майнца (см. предисл. к его немецкому переводу, *Das Leben Kaiser Heinrich des Vierten*, Berlin, 1858); Друффель и Гизбрехт — епископу Эрлунгу из Вюрцбурга, который был канцлером императора с 1103 по 1105 г. Хорошую характеристику Генриха IV см. в Giesebrecht, III. 764-768, и об этой биографии — pp. 1050 sq.

Пасхалию пришлось пострадать из-за своей беспринципной политики. Когда Генрих V окончательно пришел к власти, он потребовал права на инвеституру над всеми церквями империи и коронации в Риме. Папа был заключен в тюрьму, и Генрих так давил на него, что тот решил купить духовную свободу церкви, пожертвовав ее светским имуществом (за исключением наследия Петра). Соглашение на этот счет между ним и императором было подписано в апреле 1111 г. Генрих был коронован императором римлян в соборе Св. Петра, но после его возвращения в Германию Латеранский синод в марте 1112 г. отверг соглашение. Папа сообщил синоду, что он, находясь у императора под стражей вместе со многими епископами и кардиналами, уступил ему право на инвеституру, чтобы избежать больших зол, и обещал иммунитет от отлучения. Он признал, что такая уступка была неправильной, и предоставил синоду право улучшить ситуацию. На шестом заседании (23 марта) он торжественно подтвердил католическую веру в Писание, Ветхий и Новый Завет, каноны апостолов, в четыре вселенских собора в Никее, Константинополе, Эфесе и Халкидоне и в указы Григория VII и Урбана II против светской инвеституры и всех прочих прегрешений, которые они осуждали. Затем синод, при молчании папы, постановил аннулировать договор, который был вынужденно заключен с королем Генрихом. Все воскликнули: «Аминь, аминь, *fiat, fiat!*». Решение подписали двенадцать архиепископов, сто четырнадцать епископов, пятнадцать кардиналов-священников и восемь кардиналов-диаконов.

Ревностные григориане пожелали пойти дальше и объявили светскую инвеституру ересью (хотя отсюда следовало, что папа Пасхалий — еретик). Французский синод во Вьенне 16 сентября 1112 г. принял три декрета: 1) светская инвеститура — это ересь; 2) соглашение, принудительно навязанное Пасхалию Генрихом, недействительно; 3) король Генрих, который прибыл в Рим под предлогом мира и предал папу поцелуем Иуды, отлучен от святой церкви, пока полностью не оправдается. Эти решения были представлены папе, который одобрил их 20 октября того же года, чтобы предотвратить раскол. Другие поместные синоды во Франции, проведенные папскими легатами, подвергли анафеме «германского тирана».

Но Генрих бросил вызов папе, который обещал никогда не отлучать его из-за инвеституры. После смерти графини Матильды (24 июля 1115 г.) он поспешил в третий раз в Италию и насильственно захватил богатые владения, которые она завещала престолу святого Петра. Пасхалий бежал в Беневенто и призвал себе на помощь норманнов, как делал Григорий VII. Генрих отпраздновал Пасху 1117 г. в Риме с большой помпезностью, короновал императрицу, являлся народу в императорском пурпуре и развлекал его представлениями и процессиями, но летом он вернулся в Германию после бесплодных переговоров с папой. Он дожил до заключения Вормского конкордата. Это был энергичный, но жестокий, деспотичный и непопулярный правитель.

Пасхалий умер 21 января 1118 г. в замке Святого Ангела и был похоронен в латеранской церкви Св. Иоанна. Он едва избежал обвинения в ереси и расколе. Частным образом он осуждал, а официально поддерживал светскую инвеституру, стараясь и ублажить собственную совесть, и исполнить официальные обязанности перед папством. Экстремистская партия обвиняла его в грехе Петра и призывала покаяться; более умеренные судьи, такие как Ив Шартрский и Гильдебегт из Ле Манса, отстаивавшие гильдебрандовские принципы свободы церкви, оправдывали его на том основании, что он уступил временно, уповая на

лучшие времена, из похвального желания спасти заключенных кардиналов и избежать кровопролития. Они ссылались на пример Павла, который сделал обрезание Тимофею и согласился с желанием Иакова в Иерусалиме, чтобы угодить обратившимся в христианство иудеям.

§21. Вормский конкордат. 1122

ЕККЕНHARDUS URAUGIENSIS: *Chronica* (лучшее издание Waiz в *Mon. Germ. Script.*, VI. 260). — UL. ROBERT: *Étude sur les actes du pape Calixte II*. Paris, 1874. — E. BERNHEIM: *Zur Geschichte des Wormser Concordats*. Göttingen, 1878. — M. MAURER: *Papst Calixt II*. München, 1886. — GIESEBRECHT, III. 931-959. — RANKE, VIII. 111-126. — HEFELE-KNÖPFLEH, V. 311-384; *Bullaire et histoire de Calixte II*. Paris, 1891. — D. SCHAFER: *Zur Beurtheilung des Wormser Konkordats*. Berlin, 1905.

Григорианская партия избрала папой кардинала-диакона Геласия, весьма преклонного возраста. Его краткое правление в год и четыре дня сопровождалось чередой горестных неудач. Как только он был избран, ему нанесла тяжкое оскорбление толпа, возглавляемая Ценцием Франджипани, и он был брошен в темницу. Освобожденный переменчивыми римлянами, он пришел в панику от внезапного появления у городских ворот Генриха V и бежал, пытаясь уплыть морем. Норманны пришли ему на выручку и препроводили обратно в Рим, где он обнаружил собор Св. Петра в руках антипапы. Яростный мятеж опять вынудил его бежать, и когда его нашли, он сидел в поле недалеко от церкви Св. Павла в компании нескольких утешавших его женщин. Затем он бежал в Пизу, потом, через Геную, во Францию, где умер в Ключи в 1119 г. Имперская партия избрала антипапу Григория VIII, который был посвящен в Риме в присутствии Генриха V и правил до 1121 г., но был захвачен в плен норманнами, посажен на верблюда, провезен перед Калликстом под оскорбления и насмешки римской толпы, забросан грязью и отправлен в темницу. Он умер в удаленном монастыре в 1125 г., «упорствуя в своем бунте». Таково было состояние общества в Риме.

Калликст II, преемник Геласия (1119 — 1124), был избран в Ключи и посвящен во Вьенне. Он начал свое правление, подтвердив приговор отлучения против Генриха, и в этом папе император нашел себе достойного соперника. После синода в Реймсе, который узаконил запрет на светскую инвеституру, он появился в Риме (1120). Обе партии, императора и папы, устали от пятидесятилетней борьбы, которая, подобно Тридцатилетней войне пятьсот лет спустя, держала Центральную Европу в состоянии волнений и бесчинств. На рейхстаге в Вюрцбурге (1121) сторонников мира было большинство. Они потребовали прекратить конфликт и созвать собор.

Калликст, хотя и неохотно, счел наилучшим выходом внять решениям германского рейхстага и велел своим легатам созвать общий собор всех епископов Франции и Германии в Майнце ради восстановления согласия между священным престолом и империей. Собрание было перенесено из Майнца в Вормс — город, который позже стал знаменит еще и благодаря протесту Лютера. Громадные толпы собрались туда, чтобы стать свидетелями восстановления мира. Заседания продолжались больше недели, завершившись торжественной мессой и *Te Deum*, отслуженными кардиналом-епископом Остии, который поцеловал императора мирным поцелуем.

Вормский конкордат был подписан 23 сентября 1122 г. Это был компромисс между борющимися партиями, первый из множества конкордатов, которые с тех пор заключали папы с разными правителями и правительствами и в которых они

обычно снисходили до каких-то уступок гражданской власти. Когда папы оказываются не в состоянии навязать свои принципы, они соглашаются и на *modus vivendi*.

Папа победил в главном вопросе, а именно, в своем праве на инвеституру, на вручение кольца и посоха (символов духовной власти) во всех церквях империи, а также в восстановлении собственности и светских доходов благословенного Петра, которые святой престол утратил в течение последних гражданских войн.

А с другой стороны, папа делал уступки императору: избрания всех епископов и аббатов империи производятся в присутствии императора, без симонии или какого-либо вида коррупции; в случае споров император может выбирать того человека, который, по его мнению, наиболее подходит на должность; кандидат, избранный таким образом, получает от императора право на владение своим престолом или аббатством посредством вручения жезла или скипетра (символов светской власти), но без права на торговлю или операции с ценностями какого-либо рода, и после этого он обязан выполнять перед властителем все обязанности и нести служения, полагающиеся по закону. Однако такого рода обязанности не могут затрагивать имущество, принадлежащее римскому престолу.

В этом договоре содержалась неопределенность и двусмысленность, которая открывала возможности для будущего недовольства. Император отказывается от права на инвеституру (с кольцом и посохом), но продолжает обладать им в смягченной форме (с жезлом). Вопрос о том, должно ли посвящение предшествовать инвеституре или следовать за ним, оставался нерешенным, за исключением областей вне Германии, — то есть Италии и Бургундии, где инвеститура вместе с вручением жезла должна была совершаться в течение шести месяцев *после* посвящения. Ничего не говорилось о наследниках и преемниках договаривавшихся сторон — а значит, конкордат мог восприниматься просто как договор между Калликстом и Генрихом, как временная мера и обыкновенное перемирие после полувековых раздоров между церковью и государством. После смерти Калликста и Генриха папская тиара и императорская корона вновь стали яблоком раздора.

Вормский конкордат был подтвержден девятым вселенским (по римскому исчислению) собором, или первым общим собором Запада, проведенном в Латеранском дворце с 18 марта по 6 апреля 1123 г. Его также называют Первым Латеранским собором. Там присутствовало более трехсот епископов и аббатов или, по другим сообщениям, пятьсот или даже девятьсот девяносто семь. Документы Вормса были прочитаны, одобрены всеми и помещены в архивы Римской церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст *Concordatum Wormatiense*, или *Pactum Calixtinum*, хранится в Ватикане и присутствует в хронике Эккегарда (аббат Ауры, рядом с Киссенгеном, с 1108 по 1125 г.). Он был опубликован: Baronius, *Annales*; Goldast, *Constitutiones Imperiales*; Leibnitz, *Corpus juris diplomaticum*; Gieseler, *Church History*; в переводе на немецкий язык — в Hefele-Knöpfler, *Conciliengesch.*, V. 373; также в Pertz, *Monumenta Germaniae Legum*, II. 75 sq. (где приводятся разные прочтения из семи рукописей *Chronica* Эккегарда), и Mirbt, *Quellen*, 115, 116. В договоре записано:

In nomine sanctae et individuae Trinitatis.

Ego Henricus Dei gratia Romanorum Imperator Augustus pro amore Dei et s. Romanae Ecclesiae et domini P. Calixti, et pro remedio animae meae, dimitto Deo et ss. ejus Apostolis Petro et Paulo, sanctaeque catholicae Ecclesiae omnem investituram per annulum et baculum, et concedo, in omnibus Ecclesiis canonicam fieri electionem et liberam consecrationem. Possessiones et regalia b. Petri, quae a principio hujus discordiae usque ad hodiernam diem, sive patris mei tempore, sive etiam meo, ablata sunt, quae habeo, s. Romanae Ecclesiae restituo, quae autem non habeo, ut, restituantur, fideliter juro. Possessio-

nes etiam omnium Ecclesiarum aliarum, et Principum, et aliorum tam clericorum quam laicorum, quae in guerra ista amissae sunt, consilio Principum, vel iustitia, quas habeo, reddam, quas non habeo, ut reddantur, fideliter iuvabo. Et do veram pacem domino Papae Calixto, sanctaeque Romanae Ecclesiae, et omnibus, qui in parte ipsius sunt vel fuerunt. Et in quibus s. Romana Ecclesia mihi auxilium postulaverit, fideliter iuvabo; et de quibus mihi fecerit querimoniam, debitam sibi faciam iustitiam.

Ego Calixtus Episcopus, servus servorum Dei, tibi dilecto filio Heinrico, Dei gratia Romanorum Imperatori Augusto, concedo, electiones Episcoporum et Abbatum Teutonici regni, qui ad regnum pertinent, in praesentia tua fieri absque simonia et aliqua violentia; ut si qua inter partes discordia emerit, Metropolitanum et Comprovincialium consilio vel iudicio, saniori parti assensum et auxilium praebeas. Electus autem regalia per sceptrum a te recipiat, et quae ex his iure tibi debet, faciat. Ex aliis vero partibus Imperii consecratus infra sex menses regalia per sceptrum a te recipiat, et quae ex his iure tibi debet, faciat, exceptis omnibus, quae ad Romanam Ecclesiam pertinere noscuntur. De quibus vero querimoniam mihi feceris, secundum officii mei debitum auxilium tibi praestabo. Do tibi veram pacem et omnibus, qui in parte tua sunt, aut fuerunt tempore hujus discordiae.

Data anno dominicae Incarnationis MCXXII. IX Kal. Octobr.

Далее следуют подписи.

§22. Конфликт иерархии в Англии. Вильгельм Завоеватель и Ланфранк

DOMESDAY (или DOOMESDAY) BOOK (*Liber iudicii; Книга суда; Liber de Wintonia*, помещенная в соборе в Винчестере, сейчас в Доме Хартии в Вестминстере, факсимильное издание — 1783 и 1861). Она была составлена между 1080 и 1086 г. «судейскими» Вильгельма Завоевателя для определения облагаемого налогом имущества и военной силы покоренной страны и обеспечения полного и правильного налогообложения. Она содержит, помимо прочего, список епископов, церквей, молитвенных домов, выдающихся людей и т. д. См. Freeman, *Norman Conquest*, V. 1-52, 733-740. Он говорит (Preface, viii): «Богатство сведений, предоставленных в “Книге суда”, безгранично» (скорее, для светской истории, чем для церковной). — *Gesta Wilhelmi*, автор Вильям из Пуаттье, капеллан и ревностный сторонник Завоевателя. Также хроники: WILLIAM OF JUMIÈGES, ORDERICUS VITALIS, в Migne, 188, Eng. trans., 4 vols. Bohn's Libr.

LANFRANC (тридцать четвертый архиепископ Кентерберийский, 1005 — 1089): *Vita* и (55) *Epistolae*, в его *Opera*, изд. D'Achery (Paris, 1648), Giles (Oxford, 1844, 2 vols.) и Migne, 150. — Н. БОНМЕР, *Die Fälschungen Lanfranks von Cant.* Leipzig, 1902.

*EADMER (монах из Кентерберии, ученик и биограф Ансельма): *Vita Sancti Anselmi* и *Historia Novorum*, обе — в *Opera* Ансельма (ed. Migne, 158, 159, и в Rolls Series, 1884). — Биографии Ансельма: FRANK (Tübingen, 1842), HASSE (Leipzig, 1843, vol. I. 235-455), REMUSAT (Paris, 1853; нем. перев. Wurzbach, 1854), DEAN CHURCH (London, 1875), RULE (London, 1883), НОК (во втором томе *Lives of the Archbishops of Canterbury*, London, 1861 — 1874), RIGG, 1896, WELCH, 1901.

*WILLIAM OF MALMESBURY (род. ок. 1096, ум. в 1143), сын норманнского отца и саксонской матери, монах и библиотекарь аббатства Малмсбери: *De Gestis Regum Anglorum* (история Англии от англо-саксонского завоевания до конца правления Генриха I, 1129); *Historiae Novellae* (продолжение до 1151 г.); *De Gestis Pontificum Anglorum* (история английской церкви до 1123 г.). Изд. Savile, в *Rerum Anglicarum Scriptores*, London, 1596; лучшее издание в Rolls Series, англ. перев. — John Sharpe, изд. Giles, в Bohn, «Antiquarian Library», London, 1847.

Труды HENRY OF HUNTINGDON, WILLIAM OF NEWBURGH, GERVAISE OF CANTEBURY, RALPH OF COGGESHALL, RICHARD OF HOVEDEN, MATTHEW PARIS, etc., изданы в *Rerum Britannicarum medii aevi scriptores*, называемых «The Rolls Series», London, 1858 sqq. Эти труды, изданные Stubbs, Luard и другими компетентными английскими учеными, обязательны для изучения.

J. N. AUG. THIERRY (1795 — 1856): *Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, de ses causes et de ses suites en Angleterre, en Écosse, et en Irlande et sur le continent (5e éd. entièrement revue et augmentée)*. Paris, 1839, 4 vols. Первое издание вышло в 1825 в 3 томах, шестое издание — в 1843, etc. Англ. перев. Hazlitt, 1847.

EDW. A. FREEMAN (профессор истории из Оксфорда): *History of the Norman Conquest*. Oxford, 1867 — 1876 (vols. II, III, IV, V. См. Index, vol. VI). Его же *Reign of William Rufus and the Accession of Henry the First*. Oxford, 1882, 2 vols. (см. Index, sub *Anselm*). Исчерпывающее

освещение периода мастером исторического исследования, редкой эрудиции, с образцовыми указателями.

Епископ Stubbs предоставляет оригинальную информацию в своей *Constitutional History of England*, 6th ed., 3 vols. 1897; *Select Charters and Other Illustrations of English Constitutional History to the Reign of Edward I* (1870); *Memorials of St. Dunstan* (1874).

Н. ГЕЕ и W. J. HARDY: *Documents illustrative of Eng. Ch. Hist.*, London, 1896.

W. R. W. STEPHENS: *The Eng. Ch.* 1066 — 1272. London, 1891.

Милмен (кн. VIII, гл. VIII) вкратце затрагивает эту важную главу церковной истории Англии. Хардуик (*Church History of the Middle Ages*) не обращает на нее внимания. Робертсон обращает внимание на основные факты. Декан Хук приводит жизнеописание Ланфранка и Ансельма (II. 73-168 и 169-276).

Конфликт между папой и императором из-за власти повторился, хотя и в меньшем масштабе, в Англии между архиепископом Кентерберийским и королем и был на какое-то время решен в пользу иерархии за несколько лет до Вормского конкордата. Борьба за свободу церкви была косвенным образом также борьбой за свободу государства и народа от тирании короны. Сначала священство победило короля, затем аристократия — абсолютную монархию посредством Великой хартии вольностей, и наконец народ победил обоих.

Англо-саксонские короли и знать обогатили церковь Англии, свою *alma mater*, щедрыми дарами земель, которые составляли примерно одну треть всех земельных владений, и тем самым придали ей большое политическое влияние. Епископы занимали место среди знати, архиепископы стояли наравне с князьями, следующими после короля. Архиепископу Кентерберийскому обычно поручалось регентство, когда властитель отсутствовал и был на континенте.

Но по этой самой причине британские правители разных династий старались подчинить себе церковь посредством избрания епископов и осуществления права на инвеституру. Они заполняли вакантные места епископов своими капелланами, так что двор стал местом воспитания прелатов, которые иногда отличались таким высокомерием, что жаловали себя титулами «пастырь пастырей» или даже «наместник Христа». Короче говоря, они желали быть папами Англии задолго до того, как Генрих VIII богохульно объявил себя «высшим главой Английской церкви».

При последних королях саксонского рода церковь выродилась, и она так же сильно нуждалась в реформе, как церкви на континенте. Аскетические реформы Дунстана не укоренились и быстро заглохли. Король Эдуард Исповедник (1042 — 1066) был святым монахом, но чужаком и тенью в Англии. Сердце его было в Нормандии, земле его юности. Древняя саксонская литература была забыта. Клирики погрязли в невежестве⁹⁷. Никакой церковный синод не нарушал их дремоты. Священники были женаты или сожительствовали с женщинами. Симония процветала.

Норманнское завоевание пробудило Англию к новой жизни и активности. Это было величайшее изменение в английской истории после англо-саксонского завоевания. Оно оставило свой отпечаток на языке, литературе, архитектуре, законах и учреждениях страны, но не нарушило преемственности. Норманны, хотя и чужестранцы, были родственным народом из той же тевтонской группы, романизовавшимся и галлицизированным во Франции. Из диких разбойников они превратились в полудивилизованных христиан, не утратив своей храбрости и

⁹⁷ О позднем англо-саксонском клире говорилось, что они неспособны без запинки воспроизвести формулы богослужения и что каждый знакомый с «грамматикой» считался выдающейся личностью.

любви к приключениям, которые проявились в крестовых походах и покорении Англии. Они привили к англо-саксонскому дереву французский язык и манеры и привнесли аристократический элемент к демократической основе. Однако потребовалось много времени, чтобы два народа и языка слились в один.

Их слияние стало взаимным обогащением. Удачное сочетание саксонской силы и выносливости с норманнской предприимчивостью и живостью, а также островное положение и возможности самоуправления, которыми Англия пользовалась с тех пор, сделали ее страной, владеющей морями и основавшей процветающие колонии на всех континентах⁹⁸.

Норманнские короли так же ревностно относились к своим правам и так же возражали против власти папства, как германские императоры. Их инстинкты и интересы были цезаропапистскими или эрастианскими, но церковь держала их под контролем. Гильдебрандовские идеи реформ поддерживались и осуществлялись двумя из самых выдающихся ученых и монахов эпохи — Ланфранком (1005 — 1089) и Ансельмом (1033 — 1109), сменившими один другого на престоле Кентерберри. Они оба были итальянского происхождения: один из ломбардской Павии, другой — из Аосты, а впоследствии оба — аббаты и учителя знаменитого монастыря Бек в епархии Руана.

Вильгельм I Норманнский, или Завоеватель, сын «Роберта Дьявола» и дочери дубильщика, первый король Норманнской династии (1066 — 1087), заявил свои претензии на английский трон, освященные папой Александром II, нанеся поражение Гарольду в битве у холма Сенлак возле Гастингса 14 октября 1066 г. Пять лет спустя он сделал Ланфранка архиепископом Кентерберийским. (Ранее он изгнал его из Нормандии за то, что тот был против его брака с Матильдой из Фландрии по причине их кровного родства.) Он нагнал аббата, когда тот покидал монастырь верхом на хромой лошади, и подгонял его. Аббат сказал: «Дай мне лошадь получше, и я поеду быстрее». Этот хладнокровный ответ вызвал у герцога не гнев, а улыбку и расположение к Ланфранку. Они примирились, и с его помощью Вильгельм добивался от папы разрешения на брак и снятия интердикта со своих территорий.

Ланфранк был умеренным последователем Гильдебранда. Он был основным защитником учения о пресуществлении в споре с Беренгаром, в то время как Гильдебранд защищал Беренгара, пока мог⁹⁹. Он ревностно отстаивал безбрачие священников, назначал монахов на места светских каноников в соборах и запретил, через Винчестерский собор 1076 г., рукоположение женатых священников, хотя и позволил сельскому клиру оставить жен. Он не до конца одобрял притязания папы на светскую власть и не подчинялся частым призывам явиться в Рим. В целом он поддерживал мирные отношения с королем, хотя ничего не мог сделать против его воли. Он помогал ему в попытках норманнизировать Английскую церковь. Ему доверялось регентство, когда герцог был на континенте. Он способствовал развитию учености и восстановил сгоревший собор в Кентерберри.

Вильгельм был деспотом по отношению к церкви и государству, а в последние годы правления стал еще более жестким и безразличным к человеческим страданиям. Его воля была законом в стране. Фримен считает его «одним из величайших людей» и «одним из худших людей» одновременно¹⁰⁰. В его военном гении

⁹⁸ О последствиях норманнского завоевания см. пятый том великого труда Фримена. См. также очерк Шаффа о космополитичном характере и миссии английского языка в его *Literature and Poetry*, New York, 1890, pp. 1-62.

⁹⁹ О связи Ланфранка со спором Беренгара см. т. IV.

и государственных талантах невозможно сомневаться, но он был совершенно беспринципным в плане выбора средств. Он обладал сильным религиозным чувством и уважал церковь, был щедр к ее служителям и не присваивал себе церковные доходы, подолгу оставляя должности вакантными, как делал его сын; он не практиковал симонию и в этом шел в ногу с реформами Гильдебранда¹⁰¹. Однако он твердо отстаивал право на инвеституру. Он объявлял, что ни один епископский посох не пройдет мимо его рук. Он настаивал на своем даже против Гильдебранда. Он считал, что обязан своей короной только Богу и своему мечу. Он готов был платить папе лепту святого Петра как пожертвование, но не как дань, и отказывался присягать в верности Григорию VII.

Он полностью использовал свое право победителя. Он подчинял владения церкви тем же самым феодальным обязательствам, что и другие земли. Он разорял молитвенные дома. Он сместил архиепископа Стиганда и других саксонских епископов, чтобы освободить место для норманнских фаворитов, которые даже не понимали язык народа. Эти перемены начались только в 1070 г., когда Стиганда судили перед папскими легатами, возложившими корону на голову Вильгельма. Стиганда обвиняли прежде всего в симонии и в том, что он получил свой паллий от папы-узурпатора Бенедикта X. Сменяя епископов, Вильгельм оставил в числе епархиальных глав только одного англичанина, простодушного Вульфстана из Ворчестера. Постепенно он совершил то же самое с аббатами и более низкими чинами. Он не позволял созывать синоды без своего предварительного разрешения. Постановления синодов согласовывали с ним. Никакой папа не признавался в Англии против его воли, и никакие папские послания не обнародовались без его согласия. Ни один церковный деятель не мог покинуть королевство без его разрешения, и епископам было запрещено отлучать от церкви знатных людей за прелюбодеяние или другой тяжкий грех без предварительного согласия короля. В этом отношении власть клира была ограничена, как ограничивалась и власть Рима над Английской церковью. Ланфранк, похоже, полностью симпатизировал этим мерам, ибо после смерти Александра II, который учился у него в Беке, он с видимой прохладностью относился к папам, особенно к Григорию VII. Григорий написал ему несколько посланий, угрожая смещением и упрекая за отсутствие на синодах, которые созывались в Риме¹⁰².

С другой стороны, в правление Вильгельма был принят закон, требовавший, чтобы церковные тяжбы рассматривал отдельный суд¹⁰³ (позже этот закон стал причиной многих споров). С тех пор епископский суд вершился по каноническому праву, а не по светским английским законам, которые использовались в судах графств. Другим важным нововведением в правление Вильгельма, санкционированным синодальными властями¹⁰⁴, было перемещение епископских престолов в крупные города, посредством чего церковь пыталась приспособиться к географическим изменениям. Чичестер занял место Селси, Солсбери — Шерборна, Честер — Личфилда, Линкольн — Дорчестера (1085), Бат — Уэллса (1088) и Нор-

¹⁰⁰ *Norman Conquest*, II. 165.

¹⁰¹ Freeman, V. 169: «Он был одним из немногих князей той эпохи, чьи руки были совершенно незапятнаны виной симонии. Его церковные назначения по большей части делают ему честь, и мы не можем говорить о покровителе Ланфранка и Ансельма без уважения».

¹⁰² *Reg. Greg.*, VI. 30, IX. 20; Migne, 148, 621, 643.

¹⁰³ Gee and Hardy, 57 sq.

¹⁰⁴ Синод в Лондоне, 1075. См. Wilkins, I. 363; Gee and Hardy, 54.

вич — Тетфорда (1094), а ему на смену пришел Элмхем (1078). Осмунд, епископ Солсбери, племянник Завоевателя, подготовил литургию, называемую *Sarum use*, которая была принята и за пределами его епархии, а потом стала одним из основных источников для «Книги общих молитв».

§23. Вильгельм Рыжий и Ансельм

Вильгельм II, обычно называемый Вильгельмом Рыжим (*Rufus*, за рыжие волосы), третий сын и наследник Вильгельма Завоевателя, правил с 1087 по 1100 г. Он выкупил Нормандию у своего брата Роберта, чтобы позволить тому отправиться в крестовый поход. Это было единственное доброе дело, им совершенное, помимо назначения Ансельма примасом Англии. Он унаследовал все пороки и ни одной из добродетелей своего отца. Он презирал и ненавидел клириков. О нем говорили, что «он боялся Бога, но мало, а людей вовсе не боялся». Он был не атеистом или язычником, как некоторые представляют его, но нечестивцем и богохульником. Он верил в Бога, как и в бесов, но не трепетал перед Ним. Он пренебрегал Всемогущим. Оправившись от серьезной болезни, он сказал: «Бог никогда не увидит во мне доброго человека; я слишком много страдал от Его руки». Он сомневался в справедливости Бога и насмехался над ордалиями. Он публично объявлял, что ни святой Петр, ни какой-либо другой святой не имеют влияния на Бога и что он не будет просить их о помощи. Он имел обыкновение клясться «святым ликом из Лукки»¹⁰⁵. Он не был женат и предавался откровенному и постыдному разврату. Люди говорили о нем, что каждый раз, когда он просыпается утром и когда ложится спать вечером, он становится все хуже.

Он обещал Ланфранку при своей коронации быть справедливым, милостивым и защищать свободу церкви, но скоро забыл обет и начал систематически грабить церковь и угнетать клир. Он отбирал доходы у епископов и аббатов, оставляя места вакантными или продавая их тем, кто предлагал больше денег. За четыре года он превратил тридцать кладбищ в королевские парки, чтобы удовлетворять свою любовь к охоте, которая в конечном итоге стоила ему жизни. Он говорил: «Христос не обделен пропитанием. Короли пожаловали церкви половину ее дохода, так почему бы ей не вернуть хотя бы его часть?»

Он оставлял престол в Кентербери свободным почти на четыре года (1089 — 1093), но потом, под влиянием серьезной болезни, уступил давлению лучших представителей епископата и знати и избрал Ансельма, который находился тогда в Англии и был известен как вдумчивый богослов и святой человек. Более великий контраст трудно было себе вообразить. Если Вильгельм Рыжий получал удовольствие, наблюдая за мучениями невинных людей и животных, то Ансельм был исключительно добросердечным. Он спас жизнь зайцу, который бежал от охотников и искал защиты, спрятавшись под его лошадью; он усматривал достойную тему для молитвы в страданиях птички, которую мучил легкомысленный ребенок¹⁰⁶. Но при всей своей кротости он мог быть тверд и непреклонен в вопросах истины и праведности.

Ансельма назначили примасом, несмотря на его возражения. Он предвидел тяжкую борьбу. Он сравнивал себя со старой слабой овцой, а короля — с молодым диким быком. Запряженный с ним в одну упряжку, он потащит плуг Анг-

¹⁰⁵ *Per sanctum vultum de Luca*. Вырезанное из дерева изображение распятого Спасителя, которое, по преданию, было сделано Никодимом и хранилось в соборе Лукки.

¹⁰⁶ Об этих редких качествах его характера упоминает Эадмер в своей *Vita Anselmi*. Freeman, V. 25.

лийской церкви, рискуя быть порванным на куски¹⁰⁷. Он был принят с великим энтузиазмом в Кентербери клиром, монахами и народом и был посвящен во второе воскресенье Адвента 1093 г. Он тут же начал наводить порядок в согласии с принципами Гильдебранда, но с большей умеренностью и кротостью.

Прошло немного времени, и отношения между королем и прелатом стали напряженными. Ансельм поддержал Урбана II, Вильгельм же был склонен поддерживать антипапу Климента III. Сразу же предметом спора стал вопрос об инвеституре архиепископским паллием. Сначала король настаивал, чтобы Ансельм принял его от Климента, а потом стал претендовать на то, чтобы вручить его самостоятельно. Ансельм отказывался уступать и принял паллий в 1095 г. от легата Урбана, который привез священное одеяние в Англию в серебряной шкатулке. Архиепископ оскорбил короля и тем, как выполнял свои феодальные повинности¹⁰⁸. Вильгельм решил подвергнуть его суду. Ансельм, конечно же, был против такого недостойного обращения. Был поднят древний вопрос, служил ли церковный деятель Англии прежде всего папе или короне¹⁰⁹. Архиепископ получил от короля неохотное разрешение отправиться в Рим (1097), однако Вильгельм из мелочности донимал уезжавшего прелата, повелев, чтобы багаж Ансельма обыскали в Дувре. Он узурпировал доходы Кентербери, и отсутствие Ансельма было равнозначно изгнанию. Эадмер рассказывает о весьма показательной сцене перед отъездом Ансельма¹¹⁰. Во время последней встречи с Вильгельмом он отказался оставлять короля, не дав ему благословения. «Как духовный отец сыну, как архиепископ Кентерберийский королю Англии, — сказал он, — я хотел бы дать вам перед отъездом Божье благословение». На эти слова король ответил, что не откажется от благословения священника. Это была их последняя встреча.

Ансельм был с большим уважением принят папой, который угрожал королям отлучением, провозглашал анафему всем мирянам, если они пользуются правом инвеституры, и всем клирикам, если они соглашаются на инвеституру от мирян¹¹¹.

А Рыжий Король погиб от стрелы 2 августа 1100 г., во время охоты в Новом Лесу, — и никто не знает, была стрела выпущена убийцей или простым охотником. «Умерший без исповеди, без покаяния, он был похоронен в Олдминстере, в Винчестере, но волей клира и народа, словно гласом одного человека, в едином порыве был вынесен приговор, на который не отважился Рим. Вильгельм II подвергся уникальному народному отлучению от церкви. По нему не прозвонил ни один колокол, не была произнесена ни одна молитва, и не было сделано никаких приношений за упокой души крещенного и помазанного правителя, вечное осуждение которого воспринималось всем народом как не подлежащее никакому сомнению»¹¹².

¹⁰⁷ Эадмер пишет: *Indomitum taurum et vetulam ac debilem ovem in aratro conjungere sub uno jugo*, etc. (*Hist. Nov.*, в изд. Ансельма Migne, II. 368). Ранке (*Weltgesch.*, VIII. 115) делает забавную ошибку, вкладывая в уста Ансельма слова о том, будто плуг Англии будет влечь «два благородных и могучих быка» (*von zwei edlen und kräftigen Stieren, dem König und dem Primas*).

¹⁰⁸ Вскоре после того, как Ансельм стал архиепископом, он послал королю 500 фунтов стерлингов, сумму гораздо меньшую, чем ожидал король. В другой раз, когда король начинал войну против Уэльса, Ансельм послал ему воинов, которых король назвал нищенским сбродом необученных рыцарей.

¹⁰⁹ Эта проблема обсуждалась в Рокингеме на собрании баронов и епископов, во главе с Ансельмом. См. Freeman, *W. Rufus*, I. 476 sqq.

¹¹⁰ *Hist. Nov.*, II, Migne ed. 169, 402.

¹¹¹ Согласно Эадмеру, Урбан не предал анафеме Вильгельма Рыжего благодаря ходатайству Ансельма (*Hist. Nov.*, Migne ed. 159, 414).

§24. Ансельм и Генрих I

На момент смерти Рыжего Короля одно архиепископство, четыре епископства и одиннадцать аббатств были без пастырей. На трон возшел его младший брат Генрих I, по прозвищу Боклерк, Мудрый (1100 — 1135). Он соединил норманнскую кровь с кровью императорского дома Германии посредством брака своей дочери Матильды и Генриха V. После смерти императора Матильда вступила в брак с Жоффрием Плантагенетом, графом Анжуйским (1128), и стала матерью Генриха II, основателя династии Плантагенетов.

Король Генрих I прославился своим строгим отправлением правосудия. Он примирил с собой клир, вернув Ансельма из изгнания, но споры об инвеституре скоро возобновились. Он назначал епископов и аббатов и призывал Ансельма посвящать их, что тот упорно отказывался делать. Тогда он отправил его в изгнание во второй раз (1103 — 1106)¹¹³. Королева, Мод Добрая, которая чрезвычайно уважала архиепископа, попыталась выступить посредницей между ним и своим мужем и призывала Ансельма вернуться, даже если он при этом отчасти пожертвует своей земной властью, ведь согласился же апостол Павел сделать обрезание Тимофею и прийти в храм, чтобы примириться с иудейскими братьями.

Пасхалий II отлучил епископов, которые приняли инвеституру от Генриха, но король не был склонен продолжать вражду с Ансельмом. Они встретились в Нормандии и обратились к папе, который подтвердил предыдущие назначения, сделанные королем, при том условии, что в будущем право инвеституры будет принадлежать церкви. Это решение было ратифицировано в Беке 26 августа 1106 г. Король обещал возместить Ансельму доходы от его епархии, полученные в его отсутствие, отказаться от доходов вакантных епископств и аббатств и вернуть клирикам все подати. Он оставил за собой право посылать в вакантные епархии *congé d'élire*, или извещение к избранию, которое влекло за собой право номинации. Ансельм теперь стал посвящать епископов, среди которых оказался и Роджер из Солсбери, который особо понравился Генриху за то, что «быстро начинать молитвы и быстро их заканчивает»¹¹⁴.

Ансельм вернулся в Англию с триумфом и был встречен королевой, стоявшей во главе монахов и клира. На соборе, проведенном в Вестминстере в 1107 г.¹¹⁵, король формально отказался от привилегии инвеституры, в то время как архиепископ обещал терпимо относиться к церемонии феодальной присяги (осужденной Урбаном II). Синодические каноны против брака клириков были возобновлены и сделаны более строгими (1102, 1107, 1108), но папа согласился на какое-то время, чтобы к служению допускались сыновья священников, — как сообщает Эадмер, по той примечательной причине, что «большая и лучшая часть английского клира» происходила из этого класса¹¹⁶.

¹¹²Freeman, *Norm. Conq.*, V. 147.

¹¹³Находясь в Англии, Ансельм освятил брак Генриха с Матильдой, или Эадгитой (таким было ее английское имя), дочерью шотландского короля Малькольма. Ее тетка, монахиня в Ромси, покрыла Эадгиту монашеской накидкой, когда та была ребенком, чтобы защитить ее от насилия. Мнения насчет того, следует ли считать это действие принятием обета, разошлись. Ансельм объявил ее свободной. Женщины во времена норманнского завоевания временно надевали покрывало для защиты своей добродетели. Позже Ланфранк объявил, что такие женщины вольны вступать в брак.

¹¹⁴См. Fuller, *Ch. Hist. of Britain*, I. 340.

¹¹⁵Предыдущий собор состоялся в Вестминстере в 1102 г. См. Freeman, V. 221, 226, и Gee and Hardy, pp. 63 sq.

В оставшиеся годы своей жизни Ансельм пользовался дружбой и уважением короля, а в отсутствие последнего, когда тот был на континенте в 1108 г., ему доверялось регентство и забота о королевской семье. Он был канонизирован глазом английского народа задолго до формальной канонизации папой¹¹⁷.

После смерти Ансельма, в апреле 1109 г., место примаса оставалось вакантным до 1114 г., когда оно было доверено Ральфу из Эскуреса, епископу Рочестера, который управлял делами церкви и в промежуточный период. Его характеризуют как образованного, доброжелательного, любезного, жизнерадостного, живого прелата. Его называли *nigax*¹¹⁸, но его выходки и репризы никто не записал. Он и два его норманнских преемника, Вильгельм из Корбея (1123 — 1136) и Теобальд (1139 — 1161), несли служение в добрых отношениях с королем и его наследником Стефаном. Фома Бекет, англичанин, возобновил в 1162 г. спор между митрой и короной с большей энергией, но с меньшей мудростью, чем Ансельм.

¹¹⁶ Freeman, V. 223: «Новая строгость привела лишь к распущенности худшего рода, нежели та, которую она была призвана пресечь. В любом случае, теперь правило целибата впервые стало всеобщим законом Английской церкви. Таким образом, собор Ансельма в Вестминстере [1102 г.] отмечает новую эпоху в нашей церковной истории».

¹¹⁷ Канонизация Александром III ни к чему не привела, но была возобновлена Александром IV. Декан Черч говорит, что Ансельм «пострадал от недостойной канонизации из рук Борджии».

¹¹⁸ {Лат. «вздорный».}

ГЛАВА IV

ПАПСТВО ОТ ВОРМСКОГО КОНКОРДАТА ДО ИННОКЕНТИЯ III. 1122 — 1198

Исторические источники об этом периоде до середины XIII века см. в WATTENBACH: *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*, II. 217-442.

§25. Иннокентий II (1130 — 1143) и Евгений III (1145 — 1153)

ИННОКЕНТИЙ II: *Epistolae et Privilegia*, в Migne, *Patrol.*, tom. 179, fol. 54-636; его биографии в MURATORI (*Rer. Ital.*, tom. II-III) и WATTERICH (*Pontif. Rom. Vitae*, II. 174 sq.). — АНАКЛЕТОС (антипапа): *Epistolae et Privil.*, в Migne, tom. 179, fol. 687-732. — ЕВГЕНИЙ III: *Epistolae*, etc., в Migne, 180, 1013-1614. — Труды святого БЕРНАРА, изд. Mabillon, репринт в Migne, *Patrol.* (tom. 182-185, Paris, 1855); Ordericus Vitalis, *Eccl. Hist.*, XII. 11, etc.; Bohn, trans. IV. JAFFÉ: *Geschichte des deutschen Reichs unter Lothar von Sachsen*. Berlin, 1843. — MIRBT, ст. *Innocent II* в Herzog, IX. 108 sqq. — E. MÜHLBACHER: *Die streitige Papstwahl d. J. 1130*. Innsbruck, 1876. — W. BERNHARDI: *Konrad III*. Leipzig, 1883, 2 vols. — HEFELE-KNÖPFLER, Bd. V. 385-532. — GIESEBRECHT, Bd. IV. 54 sqq. — GREGOROVIVUS, IV. 403 sqq. НАУСК, IV. 130 sqq. — Биографии св. Бернара.

ПРЕЕМНИКОМ Калликста II стал Гонорий II, шестилетнее правление которого (1124 — 1130) было бедным на события. После его смерти начался опасный раскол между Иннокентием II (1130 — 1143) и Анаклетом II (1130 — 1138), представителями двух могущественных римских семейств — Франджиани, или Хлебопекон¹¹⁹, и Пьерлеоне.

Иннокентий, бывший кардинал-легат Урбана II и посредник Вормского конкордата, славился своей ученостью и благочестием, которые не оспаривались даже его оппонентами. У него было то преимущество, что его избрали первым, но законность процедуры была сомнительной, потому что его избрало меньшинство кардиналов, которые собрались в большой спешке в неизвестном месте, чтобы опередить кандидата-соперника¹²⁰.

Анаклет был сыном Пьерлеоне (*Petrus Leonis*) и внуком Льва, крещеного еврейского банкира, который приобрел большое финансовое, общественное и поли-

¹¹⁹ Имя, по легенде, возникло оттого, что один из предков семейства распределял хлеб во времена голода. На их гербе изображены два льва, стоящие на задних лапах и держащие между собой каравай хлеба. Gregorovius, IV. 404.

¹²⁰ После тщательного исследования Мюльбахер приходит к выводу о незаконности избрания Григория (Иннокентия II), и Дейч (примечание к его изданию Neander, *St. Bernhard*, I. 110 sq.) соглашается с ним, находя в притязаниях Иннокентия II лишь чисто моральные основания.

тическое влияние при гильдебрандовских папах. Еврейскую общину, состоявшую из нескольких сот членов, терпели на Трастевере и вокруг острова на Тибре как монументальное доказательство истинности христианства. Из нее произошли некоторые лучшие врачи и богатейшие банкиры, которые помогали знати и папам в их финансовых проблемах. По лицу Анаклета было заметно его семитское происхождение. Он уступал Иннокентию в плане моральных качеств, но его избрание было обеспечено большинством кардиналов, и его поддерживали основные знатные семейства и римское общество. С помощью норманнов он овладел Римом, изгнал своего оппонента, сместил враждебных кардиналов и наполнил коллегию своими друзьями.

Иннокентий был вынужден бежать во Францию и получил там могущественную поддержку Петра из Клуни и Бернара Клервоского — величайших монахов и пророков своего времени. Он был признан как законный папа всеми монашескими орденами и королями Франции и Англии.

Лотарь II (III) Саксонский (1125 — 1137), к которому обратились обе партии, принял решение в пользу Иннокентия, доставил его и святого Бернара в Рим при вооруженной охране и принял из рук папы императорскую корону 4 июня 1133 г.

Но после отбытия Лотаря Анаклет вновь завладел Римом с помощью норманнского герцога Роберта и партии соперника-императора Конрада III. Он сделал Роджера II королем Сицилии, там самым содействовав основанию королевства, которое просуществовало семьсот тридцать лет, пока не вошло в Итальянское королевство в 1860 г. Иннокентий удалился в Пизу (1135). Лотарь совершил второй поход на Италию и нанес поражение Роджеру II. Бернар вновь явился в Рим, и ему удалось укрепить положение Иннокентия. В этот момент, в 1138 г., Анаклет умер. О прекращении раскола было торжественно объявлено на Втором Латеранском соборе (1139). Вскоре после этого разразилась война между Иннокентием и Роджером, и Иннокентий был взят в плен. По освобождению он подтвердил назначение Роджера королем Сицилии. Лотарь вернулся в Германию, где в 1137 г. умер. Иннокентий отдал ему территории Матильды на условии ежегодной оплаты. На основании этой сделки позже папы будут утверждать, что император — папский вассал.

После кратких понтификатов Целестина II (1143 — 1144) и Луция II (1144 — 1145) 15 февраля 1145 г. папой стал Евгений III, ученик и друг святого Бернара, и правил до 8 июля 1153 г. Он носил под пурпуром грубое одеяние монахов из Сито. Ему пришлось бежать из Рима из-за волнений Арнольда Брешианского, и большую часть времени он провел в изгнании. Во время его понтификата была утрачена Эдесса и предпринят второй крестовый поход. Евгений в основном интересен связью со святым Бернаром, мудрым и верным советчиком, который адресует ему свой знаменитый трактат о папстве, *De consideratione*¹²¹.

§26. Арнольд Брешианский

Оттон (епископ Фрейзинга, или Фрейзингена, ум. в 1158): *De Gestis Friderici I* (lib. II, 20). — GUNTHER (Ligurinus): *De Gestis Friderici I*, эпос, написанный в 1187 г. (lib. III, vers. 262 sqq.). — ГЕРНОН (провост Рейхерсберга, ум. в 1169): *De investigatione Antichristi*, изд. Scheibelberger. Lincii, 1875. — JOHN OF SALISBURY: *Historia Pontificalis* (написана ок. 1162, обнаружена недавно), в *Mon. Germ. Script.*, XX, с. 31, р. 537. — СЯТОЙ БЕРНАР: *Epist.*, Migne, 195, 196, 198. — WALTER MAP (архидиакон Оксфорда, 1196): *De Nugis Curialium*, ed. Wright, pp. 41 и 43. Все источники враждебны к Арнольду и арнольдистам.

¹²¹ См. главы о втором крестовом походе и о святом Бернаре.

J. D. KÖLER: *De Arnaldo Brixienſi diſſert.* Göttingen, 1742. — GUADAGNINI: *Apologia di Arnaldo da Breſcia.* Pavia, 1790, 2 vols. — K. BECK: *A. v. Breſcia.* Baſel, 1824. — H. FRANCKE: *Arnold von Breſcia und ſeine Zeit.* Zürich, 1825 (восхваление). — BENT: *Essay ſur A. d. Breſcia.* Genève, 1856. — FEDERICO ODORICI: *Arnaldo da Breſcia.* 1861. GEORGES GUIBAL: *Arnald de Breſcia et les Hohenſtaufen ou la queſtion du pouvoir temporel de la papauté du moyen age.* Paris, 1868. — *GIESEBRECHT: *Arnold von Breſcia.* München, 1873 (в докладах Баварской Академии наук). См. его *Gesch. der d. Kaiſerzeit*, IV. 314 sqq. — A. DI GIOVANNI DE CASTRO: *Arnaldo da Breſcia e la rivoluzione romana dell XII ſecolo.* Livorno, 1875. — A. HAUSRATH: *Arnold von Breſcia.* Leipzig, 1891. — DEUTSCH, A. *von Breſcia*, в Herzog, II. 117-122. — GREGOROVIVS, IV. 479 sqq. Жизнеописание святого Бернара, особенно Vacandard и Neander — Deuſch.

Ко времени понтификатов Иннокентия II, Евгения III и Адриана IV относится интересный эпизод с Арнольдом Брешианским, потерпевшим неудачу церковным и политическим глашатаем, который протестовал против обмирщения церкви и старался восстановить ее апостольскую бедность и апостольскую чистоту. Эти две идеи были тесно связаны в его сознании. Он провозглашал принцип, что церковь и клир, как и монахи, не должны владеть никаким мирским имуществом, подобно Христу и апостолам, и жить на десятину и добровольные пожертвования народа. Их призвание — чисто духовное. А все имущество этой земли принадлежит мирянам и светскому правительству.

Он жил как учил, и нищенствовал, прося пропитание переходами из дома в дом. Это был монах строгого аскетического благочестия, энтузиаст по характеру, красноречивый, хорошо знавший Писание. Он был деятелен, радикален, бесстрашен¹²² и принимал католическую ортодоксию, за исключением учений об евхаристии и крещении младенцев, однако его взгляды на эти таинства нам неизвестны¹²³.

Арнольд Брешианский добавил к церковному расколу политический. Он причислял себя к движению римлян за освобождение от папской власти и восстановление древней республики. Отдавая всю земную власть мирянам, он обеспечил себе поддержку мирян, но утратил влияние, которым обладал клир. Эта политическая трудность и привела его к поражению.

Арнольд родился в Брешии, в Ломбардии, и был рукоположенным чтецом в церкви. Он был учеником Абельяра, и его называли оруженосцем этого Голиафа¹²⁴. Он симпатизировал его духу независимости и враждебности к церковному превосходству. Возможно, на него оказали также влияние (как предполагает Неандер) этические принципы этого харизматичного учителя. В более поздний период он открыто выступал вместе с ним против святого Бернара, который стал его заклятым врагом. Но, за исключением общей оппозиции иерархии, они очень сильно отличались. Абельяр был философом, Арнольд — политиком; Абе-

¹²² Оттон Фрейзингенский называет его *singularitatis amator, novitatis cupidus* и причисляет его к тем характерам, которые способны породить ереси и устраивать схизматические беспорядки. Святой Бернар осуждает его как автора *schisma pessimum*, но свидетельствует о его аскетическом благочестии, выдвигая против него, однако, жестокое обвинение в сатанинской жажде крови человеческих душ: *Homo est neque manducans neque bibens, solo cum diabolo esuriens et sitiens sanguinem animarum.*

¹²³ Оттон Фрейзингенский: *Praeter haec* [его взгляды на церковную собственность] *de sacramento altaris, et baptismo parvulorum non sane dicitur sensisse.* Некоторые баптисты считают его своим предшественником, потому что он якобы отвергал крещение младенцев. Попытки проследить его связь с вальденсами (которые возникли позже) не находят основания.

¹²⁴ Оттон Фрейзингенский: *Arnaldus iste et Italia, civitate Brixia oriundus, ejusdemque ecclesiae clericus ac tantum lector ordinatus, Petrum Abailardum olim praeceptorem habuerat.* Святой Бернар, похоже, относит это знакомство к более позднему периоду: *Execratus a Petro apostolo, adhaeserat Petro Abailardo.*

ляр — мыслителем-теоретиком, Арнольд — практиком-проповедником; Абеляр — рационалистом, Арнольд — энтузиастом. Первый подрывал основы традиционной ортодоксии, второй выступал против моральной развращенности клира и мирской власти церкви. Арнольд намного уступал Абеляру в интеллектуальной одаренности, но был гораздо более опасен из-за практического уклона своего учения, которое могло сделать церковь нищей и совершить революцию в обществе. Бароний называет его «отцом политических ересей».

В своем аскетическом стремлении провести моральную реформу клира Арнольд симпатизировал партии Гильдебранда, но его взгляды на светскую власть папы были совершенно противоположными. Гильдебранд стремился к теократическому превосходству церкви над государством, Арнольд же искал благополучия церкви в ее полном отделении от государства и в уклонении клириков от несения светских обязанностей. Мы могли бы сказать, что путь для этой теории подготовил Пасхалий II, соглашавшийся переложить инвестиру на императора. Гильдебрандовские реформы почти сошли на нет. Возродилась прежняя развращенность. Светская власть церкви способствовала обмирщению клира. Автор *Historia Pontificalis* говорит, что учение Арнольда соответствовало Евангелию, но представляло разительный контраст с реальным положением дел. Святой Бернар, его оппонент, тоже был против великолепия и роскоши, которыми окружали себя епископы, осуждал светские устремления пап и выражал желание увидеть день, когда «церковь, как в древние времена, будет ловить в свои сети души, а не деньги»¹²⁵. Все монашеские ордена протестовали против обмирщения церкви и следовали принципу апостольской бедности в стенах монастырей, однако Арнольд распространил его на мирской клир и даже зашел настолько далеко, что объявил бедность обязательным условием спасения для священников и монахов¹²⁶.

Проповеди Арнольда были очень популярны в Ломбардии и вызывали ожесточенные споры между народом и епископом Брешии. Арнольда обвинили на Латеранском синоде 1139 г. в том, что он настраивает мирян против клира. Он был смещен как схизматик (не как еретик). Ему велели хранить молчание и изгнали из Италии.

Он снова отправился во Францию и принял участие в споре Абеяра с Бернаром. Папа Иннокентий приговорил и Абеяра, и Арнольда к молчанию и заключению в монастыре (1140). Абеляр, уставший от борьбы и жизни, подчинился и удалился в Клунийский монастырь, где два года спустя скончался в мире¹²⁷. Арнольд же начал в Париже читать публичные лекции против обмирщения и аморальности клира. В особенности он изобличал жадность епископов. Также он обвинял святого Бернара в нечестивых амбициях и зависти к ученым. А Бернар называл его человеком, чьи речи сладки, как мед, но учение подобно яду. По его настоянию король изгнал Арнольда из Франции.

Арнольд бежал в Цюрих, был доброжелательно принят и получил защиту от папского легата, кардинала Гвидо, его бывшего соученика в Париже¹²⁸. Но Бернар преследовал его даже там и осудил его перед епископом Констанца.

¹²⁵ *Epist.* 238, ad Eugen. III.

¹²⁶ Оттон Фрейзингенский: *Dicebat, nec Clericos proprietatem, nec Episcopos regalia, nec monachos possessiones habentes aliqua ratione salvari posse. Cuncta haec Principis esse, ab e jusque beneficentia in usum tantum laicorum cedere oportere.*

¹²⁷ Гости в своей *Storia di Abelardo* (Naples, 1851) пишет, что Абеляр обладал смелостью мышления, но не смелостью действий (*il coraggio del pensiero non quello dell'azione*).

¹²⁸ Этого Гвидо раньше отождествляли с Гвидо из Кастелло, который стал папой Целестином II

После нескольких лет в изгнании, проведенных неизвестно где, Арнольд появился в Риме в качестве вождя политического движения. Иннокентий II позволил ему вернуться в Италию; Евгений III простил его при условии, что он понесет покаяние в святых местах Рима. Но после бегства этого папы во Францию Арнольд вновь проповедовал учение апостольской бедности, называл пап и кардиналов фарисеями и книжниками, а их церковь — местом торговли и вертепом разбойников. Его защищал римский сенат и обожествлял народ. Римляне отказались от папской власти, изгнали папу, создали чисто светское правительство по древнему образцу и пригласили Конрада III исполнить роль Константина I или Юстиниана. Они запутались в мечтаниях об идеальном правлении. Традиция древнеримской власти в разных формах сохранялась в средние века: она оживала как всеобщая монархия — в лице Германской империи, как всеобщая теократия — в лице папства, как недолговременная республика — в римском народе. Современные итальянцы, выступающие против светской власти папы, более чувствительны к реальности. Они просто претендуют на естественное право итальянского народа управлять собой и ограничивают власть Рима Италией.

Арнольд перешел из церковной сферы в политическую и окружил новую республику ореолом религиозности. Он проповедовал в монашеском наряде на руинах Капитолия, перед *patres conscripti*, и советовал им восстановить Капитолий, возродить древний порядок сенаторов и всадников. Изможденное лицо делало его похожим на призрак и придавало его красноречию дополнительную убедительность.

Но республиканский эксперимент провалился. Народ, вразумленный интердиктом папы Адриана IV, вынужден был подчиниться. Арнольд был изгнан из Рима (1154) и вскоре после этого повешен по приказу императора Фридриха I, которому были отвратительны всякая демократия и республиканство. Его тело было сожжено, а пепел брошен в Тибр (1155), чтобы его почитатели не поклонялись его мощам¹²⁹.

Голос Арнольда был голосом протеста против светской устремленности папства и обмирщения клира — голосом, который до сих пор находит своих слушателей. Как свидетельствует Грегоровиус, «проклятие средних веков, под которым до сих пор пребывает Рим, так стойко, что душа еретика XII века еще не нашла успокоения, но должна до сих пор терзать Рим». Католический епископ Гефеле отказывается причислять Арнольда к «настоящим еретикам»¹³⁰. В 1883 г. в Брешии был поставлен памятник этому ее выдающемуся сыну.

Арнольдисты продолжали в течение какого-то времени отстаивать учение своего учителя и были объявлены еретиками на соборе в Вероне (1184), после чего исчезли.

Идея апостольской бедности и оппозиция светской власти папства вновь появилась среди мистиков францисканского ордена. Политический замысел Арнольда восстановить Римскую республику возродил двести лет спустя Кола ди Риенцо (1347), но результат был не лучше: Риенцо был убит, его тело сожжено, а пепел развеян по ветру (1354).

26 сентября 1143 г. и правил пять месяцев, но Гизбрехт и Грегоровиус (IV. 455) различают их. Франке преувеличивает влияние Арнольда на расширение швейцарских свобод в период пребывания в Цюрихе. Милмен объявляет его предтечей Цвингли, который выступал против иерархии, но Цвингли не знал об Арнольде ничего или знал мало, и он не замыслил сделать церковь нищей или разделить церковь и государство.

¹²⁹ Согласно одной брешианской поэме, Арнольд отказался каяться и только попросил дать ему время для молитвы перед смертью. Gregorovius, IV. 545.

¹³⁰ *Unter die eigentlichen Heretiker*. Гефеле отрицает заблуждения, которые приписывает Арнольду Оттон Фрейзингенский. *Kirchengesch.*, 407.

§27. Папы и Гогенштауфены

I. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ:

- 1) *Regesta* пап от Анастасия IV до Иннокентия III (1153 — 1198), JAFFÉ-WATTENBACH (ed. 1886). — *Opera* этих пап в MIGNE, *Patrol. Lat.* — *Vitae* пап, PLATINA, WATTERICH, etc.
- 2) Оттон (сводный брат короля Конрада III, дядя Фридриха Барбароссы, его сторонник, епископ Фрейзинга или Фрейзингена, в Верхней Баварии, ум. в 1158): *De Gestis Friderici I*, закончен его учеником RANHEWIN или REGUIN. Лучшее издание — Waitz, 1884. Также его *Хроника* (*De duabus Civitatibus*, по образцу *De Civitate Dei* Августина), продолжил ОТТО OF ST. BLASIEN (в Шварцвальде), до 1209 г. Первое критическое издание R. Wilmans в *Mon. Ger. Scr.*, XX. 83-493. — GUNTHER LIGURINUS написал в 1187 г. латинский эпос в 6576 стихов о деяниях императора Фридриха I до 1160 г. См. Wattenbach, *Geschichtsquellen*, II. 241 sqq.

II. ТРУДЫ О ПЕРИОДЕ ГОГЕНШТАУФЕНОВ

JAFFÉ: *Geschichte des deutschen Reichs unter Konrad III*, Hanover, 1845. — FR. VON RAUMER: *Geschichte der Hohenstaufen*. Leipzig, 1823. 4th ed. 1871. — W. ZIMMERMANN: *Die Hohenstaufen oder der Kampf der Monarchie gegen den Papst und die republ. Freiheit*. Stuttgart, 1838. 2^d ed. 1865, 2 vols. — G. DE CHERRIER: *Histoire de la lutte des papes et des empereurs de la maison de Souabe*. Paris, 1841, 4 vols. — *HERMANN REUTER (профессор церковной истории в Геттингене, ум. в 1888): *Alexander III und die Kirche seiner Zeit*. 1845. Второе издание тщательно переделано, Leipzig, 1860 — 1864; 3 vols. (Плоды пятнадцати лет изучения.) — SCHIRRMACHER: *Kaiser Friedrich II*. Göttingen, 1859 — 1864, 4 vols.; *Die letzten Hohenstaufen*. Göttingen, 1871. — P. SCHEFFER-BOICHORST: *K. Friedrichs I letzter Streit mit der Kurie*. Berlin, 1866. — H. PRUTZ: *K. Friedrich I*. Danzig, 1871 — 1874, 3 vols. — DEL GUIDICE: *Il giudizio e la condanna di Corradino*. Naples, 1876. — RIBBECK: *Friedr. I und die römische Kurie*. Leipzig, 1881. — UGO BALZANI: *The Popes and the Hohenstaufen*. London and New York, 1888 (p. 261). — GIESEBRECHT, BRYCE, 167 sqq.; GREGOROVIVS, IV. 424 sqq.; HAUCK, IV; — HEFELE-KNÖPFER, V. 533 sqq.

С Конрадом III на императорский трон возшло могущественное семейство Гогенштауфенов, занимавшее его с 1138 по 1254 г. Их имя происходит от названия семейного замка Гогенштауфен на холме в области Швабского Альба возле Гепшингена¹³¹. Они происходили от рыцаря Фридриха фон Бюрена, жившего в XI веке, и его сына Фридриха фон Штауфена, верного сторонника императора Генриха IV, который сделал его герцогом Швабии (1079) и дал ему в жены свою дочь Агнессу. Таким образом, они находились в родстве с главным противником папы Гильдебранда и поддерживали гибеллинов против гвельфов в своих кровавых столкновениях на земле Германии и Италии. Генрих VI (1190 — 1197) посредством брака приобрел королевство Неаполя и Сицилии. Его сын, Фридрих II, поднял дом до вершины процветания, но по духу и воспитанию он был скорее итальянским, чем германским принцем и провел большую часть своей жизни в Италии.

Гогенштауфены, или швабские императоры, придерживались имперского принципа, то есть утверждали достоинство и независимость монархии как божественного института в противовес папской власти священников с одной стороны и народной свободе с другой.

Но у них нашлось и общее дело с папами. Они достигали своих целей, устраивая крестовые походы. Трое из них, Конрад III, Фридрих I и Фридрих II, отправлялись в крестовые походы против сарацин; Конрад III участвовал во втором

¹³¹ Замок был разрушен в ходе крестьянских войн в 1525 г. У подножия холма есть селение и древняя церковь с изображением Барбароссы на фреске, с надписью: *Hic transibat Caesar, ator bonorum, terror malorum* («Здесь упокоился кесарь, которого любили праведники и страшились грешники»). Недалеко находится древнее поместье семейства Гогенцоллернов. На месте старого замка Вильгельм I, император Германии, построил новый великолепный замок.

походе, который был неудачным; Фридрих I погиб в Сирии; Фридрих II захватил Иерусалим. Гогенштауфены также поддерживали пап в борьбе с политическими и вероучительными разногласиями. Барбаросса принес в жертву и казнил Арнольда Брешианского как опасного демагога; Фридрих II, хотя сам, вероятно, был неверующим, преследовал еретиков.

Но в том, что касается высшей власти, Гогенштауфены всегда вели тайную или открытую войну с папами и в конце концов потерпели поражение. Конфликт разразился при Фридрихе Барбароссе, который после многолетних раздоров умер в мире в церковь. Борьба продолжилась при его внуке Фридрихе II, который умер отлученным и смещенным с трона силами папства. Династия дошла до трагической слабости в лице Конрадина, последнего ее представителя мужского пола, который был обезглавлен по обвинению в измене (1268). Конфликт императорского дома Гогенштауфенов был более впечатляющим, чем конфликт Генриха IV с Григорием и его преемниками, если учитывать больший масштаб сражений и выдающиеся способности светских участников. Он продолжался более ста лет, оказался самым впечатляющим представлением на подмостках средневековой истории и вдохновлял самые драматические сцены из тех, которые когда-либо разыгрывали короли. Историк Грегоровиус справедливо сказал, что «эта война титанов Средневековья заняла собой и связала целые столетия, став величайшим зрелищем на все века».

После падения Гогенштауфенов Германская империя, вплоть до ее смерти в 1806 г., сохраняла номинальную связь с папством, но перестала быть центральной политической силой Европы, за исключением периода Реформации, при Карле V (1519 — 1558), когда она была связана с коронами Австрии, Нидерландов и Испании и только что открытыми землями Америки и когда этот могущественный монарх, верный своим австрийским и испанским корням, тормозил протестантское движение к национальной независимости и религиозной свободе. Новая Германская империя, возведенная на руинах прежней через победу над Францией (1870), управляется наследственным протестантским императором.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ГОДЫ	ПАПЫ	ГОГЕНШТАУФЕНЫ	ГОДЫ
1130 — 1143	Иннокентий II	Конрад III	1138 — 1152
1143 — 1144	Целестин II	Коронован императором	
1144 — 1145	Луций II	в Экс-ла-Шапеле папскими легатами.	
1145 — 1153	Евгений III	Фридрих I (Барбаросса)	1152 — 1190
1153 — 1154	Анастасий IV	Племянник Конрада, коронован	
1154 — 1159	Адриан IV	в императоры Адрианом IV	1155
1159 — 1181	Александр III		
1181 — 1185	Луций III		
1185 — 1187	Урбан III		
1187	Григорий VIII		
1187 — 1191	Климент III	Генрих VI	1190 — 1197
1191 — 1198	Целестин III	Сын Барбароссы, коронован	
		в императоры Целестином III,	1191
		король Сицилии	1194
1198 — 1216	Иннокентий III	Оттон IV	1209 — 1215
		Коронован Иннокентием III	1209
		Смещен Латеранским собором	1215

1216 — 1227	Гонорий III	Фридрих II	
1227 — 1241	Григорий IX	Сын Генриха VI и Констанции Сицилийской,	
1241	Целестин IV	коронован в императоры Гонорием III	1220
1241 — 1254	Иннокентий IV	Конрад IV	1250 — 1254
		Второй сын Фридриха II,	
		коронован королем римлян	1237
		Отлучен в 1252 г. и еще раз в 1254 г.	
1254 — 1261	Александр IV	<i>Междуцарствие</i>	1254 — 1273
1261 — 1264	Урбан IV	Конрадин	
1265 — 1268	Климент IV	Сын Конрада, последний из Гогенштауфенов, род. в 1252 г. Обезглавлен	1268

§28. Адриан IV и Фридрих Барбаросса

Жизнеописание Адриана в MURATORI, *Script. Rer. Ital.* I. III. — MIGNE, vol. 188. — ОТТО OF FREISING. — WILLIAM OF NEWBURGH, 2 vols. London, 1856. — R. RABY: *Pope Hadrian IV.* London, 1849. — TARLETON: *Nicolas Breakspear, Englishman And Pope*, 1896. — L. GINNELL: *The Doubtful Grant of Ireland of Pope Adrian IV to Henry II*, 1899. — O. J. THATCHER: *Studies conc. Adrian IV.* Chicago, 1903, p. 88. — REUTER: *Alex. III*, vol. I, 1-48, 479-487.

Преемником Евгения III стал Анастасий IV, чье правление продолжалось всего шестнадцать месяцев.

Его преемником стал Николас Брейкспир, первый и единственный (до настоящего времени) англичанин, который носил тиару. Он был сыном бедного священника из Сент-Альбана. Он отправился во Францию в поисках пропитания и знаний, стал монахом, приором и аббатом монастыря Св. Руфа, между Арлем и Авиньоном. Он изучал богословие и каноническое право. Евгений III сделал его кардиналом-епископом Альбано и отправил легатом в Норвегию и Швецию, где он организовал церковь и привел ее в более тесный контакт с Римом.

Он занимал папский престол как Адриан IV с 1154 по 1159 г. с большим умением и энергией. Нищий, поднявшийся до высочайшего поста христианского мира! Крайности фортуны встретились друг с другом в жизни этого англичанина, но он был более счастлив в бедности, чем во власти. Вскоре после посвящения он заявил, что «папский престол изобилует терниями, а папская мантия насквозь дырява и настолько тяжела, что повалит даже самого сильного человека». Приобретая некоторый опыт на этой высокой должности, он сказал: «Есть ли на свете человек несчастнее, чем папа? Я встретился с таким количеством невзгод на престоле святого Петра, что в сравнении с ними вся горечь моей предыдущей жизни кажется мне сладкой»¹³².

Римляне, возглавляемые Арнольдом, потребовали от папы отказаться от всяких притязаний на светскую власть, но он не стал этого делать и, после кровавого нападения одного арнольдиста на кардинала прямо на улице, наложил — впервые в истории — интердикт на город. Это бескровное оружие оказалось ужасным и эффективным, и он принудил народ к повиновению. Он упразднил республиканское правительство, изгнал Арнольда и его сторонников и овладел Латеранским дворцом.

В это время Фридрих I, которого итальянцы прозвали Барбароссой (Рыжебородым) за цвет бороды, один из храбрейших, сильнейших и деспотичнейших

¹³² John of Salisbury, *Polycraticus*, VIII. 23; Migne, 199, 814.

германских императоров, спавший дотопе в своем Киффхаузере¹³³, совершил с могущественной армией свой первый поход в Италию, чтобы получить железную королевскую корону от ломбардцев и золотую корону императора от папы (1154).

Как первое условие коронации, папа потребовал сдачи Арнольда. С этим Барбаросса охотно согласился и приказал казнить популярного агитатора. Во время первой беседы с Адрианом он поцеловал папе палец на ноге, но отказался от церемонии поддержания его стремена, когда тот сходил с коня. Адриан возмутился и отказался поцеловать императора мирным поцелуем. Когда Барбароссе сообщили, что таков древний обычай, на следующий день он выполнил его, но двусмысленным образом, держа левое стремя вместо правого. Он насильственным образом овладел Трастевере и был торжественно облечен властью, помазан и коронован согласно предписанному ритуалу в соборе Св. Петра под восклицания курии, клира и армии 13 июня 1155 г. Восстание римского народа быстро было подавлено. Император сам возглавил атаку на ряды бунтовщиков. Но на следующее утро он удалился с папой на Тибуртинские холмы. Недостаток продовольствия и слухи о восстании в Ломбардии вынудили его вернуться вместе со своей армией. Папа, оказавшийся вне Рима, без союзников вне и внутри страны, удалился в Беневенто, был осажден там королем Вильгельмом Сицилийским (сыном и наследником Рожера II) и, из-за дезертирства своей армии и голода, вынужден был подчиниться условиям победителя, вручив ему королевство Сицилию, герцогство Апулию и княжество Капую. Это навлекло на него недовольство императора, который считал Апулию и Капую частями империи. Папа же протестовал против развода с его первой и брака с его второй женой (1156).

К этим причинам для недовольства Адриан добавил еще одну, которой Фридрих уже не мог стерпеть. Она была вызвана бесчинным отношением разбойников к архиепископу Лунда, направлявшемуся из Рима через Германию в свою скандинавскую епархию¹³⁴. Адриан отозвался об империи Фридриха как о бенефиции (*beneficium*), а это слово означает лен или дар. В любом случае, оно было оскорблением для германцев, и они предпочли истолковывать его как притязание на то, что император якобы владеет своей империей как леном апостольского престола. Два легата, посланные Адрианом, попытались смягчить смысл неосторожного выражения.

Папа был слишком иерархом, а Фридрих — слишком императором, чтобы они жили в мире. В 1158 г. Фридрих повел свою армию через Альпы, чтобы покорить Милан и другие непослушные ломбардские города. Достигнув намеченного, он созвал на Ронкальской равнине возле Пьяченцы рейхстаг (сейм), который памятен решением, сформулированным юристами Болоньи: император владеет своей империей по независимому божественному праву, а не по воле папы. Это был самый решающий триумф империи от начала открытого конфликта с

¹³³ См. т. IV, §58, и поэму Рюкерта. Эм. Гейбель также написал прекрасное стихотворение про германскую мечту о сне и пробуждении Барбароссы: *Tief im Schoosse des Kyffhäusers // Bei der Ampel rothem Schein // Sitzt der alte Kaiser Friedrich // An dem Tisch von Marmorstein*, etc. (Начиная с XIV века немцы считали его спящим в своем замке и ожидали возвращения.)

¹³⁴ Эскиль из Лунда, похоже, придерживался самых возвышенных представлений о прерогативах прелатов и хвалился, что привык командовать королями, а не повиноваться им. Вполне возможно, что император внутренне даже порадовался случившейся с ним беде (Hauck, IV. 210). В послании Адриана (Mirbt, *Quellen*, 119 sq.) обращение с архиепископом называется «ужасным и отвратительным деянием и святотатственным преступлением» (*illud horrendum et execrabile facinus et piaculare flagitium*).

Генрихом IV, однако решение профессоров юриспруденции не изменило политику папства.

Адриан снова оскорбил императора, отвергнув его право облагать налогом для военных целей (*fodrum*) имения, которые принадлежали папству, и потребовав признать законным папское феодальное право на дар Матильды, Сардинию, Корсику, Феррару и герцогство Сполето. Фридрих гордо ответил, что не он — вассал папы, а папы — вассалы императора, потому что только благодаря дару Константина папа Сильвестр овладел Римом. Последовала война по переписке. Адриан уже намеревался отлучить противника-императора от церкви, но не успел, застигнутый смертью в Ананьи. Он был похоронен в соборе Святого Петра в древнем саркофаге из красного гранита, который стоит там до сих пор. Так закончилась карьера человека, который благодаря своему моральному характеру и личным качествам возвысился от положения сына бедного клирика до высшего сана в христианском мире, осмелился выступить против самого гордого монарха, поставил себя выше, чем он, и назвал императорский венец *beneficium*¹³⁵.

Этот английский папа, который наложил интердикт на город Рим — чего не осмеливались делать итальянские и германские папы, — подарил Ирландию английской короне на том основании, что все острова христианского мира принадлежат папе в силу Константинова дара. Любопытная булла *Laudabiliter*, которая призывает Генриха II покорить эту страну и передает ее ему и его наследникам во владение, может быть, и не подлинна, но такое распоряжение точно было дано Адрианом, что подтверждает Иоанн Солсберийский, пишущий около 1159 г. Затем это повеление было подтверждено Александром III и осуществилось в 1171 г.¹³⁶ Так что верные сыны Ирландии вряд ли захотят, чтобы папой во второй раз стал англичанин.

§29. Александр III в конфликте с Барбароссой

См. список литературы в §27, особенно REUTER, *Alex. III. — Vita Alexandri auctore Bosone Card.*, в WATTERICH, II. 377 sqq. — MIGNE, tom. 200. — *Regesta* Александра III в JAFFÉ-WATTENBACH, *Reg. Pont. Rom.*, pp. 145-418; также антипап Виктора IV, Пасхалия III, Калликста III и Иннокентия III, *ibid.*, pp. 418-430. — MILMAN, bk. VIII, chs. VIII и IX. — GREENWOOD, bk. XII, chs. III-VII. — GREGOROVIVUS, IV. 525 sqq.; HEFELE-KNÖPFLE, V. 570-720. — MORITZ MEYER: *Die Wahl Alex. III und Victoris IV*. Göttingen, 1871. — EDW. A. FREEMAN:

¹³⁵ Грегоровиус (IV. 560), похвалив заслуги Адриана, говорит о нем: «Он был хитрым, практичным и неуступчивым, как все англосаксы». Его «натура была твердой и прочной, как гранит, из которого сделана его могила».

¹³⁶ Эту тему подробно исследовали профессора Тэтчер и Шеффер-Бойхорст до него. Иоанн Солсберийский (*Polycr.*, VI. 24; Migne, 199, 623) явно утверждает, что Адриан, «выслушав просьбы Генриха, уступил и отдал» Ирландию ему и его наследникам на том основании, что все острова «по древнему закону и Константинову дару считаются принадлежащими церкви». Папа отправил королю через Иоанна золотое кольцо с драгоценным камнем как печать инвеституры. У нас нет причин сомневаться в этом заявлении. И мы знаем от Роджера из Вендовера (*Rolls Series*, I. 11), что к Адриану было послано английское посольство с намерением заручиться его позволением. Булла *Laudabiliter* (Mansi, XXI. 788), которая формально передает остров английской короне и требует платить с него лепту святого Петра, также присутствует у Роджера из Вендовера (Giles, *Trans.*, I. 529) и Геральда. Принимая в расчет ее внутренние свидетельства, исследователи сомневаются в ее подлинности или вообще отрицают ее, как Тэтчер. Он приводит (p. 4) список обзорных статей на эту тему. Ученость и патриотизм позволили ирландским авторам привести множество доводов в пользу того, что булла — подделка, а предполагаемый факт — вымысел либо пророческого врага Ирландии, либо нерадивого историка. Положение протестантов в данной ситуации легче, поскольку они допускают, что папы могут ошибаться.

Frederick the First, King of Italy, в его «Historical Essays», London, 1871, pp. 252-282. — P. SCHEFFER-BOICHOEST; *Friedrich I letzte Streit mit der Kurie*, 1866. — WATTENBACH, 167 sqq.; HAUCK, IV. 227-311. — GIEHL: *Die Sentenzen Rolands, nachmals Alexander III.* Freib., 1891.

При Александре III (1159 — 1181) конфликт между кесарем и священниками, начавшийся при Адриане, приобрел более серьезный характер. Это была война не на уничтожение, но за превосходство одной стороны и подчинение другой. «Кто будет более велик?» — так стоял вопрос. Это была новая фаза древнего спора между церковью и государством. Кесарь и папа были в равной мере католическими христианами, если они вообще были верующими. Они были необходимы друг другу. Император или король нуждался в папе как ком-то вроде главного капеллана и отца-исповедника, контролирующего совесть его подданных; папа же нуждался в светской руке императора для защиты имущества и прав церкви и преследования еретиков. Императоры выбирали антипап, а папы поддерживали императоров-соперников. Гогенштауфены желали закрепить единство Германии и Италии, а в интересах пап было разделить их и подстрекать сепаратистов внутри них согласно принципу *divide et impera*.

7 сентября 1159 г. кардинал Роланд, канцлер римской курии и выдающийся канонист, взшел на папский престол под именем Александра III. Раньше он был профессором в Болонье и свой первый труд написал о *Decretum Gratiani*. Кардиналом его сделал Евгений III. Однажды он оскорбил Барбароссу вопросом: «От кого император получает свое достоинство, если не от папы?» Он также советовал Адриану отлучить императора. Он был ученым, государственным деятелем и решительным защитником гильдебрандовской теократии. Его понтификат продолжался необычайно долго, двадцать один год, и он был самым выдающимся папой между Григорием VII и Иннокентием III. Его карьера переживала взлеты и падения в борьбе с императором и четырьмя антипапами, но он последовательно придерживался своих принципов и наконец победил своих врагов с помощью моральной силы и материальной поддержки норманнов на юге и ломбардов на севере.

За избранием Роланда четырнадцатью кардиналами немедленно последовало избрание кардинала Октавиана из Санта-Чечилия, императорского антипапы, который назвал себя Виктором IV и тут же захватил Ватикан. Роланд был посвящен в Нинфе, Октавиан — в монастыре Фарфа. Они находились в Кампанье, в нескольких милях друг от друга, и распространяли противоречивые сообщения, обвиняя друг друга в нарушении правил избрания¹³⁷.

Император, который осаждал тогда город Кремону, был призван на помощь обеими партиями (хотя и с разными чувствами); прибегнув к праву, которым пользовались Константин, Феодосий, Юстиниан, Карл Великий и Оттон, в 1160 г. он созвал собор в Павии, чтобы расследовать и решить это дело¹³⁸. Папам-соперникам было отправлено распоряжение явиться лично. Октавиан, всегда склонявшийся к имперской партии, принял приглашение. Роланд же не доверял императору и протестовал против его права созывать собор без его дозволения. Он сказал, что чтит его как особого защитника церкви больше всех других князей, но что Бог поставил папу над королями.

¹³⁷ Октавиан, по сведениям его врагов, сорвал папскую ризу с плеч Роланда и надел ее на себя с такой поспешностью, что риза оказалась надета задом наперед. Эта ошибка вызвала смех и была воспринята как Божий суд.

¹³⁸ Документ приведен в Rahewin, *Gesta Frid.*, IV. 64, и Mirbt, *Quellen*, 121.

Этот узкопартийный собор, на котором встретились в основном епископы из Германии и Северной Италии, после серьезных споров 11 февраля 1160 г. единодушно принял решение в пользу Октавиана и отлучил Роланда. Император воздал положенные почести Виктору IV, поддержал его стремя и поцеловал палец. Александр выпустил в Ананьи встречное отлучение антипапы и императора 24 марта 1160 г. Тем самым он вызвал бунт в Ломбардии и раскол в Германии. Новый раскол начался и в церкви.

Папы-соперники послали своих легатов ко всем дворам Европы. Франция, Испания и Англия поддержали Александра. Он укрылся во Франции на три года (1162 — 1165) и был принят с энтузиазмом. Короли Франции и Англии, Людовик VII и Генрих II, шли по обе стороны от его коня, поддерживая узду и сопровождая его в город Курси на Луаре. Германия, Венгрия, Богемия, Норвегия и Швеция поддержали Виктора. Италия разделилась: Рим и Тоскана были за власть императора, Сицилия была на стороне григорианского папы. Процветающие торговые и промышленные города Ломбардии были недовольны деспотическим правлением Барбароссы, которого называли разрушителем городов. Он подавил восстание железной рукой, сокрушил Милан после долгой и жестокой осады, рассеял население и перенес столь почитавшиеся там мощи волхвов в Кельнский собор в марте 1162 г.

Виктор IV умер в апреле 1164 г. Его преемником, без внимания к каноническим правилам, был избран Пасхалий III. По просьбе императора он канонизировал Карла Великого (1165).

Александр III встал во главе Ломбардской лиги против императора. На его сторону переходил город за городом. В сентябре 1165 г. он, с помощью Сицилии и французского и английского золота, вернулся в Италию и овладел Римом.

В ноябре 1166 г. Фридрих пересек Альпы в четвертый раз, с сильной армией дошел до Рима, захватил город, отдал Пасхалию III собор Святого Петра и был коронован снова, с Беатрикс, 1 августа 1167 г. Александр защищал город на другом берегу Тибра, но вскоре удалился в Беневенто. Но император, одерживавший победу над армиями, встретился с более серьезным врагом в лице римской лихорадки, которая свирепо опустошила ряды его епископов, знати и воинов. За несколько недель из-за чумы он потерял своих самых храбрых рыцарей и две тысячи человек. Он поспешно снял свой лагерь и отправился в Павию (сентябрь 1167)¹³⁹. Там он обнаружил, что вся Ломбардия объединилась в лигу против него, и пересек Альпы в поисках безопасности — один, будучи почти беглецом, но с несломленным духом и твердым намерением вернуться.

Второй антипапа умер 20 сентября 1168 г., и с его смертью сила раскола ослабела. Его преемником был избран Калликст III, но он был только его тенью (1168 — 1178)¹⁴⁰.

Барбаросса предпринял пятую итальянскую кампанию в 1174 г. Он разрушил Сузу и, спустившись через Пьемонт, осадил новый город Алессандро, названный в честь Александра III и сильно укрепленный. Здесь он встретил решительное сопротивление. Его силы были ослаблены суровой зимой. Его покинул самый

¹³⁹ Фома Бекет в послании с поздравлениями к Александру сравнил страдания армии Фридриха от чумы с поражением Сеннахирима у стен Иерусалима — 2 Пар. 32:21.

¹⁴⁰ О его немногочисленных деяниях рассказывается в Jaffé-Wattenbach, *Regesta*, pp. 429-430. Он признал Александра и был сделан архиепископом Беневенто. О четвертом антипапе, Ландо Ситино, который называл себя Иннокентием III (1179 — 1180), неизвестно ничего, кроме сведений о его избрании и заточении (*ibid.*, p. 431).

главный его союзник, саксонский герцог Генрих Лев. Барбаросса сразился с ломбардцами в известной битве при Леньяно 29 мая 1176 г. Он ринулся, как обычно, в самую гущу схватки, но после ужасной бойни потерпел поражение, утратив свой щит, знамя, крест, копьё и сундуки с золотом и серебром. Он удалился в Павию с остатками армии. Он остался без союзников, а в Германии ему угрожал опасный соперник Генрих Лев. Теперь он начал предпринимать серьезные шаги к примирению с Александром, духовным главой его врагов.

Император послал архиепископа Христиана из Майнца (своего канцлера, способнейшего генерала и дипломата), архиепископа Вихманна из Магдебурга, епископа Конрада из Вормса и протонотария Вортвина в Ананьи, уполномочив их вести переговоры с папой (октябрь 1176). Александр принял эту комиссию с заметным уважением и в ходе частных бесед, продолжавшихся более двух недель, договорился с ними о предварительных условиях мира, который должен быть ратифицирован в Венеции во время личной встречи между ним и императором.

Папа, которого император снабдил эскортом, покинул Ананьи на Рождество 1176 г. в сопровождении своих кардиналов и двух уполномоченных королевства Сицилия, архиепископа Ромуальда из Салерно и графа Роджера из Андрии, и прибыл в Венецию 24 марта 1177 г. Император оставался в Кьоддже, близ Венеции, до 23 июля. Мирные переговоры между папой и императорскими уполномоченными начались в мае и продолжались до июля. Они проводились на основании предварительных переговоров в Ананьи.

§30. Мир в Венеции. 1177

Переговоры закончились миром в Венеции, который был сформулирован в двадцати восьми статьях¹⁴¹. Александр был признан законным папой. Калликст, антипапа, был отослан в аббатство, в то время как его кардиналы заняли места, которые они занимали до назначения в курию. Беатрикс была признана законной женой Фридриха, а его сын Генрих — королем римлян. Рим и *patrimonium* были возвращены папе, а Сполето, Романья и Анкона признаны частью империи.

Мир был ратифицирован одним из самых торжественных конгрессов средних веков. Освобожденный от анафемы и после восемнадцати лет конфликта, император встретился с папой перед собором Святого Марка 24 июля 1177 г. Площадь заполняли толпы народа. Папа в своих одеяниях понтифика восседал на троне перед порталом собора и, должно быть, исполнялся удовлетворением, смешанным с воспоминаниями о горьких чувствах, которые ему пришлось пережить с тех пор, как он получил тиару. Кардиналы, архиепископы, епископы и другие чины занимали места ниже, в соответствии с достоинством.

Император прибыл в великолепной гондоле дожа, сопровождаемый свитой прелатов и знати. Его встречала процессия священников со знаменами и крестами под возгласы народа. Он медленно подошел к собору. Переполненный чувством уважения к почтенному папе, он отбросил свою мантию, поклонился и пал к его ногам¹⁴². Александр, в слезах, поднял его¹⁴³, поцеловал мирным поцелуем и благословил. Тысячи голосов вторили пению *Te Deum*¹⁴⁴.

¹⁴¹Текст см. в Mirbt, *Quellen*, 121-124. Главные авторитетные источники информации о Венецианском мире — «Послания» Александра к Роджеру, архиепископу Йорка, в Migne, 200, 1160 sqq.; и Mansi, XXII. 180 sqq.; *Chronicon* Ромуальда, архиепископа Салерно и уполномоченного с Сицилии, в Muratori, *Scip. Rer. Ital.*, VII; текст также приводится в Mathews, pp. 99-105.

Затем император, взяв руку папы, вошел вместе с ним и дожем в собор, вознес богатые дары на алтарь, преклонил колени и вновь принял апостольское благословение.

На следующий день (25-го), в праздник святого Иакова, папа по просьбе императора отслужил мессу и произнес проповедь, которую велел патриарху Аквилей тут же перевести на немецкий. Император сопровождал его от алтаря до врат и оказал традиционную дань уважения, поддержав его стремя¹⁴⁵. Он предложил провести его коня под уздцы через площадь к лодке, но папа освободил императора от этой обязанности слуги, защитав желание за действие и вновь его благословил.

Таковы подлинные рассказы современных авторов и очевидцев. Нигде у них не подтверждается предание о том, что император будто бы сказал папе: «Я отдаю дань святому Петру, а не тебе», — на что папа якобы сразу ответил: «Петру и мне».

Богатому иерархическому воображению эта их встреча рисовалась второй Каноссой. На ее изображениях папа, сидящий на престоле, ставит ногу на шею простертого императора со словами из псалма 90:13: «На аспида и василиска наступишь, попирать будешь льва и дракона».¹⁴⁶

Между сценами Венеции и Каноссы — такая же разница, как между характерами Барбароссы и Генриха IV. Барбаросса намного превосходил, морально и интеллектуально, своего салического предшественника и пользовался уважением своих врагов даже тогда, когда терпел поражение. Он хранил достоинство и честно держал свое слово.

Во все концы христианского мира были направлены делегаты и послания с радостными вестями о мире. Император покинул Венецию в конце сентября и отправился кружным путем в Германию, а папа поехал в Ананьи 15 октября. После десяти лет изгнания Александр совершил триумфальный въезд в Рим 12 марта 1178 г.

Он созвал, по предварительному соглашению с императором, синод, чтобы ратифицировать примирение христианского мира и устранить зло, умножившееся за время раскола. Третий Латеранский, или одиннадцатый вселенский собор состоялся в Константиновской базилике в Риме на великий пост 1179 г. На нем присутствовало около трехсот епископов, не считая множества аббатов и прочих должностных лиц¹⁴⁷, и римская иерархия была представлена во всей своей славе,

¹⁴² *Vita Alex.: prostravit se in terram. Chron. Romualdi* (Muratori, VII. 231): *totum se extenso corpore prostravit.*

¹⁴³ Ромуальд: *quem Alexander papa cum lacrymis benigne elevans.*

¹⁴⁴ Ромуальд: *moxque a Teutonicis Te Deum laudamus est excelsa voce cantatum. Vita Alex.: Tunc repleti sunt omnes gaudio et prae nimia laetitia vox conclamantium in Te Deum laudamus insonuit usque ad sidera.* Александр пишет Роджеру из Йорка: *innumera multitudine virorum et mulierum praesente, alta voce reddente gratias et laudes Altissimo.*

¹⁴⁵ *Alexander ad Rogerum* (Migne, 200, 1131): *Cum ascenderemus palafredum nostrum ibi paratum, stapham tenuit, et omnem honorem et reverentiam nobis exhibuit, quam praedecessores ejus nostris consueverunt antecessoribus.* Годфрей из Витербо, помощник императора, утверждает, что лошадь сбросила старика папу из-за напора толпы и император вновь помог ему сесть в седло (Pertz, *Archiv*, IV. 363, цит. по Milman, bk. VIII, ch. IX).

¹⁴⁶ *Super aspidem et basiliscum ambulabis* и т. д. Эта и другие истории XIV века не соответствуют рассказам современников, и от них отказались практически все современные историки. Возможно, отчасти они навеяны фресками Спинелло, которые описываются в Lindsay, *History of Christian Art*, II. 315. Милмен, IV. 435 (Am. ed.), говорит: «Как это часто происходит с поэзией, так и здесь живопись тут же стала историей». См. также Reuter, III. 758.

хотя позже это благолепие затмил Четвертый Латеранский собор 1215 г. Подробности заседаний неизвестны, за исключением двадцати семи капитулов, которые были приняты на третьем и последнем заседании.

Дабы предотвратить появление пап-соперников, собор доверил избрание пап исключительно кардиналам, из которых решение должны были принимать не меньше двух третьих, и угрожал отлучением и смещением всякому, кто осмелится признавать избрание меньшим количеством голосов¹⁴⁸. Рукоположения анти-пап (Октавиана, Гвидо и Иоанна из Струмы) были объявлены недействительными. Никто не должен быть избран епископом, будучи моложе тридцати лет или незаконнорожденным. Для того чтобы ограничить тщеславие прелатов во время посещений, архиепископам позволялось предоставлять до сорока или пятидесяти конных сопровождающих для пап, до двадцати пяти — для кардиналов, до двадцати или тридцати — для епископов и до пяти или семи — для архидиаконов. Рукоположенные клирики должны были оставить своих наложниц или отказаться от своих должностей. Неестественный разврат предусматривалось наказывать изгнанием из священников и заключением в монастыре. Собор подготовил путь для крестового похода против еретиков на юге Франции и обещал тем, кто примет в нем участие, полное отпущение грехов на два года, которое давали участникам крестовых походов против мусульман.

Вскоре после синода Александр был снова отправлен в изгнание Римской республикой. Он умер в Чивита Каstellана 30 августа 1181 г. и правил дольше, чем любой другой папа до него и после него, за исключением Сильвестра I (314 — 335), Адриана I (772 — 795), Пия VII (1800 — 1823), Пия IX (1846 — 1878) и Льва XIII (1878 — 1903)¹⁴⁹. Когда останки Александра привезли в Рим для погребения, толпа оскорбляла его память, забрасывая гроб камнями и грязью¹⁵⁰. Александр с исключительным постоянством и преданностью григорианским принципам вступил в конфликт с Барбароссой. Он поддержал Фому Бекета в его памятном конфликте с Генрихом II. В 1181 г. он наложил интердикт на Шотландию, потому что ее король Вильгельм отказался признать каноническое назначение Иоанна на престол святого Андрея. Людовику VII Французскому он вручил Красную Розу за поддержку, которую получил от этого властителя в дни своего первого изгнания. Он председательствовал на Третьем Латеранском соборе и подготовил путь для крестового похода против катаров и альбигойцев.

Его пожилой и слабый преемник Луций III был избран 1 сентября 1181 г. одними кардиналами. Римляне, лишённые прежнего участия в избрании, отнеслись к нему с варварской жестокостью. Они захватили двадцать или двадцать шесть его сторонников в Тускулуме, ослепили их, кроме одного, короновали их бумажными митрами с именами кардиналов, посадили на ослов и вынудили

¹⁴⁷ Списки повреждены, а рассказы современников варьируются: 287, 300, 396 епископов, а в общей сложности тысяча человек. См. Mansi, XXII. 213 sqq.; Hefele, V. 711; Reuter, III. 418 sqq.

¹⁴⁸ *Ille Romanus Pontifex habeatur, qui a duabus partibus fuerit electus et receptus. Si quis autem de tertiae partis nominatione confisus... sibi nomen Episcopi usurpaverit: tam ipse, quam qui eum receperint, excommunicationi subiaceant et totius sacri ordinis privatione mulctentur, etc.* (Mansi, XXII. 217).

¹⁴⁹ {В этот список, конечно же, входит и Иоанн Павел II, занимавший папский престол с 1978 по 2005 год, ставший первым неитальянским папой с 1523 года и первым славянским папой}.

¹⁵⁰ Reuter, III. 495-499. Подобное оскорбление римское население нанесло и Пию IX, когда его гроб везли ночью из Ватикана в место последнего упокоения в базилике Сан-Лоренцо. Он тоже провел какое-то время в изгнании после провозглашения Римской республики в 1849 г.

священника, которого они пощадили, привести их в таком виде к «Луцию, грешному симонисту». Он умер в изгнании в Вероне, где проводил важный синод.

Примечателен тот факт, что некоторые из величайших пап — такие как Григорий VII, Урбан II, Иннокентий II, Евгений III, Адриан IV, Александр III и три его преемника, — не могли обеспечить верность своих подданных и были либо осаждены в Риме, либо вынуждены бежать. Адриан IV говорил своему соотечественнику и другу Иоанну Солсберийскому: «Рим — не мать, а мачеха церквей». Римляне всегда колебались между воспоминаниями о древней республике и воспоминаниями об империи. Они то выдвигали консула, сенатора, трибуна, то приветствовали германского императора как подлинного Цезаря Августа. Схожее отношение проявлялось и к папе: они то были верны ему, то отправляли в изгнание, и даже продавались тому, кто больше заплатит. Папский двор был очень последователен в своих принципах и целях, но для достижения их он грешил алчностью и продажностью, будь то в Риме или в изгнании. Даже Фома Бекет, упорнейший сторонник Александра III, с негодованием упрекал кардиналов за их любовь к золоту.

Император Фридрих пережил своего великого соперника почти на десять лет и погиб, утонув в реке на территории Малой Азии (1190) во время третьего крестового похода.

Барбаросса был человеком среднего роста с выразительной наружностью, светлокожий, блондин с рыжеватой бородой, добрый друг и незлопамятный враг, справедливый, хотя часто слишком строгий, щедрый в благотворительности, внимательный к своим религиозным обязанностям, счастливый в своем втором браке, величайший властитель XII века, герой как в исторических повествованиях, так и в романтических небылицах¹⁵¹. Он пришел в Италию с германским мечом в одной руке и кодексом Юстиниана в другой, но ему не удалось подчинить себе политически независимые ломбардские города и духовную силу Александра. Немецкое воображение почтило его память в песне и истории, поместив его после Карла Великого в ряды римских императоров, превознесло его добродетели, простило его ошибки, характерные для того века, и питает надежды на его возвращение для восстановления единства и власти Германии.

§31. Фома Бекет и Генрих II Английский

Подробный список литературы о Бекете см. в ROBERTSON, «The Contemporary Review», 1866, I (Jan.), 270-278, и ULYSSE CHEVALIER, в его *Répertoire des sources historiques du Moyen Age* (Paris, 1886), s. v. «Thomas», fol. 2207-2209.

I. Источники

**Materials for the History of Thomas à Becket, Archbishop of Canterbury*. Под ред. JAMES CRAIGIE ROBERTSON (каноник Кентербери, ум. в 1882) и J. BRIGSTOCKE SHEPPARD (доктор канонического и гражданского права), London, 1875 — 1885, 7 vols. Этот замечательный труд составляет часть серии *Rerum Britannic. Medii Aevi Scriptores*, или «Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the Middle Ages», опубликованной под руководством хранителя архива (the Rolls) и широко известной как «Rolls Series». Сюда включены все важные современные материалы по истории Фомы. Vols. I — IV содержат *Vitae* того периода (William of Canterbury, Benedict of Peterborough, Edward Grim, Roger of Pontigny, William Fitz-Stephen, John of Salisbury, Alan of Tewkesbury, Herbert of Bosham, etc.); vols. V — VII — *Epistolae*, т. е. всю переписку, касающуюся Фомы.

¹⁵¹ Rahewin, в его *Gesta Friderici*, IV. 86, живо описывает внешность Фридриха, его привычки, одежду, достижения и т. д. Он называет его лучшим из императоров.

Этот сборник намного точнее, полнее и лучше организован (особенно в разделе посланий), чем более старый сборник GILES (*Sanctus Thomas Cantuariensis*, London, 1845 — 1846, 8 vols., репринт в Migne, *Patrologia*, tom. 190), и *Quadrilogus* или *Historia Quadrupartita* (жизнеописание четырех авторов того периода, составленные по приказу папы Григория XI, впервые опубликован в 1495, потом — L. Christian Lupus или Wolf, Brussels, 1682, и Venice, 1728).

Thómas Saga Erkebyskups. A Life of Archb. Th. Becket in Icelandic, with Engl. transl., notes, and glossary, ed. by Eiríkr Magnússon. London, 1875 и 1883, 2 vols. Часть «Chronicles and Memorials», упомянутых выше.

GARNIER из Понт-Сен-Максанс: *La Vie de St. Thomas le martyr*. Метрическое жизнеописание, на старофранцузском, написанное между 1172 и 1174 г., опубл. Pirreau, а в недавнее время — проф. Bekker, Berlin, 1844, и Paris, 1859.

The Life and Martyrdom of Thomas Becket, by ROBERT OF GLOUCESTER. Ed. W. H. Black. London, 1845 (p. 141). Биография, написанная александрийским стихом в XIII веке.

II. СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДЫ

RICHARD HURRELL FROUDE (один из родоначальников оксфордского англо-католического движения, ум. в 1836): *Remains*. London, 1838, 4 vols. Vol. 2, p. II, содержит историю спора между Фомой Бекетом и Генрихом II, написанную в оправдание первого. Ему помогал J. H. Newman (позже кардинал).

A. F. OZANAM: *Deux Chanceliers d'Angleterre, Bacon de Verulam et Saint Thomas de Cantorbéry*. Paris, 1836.

J. A. GILES: *The Life And Letters of Thomas à Becket*. London, 1846, 2 vols.

F. J. BUSS (католик): *Der heil. Thomas und sein Kampf für die Freiheit der Kirche*. Mainz, 1856.

JOHN MORRIS (католик, каноник Нортгемптона): *The Life and Martyrdom of Saint Thomas Becket*. London, 1859.

*JAMES CRAIGIE ROBERTSON: *Becket, Archbishop of Canterbury*. London, 1859. Точный, но неблагоприятный к Бекету рассказ.

*EDW. A. FREEMAN: *St. Thomas of Canterbury and his Biographers*. Мастерская статья в «National Review», April, 1860, перепечатана в его «Historical Essays», London, 1871, pp. 99-114. См. подведение итогов в его *History of the Norman Conquest*, V. 660 sqq., и его статьи против Фроуда, упомянутого ниже.

*JAMES ANTHONY FROUDE: *Life and Times of Thomas Becket*. Впервые опубликовано в «The Nineteenth Century», 1877, потом в виде книги, London and New York, 1878 (p. 160). Против римской и англо-католической тенденции переоценивать св. Фому. Эта книга написана блестящим стилем, но в ней представлено очень неблагоприятное отношение к Бекету (противоположное мнению старшего брата автора, Р. Н. Froude); следствием стал отчасти личный спор с профессором Фрименом, который обвинил Фроуда в повсеместных неточностях, нечестности и враждебном отношении к Английской церкви в «The Contemporary Review», 1878 (March, April, June, September). Фроуд защищался в «The Nineteenth Century», April, 1879, pp. 618-637, на что Фримен ответил в *Last Words on Mr. Froude* в «The Contemporary Review», May, 1879, pp. 214-236.

*R. A. THOMPSON: *Thomas Becket, Martyr*, London, 1889. — A. S. HULLIER: *St. Thomas de Cantorbéry*, 2 vols., Paris, 1892.

*EDWIN A. АВВОТТ: *St. Thomas of Canterbury. His Death and Miracles*, 2 vols., London, 1888. Этот труд создан на основании исследований, проведенных при подготовке критического комментария к четырем евангелиям. В нем используются ранние рассказы о Фоме Бекете, которые сопоставляются между собой, и автор пытается показать, какой из вариантов наиболее приемлем там, где существуют разночтения в описании событий или словесных формулировок. В нем также подробно указывается, в чем были неправы декан Стенли и Теннисон. Критика умелая, наводящая на размышления. Автор уверенно отмечает, какие события действительно происходили, а что следует отвергнуть как не соответствующее истории. Обсуждение отличается всеми положительными и отрицательными качествами строгого критического метода.

III. О Бекете более или менее полно рассказывают MILMAN: *Latin Christianity*, bk. VIII, ch. VIII. — ДЕКАН STANLEY: *Historical Memorials of Canterbury*, Am. ed., 1889. — REUTER: *Alexander III*, I. 237 sqq., 530 sqq. ДЕКАН HOOK: *Lives of the Archbishops of Canterbury*, II. 354-508. GREENWOOD: *Cathedra Petri*, bk. XII, ch. VII. — WILLIAM STUBBS: *The Constitutional Hist. of England*, 6th ed., 3 vols., Oxford, 1897, и *Select Charters and Other Illustrations of*

the English Constit. Hist., 8th ed., Oxford, 1900. — GEE и HARDY: *Documents Illustrative of Engl. Ch. Hist.*, London, 1896. — F. W. MAITLAND: *Rom. Canon Late in the Ch. of England*, London, 1898, 134-147. — W. R. W. STEPHENS: *The English Church (1066 — 1272)*, London, 1901, 157-190. Истории: LINGARD, GREEN, etc.

Лорд Теннисон написал историческую драму *Becket*, 1884.

В период понтификата Александра III папская иерархия одержала триумф над королем Англии раньше и в более полной мере, чем над императором Германии.

Фома Бекет, или святой Фома Кентерберийский, — это, после Александра и Барбароссы, самая выдающаяся историческая фигура XII века. Его жизнь — захватывающе интересная страница английской истории. Он возобновил конфликт Ансельма с короной и благодаря своему мученичеству стал самым популярным святым второй половины средних веков.

В нашем распоряжении просто изобилие материалов для написания его истории, от рождения в Лондоне до убийства в собственном соборе четырьмя рыцарями королевского дома. У нас есть шесть или семь биографий, написанных современниками, а также фрагменты, легенды и «Страсти», государственные бумаги, частные письма и переписка с адресатами по всей Латинской церкви. Тем не менее его жизнь окружена ореолом романтических преданий и богословских споров. Уже в его время у Фомы были экстравагантные поклонники, такие как Герберт из Бошема, и яростные противники, такие как Гильберт Фолиот. И современные биографы до сих пор по-разному оценивают его характер, в зависимости от собственной веры и взглядов на проблему церкви и государства, — одни считают его героем и святым, другие — лицемером и предателем. Мы должны судить о нем с точки зрения XII века.

Бекет родился в Лондоне 21 декабря 1118 г., в правление Генриха I. Он был сыном Гильберта Бекета, торговца из Чипсайда, родом из Руана, и Матильды или Розы, родом из Кайена в Нормандии¹⁵².

По более поздней легенде его отец предстает как галантный крестоносец, а его мать — как сарацинская принцесса, которые встретились на Востоке и влюбились друг в друга. Матильда помогла Гильберту бежать из плена, а потом, в одиночку, совершила путешествие за ним в Англию. Зная только два английских слова, «Лондон» и «Гильберт», она бродила по улицам города, пока наконец, словно чудом, не нашла своего возлюбленного на Чипсайде, приняла крещение и вышла за него замуж в соборе Св. Павла с большим великолепием. У нее были сны о будущем величии и возвышении ее младенца-сына до престола Кентерберии.

Бекет воспитывался в аббатстве Мергон в Сюррее и в школах Лондона. Позже он посещал университеты Парижа, Болоньи и Оксерра и изучал там в основном гражданское и каноническое право, но особой учености не достиг. Он был не ученым, а государственным и церковным деятелем.

Он оставил отпечаток в миру и в церкви благодаря магнетизму своей личности. Он был очень красивый, высокий, внушительной наружности, впечатляющий, блестящий, любезный, доброжелательный в речах, красноречивый в спо-

¹⁵² О норманнском происхождении Бекета свидетельствуют его современники. С этим соглашались Джилс, Лингард, Робертсон, Милмен, Хук, Фримен, Рейтер, Гефеле. Лондон был процветающим торговым центром, что привлекало эмигрантов из Нормандии. Лорд Литтлтон, Тьерри, Кэмпбелл и Дж. Э. Фроуд объявляют Бекета саксонцем, но без оснований. Бекет — фамилия, которая может быть как норманнской, так и саксонской. Предлог *à*, похоже, появился позже. Он использовался (по словам Робертсона и Хука) в разговорной речи простолюдинов.

рах, любил охоту, простую и соколиную, владел всеми видами спорта, характерными для средневековых рыцарей. Он мог штурмовать самый укрепленный замок и выбить из седла самого сильного рыцаря.

Архиепископ Теобальд Кентерберийский (1139 — 1161) взял его к себе на службу в 1142 г., послал в Болонью, где каноническое право тогда преподавал Грациан, поручал ему деликатные миссии при папском дворе, сделал его архи-диаконом (1154) и даровал ему другие источники дохода, такие как место провоста Беверли, ряд церквей и несколько пребенд. Когда Фому, уже как архиепископа, обвинили в неблагодарности королю, который вывел его из «нищеты», он гордо перечислил все эти источники дохода и не пытался упразднить вопиющее зло сочетания в одних руках нескольких должностей, продолжавшееся до Реформации. Многие процветавшие церковные деятели воспринимали свои приходы просто как источники дохода, а выполнять свои обязанности ставили невежественных и плохо оплачиваемых священников.

Король Генрих II (1154 — 1189) во второй год своего правления по просьбе Теобальда вверил Бекету, которому тогда было всего тридцать семь лет, пост канцлера Англии. Должность канцлера была высшей гражданской должностью. Он распоряжался почти всеми королевскими дарами и милостями, в том числе вакантными епископатами, аббатствами, местами капелланов и другими церковными должностями.

Генрих, первый из гордых Плантагенетов, был способным, деятельным и энергичным монархом. Он был на ногах с утра до вечера и редко садился. Он ввел диктатуру закона и строгой справедливости после беззакония, насилия и анархии, которые царили в правление неудачливого Стефана¹⁵³. Но он был страстным, мстительным и распущенным. У него были частые приступы ярости, во время которых он вел себя как безумец. Он был самым могущественным правителем Западной Европы. Его континентальные владения были больше, чем владения короля Франции, и включали в себя Мэн и Нормандию, Анжу и Аквитанию, простирались от Фландрии до подножия Пиренеев. Позже (1171) он добавил к ним Ирландию, захватив ее при содействии пап Адриана IV и Александра III. Его брак с королевой Аквитании Элеонорой, которая развелась из-за неверности с королем Людовиком VII Французским, обогатил его королевство, но повлек длительные войны с Францией и внутренние проблемы. Элеонора ревновала к своим соперницам¹⁵⁴; она подговорила своих сыновей Жоффрея и Ричарда взбунтоваться против отца, была заключена в темницу в 1173 г. и освобождена после смерти Генриха в 1189 г. его наследником Ричардом I Львиное Сердце, который сделал ее регентшей, когда отправился в Святую Землю. Позже она удалилась в аббатство Фонтевро и умерла около 1203 г.

¹⁵³Теннисон характеризует времена Стефана как «царствование, которое не было властью, — когда никто не мог мирно сидеть у своего очага и когда убийства были столь же часты, как естественная смерть, и, подобно египетской казни, обагряли кровью все вокруг».

¹⁵⁴Предание гласит, что она отравила его любимую наложницу Розамунду де Клиффорд, которая, наряду со своей беседкой в лабиринте, активно фигурирует в романтической литературе, в том числе в «Бекете» Теннисона. На ее могиле были начертаны строки:

*Hic jacet in tumba
ROSA MUNDI, non ROSA MUNDA,
Non redolet, sed olet,
Quae redolere solet.*

(«Здесь покоится Роза мира, а не чистоты; и запах, исходящий от безжалостных людей, жалости не вызывает».)

Бекет был канцлером в течение семи лет (1155 — 1162). Он помогал королю восстанавливать порядок и мир. Он улучшил отправление правосудия. Он был решительным и беспристрастным и предпочитал интересы короны интересам клира, но не был враждебен церкви. Он был исключительно предан королю и служил ему так же верно, как служил Теобальду и как позже служил папе. Крайняя посвященность официальным обязанностям была характерна для него на всех этапах его карьеры.

Он придал своей высокой должности выдающееся достоинство и превознесенность, которыми она никогда не обладала раньше. Он был таким же великолепным и всемогущим, как Уолси при Генрихе VIII. Он был королем по факту, хотя и не по имени, и вел себя как регент во время частых поездок Генриха на континент. Он одевался в лучшие одежды, окружал себя блестящей свитой из ста сорока рыцарей, оказывал щедрое гостеприимство и тратил огромные суммы денег на свой дом и совместные увеселения, отчасти используя доход от своих разнообразных церковных владений, которые он сохранял за собой без стеснения. Он председательствовал на королевских пирах в Вестминстер-холле. Его столы были украшены золотыми сосудами с самой изысканной и роскошной пищей, с вином лучшего урожая. Он наблюдал за воспитанием английской и иностранной знати и молодого принца Генриха. Он был любимцем короля, армии, знати, клира и народа.

Канцлер лично вел переговоры о брачном союзе (за три года до того, как он состоялся) наследника короны (тогда мальчика семи лет) и дочери короля Франции (девочки трех лет). Он взял с собой на эту миссию двести рыцарей, священников, знаменосцев (и все они были празднично наряжены), двадцать четыре смены одежды, разнообразных собак и птиц для охоты, восемь фургонов, в каждый из которых было впряжено пять лошадей, а за каждой лошастью следил ладный молодой человек в новом мундире. Во множество сундуков и шкапулок были разложены деньги канцлера и подарки. Одна упряжь, которая предшествовала остальным, везла священные сосуды его капеллы, святые книги и украшения для алтаря. Французы, видя эту процессию, восклицали: «Каким же великим должен быть король Англии, если его канцлер так путешествует!» В Париже он свободно раздавал золотые и серебряные блюда и одежду — кому платье, кому плащ на меху, кому шубу, кому боевого коня. Он выполнил свою задачу и завоевал всеобщую популярность.

Когда, несмотря на попытки сохранить мир, началась война между Францией и Англией, канцлер был самым храбрым из воинов во главе семисот рыцарей, которых он лично содержал, и вызвался возглавить атакующих при осаде Тулузы, где укрылся король Людовик, — но колебания Генриха помешали ему проявить жестокость к французскому королю. Позже он взял три замка, которые считались неприступными, и с триумфом вернулся в Англию. Один из восхваливших его, Эдуард Грим, вменяет совершённые разрушения ему в заслугу: «Кто бы мог рассказать о той бойне, о том опустошении, которые он творил во главе сильной армии воинов!? Он атаковал замки, стирал с лица земли города, безжалостно сжигал дома и поместья и никогда не проявлял ни капли милости к тем, кто восставал против власти его господина». Такая жестокость вполне соответствует средневековым представлениям о благочестии и милосердии, что видно из истории крестовых походов.

Бекет был создан для двора и армии. Но, хотя его жизнь была чисто светской, он не был безнравственным. Он присоединялся к королю в его развлечениях, но

не в его оргиях. Будучи диаконом, он не мог вступить в брак, но сохранил свое целомудрие при развратном дворе. Этот момент особенно хорошо характеризует его, ибо целомудрие было редкой добродетелью в средние века.

В целом его общественная жизнь как канцлера была почетной и блестящей и обеспечивает ему место среди выдающихся государственных деятелей Англии. Но впереди его ждала еще более важная должность¹⁵⁵.

§32. *Архиепископ и король*

См. §22-24.

Через год после смерти Теобальда, 18 апреля 1161 г., король назначил Бекета архиепископом Кентерберийским. Бекет принял назначение неохотно и предупредил короля с улыбкой, что тот потеряет слугу и друга¹⁵⁶. Ученый и энергичный епископ Гильберт Фолиот из Херефорда, позже из Лондона, заметил саркастически (возможно, из-за собственных несбывшихся амбиций), что «король сотворил чудо, превратив мирянина в архиепископа и воина — в святого».

Бекет был рукоположен священником в субботу после Пятидесятницы и на следующий же день, 3 июня 1162 г., с большим великолепием был посвящен в архиепископы в Вестминстерском аббатстве. В самую первую очередь он распорядился, чтобы Английская церковь отмечала день Святой Троицы в воскресенье после Пятидесятницы. Он признал Александра III законным папой и получил от него архиепископский палий через своего друга Иоанна Солсберийского.

Он был первым урожденным англичанином, занимавшим пост примаса с момента норманнского завоевания, — поскольку Ланфранк и Ансельм были итальянцами, а Ральф из Эскуреса, Вильгельм из Корбея и Теобальд из Бека — норманнами или французами. Но у нас нет оснований считать, как утверждает Тьерри, будто Бекет поддерживал саксонцев против норманнов. Его спор с королем был не спором двух национальностей, а спором между церковью и государством. Он занял в этом вопросе ту же позицию, что и его норманнские предшественники, только проявлял больше рвения и энергии, ибо был англичанином во всем. А два эти народа в то время, посредством смешанных браков, общественных и торговых взаимоотношений, хорошо ладили (по крайней мере, на уровне среднего класса, к которому он принадлежал¹⁵⁷).

С перемены должности Бекет подвергся радикальному и почти внезапному преобразению. Первый сторонник рыцарства стал первым сторонником священства, самый преданный друг короля — его самым опасным соперником и врагом, блестящий канцлер — суровым и нищим монахом. Он сменил помпезное придворное платье на власяницу, кишащую червями, питался корнями и пил вызывавшую тошноту воду. Он ежедневно омывал, с гордым смирением и упорным милосердием, ноги тринадцати грязным нищим и давал каждому из них четыре

¹⁵⁵ Фримен, который прославляет его как канцлера, полагает, что как архиепископ он не достиг успеха, однако считает его мученичество величайшим триумфом.

¹⁵⁶ Теннисон невинно начинает драму с игры в шахматы между Генрихом и Бекетом, во время которой король сообщает канцлеру о смертельной болезни Теобальда и говорит о необходимости назначить ему более сильного преемника, который наказал бы грешных клириков. Канцлер спокойно ходит своим слоном и объявляет королю шах и мат. Тогда Генрих опрокидывает доску, говоря: «Пусть упадут оба, слон и король» (слон в английском языке обозначается тем же словом, что и епископ).

¹⁵⁷ «Хотя в нем и текла норманнская кровь, его чувства, весь его характер были английскими, и понятно, что никто не смотрел на него как на чужака» (Freeman, *l. c.*, pp. 101 sq.).

серебряные монеты. Он удвоил благотворительность Теобальда, подобно тому как Теобальд удвоил благотворительность своего предшественника. Он бродил один в своем уединении, проливая слезы о грехах прошлого, часто наносил себе удары по обнаженной спине и проводил много времени в молитве и чтении Писания. Он небезуспешно старался соответствовать идеалу средневекового епископа, в котором сочетались самые возвышенные церковные притязания, личное смирение, щедрая благотворительность и аскетическое умерщвление плоти. Он не был лицемером, хотя его святость, с точки зрения библейской и протестантской, была искусственной и неестественной.

Его отношения с королем были такими же, как у папы с императором. Можно сказать, что он перещеголял папу в роли архиепископа точно так же, как он перещеголял короля, будучи канцлером. Он упрекал папу за его выжидательную политику. Выступая против Генриха, он размахивал духовным мечом так же храбро, как размахивал железным мечом, выступая за него. Он принял сторону Ансельма против Вильгельма Рыжего и Григория VII против Генриха IV, но с той большой разницей, что он жаждал не моральной реформы церкви и клира, как Гильдебранд и Ансельм, а одной только светской власти церкви, прав и неприкосновенности клира. Он не пытался запретить скандальное владение многими приходскими, в чем и сам был замешан как архидиакон и канцлер, и он упрекал Генриха не в его многочисленных грехах перед Богом, а только в его греховном покушении на власть церковной иерархии.

Новый архиепископ был призван папой Александром III на собор в Туре, во Франции, и был принят с необычным почетом (май 1163 г.). Собор состоял из семнадцати кардиналов, ста двадцати четырех епископов, четырехсот четырнадцати аббатов; папа председательствовал лично. Бекет сидел от него по правую руку, Роджер из Йорка по левую. Арнольд из Лизье, в Нормандии, произнес открывающую собор проповедь о единстве и свободе церкви, которые были актуальными проблемами того времени. Собор единодушно признал притязания Александра, заявил о правах и привилегиях клира и сурово осудил всякие покушения на имущество церкви.

Оно и стало яблоком раздора между скипетром и архиепископским посохом в Англии. Достоинство короны было единственной целью короля, а достоинство церкви — единственной целью архиепископа, и первая ссора была связана с проблемой светского налогообложения.

Генрих решил обложить каждый надел земли обычным налогом в два шиллинга, которые поступали в его собственную казну. Бекет выступал против включения сюда той земли, уплата налогов за которую была добровольной, а не обязательной. Генрих протестовал: «Видит Бог, она будет включена!» Бекет ответил: «Видит Бог, Которым ты клянешься, что мои земли не будут сюда включены, пока я жив!»

Другим спорным вопросом была юрисдикция церковных судов. Король потребовал, чтобы всех клириков, обвиняемых в тяжких преступлениях, судил гражданский суд. Некий клирик Филип из Бруа, совершивший убийство, был оправдан епископским судом. Король был в негодовании, но Филип отказался предстать перед гражданским судом. В судебный процесс вмешался архиепископ, но его приговор был легким.

Король созвал парламент в Вестминстере и потребовал во имя справедливости и в соответствии с «древними обычаями» (норманнских королей), чтобы все клирики, обвиняемые в тяжких преступлениях, немедленно были смещены и суди-

мы по закону, вместо того чтобы прикрываться своим саном. Это противоречило праву священника быть судимым только судом его епископа, который мог приговорить к бичеванию, заключению и смещению, но не к смертной казни.

Бекет и епископы согласились с тем, что требование короля идет вразрез с каноническим правом, и ссылались на случай из Писания. Иоав и священник Авиафар были виновны в смерти Адонии. Иоав был наказан, а священник просто смещен с должности. Цитировался Наум 1:9 как возражение против того, чтобы клирики представляли перед двойным судом. Согласно Септуагинте, это место провозглашает, что Бог не судит дважды за одно и то же преступление.

Король поспешно распустил парламент, лишил Бекета надзора за королевскими замками и воспитанием своего сына. Епископы советовали архиепископу уступить. Сначала он отказывался, пусть даже ангел небесный посоветует ему проявить такую слабость, но наконец уступил королю в Вудстоке и обещал исполнять обычаи королевства. Он поддался на уговоры папского альмонария Филиппа де Елеомозина (Благотворительного), подкупленного английским золотом¹⁵⁸.

Король созвал общий собор королевства в Кларендоне, королевском дворце в нескольких милях от Солсбери, для ратификации этой уступки (25 января 1164 г.). Присутствовали два архиепископа, двенадцать епископов и двадцать девять баронов-мирян. В качестве законов Англии были приняты шестнадцать знаменитых постановлений под именем Кларендонских конституций. Вот их текст.¹⁵⁹

КЛАРЕНДОНСКИЕ КОНСТИТУЦИИ

I. Об избрании на церковные должности и о представлении к ним (*de advocacione et presentatione*) в церкви: если возникнет какой-нибудь спор между мирянами, или между клириками и мирянами, или между клириками, он должен рассматриваться и решаться в суде нашего господина короля.

II. Церкви во владениях короля (*de feudo domini Regis*) не должны отдаваться во владение на длительный срок без его согласия и дозволения.

III. Клирики, обвиненные в каком-либо преступлении, должны быть призваны королевскими судейскими на королевский суд, чтобы ответить там на те вопросы, которые сочтет нужным задать им королевский суд; и на церковный суд, чтобы ответить на его вопросы, — но таким образом, чтобы королевские судейские присутствовали на суде святой церкви и видели, как решается дело; и, если клирик сознается или будет осужден, церковь в будущем не должна защищать его¹⁶⁰.

IV. Никакой архиепископ, епископ или другое высокопоставленное лицо не должно покидать королевство без дозволения короля; если они желают его покинуть, король имеет право, если пожелает, потребовать у них гарантии, что они не причинят вреда королю и королевству, покидая его, или оставаясь, или по возвращении.

V. Лица, отлученные от церкви, не должны браться на поруки, *ad remanentiam*, или приносить клятву; они могут браться на поруки или приносить клятву, только если предстанут перед судом церкви и будут им прощены.

VI. Против мирян обвинение может выдвигаться только определенными законными обвинителями и свидетелями в присутствии епископа, чтобы архидиакон не утратил своих прав или чего-либо, что ему полагается. Если обвиняемые таковы, что никто не желает или не осмеливается обвинить

¹⁵⁸Теннисон вкладывает в уста Бекета слова: «Этот альмонарий вкусил золота Генриха. Руки кардиналов усыпаны золотом Генриха. И Рим в своей продажности гниет».

¹⁵⁹Они приводятся в Matthew Paris, *ad ann.* 1164; Mansi, XXI. 1187; Wilkins, *Concilia M. Britannie*, vol. I. Gieseler, II. 89 sqq. (Am. ed., II. 289 sq.); Reuter, I. 371-375, 573-577; Hefele-Knöpfler, V. 623-628 (на немецком языке); Stubbs, 135-140 (на латыни); Gee and Hardy, 68-73.

¹⁶⁰Мэйтленд (р. 135 sqq.) пролил свет на эту статью и истолковывает ее так: сначала клирик должен предстать перед светским судом, потом — перед церковным, если же его признают виновным и сместят, он возвращается в светский суд и получает приговор как мирянин. Эта процедура касалась таких уголовных преступлений, как грабеж, изнасилование и убийство.

их, шериф, по требованию епископа, должен привести двенадцать верных местных жителей к клятве перед епископом, чтобы они провозгласили истину по совести.

VII. Никто из подданных короля, ни один из его слуг не должен быть отлучен, ни его земли подвергнуты интердикту без ведома короля, если он в королевстве, — или, если он отсутствует, без ведома его судейского представителя, чтобы он мог соблюсти справедливость и были удовлетворены требования как королевского, так и церковного суда.

VIII. Апелляции, если они возникают, должны сообщаться архидиаконом епископу, а епископом — архиепископу; если архиепископ не может решить дело по справедливости, стороны должны прийти к нашему господину королю, чтобы по его предписанию спор был улажен в суде архиепископа и не продолжался далее без согласия нашего господина короля.

IX. Если возникнет спор между клириком и мирянином или между мирянином и клириком об имении, которым клирик хотел бы обладать на правах благотворительности, а мирянин объявляет светским леном, то спор должен быть улажен с помощью заявлений двенадцати осведомленных людей при посредстве главного королевского судейского, решающих, церковное это имение или светское, в присутствии королевских судейских. Если имение будет объявлено благотворением, то дело должно рассматриваться в церковном суде; если же светским леном, за исключением случая, когда оба будут претендовать на лен того же самого епископа или барона, оно должно рассматриваться в королевском суде; если же оба претендуют на лен от одного епископа или барона, дело должно рассматриваться в его суде, но при этом вынесенное ранее судейское решение не дает права изымать владение у того, кто был его лишен, до принятия окончательного решения на этих разбирательствах.

X. Если человек, принадлежащий к городу, замку, селению или королевскому поместью, будет призван архидиаконом или епископом к ответу за преступление и не послушается призыва, то будет законно наложить на него интердикт, но не отлучать его, пока главное королевское должностное лицо этого места не будет уведомлено, с тем чтобы оно могло обеспечить его явку на слушание дела; если королевское должностное лицо не сможет этого добиться, обвиняемый будет отдан на милость короля, и епископ будет вынужден применить к обвиняемому церковное наказание.

XI. Архиепископы, епископы и все остальные лица королевства, которые отвечают перед королем, получают свои владения от короля как баронство и отвечают за них перед королевскими судейскими и должностными лицами; они следуют и соблюдают королевские обычаи и установления; они обязаны присутствовать, по уведомлению, на королевском суде вместе с баронами и как другие бароны, даже если суд выносит решение о нанесении увечья или приговаривает к смерти.

XII. Когда место архиепископа, епископа, аббата или приора во владениях короля освобождается, оно находится в его руках, и он получает с него соответствующие доходы, как от своих владений. И когда приходит время позаботиться об этой церкви, господин наш король рекомендует наиболее подходящих лиц для этой церкви, и избрание производится в королевской капелле с согласия короля и в совете с теми лицами королевства, которые будут призваны с этой целью. Избранное лицо должно почитать и хранить верность нашему господину королю как своему господину и посвятить ему свою жизнь, и всего себя, и все свои земные почести во исполнение его воли, прежде чем принять должность.

XIII. Если кто-либо из королевской знати откажется воздать должное архиепископу, или епископу, или архидиакону, самому или его служителям, наш господин король восстанавливает справедливость. Если кто-либо случайно лишил нашего господина короля принадлежащих ему прав, архиепископы, епископы и архидиаконы выносят соответствующее решение с тем, чтобы нарушенные права короля были восстановлены.

XIV. Движимое имущество, подлежащее конфискации королем, не должно удерживаться церковью или кладбищем вопреки королевскому правосудию, потому что оно принадлежит королю, находится ли оно на территории церкви или вне ее.

XV. Дела об уплате долга, разбирающиеся с присягой или без нее, решает королевский суд.

XVI. Сыновья крестьян могут рукополагаться только с согласия господина, на земле которого они родились.

Эти конституции были составлены в духе и на языке феодализма по вдохновению короля архиепископом Роджером из Йорка, епископом Фолиотом из Лондона (главными врагами Бекета), епископом Жоселином из Солсбери, Ричардом де Люси (главным судейским королем) и Жоселином из Бэлиола. Они ограничивают неприкосновенность клира, а их последний пункт ограничивает права народа, хотя он и основан на каноническом праве, согласно которому рабы не могли приниматься в клирики без согласия их владельцев. Эти положения подчиняют клир короне и земельным законам наравне с мирянами. Они превраща-

ют церковь в *imperium in imperio*, вместо того чтобы признать ее отдельной и независимой *imperium*. Они формулируют в виде законодательства некие «древние обычаи» (*consuetudines*), которые относятся ко временам Вильгельма Завоевателя и которые признавал Ланфранк, но во многих отношениях они нарушают древние привилегии церкви и не соответствуют иерархическому принципу освобождения клира от светского суда. И это был основной повод ссоры между королем и архиепископом.

При нынешнем состоянии цивилизации не может быть сомнений в том, что клир должен подчиняться тем же законам и подвергаться тем же самым наказаниям, что и миряне. Но мы не должны забывать, что в средние века освобождение клира от наказания было гуманитарной и иерархической особенностью и включало в себя протест против варварских наказаний, предусматривавших причинение увечий человеку, сотворенному по образу Божьему. Оно подготовило путь к смягчению уголовного законодательства для всего народа, клира и мирян. Этим объясняется симпатия народа к спору Бекета.

Бекет согласился с конституциями, но по возвращении в Кентербери передумал и навлек на себя серьезные наказания. Он просил у папы и получил освобождение от своей клятвы, однако Александр — в контексте отношений с Барбароссой и антипапой и не собираясь жертвовать благожелательностью Генриха — постарался удовлетворить обе стороны. По просьбе Генриха он дал титул своего легата в Англии архиепископу Роджеру из Йорка, соперничавшего с Кентербери за первенство. Позже он дал также согласие на коронацию старшего сына Генриха архиепископом Йорка в Вестминстерском аббатстве (18 июня 1170 г.), хотя такие коронации были исключительной прерогативой архиепископа Кентерберийского. Это осложнило разногласия с королем и привело к последнему кризису.

Тем временем Кларендонские конституции выполнялись. Клириков, обвиненных в преступлениях, осуждали в королевском суде и наказывали так же, как и мирян.

Бекет попытался бежать к папе и отплыл на континент, но корабль вернулся обратно из-за встречного ветра. Это было нарушением закона, который не разрешал епископам покидать страну без королевского позволения.

Его призвали на великий собор епископов и знати в королевском замке в Нортгемптоне осенью 1164 г. и обвинили в неправильном поведении в светских делах в качестве канцлера и архиепископа, но его смелость перед лицом опасности только увеличилась. Он отказался отвечать и апеллировал к папе. Собор постановил вызвать его на суд в Рим за нарушение клятвы, данной в Кларендоне, и за разрешение своим суффраганам пренебрегать конституциями. Когда епископы посоветовали ему уступить, он ответил высокомерным отказом. Его должны были арестовать, но он угрожал служителям отлучением, если они приговорят его к подобному унижению. Он принял смелое решение бежать на континент — переодевшись монахом, в полночь, в сопровождении двух монахов и слуги, со своим епископским паллием и печатью.

Король захватил доходы архиепископа, запретил церковные молитвы за него и изгнал его из королевства, а также велел изгнать всех его родственников и друзей, всего четыреста человек обоих полов, и прекратил платить лепту святого Петра папе.

Бекет провел в изгнании шесть полных лет, с октября 1164 по декабрь 1170 г. Король Людовик Французский, враг Генриха и поклонник Бекета, принял его с уважением и хвалил перед папой, который сам был в изгнании и жил в Сансе.

Бекет встретился с Александром, представил ему Кларендонские конституции и убеждал его осудить их. Папа осудил десять пунктов как нарушение церковных привилегий, но стерпел остальные шесть как менее вредные, чем остальные. Он мягко упрекнул Бекета в слабости за то, что тот поклялся исполнять их, но утешил, выразив уверенность, что он искупил этот грех своими страданиями. Папа вернул ему архиепископское кольцо, тем самым подтвердив его положение примаса, обещал ему свою защиту и поручил его гостеприимной заботе аббата Понтиньи, цистерцианского монастыря примерно в двадцати лигах от Санса. Здесь Бекет жил до 1166 г. как обычный монах, питался бобами и овсяной кашей, спал на соломенной постели и в полночь подвергался бичеванию своим капелланом, хотя иногда позволял себе лучшую пищу и оставил кое-что из бывшего великолепия в своем окружении. А его трезвомыслящий друг Иоанн Солсберийский выступал против неумеренных расходов.

Бекет дошел до крайности, когда провозгласил в церкви Везеле на Пятидесятницу 1166 г. отлучение от церкви на всех авторов и защитников Кларендонских конституций. Он пощадил короля, который тогда был опасно болен, однако тихим голосом, в котором звучали слезы, угрожал ему мщением Божьим, а его королевству — интердиктом. Он сообщил о своем решении папе и всему клиру Англии, обратившись к последнему с вопросом: «Кто из вас еще сомневается в том, что священники Божьи — это отцы и господа королей, князей и всех верующих?»

Гнев Генриха не знал границ. Он закрыл порты Англии для тех, кто распротранял весть об отлучении, угрожая им увечьями, повешением и сожжением. Он добился изгнания Бекета из Понтиньи, и тот удалился в монастырь возле архиепископского города Санса. Он обеспечил, через своих посланников, несколько уступок от Александра, который был тогда в изгнании в Беневенто. Папа хотел сохранить поддержку короля, однако написал несколько утешительных посланий Бекету, убеждая его, что эти уступки — лишь временные. Бекет отвечал с негодованием и осуждал продажность и жадность папского двора. «Ваше золото и серебро, — писал он кардиналам, — не избавит вас в день гнева Господня».

Теперь король решил воспользоваться разрешением, которое было получено от папы за несколько лет до того, но потом отозвано¹⁶¹, и Роджер, архиепископ Йорка, короновал его сына. Это унижительное покушение на права примаса вновь возмутило Бекета. Он повторил свое отлучение. Подобно Григорию VII, он применил к духовному оружию слова: «Проклят, кто удерживает меч Его от крови!» {Иер. 48:10}. Он даже велел епископам Англии наложить интердикт на все королевство и прекратить отправление религиозных обрядов (за исключением крещения, епитимьи и елеосвящения), если король не даст ему полного удовлетворения до праздника очищения, 2 ноября 1170 г.¹⁶²

¹⁶¹ См. послание папы к архиепископу Йорка в «Materials», vol. VI, 206 sq., и примечание Робертсона; также Reuter, II. 683 sq. Послание находится не в Ватикане, а в других архивах, и Жаффе признает его как подлинное. Вероятно, оно было написано в начале 1170 г., когда на Александра оказывал давление Барбаросса, осадивший Рим. См. другие послания на эту тему в «Materials», VII. 257, 305 sqq., 399.

¹⁶² В 1169 г. Генрих предложил выдать одну из своих дочерей за молодого короля Сицилии и выделить деньги городам Ломбардской лиги на строительство укреплений, если они повлияют на Александра, чтобы тот сместил Бекета или перевел его на другую должность. См. Stubbs, ed. Hoveden, II. xci sq.

Эти крайние меры были небезуспешны. Несколько епископов начали колебаться и перешли от короля на сторону архиепископа. Сам король встревожился при угрозе интердикта. Папа следовал своей примиренческой политике и советовал обеим сторонам пойти на уступки.

Внезапно король и архиепископ заключили мир в ходе взаимоуважительной личной встречи во Фреттвиле (Фретевале), замке между Туром и Шартром, 22 июля 1170 г. Генрих ничего не сказал о Кларендонских конституциях, но предложил, чтобы Бекет короновал его невестку (дочь короля Франции) и, в связи с этим, повторил коронацию его сына. Бекет обвинил во всем советников Генриха и проявил умеренность и осторожность. Король не предложил мирного поцелуя, а архиепископ не потребовал его.

Но если Бекет и был готов простить короля, он собирался воспользоваться своей духовной властью в отношении его злонамеренных приспешников и особенно архиепископа Йоркского и епископов Лондона и Солсбери. Именно эти прелаты официально короновали сына Генриха. И к катастрофе привела именно эта коронация, а не изначальный и более важный спор о неприкосновенности клира.

После длительных переговоров с папским двором и королем Бекет вернулся к своей покинутой пастве 1 декабря 1170 г. Высадившись в Сэндвиче (вместо Дувра, где его ждали), он встретил там врагов, которые обыскали его багаж и потребовали снять отлучение с епископов, находившихся тогда в Дувре. Он отказался. По пути в Кентербери сельские клирики и народ встречали его, срывая с себя одежду и восклицая: «Благословен грядущий во имя Господа!» Он подъехал к собору в сопровождении большой процессии под звон колоколов и произнес проповедь по тексту: «Не имеем здесь постоянного града» {Евр. 13:14}.

Отлученные прелаты Йорка, Лондона и Солсбери искали защиты короля, который был тогда в замке близ Бэйе в Нормандии. Король сказал: «Если должны быть отлучены все, кто короновал моего сына, то в глазах Бога я виноват не менее». Один из прелатов (вероятно, Роджер из Йорка) заметил: «Пока Фома жив, у вас никогда не будет покоя». Генрих разразился очередным из его привычных приступов гнева и произнес роковые слова: «Человек, который ел мой хлеб, поднял свою пядь против меня; человек, которого я осыпал благами, осмеливается оскорблять короля; человек, который прибыл ко двору на хромо́й лошади, с плащом вместо седла, беспрепятственно восседает на престоле. Куда же смотрит око Божие и неужели среди моих неблагодарных и трусливых придворных нет никого, кто избавил бы меня от оскорблений этого низкородного и непокорного священника?» С этими словам он выбежал из комнаты.

§33. Мученичество Фомы Бекета. 29 декабря 1170 г.

Об убийстве Бекета рассказывают пять очевидцев: Эдуард Грим (саксонский монах из Кембриджа), Уильям Фиц-Стефен (капеллан Бекета), Иоанн Солсберийский (его верный друг), Уильям из Кентербери и анонимный автор Ламбетской рукописи. Два других биографа, Герберт из Бошема и Роджер из Понтиньи, не присутствовали в Англии в тот момент, но были близки к Бекету и старательно пытались разузнать малейшие подробности об этом событии.

На гнев короля охотно откликнулись четыре воинственных и богатых рыцаря высокого происхождения, камергеры короля¹⁶³ сэр Реджинальд Фиц-Урс («Сын медведя», которого изначально представил ко двору Бекет), сэр Уильям де Трей-

¹⁶³ *Cubicularii*, допускаемые в королевскую опочивальню.

си (королевской крови), Хью де Морвиль (судья Нортумберленда и Кумберленда) и сэр Ричард Ле Брет или Бретон (обычно известный как Бритон¹⁶⁴). Они решили осуществить то, к чему он призывал, из пылкой верности, на свой собственный риск, как получится, добившись заключения, изгнания или, если будет необходимо, смерти Бекета. Похоже, у них не было определенного плана, только желание отомстить. Они не ждали указаний, а тут же разными путями отправились в Англию и встретились в замке Солтвуд, который принадлежал епархии Кентерберри, но тогда был занят Рандульфом из Брока. Они собрали отряд примерно из дюжины вооруженных людей и подошли к аббатству Св. Августина, у стен Кентерберри, на рассвете 29 декабря, во вторник.

Утром того рокового дня Бекет предчувствовал свою смерть и посоветовал клирикам бежать в Сэндвич до наступления дня. Он посетил мессу в соборе, исповедался перед двумя монахами и, по обыкновению, принял три бичевания. На трапезе он пил более свободно, чем обычно, и сказал виночерпию: «Тот, кому предстоит пролить много крови, должен много пить». После обеда он удалился в свою комнату и сел на постель, разговаривая с друзьями, Иоанном Солсберийским, Уильямом Фиц-Стефеном и Эдуардом Гримом. Он был тогда в полном расцвете сил, сохраняя на пятьдесят третьем году жизни достоинство облика и блеск в глазах.

Примерно в четыре часа дня рыцари вошли во дворец архиепископа, оставив у входа свое оружие и прикрыв кольчуги обычной одеждой. Они именем короля потребовали от него простить всех отлученных епископов и придворных. Он отказался и посоветовал обратиться к папе, который единственный может простить их. Он заявил: «Я никогда не пощажу человека, который нарушает каноны Рима или права церкви. Моя духовная должность — от Бога и от папы; моя светская власть — от короля. Отдайте кесарю кесарево, а Богу — Богово». Рыцари сказали: «Ты рискуешь жизнью». Бекет ответил: «Вы пришли убить меня в моем собственном доме? Вы не можете быть более готовы убить меня, чем я готов умереть. Вы напрасно угрожаете мне. Даже если бы все мечи Англии висели над моей головой, вы не смогли бы устрашить меня и помешать повиноваться Богу и моему господину папе. Я презираю вас. Мы встретимся с вами лицом к лицу в битве Господней». В момент этой перепалки Бекет утратил власть над своим пылким темпераментом. Его друг Иоанн Солсберийский мягко упрекнул его в том, что он говорит на повышенных тонах. Рыцари покинули комнату и призвали своих людей к оружию.

Без нескольких минут пять колокола стали созывать к вечерней молитве. По настоянию друзей архиепископ, перед которым несли крест, отправился через монастырь к собору. Богослужение уже началось и церковь была полна народу, когда в неф вбежали два мальчика и в панике объявили, что вооруженные люди ворвались в монастырь. Помощники Бекета, который вошел в церковь, заперли дверь и стали уговаривать его укрыться на хорах. «Прочь, трусы! — сказал он. — Вы обязаны слушаться меня, а я приказываю вам не запирайте дверь. Церковь не должна превращаться в крепость». Он был явно готов к мученичеству и хотел его. Он сам отворил дверь и втащил оставшихся снаружи монахов в здание, восклицая: «Входите, входите; быстрее, быстрее!» Монахи и священники были перепуганы и бежали в разных направлениях. Кто прятался в нишах и боковых часовнях, кто на кровле, кто в крипте. Только трое остались верны Бекету: кано-

¹⁶⁴ Биографы говорят, что его следовало бы назвать Брутом.

ник Роберт из Мертона, капеллан Уильям Фиц-Стефен и клирик Эдуард Грим¹⁶⁵. Один из монахов признается, что бежал, всплескивая руками, вверх по ступеням так быстро, как только мог.

Бекет подошел к алтарю и архиепископскому креслу, в котором восседали его предшественники с незапамятных времен. Он, без сомнения, желал принять венец мученичества именно там. Был зимний вечер, около пяти часов. Сгущались ночные тени, и светильники на алтаре проливали тусклый свет на темное помещение собора. Трагедия совершилась за несколько минут.

Рыцари, в броне с головы до ног, с обнаженными мечами, в сопровождении разношерстной толпы с топорами, ворвались в собор, крича: «Где предатель? Где архиепископ?»¹⁶⁶ Бекет ответил, сходя вниз по ступеням алтаря и глядя на своих врагов: «Вот я, но только не предатель, а священник Божий!» Тогда они снова потребовали простить епископов и принуждали его сдаться королевскому правосудию. «Я не могу поступить иначе, чем уже поступил», — сказал он и, обратившись к Фиц-Урсу, который был вооружен мечом и топором, добавил: «Реджинальд, ты получил много милостей из моих рук: теперь ты приходишь ко мне и в мою церковь с оружием!» Рыцари попытались выгнать его из святилища, не желая убивать его там, но он обхватил колонну между алтарями Девы, его особой покровительницы, и святого Бенедикта, уставу которого он следовал, и сказал: «Я готов умереть. Да обретет церковь мир и свободу через мою кровь! Я молю вас во имя Всемогущего Бога не причинять здесь вреда никому, кроме меня». Борясь, он сошелся с де Трейси и опрокинул его на пол. Он назвал Фиц-Урса, который схватился за ворот его длинного плаща, жалким негодяем и избавился от его захвата, воскликнув: «Отойди, сводник!»¹⁶⁷ Разгневанный оскорблением воин нанес первый удар, замахнувшись мечом над его головой и сбив с него шапку. Трейси, поднявшись с пола, нацелил меч ему в голову, но Эдуард Грим, стоявший рядом, подставил свою руку, которая была чуть ли не отрублена, и упал у стены. Бекет принимал удар за ударом в молитвенном настроении. Кровь текла у него по лицу. Он склонил голову, готовый принять смертельный удар, сложил руки и сказал негромко: «Я вручаю себя и дело моей церкви Богу, святому Денису, мученику Франции, святому Эльфрику и святым церкви¹⁶⁸. Во имя Христа и ради защиты церкви я готов умереть. Господи, прими дух мой».

Это были его последние слова. От следующего удара он упал на колени, а потом на пол у подножия алтаря святого Бенедикта. Его руки были по-прежнему сложены как для молитвы. Ричард Бритон отсек верхнюю часть его черепа, помазанную священным елеем. Хью из Хорси, иподиакон, наступил ему на шею, воткнул свой меч в череп и разметал кровь и мозг по полу¹⁶⁹. Потом он сказал: «Пойдемте, предатель мертв; он больше не встанет».

Убийцы покинули церковь и через монастырь спешно направились во дворец в поисках добычи, а над собором в это время разразилась грозовая буря. Они

¹⁶⁵ Современные авторы называют его обычно монахом, и он, возможно, был таковым. В произведениях того времени он назван просто служителем (Abbott, I. 42 sq.).

¹⁶⁶ См. об этих словах и об ответе Бекета в Abbott, I. 89 sqq.

¹⁶⁷ *Lenonem appellans*. Бекет был склонен к использованию сильных выражений. Он называл Джеффри Риддела, архидиакона Кентербери, архидьяволом. Через три года после смерти Бекета Риддел стал епископом Эли.

¹⁶⁸ Abbott (I. 147) утверждает, что эти слова были произнесены до того, как удар сбил с его головы шапку, и этот удар отсек часть черепа прелата.

¹⁶⁹ Об этом варварском святотатстве рассказывают все авторитетные источники.

украли около двух тысяч марок золотом и серебром и умчались в глубокую тьму на лучших лошадях Бекета.

Тело Фомы было похоронено в крипте. Остатки его крови и мозга хранили как святыню. Монахи-поклонники Бекета обнаружили, к своему восхищению и восторгу, что человек, когда-то одевавшийся в пурпур и тончайший лен, носил на теле под многими одеяниями грубую власяницу, кишашую червями. По средневековым понятиям это свидетельствовало о полноте аскетической святости¹⁷⁰. Место его мученичества, недалеко от входа в собор из монастыря, показывают до сих пор.

§34. Последствия убийства Бекета

Это жестокое убийство ужаснуло весь христианский мир. Смерть Бекета стала его триумфом. Его возвышенное положение, личные добродетели и даже кощунственные заявления — все это поражало воображение. Сначала мнения разделились, потому что у Бекета были влиятельные враги, в том числе в Кентерберии. Один монах заявил, что Бекет справедливо поплатился за свое упрямство. Другие говорили: «Он пожелал быть королем и выше короля». Архиепископ Йорка осмелился сказать в проповеди, что Бекет «погиб, как фараон, из-за своей гордости».

Но всеобщее восхищение вскоре заставило всякую оппозицию замолчать. На его могиле стали происходить чудеса, подтверждая право на поклонение ему в качестве святого и мученика. «Слепые видят, немые говорят, хромые ходят, прокаженные очищаются, бесы изгоняются, даже мертвые воскресают к жизни», — так писал Иоанн Солсберийский, его друг¹⁷¹. Замечательные исцеления, без сомнения, имели место, а легковерие и мошенничества преувеличивали и умножали их. Через несколько лет после убийства были опубликованы два сборника о таких чудесах — Бенедикта, приора Кентерберии (позже аббата Петерборо), и Уильяма, монаха из Кентерберии¹⁷². Согласно этим сообщениям, чудеса начали совершаться в ночь смерти архиепископа. Его кровь обладала чудесными свойствами для всех, кто пил ее¹⁷³.

¹⁷⁰ Грим, с которым соглашаются остальные очевидцы, говорит, что видевшие эту власяницу, покрывавшую тело Бекета, отбросили все сомнения и признали его мучеником.

¹⁷¹ См. *Vita S. Th.* в «Materials», etc., II. 322: *In loco passionis eius... paralytici curantur, caeci vident, surdi audiunt, loquuntur muti, claudi ambulant, leprosi mundantur... et quod a diebus patrum nostrorum non est auditum, mortui resurgunt.*

¹⁷² Длинная *Vita et Passio S. Th.* Уильяма есть в «Materials», vol. I. 173-546. Легковерный Албан Батлер в своих *Lives of the Saints* цитирует на основании древней английской рукописи рассказ якобы свидетеля, который видел двести шестьдесят три чуда, совершенных по заступничеству святого Фомы, — больше, чем описано во всей Библии.

¹⁷³ Доктор Эббот посвящает основную часть своего труда, I. 224 sqq., II, подробному описанию и обсуждению чудес. В заключительной главе (II. 307-314) он проводит параллель между этими чудесами и чудесными деяниями Христа. Он различает чудеса, которые касаются человеческой природы, такие как исцеление болезней, и чудеса, которые касаются «нечеловеческой природы» — с хлебом, водой, деревьями. Реальность первых он признает, хотя и отрицает их сверхъестественный характер. Последние же «должны приниматься не как исторические факты, но как легенды, объясняемые тем, что поэзию принимали за прозу, лингвистическими ошибками или первым и вторым вместе». Далее он заявляет: разница между Христом и Фомой в том, что «дух святого Фомы не обладает силой проникать в сердца людей с постоянной внутренне присущей ему животворящей вестью, а Дух Того, Кому мы поклоняемся, обладает и силой, и такой вестью». Мы не будем здесь рассуждать о чудесах в Новом Завете. Скажем только, что отнесем их и чудеса Фомы Кентерберийского к разным категориям по двум соображениям. У чудес Христа есть смысл и ценность: они подтверждали Его миссию Спасителя

Через два года после смерти Бекета, 21 февраля 1173 г., он был торжественно канонизирован Александром III, который оказал ему слабую поддержку в споре с королем. Вряд ли существует другой пример такого быстрого признания святости, но общественные чувства опередили его. На соборе в Вестминстере были прочитаны папские послания о канонизации. Присутствовали все епископы, которые выступали против Бекета. Они попросили прощения за свои прегрешения и подтвердили решение папы. 29 декабря стало праздником «святого Фомы Кентерберийского».

Король Генрих II, которого народ считал виновником чудовищного преступления, был заклеямен народным отлучением. Узнав новость, он на три дня закрылся в своей комнате, надел рубище и посыпал себя пеплом, упорно отказываясь от пищи и утешения. Он жил затворником пять недель, вновь и вновь восклицая: «Увы, увy, это случилось!» Он приказал схватить убийц и отправил гонцов к папе, чтобы оправдаться и предотвратить отлучение и интердикт. После долгой отсрочки примирение состоялось в Авранше, в Нормандии, перед папскими легатами, архиепископом Руана и многими епископами и знатными людьми 22 мая 1172 г.¹⁷⁴ Генрих поклялся на Святом Евангелии, что никогда не приказывал убить Бекета и не желал его смерти, что она опечалила его больше, чем смерть отца или матери, и что он готов дать полное удовлетворение. Он обещал отменить Кларендонские конституции, вернуть все права и имущество Кентерберийской церкви, предпринять, если папа того потребует, трехлетний крестовый поход в Иерусалим или Испанию и снарядить двести рыцарей в Святую Землю. После этих обещаний он вслух заявил: «Вот, господа легаты, мое тело в ваших руках. Если вы прикажете отправиться в Иерусалим, или в Рим, или к святому Иакову [в Компостеллу в Испании], я готов повиноваться». Епископы ввели его в церковь и примирились с ним. Его сын, который при этом присутствовал, обещал кардиналу Альберту соблюдать решение своего отца. За этим покаянием последовало величайшее унижение в Кентербери.

Два года спустя, 12 июля 1174 г., король, подавленный неудачами, а также бунтом жены и сыновей, даже совершил паломничество на могилу Бекета. Завидев башни Кентербери, он оставил коня, пошел пешком, как кающийся паломник, по улицам — в шерстяной рубахе, босиком, со сбитыми в кровь ногами, — встал на колени в портике собора, поцеловал священный камень, на который упал архиепископ, простерся ниц перед могилой в крипте и исповедался перед епископами со стонами и слезами глубокого раскаяния в своих безрассудных словах, приведших к убийству. Гильберт Фолиот, епископ Лондона, некогда соперник и враг Бекета, объявил монахам и другим присутствовавшим о покаянии короля с намерением восстановить права и собственность церкви и выделять ежегодно монастырю сорок марок, чтобы на могиле мученика не угасали лампы. Положив голову и плечи на могилу, король подвергся унижительному бичеванию, и каждый епископ и аббат дал ему по пять ударов, а каждый из восьми монахов — по три. Наконец, он получил отпущение грехов и всю ночь провел на голой земле крипты в слезах и молитвах, прося прощения на небесах у канонизированного святого, которого преследовал на земле.

мира, и они были оригинальными. Средневековое сознание, из страха и любви к чудесному, легко связывало чудеса со святыми, взирая на пример Христа; но, в отличие от оригинальных чудес Христа, те чудеса, в которые оно верило, были по большей части нелепыми.

¹⁷⁴ На гранитной колонне в соборе Авранша есть надпись в память об этом событии. Она приводится в Stanley, p. 136.

История не знает большего унижения короля перед священником. Эта сцена не сравнится с подчинением Феодосия Амвросию, Эдгара Дунстану, Барбароссы Александру, и даже с событиями в Каноссе.

Через пять лет после мученичества останки Бекета были с чрезвычайной торжественностью перевезены из крипты в дорогое святилище восстановленного Кентерберийского собора (1220), украшенное золотом и ценными камнями. Началась, в более широком масштабе, долгая череда паломничеств, которые на триста с лишним лет сделали Кентербери величайшим священным местом западного христианского мира, стоящим сразу после Иерусалима и Рима. Туда стекалось больше народа, чем в Лорето в Италии и в Эйнзидельн в Швейцарии. В 1420 г. в Кентербери было зарегистрировано не менее ста тысяч паломников. Мужчины и женщины со всех областей Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии, из Франции и северных стран стекались к святилищу — священники, монахи, князья, рыцари, ученые, юристы, торговцы, ремесленники, крестьяне. Вряд ли в Англии был король, от Генриха II до Генриха VIII, который не отдал бы дани памяти этому святому из благочестивых или политических соображений. Среди последних выдающихся паломников были Джон Колет, декан Св. Павла, и Эразм, которые посетили святилище вместе между 1511 и 1513 г., а также король Генрих VIII и император Карл V, которые присутствовали на последнем юбилее в 1520 г. Паломникам давали полные индульгенции. Некоторые отправлялись в паломничество в декабре, в месяц мученичества святого, но больше всего паломников шло к могиле в июле, в память о времени перенесения его останков. В каждый пятидесятый год в его честь проводился юбилей, продолжавшийся пятнадцать дней. Было отпраздновано шесть таких юбилеев — в 1270, 1320, 1370, 1420, 1470 и 1520 г. Приношения святому Фоме были роскошнее, чем приношения всем остальным святым, даже святой Деве.

Джеффри Чосер, родоначальник английской поэзии, живший через двести лет после мученичества Бекета, обессмертил паломничества к его останкам в своих «Кентерберийских рассказах», где приводится прекрасное описание английского общества того времени.

Эти паломничества способствовали укреплению благочестия, общественных взаимосвязей, суеверий, праздности, легкомыслия и безнравственности. Они вызвали негодование со стороны многих серьезных и духовных людей.

Суеверное идолопоклонство святому Фоме продолжалось до Реформации, когда оно было сокрушено грубо, но навсегда. Генрих VIII призвал Бекета на королевский суд, чтобы дать ответ на обвинения в предательстве и бунте. Дело формально рассматривалось в Вестминстере. Вина была доказана, и 10 июня 1538 г. святой Фома был осужден как «бунтовщик и предатель своего правителя». Богатое святилище в Кентербери было разграблено. Золото и драгоценные камни были вынесены в двух крепких сундуках, остальные сокровища вывезли в двадцати шести повозках. Драгоценные камни попали к Генриху VIII, носившему лучший из них, бриллиант «Улада Франции», на кольцо для большого пальца. Позже этот бриллиант сверкал в золотом колье его дочери, фанатичной королевы Марии. В обнародованной королевской прокламации объяснялись причины смерти Бекета и то, как он умер, а также причины его падения. Праздники, богослужения и молитвы, посвященные его имени, были запрещены. Его святилище пусто по сей день.

Реформация подготовила путь для более духовного поклонения Богу и для более справедливой оценки добродетелей и заблуждений Фомы Бекета, нежели

та, на которую был способен век, в который жил и умер этот герой и мученик папской иерархии, но не чистого новозаветного христианства. Для большинства его соотечественников, как и для англоязычных народов в целом, его имя осталось синонимом гордости и высокомерных притязаний священника на светскую собственность. Для определенного класса представителей английской высокой церкви он остается, как Лод в более поздний период, мучеником и борцом за привилегии священства, беззаветным защитником прав церкви. Никто не может отрицать, что его убийство было зверским, но поводом для негодования и бесчинства стали высокомерные претензии этого прелата. Одежда может в течение какого-то срока скрывать гордость священника и даже оберегать его от насилия, но рано или поздно наступит время воздаяния по заслугам, и трудно было ожидать, что суверенный монарх потерпит надменность Бекета, которая выпирала уже в любимом выражении этого прелата, «сохранявшего честь своего сана».¹⁷⁵

---

¹⁷⁵ Личные качества, которые в конце концов привели к трагедии, хорошо отражены в драме Теннисона «Бекет».

ГЛАВА V

ИННОКЕНТИЙ III И ЕГО ЭПОХА.

1198 — 1216

§35. Литература

Источники: *Innocentii III Opp. omnia*, в Migne, 4 vols. 214-217; три тома содержат официальные послания Иннокентия, четвертый — его проповеди, *de contemptu mundi*, и другие труды. — S. BALUZIUS: *Epistolarum Inn. III libri undecim*, 2 vols. Paris, 1682. — BÖNNER: *Regesta imperii* 1198 — 1254, новое издание — J. FICKER, Innsbruck, 1881. — ROTHNAST: *Regesta*, pp. 1-467, 2041-2056 — *Gesta Innoc. III auctore anonymo sed coaevo* (до современности, ок. 1220), в Migne, 214, pp. xvii-ccxxviii, и BALUZIUS — MANSI, XXII. — MIRBT: *Quellen*, 125-136, приводит некоторые характерные отрывки. Список более древних изданий посланий и других трудов Иннокентия см. в ROTHNAST, *Bibliotheca med. aevi*, I. 520, 650.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДЫ: FRIEDRICH VON HURTER (1787 — 1886): *Geschichte Papst Innocenz des Dritten und seiner Zeitgenossen*, 2 vols. Hamburg, 1833 — 1835; 3^d ed., 4 vols. 1841 — 1844 (переведено на французский и итальянский). Последние два тома посвящены монашеским орденам, а также церковным и общественным условиям жизни в XIII веке. Исчерпывающий труд, полный восторженного восхищения Иннокентием и его эпохой. Хергер написал его, будучи антистом (суперинтендентом) или пастором реформатской церкви в Шаффхаузене, Швейцария, а исследования побудили его перейти в 1844 г. вместе с семьей в католическую церковь, и он стал императорским советником и историографом Австрии. Гфрорер, также протестант, ослепленный великолепием григорианского папства при подготовке своей *Life of Gregory VII*, также вошел в католическую церковь. — JORRY: *Hist. du pape Inn. III*; Paris, 1853. — F. F. REINLEIN: *Papst Inn. III und seine Schrift de contemptu mundi*, Erlangen, 1871; также *Inn. III nach s. Beziehung zur Unfehlbarkeitsfrage*, Erlangen, 1872. — H. ELKAN: *Die Gesta Inn. III im Verhältniss zu d. Regesten desselben Papstes*, Heidelberg, 1876. — FR. DEUTSCH: *Papst Inn. III und s. Einfluss auf d. Kirche*, Bresl., 1876. — LEOP. DELISLE: *Mémoire sur les actes d'Inn. III, suivi de l'itinéraire de ce pontife*, Paris, 1877. — J. N. BRISCHAR, католик: *Papst Inn. III und s. Zeit*, Freib. im Br. 1883. — J. LANGEN: *Gesch. d. röm. Kirche von Gregor. VII bis Inn. III*, Bonn, 1893; также HEFELE-KNÖPFLE, vol. V, — труды о Гогенштауфенах и крестовых походах. — RANKE: *Weltgesch.*, VIII. 274 sqq. — Истории Рима, авторы REUMONT, BRYCE и GREGOROVIVUS, — НАУСК: *Kirchengeschichte Deutschlands*, IV. 658-745. — T. F. TOUT: *The Empire and the Papacy*, 918 — 1272, N. Y., 1898. — H. FISHER: *The Med. Empire*, 2 vols. London, 1898. — Более полный список литературы см. в CHEVALIER; *Répertoire*, pp. 1114 sq., и *Suppl.* 2659, также в статье *Inn. III*, ZÖPFEL-MIRBT, в Herzog, IX. 112-122.

§36. Образование и избрание Иннокентия

Блестящий понтификат Иннокентия III (1198 — 1216) продолжался столько же времени, сколько не блиставшие событиями правления пяти его предшественников вместе — Луция III (1181 — 1185), Урбана III (1185 — 1187), Григория VIII (меньше двух месяцев, 1187), Климента III (1187 — 1191) и Целестина III (1191 — 1198). Он знаменует золотую эпоху средневекового папства и одну из самых важных эпох в истории Католической церкви. Ни один смертный ни до,

ни после не обладал такой обширной властью. Как у духовного владыки Латинского христианского мира, у него не было соперников. В то же время его признавали как судью в спорах о политических судьбах Европы от Константинополя до Шотландии. Он успешно претворил в жизнь самые возвышенные представления о папской теократии и предвосхитил ватиканские догмы о папском абсолютизме и непогрешимости. К папскому титулу «наместник Христа» Иннокентий впервые добавил титул «наместник Бога». Он отменял решения епископов и поместных синодов, возвышал и свергал королей. Он созвал и провел самый важный из соборов Западной церкви, Четвертый Латеранский (1215), на котором была учреждена инквизиция и утверждено учение о пресуществлении. Он участвовал в четвертом крестовом походе и умер, готовя следующий поход. С другой стороны, он настраивал христиан против христиан и старался устранить религиозные разногласия силой, потопив целые области Европы в христианской крови.

Лотарио, как был назван Иннокентий при крещении, родился около 1160 г. в Ананьи, любимой летней резиденции пап. Он был сыном графа Тразмондо из дома Конти де Сеньи, одного из правящих семейств Лациума¹⁷⁶. Из этого семейства вышли девять пап, последним из которых был Иннокентий XIII. Лотарио изучал богословие и каноническое право в Париже и Болонье и добился выдающихся результатов в схоластической учености. Благодаря влиянию трех дядей, которые были кардиналами, он быстро продвигался вверх и в 1190 г., в возрасте двадцати девяти лет, был назначен кардиналом-диаконом одного из них, папы Климента III. Будучи самым молодым членом курии, он, однако, сразу же стал играть там ответственную роль.

Во время понтификата Целестина III, представителя дома Орсини, который враждовал с Конти, Лотарио ушел от дел и посвятил себя литературе. Главным плодом этого затворничества был труд, озаглавленный «Презрение к миру, или Тщетность смертного существования»¹⁷⁷. За ним должен был следовать, как говорит автор во вступлении, второй трактат, о достоинстве человека. К этому времени относится также труд о евхаристической жертве¹⁷⁸. После вступления на папский престол Иннокентий составил «Объяснение на семь покаянных псалмов». Будучи папой, он часто читал проповеди в Риме и во время поездок. В его проповедях много мистических и аллегорических символов. Сохранилось также более пятисот его посланий.

«Презрение к миру» — это жалоба аскета на греховность и проклятия земной жизни. Она основана на августиновской теории всеобщей греховности. Описана тщетность человеческого существования, от беспомощности младенца до слабости старика, а также будущие страдания. Цитируются пессимистические места из Иеремии, Екклесиаста и Иова, а также из Горация, Овидия и Ювенала. Три основные страсти постоянно терзают человека: жадность, похоть и тщеславие — а к ним добавляются бесчисленные телесные немощи и душевные волнения. Автор оплакивает судьбу хозяев и слуг, женатых и холостых, добрых и грешников, богатых и бедных. «Справедливо и естественно, что грешники должны страдать, но лучше ли праведникам? Здесь, на земле, — их темница, а не их дом или

¹⁷⁶ Как и в Гильдебранде, в Иннокентии, возможно, смешались немецкая и итальянская кровь. Учитывая присутствие в семействе Конти людей с такими именами, как Лотарь и Ричард, Грегоровиус говорит о ее ломбардском происхождении.

¹⁷⁷ *De contemptu mundi sive de miseria conditionis humanae* впервые был напечатан в Ульме в 1448 г., потом в Лионе, 1473, Нюрнберге, 1477, и т. д. См. Migne ed. 217, 701-746.

¹⁷⁸ *Mysterium evangelicae legis et sacramentum eucharistiae* или *De missarum mysteriis*.

окончательное прибежище. Когда человек достигает достойного положения, заботы и тревоги умножаются, пост сокращается, ночные бдения удлиняются, природные силы истощаются, сон и аппетит бегут от него, телесные силы уступают место слабостям и печальный конец венчает печальную жизнь»¹⁷⁹. В случае с нераскаившимися вечное проклятие длится бесконечно. Описанием этого проклятия и завершается труд, напоминая современному читателю о торжественных каденциях *Dies Irae* Фомы Челанского и *Inferno* Данте¹⁸⁰.

Вызванный из уединения, чтобы занять главный пост христианского мира, Иннокентий получил возможность продемонстрировать свое презрение к миру, управляя им сильной и железной рукой. Карьеры лучших пап средних веков, как и церковных деятелей, подобных Бернару Клервоскому и Фоме Кентерберийскому, указывают на тесную связь между иерархической и аскетической тенденциями. В Иннокентии тоже проявились обе эти тенденции. В своем трактате о мессе он предвосхитил высокомерные притязания папства, основанные на скале превосходства Петра, которые были позже характерны для него как для папы.

В день погребения Целестина собрание кардиналов единогласно избрало папой Лотарио. Подобно Григорию I, Григорию VII, Александру III и другим папам, он принял избрание неохотно. Он был рукоположен священником, а на следующий день, 22 февраля, был посвящен в епископы и официально взошел на престол святого Петра.

Церемония коронации проводилась с большим великолепием и размахом, однако, если мы захотим уподобить ее пышными зрелищам древнего города¹⁸¹, то, конечно же, следует принимать во внимание размеры Рима, население которого в то время не превышало тридцати пяти тысяч человек. При восхождении папы на престол святого Петра использовалась тиара, якобы подаренная Константином Сильвестру, и произносились слова: «Прими тиару и знай, что ты — отец князей и королей, правитель мира, наместник на земле Спасителя нашего Иисуса Христа, честь и слава Которого пребудет в вечности». Далее процессия шествовала через город к Латеранскому дворцу. Папу верхом на белом коне сопровождали префект города, сенаторы и другие городские власти, знать, кардиналы, архиепископы и другие представители церкви, клирики рангом ниже и народная толпа — все это под звон колоколов, пение псалмов и восклицания народа. По пути их ожидала своеобразная сцена в гетто, где группа евреев во главе с раввином, держащим свиток Пятикнижия, низко кланялась, приветствуя своего нового правителя, от чьей милости или немилости зависело их благополучие и даже сама жизнь. Прибыв в Латеранский дворец, папа бросал народу горсти медных монет со словами: «Серебра и золота у меня нет, отдаю вам то, что у меня есть». Ему в руки вкладывали серебряный ключ от дворца и золотой ключ от базилики, а сенаторы воздавали ему почести. Следовал пир, во время которого папа в одиночку восседал за своим столом¹⁸². При виде столь помпезных изоцре-

¹⁷⁹ П. 29.

¹⁸⁰ *Dies Irae* даже приписывали Иннокентию. Вот заключительные слова его знаменитого трактата: *Ibi erit fletus et stridor dentium* (Мф. 13), *gemitus et ululatus, luctus et cruciatus, stridor et clamor, timor et tremor, dolor et labor, ardor et factor, obscuritas et anxietas, acerbitas et asperitas, calamitas et egestas, angustia et tristitia, oblitio et confusio, torsiones et punctiones, amaritudines et terrores, fames et sitis, frigus et cauma, sulphur et ignis ardens in saecula saeculorum. Unde liberet nos Deus, qui est benedictus in saecula saeculorum. Amen.* III. 17; Migne, 217, 746.

¹⁸¹ См. Gregorovius, V. 7.

¹⁸² Подробное описание таких церемоний см. в Hurter, I. 92 sqq., и Gregorovius, V. 7-15.

ний мирской власти апостолы, чьим уделом была бедность, наверняка удивились бы, узнав, что центральной фигурой этого шоу выступает главное лицо христианского мира.

Когда Иннокентий взошел на престол рыбака, ему было всего тридцать семь лет и он был младшим из пап до того момента. Вальтер фон дер Фогельвейде отразил страх, который вызывала его молодость, написав: *O wê der bâbest ist ze june, hilf hêrre dîner kristenheit* — «Увы! Папа так молод! Помоги, Господи, христианскому миру!» Новый понтифик был хорошо сложен, среднего роста¹⁸³, воздержан в привычках, с ясным восприятием, решительный и бесстрашный. Он умел руководить людьми, проницательно судил о человеческой природе, требовал безусловного подчинения своей воле, но умеренно пользовался властью по отношению к тем, кто ей уже подчинился. Это была имперская личность, которая высоко возвышалась над правителями того века своей моральной силой и величием устремлений в овладении миром.

§37. Теория папства Иннокентия

Папа, с которым Иннокентия обычно сравнивают, — Гильдебранд. Они в равной мере отличались моральной силой, интеллектуальной энергией и гордым утверждением прав прелатов. Иннокентий превосходил Гильдебранда ученостью, дипломатическим тактом и административными успехами, но уступал своему предшественнику в плане творческого гения и героизма характера. Он находится в таких же отношениях со своим великим предшественником, как Август с Юлием. Он принял в наследство поразительный замысел Гильдебранда и наслаждался плодами его борьбы. Их личная судьба была очень разной. Григорий был выдворен из Рима и умер в изгнании, тогда как в случае Иннокентия казалось, что у благосклонностей судьбы не будет границ, и он завершил свой понтификат, обладая неоспоримой властью.

Иннокентий начал выражать свое представление о достоинстве папы, уже восходя на папский престол. На протяжении своего понтификата он решительно и четко объявлял о нем в тоне, в котором официальная гордость смешивалась с личной кротостью. Во время своей инаугурации он произнес проповедь о верном и мудром слуге. «Вы видите, — говорил он, — что слуга, которого Господь поставил над Своим народом, — это заместитель Христа, преемник Петра. Он — посредник между Богом и человеком. Он ниже Бога, но выше человека; меньше, чем Бог, но больше, чем человек. Он судит всех, а его не судит никто. Но возвышенный так в своем достоинстве, он унижен, потому что призван занять положение слуги, в результате чего смирение превозносится, а гордость унижается, — ибо Бог, милостивый к смиренным, не любит высокомерных, и желающий так возвыситься, будет Им унижен».

И действительно, всепоглощающей идеей Иннокентия стала папская теократия. Он был полностью убежден, что Бог учредил ее на благо церкви и ради спасения мира. Как Бог дал Христу всю власть над небом и землей, так Христос передал эту власть Петру и его преемникам. Не человек, а Бог основал апостольский престол¹⁸⁴. В своем знаменитом послании патриарху Константинополя от

¹⁸³ *Statura mediocris*, etc. См. *Gesta*, Migne, 214, XVII. Портрет в начале книги Хертнера не имеет исторической ценности. О личных привычках Иннокентия и его методах ведения дел см. Hurter, II. 743 sqq.

¹⁸⁴ *Apostolicae sedis primatus quem non homo sed Deus, imo verius Deus homo constituit*.

12 ноября 1199 г.¹⁸⁵ он подробно рассказывает о поручении, данном Петру. Только ему одному было велено: «Паси овец Моих». Только о нем было сказано: «Я создам Церковь Мою». Папа — наместник не просто Христа, но даже самого Бога¹⁸⁶. Ему доверены не только владения церкви, но и правление целым миром. Подобно Мелхиседеку, он одновременно царь и священник. Все на небе и на земле подчинено Христу. А значит, все подчинено и Его наместнику, который может низлагать князей и освобождать подданных от клятвы верности. Он может принуждать к повиновению, налагая интердикт на целые народы. Петр один пошел к Иисусу по воде, и, сделав это, он продемонстрировал уникальное право папства править всей землей. Остальные ученики остались в лодке, так что им дано было только правление над отдельными провинциями. Сколь были глубоки воды, по которым шел Петр, столь же многочисленны церкви и народы, символизируемые ими, которые вверены власти Петра, — а по сути, это вообще все народы (*universos populos*)¹⁸⁷. Также в этом послании он прямо учит папской непогрешимости и объявляет, что преемник Петра не может ни в чем отойти от католической веры.

Иннокентий расширил и углубил пример Григория VII, который сравнивал состояние священников (*sacerdotium*) с солнцем, а гражданское состояние (*regnum* или *imperium*) — с луной. Два великих светила, говорил Иннокентий, были помещены Богом на тверди небесной, и им соответствует «власть понтифика и власть королевская»: один правит душами так, как солнце правит днем, а другой правит телами людей так, как луна правит ночью. Как луна получает свой свет от солнца и как она уступает солнцу по качеству, размеру и влиянию, так королевская власть получает свое достоинство и великолепие от власти понтифика, которая обладает преимущественными достоинствами¹⁸⁸. Священник дает помазание королю, а не король священнику, и тот, кто дает помазание, выше того, кто его принимает¹⁸⁹. Князья обладают властью в отдельных землях, а понтифик — во всех. Священство сотворено Богом, а королевская власть — изобретение человека и принуждение¹⁹⁰. «Как в Божьем ковчеге, — писал он Иоанну Английскому, — жезл и манна лежали рядом со скрижалями закона, так, наряду со знанием закона, в груди папы сочетается ужасная сила разрушения и искренняя кротость благодати». Иннокентий напомнил Иоанну, что, если он не перестанет притеснять церковь, ничто не предотвратит его наказания и падения¹⁹¹. Монархи

¹⁸⁵ *Reg.*, II. 209; Migne, 214, 758-765.

¹⁸⁶ *Cum non humana sed divina fiat auctoritate quod in hac parte per summum pontificem adimpletur, qui non hominis puri sed veri Dei vere vicarius appellatur* (I. 326; Migne, 214, 292).

¹⁸⁷ *Nam cum aquae multae sint, populi multi, congregationesque aquarum sunt maria, per hoc quod Petrus super aquas maris incessit, super universos populos se potestatem accepisse monstravit* (II. 209; Migne, 214, 760; Potthast, 82). В этом письме Иннокентий цитирует не менее двадцати пяти мест Писания.

¹⁸⁸ *Sicut luna lumen suum a sole sortitur, quae re vera minor est isto quantitate simul et qualitate, situ pariter et effectum, sic regalis potestas ab auctoritate pontificali suae sortitur dignitatis splendorem, etc.* (см. Mirbt, *Quellen*, 130).

¹⁸⁹ *Minor est qui ungitur quam qui ungit, et dignior est unguens quam unctus* (Migne, 216, 1012, 1179; Potthast, 98).

¹⁹⁰ *Sacerdotium per ordinationem divinam, regnum autem per extorsionem humanam*. Он также говорит о единстве церкви как о следствии благодати, а о расколах империи — как о следствии греха или суде за него. *Ecclesia per Dei gratiam in unitate consistit, et imperium peccatis exigentibus est divisum* (Migne, 216, 1179; Potthast, 98).

¹⁹¹ Migne, 217, 922. Грегоровиус объявляет это послание «самым имперским документом папской власти». V. 104.

всей Европы слушали разъяснения Иннокентия и повиновались ему. В его переписке масса посланий к императору, к королям Венгрии, Богемии, Сицилии, Франции, Англии, Дании, Арагона и другим князьям, в которых папа учит их выполнять свои обязанности и требует их повиновения.

В правление Иннокентия казалось, что не за горами и подчинение римскому понтифику всего христианского мира. Однако силовые методы покорения латинянами Константинополя, которые он применил в 1204 г., оказали влияние, прямо противоположное тому, для которого были задуманы. Низвержение Византийской империи, установление вместо нее Латинской империи и создание альтернативной иерархии в Константинополе только довершили окончательное отчуждение Греческой и Латинской церквей. Мы не можем отрицать, что Иннокентий III ревновал о распространении христианства, но суровая система инквизиции, основанная им, вдохновила ожесточенные войны церкви против несогласных и христиан против мусульман. Во время понтификата Иннокентия и непосредственных последователей, продолжавших его политику, на территориях церкви было пролито больше крови, чем в любой другой век, за исключением папской контрреформации в XVI — XVII веках. Дерзким притязаниям папы на вселенское господство помешала политика, которую Иннокентий и его преемники использовали для утверждения своих претензий на власть над душами и телами людей и над земными правительствами¹⁹².

§38. Иннокентий и Германская империя

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА — ED. WINKELMANN: *Philip von Schwaben und Otto IV von Braunschweig*, 2 vols. Leipzig, 1873 — 1878. — R. SCHWEMER: *Innocent III und d. deutsche Kirche während des Thronstreites von 1198 — 1208*, Strassburg, 1882.

Политические условия в Европе были благоприятны для притязаний Иннокентия на власть. После внезапной безвременной смерти Генриха VI 28 сентября 1197 г. в возрасте тридцати двух лет Германская империя осталась без правителя. Фридрих, единственный сын императора, был беспомощным ребенком. В Италии царил реакция против жестокого угнетения Генриха. Проявился дух национальной свободы. Народ начал изгонять германских князей и графов с итальянской земли.

Ранке называет Иннокентия III истинным преемником Генриха¹⁹³. Папа воспользовался ростом национального самосознания итальянцев и отделил Центральную и Южную Италию от империи, фактически став избавителем полуострова от иностранных политических сил и наемников. Он начал свое правление с устранения последних остатков власти империи над Римом. Городской префект, представитель императора, принес клятву верности папе, и Иннокентий вручил ему мантию и серебряную чашу. Сенатор также признал власть Иннокентия и поклялся защищать римский престол и регалии святого Петра.

Папа быстро начал распространять свою власть за пределы Рима. Сполето, которым шесть веков управлял род германских герцогов, Ассизи, Перуджа и другие города согласились подчиниться ему. Марк из Анвейлера, свирепый воин

¹⁹² Науск (IV. 743) признает гений Иннокентия, но высказывает несколько пренебрежительное мнение, считая, что «он был более оратором, чем богословом, и скорее юристом и администратором, чем государственным деятелем». Многие протестантские авторы Германии проявляют свои национальные чувства, стараясь принизить роль Григория VII и Иннокентия III.

¹⁹³ *Weltgeschichte*, VIII. 274. В Matthews, 105 sq., приводится завещание Генриха VI.

Генриха VI, не смог сопротивляться удачной дипломатии и оружию Иннокентия, и ему сдалась Романья с центром в Равенне. Сформировалась Тосканская лига, благосклонно относящаяся к папской власти. Флоренция, Сиена, Пиза и другие города, не желавшие отказываться от своей гражданской свободы, предоставили папе привилегии. Повсюду у Иннокентия были свои легаты. Столь полной власти над Папской областью папы еще не знали.

Для подтверждения права своего сына Фридриха на корону Сицилии его мать вручила королевство папе в качестве папского лена. Она пережила своего супруга-императора всего на год и оставила завещание, в котором забота о ребенке поручалась Иннокентию. Таким образом интеллектуальное воспитание и политическая судьба наследника Гогенштауфенов вверялись в руки наследного неприятеля этого славного дома. Иннокентий мог пользоваться этим доверием как пожелает¹⁹⁴.

В Германии Иннокентий стал третейским судьей в вопросе выбора императора. Избиратели разделились между двумя претендентами на трон — Филиппом Швабским, братом Генриха VI, который был коронован в Майнце, и Оттоном, сыном Генриха Льва, которого короновал в Аахене Адольф, архиепископ Кельна. Оттон был племянником Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Английского, который поддерживал его притязания своим золотом и дипломатией. Обе партии обратились к Риму, к неувидительно, что симпатии Иннокентия оказались на стороне гвельфа Оттона, а не Гогенштауфена. Более того, Филипп оскорбил папу, заняв, в качестве герцога Тосканского, земли Матильды.

Иннокентий сделал высокомерное заявление, что папский престол «с самого начала и до самого последнего времени» принимал все решения о том, кто займет германский трон. Разве не церковь перенесла империю с Востока на Запад? И разве не церковь вручала императорскую корону¹⁹⁵, оставляя без внимания права Фридриха и объявляя Филиппа «недостойным империи»? В 1201 г. Иннокентий принял решение в пользу Оттона, «своего дражайшего сына во Христе, который сам был предан церкви и по обеим линиям происходил из верных семейств». Это решение оказалось выгодно для Рима. По условиям, принятым в Неуссе и подтвержденным в Шпейере (1209), Оттон обещал повиноваться папе и отказался от всяческих притязаний на владение Папской областью, а также Неаполем и Сицилией. Этот письменный документ был опасным подтверждением реальных или надуманных территориальных прав и привилегий папства, происходящих якобы от времен Константина и Пипина.

Разразилась гражданская война. Когда Филипп стал добиваться в ней успеха, папа освободил его от отлучения и был готов признать его императором¹⁹⁶, но смертоносный меч Оттона из Виттельсбаха в 1208 г. трагически оборвал карьеру Филиппа. В следующем году Оттон был коронован в соборе Св. Петра, но забыл про свои обещания и начал проводить независимую политику в духе своих соперников Гогенштауфенов¹⁹⁷. Он наложил руку на Центральную Италию, раздавая

¹⁹⁴ Одним из первых своих действий Фридрих даровал часть своего наследства брату папы, графу Ричарду. Хотя позже, при Гонории, он забрал этот дар.

¹⁹⁵ *Imperium principaliter et finaliter dignoscitur pertinere, principaliter quia ipsa transtulit imperium ab Oriente ad Occidentem; finaliter quia ipsa concedit coronam imperii.* Migne, 216, 1182; Potthast, 98; также Migne, 216, 1048; Potthast, 119.

¹⁹⁶ Тот же самый архиепископ Кельна, который короновал Оттона, теперь возложил корону на голову Филиппа.

¹⁹⁷ Оттон хотел объединить два дома, женившись на дочери Филиппа Беатрисе, которая умерла вскоре после свадьбы.

богатые имения и провинции своим вассалам и отбирая доходы клириков. Потом он отправился в Южную Италию, на территорию Фридриха, и подчинил себе Неаполь.

Все, чего добился Иннокентий, могло быть утрачено. Но быстрые меры, принятые им, показали, что он готов к неожиданностям. Он написал, что камень, поставленный во главу угла, сделался камнем преткновения. Подобно Рахили, он скорбел о своем сыне, которого, к своему сожалению, сделал королем. Оттон был отлучен. На встрече князей в Нюрнберге (1211) его низложили, избрали королем Фридриха и отправили гонцов в Палермо, чтобы сообщить ему эту весть. Оттон пересек Альпы, чтобы отстоять свою власть, но было слишком поздно. Фридрих выехал на север и по пути остановился в Риме, где Иннокентий увидел его в первый и последний раз, в апреле 1212 г. Он был избран королем, коронован во Франкфурте в декабре 1212 г. и признан почти всеми князьями в Эгере в следующем году. Прежде чем покинуть Италию, он вновь признал Сицилию леном Рима. В Эгере он отказался от всяческих прав императора на владение Папской областью¹⁹⁸.

Оттон составил лигу с Иоанном Английским и фламандскими князьями против Филиппа Августа Французского, но его надежды были сокрушены на поле битвы в Бувине, Бельгия (1215). После этого его власть распространялась только на фамильные владения. Он умер в 1218 г. Иннокентий выиграл эту партию. Однако его преемниками молодой король Фридрих будет пренебрегать в течение полувека.

С не меньшим присутствием духа и решительностью Иннокентий вмешивался в дела других государств Европы. Во Франции возник спор о святости брачных уз. Филипп Август оставил свою вторую жену¹⁹⁹, датскую принцессу, через несколько месяцев после свадьбы и взял вместо нее в жены прекрасную Агнессу Меранскую. Французские епископы, по причине дальнего родства, оправдали развод, но Иннокентий, выслушав призывы Ингеборги и подвергнув Францию интердикту, заставил короля принять ее обратно²⁰⁰.

Христианские государства Пиренейского полуострова тоже ощутили сильную руку понтифика. Королевство Леон было под интердиктом пять лет, пока Альфонсо IX не согласился оставить свою жену, с которой находился в родстве. Педро, король Арагона, образец испанского рыцарства, получил свою корону в Риме в 1204 г. и объявил свое королевство леном апостольского престола. Санчо, король недавно возникшего королевства Португалии, потерпел поражение в попытке освободиться от власти папы.

На севере Швеция приняла решение Иннокентия в пользу дома Шверкероов, и датский король, который пытался обратить в христианство народы с побережья Балтийского моря, получил защиту от папы, угрожавшего подвергнуть интердикту всех, кто будет тревожить его королевство. Король Англии был предельно унижен Иннокентием словесно. К королю Шотландии был послан легат с ценным мечом в подарок. Говорят, что даже Исландия была предметом мыслей и действий Иннокентия.

¹⁹⁸ Так называемая «Золотая булла Эгера» от 12 июля 1213 г. В ней Фридрих называет себя «королем римлян и Сицилии». Он обещал защищать Сицилию для Римской церкви, как «верный сын и католический князь», *devotus filius et Catholicus princeps* (Mirbt, *Quellen*, 131 sqq.; Matthews, 115 sqq.).

¹⁹⁹ Migne, 215, 1493, etc.

²⁰⁰ Папа узаконил детей Агнессы, которая умерла в 1201 г.

На юго-востоке Европы Иоанниций Болгарский получил от Иннокентия свою корону, признав справедливым его упрек в том, что осмелился получить ее от Филиппа Швабского. Оттокар, князь Богемии, принял помазание от папского легата, а Эммерих Венгерский дал обет совершить крестовый поход, который исполнил его брат Андрей. Так все государства Европы к западу от России почувствовали превосходство папской власти. Покорение Константинополя и Святой Земли, как мы увидим, также привлекли к себе внимание этого неустанного и умелого правителя, а учреждение Латинской империи в Константинополе в 1205 г. считалось знаменательным триумфом папской политики.

§39. Иннокентий и король Иоанн Безземельный

Трон королей, державный этот остров,
 Земля величия, жилище Марса,
 Подобье рая, сей второй Эдем,
 Самой природой созданный оплот,
 От войн защита, от чумной заразы,
 Счастливейшее племя, малый мир,
 Алмаз в оправе серебристой моря,
 Которому оно стеною служит
 Иль рвом, оберегающим жилище
 От зависти не столь счастливых стран;
 Благословенный край, отчизна, Англия,
 Кормилица и мать королей,
 Великих по рождению, грозных родом...
 Шекспир, *Ричард II*, акт II, сцена 1²⁰¹

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА. *Chronicle* Роджера из Вендовера (первый из летописцев монастыря Св. Альбана) и пересмотр и продолжение ее Матфея Париса (монаха из монастыря Св. Альбана, последнего и самого великого из монахов — историков Англии), ed. H. R. Luard в *Rolls Series*, 7 vols. London, 1872 — 1883, vol. II. Англ. перев. т. I Вендовера. J. A. Giles, Bohn's Lib. 2 vols. London, 1849; М. Париса — GILES, 3 vols. London, 1852 — 1854. — *Memorials* Вальтера из Ковентри, ed. Stubbs, 2 vols. 1872 sq. — RADULPH OF COGGESHALL: *Chronicon Anglicanum*, ed. J. Stevenson, 1875. *The Annals of Waverley, Dunstable, and Burton* — все в *Rolls Series*. — W. Stubbs: *The Constitutional Hist. of England*, 6th ed. 3 vols. Oxford, 1897, и *Select Charters, etc.*, 8th ed. Oxford, 1900, pp. 270-306. — GEE and HARDY: *Documents*, London, 1896. — R. GNEIST: *Hist. of the Engl. Court*, англ. перев., 2 vols. London, 1886, vol. I, 294-332. — E. GÜTSCHOW: *Innocent III und England*, Munich, 1904, p. 198. — Истории: LINGARD (католик), GREEN, MILMAN, FREEMAN (*Norman Conquest*, vol. V). — О Стефане Лангтоне — декане Ноок: *Lives of the Abp. of Canterbury*, и статья *Langton* в *Dict. of Natl. Biog.* — Также W. HUNT, статья *John*, в *Dict. of Natl. Biog.* XXIX. 402-417. — Сэр JAMES H. RAMSEY: *The Angevin Empire, 1154 — 1216*, London, 1903. Он называет Иоанна грубым тираном, безнадежным грешником, не имевшим способностей ни политических, ни военных.

При Иннокентии Англия играет, если можно так выразиться, более важную роль в истории папства, чем во время споров в правление Александра III, за поколение до того. Тогда главными английскими действующими лицами драмы были Генрих II и Фома Бекет. Теперь это были сын Генриха Иоанн и преемник Бекета Стефан Лангтон. Папа одержал победу и причинил величайшее унижение английскому королю, но затем утратил приобретенные преимущества, когда подержал Иоанна в борьбе против его баронов и осудил Великую хартию вольностей, определившую права английского народа. Этот спор составляет одну из самых интересных страниц английской истории.

²⁰¹ {Перевод Курошевой А. И.}

Иоанн, прозванный Безземельным (1167 — 1216), унаследовал трон у своего брата Ричарда I в 1199 г. Он был способным, решительным и быстрым в действии, но неблагородным, безнравственным и деспотичным. При нем Англия страдала так, как не страдала ни до, ни после. Его правление было чередой несчастий и оскорблений для английского народа и Английской церкви.

Иоанн присоединился к Ричарду в бунте против их отца, старался сместить брата с престола, когда тот был в плену во время третьего крестового похода, и, как считают современники, приказал убить сына своего брата Джеффри, Артура Бретонского, который стал бы наследником Ричарда согласно закону о первородстве. При нем Англия потеряла Нормандию, Анжу, Мэн и Аквитанию. Он не стеснялся давать ложные клятвы для достижения своих целей. Он бросил одну жену и был неверен другой. Ни одна женщина, сколь бы высокого рода она ни была, не была застрахована от его домоганий. Он грабил церкви и монастыри, чтобы платить свои долги и удовлетворять жадность, и никогда не отправлялся в путешествия, не повесив себе на шею амулета²⁰².

Иннокентий вступил с Иоанном в спор о выборе преемника архиепископа Губерта Кентерберийского, который умер в 1205 г.²⁰³ Монахи Кентербери, воспользовавшись своей древней привилегией, выбрали, из своих рядов, Реджинальда. Меньшинство же, поддерживаемое королем, провело другие выборы и избрало ставленника короля, Иоанна де Грея, епископа Норвича. Иоанн был признан епископами-суффраганами, и король наделил его владениями.

Обе стороны обратились к Риму. Реджинальд явился туда лично. После годовой отсрочки Иннокентий отменил оба избрания и велел монахам Кентербери, присутствовавшим в Риме, выбрать еще одного кандидата. Выбор пал на Стефана Лангтона, кардинала-священника из монастыря Св. Хрисогона. Родившийся в Англии Стефан, несомненно, был ученым человеком и обладал моральной твердостью. Он учился в Париже и заслужил пребенды в кафедральных церквях Парижа и Йорка. Он был наиболее достойной кандидатурой для того, чтобы принять на свои плечи бремя власти митрополита²⁰⁴. Хотя Лангтон не стал святым, как Бекет, и не был гением богословия, как Ансельм, он всегда будет занимать выдающееся место среди английских примасов как преданный служитель и защитник свободы английского народа.

Новый архиепископ был посвящен самим папой 17 июня 1207 г. и занимал свой пост до самой смерти в 1228 г.²⁰⁵ Английский король отчаянно сопротивлялся назначению, конфисковал собственность кентерберийского собрания канони-

²⁰² Летописцы того периода не стесняются в выражениях, описывая характер Иоанна. Лингард говорит: «Иоанн предстает перед нами оскверненный подлостью, жестокостью, лжесвидетельством, убийством и разнузданным развратом». Грин приводит цитату: «Сколь бы отвратительным ни был ад, даже сам ад оскверняется мерзостным присутствием там Иоанна», — и пишет: «В том, что касается души, Иоанн был худшим представителем Анжуйского рода... Но вместе с порочностью своего рода он унаследовал его большие способности» (III. ch. I). Хант в *Dict. of Nat'l. Biog.* (XXIX. 406) выражается так: «Он был подлым, лживым, мстительным, безумно жестоким и скандально безнравственным».

²⁰³ До этого у него был спор с Иоанном касательно грубого обращения с архиепископом Дублина. См. труды Иннокентия III, *Reg.*, VI. 63; Migne, 215, 61; Potthast, 167.

²⁰⁴ Его вкусы ученого видны из проповедей, стихотворений и комментариев на книги Библии, которые до сих пор сохранились в виде рукописей в библиотеках Оксфорда, Кембриджа, Ламбета и во Франции. Некоторые ошибочно утверждают, что он первым поделил Библию на главы. См. Hook, *Archbishops of Canterbury*, II. 678.

²⁰⁵ Иннокентий в послании к Иоанну от 26 мая 1207 г. заявляет, что не отступит ни на шаг в подтверждении этого избрания (Potthast, 264).

ков и изгнал монахов как виновных в измене. Иннокентий ответил угрозой интердикта. Король поклялся Божьими зубами²⁰⁶, что, если интердикт будет объявлен, он искалечит всех итальянцев в королевстве, назначенных Иннокентием, и изгонит всех прелатов и клириков. Интердикт был обнародован епископами Лондона, Эли и Ворчестера 22 марта 1208 г.²⁰⁷, затем они бежали из королевства.

Интердикт тут же подействовал, повергнув народ в великое смятение. В церковные колокола никто не звонил. Церковные здания были закрыты. Обычные обязанности священства оставались невыполненными. Ворота монастырей были заперты. Верующих впускали туда только по тайным проходам. Наказанию подвергались как виновные, так и невинные. Женщины после родов проходили очищение вне церковных стен. Мертвых отказывались хоронить в освященной земле. Богослужения не проводились.

Но Иоанн, хотя он и знал о действиях Филиппа Августа перед лицом такого же наказания, не особенно беспокоился. В ответ он конфисковал имущество высшего клира и монастырей, выгнав всех обитателей и оставив им только одежду, которая была на них. Наложницы священников были насильственно переселены и платили за себя большой выкуп. Некий валлиец, обвиненный в убийстве священника, был отпущен королем со словами: «Пусть идет, он убил моего врага». Родственники бежавших епископов были брошены в темницу.

В 1209 г. Иннокентий добавил к интердикту персональную анафему против короля²⁰⁸. Епископы, оставшиеся в Англии, не решились обнародовать ее. Они «стали подобны немым псам, которые не осмеливаются подать голос»²⁰⁹. Иоанн упорствовал в своем пренебрежении, продолжал мстить невинным и старался отвлечь внимание своих подданных переговорами и войнами с Шотландией, Ирландией и Уэльсом. Джеффри, архидиакон Норвича, перешедший к нему на службу, а теперь почувствовавший, что не может дольше на ней оставаться, был брошен в темницу и там замучен, облаченный с головы до пят в ризу из свинца²¹⁰.

Но у папы было еще одно оружие. В 1212 г. Иоанн был объявлен недостойным престола и низложен. Его подданные были освобождены от клятвы верности, христианских князей призвали выполнить приговор и забрать корону. (Григорий VII прибегнул к тем же крайним мерам в борьбе с Генрихом IV и потерпел поражение.) Булла была выпущена в Суассоне Лантоном и посланными епископами. Филипп Французский быстро откликнулся на призыв и собрал армию, однако успехи английского флота привели к тому, что все боялись вторгаться в само королевство.

Терпение народа практически истощилось. Беспредельное налогообложение короля и его связи с женами и дочерьми баронов вызвали ненависть. На Иоанна оказывали давление со всех сторон, и он вдруг согласился встретиться в Дувре со специальным папским посланником, иподиаконом Пандульфом²¹¹. Отшельник

²⁰⁶ Это была любимая клятва короля, наряду с другой — «Божьими ступнями».

²⁰⁷ См. Migne, 217, 190; Potthast, 286.

²⁰⁸ Potthast, 316.

²⁰⁹ Любимое выражение Матфея Париса.

²¹⁰ Другим примером невыразимой жестокости Иоанна было его обращение с одним богатым евреем из Бристоля, у которого он потребовал 10.000 марок. Когда еврей отказался, Иоанн велел вырвать у него десять зубов, по одному каждый день. Палач начал с коренных. Страдалец держался семь дней, потом он уступил и отдал деньги, которые, как говорит Матфей Парис, мог бы отдать на семь дней раньше и спасти себя от мучений (Luard ed., II. 528).

²¹¹ По вине Шекспира Пандульфа обычно считают кардиналом (*King John*, act III, sc. 1). Он служил легатом в Англии в 1217 — 1221 г. В официальных документах он назван «иподиаконом, известным нашему господину папе Иннокентию».

Петр из Уэйкфилда предсказал, что в течение трех дней со дня Вознесения правление короля прекратится. Вероятно, устранившись от этого предсказания и желая нарушить планы французского монарха, Иоанн подчинился и 15 мая 1213 г., преклонив колени, вручил Пандульфу свое королевство и согласился принять его обратно в качестве папского лена. Пять месяцев спустя это действие было повторено в присутствии Николая, кардинала-архиепископа Тускулума, который был послан в Англию на правах легата. В документе, который Иоанн подписал и поклялся исполнять, он богохульственно уподобляется Тому, Кто «был послушным даже до смерти». Этот знаменитый документ гласит:

Мы безвозмездно предлагаем и даруем Богу и святым апостолам Петру и Павлу и Святой Римской церкви, нашей матери, и нашему господину папе Иннокентию и его католическим преемникам все королевство Англию и все королевство Ирландию со всеми их правами и придатками ради отпущения наших грехов и грехов наших подданных, живых и мертвых, — и принимаем их обратно и владеем ими как феодальным владением, полученным от Бога и от Римской церкви, и клянемся в верности нашему господину папе Иннокентию, и его католическим преемникам, и Римской церкви²¹².

Иоанн обязал себя и Англию постоянно выплачивать апостольскому престолу, помимо обычной лепты святого Петра, 1000 марок ежегодно — 700 за Англию и 300 за Ирландию. Подпись короля заверили архиепископ Дублина, епископ Норвича и одиннадцать представителей знати. Иоанн также обещал возместить ущерб, понесенный епископами, объявленными вне закона, и выплатить сумму, размер которой в конце концов составил 40.000 марок.

Матфей Парис справедливо называет эти условия «презренным и скорбным договором»²¹³, но хотя нам трудно представить большее унижение нации, вполне вероятно, что чувство стыда, с которым на действия Иоанна смотрели последующие поколения англичан, не так остро ощущалось его современниками²¹⁴. В любом случае, эта политическая мера увенчалась успехом к большому разочарованию воинственно настроенного короля Франции. Интердикт, действовавший более шести лет, был отменен в 1214 г.

Победа Иннокентия была полной, но впоследствии воспоминания об этой унижительной сделке возбуждали упорное сопротивление папскому правлению в Англии. Роберт Гроссетест выступил против нее, и Виклиф стал на сторону короля, который отказался исполнять обещание Иоанна. В письме к одному из преемников Иоанна император Фридрих II напоминал об унижении, которое его предшественник и другие христианские князья терпели от невыносимых притязаний апостольского престола.

§40. *Иннокентий и Великая хартия вольностей*

Оригинал рукописи Великой хартии вольностей, покоробившийся от возраста и огня, но с королевской печатью, хранится в Британском музее. Факсимиле присутствует в официальном издании Законов Королевства. Стаббс приводит латинский текст в *Select Charters, etc.*, 296-306.

²¹² Potthast, 416. Латинский текст есть в Matthew Paris (Luard ed. II. 541-546); перевод — в Gee and Hardy (75-79).

²¹³ IV. 479, *carta detestabilis quam lacrimabilis memoriae Johannes infeliciter confecit*.

²¹⁴ Ведь Генрих II стал феодальным подданным Александра III, и Ричард I, отказавшись от своей короны в пользу императора, сохранил ее при условии уплаты ежегодной ренты. Лингард приводит оправдания уступке Иоанна, которую, впрочем, называет «откровенно постыдным действием».

В отношении к Великой хартии вольностей, этой достойной попытке защитить права английского народа, Иннокентий, движимый монархическим инстинктом, выступил на стороне Иоанна и против народной свободы. А Стефан Лангтон, освободивший Иоанна от проклятия отлучения, был на стороне народа и тем самым навлек на себя осуждение папы. Соглашение, в которое вступили бароны, чтобы сопротивляться деспотизму короля, было рассмотрено им с задержкой и оговорками. Последовали бунт и гражданская война. Как ранее король был лишен угрызений совести в отношениях с церковью, так и теперь, чтобы завоевать ее поддержку, он стал давать обильные религиозные обещания, которые, вероятно, не собирался исполнять. Клиру он даровал свободу избрания, которая касалась всех прелатов, от высшего до низшего уровня. Он принял также обет совершить крестовый поход. После битвы при Бувине Иоанн был вынужден вернуться в Англию, и организованные силы баронов вынудили его встретиться с ними на Раннимеде, острове на Темзе близ Виндзора, где он подписал и поклялся соблюдать Великую хартию вольностей 15 июня 1215 г.

Этот документ, наряду с Декларацией независимости — самым важным соглашением в гражданской истории англоязычных народов, содержал положения закона, противопоставленного изменчивой традиции и произволу монарха. Это был первый совместный акт народа, знати и церкви, договор англичан с королем. Посредством него властитель соглашался, что не будет откладывать отправление правосудия или отказывать кому-либо в нем и что суд будут вершить равные обвиняемому люди. Никакие налоги и субсидии не должны были взиматься без общего согласия на голосованиях, которые были регламентированы законом. Единственная фраза, касающаяся непосредственно церкви, подтверждает свободу церковного избрания.

После первых приступов ярости, во время которых король грыз прутья и солому, как безумец²¹⁵, Иоанн призвал на помощь Иннокентия на том основании, что его вынудили приложить под документом свою печать. Фактически же он просто уступил баронам, не собираясь впоследствии выполнять свою клятву. И папа совершил роковую ошибку, когда занял сторону короля-клятвопреступника и проигнорировал разумные требования народа. В двух буллах²¹⁶ он торжественно освободил Иоанна от его клятвы, объявив, что «враг рода человеческого своим коварством возбудил баронов против него». Он утверждал, что «греховная дерзость баронов ведет к пренебрежению апостольским престолом, подрывает королевские права, навлекает несчастья на английский народ и создает опасность для креста». Он хвалит Иоанна за его смиренное повиновение главе христианского мира, за обещание ежегодной дани и за обет совершить крестовый поход. Что касается самой хартии, то папа «решительно отвергает и осуждает ее» как «низменное и презренное орудие, воистину греховное и заслуживающее всеобщего порицания в первую очередь потому, что согласие короля было получено силой»²¹⁷. Он запретил королю соблюдать это соглашение под страхом отлучения и объявил его «недействительным навеки»²¹⁸.

²¹⁵ M. Paris, Luard ed. II. 611.

²¹⁶ 24 августа 1215 г. (Potthast, 435).

²¹⁷ *Compositionen hujusmodi reprobamus penitus et damnamus compositio non solum sit vilis et turpis, verum etiam illicita et iniqua ut merito sit ab omnibus reprobanda* (M. Paris, Luard ed., II. 619 sq.). Еще одна причина, по которой Иннокентий требовал аннулировать документ, состояла в том, что с ним, как с высшим правителем Англии, не посоветовались, прежде чем получить подпись Иоанна.

Лангтон отказался обнародовать приговор отлучения, выпущенный Иннокентием против непокорных баронов. За неповиновение папа лишил его должности 4 ноября 1215 г., и ему было позволено вернуться на свой пост только в 1219 г., когда Иннокентий уже три года как лежал в могиле. Лондон, поддержавший народное дело, был подвергнут интердикту, а прелатов Англии, выступивших на стороне народа, Иннокентий осудил как тех, кто «хуже сарацин и хуже открытых врагов креста»²¹⁹.

Бароны, защищаясь, предложили корону французскому дофину. Он высадился в Англии, но был встречен папской анафемой²²⁰. За время борьбы Иннокентий умер, но его преемник продолжил его политику. Три месяца спустя, 19 октября 1216 г., Иоанн умер в Ньюарке, лишившись обоза при переправе через Уош. У него началась лихорадка, но смерть, вероятно, наступила вследствие невоздержанности в еде и питье²²¹. Он был похоронен, по его собственной просьбе, в соборе Ворчестера. В последние моменты жизни он принял таинство и вверил своих детей защите папы, который был на его стороне во время последнего конфликта.

§41. Четвертый Латеранский собор, 1215

ЛИТЕРАТУРА: Труды Иннокентия, Migne, 217. — MANSI, xxii. — LABBAEUS, xi. — POTTHAST, *Regesta*, I. 437 sqq., приводится итог канонов собора. — HEFELE-KNÖPFER, V. 872 sqq. — HURTER, II. 538 sqq. — LEA: *Hist. of the Inquisition, passim*.

Четвертый Латеранский собор, иначе известный как Двенадцатый вселенский, был заключительным актом понтификата Иннокентия, зенитом папской теократии. В послании о созыве собора²²² папа объявил, что его цель — возвращение Палестины и усовершенствование церкви. Собор состоялся в Латеранском дворце и прошел в три заседания, 11, 20 и 30 ноября 1215 г. Это был самый

²¹⁸ Используются самые сильные выражения: *tam cartam quam obligationes irritantes penitus et cassantes, ut nullo unquam tempore aliquam habeant firmitatem* (M. Paris, Luard ed. II. 619). См. Hurter, II. 656 sq. Защитники папской непогрешимости находят оправдание этому суровому приговору в том, что Иннокентий осуждал лишь способ, которым было получено согласие короля. Иннокентий приводит в качестве доказательства три соображения: заговор баронов, призванный убедить короля, их пренебрежение к его обету крестоносца и нежелание обеих сторон посоветоваться с папой как с верховным господином. Он действительно осуждает этот документ как документ — не касаясь, по словам защитников, его содержания. Ошибка Иннокентия и его официальное преступление заключались в том, что он совершенно не обратил внимания на положительные стороны хартии и выступил на стороне несправедливого деспота-короля.

²¹⁹ Potthast, 437; M. Paris, в Luard, II. 627. Примерно в то же время, по просьбе Иоанна, Иннокентий аннулировал избрание Симона Лангтона, брата Стефана, на престол Йорка.

²²⁰ Томас Фуллер замечает, что «частота подобных проклятий уменьшала их силу, так что немногие боялись их, многие смеялись над ними и никому не было от них вреда».

²²¹ Роджер из Вендова говорит, что он умер от пресыщения персиками и молодым сидром (M. Paris, Luard ed., II. 667). Шекспир, следуя более позднему преданию, представляет Иоанна умершим от яда, которым его отравил монах:

Боюсь, не отравил ли короля

Один монах...

* * *

Нет, поздно; яд уже в его крови,
И светлый мозг, — который, говорят,
Души бессмертной хрупкая обитель, —
Туманится и страшным бормотаньем
Предсказывает горестный конец.

Король Иоанн, акт V, сцена 6 и далее {перевод Н. Рыковой}.

²²² 19 апреля 1213 г.

многочисленный из синодов, проведенных до того времени на Западе. Там присутствовали 412 епископов, 800 аббатов и приоров и большое количество делегатов — представителей отсутствующих прелатов. На соборе были также представители императора Фридриха II, императора Генриха Константинопольского, королей Англии, Франции, Арагона, Венгрии, Иерусалима и других венценосных особ²²³.

Заседания начались проповедью папы на Луки 22:15: «Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания». Проповедь была основана на причудливом истолковании слова «пасха», которому было приписано тройное значение: физическое — как переход Иерусалима из состояния плена в состояние свободы, духовное — как переход церкви из худшего состояния в лучшее и небесное — как переход от этой жизни к вечной славе. Выступления делились на семьдесят тем, отдельным пунктом значилось возвращение Иерусалима. Темы касались вопросов учения, церковной и моральной практики. Двумя самыми примечательными действиями собора были кодификация учения о пресуществлении и учреждение инквизиции для борьбы с еретиками.

Вероучительные решения, содержащиеся в первых двух капитулах, формулируют положения ортодоксальной веры в том, что касается природы Бога, Воплощения, единства церкви и двух великих таинств. Пресуществление определено здесь как учение о евхаристии во вселенской церкви, «вне которой невозможно спасение»²²⁴.

Собор открыто осудил учение Иоахима Флорского о том, что сущность Отца, Сына и Духа — это не реальная сущность, но собирательная сущность в том смысле, в каком группа людей называется одним народом, а группа верующих — одной церковью. Было одобрено мнение Петра Ломбардского, которому Иоахим возражал на том основании, что его определение превратило бы Божественную Троицу в четверицу²²⁵.

Амальрик из Бены, преподававший в Париже и обвинявшийся в пантеизме, был заклеямен как пантеист. Он осуждался и раньше, предстал перед папой в Риме в 1204 г. и покаялся в своей предполагаемой ереси²²⁶. Он и его последователи учили, что каждый, в ком пребывает Божий Дух, становится един с телом Христовым и не может грешить.

Отношение к еретикам подробно рассматривалось в важном третьем постановлении²²⁷. Церковные моральные установления стали темой шестидесяти семи декретов. Был зафиксирован ранг патриарших престолов, из которых Рим получил первое место²²⁸. Для распределения патриархатов по рангам был выбран удобный момент, так как Иннокентий учредил на Востоке латинскую преемственность, которой не существовало при его предшественниках. Чтобы избежать

²²³ Приглашения рассылались прелатам Востока и Запада, христианским императорам и королям, гроссмейстерам рыцарских орденов и главам монашеских учреждений.

²²⁴ *In qua idem ipse sacerdos et sacrificium Jesus Christus, cujus corpus et sanguis in sacramento altaris sub speciebus panis et vini veraciter continentur, transubstantiatis pane in corpus, et vino in sanguinem, etc.* (Mansi, XXII. 982; Mirbt, *Quellen*. 133).

²²⁵ Ломбардский определял сущность трех ипостасей как реальную вещь, *quaedam summa res*.

²²⁶ См. Hauck, ст. *Amalrich*, в Herzog, I. 432 sq.

²²⁷ См. главы об инквизиции и о катарах.

²²⁸ На соборе присутствовали патриарх Иерусалима и Константинополя (латинского обряда), был также представитель Антиохийского патриарха, мельхитский патриарх Александрии и маронитский патриарх.

путаницы, возникающей среди разнообразных монашеских орденов, учреждение таковых было впредь запрещено²²⁹.

Клирики предостерегались от невоздержанности и неумеренности. Им запрещалось охотиться с собаками и соколами, посещать театральные представления и казни, участвовать в дуэлях и ходить в таверны. Давались предписания по поводу их одежды. Исповедь объявлялась обязательной не реже раза в год, а священники, разгласившие тайну исповеди, подлежали тюремному заключению. Запрещалось окормлять больше одного прихода, за исключением особых распоряжений папы. Запрещалось выставлять для поклонения новые реликвии, если они не одобрены папой. Врачи обязывались, под угрозой отлучения, призывать своих пациентов прежде всего обращаться к священнику, так как благополучие души гораздо важнее, чем здоровье тела. Иудеи и сарацины должны были носить платье, отличное от христианского, чтобы между ними не могло возникать плотских сношений по недосмотру. Евреи не должны были выходить из дома в страстную неделю и не могли занимать гражданские должности²³⁰.

Последним актом собор устанавливал дату нового крестового похода, который должен был состояться в 1217 г. Христиан призывали воздерживаться от всяких торговых дел с сарацинами на четыре года. Всем, кто внесет вклад в крестовый поход, и всем его участникам обещалось полное отпущение грехов и вечное блаженство²³¹. На соборе был келейно улажен еще один важный вопрос — просьба Раймунда VI, графа Тулузского, возместить ущерб, нанесенный действиями Симона де Монфора, возглавлявшего крестовый поход против альбигойцев на юге Франции.

Эти доктринальные положения и церковные правила свидетельствуют о новом состоянии, в котором оказалась церковь, когда латинские патриархи овладели Востоком, а ересь угрожала ее единству в Южной Франции и других частях Запада.

Уже через несколько месяцев после этого великого собора Иннокентий III скончался. Он умер в возрасте пятидесяти шести лет, не получив возможности пережить время своей власти и своей славы. Он был удачлив во всех своих начинаниях, и его искусство государственного деятеля, преклонившее к его ногам Европу, было увенчано последней сценой Латеранского собора, где он источал благочестивую заботу священника. Своим преемникам он оставил континент, объединенный в верности святому престолу, и церковь, крепкую в своем вероучительном единстве. Несмотря на великие достижения, умственные дарования и высокие моральные цели Иннокентия, церковь не нашла для него места среди своих канонизированных святых.

Приведем несколько свидетельств его величия.

Грегоровиус заявляет²³², что, хотя Иннокентий не был

...творческим гением, подобным Григорию I и Григорию VII, он был одной из наиболее важных фигур средних веков, человеком с честным полновесным аскетическим умом, совершенным правителем, государственным деятелем с проницатель-

²²⁹ См. гл. XIII.

²³⁰ Повторение постановления Толедского синода 581 г.

²³¹ *Plenam suorum peccaminum de quibus fuerint corde contriti et ore confessi veniam in indulgemus et in retributione iustorum salutis aeternae pollicemur augmentum.*

²³² V:102 sq. Гиббон (гл. LIX), признав таланты и добродетели Иннокентия, так критикует результаты его правления, которые имели самые далеко идущие последствия: «Иннокентий может похвалиться двумя самыми заметными победами над здравым смыслом и человечностью — учением о пресуществлении и учреждением инквизиции».

ным суждением, возвышенно настроенным священником, исполненным религиозного рвения, и в то же время — мужем безграничных амбиций и всепобеждающей силы воли, истинным идеалистом на папском престоле, но абсолютно практичным монархом и хладнокровным юристом... Ни один папа не был таким высокомерным и при этом так реально не осознавал свою власть, как Иннокентий III, возводивший и низвергавший императоров и королей.

Ранке говорит²³³:

Я не могу принять то суеверное почтение, с которым относится к нему Фридрих Хертер в своей замечательной книге. Но несомненно следующее. Иннокентий стоит в первом ряду пап, имеющих мировое значение. У него вполне хватало сил выполнить задачу, которую он поставил перед собой. Если пренебречь несколькими диалектическими тонкостями, мы не найдем в нем ничего незначительного. В нем воплотилась суть переходного периода.

Баур выражает свое мнение так²³⁴:

С Иннокентием III папство достигло высот, и ни в один другой период своей долгой истории оно не наслаждалось таким нерушимым миром и таким славным состоянием власти и великолепия. Иннокентия III, как никого другого на этом высоком посту, отличали не только все качества правителя, но также личные добродетели, высокое происхождение, ум, культура и ученость²³⁵.

Гагенбах²³⁶:

Если мерить стандартами папства, то Иннокентий, бесспорно, — величайший из всех пап. Если же мерить вечным законом Евангелия Иисуса Христа, то выступающий великим и могущественным в глазах мира окажется малым в царстве небесном и среди всего, что вызывает здесь изумление и восхищение, сохранится лишь то, что начертано в его душе Духом Божьим, никогда не оставляющим церковь. А вот насколько далеко простиралось влияние Божьего Духа на него и с какими результатами — не знает никто, кроме Бога. И Он единственный, кто может об этом судить.

²³³ *Weltgeschichte*, viii: 334.

²³⁴ *Geschichte des Mittelalters*, p. 220.

²³⁵ Суждение средневековых авторов см. в Potthast, *Regesta*, 461. Вот как описывает Иннокентия автор-современник в *Gesta Innocentii* (Migne, 214, p. xviii): *Fuit vir perspicacis ingenii et tenacis memoriae, in divinis et humanis litteris eruditus, sermone tam vulgari quam litterali disertus, exercitatus in cantilena et psalmodia, statura mediocris et decorus aspectu, medius inter prodigalitatem et avaritiam, sed in eleemosynis et victualibus magis largus, et in aliis magis parcus, nisi cum necessitatis articulus exigebat severus contra rebelles et contumaces, sed benignus erga humiles et devotos; fortis et stabilis, magnanimus et astutus; fidei defensor, et haeresis expugnator; in justitia rigidus, sed in misericordia pius; humilis in prosperis, et patiens in adversis; naturae tamen aliquantulum indignantis, sed facile ignoscentis.*

²³⁶ *Kirchengeschichte des Mittelalters*, ch. XIX.

ГЛАВА VI

**ПАПСТВО ПОСЛЕ СМЕРТИ
ИННОКЕНТИЯ III
ДО БОНИФАЦИЯ VIII.
1216 — 1294**

- ЛИТЕРАТУРА: Хроники этого периода. М. PARIS, ed. LUARD. — Францисканец SALIMBENE, ed. A. BERTANI, Parma, 1857; английский перевод COULTON, Lond., 1906. — RICHARD A ST. GERMANO: *Chronicon rerum per orbem gestarum, 1189 — 1243; Chronicon Placentinum* и *Chron. de rebus in Italia gestis*, ed. HUILLARD-BRÉHOLLES, Paris, 1856. О Гонории III — *Opera omnia*, ed. HORAY, в *Medii aevi bibliotheca patristica*, I — V, Paris, 1879 — 1883, и *Regesta*, изд. по приказу Льва XIII, P. PRESUTTI, Rome, 1888, 1 vol. О Григории IX — *Opera omnia*, Antwerp, 1572. Пятнадцать томов посланий Григория хранятся в рукописном виде в Ватикане: *Les Registres de Grégoire IX, 1227 — 1235, Recueil des bulles publiées d'après les MSS. originaux du Vatican* par L. AUVRAY, Paris, 1896. Об Иннокентии IV — *Registres d'Innocent IV*, ed. E. BERGER, 3 vols. Paris, 1884 — 1897. — *Regesta*, ROTHMAYR и BÖHMER. — *Lives of the Popes*, в MURATORI (две) и в PLATINA. — MANSI: *Councils*, XXIII.
- C. HÖFLER: *Kaiser Friedrich II*, Munich, 1844. — ED. WINKELMANN: *Gesch. Kaisers Friedrichs II*, etc., 2 vols., Berlin and Reval, 1863 — 1865. — T. L. KINGTON: *Hist. of Fred. II, Emp. of the Romans*, 2 vols., London, 1862. — F. W. SCHIRRMACHER: *Kaiser Fried. II*, 3 vols. Götting., 1859 — 1865. — HUILLARD-BRÉHOLLES: *Historia diplomatica Friderici II*, etc., 6 vols., по две части в каждом, Paris, 1852 — 1861. Великий труд. В первом томе представлена биография Фридриха, в остальных томах — документы. — HUILLARD-BRÉHOLLES: *Vie et correspondance de la Vigne, ministre de l'empereur Fred. II*, Paris, 1866. — E. WINKELMANN: *Kaiser Friedrich II*, 2 vols. Leipzig, 1896 sq. — P. BALAN: *Storia di Gregorio IX e di suoi tempi*, 3 vols., Modena, 1872 sq. — CHAMBRIER: *Die letzten Hohenstaufen u. das Papstthum*, Basel, 1876. — RAUMER: *Gesch. der Hohenstaufen*, 5th ed., Leipzig, 1878. Vol. V. — J. ZELLER: *L'emp. Fred. II et la chute de l'emp. Germ. du moyen âge*, Paris, 1885. — J. FELTEN: *Papst Gregor IX*, Freib. im Br., 1886. — UGO BALZANI: *The Popes and the Hohenstaufen*, London, 1888. — C. KÖHLER: *D. Verhältniss Fried. II zu den Päpsten seiner Zeit.*, Breslau, 1888. — J. CLAUSEN: *Papst Honorius III*, Bonn, 1895. — H. FISHER: *The Mediaeval Empire*, 2 vols. London, 1898. — F. FEHLING: *Fried. II und die römischen Kardinäle*, Berlin, 1901. — H. KRABBO: *Die Besetzung der deutschen Bisthümer unter der Regierung Kaiser Fried. II, 1212 — 1250*, Berlin, 1901. — TH. FRANZ: *Der grosse Kampf zwischen Kaiserthum und Papstthum zur Zeit des Hohenstaufen, Fried. II*, Berlin, 1903. Мало важное издание. — W. KNEBEL: *Kaiser Fried. II und Papst Honorius III, 1220 — 1227*, Münster, 1905, p. 151. — HEFELE, V. — WATTENBACH, 196-211. — GREGOROVIVUS, V. — RANKE, VIII. — FREEMAN: *The Emp. Fred. II* в его *Hist. Essays*, 1st series, pp. 283-313, London, 1871. — Ст. *Fred. II, Funk*, в *Wetzer-Welte*, IV. 2029-2035, и ст. в Herzog, *Gregory IX* — MIRET, *Honorius III* и *Innocent IV* — SCHULZ, с большим списком литературы. Также *Das Briefbuch des Thomas von Gasta, Justitiars Fried. II* в *Quellen u. Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*, Rome, 1895.

§42. *Начало конфликта папы с Фридрихом II*

Между смертью Иннокентия III и избранием Бонифация VIII, за период в восемьдесят лет, на престоле побывало шестнадцать пап, немногие из которых были достойными преемниками величайших понтификов. Первая половина этого периода, 1216 — 1250, характеризуется битвой гигантов между папством и Фридрихом II, императором Германии и королем Сицилии. Вторая половина, 1250 — 1294, ознаменована установлением мира между папством и империей и французского, или норманнского, влияния на папство.

Вскоре после смерти Иннокентия выдающуюся роль начал играть Фридрих II. Он вовлек папство в его величайшую борьбу с империей — борьбу, которая оказалась отчаянной и в которой империя в конечном итоге была полностью подчинена. В ходе этой борьбы беспорядки в Европе продолжались почти сорок лет, и вели борьбу три папы: Гонорий III, Григорий IX и Иннокентий IV — последние два были весьма способными людьми. В течение всего этого времени Фридрих был самой заметной фигурой христианского мира. Борьба велась не только обычными дипломатическими и военными средствами, но и посредством письменных воззваний к суду европейского общественного мнения.

Фридрих II, внук Фридриха Барбароссы, родился близ Анконы в 1194 г. Его отец, Генрих VI, присоединил к империи Сицилию посредством брака с норманнской принцессой Констанцией, через которую Фридрих унаследовал пылкую кровь южан. По своим вкусам и воспитанию, как и по рождению, он был настоящим итальянцем. Он побывал на германских территориях, лишь когда возникла необходимость получить корону и подавить восстание своего сына²³⁷. Он предпочитал держать свой двор в Палермо, который он в посланиях называет «Счастливым городом». Римляне избрали его королем в 1196 г., а после смерти отца год спустя он стал королем Сицилии. Мать умерла вскоре после отца, и согласно ее завещанию «дитя Апулии», как называли Фридриха, бывшего тогда на четвертом году жизни, вверялось попечению Иннокентия III. Когда звезда Оттона закатилась, Фридрих был коронован во Франкфурте (1212) и в Аахене (1215). Фридриху еще не было двадцати, когда завершилась карьера Иннокентия.

Гонорий III (1216 — 1227) был лишен амбиций или гения своего предшественника Иннокентия III. Он утвердил уставы и был свидетелем необычайного роста двух великих нищенствующих орденов, святого Франциска и святого Доминика. Он короновал Петра Куртенэ, императора Византия, единственного византийского императора, получившего свою корону в Риме²³⁸. Самым страстным желанием папы было освобождение Иерусалима. Для достижения этой цели он вынужден был обратиться к Фридриху. И основной задачей его понтификата было побудить Фридриха исполнить обет, данный во время коронации в 1215 г., — возглавить крестовый поход. Но 1217 год, когда крестовый поход должен был начаться, миновал, и Гонорий договаривался с Фридрихом о новых датах, однако у императора постоянно возникали другие планы и отговорки. В 1220 г. он и его жена Констанция приняли императорскую корону из рук папы в Риме²³⁹. Во второй раз Фридрих принял крест. Он также подтвердил свое бла-

²³⁷ Ranke (VIII. 337) называет его чужим на германской земле.

²³⁸ Коронация проходила за городскими стенами. Петр умер в темнице на пути в Константинополь.

²³⁹ Римский народ в целом благосклонно отреагировал на церемонию коронации, и общее спокойствие было нарушено только одним инцидентом — спором между посланниками Флорен-

гочестие, ратифицировав привилегии церкви, объявив о своей решимости сокрушить ересь и освободив все церкви и клириков от налогов. Тем временем его сын Генрих был избран королем у римлян, и этот акт, а также последующая ратификация его папой привели к результату, который Иннокентий благоразумно старался предотвратить, а именно, к возобновлению союза между империей и королевством Сицилии. Фридрих следовал своим собственным курсом, но, чтобы умиротворить Гонория, он вновь обещал, что Сицилия останется леном папского престола.

Падение Дамьетты²⁴⁰ в 1221 г. должно было усилить пыл истинного крестоносца, но Фридрих слишком увлекался поиском удовольствий и попытками укрепить свою власть в Италии, чтобы обращать внимание на спасение святых мест. Желая вдохновить его и ускорить крестовый поход, Гонорий поощрял брак императора с Иолантой, дочерью Иоанна Бриеннского, короля Иерусалимского, наследницей короны²⁴¹. Свадьба состоялась только тогда, когда Фридрих принял титул короля Иерусалима, но он по-прежнему не выказывал спешки. Его отсрочки истощали терпение Гонория. Окончательное соглашение было установлено между ними в 1225 г. — императору дали еще два года, и он, под угрозой отлучения, поклялся отправиться в поход в октябре 1227 г. За четыре месяца до назначенной даты крестового похода Гонорий умер.

В последний год правления Гонория Фридрих открыто проводил политику, которая вовлекла его в неоднократные войны с папством и городами Северной Италии. Он возобновил притязания империи на ломбардские города. Апостольский престол не мог согласиться с этими притязаниями, потому что, если бы они реализовались, Фридрих стал бы господином Италии и ограничил светскую власть папства до неопределенных пределов.

§43. Григорий IX и Фридрих II. 1227 — 1241

Григорий IX (1227 — 1241) был противником иного склада характера. В его лице, казалось, воскрес Иннокентий III, племянником которого он был. Хотя по возрасту он был более чем в два раза старше императора²⁴², Григорий не уступал ему силой ума и безграничной храбростью и намного превосходил в плане моральных целей. А по части заявлений о правах папства его не превзошел ни один из пап. Он славился своим красноречием и был специалистом по каноническому праву.

Отвергнув вымышленные предлоги, по которым Фридрих откладывал крестовый поход, Григорий с первых же дней своего понтификата стал требовать, чтобы тот выполнил двойной обет, данный при коронации в 1215 г. и при коронации императором в Риме в 1220 г.²⁴³ Казалось, Фридрих наконец уступил. Крестоносцы собрались в Бриндизи, и Фридрих действительно отправился в плавание, сопровождаемый молитвами папы. Но через три дня экспедиция вернулась — по

ции и Пизы из-за собаки, который в конечном итоге привел к войне между этими городами (Villani, VI. 2).

²⁴⁰ Дамьетта, важный порт в Египте, был избран крестоносцами в качестве базы для операций против Иерусалима и тем местом, откуда они отправлялись в походы на Иерусалим.

²⁴¹ На том основании, что Иоланта была непосредственной наследницей короны через свою мать.

²⁴² Точный его возраст неизвестен. М. Парис (Luard ed., IV. 162; Giles trans., I. 383) говорит, что ко времени смерти ему было почти сто лет (*fere centenarius*).

²⁴³ Фридрих принял крест на коронации в Риме из рук Григория, тогда кардинала Уголино.

причине эпидемии, как утверждал Фридрих, или же по любви Фридриха к удовольствиям, как предполагал Григорий.

Разочарование папы не знало границ. Он отлучил Фридриха от церкви — что обещал сделать Гонорий²⁴⁴. Приговор был прочитан в церкви в Ананьи, и клирики бросили зажженные свечи на пол, чтобы показать, что император погружается во тьму. Григорий оправдывал свой поступок в послании к христианским князьям, говоря, что Фридрих — «тот, которого Святой Престол воспитал с великой заботой, кормил своей грудью, носил на своих плечах, которого спасал от рук тех, кто покушался на его жизнь, которого воспитал до зрелого возраста ценой многих усилий и затрат, возвысил до почестей королевского достоинства и, наконец, довел до императорских вершин, доверив ему роль жезла для защиты и опоры нашего преклонного возраста». Папа объявил заявление об эпидемии вымышленным предлогом, обвинил Фридриха в том, что он не желает выполнять обещания, отверг страх Божий, не уважает Иисуса Христа и, не прислушиваясь к увещаниям церкви, увлеченный привычными удовольствиями своего королевства, покинул христианскую армию, оставив Святую Землю в руках неверных²⁴⁵.

В решительном ответном обращении к христианскому миру Фридрих смело протестовал против невыносимого высокомерия папства и указывал на случай Иоанна Английского как на предупреждение для князей. «Та, что называет себя моей матерью, — писал он, — ведет себя как мачеха». Он осудил обмирщение церкви и призвал епископов и клириков брать за образец поведения самоотречение апостолов.

В 1228 г. отлучение было повторено, а места, в которых мог бы быть император, подвергнуты интердикту. У Григория возникли свои проблемы в Риме, из-за которых ему пришлось бежать и искать убежища в Перудже.

В том же году, словно желая показать свою независимость от папского диктата и одновременно искренность намерений крестоносца, император на самом деле начал крестовый поход, обычно называемый Пятым крестовым походом. Узнав об этой экспедиции, папа отлучил его в третий раз и запретил патриарху Иерусалима и рыцарским орденам оказывать ему помощь. Экспедиция прошла успешно, несмотря на папское проклятие, и Фридрих, вступив в Иерусалим, короновался в церкви Святого Гроба. Таков был парадокс его судьбы: главный монарх христианского мира провел крестовый поход, исполняя обет, данный двум папам, и получив за его исполнение проклятие третьего. Мало того, второй и последний крестоносец, вступивший в Святой Город в качестве победителя, был в это время не только трижды подвергнут анафеме, но и в четвертый раз отлучен по возвращении экспедиции в Европу. Его отлучили за то, что он не отправился в поход; его отлучили за то, что он отправился в поход; и его отлучили еще раз, когда он вернулся, хотя он вернулся с победой, а не с позором.

Войска императора, маршировавшие под знаком креста, по возвращении в Европу встретились с папской армией, с ключами на знаменах. Армия Фридриха одержала победу над ней, но верх взяла дипломатия: император и папа вместе отобедали в Ананьи 1 сентября 1230 г. и заключили договор.

²⁴⁴ Английский летописец, рассказывая об этом решении папы, использует его любимое выражение «чтобы не быть как собака, не могущая лаять» (*ne canis videretur non valens latrare*). См. Luard ed., M. Paris, III. 145; Giles trans., Roger of Wendover, II. 499.

²⁴⁵ Luard ed., M. Paris, III. 145 sq. См. *Registres*, p. 107.

Перемирие продолжалось четыре года. За это время Григорий решал, с помощью императора, свои проблемы с городскими властями Рима. Он снова обращался к Фридриху как к «своему возлюбленному сыну во Христе». Но формальные изъявления нежности не помешали возобновлению конфликта, на этот раз из-за желания Фридриха установить власть над ломбардскими городами. Началась война с папством, которая занимала его до самой смерти (1235 — 1250). Подавив восстание своего сына Генриха на севере и короновав своего второго сына, Конрада, император поспешил на юг для покорения Ломбардии²⁴⁶. В ответ на протесты папы он писал (1236): «Италия — мое наследство, о чем прекрасно знает весь мир». Его армия одержала победу в битве при Кортенуове (1237), но Григорий не прекращал противодействие. «Священники — это отцы и учителя королей и князей, — убеждал он, — и им дана власть и над телами людей, и над их душами». Он старался любой ценой воспрепятствовать притязаниям Фридриха на Северную Италию, которую желал сохранить независимой от Сицилии для защиты папского государства. Восшествие любимого сына императора, Энцио, на престол Сардинии посредством его брака с принцессой Аделазией было новым оскорблением для Григория²⁴⁷. Сардиния считалась папским леном, а с папой не советовались при подготовке к браку. Так что Григорий объявил анафему императору в пятый раз, в 1239 г.²⁴⁸ Его обвиняли в подстрекательстве к бунту против церкви в Риме, откуда Григорий был вынужден бежать из-за конфликтов между гибеллинами и гвельфами, которые захватили территорию, принадлежащую святому престолу, и совершали бесчинства по отношению к прелатам и бенефициям²⁴⁹.

Последовавший конфликт по переписке занимает уникальное место в истории папства. Обе стороны воззвали к общественному мнению, что было новостью в то время. Папа уподобил²⁵⁰ императора зверю из Книги Откровения, который «поднялся из моря с богохульными словами, у которого были ноги медведя и пасть льва, а остальные части как у барса, — и он раскрыл уста и изрек хулу на имя Божье, на Его место пребывания и святых на небесах. Этот зверь старается все разорвать на куски своими железными челюстями и зубами, попортить своими ногами весь мир». Он обвинил Фридриха во лжи и в ложной клятве, назвав его «сыном лжи, который нагромождает неправду на неправду, грабителем, богохульником, волком в овечьей шкуре, драконом, из уст которого воды гонений истекают, как река». По его ставшему знаменитым обвинению, «этот князь всякой пагубы Фридрих открыто заявлял, что мир был обманут тремя самозванцами²⁵¹ — Иисусом, Моисеем и Мухаммедом, два из которых умерли в славе, а Иисус был повешен на кресте. Более того, он отрицал, что Бог мог воплотиться от девы»²⁵².

²⁴⁶ Генрих умер в итальянской темнице. Конраду, матерью которого была Иоланта, было девять лет в момент его коронации. В 1235 г. Фридрих женился в третий раз, на Изабелле, сестре Генриха III Английского. Этот брак объясняет, почему Фридрих неоднократно обращался к клиру и народу Англии.

²⁴⁷ Potthast, p. 952; Huillard-Bréholles, VI. 1, 136.

²⁴⁸ С учетом таких повторяющихся анафем неудивительно сообщение папского легата Альберга из Богемии о том, что для баварского клира приговор отлучения не стоит и боба (*faba*). См. Huillard-Bréholles, V. 1032; Potthast, 908.

²⁴⁹ Документ полностью приводится в M. Paris, Luard ed., III. 553 sq.

²⁵⁰ Bréholles, V. 327-340; Paris, III. 590-608.

²⁵¹ Таково обвинение в энциклике Григория, выпущенной между 21 мая и 1 июля 1239 г.

²⁵² *Iste rex pestilentiae a tribus barotoribus, ut ejus verbis utamur, scilicet Christo Jesu, Moysse et*

Этот пространный документ, без сомнения, представляет собой одно из самых страстных личных проклятий, когда-либо исходивших от Рима. В нем используются самые выразительные эпитеты, однако он, помимо прочего, доказывает, сколь велико было влияние личности Фридриха и как возрастал дух демократии в итальянских городах, если даже столь ужасные обвинения не смогли сокрушить императора и у него по-прежнему оставались союзники.

В своем возращении²⁵³, чтобы не отставать от противника в цитировании Писания, Фридрих сравнил Григория со всадником на рыжем коне, который уничтожил мир на земле. Как папа назвал его зверем, *bestia*, так и он назвал папу диким зверем, *belua*, антихристом, вторым Валаамом, который присвоил право проклинать и благословлять за деньги. Он заявил, что, как Бог поместил на небесах большие и меньшие светила, так Он поместил священство, *sacerdotium*, и империю, *imperium*, на земле. Но папа попытался угасить второе светило, отрицая чистоту веры Фридриха и сравнивая его со зверем, вышедшим из моря. С негодованием отвергая обвинение, касающееся «трех самозванцев», Фридрих провозгласил, что верит в «единственного Сына Божьего, соравного Отцу и Святому Духу, рожденного от начала всех миров. А что касается Мухаммеда, то хотя его тело и развеяно по ветру, но душа его предана мукам ада».

Григорий не ограничился словами и предложил императорскую корону графу Артуа. Граф, по совету своего брата Людовика IX Французского, от предложения отказался. Немецкие епископы поддержали Фридриха. С другой стороны, нищестствующие монахи оказались верными союзниками папы.

Император гнал папскую армию до стен Рима. Несмотря на присутствие врагов в стенах города, пожилой понтифик отправился к Латеранскому дворцу с торжественной процессией, в молитвах об избавлении и сопровождаемый всем клиром, несшим изображения апостолов Петра и Павла²⁵⁴. И когда Фридрих отступил, то казалось, что город был избавлен вследствие чуда. Сколь бы неприемлемыми ни были в наших глазах претензии апостольского престола, мы не можем взирать на отважное поведение старого папы без восхищения.

Единственным оставшимся у Григория способом облегчить положение был собор всей церкви, и он созвал его в Риме в 1241 г. Фридрих был готов к этому и с помощью своего сына Энцио ответил папе маневром, который, хотя и был опасен для Григория, не может не показаться нелепым. Энцио захватил генуэзский флот, который вез в Рим большинство прелатов из Франции, Северной Италии и Испании, и ожидаемые в Риме сторонники папы, почти сотня человек, в том числе кардинал Оттон, папский легат, были отвезены в Неаполь и заключены в темницу²⁵⁵. В послании соболезнования к арестованным папа представляет их как ждущих приговора у нового фараона²⁵⁶. Каким мастерским бы ни был этот *coup de main*, в конечном итоге он создал проблемы для своего изобретателя. Недостойное обращение Фридриха с прелатами позже стало основным обвинением против него.

Mohameto totum mundum fuisse deceptum, et duobus eorum in gloria mortuis, ipsum Jesum in ligno suspensum manifeste proponens, etc.

²⁵³ Bréholles, V. 348 sqq.

²⁵⁴ Bréholles, V. 777 sqq.

²⁵⁵ М. Парис с присущей ему образностью замечает: «Их там держали всех в куче, как свиней».

²⁵⁶ Bréholles, V. 1120-1138; G. C. Mascaulay живо рассказывает об этом событии в статье *Capture of a General Council* (Engl. Hist. Rev., 1891, pp. 1-17).

Григорий умер летом 1241 г., будучи на момент смерти старше, чем Лев XIII. Но умер он во всеоружии и обращенный лицом к своему противнику-императору, армия которого в это время стояла в нескольких часах пути от города. Он был участником одного из самых напряженных конфликтов средних веков. До последнего момента его неукротимая смелость оставалась при нем. За несколько недель до смерти он писал, непоколебимо защищая права папства: «Верные, уповайте на Бога и ожидайте Его решения с терпением. Корабль Петра быстро пройдет через бури и скалы, вознесется, уже скоро и неожиданно для нас самих, над кипящим прибоем и войдет, невредимый, в спокойные воды».

Римская церковь обязана Григорию IX сборником декреталий, которые стали частью ее устава²⁵⁷. Он сделал инквизицию постоянным институтом и укрепил ее в Риме. Он воздал честь канонизации основателям нищенствующих орденов, святым Франциску Ассизскому и Доминику Испанскому.

§44. Первый Лионский собор и завершение карьеры Фридриха. 1241 — 1250

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: MANSI, XXIII. 605 sqq.; HEFELE, V. 105 sqq. — C. RODENBERG: *Inn. IV und das Königreich Sicilien*, Halle, 1892. — H. WEBER: *Der Kampf zwischen Inn. IV und Fried. II*. Berlin, 1900. — P. ALDINGER: *Die Neubesetzung der deutschen Bisthümer unter Papst Inn. IV*, Leipzig, 1900. — J. MAULBACH: *Die Kardinäle und ihre Politikum die Mitte des XIII Jahrhunderts, 1243 — 1268*, Bonn, 1902.

Преемник Григория Целестин IV прожил всего три недели после своего избрания. Последовал период, в течение которого место папы оставалось вакантным. Он продолжался беспрецедентно долго — двадцать месяцев. Следующий папа, Иннокентий IV, генуэзец, был знатоком канонического права и оказался более чем равен Фридриху по хитрости и быстроте действия. Говорят, после его избрания император воскликнул, что потерял друга среди кардиналов и приобрел врага среди пап. Фридрих отказывался вступать в мирные переговоры, пока его не освободят от анафемы. Иннокентий же был готов энергично продолжить конфликт Григория. Были задействованы все меры папского влияния: отлучение, постановление общего собора, низложение, избрание императора-соперника, активное подстрекательство к бунту во владениях Фридриха. По мере того как это бремя накапливалось, Фридрих, подобно великану, старался нести его, но тщетно²⁵⁸. Конфликтом был охвачен весь западный христианский мир. Первым делом Иннокентий постарался переиграть своего противника, тайно покинув Рим (Александр III создал прецедент, когда спасался бегством). Переодевшись рыцарем, он достиг Чивита Веккья, а там сел на генуэзскую галеру, которая отвезла его в Геную, где его встретил звон колоколов и восклицания: «Наша душа избежала, как птица, силков птицелова». К нему присоединились кардиналы, и он отправился в Лион, который хотя формально и считался городом империи, из-за близости к Франции был безопасным убежищем.

Политика папы оказалась удачной. Изгнание верховного понтифика произвело сильное впечатление на христианский мир и склонило его на сторону папы²⁵⁹.

²⁵⁷ См. главу о каноническом праве.

²⁵⁸ М. Парис говорит, что никогда не слышал о такой лютой ненависти, как ненависть между Иннокентием IV и Фридрихом (Luard ed., V. 193).

²⁵⁹ М. Парис хотя и ратует за Фридриха, здесь совершенно меняет тон. См., например, Luard ed., IV. 478.

Раскол в чувствах Европы виден из того метода, к которому прибегнул один парижский священник, когда ему пришлось сообщить пастве об отлучении императора Иннокентием. «Мне ведомо, — говорит он, — о серьезном споре и неугасимой ненависти между императором и папой. Я знаю также, что один причинил вред другому, но кто зачинщик, я не знаю. Насколько простирается моя власть, я осуждаю и отлучаю того, кто причиняет вред другому, которым бы из двух он ни был, и я прощаю того, кто страдает от вреда, столь пагубного для всего христианства».

Теперь Иннокентий мог созвать собор, который не удавалось созвать в Риме из-за силовых методов Фридриха. Это был Первый Лионский собор, или Тринадцатый вселенский собор. Он собрался в Лионе в 1245 г. В папском послании, предвещающем заседания, обращалось внимание на необходимость освобождения Святой Земли, борьбы с монголами, нападения которых распространились до Венгрии, а также окончания спора между апостольским престолом и императором. На собор приехало сто сорок прелатов. За исключением нескольких представителей Англии и одного или двух епископов из Германии, присутствующие были церковными деятелями Южной Европы²⁶⁰. Балдуин, император Константинополя, был там, чтобы просить о помощи в своем бесперспективном деле. Фридрих на соборе представлял его талантливый советник Фаддей из Суэссы.

Фаддей обещал от имени своего правителя вернуть Грецию в Римскую церковь и лично отправиться в Святую Землю. Иннокентий отверг эти обещания как обманные и призванные вызвать раскол в соборе. Он сказал, что топор поднесен к корню, и удар должен быть нанесен без промедления. Когда Фаддей предложил, чтобы короли Англии и Франции стали гарантами этого императорского обещания, папа мудро ответил, что в таком случае ему придется участвовать еще и в споре трех королей. Иннокентий явно владел ситуацией, и собор был на его стороне. Многие из участников были против Фридриха из-за того, что он схватил их и заключил в темницу.

На одном из первых заседаний папа произнес проповедь по тексту: «Да не будет этого с вами, все проходящие путем! взгляните и посмотрите, есть ли болезнь, как моя болезнь» {Пл.И. 1:12}. Он говорил о пяти скорбях церкви, соответствующих пяти ранам Христа: о жестокости монголов или татар, о расколе с греками, о росте ереси, об опустошении Иерусалима и об активных гонениях на церковь со стороны императора. Фридриха он обвинял в святотатстве и ереси. Касательно ереси Фаддей заявил, что на такое обвинение может ответить только сам Фридрих — и Фридриху было дано две недели, чтобы явиться лично. Когда он не явился, Иннокентий объявил ему анафему и низложил его с трона. Против него выдвигались четыре тяжких обвинения: нарушение клятвы хранить мир с церковью; святотатство, когда он захватил прелатов по пути на собор; ересь и удержание дани с Сицилии, папского лена. Основаниями для обвинения в ереси были: презрительное отношение Фридриха к папскому праву на ключи; его договор с султаном во время крестового похода; разрешение, чтобы имя Мухаммеда публично днем и ночью провозглашали в храме; общение с сарацинами; содержание евнухов для надзора за женщинами; и брак его дочери с Баттадием, отлученным князем. Приговор звучал следующим образом:

Ввиду того что мы, какими бы недостойными мы ни были, обладаем на земле властью Господа нашего Иисуса Христа, повелевшего нам в лице святого Петра:

²⁶⁰ Похоже, в соборе участвовали два немецких епископа (Hefele, V. 982 sq.). Католические историки старались завязать представительство прелатов с севера.

«Что свяжешь на земле...» и т.д., мы провозглашаем Фридриха, который оказался недостоем почета высшей власти за все его преступления, волею Бога низложенным с трона, скованным его грехами и отвергнутым Господом, так что мы приговариваем его и смещаем; а всех, кто каким-либо образом связан с ним клятвой верности, мы освобождаем навеки от этой клятвы; нашей апостольской властью мы строго запрещаем кому-либо повиноваться ему. Мы постановили, что всякий, кто окажет ему помощь как императору или королю, будет отлучен от церкви; и те в империи, кому надлежит избирать императора, свободны избрать ему преемника²⁶¹.

Фаддей просил пересмотреть решение на другом соборе²⁶². Как сообщают, Фридрих, услышав о случившемся, велел подать корону и поплотнее надел ее себе на голову. Напрасно король Франции, встретившись с Иннокентием в Клуэни, просил за императора. Как говорит английский летописец, он нашел «очень мало той кротости, которую надеялся встретить у раба рабов Божьих». Манифест Фридриха, вышедший в ответ на постановления собора, был адресован королю Англии и другим князьям. В нем Фридрих напоминал о низком происхождении прелатов, которые выступают против законных властителей, и отрицал право папы на светскую власть. Он предупреждал, что их постигнет та же участь, и объявлял, что собирается бороться со своими гонителями. Он призывал клириков оставить роскошную жизнь и вернуться к апостольской простоте нравов. Когда к его словам прислушаются, мир вновь увидит чудеса, как прежде. Какими бы правильными ни были эти принципы, каким бы смелым и могущественным ни был их защитник, для Европы еще не пришло время принять их, да и характер Фридриха был слишком непостоянным, чтобы придать моральный вес его собственным словам²⁶³.

Обсуждение собором мер, связанных с новым крестовым походом, не вышло за рамки отдаленных планов. Клуэру было велено выделять на это священное предприятие двадцатую часть доходов в течение трех лет и следить за тем, чтобы в завещаниях упоминались пожертвования на будущий крестовый поход.

Одной из интересных фигур на соборе был Роберт Гроссетест, епископ Линкольна, который протестовал против церковных злоупотреблений в Англии, таких как назначение недостойных чужестранцев на должности и чрезмерные требования папской казны. Папа не дал Англии облегчения, и английским епископам было велено скрепить своими печатями хартию короля Иоанна о дани²⁶⁴. Единственным заметным достижением Лионского собора было поражение Фридриха. Иннокентий принял решительные меры. На манифест Фридриха он ответил повторением самых экстравагантных заявлений. Епископу Римскому была доверена власть судить королей. Если в ветхозаветные времена священники смещали недостойных монархов, то наместник Христа имеет на это еще большее право. Иннокентий разжигал пламя восстания на Сицилии, а через нищенствующие ордена — недовольство в Германии. Папские легаты практически узурпировали правление Германской церковью с 1246 по 1254 г. В спорах по поводу избрания епископов германских епархий Иннокентий обычно побеждал, и в 1247 — 1248 г. было избрано тринадцать его ставленников²⁶⁵. По приказанию

²⁶¹ Mansi, XXIII. 612 sqq., 638; Luard ed., M. Paris, IV. 445-456. Грегоровиус называет это постановление «одним из самых зловещих событий всеобщей истории» (V. 244).

²⁶² Bréholles, VI. 318.

²⁶³ Не следует приписывать Фридриху способность предвосхитить грядущие политические принципы отношений, основанных на любви к истине или на восприятии вечных истин. Он нигде не говорил о свободе совести и даже, вероятно, никогда не мечтал о ней.

²⁶⁴ M. Paris, Luard ed., IV. 478.

папы вместо Фридриха был избран императором Генрих Распе, ландграф Тюрингии (1246), а после его смерти, год спустя, — Вильгельм Голландский.

В Италии разразилась гражданская война. Здесь нищенствующие ордена тоже были против Фридриха. Он столкнулся с бунтом на юге и подавил его. Потом он обратился к северу, и сначала успех был на его стороне, но потом покинул его. Одна роковая случайность следовала за другой. Фаддей из Суэссы пал (1248). Петр де Винеа, другой хитрый советник, оставил своего господина. Энцио, любимый сын императора, был в темнице²⁶⁶. Он потерпел поражение у Пармы и вынужден был вообще покинуть Ломбардию. Считая, что предыдущих проклятий недостаточно, в 1247 г. Иннокентий вновь провозгласил на него анафему. Карьера Фридриха подошла к концу. Он удалился в Южную Италию сломленный и умер возле Лючеры, древнего самнитского города, 13 декабря 1250 г. Его похоронили рядом с родителями в соборе Палермо. Он умер прощенным архиепископом Палермо и облаченным в одежду цистерцианцев²⁶⁷.

Stupor mundi, «чудо мира», — так Матфей Парис называет Фридриха II²⁶⁸. Европа не видела такого правителя со времен Карла Великого. По широте взглядов, разнообразию дарований, силе и гибкости государственных талантов его справедливо сравнивают с величайшими правителями²⁶⁹. В моральном отношении Фридрих уступал своему деду Барбароссе, но превосходил его широтой интеллекта и культуры. Эта самая выдающаяся политическая фигура той эпохи и самый известный космополит средних веков. Он был воином, законодателем, государственным деятелем, литератором. Он завоевывал земли на Востоке и был последним христианским королем Иерусалима, побывавшим в своем королевстве. Он установил порядок на Сицилии и в Южной Италии и заменил единообразным законодательством, Сицилийскими конституциями, безответственную юрисдикцию церковных судов и баронов. Утверждают, что он основал систему централизованного управления²⁷⁰ и указал пути для монархий более позднего периода. Он открыл новый способ взаимодействия, воззвав к суждению всего христианского мира. Он был просвещенным человеком, опережавшим свое время, и терпимо относился к иудеям и мусульманам.

В своем споре с папой он руководствовался не ненавистью к духовной власти, а желанием удержать ее в определенных границах. Как искренний идейный оппонент иерархии, он пошел дальше, чем кто-либо из его предшественников²⁷¹. Доллингер объявил его величайшим и самым опасным из врагов, которых когда-либо имело папство²⁷². Григорий и Иннокентий IV называли его «великим драко-

²⁶⁵ См. Aldinger.

²⁶⁶ Трагическая судьба этого одаренного человека, выдающегося представителя рыцарства, запечатлена в романтических преданиях и архитектуре Болоньи.

²⁶⁷ Это более правдоподобная версия истории. Виллани (*an.* 1250) рассказывает, что Манфред подкупил камергера Фридриха и удушил умирающего куском влажной ткани.

²⁶⁸ *Principum mundi maximus, stupor quoque mundi et immutator mirabilis*, «величайший из князей земли, чудо мира и дивный наставляющий гений [вдохновитель] его дел» (Luard, M. Paris, V. 190, 196). В посланиях Фридрих называл себя *Fredericus Dei gratia Romanorum imperator et semper augustus, Jerusalem et Siciliae rex*.

²⁶⁹ Kington, I. 475 sqq.

²⁷⁰ Gregorovius, V. 271. Этому не противоречит тот факт, что Фридрих дал децентрализующие хартии немецким городам, — на этом заостряет внимание Fisher, *Mediaeval Empire*. См. у него хорошую главу, «Imperial Legislation in Italy» (XI).

²⁷¹ Ranke, VIII. 369 sqq.

²⁷² *Akademische Vorträge*, III. 213.

ном» и заявляли, что Фридрих заслужил судьбу Авессалома.²⁷³ Но он не прибегал к мерам своего деда и не ставил антипапу. Хотя возможно, он не делал этого из чистого презрения к папству.

Выдвигалось предположение, что Фридрих не был христианином. Григорий прямо обвинял его в богохульстве. Но Фридрих явно опроверг обвинение в том, что считает Христа самозванцем, и поклялся в принадлежности к ортодоксальной вере²⁷⁴. Если у него когда-либо и вырвалась фраза о трех самозванцах, ее следует рассматривать как проявление несдержанного нрава²⁷⁵. Неандер высказывает мнение, что Фридрих отрицал религию откровения. Шлоссер считает его вообще лишенным религиозной и моральной веры. Ранке и Фримен оставляют вопрос о его религиозной вере открытым. Гергенротер заявляет, что как человек он был неверующим, а как монарх — строгим католиком. Грегоровиус считает, что его убеждения были строго католическими, как у гибеллина Данте. Фишер подчеркивает его исключительную свободу от распространенных суеверий того времени²⁷⁶. Уиллард-Бреоль предлагает новаторскую теорию о том, что Фридрих со своими сторонниками намеревался узурпировать высший понтификат, основать мирское папство и сочетать в себе королевские и папские функции.

Фридрих был хорошо образован, выступал покровителем искусств и науки. Он знал греческий, латинский, немецкий, французский и арабский язык, не говоря об итальянском. Он основал Неаполитанский университет. Он был предтечей Ренессанса и сам сочинял стихи. Он написал книгу о соколиной охоте²⁷⁷. Мы лучше поймем этого человека, узнав, что, осаждая Милан в 1239 г., он посылал к себе на Сицилию приказы о лесах и о домашних проблемах, тем самым напоминая нам Наполеона и его заботу о французской столице во время русской и других кампаний. Как и многие представители того века, он увлекался астрологией. Михаил Скот был его любимым астрологом. К этим достойным чертам Фридриха добавлялись роскошество и, очевидно, жестокость восточного деспота. Унаследовав остров, хозяевами которого когда-то были сарацины, он относился к ним с благосклонностью и без колебаний перенимал кое-какие из их обычаев. Он окружил себя сарацинской стражей²⁷⁸ и держал гарем²⁷⁹.

²⁷³ Послание кардинала Райнера, которое приводит М. Парис (Luard ed., V. 61-67; Giles's trans., II. 298 sqq.). Петр Ломбардский в письме к одному из своих пресвитеров говорит, что *ecclesia Romana totis viribus contra imperatorem et ad ejus destructionem* (Bréholles, V. 1226).

²⁷⁴ По поводу обвинения, что он отрицал воплощение от Девы Марии, и других обвинений см. выше и Bréholles, V. 459 sq.; M. Paris, Luard ed., III. 521.

²⁷⁵ Эта фраза витала в воздухе. Ее историю можно проследить до Симона Торнаценоского, профессора богословия в Париже (ум. в 1201), а также Фридриха. Книга под заглавием *De tribus impostoribus* вышла в XVI веке. В ней приводились доводы против богодухновенности Библии — уничтожение хананеев и прочие соображения, а воплощение относилось к категории мифов о богах. См. Herzog, *Enc. IX. 72-75*; и F. W. Genthe, *De impostura religionum, etc.*, Leipzig, 1833; ст. Benrath в Herzog, IX. 72-75; Reuter. *Gesch. der Aufklärung im M. A.*, II. 275 sqq.

²⁷⁶ *Med. Emp.*, II. 163.

²⁷⁷ Ранке называет ее одним из лучших трактатов средних веков на эту тему. О влиянии Фридриха на культуру и литературу см. Bréholles, I, ch. 9. См. также Fisher, *Med. Emp.*, II, ch. 14, «The Empire and Culture».

²⁷⁸ Эта стража была с ним во время его последней кампании и перед Пармой.

²⁷⁹ Священники-летописцы не зная усталости пишут о его жестокости и безнравственности. См. Kington, II. 474 sqq. Он был законно женат четыре раза; Amari в своей *History of the Moham-medans in Sicily* называет его «крещеным султаном». Об отношениях Фридриха с мусульманами см. Bréholles, I. 325-375.

Фримена нельзя не признать экстравагантным, когда он говорит, что «в плане гения и достижений Фридрих, без сомнения, был самым великим из князей, когда-либо носивших корону»²⁸⁰. Брайс объявляет его «одним из величайших персонажей в истории»²⁸¹. Данте, через полвека после смерти Фридриха, помещает великого императора в ад среди ересиархов. Когда новость о его смерти достигла Иннокентия IV, понтифик написал сицилийцам, что небеса и ад радуются этому. Но более справедливы Фрейбургские хроники, где сказано: «Если бы только Фридрих любил свою душу, то кто был бы равен ему!?»²⁸².

§45. Последний из Гогенштауфенов

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: *Послания Урбана IV* в Mansi, vol. XXIII. POTHAST: *Regesta*, 1161 — 1650. — *Les Registres of Alexander IV, Recueil des bulles de ce pape d'après les MSS. originaux des archives du Vatican*, Paris, 1886; Урбана IV: Paris, 1892; Климента IV: Paris, 1893 — 1904. — *DÖLLINGER: *Der Uebergang des Papstthums an die Franzosen, in Akademische Vorträge*, III, pp. 212-222, Munich, 1891. Жизнеописания пап в Muratori и Platina.

Смерть Фридриха не удовлетворила папство. Оно намерилось погубить дом Гогенштауфенов. Папы заклеили оставшихся в живых его представителей как «кровь аспида» и «отравленную кровь ядовитого дракона».

В завещании Фридрих приказывал своему сыну Конраду воздать церкви то, что ей причитается, и вернуть то, что он сам несправедливо захватил, но лишь при условии, что она, как милосердная и благочестивая мать, признает права империи. Его незаконнорожденный сын, блистательный и царственный Манфред, был назначен представителем в Италии на время отсутствия Конрада.

Иннокентий покинул Лион в 1251 г., даже не предполагая, что полвека спустя папе придется провести там в изгнании семьдесят лет²⁸³. И после шестилетнего отсутствия Иннокентий вступил в Рим в 1253 г. Он продолжил войну против Фридриха, предложив корону Сицилии Эдуарду, сыну английского короля Генриха III. Конрад пришел в Италию и вступил в Неаполь, заявляя о своих правах на корону предков, но папа встретил его отлучением. Смерть, которая, казалось, стала союзницей папства в борьбе со злополучным германским домом, постигла Конрада в 1254 г. в возрасте 26 лет. У него остался только один сын, Конрадин, которому тогда было два года²⁸⁴.

Вскоре после Конрада умер и Иннокентий (1254), которого похоронили в Неаполе. Он был последним из великих пап той эпохи, медленно подходившей к

²⁸⁰ *Hist. Essays*, I. 286. Он говорит также: «Вероятно, никогда на свете не было человека, более одаренного от природы» (р. 283). Однако мы можем согласиться с Фрименом, когда он заявляет, что карьера Фридриха стала «одной из самых удивительных глав в европейской истории» (р. 313).

²⁸¹ *Holy Rom. Emp.*, ch. XIII.

²⁸² Герберт Фишер говорит: «Из всех средневековых императоров один лишь Фридрих II, похоже, обладал истинным темпераментом законодателя» (*Med. Emp.*, II. 167). В число лучших обобщений Гиббона можно включить и его характеристику Фридриха: это «поочередно ученик, враг и жертва церкви» (гл. LIX).

²⁸³ М. Парис сообщает, что один из кардиналов, произнеся прощальную проповедь от имени Иннокентия, сказал: «С момента нашего прибытия в город мы сделали много добрых дел и оказывали благотворительность. По нашем прибытии мы нашли здесь три или четыре публичных дома, а сейчас, когда мы отбываем, остается только один, но он простирается до восточных до западных ворот города» (Luard ed., V. 237).

²⁸⁴ За несколько месяцев до этого умер Генрих, сын Фридриха от Изабеллы Английской. Его сын Энцо встретил свою смерть в темнице Болоньи в 1272 г.

концу. Возможно, не было другого папы, в правление которого влияние Рима на Англию было бы таким непомерным и беззастенчивым. Матфей Парис обвиняет его в том, что он превратил церковь в рабыню, а папский двор — в стол менялы. Говорят, будто он сказал своим родственникам, плакавшим вокруг его смертного одра: «Почему вы плачете, презренные создания? Разве я не оставляю вас всех богатыми?»

При умеренном правлении Александра IV (1254 — 1261) Манфред завладел Сицилией и был коронован в Палермо (1258).

Урбан IV (1261 — 1264) был посвящен в Витербо и даже не вступал в Рим в течение всего своего понтификата. Он был сыном башмачника и первым французом, который занял папский престол за период в сто шестьдесят лет. При нем папство оказалось под контролем французов и оставалось в таком положении, с краткими интервалами, более века. Урбан проявил свой национальный патриотизм, назначив семь французских кардиналов в конклаве из семнадцати. Французское влияние было сильно укреплено приглашением Карла Анжуйского, младшего брата Людовика IX Французского, на сицилийский трон с обоснованием в виде присущей папству власти над Сицилией как папским леном. На протяжении веков Анжуйский дом, со столицей в Неаполе, играл заметную роль в делах не только Италии, но и всей Европы²⁸⁵. Это был новый союз в истории папства, подобный более раннему союзу с норманнами в эпоху Гильдебранда. Призванный в качестве поддержки и охраны папства, Карл Анжуйский стал диктатором в его политике и хозяином политической ситуации в Италии.

Климент IV (1265 — 1268), один из французских кардиналов, назначенных Урбаном, имел семью до того, как вступил в монастырь картузианцев и начал карьеру клирика. Он проповедовал крестовый поход против Манфреда, который осмелился узурпировать сицилийский трон, и короновал Карла Анжуйского в Риме в 1266 г. Карл обещал платить ежегодную дань апостольскому престолу. Месяц спустя, 26 февраля 1266 г., вопрос о владении короной Сицилии был решен посредством оружия на поле битвы в Беневенто, где Манфред пал.

Теперь надежды гордого германского дома были сосредоточены на юном Конрадине, внуке Фридриха II. Его право на императорский трон оспаривалось с самого начала. Вильгельма Голландского сменили императоры-соперники — богатый герцог Ричард Корнуольский, брат Генриха III, избранный в 1257 г. четырьмя электорами, и Альфонсо Кастильский, избранный остальными тремя²⁸⁶. Конрадин отправился в Италию, чтобы утвердить свои права (1267), и был встречен папской анафемой. Хотя его с энтузиазмом принял народ, даже в Риме, но в опыте и умениях он не мог равняться с Карлом Анжуйским. Удача изменила ему в битве при Тальякоццо 23 августа 1268 г. Он был взят в плен, и над ним устроили разбирательство, которое было насмешкой над судом. Болонский юрист Гвидо из Судзарры безрезультатно заявлял о том, что молодой принц явился в Италию не как мятежник, а как претендент на получение наследства. Большинство судей было против смертной казни, но Карл не знал пощады, и по его приказу Конрадин был казнен в Неаполе 29 октября 1268 г. Последние слова, которые он

²⁸⁵ См. страницы о последних папах этого периода и о последнем периоде средних веков, особенно об Александре VI и Юлии II.

²⁸⁶ Альфонсо никогда не бывал в Германии. Ричард проводил там какое-то время, но был лишен политического влияния. Угроза отлучения помешала электорам избрать Конрадина. О коллегии, избиравшей императоров, см. Fisher, *Med. Emp.*, I. 225 sq.; о Ричарде — *Richard v. Cornwall seit sr. Wahl z. deutschen König.*, 1905.

произнес, когда встал на колени перед роковым ударом, были обращены к его матери: «О мать моя, какую сердечную боль я тебе причинил!»

Со смертью Конрадина мужская линия рода Гогенштауфенов прекратилась. Трагическая участь постигла этот род на земле, которая всегда была роковой для германских правителей. Барбаросса вновь и вновь терпел здесь поражение. В Южной Италии встретили преждевременную кончину Генрих VI, Фридрих II, Конрад, Манфред и Конрадин.

На похоронах Конрадина Карл воздал ему военные почести, но не устраивал религиозных обрядов. Римский посох восторжествовал над немецким орлом. Швабский холм, на котором когда-то стоял гордый замок Гогенштауфенов, в торжественном молчании взирал на мирные поля Вюртемберга, красноречиво проповедующие о том, что «всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве» {1 Пет. 1:24}. Колоссальные притязания папства не были сломлены теми ударами, которые вновь и вновь наносила императорская семья на протяжении века. В течение жизни трех и более поколений Италия подвергалась пагубе меча, грабежей и раздоров между городами. Европа устала от конфликта. Немецкие миннезингеры, летописцы Англии и континента выражали глубочайшее беспокойство. Отчасти из-за беспорядков, граничащих с анархией, монголы угрожали ворваться в Восточную Германию. Это было время, полное событий. Антиохия, один из последних оплотов крестоносцев в Малой Азии, вновь попала в руки мусульман в 1268 г. За семь лет до того Латинская империя в Константинополе наконец вернулась к ее законным хозяевам грекам.

В ходе противостояния титанов, которое последний великий римский историк²⁸⁷ назовет величайшим зрелищем всех веков, империя была унижена до предела, однако ее идеи продолжали жить, и принцип суверенного правления светской власти в ее собственной светской сфере так или иначе пробил себе дорогу среди европейских народов и их потомков. Судьба юного Конрадина не была забыта. Три века спустя она сыграла свою роль в памяти немецкого народа и благодаря изображениям этой казни, распространяемым вместе с произведениями Мартина Лютера, способствовала укреплению протестантской Реформации в ее борьбе с папством, которое отказывалось уступать.

§46. Мир между империей и папством. 1271 — 1294

ПАПЫ — Григорий X (1271 — 1276); Иннокентий V (21 января — 22 июня 1276 г.); Адриан V (12 июля — 16 августа 1276 г.); Иоанн XXI (1276 — 1277); Николай III (1277 — 1280); Мартин IV (1281 — 1285); Гонорий IV (1285 — 1287); Николай IV (1288 — 1292); Целестин V (5 июля — 13 декабря 1294 г.).

ЛИТЕРАТУРА. POTTHAST: *Regest.*, pp. 1651-1922. *Les Registres de Grégoire X et Jean XXI*, 3 vols., Paris, 1892 — 1898, *de Nicolas III*, Paris, 1904, *d'Honorius IV*, Paris, 1886, *de Nicolas IV*, Paris, 1880. Жизнеописания вышеупомянутых пап в MURATORI: *Rer. Ital. scr.*, vol. III. — MANSI: *Councils*, XXIV. — HEFELE, VI. 125 sqq. — TURINAAZ, *La patrie et la famille de Pierre de Tarantaise, pape sous le nom d'Innocent V*, Nancy, 1882. — Н. ОТТО: *Die Beziehungen Rudolfs von Hapsburg zu Papst Gregor X*, Innsbruck, 1895. — А. ДЕМСКИ: *Papst Nicolas III*, Münster, 1903, p. 364. — R. STERNFELD: *Der Kardinal Johann Gaëtan Orsini, Papst Nic. III, 1244 — 1277*, Berlin, 1905, p. 376. Пересмотренный вариант Haller, в «Theol. Literaturzeitung», 1906, pp. 173-178. — Н. ФИНКЕ: *Concilienstudien zur Gesch. des 13ten Jahrhunderts*, Münster, 1891. — О Целестине V, ФИНКЕ: *Aus den Tagen Bonifaz VIII*, Münster, 1902; Н. SCHULZ, *Peter von Murrhone*, 1894; и CELIDONIO, *Vita di S. Pietro del Morrone*, 1896. —

²⁸⁷ Грегоровиус.

Статьи о вышеупомянутых папах в Wetzler-Welte и Herzog (*Gregory X*, MIRBT, *Coelestin V*, *Innocent V*, *Honorius IV*, etc., HANS SCHULZ). — Истории GREGOROVIVS, RANKE, etc.

После смерти Климента IV последовало длинейшее междуцарствие в истории папства, продолжавшееся тридцать три месяца, с 29 ноября 1268 г. по 1 сентября 1271 г. Оно было в значительной степени вызвано конфликтом между французской и итальянской партией в конклаве и длилось несмотря на строгие меры, принятые городскими властями Витербо, где проводились выборы. Кардиналов даже заключали в тюрьму. Новый папа Григорий X, архидиакон Льежа, не был рукоположенным священником. Новость застигла его в Акре, куда он совершал паломничество. Это был человек мирный и склонный к уступкам. Он — один из двух пап XIII века, удостоенных канонизации. Следуя политике разделения империи и королевства Южной Италии и отвергая притязания Альфонсо Кастильского²⁸⁸, он активно способствовал избранию на императорский трон Рудольфа Габсбурга.

Возвышением Рудольфа начинается период мира в отношениях папства и империи. Григорий X одержал блестящую победу. Император был коронован в Аахене 24 октября 1273 г. Таким образом, место Гогенштауфенов занял австрийский дом Габсбургов, который до сих пор остается правящей династией, верной католической иерархии. В наш век его затмили Гогенцоллерны, изначально родом из Вюртемберга, недалеко от замка Гогенштауфенов²⁸⁹.

Рудольф был человеком явно религиозным, неамбициозным по части расширения своих владений. Он стал справедливым и надежным правителем. Он удовлетворил притязания папства, даровав капитулам свободу в избрании епископов, обещав защищать права церкви и отказавшись от всяких притязаний на Сицилию и Папскую область. Григорий также писал в умеренном тоне: «Князьям надлежит защищать свободы и права церкви и не лишать ее мирского имущества. Духовный правитель обязан поддерживать полноту власти королей».

Император оставался в добрых отношениях с преемниками Григория — французом Иннокентием V, генуэзцем Адрианом V, который не дожил до посвящения, и Иоанном XXI, единственным священником из Португалии, носившим тиару. Их правления все вместе продолжались всего восемнадцать месяцев. Иоанн погиб, когда на него обрушился потолок его дворца в Витербо.

Григорий созвал Второй Лионский собор, известный также как Четырнадцатый вселенский, и открыл его проповедью. Собор знаменит попыткой объединить Восточную и Западную церкви и присутствием греческих делегатов, среди которых был Герман, бывший патриарх Константинополя. Его преемника временно ограничили в передвижениях, потому что он выступил против союза церквей. Казалось, близился конец раскола. Делегаты объявили, что греческий император полностью принимает Латинский символ веры, в том числе исхождение Святого Духа от Сына и первенство Римского епископа. Апостольский символ веры спели по-гречески и по-латыни. В Константинополь были отправлены папские делегаты для закрепления союза, но греческий клир отверг это соглашение. Более чем вероятно, что греческий император Михаил Палеолог больше беспоко-

²⁸⁸ Ричард, герцог Корнуолла, умер 2 апреля 1272 г.

²⁸⁹ Древняя резиденция Габсбургов находилась в Ааргау, Швейцария, на расстоянии не более 100 миль (160 км) от Цоллерна. Установлению мира при избрании Рудольфа посвящены знаменитые строки Шиллера: *Dann geendigt nach langem verderblichen Streit, // War die kaiserlose, die schreckliche Zeit.* — «Тогда завершилась долгая, страшная борьба, // То время ужаса, когда не было властителей» (*Der Graf von Hapsburg*).

ился о сохранении власти греков в Константинополе, чем о союзе церквей Востока и Запада, о котором так давно мечтали папы.

Другими важными вопросами, рассматривавшимися на соборе, были правила избрания папы и прием делегации монголов, которые пытались заключить союз против мусульман. Несколько членов делегации приняли крещение. Было подтверждено постановление Четвертого Латеранского собора, запрещающее создавать новые религиозные ордена.

Твердое и властное правление Николая III сдерживало амбиции Карла Анжуйского, который мечтал о греческой короне. Он был вынужден отказаться от сенаторства в Риме, которым обладал в течение десяти лет, и от викариата Тосканы. Болонья впервые признала превосходство папы. Николая называли отцом папского непотизма²⁹⁰, и отчасти по причине его щедрости к своим родственникам Данте помещает его в ад, когда эта история отделилась в прошлое на жизнь всего лишь одного поколения²⁹¹:

*Радея медвежатам, я так жадно
Копил добро, что сам в кошель зажат.*

В 1281 г. тиара опять досталась французу Мартину IV, человеку скромного происхождения. Карл был в Витербо, когда проходили выборы, и принимал в них активное участие²⁹². Мартин оказался безраздельным союзником всех замыслов Анжуйского дома, и Карл вновь был избран римским сенатором. Редко какой папа оказывался настолько полным орудием монарха²⁹³. В Южной Италии французы занимали все высокие посты, но это национальное оскорбление вскоре встретило памятный отпор.

Сицилийцы, ненавидевшие французский режим, восстали в пасхальную неделю 1282 г. и устроили кровавую бойню, известную как «сицилийская вечеря». Все норманны на острове, а также сицилийки, находящиеся замужем за норманнами, оказались жертвами безжалостного мщения. Количество погибших исчислялось от восьми до двадцати тысяч. Трагедия называется так из-за предания, что сицилийцы принялись за дело, когда колокола прозвонили к вечеру²⁹⁴. Правление Карла на острове завершилось. Был коронован Петр Арагонский, женатый на Констанции, дочери Манфреда и внучке Фридриха II. Почти двести лет после этого короны Сицилии и Неаполя существовали раздельно.

Оставаясь верным Карлу, Мартин объявил анафему бунтовщикам, подверг Арагон и Сицилию интердикту и обложил христианский мир десятиной на крестовый поход против Петра Арагонского. Эти меры оказались напрасными, и галеры Карла потерпели поражение у берегов Калабрии. Карл и Мартин умерли в один год (1285), последний — подобно Григорию X, в Перудже.

После междуцарствия в десять месяцев на папский престол взшел Николай IV, первый францисканец, удостоенный этого чина. К его правлению относится эвакуация Птолемаиды, или Акры, последнего владения крестоносцев в Сирии. Николай умер, строя тщетные планы по возвращению Святой Земли.

²⁹⁰ См. подробную статью *Nepotismus* в Wetzler-Welte, IX. 109 sqq.; и Haller в *Literaturzeitung*, см. выше.

²⁹¹ *Inferno*, XIX. 72 sqq. «Медвежата» — это семейство Орсини, или *медвежий* клан, к которому принадлежал Николай. {Здесь и далее цит. по: Данте Алигьери. *Божественная комедия*. Перевод М. Лозинского. Издательство «Правда», М.: 1982.}

²⁹² См. статью *Martin*, автор Knöpfler, в Wetzler-Welte, VIII. 919 sq.

²⁹³ «Карл водил его за нос» (Muratori, XI. 492). См. также Hergenröther, *Kirchengesch.*, II. 310.

²⁹⁴ См. Ranke, VIII. 531 sqq.

Последовало еще одно междуцарствие, в двадцать семь месяцев, с 4 апреля 1292 г. по 5 июля 1294 г., после чего на папский престол взошел отшельник Петр де Мурроне, Целестин V, избранный под нажимом Карла II Неаполитанского. Его краткое правление — любопытный эпизод в истории папства. Карьера этого человека отличалась крайностями — от одиночества в горной келье до высшей должности в Европе. Он слыл святым и основал орден святого Дамиана, который потом почтил его, взяв себе название целестинцев. Существует предание о том, что он совершил беспрецедентный подвиг, повесив свой плащ на солнечный луч. При восшествии на папский престол Целестину было семьдесят девять лет.

Свидетель происходившего Стефанески описал путешествие трех епископов к уединенному местожительству отшельника, чтобы оповестить его об избрании. Они нашли его в горах, в грубой хижине с единственным, запертым на засов, окном. Волосы у него были всклокочены, лицо бледно, телом он был слаб. Объяснив ему о цели своего приезда, они склонились и поцеловали его сандали. Если бы Петр, подобно древнему Антонию, посещавшему Александрию, был способен выйти из своего монашеского уединения и проповедовать покаяние и смирение, он явил бы ободряющее зрелище для последующих поколений. Но в том виде, в каком сложилась его карьера, она вызывает сожаление: он был слишком слаб и некомпетентен, чтобы удовлетворять требованиям своей высокой должности.

Одетый в свое монашеское одеяние, верхом на осле, уздечку которого держали Карл II и его сын, Петр въехал в Аквилу, где был сделан папой в присутствии только трех кардиналов. Он полностью находился под влиянием короля и жил в Неаполе. Он не был способен бороться с миром, справляться с интригами группировок и сопротивляться алчности всех жаждущих высокого положения, с которыми приходится сталкиваться человеку на столь высоком посту. В своей простой вере Целестин прислушивался то к одному, то к другому советнику, легко предоставляя те милости, о которых его просили. Кардиналов он назначал, уступая Карлу. Из двенадцати назначенных им кардиналов семеро — французы, трое — неаполитанцы. Наблюдая эгоизм и обмирщение папского двора, он, казалось, впал в отчаяние, когда воскликнул: «Боже, управляя душами других людей, я теряю спасение своей собственной!» Он явно не был способен выполнять обязанности, которые предполагает владение тиарой. Неаполитанцы, с помощью многолюдных процессий, старались убедить его не отрекаться, но все напрасно. От своей должности отказались Климент I и Григорий VI, но это произошло по принуждению императора. Петр же выпустил буллу, объявляющую, что папа имеет право отречься. И он отрекся сам, мотивируя решение «смирением, поиском лучшей жизни и спокойной совести, телесной слабостью и недостатком знаний, греховностью людей и желанием вернуться к спокойствию прежнего состояния». Настоящая причина его отречения остается неизвестной. Рассказывают, что подлинным виновником был амбициозный кардинал Гаэтани, вскорости ставший преемником Целестина. Он якобы сыграл на доверчивости отшельника — вставил тростниковую трубочку в стену его комнаты и объявил через нее, что по воле небес его правление должно подойти к концу²⁹⁵. Как говорят итальянцы, если это и неправда, она хорошо придумана (*se non è vero, è ben trovato*).

²⁹⁵ По поводу того, кому принадлежала идея об отречении Целестина, в последние годы велось немало споров — исходила идея от Бенедикта Гаэтани (Бонифация VIII) или так решил сам старый папа. Ганс Шульц, протестант, недавно усомнился в древнем взгляде, обвинявшем Бенедикта, и признал возможным, что Целестин первым предложил отречься, а Бенедикт был призван санкционировать это решение. Но и он говорит, что во всей этой ситуации «внимание

Оставив папский престол, бывший понтифик утратил всякую свободу передвижения. Он попытался бежать через Адриатику, но тщетно. Бонифаций VIII держал его в заключении в замке Фумоне возле Ананьи до его смерти (19 мая 1296 г.). Какой бездонный контраст представляла бесхитростность правления этого отшельника по сравнению с насильственными мерами и амбициозными замыслами Бонифация, первого папы нового периода!

Благочестивые поклонники Целестина в Италии праздновали шестьсот лет со дня его восшествия на престол²⁹⁶. Но относятся к нему по-разному. Петрарка славил его смирение, а Данте сурово клеймил как пример моральной трусости человека, совершившего великое отречение:

*Признав иных, я вслед за тем в одном
Узнал того, кто от великой доли
Отрекся в малодушии своем*²⁹⁷.

В папстве наступала новая эра.

Бенедикта было направлено на папский венец как на его собственную награду». См. Herzog, *Enc.*, IV. 203. Гергенротер-Кирш (*Kirchengesch.*, II. 312) и Финке (*Aus den Tagen Bonifaz VIII*, p. 39 sqq.), оба историки-католики, придерживаются того же взгляда, что и Шольц (*Publizistik zur Zeit Philipp IV und Bonifaz VIII*, p. 3). У историков рассматриваемого периода наблюдаются разногласия, но в целом они против кардинала. Обвинение в том, что он стоял за отречением и был основной его причиной, предъявлялось как один из упреков против него со стороны его врага Филиппа IV Красивого. Одной из мер унижения Бонифация, предложенных королем, была канонизация Целестина, которым злоупотребил Бонифаций. См. документ 1305 г., впервые опубликованный в Finke (p. xcvi). Трактат, выпущенный одним из сторонников Бонифация, призван отразить этот удар, объявляя, что Бонифаций, который был уже мертв к тому времени, имеет больше прав на канонизацию, чем Целестин. Автор пишет: *si canonizatio Celestini petitur, multo magis canonizatio sanctissimi patris domini Bonifacii, postulari debet et approbari*. И, в частности, далее: «О канонизации Целестина просят, потому что он жил с пользой для себя и умер в *sua simplicitate*; Бонифация же следовало бы канонизировать, потому что он принес пользу другим и умер за свободу церкви». См. документ, который впервые опубликован в Finke, p. lxxxv, и который Финке относит к 1308 г. Целестин был канонизирован в 1313 г. Климентом V.

²⁹⁶ Было выпущено мемориальное издание под заглавием *Celestin V ed il vi Centenario della sua incoronazione*, Aquila, 1894.

²⁹⁷ *Inferno*, III, 58 sq.: *Vidi e cenobbi la ombra di colui // Che fece per viltate il gran rifiuto*.

ГЛАВА VII

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

§47. Литература о крестовых походах вообще

Источники: Первый печатный сборник произведений о крестовых походах — JAC. BONGARS: *Gesta Dei* (следовало бы добавить *et diaboli per Francos, sive orientalium expeditionum*, etc., 2 vols. Hanover, 1611. В основном сообщения о первом крестовом походе, и запутанные. — Самый полный сборник, изданный очень дорого и великолепно: *Recueil des Historiens des Croisades publié par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, viz. *Historiens Occidentaux*, 5 vols. Paris, 1841 — 1895; *Hist. Orientaux*, 4 vols. 1872 — 1898; *Hist. Grecs*, 2 vols. 1875 — 1881; *Documents Arméniens*, 1869. Первые серии содержат, в томах I, II, *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum* Вильгельма Тирского и вольное переложение на французский язык под заглавием *L'Estoire de Eracles Empereur et la Conquete de la terre d'Outremer*. Том III содержит *Gesta Francorum; Historia de Hierosolymitano itinere* ПЕТРА ТУДЕБОДА, *Hist. Francorum qui ceperunt Jherusalem* РАЙМУНДА АЖИЛЬСКОГО (или Раймунда из Агилера); *Hist. Jherusolymitana* или *Gesta Francorum Jherusalem perigrinantium* (1095 — 1127) ФУЛЬХЕРА ИЗ ШАРТРА; *Hist. Jherusol.* РОБЕРТА МОНАХА, etc. Том IV содержит *Hist. Jherusalem.* Бальдрика из Доля (Ranke, VIII, 82, весьма уважительно отзываясь о Бальдрике как об авторитете); *Gesta Del per Francos* ГИБЕРТА НОЖАНСКОГО; *Hist. Hier.* АЛЬБЕРТА ИЗ ААХЕНА, etc. Том V содержит *Ekkehardi Hierosolymita* и ряд других документов. В Migne, *Latin Patrology*, есть ряд этих авторов, например, Фульхер и Петр Тудебод, vol. 155; Гиберт, vol. 156; Альберт из Аахена и Бальдрик, vol. 166; Вильгельм Тирский, vol. 201. — Хроники того времени, Ордерика Виталия, Роджера из Ховедена, Роджера из Вендовера, М. Париса и т. д. — Сообщения о паломничествах, например, граф РИАН: *Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des Croisades*, Paris, 1865, 1867; R. RÖHNICHT: *Die Pilgerfahrten nach d. heil. Lande vor den Kreuzzügen*, 1875; *Deutsche Pilgerreisen nach dem heil. Lande*, новое издание: Innsbruck, 1900; H. SCHRADER: *D. Pilgerfahrten nach. d. heil. Lande im Zeitalter vor den Kreuzzügen*, Merzig, 1897. JAFFÉ: *Regesta*. — MANSI: *Concilia*. — Критику авторов того времени см. в SYBEL, *Gesch. des ersten Kreuzzugs*, 2^d ed. 1881, pp. 1-143. — H. PRUTZ (профессор в Нанси, Франция): *Quellenbeiträge zur Gesch. der Kreuzzüge*, Danzig, 1876. — R. RÖHNICHT: *Regesta regni Hierosolymitani* 1097 — 1291, Innsbruck, 1904, анализ 900 документов.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДЫ: *FRIEDRICH WILKEN (библиотекарь и профессор в Берлине, ум. в 1840): *Gesch. der Kreuzzüge*, 7 vols. Leipzig, 1807 — 1832. — J. F. MICHAUD: *Hist. des croisades*, 3 vols. Paris, 1812, 7th ed. 4 vols. 1862. Англ. перев. W. ROWSON, 3 vols., London, 1854, New York, 1880. — *RÖHNICHT (преподаватель одной из гимназий в Берлине, ум. в 1905; он выпустил восемь более крупных трудов о крестовых походах): *Beitäge zur Gesch. der Kreuzzüge*, 2 vols. Berlin, 1874 — 1878; *D. Deutschen im heil. Lande*, Innsbruck, 1894; *Gesch. d. Kreuzzüge*, Innsbruck, 1898. — В. KUGLER (профессор в Тюбингене): *Gesch. der Kreuzzüge*, с иллюстрациями, Berlin, 1880, 2^d ed. 1891. — А. DE LAPORTE: *Les croisades et le pays latin de Jérusalem*, Paris, 1881. — *PRUTZ: *Kulturgesch. der Kreuzzüge*, Berlin, 1883. — ЕД. НЕУСК: *Die Kreuzzüge und das heilige Land*, Leipzig, 1900. — Истории на английском языке: MILLS, London, 1822, 4th ed. 2 vols. 1828; KEIGHTLEY, London, 1847; PROCTOR, London, 1858; EDGAR, London, 1860; W. E. DUTTON, London, 1877; G. W. COX, London, 1878; J. I. MOMBERT, New York, 1891; *ARCHER AND KINGSFORD: *Story of the Crus.*, New York, 1895; J. M. LUDLOW: *Age of the Crusades*, New York, 1896; ст. *Kreuzzüge*, FUNK, в *Wetzer-Welte*, VII, 1142-1177. — PH. SCHAFF в «Ref. Quarterly Rev.», 1893, pp. 438-459. — J. L. HAHN: *Ursachen und Folgen der Kreuzzüge*, Greifswald, 1859. — CHALANDON: *Essai sur le régime*

d'Alexis Comnène, Paris, 1900. — *A. GOTTLÖB: *D. päpstlichen Kreuzzugs-Steuern des 13 Jahrhunderts*, Heiligenstadt, 1892, p. 278; *Kreuzablass und Almosenablass*, Stuttgart, 1906, p. 314. — *Essays on the Crusades*, MUNRO, PRUTZ, DIEHL, Burlington, 1903. — H. C. LEA: *Hist. of Auric. Confession and Indulgences*, vol. III. — См. также *GIBBON, LVIII — LIX; MILMAN; GIESEBRECHT: *Gesch. d. deutschen Kaiserzeit*; RANKE: *Weltgesch.*, VIII, p. 88-111, 150-161, 223-262, 280-307; IX. 93-98; FINLAY: *Hist. of the Byznt. and Gr. Empires*, 1057 — 1453; HOPF: *Gesch. Griechenlands vom Beginn des Mittelalters*, etc., Leipzig, 1868; BESANT AND PALMER: *Hist. of Jerusalem*, London, 1890; GUY LE STRANGE: *Palestine under the Moslems*, London, 1890.

Поэзия крестовых походов представлена в основном Радульфом Кайенским в *Gestes de Tancrede*; Торквато Тассо, этим Гомером крестовых походов, в *La Jerusalemme liberata*; Вальтером Скоттом в *Tales of the Crusades*, *Talisman*, *Quentin Durward*, etc. Список более древней литературы полностью приводится в MICHAUD: *Bibliographie des Croisades*, 2 vols. Paris, 1822, которые образуют тома VI — VII его *Histoire des Croisades*.

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Источники: См. список литературы выше. *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitorum* анонимного автора, который принимал участие в первом крестовом походе, в Bongars и *Recueil des Croisades*. См. выше. Также Hagenmeyer, критическое издание *Anonymi Gesta Francorum*, Heidelberg, 1890. — ROBERTUS, монах из Реймса: *Hist. Hierosolymitana*, в Bongars, *Rec.*, и в Migne, vol. 155. — BALDRICH, архиепископ Доля: *Hist. Hierosol.*, в Bongars и в *Rec.* — RAYMUND DE AGUILERS, капеллан графа Тулузского: *Hist. Francorum*, 1095 — 1099, в Bongars, *Rec.*, и в Migne, vol. 155. См. CLEM. KLEIN: *Raimund von Aguilers*, Berlin, 1892. — FULCHER, капеллан графа Шартра, а потом — Балдуина, второго короля Иерусалима: *Gesta Francorum Jerusalem perigrinantium*, до 1125, в Bongars, *Rec.*, и в Migne, vol. 155. — GUIBERT, аббат Ножана: *Gesta Dei per Francos*, до 1110, в Bongars, *Rec.*, в Migne, vol. 156. — ALBERTUS OF AACHEN (AQUENSIS): *Hist. Hierosol. expeditionis*, до 1121, в Bongars, *Rec.*, в Migne, vol. 166. См. В. KUGLER: *Albert von Aachen*, Stuttgart, 1885. — WILLIAM OF TYRE, архиепископ Тира, ум. после 1184: *Hist. rerum in partibus transmarinis gestarum*, Basel, 1549, под заглавием *Belli sacri historia*, в Bongars, *Rec.*, в Migne, vol. 201. Англ. перев. WM. САХТОН, изд. MARY N. COLVIN, London, 1893. — ANNA COMNENA (1083 — 1148): *Alexias*, биография ее отца, греческого императора Алексея I, в *Rec.*, Migne, *Pat. Graeca*, vol. 131; также 2 vols. Leipzig, 1884, ed. REIFFERSCHNEID; также частично в HAGENMEYER, *Peter der Eremit*, pp. 303-314. — ЕККЕНАРД OF URACH: *Hierosolymita seu libellus de oppressione, liberatione ac restauratione sanctae Hierosol.*, 1095 — 1187, в *Rec.*, и в Migne, vol. 154, и HAGENMEYER: *Ekkehard's Hierosolymita*, Tübingen, 1877, также *Das Verhältniss der Gesta Francorum zu der Hiersol. Ekkehards* в «Forschungen zur deutschen Gesch.», Göttingen, 1876, pp. 21-42. — PETRUS TUDEBODUS, из епархии Пуатье: *Hist. de Hierosolymitano itinere*, 1095 — 1099, в основном скопировано из *Gesta Francorum*, в Migne, vol. 155, и *Recueil*. — RADULPHUS CADOMENSIS (Радульф Кайенский): *Gesta Tancredi*, 1099 — 1103, Migne, vol. 155, и *Recueil*. — RIAN: *Inventaire critique des lettres Hist. des croisades*, I, II, Paris, 1880. — H. HAGENMEYER: *Epistulae et chartae ad historiam primi belli sacri spectantes quae supersunt*, etc., 1088 — 1100, Innsbruck, 1901. См. перевод документов той эпохи в *Trans. and Reprints*, etc., опубликованных историческим факультетом университета Пенсильвании, 1894.

Поэзия о первом крестовом походе: *La Chanson d'Antioche*, ed. PAULIN PARIS, 2 vols. Paris, 1848. Он датирует поэму 1125 — 1138 г., также *Nouvelle Étude sur la Chanson d'Antioche*, Paris, 1878. — *La Conquête de Jérusalem*, ed. C. HIPPEAU, Paris, 1868. — *Roman du Chevalier au Cygne et Godefroi de Bouillon*.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДЫ: *H. VON SYBEL: *Gesch. des ersten Kreuzzugs*, Düsseldorf, 1841, 3^d ed. Leipzig, 1900. Введение содержит ценную критическую оценку рассказов современников. Англ. перев. введения и четырех лекций Зибеля, 1858, под заглавием *The Hist. and Lit. of Crusades*, леди DUFF GORDON, London, 1861. — J. F. A. PEYRE: *Hist. de la première croisade*, Paris, 1859. — *HAGENMEYER: *Peter der Eremit*, Leipzig, 1879; *Chron. de la première croisade*, 1094 — 1100, Paris, 1901. — RÖHRICHT: *Gesch. des ersten Kreuzzuges*, Innsbruck, 1901. — F. CHALANDON: *Essai sur le règne d'Alexis I Comnène*, 1081 — 1118, Paris, 1900. — PAULOT: *Un pape Français, Urbain II*, Paris, 1902. — D. C. MUNRO: *The Speech*

of Urban at Clermont. «Am. Hist. Rev.», 1906, pp. 231-242. — Ст. в Wetzler-Welte, Funk, Petrus von Amiens, vol. IX.

§48. Характер и причины крестовых походов

Крестовые походы представляли собой вооруженные паломничества в Иерусалим под знаменем креста. Это одна из наиболее характерных глав истории средних веков. Походы были обусловлены не только религиозным и военным, но еще и романтическим и сентиментальным интересом, они были грандиозным плодом христианского воображения и представляют исключительный интерес в истории человечества. В них проявилось энергичное христианство новых народов Запада, только что вышедших из состояния варварства и язычества. У них религия была подчинена войне, а война подчинена религии. Это была серия турниров между двумя континентами и между двумя религиями, боровшимися за превосходство, — между Европой и Азией, между христианством и мусульманством. Мир никогда не видел ничего подобного ни до, ни после, и, возможно, никогда больше не увидит²⁹⁸.

Эти экспедиции привлекали внимание Европы больше двух веков начиная с 1095 г. Папа они продолжали волновать вплоть до начала XVI века. Колумб 17 апреля 1492 г. подписал обещание использовать свое плавание за западные моря на дело возвращения Святого Гроба. Перед четвертым и последним путешествием в Америку он писал Александру VI, подтверждая данный ранее обет обеспечить воинов для освобождения этого священного места²⁹⁹. Состоялось семь крупных крестовых походов. Первый начался в 1095 г., последний закончился со смертью Святого Людовика в 1270 г. Между этими датами и после 1270 г. были и другие, меньшие экспедиции, среди которых особое внимание заслуживают трагические детские крестовые походы.

Самые знаменитые личности той эпохи были связаны с этим движением. Императоры и короли возглавляли армии: Конрад III, Фридрих Барбаросса, Фридрих II, Ричард I Английский, Людовик VII, Филипп Август и Людовик IX Французские, Андрей Венгерский. Прекрасные дамы высокого положения сопровождали в этих походах своих мужей или отправлялись одни туда, где велась война, — например, Алиса Антиохийская, королева Элеонора Французская, Ида Австрийская, Беренгария, жена Ричарда, и королева Маргарита, жена Людовика IX. Сыновья королей подвергались такому же риску — Фридрих Швабский, Сигурд, Эдуард (сын Генриха III, который сопровождал Элеонору, его жену). Священники, аббаты и другие высшие церковные чины мужественно сражались в рядах или во главе войск³⁰⁰. Папы оставались дома, но неустанно призывали поддержать святое предприятие. Для многих из лучших пап, таких как Гонорий III и Григорий X, крестовые походы были главной заботой.

²⁹⁸ Гиббон, который относится к крестовым походам презрительно, как к бесполезному проявлению религиозного фанатизма, называет их «вселенским спором» (гл. LIX).

²⁹⁹ John Fiske, *Discovery of America*, I. 318, 419, 505.

³⁰⁰ В *Itinerary of Richard I*, где рассказывается о третьем крестовом походе, уделяется внимание выдающимся боевым качествам прелатов и клириков. Мы узнаем об одном священнике, который неустанно выступал против неприятеля, непрерывно метая в него дротики из пращи (I. 42). Архиепископ Безансона надзирал за строительством громадной машины для сокрушения стен Акры и финансировал ее (I. 60). Двести рыцарей и триста последователей служили архиепископу Балдуину Кентерберийскому, хотя тот был уже стар, и «аббаты с епископами возглавляли свои собственные войска, мужественно сражаясь за веру» (I. 62).

Монахи, такие как Петр Отшельник, святой Бернар и Фулько из Нейи, подогрели пламя энтузиазма с помощью своего красноречия. Но в крестовые походы отправлялись не только лучшие и самые выдающиеся люди Европы, но и низшие слои европейского общества — разбойники, убийцы, клятвопреступники, бродяги и нарушители законов разного рода, как свидетельствует Бернар³⁰¹. Так бывает на всех войнах.

Крестоносцев называли армией «креста», «Христа», «Господа», «веры»³⁰². Крест был эмблемой крестоносцев. От него происходит и их имя. Крестоносцев называли воинами Христа³⁰³, паломниками (*peregrini*) и «запечатленными крестом» (*crucisignati* или *signatores*). «Принять крест» или «принять знак креста»³⁰⁴ означало отправиться в крестовый поход.

У современников не было сомнений, что крестовые походы — святое дело, и рассказ Гиберта о первом крестовом походе называется «Деяния Божьи, совершенные через франков» (*Gesta Dei per Francos*).

Погибшие под восточными небесами или по пути на Восток получали особое отпущение грехов и воспринимались народом как мученики. Еще Иоанн VIII (872 — 882), на которого оказывали давление сарацины, опустошавшие Италию, обещал воинам, храбро сражавшимся с язычниками, вечную жизнь и, насколько это было в его власти, отпущение грехов³⁰⁵. Этот прецедент был закреплен Урбаном II, который обещал первым крестоносцам, шедшим на Иерусалим, что этот поход будет засчитан как замена покаяния³⁰⁶. Евгений (1146) зашел еще дальше, откровенно пообещав вечную жизнь в награду, причем эта награда распространялась и на родственников тех, кто принимал участие в крестовых походах. Иннокентий III включал в действие полного отпущения грехов тех, кто строил корабли и вообще вносил какой-то вклад, обещая им «вечную жизнь в избытке». По словам аббата Гиберта, летописца первого крестового похода, Бог изобрел крестовые походы как новый способ, позволяющий мирянам искупить свои грехи и заслужить спасение³⁰⁷.

Награда не ограничивалась чисто духовными привилегиями. Евгений III, призывая армии ко второму крестовому походу, причислил крестоносцев к категории клириков, пользовавшихся послаблениями при наказании за большинство преступлений³⁰⁸. Короли Франции с 1188 по 1270 г. присоединились к святому престолу, даруя крестоносцам светские преимущества — освобождение от долгов, от налогов и уплаты процентов. Короли Франции часто жаловались, что крестоносцы совершают самые ужасные преступления под прикрытием церков-

³⁰¹ *De militibus templi* (V, Migne, 182, 928).

³⁰² Roger of Wendover, Luard ed., M. Paris, III:35.

³⁰³ *Milites Christi* (Роберт Монах, VII, *Rec.*, III, 867); *Christi Militia* (Гиберт, VII, II, *Rec.*, IV, 229). Армия называлась также *crucifer exercitus* (Эккегард, *Rec.* V, 16).

³⁰⁴ По-французски: *se croiser, prendre la croix, prendre le signe de la croix*. См., например, Villehardouin, 2, 8, 18, Wailly ed., pp. 3, 7, 13. Этот историк четвертого крестового похода также называет крестоносцев *les croisés* (38, Wailly ed., p. 24).

³⁰⁵ *Quoniam illi, qui cum pietate catholicae religionis in belli certamine cadunt, requies eos aeternae vitae suscipiet contra paganos atque infideles strenue dimicantes*, etc. (Gottlob, *Kreuzablass*, 25).

³⁰⁶ *Quicumque pro sola devotione... ad liberandam ecclesiam Dei Jerusalem profectus fuerit, iter illud pro omni paenitentia reputetur* (Gottlob, 72 sqq.; Mirbt. *Quellen*, 114).

³⁰⁷ *Gesta*, I, 1; *Rec.*, IV, 124.

³⁰⁸ Ли (*Hist. of Inquis.*, I, 44) говорит: «Крестоносцы освобождались и от земного, а не только от небесного правосудия, будучи отнесенными к одной категории с клириками и подвластные только духовному суду».

ной защиты. Из-за их жалоб Иннокентий IV (1246) и Александр IV (1260) приказывали епископам не защищать таких преступников. Вильгельм Тирский, рассказывая о первом крестовом походе и, вероятно, дополняя рассказ полученными позже сведениями, говорит: «Многие приняли крест, чтобы избежать кредиторов» (кн. I. 16)³⁰⁹.

Нам трудно объединить идею войны и кровопролития с достижением чисто религиозной цели, но следует помнить, что в средние века такие чувства были неизвестны. Стимулирующим примером оставались войны периода Иисуса Навина и судей. Конечно, Златоуст, Августин и другие отцы церкви V века выступали против насильственного разрушения языческих храмов, происходившего в Египте и Галлии, но даже если христианские армии и испытывали тогда угрызения совести от бессмысленного убийства сарацин, ни о каких сожалениях не могло быть и речи, когда сарадины овладели священной землей Палестины.

Бернар Клервоский говорил, что язычников не стоит убивать, если можно каким-то иным способом помешать им угнетать правоверных, но лучше подвергнуть их смерти, чем позволить жезлу грешников управлять судьбой праведников. Праведники не должны бояться, что согрешат, убивая врагов Христа. Воин Христа может с уверенностью убивать и еще с большей уверенностью умирать. Когда он умирает, это идет ему на пользу, а когда он убивает, это идет на пользу Христу. Смерть язычников радует христианина, потому что так он прославляет Христа. Если же самого христианина убивают, он достигает своей цели³¹⁰. Покорение Палестины и уничтожение сарацин считалось законным действием, оправданным папой по той причине, что в этой стране проповедовали апостолы и она была завоевана Римской империей³¹¹.

В ответ на вопрос, могут ли клирики идти на войну, Фома Аквинат ответил утвердительно, если речь идет не о мирской выгоде, а о защите церкви или бедных и угнетенных³¹².

К этим почтительным свидетельствам о методах крестовых походов следует добавить слова Матфея Париса. Подводя итоги событий полувекового периода, заканчивающегося в 1250 г., он говорит: «Великое множество знатных людей покинуло свои страны, чтобы преданно сражаться за Христа. Все они явно были мучениками, и их имена навеки запечатлены в книге жизни»³¹³. Женщины вынуждали своих мужей взять крест³¹⁴. Женщины же, пытавшиеся удержать своих супругов дома, страдали от этого³¹⁵. Даже те короли, которые не отправля-

³⁰⁹ См. *Origin of the Temporal Privileges of Crusaders*, Edith C. Bramball, «Am. Jour. of Theol.», 1901, pp. 279-292, и Gottlob, *Kreuzablass*, pp. 140 sqq.

³¹⁰ *De militibus templi*, II, III, Migne, 182, 923 sq.

³¹¹ Именно это имеет в виду Фульхер, когда вкладывает в уста Урбана слова: *nunc jure contra barbaros pugnent qui olim fratres dimicabant* (Rec., III. 323). Двести лет спустя Альвар Пелагий привел такой же довод: *quamvis Saraceni Palestinam possident, juste tamen exinde depelluntur*, etc. См. Schwab, *Joh. Gerson*, 26.

³¹² *Summa*, II (2), 188, 3; Migne, III, 1366 sq.: *militare propter aliquid mundanum est omni religioni contrarium, non autem militare propter obsequium Dei*, etc. Он добавляет, что клирик, идущий на войну, должен действовать под началом князей или церкви, а не по своему собственному усмотрению.

³¹³ Luard ed., V. 196.

³¹⁴ Baldric of Dol, *Hist. Jerus.*, I. 8; Rec., IV. 17: *gaudebant uxores abeuntibus maritis dilectissimis*, etc.

³¹⁵ Цезарий Гейстербахский рассказывает о женщине, которая мучалась жестокими болями при родах, но родила с легкостью, как только согласилась отпустить своего мужа в крестовый поход (*Dial.*, X. 22).

лись за море, страстно мечтали об упокоении при гробе Господнем. Эдуард I велел сыну отвезти туда его сердце и выделил 2000 фунтов на экспедицию. Роберт Брюс также хотел, чтобы его сердце нашло свое последнее земное пристанище в Иерусалиме.

Крестовые походы начались и закончились во Франции. Французское влияние было центральной силой — от Урбана II, который родился в Шатильоне близ Реймса, и Петра Амьенского до Святого Людовика³¹⁶. Современные хроники крестовых походов по большей части составлены французами. Гиберт из Ножана и другие летописцы представляют их в основном как дело своих соплеменников. Французское выражение *outré-mer* {заморские края} использовалось для обозначения цели крестовых походов³¹⁷. Движение распространилось по всей Европе от Венгрии до Шотландии. Одна Испания составляет исключение. Она была вовлечена в свой собственный крестовый поход, против мавров; решения о крестовых походах против сарацин в Святой Земле и против мавров в Испании были приняты одним вселенским собором — Первым Латеранским (cap. 13). Мавры в конце концов были изгнаны из Гранады при Фердинанде и Изабелле, и тогда неутомимая Испания тут же начала новый крестовый поход — против иудеев и еретиков дома и против язычников-индейцев Мексики и Перу. В Италии и Риме, от которых следовало ожидать наибольшего рвения в достижении священной цели, энтузиазма наблюдалось мало³¹⁸.

Целью крестовых походов было покорение Святой Земли и победа над исламом. Движущим импульсом была любовь ко Христу, но к ней, однако, примешивались более низменные мотивы — амбиции, жадность, жажда приключений, стремление к земной и небесной награде. Внявшее призыву бледнолицего монаха и воодушевленное гильдебрандовским папой, все рыцарство Европы, облачась в доспехи, устремилось на Восток, чтобы вырвать гробницу Искупителя человечества из рук последователей лжепророка и подвергнуть небесной каре мусульман, которые донимали христианских паломников оскорблениями и варварским отношением. И к христианам действительно нередко приходила чудесная помощь с небес, вводя в замешательство сарацин³¹⁹.

Крестоносцы искали живое среди мертвого. Они принимали видимое за невидимое, путали земной Иерусалим с небесным и возвращались разочарованными³²⁰. В Иерусалиме они, а через них и все последующие поколения узнавали, что Христос не там — что Он воскрес, вознесся на небеса и ныне восседает на престоле небесного царства. Они покорили Иерусалим в 1099 г. и потеряли его в

³¹⁶ На Востоке европейцев стали называть франками, и так продолжается по сей день. Энтузиазм крестовых походов овладел Германией только в XII веке (Hauck, *Kirchengesch. Deutschlands*, IV. 80).

³¹⁷ Это выражение было переводом латинского *ultra mare*, использовалось для обозначения Востока и, насколько мне известно, впервые было употреблено Григорием VII (*Reg.* II. 37; Migne, 148, 390).

³¹⁸ Грегоровиус говорит, что в Риме энтузиазма не наблюдалось: «Сенат и народ, должно быть, презрительно усмехались, когда Урбан в порыве религиозной одержимости призывал их покинуть руины Рима и отправиться на освобождение Иерусалима» (IV. 288). В финансовом плане крестовые походы были невыгодны для Рима — они отвлекали паломников от могил апостолов, привлекая их к гробнице Спасителя.

³¹⁹ Вот одно такое чудо. Во время сражения при Рамле (1177) крест, который нес епископ Вифлеема, чудесно преобразился. Он вырос до небес, а его перекладины простерлись на весь горизонт. Увидев это, язычники в смятении бежали (Hoveden, II. 133 sq.).

³²⁰ Гегель в *Philosophie der Gesch.* (3rd ed., 1848, p. 476) самым впечатляющим образом излагает эту идею.

1187 г. В 1229 г. они вновь покорили, а в 1244 г. вновь утратили город, в котором был распят Христос. Последователей ложных религий нельзя обратить насильственно. Их следует обращать в ходе медленно, но верно совершающегося морального убеждения. Ненависть порождает ненависть, и тот, кто берется за меч, сам погибает от меча. Святой Бернар после неудачи второго крестового похода узнал, что лучше бороться с греховными похотями сердца, чем покорять Иерусалим.

Непосредственной причиной крестовых походов было плохое обращение с паломниками, посещавшими Иерусалим, и призыв греческого императора, на которого оказывали давление турки. Не следует забывать и о желании отомстить мусульманам за их вторжения в Италию и Галлию³²¹. В 841 г. они разграбили собор Св. Петра, в 846 г. угрожали Риму во второй раз, при Иоанне VIII — в третий раз. Норманны отобрали часть Сицилии у сарацин в битве при Чераме (1063), затем взяли Палермо (1072), Сиракузы (1085), а десять лет спустя и остальную территорию Сицилии. Христианский мир охватило пылкое желание

*Изгнать неверных из полей священных,
Которых стопы Господа касались
Четырнадцать веков тому назад,
Нас ради пригвожденные к кресту*³²².

Иерусалим был местом паломничества с самого начала христианской эры. Мать Константина Елена, согласно преданию, нашла там крест и, что достоверно известно, построила церковь на предполагаемом месте гробницы Господа. Иероним провел последний период своей жизни в Вифлееме, занимаясь переводом Писания и готовясь к вечности. Соблазнительное воздействие этих примеров вполне соответствовало положению и славе благочестивой императрицы и христианского ученого, и такие отцы церкви, как Григорий Нисский³²³, Августин и даже сам Иероним, не добились особых результатов своими напоминаниями о том, что Бог близок к верующим, где бы они ни находились, а те, чьи сердца не исполнены Его Духом, не найдут Его даже в Иерусалиме.

Движение неуклонно ширилось. Святая Земля превратилась для народного воображения в землю чудес, изобилующую божественным присутствием Христа. Человек, посетивший ее, видевший Иерусалим, омывшийся в Иордане, был навсегда запечатлен ореолом святости. Рассказы вернувшихся паломников вызывали бездну любопытства. Их слушали в монастырях и на улицах с открытым ртом. Преодоление опасностей, связанных с таким путешествием, выступало для благочестивых умов средством искупления грехов³²⁴. Были приняты специальные законы о паломниках. Для удобства вдоль их основного пути и в Иерусалиме были построены больницы и другие благотворительные учреждения.

³²¹ Röhricht (*Gesch. d. ersten Kreuzzuges*, p. 6) говорит, что именно эта борьба «породила энтузиазм крестоносцев».

³²² Уильям Шекспир. *Генрих IV* (часть первая). Перев. Е. Бируковой (М.: Искусство, 1959. Т. 4).

³²³ См. прекрасное свидетельство Григория, который отговаривал каппадокийского аббата от путешествия его монахов в Иерусалим (Шафф, *История церкви*, т. III, §165).

³²⁴ Фульхерий Черный, граф Анжуйский (987 — 1040), совершил три путешествия в Иерусалим, чтобы искупить грех святотатства и другие преступления. Он сжег свою молодую жену на костре, надев на нее самое нарядное платье, и заставлял сына ползать у своих ног в ослиной упряжи. В Иерусалиме он демонстрировал свою веру, расхаживая с петлей на шее. Своими собственными зубами он отгрыз кусочек камня на гробнице Господа и привез обратно в Европу самые святые и бесценные предметы, такие как пальцы апостолов и светильник, в котором горел священный огонь. Одольрик, епископ Орлеанский, дал ему фунт золота за светильник и повесил его в церкви в Орлеане, где этот предмет исцелил своей святостью множество больных.

В качестве косвенного повода к началу крестовых походов можно упомянуть, например, потребность в реликвиях, основным источником которых были Палестина и Константинополь, а также возможность выгодной торговли шелком, бумагой, специями и другими восточными товарами.

Мусульмане после захвата Иерусалима Омаром в 637 г. не сильно мешали паломничеству, однако три века спустя Сирия и Палестина попали в руки султанов Египта. При Хакиме (1010) начались жестокие гонения против христиан, живших в Палестине, и паломников. Впрочем, гонения не были длительными, и после них поток паломников увеличился. Паломники предпочитали отправляться в путь из Рима морем, что было опасно, так как море кишело сарацинскими пиратами. После обращения венгров в X веке открылся путь вдоль Дуная. Бароны, князья, епископы, монахи следовали один за другим, иногда возглавляя большие группы благочестивых путешественников. В 1035 г. Роберт Нормандский отправился в паломничество во главе большого количества знати. Он обнаружил у ворот Иерусалима много людей, которые не могли уплатить золотой безант за вход, и уплатил за них. Лиутберт, епископ Кембри, возглавил в 1054 г., как говорят, три тысячи паломников. В 1064 г. Зигфрид, архиепископ Майнца, отправился в Святую Землю в сопровождении епископов Утрехта, Бамберга и Регенсбурга, а также двенадцати тысяч паломников³²⁵. В 1092 г. датский король Эрих совершил это длинное путешествие. Неожиданно паломникам стали мешать турки-сельджуки, покорившие Святую Землю в 1076 г. Их грубое и дикое племя с неприкрытым фанатизмом новообращенных наносило христианам разнообразные оскорбления и причиняло вред. Многих заточали в тюрьму или продавали в рабство. А те, кто смог возвратиться в Европу, делились скорбными новостями, пробуждавшими религиозные чувства во всех слоях общества.

Призыв, исходивший от греческих императоров, также оказал влияние, хотя и меньшее³²⁶. Восточная империя уже давно теряла свои азиатские владения. Роман Диоген потерпел поражение в битве с турками и был взят в плен в 1071 г. В правление его преемника эмир утвердился в Никее — месте проведения собора, впервые созванного Константином, и утвердил свою власть вплоть до берегов Мраморного моря. Алексей I Комнен, который вззошел на трон в 1081 г., был неспособен сопротивляться распространению ислама и лишился Антиохии и Эдессы в 1086 г. Теснимый азиатскими врагами, он видел, что само существование его трона под угрозой, поэтому обратился за помощью к Западу. Он действительно говорил об опустошении Иерусалима, но в силу того, что он был императором, можно предположить, что его гораздо больше беспокоила защита собственной империи, чем честь религии.

Этот двойной призыв нашел отклик не только в религиозном духе Европы, но и в воинственных инстинктах рыцарства. А когда свой голос возвысил Урбан II, главная фигура христианского мира, то его слова подействовали на всех, как искра на сухие листья³²⁷.

³²⁵ Hauck, IV. 79.

³²⁶ Ekkehard (5, *Rec.*, V. 14), возможно, преувеличивает, когда говорит об очень частых посланиях и посольствах от греческих императоров на Запад (*per legationes frequentissimas et epistolas etiam a nobis visas... lugubriter inclamanter*, etc.). Послание Алексея к Роберту Фландрскому (1088) вызвало много споров. Гагенмейер, после самого внимательного изучения, объявляет его подлинным (*Epistulae*, etc., 10-44).

³²⁷ Diehl (*Essays on the Crusades*, 92), похоже, отрицает, что византийский император Алексей когда-либо обращался к Западу за помощью, и говорит об этом факте как о более поздней выдумке. Это, конечно же, легковесное мнение, грубо отрицающее все свидетельства современников.

Крестоносцы наметили три маршрута для достижения Святой Земли. Первый — по суше, через Дунай, Константинополь и Малую Азию. Вторым, которым следовали Филипп и Ричард во время третьего похода, — по Средиземному морю до Акры. Участники двух последних крестовых походов, при Людовике IX, следовали через Средиземное море до Египта, который был превращен в базу для военных действий, нацеливавшихся на Иерусалим.

§49. Призыв к крестовым походам

Призыв, который привел к первому походу с целью возвращения Иерусалима, был сделан папой Урбаном II на соборе в Клермоне в 1095 г. В народе основным вдохновителем этого похода был Петр Отшельник.

Идея такого движения возникла лишь в конце XI века. Григорий VII, к которому обращался за помощью Михаил VII Константинопольский, в двух энцикликах 1074 г.³²⁸ обратился с этим вопросом ко всем христианам и призвал их отправиться на выручку византийской столице. Он напоминал им, что язычники почти добрались до стен города и перебили многие тысячи их братьев, словно скот³²⁹. Он также неоднократно привлекал внимание к этой цели в посланиях к графам Бургундии и Пуатье и к Генриху IV. Он надеялся подчинить восточные церкви власти апостольского престола. В 1074 г. он мог объявить Генриху IV, что пятьдесят тысяч христианских воинов уже готовы взять в руки оружие и отправиться за ним на Восток, но ссора с императором помешала Григорию выполнить этот замысел.

Существуют свидетельства, что более чем за полвека до того Сергей IV (ум. в 1012) выдвинул идею вооруженной экспедиции против мусульман, которые «осквернили Иерусалим и разрушили церковь Гроба Господня». Еще раньше Сильвестр II (ум. в 1003), возможно, призывал к выполнению подобной задачи³³⁰.

Петр Отшельник, ничем другим не знаменитый монах из Амьена, вернулся из паломничества в Иерусалим и распространил известия о тамошних бедствиях и ужасах³³¹. В Иерусалиме он виделся с архиепископом Симеоном, просившим его донести до Европы призыв о помощи против недостойного обращения, которому подвергались христиане. Петр заснул в церкви Гроба Господня после молитвы и поста, и во сне ему явился Христос, Который повелел отправиться в путь и не колеблясь распространять призыв очистить святое место³³². Тогда он поспе-

³²⁸ *Reg.*, I. 49; II. 37; Migne, 148, 329, 390.

³²⁹ *Multa millia Christianorum quasi pecudes occidisse (Reg., I. 49).*

³³⁰ См. Jules Lair, *Études crit. sur divers textes des Xe et XIe siècles. Bulle du pape Sergius IV, etc.*, Paris, 1899. Лэр, выступая против Риана, Пфлугк-Гарттунга и др., приводит причины, по которым нам следует признать подлинным послание Сергия, найденное в 1857 г. О послании Сильвестра см. Navet, *Lettres de Gerbert*, Paris, 1889. Röhrich (*Gesch. d. ersten Kreuzzuges*, 8) объявляет послание Сильвестра подделкой, относящейся к 1095 г. Лэр же пытается доказать, что оно было написано Сергием IV.

³³¹ Дата паломничества не приводится, но оно должно было состояться между 1092 и 1094 г. Петр назван Отшельником во всех повествованиях начиная с самого древнего, *Gesta Francorum*. У нас нет причин сомневаться в том, что он был из Амьена, — это прямо указывает Альберт из Аахена. Вильгельм Тирский говорит, что он был из «епископата Амьена». Гагенмейер (р. 39) принимает за истину последнее.

³³² Вильгельм Тирский (bk. I. 12, *Rec.*, I. 35) уделяет лишь несколько строк видениям и словам, произнесенным Господом. Его рассказ о встрече Петра с Урбаном так же прост и почти так же краток. Он пишет, что Петр нашел «господина папу Урбана недалеко от Рима, передал ему послания от патриарха и христиан Иерусалима и живописал те несчастья и скверну, которые нечистая раса навлекла на святые места. Так смиренно и преданно он исполнил доверенное ему поручение».

шил на Запад, везя с собой послание от Симеона, и добился аудиенции Урбана в Риме. Эту историю рассказывает Вильгельм Тирский, а до него — Альберт из Аахена. Предполагаемые сны и видения обладали мощным влиянием в период первого крестового похода, и вполне возможно, что многие паломники, глядя на опустошение Иерусалима, ощущали внутри себя то же побуждение, которое Петр, в воображении или в реальном сне, воспринял как исходящее от Господа.

Урбан выслушал рассказ Петра, одного из многих других возвращавшихся паломников. Он уже лично встречал жителей Иерусалима и изгнанников из Антиохии, которые оплакивали несчастья тамошних мест и просили вспоможения³³³. Петр же, путешествуя по Италии и через Альпы³³⁴, свидетельствовал повсеместно. Настало время для действий.

Весной 1095 г. на соборе в Пьяченце, где присутствовали послы от императора Алексея Комнена, снова раздался призыв помочь Востоку в борьбе с наступающими турками³³⁵. А в ноябре состоялся знаменитый собор в Клермоне, Южная Франция, на котором было принято решение о первом крестовом походе³³⁶.

В соборе участвовало большое количество церковных деятелей и мирян, в основном из Франции. Урбан II присутствовал лично. В день открытия на соборе было четырнадцать архиепископов, двести пятьдесят епископов и четыреста аббатов. Десятки тысяч людей собрались снаружи. На девятый день папа обратился к толпе с возвышения, поставленного на открытом воздухе. Для Урбана это был удачный момент, который сравнивали с Рождеством 800 г., когда был коронован Карл Великий³³⁷. Его обращение стало самой результативной проповедью, которую когда-либо произносил папа или любой другой смертный. Оно пробудило в слушателях глубочайшие чувства, его повторяли по всей Европе³³⁸.

В Клермоне Урбан находился на своей родной земле и, вероятно, говорил на провансальском языке, хотя у нас есть только латинские сообщения. Если мы вспомним об общем характере той эпохи и слушавшей его толпы с ее смешанными чувствами любви к приключениям и легковерия, нам уже не нужно будет удивляться реакции на страстные призывы главы христианского мира. Урбан напомнил своим слушателям, что они, как Божьи избранники, должны оказать своим братьям на Востоке помощь, о которой те так часто просят. Турки, этот «персидский народ, проклятая раса»³³⁹, разорили царство Божье огнем, грабе-

³³³ На соборе в Клермоне Урбан упоминает «очень много сообщений» об опустошении Иерусалима (Fulcher, *Rec.*, III. 324). Роберт Монах говорит: *relatio gravis saepissime jam ad aures nostras pervenit* (I. 1, *Rec.*, III. 727). Согласно Бальдрику, он заявил, что многие из его слушателей могли бы засвидетельствовать плачевное состояние Иерусалима на основании собственного опыта (*Rec.*, IV. 14). См. Hagenmeyer, 74-77.

³³⁴ Так пишет Вильгельм Тирский (bk. I. 13). Более поздние авторы по-разному сообщают о путешествиях Петра.

³³⁵ Вильгельм Тирский не упоминает об этом посольстве — возможно, из-за его невысокого мнения об Алексее, которого он считал коварным интриганом (II. 5).

³³⁶ Нигде не говорится, что собор принял официальное решение о крестовом походе. Постановлений не сохранилось. У нас есть лишь несколько разбросанных заявлений летописцев и несколько других неофициальных документов.

³³⁷ Ranke, *Weltgeschichte*. Согласно Вильгельму Тирскому, Петр Отшельник присутствовал в Клермоне. Авторы-современники о его присутствии не упоминают.

³³⁸ Грегоровиус (IV. 287) справедливо говорит, что «для всемирной истории важность речи Урбана превышает важность речей Демосфена и Цицерона».

³³⁹ Роберт Монах, I. 1, *Rec.*, III. 727. О речи Урбана рассказывают авторы того времени — Бальдрик, Гиберт, Фульхер и Роберт Монах. Все они присутствовали в Клермоне. Вильгельм Тир-

жом и мечом. Они продвинулись до Руки святого Георгия (Геллеспонта). Иерусалим опустошен. Под их игом находится Антиохия, некогда город апостола Петра. И если рыцарям не безразличны свои собственные души, они должны выступить на борьбу с варварами, которые воюют против их братьев и ближних³⁴⁰. Будь Христос на земле, Он Сам повел бы воинов через море и горы. Их ждет Иерусалим, «пуп земли», самая плодородная страна и рай наслаждений³⁴¹. «Путь короткий, а труд будет вознагражден нетленным венцом»³⁴².

Будучи французом, Урбан и к слушателям обращался как к французам, которых выделяет из всех народов замечательная военная слава, отвага и доблесть. Он напомнил о деяниях Карла Великого и его сына Людовика, которые уничтожали королевства язычников и расширяли территории церкви.

На волнуемый призыв папы толпа, как один человек, отвечала: «На то воля Божья, на то воля Божья»³⁴³. «Такова, — добавил папа, — Божья воля. Да будет таким же и ваш боевой клич, когда вы обнажите мечи. Вы — воины креста. Носите на груди или на плечах кроваво-красное изображение креста. Носите его в знак того, что помощь Бога никогда не оставит вас, и в знак обета, от которого вы никогда не откажетесь»³⁴⁴.

Тысячи людей тут же приняли обет и пришили знак креста к своей одежде или выжгли его на своем теле. Адемар, епископ Пюи, склонился к ногам Урбана, прося разрешения отправиться в поход, и был назначен папским легатом. На следующий день прибыл посланник, объявивший, что обет принял Раймунд Тулузский. Экспедиция должна была начаться весной 1096 г. Урбан скромно отверг предложение лично возглавить армию³⁴⁵.

Примеру, поданному в Клермоне, последовали тысячи людей по всей Европе. Пылкие проповедники разносили весть Урбана. Первый из них, Петр Отшельник, пересек Южную Францию до границ Испании и Лотарингии и совершил путешествие вдоль Рейна. Судя по результатам, он был одним из самых успешных проповедников. Его внешность подходила для того, чтобы поражать

ский сильно переделал речь, и Рорихт называет его изложение событий изобретением, которое является шедевром в своем роде — *eine Erdichtung die ein Meisterstück seiner Art, etc.* (*Gesch. des ersten Kreuzzuges*, p. 20). Рорихт (pp. 235-239) и Мунро («Am. Hist. Rev.», 1906, pp. 231-243) делают интересную попытку восстановить обращение Урбана исходя из предположения, что различающиеся рассказы следует воспринимать не как противоречивые, но как дополняющие друг друга. Рорихт (p. 20) высказывает мнение, что ни один из пересказов речи нельзя считать «точным», но дух и основное содержание, несомненно, сохранены. Урбан делал упор на призыв о помощи, доносившийся с Востока, на опустошение Иерусалима и на страдания восточных христиан. См. Munro.

³⁴⁰ Фульхер, *Rec.*, III. 324. Я в основном следую рассказам Фульхера и Роберта. Роберт представляет призывы о помощи как исходящие из Иерусалима и Константинополя.

³⁴¹ Роберт Монах, I. 2, *Rec.*, III. 729. Выражение «пуп земли», *umbilicus terrarum*, которое используется здесь у Роберта, было распространенным обозначением Иерусалима.

³⁴² *Via brevis est, labor permodicus est qui tamen immarcescibilem vobis rependet coronam* (Бальдрик, *Rec.*, IV. 15). Григорий VII (*Reg.*, II. 37, Migne, 148, 390) цитировал 2 Кор. 4:17 и давал точно такое же обещание, что краткосрочные труды крестоносцев увенчаются вечной наградой.

³⁴³ *Deus vult, Deos lo volt, Diex el volt*. Это разные формулировки отклика. Древнейший источник, в котором отклик приводится на латинском языке, — Роберт Монах, I. 2, *Rec.*, III. 729. Он пишет: «...Una vociferatio «Deus vult, Deus vult»».

³⁴⁴ Во время первого крестового похода кресты были красными. Позже стали использоваться зеленый и белый цвета. Кресты раздавал сам Урбан. Гиберт (II. 5, *Rec.*, IV. 140) и Фульхер (I. 4) сообщают, что Урбан велел крестоносцам носить знак креста как нагрудную эмблему.

³⁴⁵ Послания Урбана, следовавшие за его речью в Клермоне, приведены в Hagenmeyer, *Epistulae*, p. 136 sqq.

народное воображение. Он, с изможденным и осунувшимся лицом, ехал на осле, босиком, с надвинутым на голову капюшоном³⁴⁶, в длинной мантии, достигавшей лодыжек, и с большим крестом в руках. Роста он был невысокого³⁴⁷. Его острый ум³⁴⁸, его пылкое и охотно проявляемое, хотя и грубое и неотшлифованное красноречие³⁴⁹ производили сильное впечатление на толпы, которые собирались его послушать³⁵⁰. Его весть казалась им исходящей от самого Бога³⁵¹. Люди вырывали волосы из хвоста его осла, чтобы сохранить их как реликвию. Проповеди Петра оказывали более сильное влияние, чем просто временное удивление. Результатом были примирения между мужьями и женами, а также между людьми, чьи отношения не были скреплены священными узами брака, — в их семьях вместо кровной вражды и ссор устанавливались мир и согласие. Проповеднику делали щедрые дары. Ни одного из других проповедников крестового похода — Фолькмара, Готшалка и Эмиха³⁵² — нельзя и сравнивать с Петром Отшельником в плане красноречия и того очарования, с которым он воздействовал на массы. Его уважали больше, чем прелатов и аббатов³⁵³. Гиберт из Ножана говорит, что не может вспомнить никого, к кому проявляли бы такое уважение³⁵⁴.

И через несколько месяцев уже толпы людей были готовы выступить против врагов креста.

Началась новая эпоха в европейской истории³⁵⁵. Новая страсть овладела народами. Новая арена завоеваний открылась для воинственных господ-феодалов. Новое поле испытаний, приключений и свободы — для рыцарей и должников. Новая возможность освобождения — для оброчных и крепостных. Все классы общества, и миряне, и клирики, видели в походе к колыбели своей веры избавление от греха, утоление христианских фантазий, угодованную небесами миссию. Борьба государств с папством подходила в этот момент к концу. Вся Европа неожиданно объединилась ради общего святого дела, общепризнанным вождем в котором, без сомнения, стал верховный понтифик.

³⁴⁶ *Petrum more heremi vilissima cappa tegebat* (Радульф Кайенский). Приведенное выше описание взято исключительно из рассказов современников.

³⁴⁷ *Statura brevis* Радульфа превращается у Вильгельма Тирского в *pusillus, persona contemptibilis*.

³⁴⁸ Так я перевел *spiritus acer* Радульфа.

³⁴⁹ Альберт из Аахена: *neminem invenerunt qui tam ferocissimo et superbo loqui auderet quousque Petrus*.

³⁵⁰ Гиберт говорит о слушавших его как о *tanta populorum multitudo*. Гагенмейер (р. 114), полагаясь на Гиберта, упоминает о громадных толпах, *ungeheure Zahl*.

³⁵¹ Гиберт: *quidquid agebat namque seu loquebatur quasi quiddam subdivinum videbatur*.

³⁵² См. Ekkehard (XII, *Rec.*, V. 20 sq.), который несколько презрительно отзывается обо всех этих проповедниках, а также о последующей карьере Петра (*quem postea multi hypocritam esse dicebant*).

³⁵³ *Super ipsos praesules et abbates apice religionis efferebatur* (Роберт Монах, I. 5, *Rec.*, III. 731).

³⁵⁴ Гиберт: *neminem meminerim similem honore haberi*. Бальдрик говорит о нем как о *Petrus quidam magnus heremita*, то есть, говоря нашими словами, как о «великом отшельнике Петре».

³⁵⁵ Гергель (*Philosophie der Gesch.*, р. 444) называет крестовые походы «кульминационным моментом средних веков». Современники, такие как Гиберт из Ножана (123), не могли отыскать в истории другого движения, равного по славе крестовым походам. Ордерик Виталий (III. 458) прославлял союз говорящих на разных языках людей, объединившихся ради столь величественного замысла.

§50. Первый крестовый поход и завоевание Иерусалима

День, назначенный Клермонским собором для отправки крестоносцев, — 15 августа 1096 г., праздник успения, — был поистине долгожданным. Однако народ был слишком возбужден, чтобы спокойно ждать. Уже в марте толпы людей обоих полов и всех возрастов начали собираться в Лотарингии и Трире и требовали у Петра Отшельника и других вождей немедленно повести их в Иерусалим³⁵⁶. Это была разнородная толпа преданных энтузиастов и праздных искателей приключений без какой бы то ни было подготовки. Священник покидал свою келью, крестьянин оставлял свой плуг, сажал жену и детей в телегу, запряженную волами, и отправлялся в путешествие, сражаться с турками. Увидев поселение на пути, дети кричали: «Это Иерусалим? Это Иерусалим?» Уильям из Малмсбери писал: «Валлиец оставлял свою охоту, шотландец — своих вшей, датчанин — свои пирушки, норвежец — свою сырую рыбу. Крестьяне покидали поля, с насиженных мест снимались целые города... Перед их глазами оставался только Бог» (IV. 2).

Неуклюже передвигавшиеся отряды, а по существу, толпы людей, удерживались вместе командованием полных энтузиазма, но некомпетентных вождей. Первая толпа, от двенадцати до двадцати тысяч человек под руководством Вальтера Безденежного³⁵⁷, успешно прошла через Венгрию, но была разгромлена при штурме Белграда и рассеялась в болгарских лесах. Константинополя достигли только ее лидер и немногочисленные остатки.

Второй отряд, более сорока тысяч человек, выступил под началом самого Петра Отшельника. Там было немало рыцарей, а из числа церковных деятелей присутствовали архиепископ Зальцбурга и епископы Кура и Страсбурга. По пути через Венгрию их защищал венгерский король, но когда они достигли болгарской границы, их взору предстали непрерывные следы крови и огня, грабежа и убийств там, где прошли их предшественники. И в июле 1096 г. Константинополя достигли лишь семь тысяч человек, причем в самом жалком состоянии. Здесь их хорошо принял император Алексей, который перевез их через Босфор в Азию, где они должны были ждать прибытия регулярной армии. Но они предпочли промышлять мародерством и грабежами по богатым провинциям. Наконец среди них распространился ложный слух о том, что авангард западной армии захватил Никею, столицу турок в Малой Азии. Тогда основная часть войск двинулась на равнину Никеи, где значительное их количество было окружено и перебито турецкой кавалерией. Их кости были сложены в отвратительную пирамиду, ставшую самым первым памятником крестовым походам. Вальтер пал в бою. Петр Отшельник бежал обратно в Константинополь еще до начала сражения, неспособный контролировать своих последователей. Поражение при Никее, без сомнения, сильно подпортило репутацию Петра³⁵⁸.

Третья толпа, пятнадцать тысяч человек, в основном немцев под руководством монаха Готшалка, была перебита венграми.

³⁵⁶ Об этих ранних походах мы узнаем в основном от Альберта из Аахена. Гиберт не проводит таких разграничений и лишь вскользь упоминает об экспедициях, предшествовавших прибытию Петра в Константинополь.

³⁵⁷ Sine Pecunia, Sansavoir, Habenichts. Эти первоначальные экспедиции Рорихт и другие историки называют *Die Züge der Bauern*, крестьянскими кампаниями.

³⁵⁸ См. Hagenmeyer, 204 sq. Петр оправдывался перед императором в поражении, говоря о своей неспособности управлять последователями, которые, как он сказал, были недостойны того, чтобы увидеть Иерусалим. Анна Комнен называет Петра «напыщенным латинянином».

Еще один отряд, под командованием графа Эмиха из Лейнингена, начал свои боевые действия в мае 1096 г. с убийств и грабежей среди евреев в Майнце и других городах вдоль Рейна. Альберт из Аахена³⁵⁹, который описывает эти сцены, не симпатизирует такому беззаконию, но усматривает Божий суд в почти полном уничтожении их отряда в Венгрии. Этот отряд был, вероятно, частью толпы, численность которой измерялась невероятной цифрой в двести тысяч человек³⁶⁰ и которая шла под знаменами с изображением гуся и козла, считавшихся носителями божественного Духа³⁶¹. Три тысячи всадников, возглавляемых некоторым количеством знати, были с ними и получили свою долю добычи, захваченной у иудеев³⁶². Когда они прибыли к венгерской границе, им пришлось столкнуться с регулярной армией. Их охватила паника, последовала ужасная бойня.

Эти первые экспедиции первого крестового похода унесли, предположительно, триста тысяч жизней.

Регулярная армия состояла, по самым скромным подсчетам, из более чем трехсот тысяч человек. Она двигалась из Европы частями, которые встречались в Константинополе. Готфрид, вышедший из Южной Лотарингии, вел с собой тридцать тысяч пехотинцев и десять тысяч конных. Он двигался вдоль Дуная по дороге на Софию и Филиппополь. Гуго из Вермандуа зашел в Рим, где получил золотое знамя, а потом совершил путешествие по морю из Бари в Дураццо и соединился с Готфридом в ноябре 1096 г. у стен Константинополя. Боэмунд с великолепной армией в сто тысяч всадников и тридцать тысяч пехотинцев³⁶³ также проследовал из Бари через Адриатику. Раймунд Тулузский вместе со своей графиней Эльвирой и папским легатом епископом Адемаром³⁶⁴ пересек по пути на восток Северную Италию. Последнюю из основных армий возглавляли Роберт, герцог Нормандский, и Этьен Блуаский. Они пересекли Альпы, получили папское благословение в Лукке и, пройдя через Рим, переправили своих воинов через Адриатику из Бари и Бриндизи.

Готфрида Бульонского³⁶⁵ сопровождали его братья Балдуин и Евстахий (Евстафий). Гуго, граф Вермандуа, был братом Филиппа I Французского. Роберт Нормандский был старшим сыном Вильгельма Завоевателя и подготовился к экспедиции, уступив Нормандию своему брату Вильгельму Рыжему за десять тысяч марок серебром. Раймунд, граф Тулузский, был опытным воином, имев-

³⁵⁹ Г. 26.

³⁶⁰ Анна Комнен говорит, что крестоносцы стекались со всех сторон, как реки. Она приводит численность армии Петра — восемьдесят тысяч пеших и сто тысяч конных. Фульхер говорит о приходящих с Запада как о «громдном скоплении. Морские острова и вся земля, по Божьему повелению, внесли вклад в создание этого войска. Печалились те, кто остался дома; радовались те, кто отправился в путь».

³⁶¹ По свидетельству Альберта из Аахена и Гиберта. См. Röhricht, *Erster Kreuzzug*, 240 sq., и указанные там ссылки.

³⁶² Mannheimer, *Die Judenverfolgungen in Speier, Worms und Mainz im Jahre 1096, während des ersten Kreuzzuges*, Darmstadt, 1877. Гагенмейер (р. 139) освобождает Петра Амьенского от постыдной славы зачинщика бойни на расовой почве и правомерно объявляет таковыми графа Эмиха и его толпу. См. также Röhricht, *Gesch. d. ersten Kreuzzuges*, 41-46.

³⁶³ Альберт из Аахена, II. 18.

³⁶⁴ Гиббон называет его «почтенным прелатом, в равной мере одаренным и для этого мира, и для грядущего».

³⁶⁵ Этот Бульон не следует путать с Булонь-сюр-мер на проливе Кале. Это город в бельгийском Люксембурге, бывшая столица Бульонского феода, который Готфрид заложил епископу Льежа в 1095 г. С 1831 г. он принадлежит Бельгии.

шим под началом сотню тысяч всадников и пехотинцев. Он славился своим богатством, мудростью, гордостью и жадностью. Боэмунд, князь Тарентума, был сыном Роберта Гвискара. Его кузен Танкред был образцовым рыцарем. Роберта, графа Фландрского, прозвали «мечом и копьем христиан». Этьен, граф Шартра, Труа и Блуа, владел тремястами шестьюдесятью пятью замками. Эти и другие знатные люди составляли цвет французской, норманнской и итальянской знати.

Моральный герой первого крестового похода — Готфрид Бульонский, потомок Карла Великого по женской линии, ничем определенно не командовавший. Он участвовал в войне императора Генриха IV против мятежного короля Рудольфа Швабского, которого он убил в битве при Мользене в 1080 г. Он отличался выдающейся физической силой. Одним ударом меча он мог рассечь всадника надвое от головы до седла. Он был не только храбр, но и благочестив и принял крест с единственной целью вызвать Иерусалим из рук неверных. Он использовал свою доблесть и усмирлял свою фамильную гордость ради достижения этой цели. Историки того времени называют его святым монахом в воинской броне и герцогских украшениях. Его соперники признавали его честность и бескорыстность.

Танкред, его близкий друг, также вступил в предприятие из искренних побуждений. Он — поэтический герой первого крестового похода, почти приближавшийся к стандарту «любившего честь, галантность и свободу рыцаря» у Чосера³⁶⁶. Он отличился при Никее, Дорилее, Антиохии и одним из первых взобрался на стены Иерусалима. Он умер в Антиохии в 1112 г. Его деяния были воспеты Радульфом Кайенским и Торкватом Тассо³⁶⁷.

Император Алексей, который так настойчиво просил Западную Европу о помощи, встревожился, когда увидел прибывавшие в город орды. Они угрожали стране голодом и могли нарушить порядок в его царстве. Он хотел извлечь пользу из крестовых походов, но теперь боялся, что не справится с их потоком. Его тонкая политика и предосторожности воспринимались западными правителями как оскорбление. В дипломатии он намного превосходил их. Они ожидали открытости отношений, а столкнулись с двуличностью. Алексей держал Гуго из Вермандуа под охраной, пока тот не поклялся ему в верности вассала. Даже Готфрид и Танкред, хотя второй не сразу, приняли такой обет. Готфрид отказался принять дары императора, боясь, что в его непомерно щедрые приношения будет подложен яд.

Крестоносцы одерживали победы. 19 июня 1097 г. была взята Никея, а несколько недель спустя турки потерпели катастрофическое поражение в сражении при Дорилее во Фригии, за которым последовало еще более катастрофическое бегство. Но прошел целый год, прежде чем крестоносцы смогли овладеть Антиохией, и истек еще год, прежде чем Иерусалим уступил их оружию. Успех предприятия пришел не сразу, а слава его была ослаблена эгоистичной завистью и распрями вождей, кульминацией которых стали злосчастные конфликты в Антиохии. Трудности и лишения были ужасны, почти неопишуты. Крестоносцы были вынуждены есть конину, верблюжатину, собак, мышей, и даже хуже³⁶⁸.

³⁶⁶ {Здесь и далее — «Кентерберийские рассказы» Чосера в переводе И. Кашкина и О. Румера.}

³⁶⁷ Гиббон: «В совершенном характере Танкреда мы обнаруживаем все добродетели идеального рыцаря, подлинный дух рыцарства, который вдохновлял благородные чувства и общественные свершения человека лучше, чем неблагородная философия или же еще менее благородная религия того времени».

³⁶⁸ Фульхер, I. 13, *Rec.*, III. 336.

Страдания от жажды превосходили, если такое было возможно, муку голода. К этим несчастьям добавилось явное предательство византийского императора после взятия Никеи³⁶⁹.

Во время осады Антиохии, которая попала в руки сельджуков в 1084 г., численность армии сокращалась из-за голода, чумы и дезертирства, причем дезертирами стали Этьен Шартрский и его последователи. Петр Отшельник и Вильгельм Карпентарий были среди тех, кто попытался бежать, но их поймали, и Боэмунд сделал им суровый выговор³⁷⁰. Сразу после того, как город снова был захвачен врагами из-за предательства армянина Фируза, сами крестоносцы оказались осажденными армией в двести тысяч человек под командованием Кербоги из Мосула. Их истощившиеся силы укрепило чудесное обнаружение святого копья, пронзившего бок Спасителя. Это знаменитое оружие было спрятано под алтарем церкви Св. Петра. Место было открыто во сне Петру Варфоломею, капеллану Раймунда Тулузского³⁷¹. Священное оружие пронес перед воинами Раймунд Ажилский, один из историков крестового похода. Оно вызвало великий энтузиазм. Кербога отошел, и город попал в руки крестоносцев 28 июня 1098 г.³⁷² Боэмунд присвоил копье себе в качестве трофея. Балдуин после падения Никеи сделал то же самое с Эдессой, которая превратилась в самую восточную крепость крестоносцев. Другие последовали примеру этих вождей и отправились в независимые завоевательные экспедиции. Одним из погибших в Антиохии был Адемар.

Кульминацией первого крестового похода было взятие Иерусалима 15 июля 1099 г. Только весной после падения Антиохии вожди смогли уладить свои разногласия, и основная армия снова смогла возобновить поход. Она двинулась вдоль побережья в Кесарию, а оттуда — на юго-восток, к Рамле. Иерусалима она достигла в начале июня. На тот момент в армии осталось двадцать тысяч человек, способных сражаться³⁷³. На одной из фресок в Берлинском музее, представляющей шесть эпох истории человечества, Каульбах с великой выразительностью изобразил тот момент, когда крестоносцы впервые увидели Святой Город с западных холмов. С точки зрения религиозного воображения, это был один из самых живописных моментов всей истории и поистине одна из самых торжественных минут в истории средних веков. В более поздних повествованиях есть доля истины, когда они рассказывают, как воины падали на колени и целовали святую землю. Отложив свое оружие, босиком и со слезами, с покаянными молитвами и песнопениями, они приближались к священным пределам³⁷⁴.

³⁶⁹ Раймунд Ажилский говорит, что за отношение Алексея к армии крестоносцев «люди будут проклинать его, пока он жив, и называть предателем».

³⁷⁰ Современные авторитеты обращают выговор только против Карпентария, а Гагенмейер полагает, что Петра он тоже касался и что Карпентарий упоминается в одиночку только потому, что он был королевского рода.

³⁷¹ Среди тех, кто помогал откапывать копье, был Раймунд Ажилский. Подлинность копья остается спорной. Одним из сомневавшихся был Адемар. Варфоломей подвергся огненной ордалии, чтобы доказать истинность своих заявлений, но умер вследствие полученных повреждений.

³⁷² Согласно Роберту Монаху (IV, *Rec.*, III. 824), накануне последней атаки было получено небесное знамение — пламя, пылавшее в небе на западе, *ignis de coelo veniens ab occidente*. К числу интересных свидетельств о периоде крестовых походов относятся два послания, написанные Этьеном, графом Шартским, его жене Адели, одно перед Никеей, другое в период осады Антиохии. Они приведены в Hagenmeyer, *Epistulae*, pp. 138, 149.

³⁷³ Цифры приводятся разные. См. Sybel, 412, и Röhricht, *Gesch. des ersten Kreuzzuges*, 183. Вильгельм Тирский говорит о двадцати одной тысяче, а в армии, защищавшей Иерусалим, насчитывает сорок тысяч.

Отчаянный, но неудавшийся штурм состоялся на пятый день. Для того чтобы удерживать крестоносцев подальше от стен, использовались кипящая смола и масло, град камней и другие средства. Тогда осада пошла обычной в таких случаях чередой. Строились лестницы, осадные башни и другие военные орудия, однако дерево приходилось везти издалека, из Сихема, — деревья вокруг Иерусалима вырубил Тит за двенадцать веков до того, а новые так и не были выращены. Город осаждали с трех сторон Раймунд Тулузский, Готфрид, Танкред, Роберт Нормандский и другие вожди. Армия сильно страдала от летней жары и недостатка воды. Долина и холмы были усеяны мертвыми лошадьми, гниющие останки которых делали жизнь в лагере почти невыносимой. Напрасно крестоносцы босиком, со священниками во главе, ходили процессиями вокруг стен, надеясь, что они падут, как пали стены Иерихона перед Иисусом Навином³⁷⁵. Наконец, с прибытием генуэзского флота в гавань Иоппии, пришла помощь — привезли рабочих, запасы вооружения и пищи.

Для последнего штурма была выбрана пятница, день распятия. Большую башню с золотым крестом на вершине протащили к стене и опустили мост. В этот критический момент, как гласит более поздняя история, на горе Елеонской явился сияющий воин³⁷⁶, и Готфрид, воодушевляя осаждающих, воскликнул: «Это святой Георгий мученик! Он пришел к нам на помощь!» Согласно большинству свидетельств, первым на стены поднялся Летольд из Турне³⁷⁷. Рассказчики обращают внимание на то, что этот подвиг был совершен в три часа, время смерти Спасителя.

Последовавшая бойня стала очередной из многочисленных мрачных страниц иерусалимской истории и показала, что по части сострадания рыцарь-крестоносец был далек от идеала христианского совершенства. Улицы были завалены телами убитых. Иудеев сжигали вместе с их синагогами. В храмовых пределах разразилась жестокая резня. С преувеличениями, которым вряд ли можно верить, однако без тени сожаления или попыток оправдания, рассказывалось, что кровь убитых в храмовой зоне достигала коленей и лошадиной упряжи³⁷⁸. «Столь повального истребления язычников никогда еще не видывали и не слыхивали. Их количество ведомо одному только Богу»³⁷⁹.

За кровопусканием с легкостью последовали покаяния и славословия. Во главе с Готфридом, в одеждах из белого льна, крестоносцы прошли в церковь Гроба Господня с молитвами и благодарениями. Вильгельм Тирский рассказывает, что

³⁷⁴ Однако Раймунд Ажильский сообщает, что крестоносцы забыли о призыве Петра Варфоломея совершить последнюю часть путешествия босиком. «Они забыли об усталости и поспешили к стенам со слезами и славословиями».

³⁷⁵ В связи с этим событием Петр Отшельник и Арнульф, позже архиепископ Иерусалимский, выступили на Елеонской горе с речами, в которых призывали вождей крестоносцев, особенно Танкреда и Раймунда, восстановить единство. Альберт из Аахена (VI, 8, *Rec.*, IV, 471) говорит: *Ad populos sermones... plurimam discordiam quae inter Peregrinos de diversis causis excreverat extinxerunt*. Танкреду сильно завидовали, потому что он вознес свое знамя над Вифлеемом. Гагенмейер (р. 259) принимает рассказ Альберта как истинный, в отличие от Зибеля.

³⁷⁶ *Miles splendidus et refulgens*.

³⁷⁷ Гиберт, VII, 7, *Rec.*, IV, 226; Роберт Монах, VII, *Rec.*, III, 867.

³⁷⁸ Так говорит Раймунд Ажильский, очевидец: *Usque ad genua et usque ad frenos equorum* (XX, *Rec.*, III, 300). Он называет это «праведным судом Божьим».

³⁷⁹ *Gesta: Tales occisiones de paganorum gente nullus unquam audivit nec vidit... nemo scit numerum eorum nisi solus deus*. Количество убитых подсчитывается по-разному, от сорока до ста тысяч. Как Гиберт говорит далее (*Gesta*, VII, 7, *Rec.*, IV, 227), в храмовой зоне было такое море крови, *sanguinis unda*, что пешие в ней почти утопали.

перед идущими к святым местам шествовали Адемар и остальные павшие по дороге к Иерусалиму. После вознесения молитв убийства возобновились. Ни слезы женщин, ни крики детей, ни протесты Танкреда, из рыцарского благородства пожелавшего спасти триста человек, которым он обещал защиту, — ничто не смягчило жестокости завоевателей.

А в довершение сцены безжалостного варварства сарацинских пленников заставили очистить улицы от мертвых тел и крови, чтобы предохранить город от чумы. «С плачем они выносили мертвые тела из Иерусалима», — бесчувственно свидетельствует Роберт Монах³⁸⁰.

Таким было благочестие крестоносцев. В религии средних веков аскетическое самоотречение сочеталось с бессердечной жестокостью по отношению к неверным, иудеям и еретикам. «Они зарубили мечом, — говорит Вильгельм Тирский, — всех, кого нашли в Иерусалиме, и не пощадили никого. Сами победители были забрызганы кровью с головы до ног». Далее, говоря о вере крестоносцев, архиепископ добавляет: «Сердце наполнялось священной радостью при виде людей, которые ступают по святым местам, побуждаемые ревностью великой веры». Крестоносцы отвоевали могилу Спасителя и увидели фрагмент истинного креста, который кому-то из жителей удалось спрятать во время осады.

Перед возвращением в Европу Петру Отшельнику воздали почести христиане Иерусалима, которые запомнили его посещение в качестве паломника и оказанные им услуги. Это была финальная сцена его участия в крестовых походах³⁸¹. Вернувшись в Европу, он основал монастырь в Гюи, в епархии Льежа, и в 1115 г. умер. В Амьене 29 июня 1854 г. ему был открыт памятник. Он представлен в одежде монаха, с четками на поясе, с крестом в правой руке, проповедующим первый крестовый поход.

Урбан II умер через две недели после падения Иерусалима, но известие об этом не успело достичь его слуха.

Трудно было выбрать более благоприятный момент для крестового похода. Могущество сельджуков, которое было на высоте в XI веке, пришло в упадок из-за соперничавших династий и расколов после смерти Мелик-Шаха (1092). Крестоносцы оказались клином, который отделил прошлое от новой эпохи мусульманских завоеваний и единства.

ПРИМЕЧАНИЕ

Петр Отшельник и первый крестовый поход

Отношение к Петру Отшельнику, представленное в этом труде, не совпадает с позицией, занимаемой большинством современных исследователей. Оно основано на свидетельстве Альберта из Аахена и Вильгельма Тирского, историков первого крестового похода, утверждающих, что Петр посетил Иерусалим как паломник, беседовал с патриархом Симеоном об опустошении города, видел сон в церкви Гроба Господня, вернулся в Европу с посланиями от Симеона, которые передал папе, затем проповедовал в Италии и за Альпами и, возможно, был на Клермонском соборе, где, однако, не сыграл выдающейся роли.

Современное же мнение гласит, что все эти события вымышлены. Впервые об этом заявил фон Зибель в своем труде о первом крестовом походе в 1841 г. Труд Зибеля, который открывает новую эпоху в отношении к крестовым походам, был вдохновлен лекциями Ранке, 1837 г.³⁸² Его автор,

³⁸⁰ IX, *Rec.*, III. 869. Роберт рисует ужасную картину улиц, заваленных обрубленными телами, сочащимися кровью.

³⁸¹ Вильгельм Тирский — самый древний свидетель этой сцены. Он ничего не приукрашивает, и сказанное им представляется вполне естественным. Гагенмейер (pp. 265-269) называет этот рассказ «чистым вымыслом Вильгельмовой фантазии».

после тщательного сравнения древнейших рассказов, не нашел достоверных свидетельств того, что Петр был непосредственным вдохновителем первого крестового похода, и утверждает, что не ему, а одному лишь Урбану II принадлежит честь организации этого движения. Петр не совершал паломничества в Иерусалим, не встречался с Урбаном и не проповедовал о несчастьях Святого Города на момент, когда собрался синод в Клермоне.

Эти взгляды, с некоторыми видоизменениями, поддерживает Гагенмейер в своем подробном и ученом труде о Петре Отшельнике и в других произведениях о первом крестовом походе³⁸³. В нашей стране выдающиеся ученые придерживаются того же мнения. Профессор Оливер Дж. Тэтчер в статье «Латинские источники первого крестового похода»³⁸⁴ говорит: «Истории о Петре Отшельнике, о его паломничестве в Иерусалим, о его видениях там, о его путешествии к папе в Рим, о его успешных призывах к Урбану проповедовать крестовый поход и о командном положении Петра как одного из великих проповедников и вождей крестового похода фактически полностью необоснованны». Как заявил недавно доктор Дана К. Мурро, вера в то, что Петр был инициатором первого крестового похода, давно забыта³⁸⁵.

Уместно вкратце привести причины, по которым мы придерживаемся в этом труде старого взгляда. Мнение автора совпадает с суждением Арчера: рассказ Альберта из Аахена «без сомнений, в основном правдив» («История крестовых походов», стр. 27).

Альберт из Аахена написал свою «Историю Иерусалима» около 1120 — 1125 г.³⁸⁶ — то есть когда многие крестоносцы, принявшие участие в осаде Иерусалима в 1099 г., были еще живы. Вильгельм, архиепископ Тира, вероятно, родился в Иерусалиме около 1130 г. Он был образованным человеком — знал еврейский, греческий, латынь и арабский, хорошо был знаком с Библией, судя по цитатам, и путешествовал в Европу. Это один из наиболее способных средневековых историков, и его труд — монументальная история Латинского королевства Иерусалима. Благодаря своему месту жительства он хорошо знал Палестину. Стоит упомянуть, что в «Истории» Вильгельма сказано: «работа историка — не писать то, что ему нравится, а фиксировать материал, который предлагает время» (кн. XXIII). Книги с шестнадцатой по двадцать третью он писал на основании личных наблюдений. Вильгельм занимает промежуточную позицию между легковерным энтузиазмом первых летописцев крестовых походов и холодным скептицизмом некоторых современных историков.

Новый взгляд, отмечающий этих двух свидетелей, основывается строго на рассказах современников. Но у них не говорится об участии Петра в движении, которое привело к первому крестовому походу, вплоть до собора в Клермоне. Вот эти источники: 1) *Gesta Francorum* неизвестного автора, который дошел до Иерусалима с крестоносцами, написал свой рассказ около 1099 г. и оставил оригинал или копию в Иерусалиме. 2) Роберт Монах, который был в Иерусалиме, видел копию *Gesta* и писал на ее основании. Его труд доходит до 1099 г. Он присутствовал на соборе в Клермоне. 3) Раймунд, каноник Ажиля, сопровождавший крестоносцев в Иерусалим. 4) Фульхер Шартрский, который присутствовал в Клермоне, продолжил историю до 1125 г.; он сопровождал крестоносцев в Иерусалим и принимал активное участие в обнаружении священного копья. 5) Священник Тудебод, который копировал *Gesta* до 1111 г. и добавил к ним очень мало важных сведений. 6) Эккегард из Ураха, который совершил паломничество в Иерусалим в 1101 г. 7) Радульф Кайенский, который в 1107 г. присоединился к Танкреду и рассказал все, что слышал о нем. 8) Гиберт из Ножана, который присутствовал в Клермоне и писал около 1110 г. 9) Бальдрик из Доля, который был в Клермоне и копировал *Gesta* в Иерусалиме.

Еще один современник — Анна Комнен, родилась в 1083 г. Это исключение. Она рассказывает о деятельности Петра до Клермонского собора и говорит, что он совершил паломничество в Иерусалим, но турки не позволили ему войти в город. Тогда он поспешил в Европу и проповедовал о несчастьях города, чтобы получить возможность еще раз посетить его. Гагенмейер вынужден, из-за свидетельства Анны, уступить и признать, что Петр действительно отправлялся в паломничество в Иерусалим, но не достиг города.

³⁸² Sybel, *Gesch. des ersten Kreuzzugs*, p. ii.

³⁸³ Hagenmeyer (*Peter der Eremit*, p. 102) говорит: *Dem Papste allein ist der Ruhm zu erhalten den ihm der Einsiedler von Antiochia bis auf unsere Tage zur grösseren Hälfte streitig gemacht hat.* Также см. Sybel, p. 243.

³⁸⁴ *Report of the Am. Hist. Association*, 1900, p. 504 sq. См. также весьма эмфатические заявления в G. L. Burr, *The year 1000 and the Antecedents of the Crusades*, «Am. Hist. Rev.», April, 1901, pp. 429-439, и *Trans. and Reprints Пенсильванского университета*, 1894, pp. 19 sqq.

³⁸⁵ *The Speech of Urban II*, etc., в «Am. Hist. Rev.», 1906, p. 232.

³⁸⁶ По его утверждениям, он рассказал то, что услышал, *ex auditu et relatione*.

Конечно, молчание девяти авторов-современников — очень серьезный аргумент. Они должны были знать факты непосредственно. Почему же тогда мы признаем более поздние свидетельства Альберта из Аахена и Вильгельма Тирского? Вот наши соображения.

1. Молчание современников — не окончательный аргумент в пользу недостоверности фактов. Евсевий, главный историк древней церкви, ничего не пишет о катакомбах. Как говорил доктор Филип Шафф касательно истории крестовых походов, молчание «никак нельзя признать основанием для окончательных выводов» («Reformed Ch. Rev.», 1893, p. 449). И в более ранних рассказах нет ничего, что противоречило бы выводу о деятельности Петра до Клермонского синода. То один, то другой автор опускают важные события первого крестового похода, но этого недостаточно, чтобы отвергнуть данные события как вымышленные. В *Gesta* не рассказывается о речи Урбана в Клермоне, она даже не упоминается. Гиберт и Фульхер в рассказах о речи Урбана не говорят о призывах из Константинополя. Почему в *Gesta* нет ни малейшего упоминания о том, как Петр отправился в путь из Германии в Константинополь? Примеру автора следуют Бальдрик, Тудебод, Фульхер и Раймунд Ажилский. Эти авторы ни слова не говорят о Готшалке, Фолькмаре и Эмихе. По мнению Гагенмейера (pp. 129, 157), это умолчание ничем не объясняется, однако в существовании данных экспедиций и бедствиях, постигших их в Венгрии, мы не можем сомневаться.

2. Рассказы Альберта из Аахена и Вильгельма Тирского просты и разумны в плане их содержания. Вильгельм явно объявляет Петра предтечей Урбана. Петр, по его словам, «оказал важные услуги господину нашему папе, который решил без промедления следовать за ним через горы. Он выполнил роль предтечи и подготовил умы людей заранее, так что папа мог с легкостью привлечь их на свою сторону». В словах архиепископа не видно намерения принизить участие Урбана в подготовке крестового похода. Урбан следовал за Иоанном Крестителем. Вильгельм делает Урбана центром собора в Клермоне и уделяет его речи большое внимание. Он много раз сообщает о свидетельстве Петра, но вся честь приписывается папе, сыгравшему свою роль (bk. I. 16).

2. С серьезными затруднениями связана теория происхождения легенды о деятельности Петра. Они таковы: 1) Альберт из Аахена жил вскоре после описываемых событий. Между захватом Иерусалима и написанием им книги прошло не больше двадцати пяти лет. 2) В поведении Петра во время крестового похода нет ничего такого, что оправдало бы формирование вокруг него героической легенды. Ситуация прямо противоположная. Более того, ни Альберт, ни Вильгельм ничего не знают о Петре до его паломничества. Гагенмейер проливает свет на это обстоятельство, говоря: «Никто из авторитетов не сообщает, что Петр пользовался хоть какой-нибудь необыкновенной репутацией до своего участия в крестовом походе. Напротив, все упоминающие это имя связывают его с походом» (p. 120). 3) Трудно понять, как у кого-нибудь из авторов мог возникнуть замысел переместить заслугу инициатора крестового похода с папы на монаха, а тем более такого монаха, каким оказался Петр. По этому поводу хорошо высказался Арчер: «В легенде о Петре Отшельнике мало что может быть вымышленным, да и сама история как таковая более правдоподобна, нежели предположение о том, будто бы молва перенесла заслуги с папы на простого отшельника» (p. 26). 4) Анна Комнен рассказывает, что Петра повернули обратно турки, поскольку преднамеренно пытается умолчать о его беседе с греческим патриархом Симеоном. Она склонна к пренебрежительным отзывам о крестовом походе. Если бы она признала, что Симеон через Петра передал послание папе, ей пришлось бы признать и то, что Бог был на стороне этого движения. Анна делает ошибки, один раз путая Петра с Адемаром и один раз с Петром Варфоломеем.

5) Петр упоминается во всех рассказах. Он — самый выдающийся человек, пробуждавший интерес к крестовому походу после собора. Гагенмейер даже признает, что успех собора мог быть вызван неустанными рассказами Петра о его неудачном паломничестве (*missglückte Pilgerfahrt*). Как мы уже говорили, Петра слушали «громадные толпы», и на памяти аббата Нождана никто не был так почитаем. «Его уважали больше, чем прелатов и аббатов», — говорит Роберт Монах. Чтобы уравновесить впечатление, производимое этим признанием на читателя, авторы подчеркивают, что Петр оказывал влияние только на грубые и беспорядочные массы, и следовавшие за ним толпы были, по словам Гиберта, отбросами Франции. Но в таком случае трудно понять, как монах, дотоле неизвестный, никогда не бывавший в Иерусалиме и не участвовавший в Клермонском соборе, мог вдруг создать в своем воображении такие яркие картины плача и печали христиан Востока, что превратился в первого проповедника крестового похода.

6) Можно разумно объяснить, почему ранние авторы ничего не говорят о жизни Петра до Клермонского собора. Крестовый поход был святым и героическим движением. Авторы были заинтересованы в том, чтобы превознести участие в нем европейского рыцарства. Некоторые из них были с Петром в лагере и видели, что он упрям, фанатичен, непрактичен, если не сказать еще хуже. Вероятно, к нему с презрением относились графы и князья. Многие авторы были капелланами этих вождей — Раймунда, Балдуина, Танкреда, Бозмунда. Они упоминают о разнузданности отрядов Петра. Поражение при Никее лишило Петра всякой славы и положения, которого он мог бы добиться, если бы был с основной армией, когда она достигла Азии³⁸⁷. В Антиохии он навлек на себя

бесчестие, когда пытался бежать, но был пойман Танкредом и Боэмундом. В *Gesta* подробно рассказывается об этом предательстве, а Гиберт³⁸⁸ уподобляет его бегство падению ангела с небес. Вероятно, подразумеваемая это падение. Эккегард говорит: «Многие называют его лицемером»³⁸⁹. Странно, но Альберт из Аахена и Вильгельм Тирский не упоминают о его предательском бегстве³⁹⁰. Вполне вероятно, что древние авторы намеренно не упоминают о деяниях Петра Отшельника до собора вследствие общения с ним в лагере и пренебрежения или даже презрения, с которым к нему относились князья, и вследствие его бесславной кампании в Константинополе и Никее. Для прославления похода полезнее было навеки забыть эти эпизоды.

Тогда откуда могла взяться легенда о нем? Почему Адемара не пожаловали такой честью, какой облекли этого неизвестного монаха, совершившего столько ошибок и занимавшего столь второстепенное положение в основной армии крестоносцев? Зачем пятнать происхождение такого славного движения, делая Петра со всеми его недостатками и неблагородным происхождением ответственным за начало крестового похода? Кажется более вероятным, что причины, заставлявшие великих крестоносцев пренебрегать Петром, если не высмеивать его, побудили и древних авторов проигнорировать его заслуги и деятельность до Клермонского собора. С течением времени, когда память о его безумствах была утрачена, реальные заслуги Петра вновь признали. Вот почему мы рассматривали более древний портрет Петра как истинный, со всеми присущими ему качествами.

§51. Латинское королевство Иерусалима. 1099 — 1187

ЛИТЕРАТУРА. G. T. DE THAUMASSIÈRE: *Assises et bons usages du royaume de Jérusalem*, etc., Paris, 1690, 1712; *Assises de Jérusalem*, в *Recueil des Historiens des croisades*, 2 vols., Paris, 1841 — 1843. — HODY: *Godefroy de Bouillon et les rois Latins de Jérus.*, 2^d ed., Paris, 1859. — RÖHRICHT: *Regesta Regni Hierosolymitani*, Innsbruck, 1893; *Gesch. des Königreichs Jerus.* 1100 — 1291, Innsbruck, 1898. — LANE-POOLE: *Saladin and the Fall of the Kingdom of Jerus.*, N. Y., 1898. Первая биография Саладина на английском языке, написанная в основном с точки зрения арабских историков. — C. R. CONDER: *The Latin Kingd. of Jerus.*, London, 1899. — F. KÜHN: *Gesch. der ersten Patriarchen von Jerus.*, Leipzig, 1886. — FUNK: *ct. Jerusalem, Christl. Königreich*, в *Wetzer-Welte*, VI. p. 1335 sqq.

Через восемь дней после завоевания Святого Города в нем было установлено постоянное правление, известное как Латинское королевство Иерусалима. Готфрид был избран королем, но отказался от королевского титула, не пожелав носить золотую корону там, где Спаситель носил терновый венец³⁹¹. Он принял титул барона и защитника Гроба Господня. Королевство с самого своего рождения нуждалось в помощи, и менее чем через год после захвата города патриарх Дагоберт обратился к «богатому» немецкому народу с просьбой о подкреплении³⁹². Оно просуществовало, в тревожных условиях, меньше века, и за это время на его троне сменилось девять правителей.

³⁸⁷ *Nach einer solchen Katastrophe war ofenbar auch bei diesen alles Ansehen für ihn dabei*, Hagenmeyer, p. 204.

³⁸⁸ *Ut stellae quoque juxta Apocalypsim de coelo cadere viderentur, Petrus ille*, etc.

³⁸⁹ Эккехард (XIII, *Rec.*, V. 21) говорит, что когорты Петра стали предметом насмешек у турок, когда достигли Малой Азии: *cohortes... paganis fuerant jam ludibrio factae*.

³⁹⁰ Гагенмейер (pp. 220 sqq., 243) предполагает, что к моменту, когда Вильгельм писал свой труд, об этом больше не рассказывали.

³⁹¹ Официальный титул королей был *rex Latinorum in Hierusalem*. Отказываясь от короны, говорит Вильгельм Тирский, «Готфрид поступил как верующий князь. Он был лучшим из королей, светочем и зеркалом всех остальных», *lumen et speculum* (IX. 9, *Rec.*, I. 377). Клир мечтал о полном подчинении гражданского правительства Иерусалима духовному правительству патриарха, и первый патриарх не только обеспечил себе власть над четвертью Иерусалима и Яффы, но получил от Готфрида обещание отдать ему полностью оба города, если Готфрид возьмет Каир или какой-нибудь другой крупный город неприятеля или умрет, не оставив наследников мужского пола. См. Röhricht, *Gesch. des ersten Kreuzzuges*, p. 218.

³⁹² См. обращение Дагоберта в Hagenmeyer, *Epistulae*, 176 sq., 412 sqq. Он говорит об «Иерусалиме как о самом превосходном из всех мест для святости» и о том, что «по этой самой

Готфрид расширил свое королевство, но пережил завоевание Иерусалима только на год — он умер 18 июля 1100 г. Его почитали и оплакивали как самого бескорыстного и верного из вождей первого крестового похода. Его тело было похоронено в церкви Гроба Господня, где до сих пор показывают его меч и шпоры. На его могиле написано: «Здесь лежит Готфрид Бульонский, который завоевал всю эту землю ради христианской веры. Да упокоится его душа со Христом»³⁹³.

Вместе с Латинским королевством была учреждена Латинская патриархия Иерусалима. Избрание Арнульфа, капеллана Роберта Нормандского, было объявлено незаконным, и на его место в Рождество 1099 г. избрали Дагоберта, или Даимберта, архиепископа Пизанского.³⁹⁴ Латинские епархии были учреждены по всей территории, как и Латинская патриархия Антиохии. Дагоберт добился крупных уступок от Готфрида, в том числе признания его королевства леном патриархии. После падения Иерусалима (1187) патриархи жили в Акре³⁹⁵.

Конституция и судебные нормы нового королевства были закреплены судебным собранием присяжных в Иерусалиме и запечатаны в церкви Гроба Господня — их называют также «посланиями Гроба Господня»³⁹⁶. Позже они были утрачены, и все, что мы знаем об их содержании, взято из кодексов Кипра и Латинского королевства Константинополя, которые основывались на Иерусалимском кодексе.

Эти установления воспроизводили европейскую феодальную систему. Покоренная территория распределялась между баронами, которые подчинялись королю Иерусалима как верховному господину. Четырьмя основными ленами были Яффа, Аскалон, Керат, к востоку от Иордана, в Галилее, и Сидон. Графы Триполи и Эдессы и князь Антиохии были независимы от Иерусалимского королевства. Была предусмотрена система судов, высший из которых возглавлял король. (Признавался также суд посредством поединка.) Второй суд решал дела горожан. Третий — дела местного населения. Оброчные или крепостные рассматривались как собственность, зависящая от воли хозяина, но они также упоминаются как подчиненные воле закона. Стоимость крепостного и сокола была равной. Двое крепостных продавались по цене лошади, трое — по цене двенадцати волов. Мужчина достигал совершеннолетия в двадцать пять, женщина — в двенадцать лет. Если в Европе феодальная система возникла естественным образом, то в Палестине она была экзотикой.

Заняв Палестину, христиане не принесли с собой мира. Королевство раздирали на части ожесточенные интриги баронов и церковных деятелей, и ему постоянно угрожали извне. Причиной его слабости были внутренние раздоры. Монахи селились в стране в огромных количествах. Францисканцы стали хранителями священных мест. Незаконные отпрыски крестоносцев от мусульманских жен-

причине его угнетали язычники и неверные». Фульхер, пишущий о 1100 г., заявляет, что только триста рыцарей и столько же пехотинцев остались для защиты Иерусалима, Яффы и Рамле. См. цитату в Hagenmeyer, 415.

³⁹³ *Hic jacet inclitus dux Godefridus de Bouillon qui totam terram acquisivit cultui christiano, cujus anima regnet cum Christo.*

³⁹⁴ Согласно Раймунду Ажильскому, Арнульф был человеком распущенным, и о его любовных увлечениях в лагере распевали песни.

³⁹⁵ После падения Акры, с 1291 по 1848 г., патриархи, за двумя исключениями, жили в Риме. В 1848 г. Валерга, которого Пий IX назначил патриархом, поселился в Иерусалиме.

³⁹⁶ Вилкен подробно обсуждает эту тему (I, p. 307-424).

щин, называемые *pullani*, были выродившимся слоем населения, отличавшимся жадностью, неверием и склонностью к дебошам³⁹⁷.

Преемником Готфрида стал его брат Балдуин, граф Эдессы, который был коронован в Вифлееме. Это был умный человек, самый сильный из королей Иерусалима. Он умер от лихорадки в Египте, и его тело было похоронено рядом с телом его брата в Иерусалиме.

В правление Балдуина (1100 — 1118) границы королевства были сильно расширены³⁹⁸. Кесария пала в 1101 г., Сен-Жан-д'Акр, известный также как Птолемаида, — в 1104 г., Берит, или Бейрут, — в 1110 г. Сидон капитулировал перед Сигурдом, сыном норвежского короля, с которым было десять тысяч крестоносцев. Была отвоевана треть Малой Азии, часть территории вернулась к Греческой империи. Дамаск не попал в руки европейцев. По мере продвижения армии крестоносцы воздвигали мощные замки от Петры до далекого севера, а также на восточном берегу Иордана. Их руины свидетельствуют о серьезных намерениях строителей, которые создавали себе постоянные жилища. «Мы, бывшие жители Запада, — говорил Фульхер из Шартра, — теперь жители Востока. Мы забыли свою родную землю». Привлекательность страны, а не только похода, проявилась и в том, что многие крестоносцы постарались поселиться там навсегда. Многие вернувшиеся в Европу отправлялись в поход повторно. Короли проводили много времени на Востоке.

В правление Балдуина большинство вождей первого крестового похода умерло или вернулось в Европу, но ряды европейцев постоянно пополнялись за счет свежих экспедиций. Пасхалий II, преемник Урбана II, призвал новых рекрутов. Итальянские города предоставляли свои флоты и помогали перевозить сухопутные силы. Венецианцы, пизанцы и генуэзцы учредили свои представительства в Иерусалиме, Акре и других городах. Тысячи людей приняли знак креста в Ломбардии, Франции и Германии; их возглавили Ансельм, архиепископ Миланский, Этьен, герцог Бургундский, Гильом, герцог Аквитанский, Ида Австрийский и другие. Гуго из Вермандуа, уехавший в Европу, вернулся. Бозмунд также вернулся с тридцатью четырьмя тысячами человек и выступил против греческого императора. Наконец, две христианские армии попытались искоренить ислам в его цитадели, в Багдаде.

При Балдуине II (1118 — 1131), племяннике Балдуина I, был взят Тир (1124). Этим событием знаменуется вершина власти и могущества крестоносцев.

В правление Фульхерия Анжуйского (1131 — 1143), мужа Миллисенты, дочери Балдуина II, некий Зенки по прозвищу Имад-ад-дин (Столп веры) угрожал самому существованию Франкского королевства.

Балдуин III (1143 — 1162) занял трон, будучи молодым³⁹⁹. В его правление была сдана Эдесса, попавшая в руки Зенки (1144), и предпринят второй крестовый поход, а также возвысился сын Зенки Нуреддин — дядя Саладина, который захватил Дамаск (1154).

³⁹⁷ *Fulani*, «некие». Прозвище *fulan ibn fulan* («какой-то, сын какого-то») — самое оскорбительное обращение среди арабов.

³⁹⁸ Был весьма характерен следующий метод борьбы с разбойниками. Разбойники укрылись в пещере. Двое вышли наружу. Балдуин по-доброму заговорил с ними, богато приодел одного и отправил его обратно с обещаниями, в то время как другого казнил. Вышли другие. Одного послали обратно, остальных девяти казнили. Тот же метод использовался, пока наружу не вышло двести тридцать человек, которых всех казнили. Потом по пещере вновь стали вести огонь, пока из нее не вышли все — и их постигла та же участь.

³⁹⁹ С этого момента Вильгельм Тирский пишет как очевидец (XVI. sqq.).

Амальрик I Иерусалимский (1162 — 1173) распространил военные действия и дипломатию до Египта и был свидетелем падения династии Фатимидов, которая продержалась у власти два столетия. Теперь сила на юге ассоциировалась с великолепными способностями воинственного Саладина, который, вместе с Нуредином, уладил разногласия мусульман и укрепил их власть от Багдада до Каира — поэтому Иерусалимскому королевству пришлось занять оборонительные позиции. Покорение Иерусалима в 1099 г. стало возможным из-за раскола между Аббасидами и Фатимидами.

Балдуин IV (1173 — 1184), в момент коронации — тринадцатилетний мальчик, был, как Озия, прокаженным. Среди регентов, которые вели дела королевства в его правление, был герцог Монферрат, женившийся на Сибилле, сестре короля. В 1174 г. Саладин, после смерти Нуредина, стал халифом всего царства от Дамаска до Нила и начал *Божий путь*, покорение Иерусалима.

Балдуин V (1184 — 1186), пятилетнего ребенка, сына Сибиллы, сменил на троне Ги Лузиньянский, второй муж Сибиллы. Саладин встретился с Ги и крестоносцами в селении Хаттин, на холме над Тивериадой, где, согласно преданию, была произнесена Нагорная проповедь. Там был мощный отряд тамплиеров и госпитальеров, а истинный крест нес епископ Акры, закованный в броню. Решающее сражение состоялось 5 июля 1187 г. Крестоносцы потерпели полное поражение. Говорят, что погибло тридцать тысяч человек. Ги Лузиньянский, гроссмейстер тамплиеров⁴⁰⁰ и госпитальеров и Реджинальд Шатильонский, властитель Керака, были взяты врагом в плен. Реджинальд был убит в палатке Саладина, но к королю и другим пленникам отнеслись милосердно⁴⁰¹. Истинный крест стал частью добычи неприятеля. Судьба Святой Земли была решена.

2 октября 1187 г. Саладин вошел в Иерусалим, который отважно сопротивлялся. Условия сдачи весьма впечатляли рыцарственностью великого военачальника. Сцен бойни, подобных тем, что наблюдались при взятии города крестоносцами девятью десятилетиями ранее, не было. Жители могли выкупить свою свободу. Отъезд продолжался сорок дней. Реликвии, накопленные в церкви Гроба Господня, были отданы победителем за пятьдесят тысяч безантов, которые уплатил Ричард I⁴⁰².

Так пришел конец Латинскому королевству Иерусалима, и с тех пор на горе Мориа не прерывалось исламское поклонение. Этим отвоеванным христианами территориям грозила постоянная опасность из-за нескончаемых раздоров между самими крестоносцами, и, несмотря на постоянный приток рекрутов и денег из Европы, они легко покорились расширяющемуся правлению Саладина.

После 1187 г. список номинальных королей Иерусалима представлял собой романтическое дополнение к европейской политике. Последний реальный король, Ги Лузиньянский, был лишен трона, хотя и сохранил королевские претензии, не имея своей столицы. Конрад Монферратский, который женился на Изабелле, дочери Амальрика, стал его наследником. Но он был убит, не получив

⁴⁰⁰ Согласно посланию Терриция, гроссмейстера тамплиеров, двести девяносто из них погибло, и сарацины заполнили всю территорию от Тира до Газы, как полчища муравьев. Ричард из Ховедена (*an.* 1187) утверждает, что тамплиеры сражались как львы.

⁴⁰¹ Саладин предложил Ги стакан воды. Когда Ги передал его Реджинальду, Саладин воскликнул: «Я этого не приказывал, ты сам дал его!» — и тут же убил Реджинальда собственноручно или рукою своего слуги (Реджинальд разграбил караван, в котором путешествовала сестра Саладина). См. Lane-Poole, *Saladin*, p. 215.

⁴⁰² Безант равнялся трем долларам.

трона, и королем Иерусалима стал Генрих Шампанский, когда Ги взшел на престол Кипра. В 1197 г. короны Кипра и Иерусалима были объединены в лице Амальрика II. После его смерти корона перешла к Марии, дочери Конрада Монферратского. Мужем Марии был Иоанн Бриеннский. После свадьбы их дочери Иоланты с императором Фридрихом II этот суверен получил титул короля Иерусалимского.

§52. Падение Эдессы и второй крестовый поход

ЛИТЕРАТУРА. Одон из Дейля (близ Парижа), капеллан Людовика VII: *De profectioe Ludovici VII in Orientem 1147 — 1149* в Migne, 185, перев. Guizot: *Collection*, XXIV, p. 279-384. — Оттон Фрейзингенский, ум. в 1158, сводный брат Конрада III и дядя Фридриха Барбароссы: *Chronicon*, bk. VII, перев. в Pertz-Wattenbach, *Geschichtschreiber der Deutschen Vorzeit*, Leipzig, 1881. Оттон сопровождал крестоносцев. — KUGLER: *Gesch. des 2^{en} Kreuzzuges*, Stuttgart, 1866. — *De consideratione* и *De militibus Christi* Бернара и *Biographies* Бернара в NEANDER, ed. DEUTSCH, II. 81-116; MORISON, pp. 366-400; STORRS, p. 416 sqq.; VACANDARD, II. 270-318, 431 sqq. F. MARION CRAWFORD написал роман об этом крестовом походе: *Via Crucis, a Story of the Second Crusade*, N. Y., 1899.

Второй крестовый поход возглавили два суверена, император Конрад III и Людовик VII Французский. Поход был вызван тем сильным впечатлением, которое произвели на Европу падение Эдессы и ревностное красноречие святого Бернара. Эдесса, крепость на границе покоренных крестоносцами территорий, пала в декабре 1144 г. Жоселин II, отец которого, Жоселин I, сменил Балдуина на посту властителя Эдессы, был слабым и любящим удовольствия князем. Осаждавшие разожгли огонь у пробитой в стене бреши, и кусок стены длиной в сотню метров раскололся от пламени и рухнул. Турки под командованием Зенки ворвались внутрь, и последовала отвратительная бойня, которую христиане прозвали кровавой⁴⁰³.

Евгений III справедливо воспринял победу Зенки как угрозу для пребывания франков в Палестине и призвал короля Франции поспешить на выручку. Прощение всех грехов и вечная жизнь были обещаны любому, кто пустится в предприятие и умрет, исповедовавшись в грехах⁴⁰⁴. Папа также призвал Бернара оставить свой монастырь и проповедовать крестовый поход. Бернар, самая выдающаяся личность той эпохи, был в зените славы. Он воспринял этот призыв как исходящий от Бога⁴⁰⁵ и оказался достойным вождем предприятия.

На Пасху 1146 г. Людовик, обещавший отправиться в крестовый поход из угрызений совести (он сжег в Витри церковь вместе с тринадцатью сотнями человек), собрал большой собор в Везеле. Бернар присутствовал там и произвел такое всепоглощающее воздействие своим обращением, что слушатели рвались вперед принять кресты. Ему пришлось разрезать на части свою одежду, чтобы удовлетворить все требования⁴⁰⁶. В письме он известил Евгения об энтузиазме, который был так велик, что «целые замки и города лишались своих жителей. С

⁴⁰³ См. Оттон Фрейзингенский, VII. 30.

⁴⁰⁴ Gottlob, *Kreuzablass*, 106 sqq. Евгений процитировал клермонское постановление Урбана II об отпущении грехов.

⁴⁰⁵ *De consideratione*, II. 1, перев. Reinkens, pp. 31-37. В этой главе знаменитого трактата Бернар объясняет и оправдывает свое участие в крестовом походе.

⁴⁰⁶ *Caepurunt undique conclamando cruces expetere... coactus est vestes suas in cruces scindere et seminare* (Одон, I. 1).

трудом можно было найти одного мужчину на семь женщин, и повсюду женщины оставались вдовами при живых мужьях».

Из Франции Бернар отправился в Базель и Констанц, а также города вдоль Рейна, вплоть до Кельна. Как и в случае с первым крестовым походом, на Рейне начались гонения на иудеев под руководством одного монаха, Радульфа. Бернар решительно выступал против фанатизма и писал, что церковь должна обращать иудеев убеждением, а не уничтожать их мечом.

Тысячные толпы стекались послушать пылкого проповедника, который ко впечатлению от своего красноречия добавлял чудесные исцеления. Сам император Конрад был глубоко тронут и обращен. В рождественскую неделю в Шпейере Бернар произнес перед ним страстную речь. Его устами говорил Христос, восседающий перед императором как судья в последние времена: «Что же, о человеке! — что Я должен был сделать для тебя и не сделал?» Бернар сопоставил физическую доблесть⁴⁰⁷, богатства и почести императора с милостью высшего судьи человеческих поступков. Император разразился слезами и воскликнул: «С этих пор я не буду больше неблагодарным Богу, Который ко мне милостив. Я готов служить Ему, когда Он меня к этому призывает». И главным из всех своих чудес Бернар считал это решение императора.

Конрад тут же приготовился к экспедиции. Семьдесят тысяч вооруженных людей, семь тысяч из которых были рыцарями, собрались в Регенсбурге и двинулись через Венгрию к Босфору, встречая на пути плохой прием. Греческий император Мануил и Конрад были шуринами, они женились на сестрах, но это родство не было защитой для немцев. Проводники, которых дал Мануил, «дети Велиала», как называет их Вильгельм Тирский, предательски запутали крестоносцев в Каппадокийских горах⁴⁰⁸. Голод, лихорадка и нападения врагов были столь губительными, что когда армия вернулась обратно к Никее, от ее изначального количества осталось не более десятой части.

Людювик получил орифламм (знамя) из собственных рук Евгения в Сен-Дени на Пасху 1147 г. и последовал тем же маршрутом, что и Конрад. Армию сопровождала его королева, Элеонора, славившаяся своей красотой, и многие придворные дамы. Два суверена встретились в Никее и вместе отправились в Эфес. Конрад вернулся в Константинополь морем, а Людювик, достигнув Атталии, оставил основную часть своей армии продвигаться по суше и отплыл в Антиохию.

В Антиохии против Элеоноры было выдвинуто серьезное обвинение в легкомысленном поведении, если не в неверности брачным обетам. Позже они с королем публично развелись в Иерусалиме, а потом их развел папа. Элеонора вышла за Генриха Анжуйского, а потом стала королевой у Генриха II Английского. Конрад, приплывший в Акру из Константинополя, встретился с Людювиком в Иерусалиме и, в компании Балдуина III, два суверена Запада произнесли свои молитвы в церкви Гроба Господня. На совете, который три монарха провели под стенами Акры⁴⁰⁹, было решено выступить против Дамаска, прежде чем отпра-

⁴⁰⁷ В доказательство силы Конрада Вильгельм Тирский (XVII. 4) рассказывает, что при осаде Дамаска он одним ударом своего клинка рассек человеку, закованному в броню, голову, шею и плечо.

⁴⁰⁸ Вк. XVI. 20. Как полагает Вильгельм, Мануил завидовал Конраду за то, что тот получил титул короля римлян. Diehl (*Essays on the Crusades*, p. 107) считает домислом, что проводники Мануила намеренно сбили с толку и предали германцев. Однако он признает, что греки, жившие в Малой Азии, «обирали латинян и морили их голодом».

⁴⁰⁹ Вильгельм Тирский (XVII) приводит список участвовавших выдающихся личностей. Среди них был епископ Оттон Фрейзингенский, брат императора.

виться в более далекую Эдессу. Путь лежал вдоль Тивериадского озера и через Ермон. Осада оказалась неудачной из-за злосчастных ссор между лагерями и вождями, а также из-за притязаний Тьерри, графа Фландрского, который два раза до этого был на Востоке и хотел присвоить город себе. Конрад отправился обратно в Германию в сентябре 1148 г. Людовик, проведя зиму в Иерусалиме, отправился обратно на следующую весну. Бернар сильно переживал из-за неудачи и связанного с нею унижения — он извинялся за нее, объясняя Божьим судом грехи крестоносцев и христианского мира. «Суды Господни справедливы, — писал он, — но этот — пропасть такая глубокая, что я осмеливаюсь объявить благословенным всякого, кто не опорочен им»⁴¹⁰. По поводу обвинения в том, что он нес ответственность за экспедицию, Бернар восклицал: «Стоит ли обвинять Моисея в пустыне, который обещал ввести детей Израиля в землю обетованную? Разве не грехи народа помешали успеху путешествия?»

Эдесса была потеряна для крестоносцев, и Дамаск им так и не достался.

§53. Третий крестовый поход. 1189 — 1192

О Ричарде I: *Itinerarium perigrinorum et gesta regis Ricardi*, ed. Stubbs, London, 1864, Rolls Series, формально приписывается Geoffrey de Vinsauf, но после Стаббса предполагаемый автор — Richard de Templo или остается анонимным. Перевод в *Chronicles of the Crusades*, Bohn's Libr., 1870. Автор сопровождал крестовый поход. — DE HOVEDEN, ed. Stubbs, 4 vols., London, 1868 — 1871; англ. перев. Riley, vol. II, pp. 63-270. — GIRALDUS CAMBRENSIS: *Itinerarium Cambriae*, ed. Brewer and Dimock, London, 7 vols. 1861 — 1877, vol. VI, перев. R. C. HOARE, London, 1806. — RICHARD DE DEVIZES: *Chronicon de rebus gestis Ricardi*, etc., London, 1838, перев. в Bohn, *Chron. of the Crusades*. — ROGER WENDOVER. — DE JOINVILLE: *Crusade of St. Louis*, перев. в *Chron. of the Crus.*

Полный список авторитетных трудов о Ричарде см. в статье *Richard* — ARCHER, в *Dict. of Vat. Biog.* — G. P. R. JAMES: *Hist. of the Life of B. Coeur de Lion*, новое изд., 2 vols. London, 1854. — T. A. ARCHER: *The Crusade of Richard I*, сличение из Ричарда из Девиза, etc., London, 1868. — GRUHN: *Der Kreuzzug Richard I*, Berlin, 1892.

О Фридрихе Барбароссе: ANSBERT, очевидец: *Hist. de expeditione Frid.*, 1187 — 1196, ed. Jos. Dobrowsky, Prague, 1827. — Другие источники см. в WATTENBACH: *Deutsche Geschichtsquellen*, II, 303 sqq., и ROTHMAYR: *Bibl. Hist.*, II, 1014, 1045, etc. — KARL FISCHER: *Gesch. des Kreuzzugs Fried. I*, Leipzig, 1870. — H. PRUTZ: *Kaiser Fried. I*, 3 vols. Dantzig, 1871 — 1873. — VON RAUMER: *Gesch. der Hohenstaufen*, vol. II, 5th ed. Leipzig, 1878. — GIESEBRECHT: *Deutsche Kaiserzeit*, vol. V.

О Саладине: БАНА-ЕД-ДИН, придворный Саладина, 1145 — 1234, лучшее арабское жизнеописание, в *Recueil. Histt. Orientaux*, etc., III, 1884, и в Палестине, Pilgrim's Text Soc., ed. C. W. Wilson, London, 1897. — MARIN: *Hist. de Saladin, sulthan d'Égypte et de Syrie*, Paris, 1758. — LANE-POOLE: *Saladin and the Fall of Jerusalem*, New York, 1898, приводится полный список и оценка арабских авторитетов, pp. iii-xvi.

См. также общие истории крестовых походов и RANKE: *Weltgesch.*, VIII.

Третий крестовый поход был предпринят, чтобы вернуть Иерусалим, отнятый Саладином в 1187 г. Этот поход отличается тем, что среди его вождей было три самых могущественных правителя Западной Европы — император Фридрих Барбаросса, Филипп Август, король Франции, и английский король Ричард I по прозвищу Львиное Сердце⁴¹¹. В нем участвовало рыцарство Востока и Запада в момент своего высшего развития и проявился героизм двух из храбрейших воинов всех веков — Саладина и Ричарда. Поход более широко отражен в творчест-

⁴¹⁰ *De consideratione*, II, 1.

⁴¹¹ История о том, как Ричард схватил льва и вырвал его бьющееся сердце, — тема английской легенды XIV века и, вероятно, взята из французской легенды XIII века.

ве, чем остальные крестовые походы, — от песен средневековых менестрелей до Лессинга с его «Нафаном Мудрым» и Вальтера Скотта с «Талисманом». Но, несмотря на все романтическое великолепие, эта экспедиция была почти полностью неудачной.

Узнав о победах Саладина, Урбан III, как говорили, умер от горя⁴¹². Вряд ли нужны были официальные призывы, чтобы стремление стать крестоносцами охватило Европу от края до края. Датчане, шведы и фризы присоединялись к валлийцам, англичанам, французам и германцам, готовые к новой экспедиции. Сто лет прошло с момента первого крестового похода, и его вожди уже были окружены ореолом романтики и славы. Пожилой Григорий VIII, правление которого продолжалось меньше двух месяцев (1187), из последних сил призвал князей оставить свои раздоры. Под влиянием Вильгельма, архиепископа Тирского, и архиепископа Руана Филипп Август Французский и Генрих II Английский отказались от своих ссор и приняли крест. После смерти Генриха его сын Ричард, которому тогда было тридцать два года, со страстным рвением начал готовиться к крестовому походу. К сокровищам, оставленным Генрихом, Ричард добавил средства от продажи замков и епископатов⁴¹³. За десять тысяч марок он освободил от феодальной присяги Уильяма Шотландского и утверждал, что продал бы сам Лондон, если бы нашелся достаточно богатый покупатель⁴¹⁴. Балдуин, архиепископ Кентерберийский, поддержал своего суверена, проповедуя крестовый поход в Англии и Уэльсе, и сопровождал его экспедицию⁴¹⁵. В Англии, а возможно, и во Франции был учрежден знаменитый «Саладинов налог» — каждый, кто не участвовал в крестовом походе, должен был уплатить десятину.

Ричард и Филипп встретились в Везеле. Среди великих лордов, присоединившихся к ним, были Гуго, герцог Бургундский, Генрих II, граф Шампанский, и Филипп Фландрский. В качестве эмблемы для себя и своих воинов французский король избрал красный, Ричард — белый, а герцог Фландрии — зеленый крест.

Тем временем Фридрих Барбаросса, которому было около семидесяти, достиг Босфора. Помня о проблемах Конрада III, которого он сопровождал во втором крестовом походе, Барбаросса отказался от беспорядочного набора в свою армию и принимал только физически крепких людей, в кармане у которых было не менее трех марок. Собранная им армия насчитывала сто тысяч человек, и половина из них сидела в седле. Фридрих Швабский сопровождал своего отца императора.

Отправившись из Ратисбона в мае 1189 г., германская армия шла в Константинополь через Венгрию. Греческий император Исаак Ангел был далек от того, чтобы благосклонно отнестись к приближению крестоносцев. Он посадил посланников Барбароссы в темницу и заключил договор с Саладином⁴¹⁶. Он прохладно обратился к западному императору как к «первому князю Германии». Фридриху

⁴¹² Для того чтобы добраться из Акры в Марсель, кораблю нужно было не менее пятнадцати дней, и примерно столько же времени требовалось, чтобы новости попали в Рим из Иерусалима. О характере индальгенций, которые предлагал крестоносцам Александр III, узнав о завоеваниях Саладина в Египте и о поражении, которое он нанес христианам в Баниасе (1181), пишет Gottlob, 119 sq. Александр ссылался на примеры Урбана II и Евгения III.

⁴¹³ Он продал архиепископат Йорка за 3000 фунтов. Говорят, что Генрих оставил 900.000 фунтов золотом и серебром (Роджер из Вендовера, *an.* 1180).

⁴¹⁴ Ричард из Девиза, X.

⁴¹⁵ Геральд Камбрейский был с архиепископом и по пути собирал материалы для своего труда.

⁴¹⁶ Фридрих объявил о своей экспедиции в послании к Саладину, где перечислил народы, принявшие в ней участие — от «высоких баварцев» до моряков Венеции и Пизы. См. *Itin. reg. Ricardi de Hoveden*, etc.

вновь предоставилась возможность объединить Запад и Восток под одним скипетром. Валахи и сербы обещали ему свою поддержку, если он сместит Исаака и возьмет корону. Но хотя такая перспектива и представлялась соблазнительной, Фридрих решил не отвлекаться от своей задачи — возвращения Иерусалима⁴¹⁷, и в марте 1190 г. его войска переправились через Босфор. Он взял Иконию и достиг Киликии. Но там, 10 июня, его жизнь скорострительно завершилась в водах реки Каликадн, куда он вошел, чтобы освежиться⁴¹⁸. Его плоть была захоронена в Антиохии, а его кости, предназначенные для крипт в церкви Гроба Господня, были помещены в церкви Св. Петра в Тире. Это как нельзя более удаленное и уединенное место для праха столь могущественного монарха, если учитывать захоронение его великого предшественника Карла Великого в Аахене. Мало какая выдающаяся жизнь заканчивалась столь прискорбно и столь трагически. Фридрих по-императорски отправил вперед себя гонцов, призывая Саладина оставить Иерусалим и вернуть истинный крест. Во главе деморализованной армии оказался Фридрих Швабский. Он достиг стен Акры, где вскоре, в октябре 1190 г., стал жертвой чумы.

Филипп и Ричард добрались до Святой Земли Средиземным морем. Они отплыли на Сицилию (1190), Филипп — из Генуи, Ричард — из Марселя. Ричард нашел себе дело на острове, утвердив права своей сестры Иоанны, вдовы Вильгельма II Сицилийского, которую лишил наследства незаконный сын Вильгельма Танкред. «Мессину король Ричард взял быстрее, чем священник может отслужить заутреню»⁴¹⁹. Несмотря на вооруженные споры между Ричардом и Филиппом, два короля пришли к соглашению защищать друг друга в крестовом походе. Среди курьезных условий их договоренности было то, что только рыцарям и клирикам дозволялось играть на деньги, а количество средств, поставленных на кон за один день, не должно было превышать двадцати шиллингов.

Оставив Сицилию⁴²⁰, откуда Филипп отплыл за одиннадцать дней до того, Ричард отправился на Кипр и, в наказание за плохое обращение с паломниками и за предательское желание посадить на мель его корабли, вовлек королевство в трехнедельную кампанию против Исаака Комнена. Англичане, занявшие Кипр в 1187 г., должно быть, вспоминали это завоевание Ричарда. На острове Ричард вступил в брак с Беренгарией Наваррской, которую он предпочел сестре Филиппа Алисе, своей нареченной. В июне он достиг Акры. «Радуюсь его прибытию, — говорит Баха-ад-дин, — франки разразились ликованием и всю ночь жгли костры в своем лагере. Мусульманское войско исполнилось страха и ужаса»⁴²¹.

⁴¹⁷ Ранке (VIII. 246 sqq.) со вкусом рассуждает о возможных последствиях низложения Исаака и, как немец, сожалеет, что Фридрих не взял этот трофей (*es war ein Moment das nicht so leicht wieder kommen konnte*).

⁴¹⁸ Другой рассказ одного из сопровождавших экспедицию гласит, что, нетерпеливо желая двигаться дальше, Барбаросса попытался переплыть реку и утонул. Ранке (VIII. 249) считает более вероятным тот вариант, который предлагается нами в тексте.

⁴¹⁹ *Itinerary*, III. 16.

⁴²⁰ Флот Ричарда, отплывший из Мессины, состоял из ста пятидесяти крупных кораблей и пятидесяти трех галер.

⁴²¹ В *Itinerary* (III. 2) сказано, что прибытие Ричарда приветствовали радостными возгласами, криками и звуком труб. Его доставили на берег так, будто прибыл Ожидаемый всеми народами, и ночь была освещена смоляными факелами и горящими кострами настолько ярко, «что, казалось, отняла свет у дня, а турки решили, что вся долина объята огнем». Ричард из Девиза (LXIII) пишет: «Осаждающие встретили Ричарда с такой радостью, будто состоялось второе пришествие Христа».

Акра, или Птолемаида, у горы Кармил, стала городом крестоносцев, ключом к Святой Земле. В христианском мире мало было столиц, столь разнообразных в плане обычаев и наполненных лицами столь разных народов. В Акре останавливались купцы из крупнейших торговых центров Европы. Дома, окруженные садами, украшались богатыми витражными окнами. У госпитальеров и тамплиеров были там крупные владения.

Два года Акру осаждал Ги Лузиньянский. Освобожденный Саладином при условии, что откажется от всяких притязаний на корону и уедет за море, Ги получил у священников разрешение не выполнять это торжественное обещание. Балдуин Кентерберийский, Губерт Вальтер, епископ Солсбери, и судейский Ранульф из Гланвиля прибыли на место до Ричарда. «Мы нашли нашу армию, — писал капеллан архиепископа⁴²², — предающейся постыдному поведению, погрязшей в развлечениях и похоти, а не утверждающей добродетель. В лагере нет Господа. Там нет целомудрия, торжественности, веры, нет милосердия. Призываю Бога в свидетели, я не поверил бы в такое положение вещей, если бы не видел этого собственными глазами».

Саладин взирал на осаждавших сверху и пекся об осаждаемых. Происходившие ужасы сделали эту осаду одной из самых памятных во всем Средневековье⁴²³. Она велась не только с суши, но и с моря. Турки весьма эффективно использовали греческий огонь⁴²⁴. В борьбе участвовали не только мужчины, но и женщины. Некоторые крестоносцы становились отступниками, только чтобы продлить себе жизнь⁴²⁵. С помощью гигантского осадного приспособления и других орудий, построенных Ричардом на Сицилии и Филиппом, город удалось вынудить к сдаче в июле 1191 г. При капитуляции в руках крестоносцев оказались городские склады, двести тысяч золотых монет, полторы тысячи пленных и истинный крест.

Но продвижение к Иерусалиму замедлялось из-за соперничества между армиями и их вождями. Доблесть Ричарда, его обильные траты и личная популярность приводили к тому, что Филипп оказывался в тени — и вскоре он отправился обратно во Францию, оставив герцога Бургундского руководить французами. Французы и германцы также ссорились⁴²⁶. Плодовитым источником раздоров оказался спор между Ги Лузиньянским и Конрадом Монферратским за корону Иерусалима, но он уладился, когда Конрада убили, Ги признали королем Кипра,

⁴²² В *Itinerary* (I, 66) сказано, что Балдуин смертельно заболел, когда увидел, что «армия совершенно распустилась и занимается лишь пьянством, женщинами и игрой в кости».

⁴²³ Потери перед Акрой были очень велики. В *Itinerary* приводится список погибших — 6 архиепископов, 12 епископов, 40 графов и 500 рыцарей. Ховеден также приводит примечательный перечень, куда включены имена герцогов Швабии, Фландрии и Бургундии, архиепископов Безансона, Арля, Монреала и др. Балдуин умер 19 ноября 1190 г. В *Itinerary* осада Акры сравнивается с осадой Трои и говорится: «Акра, несомненно, будет пользоваться вечной славой как город, за который сражался весь мир» (I, 32).

⁴²⁴ В *Itinerary* и других документах часто упоминается его смертоносное воздействие. Среди машин, используемых обеими сторонами, были *petrariae* для метания камней и баллисты для метания камней и других снарядов (*Itinerary*, III, 7, etc.). Одно из осадных орудий называлось «кошкой». Применялся также стенобитный таран и «свинья», под прикрытием которой осаждающие подбирались к стенам. Король Ричард мастерски владел арбалетом.

⁴²⁵ Цена буханки хлеба выросла от пени до 40 шиллингов, порция овса для лошади продавалась за 60 марок (Ховеден и др.). Осаждающие с жадностью поедали конину, даже конские внутренности, которые продавались за 10 су. Чтобы утолить голод, ели даже траву. Яркое описание вызывающих сочувствие страданий от голода приведено в *Itinerary*, I, 67-83.

⁴²⁶ *Itinerary*, I, 44.

а Генриха Шампанского, приходившегося племянником одновременно и Ричарду, и Филиппу Августу, — королем Иерусалима.

На Ричарда легло несмыаемое пятно, когда он хладнокровно убил две тысячи семьсот пленных на виду у войск Саладина в наказание за неуплату выкупа. Убийство пленнх христиан за несколько дней до того, если оно действительно произошло, отчасти объясняет, но не оправдывает этого преступления⁴²⁷.

Затем атакам крестоносцев подверглись Яффа и Аскалон. Операции были длительными и утомительными. Свидетели заявляют, что Ричард, со своей физической силой и военными навыками, совершал подвиги — прорубал себе путь через неприятельские толпы мечом, кося их, «как жнецы срезают пшеницу своими серпами». Он был настолько силен, что когда турецкий военачальник набросился на него, Ричард рассек его по шее и плечу одним ударом. Но несмотря на свою отчаянную, хотя и грубоватую храбрость, король не был наделен талантами вождя, необходимыми для ведения подобной кампании⁴²⁸. Его дикий воинский клич «Бог и Святой Гроб помогают нам!» не мог объединить войска, раздираемые ссорами правителей, и установить военную дисциплину. В лагере царила сумятица. Женщины, оставленные по приказу Ричарда позади, в Акре, снова появились в лагере, чтобы развращать армию, и день ото дня «ее многочисленные грехи, пьянство и роскошь возрастали». Один, может быть, два раза Ричард подошел так близко к Святому Городу, что мог бы глянуть на него сверху, если бы захотел⁴²⁹. Но, как и Филипп Август, он никогда не входил в его врата и после примечательной победы в Иоппии завершил свои военные достижения в Палестине. Договор с Саладином обеспечил христианам на три года владение побережьем от Тира до Иоппии и защиту паломников в Иерусалиме и по пути к

⁴²⁷ Об этом предлоге мы знаем только от Ховедена (*an.* 1191). Он, впрочем, сообщает, что Саладин стал казнить христианских пленнх, только когда Ричард отказался взять обратно свою угрозу и дать больше времени на уплату выкупа и доставку истинного креста. По мнению Арчера (*Hist. of the Crusades*, p. 331), рассказ Баха-ад-дина предполагает, что Саладин устроил бойню, но Лэйн-Пул (*Life of Saladin*, p. 307) — противоположного мнения. В *Itinerary* (IV. 4) сказано, что последователи Ричарда «торопились исполнить его приказание с благодарностью за Божью благодать, позволившую им таким образом отомстить за христиан, которых плененные перебили ранее своими бревнами и стрелами». Там ничего не говорится о боине Саладина. Лэйн-Пул, который восхищается Саладином, пользуется этим случаем, чтобы заявить: «В битвах крестовых походов все добродетели цивилизованности, великодушия, терпимости, подлинного рыцарства и культурного смирения были на сарацинской стороне». Герцог Бургундский принимал участие в уничтожении турецких пленнх.

⁴²⁸ *Itinerary*, VI. 23. Вот описание одного из многих столкновений с участием Ричарда, приведенное в *Itinerary*: «Ричард выделялся из всех своей царственной осанкой. Он скакал на высоком боевом коне и атаковал врага в одиночку. Его ясеневое копые сломалось от множества ударов, но он тут же выхватил свой меч, устремился на бегущих турок и сокрушил их, сметая тех, кто был ближе к нему, и заставляя дальних отступить. Так он бушевал, рубя и тараня. Никакая броня не могла выдержать его ударов, потому что его клинок рассекал головы от макушки до зубов. Размахивая своим мечом, он прокладывал путь через побежденных турок, как волк, преследующий бегущих овец» (VI. 4).

⁴²⁹ Де Жуанвиль (*Life of St. Louis*, *an.* 1253), без сомнения, говорит правду: Ричард взял бы Иерусалим, если бы не зависть и предательство герцога Бургундского. Он повторяет высказывание Ричарда, которое слишком уместно, чтобы быть выдуманным. Когда некий офицер сказал: «Сир, идите сюда, я покажу вам Иерусалим», — король, отбросив свое оружие и глядя на небо, воскликнул: «Я обещаю Тебе, о Господь Бог, что не стану глядеть на Святой Город, пока не избавлю его от врагов». В *Itinerary* ничего не сказано на эту тему. Ричард из Девиза (ХС) утверждает, что Губерт, епископ Солсбери, после паломничества в Иерусалим призывал короля отправиться туда паломником, но «достойное негодование благородного ума Ричарда не позволило ему принять в качестве милости от язычников то, чего он не мог добиться как Божьего дара».

городу. В октябре 1192 г. король вынужден был вернуться на родину из-за козней своего брата Иоанна. Он отплыл из Акры под стенания тех, кто остался позади, предварительно сообщив Саладину, что вернется, чтобы возобновить борьбу.

Подвиги английского короля вызывали восхищение даже у арабов. Их историк рассказывает, как Ричард скакал взад-вперед перед сарацинской армией, бросая ей вызов, и никто не осмеливался принять его. Они с Саладином обменялись подарками⁴³⁰. Один из сопровождавших третий крестовый поход заявляет, что Ричард обладал доблестью Гектора, великодушием Ахилла, расчетливостью Одиссея, красноречием греческого Нестора и был равен Александру Великому. Французские авторы XIII века сообщают, что после того, как Ричард вернулся в Англию, сарацинские матери еще долго пугали его именем своих детей, чтобы добиться от них послушания или тишины, — вот какой ужас он вызывал. Лишенный благочестивых добродетелей Готфрида и Людовика IX, Ричард, тем не менее, стоит в первых рядах известных крестоносцев благодаря своей доблести, физической силе и щедрости ума.

На обратном пути в Англию его захватил в плен Леопольд, герцог Австрийский, с которым они рассорились перед Иопнией. Герцог передал своего пленника императору Генриху VI, у которого также был на Ричарда зуб в связи с сицилийскими событиями. Ричарда освободили только на унижительных условиях: он заплатил громадный выкуп и согласился сделать свое королевство леном империи. Саладин умер 4 марта 1193 г., будучи самым знаменитым врагом крестоносцев. Христианский мир, вместе с арабскими авторами, славил его рыцарскую смелость, образованность и великодушие⁴³¹. Разве можно было повести себя благороднее, чем он, когда он внял просьбе Губерта Вальтера назначить по два латинских священника в трех церквях — Гроба Господня, Назарета и Вифлеема?⁴³²

Взятие Акры и обещание обезопасить паломников по пути в Иерусалим были маловажными успехами на фоне того, сколько было утрачено жизней, сколько месяцев было проведено в подготовке к крестовому походу, сколько денег он стоил и сколько сил потратили на него великие народы Европы. В данном случае, как и в других крестовых походах, крестоносцы потерпели поражение не столько из-за сарацин, и даже не из-за великодушных способностей Саладина, сколько из-за раздоров между собой. И такая крупная армия Запада больше никогда не сражалась за крест на сирийской земле.

⁴³⁰ Баха-ад-дин, цит. в Lane-Poole, р. 354. Ховеден говорит о фруктах, *Itinerary* — о лошадях. Более поздняя история сообщает, что Саладин ежегодно дарил тысячу золотых безантов рыцарям Сен-Жан-д'Акра. Для того чтобы проверить, милосердны ли рыцари, султан, переодевшись, отправился в госпиталь и обнаружил, что рассказы об их милосердии вполне обоснованы. Однако арабские историки ничего не знают об этом факте, а также о том, как он принял рыцарство из рук Гемфрида Торонского — хотя об этом сообщается в *Itinerary*, относящемся ко времени короля Ричарда. См. Lane-Poole, *Life of Saladin*, 387 sqq.

⁴³¹ Западное предание, о котором сообщает Винсент де Бове, гласит, что перед смертью Саладин приказал позвать своего знаменосца и велел, подобно тому как тот носил его боевое знамя, пронести по улицам Дамаска знамя его смерти, привязанную к копыю тряпку, восклицая: «Смотрите, царь Востока, умирая, не может взять с собой ничего, кроме этих лохмотьев!».

⁴³² В *Itinerary* есть история о Саладине и известном чуде святого огня, которое вплоть до настоящего времени наблюдают в церкви Гроба Господня. История вполне может быть правдивой. Когда однажды Саладин увидел, как святое пламя исходит и зажигает светильник, он велел загасить его, чтобы показать, что это обман. Но светильник тут же вновь чудесным образом зажегся. Его погасили во второй и в третий раз, но он вновь зажегся. И автор *Itinerary* восклицает: «Есть ли смысл противиться незримой Силе?!» (V. 16).

§54. Крестовые походы детей

ЛИТЕРАТУРА. Источники см. в WILKEN: *Gesch. der Kreuzzüge*, VI. 71-83. — DES ESSARDS: *La Croisade des enfants*, Paris, 1875. — RÖHRICHT, *Die Kinderkreuzzüge*, в Sybel, *Hist. Zeitschrift*, vol. XXXVI, 1876. — G. Z. GRAY: *The Children's Crusade*, N. Y., 1872, новое изд. 1896. — ISABEL S. STONE: *The Little Crusaders*, N. Y., 1901. — HURTER: *Innocent III*, II. 482-489.

Самая трагическая из всех трагедий крестоносцев — крестовые походы детей. Они вылились в крупномасштабное избиение младенцев и относятся к одной из тех тайн Провидения, которые разрешатся только в будущем.

Эпидемия детских крестовых походов разразилась во Франции и Германии в 1212 г. Движение зародилось в буре энтузиазма, разыгравшейся от рвения священников, а закончилось скорбными бедствиями.

Французскую экспедицию возглавил Этьен, пастушок двенадцати лет, живший в Клуаёе возле Шартра. Ходили слухи, что ему было видение, в котором Христос предстал в облике паломника и призвал спасти святые места. Мальчик совершил путешествие в Сен-Дени, рассказывая об увиденном. Вокруг него собрались другие дети. Энтузиазм распространился из Бретани до Пиренеев. Напрасно король Франции пытался сдержать это движение. Армия увеличилась до тридцати тысяч человек, мальчиков и девочек, взрослых и детей⁴³³. Когда их спрашивали, куда они идут, они отвечали: «Мы идем к Богу и ищем святой крест за морем». Они дошли до Марселя, но волны не расступились и не позволили им пройти в Святую Землю посуху, как они надеялись⁴³⁴.

Вдохновителями движения в Германии были Николай, мальчик десяти лет, и другой вождь, имени которого мы не знаем. Местом сбора был Кельн. В поход записывались и дети из благородных семейств. К детям присоединялись мужчины и женщины, хорошие и плохие.

Армия под командованием вождя с неизвестным нам именем прошла через Восточную Швейцарию и Альпы в Бриндизи, откуда часть детей отплыла морем, и больше о них ничего не слышали. Армия Николая в августе 1212 г. достигла Генуи. Дети по пути пели песни, и с ними ошибочно связывается дорогой для многих древний германский гимн:

*О Царь славы Иисус,
Правитель всей природы,
Сын человека и Бога,
Тебя я люблю, Тебя я чтю,
Ты — слава моей души, радость и венец.*

Из-за трудностей, смертей и моральных разочарований количество участников с двадцати тысяч сократилось до семи. В Генуе воды оказались столь же безжалостными, что и в Марселе. Некоторые из детей осели в этом городе и, как сообщают, стали предками выдающихся семейств⁴³⁵. Остальные прошли через Италию до Бриндизи, где епископ Бриндизи отказался пускать их дальше. Су-

⁴³³ Хертер считает, что эти цифры сильно преувеличены.

⁴³⁴ Эпиграмма, основанная на очевидной бессмысленности движения, гласит:

*Ad mare stultorum
Tendebat iter puerorum.
(К морю безумцев
Лежал путь детей.)*

⁴³⁵ Вилкен делает это заявление на основании *History of the Genoese Senate and People*, Peter Bizari, Antwerp, 1679. Одним из таких семейств стал дом Вивальди.

ществует недостоверное сообщение о том, что Иннокентий III отказался освободить их от обета принять крест.

Судьба французских детей была еще более достойной сожаления (конечно, если такое может быть). В Марселе они попали в руки двух работорговцев, которые «ради Бога и бесплатно» предложили перевезти их через Средиземное море. До нас дошли их имена: Гуго Феррей и Вильгельм Порк. В путь отправилось семь кораблей. Два потерпели крушение у маленького острова Сан-Пьетро возле северо-западного берега Сардинии, а остальные достигли африканских берегов, где дети были проданы в рабство.

Неудача маленьких крестоносцев была увековечена Григорием IX в капелле Новых Младенцев (*Ecclesia Novorum Innocentium*), которую он построил на Сан-Пьетро. Иннокентий III, побуждая Европу к новому крестовому походу, включил в свой призыв напоминание об их жертве: «Они пристыдили нас. Они устремились в путь ради возвращения Святой Земли, а мы спим»⁴³⁶.

Сколь бы невероятным ни казалось в наш расчетливый век такое движение, о нем заявляют слишком многие достоверные свидетельства, и мы не можем отнести его к области легенд⁴³⁷, так что страдания и гибель детей XIII века неизменно будут ассоциироваться с убийством вифлеемских младенцев Иродом.

§55. Четвертый крестовый поход и захват Константинополя. 1200 — 1204

ЛИТЕРАТУРА. НИКИТА АКОМИНАТ (византийский патриций и великий логофет; когда крестоносцы ворвались в Константинополь, его дворец был сожжен и он вместе с женой и дочерью бежал в Никею): *Byzantina Historia, 1118 — 1206*, в *Recueil des historiens des Croisades, histor. Grecs*, vol. I, и в Migne, *Patr. Gr.*, vols. 139, 140. — GEOFFROI DE VILLEHARDOUIN, выдающийся участник крестового похода, предп. ум. в 1213: *Hist. de la Conquête de Constantinople avec la continuation de Henri de Valenciennes*, самое раннее издание — Paris, 1585, ed. DU CANGE, Paris, 1857, и N. DE WAILLY, Paris, 1871, 3^d ed. 1882, и E. BOUCHET, с новым переводом, Paris, 1891. Другие издания см. в РОТННАСТ, II. 1094. Англ. перев. — T. SMITH, London, 1829. — ROBERT DE CLARY, ум. после 1216, участник крестового похода: *La Prise de Constant.*, 1-е изд. P. RIA NT, Paris, 1868. — GUNTHERUS ALEMANNUS, цистерцианец, предп. ум. в 1220: *Historia Constantinopolitana*, в Migne, *Patr. Lat.*, vol. 212, 221-265, и RIA NT, Geneva, 1875, также его *Exuviae Sacrae*, ценное описание, основанное на рассказе его аббата Мартина, участника крестового похода. — *Innocent III Letters*, в Migne, vols. 214-217. — CHARLES HOFF: *Chroniques Graeco-Romanes inédites ou peu connues*, Berlin, 1873. Содержит DE CLARY, *Devastatio Constantinopolitana*, etc. — С. КЛМКЕ: *D. Quellen zur Gesch. des 4ten Kreuzzuges*, Breslau, 1875. — Краткие выдержки из VILLEHARDOUIN и DE CLARY приводятся в *Trans. and Reprints*, опубликованных Университетом Пенсильвании, vol. III, Philadelphia, 1896.

PAUL DE RIA NT: *Exuviae sacrae Constantinopolitanae*, Geneva, 1877 — 1878, 2 vols. — TESSIER: *Quatrième Croisade, la diversion sur Zara et Constantinople*, Paris, 1884. — E. PEARS: *The Fall of Constantinople, being the Story of the Fourth Crusade*, N. Y., 1886. — W. NORDAU: *Der vierte Kreuzzug*, 1898. — A. CHARASSON: *Un curé plébéien au XIIe Siècle, Foulques, Prédicateur de la IVe Croisade*, Paris, 1905. — GIBBON, LX, LXI. — HURTER: *Life of Innocent III*, vol. I. — RANKE: *Weltgesch.*, VIII. 280-298. — C. W. C. OMAN: *The Byzantine Empire*, 1895, pp. 274-306. — F. C. HODGSON: *The Early History of Venice, from the Foundation to the Conquest of Constantinople*, 1204, 1901. Приложение содержит экскурс в исторические источники четвертого крестового похода.

⁴³⁶ Wilken, VI. 83.

⁴³⁷ Вилкен: *Sie ist durch die Zeugnisse glaubwürdiger Geschichtschreiber so fest begründet, dass ihre Wahrheit nicht bezweifelt werden kann* (p. 72). Рорихт также настаивает на исторической достоверности этих сообщений (*Hist. Zeitschrift*, XXXVI. 5).

В мировой истории трудно отыскать пример более поразительного отклонения от изначального замысла, чем события четвертого крестового похода. Призванные нанести удар по силам, владеющим Святой Землей, крестоносцы разрушили христианский город Зару (Задар) и низвергли греческую империю в Константинополе. Решение о задачах принимал слепой дож из Венеции Генрих Дандоло. Как первый крестовый поход привел к учреждению Латинского королевства Иерусалима, так четвертый — к учреждению Латинской империи Константинополя.

Иннокентий III, взойдя на папский престол, со всей свойственной ему энергией начал возрождать крестоносный дух. Он отправлял послание за посланием⁴³⁸ суверенам Англии, Франции, Венгрии и Сицилии⁴³⁹. Он также написал византийскому императору, призывая его сопротивляться сарацинам и подчинить Греческую церковь ее матери, Римской⁴⁴⁰. Неудача предыдущих крестовых походов объяснялась у него грехами крестоносцев. В противном случае один христианин стоил бы тысячи, даже десяти тысяч врагов креста, которые исчезли бы, как дым или тающий воск.

Папа выделил на новую экспедицию одну десятую часть своего дохода и велел кардиналам сделать то же самое. Он призвал клириков и всех христиан щедро жертвовать на это предприятие. Имуществу и землям крестоносцев обещалась особая защита святого престола. Князья должны были принуждать еврейских ростовщиков не брать проценты у тех, кто отправится в поход. В Геную, Пизу и Венецию были отправлены легаты, чтобы пробуждать интерес к походу. Этим городам было запрещено снабжать сарацин оружием, продуктами и другими товарами. Был выделен кардинал для специальных молитв о крестовом походе, подобно тому как Моисей молился об Израиле, сражавшемся с амаликитянами.

В Германии проповедовал цистерцианский аббат Мартин⁴⁴¹, а красноречивый Фулько из Нейи, получивший поручение от Иннокентия III⁴⁴², отличился тем, что обратил тысячи рекрутов, знатных и незнатных, в Бургундии, Фландрии и Нормандии. Под влиянием его проповедей в 1199 г. граф Тибо Шампанский⁴⁴³, Людовик из Блуа, Балдуин Фландрский и Симон де Монфор приняли обет. Так поступил и Вильгардуэн, маршал Шампани, который сопровождал экспедицию и составил ее интересную историю. Как и в случае первого крестового похода, вооруженные силы возглавляла знать, но не суверены.

Вожди, встретившиеся в Суассоне в 1200 г., послали депутацию в Венецию, чтобы обеспечить перевозку армии. Местом высадки и нападения был избран Египет; было решено, что такое движение успешно отрежет сарацин от их базы на землях Нила⁴⁴⁴.

Венецианский великий совет согласился предоставить корабли для 9000 эскавиров, 4500 рыцарей, 20.000 пехотинцев и 4500 лошадей, а также снабдить их провиантом на девять месяцев за сумму в 85.000 марок, или около миллиона

⁴³⁸ См. подробное описание в Hurter, I, pp. 221-230, etc.

⁴³⁹ *Epp. of Innocent*, I, 353, 354, etc., Migne, 214, 329 sqq.

⁴⁴⁰ *Ep.* I, 353, Migne, 214, 325 sqq.

⁴⁴¹ Guntherus, Migne, 212, 225.

⁴⁴² Французский перевод послания Иннокентия, в котором тот дает Фулько поручение проповедовать крестовый поход, приведен в Charasson, p. 99.

⁴⁴³ Тибо, тогда двадцати двух лет, и Людовик, двадцатисемилетний, были племянниками короля Франции (Villehardouin, 3; Wailly ed., p. 5). Тибо умер до того, как крестоносцы покинули Францию.

⁴⁴⁴ Вильгардуэн, бывший одним из шести членов комиссии (Wailly's ed., p. 11), говорит: «Там турков можно было победить проще, чем в любой другой стране». Крестоносцы часто называли Египет «землей Вавилонской».

долларов нынешними деньгами⁴⁴⁵. В соглашении цель предприятия была поименована как «избавление Святой Земли». Дожд Энрико Дандоло, которому было уже больше девяноста лет, был полон сил и решимости, несмотря на возраст и слепоту⁴⁴⁶.

Силы крестоносцев собрались в Венеции. Флот был готов, но крестоносцам не хватало средств — они смогли уплатить только 50.000 марок из требуемой суммы. Дандоло воспользовался этим затруднением для достижения эгоистичных целей Венеции и предложил крестоносцам, в качестве уплаты за проезд, оказать помощь в захвате Задара⁴⁴⁷. Предложение было принято. Задар (Зара), столица Далмации и главный торговый город на восточном берегу Адриатики, принадлежал христианскому королю Венгрии. Предлогом для такого желания были его нападения на венецианские суда⁴⁴⁸. Угроза папского отлучения, предъявленная папским легатом, не смогла отговорить от этого варианта. После торжественной мессы флот двинулся в путь, и Дандоло фактически был его главой.

Отплытие четырехсот восьмидесяти богато наряженных кораблей описано несколькими очевидцами⁴⁴⁹. Это одна из важнейших сцен во всей истории морских походов королевы Адриатики.

Задар был взят 24 ноября 1202 г., разграблен и разрушен. Не приходится удивляться решению Иннокентия отлучить участников бесчинств и его словам, что этот губительный набег на христианский народ был совершен по подстрекательству султана⁴⁵⁰.

Организованный для борьбы с сарацинами и превратившийся в пиратскую экспедицию, крестовый поход теперь был обращен против Константинополя. Законный император Исаак Ангел томился в темнице, его глаза были выколоты по приказу его собственного брата, узурпатора Алексея III. Сын Исаака Алексей посетил Иннокентия III и Филиппа Швабского, призывая помочь отцу (Филипп, претендент на германский трон, был женат на сестре принца). Греческие посланцы прибыли в Задар и обратились к Дандоло и крестоносцам с просьбой выступить в поддержку Исаака. Предложение отвечало амбициям Венеции, которой могло уже не представиться более благоприятной возможности подтвердить свое

⁴⁴⁵ Вильгардуэн (в издании Вайи, р. 452) указывает сумму в 4.420.000 франков. Получается, что одна марка была равна 52 франкам. Великий совет решил добавить пятьдесят вооруженных галер «ради любви к Богу», но при условии, что на протяжении действия договора Венеция будет получать половину захваченной добычи.

⁴⁴⁶ Вильгардуэн описывает его как человека *de bien grand coeur* {с великим сердцем}. Он умер в возрасте девяноста семи лет в 1205 г. и был похоронен в церкви Св. Софии. Отвечая депутации, дожд почтил высокое происхождение крестоносцев, сказав: «Мы видим, что господа принадлежат к высшему рангу среди тех, кто не носит короны» (Villehardouin, 16; Wailly ed., 13).

⁴⁴⁷ Villehardouin, 56 sqq.; Wailly ed., 33 sq.

⁴⁴⁸ Вильгардуэн упоминает только о предложении выступить против Задара. Однако, как утверждают Роберт из Клари и другие авторы, Дандоло до этого сделал предложение, что его флот сначала отправится на мусульманскую территорию и первая добыча будет использована для выплаты долга крестоносцев, — а уже потом он поменял мнение и предложил идти на Задар. Крестоносцы были вынуждены принять его предложение. Возможно, обоснованы обвинения в том, что в мае 1202 г. этот Дандоло заключил тайный договор с султаном Египта. См. Pears, 271 sqq.

⁴⁴⁹ Вильгардуэн и Роберт из Клари. Рассказ Клари — более живой и гораздо более подробный из двух.

⁴⁵⁰ Позже к Иннокентию была послана депутация, вымолившая у него прощение (Villehardouin, 107; Wailly ed., 61). Новость о смерти Фулько из Нейи дошла до крестоносцев накануне отплытия из Венеции. Вильгардуэн (73; Wailly ed., 43) называет его *le bon, le saint homme* {добрым, святым человеком}.

превосходство над пизанцами и генуэзцами, покушавшимися на захват Босфора, если не овладевшими им.

В качестве компенсации Алексей предложил 200.000 марок серебром, годовое содержание армии в 10.000 человек для борьбы с мусульманами и 500 рыцарей для защиты Святой Земли, а также подчинение Восточной церкви папе. Дож мгновенно согласился с его предложениями, но в рядах крестоносцев звучали и несогласные голоса. Однако мнение Иннокентия, угрожавшего отлучением, если экспедиция обратится против Константинополя, было проигнорировано. Немногие из крестоносцев, как Симон де Монфор, отказались служить частным целям и покинули экспедицию⁴⁵¹.

До того как флот достиг Корфу, Алексей присоединился к нему лично. К концу июня 1203 г. они прошли через Дарданеллы и стали на якорь напротив бухты Золотой Рог. После молитв и увещаний епископов и клириков была взята башня Галата. Алексей III бежал, Исаак был возвращен на трон.

Но тут обнаружилось, что греки не могут выполнить соглашение, заключенное с венецианцами. Среди них царило смятение. Два губительных пожара уничтожили большую часть города. Один из них начался в мечети, которая вызвала гнев крестоносцев⁴⁵². Недовольство жесткими условиями соглашения и присутствие западной армии дали Алексею Дукасу (прозванному из-за кустистых бровей Мурцуфл) возможность сместить Исаака и его сына и взять в свои руки бразды правления. Принц был приговорен к смерти, а вскоре за ним в могилу последовал и Исаак.

Чехарда во дворце и неспособность уплатить обещанную награду были для иноземной армии достаточным поводом, чтобы вторгнуться в город, который пал 12 апреля 1204 г.⁴⁵³ Последовали ничем не сдерживаемые грабежи и мятежи. Даже послушницы монастырей не спаслись от разнузданной похоти крестоносцев и их оргий. Церкви и алтари были разграблены наряду с дворцами. Из потиров пили спиртное. На трон патриарха в соборе Св. Софии посадили блудницу, которая пела веселые песни и танцевала для развлечения солдат⁴⁵⁴.

Иннокентий III пишет о захвате города:

Вы не пощадили ничего святого и не смотрели ни на возраст, ни на пол. Вы предались разврату, прелюбодеянию и дебошам перед лицом всего мира. Вы погрязли в своих греховных страстях, оскорбляя не только замужних женщин, но и женщины и дев, посвятивших себя Спасителю. Вам было мало императорских сокровищ и имущества богатых и бедных, но вы захватили даже богатства церкви и принадлежащее ей. Вы крали серебряные плиты алтарей, врывались в ризницы и забирали сосуды⁴⁵⁵.

⁴⁵¹ Villehardouin, 109. Пиэрс патетически клеймит крестоносцев за «готовность совершить великое преступление средних веков — разрушить крепость, которая до сих пор оставалась нерушимой и об которую разбивалась буря мусульманского вторжения» (р. 268). Действительно, мотивы крестоносцев не похвальны, однако не стоит оплакивать судьбу Константинополя и греков. Покорение города латинянами помогло ему дольше сопротивляться туркам.

⁴⁵² Арабам было позволено жить в городе и исполнять свои религиозные обряды. Гиббон с характерной для него иронией говорит: «Фламандские паломники оскорблялись видом мечети и синагоги, в которых совершалось поклонение Богу-одиначке, не имеющему помощника или сына».

⁴⁵³ Вильгардуэн (233, Wailly ed., p. 137) объявляет взятие Константинополя одним из самых трудных для него иронией говорит: «Фламандские паломники оскорблялись видом мечети и синагоги, в которых совершалось поклонение Богу-одиначке, не имеющему помощника или сына».

⁴⁵⁴ Хертер, сравнивая взятие Константинополя со взятием Иерусалима, прославляет благочестие Готфрида и первых крестоносцев в сравнении с венецианцами, жадными до добычи (I. p. 685). Но он забыл об ужасной бойне в Иерусалиме.

К отвращению перед этими оргиями в последующие века добавилось сожаление о невосполнимой утрате, которую понесли литература и искусство от такого дикого и длительного грабежа. Впервые за восемьсот лет накопленные в городе сокровища оказались во власти грабителей, которые разрушали алтари в его церквях, как, например, в Св. Софии, или расплавляли бесценные бронзовые статуи на его улицах и дорогах⁴⁵⁶.

Константинополь оказался богатейшей из священных сокровищниц, полной реликвий, которые пробуждали в крестоносцах жадность и тешили их суеверие. Они не видели никакой непоследовательности в том, чтобы сочетать ревностное поклонение в церкви с нарушением восьмой заповеди и присвоением объектов поклонения⁴⁵⁷. С легковерием, не задавая никаких вопросов, они без труда находили и без раздумий отправляли в Европу черепа и кости святых, куски их одежды и другие священные предметы — от камня, на котором спал Иаков, и жезла Моисея, который превращался в змея, до истинного креста и кусков одеяния Марии⁴⁵⁸. Как Калифорния поставляла миру золото в 1849 г., а шахты Трансвааля — бриллианты, так захваченный Константинополь был источником реликвий для латинского христианского мира. Города устраивали празднество при получении этих реликвий, монастыри становились знамениты благодаря обладанию ими. В 1205 г. епископ Нивелон из Суассона отправил домой в Суассон голову святого Стефана, палец, которым Фома прикоснулся к боку Спасителя, кусочек рубахи без рукавов, которую носила дева Мария, и ее пояс, часть полотенца, которым Господь перепоясывался на вечере Господней, одну из рук Иоанна Крестителя и другие не менее достойные древности. Городу Гальберштадту и его епископу Конраду удалось заполучить немного крови, пролитой на кресте, часть губки, обломок трости, кусок пурпурного одеяния, голову Иакова Иуста и многие другие трофеи. Сансу достался терновый венец. Слеза Христа была послана в Селигенкурт и привела к изменению его названия на монастырь Священной Слезы⁴⁵⁹. Амьен получил голову Иоанна Крестителя, Сент-Альбан, в Англии, — два пальца святой Маргариты. Истинный крест, по решению епископов, был поделен между баронами, и Балдуин послал его кусочек Иннокентию III.

Вероятно, ни одна из реликвий не была почитаема так ревностно, как истинный терновый венец, который Балдуин II передал королю Франции за награду в десять тысяч марок серебром⁴⁶⁰. Его свободно пропустил через свою территорию император Фридрих II, а через Париж нес французский король, босиком и в

⁴⁵⁵ *Reg.*, VIII. *Ep.*, 133.

⁴⁵⁶ Никита приводит перечень таких утрат. См. Gibbon, LX, и Hurter.

⁴⁵⁷ Вильгардуэн говорит: «Нет смысла перечислять реликвии, потому что в то время в этом городе их было столько же, сколько во всем остальном мире» (191; Wailly ed., 111). Рассказ Гунтера (*Migne*, 212, 253 sqq.) более детален. Аббат Мартин, его источник сведений, был неустанным охотником за реликвиями.

⁴⁵⁸ См. Riant; Hurter, I. 694-702; Pears, 365-370. Вряд ли хватит отдельного тома для описания истории, реальной и воображаемой, всех этих объектов поклонения.

⁴⁵⁹ Любопытный рассказ приводит Далмаций из Сержи об обнаружении им головы святого Климента в ответ на молитву и об обмане, к которому ему пришлось прибегнуть, чтобы увести ее. Реликвия попала в Клюни и очень ценилась (см. Hurter). Об удачном воровстве аббата Мартина подробно рассказывает немец Гунтер (*Migne*, 212, 251 sq.).

⁴⁶⁰ Матфей Парис в своем отчете пишет: «Стоящий дорожке золота или топаза, несущий благо для всего Французского королевства и, воистину, всех латинян, он был торжественно и по вере принят с великой процессией под звон колоколов и усиленные молитвы верных последователей Христа, а затем помещен в королевской капелле в Париже» (Luard ed., IV. 75; перев. Giles, I. 311).

рубаше. Дополнительными приобретениями Парижа стали часть истинного креста и вифлеемские пелены.

Латинская империя Константинополя, которая возникла после захвата города, просуществовала с 1204 по 1261 г. Шесть электоров, представлявших венецианцев, и шесть представителей крестоносцев собрались на совет и выбрали Балдуина Фландрского императором⁴⁶¹. Он был коронован папским легатом в Св. Софии и тут же начал назначать латинских священников и подчинять Греческую церковь папе.

В отношении Иннокентия III к этому дивному маневру христианского воинства проявилось одновременно и праведное негодование, и политическое понимание новой ответственности апостольского престола⁴⁶². Он назначил венецианца Томаса Морозини архиепископом. Установленный таким образом Латинский патриархат сохранился по сей день и остается почти невыносимым оскорблением для греков⁴⁶³. Если бы Иннокентий следовал предложениям Балдуина, он созвал бы в Константинополе вселенский собор.

Последний из императоров Латинской империи, Балдуин III (1237 — 1261), проводил большую часть времени в Западной Европе, тщетно прося денег. После его низложения Михаилом Палеологом в 1261 г. он представлял собой жалкое зрелище, стараясь добиться аудиенции у князей и церковных деятелей. В последовавшие два столетия положение греков на Босфоре было непрочным. Потеря Константинополя рано или поздно должна была произойти из-за упадка сил и нравов греческого народа. Латинское завоевание города было романтическим эпизодом, а никаким не новым этапом развития цивилизации на Востоке. И оно не ускорило наступление новой литературной эпохи в Западной Европе. Вследствие завоевания Константинополя раскол между Греческой и Латинской церквями усилился. Единственными, кто извлек существенную выгоду из четвертого крестового похода, были венецианцы⁴⁶⁴.

§56. Фридрих II и пятый крестовый поход. 1229

RÖHNICHT: *Studien zur Gesch. d. V. Kreuzzuges*, Innsbruck, 1891. — НАУСК, IV. 752-764, и литература в §42, 49.

Иннокентий III вплоть до самой смерти испытывал сильное желание отвоевать Палестину. Новый крестовый поход был одной из задач, ради которых созвали Четвертый Латеранский собор. Начать поход запланировали 1 июня 1217 г., и он известен как пятый крестовый поход. Папа обещал 30.000 фунтов

⁴⁶¹ О способе избрания договорились еще до взятия города (Villehardouin, 234, 256-261; Wailly ed., 137, 152 sqq.). Вождь французских сил Бонифаций Монферратский женился на вдове императора Исаака и был сделан королем Салоники. Иннокентий III поздравил вдову Исаака с ее обращением в Латинскую церковь (VIII. 134, Migne, 215, 714).

⁴⁶² Он писал Балдуину, что, хотя и желательно подчинить Восточную церковь, его больше беспокоит освобождение Святой Земли. Он призывал его и венецианцев насыщаться хлебом покаяния, чтобы выйти на битву Господню с чистым сердцем.

⁴⁶³ Греческий патриарх покинул город, низведенный до состояния апостольской бедности, о которой Гиббон (LXI) говорит, что «эта бедность, возможно, и была бы заслугой, если бы она была добровольной».

⁴⁶⁴ Пиэрс завершает свой труд, «Падение Константинополя», ошибочным выводом, что последствия четвертого крестового похода были губительны для цивилизации. Он считает, что, если бы не этот поход, город никогда не попал бы в руки турок, а Мраморное и Черное моря были бы окружены сейчас «процветающими и цивилизованными народами» (pp. 412 sqq.). В Византийской империи не наблюдалось прогресса, которому могли бы помешать крестоносцы.

из личных фондов и корабль для отправки крестоносцев из Рима и окрестностей. Кардиналы вместе с ним обещали внести вклад в размере одной десятой своих доходов, а клириков призвали в течение трех лет выделять на святое дело по одной двадцатой своих средств. Кающимся, вносящим в крестовый поход денежный вклад, как и его участникам, гарантировалось полное отпущение грехов⁴⁶⁵. Папское брeve, запрещающее продажу военных товаров и вооружения сарацинам в течение четырех лет, зачитывали каждую субботу и воскресенье в христианских портах.

Иннокентий умер, не увидев, как экспедиция отправляется в путь. Его преемник Гонорий III также страстно желал ее осуществления, но и он умер, не дождавись результата.

В 1217 г. Андрей Венгерский повел армию в Сирию, но ничего не добился. В 1219 г. Вильгельм Голландский со своими германцами, норвежцами и датчанами помог Иоанну Бриеннскому, номинальному королю Иерусалима, взять Дамьетту. Этот город, расположенный в устье Нила, был очень важным торговым пунктом и считался ключом к Египту. Египет стал рассматриваться как военный плацдарм на пути к Палестине. Малик-аль-Камил, который в 1218 г. пришел к власти в Египте, предложил христианам Иерусалим и всю Палестину, кроме Керака, а также освобождение всех пленных христиан, если ему отдадут Дамьетту. Это была великая возможность получить то, за что сражались крестоносцы, но, воодушевленные победой и ждущие помощи от императора Фридриха II, они отвергли предложение. В 1221 г. Дамьетта вновь попала в руки мусульман⁴⁶⁶.

Результаты пятого крестового похода были достигнуты скорее дипломатическим путем, чем мечом. Его вождь, Фридрих II, не был крестоносцем в душе, а опыт предков, Конрада и Барбароссы, вряд ли мог его вдохновить. Обет, данный Фридрихом при коронации в Аахене и повторенный при коронации в Риме, похоже, не обладал для него большой силой. Его брак с Иолантой, внучкой Конрада Монферратского и наследницей короны Иерусалима, не ускорила приготовлений, в которых его торопил Гонорий III. В 1227 г. он отплыл из Бриндизи, но, как мы уже говорили, три дня спустя возвратился в порт из-за болезни, поразившей его воинов⁴⁶⁷.

Наконец император отправил сорок галер и шестьсот рыцарей и прибыл в Акру 7 сентября 1228 г. Султаны Египта и Дамаска в это время конфликтовали между собой. Воспользовавшись ситуацией, Фридрих заключил с Малик-аль-Камилом договор, который оставался в силе десять лет и предполагал передачу христианам Иерусалима (за исключением мечети Омара и храмовой зоны), Вифлеема, Назарета и пути паломников из Акры в Иерусалим⁴⁶⁸. 19 марта 1229 г. император собственноручно короновал себя в церкви Гроба Господня. В тот же

⁴⁶⁵ *Plenam suorum peccaminum veniam indulgemus*. См. Mansi, XXII. 1067; Mirbt, *Quellen*, 126, Gottlob, 137 sq.

⁴⁶⁶ Призыв Фридриха к крестовому походу (1221) см. в Mathews, *Select Med. Documents*, 120 sq.

⁴⁶⁷ Функ в *Wetzer-Welte*, VII. 1166, говорит, что, судя по свидетельствам современников, в болезни Фридриха нельзя сомневаться. Роджер Вендовер (*an.* 1227), однако, сомневается в ней. Функ неправ, когда говорит, что только в 1239 г. Григорий, недовольный поведением императора, начал сомневаться в заявлении Фридриха о болезни. В своем приговоре отлучения 1228 г. Григорий заявляет, что Фридриха «влекли к себе привычные удовольствия его королевства, и он выдвинул надуманный предлог телесной слабости». В 1235 г., когда император и папа примирились, Григорий говорил об Иерусалиме «как о возвращенном нашему возлюбленному сыну во Христе Фридриху».

⁴⁶⁸ См. Röhricht, *Regesta regni Hier.*, 262, и Bréholles, III. 86-90.

день архиепископ Кесарии от имени патриарха Иерусалима наложил на город интердикт⁴⁶⁹.

Вероятно, из-за опасностей, угрожавших его королевству, Фридрих вернулся в Европу весной 1229 г., но, как оказалось, только для того, чтобы его непримиримый противник Григорий отлучил его в четвертый раз. В 1235 г. Григорий призвал христианский мир готовиться к новой экспедиции, а в послании от 1239 г., где в пятый раз объявлялось об отлучении императора, он называл его главным препятствием на пути крестового похода⁴⁷⁰.

Конечно же, необычным было то, что Святой Город завоевали посредством дипломатических переговоров, а не путем аскетических лишений, героических сражений и чудесного вмешательства свыше, реального или воображаемого. И еще более удивительно, что столь священная цель была достигнута без санкции церкви, мало того, при официальной папской анафеме.

Фримен называет Фридриха крестоносцем поневоле, а покорение Иерусалима — гротескным эпизодом его жизни⁴⁷¹. Фридрих явно не испытывал угрызений совести, дружески соседствуя с мусульманами в собственном королевстве, так зачем ему было ставить под угрозу отношения с ними дома, заноса на них свой меч за границу?⁴⁷² К великому недовольству Григория IX, он посетил мечеть Омара в Иерусалиме, не возражая против ее обрядов. Вероятно, в своем вольномыслии он не считал таким уж важным успехом даже обладание Палестиной. В любом случае, вера Фридриха — если он вообще во что-нибудь верил — без пылкого энтузиазма воспринимала благочестивейшее устремление эпохи, в котором самой важной составляющей были чувства.

Повторявшиеся в 1235 и последующих годах призывы Григория привели к нескольким малым экспедициям, одну из которых возглавлял Ричард Корнуольский, позже германский император. Положение христиан в Палестине становилось все более и более плачевным. 14 октября 1244 г. они потерпели ужасное поражение в битве с хорезмийцами, после чего Иерусалим был для них закрыт.

§57. Людовик Святой и последние крестовые походы. 1248 и 1270

ЛИТЕРАТУРА. — ЖЕНАН DE JOINVILLE (ум. в 1319; следующий по величине французский историк после Вильгардуэна, сопровождавший Святого Людовика в его первый крестовый поход): *Hist. de St. Louis*, первое издание — Poitiers, 1547; Du Cange, 1668; Michaud в *Mémoires a l'hist. de France*, Paris, 1857, I. 161-329, и de Wailly, Paris, 1868. Другие издания см. в Potthast, *Bibl.*, I. 679-681. Англ. перев., М. TH. JONES, Haford, 1807, включен в *Chronicles of the Crusades*, Bohn's Libr., 340-556, и J. HUTTON, London, 1868. TILLEMONT: *Vie de St. Louis*, впервые опубликовано — Paris, 1847 — 1851, 6 vols. — SCHOLTEN: *Gesch. Ludwigs des Heiligen*, ed. Junkemann and Janssen, 2 vols. Münster, 1850 — 1855. — GUIZOT: *St. Louis and Calvin*, Paris, 1868. — Г-ЖА BRAY: *Good St. Louis and his Times*, London, 1870. — WALLON: *St. Louis et son Temps*, 3^d ed. Tours, 1879. — ST. PATHUS: *Vie de St. Louis*, опубликовал F. Delaborde, Paris, 1899. — F. PERRY: *St. Louis, Most Christian King*, London, 1901. — LANE-POOLE: *Hist. of Egypt in the M. A.*, N. Y., 1901.

⁴⁶⁹ Патриархом Иерусалима был Герольд, он сообщил Григорию IX о «мошенническом договоре [Фридриха] с египетским султаном» (Röhricht, 263).

⁴⁷⁰ В 1240 г. петиция, подписанная германскими епископами и князьями и адресованная Григорию, призывала его прекратить вражду с Фридрихом как мешающую крестовому походу (Bréholles, V. 985).

⁴⁷¹ *Hist. Essays*, I. 283-313.

⁴⁷² Bréholles, V. 327-340.

Еще одному великому крестоносцу, ведущей чертой которого было подлинное благочестие, предстояло обратить свое лицо к Востоку и, когда его карьера внезапно завершилась из-за болезни, сыграть одну из самых памятных сцен в долгой драме крестовых походов. Шестой и седьмой крестовые походы обязаны своим началом вере Людовика IX, короля Франции, обычно известного как Людовик Святой. В Людовике благочестие монаха сочеталось с рыцарственностью. Он занимает место в передних рядах христианских правителей всех времен⁴⁷³. Его религиозное рвение проявлялось не только в его преданности исповедям и мессе, но и в решительном отказе отречься от веры даже перед угрозой мучений, а также в стойкости к самым тяжелым невзгодам. Для него было характерно внимание к бедным и справедливое отношение к подданным. Он мыл ноги нищим, а когда некий доминиканец предостерег его от чрезмерного смирения, он ответил: «Если бы я посвящая играл и охоте столько же времени, сколько посвящая служению, меня не решился бы упрекнуть ни один человек».

Однажды Людовик спросил Жуанвиля, что тот выбрал бы — стать прокаженным или совершить смертный грех, если бы пришлось выбирать между этими двумя, и сенешаль ответил, что он «предпочел бы совершить тридцать смертных грехов, чем стать прокаженным». На следующий день король сказал ему: «Как вы могли такое ответить? Ни один прокаженный не отвратителен так, как человек, совершивший смертный грех. Телесная проказа пройдет после смерти, а проказа души может остаться с ней навсегда».

За разграблением Иерусалима хорезмийцами⁴⁷⁴, которых прогнали из родных мест монголы, последовало падение Газы и Аскалона. Прошло ровно сто лет с тех пор, как новость о падении Эдессы взволновала Европу, но настрой людей был уже другим. К новостям о несчастьях Палестины привыкли. Больше не было Бернара, который пробуждал бы совесть и задавал бы направление чувствам князей и народа. Лионский собор 1245 г. объявил одной из четырех основных задач освобождение святых мест. Папа и собор призывали к новой экспедиции и обещали стандартные индульгенческие послабления тем, кто примет в ней участие. Откликнулся Святой Людовик. Во время болезни в 1245 г. и тогда, когда слуги уже собирались накрыть лицо короля тканью, считая его мертвым, на груди у короля был прикреплен крест.

12 июня 1248 г. Людовик принял в Сен-Дени из рук папского легата орифламму, котомку и посох паломника. К нему присоединились три его брата: Роберт, граф Артуа, Альфонсо, граф Пуатье, и Карл Анжуйский. Среди других сопровождавших короля лиц был Жан де Жуанвиль, сенешаль Шампани, автор изысканной летописи о крестовом походе⁴⁷⁵. Войско насчитывало тридцать две

⁴⁷³ «Его ведущей страстью было благочестие» (Guizot, p. 117). Де Жуанвиль называет его «благим королем», а Матфей Парис — «наихристианнейшим королем».

⁴⁷⁴ См. рассказ в послании от прелатов Святой Земли у Матфея Париса, *an.* 1244. Роберт, патриарх Иерусалима, в послании к Иннокентию IV называет вторгшихся татарами (Röhricht, *Reg. regni Hier.*, p. 299).

⁴⁷⁵ Жуанвиль в сопровождении двадцати рыцарей присоединился к королю на Кипре. Этот человек отличался религиозным рвением, совершил паломничества ко всем святыням поблизости от своего замка перед отправлением в поход, а в течение своего долгого похода по пятницам всегда ограничивался хлебом и водой (*History*, *an.* 1250). В одном из параграфов он живо описывает печаль, которую ощущали тысячи крестоносцев, покинувших свои дома ради долгого и полного неожиданностей путешествия на Восток. Он говорит: «Проезжая мимо замка Жуанвиль, я не осмеливался обернуться, чтобы не ощутить слишком сильные сожаления и чтобы мне не изменила смелость, ведь я покидал своих детей и свой славный замок Жуанвиль, который любил всем сердцем».

тысячи человек. Венецианские и генуэзские суда отвезли их на Кипр, где были проведены крупномасштабные приготовления по обеспечению войска провиантом. Оттуда они отплыли в Египет. Дамьетта пала, но после этого первого успеха кампания была неудачной. Благодушие и искренность Людовика не подкреплялись волей руководителя. Он был готов страдать вместе со своими войсками, но не был способен их организовать⁴⁷⁶. Его благочестие не могло отвлечь крестоносцев от обычных пороков, какие процветают в армии⁴⁷⁷.

Оставив в стороне Александрию и следуя совету графа Артуа, который говорил, что желающий сразить змея должен бить прежде всего в голову, Людовик повел войска на столицу, Каир или, как его называли, Вавилон. Враг неустанно нападал на армию. Ее ряды сокращались из-за лихорадки и дизентерии. Воды Нила стали грязными из-за мертвых тел⁴⁷⁸. В Мансуре турки нанесли армии сокрушительное поражение. Во время последовавшего отступления король и граф Пуатье были взяты в плен. Граф Артуа был убит. Унижение крестоносцев никогда не было так велико.

Терпение и сила короля ярко проявились в этих неудачах. Перед угрозой мучений и смерти он отказался отречься от своей веры или уступить какую бы то ни было из территорий Палестины. Он согласился уплатить 500.000 ливров выкупа за свои войска, а за свою собственную свободу — отдать Дамьетту и оставить Египет. Султан вернул пятую часть выкупа, услышав, с какой готовностью король принял условия.

Одетый в подаренную султаном одежду, на лишенном удобств корабле, король отплыл в Акру. На борту судна, узнав, что его брат, граф Анжуйский, и Вальтер де Немур играют на деньги, он, больной, нашел силы подняться с постели и сбросить в море кости, столы и деньги, упрекая графа в том, что тот так быстро забыл о смерти своего брата и о других несчастьях, случившихся в Египте, и предался игре⁴⁷⁹. В Акре Людовик оставался три года. Он потратил много средств на укрепление Яффы, Сидона и других мест. Из-за смерти Бланш, матери Людовика, которая была королевой-регентшей в его отсутствие, он был вынужден вернуться домой.

Подобно Ричарду Львиное Сердце, Людовик не увидел Иерусалима. Султан Дамаска давал ему такую возможность, и Людовик мог бы принять ее, но советники⁴⁸⁰ говорили, что его отсутствие в армии ставит ее под удар, и указывали на пример Ричарда, убеждая короля, что ниже его достоинства входить в город, который он не мог покорить. Людовик отплыл из Акры весной 1254 г. С ним были его королева, Маргарита, и трое детей, родившихся у них на Востоке. Таков печальный финал экспедиции, которая, казалось, могла завершиться чудесно.

⁴⁷⁶ Жуанвиль говорит, что в мирное время Людовику было «так же трудно удерживать своих людей вместе, как и во время его неудач» (*an.* 1249).

⁴⁷⁷ На расстоянии брошенного камня от палатки короля находилось несколько борделей. Любопытно наказание, которому король подверг рыцаря, застигнутого с блудницей в Акре (*Joinville*, pt. II. *an.* 1250, перев. Вольф, 484). {Звучит интригующе, однако книгу Жуанвиля имеет смысл прочесть не только из-за истории с наказанием рыцаря, которому предложили выбор: либо он лишается своего коня, доспехов и убирается из лагеря восвояси, либо эта блудница привязывает веревку за его мужское достоинство и проводит его так через весь лагерь полуодетым, в одной рубахе. Рыцарь, понятно, выбрал первый вариант.}

⁴⁷⁸ См. вызывающее отвращение описание Жуанвиля (*an.* 1249).

⁴⁷⁹ *Joinville*, *an.* 1250.

⁴⁸⁰ *Joinville*, *an.* 1253.

В других условиях столь полная неудача разрушила бы все надежды на возвращение Палестины, однако идея крестового похода по-прежнему жила и была еще сильна в умах Европы. Урбан IV и Климент III вновь обратились к христианскому миру с призывами, да и Людовик не забыл о Святой Земле. В 1267 г., положив руку на терновый венец, он объявил собранию прелатов и баронов, что собирается во второй раз отправиться в святой крестовый поход.

Тем временем с Востока приходили новости о постоянных бедствиях от врагов и несогласиях между самими христианами. В 1258 г. сорок венецианских судов вступили в бой с пятьюдесятью генуэзскими кораблями недалеко от Акры, в результате чего погибли тысяча семьсот человек. Год спустя тамплиеры и госпитальеры затеяли битву между собой. В 1263 г. Бибарс, основатель мамлюкского правления в Египте, появился у стен Акры. В 1268 г. пала Антиохия.

Несмотря на физическую слабость и протест знати, Людовик отплыл на Восток в 1270 г.⁴⁸¹ Флот отправился в Тунис⁴⁸², вероятно, для защиты Карла Анжуйского, ставшего королем Неаполя, который пытался принудить султана выполнять свои обязательства перед Сицилией и платить ей дань⁴⁸³. Шестьдесят тысяч человек участвовали в экспедиции, но ее ждала неудача. Только они расположились лагерем рядом с Карфагеном, как началась чума. Среди ее жертв был сын короля Иоанн Тристан, родившийся в Дамьетте, и сам король. Людовик умер с самоотверженностью, которая весьма подобала благочестию, отличавшему всю его жизнь. Он велел положить себя на ложе из пепла и постоянно повторял: «Молим Тебя, Господи, помоги нам пренебрегать благами этого мира и не бояться его трудностей». Ночью 24 августа его помыслы были сосредоточены на Иерусалиме, и он, пробудившись от лихорадочного сна, воскликнул: «Иерусалим! Иерусалим! Мы придем». Его последними словами, по свидетельству одного из слуг, были: «Я войду в Твой дом, Господи, буду поклоняться в Твоем святилище, буду славить имя Твое, о Господь»⁴⁸⁴. На следующий день король-страдалец отправился в Небесный Иерусалим. Его тело было привезено во Францию и похоронено в Сен-Дени⁴⁸⁵. В 1297 г. этот благочестивый правитель был канонизирован. Он стал единственным из выдающихся участников крестовых походов, кто удостоился такой чести, за исключением святого Бернара.

§58. Последний оплот крестоносцев в Палестине

С Людовиком окончательно ушла и надежда христиан овладеть Палестиной. После его смерти французская армия распалась.

В 1271 г. Эдуард, сын и наследник Генриха III Английского, достиг Акры через Тунис. Его экспедиция была слабым подобием похода Людовика. Французский король одолжил ему 30.000 марок на вооружение. С ним была его супруга

⁴⁸¹ Жуанвиль отказался сопровождать короля и советовал отменить экспедицию, потому что во Франции был мир, только пока монарх находился дома, а физическая слабость не позволяла королю носить броню и долгое время скакать верхом.

⁴⁸² С 1881 г. зависит от Франции.

⁴⁸³ Султан согласился платить ежегодную дань Роджеру II. По договору, заключенному в конце экспедиции, он согласился уплатить Карлу долги по дани.

⁴⁸⁴ М. Парис, *an.* 1271.

⁴⁸⁵ Вопрос о том, было сердце короля похоронено в Сен-Шапеле в Париже или нет, оживленно обсуждался в 1843 г. См. Letronne, *Examen critique de la découverte du prétendu coeur de St. Louis faite a la Sainte Chapelle le 15 Mai 1843*, Paris, 1844; Lenormant, *Preuves de la découverte du coeur de St. Louis*, Paris, 1846.

Элеонора, а его дочь, рожденная на сирийском побережье, именовалась Иоанной из Акры. Перед тем как вернуться в Англию и принять корону, он заключил бессмысленный мирный договор на десять лет.

Предпринимались попытки вновь разжечь пламя энтузиазма, но впустую. Григорий X, который был в Святой Земле на момент его избрания на папский престол, привез с собой на Запад страстное намерение помочь сражающимся латинским колониям в Палестине. Перед тем как оставить Акру в 1272 г., он произнес проповедь по Пс. 136:5: «Если я забуду тебя, Иерусалим... прилипни язык мой к гортани моей». Его призывы, обнародованные через день или два после коронации, вызвали незначительный отклик. Лионский собор 1274 г., который он созвал, собрался в основном для подготовки крестового похода, но два года спустя Григорий умер, и его затея была оставлена.

В 1289 г. был сдан Триполи, а жестоким соперничеством между рыцарскими орденами ускорилось падение Акры (1291)⁴⁸⁶, с которым правление христиан в Сирии подошло к концу. Тамплиеры и госпитальеры бежали оттуда. Население в шестьдесят тысяч человек было обращено в рабство или перебито. Сто пятьдесят лет Акра была столицей латинской жизни на Востоке. В ней разбивала свой лагерь одна армия за другой. В нее вступали и из нее уезжали короли и королевы главных государств Европы. Но город был также полон беспорядков и пороков. Николай IV посылал корабли поддержать осажденных и вновь призывал князей Европы помочь, но никто не прислушался к его призыву.

Движение за освобождение святых мест даже во времена наибольшего подъема вызывало у части людей сомнение в религиозных достоинствах крестовых походов и их важности. В конце XII века аббат Иоахим жаловался, что папы превращают походы в повод для собственного возвеличивания и предсказывал, на основании Нав. 6:26 и 3 Цар. 16:24, проклятие на того, кто попытается восстановить стены Иерусалима. «Пусть папы, — говорил он, — скорбят о своем собственном Иерусалиме — то есть о вселенской церкви, нерукотворной и приобретенной Божьей кровью, а не о грешном Иерусалиме»⁴⁸⁷. Гумберт де Романис, глава доминиканцев, составляя список тем, которые должны были решаться на соборе в Лионе (1274), вынужден был давать опровержение не менее чем семи возражениям против крестовых походов (в частности: крестовые походы противоречат повелению Нового Завета не распространять веру мечом; христиане могут защищаться, но не имеют права вторгаться в чужие земли; неправильно проливать кровь неверующих и сарацин; несчастья, связанные с крестовыми походами, показывают, что Бог против них⁴⁸⁸).

Раймунд Луллий, вернувшись из своей миссии в Северную Африку в 1308 г., заявлял⁴⁸⁹, что «завоевания Святой Земли следует добиваться только так, как это делали Христос и апостолы, — молитвами, слезами и принесением в жертву собственной жизни. Многие князья и рыцари отправлялись в Землю Обетованную, желая покорить ее, но если бы этот способ был угоден Господу, то они, конечно же, давно бы уже отняли ее у сарацин. Как известно любому благочестивому монаху, Господь ежедневно ждет, чтобы они совершали из любви к Нему то, что Он совершил из любви к ним».

⁴⁸⁶ Описание Акры современником см. в *Itin. regis Ricardi*, I. 32.

⁴⁸⁷ *Com. in Jerem.*, см. Neander, *Ch. Hist.*, IV. 189 sqq., англ. перев.

⁴⁸⁸ Mansi, XXIV. 111-120.

⁴⁸⁹ *Contemplations of God*. См. Zwemer, *Life of Raymund Lull*, 52, 149.

Однако последователи Николая IV продолжали мечтать о вооруженном завоевании Святой Земли. В XIV — XV веках они неоднократно взывали к благочестию и рыцарственности Западной Европы, но их голоса звучали уже из другой эпохи. Избавление Палестины с помощью меча оказалось бесперспективным делом. Людские умы были озадачены новыми проблемами. Авторитет пап — которые то находились в изгнании в Авиньоне, то роскошествовали в Риме, то воевали за папские территории, — был недостаточным, чтобы объединить и направить силы Европы, как это было когда-то. Папы не умели читать знаки времени, а христианству предстояло выполнить более важные задачи, чем завоевание святых мест на Востоке.

В самом конце Средневековья Эразм взял верную ноту и выразил точку зрения последующей эпохи⁴⁹⁰, когда, в связи с войной против турок, призвал проповедовать Евангелие: «Воистину, мы можем объявлять себя христианами не тогда, когда многих убьем, но тогда, когда многих спасем; не тогда, когда отправим тысячи язычников в ад, но тогда, когда превратим многих неверных в христиан; не тогда, когда будем жестоко проклинать и отлучать их, но тогда, когда будем ревностно молиться и от всего сердца желать им здоровья, прося Бога изменить состояние их умов»⁴⁹¹.

§59. Последствия крестовых походов

ЛИТЕРАТУРА. А. R. L. HEEREN: *Versuch einer Entwicklung der Folgen der Kreuzzüge für Europa*, Göttingen, 1808; франц. перев., Paris, 1808. — MAXIME DE CHOISEUL-DAILLECOURT: *De l'influence des croisades sur l'état des peuples de l'Europe*, Paris, 1809. Награжден Французским институтом, представляет крестовые походы как в целом благоприятные для развития гражданской свободы, торговли и т. д. — J. L. HAHN: *Ursachen und Folgen der Kreuzzüge*, Greifsw., 1859. — G. B. ADAMS: *Civilization during the M. A.*, N. Y., 1894, 258-311. См. общий обзор крестовых походов в GIBBON, WILKEN, MICHAUD, ARCHER-KINGSFORD, 425-451, и т. д., особенно PRUTZ (*Kulturgeschichte der Kreuzzüge* и *The Economic Development of Western Europe under the Influence of the Crusades* в *Essays on the Crusades*, Burlington, 1903), который, говоря об общественных, политических, торговых и литературных стононах крестовых походов, придает им чрезмерную важность.

Крестовые походы оказались неудачными в трех отношениях. Святая Земля не была завоевана. Продвижение ислама не было остановлено. Раскол между Востоком и Западом не был устранен. А это были первостепенные задачи крестовых походов.

Походы стали причиной великого зла. Как школа практической религии и морали, они, без сомнения, оказались губительными для большинства крестоносцев. Они сопровождались всеми обычными деморализующими влияниями войны и пребывания армии во вражеской стране. Пороки в лагерях крестоносцев стали источником огромного позора для Европы. Папы осуждали их. Бернар избличал их. Авторы говорили о роковой ошибке тех, кто желал покорить земной Иерусалим и забывал о граде небесном. «Многие держали путь к Святому Городу, забывая, что наш Иерусалим находится не на земле». Так писал англичанин Вальтер Мэп после побед Саладина в 1187 г.

⁴⁹⁰ *Enchiridion militis christiani*, Methuen ed. 1905, p. 8 sq.

⁴⁹¹ Никакое прозвище не считалось слишком унижительным для врагов креста. Самым распространенным было «псы». Биографы Ричарда I без угрызений совести в одной строке описывают дары от сарацин, а уже в следующей называют их псами (см. *Itin. Ricardi*, etc.). Так, Вальтер Мэп говорит: *Sepulchrum et crux Domini praeda sunt canum quorum fames in tantum lassata fuit et sanguine martyrorum*, etc. (Wright ed., I. 15, p. 229).

Раскол между Востоком и Западом усугубился из-за нетерпеливых действий пап, учредивших латинские патриархаты на Востоке и согласившихся на создание Латинской империи в Константинополе. Память о недостойном отношении к греческим императорам и служителям церкви сохранилась до сих пор.

Еще одним злом было усиление презрения и ненависти мусульман к христианскому учению. Дикость христианских воинов, их бессовестное отношение к имуществу, жестокие раздоры в лагерях крестоносцев были неприятным зрелищем, которое могло оказать только пагубное влияние на народы Востока. В Западной Европе уже в сам период ведения крестовых походов говорили, что они не приносят духовных плодов, а наоборот — побуждают сарацин скорее к богохульству, нежели к вере. Убитые же, сарадины точно отправляются в ад⁴⁹².

Кроме того, крестовые походы способствовали быстрому развитию системы папских индульгенций, которая стала догмой для средневековых богословов. Эта практика, начатая Урбаном II в момент зарождения движения, все больше и больше распространялась, пока отпущение грехов не стали обещать не только воинам, которые с оружием в руках выступали против сарацин на Востоке, но и тем, кто вышел сражаться с христианскими еретиками в Западной Европе. Индульгенции стали неотъемлемой частью церковных стимулов и нанесли неизмеримый вред моральному характеру христианства. К этому злу добавились громадные налоги, введенные папами и их эмиссарами. Матфей Парис жалуется, что вымогательство средств на крестовые походы пятнает это святое дело⁴⁹³.

Но крестовые походы не были напрасны. Невозможно предположить, чтобы у Провидения не было какой-то важной, непосредственной и высшей цели для того, чтобы провести человечество через столь долгую войну, продолжавшуюся двести лет и задействовавшую лучшие жизненные силы двух континентов. Не всегда просто разграничить следствия крестовых походов и последствия других событий этого периода — или даже уравновесить их. Но можно считать несомненным, что они внесли существенный вклад в великие моральные, религиозные и общественные изменения, которым подверглись европейские институты во второй половине средних веков.

Во-первых, крестовые походы привлекли внимание людей к достижению высокой и бескорыстной цели. Спасение Гроба Господня было религиозной страстью, отвлекавшей церковных служителей от мелких ссор в борьбе за прерогативы священников, от яростного конфликта папства и империи, от надуманной казуистики схоластов и от монастырских споров⁴⁹⁴. Даже Гиббон⁴⁹⁵ признает, что «основным чувством, которое двигало большинством крестоносцев, был, без сомнения, возвышенный идеал энтузиазма».

Папству походы предоставили не имевшую равных возможность для расширения власти. А с другой стороны, формируя мирской дух и развивая мирские интересы, они также помогли подорвать власть его иерархии.

⁴⁹² См. Humbert de Romanis, 1274; Mansi, XXIV. 116. Шестое возражение и ответ на него против крестовых походов формулируются им так: *Quod ex ista pugna non sequitur fructus spiritualis quia Saraceni magis convertuntur ad blasphemiam quam ad fidem; occisi autem ad infernum mittuntur, etc.*

⁴⁹³ П. 338, etc.

⁴⁹⁴ Хорошо сказал Арчер: «Походы возвысили человечество над неблагородной сферой мелких амбиций и заставили искать идеал, который не был ни убогим, ни эгоистичным. Они пробудили все героическое в человеческой природе и наполнили мир вдохновением от благородных мыслей и деяний» (р. 447).

⁴⁹⁵ *Decline and Fall*, LVIII.

В том, что касается политических институтов Европы, походы породили и развили национальный дух, который привел к консолидации европейских государств в той форме, которую они с тех пор сохранили почти без изменений. Когда крестовые походы начались, феодализм процветал. Когда крестовые походы закончились, феодализм приходил в упадок по всей Европе, а в некоторых ее частях уже исчез. Потребность мелких князьков и великих представителей знати обеспечить себя вооружением побудила их закладывать или продавать свои владения, а их длительное отсутствие дало верховным правителям редкую возможность укрепить свою власть. В лагерях армий, соседствующих на сирийской земле, культивировались обычаи и гордость независимой национальной жизни.

Крестовые походы, без сомнения, оказали сильное влияние на литературу и индивидуальное сознание, хотя такое влияние невозможно точно измерить. Очень важно, что представители всех классов общества, от императора до беднейшего крепостного, вступали в личный контакт в ходе кампании и в лагере. Они были равны перед лицом общего дела и понимали, что обладают общей человеческой природой, а это было бы почти невозможно осознать в условиях изоляции баронов. Произошло существенное расширение горизонтов, к которому всегда приводят путешествия⁴⁹⁶. Расширились знания о человеческих обычаях и географии. Ричард из Ховедена был в состоянии даже высчитать немалые расстояния от места до места — от Англии до Святой Земли. На основании экспедиций была создана впечатляющая коллекция исторических трудов, от ранних историков первого крестового похода, которые писали на латыни, до Вильгардуэна и Жана де Жуанвиля, которые писали на французском. Забили творческие источники истории и романа, донесшие до потомства череду вдохновенных образов Готфрида, Танкреда и Святого Людовика — воинов, которые стали идеалом христианского рыцарства.

Касательно торговли, конечно, было бы рискованно утверждать, что мощности итальянских портов не развились бы в должное время, если бы не торговля с Востоком и не морские экспедиции, связанные с крестовыми походами. Однако нет сомнения в том, что крестовые походы дали ощутимый толчок развитию торговли. Флоты Марселя и итальянских портов в значительной степени увеличились из-за необходимости перевозить десятки тысяч крестоносцев. Пизанцы, генуэзцы и венецианцы активно участвовали в перевозках в Акру, Дамьетту и другие порты⁴⁹⁷.

Разорвалась завеса невежества, зашоренности и предрассудков. Для сознания Западной Европы открылись новые горизонты мысли, новые понятия, и где-то вдали на этом горизонте лежали установления и амбиции нашей современной цивилизации.

⁴⁹⁶ Это очевидно из английской и других средневековых хроник, таких как летописи М. Париса, Ховедена и др.

⁴⁹⁷ Уже корабли двух великих рыцарских орденов перевозили большое количество паломников. В 1182 г. один из кораблей потерпел крушение на египетском побережье с 1500 паломниками на борту. В 1180 г. несколько судов постигла та же судьба, 2500 паломников утонуло и 1500 было продано в рабство. В 1246 г. корабли из одного только Марселя вывезли 6000 паломников. См. Prutz в *Essays*, p. 54. Этот автор, подчеркивая экономическое влияние крестовых походов, правильно замечает, что походы «лишь отчасти имели отношение к религии, и в особенности к церкви» (p. 77). В словарь европейских народов вошли такие арабские слова, как «дамаск», «тариф» и «базар». Крестоносцы привозили такие продукты, как шафран, маис, дыни и маленький лук. Широкий обмен материальных ценностей привел к необходимости использовать кредитные письма.

Даже сейчас, по прошествии шести веков и более, крестовые походы все еще предоставляют нам волнующие уроки мудрости и предостережения, которые вполне можно отнести к не самым мало важным из их следствий. Редко когда в истории религии мы оказывались свидетелями столь масштабного и возвышенного выражения преданности на пути к единой бескорыстной цели, и эта историческая драма продолжает вдохновлять нас. Само сочетание «крестовый поход» стало синонимом высокого морального или религиозного энтузиазма, подобно тому как слово «евангелие» стало означать вообще любое непреложное и обязательное руководство к действию.

Крестовые походы служат также постоянным напоминанием о том, что не палестинские земли даруют церкви самое святое удовлетворение и не мечом ей следует прокладывать путь. Она должна добиваться своей цели мирной вестью, взывая к сердцу и совести, уча служению молитвы и преданному поклонению. Крестоносец, опустившийся на колени в церкви Гроба Господня, узнал смысл слов: «Что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь; Он воскрес», — и все последующие поколения лучше постигли значение этой ангельской фразы благодаря его паломничеству и его ошибке.

Современные протестантские миссионеры близки к крестоносцам в том, что касается энтузиазма, хотя и отличаются от них, как восток от запада, в плане методов и результатов. Они ведут войну без пролития крови, за исключением разве что собственной крови посланников Христа, задача которых — не завоевание земель, а искупление народа⁴⁹⁸.

§60. Рыцарские ордена

ЛИТЕРАТУРА. Источники — это уставы орденов и разбросанные упоминания летописцев того времени. Мы не пытались привести здесь исчерпывающий список литературы. — P. H. HELYOT: *Histoire des ordres monastiques, religieux et militaires*, 8 vols. Paris, 1719. — PERROT. *Coll. hist. des ordres de chevalerie, etc.*, 4 vols. Paris, 1819. Дополнительный том — Fayolle, 1846. — BIELENFELD: *Gesch. und Verfassung aller geistlichen und weltlichen Ritterorden*, 2 vols. Weimar, 1841. — F. C. WOODHOUSE: *The Military Religious Orders of the Middle Ages*, London, 1879. — G. UHLHORN: *Die christliche Liebeshätigkeit im Mittelalter*, Stuttgart, 1884. — HURTER: *Life of Innocent III*, vol. IV. 313 sqq. — Общие истории крестовых походов. — STUBBS: *Const. Hist. of England*.

О рыцарях святого Иоанна. АББАТ VERTOT: *Hist. des chevaliers hospitaliers de S. Jean de Jérusalem*, etc., 4 vols. Paris, 1726, и позже. — ТААФЕ: *History of the Knights of Malta*, 4 vols. London, 1852. — L. B. LARKING: *The Knights Hospitallers in England*, London, 1857. — A. WINTERFELD: *Gesch. des Ordens St. Johannis vom Spital zu Jerusalem*, Berlin, 1859. — H. VON ORTENBURG: *Der Ritterorden des hl. Johannis zu Jerusalem*, 2 vols. Regensb. 1866. — GENL. PORTER: *Hist. of the Knights of Malta of the Order of St. John of Jerusalem*, London, 1883. — VON FINCK: *Uebersicht über die Gesch. des ritterlichen Ordens St. Johannis*, Berlin, 1890. — G. HÖNNICKE: *Studien zur Gesch. des Hospitalordens, 1099 — 1162, 1897*. — *J. D. LE ROULX: *De prima origine Hospitaliorum Hierosol.*, Paris, 1885; *Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers St. Jean de Jérusalem*, 3 vols., Paris, 1894; *Les Hospitaliers en Terre Sainte et a Chypre, 1100 — 1310*, Paris, 1904, p. 440. — J. VON PFUGK-HARTUNG: *Die Anfänge des Johanniterordens in Deutschland*, Berlin, 1899, и *Der Johanniter und der Deutsche Orden im Kampfe Ludwigs des Baiern mit der Kirche*, Leipzig, 1900. KNÖPFER:

⁴⁹⁸ Как говорит отличающийся красноречием доктор Ричард С. Сторрс, крестовые походы подают нам пример «столь же идеального энтузиазма, как энтузиазм тех, кто пытается нести служение миссионера в далеких землях или носит принципы равенства и дух любви в уже сложившиеся законы и установления. Походы навеки останутся великодушным и ярким примером того, чего может добиться энтузиазм, пренебрегающий препятствиями и не страшщийся опасностей» (*Bernard of Clairvaux*, p. 558).

Johanniter в Weltzer-Welte, VI. 1719-1803. Список литературы см. в LE ROULX: *Les Hospitaliers*, pp. v-xiii.

О тамплиерах. Очень много литературы. БЕРНАР КЛЕРВОСКИЙ: *De laude novae militiae, ad milites templi*, Migne, 182, pp. 921-940. — DUPUY: *Hist. des Templiers*, Paris, 1650. — F. WILCKE: *Gesch. des Tempelherren Ordens*, 2 vols. Leipzig, 1827, 2^d ed. Halle, 1860. — *С. Н. MAILLARD DE CHAMBURE: *Règle et Statuts secrets des Templiers*, Paris, 1840 (на основании трех древних французских рукописей). — W. HAVEMANN: *Gesch. des Ausgangs des Tempelherren Ordens*, Stuttgart, 1846. MICHELET: *Procès des Templiers*, 2 vols. Paris, 1841 — 1851. — BOUTARIC: *Clement V, Philippe le Bel et les Templiers*, Paris, 1874, и *Documents inédites de Philippe le Bel*, Paris, 1861. — *HENRI DE CURZON: *La Règle du Temple*, Paris, 1886. — *Н. PRUTZ: *Geheimlehre und Geheimstatuten des Tempelherren Ordens*, Berlin, 1879, *Entwicklung und Untergang des Tempelherrenordens*, Berlin, 1888. — K. SCHOTTMÜLLER: *D. Untergang des Tempel-Ordens*, 2 vols. Berlin, 1887. — W. CUNNINGHAM: *Growth of English Industry*, London, 1890. — J. GMELIN: *Schuld oder Unschuld des Templerordens*, Stuttgart, 1893. — *DÖLLINGER: *Der Untergang des Tempelordens* в его «Akadem. Vorträge» (Munich, 1891, III. 245-274), последней публичной речи автора перед Мюнхенской Академией наук. GRANGE: *Fall of the Knights Templars*, «Dublin Review», 1895, pp. 329 sqq. — G. SCHNÜRER: *D. ursprüngliche Templerregel*, Freib. 1903. — Mansi, XXI. 359-372, также приводит устав тамплиеров, принятый на синоде в Труа, 1128. — J. A. FROUDE: *The Knights Templars* в Short Essays. — HEFELE-KNÖPFER, VI. — *FUNK: *Templer* в Wetzzer-Welte, XI, pp. 1311-1345. — H. C. LEA: *Hist. of the Inquisition*, III, и *Absolution Formula of the Templars*, Amer. Soc. of Ch. Hist. Papers, V. 37-58.

О тевтонском ордене. STREHLKE: *Tabulae ordinis teutonicae*. — HENNES: *Codex diplomaticus ordinis S. Mariae Theutonicorum*, 2 vols. Mainz, 1845 — 1861. — E. HENNIG: *Die Statuten des deutschen Ordens*, Würzburg, 1866. — M. PERLBACH: *Die Statuten des Deutschordens*, Halle, 1890. — JOH. VOIGT: *Geschichte des Deutschen Ritter-Ordens*, 2 vols. Berlin, 1857 — 1859. — H. PRUTZ: *Die Besitzungen des deutschen Ordens im heiligen Lande*, Leipzig, 1877. — C. HERRLICH: *Die Balley Brandenburg, etc.*, Berlin, 1886. — C. LEMPENS: *Geschichte d. Deutschen Ordens u. sr. Ordensländer Preussen u. Livland*, 1904. — RANKE: *Univ. Hist.*, VIII. 455-480. — UHLHORN: *Deutschorden*, в Herzog, IV.

Результатом крестовых походов, а заодно и самой важной содействующей им силой были три великих рыцарских ордена: рыцари святого Иоанна, рыцари Храма и тевтонские рыцари. Они совмещали монашеский обет и владение оружием. Члены этих орденов были воинами-монахами, благотворителями в доспехах. Они пополняли армию крестовых походов и были бдительными стражами латинских устроений в Палестине почти два века. Тамплиеры и рыцари святого Иоанна храбро сражались на многих полях битвы в Палестине и Малой Азии⁴⁹⁹. В 1187 г. они потерпели вместе с христианскими армиями сокрушительное поражение при Тивериаде. С этого времени их силы были сосредоточены в Акре⁵⁰⁰. После падения Акры (1291) эти три ордена удалились в Европу. Еще двести лет они удерживали турок на юге и распространяли цивилизацию в провинциях Балтии на севере. Романтизм рыцарского духа эпохи сочетался в них с человеколюбием, соответствовавшим ее религиозному духу.

Эти ордена быстро приобрели большую популярность, богатство и власть. Короли воздавали им почести. Папы один за другим стремились расширить их власть и привилегии. Их магистры считались одними из главных лиц христианского мира. Но вместе с богатством и популярностью пришли гордость и упадок. Силы рыцарей святого Иоанна и тамплиеров были подорваны их соперничеством, которое будоражило Европу и проявлялось в открытых распрях и столкно-

⁴⁹⁹ В битве при Газе, против хорезмцев (1244), из двухсот шестнадцати рыцарей святого Иоанна, вступивших в бой, двести остались мертвыми на поле.

⁵⁰⁰ После битвы при Тивериаде рыцари святого Иоанна на несколько лет сделали своим оплотом мощную крепость Маргат.

вениях, подобных конфликту в Акре (1241 — 1243 и 1259 г.)⁵⁰¹. После падения Акры, которое в значительной степени было вызвано их амбициями, Николай IV попытался объединить их⁵⁰². Рыцари святого Иоанна были преимущественно французским орденом, тевтонские рыцари — исключительно немецким. Тамплиеры были разнородны по составу.

I. Орден рыцарей святого Иоанна (госпитальеры или иоанниты)⁵⁰³ берет свое название от церкви святого Иоанна Крестителя в Иерусалиме⁵⁰⁴. Вероятно, орден образовался на основе городского госпиталя, построенного для заботы о больных и нищих паломниках и существовавшего там еще во времена Карла Великого. Есть сведения, что еще до 1000 г. норманны основали рядом с церковью Гроба Господня монастырь, известный как Санта Мария де Латина, с помещениями для больных⁵⁰⁵, а около 1065 или 1070 г. торговец из Амальфи Мавр (Мауро) выстроил госпиталь⁵⁰⁶. К моменту захвата Иерусалима во главе одного из этих заведений стоял Герар. Похоже, Герар был родом из Южной Франции⁵⁰⁷. Он предписал, чтобы его братство носило мантию черного цвета с белым крестом. Готфрид Бульонский щедро одарил братство, а Балдуин еще больше обогатил его, отдав ему одну десятую добычи, захваченной при осаде Иоппии. Герар умер в 1120 г. Его преемником стал Раймунд дю Пюи, который весьма прославил орден и руководил им сорок лет⁵⁰⁸.

Орден с поразительной быстротой рос, становился более влиятельным и богатым. Ему посылались дары со всех концов Европы, и дарящих вспоминали в молитвах в Иерусалиме. Раймунд систематизировал устав и придал братству четкую организацию. В 1113 г. она была санкционирована папой Пасхалием II. В это время ответвления ордена существовали уже в Сен-Жиле, Асти, Пизе, Отранто и Тарентуме⁵⁰⁹. В 1122 г. Калликст II сделал важное заявление: тех, кто защищает паломников, ждет та же награда, что самих паломников, и все, кто жертвует на госпиталь в земном Иерусалиме, получают радости в небесном Иерусалиме. Затем последовала булла, дарующая и другие привилегии. Иннокентий III лишил епископов права отлучать членов ордена и подчинил орден исключительно папе. Анастасий IV в 1154 г. дал ордену право строить церкви, часовни и кладбища в любом месте⁵¹⁰.

⁵⁰¹ См. М. Парис, *an.* 1259. Знаменитое противопоставление Гиббона (гл. LVIII) доставляет удовольствие слуху и содержит некоторую истину, однако производит неверное впечатление: «Рыцари Храма и святого Иоанна пренебрегали жизнью, но их готовность умереть была неотделима от служения Христу».

⁵⁰² Синод в Зальцбурге (1292) высказался в пользу объединения.

⁵⁰³ *Fratres hospitalis S. Johannis, Hospitalarii, Johannitae, milites hospitalis S. Johannis*. С XIV века они были также известны как рыцари Родоса, с XVI века — как мальтийские рыцари. О женщинах, членах этого ордена, и их приютах см. Le Roulx, *Les Hospitaliers*, 300 sq.

⁵⁰⁴ В булле Пасхалия (II. 1113) говорится о госпитале в Иерусалиме, прилегающем к церкви Крестителя (*xenodochium... juxta Beati Johannis Baptistae ecclesiam*).

⁵⁰⁵ Вильгельм Тирский, XVIII. 5; de Vitry, *Hist. Jerus.*, 64. Мария, имя которой носил монастырь, — это Мария Магдалина.

⁵⁰⁶ Le Roulx (*Les Hospitaliers*, 33) напрямую связывает орден с госпиталем Мавра: «Мы полагаем, что амальфитов можно считать предшественниками госпитальеров».

⁵⁰⁷ Вильгельм Тирский (VII. 23) говорит, что его держали в цепях во время осады Иерусалима.

⁵⁰⁸ См. Le Roulx, pp. 44 sqq. Древняя хроника называет Герара «блюстителем госпиталя для бедных в Иерусалиме» — *guardianus hospitalis pauperum*, etc. (Hurter, IV. 315, note).

⁵⁰⁹ Woodhouse (p. 20) насчитывает 54 дома, принадлежавших госпитальерам в Англии.

⁵¹⁰ Булла приводится в Mansi, XXI. 780.

Военные черты возникли у этой организации уже после того, как она проявила человеколюбивую заботу по уходу о несчастных паломниках, но они быстро стали доминирующими. Раймунд дю Пюи проводит четкое разграничение внутри ордена между клириками и мирскими братьями. Иннокентий II в 1130 г. говорит о членах ордена как о священниках, рыцарях и мирянах (последние не давали обетов). В своей окончательной организации орден был поделен на три класса: рыцарей, капелланов и служащих братьев. Рыцари и капелланы были связаны тройным обетом — благотворительности, нестяжательства и послушания⁵¹¹. Военные братья, или рыцари, составляли большинство ордена, и из них выбирались его официальные руководители⁵¹². Работа в госпиталях не была оставлена. В 1160 г. Иоанн Вицбургский утверждает на основании личного наблюдения, что в иерусалимском госпитале заботились более чем о двух тысячах больных и что за один день там умерло сорок человек. После перемещения ордена на Родос рыцари продолжали заботиться о госпиталях.

При Клименте IV (1267) глава ордена стал титуловаться «Великий магистр госпиталя Иерусалима, блюститель нищих Иисуса Христа». Отличительной одеждой ордена после 1259 г. была красная мантия с белым мальтийским крестом на левом плече — чтобы «Бог через эту эмблему послал веру и послушание и защитил нас и всех наших благодетелей-христиан от силы дьявола». Его девиз был *Pro fide*, «за веру»⁵¹³. Около 1320 г. орден поделился на семь *langues*, или округов: Прованс, Франция, Оверни, Италия, Германия, Арагон, Англия. В 1464 г. к ним была добавлена Кастилия. Связанные с ним дома Европы и Востока отправляли две трети своего дохода в Иерусалим⁵¹⁴. Одним из интересных правил ордена было то, что рыцари всегда ездили по двое и носили с собой собственные светильники.

После падения Акры госпитальеры укрепились на Кипре, а в 1310 г. переместились на остров Родос, где массивные стены и фундаменты продолжают свидетельствовать о том труде, который они затратили для сооружения своих крепостей и других зданий. С Родоса, их центра, они отправлялись на свое почетное служение.

При великом магистре Ла Валетте рыцари храбро защищали Мальту от флота Сулеймана Великолепного, пока Европа наконец не вздохнула с облегчением после памятного поражения турецкого флота от Дон-Хуана в битве при Лепанто (1571). С этого момента орден стал приходить в упадок⁵¹⁵.

⁵¹¹ Они были монахами. Священников в ордене не было до эпохи Александра III, который дал ему право принимать в свои ряды священников и клириков. Священники стали обязательными в ордене, чтобы следовать новому обычаю — только священники получали право отпускать грехи. В течение первого века существования члены рыцарских орденов исповедовались в своих грехах в открытых капитулах и наказывались по приказу магистра публичным бичеванием или другими предусмотренными способами. Строгий церковный закон о принятии исповеди и отпущении грехов священником был определен только после Четвертого Латеранского собора и Фомы Аквината. См. Lea, *The Absolution Formula of the Templars*.

⁵¹² Le Roulx, 290 sq.

⁵¹³ Формулу принятия см. в Le Roulx, 288 sq.

⁵¹⁴ См. у Ульхорна о количестве льна и других товаров, поставляемых из разных домов Европы. У ордена была и женская ветвь, о которой, однако, известно очень мало. В 1188 г. Санча, королева Арагона, основала для него богатый монастырь в Сиксене близ Сарагоссы.

⁵¹⁵ 31 октября 1898 г. император Вильгельм II Германский, находясь в Иерусалиме, освятил протестантскую церковь Искупителя, построенную на том месте, где в древности находился госпиталь рыцарей святого Иоанна, напротив церкви Гроба Господня.

II. Рыцари Храма (тамплиеры или храмовники)⁵¹⁶ до падения Акры были, если такое вообще возможно, еще более знамениты, чем рыцари святого Иоанна. Но орден постигла необычайно трагическая участь в 1312 г. — он распался, когда против него были выдвинуты очень серьезные моральные обвинения. С самого начала это была военная организация. Орден обязан своим происхождением Гуго Пайеннскому и Готфриду Сент-Омеру, которые въехали в Иерусалим на одном коне (1119). К ним присоединились еще шесть человек, которые вместе приняли обет перед патриархом Иерусалимским — защищать с помощью оружия паломников на их пути от побережья к Иерусалиму.

Балдуин II выделил братству место в своем дворце на горе Мориа, возле того места, где был храм Соломона, — откуда и происходит имя рыцарей Храма. Гуго присутствовал на соборе в Труа в 1128 г.⁵¹⁷ и так убедительно обратился к дворянам Франции, Англии и Германии, что в орден вступили триста рыцарей. Святой Бернар написал знаменитый трактат, восхваляющий это «новое воинство»⁵¹⁸. Он говорит: «Среди тамплиеров не оставалось безнаказанным никакое праздное слово, или бессмысленное дело, или неумеренный смех, или ропот, даже произнесенный шепотом. Они не получают удовольствия от бессмысленной соколиной охоты. Они ненавидят пашки и кости. Они избегают непристойных песен и театральных представлений как нездорового безумия. Они коротко стригут свои волосы. Они покрыты пылью и темны от своей тяжелой брони и палящего солнца. Они никогда не одеваются нарядно и редко моются. Они ищут быстрых и сильных лошадей, но не для того, чтобы украшать их или покрывать парадными попонами, — они думают о битвах и победе, а не о помпезности и показухе. Бог избрал их для того, чтобы бдительно охранять Гроб Господень»⁵¹⁹.

Орден быстро распространялся⁵²⁰. Матфей Парис, без сомнения, сильно преувеличивает, когда к середине XIII века насчитывает девять тысяч их домов⁵²¹. Годовой доход храмовников составлял 54.000.000 франков⁵²². Орден управлялся по областям — пять на востоке: Иерусалим, Триполи, Антиохия, Кипр и Мория; одиннадцать на западе: Франция, Аквитания, Прованс, Арагон, Португалия, Ломбардия, Венгрия, Англия, Верхняя и Нижняя Германия, Сицилия (и, возможно, двенадцатая — Богемия). Папы, начиная с Гонория II, осыпали тамплиеров милостями. Они были освобождены от всех налогов. Они могли проводить служения дважды в год даже в церквях, подвергнутых интердикту. Их имущество

⁵¹⁶ *Templarii, fratres militiae templi, equites templarii, pauperes commilitiones Christi templique Salarionis* — вот лишь некоторые из их названий. Между госпитальерами и тамплиерами сходство не так велико, как между тамплиерами и тевтонскими рыцарями. Curzon, p. xi.

⁵¹⁷ Вильгельм Тирский. См. Hefele, V. 401 sq.

⁵¹⁸ *De laude novae militiae*.

⁵¹⁹ О служении святого Бернара этому ордену см. в биографиях Morison, 141 sqq., и Storrs, 567-574.

⁵²⁰ В Англии тамплиеры обосновались в древнем храме возле Холборна, откуда затем переместились в новый храм на Темзе (1185). Храмовая церковь была построена в 1240 г. М. Парис рассказывает о ее освящении и о празднестве, которое устроили по этому случаю госпитальеры. Стефан и его королева выделили храмовникам несколько участков около 1150 г. Вудхауз (p. 260) перечисляет двадцать семь их английских домов.

⁵²¹ *An.* 1244.

⁵²² В конце XIII века, по подсчетам Де Шамбюра. По Шотмюллеру — 40.000.000 франков. Вильгельм Тирский (XII. 7) говорит об их имуществе как о «громадном». Их богатство и жадность вошли в поговорку.

находилось под особой защитой святого престола. В 1163 г. Александр III даровал им право ставить собственных священников⁵²³.

Как и госпитальеры, тамплиеры принимали тройной обет, а помимо него — обет военной службы, и делились на три класса: рыцари благородного происхождения, вооруженная или служащая братия (*fratres servientes, armigeri*) и капелланы, подчиненные непосредственно папе. Рыцари были одеты в белые мантии с красными крестами, братья-служители — в темные одежды с красными крестами. Рыцари коротко стригли волосы и отпускали бороды. Им было позволено иметь не больше трех лошадей, кроме великого магистра, которому разрешалось иметь четыре. Им запрещалось охотиться, кроме как на льва, который символизировал дьявола, ищущего, кого поглотить⁵²⁴. Девизом ордена было: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу»⁵²⁵. Члены ордена в монастырях соблюдали принятые часы молитвы и ели за общим столом. Если среди пожитков покойного брата обнаруживались деньги, его тело лишали права на молитвы и погребальные службы и хоронили в неосвященной земле, как раба⁵²⁶. Членам братства велено было сторониться женских поцелуев и никогда не целовать вдову, деву, мать, сестру или любую другую женщину⁵²⁷. По причине бедности у них была одна тарелка на двоих, но у каждого была своя порция вина⁵²⁸.

Главу ордена называли великим магистром. Он обладал положением князя и приглашался на вселенские соборы — например, на Четвертый Латеранский собор и Второй собор в Лионе. Магистр Храма в Англии был бароном с местом в Парламенте.

Тамплиеры принимали участие во всех крестовых походах, кроме первого и похода Фридриха II, который они пропустили из-за папского запрета. Их дисциплина была особенно заметна на фоне бедствий, которыми изобиловал переход французов из Лаодикии в Атталию, а их храбрость проявилась в битве при Хаттине, перед Газой⁵²⁹ и на многих других полях боя⁵³⁰. Орден приходил в упадок из-за своего богатства и успехов⁵³¹. Фраза «пьет как тамплиер» (*bibere templariter*) вошла в поговорку оборот и стала означать жизненное благополучие. Их печать,

⁵²³ Функ называет буллу Александра «хартией вольностей» этого ордена. Wetzler-Welte, XI. 1315.

⁵²⁴ 1 Пет. 5:8; Curzon, 58.

⁵²⁵ *Non nobis, Domine, non nobis sed tuo nomini da gloriam* {Пс. 113:9}.

⁵²⁶ Curzon, XXVII.

⁵²⁷ *Fugiat feminae oscula Christi militia* (Mansi, XXI. 72; также Schnürer, 153).

⁵²⁸ Schnürer, Rule XI. p. 138.

⁵²⁹ М. Парис (Luard ed., IV. 337 sqq.) приводит послания от патриарха Иерусалима и вице-магистра Храма (1244). Этот летописец очень строг к тамплиерам из-за их высокомерия, гордости и ревнивого соперничества с госпитальерами. Примером такой ревности был их отказ сопровождать короля Амальрика в Египет, потому что госпитальерам выделили первое место.

⁵³⁰ Среди их крепостей был замок Пилигрим возле Акры, построенный в 1218 г., величину и великолепие которого описывает Иаков Витрийский.

⁵³¹ Дома ордена стали важными финансовыми центрами во Франции и в Европе XIII века. Они служили королям, епископам и знати банками для хранения средств и сокровищ, столового серебра, драгоценных камней и важных записей. Генрих III и другие английские короли брали у них займы. Так же поступали и короли французские. Тамплиеры выплачивали денежные суммы, одолженные итальянскими банкирами, или выступали в качестве гарантов выплат — как, например, в случае с ежегодной выплатой тысячи марок, которую Иоанн Безземельный обещал своей невестке Беренгарии. Иоанн часто останавливался в резиденции тамплиеров в Лондоне. См. Cunningham, *Growth of English Industries and Commerce*, 3rd ed. Leopold Delisle, *Les opérations financières des Templiers*, Paris, 1889. Eleanor Ferris, *Financial Relations of the Knights Templars to the English Crown*, в «Am. Hist. Rev.», October, 1902.

на которой представлены два основателя ордена, въезжающие в Иерусалим на одном коне, очень скоро перестала отражать реальное положение дел в финансовой области.

Знаменитый эпизод из истории Ричарда Английского свидетельствует о гордости тамплиеров. Когда Фулько из Нейи проповедовал третий крестовый поход, он сказал Ричарду, что у него есть три дочери, и предложил выдать их замуж. Король воскликнул: «Лжец, у меня нет дочерей!» «Нет, у тебя есть три грешные дочери — Гордость, Похоть и Роскошь», — отвечал священник. Тогда Ричард, повернувшись к своим придворным, сказал: «Он призывает меня выдать замуж моих трех дочерей. Хорошо, пусть будет так. Тамплиерам я отдаю мою старшую дочь, Гордость, цистерцианцам — мою вторую дочь, Похоть, а прелатам — третью, Роскошь»⁵³².

Орден пережил падение Акры меньше чем на двадцать лет. На краткое время рыцари укрылись на Кипре, потом сосредоточили свои силы во Франции, где эта некогда знаменитая организация была подавлена жестокими мерами Филиппа Красивого и Климента V. История подавления ордена относится уже к следующему периоду.

III. Орден тевтонских рыцарей⁵³³ никогда не приобретал в Палестине такой известности, как у двух более древних орденов. В первый век своего существования его члены посвятили себя обустройству и содержанию полевых госпиталей. Они редко появлялись на европейской сцене, пока историческая миссия ордена не открылась в провинциях, образующих теперь северо-восточную Германию, подчиненных и в некоторой степени цивилизованных с помощью оружия и гуманных методов.

Орден возник в 1190 г., когда в палатке у стен Акры паломники из Бремена и Любека соорудили госпиталь. Фридрих Швабский похвалил орден, а в 1191 г. Климент III санкционировал⁵³⁴. Рыцарским орден был сделан в 1198 г. буллой Иннокентия III⁵³⁵, а в 1221 г. Гонорий III даровал ему привилегии, которыми пользовались госпитальеры и тамплиеры. Орден состоял почти исключительно из немцев⁵³⁶. Члены ордена принимали тройной обет. Одевались они в белые плащи с черными крестами. В некоторых госпиталях работали также женщины — например, в Бремене. Первым владением ордена в Европе был монастырь в Палермо, подарок Генриха VI (1197). Первым госпиталем в Германии был госпиталь Св. Кунигунды в Галле. Позже из Бремена и Любека госпитали распространились в Нюрнберг и дальше на юг. Территория ордена делилась на округа, *balleyen*, из которых двенадцать находилось в Германии. Глава ордена, называемый великим магистром, обладал саном князя империи.

При Германе фон Сальца (1210 — 1239), четвертом великом магистре, орден рос с большой скоростью. Фон Сальца был доверенным советником Фридриха II и получил привилегию использовать черного орла на знамени ордена. По призыву монаха Христиана и Конрада из Моравии (1226) помочь им в борьбе с прусса-

⁵³² Charasson, цит. Richard de Hoveden, *Vie de Foulques de Neuilly*, 89 sq.

⁵³³ *Deutscher Orden, Ordo S. Mariae Theutonicorum*.

⁵³⁴ Под названием *domus hospitalis S. Mariae Theutonicorum in Jerusalem*. Германский госпиталь в Иерусалиме был посвящен святой Марии (1128).

⁵³⁵ На соборе в Констанце (1415) король Польши протестовал против его права обращаться в христианство мечом.

⁵³⁶ В ходе конфликта Людовика Баварского с папством тевтонский орден поддержал императора и получил от него большие дары и привилегии.

ками Герман отвлекся от Востока и обратился к новой сфере служения. В награду за эту помощь ордену были обещаны Кульмландия и половина завоеванных территорий.

После падения Акры центр ордена переместили в Венецию, а в 1309 г. — в Мариенбург на Висле, где был воздвигнут великолепный замок. С тех пор рыцари завоевывали дикие территории вдоль Балтийского моря и дальше на юг, где население еще пребывало в полуварварском состоянии. Орден достиг максимума процветания к тому времени, когда были подавлены тамплиеры. В 1237 г. тевтонские рыцари поглотили орден меченосцев⁵³⁷.

Какое-то время тевтонскому ордену принадлежало пятьдесят городов, таких как Кульм, Мариенбург, Торн и Кенигсберг, а также земли с населением в два миллиона человек. О его миссионерских трудах рассказывается в другой главе. С возвышением Польши начинается угасание ордена, а в битве при Танненберге (1410) его силы были сильно подорваны. В 1466 г. он отдал большую часть своих территорий Польше, в том числе Мариенбург, а великий магистр поклялся в верности польскому королю. Орден сохранил за собой как лены Пруссию и Самландию. Однако дисциплина ордена ослабела, и народная поговорка гласит: «Одеться, раздеться, поесть, попить, поспать — вот и вся служба германских рыцарей»⁵³⁸. В 1511 г. маркграф Альбрехт Бранденбургский стал великим магистром, но не захотел оставаться вассалом Польши. По совету Лютера он отказался от мантии и креста ордена, женился в 1523 г. и заложил фундамент величия Прусского герцогства, которое сделал наследственным владением своей семьи, Гогенцоллернов⁵³⁹. Так черный орел переместился на прусский герб⁵⁴⁰.

⁵³⁷ *Fratres militiae Christi, gladiferi*, рыцарский орден, основанный в 1202 г.

⁵³⁸ *Kleider aus, Kleider an, Essen, Trinken, Schlafengehen, ist die Arbeit so die Deutsche Herren han.*

⁵³⁹ В 1523 г. Лютер написал трактат, в котором призывал тевтонских рыцарей отказаться от их неправильного закона безбрачия и практиковать истинное целомудрие в браке (*Ermahnung an die Herren Deutschen Ordens falsche Keuschheit zu meiden und zur rechten ehelichen Keuschheit zu greifen*). Альбрехт провел в Бранденбурге лютеранскую реформуацию. Он женился на датской принцессе Доротее.

⁵⁴⁰ Несколько орденов, сочетавших военные и религиозные обеты, существовало в Испании и Португалии и сражалось с маврами. Орден Сантьяго де Компостелла получил папскую санкцию в 1175 г. и защищал паломников, отправлявшихся к святилищу Компостеллы. Орден Калатрава получил папское одобрение в 1164 г. и принимал активное участие в борьбе против мавров. Орден Алькантара был признан Луцием III (1183). Руководство двумя последними орденами было передано короне при Фердинанде Католике.

ГЛАВА VIII

МОНАШЕСКИЕ ОРДЕНА

§61. Возрождение монашества

ЛИТЕРАТУРА. Послания Ансельма, Бернара, Петра Достопочтенного, Вильгельма из Тьерри, Хильдегарды и т. д. — АВАЕЛАРД: *Hist. calamitatum*, его автобиография, Migne, 178. — ГОНОРИЙ ОТУНСКИЙ: *De vita claustrali*, Migne, 172, 1247 sqq. — БЕРНАР: *De conversione ad clericos sermo*, в Migne, 182, 853-59, и *De praecepto et dispensatione*, 851-953. — Трактаты Фомы Аквината, Дунса Скота и т. д., в их *Summas*. — ПЕТР ДОСТОПОЧТЕННЫЙ: *De miraculis*, в Migne, 189. ЦЕЗАРИЙ ГЕЙСТЕРБАХСКИЙ (ок. 1240): *Dialogus Miraculorum*, ed. J. Strange, 2 vols. Col. 1851. Отрывки в переводе на немецкий: А. KAUFMANN, 2 parts, Col., 1888 sq. — ФОМА КАНТИПРАТАНСКИЙ (ум. ок. 1270): *Bonum universale de apibus*, сравнение монастыря с пчелиным ульем. Отрывки в переводе на немецкий А. KAUFMANN, Col., 1899; *Annales monastici*, ed. LUARD, 5 vols. London, 1865-69. — ИАКОВ ИЗ ВАРАЦЕ: *Legenda aurea*, англ. перев. W. SAXTON (ок. 1470), Temple classics ed. 7 vols. London, 1890. — ГИЛЬОМ СЕНТ-АМУРСКИЙ (ум. в 1272): *De periculis novissorum temporum in Denifle Chartularium Univ.*, Paris, vol. 1.

Жизнеописания Ансельма, Бернара, Вильгельма из Тьерри, Франциска, Доминика, Норберта и т. д. — Н. HELYOT (францисканец, ум. в 1716): *Hist. des ordres monastiques, religieux et militaires et des congrégations séculières de l'une et de l'autre sexe qui ont été établies jusqu'à présent*, 8 vols. Paris, 1714-19; нем. перев., 8 vols. Leip. 1753-56. Он приводит большой список более древних авторитетов. — Г-ЖА JAMIESON: *Legends of the Monastic Orders*, London, 1850. — А. BUTLER: *Lives of the Fathers, Martyrs, and Other Principal Saints*, 12 vols. Dublin, 1868 sqq. — СЭР WILLIAM DUGDALE: *Monasticon anglicanum*, ed. J. CALEY, etc., 8 vols. London, 1846. Основано на изд. 1817 г. — Т. D. FOSBROKE: *Brit. Monasticism, or Manners and Customs of the Monks and Nuns of England*, London, 1803, 3^d ed. 1845. — МОНТАЛЕМБЕРТ: *Les moins d'occident depuis St. Benoit jusqu'à St. Bernard*, Paris, 1860-77; англ. перев., 7 vols. London, 1861 sqq. — О. Т. HILL: *Engl. Monasticism, Its Rise and Influence*, London, 1867. — S. R. MAITLAND: *The Dark Ages*, ed. FRED. STOKES 5th ed., London, 1890. — WISHART: *Short Hist. of Monks and Monasticism*, Trenton, 1900. — E. L. TAUNTON: *The Engl. Black Monks of St. Benedict*, 2 vols. London, 1897. — А. GASQUET: *Engl. Monastic Life*, London, 1904, и позже. — HURTER: *Innocent III*, vol. IV. 84-311. — J. C. ROBERTSON: *View of Europe during the Middle Ages*, во введении к его *Life of Chas. V*. — Н. VON EICKEN: *Gesch. und System der mittelalterlichen Weltanschauung*, Stuttgart, 1887. — А. JESSOPP: *The Coming of the Friars*, London, без даты, 7th ed., chap. *Daily Life in a Med. Monastery*, 113-166. — HARNACK: *Monasticism*, Giessen, 1882, 5th ed. 1901, пер. C. R. GILLET, N. Y., 1895. — STEPHENS: *Hist. of the Engl. Church*, chap. XIV (*Monastic Orders*). — HAUCK, III. 441-516, IV. 311-409. — LITTLEDALE: *Monachism*, в *Enc. Brit.* — DENIFLE: *Luther und Lutherthum*, Mainz, 1904 sq. (при рассмотрении монашества опирается на ценнейшие источники средневековых ученых).

Период монашеской славы пришелся на средние века, а точнее — на то самое время, которое привлекает сейчас наше внимание. Монастырь был основным центром и истинной веры, и мрачного суеверия. Монашество было поразительным образом связано со всеми впечатляющими движениями той эпохи — абсолютным папством, крестовыми походами, университетами, соборами и схоластикой. Вместе с папами оно стало основным проповедником крестовых походов.

дов. Монахи были в числе великих созидателей. Из монахов выходили главные преподаватели университетов и величайшие из схоластов. Средневековые монахи выступали пуританами, пиетистами, методистами, евангельскими христианами своего времени⁵⁴¹. И все эти разветвления христиан были объединены искренностью веры и ревностным служением.

Если сравнивать монашество этого периода с более ранним, то мы видим, что в средние века среди монахов встречалось не меньше великих людей, а пользы они приносили больше. Среди выдающихся отцов церкви посленикейского периода, выступавших за монашество, были святой Антоний Египетский, Афанасий, Василий, Григорий Нисский, Амвросий, Августин, Иероним и Бенедикт Нурсийский. В средние века список выдающихся представителей монашества не менее впечатляет — это Ансельм, Альберт Великий, Бонавентура, Фома Аквинат и Дунс Скот среди схоластов, святой Бернар и Гуго Сен-Викторский, Экхарт и Таулер среди мистиков, Хильдегарда и Иоахим Флорский среди провидцев, авторы *Dies irae* и *Stabat mater* и Адам Сен-Викторский среди создателей гимнов, Антоний Падуанский, Бернардин Сиенский, Бертольд Регенсбургский и Саванарола среди проповедников и отдельно стоящий Франциск Ассизский.

Из пяти эпох истории монашества две принадлежат Средневековью⁵⁴². Появление отшельников и формирование отшельнического образа жизни относится к IV веку. Бенедикт Нурсийский в VI веке, с его систематизированным уставом, знаменует вторую эпоху. Формирование общества Иисуса в XVI веке — последняя эпоха. Две промежуточные эпохи представлены пробуждением монашества, начавшимся с Ключийского монастыря как центра в X — XI веках и распространившимся в нищенствующих орденах в XIII веке. Ключни в течение века был почти что единственной преобразующей силой в Западной Европе, пока не появился Гильдебранд, который сам, вероятно, воспитывался в этом монастыре. Посредством своих ответвлений и союзных орденов Ключни продолжал оставаться центром религиозного рвения еще в течение века. Потом, в момент упадка монашества, основными силами, способствовавшими влиятельному религиозному пробуждению, прокатившемуся по Европе, стали нищенствующие ордена, созданные святым Франциском Ассизским и Домиником Испанским, .

Служение таких людей, как Вильгельм из Гиршау, Бруно и Норберт из Германии, Бернар и Петр Достопочтенный во Франции и святой Франциск в Италии, не может не приниматься во внимание, когда мы говорим о внешнем, видимом прогрессе человечества. Даже если мы не считаем, что монашество представляет собой наивысшую форму христианского образа жизни, мы обязаны либо воздать должное этим людям, либо же вообще отрицать, что в целой череде столетий наблюдался какой бы то ни было прогресс и хоть что-то доброе.

Развитию монашеских общин благоприятствовало время. Если наш век — это век мирян, то Средневековье было веком монахов. Общество было неспокойным, полным волнений, и монастыри часто становились убежищем для успокоения и размышлений. Бернар называет своих монахов «братством мирных». Снаружи

⁵⁴¹ Фома Аквинат (*Summa*, II (2), 188, 6 sqq., Migne, III. 1372 sqq.) сочетает активные и созерцательные черты монашеской жизни, как и Бенедикт Нурсийский, но уделяет больше внимания активным. Следует помнить, что Фома был доминиканцем и обладал всей полнотой опыта практической деятельности двух великих нищенствующих орденов.

⁵⁴² По классификации Гарнака (*Monasticism*, 44 sqq.). Денифле, который яростно критикует Гарнака, пишет: «Это верх непонимания [*Unverstand*], когда об иезуитстве говорят как о монашестве» (*Luther und Lutherthum*, I. 199 sqq.).

царили войны и раздоры, каждое имение барона было крепостью, а монастыри были колыбелью братства и сотрудничества, являвшей тому веку идеал религиозного хозяйствования на земле. В эпитафиях монахов отражаются чувства того времени: *pacificus* («мирный»), *tranquilla pace serenus* («в спокойном и безмятежном отдыхе»), *fraternae pacis amicus* («друг братского мира»).

Цезарий Гейстербахский говорит об обстоятельствах, в силу которых ряд монахов оставлял мир и «обращался» — то есть решал вступить в монастырь. Это решение они принимали или на похоронах⁵⁴³, или под впечатлением от рассказов о чудесных происшествиях в монастырях. Так произошло с молодым рыцарем Герлахом⁵⁴⁴, который услышал от аббата, посетившего замок, о чудесах в монастыре. Герлах отправился в Париж учиться, но не мог избавиться от семени, которое слова аббата заронили ему в душу, и вступил в монастырь послушником. Иногда решение принималось вследствие проповеди⁵⁴⁵. Сам Цезарий Гейстербахский был «обращен» под действием слов Герарда из Вальберберга, аббата Гейстербаха, когда они путешествовали в Кельн в тревожные времена Филиппа Швабского и Оттона IV. Герард описал видение Девы, ее матери Анны и святой Марии Магдалины, которые спустились с горы и явились монахам из Клерво, собиравшим урожай, отерли пот у них со лба и избавили от жары дуновением свежести. Через три месяца Цезарий вступил в монастырь Гейстербах⁵⁴⁶.

По сути, в средние века были доступны только две карьеры — рыцаря и монаха. Трудно сказать, какая была более привлекательной и вознаграждающей даже для этой жизни. Монахи сами были воинами. Хорошо организованный монастырь проводил ежедневные военные упражнения, которые следовали друг за другом с регулярностью часового механизма. Даже если враг и не появлялся на поле в виду монастыря, он был постоянной реальностью⁵⁴⁷. Бароны, графы, князья вступали в ряды духовных воинов, надеясь утвердиться на пути своего спасения и победить дьявола. Третий Латеранский собор (1179) свидетельствует о популярности монастырской жизни среди высших слоев общества и о тенденции ограничить ее для них, когда запрещает брать деньги за принятие монашеского обета⁵⁴⁸. Монахи оказались сильнее, чем рыцари, и институт рыцарства пришел в упадок намного раньше монашества, которое существует до сих пор.

Монастыри привлекали лучших людей того времени и процветали. В свои лучшие времена, с X по XIII век, они были краеугольным камнем благочестия, оплотом благовестия и центром распространения цивилизации. Когда проповедей не хватало, монашеская община являла самую впечатляющую проповедь, отвлекая внимание людей от кровопролития и мятежа и призывая к братству и духовному созерцанию⁵⁴⁹. Девиз *Aratro et cruce*, «Плугом и крестом», в данном

⁵⁴³ *Dial.*, I. 21; Strange ed. I. 28.

⁵⁴⁴ *Dial.*, I. 18.

⁵⁴⁵ *Dial.*, I. 24.

⁵⁴⁶ *Dial.*, I. 17; Strange ed., I. 24.

⁵⁴⁷ См. Church, *Life of St. Anselm*, chap. III, «The Discipline of a Norman Monastery».

⁵⁴⁸ В Англии монастыри особенно привлекали мелкопоместное дворянство (см. Jessopp, p. 161). В Моримонде однажды остановился на ночь Оттон, сын маркграфа Аустрии, с пятнадцатью молодыми знатными людьми. Звон колоколов и молитвы монахов произвели на молодых людей такое впечатление, что они попросили принять их в братство. Генрих, сын Людовика VI, был так тронут увиденным в Клерво, что решил дать обет монашества (см. Morison, *Life of St. Bernard*, p. 195).

⁵⁴⁹ Монталамбер подчеркивает, что ходатайственная молитва была главным служением западных

случае отражал реальность. Монах был пионером возделывания земли. Он самым научным образом из всех тогда известных учил сельскому хозяйству, виноградарству и рыболовству, скотоводству и обработке шерсти. Он строил дороги и лучшие здания. В плане интеллектуальном и художественном монастырь был в то время главной школой. В нем воспитывались архитекторы, художники и скульпторы. Здесь изучались серьезные проблемы богословия и философии. Здесь копировались рукописи, а когда возникли университеты, монастырь снабжал их первыми и самым знаменитыми учителями. В северо-восточной Германии и других частях Европы и Азии монастырь был наружным бастионом церковной веры и церковной деятельности.

Монашеская жизнь приобрела такую популярность, что, казалось, скоро все люди подадутся в монахи и общество превратится в сообщество монастырей. Четвертый Латеранский собор пытался противодействовать этой тенденции, запретив учреждать новые ордена⁵⁵⁰, но собору не было ведомо даже ближайшее будущее. Не успел умереть Иннокентий III, как новый папа тут же санкционировал ордена доминиканцев и францисканцев.

В XI — XII веке произошли важные изменения. Все монахи получили рукоположение священников. До этого времени священниками были лишь немногие монахи. Елеосвящение и отпущение грехов в монастыре осуществляли нерукоположенные монахи⁵⁵¹. С развитием строгой теории священства им было запрещено выполнять эти функции — например, Девятым вселенским собором (1123), — хотя синод в Ниме, за тридцать лет до того (1096), посчитал ошибочными возражения против этого нового обычая, указав, что Григорий Великий, Григорий Турский и Августин были монахами, имевшими рукоположение священников. С другой стороны, активное движение внутри монастырей, принимавших участие в делах общества, встречало сопротивление вселенских соборов, например, Второго Латеранского собора (1139), который запретил монахам выступать в роли практикующих врачей или юристов.

Монашеская жизнь славилась как высшая форма земного существования. Монастырь сравнивался с Ханааном⁵⁵² и считался самым кратким и надежным путем на небеса. А светская жизнь, даже жизнь мирского священника, сравнивалась с Египтом. Приход в монастырь назывался обращением, а монахи — обращенными, *conversi*, или религиозными *{religiosi}*⁵⁵³. Они считались достигши-

монастырей: «Они молились много, и постоянно молились за тех, чьи молитвы были греховны или кто вовсе не молился». *Monks of the West*, англ. перев., I. 42 sq.

⁵⁵⁰ Канон 13.

⁵⁵¹ Это достаточно хорошо показано в Lea, *Absolution Formula of the Templars*, в *Papers of Am. Soc. of Ch. Hist.*, vol. V; также Hefele, V. 381. Но даже в XIII веке в Англии еще были монахи, не получившие рукоположения священников. См. Stevenson, *Life of Grosseteste*, 158. В V веке пострижение монахов в некоторых районах считалось отдельным таинством.

⁵⁵² Трудно найти более привлекательные картины земного счастья, чем те, что приводятся в описаниях средневековых монастырей, например, в свидетельствах о монастыре Клерво у Вильгельма из Сен-Тьерри (Migne, 185, 248) и Петра де Ройа (Migne, 182, 710).

⁵⁵³ Приход в монастырь даже сравнивался с обращением апостола Павла (см. Eicken, 324). Цезарий Гейстербахский посвящает главу своего *Dialogus* обращению, то есть принятию монашеского обета. Канон 13 Четвертого Латеранского собора (Mansi, XXII. 1002) говорит о монахах как о «религиозных», об орденах — как о «религиях», а о вступлении в монастырь — как об «обращении в религию». Так, Мартин V на соборе в Констанце (1418) обвиняет Виклифа за заявление, что «все религии [то есть все монашеские ордена] обязаны своим происхождением дьяволу» (Mirbt, *Quellen*, 158).

ми христианского идеала. А отрекавшиеся от принятого обета попадали в разряд грешников, в пасть ко льву, в царство мрака и смерти⁵⁵⁴.

Епископ Оттон Фрейзингенский говорит о монахах как о «проводящих свои дни, подобно ангелам, в небесной чистоте и святости. Они живут вместе, единые сердцем и душой, по сигналу отправляются спать, в едином порыве открывают свои уста при молитве и возносят голоса в чтении... Они доходят даже до того, что при подкреплении своего тела за столом слушают чтение Писания... Они отказываются от собственной воли, своего земного имущества, своих родителей и, следуя велению Евангелия и Христа, постоянно несут крест, умерщвляя плоть, исполненные тоски по небесной родине»⁵⁵⁵.

Изобилующее энтузиазмом отношение к монашеской жизни может быть объяснено только желанием избавиться от тревог общественного мира и искренним стремлением к святости. У Ансельма практически нет посланий, в которых он не защищал бы ее преимущества. Чтобы достичь спасения, не обязательно становиться монахом, но кто, пишет он, «может получить его более надежным и благородным путем — тот, кто ищет только любви к Богу, или тот, кто сочетает любовь к миру с любовью к Богу?»⁵⁵⁶. Ансельм использует любую возможность, чтобы призвать мирян к принятию обета, и побуждает своих родственников по крови стать его родственниками и по Духу⁵⁵⁷.

Бернар не находил покоя, пока все его братья и замужняя сестра не оказались в стенах монастыря.

Гонорий Отунский в своем трактате⁵⁵⁸ утверждает, что монастырская жизнь была учреждена Самим Господом, и называет монастырь гаванью в бушующем море, защитой от мирского холода и тревог, ложем для уставших, укрытием для бегущих от политических волнений, школой для младенцев, которые учатся законам Христовым, ристалищем для тех, кто хочет сражаться с пороками, тюремной клетью для разбойников с большой дороги, которые томятся в ней перед тем, как выйти на просторы небес, а также раем с разнообразными деревьями, полными плодов и радостей Писания.

Монашеская жизнь была ангельской жизнью. «Разве мы уже не подобны ангелам Божьим, которые выше брачных уз?!» — восклицал святой Бернар, проповедуя своим монахам⁵⁵⁹, — и такое представление было повсеместно распространено в его век.

Короли и князья желали облечься в монашеское одеяние, отправляясь в мир иной. Например, Фридрих II хотя и был врагом мирских притязаний папства,

⁵⁵⁴ Св. Бернар, *Ep.*, 112; Migne, 182, 255 sq.

⁵⁵⁵ *Chronicle*, VII. 35, где он долго восхваляет монахов. Другое столь же хвалебное описание монастыря и его занятий см. в рассказе Ингульфа, аббата Кройленда, о том, как его аббатство сгорело в 1091 г. Он не забывает упомянуть, что «в подвале сгорели бочки, полные пива». См. Maitland, 286-292.

⁵⁵⁶ *Ep.*, II. 29; Migne, 158, 1182.

⁵⁵⁷ Стать *conspirituales*, а не только *consanguinei* (*Ep.*, II. 28; Migne, 1180). Подобный же призыв он обращает к двум своим дядьям (*Ep.*, I. 45; см. Hasse, *Life of Anselm*, I. 93 sqq.). Но Ансельм умел сделать исключение, когда мирянин уже отдавал себя целиком религиозному делу. Посещая графиню Матильду незадолго до ее смерти, он советовал ей не давать монашеский обет, потому что она, управляя своими поместьями, творит больше добра, чем могла бы сделать в стенах монастыря. Однако он советовал ей держать платье монахини под рукой, чтобы иметь возможность надеть его перед смертью.

⁵⁵⁸ *De vita claustrali*, Migne, 172, 1247.

⁵⁵⁹ *Quomodo non jam nunc estis sicut angeli Dei in caelo, a nuptiis penitus abstinentes*, etc. (*Sermo de diversis*, 37. Migne, 183, 641). См. также 184, 703 sq.

но, как сообщают, умер в одежде цистерцианца. Так поступили и Роджер II Сицилийский в 1163 г., и Роджер III в 1265 г. Вильгельм Неверский был одет в одежду картузианского ордена перед смертью. Людовик VI Французский умер, лежа на пепле, рассыпанном в форме креста. Так сделал и Генрих, сын Генриха II Английского, умерший на ложе из пепла в 1184 г. Вильгельм Завоеватель умер в ските, когда рядом стояли епископ и аббат⁵⁶⁰.

В некоторых, если не во всех монастырях было принято укладывать умирающих монахов на полу, иногда покрытом циновками. Сначала они переживали экстаз в ожидании упокоения. Когда смерть приближалась, умирающим часто являлись чудесные видения Христа, Девы и святых. Воображение в такие моменты работало очень живо, а свидетельства умирающих, на время приходящих в сознание, обычно принимались как истинные⁵⁶¹.

Чудеса были повседневной пищей монаха. Он был окружен духами. Видения и откровения случались днем и ночью⁵⁶². И отдельные бесы, и целые их полчища непрерывно кружили рядом с монастырем, в воздухе и на земле, чтобы обманывать неосторожных и подрывать веру бдительных. Самые детальные и авторитетные истории монахов об этом — труд Петра Достопочтенного о чудесах, произведения Цезария Гейстербахского и Иакова из Варацце. «Беседы о чудесах» Цезария и «Золотая легенда» Иакова из Варацце — одни из самых захватывающих книг, когда-либо написанных. Они полны легенд, которые приводятся как истина и отражают дух того века, ни на миг не сомневавшегося в постоянных проявлениях сверхъестественного, а особенно в проделках, кознях и непристойностях лукавого и его посланников.

Петр Достопочтенный весьма живо описывает, как эти неустанные враги духа стягивали покрывала со спящих монахов и, хихикая, бросали их поодаль, как они нахально стояли рядом, насмехаясь, пока скромные монахи справляли естественные потребности⁵⁶³, как они подставляли верующим подножки, а ночью бродили по монастырской территории, «воруя священные молитвы»⁵⁶⁴.

Петр рассказывает поучительную историю о бедном монахе, который вдруг увидел у своей постели здорового беса, с трудом удерживавшегося на воздухе с помощью крыльев. Затем рядом появились еще два беса и спросили первого: «Ты чем тут занимаешься?» А он ответил им: «Я ничего не могу сделать. Он под защитой креста, святой воды и пения псалмов. Я трудился всю ночь и ничего не добился». Тогда эти двое сказали: «Мы соблазнили некоего Готфрида на прелюбодеяние, а главу монастыря — на разврат с мальчиком. Сделай же хоть что-нибудь, ленивый негодяй! Отруби этому монаху ногу, которая свисает с постели». Схватив кирку, лежавшую под кроватью, бес размахнулся изо всех сил, но монах быстро убрал ногу и перекатился на другую сторону постели, избежав удара. Тогда бесы удалились⁵⁶⁵.

⁵⁶⁰ Ордерик Виталий, VII. 14. О случае с Гуго Гранменилом см. у Ордерика Виталия, VII. 28.

⁵⁶¹ См. Цезария Гейстербахского, *Dial.*, XI. 6, 19, etc.; *pulsata est tabula defunctorum pro eo* (Strange ed., II. 274, также Hodges, *Fountains Abbey*, p. 115).

⁵⁶² Гвидо говорит о своем брате, святом Бернаре: «Я точно знаю, причем уверен на опыте, что многое было явлено ему в молитве» (Migne, 185, 262).

⁵⁶³ *Eos sibi derisorie astitisse.*

⁵⁶⁴ *Praeterea quosdam nocturnis horis, aliis quiescentibus sancta orationum furta quaerentes et eadem causa claustrum et ecclesiam peragrantes, multis aliquando terroribus appetebant ita ut in eorum aliquos visibiliber, irruerent et ad terram verberando prosternerent* (*De miraculis*, I. 17; Migne, 189, 883).

⁵⁶⁵ *De mirac.*, I. 14; Migne, 189, 877.

Вполне можно предположить, что многие из этих сцен были порождениями рассудка, обусловленными плохим пищеварением или головными болями — распространенными болезнями монастырей⁵⁶⁶.

Нападки дьявола направлялись прежде всего на то, чтобы заставить монаха отказаться от своего священного обета. В послании к некоему Гелинанду Ансельм упоминает четыре вида совершаемых дьяволом нападок. Первое — нападение путем похотей, удовольствий этого мира, когда послушник, недавно вступивший в монастырь, начинает ощущать, как однообразна жизнь в затворничестве. Второе нападение — дьявол заставляет монаха задуматься, почему он выбрал такой образ жизни, а не жизнь приходского священника. Третий способ — соблазн отложить до более позднего времени принятие обета, провести время весело, а в конце все-таки получить все блага и награду монашества. И наконец, дьявол спрашивает монаха, зачем ему вообще связывать себя обетом, ведь можно служить Богу и без принятия оного. Ансельм отвечает на последнее возражение цитатой из Пс. 75:12 и заявляет, что обет угоден Богу сам по себе⁵⁶⁷.

Несправедливо было бы строить свое мнение о заслугах и полезности какого бы то ни было установления на основании одних только его негативных черт. Идеальный бенедиктинский и францисканский монах, как мы рады были бы поверить, был человеком, делившим свое время между религиозными упражнениями и каким-то полезным трудом, либо ручным, либо обучением, либо другим практическим занятием. Существовало, без сомнения, много людей, соответствовавших этому идеалу. Но был и другой идеал, и именно от него современное общество отвращается с явной неприязнью. Страницы Иакова из Варацце и других рассказчиков о монастырской жизни полны мерзостных описаний, которые признавались правдивыми в то время и в которых нашли воплощение не только искаженное отношение к жизни, но и взгляды, совершенно отталкивающие для здравых идеалов и нравственности. Взять хотя бы такой пример. Любопытная легенда о святом Брандане, ирландском святом, чьи странствия по океану связывались с Америкой, сообщает нам, что он нашел остров с аббатством, где жили двадцать четыре монаха. Они прибыли из Ирландии и прожили на острове восемьдесят лет к тому времени, как туда приплыли святой Брандан и его двенадцать товарищей. Все это время каждый день недели небеса посылали монахам по двенадцать буханок хлеба, а по субботам — двойное количество, и они питались все время одной и той же едой — хлебом и травами. Никто из них не болел. У них были королевские золотые ризы, и они устраивали шествия. Они служили мессу с зажженными свечами и пели вечером. И за все эти восемьдесят лет они не сказали друг другу ни единого слова. Вот какой идеал преподносился смертному человеку! Участие в мессе, молчание, шествия в золотых ризах день за днем в течение восьмидесяти долгих лет. Все природные человеческие инстинкты похоронены, все Божьи дары забыты, жизнь превращена в бесполезное эгоистическое затворничество! Однако Иаков из Варацце, сам архиепископ, сообщает, что «Брандан плакал от радости при виде их святого общения»⁵⁶⁸.

Монастырям часто дарили земли, особенно во времена крестовых походов. И человек, обеспечивший основание монастыря, считался построившим для себя лестницу на небеса⁵⁶⁹. Аббатство Бэтл, или аббатство «Св. Мартина на месте

⁵⁶⁶ Цезарий Гейстербахский, *Dial.*, IV. 30, VII. 24. См. Kaufmaun ed., II. 87, note.

⁵⁶⁷ *Ep.*, II. 12; Migne, 158, 1161 sqq.

⁵⁶⁸ *Temple Classics* ed., vol. VII.

битвы», как звучит его полное название, было построено Вильгельмом Завоевателем на поле битвы при Гастингсе и освящено Ансельмом в 1094 г. «Вэйл Роял» в Чешире, последний цистерцианский монастырь, основанный в Англии, был учрежден Эдуардом I во исполнение обета, принятого в момент опасности, когда он морем возвращался из Палестины. Он сам заложил первый камень (1277) и подарил монастырю фрагмент истинного креста и другие реликвии.

Большинство монастырей, которые стали знамениты, начинали свое существование очень скромно, со строгой дисциплиной, как Клерво, Сито, Гиршау и Шартрез. Поселения основывались по большей части в уединенных и труднодоступных местах, в долинах, горах или на болотах. Францисканцы и доминиканцы подали противоположный пример, отправившись в города и туда, где было много народа, хотя тоже выбирали худшие кварталы. Прекрасные названия часто указывают на перемены, которые, как ожидалось, произойдут в окружении монастыря: «Ясная долина» (*Clairvauz*), «Хорошее место» (*Bon Lieu*), «Наслаждения» (*Les Delices*, возле Буржа), «Счастливая лужайка» (*Felix Pré*), «Небесный венец» (*Himmelskrone*), «Небесный путь» (*Voie du Ciel*)⁵⁷⁰. Вальтер Мэп, писавший в конце XII века, уделяет внимание красивым названиям цистерцианских монастырей, которые, говорит он, «содержат в себе божественный и пророческий элемент, — например, “Дом Божий”, “Врата спасения” и др.»⁵⁷¹

С накоплением материальных средств появились большие каменные аббатства, образцы самой возвышенной архитектуры того времени. Сито, Ключи, Гранд Шартрез и великие монастыри Британских островов были совершенными произведениями искусства. На их сооружение и оборудование не жалели сил и средств. Витражи, скульптура, вышивка, богатые ткани использовались очень широко⁵⁷². Хорошо организованный монастырь состоял из многих частей: часовни, трапезной, скриптория для занятий, локутория для общения, спален, богадельни, госпиталя⁵⁷³. Для более крупных монастырей требовалось не одно строение, а целый комплекс зданий. Ключи в 1245 г. оказался способен принять одновременно папу, короля Франции и императора Константинополя вместе с их свитой. Матфей Парис говорит, что аббатство Данфермлайн, Шотландия, было достаточно велико, чтобы принять одновременно трех суверенов без каких бы то ни было ограничений для кого-то из них. Там применялись новейшие удобства и сообщались последние новости. В целом, монастырь был хорошим местом для жительства с точки зрения мирского благополучия. Средневековый монастырь был чем-то вроде современного городского клуба в том, что касается материальной стороны. В его сейфах богатые хранили свои ценности. К его защите обращались угнетенные. Там — как в Вестминстере, Сен-Дени и Данфермлайне — предпочитали быть похороненными короли и князья, а при жизни они любили оста-

⁵⁶⁹ *Qui claustra construit vel delapsa reparat coelum ascensurus scalam sibi facie* (цит. по Hurter, IV. 450). Норманнский монастырь «Двое влюбленных» получил свое название и был основан благодаря несчастной любви бедного рыцаря и молодой девушки, отец которой не хотел отдавать ее за возлюбленного, если тот не отнесет ее на вершину далекого холма. Рыцарь принял такую попытку и умер по пути, а девушка умерла вскоре после него.

⁵⁷⁰ См. Montalembert, I. 66.

⁵⁷¹ *Casa Dei*, «Дом Божий»; *Vallis Domini*, «Господня долина», *Portus Salutis*, «Врата спасения»; *Ascende Coelum*, «Восхождение на небеса»; *Lucerna*; *Claravallis* и т. д. Map, I. 24; Wright ed., p. 40.

⁵⁷² Роскошь и помпезность Ключи вызвала известные протесты святого Бернара.

⁵⁷³ См. ст. *Abbey* (д-р Venable) в «Enc. Brit.», также Jessopp, и особенно Gasquet, pp. 13-37.

навливаться в этих монастырях как в самом удобном и комфортном месте, какое они могли найти во время путешествий.

Монастыри действительно были самодостаточными организациями, чем-то вроде социалистического общества, где каждый был занят своим делом. Они сами обеспечивали себя предметами быта и пищей⁵⁷⁴. Предполагалось, что они руководствуются альтруистическими принципами. У них были свои огороды и поля, собственный скот. Некоторые монастыри усердно занимались пчеловодством, разводили бесчисленные множества рыбы в прудах, стригли и пряли шерсть своих овец, делали свое вино и варили свое пиво. В лучшие времена монахи показывали хороший пример экономности. В монастыре существовал целый ряд разнообразных должностей, от келаря, который следил за приготовлением пищи, и камергера, который заботился об одежде братьев, до регента, который управлял пением, и сакристана, который следил за убранством церкви. В XI веке возник обычай связывать с монастырями братьев-мирян, с тем чтобы эти организации во всем были независимыми. Монастыри не всегда были равнодушны к нуждам бедных⁵⁷⁵, однако обычной тенденцией было сосредоточение внимания на самом монастыре, а не на возрождении и благополучии тех, кто находился вне его стен.

Как многие другие земные идеалы, идеал мира, добродетели и безмятежного довольства, к которому стремились монастыри, не был достигнут, а если монастыри и приблизились к нему в первые времена своего пылкого рвения, то скоро от него отошли. Методы монашества были неправильными по своей сути. Монастыри повсеместно были «местами, где присутствует Бог», но многие прекрасно понимали, что сами монастырские стены никого святым не делают. Как прежде об этом свидетельствовали Иероним, Григорий Нисский и Августин, так и теперь многие утверждали то же самое. Ив Шартрский (ум. в 1116) осуждает монахов, которые источали закваску гордости, похваляясь своими успехами в бесплодном аскетизме. Он ссылается на такие места, как 1 Тим. 4:8 и Рим. 14:17. Уединение в горах и лесах, говорит он, не делает людей святыми и не приносит им ни душевного покоя, ни сердечной субботы, ни возвышенности ума. Петр из Клуни писал одному отшельнику, что уход от мира не имеет смысла, если он не выстроит мощной защиты от зла в своем собственном сердце, а эта стена — Спаситель Христос. Без Его защиты уединение, умерщвление плоти и путешествия в дальние страны не помогают, но приносят с собой еще более пагубные искушения. Любой образ жизни, мирской и священнический, монашеский и отшельнический, чреват своими искушениями.

Прозцветание неизбежно вело к соперничеству, высокомерию, праздности и упадку нравственности. Если Оттон Фрейзингенский не скупится на похвалы в адрес монастырских общин, то его современник Ансельм Гавельбергский⁵⁷⁶ осуждает лень монахов и их склонность к пустословию внутри и вне монастырских стен. Елизавета из Шенау и Хильдегарда Бингенская, считавшие монашескую

⁵⁷⁴ Английский термин *convent* (монастырь) в исходном смысле означал сообщество, общину. В юридических документах в Англии в средние века говорится о «приоре и его сообществе (*convent*)». Джессоп (р. 119) обращает внимание на бесконечные пререкания и суды, в которых участвовали средневековые монастыри Англии. О монахе в своем монастыре см. Taunton, I. 65-96.

⁵⁷⁵ Были времена, когда Клуни заботился о 17.000 нищих. Во время голода в 1117 г. монастырь Гейстербах, возле Кельна, ежедневно кормил 1500 нищих. В трудные времена Бернар поддерживал 2000 крестьян до сбора урожая.

⁵⁷⁶ Hauck, IV. 312.

жизнь высшей формой земного существования, находили в реальной жизни монахов и монахинь много такого, что было далеко от монашеских идеалов⁵⁷⁷. Скандальная хроника монастырей столь же мрачна и отвратительна, как и хроника папства в период порнокрации и при последних папах Средневековья. Обращаясь к Александру III с просьбой распустить аббатство Грестиан, епископ епархии Арнульф пишет о различных злоупотреблениях, жадности, ссорах, убийствах, распутстве. Уильям из Малмсбери⁵⁷⁸, писавший в 1125 г., в неблагоприятном свете представляет монахов Кентербери. Как пишет Абельяр в своей автобиографии, монастырь Бретани, аббатом которого он был, отличался жестокими и шокирующими нравами. Положение быстро ухудшилось, когда остыл первый религиозный пыл орденов святого Франциска и Доминика. Преподаватели университетов, такие как Гильом Сент-Амурский из Парижа (ум. в 1270), резко критиковали высокомерие и распущенность монахов своего времени, имея в виду нищенствующие ордена. Во время авиньонского пленения пап некий епископ заявил, что лично видел монастырь, где все монахини вступали в плотскую связь с бесами. Откровения святой Бригитты Шведской (ум. в 1375), одобренные на соборах в Констанце и Базеле, свидетельствуют о столь же невысоком уровне монашеской добродетели. Николай из Клеманжа (ум. в 1440) писал решительные протесты против упадка орденов. Он в самых мрачных красках характеризует их расточительство, обжорство, лень и распущенность. По его мнению, если девушка вступает в монастырь, то ее сразу же можно считать пропащей женщиной. Воистину, как говорил Цезарий Гейстербахский в гомилии за несколько веков до того, «вера принесла с собой богатства, а богатства погубили веру»⁵⁷⁹.

Институт монашества, проявлявшего самое ревностное благочестие и высочайшее разумение средних веков в период его славы, стал в эпоху его упадка синонимом суеверия и непримиримым врагом человеческого прогресса. Так произошло потому, что монашеский путь достижения святости содержит нечто пагубное, а идеал монашеской святости — нечто ложное. Монахи уничтожали еретиков и противились Возрождению. Сначала, в период первого рвения, они подавали пример разумного ведения хозяйства, а позже — пример лени и высокомерия. Некогда достойные хвалы как распространители знаний, они превратились в сторонников обскурантизма и невежества. Приор Чосера, отправившийся в паломничество к могиле Фомы Бекета, отражает расхожие мнения об английском монашестве XIV века:

*Свисали щеки, и его фигура
Вся оплыла; проворные глаза
Запухли, и текла из них слеза.
Вокруг его раскормленного тела
Испарина, что облако, висела.*

⁵⁷⁷ Хаук (IV. 401 sqq.) говорит, что в Германии было не так уж много аббатис, подобных Хильдегарде и Елизавете из Шенау. Жалобы на греховных монахов и монахинь поступали из Саксонии, Швабии, Лотарингии, Рейнской области и Швейцарии. См. цитаты у Хаука.

⁵⁷⁸ *Gesta pontificum*, Rolls Series, p. 70, цит. в Taunton, I. 22. Уильям говорит: «Монахи Кентербери, как и все в тогдашней Англии, развлекались, охотясь с псами и соколами и участвуя в лошадиных бегах. Они любили звук костей, спиртные напитки и хорошую одежду и держали столько слуг, что больше были похожи на мирян, чем на монахов».

⁵⁷⁹ *Religio peperit divitias, divitiae, religionem destruxerunt* (Ном. III. 96). Джессоп (*Coming of the Friars*) пишет, что в Англии XIII века монахи превосходили свою эпоху, чему нетрудно поверить.

*Ему завидовал и сам аббат —
 Так представителен был наш прелат.
 И сам лицом упитанный, румяный,
 И сапожки из лучшего сафьяна,
 И конь гнедой, артачливый на вид.*

Однако было бы совершенно несправедливо забывать о роли монастырей в определенные периоды истории средневековой Европы или отрицать священные задачи их основателей. Гимны, обряды и рукописи, созданные средневековыми монахами, продолжают одухотворять нашу литературу и наше церковное служение. В такой век, как нынешний, можно только порадоваться способам воздействия церкви на общество, однако нельзя не признавать положительного влияния и полезности методов, которые церковь практиковала в другие века. Мы изучаем движения прошлого не для того, чтобы выискивать ошибки в методах, применявшихся лучшими людьми прежних времен и отвергаемых нами, а для того, чтобы узнать, нельзя ли эффективнее справиться с проблемами нашего собственного времени.

§62. Монашество и папство

Монашество и папство, отождествлявшиеся с такими противоположными крайностями, как отказ от мира и господство над ним, вступили в тесный союз — сколь бы странно это ни звучало. Монахи стали регулярной армией пап, их послушными и доблестными защитниками в битвах, которые папы вели с мирскими правителями. Некоторые из лучших пап были монахами по воспитанию, или по привычкам, или по тому и другому. Григорий VII воспитывался в бенедиктинском монастыре на Авентине. Виктор III был из Монте Кассино. Урбан II и Пасхалий II — из Клуни. Адриан IV — из Сент-Альбана. Евгений III, ученик святого Бернара, став папой, продолжал носить на теле рубаху монахов Сито. Иннокентий III написал аскетический труд «Презрение к миру»⁵⁸⁰.

С XI по XIII век возникал один монашеский орден за другим. Благодаря инстинкту организаторства и благочестивому порыву христианский мир оказался усыпан новыми монастырями и восстановленными старыми, от горы Кармил до Северной Шотландии⁵⁸¹. Иннокентий III, подобно тому как нынешние протестанты оправдывают деноминационные разделения внутри протестантизма, сравнивал разные ордена с разными видами войск, которые вооружены по-разному, но принадлежат к одной армии. «Такое разнообразие, — говорил он, — не предполагает раскола между служителями Христу. Это, скорее, единомыслие при различии формы»⁵⁸². Так, Петр из Блуа в послании к аббату Эвершема писал, что из разнообразия религиозных орденов вытекает единое служение, подобно тому как звучанием разных струн арфы образуется гармоничная мелодия. Единство орденов столь же естественно, как единство между ангелами или небесными телами. Виноградник приносит плоды и черные, и белые. Христианин сравнивается в Священном Писании с кедром, кипарисом, розой, маслиной, пальмой, теревинфом, однако все они — просто разные роды насаждений в Господнем саду⁵⁸³.

⁵⁸⁰ На синоде в Ниме (1096) было объявлено, что монахи более пригодны для управления, чем светские клирики. Hefele, V. 244.

⁵⁸¹ Списки см.: Helyot и доктор Littledale, ст. *Monachism*, «Enc. Brit.».

⁵⁸² *Ep.*, III. 38; Migne, 214, 921.

⁵⁸³ *Ep.*, 97; Migne, 207, 304 sq. Говоря о разнообразии, которое допускает Христос, он выражается подобно современному защитнику евангельского союза (*ipsa varietas est uniformitatis causa*).

Проницательность и мудрость пап проявилась в том, что они поощряли орден и использовали их для централизации власти в Римской церкви. У каждого ордена был свой монашеский устав, свои отличительные обычаи. Эти уставы, как и ордена, были авторизованы и подтверждены папой. Ордена, непосредственно или опосредованно, подчинялись его высшей юрисдикции. Нищенствующие ордена святых Франциска и Доминика непосредственно подчинялись святому престолу. Четвертый Латеранский собор, запретивший создание новых орденов, действовал так в желании избежать путаницы в церкви из-за множества разных уставов. Он постановил также, чтобы все желающие стать монахами вступали в уже существующие ордена. Ордена святого Франциска и святого Доминика, основанные в нарушение этого постановления, стали самыми ревностными защитниками папства в истории, пока три века спустя не возникло «Общество Иисуса».

Милостью папы к монашеским орденам обычно ослаблялась власть епископов и укреплялась независимость папства от епископальной системы. Дунс Скот даже заявляет, что, как вера необходимее для мира, чем омовение водой в ходе таинства, так и монашество важнее, чем орден прелатов. Монахи составляли сердце, саму сущность церкви. Проповедуя, они пробуждали новую жизнь, а проповедовали они бесплатно и бескорыстно. Прелатам же платили⁵⁸⁴.

Папы охотно одаривали ордена, особенно нищенствующие, привилегиями и освобождениями от повинностей. Это были любимцы пап. Им была дана свобода проповедовать и отправлять таинства везде и всегда, не завися от епископов и их юрисдикции. Результатом стали постоянные стычки с епископами и бесконечные апелляции монастырей, нескончаемым потоком стекавшиеся в Рим и дававшие членам курии редкую возможность доказать свою нужность⁵⁸⁵. Монастыри, благодаря своей организации и богатству, а также монахам, которые вольны были в любое время отправиться в Рим и оставаться там неопределенно долгое время, могли изводить оппонентов-епископов, испытывая их терпение, или просто затянуть дело до их смерти⁵⁸⁶.

Богатство, роскошь⁵⁸⁷ и власть великих монастырей вошли в поговорку. В Лотарингии и других частях Европы за монастырями оставалось решающее слово⁵⁸⁸. Аббаты часто брали верх над епископами, а генеральные собрания орденов⁵⁸⁹, на которые съезжались монахи от далекого Востока до Атлантики, обладали большей властью, чем епархиальные и даже провинциальные соборы.

⁵⁸⁴ См. примечательный отрывок, цитируемый в Seeberg, *Duns Scotus*, 478 sq.

⁵⁸⁵ Матфей Парис приводит один пример за другим, как и другие английские летописцы. Джессоп (*Coming of the Friars*) говорит, что история средневекового английского монашества — это история постоянных распрей. У монастырей всегда были разногласия с епископами.

⁵⁸⁶ Епископ Стаббс (*Const. Hist.*, III. 329) говорит, что английские монастыри были оплотом папского влияния и папа противопоставлял их влиянию епархиальных епископов. По этой причине папы никогда не вмешивались в назначение английских аббатов и обычно (а лучше сказать, всегда) доверяли это избрание самим монахам.

⁵⁸⁷ Доктор Джессоп (р. 155) говорит об английских монахах: «В конце концов, следует признать, что наименее приятнейшим из всех удовольствий монахов XIII века были еда и питье. Обед в большом аббатстве явно был самым важным событием дня. Любопытно, кто хорошо знаком с литературой того времени, должен понимать, сколь слабым местом монашеской жизни XIII века было обжорство». Но он же пишет, что о пьянстве слышно было мало. Эль, который варили в монастырях, был непременным пунктом меню весь год. Ричард из Мариско, епископ Дарема, отдал аббатству Сент-Альбан десятину Эглингема (Норгумберленд) на улучшение эля у монахов, ибо «не мог не сжалиться над слабостью монастырского напитка».

⁵⁸⁸ См. Hauck, III. 493: *Das Mönchthum war in Lothringen die führende Macht*.

⁵⁸⁹ Четвертый Латеранский собор постановил, чтобы они проводились каждые три года.

Немного раньше рассматриваемого периода аббат Вейссенбурга был способен собрать под своим началом столько же человек, сколько епископ его епархии, Шпейера, а три аббата — Рейхенау, Сен-Галлена и Кемптена — в три раза больше, чем епископ обширной епархии Констанца⁵⁹⁰. В XII веке аббат Фульды претендовал на превосходство над великим архиепископом Кельна. Начиная с Иоанна XVIII (1004 — 1009) аббаты нередко получали регалии епископской должности. Английские аббаты Сент-Альбана, Бардни, Вестминстера и главы других английских аббатств были удостоены митры⁵⁹¹. Это были великие служители. Они заседали на вселенских соборах. Их выход сопровождался звоном колоколов. Они участвовали в охотах, имели своих лошадей и вооруженную свиту, занимали высокопоставленное положение. Аббат Св. Альбана ел с серебряного блюда, а на приятные обеды в английских аббатствах приглашались даже высокопоставленные дамы.

Таким образом, благодаря богатству и папской милости монашеские ордена потеснили епископов, а поддерживаемые папой, они могли даже пренебрегать епископами, давая, в свою очередь, папству возможность более эффективно утверждать власть над епископатом.

В борьбе с еретическими сектами ордена были бескомпромиссными защитниками ортодоксии. Они весьма успешно помогали папам проводить политику подавления. В рядах инквизиции они были основными агентами папства. Они проповедовали крестовые походы против альбигойцев и занимали выдающееся место в рядах крестоносцев. Они часто возглавляли кровавые расправы — как Арнольд из Сито. Везде, от Германии до Испании, ведущие инквизиторы были монахами.

Опять же, в неустанной борьбе папства с князьями и королями папа всегда мог положиться на монахов. Они храбро служили папству, что видно из их борьбы с императором Фридрихом II, когда они распространяли неповиновение и подстрекали к бунту в Германии и других частях империи.

Они также добились успеха, помогая пополнять папскую казну, и святой престол приветствовал такое служение. В этом отношении они активно действовали по всей Европе. Страницы английских хроник полны протестов против них, так как они вымогали средства у народа⁵⁹². Папа относился к орденам хорошо и, в свою очередь, получал помощь от них. Ордена пользовались большими милостями и — что вообще-то случается редко — не скупились на ответную благодарность.

Ордена этого периода можно поделить на пять групп: следовавшие бенедиктинскому уставу; следовавшие так называемому августинианскому уставу; кармелиты; отшельнические ордена во главе с картузианцами; нищенствующие ордена⁵⁹³ — францисканцы и доминиканцы.

⁵⁹⁰ Наuck, III. 442.

⁵⁹¹ Как и аббаты Св. Эдмундсбери, Св. Августина в Кентербери, Кройленда, Петерборо, Ившема, Гластонбери и Глостера, причем выше всех стоял аббат Гластонбери, пока Адриан IV не отдал эту честь аббату Св. Альбана.

⁵⁹² М. Парис и другие выдающиеся английские летописцы постоянно обвиняют нищенствующих сборщиков податей в вымогательстве. Они собирали в Англии средства для папы уже в 1234 г.

⁵⁹³ Hurter, *Innocent III.*, IV. 238. Гаске приводит подробный список монашеских домов Англии (pp. 251-318) и рассказывает о представленных в Англии религиозных орденах, иллюстрируя текст поучительными гравюрами (211 sqq.). Согласно списку Гаске, в одной только Англии существовало более тысячи пятисот монастырских зданий.

§63. Монахи Ключни

ЛИТЕРАТУРА. См. список литературы в т. IV, §84. MABILLON: *Ann. ord. S. Bened.*, III — V, Paris, 1706 — 1708; *Statuta Cluniacensia*, Migne, 189, 1023-47. — BERNARD ET BRUEL: *Recueil des chartes de l'abbaye de Cluni*, до 1300 г., 6 vols. Paris, 1876-93; *Consuetudines monasticae*, vol. I; *Consuet. Farfenses*, ed. ALBERS, Stuttgart, 1900. *Consuetudines* представляют собой правила и обычаи, дополнявшие уставы орденов. *Consuetudines* Фарфы, монастыря в Италии, были взяты у Одилона Ключнийского и введены в Фарфе.

ЖИТИЯ СВЯТОГО БЕРНАРА. С. А. WILKENS: *Petrus der Ehrwürdige*, Leipzig, 1857, 277 pp. — M. KERKER; *Wilhelm der Selige, Abt zu Hirschau*, Tübingen, 1863. — WITTEN: *Der Selige Wilhelm, Abt von Hirschau*, Bonn, 1890. — CHAMPLY: *Hist. de l'abbaye de Cluny*, Mâcon, 1866. — L'HUILLIER: *Vie de Hugo*, Solesmes, 1887. — K. SACKUR: *Die Cluniacenser bis zur Mitte des 11ten Jahrhunderts*, 2 vols. Halle, 1892-94. — H. KUTTER: *Wilhelm von St. Thierry, ein Representant der mittelalterlichen Frömmigkeit*, Giessen, 1898. — MAITLAND: *The Dark Ages*, 1890, pp. 350-491. — HAUCK, vol. III. — Ст. *Hirschau*, в Herzog, VIII. 138 sqq.

Монастырь в Ключни⁵⁹⁴, в двадцати милях к северо-западу от Макона, Франция, обладал максимальным влиянием в XI — XII веках. Основанный в 910 г. герцогом Гильомом Аквитанским и управляемый чередой мудрых аббатов, он приобрел положение, уступавшее среди монастырей Запада только Монте Кассино, и стал колыбелью монашеского пробуждения, распространившегося по всей Европе от Адриатики до Шотландии.

Ни одно религиозное устройство Латинской церкви не пользовалось более чистой славой, чем Ключни. Четверо его аббатов, Одон, Майоль, Одилон и Гуго, стали канонизированными святыми. Из его монахов вышли три папы — Григорий VII⁵⁹⁵, Урбан II и Пасхалий II, а также антипапа Анаклет II. Геласий II, изгнанный из Рима в 1118 г., укрылся за стенами монастыря, умер там, лежа на пепле, и там же был похоронен. Для избрания Калликста II, его преемника, кардиналы собрались в Ключни. Этому монастырю воздавали почести не только папы, но и короли.

Ключнийские монахи преобразовали устав святого Бенедикта, сделав его более строгим. В Лотарингии и Германии ключнийское влияние начало ощущаться после монашеских реформ, среди устроителей которых стоял аббат Герхард из Бронне в X веке⁵⁹⁶. Такие лидеры монашества, как Вильгельм, аббат монастыря Св. Бенигна в Дижоне, Поппон, аббат Ставо и Лимбурга, и Вильгельм из Гиршау, следовали бенедиктинскому уставу и полностью симпатизировали Ключни. Гиршау в Шварцвальде стал центром ключнийского влияния в Южной Германии и одним из главных центров учености своего века⁵⁹⁷. Его аббат Вильгельм (1069 — 1091), сторонник строгой дисциплины и реформатор, получил прекрасное схоластическое образование в монастыре Св. Эммерама, Регенсбург. Он переписывался с Ансельмом и около 1075 г. посетил Григория VII в Риме. Монастырь стал бастионом Григория в споре об инвеституре. Опираясь на устав Ключни, Вильгельм в 1077 г. составил подобный устав для Гиршау, известный как *Constitutiones Hirsaugienses*, и ввел белую одежду Ключни, что вызвало насмешливое замечание: «Монахи убелиют свою одежду, но не свои сердца»⁵⁹⁸. При Вильгельме За-

⁵⁹⁴ Сейчас город насчитывает четыре тысячи жителей.

⁵⁹⁵ Наuck (III. 596) полагает, что Григорий, без сомнения, был ключнийским монахом.

⁵⁹⁶ Наuck, III. 345 sqq.

⁵⁹⁷ Список немецких монастырей, которые приняли устав Ключни или его модифицированную форму, приводится в Наuck, III. 863.

⁵⁹⁸ Вильгельм воздвиг в Гиршау новые здания, чтобы разместить большое количество прибывающих к нему монахов, основал *scriptorium* и библиотеку. Среди его произведений был музы-

воевателе ключнийские монахи укрепились в Англии, в Барнстепле. Вильгельм был такого высокого мнения о них, что доверил одному из них, Гуто, заботу о религиозных делах своего королевства. Вторым в Англии был сыгравший важную роль монастырь Св. Панкратия в Льюисе, основанный Гундрадой и графом Уорренским, зятем Завоевателя (1077)⁵⁹⁹. Важными монастырями были также Бермондси, Уэнлок и Тетфорд. Ключнийские монастыри в Англии назывались приоратами, во главе их стояли приоры или деканы⁶⁰⁰. Гуто, занимавший пост аббата Ключни в течение шестидесяти лет (1048 — 1109), был другом Григория VII; во время его правления Ключни посетил Урбан II, один из учеников Гуто, в перерыве заседаний Клермонского собора. Гуто начал сооружение великой базилики в 1089 г. Она была освящена Иннокентием II в 1131 г. Это была вторая по величине церковь на Западе после собора Святого Петра.

При Понтии, седьмом аббате (1109 — 1122), ощущался глубокий упадок. Монастырю принадлежало много земель и имущества. Простая мебель сменилась богатыми апартаментами, строгость нравов — вседозволенностью. Папские милости осыпали Понтия, и Пасхалий, его крестный, послал ему далматик⁶⁰¹. Калликст II надел собственное кольцо на палец Понтия, дал ему право пользоваться прерогативами кардинала, а монахам Ключни — право на совершение богослужений при закрытых дверях, в то время как в епархии действовал интердикт.

Понтий полностью отдался мирским амбициям. Он принял титул архиаббата, что было исключительной прерогативой главы монастыря Монте Кассино. А когда епископ Макона выдвинул против него обвинения, он вынужден был уступить и отправился в Иерусалим как паломник. Паломничество не сделало его более кротким, и по возвращении смещенный аббат постарался вернуть себе прежнее место. Он закрыл ворота монастыря и вынудил монахов признать его и поклясться в верности. Священные золотые и серебряные сосуды были расплавлены и поделены между незваными гостями. Разорение внутри монастырских стен распространилось и на соседние земли. Гонорий II объявил анафему Понтию, который был призван в Рим и брошен в темницу, где умер нераскаившимся в 1126 г. Это один из наиболее примечательных случаев монашеского злоупотребления в средние века.

Петр Достопочтенный был избран аббатом Ключни в отсутствие Понтия, отправившегося на Восток, и занимал это место почти сорок лет (1122 — 1157). Он был другом святого Бернара, одного из самых выдающихся средневековых монахов и одного из самых привлекательных героев церкви той эпохи. Рожденный в Оверни и воспитанный в цистерцианском монастыре, он стал аббатом в возрасте всего двадцати восьми лет. В период его управления Ключни вновь достиг извест-

---

кальный труд, *De musica et tonis*. Гиршау был превращен в протестантскую школу герцогом Кристофом (1556). Его здания были разрушены армией Людовика XIV. Руины относятся к числу самых почитаемых памятников Вюртемберга.

⁵⁹⁹ Гундрада посетила Ключни. На ее могиле было написано: *Intulit ecclesiis Anglorum balsamatorum* — «Она принесла бальзам добрых нравов церквям Англии» (см. Stephens, p. 254).

⁶⁰⁰ Когда Генрих VIII подавлял монастыри, в Англии насчитывалось тридцать два ключнийских приората (Gasquet, 218). Taunton (I. 27) говорит о тридцати восьми монастырях и трех госпиталях в Лондоне, принадлежавших ключнийским монахам.

⁶⁰¹ Верхняя одежда с широкими рукавами, достигающая пола. Аббатам также часто посылали митру, отличительный головной убор епископов. Один из первых таких случаев мы встречаем при Александре II, который подарил митру аббату монастыря Св. Августина в Кентерберии. Аббат Фулды получил ее, вместе с кольцом, от Иннокентия II (1137).

ности. Помимо изучения Библии, Петр поощрял также изучение классической литературы, что навлекало на него ожесточенную критику. Он посещал клюнийские монастыри за границей, в Англии и Испании.

На десятую годовщину своего официального правления Петр пригласил двести приоров и тысячу двести двенадцать членов ордена в Клуни. Главные монастыри представляли четыреста шестьдесят монахов. Говорят, что клюнийский устав приняли не менее двух тысяч монастырей, два из которых располагались в Иерусалиме и на горе Фавор. В 1246 г. Петр ввел, через генеральный капитул (собор), семьдесят шесть новых правил, подкреплявших и совершенствовавших уже используемый бенедиктинский устав⁶⁰². Употребление в пищу мяса было разрешено только слабым и больным. Запрещалось употреблять в пищу все, что содержит мед, специи и вино.

С трудами аббата Петр сочетал литературную деятельность. Он написал знаменитый трактат для убеждения иудеев и мусульман и трактат против еретика Петра де Брюи. Его последний труд был посвящен чудесам⁶⁰³. В нем рассказывается много невероятных историй о сверхъестественных событиях, якобы происходивших в монастырях.

Именно в период правления этого кроткого и мудрого человека в ворота Клуни постучал Абельяр, желавший стать там монахом, и с сердечного разрешения Петра он провел в этих стенах последние горестные часы своей жизни.

В период Петра святой Бернар совершил свою знаменитую атаку против клюнийцев, самоуспокаивавшихся в собственных слабостях. Роберт, юный родственник Бернара, пожелал перейти из цистерцианского ордена в Клуни. Понтий отказался выполнить просьбу Бернара. Петр сделал то, что отказывался сделать его предшественник. Возможно, вспоминая о поступках Понтия, Бернар сравнивал⁶⁰⁴ простую жизнь в Сито с леностью и роскошью, возобладавшими в Клуни.

Свой трактат, знаменитый в анналах полемической монашеской литературы, Бернар начинает с осуждения недостаточной духовности своих собственных братьев, цистерцианцев. «Как можем мы, — восклицает он, — когда наши желудки полны бобов, а умы полны гордости, осуждать тех, кто ест мясо, словно не лучше съесть иногда немного скоромного, чем набивать себе животы ветренными овощами!» Далее он переходит к критике клюнийцев за потакание своим слабостям в еде, пустословию и праздно-веселости. Во время еды, говорит он, блюдо следует за блюдом, подаются яйца, приготовленные в разных видах, а за обедом пьют больше одного вида вина. Монахи предпочитали ублажать свой взор мрамором, а не читать Писание. Канделябры и алтарные занавеси были тщательно выделаны. Искусству и архитектуре придавалось чрезмерно большое внимание. Внешние украшения свидетельствовали о жадности и о любви к показухе, а не о смиренном и кающемся сердце. Он видел, как за одним из клюнийцев следует свита в шестьдесят всадников, и ни один из них не был похож на пастыря душ. Он обвинял их в том, что они принимают в подарок замки, виллы, крепостных и рабов и оставляют их за собой, даже если им предъявляют справедливые жалобы⁶⁰⁵. Несмотря на эту резкую критику Петр оставался в дружественных

⁶⁰² См. Migne, 189, 1026 sqq. Этот том содержит произведения Петра.

⁶⁰³ *Liber duo illustrium miraculorum*. Под руководством Петра был сделан перевод Корана. Пересмотренное издание Библиандера вышло в Базеле (1543). Эти труды есть в Migne (vol. 189, 507-903), где присутствуют послания и проповеди Петра, а также приписываемые ему гимны.

⁶⁰⁴ *Apologia ad Guillelmum* (Migne, 182, 895-918).

⁶⁰⁵ На это обвинение Петр отвечал, что пусть лучше такая собственность находится в руках мо-

отношениях с Бернаром. Он отвечал без взаимных обвинений и называл Бернара сияющим столпом церкви. Он считал уместным изменение устава святого Бенедикта, продиктованное любовью. Но и он, и святой Бернар, писал он, принадлежат одному Учителю, служат воинами у одного Царя, исповедуют одну веру. Как разные тропы ведут к одной и той же земле, так разные обычаи и привычки, вдохновленные одной любовью, ведут к высшему Иерусалиму, матери всех нас. Ключи и цистерцианцы должны увещивать друг друга, если увидят друг у друга заблуждения, ибо они устремлены к одному наследию и чтут единую заповедь. Он призвал себя и Бернара помнить хорошие слова Августина: «Имей милосердие — и делай все, что хочешь» (*Habe charitatem et fac quicquid vis*)⁶⁰⁶. Что может быть восхитительнее? Можно ли найти лучший пример христианской полемики?

После смерти Петра слава Ключи угасла⁶⁰⁷. Шестьсот лет спустя, в 1790 г., орден был распущен по приказу французского правительства. Отель де Ключи, дом монастыря в Париже, где некогда жил аббат, теперь стал музеем средневекового искусства и ремесла, о котором заботится французское правительство⁶⁰⁸.

Благочестие западного христианского мира обязано Ключи гимном «Золотой Иерусалим», в основе которого — *De contemptu mundi*, написанное Бернаром Ключийским, современником Петра Достопочтенного и святого Бернара Клервоского⁶⁰⁹.

§64. Цистерцианцы

ЛИТЕРАТУРА. *Exordium parvum ordinis Cisterciensiae*, Migne, 166. *Exordium magnum ord. Cisterc.* КОНРАДА ИЗ ЭБЕРБАХА (ум в 1220), Migne, 185. — MANRIQUEZ: *Ann. ord. Cisterc.*, 4 vols. Lyons, 1642. — MABILLON: *Ann. ord. St. Benedict*, Paris, 1706 — 1708. — P. GUIGNARD: *Les monuments primitifs de la règle Cistercienne, publiés d'après les manuscrits de l'abbaye de Citeaux*, Dijon, 1878, pp. cxii. 656. — PIERRE LE NAIN: *Essai de l'hist. de l'ordre de Citeaux*, Paris, 1696. — J. H. NEWMAN: *The Cistercian Saints of England*, London, 1844. — FRANZ WINTER: *Die Cistercienser des nord-östlichen Deutschlands bis zum Auftreten der Bettelorden*, 3 vols. Gotha, 1868 — 1871. — L. JANAUSCHEK: *Origines Cisterciensium*, Vienna, 1877. — B. ALBERS: *Untersuchungen zu den ältesten Mönchsgewohnheiten. Ein Beitrag zur Benedictinerordensregel der X — XII^{ten} Jahrhunderte*, Munich, 1905. — SHARPE: *Architecture of the Cisterc.*, London, 1874. — *Cisterc. Abbeys of Yorkshire*, в «Fraser's Mag.»,

нахов, чем в руках диких мирян.

⁶⁰⁶ *Ер.*, I. 28; Migne, 189, 156. Сохранился ряд посланий Петра к Бернару. Во всех них подчеркивается необходимость братской любви. Странный контраст с обычной кротостью Петра образует его резкое отношение к иудеям. См. §77 о благовестии иудеям.

⁶⁰⁷ Право избрания аббата у монахов отняли. Во время авиньонского пленения пап и позже французские короли претендовали на право назначать на эту должность. Гизы покровительствовали аббатству почти сто лет. В 1627 г. аббатом был назначен Ришелье.

⁶⁰⁸ Отель де Ключи был местом, где останавливались выдающиеся люди. Там жила Мария, сестра Генриха VIII Английского, будучи вдовой; там Иаков V Шотландский в 1537 г. женился на Мадлен, дочери Франциска I. Муниципалитет Ключи приобрел здания аббатства и частично снес их.

⁶⁰⁹ См. Schaff, *Christ in Song*, и Julian, *Hymnology*:
 Золотой Иерусалим,
 Благословенный молоком и медом,
 При созерцании его
 Сердце замирает и голос затихает.
 Я не знаю, о, я не знаю,
 Чему уподобить радости тамошней жизни
 И сияние его славы,
 С чем сравнить его несравненный свет.

September, 1876. — ДЕКАН HODGES: *Fountains Abbey, The Story of a Mediaeval Monastery*, London, 1904. — DEUTSCH: ст. *Cistercienser* в Herzog, IV. 116-127; ст. *Harding* в «Dict. Natl. Biogr.», XXIV. 333-335; БИОГРАФИИ святого Бернара. Подробный список литературы см. в JANAUSCHEK.

Наряду с клюнийскими монахами, цистерцианцы были одним из самых многочисленных и самых полезных монашеских орденов средних веков⁶¹⁰ (пока не возникли нищенствующие братья, которые вытеснили тех и других). У них был бенедиктинский устав. К их числу принадлежал великий святой Бернар, поэтому во Франции их часто называют бернардинцами. Два папы, Евгений III и Бенедикт XII, вышли из ордена цистерцианцев. Европа в великом долгу перед этим орденом за его служение среди полуварварских крестьян восточной Франции, южной Германии и особенно провинций северо-восточной Германии. Его монастыри подавали пример искусного земледелия и садоводства. Там выращивали виноград, разводили рыбу, обрабатывали огороды и заботились о скоте⁶¹¹.

Основатель ордена, Роберт Молесмский, родился в Шампани в 1024 г. После тщетной попытки ввести более строгую дисциплину в нескольких бенедиктинских монастырях он удалился в Молесмские леса и в 1098 г. с двадцатью товарищами поселился в болотистой местности возле Сито⁶¹², в 20 милях (32 км) от Дижона. Здесь Эд, герцог Бургундский⁶¹³, построил здание, которое сначала получило имя Нового Монастыря (*Novum Monasterium*).

Альберих, преемник Роберта, получил санкцию Пасхалия II на новый орден и вверил его особой заботе Девы. (Говорят, она являлась ему в белом одеянии ордена⁶¹⁴).

При третьем аббате, Стефане Хардинге, англичанине, известном как святой Стефан, который занимал пост двадцать пять лет (1110 — 1134)⁶¹⁵, началось процветание монастыря. В 1113 г. в монастырь вступил Бернар с тридцатью товарищами, а в 1113 — 1115 годах последовало основание четырех дочерних монастырей: Ла Ферте, Понтины, Клерво и Моримонда, — которые занимали более высокое положение в сравнении с цистерцианскими монастырями, основанными позднее.

Новые монастыри создавались быстро. В 1130 г. существовало 30 цистерцианских монастырей, в 1168 г. — 288. Было принято правило, запрещающее созда-

⁶¹⁰ Кардинал Гергенротер говорит: «Цистерцианцы добились гораздо большей известности, чем орден Клюни» (*Kirchengesch.*, II. 351).

⁶¹¹ В Англии цистерцианцы разводили лошадей (Геральд Камбрейский, *Speculum ecclesiae*, IV. 130, и Brewer, Preface, IV. 24) и славились овцами и шерстью. Их шерсть была популярным товаром, который облагался королевским налогом. Иоанн изъязл ее в объеме годового производства, чтобы уплатить выкуп за Ричарда (М. Парис, Luard ed., II. 399). Генрих III запретил монахам продавать шерсть. Генрих II (1257) обложил ее большим налогом, и т. д. (М. Парис, IV. 324, V. 610). См. Stubbs, *Const. Hist.*, I. 541, II. 181, 200.

⁶¹² Это название происходит от находившихся по-соседству заболоченных прудов.

⁶¹³ Он погиб в крестовом походе. По его просьбе его останки были привезены обратно и похоронены в Сито, ставшем местом погребения его преемников.

⁶¹⁴ См. Helyot, V. 404. Согласно Хауку (IV. 337), цистерцианцы первыми принесли в Германию чрезмерно преувеличенный культ Девы.

⁶¹⁵ Это был человек с большими административными способностями. Уильям из Малмсбери (IV. 1) говорит о Стефане как об «оригинальном устройтеле всего замысла, особом и знаменитом украшении нашего времени». Рассказывали, что во время путешествия в Рим и до вступления в Сито он повторял на память Псалтирь. Василий присоединился к нему в устремлении заучить Псалтирь целиком. По словам биографа аббата Одона Клюнийского, монахи Клюни ежедневно повторяли 138 псалмов. Maitland, p. 375.

ние новых учреждений, но оно не подействовало, и количество их к XIV веку достигло 738⁶¹⁶. Хотя орден никогда не получал таких привилегий, какие были дарованы Клуни, он был весьма почитаем некоторыми из пап. Иннокентий III был особенно благосклонен к нему и обещал, что его монахи будут допускаться на аудиенцию в Риме в первую очередь⁶¹⁷.

Устав цистерцианцев *Carta charitatis*, «Правило любви», относится к периоду правления Хардинга и подтвержден Калликстом II в 1119 г. Он заповедовал строго придерживаться бенедиктинских правил, но вводил новый метод организации всей общины. В отличие от расслабленных привычек клунийцев, образ жизни здесь был суровым и простым. Придавалась особая роль закону молчания. Запрещалось есть мясо, кроме случаев тяжелой болезни. Меню монастыря состояло из двух блюд. Ненужных украшений в церкви избегали, потому что в доме Божьем не должно быть и намека на гордость или легкомыслие. Кресты были деревянными, пока устав 1157 г. не позволил применять золотые кресты. Превозносился ручной труд как обязательная часть монашеской жизни. Послушник из Клерво с энтузиазмом рассказывает о монахах-цистерцианцах, которых он встречал в садах с мотыгами, на лугах с вилами и граблями, в полях с серпами и в лесу с топорами⁶¹⁸. В некоторых местах они становились крупными землевладельцами и вытесняли владельцев малых наделов⁶¹⁹. В более поздний период они посвятили себя переписыванию рукописей⁶²⁰. Пользовались известностью их школы в Париже, Монпелье (1252), Тулузе (1281), Оксфорде (1282), Метце и других местах, но они не дали миру других выдающихся ученых или авторов, кроме Бернара, в отличие от нищенствующих орденов⁶²¹. Как правило, цистерцианцы не проповедовали и не несли духовного служения среди народа⁶²². Общій капитул (1191) запрещал монахам проповедовать в приходских церквях и совершать таинство крещения. Орден был ревностным слугой папы и врагом ереси. Аббат Арнольд был свирепым главой крестовых походов против альбигойцев.

Следуя практике, введенной монастырем Гиршау, цистерцианцы создали примыкавшую к ним общину мирян, *conversi*⁶²³ (им не выстригали тонзуру и вообще запрещали когда-либо становиться монахами). Цистерцианцы одевались сначала в коричневое, потом — в белое, отсюда их название «серые монахи», *grisei* {точнее, по серому одеянию, в котором они ходят на улице}. Спали братья на соломе в сутане и обычной дневной одежде.

⁶¹⁶ Янущек доказывает, что приводившееся ранее число 1800 — преувеличение.

⁶¹⁷ Hurter, IV. 184 sqq.

⁶¹⁸ Peter de Roya, *Ep.* Св. Бернар, 492; Migne, 182, 711.

⁶¹⁹ Hauck, IV. 336.

⁶²⁰ Одно из правил капитула 1134 г.: в скриптории должна стоять тишина: *In omnibus scriptoriis ubicunq[ue] ex consuetudine monachi scribunt silentium teneatur sicut in claustro* (Maitland, p. 450).

⁶²¹ Говорят, что цистерцианцы сделали первый перевод Библии на шведский язык (Hurter, IV. 180).

⁶²² Святой Бернар говорил, что дело монаха — не проповедовать, а быть аскетом, и город должен быть ему как тюрьма, а одиночество — как рай (*quod monachus non habet docentis sed plangentis officium, quippe cui oppidum carcer esse debet et solitudo paradisis*). А если же монах выходит в мир, говорил он, то все переворачивается вверх дном, и уже одиночество превращается в темницу, а город — в рай (*Ep.*, 365; Migne, 182, 570).

⁶²³ Называемых в Гиршау также *barbati*, «бородатыми».

В сравнении с клюнийской, администрация цистерцианцев была олигархией. Аббат Клюни был главным в своем ордене. Он назначал приоров подчиненных монастырей по своему усмотрению. У цистерцианцев же каждый монастырь имел своего собственного главу. В то же время сообщество всех монастырей должно было соблюдать устав 1119 г. и подчиняться ежегодным капитулам (соборам), к которым обращались за решением, когда проблема касалась вопроса дисциплины. Пять самых древних монастырей пользовались правом ежегодного посещения, и их аббаты совершали поездки по пяти соответствующим областям ордена. Общий совет из двадцати пяти человек включал этих пятерых аббатов и еще по четыре человека от каждой из пяти групп. Общие капитулы проводились ежегодно. Их посещали все аббаты из центральной области. Аббаты из далеких мест посещали их менее часто: из Испании — раз в два года, из Швеции и Норвегии — раз в три года, из Шотландии, Ирландии, Венгрии и Греции — раз в четыре года, с Востока — раз в семь лет. Была даже поговорка, что «серые монахи все время на ногах».

Цистерцианцы распространились по всей Западной Европе. Испанские ордена Алькантара и Калатрава приняли их устав. Первый цистерцианский монастырь был основан в Италии (Тильето, Лигурия) в 1120 г., а в Германии — в Альтенкампе около 1123 г.⁶²⁴ В Англии орден закрепился в 1128 г., когда Вильгельм Гиффорд, епископ Винчестера, основал монастырь Ваверлей в Сюррее⁶²⁵. Среди выдающихся английских монастырей были Нетли возле Саутгемптона, основанный Генрихом III, а также Риво и Фонтен⁶²⁶, величайшее аббатство Северной Англии. В 1152 г. в Англии существовало пятьдесят цистерцианских обителей⁶²⁷. Аббатство Мелроуз, в Шотландии, тоже относится к числу цистерцианских достояний.

Из всех цистерцианских монастырей самой романтической историей обладает Пор-Рояль. Основанный в 1204 г. Матильдой де Гарланд в память о благополучном возвращении ее мужа из четвертого крестового похода, он стал знаменитым центром благочестия и учености в XVII веке (когда монастырю был подарен огромный дом в Париже). Его связь с янсенистами и нападками Паскаля на иезуитов привела к трагическому падению, тогда как знаменитая обитель среди снегов Сен-Готарда остается на попечении бернардинцев.

В XIII веке влияние цистерцианцев ослабло из-за энергичного развития орденов святого Франциска и святого Доминика, и нередко они переходили в более новые монашеские организации⁶²⁸. В 1335 г. Бенедикт XIII выпустил законы в поддержку строгой дисциплины, а в 1444 г. Евгений IV призвал общий капитул

⁶²⁴ См. в Hauck (IV. 326 sqq.) названия немецких монастырей.

⁶²⁵ Вскоре после смерти Хардинга Уильям из Малмсбери (IV. I, Rolls ed., II. 385) описывал орден как «образец для всех монахов, зеркало для ученых, стрекало для ленивых». Gasquet (p. 221) говорит, что три четверти из ста цистерцианских монастырей, подавленных Генрихом VIII, были основаны в XII веке.

⁶²⁶ Руины аббатства Фонтен в Йоркшире Мотли описывает как «самые живописные, самые изысканные и самые впечатляющие, которые я когда-либо видел, намного красивее, чем аббатство Мелроуз» (переписка, I. 359). План см. в Venables, ст. *Abbey* в «Enc. Brit.», I. 19. Там же есть фотографии стен (как они сохранились). Hodges.

⁶²⁷ Stephens, *Hist. of Engl. Church*, p. 201.

⁶²⁸ Уже в 1223 г. общий капитул называл таких цистерцианцев *fugitives* (перебежчиками). Сравнительная цистерцианцев с доминиканцами, Матфей Парис говорит: «Они не бродят по городам и весям, но остаются в основном запертыми в стенах обителей, повинувшись своим настоятелям» (an. 1255, Luard ed., V. 529).

провести серьезную реформу. С Реформацией орден потерял много монастырей в Англии и Германии. Траписты начали новое движение за строгость законов ордена. Французская революция ликвидировала эту почтенную организацию в 1790 г. Здания в Сито, где сменилось шестьдесят два аббата, теперь используются как исправительное учреждение.

§65. Святой Бернар Клервоский

*Virtus in pace acquiritur,
in pressura probatur,
approbatur in victoria.*

Святой Бернар⁶²⁹

ЛИТЕРАТУРА. Труды святого Бернара, ed. MABILLON, 2 vols. Paris, 1667, репринт с добавлениями в Migne, 182-185, англ. перев. SAML. J. EALES, London, 1889, 2 vols. — *Xenia Bernardina*, юбилейное издание цистерцианских монастырей Австро-Венгрии, 6 vols. Vienna, 1891. ЛЕОР. JANAUSCHEK: *Bibliographia Bernardina*, Vienna, 1891. Трактат *De consideratione*, перев. епископа J. H. REINKENS, Münster, 1870.

БИОГРАФИИ. *Написанные современниками* — в Migne, vol. 185: I. Так называемая *Vita prima*, в шести частях: Вильгельм из Тьерри (Бернар был еще жив), Гофрид Клервоский и Эрнальд, аббат Бона Валлис. II. *Vita secunda* — Алан Оксеррский. III. Фрагменты, собранные Гофридом. IV. *Житие* Иоанна Отшельника, полное легендарного материала. — *Современные*: NEANDER, Berlin, 1813, 1848, 1868, новое издание с введением и примечаниями, *S. M. DEUTSCH, 2 vols. Gotha, 1889. Англ. перев. London, 1843. — ELLENDORF, Essen, 1837. — АББАТ T. RATISBONNE, 2 vols. Paris, 1841, etc. Полон энтузиазма в отношении к Бернару как святому. — *J. C. MORISON, London, 1863; пересм. изд. 1868, 1884. Холоден и беспристрастен. — CAREFIGUE, Paris, 1866. — CHEVALLIER, 2 vols. Lille, 1888. — НОФМЕЙСТЕР, Berlin, 1891. — EALES (католик), London, 1891. — *RICHARD S. STORRS, 1892, вдохновляющее и красноречивое. — *АББАТ E. VACANDARD, 2 vols. Paris, 1895, 2^d ed. 1897. Тщательное исследование, после ряда предыдущих работ, представленных в журналах и брошюрах. — J. LAGARDÈRE, Besançon, 1900. — DEUTSCH, ст. *Bernhard*, в Herzog, II. 623-639. Также H. KUTTER: *Wilhelm von St. Thierry, ein Representant der mittelalterlichen Frömmigkeit*, Giessen, 1898. Другую литературу см. в главах о мистическом богословии и гимнах.

Святой Бернар (1090 — 1153), основатель и аббат монастыря Клерво, был образцовым монахом средних веков, самой впечатляющей фигурой своего времени и одним из лучших людей во все века христианской истории. Он обладал личной притягательностью, живым воображением, богатством культуры и сердцем, пылающим любовью к Богу и человеку. Хотя он не был свободен от того, что мы могли бы назвать церковнической суровостью, ни один из его современников не принес столько пользы церкви и людям. По словам биографа-современника, который хорошо знал Бернара, «в его лице сияла чистота не земная, но небесная, а глаза его обладали ясностью глаз ангела и кротостью голубиного взгляда»⁶³⁰. В этом мире безупречных святых не существует, и Бернар не претендовал на совершенство, но был очень близок к средневековому идеалу аскетической святости — ближе, чем кто-либо другой в его веке⁶³¹.

⁶²⁹ *Ep.*, 126; Migne, 182, 271.

⁶³⁰ *Vita prima*, III. 1; Migne, 185, 303. Гофрид, биограф, подробно описывает все его качества. Он говорит, что Бернар был *magnanimus in fide, longanimis in spe, profusus in charitate, summus in humilitate, praecipuus in pietate*. Алан в *Vita secunda* (XVII. 47, Migne, 185, 497) так прославляет его: *humanissimus in affectione, magis tamen forte in fide*.

⁶³¹ Таким было мнение Филипа Шаффа (*Literature and Poetry*, p. 282). Бернар в своих посланиях часто говорит: *Nonne ego puer parvulus* — «Разве я не подобен маленькому ребенку?» (*Ep.*, 365; Migne, 182, 570).

В XII веке жили по крайней мере два других церковных деятеля, обладавших перворазрядным гением, — Ансельм и Иннокентий III. Первый ушел из жизни через несколько лет после начала столетия, а Иннокентий начал свое папское правление за два года до его окончания. Ансельм выделялся как мыслитель-богослов и диалектик, а Иннокентий правил миром так, как никогда не правил ни один папа ни до, ни после него. И между ними двумя стоит интеллектуальный гений и деятельность Бернара, сочетавшего в себе качества Ансельма и Иннокентия. Как богослов-мистик, он сродни Ансельму, «Размышления» которого занимают выдающееся место в анналах литературы поклонения. Но Бернар был также государственным деятелем, хотя и не достиг известности Иннокентия и избегал участия в общественных делах, которые были по вкусу великому папе. Его современником был Петр Абеляр, которому блестящий ум помог приобрести славу учителя и мыслителя. Однако Абеляр так и не смог завоевать доверие у своего собственного века, а кроме того, его нельзя сравнивать с Бернаром в плане морального достоинства.

Монах по своим склонностям, Бернар фигурирует — почти одинаково заметно — в истории папства, крестовых походов, мистицизма, монашества и гимнологии. В анналах монашества, проповеди и литературы поклонения он легко занимает место в первых рядах. Его называли «медоточивым доктором», *doctor mellifluus*. Через двадцать лет после смерти он был канонизирован Александром III как «просиявший в своей личности добродетелью святости и поклонения, а во всей церкви — светом учения и веры»⁶³². Пий VIII в 1830 г. зачислил его в элиту избранных *докторов* церкви, а Кальвин и Лютер, которые пренебрежительно относились к схоластике в целом, очень уважали его⁶³³.

Бернар происходил из благородной бургундского семейства. Он родился в Фонтене возле Дижона в семье, где шестеро из семи детей были мальчиками. Его мать, Алета, подобно Нонне и Монике, была благочестивой женщиной и заронила в сыне семена религиозной веры⁶³⁴. Бернар, увлеченный схоластическим учением и любивший путешествовать в одиночестве, выпитывал множество религиозных впечатлений, а однажды, войдя в капеллу, решил целиком посвятить себя

⁶³² Этот документ приводится в Migne, 185, 622 sq.

⁶³³ Кальвин говорит: «В своей *De consideratione* Бернар изъясняется так, словно говорит сама истина» (*Inst.*, IV. 2, 11). Лютер, которому указал на Бернара Штаупиц, изучал его труды и часто на них ссылался (Köstlin, *Life of Luther*, I. 81). Он хвалил Бернара за то, что тот не зависел от своего монашеского обета, а уповал на спасение безвозмездной благодатью Христа. Denifle (*Luther und Lutherthum*, I. 56-64) старается показать, что Лютер фальсифицирует текст, когда говорит о готовности Бернара отказаться от монашества как заслуги. Лютер же с воодушевлением пишет о том, как в конце жизни Бернар воскликнул: *Tempus meum perdidit quia perdit vixi!* — «Я растратил свою жизнь, потому что жил плохо, но меня утешает одно: сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь». Вы видите, говорит Лютер, как Бернар отказывается от своего клобука и возвращается ко Христу. Денифле же считает, что Бернар не произносил обе части этой фразы одновременно: восклицание «Я растратил свою жизнь» относится к проповеди по Песни песней (Migne, 183, 867), а вторую часть Бернар произнес, когда был серьезно болен. Сейчас здесь не место обсуждать обвинения Денифле в том, что Лютер слишком вольно обращался с высказываниями Бернара; достаточно сказать, что, по мнению Лютера, Бернар уповал на спасение только через благодать, и это достаточно подтверждается другими цитатами из произведений Бернара.

⁶³⁴ Современники весьма хвалили ее благочестие. Аббат монастыря Св. Бенигна в Дижоне просил передать ее тело своему монастырю. Вильгельм из Сен-Тьерри говорит, что «она управляла домом в страхе Божьем, была готова к делам милосердия и воспитывала своих сыновей в повиновении», *enutriens filios in omni disciplina (Vita prima, I. 1)*.

Богу. Он вступил в монастырь Сито. Два его брата тут же последовали за ним, а остальные приняли монашество позже.

Бернар связал свою судьбу с цистерцианцами в 1113 г., чем и открыл новую эпоху в истории этой недавно созданной общины. Он питался хлебом и молоком или травяным настоем⁶³⁵. Он жил в строжайших аскетических условиях, пока не превратился почти что в тень, а ноги его так распухли от постоянного стояния во время молитв, что почти что отказывались поддерживать его тело. В последующие годы Бернар упрекал себя в неумеренном умерщвлении плоти, от которого его тело сделалось неспособным служить Господу подобающим образом. Но его дух побеждал телесные немощи⁶³⁶. Работая в поле, он помышлял о небесном. Он изучал Писание и отцов церкви. Его произведения свидетельствуют о знакомстве с классиками. Он цитирует Сенеку, Овидия, Горация и других классических авторов. У природы он также многому научился и, похоже, даже приблизился к современной оценке природы как пособия для достижения духовного понимания. «В лесах, — писал он⁶³⁷, — ты найдешь нечто более великое, чем в книгах. Деревья и скалы научат тебя тому, чего ты не услышишь от человеческих учителей. И не думай, что ты не можешь извлечь мед из скалы и елей из самых твердых камней!» Однако эти слова теряют свой вес на фоне того, что рассказывает один из биографов Бернара: как-то раз Бернар весь день путешествовал вдоль Женевского озера и настолько игнорировал окружение, что вечером, в Лозанне, вынужден был спрашивать, что его спутники видели во время путешествия. Но, вероятно, такое свидетельство следует объяснять аскетическими устремлениями автора-монаха⁶³⁸.

В 1115 г. вместе с двенадцатью товарищами Бернар основал Клерво (*Claravallis*, «Ясная долина») — в местности, которую раньше называли «Полынной» и в которой жили разбойники. Вильгельм из Сен-Тьерри, близкий друг и биограф Бернара, считает спорным, происходит название *vallis absinthialis* от количества полыни, которая там росла, или от горьких страданий, причиняемых разбойниками⁶³⁹. Он противопоставляет насилие, которым ранее славилось данное место, и мир, который воцарился в нем после того, как Бернар и его товарищи основали свою простую обитель. Далее он сообщает, что «холмы начали источать сладость, а поля, ранее бесплодные, расцвели и стали урожайными благодаря Божьему благословению»⁶⁴⁰.

⁶³⁵ Migne, 185, 260.

⁶³⁶ *Virtus vehementius in infirmitate ejus refulgens, etc. (Vita prima, VIII. 41; Migne, 185, 251).*

⁶³⁷ Англичанину Генри Мердоку: *Aliquid amplius invenies in silvis quam in libris. Ligna et lapides docebunt te, quod a magistris audire non possis. An non putas posse te sugere mel de petra oleumque de saxo durissimo? etc. (Ep., 106; Migne, 182, 242).* Эти слова напоминают нам о часто цитируемых строках Шекспира:

Находит наша жизнь вдали от света
В деревьях — речь, в ручье текущем — книгу,
И проповедь — в камнях, и всюду — благо.
(Перевод Т.Л.Щепкиной-Куперник.)

⁶³⁸ *Vita prima*, III. 2; Migne, 185, 306. Средневековые описания красот природы редки. «Гимн брату солнцу» Франциска Ассизского — исключение. Отгон Фрейзингенский сопровождал Фридриха Барбароссу во время путешествия в Рим для получения императорской короны и с большим воодушевлением говорит о военной мощи германцев, но ни слова — о красоте Рима или его памятников. См. Fisher, *Med. Empire*, II. 229.

⁶³⁹ *Vita prima*, I. 5.

⁶⁴⁰ *Apud vallem quae prius dicebatur vallis absinthialis et amara, coeperunt montes stillare dulcedinem, etc. (Vita prima, XIII. 61; Migne, 185, 260).* См. также Alanus, *Vita secunda*, VI. 18.

В уединении этого нового монастыря Бернар проповедовал, совершал чудеса, писал бесчисленные послания⁶⁴¹, принимал князей и высоких чинов церкви. Оттуда он отправлялся в странствия, которые имели большое значение для того века. Вскоре монастырь прославился и образовал много дочерних монастырей⁶⁴².

Вильгельм из Сен-Тьерри⁶⁴³ рисует привлекательную картину жизни в Клерво, которая до сих пор источает ощущение покоя. Он пишет:

Я пробыл с ним несколько дней, хоть и был недостойн того, и куда бы ни обращался мой взор, я изумлялся и думал, что вижу новое небо и новую землю, а также древние пути египетских монахов, наших отцов, словно только что пройденные людьми нынешнего времени. Казалось, что золотые века вернулись, вновь посетив наш мир здесь, в Клерво... Как только вы входите в монастырь, спустившись с холма, вы сразу же ощущаете присутствие Бога. Тихая долина в простоте возведенных зданий выдает подлинную кротость живущих здесь нищих во Христе. Полуночная тишина так же совершенна, как полуденная. Ее нарушает только пение хора и звук работ в саду и в поле. Никто не сидит праздно. В часы, которые не посвящены сну или молитве, братья держат в руках мотыгу, косу и топор, укрощая дикую землю и расчищая лес. Хотя в долине было много людей, она все равно казалась уединенной⁶⁴⁴.

А вот описание одного из послушников, Петра де Ройа, в послании из Клерво⁶⁴⁵:

Здесь монахи нашли лестницу Иакова с ангелами на ней, которые спускаются, чтобы помочь телам монахов не пасть на пути, а также возносятся ввысь, направляя помыслы монахов, чтобы их тела могли быть прославлены. Песнь монахов кажется почти что ангельской — гораздо больше, чем человеческой... Когда я вижу их в садах с мотыгой, в полях с вилами и граблями и серпами, в лесах с топором, одетых как придется, то мне кажется, что я вижу не людей, а племя лишенных речи и здравомыслия безумцев, укор человечеству. Однако разум убеждает меня, что они живут со Христом на небесах.

Бернар, для которого монашеское затворничество было высшим идеалом христианской жизни, старался убедить своих друзей принять обет. Его бдения и умерщвления плоти были лучшим средством выработать две основные добродетели, любовь и смирение⁶⁴⁶. Его постоянное старание склонить свою сестру Гумблину к монашеству шокирует нас, когда мы вспоминаем о священных брачных узах, но оно полностью оправдано для Бернара примерами святого Антония и Бенедикта Нурсийского. Гумблина была замужем за человеком высокого положения в обществе, у нее была семья. Когда однажды она появилась в Клерво, Бернар отказался выйти к ней — он настаивал, чтобы она приняла монашеский обет, а она отказалась. Тогда она воззвала к нему: «Если мой брат пренебрегает моим телом, так пусть слуга Божий не пренебрежет моей душой»⁶⁴⁷. Тогда Бер-

⁶⁴¹ Его послания включают в себя обширные сочинения со множеством аллегорий, морализаций и кратких пророческих высказываний, раскрывающих тему прямо-таки с современной непосредственностью. Алан приводит список высокопоставленных деятелей церкви, которые вышли из Клерво (*Vita secunda*, XX. 54; Migne, 185, 154).

⁶⁴² Vacandard (vol. II, Appendix) приводит список из шестидесяти восьми монастырей, основанных Бернаром.

⁶⁴³ Вильгельм родился в Льеже около 1085 г. и умер около 1119 г. В 1119 г. он стал аббатом цистерцианского монастыря Тьерри возле Реймса. Он часто бывал в компании Бернара и участвовал в спорах с Абельяром и Жильбером Порретанским (епископом Пуатье).

⁶⁴⁴ *Vita prima*, I. 7; Migne, 182, 268.

⁶⁴⁵ Подлинность этого письма находится под вопросом (*Ep.*, 492; Migne, 182, 706-713).

⁶⁴⁶ *Ep.*, 142; Migne, 182, 297.

⁶⁴⁷ *Si despicit frater meus carnem meam, ne despiciat servus Dei animam meam. Veniat, proecipiat, quicquid praesepit, facere parata sum* (*Vita secunda*, VII. 22; Migne, 185, 482). Можно ли представить себе более нежное обращение сестры?

нар вышел к ней и снова призвал ее отказаться от мирской тщеты, роскошной одежды и украшений. Гумблина вернулась домой и два года спустя, с согласия мужа, удалилась в монастырь Жуйи, где провела остаток своих дней.

Нападки Бернара на монастырскую организацию Клюни были вызваны ошибочным рвением. И если в этом споре Петр Достопочтенный представляется нам более разумным, то этого никак нельзя сказать касательно его отношения к иудеям. Там уже Петр начисто отказывался от своей кротости, в то время как для Бернара был характерен дух гуманности и христианского милосердия, намного опережавший его время. В споре с Абельяром, о котором будет рассказано в другой главе, аббат Клерво выступает как защитник церкви, видевший одно только зло в любых взглядах, которые хоть в чем-то расходятся с доктриной церкви.

Бернар был не только монахом, но и представителем своей эпохи. Он полностью разделял отношение своего времени к крестовым походам. В 1128 г. на синоде в Труа его голосом было достигнуто признание рыцарей-тамплиеров, «нового воинства». Позорная неудача второго крестового похода, который он так пылко проповедовал (1146), побудила его страстно жаловаться на грехи крестоносцев. Мы видим, как остро он сожалел о тех отклонениях, которые выявились в данном предприятии⁶⁴⁸: неудача не была его виной; он был подобен Моисею, который вел народ к святой земле, но не ввел в нее. Евреи были жестоковейными, но разве крестоносцы не были столь же жестоковейными и неверующими? Разве в глубине души они не оглядывались назад и не желали вернуться в Европу? Так удивительно ли, что они, виновные не меньше израильтян, получили наказание, как и израильтяне? Отвечая на обвинение в том, что он ложно выдавал себя за глашатая Божьей вести, когда проповедовал крестовый поход, Бернар заявлял, что свидетельство его совести — лучший ответ. На такое обвинение и сам Евгений тоже мог бы многое рассказать о том, что он видел и слышал. Да, в конце концов, разве не велика честь удостоиться участи Христа и пострадать от осуждения, будучи невиновным? (Пс. 68:10)

Когда позже в Шартре Бернар был избран главой другого крестового похода, этот выбор был подтвержден папой, но цистерцианцы отказались дать свое согласие⁶⁴⁹.

В период правления Иннокентия II и Евгения III Бернар был очень близок к папству. Он сделал больше, чем кто бы то ни было, чтобы обеспечить признание Иннокентия II законным папой в борьбе с его соперником Анаклетом II. Он побудил короля Франции высказаться в пользу Иннокентия. Занятым этой же миссией, он говорил с Генрихом I Английским в Шартре и с германским императором в Льеже. Он принял Иннокентия в Клерво и сопровождал его в Италию. Во время этого путешествия личность Бернара и совершаемые им чудеса произвели такое впечатление, что жители Милана пали к его ногам и хотели, чтобы он вззошел на престол святого Амвросия. Во время третьего путешествия в Рим, в 1138 г.⁶⁵⁰, Бернар стал свидетелем окончания папского раскола. В знаменитом

⁶⁴⁸ *De consideratione*, II. 1; Migne, 182, 743.

⁶⁴⁹ Бернар упоминает об этом избрании в послании к Евгению (*Ep.*, 256). «Кто я такой, — пишет он, — чтобы располагать войска лагерем и идти во главе вооруженных людей?»

⁶⁵⁰ Во время этого путешествия святой Бернар совершил чудо, в котором была и юмористическая сторона. Когда он пересекал Альпы, бес сломал одно из колес его повозки. Бернар устранил поломку, повелев бесу занять место сломанного колеса, что тот и сделал, и повозка покатила дальше, не причиняя неудобств путешественнику.

споре с Петром Пизанским, представителем Анаклета, он изысканно сравнил церковь с ковчегом, в котором пребывают Иннокентий, все религиозные ордена и вся Европа, но не Анаклет и не два его сторонника, Роджер Сицилийский и Петр Пизанский. Петр Пизанский, сказал он, попытался построить другой ковчег. Если ковчег Иннокентия не был бы истинным, он погиб бы вместе со всеми, кто в нем находится. Тогда церковь Востока и церковь Запада погибли бы. Франция и Германия погибли бы, испанцы и англичане погибли бы, потому что они были с Иннокентием. Тогда из всех князей земли спасся бы только Роджер, и никто другой⁶⁵¹.

Евгений III был весьма близок к Клерво и выступал одним из особых покровителей Бернара. Трактат *De consideratione*⁶⁵², который, по просьбе папы, Бернар написал о должности и функциях папы, — уникальное литературное произведение и в целом — один из наиболее интересных трактатов средних веков. Вакандар называет его «исследованием о папской совети»⁶⁵³. Здесь Бернар сообщает своему духовному сыну, которого должен называть «святейшим отцом» и которого так нежно любит, что последует на небеса или же в бездну за тем, кого принял в бедности, а теперь видит окруженным помпезностями и богатствами. Он выражает свою заботу о благополучии души Евгения и о благополучии церкви, им управляемой. Он говорит о развлечениях папского двора, о бесконечной рутине дел и судебных решений и призывает Евгения помнить, что молитва, размышление и созидание церкви — важнейшие цели, которым он должен себя посвящать. Разве Григорий не находил время благочестиво писать о Иезекииле, когда Рим подвергался осаде варваров? Никогда ни у одного учителя не было возможности иметь ученика такого сана, и Бернар подошел к своей задаче очень ответственно⁶⁵⁴.

Как проповедник, Бернар обладал пылким воображением и страстью. Лютер говорит: «Своими проповедями Бернар возвысился над всеми учителями церкви, даже над самим Августином, потому что превосходно проповедует Христа»⁶⁵⁵. Как и все остальные его произведения, проповеди содержат множество цитат из Писания⁶⁵⁶. Это не выверенные логические рассуждения и не анализ состояний совести, а призыв к высшим порывам религиозной природы. Его речь на смерть брата Жерара — образец нежного участия⁶⁵⁷, а его обращение к Конраду — образец страстного пыла⁶⁵⁸. Проповеди на Песнь песней, произнесенные в стенах монастыря, полны аллегорических тропов, но и исполнены страстной любви к Спасителю. Один из самых блестящих современных проповедников сказал, что «все проповеди Бернара осеяются постоянным ощущением вечного»⁶⁵⁹. Его речи, говорит его биограф Гофрид, соответствовали состоянию его слушателей. Перед сельскими жителями он проповедовал так, словно всегда жил в деревне, а перед другими слоями населения — так, словно самым тщательным образом изучил их

⁶⁵¹ *Vita prima*, II, 7, 45; Migne, 185, 294 sq.

⁶⁵² Migne, 182, 727-808.

⁶⁵³ *Une sorte d'examen de conscience d'un pape (Vie de S. Bernard)*, II, 454).

⁶⁵⁴ Взгляды Бернара на функции папства отражены в главе о папстве.

⁶⁵⁵ Bindseil, *Colloquia*, III, 134.

⁶⁵⁶ Deutsch (Herzog, II, 634) пишет: *Er besass eine Bibelerkenntniss wie wenige*.

⁶⁵⁷ Перевод см. в Morison (p. 227 sqq.), который называет ее «самой примечательной из записанных погребальных проповедей».

⁶⁵⁸ См. описание в Storrs, p. 461 sqq.

⁶⁵⁹ Storrs, p. 388.

занятия. С эрудитами он был ученым, с простолюдинами — простым. Жаждавшим духовного он прибавлял мудрости. Он приспособлялся ко всем, желая всем нести свет Христа⁶⁶⁰.

Рассказы современников свидетельствуют о чудотворной силе Бернара, и нам трудно отрицать ее — разве лишь на основании предположения, что всё чудесное в средние века следует объяснять средневековым легковерием. Чудеса присутствуют почти во всех религиозных биографиях Средневековья. Биограф Бонифация, апостола Германии, считает необходимым извиняться за то, что не может рассказать ни о каких совершенных им чудесах. Что касается чудес Бернара, то они прославлены, как никакие другие средневековые проявления чудесной силы. Упоминается очень много таких случаев. Чудеса совершались Бернаром во время путешествий в Тулузу и Италию, неподалеку от дома, во Франции, и на Рейне, к северу от Базеля. Вильгельм из Сен-Тьерри, Гофрид и другие современники подробно описывают их. Его братья, монахи Жерар и Гвидо, единодушно заявляют, что силы его были сверхчеловеческими. Вальтер Мэп, англичанин, расцвет деятельности которого приходится на последние годы жизни Бернара и позже, также много говорит о чудесах Бернара и его красноречий⁶⁶¹. Но не менее важно, что сам Бернар упоминал о них и удивлялся этой силе. В древности, говорит он, чудеса совершались святыми и обманщиками, но он не чувствовал в себе ни святости, ни обмана⁶⁶². Сообщают, что он признавал свою силу, но неохотно говорил о ней⁶⁶³. В послании к тулузцам, после визита в этот город, он напоминал, что через него им была явлена истина не только в речах, но и в силе⁶⁶⁴. Упомянув же о знамениях, которыми сопровождалась его проповедь о втором крестовом походе, он говорит, что не мог передать их по причине религиозного страха⁶⁶⁵.

Чудеса совершались Бернаром в разные периоды жизни и, как мы уже говорили, в разных местах. Епископ Лангра, его близкий родственник, говорит, что первое увиденное им чудо Бернар совершил по отношению к мальчику с язвой на ноге. В ответ на просьбу мальчика Бернар сделал крестное знамение, и мальчик исцелился. Некая мать принесла ему своего ребенка с сухой и скрюченной рукой. Бесплезно висевшая конечность была исцелена, и ребенок обнял мать перед очевидцами⁶⁶⁶. Мальчик из Шарлетра, десяти лет, не способный двигать головой, был принесен к Бернару, и тот исцелил его, а четыре года спустя этого ребенка снова показывали Бернару.

Иногда Бернар возлагал на больных руки, иногда делал крестное знамение, иногда молился, иногда пользовался святой водой⁶⁶⁷. В Милане было исцелено много бесноватых⁶⁶⁸. Что же касается чудес, совершенных им по пути вдоль

⁶⁶⁰ *Vita prima*, III. 13; Migne, 185, 306.

⁶⁶¹ I. 24, Wright ed., p. 20.

⁶⁶² *Ego mihi nec perfectionis conscius sum nec fictionis (Vita prima, III. 7; Migne, 185, 314 sq.)*.

⁶⁶³ *Vita prima*, I. 13; Migne, 185, 262.

⁶⁶⁴ *Ep.*, 242; Migne, 182, 436.

⁶⁶⁵ *Verecundia, De consid.* II. 1; Migne, 185, 744. Он использует здесь слово *signa*. См. также *Vita prima*, I. 9; Migne, 185, 252.

⁶⁶⁶ Вильгельм из Сен-Тьерри, в *Vita prima*, I. 9; Migne, 186, 253.

⁶⁶⁷ *Fabricitantibus multis sanctus manus imponens et aquam benedictam porrigens ad bibendum, sanitatem obtinuit, etc.* (Migne, 185, 278).

⁶⁶⁸ Единственное чудо Бернара, не связанное с исцелением, было совершено при освящении церкви Фуаньи, где поклоняющихся одолевали полчища мух. Бернар произнес слова отлучения против них, а на следующее утро мухи были найдены мертвыми, и народ выгребал их лопатами.

Рейна из Констанца и Базеля в Кельн, когда он проповедовал второй крестовый поход, то Герман, епископ Констанца, вместе с еще девятью очевидцами, рассказывающими об этих чудесах, заявляет, что сами камни кричали бы о них, если бы они не были записаны⁶⁶⁹. После проповеди в Базеле, говорит Гофрид, к Бернару подошла немая женщина. Он произнес молитву, и она заговорила⁶⁷⁰. Тридцать человек, воодушевленные проявлениями целительных сил Бернара, сопровождали его обратно из Германии во Францию, чтобы принять монашеский обет⁶⁷¹.

Абеляр и его ученик Беренгар были исключением для своего времени — они выражали сомнение в истинности совершавшихся тогда чудес, однако они не обвиняли Бернара в самообмане или обмане других людей. Морисон, автор, явно не подверженный приливам энтузиазма, совершенно не легковерный и с холодным, здравым, критическим складом ума, говорит, что Бернаровы «чудеса не следует ни принимать с легковерием, ни отрицать с негодованием»⁶⁷². Неандер признает превосходное качество свидетельств⁶⁷³, отказывается отрицать их подлинность и старается объяснить их состоянием века и влиянием личности Бернара — подобно тому как это было с исцелением одержимых бесами⁶⁷⁴. Предубеждение же против чудес Бернара, которое нельзя сбрасывать со счетов, обуславливается повсеместностью чудес в средневековых монастырях и жизнях выдающихся людей, таких как Норберт, не говоря уже о чудесах, совершаемых святыми (например, на могиле Фомы Бекета), и при телесном контакте с реликвиями. С другой стороны, можно привести немного смертных людей, которым совершение чудес подобало бы столь же естественно, как Бернару. Деятельность Бернара отличалась постоянной практической заботой о жизненных потребностях. Все его произведения полны полезных предложений, призванных помочь и улучшить положение людей. Он был ученым, но в его время жили люди, которые добились в схоластике большего, чем он. Однако для спекулятивного и полемического богословия его произведения тоже обладают ценностью. В труде о свободе воли⁶⁷⁵ он заявляет, что способность делать добро была утрачена из-за греха, и нужна предваряющая благодать, чтобы склонить волю к святости. В споре с Абеляром сформировались его взгляды на Троицу и искупление. В некоторых отношениях он не соглашался с богословием и практикой католичества. Он отрицал непорочное зачатие Марии⁶⁷⁶ и считал омовение ног одним из таинств. В своих взглядах на крещение он был крайне либерален для своего века, заявляя,

⁶⁶⁹ *Vita prima*, VI; Migne, 185, 374 sqq.

⁶⁷⁰ *Vita prima*, IV. 5 sqq.; Migne, 185, 338-359. См. замечания Морисона, 372 sqq.

⁶⁷¹ Рассказывали странную историю о том, как Бернар бросал кости с одним игроком. На кон была поставлена лошадь Бернара против души игрока. Бернар принял предложение и выиграл. Говорят, что после этого игрок вел святой образ жизни. *Gesta Romanorum*, англ. перев. — Swan, p. 317.

⁶⁷² *Life of Bernard*, p. 66. Морисон умер в 1905 г.

⁶⁷³ *Der Heilige Bernhard*, I. 135-141; II. 92-95. См. также Neander, *Ch. Hist*, англ. перев., IV. 256 sq.

⁶⁷⁴ «Когда такие деяния, — говорит Неандер в своей истории, — совершаются в истинно христианском духе под действием любви, то, вероятно, их можно рассматривать как отдельные проявления той высшей жизненной силы, которую Христос вложил в человеческую природу». С этими словами согласен доктор Сторрс, который говорит: «Не может быть сомнений в том, что самая необычайнейшая сила оказывала через Бернара воздействие на тех, кто искал его помощи» (*Life of Bernard*, p. 199 sq.).

⁶⁷⁵ *De gratia et libero arbitrio*.

⁶⁷⁶ *Ep.*, 174; Migne, 182, 332.

что крещение не обязательно для спасения и человек получает спасение в случаях, когда возможности креститься не представляется⁶⁷⁷.

Какой бы суровой ни казалась церковная позиция Бернара с точки зрения нашего терпимого века, свидетельства в пользу его возвышенного морального превосходства слишком вески, чтобы отместить их в сторону. Собственные произведения Бернара содержат много доказательств его этических достоинств. Они ясно видны в его трудах о личной вере, во всех его трактатах и проповедях, которые ставят его в первый ряд мистиков всех времен⁶⁷⁸.

Вильгельм из Сен-Тьерри, который сам вовсе не был богословом, чувствовал, что, посещая келью Бернара, приближается «к самому Божьему алтарю»⁶⁷⁹. Ионахим Флорский вдохновенно восхвалял его, очевидно, считая образцовым монахом⁶⁸⁰. На Хильдегарду, рейнскую пророчицу, Бернар произвел такое же впечатление⁶⁸¹. В «Мемуар о святом Малахии» Бернар вложил «образ своей собственной, прекрасной и пылкой души»⁶⁸². Никто, кроме глубоко верующего человека, не мог бы составить такое житие. Малахия, ирландский архиепископ, посетил Клерво дважды, и во второй раз остался там умирать (1148). Бернар писал:

Хотя он прибыл с Запада, для нас он был воистину подобен восходу солнца. С псалмами, гимнами и духовными песнопениями следовали мы за нашим другом в его шествовании на небеса. Ангелы приняли его из наших рук. Он воистину уснул. Все глаза были устремлены на него, но никто не мог сказать, когда отлетел его дух. Когда он умер, мы еще считали его живым, а пока он был еще жив, мы уже считали его мертвым⁶⁸³. На его лице оставались те же ясность и спокойствие. Скорбь сменилась радостью, вера победила. Он вступил в радость Господа — и кто я такой, чтобы оплакивать его? Мы молимся, о Господь, чтобы тот, кто был нашим гостем, стал нашим вождем и мы могли править вместе с Тобой и с ним вовеки. Аминь.

Чувство собственной незначительности сдерживало Бернара в его религиозном опыте. В этом отношении он представляет поразительный контраст с самоуверенным и хвастливым Абеляром. Он по-детски уповал на Божью благодать. В одном из последних своих посланий он просил друга, аббата Бонневаля, молиться за себя Спасителю грешников. Его последние дни были омрачены скорбью — личный секретарь не оправдал доверия и воспользовался его печатью в своих корыстных целях. Из жизни уходили Вильгельм из Сен-Тьерри и другие друзья. Последнее путешествие Бернар совершил в Метц, чтобы уладить спор между епископом Стефаном и герцогом Лотарингским. Дейч (вероятно, главный специалист по Бернару из ныне живущих) говорит: «Религиозный пыл, *Genialität*, — главное в его характере и среди его дарований»⁶⁸⁴. Гарнак отдает Бернару должное, называя его «религиозным гением XII века, вождем своего века в вере»⁶⁸⁵. Лютер, которого нелегко было обмануть монашескими претензиями на превосходство, пишет: «Бернар любил Иисуса так, как Его не мог любить никто дру-

⁶⁷⁷ *De baptismo aliisque questionibus*.

⁶⁷⁸ См. главу о мистицизме.

⁶⁷⁹ *Domus ipsa incutiebat reverentiam sui ac si ingrederer ad altare Dei (Vita prima, VII. 33; Migne, 185, 246)*.

⁶⁸⁰ *Concordia, V. 38*. См. Schott, *Die Gedanken des Abtes Joachim*, Brieger's Zeitschrift, 1902, 171.

⁶⁸¹ Труды Хильдегарды, *Ep.*, 29; Migne, 197, 189.

⁶⁸² Morison, p. 242.

⁶⁸³ *Mortuus vivere et vivens mortuus putabatur (Vita St. Malachy, XXXI. 74; Migne, 185, 1116)*.

Несмотря на нежное отношение к ирландскому другу, Бернар характеризует ирландцев того времени как откровенных варваров.

⁶⁸⁴ Herzog, II. 634.

⁶⁸⁵ *Dogmengeschichte*, III. 301.

гой»⁶⁸⁶. Рэй Палмер, переведивший гимны Бернара, сохранял в них изначально присущий им религиозный пыл⁶⁸⁷. Панегирик Алана, раннего биографа Бернара, полон славословий, и, вероятно, ни один человек после апостолов не заслужил его больше, чем Бернар: «Выше величия его имени было лишь смирение его сердца»⁶⁸⁸.

§66. Августинцы, картузианцы, кармелиты и другие ордена

Среди крупных орденов, которые возникли до 1200 г., были августинцы, пре-монстранты, картузианцы и кармелиты.

1. Августинцы отделились от бенедиктинцев, следовали так называемому уставу святого Августина и делились на уставных каноников святого Августина и нищенствующих братьев святого Августина.

Уставных каноников было много, но их организация была разрозненной, в отличие от более строгих монашеских орденов⁶⁸⁹. Изначально это были общины мирских клириков, а не монастыри. Они занимали промежуточное положение между строгим монашеским существованием и независимой жизнью клириков. Точную дату их возникновения назвать невозможно. Уже в XI веке было несколько вариантов устава, приписываемого святому Августину. На него опирались группы клириков, образующие кафедральные капитулы, и группы священников, связанные с другими имеющими высокое положение церквями⁶⁹⁰, — поскольку в силу разнообразия церковных служб (например, песнопений), а также проблем с целибатом служителей требовалось, чтобы в одной церкви было достаточно большое количество священников.

Движимые сильным импульсом в сторону изолированности монастырских общин, эти группы были склонны селиться вместе и старались разработать общие правила поведения. Они вспомнили об Августине из Гиппона и приняли его общину как образец — а мы знаем, что Августин жил с группой клириков. Мы знаем также, что он хвалил свою сестру за то, что она, вместе с другими женщинами, удалась от мира, и давал ей кое-какие советы. Но, насколько нам известно, у Августина не было определенного устава, подобного тому, который впоследствии составил Бенедикт, ни для его собственного дома, ни для какой-нибудь другой общины.

Около 750 г. Хродеганг, епископ Метца, создал устав для своего кафедрально-капитула, который он призывал жить вместе⁶⁹¹ — и везде в Германии возникли отдельные общины такого рода.

⁶⁸⁶ *Bernhardus hat den Jesus so lieb als einer sein mag* (Bindseil, *Colloquia*, III, 152).

⁶⁸⁷ *Jesus, thou Joy of loving hearts,
Thou Fount of life, thou Light of men,
From the best bliss that earth imparts
We turn unfilled to thee again.*

⁶⁸⁸ *Vincebat tamen sublimitatem nominis humilitas cordis* (*Vita secunda*, XVII; Migne, 185, 498).

⁶⁸⁹ См. статью *Augustiner* в Herzog, II, 254 sqq., и в Wetzler-Welte, I, 1655 sqq. Theod. Kolde, *D. deutsche Augustiner Congregation und Joh. von Staupitz*, Gotha, 1879.

⁶⁹⁰ В Кампеле, возле Парижа, было не менее пятидесяти священников, количество которых Иннокентий III сократил до двадцати двух (см. Hurter, III, 375). Термины *canonicus saecularis* и *regularis* не встречались до XII века. До того времени они назывались *clerici religiosi*, *clerici regulares*, *clerici professi*, *clerici communiter viventes* и т. д. См. Denifle, *Archiv für Lit. und Kirchengeschichte*, 1886, p. 174. Он цитирует Amort, *Vetus disciplina canonicorum regul et saecul.*, Venice, 1747, I, 333.

⁶⁹¹ Хродеганг позаботился об общем столе и общей спальне для своего капитула. Римские синоды 1059 и 1063 г. советовали священникам объединять свои доходы.

В XII веке мы встречаем много групп клириков, которые приняли так называемый устав святого Августина⁶⁹². При Иннокентии III Гильом Ланглуа из Парижского университета и другие служители объединялись под именем уставных каноников в организации, которые должны были жить по этому уставу. Иннокентий IV⁶⁹³ и Александр IV (1256) уже явно признавали этот устав.

Августинский устав объявлял все имущество общим. Даже подарки поступали в общий фонд. Клирики вместе питались и спали в одной спальне. Они носили простую одежду, и ни один из возвращавших свой наряд в гардероб не имел на него особых прав. Папские попытки объединить такие группы в одну организацию оказались бесполезны⁶⁹⁴. В Англии каноники-августинцы владели собором Карлайла.

Еремиты-августинцы в Англии были монахами-отшельниками в самом настоящем смысле слова. Они возникли из уставных каноников⁶⁹⁵, приняли устав святого Августина и были нищенствующими. В конце средних веков они занимались проповедью. К этому ордену принадлежали Иоганн Штаупиц и Лютер⁶⁹⁶.

Устав святого Августина, с изменениями, был принят также премонстрантами, гильбертинцами в Англии⁶⁹⁷ и другими орденами. Он был взят за основу Домиником при составлении его первого устава.

2. Премонстранты приняли устав августинцев. Их называли белыми канониками из-за одежды {или также норбертинами, по имени их основателя}. Их количество росло с большой скоростью⁶⁹⁸, а монастыри стояли от Ливленда до Палестины, от Великобритании до Испании. Основатель ордена, Норберт, родился около 1080 г. в Ксанте, на Нижнем Рейне, был великим проповедником и одним из самых влиятельных людей своей эпохи. Когда во время бури его сбросило с лошади, он решил полностью посвятить себя вере. Он отказался от служения в Кельнском соборе и вступил в бенедиктинский монастырь в Зигберге. Потом Норберт путешествовал по Германии и Франции, проповедуя покаяние⁶⁹⁹ и созывая народ с помощью овечьего колокольчика. Вместе с другими единомышленниками он поселился в 1119 г. в лесах Куси, близ Лаона, Франция, и назвал

⁶⁹² Предание гласит, что этот устав был предписан Иннокентием II (1139) для всех уставных каноников. Helyot, II. 21.

⁶⁹³ В булле от 16 декабря 1243 г. Иннокентий говорит о *regula S. Augustini et ordo*. См. Potthast, p. 954. Самым выдающимся монастырем уставных каноников был Сен-Виктор.

⁶⁹⁴ Собор Бристоля построен на месте старого аббатства Св. Августина. Августинцы назывались в Англии «черными канониками». Они были там очень популярны. Сент-Богольф (в Кольчестере), их первый английский монастырь, был основан около 1100 г. В период подавления монастырей в Англии насчитывалось сто семьдесят августинских обителей, а в Ирландии — гораздо больше (Gasquet, p. 225). См. тж. W. G. D. Fletcher, *The Blackfriars in Oxford*.

⁶⁹⁵ Hurter, III. 238.

⁶⁹⁶ В Англии к моменту роспуска ордена у него было тридцать два аббатства. Gasquet, 241.

⁶⁹⁷ Гильбертинцы, основанные святым Гильбертом, ректором Сандрингама, около 1140 г., существовали только в Англии. К моменту устранения монастырей у них было двадцать шесть обителей. Их монастыри, мужские и женские, пользовались общей церковью.

⁶⁹⁸ *Works and Life* Норберта изданы в Migne, vol. 170, его *Life* — в *Mon. Ger.* XII, 670 sqq.; немецкий перевод — Hertel, в *Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit*, Leipzig, 1881. См. Hauck, IV. 350-66; J. von Walter, *Die ersten Wanderprediger Frankreichs*, vol. II. Leipzig, 1906, pp. 119-129; ст. *Praemonstratenser*, X. 267 sqq., и *Norbert*, IX. 448 sqq., в Wetzler-Welte, и *Praemonstratenser* в Herzog, XV. 606 sqq., а также приведенную там литературу; Gasquet, *The Engl. Praemonstratensians*, в сборниках Королевского исторического общества, vol. XVII. London, 1903.

⁶⁹⁹ Вальтер относит Норберта к странствующим проповедникам той эпохи.

это место Премонстрантум, или Премонтре («указанный луг»)⁷⁰¹, объясняя решение тем, что его направила туда высшая сила. Орден был санкционирован папой в 1126 г. и получил, как и другие ордена, особые папские привилегии. Иннокентий III особо заботился о премонстрантах, как и о цистерцианцах. Первое их правило запрещало есть мясо, яйца, сыр и молоко. Как и в случае цистерцианцев, их еда была ограничена двумя блюдами. Позже правило против употребления мяса было видоизменено. В монастырях появились миряне, которые работали на кухне и занимались другим ручным трудом. Богословское обучение сводилось к нескольким молитвам. Членам ордена не разрешалось читать книги⁷⁰².

В 1126 г. Норберт стал архиепископом Магдебурга и воспользовался возможностью распространить орден в северо-восточной Германии. Он вместе с Бернаром поддержал Иннокентия II против антипапы Анаклета II. Умер он в 1134 г. в Магдебурге и был канонизирован в 1582 г. Петр Достопочтенный и Бернар Клервоский хвалили орден и самого Норберта как человека, близкого к Богу⁷⁰³. Ему приписывали чудеса, но Абельяр высмеивал такие утверждения.

В период процветания этому ордену принадлежало, по сути, невероятное количество монастырей — как утверждают, тысяча. Существовали также премонстрантские монахини — по некоторым свидетельствам, их насчитывалось уже десять тысяч при жизни Норберта⁷⁰⁴. Их древнейшее поселение в Англии находилось в Ньюхаусе, Линкольншир (1143). Норберт и Бруно, картузианец, были единственными немцами, учредившими монашеские ордена в этот период⁷⁰⁵.

3. Более оригинальными и строгими были картузианцы (картезианцы)⁷⁰⁶, получившие название от местоположения своего первого монастыря в Шартрезе (по-латински — *Cartusium*), в 14 милях (23 км) от Гренобля, к юго-востоку от Лиона. Они были отшельниками и практиковали аскетизм, превосходя суровостью остальные ордена того времени⁷⁰⁷. Основатель, святой Бруно, родился в Кельне и был канцлером реймского кафедрального капитула. Испытывая отвращение к мирской суете⁷⁰⁸, он удалился с несколькими учениками в уединенное

⁷⁰¹ *Pratum monstratum*.

⁷⁰² Hurter, IV. 206.

⁷⁰³ Бернар, *Sermon*, XXII; *Ep.*, 56.

⁷⁰⁴ Hurter, IV. 208.

⁷⁰⁵ В Англии в момент подавления монастырей было более тридцати премонстрантских обителей. Лучше всего сохранились аббатства Вэйхем и Изли.

⁷⁰⁶ *Consuetudines Carthusienses*, издано среди трудов Бруно в Migne, 153, 651-759. Peter Dorland, *Chronicon Carthusianae*, Col., 1608. Список литературы см. в Wetzler-Welte, ст. *Karthäuser*, VII. 203, и ст. *Bruno*, vol. II. 1356-63. Труды Бруно в Migne, 152, 153. В своем комментарии на Римлянам он предвосхищает Лютера, вставляя *sola, только*, в Рим. 3:28 — «человек оправдывается только верою, независимо от дел закона». См.: д-р Fr. Duesterdieck, *Studien u. Kritiken*, 1903, p. 506.

⁷⁰⁷ Символом ордена был земной шар, на котором стоит лев, с надписью *Stat crux dum volvitur orbis* («Крест стоит, пока вращается мир»).

⁷⁰⁸ О том, как Бруно принял это решение, рассказывают легенду. В 1082 г. он присутствовал на заупокойной службе по Раймонду, канонику Нотр-Дама, в Париже. Когда были произнесены слова *Quantas habes iniquitates et peccata?* («Сколько имеешь ты грехов и скверны?»), мертвец поднялся и ответил: *Iusto dei iudicio accusatus sum* («Я обвинен праведным Божиим судом»). На следующий день, при повторении этих слов, мертвец снова поднялся и воскликнул: *Iusto dei iudicio iudicatus sum* («Я судим праведным Божиим судом»). На третий день мертвец поднялся в третий раз и воскликнул: *Iusto dei iudicio condemnatus sum* («Я осужден праведным Божиим судом»). Легенда была приведена в Римском бревиарии, но убрана из него по приказу Урбана VIII в 1631 г. Гергенротер говорит, что картузианцы до сих отстаивают это предание (*Kirchengesch.*, II. 353).

место, Сэсс Фонтен, в епархии Лангра, которое потом сменил на Шартрез⁷⁰⁹. Монастырь располагался в диком, труднодоступном месте в горах и большую часть года был засыпан снегом. Впоследствии Бруно был призван Урбаном II в Рим и стал советником папы, а затем удалился в Калабрийские горы, где также основал несколько эремиториев. Там он и умер в 1101 г. Его канонизировали в 1514 г. В 1151 г. насчитывалось четырнадцать картузианских монастырей. Их количество постепенно возросло до ста шестидесяти восьми. Орден был формально признан Александром III в 1170 г.

Первые картузианские уставы были написаны пятым приором, Гвиго (ум. в 1137). Нынешний устав действует с 1578 г. Он был подтвержден Иннокентием XI в 1682 г.⁷¹⁰ Монахи жили в кельях вокруг центральной церкви сначала по двое, потом по одному⁷¹¹. Их время было посвящено молитве, безмолвию и труду, который сначала состоял в основном в переписывании книг. Служения, которые проводились в церкви, ограничивались вечерами и заутренями. Остальные молитвы произносились в затворничестве. Молились шепотом, чтобы не мешать другим. В плане сурового умерщвления плоти картузианцы старались подражать фиванским анаторетам. Петр Достопочтенный оставил нам описание этих строгостей. Одежда была более легкой и грубой, чем у всех остальных монахов⁷¹². Мясо, жир и растительное масло были запрещены. Вино позволялось, но разбавленное водой. В пищу принимался только хлеб из бобов. Они бичевали себя раз в день в течение пятидесяти дней перед Пасхой и в течение тридцати дней после Рождества. Когда кто-то из отшельников умирал, каждый оставшийся в живых произносил два псалма, а вся община собиралась и дважды ела вместе, утешая друг друга перед лицом утраты⁷¹³. Женщинам не разрешалось пересекать порог монастыря. В гигиенических целях монахи пять раз в году пускали себе кровь и шесть раз в году брились⁷¹⁴. Они избегали украшений в церквях и высоких церковных чинов⁷¹⁵. Они брали на время книги из Ключи и других монастырей, чтобы скопировать их⁷¹⁶. Главы картузианских монастырей называются приорами, а не аббатами. В начале его истории орден хвалили Иннокентий III, Петр Достопочтенный, Бернар и Петр из Целле. Бернар боялся прервать их святой покой своими посланиями и славил их преданность Богу. В более поздний период

⁷⁰⁹ Петр Достопочтенный говорит о посещении Шартреза (*Ep.*, VI. 24): *Inaccessibiles pene nivibus et glacie altissimas rupes non abhorru* («Я не боялся высоких скал, ставших неприступными из-за снега и льда»). В описании Хертера местность предстает как привлекательная (IV. 150).

⁷¹⁰ *Nova collectio statutorum Ord. Carthusiensis*, Paris, 1682.

⁷¹¹ План картузианского монастыря см. в ст. *Abbey* (д-р Venables), «Enc. Brit.», I. 20 sq.

⁷¹² *Vestes vilissimas ac super omne religionis propositum abjectissimas ipsoque visu horrendas assumpserunt* (Pet. Ven., *De miraculis*, II. 28).

⁷¹³ Иннокентий III сурово упрекает картузианцев в склонности переходить в другие ордена, где дисциплина была менее суровой (Hurter, IV. 161).

⁷¹⁴ *Medicinis, excepto cauterio et sanguinis minutione perraro utimur*, цит. в Hurter (IV. 154), по уставу Гвиго. Кровопускание в медицинских целях, похоже, было распространено в монастырях. Его практиковали в монастыре Гейстербах, как пишет Цезарий Гейстербахский (*Dial.*, XI. 2). Согласно жизнеописанию Бернара из Тирона, в некоторых монастырях было принято, чтобы аббат возлагал руки на тела монахов, страдающих от головной боли или другого недомогания и уповающих на его магическую силу исцелять. См. Walter, *Die ersten Wanderprediger Frankreichs*, Leipzig, 1906, II. p. 50.

⁷¹⁵ Хотя из их рядов вышло как минимум четыре кардинала, семьдесят архиепископов и епископов и у них были богатые церкви, знаменитые своими произведениями искусства, например, в Неаполе или в Павии, где активно используется лазурит. См. Hurter, IV. 158.

⁷¹⁶ Петр Достопочтенный приводит список посланных им книг (*Ep.*, I. 24, IV. 38).

Петрарка, посетивший картузианский монастырь в Париже, написал славословие этому ордену.

В Англии картузианцы не были популярны⁷¹⁷. Там число их монастырей не превышало одиннадцати. Первый был основан Генрихом II в Уитгеме (1180). Знаменитый Чартерхаус в Лондоне (искажение французского Шартрез), основанный в 1371 г., был превращен в частную школу (1611). В Италии самыми крупными обителями ордена были Чертоза ди Сан Кашиано возле Флоренции, Чертоза в Пизе и Чертоза Мария дельи Анджели в Риме⁷¹⁸.

В последнее время монахи Шартреза прославились своим ликером шартрез. При его приготовлении используются молодые почки сосны.

4. Кармелиты, или орден благословенной Девы Марии на горе Кармил (Кармель), ведут свою историю от крестовых походов (1156)⁷¹⁹. Легенда ведет их происхождение от Илии, первыми учениками которого были Иона, Михей и Авдий, а жена Авдия считается первой аббатисой женской общины. Их история полна расколов внутри ордена и ожесточенных споров с другими орденами.

Первое достоверное сообщение о них исходит от Фоки, греческого монаха, который посетил гору Кармил в 1185 г. Бертольд Калабрийский, крестоносец, принял у стен Антиохии обет: если христиане победят Зенки, он станет монахом. Бертольд получил ответ на молитву и с десятью товарищами поселился на горе Кармил⁷²⁰. Происхождение ордена стало предметом яростных споров между кармелитами и иезуитами. Иезуит Папebroх положил начало распрям в 1668 г., заявив, что основателем ордена был Бертольд. Кармелит Даниил⁷²¹ и другие возразили ему, что орден ведет историю от Илии. Спорящие воззвали к Иннокентию XII, который в 1698 г. в булле *Redemptoris* велел двум орденам хранить молчание, пока папский престол не сообщит о своем решении, но решения так и не последовало⁷²².

Свой устав община получила в 1208 г. от Альберта, позже патриарха Константинополя. Он был подтвержден Гонорием III (1226). Его первоначальные шестнадцать статей содержат обычные правила: запрет на употребление мяса, заповедь ежедневного безмолвия от вечерни до службы третьего часа (с 6 часов вечера до 9 часов утра). Монахам надлежало вести жизнь отшельников в кельях, подобно

⁷¹⁷ «Дисциплина была слишком строгой, а уединение слишком ужасным для наших вкусов и климата» (Jessopp, *The Coming of the Friars*, p. 125).

⁷¹⁸ Орден был подавлен во Франции во времена Революции, но монахам было позволено вернуться в Гранд Шартрез в 1816 г., уплатив государству ренту в 3000 франков. Главный монастырь был снова закрыт в 1903 г. из-за закона об обществах. К этому времени в нем было сто пятьдесят монахов. Некоторые из них отправились в Пьемонт, другие — в Сарагосу, Испания, где начали изготавливать свой знаменитый напиток.

⁷¹⁹ *Ordo B. M. V. de Monte Carmelo* — название, данное Иннокентием IV. Гонорий III назвал братьев *fratres eremiti de monte Carmelo* при санкционировании ордена (1226). Статьи *Carmelite* в *Wetzer-Welte*, II. 1966-1976, и *Karmeliter* в *Herzog*, X. 84-88, хорошо освещают материал и содержат списки литературы. Potthast, I. No. 7524.

⁷²⁰ Монастырь на горе Кармил хорошо заметен, если вы подплываете по Средиземному морю, а также с холмов возле Назарета. Нынешнее здание было построено в 1828 г., оно расположено в часе ходьбы от Хайфы. Наполеон использовал прежние здания для размещения госпиталя в ходе сирийской кампании.

⁷²¹ *Speculum Carmelitarum seu historia Eliani ordinis*, 4 vols. Antwerp, 1680.

⁷²² Хотя Бенедикт XIII в 1725 г. практически утвердил претензии ордена, позволив поставить в соборе Св. Петра статую Илии, на которой написано: *Universus ordo Carmelitarum fundatori suo St. Eliae prophetae erexit*.

картузианцам. Сначала они одевались в полосатые черно-белые одежды, потом — в коричневые.

После того как христиане утратили Палестину, кармелиты начали мигрировать на Запад. В 1238 г. они были на Кипре и уже до середины XIII века осели в Западной Европе. Первый английский монастырь находился в Элвике, главный капитул — в Эйлсфорде (1246).

Глава ордена Симон Сток, англичанин (1245 — 1265), учредил почитание скапуляра⁷²³, якобы полученного им от Девы Марии. Говорят, что те, кто умирает в нем, освобождаются от пламени чистилища. Мария обещала приходить в чистилище каждую субботу и освобождать всех, кто носил его. История включена в бревиарий⁷²⁴. Бенедикт XIV объявил ее истинной и достойной веры. В 1322 г. Иоанн XXII, повинувшись видению, выпустил знаменитую буллу *Sabbatina*, которая обещала всем вступающим в орден избавление от чистилища волей Марии в первую же субботу после их кончины⁷²⁵.

После успеха францисканцев и доминиканцев кармелиты, с санкции Иннокентия IV, стали нищенствующими монахами (1245), а жизнь киновитов сменилась жизнью в уединенных кельях. Правила об одежде и пище были сделаны менее строгими и приведены в соответствие климатическим условиям Европы.

В 1378 г. в ордене произошел раскол. Одно крыло, придерживавшееся более строго устава, подтвержденного Иннокентием IV, известно как кармелиты древнего обряда. У обоих отделений были свои главы. Самое известное кармелитское имя в анналах благочестия — Тереза, испанская святая, которая вступила в орден кармелиток в 1533 г. Она способствовала основанию семнадцати женских и четырнадцати мужских монастырей. Эта новая ветвь, босоногих кармелитов, распространилась по Европе, Африке, Мексике и другим странам, а также представлена на горе Кармил. Монахи носят кожаные сандалии, монахини — легкие туфли⁷²⁶.

Из других многочисленных монашеских орденов можно кратко упомянуть о следующих. Антониты, или госпитальное братство святого Антония⁷²⁷, получили

⁷²³ Кармелитов даже часто называли «братством скапуляра». Скапуляр (наплечник) представляет из себя безрукавку из полос материи, закрывающих грудь и спину. Изначально монахи носили его поверх всей остальной одежды, занимаясь работой. Этот предмет одежды нередко оказывался объектом папских постановлений, вплоть до Льва XIII, в 1892 г. С 1587 г. 16 июля отмечается как праздник скапуляра и как один из дней, посвященных Деве. О правильном использовании скапуляра был написан труд: Brocard, *Recueil des instructions sur la devotion au St. Scapulaire de Notre Dame de Monte Carmelo*, Gand, 4th ed. 1875. Симон Сток умер в возрасте ста лет.

⁷²⁴ В Hergenröther-Kirsch (*Kirchengesch.*, II. 362) сказано, что эта легенда — просто «благочестивое мнение», *fromme Meinung*.

⁷²⁵ Оригинал буллы не найден, по поводу ее подлинности в Католической церкви ведутся оживленные споры. Мария говорит: *Ego mater gratiose descendam sabbato post eorum mortem et, quot inveniam in purgatorio, liberabo* («Я, мать, буду в благодати своей спускаться в субботу после их смерти в чистилище и освобожу того, кого встречу там»). Одна из причин сомневаться в подлинности буллы — обещание Марии лично прощать грехи. В 1613 г. Павел V постановил, что эту «благочестивую веру» следует проповедовать. См. ст. *Sabbatina* в Wetzler-Welte, X. 1444-1447.

⁷²⁶ По решению Климента VIII, босоногие монахи стали независимым орденом и избирают собственное начальство. Hurter (IV. 213) завершает краткий рассказ о кармелитах сообщением, что, среди прочего, они имели обыкновение до смешного преувеличивать количество своих монастырей, доводя его до 7500, а количество своих монахов — до 180.000.

⁷²⁷ Falco, *Antoniana Hist. compendium*, Lyons, 1534. Uhlhorn, *D. christl. Liebesthätigkeit d. Mittelalters*, Stuttgart. 1884, 178-186, 343 sqq.

свое имя от египетского отшельника святого Антония. Их основатель Гастон молился святому Антонию об избавлении своего сына от болезни, тогда широко распространенной и называемой «антоновым огнем», *morbus sacer*. Ответ на молитву был дан, и отец с сыном посвятили себя религиозной жизни. Орден был санкционирован Урбаном II в 1095 г. и посвятил себя заботе о больных и бедных. В 1118 г. он получил от Калликста II церковь Сен-Дидье-де-Мот, где хранились кости Антония. В 1218 г. Гонорий III дал его членам разрешение принимать монашеский обет, а в 1296 г. Бонифаций VIII обязал их исполнять устав святого Августина. У них были монастыри во Франции, Германии, Венгрии и Италии. В день святого Антония было принято проводить лошадей и скот перед их монастырем в Риме, чтобы получить нечто вроде благословения⁷²⁸.

Тринитарии, *ordo sanctissima Trinitatis de redemptione captivorum* {тж. орден Троицы или Выкупа пленных}, считали своей миссией освобождение христианских пленников из рук сарацин и мавров. Основателем был Иоанн из Маты (1160 — 1213). Орден назывался также *ordo asinorum*, «ослиным орденом», потому что его члены ездили только на ослах и никогда на лошадях⁷²⁹.

Орден Фонтевро (*Fontis Ebraldi in Poitiers*) отличался той особенностью, что монахи и монахини жили в соседних обителях и монахами руководила аббатиса. Она считалась представительницей Девы Марии, и монастырь был устроен во исполнение слов Христа, Который передал Иоанна на попечение Марии. Церковь, стоявшая между мужским и женским монастырями, использовалась ими обоими. Орден был основан Робертом д'Абрисселем (ум. в 1117), проповеди которого слушал Урбан II и которого он назначил проповедником в 1096 г. Роберт родился в Бретани и основал в 1095 г. монастырь Краон. Он был очень популярным проповедником. Монахини особо посвятили себя возвращению падших женщин на путь истинный⁷³⁰. Особое правило запрещало монахиням заботиться о своих волосах⁷³¹, а другое правило повелевало им брить голову трижды в год.

Орден Граммона (граммонтенцев), основанный Стефаном из Оверни, заслуживает упоминания из-за того высокого положения, которое он когда-то занимал. Он пользовался особым покровительством Людовика VII и других французских суверенов и насчитывал шестьдесят монастырей во Франции. Стефан решил посвятить себя монашеской жизни, когда во время паломничества вынужден был сделать остановку по болезни и обратил внимание на калабрийских отшельников. В своем аскетическом энтузиазме граммонтенцы заходили так далеко, что лишали себя всего необходимого, оставляя лишь то, что нужно для простого выживания⁷³², тем не менее {проживавшие рядом, как и в ордене Фонтевро} монахи и монахини Граммона печально прославились своим развратом и блудом⁷³³.

⁷²⁸ Антониты считали святого Антония покровителем домашнего скота (это мнение популярно в Италии). Пример такой веры приводится в *Life of Philip Schaff*, 56 sq.

⁷²⁹ Тринитариев также называли матуринами по их монастырю в Париже рядом с капеллой Св. Матурина. У них было несколько обителей в Англии. Ставивший те же цели испанский орден *Ordo B. V. M. de Mercede redemptionis captivorum* был основан Петром Ноласко и Раймундом Пеньяфорте. См. Hurter, IV. 219.

⁷³⁰ Последняя аббатиса умерла в 1799 г. После 1804 аббатство Фонтевро использовалось как тюрьма. В Фонтевро похоронены Генрих II Английский и Ричард Львиное Сердце. Литературу об этом ордене см. в Herzog, VI. 125, и J. von Walter, *Die ersten Wanderprediger Frankreichs, Studien zur Gesch. des Mönchtums, Robert von Abrissel*, I. Leipzig, 1903.

⁷³¹ *Ut capillos non nutriant suos* (Walter, *Wanderprediger*, II. 112).

⁷³² Hurter, IV. 140. См. ст. *Grammont* в Wetzler-Welte, VI. 990 sqq.

⁷³³ Walter, II. 143.

Монахи из братства мешка⁷³⁴ носили одежду из грубого материала в форме мешка. У них были монастыри в разных странах, в том числе Англии, где они продолжали владеть обителями до подавления монастырей. Они совершенно воздерживались от мясного и пили только воду. Францисканцы насмешливо называли их «деревенщинами» (*boscarioli*). Они неустанно просили милостыню. Францисканский летописец Салимбене⁷³⁵ без тени сомнения пишет, что упразднить этот орден повелел Григорию X Божий глас, потому что «христиане были до невозможности утомлены и обременены толпами попрошаек».

§67. Монашеские пророки

СВЯТАЯ ХИЛЬДЕГАРДА И ИОАХИМ ФЛОРСКИЙ

ЛИТЕРАТУРА. Труды Хильдегарды: в Migne, vol. 197, а некоторые отсутствующие там приводятся в РИГА: *Analecta sacra*. Список см. в PREGER: *Geschichte der deutschen Mystik*, I. 13-36. — *Жизнеописание*: — ГОТФРИД и ТЕОДОРИХ, современники, в Migne. — DAHL, Mainz, 1832. — CLARIUS, с переводом посланий Хильдегарды, 2 vols. Regensburg, 1854. — RICHAUD, Aix, 1876. — J. P. SCHMELZEIS, Freiburg, 1897. — P. FRANCKE, Paris, 1903. — BENRATH, в Herzog, VIII. 71 sq. — *Causae et curae* Хильдегарды, ed. KAISER, Leipzig, 1903, — нечто вроде средневекового медицинского учебника.

Опубликованные труды ИОАХИМА: *Liber concordiae novi et veteris Testamenti*, Venice, 1519; *Expositio in Apocalypsin and Psalterium decem chordarum*, Venice, 1527. Ошибки Иоахима рассматриваются в MANSI, xxii. 981, и DENIFLE: *Chartularium Univ.*, par. I. 272-275. — SALIMBENE: *Chronicon*, Parma, 1857; пер. Coulton, London, 1906. — LUNA CONSENTINUS (ум. в 1224), возможно, писец, секретарь: *Synopsis virtutum b. Joach.* в Ughelli, *Italia sacra*, IX. 205 sqq. — GERVAISE: *Hist. de l'abbé Joachim*, 2 vols. Paris, 1745. — REUTER: *Gesch. der Aufklärung*, 1877, pp. 191-218. — RENAN в *Nouvelles études d'hist. rel.*, Paris, 1884, pp. 217-323. — *DENIFLE: *Das Evangelium aeternum und die Commission zu Anagni*, в *Archiv für Lit. und Kirchengesch.*, 1885, pp. 49-142. *DÖLLINGER: *Die Papstfabeln des Mittelalters*, 2^d ed. J. FRIEDRICH, Stuttgart, 1890; англ. перев. первого издания Н. В. SMITH, N. Y., 1872, pp. 364-391. — *Статьи *Joachim*, в Wetzzer-Welte, EHRLI, VI. 1471-1480, и в Herzog, DEUTSCH, IX. 227-232. — *E. SCHOTT: *Die Gedanken Joachims* в *Brieger's Zeitschrift*, 1902, pp. 157-187.

У монастырей были и свои пророки. Человеческие умы, возбужденные неудачами в Палестине и распространением ереси в Европе, повсеместно устремлялись за пределы преобладавших в церкви и монастыре обрядов, к новой эпохе, в которой, однако, не отказывались ни от иерархии, ни от монастырей. В XII веке дух пророчества почти одновременно возник в монастырях на Рейне и в Южной Италии. Его главными представителями были Хильдегарда из Бингена, Елизавета из Шенау и Иоахим, аббат Флорский⁷³⁶. Они осуждали развращенность клириков своего времени, получали видения, а Иоахим стал провидцем нового века.

Хильдегарда (1098 — 1179), аббатиса бенедиктинского монастыря Дизебоденберг, возле Бингена на Рейне, была самой выдающейся женщиной в церкви того времени⁷³⁷. Чем Бернар Клервоский был для Франции, тем, хотя и в меньшей

⁷³⁴ *Fratres saccati, fratres de sacco, saccophori*, etc. См. статью *Sackbrüder* в Herzog, XVII. 327. Gasquet, 241 sq.

⁷³⁵ См. Coulton, p. 301.

⁷³⁶ Среди других ожидавших скорого наступления тысячелетнего царства был Норберт, писавший святому Бернару, что век, в котором он живет, — это век антихриста. Бернар (*Ep.*, 56; Migne, 182, 50) в ответ выразил противоположное мнение.

⁷³⁷ Имя Элоизы, возможно, не менее известно, но прежде всего по ее связи с Абеяром, а не по делам, совершенным для церкви. По-латыни имя Хильдегарды писалось как *Hildegardis*. М. Парис

степени, Хильдегарда была для Германии. Она получала послания от четырех пап: Евгения, Анастасия, Адриана и Александра III, от императоров Конрада III и Фридриха Барбароссы, от Бернара и многих высокопоставленных церковных лиц, как и от лиц, занимавших скромное положение. О ее ходатайстве просили Фридрих, Конрад для своего сына⁷³⁸ и Бернар. Люди приходили издалека просить ее о помощи — например, патриарх Иерусалима, слышавший, что «божественная сила действует в ней и через нее»⁷³⁹. Ее монастырь перенесли из Дизебонберга в Рупертсберг, а потом она стала аббатисой монастыря в Эйбингене.

Слабая телесно, Хильдегарда, по ее собственным словам, с детства получала видения, причем (как она писала святому Бернару) «не внешним чувственным оком, но оком внутренним». Глубинный смысл Писания «волновал ее грудь и пылал огнем в ее душе»⁷⁴⁰. Она говорила также, что, когда ей было сорок два года, очень яркий огненный свет сошел с отверстых небес, расплавил ее разум и воспламенил сердце и грудь, как огонь, как солнце освещает все, на что падают его лучи⁷⁴¹. Она получала видения не во сне, не в мечтаниях, не в неистовстве, не в уединенных местах, но бодрствуя и в ясном сознании, используя глаза и уши своего внутреннего человека по воле Божьей⁷⁴². Евгений III, посещая Трир (1148), изучил ее откровения, признал подлинность ее чудес и призвал ее продолжать в том же духе⁷⁴³. Бернар говорил, что она славилась умением открывать небесные тайны, будучи просвещена Святым Духом.

Современники рассказывают об этой благочестивой женщине, что больные, приходившие к ней, исцелялись практически все, за редкими исключениями⁷⁴⁴. Ее сила действовала внутри монастыря и за его пределами по отношению к лицам обоих полов. Люди из далеких мест, например Швеции, приходили к ней за исцелением. Иногда она использовала молитву, иногда ей достаточно было одного слова, а иногда, как однажды при исцелении паралича языка, применялась вода.

Критикуя состояние церкви, Хильдегарда жаловалась на деградацию клира, говорила, что катары могли бы побудить христианский мир очиститься, привлекала внимание к Писанию и католической вере как высшим авторитетным источникам и призывала людей искать спасения не у священников, а у Христа.

Она с энтузиазмом изучала природу. Ее трактаты о травах, деревьях и рыбах — одни из наиболее серьезных исследований о природе в средние века. Она описывает свойства не менее двухсот тринадцати трав и получаемых из них продуктов; жар и холод она считала очень важными качествами растительной жизни. Она изучала медицинские свойства продуктов. Масло, говорит она, полезно для лиц, слабых здоровьем и страдающих от лихорадки крови, причем коровье масло полезнее,

---

(Luard ed., V. 195), подводя итоги событий 1200 — 1250 г., упоминает Хильдегарду и Елизавету из Тюрингии как выдающихся религиозных деятельниц этого периода, однако Хильдегарда умерла в 1177 г.

⁷³⁸ *Ep.*, XXVI sq.; Migne, 197, 185 sq.

⁷³⁹ *Ep.*, XXII. С другой стороны, Хильдегарда просила Бернара молиться за нее.

⁷⁴⁰ *Animam meam sicut flammam comburens* (Migne, 197, 190). Святой Бернар в послании к Хильдегарде говорил о «сладости ее святой любви», а Хильдегарда сравнивала аббата Клерво с орлом и называла его крохотчайшим из орцов, *mitissime pater*.

⁷⁴¹ *Non visiones in somnis, nec dormiens, nec in phrenesi, nec corporeis oculis aut auribus exterioris, nec in abditis locis percepi, sed eas vigilans, circumspiciens in pura mente oculis et auribus interioris hominis*, etc. (Scivias, I. *Praefatio*, Migne, 197, 384).

⁷⁴² Scivias. См. Migne, 197, 93. Это главный сборник ее видений. Migne, 197, 383-739.

⁷⁴³ *Ep.*, I; Migne, 197, 146.

⁷⁴⁴ Migne, 197, 117.

чем овечье и козье. Солодка⁷⁴⁵, умеренно согревающая, проясняет голос, ум и зрение и готовит желудок к процессу пищеварения. «*Basilisca*», которая холодна, положенная под язык, возвращает дар речи расслабленным, а приготовленная в вине с медом исцеляет от лихорадки, если часто пить ее ночью⁷⁴⁶.

Духовным близнецом Хильдегарды была Елизавета из Шенау, которая умерла в 1165 г. в возрасте тридцати шести лет⁷⁴⁷. Она была из монастыря в Шенау, недалеко от Бингена, и у нее также были видения, связанные с эпилептическими припадками. В видениях перед ней представляли Стефан, Лаврентий и многие другие святые. Среди них обычно стояла «дева из дев, преславная Матерь Божья Мария»⁷⁴⁸. Когда она увидела святого Бенедикта, он был среди монашеской рати, *monachalis turba*. Елизавета говорила, что «из своего тела она возносится в состояние экстаза»⁷⁴⁹. Стремясь к нравственной чистоте, она не боялась упрекать даже архиепископа Трира и говорить, что апостольский престол объят гордостью, полон нечистоты и скверны. Однажды она видела Христа, вершащего суд; Пилат, Иуда и те, кто распял Его, стояли по левую руку, но рядом с ними — увь! — и большое количество монахов и монахинь из ее ордена⁷⁵⁰. Хильдегарда и Елизавета заняли свое место в истории германского мистицизма.

Иоахим Флорский⁷⁵¹ (ум. в 1202) — монах-пророк из Южной Европы, оказывал большое влияние благодаря своим произведениям, особенно после того как его взгляды были усвоены духовным ответвлением ордена францисканцев. Он был первым аббатом цистерцианского монастыря Корацца в Калабрии, а потом стал основателем и аббатом монастыря Св. Иоанна во Флоре. В этом монастыре он ввел более строгие правила, чем устав цистерцианцев, и сделал его центром формирования нового ордена, санкционированного Целестином III (1196).

Иоахим пользовался репутацией пророка еще при жизни⁷⁵². Его уважал Генрих VI, его поощряли в экзегетических исследованиях Луций III и другие папы. После смерти его взгляды стали темой рассмотрения соборов и пап. Четвертый Латеранский собор осудил его учение о Троице, откомментированное Петром Ломбардским. Петр объявил, что, по Иоахиму, Отец, Сын и Святой Дух в сумме образуют некую высшую сущность (*quaedam summa res*), а вследствие такой постановки вопроса требуется замена Троицы четверицей. Те, кто придерживался этого взгляда Иоахима, были осуждены как еретики, однако сам Иоахим и монастырь во Флоре явно не были подвергнуты такому осуждению⁷⁵³.

⁷⁴⁵ *De plantis*, Migne, 197, 1139.

⁷⁴⁶ Migne, 197, 1210.

⁷⁴⁷ Ее произведения приведены в Migne, 195, 119-196. Первое полное издание — F. W. C. Roth: *Die Visionen der heiligen Elizabeth*, Brünn, 1884. См. Preger: *Gesch. d. deutschen Mystik*, 1, 37-43.

⁷⁴⁸ Migne, 195, 146.

⁷⁴⁹ *A corpore rapta sum in exstasim*, p. 135, или *eram in exstasi et vidi*, p. 145.

⁷⁵⁰ Migne, 195, 146.

⁷⁵¹ По названию монастыря Св. Иоанна во Флоре, который он основал. Члены ордена Иоахима названы в папской булле *Florentii fratres* (Potthast, no. 2092, vol. I. 182).

⁷⁵² Когда Ричард Львиное Сердце был на пути в Палестину в 1190 г., он прослышал о славе Иоахима и послал за ним. Аббат истолковал для него пророчество Иоанна об антихристе, которого объявил уже родившимся и который со временем взойдет на апостольский престол и будет бороться со всем, что от Бога (De Hoveden, англ. перев., II, p. 177 sqq.).

⁷⁵³ Иоахим изложил свои возражения против учения Петра Ломбардского в трактате, на который ссылался собор. См. Mansi, xxii, и Hefele-Knöpfler, V. 880 sq.

Взгляды Иоахима на учение о Троице не так важны. Аббат занимает свое место в истории благодаря теории исторического развития и своей эсхатологии. Его мнение изложено в трех произведениях, подлинность которых несомненна: толкование Псалтири, толкование Апокалипсиса и согласование Ветхого и Нового Заветов⁷⁵⁴.

С пророчествами у Иоахима связана теория исторического развития. В истории есть три века. У ветхозаветного века были периоды становления и процветания. То же самое касается и новозаветного века. Однако за ними следует еще и третий век. Основа этой теории о трех веках — в сравнении Ветхого и Нового Заветов, которое приводит к выявлению параллелей между ведущими периодами истории Израиля и периодами христианской истории. Этот параллелизм открылся Иоахиму пасхальной ночью и был ясным, как день.

Первый из трех веков был веком Отца, второй — веком Сына, Евангелия и таинства, третий — это грядущий век Святого Духа. Их представители — Петр, Павел и Иоанн. Первый век был веком закона, второй — веком благодати, третий — еще большей благодати. Для первого века был характерен страх, для второго — вера, для третьего — милосердие. Первый век был веком слуг, второй — свободных людей, третий — друзей. Первый век принес воду, второй — вино, третий принесет елей. Первый был как свет звезд, второй — как свет зари, третий — это свет дня. Первый век был веком семейных людей, он соответствовал плоти; второй — веком священников, где элементы плоти и Духа смешались; третий будет веком монахов, полностью духовным. У каждого из веков есть начало, период плодоношения и конец⁷⁵⁵. Первый начался с Адама и достиг зрелости с Авраамом. Второй начался в дни Илии и достиг зрелости со Христом. Третий начался в дни святого Бенедикта в VI веке. Период его зрелости уже начался во дни самого Иоахима, а завершающий период должен будет начаться в 1260 г.

Письменное Евангелие временно, а не вечно. В третий век ему на смену придет Вечное Евангелие (Отк. 14:6), и тогда духовный смысл Евангелия будет полностью раскрыт. Иоахим не собирался отрицать непреходящий авторитет двух заветов, но он считал, что третий век ознаменуется полным пониманием их духовного смысла и полным воплощением их учения в жизни и поведении. Описанное им Вечное Евангелие — это не новое письменное откровение, но духовное и неизменное содержание Евангелия Христа, скрытое под поверхностью буквы. Это Евангелие он называл также Духовным Евангелием и Евангелием Царства⁷⁵⁶. Его предстоит проповедовать по всей земле, в результате чего иудеи, греки и большая часть человечества будут обращены. Это Евангелие приведет к появлению Духовной Церкви — не новой, отдельной от папства, а церкви очищенной⁷⁵⁷. Вечное Евангелие должно быть провозглашено новым орденом, «малыми

⁷⁵⁴ Иоахим в рукописи 1200 г. сам приводит три эти произведения и упоминает также труды против иудеев и об артикулах христианской веры. Schott (p. 170) насчитывает двадцать четыре труда, подлинных и ложных, которые приписывались ему. Среди объявленных поддельными — комментарии к Иеремии и Исаии, которые активно использовались францисканцами начиная с середины XIII века. Там Рим называется Вавилоном и проявлено весьма враждебное отношение к папе, что противоречит духу подлинных произведений Иоахима. Кроме того, там делается множество подробных пророчеств о событиях, которые уже произошли. «Если бы эти книги были подлинными, — говорит Доллингер (p. 369), — точное исполнение многих его предсказаний было бы самым чудесным явлением во всей истории пророчеств».

⁷⁵⁵ *Principium, fructificatio, finis.*

⁷⁵⁶ См. Denifle, pp. 53 sqq.

⁷⁵⁷ *Spiritualis ecclesia*, также называемая *ecclesia contemplativa* (Denifle, pp. 56 sqq.).

во Христе»⁷⁵⁸. В своем «Апокалипсисе» Иоахим говорит о двух пророках этого нового ордена⁷⁵⁹. Позже это предсказание отнесли к Франциску и Доминику.

В основании такой теории развития лежали понятия созревания эпохи, а также смены эпох⁷⁶⁰. Разрабатывая параллели между историей Израиля и историей христианской церкви, Иоахим обнаружил в каждой из них время, соответствующее семи печатям Апокалипсиса. Первая печать в Ветхом Завете — это избавление из Египта, в Новом — воскресение Христа. Вторая печать представлена, соответственно, блужданием в пустыне и гонениями на доникейскую церковь. Третья — войнами против хананеев и борьбой с ересью от Константина до Юстиниана. Четвертая — угрозой со стороны ассирийцев и периодом до Григория III (ум. в 741). Пятая — вавилонскими гонениями и тревожным правлением германских императоров. Шестая — пленением и XII веком со всеми его несчастьями, включая вторжения сарацин и подъемом еретичества. Что касается седьмой печати, то и она скоро будет снята, а за ее снятием последует субботный покой.

Иоахим не был сектантом. Он не был даже реформатором. Как многие его современники, он сурово изобличал пороки клириков своего времени. «Где мы видим ссоры, — восклицает он, — и где мы видим обман, если не среди сынов Иуды, если не среди священства Господня? Где преступления и честолюбие, если не среди священства Господня?»⁷⁶¹ И единственный способ преодолеть этот порок он связывал с наступлением объявленного им третьего века. Он не вел полемики против папства⁷⁶². Он подчинялся ему сам, покорно подчинял церкви свои произведения⁷⁶³ и называл церковь Петра престолом Христа. Он был провидцем-мистиком, усердно изучавшим Библию⁷⁶⁴ и уповавшим на то, что будущее явит миру более совершенную церковь, основанную Христом, свободную от пустого формализма и горьких раздоров.

Первую оценку взглядам Иоахима поспешил дать францисканец Герар из Борго Сан Доннино, написавший трактат «Введение в Вечное Евангелие»⁷⁶⁵. Он объясняет там учение Иоахима, как он его понимает. По его мнению, произведения Иоахима сами представляют собой Вечное Евангелие⁷⁶⁶, служащее руководством для третьего века, подобно тому как Ветхий и Новый Завет были руководствами для веков Отца и Сына, а флорский аббат сделался провозвестником этой последней эпохи.

Когда в 1251 г. появился труд Герара, он вызвал резкие отклики и был осужден профессорами Парижа, врагами францисканцев, в том числе Гильомом Сент-Амурским, тогда как радикальное крыло францисканских обсервантов⁷⁶⁷ приняло некоторые взгляды Иоахима и даже признало его пророком своего ордена.

⁷⁵⁸ *Parvuli Christi* или *parvuli de latina ecclesia* — так именовали монахов.

⁷⁵⁹ В некоторых местах Иоахим говорит также о двух орденах. См. Dollinger, 376.

⁷⁶⁰ *Die Fructification ist nichts anders als ein neuer Ausdruck für den Entwicklungsgedanken* (Schott, p. 180).

⁷⁶¹ См. Schott, 175.

⁷⁶² Dollinger, 379; Schott, 178, etc.

⁷⁶³ Четвертый Латеранский собор, канон II.

⁷⁶⁴ Он свободно цитирует Иеронима, Амвросия, Григория Великого и других отцов церкви.

⁷⁶⁵ *Introductorius in Evangelium aeternum*.

⁷⁶⁶ Или Евангелие Святого Духа. См. Denifle, p. 60.

⁷⁶⁷ {«Мужи духа», «строгие» или спиритуалы, твердо отстаивавшие духовные традиции Франциска. На другом полюсе ордена находились т.н. конвентуалы.}

Иннокентию IV были направлены обвинительные жалобы. Его преемник Александр IV в 1255 г. осудил Герара и его книгу, но не осуждал самого Иоахима⁷⁶⁸. Герар и другие обсерванты были брошены в темницу, где Герар умер восемнадцать лет спустя. Глава францисканцев Иоанн Пармский был смещен со своей должности за иоахимизм. Францисканский летописец Салимбене какое-то время также был последователем иоахимизма. По его сообщениям, пророк предсказывал, что орден младших братьев сохранится до конца, тогда как орден проповедников исчезнет⁷⁶⁹. В 1263 г. синод в Арле осудил произведения Иоахима. Через сто лет после смерти Иоахима его теорию провозглашали францисканцы-спиритуалы Иоанн Петр Олива и Убертино да Казале. Отголоски воззрений Иоахима постоянно встречаются вплоть до конца Средневековья. Иоахим был миллениаристским пророком средних веков.

§68. Нищенствующие ордена

Список литературы см. в §69, 72.

Мощный импульс монашеству и всей жизни средневековой церкви придали мендиканты, два великих нищенствующих ордена⁷⁷⁰ — доминиканцы («проповедники») и францисканцы («меньшие братья», «минориты»), которые получили папскую санкцию, соответственно, в 1216 и 1223 г. В первый период своего существования они пользовались уважением ученых, князей и пап, а также народных масс, хотя заслужили его не без борьбы⁷⁷¹. Им пел славословия Данте, а великие церковные деятели, такие как Гроссетест, приветствовали их приход в Англию как зарю новой эры. Людовик IX хотел поделить между ними свои останки. Но вместе с тем есть все основания задаться вопросом, не затмевается ли первоначальное благое служение этих монахов греховной деятельностью в последующие века, когда их монастыри стали синонимом праздности, высокомерия и невежества.

Появление этих двух орденов было, без сомнения, одним из наиболее фундаментальных событий средних веков⁷⁷², и оно связано с одним из самых примечательных пробуждений в истории христианской церкви. Эти ордена были Армией спасения XIII века, и они сохраняют мощь своей организации по сей день. В то время, когда дух крестовых походов ослабевал, а ересь угрожала низвергнуть все авторитеты, если не положить конец существованию иерархии вообще, Франциск Ассизский и Доминик де Гусман, итальянец и испанец, объединились в стремлении возродить религиозные силы и укрепить религиозную организацию Западной церкви. Но, как обычно случается в человеческих делах, более влиятельными оказались личности этих великих руководителей, а не торжественно

⁷⁶⁸ Практичный английский монах Матфей Парис говорит об учениях Иоахима как о «новых и нелепых» (III, р. 206).

⁷⁶⁹ Coulton, *Reproduction*, pp. 105, 163.

⁷⁷⁰ *Ordines mendicantium*.

⁷⁷¹ Позже нищенствующими стали кармелиты (1245), августинцы (1256) и несколько других орденов. В 1274 г. Григорий X упразднил все нищенствующие ордена, кроме францисканцев, доминиканцев, августинцев и кармелитов.

⁷⁷² Wilhelm Kothe (*Kirchliche Zustände Strassburgs im 14ten Jahrhundert*, Freib. im Br., 1903) пишет, что в Страсбурге нищенствующим монахам не доверяли с самого начала и доминиканцев не пускали внутрь городских стен вплоть до 1250 г., а их попытка построить часовню в то время вызвала яростное противодействие.

учрежденные ими уставы. Монашество вступило в новый этап своего существования. Христианское человеколюбие было облечено в новую форму. Руководители орденов стали общественными реформаторами своего века. Самые яркие светила взошли на небосклон университетов и схоластического богословия из этих орденов. Пророчества Иоахима Флорского считались исполнившимися в лице Франциска и Доминика, которые были двумя трубами Моисея, пробуждающими мир ото сна, и двумя столпами, поддерживавшими церковь. Два ордена были признаны папой, несмотря на недавний декрет Четвертого Латеранского собора против новых орденов.

Вряд ли можно встретить людей, которые разнились бы по темпераменту больше, чем Франциск и Доминик. Данте характеризует Франциска как пылание, воспламеняющее мир любовью, а Доминика — как сияние, пронизывающее его светом:

*Один пылал пыланьем серафима;
В другом казалась мудрость так светла,
Что он блистал сияньем херувима*⁷⁷³.

Ни один из них не был столь разносторонним, как Бернар. Они не вторгались во внешнеполитические дела государств. Их не призывали улаживать папские расколы. Они не влияли на папскую политику. Но каждый из них превосходил монаха из Клерво в качестве родоначальника хорошо дисциплинированной и крепкой организации.

Франциск — самый непритязательный, кроткий и приятный из святых монахов⁷⁷⁴. Доминик же был холодным, склонным к систематизации, суровым. Франциск более велик, чем его орден, и его личность производит неизгладимое впечатление. Доминик же был мастером дисциплины. Он оказывал влияние через управление своим орденом. Франциск был больше похож на христианского апостола, Доминик — на служителя церкви. Франциск естественно смотрится среди народа, где он дышит свежим воздухом полей, тогда как Доминика легко представить при дворе или в окружении папской свиты. Делом жизни Франциска было спасение человеческих душ, а делом жизни Доминика — укрепление церковной власти. Один пытался нести служение Евангелия в массы, другой — сохранить целостность католического учения. Франциск прославился кротостью своих суждений и поведения, а Доминика называли молотом еретиков.

Вероятно, эти два лидера встречались друг с другом не менее трех раз⁷⁷⁵. В 1217 г. они оба были в Риме, и курия предложила слить два братства в одну организацию. Доминик попросил у Франциска веревку и подпоясался ею, говоря, что желает объединения орденов. В 1218 г. они встретились в Порциункуле — любимой церкви Франциска в Ассизи, и под впечатлением увиденного Доминик решил сделать свой орден нищенствующим, что произошло в 1220 г. В 1221 г. они снова встретились в Риме, когда кардинал Уголино попытался манипулировать орденами в интересах иерархии. Франциск возражал против этого, но тщетно.

Ни Франциск, ни Доминик не ставили перед собой задачи реформировать существующие ордена или ужесточать уставы, которые исполнялись вполсилы. Можно вообще усомниться в том, что Франциск изначально собирался учреж-

⁷⁷³ *Paradiso*, canto XI.

⁷⁷⁴ Гарнак говорит: «Если когда-нибудь хотя бы один человек жил так, как проповедовал, то этим человеком был Франциск» (*Monachism*, p. 68).

⁷⁷⁵ Карл Мюллер принимает свидетельства, которые приводит Сабатье. См. *Literatur-Zeitung*, 1895, p. 181.

дать организацию. Он хотел, скорее, положить начало движению, которое преобразило бы мир, подобно закваске. Оба хотели возродить апостольскую практику.

Францисканский и доминиканский ордена отличались от предыдущих орденов пятью важными моментами.

Первой характерной их чертой была абсолютная бедность. Эти ордена были нищенствующими по своим принципам. Уставы обоих орденов, в первую очередь францисканцев, запрещали владение имуществом. Обет бедности давала вся община, а не только отдельные монахи. Франциск хотел навсегда запретить как индивидуальную, так и корпоративную собственность среди своих последователей⁷⁷⁶.

Практика абсолютной бедности акцентировалась проповедниками и сектами за век до того, как Франциск и Доминик начали свое служение. Ее сторонниками в их эпоху были такие секты, как гумилиаты, ломбардские бедняки {рункарии} и лионские бедняки. Идеалом Роберта д'Абрисселя (ум. в 1117) было следование «нагим за нагим Христом на кресте»⁷⁷⁷. Один из биографов Бернара Тиронского (ум. в 1117) называет его «нищим при Христе» (*pauper Christi*) и говорит, что этот «нищий последовал в нищете духа за Нищим Господом до самой смерти»⁷⁷⁸. О другом странствующем проповеднике, Виталии из Савиньи, жившем примерно в то же время, его биограф говорит, что он решил принять легкое иго Христа, отправившись по стопам апостолов⁷⁷⁹. Лучшие люди и классы общества в XIII веке страстно хотели следовать примеру апостолов и считали, что Христос учил абсолютной бедности и жил в ней. Арнольд Брешианский мыслил в том же направлении, как и еретические секты Южной Франции и Северной Италии. Подражание Христу было дорого их сердцам, и Франциску Ассизскому оставалось лишь более полно реализовать этот благочестивый идеал XIII века⁷⁸⁰.

Второй их особенностью была практическая деятельность в обществе. На протяжении веков с тех пор, когда святой Антоний удалился в Фивейскую пустыню, монахи бежали в уединенные места. А черные и серые братья, как называли францисканцев и доминиканцев за цвет их одежды, устремлялись в бурлящий поток одержимого своими делами мира. Они добавили к пустынному созерцанию странствование по рынкам и оживленным улицам⁷⁸¹. Им недостаточно было усмирять свою собственную плоть. Они объявили войну миру. Они проповедовали простым людям и не пренебрегали стенаниями угнетенных⁷⁸².

Третьей особенностью этих орденов было созданное ими братство мирян — так называемый третий орден, терциарии или братья покаяния (*fratres de poenitentia*)⁷⁸³. Монастыри, подобные Гиршау, и раньше приглашали мирян к мона-

⁷⁷⁶ Это не значит, что францисканцы в этот ранний период ничего не делали. Они должны были трудиться. Sabatier, *S. François*, VIII, p. 138.

⁷⁷⁷ *Nudus nudum Christum in cruce sequi* (Walter, *Wanderprediger*).

⁷⁷⁸ *Pauperem dominum ad mortem pauper spiritu pauper sequebatur* (Walter, II. 44).

⁷⁷⁹ *Leve jugum Christi per apostolorum vestigia ferre decrevit* (Walter, II. 83).

⁷⁸⁰ Walter, *Wanderprediger Frankreichs*, p. 168.

⁷⁸¹ Гергенротер говорит: «В них вновь явилось рыцарство, но в новой форме. Они удачно сочетали мир и сражение, созерцание и активную жизнь, веру и любовь, осторожную умеренность и пылкий энтузиазм» (*Kirchengeschichte*, II. 369).

⁷⁸² «В одном, — говорит Тревельян, — этих братьев никогда не упрекали. Их никогда не упрекали в том, что они мирно живут в своей обители и позволяют другим душам погибать от недостатка пищи» (*England in the Age of Wycliffe*, p. 144).

⁷⁸³ Так они названы в булле Григория IX (1228); Potthast, I, p. 703. {Терциарии или, буквально, «третьи» означает, что они стояли третьими в иерархии духовности после священства и монашества, а кроме того, они занимают третье место в ордене, если не первое ставить монахов,

стырскому служению, но терциарии францисканцев и доминиканцев образовались из мирян, которые, продолжая заниматься своими обычными делами, были связаны клятвой практиковать основные добродетели Евангелия. Таким образом для мирян открылась возможность реализовать в какой-то мере те высшие заслуги, которые раньше принадлежали только «профессиональным» монахам. Религия возвращалась в повседневную жизнь.

Четвертой особенностью орденов было их университетское преподавательское служение. Они понимали, что новые образовательные центры оказывают мощное влияние на людей, и адаптировались к ситуации. Прошло не больше двадцати лет с основания, а францисканцы и доминиканцы уже играли выдающуюся роль при университетах. Сам Франциск действительно был против образования. Он говорил, что бесы знают о звездах больше, чем могут узнать люди. Знание надмевает, а любовь назидает. Одному послушнику он сказал: «Если у тебя есть псалтирь, тебе хочется иметь breviарий. Если же у тебя появится breviарий, ты захочешь сидеть на высоком кресле, как прелат, и повелевать своему брату: “Принеси-ка мне breviарий”»⁷⁸⁴. Другому он сказал: «Великая скорбь наступит тогда, когда в книгах перестанут находить пользу и их будут выбрасывать»⁷⁸⁵. Тем не менее францисканцы получили от Александра IV и его преемников особую привилегию создавать школы, и, несмотря на решительную оппозицию, оба ордена проникли в Парижский университет. Доминиканцы здесь лидировали. Они уже очень рано закрепили за собой места в двух великих университетах континентальной Европы — в Париже и Болонье⁷⁸⁶. Их монастырь в Париже, Сен-Жак, учрежденный в 1217 г., был превращен в школу богословия. Сначала власти университета хорошо приняли их, так как у них были рекомендательные письма от Гонория III. Францисканцы создали свой монастырь в Париже в 1230 г. Оба ордена получили от канцлера Парижа разрешение выдавать ученые степени, но их высокомерие и нежелание подчиняться университетским правилам вскоре встретили яростную оппозицию. Папы встали на сторону орденов, и Александр IV⁷⁸⁷ велел властям университета закрепить за монахами права преподавателей. Его булла была учтена, но результат оказался весьма плачевен — братья попали в чуждую им организацию. Население Парижа и студенты освистывали их на улицах и бросали в них разные предметы. Гумберту, главе доминиканцев, казалось, что сатана, левиафан и велиал сорвались с цепей и сговорились ополчиться против послушников и уничтожить ту плодоносящую маслину, которую достославный Доминик насадил в церковном поле⁷⁸⁸. Лишь в 1257 г. Александр IV смог поздравить все стороны с установившимся спокойствием⁷⁸⁹.

В Париже, Оксфорде, Кельне и других университетах эти ордена дали миру величайших схоластов. Фома Аквинат, Альберт Великий, Дуранд были домини-

а на второе монахинь; различаются францисканские терциарии, доминиканские терциарии и терциарии-гумилиаты.)

⁷⁸⁴ {По преданию, затем он набрал горсть пепла и высыпал послушнику на голову, приговаривая: «Вот тебе breviарий! Вот тебе breviарий!»}

⁷⁸⁵ См. цитаты из *Speculum et Vita secunda* Челанского в Seppelt, pp. 234 sqq. Также Sabatier, *S. François*, ch. XVI.

⁷⁸⁶ О связях нищенствующих орденов с Парижским университетом см. Denifle, *Chartularium Univ. Parisiensis*, I; Seppelt, *Der Kampf der Bettelorden an der Univ. Paris in der Mitte des 13ten Jahrh.*; Felder, *Gesch. der wissenschaftlichen Studien im Franciskanerorden bis c. 1250*.

⁷⁸⁷ *Chartul.*, I. 285.

⁷⁸⁸ В *Chartul.* (I. 309-313) приводится длинное письмо Губерта.

⁷⁸⁹ *Chartul.*, I. 381. См. главу об университетах.

канцами; Иоанн из Сен-Жиля, Александр Галес, Адам Марш, Бонаventura, Дунс Скот, Оккам и Роджер Бэкон были из ордена святого Франциска. Другими выдающимися францисканцами средних веков были экзегет Николай Де Лира, проповедники Антоний Падуанский, Давид Аугсбургский, Бернардин Сиенский и Бертольд Регенсбургский (ум. в 1272); миссионеры Рубрук и Иоанн из Монте Корвино, авторы гимнов Фома Челанский и Якопоне из Тоди. Доминиканцами были мистики Экхарт и Таулер, Лас Касас (миссионер в Мексике) и Савонарола.

Пятой отличительной чертой было непосредственное подчинение двух орденов святому престолу. Францисканцы и доминиканцы были первыми из монахов, кто клялся в верности непосредственно папе. Между папой и ними не стояло никаких епископов, аббатов или общих капитулов. Оба ордена стали телохранителями папы и оплотом папства. Такой организованной поддержки у папства не было никогда раньше. Легенда гласит, что Иннокентию III в видении предстал Латеранский дворец, поддерживаемый двумя монахами⁷⁹⁰, коими оказались Франциск и Доминик, а история только подтверждает этот плод папского воображения. Они помогли папе укрепить власть над епископами⁷⁹¹. Повсюду, куда они ни шли — а они были вездесущи в Европе, — они считали своей главной целью провозглашать первенство святого престола над князьями и народами, активно укрепляя его власть. В борьбе империи с папством они стали злейшими врагами Фридриха II, который уже в 1229 г. изгнал францисканцев из Неаполя. Когда Григорий IX отлучил Фридриха в 1239 г., он поручил францисканцам зачитывать это постановление под звон колоколов в каждое воскресенье и по праздникам. Когда в 1245 г. Иннокентий IV выпустил свой декрет против Фридриха, его обнародование было доверено доминиканцам.

Римский двор осыпал ордена щедротами. В 1222 г. Гонорий III даровал сначала доминиканцам, потом францисканцам немалую привилегию — право проводить служения в своих церквях там, где действовал интердикт⁷⁹². Призыв святого Франциска не искать милостей от папы был предан забвению. В 1227 г. Григорий IX даровал его ордену право погребения в своих церквях⁷⁹³, а годом позже подтвердил привилегию, дарованную Гонорием⁷⁹⁴, — право совершать мессу во всех их часовнях и церквях⁷⁹⁵. Они были свободны от власти епископов и могли принимать исповедь в любом месте. Могущественный Григорий IX с самого начала своего понтификата оказывал большие милости этому ордену⁷⁹⁶.

У ортодоксии не было более ревностных защитников, чем францисканцы и доминиканцы. Они превзошли все остальные ордена, устраивая религиозные гонения и охоту на еретиков. В Южной Франции они смыли пятно ереси потоками крови, истребляя людей с фанатизмом крестоносцев. Они были ведущим орудием инквизиции. Торквемада был доминиканцем, как и Конрад Марбургский.

⁷⁹⁰ Villani (V. 25) говорит: «Это видение было истинным, так как очевидно, что церковь Божья рушилась из-за распущенности и многочисленных заблуждений, утратив страх Божий».

⁷⁹¹ Епископ Creighton (*Hist. Lectures*, p. 112) пишет: «Братья подрывали всю церковную юрисдикцию сильнее, чем какая бы то ни было организация нонконформистов в наше время подрывает влияние клириков» (эти его слова относятся к Англиканской церкви).

⁷⁹² Буллы датированы 7 и 29 марта. См. Potthast, I. 590. Та же самая привилегия была дарована кармелитам 9 апреля 1229 г.

⁷⁹³ Potthast, I. 697, 721.

⁷⁹⁴ Potthast, I. 701, 706.

⁷⁹⁵ 10 июня 1228 г. Potthast, I. 707.

⁷⁹⁶ См. Potthast, nos. 6508, 6542, 6654, etc.

Уже в 1232 г. Григорий IX доверил инквизицию доминиканцам, но орден Франциска тоже потребовал права на участие в этом ужасном деле и получил его. Вдохновленные Дунсом Скотом, францисканцы не зная усталости защищали учение о непорочном зачатии Марии (которое в конце концов было объявлено догмой в 1854 г.), подобно тому как позже иезуиты превзошли всех остальных защитников догмы о папской непогрешимости.

Быстрый рост численности обоих орденов и их влияния сопровождался яростным соперничеством. Споры были такими свирепыми, что в 1255 г. лидерам орденов пришлось призывать монахов избегать раздоров. Ордена боролись за папские привилегии и постоянно завидовали друг другу, боясь, что другой орден получит из рук папы больше милостей.

Злоупотребления властью привели к изданию папских бреве, ограничивающих привилегии. В 1254 г. Иннокентий IV в булле, которая среди самих монахов называлась «ужасной»⁷⁹⁷, лишил ордена права допускать на их службы по праздникам и воскресеньям лиц, не являющихся членами ордена, а также права принимать исповедь без согласия на то приходского священника. Но когда Иннокентий оказался в могиле, его преемник Александр IV тут же объявил себя другом орденов и вернул им прежние привилегии.

Претензии нищенствующей братии скоро стали невыносимыми для церкви в целом. Ордена вмешивались в дела всех приходов и навлекали на себя сильную вражду со стороны клира, права которого узурпировали, свободно пользуясь привилегией принимать исповедь и отпускать грехи. И когда Чосер говорит в своих «Кентерберийских рассказах» о францисканце, который «охотно прегрешенья отпускал», — то это вовсе не похвала.

Ордена препятствовали реформе церкви. Сначала они были реформаторами сами и соответствовали катарам и лионским беднякам своей апостольской самоотверженностью и симпатиями народа. Но со временем они выродились, превратились в зашоренных противников богословского прогресса и развития цивилизации. Сначала они были защитниками знаний, а потом стали защищать народное невежество. Бедность стала предлогом для вульгарной праздности, а нищенство — для высокомерия.

Причем такие перемены произошли задолго до конца того же самого века, в который родились эти два ордена. Епископы выступали против них. Клирики жаловались на них. Университеты высмеивали и осуждали их за притворное благочестие и пороки. Гильом Сент-Амурский возглавил оппозицию им в Париже. В своих остроумных произведениях он сравнивал нищенствующую братию с фарисеями и книжниками, напоминал, что Христос и Его апостолы не просили милостыню, и утверждал, что труд более соответствует Писанию, чем попрошайничество⁷⁹⁸. Ордена запятали себя лицемерием, и епископы старались очистить

⁷⁹⁷ Potthast, II. 1280. Иннокентий умер через несколько недель после выхода буллы — как говорят, в ответ на молитвы нищенствующих монахов, и отсюда произошла пословица: «спаси нас, Господи, от молитв проповедников» (т.е. доминиканцев) — *a litanis praedicatorum libera nos, Domine*.

⁷⁹⁸ В своем трактате «Опасности последних времен» (*De periculis novissorum temporum*, Базель, 1555) Гильом предвосхищает Рабле и Паскаля своей проницательной сатирой. Против него выступили Бонавентура и Фома Аквинат в *Contra impugnantes religionem*. Александр IV приказал сжечь трактат Гильома, а в булле от 5 октября 1256 г. объявлял его «самым опасным и презренным» человеком (*valde perniciosum et detestabilem*). См. Potthast, II. 1357. Когда трактат Гильома был издан в Париже в 1632 г., нищенствующие ордена добились от Людовика XIII приказа запретить его. Гильому было запрещено проповедовать и учить, и он удалился

от них свои епархии. В последующие годы клирики, епископы и князья непрерывно жаловались папам на злостное высокомерие монахов, но папы, как правило, были на стороне орденов.

В начале XV века великий учитель Жерсон (Герсон) в публичной проповеди назвал четырьмя гонителями церкви тиранов, еретиков, антихриста и нищенствующих монахов⁷⁹⁹.

§69. Францисканская литература

- I. СВЯТОЙ ФРАНЦИСК. Труды, на латинском, ed. WADDING, Antwerp, 1623, DE LA HAYE, Paris, 1841, Col., 1849, Paris, 1880 — Quaracchi, 1904. — BERNARDO DA FIVIZZANO: *Oposcoli di S. Fr. d'Assise*, Florence, 1880. Приводит латинский текст и итальянский перевод, устав 1223 г., завещание святого Франциска, послания и т. д. — Франц. перев. — Ed. D'ALENCON: *Les Opuscules de S. François*, Paris, 1905. — Н. BÖHMER: *Analekten zur Gesch. des Franc. von Assisi, Francisci opuscula, regula poenitentium, etc., mit einer Einleitung*, Tübingen, 1904. — *Writings of St. Francis of Assisi*, перевод — ОТЕЦ PASCHAL ROBINSON, Phil., 1906.

Жизнеописание. 1. Фома Челанский: *Vita prima*, написана в 1228 г. по распоряжению Григория IX для оправдания канонизации Франциска. Rome, 1880. — 2. Фома Челанский: *Vita secunda*, написана ок. 1247 г. и свидетельствует о борьбе внутри францисканского ордена, ed. FIVIZZANO. Rome, 1880. Оба жизнеописания есть в Н. G. ROSEDALE: *Thomas de Celano, St. F. d'Assisi with a crit. Introd. containing a description with every extant version in the original Latin*, N. Y., 1904. Также Ed. D'ALENCON: *Th. a Celano, S. Franc. Assisiensis vita et miracula*, etc., pp. lxxxvii, 481, Rome, 1906. — *Fr. of Assisi according to Th. of Celano. His descriptions of the Seraphic Father*, 1229 — 1257, вступление Н. G. ROSEDALE, Lond., 1904. — 3. *Legenda trium sociorum*, легенда о трех товарищах, Леоне, Анджело и Руфино, близких друзьях Франциска. Написана в 1246 г. и впервые полностью опубликована болландистами как приложение к *Житиям* Челанского — Louvaine, 1768; Rome, 1880. Она дошла до нас не полностью. Устранение нежелательных мест в интересах не склонного к строгой дисциплине папского крыла объясняется спорами внутри ордена. — 4. *Speculum perfectionis seu S. Francisci Assisiensis legenda antiquissima, auctore fratre Leone, nunc primum edidit*, PAUL SABATIER, Paris, 1898; также ed. ED. LEMMENS, Quaracchi, 1901. Сабатье датирует это произведение 1227 г. Англ. перев. — CONSTANCE (ГРАФИНЯ DE LA WARR), Lond., 1902. См. примечание ниже. — 5. *Legenda major*, или *Aurea legenda major* Бонавентуры, ed. Peltier et Quaracchi, 1898, англ. перев. Douai, 1610, и мисс ЛОСКНАРТ, с предисловием кардинала Маннинга, Lond., 3^d ed., 1889. Написано по приказу францисканского капитула и одобрено им в Пизе (1263). Здесь существенно расширен легендарный элемент. Некогда труд считался основным авторитетом, а сейчас занимает второстепенное место, так как в нем отсутствуют материалы по завещанию Франциска. — 6. *Liber conformitatum* Варфоломея Альберика из Пизы (ум. в 1401). Содержит сорок сопоставлений между Франциском и Христом. Лютер назвал эту книгу *der Barfussmönche Eulenspiegel und Alkoran*, «очками совы и Кораном босоногих монахов». — 7. *Actus B. Francisci et sociorum ejus*, ed. САВАТИЕР, Paris, 1902. Сборник с высказываниями и деяниями Франциска по сообщениям очевидцев и других людей, ранее не публиковавшимся и относящимся не позже чем к 1328 г. — 8. *Legenda* Юлиана из Шпейера. Ок. 1230 г. — 9. *Legenda* БЕРНАРА из БЕССА, опубликована в *Analecta Franciscana*, III, Quaracchi, близ Флоренции. Компильция. — 10. *Francisci beati sacrum commercium cum domina paupertate*, с итальянским переводом, Ed. D'ALENCON, Rome, 1900. Англ. перев., *The Lady Poverty*, MONTGOMERY CARMICHAEL, N. Y., 1902. Восходит по меньшей мере к XIII веку, так как с

во Франш-Комт, где и умер. См. *Chartularium Univ. Parisiensis*, I. Nos. 295, 296, 314, 318, 321, 332, 339, 343, 315, etc.

⁷⁹⁹ Магфей Парис в своем резюме главных событий 1200 — 1250 г. так говорит об упадке орденов: «Эти проповедники и меньшие братья сначала жили в бедности и величайшей святости и неустанно посвящали себя проповеди, исповеди, божественным обязанностям в церкви, чтению и занятиям; они отказались от многочисленных доходов, избрав добровольную бедность в служении Богу, и не запасались даже пищей на завтрашний день, но через несколько лет стали жить превосходно и построили самые дорогие дома» (Luard ed., V. 194).

ним был знаком Убертино да Казале. — 11. *Fioretti*, или *Цветочки святого Франциска*, впервые опубликована в 1476 г., ed. SABATIER, Paris, 1902, pp. xvi, 250. Англ. перев. АББАТ L. ALGER, Boston, 1887, и WOODROFFE, London, 1905. Относится к XIV веку. Сборник легенд, очень популярный в Италии. Сабатье говорит, что ни одна из них не является подлинной, но они прекрасно отражают состояние души святого Франциска. — 12. *Fratris Fr. Bartholi de Assisi Tractatus de indulgentia S. Mariae de Portiuncula*, ed. SABATIER, Paris, 1900. Относится к XIV веку. См. *Lit.-zeitung*, 1901, 110 sqq. — 13. *Regula antiqua fratrum et sororum de poenitentia seu tertii ordinis S. Francisci, nunc primum ed.*, SABATIER, Paris, 1901. См. S. МИНОСНИ: *La Leggenda antica. Nuova fonte biogr. di S. Francesco d'Assisi tratto da un codice Vaticana*, Florence, 1905, p. 184. Существует неблагоприятный отзыв — ЛЕМПП, в *Lit.-zeitung*, 1906, p. 509, который говорит, что содержание рукописи по большей части взято из *Speculum perfectionis*.

СОВРЕМЕННЫЕ БИОГРАФИИ. CHAVIN DE MALAN, Paris, 1841, 2^d ed., 1845. — K. HASE, Leip., 1856, 2^d ed., 1892. Первая критическая биография. — МИССИС ОЛПХАНТ, Lond., 1870. — МАГЛИАНО, 2 vols., Rome, 1874, англ. перев., N. Y., 1887. — L. DE CHÉRANCÉ, Paris, 1892, англ. перев., 1901. — HENRY THODE, Berlin, 1885, 1904. — *PAUL SABATIER, протестантский пастор: *Vie de S. François d'Assise*, Paris, 1894. 33^d ed., 1906. Награда французской академии. Англ. перев. L. S. HOUGHTON, N. Y., 1894. Я пользуюсь 27-м изданием. — W. J. KNOX-LITTLE, Lond., 1896. — P. DOREAU, Paris, 1903, p. 648. — A. BARINE: *S. Fr. d'Assisi et le légende des trois Compagnons*, Paris, 1901. — J. HERKLESS: *Francis and Dominic*, N. Y., 1904. — H. v. REDERN, Schwerin, 1905. — *G. SCHNÜRER: *Franz von Assisi. Die Vertiefung des religiösen Lebens im Abendlande zur Zeit der Kreuzzüge*, Munich, 1905. — NINO TAMASSIA: *S. Francesco d'Assisi e la sua leggenda*, Padua, 1906, p. 216. — F. VAN ORTROY: *Julien de Spire, biographe de St. François*, Brussels, 1890. — J. E. WEIS: *Julian von Speier* (ум. в 1285), Munich, 1900. — ED. LEMPP: *Frère Elie de Cortona*, Paris, 1901. — H. TILEMANN: *Speculum perfectionis und Legenda trium sociorum, Ein Beitrag zur Quellenkritik der Gesch. des hl. Franz. von Assisi*, Leip., 1902. — РОТТНАСТ: *Bibl. Hist.*, II. 1319 sqq., приводит список из девяноста биографий. Более подробный список литературы см. в ZÖCKLER, Herzog, VI. 197-222, и «Engl. Hist. Rev.», 1903, 165 sqq., список литературы с критической оценкой — W. GOETZ: *Die Quellen zur Gesch. des hl. Franz von Assisi*, Gotha, 1904. Впервые опубликовано в Brieger, Zeitschrift, повторено в *Lit.-zeitung*, 1905, pp. 8-10.

II. ФРАНЦИСКАНЦЫ. Древнейшие хроники. — JORDANUS DA GIANO: *De primitivorum fratrum in Teutonicam missorum conversatio et vita memorabilia*, 1207 — 1238, в *Analecta Franciscana*, pp. 1-19. — Фома из Экклстона, францисканец: *De adventu Minorum in Angliam*, 1224 — 1250, в *Analecta Franciscana*, лучшее издание — в *Monumenta Franciscana*, ed. J. S. BREWER, с ценным предисловием, London, 1858; англ. перев. Cuthbert, London, 1903. Содержит также послания Адама де Мариско, etc.; vol. II, ed. RICHARD HOWLETT, с предисловием, содержит фрагменты из Экклстона и другие английские документы о францисканцах. — *Analecta Franciscana sive chronica aliaque documenta ad historiam Minorum spectantia*, Quaracchi, 1885. — *Bullarium Franciscanum sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata*, etc., vols. I — IV, Rome, 1759, ed. J. H. SBARAGLEA и ROSSI, vols. V, VII, Rome, 1898 — 1904, ed. CONRAD EUBEL; сборник доходит до 1378 г. — *Seraphicae legationis textus originales*, Quaracchi, 1897, содержит устав 1223 г. и другие документы. LUKE WADDING: *Annales Minorum*, 7 vols., Lyons, 1625 — 1648, самая ценная история ордена. — DENIFLE и EHRLÉ приводят ценные материалы и критику в *Archiv für Lit. und Kirchengeschichte d. Mittelalters*, vol. I. 145 sqq.; 509-569, III. 553 sqq.; VI. 1 sqq., Berlin, 1885 — 1891. — KARL MÜLLER: *Die Anfänge des Minoritenordens und der Bussbruderschaften*, Freib., 1885. — A. G. LITTLE: *The Grey friars in Oxford*, Oxford, 1891. — EUBEL: *Die avignonesische Obediens der Mendikanten-Orden*, etc., zur Zeit des grossen Schismas beleuchtet durch die von Clement VII und Benedict XIII an dieselben gerichteten Schreiben, Paderborn, 1900. — PIERRE MADONNET: *Les origines de l'ordre de poenitentia*, Freib., 1898; также *Les règles et le gouvernement de l'ordre de poenitentia am XIIIe siècle* (1212 — 1234), Paris, 1902. — F. X. SEPELT: *Der Kampf der Bettelorden an der Universität Paris in der Mitte des 13ten Jahrh.* Heiligenstadt, 1892. — F. GLASER: *Die franziskanische Bewegung. Ein Beitrag zur Gesch. sozialer Reformideen im Mittelalter*, Stuttg., 1903. — H. FELDER: *Gesch. der wissenschaftlichen Studien im Franziskanerorden bis c. 1250*, Freib., 1904, p. 557. RICARD ST. CLARA: *St. Claire d'Assise*, Paris, 1895. — E. WAUER: *Entstehung und Ausbreitung des Klarissenordens besonders in deutschen Minoritenprovinzen*, Leip., 1906. — E. KNOTH: *Ubertino da Casale*, Marburg, 1903. — E. ЯКОВ: *Johannes von Capistrano, Die auf der kgl.*

und Univ. Bibliothek zu Breslau befindlichen handschriftlichen Aufzeichnungen von Reden und Tractaten Capistrans, etc., 2 parts, Breslau, 1903 — 1905. — L. DE CHÉRANCÉ: *St. Antoine de Padoue*, Paris, 1906. — HELYOT: *Relig. Orders*, VII. 1-421. — LEA: *Hist. of the Inquisition*, I. 242-304. — M. CREIGHTON: *The Coming of the Friars, в Lectures and Addresses*, pp. 69-84. — A. JESSOPP: *The Coming of the Friars*. — STEVENSON: *Life of Grosseteste*, London, 1899, pp. 59-87. — НАУСК, IV. 366-483.

ПРИМЕЧАНИЕ

Недавняя литература о святом Франциске

Феноменальный импульс изучению жизни святого Франциска придала публикация биографии Сабатье в 1894 г. Карл Мюллер помещает эту биографию «на вершину современной исторической науки» (*Lit.-zeitung*, 1895, pp. 179-186). Она написана с небывалым литературным мастерством и глубокой симпатией к духу итальянского святого. Она совершила переворот в отношении протестантов и дала миру правильное представление о реальном Франциске. Странно, что протестантский пастор оказался ведущим современным специалистом по Франциску и одним из его наиболее преданных поклонников! После написания этого первого труда Сабатье продолжал исследовать древнюю литературу и историю святого Франциска и францисканцев, отказался от пасторства, совершал многочисленные поездки в Италию и проводил много времени в Ассизи, где Франциска очень уважают и считают основной знаменитостью города. Ему удалось обнаружить кое-какие документы, а как издатель, он создал новую францисканскую литературу. Его энтузиазм и труды вдохновили ряд ученых в Германии, Италии и Швейцарии, вследствие чего Миночки, Мадонне, Мюллер, Лемпп и Шнюрер написали труды по древней францисканской литературе. Его жизнеописание святого Франциска было внесено в Индекс запрещенных книг, потому что оно якобы неправильно отражает католические обычаи.

Если описание служения и характера Франциска, сделанное Сабатье, получило всеобщее признание, за исключением разве что признания у францисканцев, то по поводу датирования древних документов и их оригинального содержания нет единого мнения. Литературное изучение этого вопроса весьма затруднено из-за публикации рукописей, которые сильно отличаются друг от друга, и из-за критических разногласий исследователей. Мюллер (*Lit.-zeitung*, 1902, p. 593) и Лемпп (*Lit.-zeitung*, 1906, p. 509) сравнивают эту путаницу с чащей, сквозь которую практически невозможно пробраться. Неразбериха возникла из-за целенаправленной политики Григория IX и конвентуального крыла ранних францисканцев, старавшихся уничтожить все материалы, показывающие, что Франциск был против строгой дисциплины внутри ордена и настаивал на правиле абсолютной бедности. Францисканский капитул 1264 г. велел уничтожить все биографии Франциска, написанные до того времени, кроме биографии Бонавентуры. Капитул предписывал предать забвению желание Франциска об абсолютной бедности ордена, уничтожить его завещание и изначальный устав. А новые исследования, беспристрастно проведенные Сабатье, восходят к более ранним фактам, чем этот 1264 год, и восстанавливают портрет реального Франциска.

Внимание ученых в основном сосредоточено на *Speculum perfectionis*, опубликованном Сабатье в 1893 г., и на изначальном уставе францисканского ордена терциариев. *Speculum perfectionis* — это жизнеописание Франциска и, по словам Сабатье (*Introd.*, li), его первая биография, восходящая к 1227 г. Обнаружение этого документа — одно из наиболее интересных и примечательных исторических открытий недавнего времени. Вот как он был найден.

Материалы по жизни Франциска содержались в книге под заглавием *Speculum vitae St. Francisci et sociorum ejus*, впервые опубликованной в Венеции в 1504 г., затем — в Париже в 1509 г. Изучая парижское издание 1509 г., Сабатье обнаружил 118 глав, не приписываемых никакому из авторов и по духу и стилю отличавшихся от остальных частей произведения. Он использовал этот документ для создания своей биографии и был склонен приписывать его авторству трех товарищей Франциска — Леона, Анджелио и Руфино. См. *Vie de S. François*, p. lxxii sq. Позже он обнаружил, что в нескольких рукописях эти главы отмечены как отдельный документ. В рукописи из библиотеки Мазарини он нашел 124 такие главы. В них входили 16 глав парижского издания 1509 г. Эти главы Сабатье считает отдельной книгой, *Speculum perfectionis*, написанной Леоном, и первым сочинением о служении и учении Франциска. Дата сочинения взята на основании мазаринской рукописи, где указан 1228 год. Сабатье нашел подтверждение этой даты в указаниях самого документа (p. xxii и др.).

Это полное симпатии, яркое и искреннее повествование помогает увидеть Франциска в новом свете — как мученика амбициозных замыслов Григория IX, отвергнувшего правило абсолютной бедности, столь дорогое сердцу Франциска, и подменившего бедность своими собственными папскими взглядами. Леон, по мнению Сабатье (*Introd.*, p. li), писал свой труд сразу после объявления Илии Кортонского о намерении воздвигнуть внушительный собор над «маленьким нищим». Леон был не

в силах сдерживать негодование и выразил протест против таких спекуляций именем и памятью Франциска.

Против мнения Сабатье о *Speculum perfectionis* были выдвинуты серьезные возражения. Соглашаясь с Минокки, Тилеман, Гетц и другие приняли во внимание данные рукописи из Оньиссанти (монастырь во Флоренции), МСССХVII года, и, тщательно изучив остальные жизнеописания Франциска, пришли к выводу, что *Speculum* — компиляция. Кое-что из его содержания, согласились они, действительно написано раньше *Vita secunda* Фомы Челанского — второй биографии Франциска, или же просто раньше других биографий. Мюллер (*Lit.-zeitung*, 1899, 49-52, 1902, p. 598) и Лемпп, не соглашаясь с такой ранней датой, как 1227 г., тем не менее относят документ к первой половине XIII века и считают его источником первого ранга, *eine Quelle ersten Ranges*. Лемпп говорит (*Lit.-zeitung*, 1905, pp. 9 sq.), что в нем прекрасно отражено истинное состояние ума и души Франциска. Тилеман также считает документ очень ценным. О многочисленных статьях в обзорных — Минокки, ван Ортгоя и т. д. — см. Tilemann, *Speculum perfectionis*, p. 4.

Если Сабатье познакомил нас с реальным, историческим Франциском — а существуют веские причины полагать, что так оно и есть, — то изощренные деяния кардинала Уголино, или Григория IX, стремившегося подорвать авторитет Франциска, — это один из наиболее патетических спектаклей в церковной истории, и тогда Франциск предстает перед нами как один из самых бескорыстных и чистосердечных слугителей христианства.

§70. Франциск Ассизский

...Солнце в мир взошло...
 Оно, хотя еще недавно встало,
 Своей великой силой кое в чем
 Уже земле заметно помогало.
 Он юношей вступил в войну с отцом
 За женщину, не призванную к счастью:
 Ее, как смерть, впускать не люба в дом;
 И, перед должною духовной властью
 Et coram patre с нею обручась,
 Любил ее, что день, то с большей страстью.
 Она, супруга первого лишаась,
 Тысячелетие с лишним, в доле темной,
 Вплоть до него любви не дождалась...
 * * *
 ...Но, чтоб не скрытной речь моя казалась,
 Знай, что Франциском этот был жених
 И Ницетой невеста называлась.

(Данте, *Рай*, XI)

На одном из первых мест в агиографических списках стоит имя Франциска Ассизского, основателя ордена францисканцев. Из всех итальянских святых он — самый популярный в Италии и за ее пределами⁸⁰⁰.

Франческо (Франциск) Бернардоне (1182 — 1226) родился и умер в Ассизи. При крещении ему было дано имя Джованни (т.е. Иоанн), но отец, Пьетро Бер-

⁸⁰⁰ Раньше протестантские историки в большинстве своем придерживались неблагоприятного взгляда на Франциска, но сейчас это уже не так. Hallam (*Middle Ages*, II. 197) называл Франциска «безвредным энтузиастом, благочестивым и искренним, но заставляющим усомниться в его здравом уме». А вот Ли, выражающий современные тенденции, идет намного дальше, утверждая: «Ни в одном человеке после Христа христианский идеал не воплощался так полно, как во Франциске» (*Hist. of Inquis.*, I. 260). Гарнак пишет: «Если когда-нибудь хотя бы один человек жил так, как проповедовал, то этим человеком был Франциск». Анонимный автор, делающий обзор францисканской литературы в *Independent* (1901, p. 2044), совершенно серьезно заявляет: «Франциск впитал в себя любовь Христа к людям и низшим существам более полно, чем любой другой человек со времен апостолов, и его появление было эпохой в духовной истории, по важности уступающей только первоначальной эпохе Благой Вести». Сабатье же более рассудителен: «Франциск — это прежде всего святой средних веков. Ничем не обаянный своей церкви, он был воистину учителем Божиим» (*Vie de S. Franc.*, p. viii).

нардоне, богатый продавец тканей, часто ездивший по торговым делам во Францию, назвал его (вероятно, по имени этой страны) Франциском. Франциск изучал латынь и был немного знаком с навыками письма. У него были деньги, и он тратил их на увеселения. После начала войны между Ассизи и Перуджей он пошел в армию и был взят в плен. Когда его освободили, ему было двадцать два года. Во время последовавшей болезни в нем проснулись религиозные чувства. Выздоровев, он испытывал отвращение к себе и недовольство миром. Он снова записался в армию и отправился в путь, чтобы присоединиться к Вальтеру Бриеннскому в Южной Италии. Он дошел до Сполето, но судьба предназначила его не к военной карьере. Повернув обратно, движимый серьезными побуждениями, он удалился в некий грот возле Ассизи, где уединился. Он совершил паломничество в Рим (было оно предпринято с целью понести наказание или нет, неизвестно). Он стал сочувствовать бедным. Встретив прокаженного, он сначала отшатнулся в ужасе, но потом вернулся, поцеловал прокаженного руку и оставил в ней все деньги, какие у него были. Он часто посещал часовни в пригородах Ассизи, но больше всего ему нравилась скромная часовня Св. Дамиана, просто обставленная и с одним-единственным священником. Она и стала Вефилем его души. У грубого алтаря ему казалось, что он слышит голос Христа. В порыве рвения он взял товар своего отца и отдал его священнику. Насколько мы знаем, Франциск никогда не раскаивался в этом поступке. Здесь мы видим действие моральных законов, непохожих на наши. Как отличается этот пример от того, что чувствовал доктор Сэмюэль Джонсон, когда, уже во взрослом возрасте, каялся за неповиновение отцу, стоя под дождем на городской площади в Личфилде с непокрытой головой!

Перемены, произошедшие с беспечным искателем удовольствий, навлекли на Франциска насмешки всего города и негодование отца. Отец выгнал его из дома. Без сожалений, которых мы могли бы ожидать от сына в подобных обстоятельствах, Франциск публично отрекся от своего сыновнего долга в следующих словах: «До этого времени я называл Пьетро Бернардоне отцом, но теперь я желаю служить Богу и не назову отцом больше никого, кроме Отца нашего небесного». С этих пор Франциск посвятил себя религиозной жизни. Он скромно одевался, жил среди прокаженных, омывал их язвы и восстанавливал часовню Св. Дамиана, выпрашивая камни на площадях и улицах города. Шел 1208 год.

Бенедиктинский аббат с горы Субазии подарил Франциску маленькую часовню — Санта Мария дельи Анджели⁸⁰¹, и она, под названием Порциункула — «малая доля» — стала любимым святилищем святого и его первых товарищей. Здесь Франциска посетила большая часть его видений, здесь он умер⁸⁰². В более поздние годы он добился от Гонория III замечательной привилегии полного отпущения грехов для всякого, кто посетит часовню между вечерней 1 августа и вечерней 2 августа каждого года. В результате Порциункула сделалась святилищем первого ранга.

В 1209 г. Франциск услышал слова: «Проповедуй, царство небесное близко, исцеляй больных, очищай прокаженных, изгоняй бесов. Пусть в ваших кошелках не будет ни серебра, ни золота, ни меди». Отбросив свой посох, кошелек и

⁸⁰¹ *Speculum perfectionis* (pp. 94 sqq.) не оставляет сомнений в том, что Франциску подарили эту церковь на самом деле. Дарение сопровождалось условием, что часовня всегда будет оставаться центром братства.

⁸⁰² Точнее, в келье на расстоянии нескольких метров от Порциункулы. Сейчас же и Порциункула, и эта келья, превращенная в часовню, находятся под крышей одной базилики.

обувь, он сделал эти апостольские призывы правилом своей жизни. Он проповедовал покаяние и собрал вокруг себя Бернардо ди Квинтавалло, Эджидио и других товарищей. Их уставом стали три места Писания, в которых повелевалось оставаться бедными и принять крест, — Мф. 16:24-26; 19:21; Лк. 9:1-6⁸⁰³. Устав требовал полного подчинения Евангелию. Младшие братья, *fratres minores*, как их стали теперь называть, просили милостыню по домам, если не могли заработать себе на хлеб, ходили босиком⁸⁰⁴ и спали в стогах сена, госпиталях для прокаженных и везде, где могли найти пристанище.

Они должны были проповедовать, но в первую очередь — подавать пример воплощения евангельских принципов в своей собственной жизни. Жизнь была самым важным — гораздо важнее, чем проповеди и ученость. Франциск полагал, что ученость может оказаться губительной для смирения. Женщине, обратившейся к нему за милостыней, он отдал Новый Завет, который они читали по утрам, — единственную книгу в монастыре на тот момент⁸⁰⁵. В монастыре не было даже бревиария. Добрые дела и милосердие — вот на что Франциск стремился обратить помыслы людей. В своем завещании он называет себя неграмотным (*idiota*), и его неграмотность подтверждает Фома Челанский. Похоже, у этого слова было два значения: человек без образования и человек, образование которого едва превышает начальное. Им также называли мирян в отличие от клириков. Образование Франциска сводилось к элементарным знаниям, и его биографы упорно подчеркивают, что его учил непосредственно Бог⁸⁰⁶. Существуют два документа, написанных рукой Франциска, — один в Ассизи и один в Сполето⁸⁰⁷.

В 1210 г. Франциск и некоторые из его собратьев отправились в Рим и были приняты Иннокентием III⁸⁰⁸. Английский летописец сообщает, что папа, желая проверить искренность Франциска, сказал: «Отправляйся-ка, брат, к свиньям, общество которых тебе больше подобает, чем человеческое, поваляйся с ними и поучи их тем порядкам, которые ты тут так ловко проповедуешь». Франциск повиновался и, возвратившись, сказал: «Господин мой, я сделал это»⁸⁰⁹. Затем папа благословил братство и неформально санкционировал его устав, разрешил им делать tonsуру и повелел отправляться на проповедь покаяния.

⁸⁰³ Сабатье ограничивает устав этими местами Писания. Фома Челанский (*Vita sec.*, II. 10) говорит, что Франциск «использовал в основном слова Священного Писания», но далее заявляет, что в устав «он добавил еще несколько установлений, которые были необходимы для святой жизни (*pauca tamen inseruit alia*)».

⁸⁰⁴ В случае необходимости было разрешено носить сандалии. *Speculum*, p. 8.

⁸⁰⁵ *Speculum*, 38; 2 *Cel.* 3, 35. Предполагалось, что женщина продаст книгу.

⁸⁰⁶ О значении слова *idiota* см. Felder, p. 61, и Böhmer, p. xi. Фельдер (pp. 59 sqq.) старается опровергнуть обвинения в том, что Франциску недоставало образования и он пренебрегал обучением своего ордена. А Фома Челанский называет Франциска *vir idiota* и говорит: *nullis fuit scientiae studiis innutritus*. Он также упоминает, что Франциск пел по-французски, когда шел по лесу. См. примечания у Фельдера.

⁸⁰⁷ См. Böhmer, pp. xiii sq., 69 sq.

⁸⁰⁸ Эту встречу с Иннокентием, сидящим на престоле, Джотто сделал темой одной из своих фресок. Поистине великолепный контраст — Иннокентий, хотя и ведущий свое преемство от Петра, но повелевающий королями и могущественными особами, удостоивает аудиенции скромного верующего, славе которого предстоит сравняться с его собственной славой! Обычно эту встречу относят к 1209 г., но Сабатье указывает причины для замены этой даты на 1210 г. (*St. François*, p. 100).

⁸⁰⁹ М. Парис, Luard ed., III. 132. Сабатье замечает, что по характеру это истинно францисканская история, и склоняется к тому, что она имеет под собой какую-то историческую основу.

Братство быстро росло. Члены его должны были трудиться. В своем завещании Франциск призывал братьев заниматься разными ремеслами, как делал он. Он сравнивал праздного монаха с трутнем⁸¹⁰. Братья навещали больных, особенно прокаженных, проповедовали все большему количеству народа и отправлялись в миссионерские путешествия. Франциск предпочел бы продать украшения алтаря, чем отвернуться от просьбы о помощи. Ему было стыдно, когда он видел кого-либо более нищего, чем он сам⁸¹¹.

В это время произошло одно из наиболее примечательных событий в жизни Франциска. Он вступил в брак с Нищетой. Он называл Ницету своей невестой, матерью, сестрой, хранил верность ей как рыцарь⁸¹². История такова. Франциск с несколькими товарищами отправился на поиски Ницеты. Два старика указали ему ее жилище на высокой горе. Там Ницета, восседающая «на престоле своей нужды», приняла их, и Франциск восславил ее как постоянную спутницу Господа, «владычицу и королеву всех добродетелей». Ницета ответила, что была с Адамом в раю, но после грехопадения стала бездомной странницей, пока не пришел Господь и не отдал ее Своим избранникам. Благодаря ей количество верующих существенно возросло, но через какое-то время ее сестра, госпожа Гонение, покинула ее, а вместе с ней верующие лишились своей крепости. Потом пришли монахи и присоединились к ней, но ее враг Жадность, назвавшаяся Умеренностью, сделала монахов богатыми. В конце концов монашество стало совершенно мирским, и Ницета удалилась от него. Тогда Франциск сочетался с Нищетой, которая приветствовала его и его товарищей мирным поцелуем и спустилась с ними с горы. Началась новая эпоха. С этих пор подушкой для друзей стал камень, пищей — хлеб и вода, а монастырем — весь мир⁸¹³.

В 1212 г. в жизни Франциска появилась Клара Сцефи. Она была на двенадцать лет моложе его, и ей было шестнадцать, когда она впервые услышала его проповедь в соборе Ассизи. Слова Франциска проникли ей в душу. При его участии она покинула родительский дом и приняла от него монашеское пострижение⁸¹⁴. Он отвел ее в монастырь бенедиктинок. За Кларой последовала ее младшая сестра Агнесса. Им была выделена часовня Св. Дамиана, был учрежден

⁸¹⁰ *Spectulum*, p. 49. См. также *Cel.*, 10; 2 *Cel.*, 97. Сабатье особо указывает, что Франциск намеревался создать «не нищенствующий орден, а орден трудящийся» (*S. François*, p. 138). Денифле также обращает на это внимание (*Archiv*, 1885, p. 482).

⁸¹¹ *Speculum*, xvii.

⁸¹² Челанский в первом жизнеописании говорит об отношениях священной близости между Франциском и святой Нищетой, *commercium cum sancta paupertate*. Труд под названием *Sacrum commercium*, etc., полностью воспроизводит историю о браке Франциска с Нищетой.

⁸¹³ Якопоне из Тоди, следуя этой идее, изобразил Ницету идущей по земле и стучащейся в двери монастырей, откуда ее прогоняли. Хазе, говоря об апофеозе Ницеты Франциска, заявляет, что Франциск был безумным Христом (*ein verrückter Christus*), подобно тому как Диогена называли безумным Сократом (*Kirchengesch.*, II. 382). В первой главе *Commercium* заповедь блаженства «блаженны нищие духом» толкуется как отказ от мирского имущества и вручение Ницете ключей от царства небесного.

⁸¹⁴ Франциск был диаконом и никогда не был священником. Согласно Фоме Челанскому, Франциск был суров в отношениях с женщинами и за всю жизнь обратил взор только на двух женщин. Сабатье (pp. 169 sq.) объявляет это описание ложным и говорит о «любви святого Франциска и святой Клары». Здесь, как и в других местах, биограф позволяет себе вольность идеалиста. Последнее послание Франциска к Кларе приводится в *Speculum Perfectionis* (pp. 180 sqq.). Францисканский устав 1223 г. запрещает «подозрительное общение с женщинами», но разрешает братьям входить в женские монастыри с позволения святого престола. См. *Robinson*, p. 73.

орден кларисс. Клара пережила Франциска и умерла в 1253 г. в присутствии братьев Леона, Анджело и Джинеффо.

В 1217 г. Франциск был представлен Гонорию III и курии. По совету кардинала Уголино, позже Григория IX, он подготовился и выучил наизусть проповедь. Оказавшись перед понтификом, он забыл то, что подготовил, и произнес импровизированную речь, которая покорила сердца слушателей.

Франциск благовествовал по Италии, а в 1219 г. отправился в Египет и Сирию. Вернувшись с Востока, «маленький бедняк», *il poverello*, обнаружил, что в братство, под влиянием строгого сторонника дисциплины Уголино, проник новый элемент. Эти внезапные изменения стали для него в последующие годы источником глубокой, хотя и редко прорывавшейся наружу скорби. Проезжая через Болонью в 1220 г., он чрезвычайно расстроился, увидев дом, построенный для братьев. Кардинал Уголино решил манипулировать братьями в интересах курии. Он предложил Франциску помощь, и Франциск принял предложение. Под влиянием кардинала в 1221 г. был принят новый устав, а в 1223 г. — третий, в котором намерения Франциска были отодвинуты в сторону. Изначальный устав, заповедовавший нищету, был изменен, в него были введены старые идеи монашеской дисциплины и новый элемент абсолютного подчинения папе. Ум Франциска был слишком простым и незамысловатым, чтобы тягаться с искусными управителями церкви. И с тех пор орден контролировали церковные политики⁸¹⁵. Франциск отошел в сторону, и генеральным министром стал Пьетро ди Катана, доктор юриспруденции и представитель знати. Франциск смирился с произошедшим и сказал братьям: «С этих пор я умер для вас. Вот брат Петр Катанский, которому вы и я будем подчиняться». Он простерся перед ним и обещал человеку, ставшему выше него, послушание и подчинение⁸¹⁶.

Это вынужденное подчинение Франциска — одна из самых трогательных сцен в средневековых биографиях. Франциск не принимал папских привилегий, он был сторонником свободы своего движения, но умелая рука Уголино заменила ее строгой монашеской дисциплиной. На смену искреннему поклонению пришла организация. Уголино же, без сомнения, был другом Франциска не только на словах, но и на деле. Он заложил фундамент собора в Ассизи в его честь и канонизировал его через два года после смерти. Но он не оценил дух Франциска. С тех пор Франциск не мог претворять в жизнь свои собственные идеи⁸¹⁷, однако он ни в малейшей степени не отказывался от них, не допуская в то же время ни малейшего неповиновения.

⁸¹⁵ Согласно *Speculum* (pp. 1-4, 76), Франциск составил все три устава. Сабатье говорит, что в уставе 1210 г., подтвержденном Иннокентием III, и в уставе 1221 г., подтвержденном Гонорием III, наблюдается частичный отход от взглядов Франциска. Устав 1223 г. пошел еще дальше в этом направлении, и в нем изначальные намерения Франциска были практически вывернуты наизнанку. Первая фраза устава 1223 г. гласит: «Брат Франциск обещает повиновение и уважение к господину папе Гонорию и его преемникам». Этот устав до сих пор действует в первом францисканском ордене. Мадонне, по сути, соглашается с Сабатье, как и Карл Мюллер. Отец Робинсон, сам францисканец (pp. 25-31, 182), вслед за издателями из Кваракки отрицает подлинность устава 1221 г. и говорит, что уставов было только два и между ними нет противоречий. Этот вывод делается, несмотря на завещание Франциска и на ясные утверждения в *Legenda* Леона, на которые Робинсон, впрочем, обращает мало внимания.

⁸¹⁶ См. Sabatier, *S. François*, p. 23. Петр Катанский умер 10 марта 1221 г., через год после своего возвышения.

⁸¹⁷ Почти все, что совершалось в ордене после 1221 г., делалось «без ведома Франциска или против его воли и замысла», утверждает Сабатье (*S. François*, p. 316).

Замыслы Франциска вновь излагаются в его знаменитом завещании. Этот документ — один из наиболее впечатляющих в христианской литературе. Здесь Франциск называет себя «маленьким братом», *frater parvulus*. Все, что он оставляет своим братьям, — это благословение, воспоминание о первых днях братства и совет придерживаться первого устава. Этот устав он получил не от человека-учителя. Его открыл Франциску Сам Всемогущий Бог, чтобы он жил согласно Святому Евангелию. Франциск напоминает братьям, как первые члены ордена любили находить пристанище в бедных и покинутых церквях. Он призывает их не прельщаться церквями или домами и действовать в соответствии с правилом святой бедности, которую они исповедуют. Он запрещает им принимать буллы от папского двора даже ради личной защиты. В то же время он призывает повиноваться генеральному министру ордена и заявляет о своем намерении никуда не ходить и ничего не делать против его воли, «ибо он — мой господин». Весь документ пронизан чувством душевных страданий⁸¹⁸.

Сердце Франциска было разбито. Он никогда не отличался крепким здоровьем и в последние годы жизни постоянно болел. Перемена места приносила только временное облегчение. Он применял все способы лечения, известные врачам того времени. Ко лбу Франциска прикладывали железо, раскаленное добела. Франциск сначала отшатнулся, но потом подчинился, сказав: «Брат огонь, ты прекраснее всех созданий, будь благосклонен ко мне в этот час». Он в шутку называл свое тело «братом ослом»⁸¹⁹. Вера людей в него переходила всякие границы. Они сражались за лоскутки его одежды, за волосы с его головы, даже за части его ногтей.

За два года до смерти Франциск сочинил «Гимн брату солнцу», который Ренан назвал самым совершенным выражением современного религиозного чувства⁸²⁰. Гимн был написан, когда его терзали искушения и у него начала развиваться слепота. Этот гимн — благочестивое выражение страстной любви к природе. Он стоит выше любой другой пасторали средних веков. Воистину, любовь Франциска к природе редка для его века. Она ставит его в один ряд с современными поэтами, которые видят поэзию в облаках и слышат симфонию в камне. Он любил деревья, скалы, птиц, полевые цветы. Больше всего он любил солнце, созданное для того, чтобы радовать наш взор днем, и огонь, который дает нам свет в ночное время, ибо «Бог просветил наши глаза с помощью этих двух, наших братьев».

У Франциска было что сообщить всему творению. Он проповедовал птицам. «Братья птицы, — сказал он однажды, — вы должны любить и славить своего Творца. Он дал вам облачение из перьев, крылья для полета и все, что может быть вам полезно. Вам не надо ни сеять, ни жать. Бог заботится о вас». Птицы вытягивали шеи и смотрели на него так, словно благодарили. Он хотел, чтобы император выпустил особый закон против убийства или причинения вреда «нашим сестрам птицам»⁸²¹. Более позднее предание сообщает много чудесного о его власти над природой⁸²² — например, о том, как он укротил свирепого волка в

⁸¹⁸ Латинский текст этого примечательного произведения см. в *Speculum*, 309-313. Сабатье приводит французский перевод в своем *S. Francois*, 389 sqq.

⁸¹⁹ Не Франциск придумал это выражение. В IV веке Иларион называл свое тело ослом, которого следует кормить соломой, а не ячменем (Шафф, «История церкви», т. III, §36).

⁸²⁰ *Nouvelles Etudes d'hist. rel.*, 2^e ed., Paris, 1844, pp. 333-351. Теперь, когда опубликован *Speculum*, у нас нет разумных причин сомневаться в том, что Франциск был автором гимна (pp. 234 sqq., тж. замечания Сабатье, 278-288).

⁸²¹ *Speculum*, 223-226. См. поэму Лонгфелло «Проповедь святого Франциска».

⁸²² *Little Flowers of Francis*, 93-99. Антоний Падуанский, также францисканец, согласно тому же

Губбио. Этот волк наводил ужас на окрестности. Он бросился на Франциска с разинутой пастью, но улегся к его ногам, как ягненок, при словах: «Брат волк, во имя Иисуса Христа я приказываю тебе не вредить ни мне, ни другому человеку». Франциск обещал ему прощение за прошлые преступления при том условии, что он никогда больше не будет вредить людям. Зверь согласился, склонив голову и встав на колени перед святым. И этот волк стал ручным животным в Губбио.

В последнюю неделю своей жизни святой вновь и вновь повторял псалом 141, начинающийся словами: «Голосом моим к Господу воззвал я», а также свой «Гимн брату солнцу». Он просил братьев Анджело и Леона спеть вместе с ним о сестре Смерти⁸²³. Илия Кортонский, при содействии которого римская курия изменила изначальный устав Франциска, возражал, говоря, что люди воспримут такую веселость перед лицом смерти как несовместимую со святостью. Но Франциск ответил, что думает о смерти два года и теперь уже так един с Господом, что вполне может возрадоваться в Нем⁸²⁴. И, по словам Фомы Челанского, «он встретил смерть с песней»⁸²⁵. По его просьбе его отнесли в часовню Порциункулу. По пути он попросил повернуть свою постель, чтобы оказаться еще раз лицом к Ассизи. Он уже ничего не видел, но мог молиться, поэтому обратился к небесам с молитвой о городе⁸²⁶. В церкви он преломил хлеб с братьями, своими устами исполнив служение священника. 3 октября 1226 г. Франциск, по словам брата Леона, «переселился к Господу Иисусу Христу, Которого возлюбил всем сердцем и за Которым следовал в совершенстве».

Перед тем как гроб был закрыт, святому были оказаны великие почести. Жители Ассизи взяли попечение над телом, и имя Франциска стало главной достопримечательностью этого живописного и сонного старинного городка. Франциск был канонизирован два года спустя⁸²⁷. Церемонии проходили в Ассизи 26 июля 1228 г. в присутствии Григория IX. На следующий день понтифик заложил краеугольный камень нового собора в память о Франциске. Собор был освящен Иннокентием IV в 1243 г., и тело Франциска было помещено под главным алтарем⁸²⁸. Святилище было украшено изнутри произведениями Чимабуэ и Джотто. Статуя современного скульптора Дюпре перед входом представляет великого нищенствующего монаха в одежде его ордена со скрещенными на груди руками и склоненной головой. Едва Франциск умер, как Илия Кортонский сделал ошеломляющее заявление об имевшихся у него стигматах — отметилах на теле, соответствующих пяти ранам распятого тела Христа. В случае с Франциском это были наросты, а не кровоточащие раны. Рассказывалось о них так. В период поста и самой преданной молитвы однажды утром, в праздник Святого

источнику (pp. 166 sqq.), проповедовал рыбам в Римини и призвал их прославить Бога, так как они уцелели при потопе и спасли Иону. Рыбы высунулись из воды, открыли рты и кивали головами. Жители города были привлечены этим зрелищем, и Антоний воспользовался случаем, чтобы произнести впечатляющую проповедь. В легенде о святом Брандане говорится, что, когда святой Брандан пел, рыбы ложились на воде плашмя, словно засыпая (*Aurea Legenda, Temple Classics, vol. V*).

⁸²³ *Speculum*, p. 241.

⁸²⁴ *Quoniam, gratia Spiritus sancti cooperante, ita sum unitus et conjunctus cum Domino meo quod per misericordiam suam bene possum in ipso altissimo jocundari* (*Speculum*, p. 237).

⁸²⁵ *Mortem cantando suscepit. 2 Cel.*, 3, 139.

⁸²⁶ *Speculum*, 244 sq.

⁸²⁷ *Potthast*, 8236, 8240, vol. I. 709-710.

⁸²⁸ Там, после долгих поисков, оно, говорят, и было найдено в 1818 г. Пий VII в 1822 г. объявил его подлинным телом Франциска.

Креста, в лучах восходящего солнца Франциску явился Христос в виде серафима с распростертыми крыльями, пригвожденными ко кресту. Когда видение исчезло, Франциск почувствовал боль в руках и в боку. Он получил стигматы. Это произошло в 1224 г. на Верне⁸²⁹ — горе в верховьях Арно высотой три тысячи футов (914 м) над уровнем моря.

Исторические свидетельства в пользу этих отметин таковы. На следующий день после смерти Франциска Илия Кортонский, викарий ордена, разослал письма францисканцам во всех направлениях, объявляя о том, что видел стигматы на теле Франциска. Его послание содержало следующие слова: «Никогда мир не видел такого знамения, кроме как на Сыне Божьем. Долгое время перед смертью наш брат имел на теле пять ран, которые есть воистину стигматы Христа, ибо его руки и ноги несут на себе отметины — как от гвоздей, снаружи и внутри, нечто вроде шрамов, в то время как из его бока, словно пронзенного копьем, истекло немного крови». В *Speculum Perfectionis*, возможно, первой биографии Франциска, о стигматах упоминается вскользь, но конкретно, в ходе описания жестоких искушений, которые одолевали Франциска⁸³⁰. Фома Челанский, не позднее 1230 г., описывает их более подробно и заявляет, что немногие видели их, пока Франциск был еще жив. Григорий IX в 1237 г. призвал всю церковь признать их и осудил доминиканцев, которые сомневались в реальности этого факта⁸³¹. На первом портрете Франциска (1236) уже изображены эти отметины.

С другой стороны, очень веским аргументом против подлинности стигматов является отсутствие какого бы то ни было упоминания о них у Григория IX в булле о канонизации Франциска (1228). Мы полагаем, что притязания Франциска на святость могли бы быть подтверждены этим фактом лучше, чем любым другим, а потому отсутствие упоминаний о нем необъяснимо⁸³².

Наличие стигматов, если на теле Франциска действительно были эти отметины, можно объяснить тремя способами. 1. Сверхъестественное чудо. Таково мнение католиков. В 1304 г. Бенедикт XI учредил праздник стигматов. 2. Они возникли вследствие умственного возбуждения при созерцании Христа на кресте. Так считает Сабатье⁸³³. 3. Третье объяснение — благочестивый обман самого

⁸²⁹ Сабатье приводит прелестное описание этого района, которое свидетельствует о его собственной глубокой любви к природе.

⁸³⁰ Р. 194. На первый взгляд кажется поразительным, что автор не описывает подробно столь чудесное событие. С другой стороны, такое беглое упоминание может считаться более весомым свидетельством в пользу реальности факта. См. замечания Сабатье (*Speculum*, pp. lxvi, sqq.). Следует помнить, что Сабатье датирует этот документ 1227 г., всего через семь месяцев после смерти Франциска.

⁸³¹ В трех буллах (Potthast, 10307, 10308, 10309, vol. I, 875).

⁸³² Сабатье считает, что стигматы были (*S. François*, 401 sqq.). Среди прочих свидетельств он приводит благословение Леона, явно написанное собственной рукой Франциска и имеющееся в архиве Ассизи (см. *Speculum*, p. lxvii sqq.). Илия выступает единственным очевидцем, но если стигматы действительно были, то вообще никак невозможно объяснить, почему он не дал народу посмотреть на отметины после смерти святого, а напротив, поспешил похоронить тело. Хазе убедителен, но следует помнить: он не знал о более поздних свидетельствах, обнаруженных Сабатье.

⁸³³ *S. François*, 401 sqq. Сабатье считает их не чудесными, а просто необычными, как, например, математические способности и музыкальные таланты вундеркиндов. По словам Хазе, точно таким было и объяснение Толука. См. ст. *Stigmatization*, в Herzog, XIV. 728-734, где высказывается та же точка зрения и эти шрамы сравниваются с последствиями предродовых состояний.

Франциска, который, желая почувствовать боль Христа, нанес себе эти раны собственноручно⁸³⁴. Последнее кажется невероятным. При отсутствии достаточной моральной причины для нанесения стигматов критическому уму трудно признать их. С другой стороны, исторические свидетельства таковы, что отрицать их не так уж просто. Насколько мы знаем, Франциск никогда не ссылался на стигматы, чтобы заявить о своей миссии⁸³⁵.

При изучении служения Франциска Ассизского, о котором повествуют его современники, и его духа, проявленного в его последнем завещании, складывается твердое убеждение в чистоте его помыслов и в кротости духа — то есть в подлинной святости. Он не искал почестей и места рядом с великими. Он был простодушен и пытался служить ближнему, напоминая ему о предписаниях Евангелия и являя пример следования им. Он старался вновь донести Евангелие до простого народа, и простой народ радостно внимал его словам. Возможно, он не отличался великим интеллектом, у него не было таланта церковного дипломата, но он, в любом случае, обладал проникновенным пылом сердца и личным обаянием, которое объяснялось страстной любовью к людям. Он не был мыслителем-богословом, но был человеком практических религиозных симпатий, которым соответствовали его деяния. Он говорил и поступал как человек, который полностью верит в свою божественную миссию⁸³⁶. Он говорил с церковью так, как никто после него, до прихода Лютера.

Немногие личности в истории оказали такое сильное влияние, как Франциск. Его личность сияла, проливая свет не только на его время. Его миссия распространилась на все века. Он не был чужаком в своем веке и не протестовал против обрядов и догм того времени, но оказался своим во все века благодаря своей апостольской простоте и безыскусной искренности. Мы восхищаемся им не столько из-за его поклонения, сколько из-за примера идеальной жизни, поданного им. В конце концов, благочестие Франциска было средневековым по направленности, но, насколько мы понимаем, он достойно занимает место среди тех, кто отчетливо различал значение слов Христа и был проникнут Его духом. Так, Гарнак называет его «чудесным святым из Ассизи», а Сабатье восхваляет за то, что «ему дано было явить высшее достоинство духовного священства»⁸³⁷.

ГИМН БРАТУ СОЛНЦУ

{Перевод М. Шагинян}

*Господи благий, превыше всех Сущий,
Слава Тебе, и хвала, и честь, Всемогущий,
И всяческие славословия,
Только Тебе подобает, Единому, их воздавать,
И никто из людей не дерзает имя Твое назвать.*

*Тебе хвалу мою воздаю, Господь,
За то, что Ты сотворил всякую плоть.*

⁸³⁴Так считает Хаусрат. Первый францисканский летописец Салимбене (ум. в 1287), без сомнения, выражает точку зрения эпохи, когда говорит: «Никто на земле, кроме Франциска, не имел пяти ран Христа». Доминиканцы заявляли, что стигматы были у святой Екатерины Сиенской, но Сикст IV в 1475 г. запретил изображать ее с ними.

⁸³⁵В легендарном «Житии» Бонавентуры Франциск свидетельствует о стигматах, но Бонавентура, очевидно, пытался защитить этот факт от сомневающихся.

⁸³⁶В своем завещании он снова и снова упоминает о своем божественном предназначении. *Deus mihi dedit*, «Бог дал мне».

⁸³⁷*Monasticism*, англ. перев., р. 67, и *S. François*, р. viii.

*Особо хвалю за господина брата-солнце,
Он день нам дает и нас собой освещает.
Прекрасен он, сияющий ярким блеском,
И образ он Твой несет на себе, Господь.*

*Тебе хвалу мою воздаю за луну и звезды,
В небе Ты их прекрасными, светлыми создал.*

*Тебе хвалу мою воздаю за брата-ветра,
За воздух и облако, ясное небо и ведро,
Которыми Ты питаешь Своих детей.*

*Тебе хвалу воздаю за сестру мою, воду,
Она нужна и смиренна, чиста и бесценна.*

*Тебе хвалу мою воздаю, Господь,
За брата-огня, озарившего нашу ночь.
Прекрасен и ласков он, и сильна его мощь.*

*Тебе хвалу воздаю за мать нашу, землю,
Она нас рождает и снова в себя приемлет,
Цветы и травы растит, плоды производит.*

*Тебе хвалу мою воздаю, Господь,
За тех, кто во имя Твое обиды прощает,
Болезни свои и печали претерпевает.
Блаженны и те, что в мире всегда пребудут,
Ибо Тобою, Всевышний, увенчаны будут.*

*Тебе хвалу мою воздаю за сестру, телесную смерть,
Которой никто из живых избегнуть не может.
Горе, когда умирают со смертным грехом!
Блаженны в час смерти с Твоей согласные волей, —
Вторая им смерть уж зла причинить не может.*

*Славьте Творца моего неумолчным благодареньем,
И воле Его служите с великим смиреньем.⁸³⁸*

§71. Францисканцы

Меньшие братья — *fratres minores*, или минориты, как официально называются францисканцы, — получили свое имя от демократической прослойки Ассизи, *minores*, которых Франциск в момент распри примирил с партией аристократов. Франциск настаивал перед римской курией на использовании этого имени, как предупреждения для членов ордена, чтобы они не стремились к высоким постам⁸³⁹. Францисканцы быстро распространились по Италии и за ее пределами, но еще при жизни поколения, к которому принадлежал Франциск, орден стали раздирать на части внутренние ссоры, вызванные попытками сохранить принципы, заложенные в его основу Франциском. Ни у какого другого ордена в истории не было таких длительных внутренних конфликтов из-за принципиальных вопросов. Этот долгий спор занимает почти что уникальное место в полемическом богословии средних веков.

⁸³⁸ Matthew Arnold, *Essays in Criticism*, 1st series. Недавний перевод приведен в Robinson, *Writings of St. Francis*, pp. 150 sqq., (францисканец) Stephen Donovan. Böhmer, p. 65, приводит латинский текст.

⁸³⁹ *Speculum*, p. 76. Франциск сказал: *Domine minores ideo vocati sunt fratres mei ut majores fieri non proesumant*.

Согласно уставу 1210 г. и завещанию Франциска, францисканцы должны быть свободным братством, верным евангельской бедности и апостольской практике, а не закрытой организацией, связанной точными правилами⁸⁴⁰. Иннокентий III посоветовал Франциску взять за образец уставы более древних орденов, но Франциск отказался и пошел своим путем. Он основал орден на нескольких стихах Писания. Начиная с 1216 г., когда кардинал Уголино вступил в отношения с орденом в качестве покровителя и советника, в орденом произошли ощутимые изменения и строгая дисциплина вытеснила свободную организацию Франциска.

На капитуле 1217 г. было принято решение послать миссионеров за пределы Италии. Илия Кортонский, который когда-то делал в Ассизи тюфяки и которому было суждено прославиться тем, что он отбросил в сторону изначальный замысел Франциска, возглавил отряд миссионеров, направившийся в Сирию. Другие группы отправились в Германию, Венгрию, Францию, Испанию и Англию. Как миссионеры, францисканцы проявили подлинное бесстрашие. Они дошли до Марокко на юге и до Пекина на востоке. Они сопровождали Колумба во время его второго путешествия в Новый Свет и впоследствии активно участвовали в американских миссиях от Флориды до Калифорнии и от Квебека, залива Святого Лаврентия и Великих озер до Мексиканского залива на юге.

В уставе 1221 г., лишенном единообразия и определенности, заметны два влияния, одно из которых исходило от Уголино, а другое — от Франциска. Там присутствуют признаки борьбы, которая уже началась несколькими годами ранее. Согласно уставу, был назначен генерал и управляющий орган ордена, состоящий из глав различных монастырей. Но по-прежнему твердо заявлялось о нищете и подчеркивалась обязанность трудиться, чтобы члены ордена не впали в праздность. Запрещалось продавать результаты их труда, за исключением продаж на благо бедных.

Устав 1223 г., который короче (состоит из двенадцати глав) и написан в духе предыдущего, был торжественно одобрен папой 29 ноября того же года. Этот устав еще дальше отходит от примечательного завещания Франциска. В нем категорически подчеркивается нищенствующий характер ордена, но вводится понятие повиновения папе, а кардинал объявляется защитником и стражем ордена. В нем предписывалось использовать Римский бревиарий как книгу для ежедневного поклонения. Монашеская дисциплина заняла место библейской свободы. Явно заметна жесткая рука иерархии. Свобода устава 1210 г. исчезла⁸⁴¹. Главой ордена становится Петр Катанский, а несколько месяцев спустя его сменяет преемник Илия Кортонский. И папская партия сделала все возможное, чтобы предать забвению завещание Франциска, в котором он призывал к изначальной свободе его братства и устранению нововведений.

Клариссы, или монахини-миноритки, название которых происходит от имени Клары Сцефи, канонизированной в 1255 г., назывались также сестрами святого Дамиана, от церкви Св. Дамиана. Франциск написал для них устав, в котором закреплялось требование нищеты⁸⁴², и оставил Кларе завещание, которое утрачено. Похоже, сначала сестры содержали себя собственным трудом, но по-

⁸⁴⁰ См. Sabatier, *S. François*, pp. 80 sqq. Также Madonnet (*Les Origines de l'ordo de Poenitentia*, pp. 4, 21 sq., etc.), который хорошо представляет эти особенности ранней францисканской общины.

⁸⁴¹ См. Sabatier, *Vie de S. François*, pp. 273 sqq.

⁸⁴² Этот устав был найден только недавно и опубликован в *Seraphicae legislationis textus originales*, Quaracchi, 1897. См. Robinson, pp. 76 sqq.

том, по совету Франциска, стали существовать на милостыню⁸⁴³. Устав был изменен в 1219 г., а позже орден был вынужден принять бенедиктинский устав⁸⁴⁴.

Терциарии, или братья и сестры покаяния⁸⁴⁵, были третьим орденом святого Франциска, если считать кларисс вторым. Они впервые были признаны папским престолом в булле Николая IV (1289).⁸⁴⁶ Есть сомнения в том, что Франциск предписывал им когда-нибудь определенный устав, но в том, что орден терциариев существовал при его жизни, сомнений нет. Григорий IX называет их в 1228 г. братьями Третьего ордена святого Франциска⁸⁴⁷. Устав 1298 г. предназначен для сообщества мирян, а также для монастырского сообщества, из которого исключались женатые люди. По замыслу Франциска, в орден входили все типы мирян, мужчины и женщины, женатые и холостые. Он хотел, чтобы для мирян сделались доступны высшие добродетели и заслуги, связанные с монашеской жизнью. Вполне вероятно, что Франциск почерпнул эту идею у гумилиатов, называемых ломбардскими бедняками (*pauperes Lombardici*), или, может быть, у вальденсов, называемых лионскими бедняками и также хорошо известных в Северной Италии в дни Франциска. Среди гумилиатов в XII веке были группы мирян, живших по полумонастырским правилам. В 1184 г. они были осуждены Люцием III. По-видимому, среди гумилиатов выделялись три группы — миряне-гумилиаты, которые, занимаясь обычными занятиями, соблюдали особые аскетические правила; во-вторых, те, кто жил в монастырях в качестве монахов и монахинь; и в-третьих, каноники, которые были священниками и жили сообща. Эти три степени посвященности были санкционированы Иннокентием III в 1201 г., и их подтверждали последующие папы, например Иннокентий IV⁸⁴⁸.

Возможно, Франциск изначально планировал создать организацию мирян, а идея монашеской организации появилась у него позже. Деление францисканцев на три ордена было твердо зафиксировано капитулом 1221 г.⁸⁴⁹ Древнейший устав терциариев в тринадцать главах устанавливает требуемый тип одежды, аскетизм, который они должны практиковать, и другие правила, которые им следовало соблюдать. Они должны были воздерживаться от любых клятв, кроме исключительных случаев, указанных папой; исповедоваться трижды в год; если возможно, советоваться с епископом епархии при составлении завещания; не принимать в свое число никого, кто был обвинен в ереси; не пользоваться смертоносным оружием и не носить его⁸⁵⁰. Женщины, состоявшие в браке, не прини-

⁸⁴³ См. *Speculum*, p. 181 и примечание.

⁸⁴⁴ Это было при Урбане IV (1263). См. Potthast, II. 1515. Дочерние монастыри были созданы в Бургосе, Испания (1219); Реймсе, Франция (1220); Праге (1235) и т. д.

⁸⁴⁵ *Frates et sorores de poenitentia*.

⁸⁴⁶ См. Potthast, II. 1856.

⁸⁴⁷ Potthast, I. 703. Николай IV, однако, говорит об уставе, который был дан Франциском.

⁸⁴⁸ См. статью *Humiliaten* в Herzog, VIII. 447-449, где автор, Zöckler, цитирует Н. Tiraboschi (*Memorie degli Umiliati*, 3 vols. Modena, 1766). Sabatier (*Regula antiqua*, p. 15) на основании Иакова Витрийского и других авторитетов утверждает, что гумилиаты очень ревностно и активно действовали в 1220 г. Он считает, что устав терциариев *Regula Antiqua*, вероятно, был отчасти копией устава гумилиатов, санкционированного Иннокентием III, и высказывает такую мысль: «Возможно, до сих пор мы заблуждались, приписывая францисканскому движению оригинальность».

⁸⁴⁹ См. Walter Goetz, *Die Regel des Tertiariereordens*, в Brieger, *Zeitschrift*, 1902, pp. 97 sqq.

⁸⁵⁰ VI. 3 (*arma mortalia contra quempiam non recipiant vel secum ferant*). Этот самый интересный пункт был в 1289 г. изменен Николаем IV так: «Братья не должны носить оружие нападения, кроме как для защиты Римской церкви, христианской веры или своей страны, либо если им

мались в орден без согласия мужей. Все, у кого была семья, обязаны были заботиться о ней, что считалось частью их служения Богу (VI. 6)⁸⁵¹. Орден терциариев до сих пор существует в Римской католической церкви.

После 1223 г. история францисканцев развивалась таким образом. Более строгая партия, которая старалась претворить в жизнь практику суровой аскетической бедности и взгляды Франциска, выраженные в его завещании, стала известна как францисканцы строгого толка, обсерванты, спиритуалы или зилоты. Партия, склонная к ослаблению устава Франциска и поддержанная Григорием IX, часто называлась конвентуалами, потому что у них были собственные монастыри (конвенты), нередко размещавшиеся в самых претенциозных зданиях города⁸⁵². Одерживала верх то одна партия, то другая. Папы были против обсервантов. Внутренние раздоры продолжались весь XIII век и большую часть XIV века⁸⁵³; улеглись они (фактически, были подавлены, а не разрешены) только при Льве X, поделившем францисканцев на два ордена. Тем временем обсерванты продолжали следовать замыслу святого Франциска, а некоторые из них даже отдали жизнь, став мучениками за свои принципы.

Францисканцы спорили о возможности корпоративного владения имуществом, наследуемым без ограничений. Решения пап в поддержку такого владения начались с буллы Григория IX (1230). Она позволяла ордену собирать деньги через «верных людей», назначенных по провинциям, и эти средства должны были идти на сооружение монастырских зданий, миссий и других объектов, а также приниматься на хранение. Эта привилегия была доработана Иннокентием IV (1245) и включила в себя владение книгами, орудиями труда, домами и землями. Иннокентий решил разграничить ленное владение и владение для пользования и даровал ордену право владеть для пользования. Орден получил возможность принимать дары и наследство и владеть ими независимо от дарителя. Такое «пользование» было эквивалентом постоянного владения, и его можно сравнить с современной арендой на тысячу лет. Надзор за всей собственностью ордена Иннокентий вверил непосредственно папам.

Обсерванты решительно сопротивлялись этим папским декретам, и Илия Кортонский, который настойчиво продвигал папскую политику, преследовал их. Но они были сильны, и Илия был смещен с поста главы ордена на капитуле

не разрешит это высшее начальство». От Гонория III гумилиаты получили папское освобождение от участия в войнах (см. Sabatier, *Regula antiq.*, p. 22, note).

⁸⁵¹ Формирование терциариев — спорная тема. Сабатье обнаружил недавно два их устава. Первый был найден во Флоренции, второй он сам обнаружил в монастыре Капистрано в Абрुцци. Устав, который содержится в булле Николая IV (*Supra montem*, 1289), состоит из 20 глав, флорентийский — из 19, а капистранский — из 13 (см. таблицу в Walter Goetz, p. 100). Сабатье в своем издании капистранского устава (*Regula Antiqua*, p. 12) выражает мнение, что он возник в период, очень близкий к смерти Франциска, между 1228 и 1234 г. *Les Règles*, etc. (p. 153), идет дальше и относит его к 1221 г., делая, таким образом, вторым уставом святого Франциска. В любом случае, в настоящем время устав из буллы следует считать древнейшим вариантом. Goetz (p. 105) хотя и думает, что *Regula Antiqua* намного древнее 1289 г., но склонен считать его компиляцией. В 1517 г. Лев X усовершенствовал законы, касающиеся терциариев, и поделил его членов на два класса: не принимающих обет и живущих обычной жизнью — и живущих в монастырях. Лучший общий обзор темы сделал Karl Müller (*Die Anfänge des Minoritenordens.*, pp. 115-171), а Мадонне приводит хорошо подобранный список папских высказываний о терциариях (*Les Règles*, etc., pp. 146 sq.).

⁸⁵² Спиритуалы считали центром ордена Порциункулу, а конвентуалы — собор в Ассизи.

⁸⁵³ О том, как Убертино да Казале понимал замысел Франциска, пишет Knoth (pp. 99 sq.).

1227 г. Он вернулся на пост в 1232 г., но опять был смещен в 1239 г. Он был на стороне Фридриха II и умер в 1253 г.

Одним из ведущих представителей крыла, хранившего верность замыслу Франциска, был брат Леон — возможно, автор первой биографии Франциска, *Speculum Perfectionis* («Зеркало совершенства»). Когда возник замысел построить громадную церковь в Ассизи над останками Франциска и Илия установил там мраморный сосуд для сбора средств, Леон, считавший этот проект осквернением памяти святого, разбил сосуд на части. За это его изгнали из Ассизи в разгар волнений⁸⁵⁴.

В течение какого-то времени не было ясно, которая из партий одержит победу. Обсерванты были сильны при Иоанне Пармском, возглавлявшем орден в течение десяти лет (1247 — 1257), но потом он был вынужден уступить пост и удалиться в затворничество. За Иоанном последовал Бонавентура (1257 — 1274), великий схоласт, который в основном оказал влияние, благоприятное для конвентуалов. Обсерванты приняли видения Иоахима Флорского и отнесли к себе его пророчества о новом религиозном ордене. Эти взгляды стали новым источником ссор и раздоров, продолжавшихся больше века. Бонавентура выступил против взглядов Иоахима, осудив «Введение» Герара Борго к произведениям Иоахима. В житии святого Франциска, которое Бонавентура написал по приказанию генерального капитула Нарбонна (1260) и которое было объявлено авторитетной биографией святого капитулом 1263 г., ничего не говорилось о завещании Франциска и других материалах, на которые могли бы опереться обсерванты, и подчеркивались церковные и дисциплинарные правила ордена. С этого момента храбро боровшиеся обсерванты были обречены на поражение. Они не могли победить в войне против политиков папского двора.

Сообщение о том, что Григорий X, через акты Лионского собора 1274 г., намеревается принудить орден владеть собственностью, воспламенило оппозицию, и ряд обсервантов был брошен в темницу, в том числе влиятельный автор Анджело Кларено. Николай III в булле *Exiit qui seminat*⁸⁵⁵ вновь провел четкое разграничение между ленным владением и использованием имущества. Он настаивал на том принципе, что в конечном итоге собственностью ордена владеет папа. Булла явно отменяла запрет святого Франциска, который велел ордену не принимать никаких привилегий от папы. Глава францисканского ордена Бонаграция и два его преемника согласились с буллой, но Петр Олива (ум. в 1298 г.), приобретший большое влияние благодаря своим произведениям, яростно сопротивлялся ей. Целестин V постарался уладить раздоры, предложив обсервантам вступать в основанный им же орден целестинцев-еремитов (отшельников), и Анджело Кларено, освобожденный из темницы, так и сделал. Против этого возражали Олива и проповедник-обсервант Убертино да Казале (ум. после 1330)⁸⁵⁶, которые, несмотря на упорные гонения, остались верны изначальным принципам Франциска.

Таким образом, столетие, в котором родился Франциск, прошло, а спор продолжался с прежним пылом. В XIV веке соперничество ужесточилось, когда на первый план вышла догматическая проблема, проповедовали Христос и апостолы абсолютную нищету или нет. В 1323 г. Иоанн XXII попытался положить конец несогласию, сделав авторитетное папское заявление, что они не практико-

⁸⁵⁴ Sabatier, *Speculum*, pp. li sq.

⁸⁵⁵ Potthast, II. 1746.

⁸⁵⁶ Убертино за семь дней полного уединения на Верне написал аскетический труд *Arbor vitae crucifixae*. См. Knoth, 9-14.

вали абсолютную нищету. Так были устранены основополагающие принципы более строгого францисканского устава.

Францисканцы отошли от замысла своего основателя и в другом отношении. Франциск презрительно относился к учености. В 1220 г. он упрекнул, а затем даже проклял Пьетро Стачча, доктора юриспруденции, за то, что тот учредил францисканскую школу в Болонье. Услышав, что знаменитый доктор вступил в орден, он, как сообщают, сказал: «Я боюсь, что такие доктора погубят мой виноградник. Истинные доктора те, кто в смиренной мудрости делает добрые дела для благополучия своего ближнего». Антонию Падуанскому Франциск писал — и подлинность этого послания несомненна: «Я согласен с тем, чтобы ты продолжал читать братьям лекции по богословию, но при том условии, что такие занятия не будут уничтожать в них дух кротости и молитвы»⁸⁵⁷. Последователи Франциска отошли от его учения и поплыли по течению чудесного XIII века, учреждая школы в своих монастырях и сумев еще до завершения века закрепиться в главных центрах университетской культуры. В 1225 г. орден призывал францисканцев, готовившихся к миссионерскому служению, изучать греческий, арабский, еврейский и другие языки.

Орден быстро распространился от Палестины до Ирландии⁸⁵⁸. Во Франции орден был введен Пачифико и Гишаром де Божоле, зятем французского короля. Первые успешные попытки создать монастыри в Германии были совершены в 1221 г. Цезарием Шпейерским, который был обращен Илией Кортонским во время путешествия в Сирию. Его сопровождали двенадцать священников и тринадцать мирян, в том числе Фома Челанский и Иордан (Джордано) Джианский, из рассказа которых мы и почерпнули эти факты. Группа разделилась в Тренто, встретила вновь в Аугсбурге, потом опять разделилась, благовествуя вдоль Рейна и в других районах страны. Монастыри были учреждены в Майнце, Вормсе, Шпейере и Кельне, в 1522 г. они были объединены. В следующем году к этой организации добавилось еще четыре немецких⁸⁵⁹. Цезарий Шпейерский, пылкий апостол ордена в Германии, принадлежал к крылу обсервантов, ему пришлось пострадать от гонений, и он был казнен в темнице.

Девять отправившихся в Англию францисканцев, четверо из которых были клириками и только один — рукоположенным священником, высадились в Дувре в 1224 г. и пошли в Кентерберы, а затем — в Лондон. Об их ранних трудах на английской почве сообщает нам их современник, Фома Экклстон⁸⁶⁰ (это один из наиболее живых и увлекательных рассказов об английской истории средних веков). В Кентерберы их принимали монахи Фескампа, в Лондоне — «черные братья». В Оксфорде они удостоились теплого приема. Гроссетест объявил об их приходе в проповеди следующими словами: «Сидящие во тьме узрели великий свет». Кажется, начинается новая религиозная эра. Об их поселении в приходе Сент-Эбби, Оксфорд, говорили, что «там было посеяно горчичное зерно, которое

⁸⁵⁷ Lempp, *Anthony of Padua*, p. 439.

⁸⁵⁸ Францисканцы стали хранителями святых мест в Палестине. В ответ на мой вопрос, заданный францисканцу в Назарете, действительно ли церковь Благовещения была тем местом, где Мария получила весть от ангела, я услышал: «Конечно! Мы, францисканцы, пробыли в этой земле 600 лет и тщательно исследовали все эти вопросы».

⁸⁵⁹ См. Nauck, IV, p. 378 sq.

⁸⁶⁰ Все, что мы знаем о его жизни, взято из его рассказа о францисканцах в Англии. Он умер около 1260 г. Экклстон приводит имена девяти первых миссионеров (*Mon. Franc.*, pp. 5 sqq.). Во главе их стоял Аньелл из Пизы. Трое клириков были англичанами.

вырастет больше всех деревьев». Они быстро обосновались в Кембридже, Норвиче, Нортгемптоне, Ярмуте и других центрах. Они были первыми народными проповедниками, которых видела Англия, и первыми воплощали принцип практического человеколюбия⁸⁶¹. Состояние английских селений и городов в то время было плачевным. Были распространены кожные заболевания, в том числе проказа. Губительные эпидемии одолевали население с большой скоростью. Санитарные меры предосторожности были еще неизвестны. Изобиловали зловонные водоемы и груды отходов⁸⁶².

Отчасти из-за нужды, а отчасти сознательно эти пылкие верующие выбирали себе жилье в беднейших и самых заброшенных районах городов. В Норвиче они поселились на болоте, через которое проходила городская канализация. В Ньюгейте (сейчас это район Лондона) они расположились на Стинкинг-лейн («Вонючий переулочек»). В Кембридже они заняли полуразвалившуюся тюрьму.

Неудивительно, что за таким рвением последовало признание. Народ быстро научился уважать новых апостолов. Адам Марш присоединился к ним; он и Роберт Гроссетест, самые влиятельные английские церковные деятели того времени, читали лекции во францисканской школе в Оксфорде. Жители Лондона и других городов давали им земли, король выделил им землю в Шрусбери. В 1256 г. количество братьев в Англии увеличилось до 1242, они жили в сорока девяти разных местах⁸⁶³. Францисканцы способствовали развитию образования; они основывали школы, как в Оксфорде. Большинство великих английских схоластов принадлежало к францисканскому ордену. Экклстон описывает благочестивую жизнь первых английских францисканцев, их воздержанность и простодушие⁸⁶⁴. Меньше чем через пятьдесят лет после их прихода один из них, Роберт Килвардби, сидел на архиепископском престоле Кентербери; другому францисканцу, Бонавентуре, предлагали престол Йорка, от которого он отказался.

Со временем францисканцы преуспели на обычном для всего человечества пути — к процветанию⁸⁶⁵. Они утратили свой первоначальный авторитет. Вместе с почестями и наделами земли пришло вырождение. За ними закрепилась презренная репутация сборщиков папских налогов. Матфей Парис упрекает их в высокомерии уже в 1235 г. Он говорит, что Иннокентий IV превратил их из ловцов человеков в ловцов денег. Когда Генрих VIII конфисковал монастыри, первым пал францисканский монастырь Церкви Христа в Лондоне в 1532 г.⁸⁶⁶

⁸⁶¹ Creighton, p. 107.

⁸⁶² См. описания в Jessopp, *Coming of the Friars*, pp. 21 sqq., и Brewer, *Mon. Franc.*, pp. xv, sq.

⁸⁶³ *Mon. Franc.*, p. xli.

⁸⁶⁴ Он рассказывает комическую историю о Уильяме де Мэдли, который, в Оксфорде, найдя пару туфель, надел их и пошел на заутреню. Когда он лег спать, ему приснилось, что на него напали грабители, и он вытянул в их сторону свои ноги, чтобы показать, что он монах. Но туфли были по-прежнему на нем, и тогда он, вскочив с постели, выбросил их в окно. Он же рассказывает, как другой бедный брат, Гильберт де Виз, подвергался нападкам дьявола. Это происходило в Корнхилле. В свой последний визит дьявол воскликнул: «Сэр, вы думаете, что убежали от меня?» Тогда Де Виз взял горсть вшей, бросил их в дьявола, и тот исчез (p. 13).

⁸⁶⁵ Джон Лестранж говорит, что ко времени, когда францисканцы вышли из милости, они упоминались в каждом третьем английском завещании. Цит. Howlett в своем Preface к *Mon. Franc.*, II, p. xxvii.

⁸⁶⁶ Согласно Gasquet (p. 237), насчитывалось 65 францисканских монастырей. Addis and Scannell (*Catholic Dict.*, p. 388) приводят список из шестидесяти четырех. Первая обитель францисканских монахинь, кларисс, была основана при Элдгейте, Лондон, в 1293 г. и была известна как «The Minories» (название местности сохраняется до сих пор). К моменту устранения монастырей у них в Англии было три обители.

§72. Святой Доминик и доминиканцы

ЛИТЕРАТУРА. — Древнейшее *Житие* Джордана, преемника Доминика на посту главы ордена: *De principiis ordinis praedicatorum* в QUÉTIF-ESCHARD, который приводит еще пять древних биографий (Варфоломея Тридентского, 1244 — 1251, Гумберта Романского, 1250, и т. д.), и ed. J. J. BERTHIER, Freib. i. Schw., 1892. — H. D. LACORDAIRE, ум. в 1861: *Vie de S. Dominique*, Paris, 1840, 8th ed. 1882. Также *Hist. Studies of the Order of S. Dom. 1170 — 1221*, англ. перев., N. Y., 1869. — E. CARO: *S. Dom. et les Dominicains*, Paris, 1853. — A. T. DRANE: *Hist. of St. Dom., Founder of the Friar Preachers*, London, 1891. — BALME ET LELAIDIER: *Cartulaire ou hist. diplomatique de S. Dom.*, Paris, 1892. — J. GUIRAUD: *S. Dom.*, Paris, 2^d ed., 1899. — Заглавия примерно тридцати жизнеописаний см. в Potthast, II. 1272. — QUÉTIF-ESCHARD: *Script. ord. Praedicatorum*, 2 vols. Paris, 1719 — 1721. — RIPOLL and BERMOND: *Bullarium ord. Praed.*, 8 vols. Rome, 1737 sqq. — МАМАШИ: *Annal. ord. Praed.*, Rome, 1756. — *Monumenta ord. fratrum Praed. hist.*, ed. B. M. REICHERT, Louvaine and Rome, 10 vols., 1897 — 1901. Vol. III содержит акты генеральных капитулов ордена (1220 — 1308). — A. DANZAS: *Etudes sur les temps primitifs de l'ordre de S. Dom.*, Paris, 1873 — 1885. — *DENIFLE: *Die Constitutionen des Predigerordens vom Jahre 1228 und Die Constitutionen des Raymunds von Peñaforte 1238 — 1241* в *Archiv für Lit. und Kirchengesch.*, 1885, pp. 165-227 и 1889, 530-565. — HELYOT: *Bel. Orders.* — LEA: *Hist. of Inquisition*, I. 242-304, etc. Wetzzer-Welte, ст. *Dominicus*, III. 1931-1945. — W. LESCHER: *St. Dominic and the Rosary*, London, 1902. — H. HOLZAPFEL: *S. Dom. und der Rosenkranz*, Munich, 1903.

Личность испанца Доминика, основавшего орден проповедников, обычно называемый доминиканским⁸⁶⁷, не столь неповторима, как у святого из Ассизи, и его служение мало походило на романтическое служение его современника. Доминик был решителен, ревностно проповедовал ортодоксальную веру, был верен церкви и иерархии. Он оказывал влияние через созданную им организацию, а не личным образом и не через взаимодействие с людьми своей эпохи. Поэтому его биографий так мало в сравнении с большим количеством биографий Франциска.

Доминго, или Доминик, родился в 1170 г. в Калароге, Испания, и умер 6 августа 1121 г. в Болонье⁸⁶⁸. Его мать, Хуана из Азы, почитается как святая у доминиканцев. В семь лет ее сын начал обучаться у своего дяди, священника. Потом он провел десять лет в Паленсии, изучая философию и богословие. Говорят, что как студент он преуспевал. Около 1195 г. он стал каноником Осмы, дающей свое имя епископальной епархии, в пределах которой он родился. В 1203 г. он сопровождал своего епископа, Диего д'Асеведа, во Францию⁸⁶⁹, с миссией найти невесту сыну Альфонсо VIII Кастильского. В ходе этого и последующих путешествий за Пиренеи он вступил в контакт с альбигойцами и легатами, посланными Иннокентием III, чтобы принять меры и подавить ересь в Южной Франции. Доминик посвятил себя подавлению ереси и начал проповедовать. В Пруйле, в епархии Тулузы, он создал приют для девочек, в противовес школам, учрежденным альбигойцами для воспитания дочерей обедневшей знати. Он был в близких отношениях с Симоном де Монфором, но, насколько известно, не принимал активного участия в крестовом походе против альбигойцев, кроме как в качестве духовного советника⁸⁷⁰. Его попытка учредить миссию для обращения

⁸⁶⁷ *Ordo praedicatorum, fratres praedicatores* или просто *praedicatores*, как написано в папских буллах и конституциях ордена.

⁸⁶⁸ Его происхождение из благородного семейства Гусман оспаривалось болландистами.

⁸⁶⁹ Джордан говорит, что они отправились *ad Marchias*, что, вероятно, обозначает владения Гуго Лузиньянского, графа де ла Марш, а не Данию, как часто считают.

⁸⁷⁰ В булле о канонизации Доминика сказано: *haereticos caritative ad poenitentiam et conversionem fidei hortabatur* — он страстно призывал еретиков вернуться к вере.

еретиков нашла поддержку Фульхерия, епископа Тулузского, который в 1215 г. даровал ему одну шестую от десятины своей епархии. Одним из первых к Доминику присоединился Петр Селлани, житель Тулузы, предоставивший ему дом.

Особой эпохой в биографии Доминика был его визит в Рим во время заседаний Четвертого Латеранского собора, когда его поддержал Иннокентий III. Иннокентий не согласился на создание нового ордена и велел ему принять одну из существующих монашеских конституций⁸⁷¹. Доминик выбрал устав регулярных каноников святого Августина⁸⁷², принял черные одежды августинцев и построил в Тулузе монастырь Святого Романа. Он вновь был в Риме в сентябре 1216 г. и на Пасху 1217 г. В 1216 г. Гонорий III одобрил организацию и подтвердил ее право на владение имуществом и домами. Недостоверное предание гласит, что Гонорий также доверил Доминику важную должность распорядителя дворца, *magister palatii*. Однако следов этой должности невозможно найти до Григория IX⁸⁷³.

Легендарные рассказы о жизни святого сообщают, что в это время он предавался постоянным бичеваниям и другим урокам строгого аскетизма. Ему приписывались чудеса, даже воскрешение мертвых.

В 1217 г. Доминик отправил своих монахов на основание колоний. Орден быстро укоренился в крупных городах — Париже, Болонье и Риме. Знаменитый преподаватель канонического права в Париже Реджинальд принял доминиканский обет. Сам Доминик в 1218 г. основал два монастыря в Испании — один для женщин в Мадриде, другой для мужчин в Севилье. От первого доминиканского монастыря в Париже, монастыря Св. Иакова, произошло французское название доминиканцев — *Jacobins*, а также название партии якобинцев, которая во времена Французской революции проводила там собрания. В 1224 г. в монастыре Св. Иакова (Сен-Жак) было сто двадцать монахов. Орден испытал заметное французское влияние и включал в число своих молитв молитву о французском короле. Из Франции доминиканцы отправились в Германию. Джордан и другие монахи Сен-Жака были немцами. Несмотря на запреты епископов и оппозицию других орденов, они быстро утвердились в Кельне, Вормсе, Страсбурге, Базеле и других немецких городах⁸⁷⁴. В 1221 г. орден проник в Англию и сразу же закрепился в Оксфорде⁸⁷⁵. Лондонский Блэкфрайерс-бридж, «мост Черных братьев», получил свое название в память о служении их братства в этом городе.

Первый генеральный капитул был проведен в 1220 г. в Болонье. Доминик с большим рвением проповедовал в Северной Италии. Он умер, лежа на пепле, в Болонье 6 августа 1221 г. и был похоронен в монастыре Св. Николая, известном росписями Николая Пизанского и Микеланджело. В отличие от быстрого папского признания Франциска и Антония Падуанского, канонизация испанского

⁸⁷¹ Potthast, I. 436.

⁸⁷² Denifle (*Archiv*, 1885, p. 169) говорит, что Доминик взял за основу устав премонстрантов, и настаивает, что его последователи были уставными канониками. Денифле был доминиканцем, и в своей талантливой статье он слишком превозносит оригинальность Доминика.

⁸⁷³ Эта важная должность, по словам Эхарда, сначала давала ее обладателю право толковать смысл Писания при дворе понтифика. Распорядитель обязан был сравнивать все вопросы с католическим учением, прежде чем они были представлены папе, выбирать проповедников для особых случаев, выдавать докторские дипломы и т. д. Авторы *Wetzer-Welte* стараются не обидеть доминиканцев, делая двусмысленное заявление, что Доминик *gewissermassen der erste Mag. palatii wurde* (III. 1934).

⁸⁷⁴ Hauck, IV. 391-394.

⁸⁷⁵ В момент упразднения монастырей при Генрихе VIII у доминиканцев было в Англии 58 обителей (*Gasquet*, p. 237) — или 57, согласно *Addis and Scannell (Dict., p. 301)*.

святого произошла поздно, через тринадцать лет после его смерти, 13 июля 1234 г.⁸⁷⁶

К моменту смерти Доминика у братьев-проповедников было шестьдесят монастырей, разбросанных по провинциям — Провансу, Северной Франции, Испании, Ломбардии, Италии, Англии, Германии и Венгрии, каждая из которых ежегодно проводила свой собственный капитул. К этим восьми провинциям до 1228 г. прибавились еще четыре: Польша, Дания, Греция и Иерусалим⁸⁷⁷. А все вместе они собирали генеральный капитул. Каждую провинцию возглавлял «провинциал», или провинциальный приор, каждый монастырь — приор или суб-приор. Титула и сана аббата не существовало. Во главе всей организации стоял главный магистр, или генерал⁸⁷⁸. Святой престол дарил ордену одну милость за другой, в том числе привилегированное право проповедовать везде и всегда⁸⁷⁹. Конституции 1228 г. — древнейшие из тех, которыми мы располагаем, но не самые древние. Они были пересмотрены при Раймунде Пеньяфорте, третьем генерале⁸⁸⁰.

Нищенство стало правилом ордена на первом генеральном капитуле 1220 г.⁸⁸¹ По примеру святого Франциска и орден, и отдельные монахи отказались от всяких прав владения собственностью. Но нищенство никогда не превозносилось у них так, как среди францисканцев. Для доминиканцев оно не было вопросом совести, и в ордене никогда не возникало расколов по поводу владения собственностью. Обет не владеть корпоративной собственностью был полностью устранен Сикстом IV (1477). Перед смертью Доминик призвал своих последователей «иметь любовь, смиренно нести служение и жить в добровольной бедности»⁸⁸², но они никогда не принимали это предписание слишком близко к сердцу.

В отличие от служителя из Ассизи, Доминик не сочетал ручной труд с другими занятиями своих монахов. Ручной труд он заменил учебой и проповедью. Доминиканцы были первыми монахами, выработавшими определенные правила обучения. Когда Доминик основал монастырь Сен-Жак в Париже и послал туда семнадцать человек из своего ордена, он велел им «учиться и проповедовать». В Тулузе были построены кельи для обучения⁸⁸³. Для того чтобы получить право проповедовать, нужно было пройти четырехлетний курс обучения философии и богословию⁸⁸⁴, после чего следовали еще три года богословских изысканий.

⁸⁷⁶ Potthast, I. 810.

⁸⁷⁷ См. Конституцию 1228 г. (Denifle, pp. 212, 215).

⁸⁷⁸ *Magister generalis*. В 1862 г. Пий IX ограничил его правление двенадцатью годами. Начиная с 1272 г. он жил в Санта Мария сопра Минерва в Риме.

⁸⁷⁹ 16 мая 1227 г. См. Potthast, I. 684. Денифле много говорит об этом (pp. 176-180).

⁸⁸⁰ Денифле подготовил лучшее издание в *Archiv*, 1885, pp. 193-227.

⁸⁸¹ Denifle (pp. 181 sqq.) говорит, что идея нищеты возникла у Доминика до того, как Гонорий санкционировал орден, и что в его случае она была такой же оригинальной, как и у Франциска. Но этому взгляду, похоже, противоречит булла Гонория (1216), подтверждающая, что Доминик и его последователи владели имуществом. Джордан (с. 27) заявляет, что принцип нищеты был принят, чтобы проповедники были воистину свободны от заботы о земных благах, *ne predicationis impediretur officium sollicitudine terrenorum*. Франциск принял этот принцип как средство личного освящения, а Доминик — чтобы он и его последователи могли беспрепятственно трудиться для спасения душ.

⁸⁸² *Caritatem habete, humilitatem servite, pauperitatem voluntariam possidete*.

⁸⁸³ Denifle, pp. 185 sqq.

⁸⁸⁴ *Nullus fiat publicus doctor, nisi per 4 annos ad minus theologiam audierit*. Const., 1228, II. 30.

Проповедь и спасение душ были определены как основная задача ордена⁸⁸⁵. Гумберт де Романис, пятый генерал, заявил, что задача ордена — не обучение, но обучение необходимо для проповеди и спасения душ. Обучение, сказал другой магистр, нужно для проповеди, а проповедь — для спасения людей, и такова конечная цель⁸⁸⁶. Никому не разрешалось проповедовать вне монастыря до достижения двадцатипятилетнего возраста⁸⁸⁷. За проповеди монахи не должны были брать денег или других даров, только пищу. Как Винченцо Феррер и Савонарола были самыми знаменитыми доминиканскими проповедниками средних веков, так Лакордер был их самым знаменитым оратором в XIX веке. Миссионерство доминиканцев в основном касалось высших слоев общества. Во всей совокупности орденов они заняли патрицианский уровень.

Доминиканский орден играет выдающуюся роль в анналах инквизиции. Доминиканцы были самыми выдающимися и ревностными «инквизиторами еретической скверны». Это имел в виду Данте, характеризуя Доминика: «благой к своим, с врагами непреклонный» (*benigno ai suoi ed ai nimici crudo*)⁸⁸⁸.

В 1232 г. инквизиция была в значительной степени вверена заботам доминиканцев. Северная Франция, Испания и Германия были в их власти⁸⁸⁹. Суровый Торквемада был доминиканцем, и жестокие меры, которые позже применялись для обнаружения и наказания церковных диссентеров, оставили на ордене несмываемое пятно. Изучающие историю люди не могут не считать эти старания сохранить ортодоксальную веру бессердечными, хотя сами участники событий, возможно, о подобном и не задумывались. На эмблеме, которую дал ордену Гонорий, был пес с зажженным факелом в пасти. Пес символизировал бдительность, а факел — просвещение мира. В монастыре Санта-Мария-Новелла во Флоренции есть роспись, демонстрирующая роль ордена как охотника на еретиков. Там нарисованы псы доминиканских цветов, черного и белого, которые гонят лис, символизирующих еретиков, в то время как папа и император, сидящие на престолах и окруженные советниками, с удовлетворением взирают на эту сцену⁸⁹⁰. Именно в связи с намерением искоренить ересь Доминик основал в 1220 г. «воинство Христа», куда входили мужчины и женщины, неженатые и состоящие в браке. Позже этот орден стал называться «братьями и сестрами покаяния» или терциариями святого Доминика. Как и в случае францисканских терциариев, некоторые из них вели конвентуальную жизнь и жили в монастырях.

Важную роль в истории доминиканцев играют также четки. Недостовверное предание гласит, что первым их стал использовать Доминик. Рассказывают, что во время крестовых походов против альбигойцев Доминику явилась Мария и велела использовать розарий (четки) как средство обращения еретиков. Молитва по четкам состояла из пятнадцати *Pater Noster* и ста пятидесяти *Ave Maria*, отсчитываемых по бусинам. Доминиканцы быстро привыкли к розарию, но их

⁸⁸⁵ *Ordo noster specialiter ob praedicationem et animarum salutem ab initio institutus*. Вступление к Конституции 1228 г.

⁸⁸⁶ Цит. в Denifle, p. 190.

⁸⁸⁷ Const. II. 31-33.

⁸⁸⁸ *Paradiso*, XII.

⁸⁸⁹ См. Potthast, II. 9386, 9388 (Григорий IX, 1284), etc. Францисканцы были инквизиторами в Италии и Южной Франции. См. главу об инквизиции.

⁸⁹⁰ {Здесь следовало бы добавить, что уподобление псам основано на игре слов. Название ордена, доминиканцы, звучит аналогично латинскому *Domini canes*, т. е. «собаки Господа» (как, собственно, и называется эта фреска с собаками, отгоняющими хищников от стада.)}

соперниками выступили кармелиты, также претендующие на честь первого использования четок. Печально известный доминиканский инквизитор и охотник на ведьм Якоб Шпренгер основал первое братство розария. Пий V объяснял их использованием победу при Лепанто (1571). В наше время ревностными поклонниками четок выступили Пий IX и Лев XIII. Лев в энциклике от 1 сентября 1883 г. славил введение четок «великим Домиником как бальзам, излитый на раны его современников». В этой энциклике сказано, что к Марии, «вознесенной на высочайшие вершины власти и славы на небесах... полагается обращаться с мольбами о том, чтобы послушный Сын, внимающий ее ходатайству, умилосердился и снизошел до облегчения одолевающих нас зол»⁸⁹¹.

Лев XIII воздал высшие почести доминиканцам, объявив Фому Аквинского авторитетным учителем католического богословия и морали и покровителем католических школ.

---

⁸⁹¹ Лев рекомендовал чтение молитв розария во многих энцикликах, 30 августа 1884 г., в 1891 г. и т. д., считая, что его использование ведет к полному прощению грехов. Он также велел, чтобы титул *regina sanctissimi rosarii*, «царица пресвятого розария», был включен в литургию Лорето. Об истории розария см. Lea, *Hist. of Auric. Conf.*, III, 484 sqq., и особенно диссертацию францисканца Heribert Holzapfel *St. Dominikus und der Rosenkranz*. Автор четко утверждает, что розарий не был придуман и не распространялся Домиником. О нем не упоминается ни в первоначальной Конституции 1228 г., которая содержит подробные предписания насчет молитвы и поклонения Деве, ни в каком-либо из восемнадцати биографических трудов XIII века. Холцапфель говорит (р. 12), что на протяжении всего XIII и XIV веков ничего не было слышно о связи святого Доминика с розарием. Сикст IV был первым папой, рекомендовавшим розарий (1478), но и Сикст не связывает его с именем Доминика. Такая связь стала отмечаться со Льва X. А что стало с автором смелого заявления, опровергающего совершенно однозначные слова Льва XIII из энциклики, выпущенной за десять лет до того, в сентябре 1883 года, мне неизвестно. Холцапфель открыто пишет, что его позиция противоположна папским воззрениям на розарий: «Каким бы ни было уважение католика к авторитету преемника Петра в религиозных вопросах, он в ничуть не меньшей степени должен препятствовать распространению этого авторитета на все случаи разногласий» (р. 37). Похоже, памфлет отца Холцапфеля свидетельствует о том, что еще тлеют угли тех жарких страстей, которыми сопровождалась споры между последователями Фомы и Скота.

ГЛАВА IX

МИССИИ

§73. Литература и общий обзор

- ЛИТЕРАТУРА. I. Миссионерство в СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ. — Н. НАНН: *Gesch. d. kathol. Mission*, 5 vols., Col., 1857 — 1865. — G. F. MACLEAR: *Hist. of Christ. Missions during the M. A.*, London, 1863. — С. А. Н. KALKAR: *Gesch. d. röm.-kathol. Mission*, нем. перев., Erlang., 1867. — TH. SMITH: *Med. Missions*, Edinburg, 1880. — P. TSCHACKERT: *Einführung d. Christenthums in Preussen*, в Herzog, IX. 25 sqq. — *Lives of Otto of Bamberg* ЭВОНА и ГЕРБОРДА (современников) в Jaffé; *Bibl. Rerum Germanic.*, Berlin, 1869, vol. V, перевод в *Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit*, Leipzig, 1869. — *Послания Оттона* в Migne, vol. 173. — Современные жизнеописания: F. X. SULZBECK, Regensb., 1865, и J. A. ZIMMERMANN, Freib. im Br., 1875. — Большой список литературы см. в Роттхаст: *Bibl. Hist.*, II. 1504 sq. — О Вицелине см. *Chronica Slavorum Helmodi* (друг Вицелина), ed. PERTZ, Hann., 1868. Перевод — WATTENBACH в *Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit*, Leipzig, 1888. — WINTER: *Die Praemonstratenser d. 12ten Jahrhunderts und ihre Bedeutung für das nordöstl. Deutschland. Ein Beitrag zur Gesch. der Christianisirung und Germanisirung des Wendenlandes*, Leipzig, 1865. Также *Die Cisterzienser des nordöstl. Deutschlands*, 3 vols., Gotha, 1868. — E. O. SCHULZE: *D. Kolonisierung und Germanisirung der Gebiete zw. Saale und Elbe*, Leipzig, 1896. — EDMUND KRAUSCH: *Kirchengesch. der Wendenlande*, Paderb., 1902. — НАУСК. III. 69-150, 623-655. — RANKE: *Weltgesch.*, VIII. 455-480. — Ст. ALBERT OF RIGA, OTTO VON BAMBERG, VICELINUS и WENDEN в Wetzler-Welte и Herzog. См. тж. литературу в разделе о тевтонских рыцарях.
- II. Миссионерство МУСУЛЬМАНАМ. Труды о Франциске Ассизском см. в §69. — О РАЙМУНДЕ ЛУЛЛИИ: *Beati Raymundi Lulli doctoris illuminati et martyris opera*, ed. JOHN SALZINGER, Mainz, 1721 — 1742, 10 vols. (VII, X отсутств.). Его *Ars magna (opera quae ad artem universalem pertinent)*, Strassburg, 1598. Последнее издание — 1651. Недавнее издание его стихотворений, *Obras rimadas*, Palma, 1859. Об издании трудов Раймунда в Пальме, которое не было закончено, см. Wetzler-Welte, *Raim. Lullus*, X. 747-749. — Жизнеописание FERROQUET, Vendome, 1667; Löw, Halle, 1830. — *A. HELFFERICH: *R. Lull und die Anfänge der Catalonischen Literatur*, Berlin, 1858; W. BRAMBACH, Karlsr., 1893; ANDRÉ, Paris, 1900. — *S. M. ZWEMER: *Raymund Lull, First Missionary to the Moslems*, New York, 1902. — LEA: *Hist. of the Inquis.*, III. 563-590. — REUSCH: *Der Index*, etc., I. 26-33. — ZÖCKLER, в Herzog, XI. 706-716.
- III. Миссионерство МОНГОЛАМ. D'OHSON: *Hist. des Mongols*, Paris, 1824. — H. H. HOWORTH: *Hist. of the Mongols*, 3 vols., London, 1876 — 1880. — АББАТ НУС: *Le Christianisme en Chine, en Tartare et en Thibet*, Paris, 1857. — KÜLB: *Gesch. der Missionsreisen nach der Mongolei während des 13ten und 14ten Jahrhunderts*, 3 vols., Regensb., 1860. — Полковник HENRY YULE: *Travels and Life of Marco Polo*, London, 1871; пересм. изд. H. CORDIER, New York, 1903. — R. K. DOUGLAS (профессор китайского языка в Королевском колледже, Лондон): *Life of Jenghiz Khan*. — GIBBON, chaps. XLVII, LXIV; RANKE, VIII. 417-455; ст. RUBRUQUIS, *Mongolen*, etc., в Herzog, Wetzler-Welte.

МИССИОНЕРСКОЕ служение данного периода не отличалось тем рвением, которое было характерно для миссионерского века Августина, Колумбы и Бонифация, да и достижения были меньше. Объясняется это амбициями средневековой церкви и опасностями, угрожавшими Европе извне. Крестоносцы предложили замену обращению нехристианских народов, завоевывая священные места. Вни-

мание церкви также отвлекали старания папства обрести высший контроль над всеми мирскими делами западного христианского мира. Эти два движения почти полностью вычерпали религиозную энергию. С другой стороны, монголы, или татары, ворвавшиеся в Европу из Центральной Азии со свирепостью вечерних волков, внушали Европе ужас, и одним из главных устремлений XIII века было желание пресечь их продвижение в центральную часть континента. Еретические секты Южной Франции угрожали единству церкви и также требовали к себе внимания, которое в противном случае, вероятно, было бы уделено обращению язычников.

Вступили в действие две новые силы — купцы и колонисты, которые в тот век выступали аналогами кораблей и поездов для нынешней торговли и выполняли работу нынешних географов-исследователей, изучающих Африку и другие страны. На берегах Балтики и в Азии торговцы и ученые иногда опережали миссионеров или двигались теми же путями. В попытках подчинить варварские племена современного северо-востока Германии правилам христианского мира меч и колонизация сыграли не менее важную роль, чем духовное служение.

Миссионерская история данного века делится на три части: миссии у языческих народов северо-восточной Германии и вдоль Балтийского моря до Риги; миссии у мусульман в Северной Африке; миссии у монголов в Центральной и Восточной Азии. Основными миссионерами, имена которых до нас дошли, были Оттон Бамбергский и Вицелин, трудившиеся в северо-восточной Европе, Рубрук и Иоанн из Монте Корвино, путешествовавшие по Азии, Франциск Ассизский и Раймунд Луллий, проповедовавшие в Африке.

В этом разделе будет также рассматриваться отношение церкви к евреям.

§74. Миссионерство на северо-востоке Германии

В начале изучаемого периода венды⁸⁹², славянского происхождения, были основным населением провинций вдоль балтийского побережья от Любека до Риги, с вкраплениями на территориях, которые сейчас занимают Померания, Бранденбург и частично Саксония, бывшая не германской и не славянской, а литовской⁸⁹³. Карл Великий не пытался завоевывать земли дальше Эльбы. Епископы Вюрцбурга, Майнца, Гальберштадта, Вердена и Бремена-Гамбурга, епархий которых граничили с территориями этих племен, ничего или почти ничего не делали для их обращения. При Оттоне I для выполнения этой работы были учреждены епархии Гавельберга, Мейссена, Мерсебурга и другие. На синоде в Равенне (967) Оттон преждевременно похвалился, что венды уже обращены.

Единственный персонаж, возвышающийся над однообразным фоном вендской истории, — Готшалк, обращенный в Англии и объединивший ряд племен в обширную империю. Он был заинтересован в обращении своего народа. Церкви и монастыри были построены в Мекленбурге, Любеке, Ольденбурге и других центрах. Но после убийства Готшалка (1066) королевство распалось, и с этого момента вендские племена стали объектом захвата со стороны герцогов Польши и Саксонии. Попытки обратить вендов в христианство встречали яростное сопро-

⁸⁹² См. §60. Тацит называет вендов *Venedi*, что происходит от славянского *вода* или от литовского *wandu* с тем же значением, указывающего на низменные и часто болотистые земли, ими занимаемые.

⁸⁹³ Два перевода катехизиса Лютера на литовский язык (1545, 1561), по-видимому, были обусловлены древним расселением этого народа (Tschackert в Herzog, XVI. 26).

тивление. Венды и германцы ненавидели друг друга⁸⁹⁴. Эти варварские племена практиковали многоженство, детоубийство⁸⁹⁵, сжигали тела своих мертвых, поклонялись священным источникам, деревьям и идолам.

Потребовалось двести лет, чтобы распространить влияние церкви на территории, населенные вендами и сейчас по большей части занимаемые немцами. Для этого использовались наставления миссионеров, меч тевтонских рыцарей и колонизация земель немецкими колонистами. Соблюдение таинств и обрядов церкви ставилось в центр ожидавшегося объединения. Кроме того, всеми силами устранялись варварские обычаи. Епископаты и монастыри становились духовными крепостями только что обращенных районов.

Первым действительно ревностным миссионером среди вендов был испанский цистерцианец Бернард. Он не знал языка, его босые ноги и грубое монашеское одеяние не могли хорошо зарекомендовать его среди народа, жрецы которого были красиво одеты.

За Бернардом последовал Оттон, епископ Бамбергский (1102 — 1139), который совершил свое первое путешествие по просьбе Бернарда. Он заслужил титул апостола Померании. В 1124 г. он обратил внимание на эту страну — с благословения Гонория II и воспользовавшись большим количеством клириков-помощников. Он завоевал расположение померанского герцога Вратислава, который в юности, будучи военнопленным, принял крещение. Крещение семи тысяч человек в Пирице представляет особый интерес, так как позволяет нам узнать, какое погружение практиковали в то время. В землю были вкопаны чаны так, чтобы их края возвышались над уровнем земли до высоты колена. И, как сообщает летописец, в них было легко заходить⁸⁹⁶. Над чанами были натянуты шатры. Оттон научил народ семи таинствам⁸⁹⁷ и настоял на том, чтобы люди отказались от многоженства и детоубийства.

В Штеттине он разрушил храм бога Триглара и отправил тройную голову идола в Рим в знак победы креста.

В 1128 г. Оттон совершил вторую поездку в Померанию. Он говорил с людьми через переводчика. По его указанию разрушали языческие храмы и воздвигали церкви. Он интересовался не только духовным, но и материальным благополучием народа и распространил в стране виноградарство⁸⁹⁸. Его дело продолжили Норберт из Магдебурга и премонстранты.

Вицелин (ум. в 1154) — следующее важное имя в истории миссий среди вендов. Он проповедовал на территории, сейчас занимаемой Гольштейном и прилегающими областями. Он три года обучался в Париже и был послан проповедовать Адальбертом, архиепископом Бремена-Гамбурга. Свирепые войны Альберта Медведя из Северной Саксонии (1133 — 1170) и Генриха Льва (1142 — 1163) против вагров и оботритов явно не способствовали подготовке пути для хри-

⁸⁹⁴ Хаук приводит примеры жестокого обращения двух народов друг с другом во время войны (III. 90 sqq.).

⁸⁹⁵ Они душили девочек, если у одной матери их рождалось слишком много — *Si plures filias aliqua genuisset, ut cetera facilius providerent, aliquas ex eis jugulabant, pro nihilo ducentes parricidium* (Herbord, II. 16).

⁸⁹⁶ *Facilis erat in aquam descendere* (Herbord, II. 16). Подробное описание сцены крещения не оставляет ни тени сомнения в том, что практиковалось погружение в воду.

⁸⁹⁷ Это самое древнее упоминание о семи таинствах, если в рассказе Герборда нет более поздних вставок.

⁸⁹⁸ Herbord, II. 41.

стианства. Вицелин основал важный монастырь в Зигберге, ставший центром воспитания миссионеров. Любек принял христианство, и в 1148 г. Вицелин был рукоположен епископом Ольденбурга.

Немецкие миссионеры дошли до Риги. Меч играл важную роль в усмирении местных племен. Крестовые походы, с санкции папы, следовали один за другим. Ливонцы впервые узнали о христианстве от Мейнгарда (ум. в 1196)⁸⁹⁹, который воспитывался в Зигберге. До него туда уже ходили бременские торговые суда; на одном из них он и отправился миссионерствовать. Он был рукоположен епископом новой епархии Икскуль, замененной в 1202 г. на Рижский диоцез.

Преемник Мейнгарда цистерцианец Бартольд сначала старался завоевать местное население наставлениями и добрыми делами, но его насильственно прогнали. Он вернулся в 1198 г. во главе крестового похода, приказ о котором отдал Целестин. После его смерти на поле битвы преемник, епископ Альберт из Апфельдерна (Альберт I фон Апфельдерн), вошел в страну в 1199 г. во главе новой армии. Земли были заняты колонистами. С санкции Иннокентия III Альберт основал орден «братьев Христова рыцарства», или меченосцев. Их кампании проложили путь для церкви в Эстонию и Семигалию. В 1224 г. была создана епархия Дорпат, давшая свое имя Дерптскому университету.

Восточную Пруссию, простирающуюся вдоль Вислы, посетил в 1207 г. немецкий аббат Готфрид. Два местных князя были обращены Христианом, монахом из Померании. Они даровали свои земли церкви и совершили путешествие в Рим, где приняли крещение. Христиан стал епископом Пруссии между 1212 и 1215 г. Тевтонских рыцарей пригласили помочь в обращении племен, и их гохмейстер Герман фон Сальца принял приглашение в 1228 г. В 1217 г. Гонорий III открыл крестовый поход, в 1230 г. Григорий IX заново отдал это распоряжение. Тевтонские рыцари были готовы распространять веру с помощью меча, если им обещали выделить часть покоренных земель. С 1230 по 1283 г. они постоянно вели войны. Они прочно закрепились на территории, построив укрепленные города, такие как Кульм и Торн (1231) и Кенигсберг (1255). За ними устремился поток немецких колонистов. В 1243 г. Иннокентий IV поделил Пруссию на четыре епархии: Кульм, Померанию, Самландию и Эрмландию. Епископам была выделена треть завоеванной территории. В 1308 г. немецкие рыцари захватили Данциг в устье Вислы, а год спустя разместили свой центр в Мариенбурге⁹⁰⁰. После битвы при Танненберге (1410) и Торнского мира (1466) они утратили Пруссию к востоку от Вислы, после чего их владения ограничивались Восточной Пруссией. История ордена завершилась, когда его великий магистр Альбрехт Бранденбургский принял Реформацию и сделал герцогство своим фамильным уделом.

§75. Миссионерство мусульманам

Два важных имени связаны с миссиями среди мусульман — Франциска Ассизского и Раймунда Луллия, и все, что мы можем сказать на эту тему, ограничивается их служением, не имевшим длительных результатов. Крестовые походы расширили пропасть между христианами и мусульманами и привели к тому, что последователи лжепророка совершенно перестали прислушиваться к призывам христианских эмиссаров.

⁸⁹⁹ Григорий IX еще в 1237 г. называет этот народ язычниками, *pagani Livoniae* (Potthast, 10383).

⁹⁰⁰ По мнению Ranke (VIII. 469), сплетение тевтонских укреплений было единственным, что защитило Центральную Европу от вторжения монголов.

Францисканские братья в 1213 г. отправились в Марокко и принимали мученический венец, но не произвели впечатления на мусульман⁹⁰¹. Святой Франциск совершил путешествие в Сирию и Египет в 1219 г. в сопровождении одиннадцати товарищей. Рассказы об этом неполны и неточны⁹⁰². Франциск высадился в Акре, отправился в лагерь крестоносцев у стен Дамьетты и, как утверждает-ся, проповедовал там перед султаном и мусульманскими войсками. По рассказам, султан был так тронут проповедью Франциска, что допустил францисканцев к гробу Господню без уплаты подати.

Раймунд Луллий (1235? — 1315) посвятил жизнь обращению мусульман и подтвердил свое рвение мученической смертью. Он был одной из самых примечательных личностей средних веков в юго-западной Европе. Он совершил три миссионерские поездки в Африку, ему принадлежит замысел создания в университетах кафедр для обучения восточным языкам и подготовки миссионеров. Он также написал много трактатов с целью убеждения неверующих в истинности христианства.

Луллий родился в Пальме на острове Майорка. Его отец прославился в борьбе за освобождение Балеарских островов от сарацин. Луллий женился, у него были дети, но он вел веселую и безнравственную жизнь при дворе и тратил свой поэтический дар на сочинение эротических сонетов. В возрасте тридцати одного года его распущенное поведение вдруг оборвалось, когда он увидел рак груди у женщины, одной из многих объектов его страстей, неожиданно для него показавшей ему пораженное заболеванием место. Он совершил паломничество в Компостеллу и удалился на гору Ранда на своем родном острове. Здесь он провел пять лет в затворничестве и в 1272 г. вступил во францисканский орден терциариев. Он стал интересоваться обращением мусульман и других неверных и учился арабскому у мавра, которого выкупил из рабства. Ему открылась система знаний, которую он называл «универсальной наукой» — *ars magna* или *ars generalis*. С помощью короля Арагонского он основал в 1276 г. на Майорке при францисканском ордене школу для обучения миссионеров арабскому и сирийскому языкам.

Луллий отправился в Париж, чтобы учиться и развивать свою универсальную науку (позже он вернулся туда и читал там лекции). В 1286 г. он совершил путешествие в Рим, чтобы продвигать свои миссионерские планы, но не смог добиться милости папы. В 1292 г. он отплыл из Генуи в миссионерское путешествие в Африку. В Тунисе он напрасно пытался вовлечь мусульманских ученых в публичный диспут. Начались волнения, и Луллий с трудом спасся. Вернувшись в Европу, он снова искал милости папы, но тщетно. В 1309 г. он во второй раз отплыл в Тунис и опять пытался вовлечь мусульман в диспут. Ему были предложены почести, если он согласится стать мусульманином, но он ответил: «А я обещаю вам изобилие благ и вечную жизнь, если вы обратитесь и поверите в Иисуса Христа».

Снова насильно изгнанный из Африки, Луллий изложил свои планы Клименту V и собору во Вьенне (1311). Здесь он представил опровержение философии Аверроэса и настаивал на создании академических кафедр для изучения восточных языков. Такие кафедры были созданы в Авиньоне, Париже, Оксфорде, Са-

⁹⁰¹ Müller (*Anfänge des Minoritenordens*, 207 sqq.) бесспорно доказал, что такая миссия имела место.

⁹⁰² Иаков Витрийский (*Hist. Occ.*, 32) и Иордан Джизанский — наши основные источники. Сабатье в своей «Жизни Франциска» принимает их свидетельство, но посвящает этой поездке всего несколько строк.

ламанке и Болонье для обучения греческому, еврейскому, халдейскому и арабскому языкам⁹⁰³.

Хотя ему было почти восемьдесят лет, неустанный миссионер снова отправился в Тунис. Его проповеди в Бугии, как и раньше, привели к беспорядкам. Луллиа вытащили за стены города, побили камнями и бросили полумертвым. Его спасли христианские моряки, отнесли на корабль, и он умер в море. Его останки захоронены в Пальме.

В течение почти пятидесяти лет этот замечательный человек выступал за то, чтобы Евангелие было проповедано мусульманам. Насколько мы знаем, его проповеди и апологетические произведения не произвели никакого впечатления ни на неверующих, ни на иудеев, ни на мусульман, но его имя всегда будет связано с новаторской идеей миссионерских центров, где люди, намеревающиеся посвятить себя миссионерскому служению, должны изучать иностранные языки.

Луллий был не только пылким защитником миссий. Он был поэтом и талантливым мыслителем-схоластом⁹⁰⁴. Испания не рождала более известного схоласта. Он очень много написал, а в плане применения мысли к физическим наукам его сравнивали с его коллегой по францисканскому ордену Фрэнсисом Бэконом⁹⁰⁵.

Свою универсальную науку он применял к медицине и закону, к астрологии и географии, к грамматике и риторике, а также к разрешению богословских проблем⁹⁰⁶. Она была ключом ко всем областям мысли, небесным и земным. Идеи он представлял с помощью букв алфавита, которые помещал в круги и другие математические диаграммы. Посредством поворота кругов и передвижения линий идеи вступали между собой в отношения, составлявшие систему истины. Слово «Бог», например, было связано с девятью буквами, В — К, которые представляли девять качеств: благость, величие, вечность, силу, мудрость, волю, добродетель, истину и славу. Или же буквы В — К представляли у него девять вопросов: что? (*quid*), из чего? (*de quo*), почему? (*quare*), сколько? (*quantum*)... А отнесенные к Богу, эти буквы становились основой для разных определений, таких как «существование Бога — необходимость». Вполне вероятно, что этот калейдоскопический метод Луллий почерпнул из иудейских и арабских источников, и он сам называл его каббалистическим.

Философия Луллиа нашла ряд последователей, которые назывались луллистами. Ее преподавали в университетах Валенсии и Арагона. На нее опирался Джордано Бруно. Инквизитор Эймерик стал заклятым врагом луллистов, обви-

⁹⁰³ Задачей этих кафедр было объявлено разъяснение Писания и обращение неверующих. См. Hefele, VI. 545. Немногим ранее памфлетист Петр Дюбуа заявлял, что папа должен учредить институты для обучения восточным языкам, так как его обязанность — следить за тем, чтобы Евангелие проповедовалось всем народам. См. Scholz, *Die Publizistik zur Zeit Philipps des Schönen*, 427-431.

⁹⁰⁴ Согласно каталогу в Эскуриале, подготовленному Д. Ариасом де Лойолой, Луллий написал 410 трактатов, большая часть которых сохранилась только в виде рукописей и которые разбросаны по библиотекам Европы. Из них 46 — полемические труды против мусульман, иудеев и последователей Аверроэса. Ли считает Луллиа «возможно, самым плодовитым из известных авторов» (III. 581).

⁹⁰⁵ Reuter, *Gesch. der Aufklärung*, II. 95 sq.

⁹⁰⁶ В своем труде о чудесах небесных и земных, *De miraculis coeli et mundi*, он описывает отца, который проводит своего сына по лесам и полям, через пустыни и города, среди растений и животных, по небесам и аду, указывая на наблюдаемые там чудеса. В своем *Blanquerna magister christianae perfectionis* он представляет этическую драму, в которой герой проходит через все этапы религиозной жизни, становится монахом, аббатом, епископом, кардиналом и папой и, наконец, отказывается от тиары, чтобы удалиться в монастырь.

нил учения их лидера перед римским судом и добился от Григория XI буллы (1372), осуждавшей их как еретические⁹⁰⁷. Филипп II прочел кое-что из произведений великого жителя Майорки и оставил копии с примечаниями в библиотеке Эскуриала. Труды Луллия были включены в индекс запрещенных книг Павлом IV (1559), но удалены из списка Тридентским собором. Папским решением 1619 г. учение Луллия было запрещено как опасное. В 1847 г. Пий IX одобрил службу по «святому Раймунду Луллию» на Майорке, где он считается святым. Францисканцы со времен Льва X упоминали этого испанца в своем бревиарии.

§76. Миссионерство монголам

Центральная Азия и территория нынешней Китайской империи были почти неизвестны в Западной Европе в XII веке, подобно тому как озерный регион Центральной Африки был неизвестен до путешествий Speka, Ливингстона и Стенли. Несториане, школы которых находились в Эдессе и Нисибисе, распространили Евангелие в Центральной и Восточной Азии. Они дошли до Китая, но после IX века их школы пришли в упадок и наступил период застоя. Отдельные несториане добились влиятельного положения при азиатских дворах как советники или врачи, несторианки становились матерями монгольских вождей, но азиатские племена не приняли их верований.

В XII веке по Европе распространилась удивительная легенда о существовании в Центральной Азии могущественной христианской теократии, управляемой Иоанном Пресвитером (или Престером Иоанном)⁹⁰⁸. Самые дикие слухи ходили об этой таинственной личности, которая, как говорили, сочетала в себе обязанности короля и священника. Согласно Оттону Фрейзингенскому, некий епископ из Габалы в 1145 г. доставил Евгению III информацию о том, что этот Иоанн был несторианином, происходил от одного из трех волхвов и нанес мусульманам поражение в великом сражении⁹⁰⁹. Послание, якобы отправленное от этого правителя к императору Мануилу Константинопольскому, содержало сведения, что Иоанн получает дань от семидесяти царей, что среди его подданных — десять колен Израиля, что ежедневно за столом у него сидят двенадцать архиепископов и двадцать епископов, а в царстве его текут молоко и мед⁹¹⁰. По слухам, постепенно его владения были расширены до Абиссинии и Индии.

Несколько пап всерьез желали пообщаться с этой чудесной личностью и подчинить ее Риму. Александр III в 1177 г. послал своего врача Филиппа с поручением сообщить этому царю о вере западного христианского мира. Он также написал ему послание, в котором обращался к нему как к «дражайшему сыну во Христе Иоанну, царю Индий и святейшему из князей». Иллюзия рассеялась,

⁹⁰⁷ О подлинности буллы велось много споров. Папы более позднего периода даже назначали комиссии для расследования вопроса, а сама булла, как и другие документы, связанные с Григорием, не была найдена. Гергенротер объявляет ее подлинной (*Kirchengesch.*, II. 540). Эймерик считал учения Луллия дьявольским наущением и заблуждением, утверждающим, будто бы «все положения веры и таинств, а также власть папы могут быть разумно доказаны, обязательны, наглядно явлены и очевидны».

⁹⁰⁸ G. Oppert, *D. Presbyter Johannes in Sage u. Gesch.*, Berlin, 1864, 2^d ed. 1870. Brunet, *La légende du Prêtre-Jean*, Bordeaux, 1877. Zarncke, *D. Priester-Johannes*, Leipzig, 1870.

⁹⁰⁹ *Chronicon*, VII. 33. Также, по сообщению Оттона, епископ Габалы сказал: из уважения к своим предкам, волхвам, которые поклонялись колыбели Искушителя, Иоанн со своей армией отправился на освобождение Иерусалима, но из-за отсутствия кораблей дошел только до Тигра.

⁹¹⁰ Это послание явно было широко распространено, потому что сохранилось более чем в ста рукописях: 13 — в Париже, 15 — в Мюнхене, 8 — в Британском музее и т. д.

когда были предприняты серьезные попытки найти царство Иоанна. Рубрук писал обратно в Европу, что в том районе, в котором якобы правит Иоанн Пресвитер, только очень немногие слышали о нем и что истории, которые о нем рассказывают, сильно преувеличены. Он добавил, что одного правителя, Коирхана, сопровождал пастырь-несторианин Иоанн. Опперт предположил, что слово «Коирхан», через сирийское «Юханан», стало известно Европе как «Иоанн». Князь с этим именем, которого китайцы называют Тулиу Таша, бежал из Китая на запад и основал царство в Центральной Азии, а среди его подданных были несториане. Китайское предание гласит, что этот князь был буддистом. Так развеивается легенда, которая, по выражению Гиббона, «долго тешила легковерную Европу».

В XII — XIII веках Азия была свидетельницей появления громадной Монгольской империи. Среди нецивилизованных народов военных гениев редко проявлялся в таком великолепии, как у ее основателей — Чингисхана и его преемников, особенно Хубилая и Мункэ⁹¹¹. Империя простиралась от Китайского моря до Днепра и от Багдада до Арктики. Ее армии наводили ужас на Европу. Европейцы боялись, что монголы сделают с всем континентом то, что мусульмане сделали с Испанией. Монголы разорили Москву, продвинулись до Кракова в Польше и до Будапешта в Венгрии (1241). Но их империя быстро лишилась единства, разделившись на четыре основные части: империю великого хана, в том числе Китай и Тибет; империю Центральной Азии; Персию, до Кавказа; и отдельное царство Золотую Орду в России и Сибири⁹¹². Одной из задач I Лионского собора (1245) было обеспечить защиту от неизбежной угрозы со стороны этих татар, как их называли⁹¹³, и делегация из шестнадцати татар присутствовала на II Лионском соборе (1274) в надежде заключить союз против сарацин.

Церковь послала несколько групп миссионеров к этим племенам. Некоторые из них были приняты при дворе великого хана. Самым бесстрашным и рискованным среди них был Вилем Рубрук (Рубруквис или Рейсбрук), этот Ливингстон своего века, написавший яркий отчет о проделанном путешествии. Иоанн из Монте Корвино дошел до Пекина, тогда известного в Европе как Камбалук, а среди монголов — как Ханбалык, «город хана».

Безжалостные в битве, монголы были терпимы в вопросах религии. Отчасти это объяснялось отсутствием у них определенной системы поклонения. Мункэхан в ответ на призывы Рубрука сказал: «Мы, монголы, верим, что существует только один Бог, в Котором мы живем и умираем. Но Бог дал руке много разных пальцев, так Он дал и людям разные пути к Себе. Вам, христианам, Он дал Священное Писание; нам — прорицателей и гадателей».

Хубилай в том же духе отвечал на призывы Марко Поло: «Есть четыре пророка, которым поклоняются четыре разных племени земли. Христиане ищут Бога, глядя на Христа, сарацины — на Мухаммеда, иудеи — на Моисея, язычники — на Согомомбар-хана (Будду). Я почитаю и уважаю всех четырех и молюсь Тому, Кто выше их всех, чтобы Он помог мне». Александр Север, вероятно, поступал

⁹¹¹ Именно при дворе Хубилая много лет провел Марко Поло (ок. 1324). Происхождение монголов овеяно легендами. Монгольский историк Сананг Сетцен говорит, что они произошли от голубого волка. Чингисхан (1162 — 1227) известен среди китайцев как Чинг-цзе, «наилучший воин». Слово «монгол» происходит от *tong*, «храбрый».

⁹¹² Хулагу, один из братьев Мункэ, завоевал Багдадский халифат (1258) и образовал монгольскую империю в Персии. Он женился на дочери византийского императора Михаила Палеолога.

⁹¹³ См. Hefele, V. 1096, 1114. Поместный синод в Эрфурте за несколько лет до этого (1241) обсуждал способы защиты от татар (Hefele, V. 1081). Некоторые папские буллы о миссиях среди монголов см. в Potthast, 7429, 7490, 7537, 7550, 9130, 9139, 9141, 10350, 10421.

подобным образом, когда ставил бок о бок статуи Авраама, Христа, Орфея и других языческих богов. Эти контакты с миссионерами предшествовали времени, когда восточные ханы приняли буддизм, а племена из Персии и с запада империи предпочли ислам.

В 1245 г. Иннокентий IV отправил четырех доминиканцев к главе монголов в Персии и трех францисканцев — к великому хану. Следующую попытку совершил Людовик IX, участвовавший тогда в своем первом крестовом походе. Посланники от вождя татарского ханства посетили французского короля на Кипре⁹¹⁴. Людовик ответил любезностью на любезность, послав к ним, в свою очередь, двух доминиканцев в 1248 г., а два года спустя — двух францисканцев. В благочестивой надежде обратить татар он послал также в подарок шатер, вышитый изображениями сцен из Писания и сшитый так, что, установленный, он имел форму часовни. От одного из этих двух францисканцев, Рубрука, мы получили первую достоверную информацию о монголах. Он встретил там несторианских священников, использующих сирийскую литургию, которой они не понимали, и благословлявших вместе с мусульманами и буддистами ханские чаши. Рубрук достиг Каракорума и был гостеприимно встречен при дворе хана Мункэ. Один из секретарей Мункэ был христианином, другой — мусульманином, третий — буддистом. Религиозный диспут состоялся в присутствии хана. Когда Рубрук заявил, что все Божьи заповеди содержатся в Писании, его спросили, думает ли он, что Мункэ станет соблюдать эти заповеди. Миссионер разумно ответил, что «его желанием было представить хану все Божьи заповеди, а хан может решать сам, будет он соблюдать их или нет».

Монгольские вожди в Персии и христиане были врагами египетского халифа. После завоевания монголами Багдадского халифата папа отправил посольства в Персию, там были основаны доминиканские и францисканские монастыри, но после принятия ислама в XIV веке монголы стали преследовать христиан и разрушили монастыри.

В Центральной Азии, среди монголов Джагатайского улуса, события развивались так же. Сначала, в 1340 г., миссионерам разрешили вести свою работу. Иоанн Мариньола проповедовал и крестил новообращенных, но позже эти монголы тоже приняли мусульманство и преследовали христиан.

Миссионерские усилия среди монголов на территории Китая оказались более плодотворными. Николо и Маффей Поло⁹¹⁵ от имени хана Хубилая попросили у Григория X миссионеров для наставления его народа в христианстве и европейских привычках, — и семейство Поло, включая Марко, отправилось в путешествие в сопровождении двух доминиканцев. Но миссионеры не достигли места назначения. Три года спустя в Азию были посланы францисканцы. Иоанн из Монте Корвино, францисканец, посланный Николаем IV, достиг двора великого хана в Камбалуке, а в 1303 г. к нему присоединился Арнольд, францисканец из Кельна. Они перевели Новый Завет и псалмы на язык татар, выкупили и воспитывали сто пятьдесят мальчиков, построили две церкви, одна из которых была рядом с дворцом и возвышалась над ним, и крестили шесть тысяч обращенных.

⁹¹⁴ Joinville, *Chronicle of the Crusades*, англ. перев., pp. 384 sqq., 476 sqq.

⁹¹⁵ Николо был отцом Марко Поло, а Маффей — его дядей. Марко родился в 1254 г. и совершил свое первое путешествие в Азию (с отцом и дядей) в возрасте семнадцати лет (1271). Сначала группа купцов отправилась на остров Ормуз в Персидском заливе, который в то время был крупным торговым центром. Его упоминает Мильтон: «Высоко на царском престоле, намного превосходящем богатства Ормуза и Индий...».

В 1307 г. Иоанн стал архиепископом Пекина, *archiepiscopus Cambalensis*. Он умер в 1330 г., ханы же обратились в буддистскую веру, а в 1368 г. династия Мин, взявшая у них власть, упразднила христианство. Триста лет спустя иезуиты возобновили миссионерское служение в Китае.

§77. Евреи

ЛИТЕРАТУРА. Труды ПЕТРА ДОСТОПОЧТЕННОГО и БЕРНАРА, в Migne, а также английских летописцев, Уильяма из Ньюбурга, Вальтера из Кобентри, Матфея Париса, etc., в Rolls Series. — T. BASNAGE: *Hist. des Juifs depuis Jésus Christ*, 5 vols. Rotterdam, 1706. — D. BLOSSIUS TOVEY: *Anglia Judaica or Hist. Antiquities of the Jews in Engl.*, Oxford, 1738. — DEPPING: *Les Juifs dans le moyen âge*, Paris, 1834. — E. H. LINDO: *Hist. of the Jews of Spain and Portugal*, London, 1848. — HALLEY: *Les Juifs en France*, etc., Paris, 1845. — MARGOLIOUTH: *Hist. of the Jews in Great Britain*, 3 vols. London, 1851. — H. H. MILMAN: *Hist. of the Jews*, 3 vols. London, 1863. — JOSÉ AMADOR DE LOS RÍOS: *Historia social, politica y religiosa de los Judios de España y Portugal*, 3 vols. Madrid, 1875, 1876. — H. GRAETZ (профессор в Бреслау, ум. в 1891): *Gesch. der Juden von den aeltesten Zeiten bis auf die Gegenwart*, 3^d ed., Leipzig, 1888 — 1894, 11 vols.; англ. перев. BELLA LÖWY, London, 5 vols. 1891 — 1892. — J. JACOBS: *The Jews of Angevin England* (документы и записи из латинских и еврейских источников). London, 1893. — I. ABRAHAMS: *Jewish Life in the M. A.*, London, 1896. — E. RODOCANACHI: *Le Saint Siège et les Juifs*, Paris, 1891. — DÖLLINGER: *Die Juden in Europa in Akad. Vorträge*, I. 208-241. — LEA: *Chapters from the Relig. Hist. of Spain*, Phil., 1890, pp. 437-469. — HEFELE: IV — VI. — LECKY: *Hist. of Europ. Morals*. — JANSSEN: *Hist. of the German People*, II. 73 sqq. *Жития* святого БЕРНАРА. — D. S. SCHAFF: *The Treatment of the Jews in the Middle Ages*, Bibliotheca Sacra, 1903, pp. 547-571.

При всем желании заявить, что средневековая церковь добивалась благополучия детей Авраама по плоти, евреев, хотя бы с десятой долей интереса, направившегося на возвращение святых мест их древней земли, мы такого сказать не можем. Да, временами те или иные папы, епископы и князья были склонны относиться к евреям в духе человеколюбия, но все же преобладавшим в Европе отношением были ненависть и презрение. И те же самые народы, которые старательно вооружались для возвращения гроба Господня, объединялись для гонений на евреев.

Отчасти это можно объяснить поведением самих евреев. Их повсеместные и подчас нечестные финансовые сделки, их богатство, их склонность к самоизоляции, их национальное высокомерие и таинственность предельно раздражали христиан⁹¹⁶. Эдикты соборов и гражданские указы бесспорно свидетельствуют о том, что евреи оскорбительным образом выказывали свое презрение к обрядам и символам христианской веры. Раздражение на них было велико, но оно никак не оправдывает распространенного во всех районах Европы, от Богемии до Атлантики, отношения к евреям, в котором не просматривалось даже элементарной гуманности. Активные попытки по их обращению были чуть ли не полностью пронизаны как духом христианского снисхождения, так и духом церковного высокомерия. Петр Достопочтенный во вступлении к трактату, адресованному евреям, говорит: «Из всего древнего мира только вы знали о Христе. Все народы слушали, а вы одни не хотели слушать. Все языки исповедовали Его, только вы

⁹¹⁶ Уильям из Ньюбурга (Hamilton ed., I. 282) говорит, что королевское покровительство в Англии сделало их гордыми и жестоковейными в отношениях с христианами. Грин заявляет, что для иудеев Англии было характерно «гордое и даже наглое презрение» (*Hist. of Engl. People*, bk. III, ch. IV).

одни отрицали. Другие видят Его, понимают Его, только вы остаетесь слепыми, глухими, с каменными сердцами».

Основания для гонений на евреев были следующими. 1. Их отцы распяли Христа, и теперь народу, которому уготовано принять на себя вину и наказание за содеянное, грозит заслуженная им участь. 2. Они совершали ужасные жестокости по отношению к христианским детям и насмеялись над гостией и крестом. 3. Они превозносились над христианами, навязывая им чрезвычайно высокие проценты.

Ни в одном христианском государстве евреи не были в безопасности. Они были чужими везде и нигде не имели права гражданства. Их называли «врагами Христа» и «предателями». Канонисты и богословы используют последнее выражение. Богослужение в страстную пятницу содержит слова: «Помолимся и за предателей иудеев»⁹¹⁷. Декреталии Грациана, Третий и Четвертый Латеранские и другие соборы относят евреев и сарацин к одному классу и говорят о них в одних и тех же канонах⁹¹⁸. Такие выдающиеся люди, как Петр Достопочтенный, говорили больше хорошего о сарацинах, чем о евреях.

Рассматривая отношение к евреям, следует выделять три общественные группы людей — пап (в том числе прелатов), светских правителей и народные массы с их священниками.

Если перебирать пап одного за другим, то в целом они высказывались против негуманных мер и против насильственного крещения евреев. Григорий Великий защищал евреев от яростных гонений в Южной Италии. Иннокентий IV в 1247 г. отрицал обвинение в убийствах детей, выдвинутое против евреев, и угрожал отлучением христианам, которые их угнетали⁹¹⁹. Мартин IV в 1419 г. выпустил буллу, в которой объявлял, что он, вслед за своими предшественниками, велит не вмешиваться в поклонение в синагогах, не вынуждать евреев к принятию крещения и не преследовать их за финансовые сделки с христианами. С другой стороны, Иннокентий III подавал пример насильственных мер, а Евгений IV быстро отменил распоряжения своего предшественника Мартина IV.

Что касается светских правителей, то у них евреи считались подпадающими под действие особой юрисдикции. Евреи по желанию могли быть обложены налогом, их имущество могло быть конфисковано, они могли быть вообще высланы из королевства. В интересах правителей было удерживать евреев как источник дохода, и по этой причине князья были склонны защищать их от слепых вспышек насилия со стороны суеверного и враждебного населения. Фридрих II сделал евреев постоянными рабами в наказание за распятие⁹²⁰.

Начало крестовых походов сопровождалось разъяренными нападками на евреев. Иннокентий III в 1216 г. предоставил постоянное юридическое обоснование для гонений на них. Изгнание евреев из Испании в 1492 г. было кульминацией средневековой драмы их страданий. Англия, Германия, Франция, Испания, Португалия и Венгрия объединились в преследованиях. В Италии евреи страдали меньше всего. Десятки тысяч евреев были сожжены или казнены другими способами. Их изгоняли, в то или другое время, практически из всех стран. Им предлагали альтернативу: крещение или смерть, и возможно, количество

⁹¹⁷ *Oremus et pro perfidis Judaeis* (Döllinger, p. 216).

⁹¹⁸ В «Декреталиях» Грациана (гл. XV. 6) говорится *de Judaeis et Saracenis et eorum servis*.

⁹¹⁹ Graetz, VII. 106.

⁹²⁰ *Perpetuam servitutum ad perpetuam Judaici sceleris ultionem* (Bréholles, I. 57).

погибших было больше, чем количество принявших крещение. Но большинство из тех, кто принял крещение, потом открыто возвратились к вере отцов или втайне практиковали ее обряды⁹²¹.

Интересен тот факт, что на протяжении этих веков гонений евреи, особенно в Испании и во Франции, развернули энергичную литературную деятельность. Гершон, Раши и Кимхи жили во Франции. Имена Маймонида и Бенъямина из Туделы возглавляют длинный список ученых евреев Испании. У Гретца упоминается множество имен и достижений выдающихся ученых, занимавшихся медицинской и другими областями исследований⁹²².

Церковь и христианское государство рано ступили на путь антисемитизма. Средневековое законодательство следовало прецеденту более древних распоряжений⁹²³. Синод в Эльвире (306) запретил христианам есть вместе с евреями и вступать с ними в браки. Феодосий II (439) запретил евреям занимать общественные должности. Гражданские эдикты, предлагавшие альтернативу — крещение или смерть, — были приняты испанским королем Сисибутом. Когда же правители, как в Лионе, защищали еврейских торговцев, то прелаты яростно протестовали. Так сделал Агобард, архиепископ Лиона, хотя он и выступал как апостол в некоторых вопросах современного ему образования⁹²⁴. Среди постановлений того времени можно перечислить следующие: евреям запрещалось нанимать христианских нянек, слуг или работников, продавать мясо на рынке, работать по воскресеньям или праздничным дням, ходить к христианским врачам⁹²⁵, давать деньги под проценты; они обязаны были платить деньги священнику на Пасху и носить символическую нашивку или другой знак на своей одежде. И наоборот, христианам запрещалось посещать еврейские похороны и свадьбы. Их ждало наказание за одалживание денег у евреев.

Ни одно из правил не было таким унижительным, как требование, чтобы евреи носили определенный костюм или выделяющуюся нашивку на одежде. Эту нашивку полагалось помещать на грудь или на грудь и спину, чтобы носящего можно было отличить издалека (подобно тому как в древности прокаженного отличали по его крику «нечистый!») и чтобы христиане случайно, по неведению, не вступили в телесный контакт с презренным народом. Синод в Оксфорде (1222) по требованию Стефана Лангтона предписал шерстяную нашивку, а Эдуард I (1275) приказал, чтобы все евреи старше семи лет носили нашивку желтого цвета (*yellow patch*). Людовик IX распорядился делать нашивки красные или шафрановые, король Англии — желтые. Размеры и форма нашивок определялись во всех подробностях. Четвертый Латеранский собор придал большое значение распоряжениям об одежде и постановил, чтобы знаки отличия насаждались повсюду. Доктор Гретц говорит, что этот закон был последней каплей в чаше унижения его сородичей. Он считает, что Иннокентий III причинил евреям больше страданий,

⁹²¹ Слова Доллингера (р. 235) о том, что количество подчинившихся принудительному крещению весьма незначительно в сравнении с количеством принявших смерть, не подтверждаются статистикой, которую приводит Гретц.

⁹²² Jacobs (*Jews in Angevin England*) старается доказать, что английские евреи выработали также свою собственную культуру. Гретц решительно отрицает это (VI. 225).

⁹²³ См. ст. *The Treatment of the Jews* в *Bibl. Sac.*, 1903, 552 sqq., и цитируемые там источники.

⁹²⁴ Агобард написал пять трактатов против евреев. См. подробную брошюру: Wiegand, *Agobard von Lyon und die Judenfrage*, Erl., 1901. Агобард утверждал, что иудаизм и христианство далеки друг от друга, как Гевал и Гаризим.

⁹²⁵ Синод в Саламанке (1335) предостерегает христиан от посещения врачей-евреев, потому что евреи хотят уничтожить христиан.

чем все их враги до того, и обвиняет его как первого папу, обратившего против них бесчеловечную жестокость церкви⁹²⁶.

Иннокентий считал, что по воле Бога евреи должны, как убийца Каин, блуждать по земле, осужденной на рабство по их вине, пока в последние времена не настанет время их обращения⁹²⁷.

Богословы соглашались с этим мнением. Петр Достопочтенный за полвека до Иннокентия представлял ситуацию в том же духе, что великий папа, и выступил с ужасным обвинением против евреев. В послании к Людовику VII Французскому он восклицал: «Какая польза от борьбы с врагами креста в далеких странах, если грешные евреи, хулящие Христа, которые намного хуже сарацин, живут рядом свободно и безнаказанно. Евреев следует презирать и ненавидеть больше, чем сарацин, ибо последние признают рождение от Девы, а евреи отрицают его, хулят это учение и все христианские таинства. Бог не хочет, чтобы они были полностью истреблены, но чтобы, подобно братоубийце Каину, оставались в живых для более жестоких мучений и позора. Бог со справедливой суровостью относился к евреям со времен страстей Христовых и продолжит обращаться с ними так до конца света, ибо они прокляты и заслуживают этого»⁹²⁸. Петр посоветовал отбирать у них несправедливо нажитое добро, а полученные таким образом средства тратить на борьбу с сарацинами в святых местах.

Бернар был иного мнения. Когда шла подготовка ко второму крестовому походу и монах Радульф путешествовал вверх и вниз по Рейну, подстрекая народ против евреев, аббат Клерво выступил против этого «демагога» (как назвал Радульфа Неандер)⁹²⁹. Он написал пылкое письмо к архиепископу Майнца, напоминая ему, что Господь возвестил Свою милость к тем, кто воздаст добром за зло. «Разве церковь, — восклицал он, — не одержит более полную победу над евреями, если будет убеждать и обращать их день за днем, а не перебьет раз и навсегда острием меча?!» Насколько сильны были предрассудки, видно из того факта, что, когда Бернар столкнулся с Радульфом лицом к лицу, потребовалась вся его репутация святого, чтобы не допустить беспорядков в Майнце⁹³⁰.

В Англии Уильям из Ньюбурга, Роджер из Ховедена и другие летописцы одобряли гонения на евреев. Ричард из Девиза⁹³¹ говорит о «принесении евреев в жертву их отцу, дьяволу», и об отправке «кровопийц путем кровопролития в ад». Матфей Парис, судя по некоторым его замечаниям, не совсем поддерживал эту распространенную враждебность.

Среди великих английских церковных деятелей у евреев было по крайней мере два защитника, Хью из Линкольна и Роберт Гроссетест. Гроссетест в отношении положил принцип, что евреев не следует истреблять, — ведь именно через них был дан закон, а согласно одиннадцатой главе Римлян, они, выйдя из второго плена, в конечном итоге примут христианство. Однако и он говорил, что Каин — прообраз евреев, подобно тому как Авель — прообраз Хри-

⁹²⁶ VII. 4, 16.

⁹²⁷ В посланиях к Альфонсо Кастильскому (1205) и графу Неверскому (1208).

⁹²⁸ *Ad majus tormentum et ad majorem ignominiam — sic de damnatis damnandisque Judaeis* (lib. IV, ep. 36; Migne ed., vol. 189, 365-367).

⁹²⁹ Оттон Фрейзингенский говорит, что «многие были убиты в Майнце, Вормсе, Шпейере и других местах» (*De gestis Frid.*, I. 37-39).

⁹³⁰ Гретц (VI. 148, 151) объявляет Бернара «воистину святым человеком, человеком апостольской простоты сердца».

⁹³¹ Howlett ed., p. 383.

ста. По Божьей милости евреи должны выжить, чтобы был прославлен Христос; и ради Божьей справедливости правители должны держать евреев в рабстве, чтобы исполнилось предсказание о Каине и они были на земле странниками и пришельцами. Им следует запрещать занятие ростовщичеством⁹³². Епископ писал так вдовствующей графине Винчестерской, которая предложила убежище в своих землях евреям, изгнанным Симоном де Монфором из Лестера⁹³³. О том, что Гроссетест не был совершенно свободен от предрассудков своего времени, свидетельствует его письмо, также написанное в 1244 г., где он призывает своих архи-диаконов следить, чтобы евреи и христиане не жили бок о бок. Предшественник Гроссетеста Хью из Линкольна защищал евреев, когда их грабили и убивали в 1190 г., и евреи проявили к нему уважение, придя на его похороны⁹³⁴.

Евреев без стеснения обвиняли в самых серьезных преступлениях. Когда в 1348 г. по Европе прокатилась «черная смерть», никому не пришло в голову подумать о сарацинах как виновниках этого бедствия. Виноваты были евреи. В Южной Франции и Испании ходили дикие слухи, что евреи составляют яды, которые продают и которыми отравляют источники. От Барселоны и Севильи до городов Швейцарии и Германии несчастный народ страдал от преследований за надуманные преступления. В Страсбурге в 1349 г. было схвачено все еврейское население, две тысячи человек, и те, кто не пожелал принять крещение, были сожжены на своем собственном кладбище, а их имущество было конфисковано. В Эрфурте и других местах все еврейское население было уничтожено огнем или изгнано.

Церковные законы против ростовщичества были удобным предлогом для того, чтобы объявлять выплату долгов евреям необязательной. Осужденное Тертуллианом и Киприаном, ростовщичество было сначала запрещено как клирикам, так и мирянам (например, Эльвирским синодом), но на Никейском соборе 325 г. запрет был ограничен только клириками. Позже Иероним, Августин и Лев I вновь отнесли запрет ко всем христианам. Грациан включил его в канонический закон. Немногие вопросы привлекали к себе столь неотступное внимание средне-вековых синодов, как ростовщичество⁹³⁵. Александр III на Третьем Латеранском соборе (1179) стал утверждать, что ростовщичество было запрещено как Ветхим, так и в Новым Заветом. Климент V заложил краеугольный камень соответствующего законодательства, объявив на соборе во Вьенне (1311), что все государственные и городские законы о ростовщичестве отменяются и что любые попытки отрицать греховность ростовщичества являются ересью. Никакого разграничения по процентам не делалось. Ростовщичеством считался любой процент. И при наличии такого закона в христианском праве было бы странным ожидать, что хоть кто-то из одалживающих считал себя обязанным вернуть долг еврею.

⁹³² Послания Гроссетеста, Luard ed., 33-39.

⁹³³ Stevenson (*Life of Grosseteste*, 97-101) утверждает, что у него не было намерения осуждать графиню за ее гуманные намерения.

⁹³⁴ Thurston, *Life of St. Hugh of Lincoln*, 277 sqq., 547.

⁹³⁵ См. список в Hefele под заглавием *Wucher*. Вообще о ростовщичестве см. Jacobson, ст. *Wucher*, в Herzog, 2^d ed., XVII. 341-349. В 1228 г. король Испании ограничил еврейских ростовщиков двадцатью процентами прибыли (Hefele, V. 986). В 1368 г. город Франкфурт выплатил еврейским ростовщикам 52 процента прибыли по займу в 1000 флоринов. В Аугсбурге, Вене и других городах ставка часто доходила до 86 и двух третьих процента (см. Janssen, II. 74).

Евгений III предложил всем участникам второго крестового похода освобождение от процентов, которые они должны были еврейским кредиторам. Григорий IX сделал такое же предложение более поздним участникам крестовых походов.

Евреев часто обвиняли в убийствах христианских детей в ритуальных целях, особенно во время Пасхи. Слухи об этом почти невероятном преступлении вновь и вновь возбуждали христианское население, которое часто прибегало к крайним мерам против еврейского народа⁹³⁶.

Во Франции Филипп Август под предлогом предполагаемого распятия христианского ребенка в 1182 г. изгнал евреев из своего королевства и конфисковал их имущество. Указ об изгнании был повторен Людовиком IX за год до того, как он отправился в свой последний крестовый поход, Филиппом Красивым — в 1306 и 1311 г., а также другими французскими монархами, но нигде он не насаждался так строго, как в Испании. Людовик IX велел также уничтожить все копии таргумов. В 1239 г. Григорий IX обратился к архиепископам Франции, Кастилии, Арагона, Португалии и Англии с посланием, в котором приказывал им сделать то же самое⁹³⁷.

В Германии, начиная с первого крестового похода, на евреев постоянно нападали, но обычно императоры защищали их от всплесков народного гнева. В XV веке они были изгнаны из Саксонии (1432), Шпейера и Цюриха (1435), Майнца (1438) и других мест.

В Англии еврейские кварталы Лондона, Линкольна, Оксфорда и трех или четырех других городов управлялись особыми судами и администрацией, не имевшей ничего общего с обычными судами⁹³⁸. Начиная с правления Генриха II (1133 — 1189), когда в Англии стал детально кодифицироваться образ жизни евреев, епископы, священники и монастыри были готовы одалживать у евреев. Девять цистерцианских монастырей были должны знаменитому Аарону из Линкольна (ум. в 1187). Он хвалился, что на его деньги был построен монастырь Сент-Альбан, и Фримен упоминает эту похвальбу как доказательство невыносимого высокомерия евреев. Одному еврею была заложена даже рука святого Освальда в Петерборо. Стандартная ставка равнялась двум пенсам в неделю на каждый фунт, то есть сорок три процента годовых, но иногда доходила даже до восьмидесяти процентов. Сохранилось обязательство, в котором Герберт, пастор Виссендена, обещает Аарону из Линкольна выплачивать по два пенса в неделю за 120 одолженных марок⁹³⁹. Король обращался с евреями так, как ему было угодно. Они принадлежали ему, как леса⁹⁴⁰. Чрезмерные налоги при Иоанне Безземельном и Генрихе III были часты и велики. Во время учрежденного в 1210 г. налога многие евреи покинули королевство. Именно тогда и случилось знаменитое происшествие с евреем из Бристоля, о котором мы уже упоминали: во исполнение приказа Иоанна у него вырывали каждый день по зубу, пока он не уплатил в королевскую казну десять тысяч марок. Матфей Парис дает нам очень

⁹³⁶ Ли в своей *Hist. of Spain* (437-469) перечисляет много таких случаев вплоть до нашего времени.

⁹³⁷ Graetz, VII. 401-406.

⁹³⁸ Возможно, первые евреи пришли в Англию с Вильгельмом Завоевателем (Jacobs, p. 3). Однако в законе Эдуарда Исповедника уже упоминаются евреи.

⁹³⁹ Jacobs, p. 67, 308. Закладные назывались *cartae debitorum* (M. Paris, Luard ed., II. 358, etc.). Джейкобс (p. 381) насчитывает в Англии в 1200 г. 2000 евреев. В Лондоне жило 100 еврейских семейств, в Линкольне 82, в Норвиче 42 и т. д. Петр Достопочтенный также свидетельствует о денежных сделках монастырей с евреями (*De mirac.*, II. 15; Migne, 189, 927).

⁹⁴⁰ Stubbs, *Const. Hist.*, II. 530 sqq.

живое описание, а четыре века спустя другой историк, Томас Фуллер, комментируя этот случай из средневековой стоматологии, черство заявляет, что еврей, «уступив раньше, уберег бы свои зубы, а упорствуя дольше, — свои деньги; у него же опустели и челюсть, и кошелек. Так давайте же осудим человеческую жестокость и восхитимся небесной справедливостью, ибо все суммы, востребованные у евреев светскими правителями, — это лишь попытка заставить их вернуть Богу долг, который они не смогут уплатить никогда, и долг этот — распятие Христа». Древние предрассудки сохраняются надолго.

Требования Генриха III были такими невыносимыми, что в 1255 г. евреи стали просить разрешения покинуть королевство. Король, по словам Матфея Париса, отказал им в этой просьбе, а потом, «подобно новому Титу или Веспасиану», вверил их своему богатому брату Ричарду, графу Корнуольскому, сознавая, что «если сам он только сдирает с них кожу, то Ричард выпотрошит им все внутренности»⁹⁴¹.

Английские крестоносцы, отправляясь в третий крестовый поход, свободно грабили евреев, негодуя, по словам летописцев, на то, что у тех всего будет в избытке, в то время как они в долгом путешествии к Иерусалиму претерпят лишения во всем⁹⁴². Именно в это время, в вечер коронации Ричарда I, случилась ужасная бойня, когда не пали ни женщин, ни стариков. В Йорке пятьсот человек заперли в замке. Мужчины в отчаянии умертвили своих жен и дочерей, после чего сами погибли в огне⁹⁴³.

Английское общество донельзя будоражили слухи о якобы совершавшихся распятия христианских детей. Среди наиболее известных — случаи Уильяма из Норвича (1144), Гарольда из Глостера (1168), Роберта из Эдмондсбери (1181) и Хью из Линкольна (1255). Хотя в народе эти дети считаются святыми, ни один из них не был канонизирован церковью. Чудовищные беззакония, сотворенные якобы с Хью из Линкольна, приведенные у Матфея Париса, слишком ужасны, чтобы перечислять их здесь, однако этот летописец утверждает, что такие истязания «считались нередкими». Взволнованное судьбой маленького Хью, население повесило восемнадцать евреев⁹⁴⁴. Удивительно, что в ужасные обвинения верили и вплоть до нашего времени не раздавалось никаких протестов против этой веры.

Некоторые английские евреи под влиянием страха принимали крещение, а некоторые делали это добровольно. Первый пример добровольного крещения, насколько мне известно, мы встречаем у Ансельма⁹⁴⁵. Обращенный принял монашество. Иногда наблюдались и переходы христиан в иудаизм. Один диакон за такое преступление был повешен⁹⁴⁶.

⁹⁴¹ *Ut quos excoriaverat, comes eviscerat* (Luard ed., V. 487 sq.).

⁹⁴² M. Paris, II. 358 sq.

⁹⁴³ См. М. Париса и особенно Уильяма из Ньюбурга (II. 2428) и де Ховедена. Матфей и де Ховеден уточняют, что еврейские закладные сгорели вместе с их владельцами. См. Graetz, VI. 219 sqq.

⁹⁴⁴ M. Paris, Luard ed., III. 543, IV. 30, 377, V. 516. Обычно виновными оказывались самые богатые евреи города. Летописцы не приходят к согласию насчет мотивов, которыми руководствовались евреи, совершая эти убийства.

⁹⁴⁵ Jacobs, p. 8. Герман, монах из Кельна, рассказывает о своем обращении из иудаизма (Migne, 170, 806 sqq.). О крайне редкой попытке сатаны отменить крещение одной еврейской девочки из Германии рассказывает Цезарий Гейстербахский (*Dial.*, II. 26). Девочку надо было трижды просунуть через отверстие в стене дома — и последствия крещения устранялись.

⁹⁴⁶ M. Paris, III. 71.

Последним актом истории евреев в средневековой Англии было их изгнание Эдуардом I в 1290 г. С этого времени до Каролинской эпохи Англия была свободна от еврейского элемента. Кромвель прославил себя еще больше, обещав евреям защиту в Лондоне.

Отношение к евреям в Испании справедливо считается самым безжалостным, какого только этот народ удостоивался в средние века. Эдуард I защитил от грабежа шестнадцать тысяч евреев, которых изгнал из Англии, но Фердинанд Испанский, издавший указ, в котором велел своим еврейским подданным покинуть Испанию, очевидно, нисколько не жалел их. Испания на своих церковных соборах возглавляла ограничивающее евреев законодательство. С учреждением инквизиции жизнь этого народа сделалась весьма и весьма суровой, хотя изначально безжалостные законы инквизиции к нему не применялись. Из-за гонений страна наполнилась недобровольно обратившимися (*conversos*), поступавшими под надзор инквизиторского суда.

Последний удар был нанесен Фердинандом и Изабеллой в 1492 году — том самом, когда была открыта Америка, континент, где религиозная терпимость достигнет такого уровня, какого не достигала нигде и никогда. Указ изгонял из Испании всех некрещеных евреев. В основе указа лежали религиозные мотивы, и выполняли его религиозные агенты. Непосредственным предлогом была паника, возникавшая из-за предполагаемого распятия ребенка в Ла Гвардия (*el santo niño de la Guardia*). Это одно из самых известных дел, связанных с предполагаемым убийством ребенка евреями⁹⁴⁷. Лопе де Вега и другие испанские авторы прославили этот случай в испанской литературе. Фердинанд, по словам Льоренте, тронутый мольбами еврейских просителей и испанских грандов, хотел было изменить свой приговор, но Торквемада поспешил предстать перед королем и его супругой, показал им распятие и воскликнул: «Иуда Искариот продал Христа за тридцать сребреников. Ваши величества готовы продать Его за три тысячи дукатов. Вот Он, возьмите Его и продайте».

Количество евреев, эмигрировавших из Испании летом 1492 г., у разных авторов различно — от 170.000 до 400.000⁹⁴⁸. Они отправились в Италию, Марокко и на Восток; сто тысяч, приглашенные королем Мануилом, переселились в Португалию, но их пребывание там было кратким. В 1495 г. вышел эдикт, предлагавший им альтернативу: крещение или смерть; детей моложе четырнадцати лет отбирали у родителей и проводили с ними священный христианский обряд, а десять лет спустя две тысячи так называемых «неискренних обращенных» были хладнокровно перебиты.

Такие страдания пришлось пережить евреям в средние века в Западной Европе. В контексте этих жестокостей, конечно, можно спросить, предпринимались ли какие-либо попытки обратить евреев силой Евангелия, но вопрос следует задавать иначе: могли ли подобные призывы быть эффективными в то время, когда преобладал дух гонений? Могут ли ужиться любовь и такая враждебность? Попытки убедить евреев делались в основном посредством трактатов и диспутов. Ансельм хотя и не адресует прямо евреям свой трактат об искуплении (*Cur deus homo*), но говорит, что его доводов достаточно и для иудеев, и для язычников. Гроссетест постарался разъяснить евреям, как исполняется древний закон, и

⁹⁴⁷ См. подробный рассказ Ли в *Rel. Hist. of Spain*, 437-468; также Graetz, VIII. 466-472. Тело ребенка не смогли найти, но инквизиторы заявили, что оно было вознесено на небеса на третий день после убийства.

⁹⁴⁸ Graetz (VIII. 349) насчитывает их 300.000.

доказать Божественность Христа в своем труде *De cessatione legalium* (1231).⁹⁴⁹ Самый знаменитый из таких трактатов был написан Петром Достопочтенным. В издании Миня он занимает более ста сорока колонок и составил бы современную книгу более чем из трехсот страниц обычного размера. Его заглавие мало пригодно для того, чтобы заслужить расположение людей, к которым труд обращен: «Трактат против закоснелой ожесточенности евреев» (*inveteratam duritiem*). Автор доказывает Божественность Христа на основании еврейского Писания, заявляя в то же время, что «для слепого даже свет подобен ночи, а солнце — мрачной тени».

Некоторое представление о природе аргументов Петра можно составить на основании одного из многих текстов Писания, призванных доказать, что Христос есть Сын Божий, Ис. 66:9: «Доведу ли Я до родов, и не дам родить? говорит Господь. Или, давая силу родить, заключу ли утробу? говорит Бог твой». «Может ли быть понятнее, о иудеи, — добавляет автор, — доказательство рождения Сына от Бога? Ибо, если Бог зачал, а Он уже зачал, то Он — обязательно Отец, а Сын Божий, поскольку Он зачат, — обязательно Сын». «Доказав» уже совершившийся приход Мессии, Петр простодушно предупреждает, что «даже если иудей надеется продолжить свою жизнь по окончании спора, то Петр, держащий меч Голиафа и стоящий над простертым иудеем, воспользуется мечом для его уничтожения и “острием меча” рассекает голову богохульника надвое»⁹⁵⁰.

Если уж кроткий клюнийский аббат Петр Достопочтенный так высокомерно обращается к евреям, то чего ожидать от других авторов, таких как Петр Блуаский с его «Иудейским вероломством»?

Публичные диспуты проводились только в юго-западной Европе. Немало евреев, используя слова Гретца⁹⁵¹ — «образованных людей, врачей, писателей и поэтов» приняли христианскую веру по убеждению и «стали такими ревностными прозелитами, словно родились доминиканцами». В ходе публичных диспутов раввины спорили с выдающимися представителями христианства. Часто христианскую сторону представляли обращенные евреи. Самый знаменитый из таких диспутов, в Тортозе, продолжался год и девять месяцев (1413 — 1414) и состоял из шестидесяти восьми заседаний. Говорят, что после этого диспута многие были обращены, и Бенедикт XIII объявил о его завершении в булле, запрещающей насильственное крещение, как противоречащее канонам церкви, но настаивающей на том, чтобы евреи носили выделяющую их нашивку и каждый год слушали по три христианские проповеди — на Пасху, на адвент и в середине лета. Раймунд Луллий настаивал на учреждении кафедр еврейского языка с целью обращения евреев, как и доминиканец Раймунд Пеньяфорте. В начале XV века успешно проходили проповеди красноречивого Винченцио Феррера. По самым скромным подсчетам, количество крестившихся под его влиянием составило двадцать тысяч человек. Самым выдающимся из испанских обращенных был рабби Соломон Гелеви (1353 — 1435), который стал архиепископом Бургоса. Христианский ученый Николай Кузанский если и не родился евреем, то имел евреев среди своих предков.

⁹⁴⁹ О том, как его используют сэр Джон Элиот и Джон Селден, см. в Stevenson, p. 104. Среди других трактатов по еврейскому вопросу были произведения Руперта из Дейца (*Dial. inter Christum et Judaeum*, Migne, 170, 559-610), Ричарда Сен-Викторского (*De Emmanuele*, Migne, 196, 601-666), Алана Лилльского (*Contra Judaeos*, Migne, 210, 400-422).

⁹⁵⁰ Migne ed., 189, 553.

⁹⁵¹ viii. 83.

В Лондоне попытались обращать евреев с помощью университетского учреждения, *domus conversorum*, задуманного для защиты еврейских прозелитов. Оно было создано в 1233 г., и на его содержание из королевской казны ежегодно выделялось семьсот марок, но мы ничего не знаем о его полезности.

Эти усилия хотя и незначительно, но скрашивают мрачную картину Средневековья. Национальная изолированность и презрительное высокомерие, которые христианский мир приписывает евреям, достигшим процветания, до сих пор препятствуют тому, чтобы доводы в пользу христианства могли оказать на них воздействие. Конечно, среди них были обращенные. Неандер родился евреем. Евреями родились Павел Кассель и Адольф Сафир. Один из родителей Дилича был евреем. Доллингер авторитетно заявляет, что тридцать лет тому назад в Берлине жило две тысячи христиан еврейского происхождения. К счастью, сегодня уже никто, по крайней мере, в Западной церкви, не стремится приходить на помощь Провидению и мстить за распятие Христа, хотя именно эта идея владела умами христиан в среднике века. Уже один только опыт средневековой церкви, если не вспоминать о других причинах, убеждает современную церковь подходить к вопросу обращения евреев в духе братского доверия и христианской любви.

ГЛАВА X

ЕРЕСИ И БОРЬБА С НИМИ

§78. Литература ко всей главе

- ОБЩИЕ ТРУДЫ. ФЛАЦИЙ ИЛЛИРИК: *Catalogus testium veritatis qui ante nostram aetatem reclamantur papae*, Basel, 1556. — DU PLESSIS D'ARGENTRÉ: *Coll. judiciorum de novis erroribus qui ab initio XII saec. usque ad 1632 in ecclesia postscripti sunt et notati*, 3 vols. Paris, 1728. — *DÖLLINGER: *Beiträge zur Sektengesch. des Mittelalters*, Munich, 1890. Самый ценный труд. Part II, pp. 736 sqq., содержит оригинальные документы, на соби́рание которых Доллингер потратил много лет, совершив много путешествий. — PAUL FREDERICQ: *Corpus documentorum haer. pravitatis Neerlandicae*, 5 vols. Ghent, 1889 sqq. — ЦЕЗАРИЙ ГЕЙСТЕРБАХСКИЙ: *Dialogus*. — ETIENNE DE BOURBON: *Anecdotes Historiques*, ed. LECOY DE LA MARCHE, Paris, 1877. — MAP: *De nugis curialium*, Wright ed. *Epp. Innocentii III*, Migne, 214-216. — JACQUES DE VITRY: *Hist. orientalis*, Douai, 1672, и в MARTENE и DURAND, *Thes. anecd.*, 5 vols. Paris, 1717. — ARNOLD: *Unpartheiische Kirchen- und Ketzerhistorie*, Frankf., 1729. — FÜSSLIN: *Kirchen- und Ketzergesch. der mittleren Zeit*, 3 vols. Leipzig, 1770 — 1774. — MOSHEIM: *Versuch einer unparthel. Ketzergesch.*, Helmstädt, 1746. — НАНН: *Gesch. der Ketzer im Mittelalter*, 3 vols. Stuttg., 1845 — 1847. — А. JUNDT: *Hist. du panthéisme pop. au moyen âge*, Paris, 1876. — *LEA: *Hist. of the Inquisition*, 3 vols. N. Y., 1888. О сектах, I. 67-208. — М. F. ТОССО: *L'eresia nel medio evo*, Florence, 1884. — P. ALPHANDÉRY: *Les idées morales chez les Hétérodoxes Latins au début du XIII siècle*, Paris, 1903. — HEFELE-KNÖPFLE, vol. V. — А. Н. NEWMAN: *Recent Researches concerning Med. Sects* в *Papers of Amer. Soc. of Ch. Hist.* 1892, IV. 167-221.
- О КАТАРАХ, §80. BONACURSUS (сначала учитель катаров): *Vita haereticorum seu contra Catharos* (1190?), Migne, 204. 775-792. — ЕСВЕРТУС (каноник из Кельна, ок. 1150 г.): *Sermones XIII adv. Catharorum errores*, Migne, 195. — ERMENGAUDUS: *Contra haeret.*, Migne, 204, 1235 — 1275. — МОНЕТА СРЕМОНЕНСИС (1240): *Adv. Catharos et Valdenses*, Rome, 1763. — RAINERIUS SACCHONE (ум. ок. 1263, был вождем катаров семнадцать лет, потом стал доминиканцем и активным инквизитором): *De Catharibus et Leonistis seu pauperibus de Lugduno* в Martène-Dugand, *Thes. Anecd.*, V. 1759 — 1776. — BERNARDUS GUIDONIS: *Practica inquisitionis hereticae pravitatis*, ed. DOUAIS, Paris, 1886. — С. DOUAIS, епископ Бове: *Documents pour servir a l'Hist. de l'inquis. dans le Languedoc*, 2 vols. Paris, 1900. *Trans. and Reprints*, университета Филадельфии, III. No. 6. — *С. SCHMIDT: *Hist. et Doctr. de la secte des Cathares ou Albigeois*, 2 vols. Paris, 1849.
- О ПЕТРОВРУЗИАНЦАХ И Т. Д., §81. DÖLLINGER: I. 75-110. — ПЕТР ДОСТОПОЧТЕННЫЙ: *Adv. Petrobrusianos*, Migne, 189. 719-850; *Acta episc. Cenomannensium*, в Mabillon, *Veter. Analecta*, p. 315, Paris, 1723. — О Генрихе Лозаннском, GAUFRID: *Vita Bernardi*, Migne, 185. 312 sqq.; *Epp. Bernardi*, 241, Migne, 182, 434 sqq. — *Жития* святого Бернара. — НАУСК: ст. в Herzog, *Ency.*, VII. 606 sq. — J. VON WALTER: *Die ersten Wanderprediger Frankreichs*, II. 130-141, Leipzig, 1906. — О Танхельме, *Vita Norberti*, cap. 16. — ОТТОН ФРЕЙЗИНГЕНСКИЙ: *De gestis Frid.*, cap. 54. — НАУСК: IV. 88-92.
- О БЕГИНКАХ И БЕГАРДАХ, §83. BERNARDUS GUY: pp. 141 sqq., 264-268. — FREDERICQ, II. 9 sqq., 72 sqq. — DÖLLINGER, II. 378-416, 702 sqq. — *J. L. MOSHEIM: *De Beghardis et Beguinibus*, Leipzig, 1790. — G. UHLHORN: *D. christl. Liebesthätigkeit im Mittelalter*, pp. 376-394. — Н. DELACROIX: *Le Mysticisme speculatif en Allemagne au 14e siècle*, Paris, 1900, pp. 52-134. — ULLMANN: *Reformers before the Reformation*. — LEA: II. 350 sqq. — *HAUPT, ст. *Beguinen und Begharden* в Herzog, II. 516-526, и ст. *Beguinen* в Wetzler-Welte, II. 204 sqq.

- О ВАЛЬДЕНСАХ, §84. RAINERIUS, MONETA, BERNARDUS GUY. — DÖLLINGER: *Beiträge*. — BERNARDUS, АББАТ FONTIS CALIDI (ум. ок. 1193): *Adv. Waldensium sectam*, Migne, 204. 793-840. — ALANUS AB INSULIS (ум. ок. 1202): *Adv. haeret. Waldenses, Judaeos et Paganos*, Migne, 210. 377-399; — *Rescriptum haeresiarcharum Lombardiae ad Leonistas in Alemannia* так называемого «анонима из Пассау» (ок. 1315), ed. PREGER, в *Beiträge zur Gesch. der Waldesier im Mittelalter*, Munich, 1876. GIESELER в *De Rainerii Sacchone*, Götting., 1834, рассматривает это издание как отдельный труд. — ETIENNE DE BOURBON, pp. 290-296, etc. — ДАВИД ИЗ АУГСБУРГА: *Tractatus de inquis. haereticorum*, ed. PREGER, Munich, 1878. Доллингер приводит часть *Practica* Бернара Гюи, II. 6-17, etc., *Rescriptum*, II. 42-52, и ДАВИД ИЗ АУГСБУРГА, II. 351-319. — Также FREDERICQ, vols. I, II.
- СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДЫ, §84. PERRIN: *Hist. des Vaudois*, Geneva, 1619, в трех частях — о вальденсах, альбигойцах и о десяти гонениях на вальденсов. Филадельфийское издание (1847) содержит вступление (проф.) SAMUEL MILLER из Принстона. — GILLES: *Hist. Eccles. des églises réf. en quelques vallées de Piémont*, Geneva, 1648. — MORLAND: *Hist. of the evang. Churches of the Valleys of Piedmont*, London, 1658. — LEGER: *Hist. générale des églises evang. des Vallées*, etc., Leyden, 1669, с крупными картами трех долин вальденсов и изображениями их мученичества. Леже, ведущий пастор вальденсов, укрылся от гонений в Лейдене. — PEURAN: *Hist. Defence of the Waldenses*, London, 1826. — GILLY (каноник Дарема): *Waldensian Researches*, London, 1831. — MUSTON: *Hist. des Vaudois*, Paris, 1834; *L'Israel des Alpes*, Paris, 1851, англ. перев., 2 vols. London, 1857. — BLAIR: *Hist. of the Waldenses*, 2 vols. Edinb., 1833. — MONASTIER: *Hist. de l'église vaudoise*, 2 vols. Lausanne, 1847. — *A. W. ДИСКHOFF: *Die Waldenser im Mittelalter*, Götting. 1861. — *J. J. HERZOG: *Die romanischen Waldenser*, Halle, 1853. — MAITLAND: *Facts and Documents of the Waldenses*, London, 1862. — F. PALACKY: *Die Beziehungen der Waldenser zu den ehemaligen Sekten in Böhmen*, Prague, 1869. — *JAROSLAV GOLL: *Quellen und Untersuchungen zur Gesch. der Böhmisches Brüder*, Prague, 1878 — 1882. — *H. HAUPT: *Die relig. Sekten in Franken vor der Reformation*, Würzb. 1882; *Die deutsche Bibelübersetzung der mittelalterlichen Waldenser in dem Codex Teplensis*, Würzb., 1885; *Waldenserthum und Inquisition im südöstlichen Deutschland*, Freib., 1890; *Der Waldensische Ursprung d. Codex Teplensis*, Würzb., 1886. — МОНТЕТ: *Hist. litt. des Vaudois du Piémont*, Paris, 1885. — *L. KELLER: *Die Waldenser und die deutschen Bibelübersetzungen*, Leipzig, 1886. — *F. JOSTES: *Die Waldenser und die vorluth. deutsche Bibelübersetzung*, Munich, 1885; *Die Tepler Bibelübersetzung*, Münster, 1886. — *PREGER: *Das Verhältniss der Taboriten zu den Waldesiern des 14ten Jahrhunderts*, Munich, 1887; *Die Verfassung der französ. Waldesier, etc.*, Munich, 1890. — *K. MULLER: *Die Waldenser und ihre einzelnen Gruppen bis zum Anfang des 14ten Jahrhunderts*, Gotha, 1886. — *E. COMBA: *Hist. des Vaudois d'Italie avant la Réforme*, Paris, 1887, новое издание 1901, англ. перев., London, 1889. — SOFIA BOMPIANI: *A Short Hist. of the Ital. Waldenses*, N. Y. 1897. См. также LEA: *Inquis.*, vol. II. — E. E. HALE: *In his Name*, Boston, 1887, простой рассказ о первых вальденсах Лиона. — H. C. VEDDER: *Origin and Early Teachings of the Waldenses* в «Am. Jour. of Theol.», 1900, pp. 465-489.
- О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ ПРОТИВ АЛЬБИГОЙЦЕВ, §85. ИННОКЕНТИЙ III, *Послания*, Migne, 214-216. АББАТ PIERRE DE VAUX DE CERNAY в *Rec. Hist. de France*, XXI. 7 sqq. — HURTER: *Inn. III*, vol. II. 257-349, 379-389, 413-432. — HEFELE-KNÖPFLE: V. 827-861, etc. — LEA: I. 114-209. — A. LUCHAIRE: *Inn. III et la croisade des Albigeois*, Paris, 1905. — MANDELL CREIGHTON: *Simon de Montfort*, в *Hist. Biog.*
- ОБ ИНКВИЗИЦИИ, §86, 87. См. DOUAIS, BERNARD GUY и другие источники, а также труды DÖLLINGER, SCHMIDT, LEA, HURTER (II. 257-269), HEFELE, etc., цитируется выше. — MIRBT: *Quellen zur Gesch. des Papstthums*, 2^d ed., pp. 126-146; — *Doct. de modo proced. c. haeret.*, в MARTENE-DURAND, *Thes. anecd.*, V. 1795 — 1822. — НИС. EUMERICUS (главный инквизитор Испании, ум. в 1399): *Directorium inquisitorum*, ed. F. PEGNA, Rome, 1578. О рукописях Эймрика см. DENIFLE: *Archiv*, 1886, pp. 143 sqq. — P. FREDERICQ: *Corpus documentorum inquis. haer. prav. Neerlandicae*, 5 vols. Ghent, 1889 — 1902. Vol. I начинается с 1025 г. — LUD. А PARAMO (сицилийский инквизитор): *De orig. et progressu officii s. inquis.*, Madrid, 1698. — P. LIMBORCH: *Hist. inquis.*, Amster., 1692, включает важную *liber sententiarum inquis. Tolosanae*, англ. перев., 2 vols. London, 1731. — J. A. LLORENTE (секретарь мадридской инквизиции, 1789 — 1791): *Hist. critique de l'inquis. d'Espagne* (для Фердинанда VII), 4 vols. Paris, 1817. Сокращенный английский текст, Phil., 1843. — RULE: *Hist. of the Inquis.*, 2 vols. London, 1874. — F. HOFFMANN: *Gesch. der Inquis.* (до прошлого столетия), 2 vols. Bonn, 1878. — С. MOLINIER: *L'Inquis. dans le midi de la France au 13e et 14e siècle*,

Paris, 1881. — FICKER: *Die gesetzl. Einführung der Todesstrafe für Ketzerei в Mittheilungen für Oester. Geschichtsforschung*, 1880, pp. 188 sqq. — J. HAVET: *L'hérésie et le bras séculier aut moyen âge*, Paris, 1881. — TAMBURINI: *Storia generale dell' Inquisizione*, 4 vols. — L. TANON: *L'Hist. des tribunaux de l'Inquis. en France*, Paris, 1893. — HENNER: *Beiträge zur Organization und Kompetenz der päpstlichen Ketzengerichte*, Leipzig, 1893. — GRAF VON HOENSBRÖCH: *Das Papstthum*, etc., Leipzig, 1900; 4th ed., 1901. Глава о папстве и инквизиции, I. 1-206. — P. FLADE: *Das römische Inquisitionsverfahren in Deutschland bis zu den Hexenprocessen*, Leipzig, 1902. — HURTER: ст. *Inquisition в Wetzler-Welte*, VI. 765 sqq., и Herzog, IX. 152-167. — E. L. TH. HENKE: *Konrad von Marburg*, Marb., 1861. — B. KALTNER: *Konrad v. Marburg u. d. Inquis. in Deutschland*, Prague, 1882. — R. SCHMIDT: *Die Herkunft des Inquisitionsprocesses*, Freib. i. Breig., 1902. — C. H. HASKINS: *Robert le Bougre and the Beginnings of the Inquis. in Northern France в «Amer. Hist. Rev.»*, 1902, pp. 421-437, 631-653. — Труды о каноническом праве: HINSCHIUS, FRIEDBERG и PH. HERGENRÖTHER (католик), pp. 126, 601-610. — E. VACANDARD: *L'inquisition, Etude Hist. et crit. sur le pouvoir coercitif de l'église*, Paris, 1907, pp. 340.

§79. Средневековые диссентеры

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ церковной власти в руках папства сопровождалась широким встречным движением религиозного индивидуализма и несогласия. Когда теократическая программа Григория VII и Иннокентия III насаждалась наиболее активно, в сообществах несогласных зрел опасный духовный бунт. В то время как крестоносцы сражались в неверными за границей, дома поднимала голову, выражаясь официальным языком, еретическая скверна, угрожавшая нарушить внутренний покой церкви.

Почти пятьсот лет Западная Европа не знала ереси. Когда Григорий Великий обратил ариан Испании и Ломбардии в конце VI века, то предполагалось, что были уничтожены последние проблески ереси. Во второй половине XI века то здесь, то там — в Милане, Орлеане, Страсбурге, Кельне и Майнце — взвивались мелкие искры ереси, но их быстро угасали, и церковь мирно продолжала свой путь. В XII веке ересь проявилась вновь, одновременно в нескольких районах Европы, от Венгрии до Пиренеев и к северу до Бремена. Двумя зараженными центрами оказались Милан в Северной Италии и Тулуза в Южной Франции. Церковные власти встревожились и, под руководством пап, стали применять решительные меры для подавления угрожающего зла. Иаков Витрийский, посетив Милан, назвал его еретической бездной, *fovea haereticorum*, и объявил, что вряд ли кто-то может сопротивляться духовным бунтовщикам, настолько много их было в этом городе⁹⁵². В разных местах Ломбардии священников практически изгоняли. В Пьяченце три года не было священника. В Витербо, совсем рядом с Римом, патарены составляли большинство в 1205 г., как свидетельствовал Иннокентий III. Но наиболее тревожным было положение в Лангедоке, и именно туда направились папские армии, чтобы справиться с этой чумой.

Движение несогласия началось среди народа, не в школах и не среди князей, хотя князья выражали свое недовольство жадностью и обмирщенностью клира и его вторжением в светскую область управления. Подавляющее большинство тех, кто был наказан как еретики, составлял простой народ. Их невежество было постоянным предметом насмешек, когда они оказывались перед судом церковного трибунала. Ересь же более позднего периода, XV века, отличается тем, что ее сторонниками были образованные люди.

⁹⁵² См. цитату полностью в Alphandéry, p. 29.

Наши знания о средневековых сектантах и их практике почти полностью почерпнуты из свидетельств тех, кто выступал против них. Эти свидетельства встречаются в трактатах, учебниках по обращению с ересью, в случайных упоминаниях таких авторов, как Салимбене, Иаков Витрийский, Этьен де Бурбон, Цезарий Гейстербахский или Матфей Парис⁹⁵³, в постановлениях синодов и в протоколах самих судов над еретиками. Эти последние записи, составленные католиками, дошли до нас в больших количествах. Они интересны, но должны изучаться с осторожностью, как заявления врагов. Что касается литературы катаров, то от нее до нас дошло очень немного⁹⁵⁴, и печально сознавать, что при всей многочисленности этих людей, пострадавших от утраты имущества, заключенных в тюрьмы или принявших смерть за свои религиозные убеждения, сохранилось лишь несколько строк, отражающих их веру и чаяния.

Этот религиозный бунт был вызван обмирщением и высокомерием клира, формализмом христианского обряда и светскими амбициями папской политики. Выступая перед церковной инквизицией, обвиняемые говорили о гордости, жадности и аморальности священников. Танхельм, Генрих Лозаннский и другие вожди возмущались священниками и епископами, которые стремились к власти и роскоши и не заботились о благе народа.

В основе этого недовольства лежал духовный голод масс. Библия не была совершенно забыта как книга. Народ помнил о ней. Популярны проповедники, такие как Бернар Тиронский, Роберт Абриссель и Виталий из Савиньи, цитировали ее предписания и опирались на ее авторитет. Народ жаждал Евангелия, которого церковь ему не давала. Народ хотел видеть не только клириков и обряды, но таинство Самого Христа, и в результате большое количество сектантов дошло до крайности — до отказа от совершения таинств и до полного упразднения священства. Целью всех сект было моральное и религиозное преобразование. Катары действительно отличались в философском отношении и были манихеями, но больше всего их волновала не философия. Их главной задачей было устранить мирскую оскверненность официальной церкви, и этим объясняется их быстрое распространение в Ломбардии и Южной Франции⁹⁵⁵.

Одним из главных обвинений против диссентеров было то, что они вкладывают собственное толкование в Евангелия и послания и используют эти толкования для утверждения собственной системы и устранения католической иерархии. Катары особое внимание уделяли Евангелию от Иоанна, а движение вальденсов началось с намерения распространить Писание на народном языке. Низшие классы общества и на личном опыте знали вполне достаточно о злоупотреблениях священников, но громко звучавшее и достигавшее их слуха недовольство лучших людей времени не могло не вызвать всеобщего беспокойства. Святой Бернар упрекал клириков в амбициях, гордости и похоти. Гроссетест называл клириков антихристами и дьяволами. Вальтер фон дер Фогельвейде, поэт, говорил, что священники «приторговывают каждым таинством, даже святой жертвой мессы».

Конечно, эти лучшие люди времени не собирались порочить саму должность священника, но не следует удивляться тому, что народ не делал разграничения между должностью и священником, злоупотреблявшим этой должностью.

⁹⁵³ Migne, 214. 537; 215. 654.

⁹⁵⁴ Опубликовано Cunitz в *Beiträge zu den theol. Wissenschaften*, 1854, IV.

⁹⁵⁵ См. критику Лемппа на труд Альфандери, *Theol. Lit.-zeitung*, 1905, p. 601 sq.

Голоса пророков, Иоахима Флорского и Хильдегарды, были слышны за пределами монастырей. Они не думали о независимом церковном движении, но они призывали к реформе клира. А народ, после долгого ожидания так и не увидевший признаков реформы, нашел выход в сепаратистских сообществах и группах верующих. Рейнская пророчица, выступавшая против катаров, призывала королей и христиан низвергнуть этих саддукеев и еретиков, которые погрязли в похоти и, несмотря на данную человечеству древнюю заповедь плодиться и размножаться, отвергают брак. Но к ее чести следует сказать, что, когда еретиков сжигали в Бонне и Кельне, она подала голос против смертной казни еретиков на том основании, что они, несмотря на ересь, тоже сотворены по образу Божию⁹⁵⁶. Она склонялась ограничить наказание конфискацией имущества.

Вполне вероятно, что элементы ереси проникли в Центральную и Западную Европу с Востока. В Византийской империи продолжали произрастать семена древних ересей, и оттуда, похоже, они были принесены на Запад, где их приняли манихействующие катары и альбигойцы. Странствующие торговцы и наемники из Германии, Дании, Франции и Фландрии, которые путешествовали по Востоку или служили в византийской армии, могли распространять их по возвращении домой.

Вопросы, в которых еретические секты расходились с Католической церковью, касались учения, обряда и организации церкви. Среди отвергаемых ими догм были пресуществление и теория о священстве. Действенность детского крещения также отрицалась, а катары вообще отказались от водного крещения. Поклонение кресту и другим изображениям считалось идолопоклонством. Они отвергали клятвы и даже воинскую службу. Бернар Гюи, главный инквизитор Тулузы и наш главный источник по части еретических верований, распространенных в Южной Франции в XIV веке, говорит⁹⁵⁷: учение о пресуществлении отрицалось ими на том основании, что даже если бы тело Христа было размером с величайшую из гор, оно уже давно бы закончилось. Что касается поклонения кресту, то с равным успехом можно было бы поклоняться колючкам и копьям, потому что тело Христа было увенчано терновым венцом и пронзено копьем. Заявления жертв инквизиции — это простые высказывания неграмотных людей. Среди тысяч докладов о судебных делах, которые до нас дошли, обвинения в безнравственности встречаются редко.

Еретик, то есть тот, кто не соглашался с догматическими принципами Католической церкви, считался хуже сарацина и хуже грешника. В проповеди, произнесенной Вернером из монастыря Св. Власия около 1125 г., есть заявление о том, что «святая Католическая церковь терпеливо сносит тех, кто живет во грехе, *male viventes*, но изгоняет из своих рядов тех, кто заблуждается в вере, *male credentes*»⁹⁵⁸. Средневековая церковь вслед за отцами без колебаний применяла к еретикам самые крайние эпитеты. Синод в Тулузе (1163), упоминая о еретиках Гаскони, сравнивал их со змеями, которые прячутся, а потому наиболее опасны для простодушных людей из виноградника Господня. Вероятно, самое частое

⁹⁵⁶ См. цит. в Döllinger, I. 111.

⁹⁵⁷ См. также Петра Достопочтенного, *C. Petrobrus.*, Migne, 189. 1185. Бернар Гюи родился в Южной Франции (1261). Он вступил в доминиканский орден и занимал должность главы инквизиции в течение шестнадцати лет, преследуя катаров и других еретиков. Он стал епископом Тюи в 1323 г. Его *Practica inquisitionis*, пособие для инквизиторов, — весьма интересный и ценный документ.

⁹⁵⁸ *Deflorationes SS. Patrum*, Migne, 157. 1050.

сравнение — с лисенятами Соломона, которые губят виноградники⁹⁵⁹. Петр Дамиани⁹⁶⁰ и другие сравнивают их с лисами Самсона, у которых лица смотрели в разные стороны, а хвосты были связаны вместе, чтобы предназначенная им губительная миссия была осуществлена как можно успешнее. Иннокентий III предпочитал сравнение с лисами, но он также называл еретиков скорпионами, поражающими своих жертв жалом проклятия; саранчой, подобной саранче Иоиля, прячущей свой хищнический нрав в пыли и бесчисленной; бесами, которые подносят змеиный яд в золотых сосудах вавилонских; ересь он называл черным конем Апокалипсиса, на котором скачет дьявол, держащий в руках весы. Ересь — это смертельный рак, который расплзается, как змея⁹⁶¹.

На Четвертом Латеранском соборе также использовался образ лис Самсона, морды которых смотрят в разные стороны, а хвосты связаны вместе для единой цели⁹⁶². Григорий IX⁹⁶³, говоря о Франции, заявил, что она кишит множеством ядовитых рептилий и ядом ересей. Этьен де Бурбон в последние годы XII века говорил, что «еретики — это отбросы и скверна, и по этой причине они могут вернуться к прежней вере только Божиим чудом — как зола не может сама собой превратиться в серебро, а помой в вино»⁹⁶⁴. Святой Бернар сравнивал еретиков с кусающими псами и хитрыми лисами⁹⁶⁵. Активно использовался образ высохшей ветви из Ин. 15:6, которую следует отсечь и сжечь, а также исторические примеры уничтожения хананеев, Корея, Дафана и Авирона. Фома Аквинат относил еретиков в одну категорию с фальшивомонетчиками, которые были уголовно наказуемы согласно гражданскому суду. Землетрясения (как великое землетрясение в Ломбардии в 1222 г.) и другие природные бедствия толковались ортодоксами как гнев Бога против ереси⁹⁶⁶.

Принцип терпимости был тогда неизвестен. В лучшем случае, лишь время от времени кто-то выступал против смертной казни, как, например, Хильдегарда, Руперт из Дейца⁹⁶⁷ и Петр Кантор, епископ Парижский⁹⁶⁸. Но Бернар пошел дальше. Он призывал Евгения III отказаться от насилия в обращении с еретиками⁹⁶⁹ и, комментируя Песн. 2:15 («ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники»), заявлял, что их следует не уничтожать оружием, а улавливать доводами и примирять с церковью в соответствии с замыслом Того, Кто желает спасения всех людей. Он добавлял, что ложный католик приносит больше вреда, чем открытый еретик⁹⁷⁰. Однако преобладало мнение, что ересь для церкви — как болезнь для тела и что самая милосердная процедура в этом случае — отсечь

⁹⁵⁹ *Vulpeculae sunt heretici, quae demoliuntur vineas* (Гонорий из Отуна, Migne, 172. 503; Etienne de Bourbon, p. 278, etc.).

⁹⁶⁰ Migne, 145: 419.

⁹⁶¹ *Epp.* I. 94; II. 99; IX. 208, etc., Migne, 214. 81, etc. *Morbus iste qui serpit ut cancer* (*Ep.* II. 1).

⁹⁶² *Facies quidem habentes diversas sed caudas ad invicem collegatas quia de varietate conveniunt in id ipsum* (Mirbt, p. 133). То же выражение см. в De Bourbon, p. 278.

⁹⁶³ *Venentorum multitudo reptilium et haeresum sanies scaturire dicitur* (булла Григория, 1235, обращенная к инквизитору Роберту Булгарину, в Auvray, 2736, и Fredericq, I. 100).

⁹⁶⁴ P. 289.

⁹⁶⁵ *De consid.*, III. 1.

⁹⁶⁶ Coulton, *Salimbene*, p. 13.

⁹⁶⁷ См. Döllinger, *Akad. Vortäge*, III. 280.

⁹⁶⁸ *Gutjahr, Petrus Cantor Paris. sein Leben u. Schriften*, Graetz, 1899.

⁹⁶⁹ *De consid.*, III. 1.

⁹⁷⁰ *Plus nocet falsus catholicus quam verus hereticus* (*Serm. in Cant.*, 64, 65 — Migne, 183. 1086, 1091).

еретика. Различия между человеком и заблуждением не проводилось. Основную ответственность за политику, соответствующую подобным взглядам, несут папы. Гражданские законодательства признавали и провозглашали смерть «заслуженным возмездием» еретика, *poena debita*⁹⁷¹. Фома Аквинат и богословы аргументированно доказывали это. Бернар Гюи выражает мнение своего века, объявляя, что ересь может быть уничтожена, только когда ее сторонники обратятся или будут сожжены. Для истребления религиозных диссентеров был создан жестокий суд инквизиции, а крайней мерой был организованный крестовый поход, проводимый под знаменем папы: кровь средневековых несогласных проливалась безжалостно, практически без угрызений совести, как кровь сарацин на Востоке.

О путанице, которая возникала у церковных властей в отношении сектантов, а также о разногласиях среди самих сектантов свидетельствует множество имен, под которыми они были известны. Самый подробный список приводится в кодексе Фридриха II (1238)⁹⁷². Там перечислено девятнадцать разных сект, самые известные из которых — катары, патарены, бегарды, арнольдисты и вальденсы, но кодекс не объявляет этот перечень исчерпывающим — к списку добавляются слова: «...и все еретики обоих полов, каким бы именем они ни назывались». Действительно, этот список не исчерпывающий, потому что в него не включена такая уважаемая группа из Северной Италии, как гумилиаты, или ортлибарии из Страсбурга, или апостолики из Бельгии. В одном из документов говорится о семидесяти двух, а у Салимбене — о ста тридцати разных сектах⁹⁷³. Собор в Вероне (1183) осудил «в первую очередь всех катаров, и патаренов, и тех, кто ложно называет себя гумилиатами, или лионскими бедняками, а также пассагиан, иосефинов и арнольдистов, на которых выносятся постоянная анафема». Отчасти отсутствием организации объясняется многочисленность этих имен — некоторые из них происходят от названий местностей или городов и не указывают на какие-либо отличия от других групп в плане верований или практики. О количестве еретических течений можно только догадываться. Церковные власти были в панике, и в некоторых заявлениях, например, Иннокентия III, следует видеть преувеличение, как часто бывают преувеличенными слухи о вражеской армии при панике населения, ожидающего ее приближения. Иннокентий утверждал, что еретиков в Южной Франции неисчислимо множество⁹⁷⁴. По словам Ньюмейстера, сожженного епископа-еретика, в Австрии около 1300 г. насчитывалось восемьдесят тысяч вальденсов⁹⁷⁵. Писавший около 1315 г. автор, которого обычно называют «анонимом из Пассау», утверждает, что вряд ли осталась такая страна, куда не проникли бы вальденсы. Катары на юге Франции защищались большими армиями, и их убивали тысячами. Выжила из всех этих сект только самая почтенная, по-прежнему называемая вальденсами.

Иногда средневековых диссентеров ставят в один ряд с протестантами. Это правильно только в том отношении, что и те, и другие отказывались склониться

⁹⁷¹ Таким было распространенное выражение, используемое в церкви и в официальных документах (Flade, p. 114).

⁹⁷² *Catharos, Patarenos, Speronistas, Leonistas, Arnaldistas, Circumcisos, Passaginos, Josephinos, Garatenses, Albanenses, Franziscos, Bagnarolos, Commixtos, Waldenses, Roncarolos, Communellos, Warinos et Ortolinos cum illis de Aqua Nigra et omnes haereticos utriusque sexus, quocumque nomine censeantur* (Bréhollès, V. 280).

⁹⁷³ Dollinger, II. 300; Coulton, *Salimbene*, p. 13.

⁹⁷⁴ *Ep. I. 94, Migne*, 214. 81.

⁹⁷⁵ Flade, p. 17.

под игом католической иерархии. Что касается других аспектов, то протестантская Реформация, вслед за официальной церковью средних веков, отвергла некоторые доктрины диссентеров и некоторые их практики. Хотя секты представляют интерес сами по себе и по причине тех ужасных испытаний, которые им пришлось перенести, они все-таки были побочными потоками в сравнении с общим течением Католической церкви, которая, несмотря на все свои злоупотребления и гонения, обращала в христианство варваров, развивала образование, строила соборы, культивировала искусство, создавала гимны, разрабатывала богословские системы и вносила вклад в развитие человечества другими способами. Для нас секты наиболее интересны их бунтом против иерархии священников, в котором они все были едины, и устремленностью к чистоте речи и чистоте жизни. В их истории было много хороших людей, но не было великих. Самым примечательным из всех их вождей был Петр Вальд.

Четкая классификация средневековых еретиков сложна или даже невозможна из-за отсутствия документов, в которых они излагали бы свои взгляды, и из-за путаницы между сектами у средневековых авторов.

Катары, или еретики-манихеи, образуют отдельную группу. Вальденсы, гумилиаты и, возможно, арнольдисты представляют группу евангельских диссентеров. Амальриканцы и, вероятно, ортлибарии были пантеистами. Отдельные вожди, Петр де Брюи, Генрих Лозаннский, Евдон и Танхельм, были проповедниками и иконоборцами — в положительном значении этого термина, а не основателями сект. Бегарды и бегинки представляют движение реформ внутри самой церкви, крыло которого впало в вероучительную ересь и беззаконие, тем самым навлекши на себя анафему церковных властей.

§80. Катары

Самой распространенной из еретических сект были катары. Этот термин происходит от греческого *katharos*, «чистый», и в немецком языке от него произошло слово «еретик», *Ketzer*. Впервые он был использован самими катарами⁹⁷⁶. Гротескную этимологию термина придумали враги катаров. Они связали секту с кошкой, облик которой нравится принимать дьяволу⁹⁷⁷. Из-за дуалистических тенденций катаров называли новыми манихеями. Миланский квартал, где они жили, был местом старьевщиков и назывался Патария, а потому они получили имя патаренов⁹⁷⁸.

⁹⁷⁶Schmidt, II. 276; Döllinger, I. 127. Термин «катары» встречается в XII веке у Экберта и в актах Третьего Латеранского собора (1179), где о еретиках Южной Франции говорится как о *Cathari*, *Patrini*, *Publicani* или известных под каким-нибудь другим именем (*Quos alii Catharos, alii Patrinos, alii Publicanos, etc., alii alii nominibus vocant*). Иннокентий III называл их катарами и патаренами (*Epp. I. 94; II. 228; VIII. 85, 105, etc.*).

⁹⁷⁷Alanus de Insulis (Migne, 210. 266) пишет: «Катары называются так от кошки, заднюю часть которой они, по слухам, целуют и в облике которой, как говорят, им является сам Люцифер». Иаков из Варацце в своей *Legenda aurea* упоминает о сатане в образе кота в связи с этой ересью. Он рассказывает, что однажды некие еретички стояли на коленях у ног святого Доминика и вдруг воскликнули: «Слуга Божий, помоги нам!» «Погодите, — сказал Доминик, — и вы увидите, кому служили». Вдруг среди них появился черный кот ужасного вида, с длинным, прямо стоящим хвостом, из-под которого исторгалось жуткое зловоние. Затем кот залез по веревке от колокола на шпиль колокольни, и женщины обратились.

⁹⁷⁸Шмидт, обсуждающий эти имена в подробном примечании (II. 275-284), говорит, что в XVIII веке в Милане еще существовал район Контрада де Патари. Фридрих II в своем Сицилийском кодексе производит имя патаренов от *patior*, «страдать». *Patarenos se nominant velut expositos passioni* (Huillard-Bréholles, IV. 6). См. также Walter Map (*De nugis*, Wright ed., p. 61), кото-

В Южной Франции катары назывались альбигойцами, от города Альби, одного из их центров. На территории Восточной Европы, откуда пошло богословское учение катаров, они были известны как булгары, бугары или бугры (*Bulgari, Bugares, Bugres*)⁹⁷⁹. Во Франции их называли также тессарантами, тексторами, так как они пользовались влиянием среди ткачей и ремесленников, или павликанами и попликанами (искаженное «павликиане»)⁹⁸⁰.

В ту эпоху обычно считалось, что доктринальные взгляды катаров позаимствованы у еретических сект Восточной Европы и Востока, таких как павликиане и богомилы. Это мнение основывалось на свидетельствах членов секты, высказанных на суде, а также на том факте, что вожди еретиков из Восточной Европы, Боснии и Константинополя официально признавали западных еретиков. Павликиане с V века существовали в Малой Азии и распространялись в сторону Константинополя⁹⁸¹. Богомилы же, более позднего происхождения, занимали выдающееся положение в Константинополе в начале XII века⁹⁸². Возможно также, что семена манихейской и арианской ереси остались в Италии и Южной Франции после того, как эти системы были признаны искорененными в данных регионах.

Павликиане отвергали Ветхий Завет и учили строгому дуализму. Богомилы верили в савеллианскую Троицу, отрицали евхаристию и заменяли водное крещение обрядом молитвы и возложения рук. Брак они объявляли нечистым делом. Они не поклонялись образам и не использовали крестов.

В начале XI века прозвучали первые сообщения о проявлениях ереси в разных местах Италии и Южной Франции. Около 1000 г. в провинции Шалон появился некий Леутард, претендующий на богодухновенность. Он уничтожал кресты и выступал против десятины. В 1012 г. манихейские сепаратисты впервые появились в Германии, в Майнце⁹⁸³, а в 1022 г. — в Орлеане, где на суде над ними присутствовали король Роберт и его супруга Констанция. Пятнадцать человек предстали перед судом, из них тринадцать проявили упорство и погибли в огне. Говорят, что Констанция ударила одного из них, своего бывшего исповедника, посохом и выбила ему глаз⁹⁸⁴. В 1025 г. еретики появились в Льеже. Примерно в то же время в Трире обнаружилась небольшая группа людей, которые отрицали пресуществление и крещение младенцев⁹⁸⁵. Их крепостью стал замок Монфорте близ Турина, и в 1034 г. Гериберт, архиепископ Миланский, схватил

рый говорит, что дьявол обещал сделать патаренов совершенным, если они пострадают и выполнят все, что он велит.

⁹⁷⁹ М. Парис (Luard ed., III. 520) говорит о *bugares* как об обычном названии «патаренов, иовиниан, альбигойцев и запятнанных прочими ересями» и связывает их с Робертом Булгарином (Робертом Бугром), который был еретиком, но стал доминиканцем и известным инквизитором. От его же имени происходит современное английское слово *bugger*, «содомит» {хотя нынешние энциклопедии дают несколько иную этимологию: от Болгарии, ассоциировавшейся с богомилами, которым приписывался содомский грех; то есть Роберта стали называть Булгарином по ассоциации с богомилами}.

⁹⁸⁰ Döllinger, I. 129 sq.

⁹⁸¹ Ibid., I. 1-51, где приводится подробное описание павликиан и богомилов. Автор считает павликиан промежуточным звеном между гностиками древней церкви и сектантами средних веков (р. 3).

⁹⁸² Ibid. (р. 114) говорится, что учения катаров и богомилов настолько схожи, что «прямое происхождение первого от последнего может считаться несомненным». Наши знания о богомилах исходят от Евфимия, *Narratio de Bogomilis* которого издал Гизелер (Геттинген, 1842).

⁹⁸³ Hauck, *Kirchengesch.*, III. 431.

⁹⁸⁴ Schmidt, I. 31; Hefele, IV. 674 sqq.

⁹⁸⁵ Hauck, IV. 88.

некоторых из них, в том числе их вождя Герара. Все они предпочли умереть в огне, но не поклониться дереву в форме креста. В 1052 г. они появились в Госларе, где виновных узнавали по нежеланию убить цыпленка. После этих и еще нескольких подобных сообщений слух о ересь затих почти на столетие.

Примерно в середине XII века ересь снова неожиданно появилась в Льеже, и начались гонения. В 1145 г. восемь мужчин и три женщины были сожжены в Кельне. Образцом твердости стала молодая женщина, которая сначала обещала вступить в брак, но потом, видя, как горят ее собратья по вере, вырвалась из рук тех, кто ее держал, и, закрыв лицо платьем, бросилась в огонь. Так, по словам Цезария Гейстербахского, она отправилась в ад вместе со своими друзьями-еретиками⁹⁸⁶. В Реймсе (1157) и снова в Кельне (1163) имели место суды и сожжения, но позже о катарах в Германии больше не слышали.

Единственное появление катаров в Англии было зафиксировано в Оксфорде (1161), когда более тридцати неграмотных германцев, мужчин и женщин, стали распространять свои заблуждения. Сообщают, что они «презирали» брак, евхаристию, крещение и Католическую церковь, цитируя Мф. 5:10: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». Собор епископов велел заклеить им лбы и бичевать⁹⁸⁷. Генрих II не позволил предать еретиков смерти сожжением, хотя в его королевстве даже за нарушение законов о лесах наказывали ослеплением и кастрацией⁹⁸⁸.

Во Франции катары уже в 1167 г. были достаточно сильны, чтобы провести собор в Сен-Феликс-де-Караман возле Тулузы. Его посетил Никита из Константинополя, которого удостоили титула папы. Никиту сопровождал катарский епископ Марк из Ломбардии⁹⁸⁹. Судя по рассказам современников, еретиков было очень много. Уильям из Ньюбурга сравнивает их с морским песком, а Вальтер Мэп заявляет, что в Аквитании и Бургундии их было не сосчитать⁹⁹⁰. К концу XII века они, как сообщается, имели последователей почти в тысяче городов⁹⁹¹. Доминиканец Райнерий насчитывает их 4.000.000 и заявляет, что эта информация основана на переписи, организованной самими катарами⁹⁹². Иоахим Флорский говорил, что они рассылали своих эмиссаров подобно саранче⁹⁹³. Такие высказывания не следует воспринимать всерьез, но они указывают на широту религиозных волнений. Никто не знал, до каких размеров может разрастись ересь. В Южной Франции священники были объектом насмешек. В этом регионе, как и во многих городах Ломбардии, у катаров были школы для мальчиков и девочек.

Хотя все катары выступали против многих обычаев и учений официальной церкви, они сами делились на секты — семьдесят две, согласно одному документу⁹⁹⁴. Главными из них были альбанензы и конкоррецы, имена которых происходили от двух ломбардских городов, Альби и Конкорреджио, возле Монцы⁹⁹⁵.

⁹⁸⁶ *Dial.*, V. 19.

⁹⁸⁷ Уильям из Ньюбурга (Hamilton ed., pp. 121-123). Walter Map (*De Nugis*, p. 62) утверждает, что их было шестнадцать. Оксфордский собор называл их *publicani* (1260).

⁹⁸⁸ Stubbs, издание де Ховедена, II, p. liv sq.

⁹⁸⁹ Döllinger (I. 121 sq.) без колебаний объявляет его епископом павликиан.

⁹⁹⁰ *Superabundant iam ad omnem infinitatem*.

⁹⁹¹ Цезарий Гейстербахский, цит. в Döllinger, I. 124.

⁹⁹² P. 1768.

⁹⁹³ Döllinger, I. 125.

⁹⁹⁴ Döllinger, II. 300.

⁹⁹⁵ *Ibid.*, I. 117; II. 82. Шмидт считает их происходящими от Албании и Корчи в Далмации.

Промежуточное между ними положение занимали баньолензы, называемые так от итальянского города Баньоло, возле Лоди. У этой третьей группы был епископ, авторитет которого признавали катары Мантуи, Брешии и Бергамо⁹⁹⁶.

Разница между альбанензами и конкорреццами была богословского характера. Она касалась природы Бога и происхождения материи. Альбанензы были строгими дуалистами. Материя вечна и сотворена злым богом. Павел говорит о всем видимом как о прахе. Конкорреццы, похоже, отвергали дуализм и считали зло творением Люцифера, высшего из ангелов.

В вопросах обряда и практического поведения, а также в антагонизме к официальной церкви все группы катаров соглашались между собой. Со времен «Истории катаров» Шмидта принято представлять катарство как философскую систему⁹⁹⁷, но с такой точки зрения очень трудно понять это движение. Как могли эти необразованные люди, а именно такими и были катары, интересоваться в первую очередь метафизическими построениями? Их взгляды были связаны не с философией, а с повседневной верой и практикой. Только имея это в виду, можно понять, почему движение так быстро и широко распространилось по упорядоченной и процветающей территории Южной Франции — территории, где располагался Клуни и на которую он оказывал влияние.

Все катары — по выражению их оппонентов — поносили официальную церковь и называли ее сторонников романистами. Они говорили, что существует две церкви — грешников и праведников. Они сами составляли церковь праведников, вне которой не было спасения⁹⁹⁸. Они приняли возложение рук и покаялись в соответствии с учением Христа и апостолов, тогда как плоды официальной церкви доказывали, что она — не истинная церковь. Истинная церковь терпит гонения, а не предписывает их, тогда как Римская церковь правит, она облечена в пурпур и чистый лен. Истинная церковь прежде всего учит, тогда как Римская церковь прежде всего крестит. В истинной церкви нет высоких чинов, прелатов, кардиналов, архидиаконов или монахов, тогда как Римская церковь — это женщина из Апокалипсиса, блудница, а папа — антихрист.

Документы судов свидетельствуют, что катары активно использовали Писание. Трактаты Бонакурса, Эрменгауда и других авторов, опровергающих катарское учение, изобилуют цитатами из Писания, а это значит, что еретики с уважением к нему относились. Они вкладывали духовное толкование в чудеса и превращали притчи в вольные аллегории. В притче о добром самарянине человек, попавший в руки разбойников, был Адамом, дух которого, по Божьему велению, сошел с небес на землю и попал к разбойникам в нижний мир⁹⁹⁹. Священник и левит — это Мелхиседек и Аарон, которые прошли мимо, то есть не помогли ему. Катары отвергали Ветхий Завет, объявляя его делом дьявола. Его Бог — злой бог¹⁰⁰⁰.

⁹⁹⁶ Райнерий — наш главный авторитет в данном отношении. Он сообщает об этом тройном делении (Martène, V. 1761), а затем рассказывает об общих доктринальных и практических заблуждениях сект и о том, что их разделяло. Он приводит также список катарских центров в Ломбардии и других местах. См. также важный документ, *Supra stella* (Salvus Burce, 1235, в Döllinger, II. 52-84). Заглавие подчеркнуто противопоставляется с катарским трактатом *Stella*, «Звезда».

⁹⁹⁷ См. также Alphandéry, p. 35. Лемпп, в критике труда Альфандери (*Lit.-zeitung*, 1905, p. 601) придерживается точки зрения, представленной в данном тексте.

⁹⁹⁸ Döllinger, II. 322, etc.; Douais, II. 105, etc.; Bonacursus, Migne, 204. 777.

⁹⁹⁹ Bonacursus, p. 775.

¹⁰⁰⁰ Döllinger, II. 294, etc.; Ermengaudus, 1237. Lea (I. 563-567) приводит документ, очевидно, относящийся примерно к 1300 г., в котором некий катар с помощью Писания доказывает, что

Похоже, катары прославляли Христа, хотя отрицали полную реальность Его человеческой природы. Он был сотворен на небесах и не был рожден на земле, но прошел через Марию как через сосуд. Он не ел материальную пищу и не пил материальное питье. Что касается Иоанна Крестителя, то он был одним из главных бесов и был осужден за свои сомнения и за то, что послал ко Христу с вопросом: «Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?»¹⁰⁰¹

Странный рассказ о падении ангелов был распространен на юге Франции. Сатана взошел на небеса и тридцать два года напрасно ждал, чтобы его впустили. Потом привратник заметил его и впустил. Сокрытый от Отца, он в течение года оставался среди ангелов, а потом начал использовать свое искусство обманщика. Он спросил тамошних обитателей, неужели у них нет иной славы или удовольствий, кроме тех, что он видел. Когда они ответили, что нет, он спросил, почему они не хотят спуститься в его мир и царство, обещая, что даст им подарки, поля, виноградники, источники, луга, плоды, золото, серебро и женщин. Потом он начал хвалить женщин и плотские удовольствия. А когда они стали интересоваться подробностями о женщинах, дьявол сказал, что спустится и приведет одну с собой. Он так и сделал. Женщина была украшена золотом и драгоценными камнями и прекрасна видом. Ангелы воспламенились от страсти; сатана же, видя это, взял ее и покинул небеса. Ангелы последовали за ним. Исход продолжался девять дней и ночей, а потом Бог затворил образовавшуюся трещину¹⁰⁰².

Сами катары делили себя на два класса — *perfecti*, совершенных, и *credentes*, верующих. «Совершенными» были те, кто выполнил обряд *consolamentum*, их также называли «добрыми людьми» или «добрыми христианами» (*bons hommes*¹⁰⁰³) или «препоясанными» (*vestiti*¹⁰⁰⁴), потому что после *consolamentum* нужно было перепоясаться веревкой. Райнерий (около 1250 г.) пишет, что количество «добрых людей» составляло четыре тысячи. «Верующие», в общем, соответствовали катехуменам ранней церкви. Они уповали на *consolamentum*, которое собирались принять. Посредством заключения договора, называемого *convenenza*, наставники катаров обещали дать «верующим» *consolamentum* в последние часы их жизни.

Consolamentum занимал место крещения, но значил больше, чем крещение. Католические власти считали его посвящением в еретики — *haereticatio*, как они говорили. Обычно в суде обвинение формулировали так: «Подвергся посвящению в еретики»¹⁰⁰⁵. Обряд, который дозволялось проводить и женщинам, заключался в возложении рук и использовании Евангелия от Иоанна, которое клали

Бог Ветхого Завета — это не Бог Нового. Он рассуждает: «Бог говорит в Книге Бытия: “Не ешь от древа жизни”. Но Бог Нового Завета говорит в Апокалипсисе: “Побеждающему дам вкушать от древа жизни”. Один запрещает, другой обещает. Поэтому они — антагонисты, один — противник другого». И опять же, он рассуждает: «В Бытии сказано: “Вражду положу между тобою и между женою”. Бог Ветхого Завета, таким образом, сеет несогласие и вражду. Но Бог Нового Завета — даритель мира и примиритель всего. Следовательно, они — противники».

¹⁰⁰¹ Bonacursus, p. 777; Ermengaud, p. 1234 sq.; Douais, II. 93, 96, 103, etc.

¹⁰⁰² Döllinger, II. 149-153.

¹⁰⁰³ *Boni homines* — Döllinger, II. 22, 27, etc.; *Boni Christiani* — II. 4, 17, 25, etc. В Южной Франции одним из наиболее частых обвинений было то, что обвиняемые называли катаров *bons hommes* (Douais, II. 9, 11, 14, 25, etc.). Французские синоды, Иннокентий III, послания папских легатов и т. д. называют их также *credentes*. См. Hefele, V. 846, 850, etc.; Döllinger и Douais — см. *credentes* в указателе.

¹⁰⁰⁴ Тулузский синод (1229) и т. д. См. Schmidt, II. 127.

¹⁰⁰⁵ *Haereticationi interfuit* (Douais, II. 17, 19, 22, etc.).

кандидату на голову или грудь¹⁰⁰⁶. Кандидат исповедовался во всех своих греховных помыслах, словах, делах и видениях, заявлял о своей вере и уповании на Бога и на *consolamentum*, которое он готовился принять. Потом следовал мирный поцелуй¹⁰⁰⁷.

«Совершенные» обладали монополией на спасение. Те, кто не принимал *consolamentum*, считались погибшими или после смерти вселялись в другое тело и возвращались на землю. Обряд предполагал не только отпущение всех предыдущих грехов, но и прощение грехов, которые могли быть совершены позже. Но отступничество было возможно и иногда происходило¹⁰⁰⁸. После смерти дух воссоединялся с душой, которая оставалась на небесах. Телесного воскресения у катаров не было. Проведение *consolamentum* касалось только взрослых до XIV века, когда его стали применять к больным детям. О прошедших обряд говорили, что они «хорошо завершили свой путь»¹⁰⁰⁹.

Consolamentum заменял собой семь таинств. Водное крещение объявлялось материальным и тленным, делом злого бога. Даже маленькие дети не спасались, если не получали отпущения грехов и возложения рук¹⁰¹⁰. Крещение официальной церкви было крещением Иоанна Крестителя, а крещение Иоанна было изобретением дьявола¹⁰¹¹. Христос провел явное разграничение между крещением водой и крещением силой — Деян. 1:5. И Он обещал Церкви последнее.

В отношении евхаристии катары считали, что Бог не мог сделать освященную гостию средством передачи благодати и что Бог не может находиться в гостии, ибо она проходит через желудок и самые презренные части тела¹⁰¹². Мессу они заменяли принятием освященного хлеба перед общей трапезой. Часто этот хлеб хранили месяцами. В некоторых районах существовал и более торжественный обряд, совершаемый двенадцать раз в год, называемый *apparellamentum*, а на суде часто звучали обвинения в том, что подсудимые участвовали в этой трапезе¹⁰¹³. Некоторые свидетельствовали, что они ели тело Христово и пили Его кровь, слушая слова Писания. Среди требований, предъявляемых к тем, кто принимал *consolamentum*, был запрет на прикосновения к женщинам, на употребление животной пищи, на клятвы, на участие в войне и смертной казни.

Брачное ложе объявлялось противоречащим Божьему закону. Некоторые даже заявляли открыто, что человеческое тело сотворено дьяволом. Любовь между мужем и женой должна быть подобна любви Христа и Церкви, без плотского желания. Заповедь не смотреть на женщину, Мф. 5:27,28, воспринималась буквально, а заповедь оставить мужа и жену истолковывалась как отказ от плотского сожительства. Свидетели полностью осуждали брак¹⁰¹⁴: ни один человек, всту-

¹⁰⁰⁶ *Ante pectus* (Rainerius, p. 1764). Подробное описание приводится в приложении к Райнерию (Martène, V. 1776).

¹⁰⁰⁷ Ermengaud, Migne, 204, 1362; Rainerius, p. 1764; Döllinger, II. 41.

¹⁰⁰⁸ Среди отступников был богатый горожанин Моран из Тулузы, который понес наказание, став обнаженным по пояс у алтаря святого Сатурнина и позволив высечь себя в присутствии папского легата. Он отправился в паломничество в Иерусалим, но по возвращении снова стал катаром и умер «совершенным» (Schmidt, I. 77 sqq.).

¹⁰⁰⁹ Döllinger, II. 30.

¹⁰¹⁰ Ibid., II. 5, 322.

¹⁰¹¹ Ibid., II. 21, 34, 65, 90, 283, etc.

¹⁰¹² *In latrinam ventris et per turpissimum locum, quae non possunt fieri, si esset ibi deus* (Döllinger, II. 5).

¹⁰¹³ Douais, II. 17, 22, 27, 45, etc.

¹⁰¹⁴ Moneta, p. 315; *jacere cum uxore sua sicut cum meretrice* (Döllinger, II. 30); *matrimonium est*

пающий в половые отношения, не мог быть спасен. Преобладало мнение, по крайней мере, среди некоторых групп катаров, что употребление в пищу запретного плода в Едеме значило плотское сожителство¹⁰¹⁵.

Что касается животной пищи, то запрещено было не только любое мясо, но также яйца и сыр. Причина заключалась в том, что все это — продукты плотского сожителства¹⁰¹⁶. Цитировались также слова Петра на кровле дома, Деян. 10:14. Но катары разрешали есть рыбу по примеру Христа, Который накормил ею толпу и после воскресения снабдил ею Своих учеников. Запрещалось также убивать животных, птиц и насекомых, кроме лягушек и змей¹⁰¹⁷. В одном из инквизиторских учебников говорится, что причина такого запрета — вера в переселение душ и возвращение душ умерших в тела животных.

Осуждение смертной казни основывалось на таких местах, как: «Дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь», Рим. 12:19; казнь еретиков и преступников объявлялась убийством, пережитком Ветхого Завета и влиянием злого бога. Катары цитировали слова Христа: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб»¹⁰¹⁸. Одним из обвинений против официальной церкви было то, что она ведет войны и содержит армии.

На клятвы был наложен запрет ради соблюдения слов Христа о полной прямоте и честности речи¹⁰¹⁹.

Катары отказывались также от одеяний священников, алтарей и крестов как идолопоклонства. Они называли крест знаком зверя и объявляли, что в нем не больше добродетели, чем в ленте для подвязывания волос. Он был орудием позора и смерти Христа, поэтому не должен использоваться¹⁰²⁰. Тернии или копье могли бы выступать религиозными символами поклонения с тем же успехом, что и крест.

Как и следовало ожидать, они также отвергали учения о чистилище и индульгенциях¹⁰²¹.

Помимо *consolamentum*, катары практиковали два обряда, называемые *melioramentum* и *endura*¹⁰²². *Melioramentum*, который вновь и вновь упоминается на судах, был почитанием лиц, проводящих *consolamentum*, и состоял из трех частей. Католики воспринимали его как извращенное поклонение гостии¹⁰²³.

Endura, который называли самой жестокой практикой в истории аскетизма, был добровольной голодовкой до смерти тех, кто принял *consolamentum*. Иногда эти суровые страстотерпцы по тринадцать дней ждали конца жизни¹⁰²⁴; говорят даже, что некоторые родители оставляли своих детей без пищи, а матери отнимали от груди младенцев, проводя этот обряд. Сообщений о таких добровольных самоубийствах довольно много.

meretricium (Douais, II. 93); Döllinger, II. 18, 21, 23, 25, 28, 40, 156, 300, etc.; *omnem carnalem concubitum dampnabilem dicunt* (Douais, II. 93, 96, etc.).

¹⁰¹⁵ Bonacursus, p. 776; Douais, II. 93, 103, etc.

¹⁰¹⁶ Ibid., p. 777; Rainerius, p. 1762; Döllinger, II. 294, 300.

¹⁰¹⁷ Döllinger, II. 5, 152, 181, 248, 294.

¹⁰¹⁸ Salve Burce, в Döllinger, II. 71, замечательный отрывок; Douais, II. 94; Rainerius, p. 1762.

¹⁰¹⁹ Bonacursus, p. 777; Ermengaud, p. 1269. См. Alphandéry, p. 83 sq.

¹⁰²⁰ Döllinger, см. *Kreuz* в указателе, II. 730; Bonacursus, p. 777; Douais, II. 94.

¹⁰²¹ Rainerius, 1762. См. Alphandéry, p. 44.

¹⁰²² См. Döllinger, указатель на эти два слова, и Schmidt, II. 71-103.

¹⁰²³ Döllinger, I. 193, 210; II. 4, 25, 30, etc.; Douais, II. 23, etc.

¹⁰²⁴ Alphandéry, p. 51; Döllinger, II. 205.

У нас мало сведений о форме управления катаров. У некоторых групп в Италии и Лангедоке были епископы. У епископа были помощники, «старший сын», «младший сын» и диакон; два первых занимали место епископа в его отсутствие¹⁰²⁵. У катаров проводились ассамблеи, как в 1241 г. на берегу Ларнеты под председательством Эмери де Колле, еретического епископа Альби. Не отличающаяся разветвленностью форма их управления, вероятно, была обусловлена повсеместными репрессиями в отношении к секте.

Упорство катаров перед лицом враждебных судов и смерти может быть названо героическим и должно вызывать наше восхищение, как вызывало изумление современников, подобных Бернару¹⁰²⁶. Эвервин из Штейнфельда говорил:

...[Мы ведем] трудную жизнь скитальцев. Мы бежим из города в город, как овцы, одолеваемые волками. Мы страдаем от гонений, как апостолы и мученики, потому что жизнь наша свята и сурова. Она проходит в молитвах, воздержании и трудах, но все нам дается легко, потому что мы не от мира сего¹⁰²⁷.

Как свидетельствует выдающийся специалист по инквизиции доктор Ли (I. 104), ни одной вере не удалось продемонстрировать более непрерывную цепь жертв, чем та, которую явили катары, без колебаний и с радостью шедшие на самую ужасную смерть, предпочитая ее отступничеству. Хотя их заблуждения были серьезны, их намерение возвращать добродетель не так, как предлагала иерархическая церковь, вызывает у нас сочувствие. Разрыв катаров с официальной церковной организацией не может быть поводом осуждать их с позиций протестанта, а их внимание к Писанию и моральные устремления должны пробудить у него родственное чувство. Конечно, он не может последовать за ними в отказе от крещения и евхаристии, однако катары, отвергая судебные клятвы и участие в войне, предвосхитили появление таких протестантских течений более позднего периода, как квакеры и меннониты.

§81. *Петр де Брюи и другие независимые вожди*

Независимыми от катаров, но в то же время разделявшими некоторые их взгляды и едиными в протесте против злоупотреблений официальной церкви были Петр де Брюи, Генрих Лозаннский и другие вожди. Петр и Генрих оказывали влияние на Южную Францию. Танхельм и Эвдон проповедовали во Фландрии и Бретани. По меньшей мере трое из них умерли в тюрьме или другим образом пострадали от насилия. Бернар Клервоский, Петр Достопочтенный, Оттон Фрейзингенский и другие католические авторы того времени очень строги к ним и презрительно отзываются об их последователях, происходящих из невежественных слоев общества.

Танхельм, мирянин, проповедовал в епархии Кельна и к западу, в сторону Антверпена и Утрехта. В то время в Антверпене был только один священник, да и тот жил с наложницей. Танхельм учил, что таинства ничего не стоят, если их совершает священник, который ведет аморальный образ жизни, и, как сообщают, отвратил «очень многих от веры и таинств»¹⁰²⁸. Он окружил себя вооружен-

¹⁰²⁵ Rainerius, p. 1766; Döllinger, II. 82, 278, 295, 324. Во время визита Никиты Бернар Раймунд был епископом Тулузы, Гиро Мерсье — епископом Каркассона, а Раймунд де Казали — епископом в Валь д'Аран.

¹⁰²⁶ Sermon, 65, Migne, 183. 1091.

¹⁰²⁷ Цит. в Schmidt, II. 94.

¹⁰²⁸ Fredericq, *Corpus Inq.*, I. 6. О Танхельме см. Fredericq, vols. I, II, и *Life of Norbert* в *Mon. Germ.*, ch. 16.

ной свитой и отправился по стране с мечом и знаменем. Успех вскружил ему голову. По словам его современника Абеяра, он возомнил себя Сыном Божьим¹⁰²⁹. Он публично вступил в брак с Девой Марией, держа перед собой ее изображение. Биограф Норберта говорит, что люди пили воду, в которой мылся Танхельм. Архиепископ Кельна схватил его, но он бежал и был убит священником (1115). Его проповеди привели к тому, что в Антверпене появилось двенадцать премонстрантов, и сам Норберт проповедовал в Нидерландах в 1124 г.

Движение в Бретани возглавлял Эвдон де л'Этуаль, который также претендовал на то, чтобы быть Сыном Божьим. Он был из секты апостоликов — так называли во Франции и в Бельгии группу еретиков, члены которой отказывались от мяса, отвергали брак и другие таинства¹⁰³⁰. Эвдон умер в темнице около 1148 г.

Движение Петра де Брюи и Генриха Лозаннского было более значительным. Оба вождя обладали здравым смыслом и способностями. О личной судьбе Петра известно только, что он был священником, появился в качестве реформатора в Южной Франции около 1105 г. и был сожжен в 1126 г. Петр Достопочтенный весьма удовлетворительно рассказывает о его учениях и их последствиях¹⁰³¹.

О Генрихе Лозаннском, преемнике Петра, мы знаем больше¹⁰³². Он был монахом-бenedиктинцем, одаренным необычайным красноречием. Его имя связано с Лозанной, потому что, как сообщает нам Бернар, он некогда жил там. Место его рождения неизвестно. Оставив свой монастырь, он проповедовал в епархии Манса в отсутствие тамошнего епископа Гильдеберта, уехавшего в Рим, и с его разрешения. Генрих обращал людей, но навлек на себя вражду клира, пороки которого обличал. По возвращении епископ выгнал Генриха из своей епархии. Тогда проповедник отправился в Лозанну, а оттуда — в Южную Францию, где присоединился к духовному крестовому походу Петра де Брюи. Он практиковал бедность и проповедовал ее мирянам. Одним из следствий его проповедей было покаяние блудниц и согласие молодых людей жениться на них. Кардинал Альберих, посланный, чтобы искоренить ересь Генриха, призвал себе на помощь святого Бернара, епископа Шартра и других прелатов. Согласно биографу Бернара, деятельность Бернара при этом сопровождалась чудесами¹⁰³³. Генрих был схвачен и заключен в темницу. Каким был его конец, никто не знает.

Петр Достопочтенный в начале своего трактата излагает пять заблуждений петробрузианцев, ложность и греховность которых он старается доказать. 1) Крещение людей до того, как они достигнут зрелого возраста, недействительно. Петробрузианцы основанием крещения верующих считали Мк. 16:16 и перекрещивали детей, когда они вырастали. 2) Церковные здания и освященные алтари никому не нужны. 3) Кресты следует сломать и сжечь. 4) Месса — ничто в этом

¹⁰²⁹ *Introd. ad Theol.*, в Migne, 178. 1056, и Fredericq, I. 26.

¹⁰³⁰ Döllinger, I. 98-104. Оттон Фрейзингенский (*De gestis Frid.*, 54) говорит, что он называл себя Эвдоном или Эоном, по литургической формуле *per eum qui venturus est judicare*, etc. Абеяра также упоминает его в своем *Introd. ad Theol.*

¹⁰³¹ *Adv. Petrobrusianos*, Migne, 189. 719-850. Абеяра посвящает ему несколько строк. Migne, 178. 1056. Петр говорит о Петре де Брюи и Генрихе Лозаннском как о *duo homuncios* (p. 728). См. Döllinger, I. 75-98.

¹⁰³² См. Петр Достопочтенный, *Adv. Petrobrus.*; Бернар, *Ep.*, 241, в Migne, 182. 435. Döllinger, I. 79 sqq.; J. von Walter, *Die ersten Wanderprediger Frankreichs*, II. 130-140; Hauck, в Herzog, VIII. 606 sqq.

¹⁰³³ *Vita S. Bernardi*, Migne, 185, 312 sqq. См. *Жития* Бернара в Neander-Deutsch, II. 191-231; Vacandard, II. 200 sqq.; Morison, p. 302 sqq., 404 sq.

мире. 5) Молитвы, милостыня и другие добрые дела бесполезны для тех, кто уже умер. Эти ереси правоверный аббат Ключни называл пятью отравленными кустами (*quinque vigulta venenata*), насажденными Петром де Брюи. Половину труда он посвящает опровержению ереси о крещении.

Петр и Генрих возродили донатистское мнение, что для действенности священнослужения обязательно благочестие служителя. Слово «церковь» означает собрание верных, и это — совокупность верующих, а не камни здания¹⁰³⁴. На рынке или в конюшне Богу можно поклоняться с тем же успехом, что и в освященном здании. Петробрузианцы проповедовали на улицах и на любых открытых местах. Что касается креста, то поклонение ему они считали не более подобающим, чем поклонение виселице или мечу. Говорят, что в Сен-Жиле, возле устья Роны, Петр готовил мясо на костре из сваленных в груды крестов. Петь его последователи считали более уместным в таверне, а не при поклонении Богу. Бога надо почитать искренностью сердца, а попытки очаровать Его вокальными упражнениями и обольстить музыкальными модуляциями бесполезны¹⁰³⁵.

Учение о пресуществлении решительно отвергалось, а возможно, и сама вечеря Господня тоже на том основании, что Христос отдал Свое тело раз и навсегда в ту ночь, когда был предан¹⁰³⁶. Петр не только призывал священников вступать в брак, но, по рассказам Петра Достопочтенного, заставлял упиравшихся монахов брать себе жен.

Святой Бернар и Петр Достопочтенный¹⁰³⁷, выступая против взглядов еретиков на крещение младенцев, акцентировали тот факт, что Христос был доступен для маленьких детей и хотел иметь их рядом с Собой на небесах. Петр заявлял, что вот уже почти пятьсот лет в Европе нет ни одного христианина, который был бы крещен не во младенчестве, а следовательно, по мнению сектантов, в ней вообще нет христиан. Если же нет христиан, то нет и церкви; если нет церкви, то нет Христа. И если бы было так, то всех отцов церкви ожидала бы вечная смерть, ибо им, крещенным во младенчестве, это крещение не засчитывалось бы. Петр и Генрих уделяли особое внимание четырем евангелиям, но, похоже, не отвергали ни одну из частей Писания¹⁰³⁸.

Синод в Тулузе (1119), осуждая как еретиков всех тех, кто отвергает вечерю Господню, крещение младенцев и рукоположение священников, осудил петробрузианцев, хотя имени Петра де Брюи на нем не упоминалось. Те, кто внимал проповедям Петра де Брюи и Генриха Лозаннского, быстро затерялись среди катаров и прочих сект¹⁰³⁹. Описание религиозного положения на юге Франции у

¹⁰³⁴ *Nomen ecclesiae congregationem fidelium signat, etc. (Pet. Ven., p. 762)*. Петр доходит до жертвенника Ноя, разбирая доказательства о священстве определенных мест.

¹⁰³⁵ *Pet. Ven., pp. 765, 847 sq.*

¹⁰³⁶ Мнение Петра из Ключни на этот счет непонятно (pp. 722, 765, 787).

¹⁰³⁷ Бернар, Migne, 182. 434; Петр, pp. 729, 761 sq.

¹⁰³⁸ Доллингер (I. 83) обвиняет их в непринятии Ветхого Завета, однако Петр Ключнийский не говорит об этом, а если бы они отвергали Ветхий Завет, то он обязательно добавил бы и соответствующее осуждение.

¹⁰³⁹ Доллингер (I. 75 sqq.) очень старается доказать, что Петр и Генрих были катарами, но разница в учении и практике делает это невозможным. Так считают Newman (*Papers of Am. Soc. of Ch. Hist.*, IV. 184-189), Hauck и Walter (p. 130). Петра и Генриха нигде не называют манихеями или дуалистами, а Петр Достопочтенный и Бернар не упустили бы возможности выдвинуть это обвинение, если бы у них были на то основания. Петр и Генрих рекомендовали вступать в брак, а катары отвергали брак. Петр и Генрих призывали крестить только взрослых, а катары отвергали крещение вообще. Ни один из особенных обрядов катаров не был связан с Петром и Генрихом.

Бернара, без сомнения, риторическое, но оно свидетельствует о повсеместном разочаровании в церкви, возобладавшем в то время. Бернар говорит, что никто не ходит молиться в церковь, народ живет без священников, а христиане — без Христа. Святилище Господне больше не считается святым, равно как и таинства. Праздничные дни лишены торжественности. Дети лишаются вечной жизни, потому что им отказывают в крещении, и души спешат на последний суд, не примирившись с Богом принятием церковного наказания, не подкрепленные причастием.

§82. Амальриканцы и другие разрозненные секты

Отдельное место занимали пантеистически настроенные диссентеры, амальриканцы и ортлибарии, а возможно, и другие группы, такие как пассагиане и сперонисты, о которых мы не знаем почти ничего, кроме имен.

Амальриканцы¹⁰⁴⁰ появились в результате исканий парижского профессора Амори Шартрского (он же Амальрик из Бены, города в Шартрской епархии). Иннокентий III упоминал о его визите в Рим и осудил его взгляды. Когда Амальрик вернулся в Париж, университет обязал его публично признать свои заблуждения. Он умер около 1204 г. Его последователи были осуждены синодом, проведенным в Париже в 1209 г.

Из подробного рассказа Цезария Гейстербахского мы узнаем, что ряд последователей Амальрика были схвачены и допрошены епископами. Восемь священников и Гильом Ювелир, называемый также одним из семи апостолов, были сожжены. Еще четверо священников были приговорены к пожизненному заключению. Кости Амальрика были эксгумированы и разбросаны по полю¹⁰⁴¹.

Амальриканцы, похоже, почерпнули свои пантеистические взгляды из Иоанна Скота Эриугены, труд которого, *De divisione naturae*, также был осужден Парижским синодом 1209 г. Система Амальрика была также осуждена Четвертым Латеранским собором, на котором его представили как утверждавшего, что Бог есть все, *deus erat omnia*. К этому Амальрик добавлял два учения: каждый христианин должен верить, что он член тела Христова, и эта вера обязательна для спасения, как вера в рождение и смерть Христа; а также: тому, кто пребывает в любви, ничто не вменяется во грех. Бог, подобно тому как Он воплотился в теле Иисуса, воплощается в верующих, которые — члены тела Христова. Но Бог в той же мере присутствовал в теле Овидия, что и в теле Августина. Христос присутствует в освященном хлебе не более, чем в любом другом хлебе или предмете. Амальриканцы отрицали телесное воскресение и говорили, что небеса и ад — это состояния души. Грешник носит ад в самом себе, как рот содержит в себе плохие зубы¹⁰⁴². Верующий может грешить не более, чем Святой Дух, который в нем пребывает. Папа — антихрист, а Римская церковь — Вавилон. Реликвии мучеников — всего лишь прах.

Из этих заявлений можно сделать вывод, что Амальрик и его последователи настаивали на свободе Духа, действующего независимо от внешних обрядов и

¹⁰⁴⁰ Mansi, XXII. 801-809; Denifle, *Chartul. Un. Paris*, I. 70, 71, 72, 79, 107, etc.; Цезарий Гейстербахский, *Strange ed.*, II, 304 sqq.; Martène-Durand, *Thes. anec.*, IV. 166 sq.; Jundt, *Hist. du pantheisme*, etc., p. 20 sq.; Preger, *Gesch. der deutschen Mystik*, I. 173-184; Delacroix, *Le mysticisme speculatif*, etc., 32-51; Alphandéry, pp. 141-154. Другие источники см. в Delacroix, p. 39 sq.

¹⁰⁴¹ *Chartularium*, p. 70. Приводятся также имена священников, которые были сожжены и заключены в темницу.

¹⁰⁴² *Putridus dens in ore* (Парижский синод 1209 г.).

пребывающего в сердце. По формулировке из второго канона Четвертого Латеранского собора, отец всякой лжи настолько ослепил разум Амальрика, что его учение — это скорее бред безумца, чем ересь. Амальрик усвоил взгляды Иоахима Флорского, так как тот говорит о трех веках — веках Отца и Сына и веке Духа, последнем, который начался во времена Амальрика и будет продолжаться до конца света. Последователи Амальрика, похоже, слились с «братством свободного духа»¹⁰⁴³.

Парижский синод, осудивший амальриканцев, осудил также Давида Динантского и велел сжечь один из его трудов, *Quarternuli*. Его произведения были также запрещены уставом Парижского университета 1215 г., запрещающим читать некоторые из трудов Аристотеля, еретика Амальрика и Маврикия Испанского¹⁰⁴⁴. Похоже, Давид был профессором в Париже и умер после 1215 г. Он разделял пантеизм Амальрика, его цитировал Альберт Великий, и его рассуждения сравнивали с системой Спинозы¹⁰⁴⁵.

К тому же классу принадлежали последователи Ортлиба (Артлиба) из Страсбурга, называемые ортлибариями (*ortlibenses, ortlibarii, orliwenses, ortoleni*)¹⁰⁴⁶ и другими похожими именами. Какое-то их количество, вероятно, было среди тех еретиков, которые были сожжены в Страсбурге в 1212 г. Их обвиняли за утверждения, что мир вечен, Бог имманентно присутствует во всем и у Бога не было Сына до того момента, как Иисус родился от Иосифа и Марии. Они отрицали телесное воскресение. Смерть и воскресение Христа имели у них только символический смысл. Тела Христа нет в хлебе евхаристии, как и в любом другом хлебе. Официальная церковь — это блудница Апокалипсиса. Четыре евангелия — основная часть Писания. Они позволяли брак, но осуждали плотское сожителство. Ортлибарии, как и амальриканцы, были спиритуалами — они говорили, что человек должен следовать наставлениям пребывающего в нем Духа¹⁰⁴⁷. Они были частью той крупной группы, которую называли общим именем «братства свободного духа» и которая играла важную роль в XV веке.

Passagii, или *Passageni* (секта, название которой впервые упоминается в актах Веронского синода), похоже, были уникальны в том, что требовали буквального соблюдения закона Моисея, включая иудейскую субботу и обрезание. Вероятно, они были тождественны *Circumcisi*, о которых говорится в кодексе Фридриха II. Еще в 1267 и 1274 г. папские буллы призывали наказывать еретиков, которые вернулись к иудейским обрядам, — и возможно, в них имеются в виду именно пассагиане¹⁰⁴⁸.

¹⁰⁴³Так считает Preger (I. 212) на основании слов «анонима из Пассау». О девяноста семи заблуждениях, приписываемых «братьям свободного духа», см. Preger, I. 461-469, и Hauck, в Herzog, I. 431.

¹⁰⁴⁴*Chartul.*, pp. 70, 79.

¹⁰⁴⁵Preger, I. 184-191.

¹⁰⁴⁶Это название, упоминаемое в кодексе Фридриха II, похоже, относится к той же секте. «Аноним из Пассау», писавший около 1316 г., — наш главный авторитет в этом вопросе. См. Müller, *Die Waldenser*, pp. 147 sqq.; Döllinger, *Beiträge*, II. 301, 703, etc.; Preger, II. 191-196; Delacroix, 52-76; Alphandéry, 154-167; Deutsch, ст. *Ortlieb*, в Herzog, XIV. 499-501. Альфандери указывает на сходство ортлибариев с вальденсами — но в основном на том основании, что их часто путают в средневековых произведениях.

¹⁰⁴⁷Делакруа (р. 73) настаивает на тождестве амальриканцев и ортлибариев во всех важных вопросах.

¹⁰⁴⁸См. Döllinger, II. 327; Alphandéry, 168 sqq.

Люцифериане¹⁰⁴⁹ назывались так из-за роли, которую они придавали Люциферу как князю падших ангелов, творцу материального мира и тела, а не потому, что поклонялись Люциферу. Есть сомнения в том, что они были отдельной сектой. Это название без уточнений относили к катарам и другим, кто утверждал, что Люцифер был несправедливо изгнан с небес. Еретиков с таким названием сжигали в Пассау и Зальцбурге (1312 — 1315, 1338) и (вплоть до 1395 г.) в других районах Австрии.

Что касается варинов, сперонистов и иосефинов, которые также упоминаются в кодексе Фридриха, то мы не знаем о них ничего, кроме названий¹⁰⁵⁰.

§83. Бегинки и бегарды

В то время как катары и вальденсы привлекали внимание церковных властей в Южной Европе, общины так называемых бегинков и бегардов формировались вдоль низовий Рейна и на прилегающих территориях. Это были организации мирян, которые изначально намеревались вырабатывать в себе более ревностное благочестие, чем они наблюдали в церкви¹⁰⁵¹. Их задачи были близки к задачам францисканских терциариев, с которыми они в дальнейшем и слились. Задолго до конца XIII века в некоторых таких общинах возникли нездоровые практики и еретические учения, которые навлекли на них осуждение папы и синодов.

Бегинки, в основном женщины, похоже, произошли и получили свое имя от Ламберта ле Бега, священника из Льежа (ум. ок. 1177).¹⁰⁵² В документе этого года говорится, что он проповедовал женщинам и девочкам о ценности целомудрия на словах и на деле¹⁰⁵³. Это было время, когда в Голландии было распространено сожительство священников с женщинами. Подобно Петру Вальду, Ламберт отказался от своего имущества, старался познакомить народ с Писанием и основал в Льеже госпиталь Св. Христофора и обитель для женщин, которую в наше время называют *beguinage*. Женщины отказывались от своего имущества и жили полумонастырской жизнью, но не принимали обетов и не следовали ни одному из принятых монашеских уставов. Обители были учреждены во Фландрии, Франции, особенно в Германии — Валенсьенн (1212), Дуэ (1219), Антверпен (1230), Гент (1233), Франкфурт (1242). В 1264 г. святой Людовик построил бегинаж в Париже, который он вспоминал в своем завещании. Бегинаж в Генте был отдельным маленьким городом со стенами, больницей, церковью, кладбищем и монастырскими помещениями. Согласно Матфею Парису, который пишет о 1250 г., количество бегинков в Германии, особенно в окрестностях Кельна, было

¹⁰⁴⁹ О них есть только отрывочные сведения. См. *diabolus* и *Lucifer* в Döllinger и Alphandéry, pp. 174 sqq. М. Парис, пишущий о 1226 г. и марше Фридриха через Северную Италию, говорит о Милане как о вместилище и пристанище всяческих еретиков — патаренов, люцифериан, публиканов, альбигойцев, не говоря о ростовщиках.

¹⁰⁵⁰ Иосефины упоминались на Веронском синоде (1184) и в булле Григория IX от 25 июня 1231 г.; сперонисты — в *Salve Burce*, Döllinger, II. 62, и в буллах Григория IX от 20 августа 1229 и 25 июня 1231 г. См. Fredericq, I. 75 sq.

¹⁰⁵¹ Hase, Karl Müller (*Kirchengesch.* I. 570), Alphandéry (p. 2 sqq.) и другие рассматривают их деятельность как служение мирян.

¹⁰⁵² Бегинки названы сектой, *secta beguinarum*, в Guy, *Practica*, p. 264, etc. Термин *beguines* или *bequini* производят также от *beggan*, «просить» (Jundt), или от *bègue*, «заикаться». См. Haupt, в Herzog, II. 517. Lea (p. 351), похоже, склоняется к древнему мнению о том, что имя это происходит от святой Бегги (ум. в 694), матери Пипина Геристальского и знаменитой основательницы монастыря.

¹⁰⁵³ *Premium castitatis verbo et exemplo predicavit* (Fredericq, II. 33).

неисчислимо¹⁰⁵⁴. Их обители часто называли в честь основателей, например, Шеленхаус в Кельне в честь Германа Шеле; Бургенхаус в Страсбурге (1292) в честь вдовы по имени Бурга. Другим давали светские имена, такие как «Золотая Лягушка» (*zum goldenen Frosch*), «Волк» (*zum Wolf*), «Орел» (*zum Adler*)¹⁰⁵⁵.

Общины зарабатывали на жизнь прядением, ткачеством, заботой о больных и другими занятиями. В некоторых обителях было запрещено просить милостыню. Некоторые из них, например, кельнская, позже были превращены в госпитали. Как правило, бегинки были нищенствующими и ходили по улицам, восклицая: *Brod durch Gott!* («Хлеба ради Бога!»). Они носили специальную одежду¹⁰⁵⁶.

Древнейшая община бегардов, нам известная, — это община в Левене (1220). Бегарды были нищенствующими и распространились до Польши и Швейцарии. Их очень скоро начали обвинять в распущенности, пренебрежении иерархией и ереси. Ни бегинки, ни бегарды не были специально санкционированы папой¹⁰⁵⁷.

По поводу обеих организаций стали приниматься синодальные решения уже в середине XIII века. Синод в Майнце (1259) предостерегал бегардов против хождения по улицам с криками «Хлеба ради Бога!», рекомендовал им отказаться от оскорбительных пристрастий и не смешиваться с бегинками. Другой синод в Майнце (1261) упоминал о скандалах в среде бегинок. Синод в Кельне, год спустя, осуждал их независимость от церкви и призывал их признать священников под страхом отлучения. В 1310 г. синоды, проведенные в Трире и Майнце, запретили клирикам входить в бегинажи под каким бы то ни было предлогом и запретили бегардам объяснять Библию невежественным людям¹⁰⁵⁸.

Общины стали вызывать все большее и большее подозрение. В 1312 г. Климент V и собор во Вьенне нанесли им внезапный удар. Собор запретил их общинный образ жизни и обвинил их в ересях¹⁰⁵⁹. Их обвинили в том, что они отказываются поклоняться гостии и утверждают, что совершенства можно достичь в этом мире. А человек, достигший такого состояния, не обязан поститься и молиться и может без греха следовать любым пожеланиям тела¹⁰⁶⁰.

Булла Климента была неверна в том, что не проводила разграничения между еретической и ортодоксальной общинами. Эту ошибку поправил Иоанн XXII. Этот папа открыто объявил о защите ортодоксальных общин. В XIV веке количество обителей быстро росло в Германии, и к 1400 г. там вряд ли был хоть один город без бегинажа. К этому времени во Франкфурте образовалось сорок семь бегинажей, в середине XV века в Кельне было сто шесть таких обителей, а в Страсбурге — шестьдесят. В 1368 г. в Эрфурте было четыреста бегинок и бегардов¹⁰⁶¹.

¹⁰⁵⁴ *Multitudo innumerabilis* (Luard ed., V. 194). В другом месте (IV. 278) он утверждает, что их было 2000. Он также говорит, что они не подчинялись никакому церковному уставу, *nullius sancti regula coarctatae*.

¹⁰⁵⁵ Uhlhorn, p. 380.

¹⁰⁵⁶ В бреве Бонифация IX упоминается «серый и другие цвета» (Döllinger, *Beiträge*, II. 383).

¹⁰⁵⁷ Синод в Безьере (p. 299) запретил и мужские, и женские общины на том основании, что у них нет папской санкции. Wetzler-Welte (II. 204) называет их *ordensähnliche Gesellschaften*, а Alphandéry (p. 2) — *extra-ecclesiastiques*.

¹⁰⁵⁸ Hefele, VI. 490, 600.

¹⁰⁵⁹ Hefele, VI. 543, 544.

¹⁰⁶⁰ *Actus carnis* — не грех, а природный импульс (Döllinger, II. 384-407, 702 sqq.). Их обвиняли также в том, что они отрицают реальность ада.

¹⁰⁶¹ Haupt, в Herzog, II. 519.

В начале XIV века бегинки появились в Южной Франции, где инквизиция связывала их с францисканскими терциариями и обвиняла в следовании взглядам Петра Иоанна Оливы¹⁰⁶².

В конце XIV века инквизиция разгромила много обитателей в Германии, их имущество было поделено между самой инквизицией, бедной и муниципалитетами. Григорий XI в 1377 г. признал, что многие бегарды вели добродетельный образ жизни. Бонифаций IX (1394) разграничил общины и причислил гетеродоксальных бегардов к лоллардам и швестрионкам¹⁰⁶³. (Остальные же, «бегарды и бегинки, которые практикуют добровольную бедность»¹⁰⁶⁴ и посвящают себя благу людей, получили папское признание.) Чтобы избежать гонений, многие из них укрылись у францисканцев и перешли к терциариям францисканского ордена. После Реформации бегарды и бегинки по большей части перестали существовать как отдельные общества¹⁰⁶⁵.

Эти секты были отчасти предтечами или современниками других общин, возникших из благочестивых и милосердных намерений в Голландии XIV — XV века, с которыми тесно связан немецкий мистицизм.

§84. Вальденсы

Вальденсы отличались происхождением и учением от катаров и других сект, однако вместе с ними осуждали официальную церковь. Катары жили совершенно вне католической церкви. Вальденсы же, учившиеся из Писания, старались возродить простые обычаи апостольского века. Это была строго библейская секта средних веков. В силу библейского характера, а также из-за безжалостных и длительных гонений, которым подвергли вальденсов, они давно уже завоевали симпатию протестантских церквей. Вальденсы — редкий пример группы верующих, которая прошла через великую скорбь.

Впервые они появились в Южной Франции, но не были многочисленны в сравнении с альбигойцами в тех краях. Из Франции они проникли в Пьемонт, а также в Австрию и Германию, как показали недавние исследования. В Италии они продолжают по сей день жить в долинах своих предков и с 1870 г. пользуются полными гражданскими правами. В Австрии они веками несли свой свет во тьме, исторически были тесно связаны с гуситами и богемскими братьями и подготовили, в какой-то степени, путь для анабаптистов в период Реформации.

Сами вальденсы и их название происходят от Петра Вальда или Вальдеса¹⁰⁶⁶, который умер до 1218 г., с чем соглашаются все авторы того времени. Их назы-

¹⁰⁶² Bernard Guy, 264 sqq. См. также послания епископа Утрехтского (6 октября 1318) в Fredericq, II. 74.

¹⁰⁶³ «Сестры» — народное название бегинок.

¹⁰⁶⁴ *Willige Armen*, см. Döllinger, II. 381-383. Григорий XII, Евгений IV и Сикст IV также хвалили ортодоксальные общины.

¹⁰⁶⁵ В Бельгии и Голландии до сих пор существуют религиозные дома, называемые бегинажами. В 1896 г. их было пятнадцать в Бельгии и Голландии, один в Бреде и один в Амстердаме. Что касается «братьев свободного духа», которых часто ассоциируют с бегардами, но происхождение которых отлично, см. следующий том.

¹⁰⁶⁶ *Valdesius*, *Valdensius* или *Waldunus*. Это имя, в таких и иных формах, дают ему авторы XIII века (De Bourbon, p. 290; Guy, p. 244; Döllinger, II. 6, 300, etc.). Бернар, аббат Фонтис Калиди (Migne, 204. 793), обращается к аллегорическому объяснению, утверждая, что они назывались «вальденсами, словно вышли из лесистой долины (*dense valley*) и были окружены глубоким и густым мраком заблуждений». Alanus de Insulis (Migne, 210, p. 377 sqq.) говорит, что «вальденсы называются так от их ересиарха Вальда, основателя новой секты, который проповеде-

вали также лионскими бедняками — по городу на Роне, в котором они появились, или сандалиатами (*sandalati*, «обутые в сандалии») — от грубой обуви, которую они носили¹⁰⁶⁷.

Сами же они называли себя братьями или бедняками Христа¹⁰⁶⁸ — вероятно, на основании Мф. 5:3, «Блаженны нищие духом». Согласно «анониму из Пассау», писавшему в начале XIV века, уже в его дни некоторые авторы прослеживали происхождение секты вплоть до апостольских времен. До недавнего времени все авторы-вальденсы претендовали на апостольское происхождение или, по меньшей мере, прослеживали историю секты до VII века. Профессор Комба из школы вальденсов во Флоренции решительно отказался от этой теории из почтения к исследованиям Дикхофа, Герцога и других немецких ученых.

О жизни Вальда известно мало. Процветающий торговец из Лиона, он испытал приступ религиозного рвения после внезапной смерти одного выдающегося жителя города, свидетелем которой он был, и после баллады, спетой менестрелем на городской площади. Песня была посвящена святому Алексию, сыну богатых родителей, который, только вернувшись от свадебного алтаря, оставил свою невесту под впечатлением призыва к безбрачию и отправился в паломничество на Восток. По возвращении он позвал своих родственников и попросил предоставить ему кров, но они не желали призывать его до самой его смерти. Мораль этой истории была такова: жизнь коротка, времена злы, и надо готовиться к небесам.

Вальд посоветовался со священником, который сказал ему, что на небеса есть много путей, но если он хочет быть совершенным, он должен выполнять заповеди Христа, продать все, что у него есть, раздать деньги нищим и следовать за Ним. Именно этот текст побудил Антония Египетского бежать от общества. Вальд отказался от собственности, отправил двух своих дочерей в монастырь Фонтевро, выделил жене часть имущества, а остальное раздал бедным. Это произошло около 1170 г.

Свои жизненные правила Вальд черпал из простых предписаний Библии. Он попросил Бернара Идроса и Стефана из Ансы перевести на разговорный язык евангелия и другие части Писания, а также высказывания отцов церкви. Он проповедовал, и его последователи, подражая его примеру, проповедовали на улицах и в селениях, ходя по двое¹⁰⁶⁹. Когда архиепископ Лионский попытался пресечь эту деятельность, они отвечали, что «должно слушаться Бога, а не человека».

Весьма неожиданно вальденсы появились на Третьем Латеранском соборе (1179), где присутствовало по меньшей мере два их представителя. Они просили Александра III санкционировать их образ жизни и позволить им проповедовать. Они представили ему копию своего перевода Библии. Папа велел комиссии изучить их случай. Ее председатель, Вальтер Мэп, англичанин валлийского происхождения и представитель английского короля, оставил для нас интересный рассказ о работе комиссии. Он высмеивает манеры вальденсов и их недостаток зна-

---

вал, не имея ни власти прелата, ни божественного вдохновения, ни знания или предписаний. Это философ без ума, пророк без видения, апостол без миссии, учитель без наставника, ученики которого, или, точнее, горе-ученики (*discipuli imo muscipuli*), обольщают неразборчивый люд во всех частях света».

¹⁰⁶⁷ *Pauperes de Lugduno, leonistae*, etc. Также *zabatati* или *insobbalati*, потому что их обувь была вырезана в форме щита (Guy, 245; Döllinger, II. 92, 233, etc.).

¹⁰⁶⁸ *Inter se vocant Fratres seu Pauperes Christi* (Guy, p. 256).

¹⁰⁶⁹ *Per vicus et plateas evangelium praedicare et Valdesius multos homines utriusque sexus viros et mulieres complices sibi fecit ad similem praesumptionem*, etc. (Guy, p. 244).

ний¹⁰⁷⁰. Они легко попадались в ловушки, отвечая на его вопросы, — как птицы, которые, по его словам, не замечают сети или силка, но думают, что могут безопасно пройти. Он, по его собственным словам, прекрасно сознавал, что «осел, которому дали копну овса, не заметит в ней молока», а потому начал с самых простых вещей. На вопрос, верят ли они в ипостаси Троицы, они ответили «да». «А в Мать Христа?» На это они тоже ответили «да». Здесь комиссия стала смеяться их невежеству, потому что подобает не верить в Марию, но доверяться ей. «Будучи нищими сами, они следовали за нищим Христом (*nudi nudum Christum sequentes*). Конечно, они не могли занять более низкого места, ибо только что научились ходить. Но если мы примем их, нам самим придется удалиться». Этот остроумный председатель комиссии, которому, судя по заглавию его книги, очень нравилась праздная болтовня, говорит далее, что вальденсы ходили босиком, в овечьих шкурах и что у них все было общее, как у апостолов.

Не называя вальденсов по имени, собор запретил им проповедовать. Синод в Вероне (1184) определил их как «гумилиатов, или лионских бедняков», и предал анафеме, отнеся к той же категории, что катаров и патаренов. Их преступлением были проповеди без согласия епископов.

Хотя вальденсов изгнали из Лиона и отлучили от церкви властью высших авторитетов, они не прекратили учить и проповедовать. Их позвали принять участие в диспутах в Нарбонне (1190) и других местах. Их обвинили в бунте против церковных властей и в том, что они осмеливаются проповедовать, будучи всего лишь мирянами. Дуранд из Уэски, принадлежавший к их сообществу, в 1207 г. ушел от них и начал кампанию против них. Он отправился в Рим и получил у папы санкцию на образование нового ордена, «католических бедняков», дающих обет бедности. Название он, вероятно, позаимствовал у оставленной им секты.

Вальденсы распространились по Ломбардии, где встретились с уже существовавшим похожим сообществом, гумилиатами. Их сторонники одевались просто, не давали клятв, не лгали и не принимали участия в судах. С учетом терминологии Третьего вселенского собора и синода в Вероне они отождествляются с лионскими бедняками¹⁰⁷¹. Как мы знаем из других источников, эти две группы изначально были тесно связаны. А возможно, Вальд и его последователи во время визитов в Ломбардию так понравились старой секте, что та приняла учение Вальда. Позже часть гумилиатов ушла в монастыри и была санкционирована Иннокентием III. Вполне вероятно, что именно они подали пример францисканским терциариям¹⁰⁷². Одна из групп гумилиатов рано стала называться ломбардскими бедняками. Среди ее вождей был Иоанн Ронко. Часть их, если не всех, современники считали его последователями и называли рункариями (*runcarii*)¹⁰⁷³. Сове-

¹⁰⁷⁰ *De nugis* (Wright ed., p. 64 sq.). Мэп, который весьма гордился своим назначением, называл их простыми и неграмотными, *idiotae et illiterati*; эти термины используют также de Bourbon (p. 292) и Guu (p. 244).

¹⁰⁷¹ Соотношение между гумилиатами и лионскими бедняками остается спорным вопросом. Мюллер в своем *Anfänge des Minoritenordens*, etc., сделал многое, чтобы обогатить наши знания о гумилиатах. Его точка зрения объясняет выражение Веронского собора *Humiliati vel Pauperes de Lugduno*, вероятно, избранное для указания на сходство между двумя группами, которые были так близки, что трудно было решить, две это секты или одна. И такое мнение, похоже, проистекает из двух высказываний Сальва Бурса (Döllinger, II. 64, 74).

¹⁰⁷² См. §71. Sabatier (*Regula Antiqua*, p. 15) выражает мнение, что Франциск может быть обязан им больше, чем мы предполагаем.

¹⁰⁷³ Сальв Бурс, который был знаком с Ронко, называет его «безграмотным неучем», *idiotia absque literis* (Döllinger, II. 64).

менные авторы рассматривают две группы как части одной и той же организации и различают их либо как ультрамонтанов и ломбардских бедняков, либо как ультрамонтанов и итальянских братьев¹⁰⁷⁴.

Между гумилиатами и лионскими бедняками возник спор по поводу их отношений друг с другом и с Петром Вальдом, в результате чего состоялась конференция, проходившая в 1218 г. в Бергамо. У каждой партии было по шесть представителей¹⁰⁷⁵. Двумя пунктами разногласий были евхаристия и вопрос о том, в раю ли сам Вальд. Ломбардцы считали, что действительность таинства зависит от характера совершающего его служителя. Вопрос о Вальде и некоем Вивете заключался в том, попали ли они на небеса, не совершив перед смертью искупления всех своих грехов¹⁰⁷⁶. Лионцы утверждали, что Вальд в раю, и делали признание этого обязательным условием объединения с ломбардской партией. Спор в Бергамо показывает, что ломбардские вальденсы решительно отвергли руководство Вальда. Сальв Бурс (1235), высмеивающий вальденсов из-за их недавнего происхождения, небольшого количества и недостатка учености, сравнивал ломбардских бедняков и лионских бедняков с двумя катарскими сектами, альбанензами и конкоррецами, и заявлял, что все четыре враждуют друг с другом и несовместимы, как огонь и вода¹⁰⁷⁷. Это свидетельство единичное, и ему не стоит верить. Католическая церковь часто обвиняла протестантов во внутренних расколах и раздорах.

Крестовый поход против еретиков в Южной Франции коснулся и вальденсов, но их страдания были невелики в сравнении со страданиями альбигойцев. Похоже, немногие из них стали и жертвами инквизиции в XIV веке. Хотя Бернар Гюи начал свои суды в 1308 г., только в 1316 г. некий вальденс был приговорен к пожизненному заключению, а другой — к смерти через сожжение. Три года спустя двадцать шесть человек были приговорены к пожизненному заключению и трое — к смерти на костре¹⁰⁷⁸. В 1498 г. Людовик XII распорядился об ограниченном терпимом отношении к ним. В период Реформации, в 1545 г., двадцать два поселения французских вальденсов были разграблены и сожжены по приказу Прованского парламента.

В Италии и Австрии вальденсы также проявили свойственную им готовность держаться до конца перед лицом гонений за свою веру.

Из Франции вальденсы распространились в Пьемонт, отчасти получив возможность укрыться в его высокогорных долинах, пересекаемых горными потоками Перузы, Люцерны и Ангрони. Там, в Котских Альпах, их какое-то время не тревожили. У них были колонии вплоть до Калабрии на юге, и эмиграция в этом направлении продолжалась до XV века¹⁰⁷⁹. Но наступило время гонений. В 1209 г. Оттон IV издал указ об изгнании, а в 1220 г. Томас, граф Савойский, угрожал штрафами всем, кто окажет им гостеприимство. Но они были трудолю-

¹⁰⁷⁴ Rainerius, Martène, p. 1775; *Rescriptum*, p. 57; Guy, p. 247; Döllinger, II. 320, etc. Райнерий, по сути, согласен с Бурсом, утверждающим, что ломбардские бедняки происходят от ультрамонтанских бедняков.

¹⁰⁷⁵ Рассказ об этом приводится в *Rescriptum*. См. Preger, Döllinger, II. 42-52, и Müller, *Die Waldenser*, p. 22. Разделение между ломбардской и лионской партиями фигурирует в вопросах, которые задавала вальденсам инквизиция (Döllinger, II. 320 sq.).

¹⁰⁷⁶ *Rescriptum*, Döllinger, II. 46.

¹⁰⁷⁷ Döllinger, II. 73.

¹⁰⁷⁸ Подводя итоги всех судов Гюи, Ли говорит, что гонения против лионских вальденсов не были особенно активными (II. 149).

¹⁰⁷⁹ Comba, p. 103 sq.; Lea, II. 259 sqq.

бивы, что делало их полезными подданными, и в течение ста лет гонения в долинах не заканчивались смертью гонимых. Первая жертва погибла на костре в 1312 г.

Иннокентий VIII, известный тем, что официально признал колдовство, был первым папой-гонителем, прибегшим к строгим мерам. В 1487 г. он объявил о крестовом походе и призвал Карла VIII Французского и герцога Савойского выполнить его распоряжение. По словам Леже, все, что вальденсы терпели до сих пор, было «розами и цветами» в сравнении с тем, что пришлось им вынести теперь. Иннокентий собрал армию в восемнадцать тысяч человек. Пьемонтские вальденсы были вынуждены подняться выше в горные долины, где страдали от почти невероятных лишений. Самые тяжкие страдания пришлось на долю этого альпийского Израиля в XVI — XVII веках, после того как они приняли Реформацию¹⁰⁸⁰. О жестоких убийствах того времени Мильтон восклицает: «Отомсти, о Господь, за Своих убиенных святых, кости которых рассеяны по холодным альпийским горам».

История движения вальденсов в разных районах Германии и Австрии немногим менее интересна, чем история франко-итальянского движения. Оно оказало больше влияния, подготовив путь для других диссентеров и движений проповедников. Предполагается, что перевод части Писания, принадлежащий вальденсам, был распространен в Метце в конце XII века. Его копии сжигали. Предполагается также, что вальденсы были среди еретиков, на которых охотились в Страсбурге в 1212 г. и восемьдесят из которых сожгли — в том числе двенадцать священников и двадцать три женщины. Вальденсы распространились на север до Кенигсберга и Штеттина, они встречались в Швабии, Польше, Баварии, особенно в Богемии, и в австрийской епархии Пассау¹⁰⁸¹.

Они подверглись гонениям уже в 1260 г. Пятьдесят лет спустя в Австрии было не менее сорока двух общин вальденсов и ряд их школ. Ньюмейстер, епископ австрийских еретиков, принявший смерть со многими другими в 1315 г., свидетельствовал, что только в епархии Пассау у секты было восемь тысяч сторонников¹⁰⁸². В 1318 г. доминиканские и францисканские инквизиторы были посланы в Богемию и Польшу для помощи властям в подавлении ереси. Богемия стала самым важным центром вальденсов. Бедняки Ломбардии переписывались с австрийскими еретиками¹⁰⁸³ и получали от них вспоможение.

Несмотря на преследования, германские вальденсы продолжали существовать до XV века.

Австрийские диссентеры активно распространяли Писание. Уитгьер основывает свою поэму об учителе-вальденсе на рассказе так называемого «анонима из Пассау» (XIV век). Он сообщает, что вальденсы под видом странствующих торговцев обходили дома благородных семейств, предлагая сначала драгоценности и

¹⁰⁸⁰ В 1530 г. завершается средневековый период истории. Тогда двое вальденсов, Морель и Петр Массона, были посланы посоветоваться с Буцером, Эколампадием и другими деятелями Реформации. Морель был обезглавлен на обратном пути. Его послание к Эколампадию и ответ последнего приведены в Dieckhoff, pp. 364-373. Вальденсы приняли Реформацию в 1532 г.

¹⁰⁸¹ См. Comba, 74 sqq. Доллингер приводит ряд документов, представляющих собой инструкции для допроса вальденсов в Германии и Австрии, и рассказы о судах над ними. Один из них, на немецком языке, относится даже к XVI веку. Döllinger, II. 701 sq. Хаупт, Келлер, Прегер и Голл расширили наши знания об австрийских вальденсах.

¹⁰⁸² Haupt, *Waldenserthum*, p. 21.

¹⁰⁸³ Комба во французском переводе своего труда и Мюллер (*Die Waldenser*, p. 103) приводят утешительное послание от них к страдающим богемским друзьям.

другие товары, а затем — величайшую драгоценность из всех, Слово Божье. Автор славит их честность, трудолюбие и трезвость. Он сообщает, что они не клялись и не обманывали.

Таким образом, существовало три типа вальденсов: лионские бедняки, ломбардские бедняки и австрийские вальденсы¹⁰⁸⁴. Что касается их несогласия с официальной церковью, то в более поздний период различия несколько изменились. С другой стороны, возникла тенденция к сближению с церковью¹⁰⁸⁵.

В первый период своего существования вальденсы не были еретиками, хотя их и обвиняли в том, что они называли себя «единственными подражателями Христа». Вальденсы были близки к катарам географически и упоминались вместе в постановлениях соборов, папских декретах и литературных опровержениях ереси, но они радикально отличались от катаров. Они никогда не принимали манихейских элементов. Они не отвергали системы таинств официальной церкви и не придумывали своих странных обрядов. Они были далеки от мистицизма и не имели отношения к германской мистике, в отличие от других сектантов. Но они не были похожи и на протестантов, и мы напрасно будем искать у них учение об оправдании верой. Возможно, они верили во всеобщее священство верующих. Согласно де Бурбону и другим, они объявляли всех добрых людей священниками. Они настаивали на уподоблении апостолам и повиновались учению Нагорной проповеди, не зная о том смысле, который Лютер вкладывал в слово «оправдание». И когда они утверждают, что праведность присутствует только в добрых людях, они наиболее близко подходят к мнению, распространенному ныне среди протестантов¹⁰⁸⁶.

Первый отличительный принцип вальденсов, применимый к их повседневному поведению, мог быть сформулирован словами апостолов: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам». Католики воспринимали его как отказ повиноваться власти папы и прелатов. Все ранние нападки на вальденсов содержат это обвинение¹⁰⁸⁷. Алан пытался опровергнуть этот принцип, говоря, что Христос подчинился власти Пилата (Ин. 19:11), и утверждая, что начальства поставлены Богом. Возможно, этот постулат вальденсов был первым положительным заявлением о библейских основаниях религиозной независимости, сделанным несогласной сектой средних веков. Оно содержит в себе, как в зародыше, принцип полной свободы совести, на которой настаивал Лютер в Вормсе.

Вторым отличительным принципом был авторитет Писания и использование его народом. В этом вальденсы опять предвосхитили протестантскую Реформацию, возможно, сами не понимая полного смысла своих требований. Действительно, чтение Библии тогда не было еще запрещено, но Вальд уже превратил ее в живую книгу, а его последователи неустанно распространяли ее перевод на

¹⁰⁸⁴ Наиболее древние авторы, такие как аббат Бернар и Алан, не делают этих разграничений. Райнерий (1260) делает, равно как *Rescriptum*, рассказывающий о вальденсах Пассау, и Сальв Бурс в своей *Supra Stella* (1235), говорящий о ломбардских бедняках. Давид Аугсбургский (1256) известный инквизитор, видел в вальденсах единую организацию. Бернар Гюи (1320) пишет о лионских вальденсах. Документы, приводимые Доллингером, доходят до XVI века, многие из них касаются вальденсов Австрии.

¹⁰⁸⁵ Во времена Реформации, по словам Мореля, танцы и спортивные игры были запрещены, кроме упражнений с луком и другим оружием. Комба (р. 263) указывает на противоположную тенденцию: вальденсы подошли ближе к официальной церкви в плане отправления таинств.

¹⁰⁸⁶ De Bourbon, p. 297.

¹⁰⁸⁷ Аббат Бернар, Migne, 204. 796, sqq., 817 sqq.; Alanus, Migne, 210. 380 sqq.; de Bourbon, p. 292; Dollinger, II, 6, 51.

разговорный язык. Анонимный автор из Пассау говорил, что видел мирян, которые знали евангелия Матфея и Луки наизусть почти полностью, так что можно было процитировать слова из них, а они продолжали читать текст по памяти.

Третьим принципом была важность проповеди и право мирян проповедовать. Петр Вальд и его соратники были мирянами-благовестниками. Во всех ранних документах проповедь упоминается как одна из худших ересей вальденсов и очевидное доказательство их высокомерия и неповиновения. Алан называет их ложными проповедниками, *pseudo-praedicatores*. Иннокентий III, пишущий в 1199 г. о еретиках Метца, объявил их желание понимать Писание похвальным, но их секретные собрания и узурпацию функций священников в проповеди — грехом. Алан в длинном пассаже обрушивался на вальденсов с увещеваниями, что Христос был послан Отцом, что Иона, Иеремия и другие получили власть свыше, прежде чем взялись проповедовать, ибо «как они могли бы проповедовать, не будучи посланными». А вальденсы не были посланы. На это обвинение вальденсы на диспуте в Нарбонне отвечали, что все христиане обязаны распространять Евангелие, повинуюсь последней заповеди Христа и Иак. 4:17, «кто разрешает делать добро и не делает, тому грех»¹⁰⁸⁸. Отказ Александра III дать им разрешение в 1179 г. не помешал им проповедовать на дорогах, по домам, а когда у них была такая возможность, то и в церквях¹⁰⁸⁹.

Вальденсы далеко пошли в упразднении древних обычаев. Они утверждали, что женщины имеют такое же право проповедовать, как и мужчины. Когда же упоминались слова Павла, требовавшего от женщин молчания, они отвечали, что речь у него идет, скорее, о наставлении, чем о собственно проповеди, и цитировали Тит. 2:3 («чтобы старицы... учили добру»). Аббат Бернар из Фонтис Калиди, оспаривая право мирян обоих полов проповедовать, цитировал слова Господа, Который велел замолчать злему духу, сказавшему: «Ты Святый Божий» (Мк. 1:25). Если Христос не позволил дьяволу объявлять о Себе, то как может Он проповедовать через вальденса?¹⁰⁹⁰ В одном из перечней заблуждений, приписываемых вальденсам, говорится, что они отвергают университеты Парижа, Праги и Вены, а также университетские занятия как трагу времени¹⁰⁹¹.

Еще одним далеко идущим принципом вальденсов была твердая убежденность в том, что правом связывать и разрешать, освящать и благословлять человек наделяется в силу духовной одаренности и заслуг, а не церковного рукоположения¹⁰⁹². Их оппоненты считали, что этот принцип подрывает сами корни системы священства. Они обвиняли вальденсов в том, что те оставляют за мирянами право крестить и совершать вечерю Господню. («Никакой священник, пребывающий во грехе, не может совершать евхаристию, но добрый мирянин — может»¹⁰⁹³.) Еще их обвиняли в том, что они разрешали женщинам выполнять эти функции, и, как говорит Райнерий, никто не поднялся, чтобы отвергнуть это

¹⁰⁸⁸ Комба (pp. 47-52) приводит перевод диспута в Нарбонне. Аббат Бернар (Migne, 204. 805) также цитирует Иак. 4 как место, на которое опирались вальденсы.

¹⁰⁸⁹ De Bourbon, p. 291; Guy, p. 292, etc.

¹⁰⁹⁰ Migne, 204. 806 sq., 825; II. 300, etc.

¹⁰⁹¹ Döllinger, II. 340.

¹⁰⁹² *Magis operatur meritum ad consecrandum vel benedictionem, ligandum vel solvendum, quam ordo vel officium* (Alanus, Migne, 204, 385). Alphandéry (p. 129) справедливо раскрывает смысл этого обвинения.

¹⁰⁹³ *Consecratio corporis et sanguinis Christi potest fieri a quolibet justo, quamvis sit laycus* (Guy, p. 246). Также Rainerius, p. 1775, Давид Аугсбургский и Döllinger, II. 7.

обвинение. Вальденсов обвиняли и в том, что они позволяли мирянам принимать исповедь и отпускать грехи¹⁰⁹⁴. Разногласия между вальденсами на этот счет обсуждались на конференции в Бергамо.

Что касается крещения, то здесь между вальденсами Италии и Франции также были разногласия. По крайней мере некоторые группы были склонны отвергать крещение младенцев и, похоже, до какой-то степени среди вальденсов преобладало мнение, что дети без крещения не спасаются¹⁰⁹⁵. Какими бы ни были взгляды древних вальденсов, во времена Реформации, по утверждению Мореля, они предоставляли отправление таинств священникам. Древние документы говорят о секретности, которую соблюдали вальденсы, и, возможно, они открыто признавали не все то, в чем их обвиняли.

К этим основополагающим принципам вальденсы, на основании Нагорной проповеди, прибавляли отказ от принесения клятв¹⁰⁹⁶, осуждение смертной казни¹⁰⁹⁷, а некоторые из них отвергали учение о чистилище и молитвы за умерших¹⁰⁹⁸. После смерти, говорили вальденсы, можно попасть либо на небеса, либо в ад¹⁰⁹⁹.

Как утверждает профессор Комба, вальденсы считали себя церковью внутри церкви, кругом избранных. Вероятно, дальше они не пошли, хотя их и обвиняли в том, что они объявляют Римскую церковь вавилонской блудницей и называют ее домом лжи¹¹⁰⁰. Уже в XIII веке утверждалось (например, де Бурбоном), что вальденсы, подобно катарам, делятся на «совершенных» и «верующих», но это может быть ошибкой. В начале XIV века в Южной Франции они избирали старейшину, называемого *Majoralis omnium*, которому, по словам Бернара Гюи, они повиновались, как католики повинуются папе. Были у них также свои пресвитеры и диаконы. В других местах у них было три вида служителей — священники, учителя и ректоры¹¹⁰¹.

С самого начала у лионской ветви была своя литература, в чем она опять же составляет резкий контраст по сравнению с катарами. Из древнего перевода Библии на романский язык вальденсами сохранились Новый Завет полностью, а

¹⁰⁹⁴ Alanus, Migne, 210, 386.

¹⁰⁹⁵ Райнерий пишет без оговорок, что ломбардские бедняки верили в спасение некрещеных младенцев, а в *Rescriptum* объявляется, что крещение считалось обязательным для спасения всех людей. См. также Давида Аугсбургского и Döllinger, II, 45.

¹⁰⁹⁶ Alanus, 210, 392; de Bourbon, pp. 292, 296; Guy, p. 246; Döllinger, II, 85 (Salve Burce), 107, 126, etc.

¹⁰⁹⁷ Alanus, 210, 394; Guy, p. 246; Döllinger, II, 76, 107, 143, etc.

¹⁰⁹⁸ Аббат Бернар, Migne, 204, 828, 833; de Bourbon, p. 295; Döllinger, II, 93, 107, 143, etc. История о сотворении, согласно которой Бог, творя человека, сделал его изображение из глины и поставил на забор сушиться, существовала уже при Этьене де Бурбоне (ум. в 1261) и ранних вальденсах. Бурбон (р. 294) слышал о вальденсе, который в своем свидетельстве заявил, что Бог сделал человека из мягкой глины, как делают играющие мальчики, и поставил его на солнце сушиться. Трещины, образовавшиеся при высыхании, стали венами, по которым потекла кровь, а потом Бог вдохнул Своего Духа в лицо сотворенному предмету.

¹⁰⁹⁹ Учение вальденсов о двух путях рассматривалось Гарнаком и Келлером как реминисценция «Учения двенадцати апостолов». Комба (р. 341) ссылается на Нагорную проповедь, что более вероятно. Однако важность здесь не столько в двух путях, сколько в отрицании чистилища (Döllinger, II, 252, 287, 300, etc.).

¹¹⁰⁰ Rainerius, p. 1775; Guy, p. 247. Также аббат Бернар, Migne, 204, 795 sqq., и Alanus, Migne, 210, 379 sqq.

¹¹⁰¹ Döllinger, II, 92. Позже служителя итальянских вальденсов стали называть *barba*, «дядя» (Comba, p. 147). Морель в послании к Эколампадию объявляет, что вальденсы не придерживаются строго этих отличий. См. Dieckhoff, p. 259 sq.

также Псалтирь, Притчи, Песнь песней и Екклесиаст. Перевод на французский предшествовал этому переводу вальденсов¹¹⁰². Немецкий перевод Библии, найденный в Тепле, Богемия, также мог быть сделан вальденсами¹¹⁰³.

*Nobla Leyczon*¹¹⁰⁴, относящийся к первой половине XIII века, — древнейший сохранившийся образец литературы вальденсов после перевода Библии. Это религиозная поэма из четырехсот семидесяти девяти строк. Ее назначение — чисто практическое. Конец света близок, человек согрешил, Ноя пощадили, Авраам покинул свою страну, Израиль попал в Египет и был выведен Моисеем. Христос проповедовал лучший закон, Он шел тропой бедности, был распят и воскрес. Первая строка гласила: «О братья, послушайте благородное учение!» Поэма завершается сценой последнего суда и призывом к покаянию.

Вальденсам удалось оказать влияние на Католическую церковь благодаря тому, что они избирали путь бедности. Они принимали «исповедание нищеты», как говорит Этьен де Бурбон, или «ложное исповедание нищеты», как заявляет Бернар Гюи. С помощью проповедей и бедности они стремились к евангельскому совершенству, в чем явно обвиняют их эти и другие авторы. Однако Франциск Ассизский перенял этот идеал, а возможно, был в гораздо большей степени научен от неведомых вальденсов Северной Италии, чем мы в состоянии доказать. Идеал апостольской бедности и практики витал в воздухе и был неотъемлемой частью служения святого Франциска, так что его последователям стоит признать, что диссентеры Лиона и Италии предвосхитили тот же дух и начали возвещать его почти на полвека раньше¹¹⁰⁵.

ПРИМЕЧАНИЕ

Литература о древних вальденсах

Названия книг см. в §79. Новая эпоха исследования истории и учения вальденсов была открыта Дикхофом (1851), за которым последовал Герцог (1853). В последующие годы Прегер, Карл Мюллер, Хаупт и Келлер добавили к нашему знанию многие подробности и прояснили много спорных моментов. Комба, профессор вальденского колледжа во Флоренции, принимает выводы современных исследований и отказывается от утверждений о древнем, даже апостольском происхождении вальденсов, на котором настаивали их прежние авторы. Главные источники для изучения ранней истории секты — это аббат Бернар из Фонтис Калиди (ум. в 1193), богослов Алан Лилльский (ум. ок. 1200), Сальв Бурс, труд которого приведен у Доллингера (1235), Этьен де Бурбон (ум. в 1261), труд которого имеет энциклопедический характер, нечто вроде справочника, *Rescriptum haeresiarcharum*, написанный около 1316 г. неизвестным священником, которого принято именовать «анонимом из Пассау», австрийский богослов Давид Аугсбургский (ум. в 1271) и инквизитор из Южной Франции Бернар Гюи (ум. в 1331). Другие ценные документы приведены Доллингером в его *Beiträge*, vol. II. Эти авторы охватывают период более чем в сто лет. В большинстве характеристик они соглашаются,

¹¹⁰² Berger, *La Bible française au moyen âge*, Paris, 1884. В рукописях романского перевода есть заметные разночтения в плане языка и т. д. Комба (pp. 182-185) приводит абзацы из разных рукописей.

¹¹⁰³ Так считают Хаупт и Келлер, *Die Reform. und die aelteren Reformparteien*, Leipzig, 1886, pp. 257-260. Иостес считает этот перевод возникшим в католической среде, и доктор Филип Шафф был склонен согласиться с этим мнением (*Independent*, Oct. 8, 1885). Nestle, ст. *German Versions*, в Herzog, III. 66, оставляет вопрос открытым.

¹¹⁰⁴ От *lectio*, «чтение». Текст приводится в Herzog, pp. 445-457, англ. перев. — в Perrin, pp. 263-271.

¹¹⁰⁵ Фельдер, католический автор талантливого труда (*Gesch. der wissenschaftlichen Studien im Franziskanerorden*, 1904), очень близко подходит к такому взгляду, признает попытки вальденсов реализовать идеал апостольской бедности и говорит (p. 1 sq.), что Франциск Ассизский в своем деле был движим «идеями, глубоко укоренившейся в том веке» (*eine tief gewurzelte Zeitidee*).

и древние авторы склонны утверждать еретический по существу характер вальденсов в той же мере, что и более поздние.

Рукописи вальденсов, некоторые — относящиеся к XIII веку, представлены главным образом в библиотеках Кембриджа, Дублина (Тринити-колледж), Парижа, Женевы, Гренобля и Лиона. Дублинская коллекция собрана архиепископом Ашером, который приобрел в 1634 г. ряд ценных книг от французского мирянина за пятьсот пятьдесят франков. Кембриджские рукописи были предоставлены сэром Сэмюэлем Морландом, которого Кромвель специально отправил в Турин, чтобы остановить гонения на вальденсов.

§85. Крестовые походы против альбигойцев

Средневековые меры против еретиков обрели организованную форму в виде крестовых походов против альбигойцев еще до того, как полностью сложился институт инквизиции. Папство несет полную ответственность за эти безжалостные войны. Тулуза уплатила горькую цену за то, что оказалась главным центром ереси¹¹⁰⁶. Согласно Иннокентию III, большая часть ее знати была заражена еретической скверной, так что ересь проникла и в замки, а не только исповедовалась в деревнях¹¹⁰⁷. Граф Тулузский, первый из пэров-мирян Франции, навлек на себя гнев и кару апостольского престола, потому что не хотел вести войну против собственных подданных (его вассалы населяли Прованс и Лангедок). Представитель этого дома возглавил одну из самых великолепных армий во время первого крестового похода на Иерусалим. В начале крестового похода против альбигойцев двор Тулузы был в числе самых роскошных в Европе, а в конце похода он остался в запустении.

Соборы, начиная с синода в Тулузе (1119), издавали статьи против ереси и призывали светские власти покарать ее. Были испробованы мягкие меры, оказавшиеся неэффективными, будь то проповеди и чудеса святого Бернара (1147) или дипломатические обращения папских легатов. Через шестьдесят лет после Бернара святой Доминик отправился благовествовать в окрестностях Тулузы, и некоторое количество еретиков было обращено, но, несмотря на Доминика и синодальные декреты, ересь распространялась и своим существованием продолжала наносить оскорбление церковным властям.

Иннокентию III оставалось только проявить свою природную решительность в полной мере, выступить против распространяющейся заразы и выполнить обещания, которыми уже торжественно пригрозили вселенские и поместные соборы. Для него еретики были хуже неверных, которые никогда не исповедовали христианство. Христиане вооружались против сарацин, так почему они не могли снарядить армию, чтобы сокрушить духовное предательство у себя дома? В ответ на папский призыв было организовано не менее четырех крестовых походов против сектантов Южной Франции. Эти религиозные войны продолжались тридцать лет. Священники и аббаты возглавляли армии и, во имя веры, отдавали самые варварские приказы и оправдывали любую жестокость. Один из прекраснейших районов Европы был опустошен, папа лишил тулузских графов их власти и территории.

Этот длинный конфликт разгорелся в полную силу, когда Иннокентий призвал Людовика VII выступить на войну, чтобы «показать, что Господь не напрасно вручил ему меч», и обещал ему земли знати, поддерживающей ересь¹¹⁰⁸. Раймунд VI, не

¹¹⁰⁶ На Четвертом Латеранском соборе об этом городе говорили: *quae magis haeretica labes corrupta*.

¹¹⁰⁷ *Ер.* II. 99; Migne, 214, 647.

¹¹⁰⁸ *Ерр.*, VII. 186, 212; Migne, 215, pp. 503, 527. Во втором послании Иннокентий сравнивает еретиков с лисами Самсона и зверями, *belluas*.

желавший подвергать репрессиям своих подданных-катаров, был отлучен легатом Иннокентия Петром Кастельно, и на его земли был наложен интердикт. Иннокентий назвал его вредителем, *vir pestilens*¹¹⁰⁹, и угрожал ему какими только можно наказаниями в грядущем мире. Он угрожал созвать князей против него и с оружием в руках отобрать его земли. «Длань Господня сойдет на тебя самым суровым образом и покажет тебе, что трудно избежать Его гнева, который ты вызвал».

Кризис обострился в 1208 г., когда Петр Кастельно был убит двумя неизвестными¹¹¹⁰. Верховный понтифик вновь объявил об отлучении тулузского графа и сделал изгнание всех еретиков из его владений условием, при котором его перестанут подозревать как возможного убийцу Петра¹¹¹¹. Никогда непоколебимая энергия Иннокентия не проявлялась так полно! Был объявлен крестовый поход. Положение осложнялось связями Раймунда с Францией через его дядю Людовика VII и с Арагоном через Педро, на сестре которого он был женат. Но крестовый поход начался. Цистерцианцы решили провозгласить его на своем общем капитуле. Князья и народы Франции, Фландрии и даже Германии вступали в ряды крестоносцев. Тем, кто принимал крест для борьбы с катарами и вальденсами, обещалась такая же награда, как и тем, кто отправлялся за моря сражаться с захватчиками гроба Господня.

В общем обращении к верующим Иннокентий писал:

О могущественные воины Христа, храбрейшие воины! Вы выступаете против сил антихриста, вы сражаетесь со слугами древнего змея. До сего времени вы, возможно, сражались за преходящую славу, теперь же вы воюете за славу вечную. Вы сражались за тело, теперь боритесь за душу. Вы сражались за мир, теперь боритесь за Бога. Ибо мы призываем вас служить Богу не ради мирской похвалы, но ради небесного царства, которое обещаем вам со всей уверенностью¹¹¹².

Устрашенный раскатами приближающейся бури, Раймунд подчинился и обещал сокрушить ересь. Унизительная сцена церковного наказания Раймунда состоялась в церкви монастыря Сен-Жиль. В притворе, обнаженный по пояс, он согласился на все условия папы. Шестнадцать вассалов графа поклялись проследить за тем, как соблюдается обет, и обещали возобновлять клятву каждый год под страхом причисления к еретикам. Затем, держась за конец епитрахили, обернутой вокруг шеи кающегося, подобно удавке, папский легат подвел Раймунда к алтарю, и по пути графа бичевали¹¹¹³.

Однако подчинение Раймунда не остановило продвижения войск, которые в больших количествах собирались в Лионе¹¹¹⁴. В их рядах присутствовали архиепископы Реймса, Санса и Руана, епископы Отуна, Клермона, Невера, Базера, Лизье и Шартра, множество аббатов и других клириков. На их стороне были герцог Бургундский, графы Невера, Сен-Поля, Оксерра, Женевы и Пуатье и другие князья. Вождем был избран Симон де Монфор. Симон был одним из выдающихся вождей четвертого крестового похода, ревностным защитником папства.

¹¹⁰⁹ *Ер.*, X. 69; Migne, 215. 1165 sqq.

¹¹¹⁰ Другую версию этого убийства см. в Lea, I. 146. Проводилась аналогия с убийством Бекета.

¹¹¹¹ *Ер.*, XI. 26, 32; Migne, 215. 1354, 1361.

¹¹¹² *Ер.*, XI. 230; Migne, 215. 1546. Иннокентий неоднократно и много писал, призывая к этому предпрятию (*Ерр.*, XI. 33, 229, etc.; Migne, 215. 1361, etc.).

¹¹¹³ См. полное описание в Hurter, II. 317 sq., и Lea, I. 150 sq.

¹¹¹⁴ Hurter (II. 322), всегда осторожный, говорит об армии как о *zahllose Menge*, а затем — о 50.000 человек. Lea (I. 152) склонен считать, что она была больше, 20.000 рыцарей и 200.000 пеших воинов.

Он посещал мессу каждый день, даже после самых кровавых побоищ во время кампаний в Южной Франции. Современники славили его как нового Иуду Маккавея и даже сравнивали с Карлом Великим¹¹¹⁵.

Несмотря на покаяние Раймунда, который присоединился к армии, папский легат Арнольд из Сито отказался остановить ее продвижение. Был взят Безьер. Последовали кровавые расправы. Дикие солдаты выполняли приказ легата: «Убивайте всех! Господь узнает Своих»¹¹¹⁶. Не щадили ни стариков, ни женщин. Церкви не могли никого защитить. Только в церкви Св. Магдалины было убито семь тысяч человек. Почти двадцать тысяч погибли от меча. По сообщениям папских легатов Мило и Арнольда, «Божье мщение свирепствовало в городе чудесным образом»¹¹¹⁷... Наши не щадили никого, независимо ни от пола, ни от поления. Весь город был разграблен, и бойня была велика».

В Каркассоне жителям позволили уйти в одних рубахах — унося с собой, как сообщает летописец, только свои грехи (*nihil secum praeter peccata portantes*). Ужас охватил страну. Жители покидали одно селение за другим. Раймунд снова был отлучен на соборе в Авиньоне¹¹¹⁸. Покоренные земли были отданы Монфору. Война продолжалась, и ее жестокость, если такое еще было возможно, возрастала. В ответ на новые папские призывы появились новые рекруты, среди них — шесть тысяч немцев¹¹¹⁹. В крепости Минерв сто сорок альбигойских «совершенных» были сожжены. Пленникам отрезали уши, носы и губы.

В 1211 г. граф Тулузский вновь попытался прийти к соглашению с легатами, но условия, включавшие в себя требование сравнять с землей все его замки, оказались слишком унижительными. Был объявлен новый крестовый поход. Была захвачена вся тулузская земля. Крестоносцам оставалось взять только сам город.

Педро Арагонский, недавно одержавший сокрушительную победу над маврами при Новас де Толоса, теперь вступился перед папой за своего шурина. Синод в Лаворе (1213), назначенный Иннокентием для слушания дела, отверг предложения короля. Тогда Педро присоединился к Раймунду, но пал, потерпев поражение при Мюре в том же году (1213). Это была странная ситуация. Король Арагона, годом ранее удостоившийся высочайших похвал как герой католической веры, был убит в рядах тех, кто бунтовал против папской власти¹¹²⁰. На

¹¹¹⁵ Hurter (II. 325 sqq.) говорит о его добродетелях, в том числе о человечности и верности. Гефеле, также католик, называет его жестоким, *grausam* (V. 843). Собор в Лаворе объявил его «храбрым воином Христа и непобедимым бойцом в битвах Господних» — *intrepidum, Christi athletam et invictum dominici praelii bellatorem* (Mansi, xxii. 887). Четвертый Латеранский собор почтил его усилия как превосходящие остальных в верности и смелости. От своей матери Алисы он унаследовал графство Лестер, которое передал своему сыну Симону. См. Stephen, *Dict. Nat. Biogr.*

¹¹¹⁶ *Caedite eos, novit enim dominus qui sunt ejus* (Цезарий Гейстербахский, V. 21; Strange ed., I. 302). Цезарий добавляет также, что «в этом городе было убито бесчисленное множество людей». Хертер говорит о «неукротимой ярости» войск (*zügellose Wuth*, II. 331). Описывая другие кровавые сцены крестового похода, он использует такие выражения, как «ужасная бойня» (*furchtbarer Gemetzel*), «душераздирающее варварство» (*emporende Graeuel*) — pp. 420, 423, 427, etc. Он милостиво надеется, что аббат Сито все-таки не говорил того, что ему приписывает столь добрый и благочестивый свидетель Цезарий Гейстербахский. Бришар (в *Wetzer-Welte*, I. 434) пишет об ужасных варварствах войск Симона.

¹¹¹⁷ *Ultione divina in eam mirabiliter saeviente* (*Epp. Inn.*, XII. 108, 109; Migne, 216. 137-142).

¹¹¹⁸ Hefele, V. 846 sqq.

¹¹¹⁹ Hurter, II. 383, 416.

¹¹²⁰ Сын Педро, Хайме, объяснил поражение отца моральной неустойчивостью. Альбигойская знать предоставляла в его распоряжение своих жен и дочерей, и, как сообщают, утром перед сражением он был так слаб, что не мог стоять во время мессы (Lea, I. 177).

следующий день победитель Монфор, босиком, отправился в церковь. Он велел продать боевого коня и вооружение Педро, а полученные средства раздать бедным¹¹²¹. Собор в Монпелье (1215) даровал Монфору всю территорию, включая Тулузу. Ему достались титулы графа Тулузского, виконта Безьера и Каркассона и герцога Нарбонна¹¹²².

Осложнения в Южной Франции были одним из главных вопросов, поставленных перед Четвертым Латеранским собором (1215). Раймунд присутствовал там и потребовал обратно свои земли, так как он подчинился церкви, но подавляющим большинством голосов синод высказался против него, и Монфора утвердили как владельца завоеванных им территорий¹¹²³. Когда сын Раймунда лично обратился к Иннокентию, прося за отца, папа велел ему «любить Бога прежде всего, служить Ему верно, не претендовать на чужие территории» и холодно обещал, что его жалобы на Монфора будут рассмотрены на одном из следующих соборов¹¹²⁴.

Дальнейшее течение альбигойских кампаний заслуживает только краткого упоминания на этих страницах, потому что они превратились в войны за разграбление территорий. В 1218 г. Монфор пал у стен Тулузы. Голова его была пробита камнем. В правление Гонория, который больше беспокоился о крестовых походах на Востоке, сектанты восстановили силы, и Раймунд вернул себе существенную часть своей территории. Но неумолимый папа снова отлучил от церкви дом Тулузы.

В 1226 г. Людовик VIII принял обет крестоносца, вдохновляемый французским парламентом и церковью. Так началась последняя глава в истории крестовых походов, война короля Франции за овладение Тулузой. Людовик умер несколько месяцев спустя. Арнольд из Сито, почти двадцать лет энергично и непреклонно пропагандировавший крестовый поход, умер до него. Людовик IX перенял планы своего царственного предшественника, и в 1229 г. борьба завершилась. Раймунд принял условия, предложенные папским легатом.

Раймунд отказался от двух третьих земель своих отцов в пользу Франции. Оставшаяся треть после его смерти должна была перейти к его дочери, которая вышла замуж за брата Людовика IX. В случае же, если брак будет бездетным, земли должны были перейти к французской короне — что и случилось после смерти Жанны, единственной наследницы Тулузского дома. Так владения Франции распространились до Пиренеев.

Дальнейшие репрессивные меры были направлены против остатков альбигойской ереси, так как Раймунд VII обещал очистить от нее страну. Теперь машина инквизиции набрала полную силу, усовершенствованная на великом инквизиторском соборе в Тулузе (1229). Тулузский университет получил папскую санкцию, и одной из поставленных перед ним задач было «приведение католической веры к процветанию на прилегающих к нему землях»¹¹²⁵. В 1244 г. была взята

¹¹²¹ Hurter, II. 567.

¹¹²² А заодно здесь был явлен пример того, как могут посориться лучшие друзья: Арнольд из Сито, назначенный архиепископом Нарбонна, яростно оспаривал право Монфора на титул герцога Нарбоннского.

¹¹²³ Hurter, II. 567 sqq.; Hefele, V. 881 sq., 902 sq.; Potthast, *Regesta*, I. 439.

¹¹²⁴ В отрывке, посвященном отношению Иннокентия к данной войне, Хертер (II. 709-711) говорит, что, хотя отчасти она и проводилась без внимания к принципам гуманности и права и хотя она, начавшись как религиозная война, превратилась в войну за владения, Иннокентий все-таки был невиновен, ибо его единственной задачей было очищение земли от ереси.

¹¹²⁵ Potthast, 9173.

крепость Монсегюр, последнее убежище альбигойцев. Было сожжено двести «совершенных».

Папская политика увенчалась полным, но пагубным успехом, и после XIII века ересь в Южной Франции уподобилась неслышному подземному течению. Лангедок в начале войны был одной из наиболее процветающих и культурных областей Европы, а в конце его селения и виноградники были опустошены, ремесла находились в упадке, население обнищало и существенно поредело. Страна, которая могла принести в Европу возрождение интеллектуальной культуры, отстала теперь от своих соседей. И поколениям протестантов, осуждающих варварские меры, задуманные и осуществленные папством, остается лишь ждать, не возникнет ли там новое движение, пробужденное к жизни силой Евангелия, если ранее эти земли с таким упорством стремились отделиться от церковного обмирщения и были обильно орошены кровью альбигойцев, вальденсов, Петра де Бруи и его последователей.

Штединггеры. Пока шли войны с альбигойцами, штединггеры — другой народ, живущий близ Бремена и Ольденбурга, также уничтожался папским крестовым походом. Они руководились, скорее, духом национальной независимости, а не доктринальным несогласием, и не желали платить десятину архиепископу Бременскому. Когда некий муж убил священника за унижение достоинства своей жены, архиепископ Гартвиг II применял одно наказание за другим, но напрасно. При его преемнике Герхарде (1219 — 1258) непокорные крестьяне были приведены в повиновение. Синод в Бремене в 1230 г. объявил их еретиками, и Григорий IX, согласившись с этим определением, призвал ряд немецких епископов возвестить и провести крестовый поход. Северным крестоносцам были обещаны такие же отпущения грехов, что и крестоносцам, которые отправлялись в Палестину. Первая кампания, в 1233 г., была неудачной, вторая же принесла все ужасы войны на восточную часть территории штединггеров. В 1234 г. еще одна армия, возглавляемая рядом князей, нанесла этому отважному народу полное поражение при Альтенеше. Их земли были поделены между архиепископом Бремена и графом Ольденбургским.

§86. Инквизиция. Ее происхождение и задачи

Кульминацией мер по подавлению и уничтожению ересей стала организованная система, называемая инквизицией. История ее деяний содержит, вероятно, самые отвратительные сцены из анналов цивилизованной Европы¹¹²⁶. Представители церкви, решавшие судьбу человека в этом мире, во имя религии пытали бесчисленных беспомощных жертв, еретиков и так называемых ведьм и выносили приговор, который, как они знали, вел к пожизненному заключению или к смерти на костре. Конечно, некоторое оправдание бесчувственно хладнокровного отношения к судьбе еретика мы находим, вспоминая о безжалостных наказаниях, которым гражданские суды средних веков подвергали гражданских преступников — таких как дыба, кипящее масло, раздирание на части с помощью лошадей, сдирание кожи заживо, — или же памятью о беспощадном обращении князей с непокорными подданными — например, о том, как Вильгельм Завоеватель в Алансоне наказал бунтовщиков, отрубив руки и ноги тридцати двум горожанам и выкинув их через городскую стену. Однако поразителен тот факт, что христианские власти, которые должны были являть миру Христа, заменили Его милосердие безмерной жестокостью. И в этом отношении диссентеры были христианами в гораздо большей степени, чем клирики.

¹¹²⁶ Даже такой уравновешенный христианский историк, как Карл Мюллер, специалист по средневековой истории, утверждает: *Die Thätigkeit der Inquisition ist vielleicht das entsetzlichste was die Geschichte der Menschheit kennt* (*Kirchengesch.*, I. 590).

В попытках найти этому хоть какое-то оправдание, утверждалось, что церковь не приговаривала к смертной казни и не заходила дальше отлучения и приговора к пожизненному заключению. Сюда же приделывалась древняя и справедливая для всех времен истина, что церковь ненавидит кровь — *ecclesia non sinit sanguinem*. Однако этот аргумент — чисто формальный. Церковь, после вынесения приговора, передавала еретиков гражданским властям, прекрасно зная, что до наступления ночи за ее отлучением последует смертный приговор¹¹²⁷. Кроме того, церковь через пап и через постановления синодов вновь и вновь угрожала своей немилостью и прочими духовными наказаниями князьям и городским властям, если те будут прощать еретиков. Четвертый Латеранский собор запретил священникам выносить смертные приговоры и присутствовать на казни, но в то же самое время армии крестоносцев, во исполнение неотступных папских призывов, заливали Южную Францию кровью альбигойцев. Один автор XIII века говорит, отчасти правдиво и отчасти правдоподобно, что «это не наш папа убивает и не он приговаривает к смерти, а это законы приговаривают к смерти тех, кого папа позволяет казнить, и это те, кто совершает дела, за которые наказывают смертью, сами убивают себя»¹¹²⁸.

Официально инквизиторский процесс назывался «расследованием еретической скверны»¹¹²⁹. История инквизиции в средние века делится на три этапа: гонения на доктринальных еретиков до 1480 г., преследование ведьм в XIV — XV веках и испанская инквизиция, организованная в 1480 г.¹¹³⁰ Среди самых пылких защитников инквизиции и системы ее наказаний были лучшие и наиболее просвещенные люди того времени: Иннокентий III, Фридрих II, Людовик IX, Бонавентура, Фома Аквинат. Здесь можно провести параллель с лучшими римскими императорами, которые, вместе с тем, отличились кровавым преследованием ранней церкви. Добрый король Людовик Святой объявил, что когда мирянин слышит, что кто-то выступает против веры, он должен тут же выхватить свой меч и вонзить его в тело хулителя по самую рукоять¹¹³¹.

Инквизиция была исключительно папским институтом, продуманным во всех ее подробностях папами XIII века начиная с Иннокентия III, но не заканчивая Бонифацием VIII. В своем знаменитом учебнике по обращению с ересями инквизитор Бернар Гюи — человек, вызывающий наше уважение, несмотря на свою должность, объявляет, что «служение инквизитора отличается достоинством уже благодаря самому своему происхождению, ибо оно появилось, было поручено и известно как учрежденное самим апостольским престолом»¹¹³². Таки-ми были настроения того века.

Прецедентов сурового отношения к еретикам было предостаточно. Константин запрещал ариан и сжигал их книги. Феодосий Великий определил, что нака-

¹¹²⁷ Обычно о передаче еретиков гражданскому суду говорили: *saeculari iudicio relinquere*, а о пожизненном заключении — *in perpetuum carcerem retrudi* или *perpetuo commorari*.

¹¹²⁸ Martène, *Thes.*, V. 1741.

¹¹²⁹ *Inquis. haereticae pravitatis*. Насколько мне известно, впервые выражение «инквизиция еретиков», *inquis. haeticorum*, появилось на синоде в Тулузе (1229). «Еретическая скверна» была обычным обозначением ереси (*Inn. Ep.*, II, 142, etc.; Migne, 214. 698). Термин *inquirare* был юридическим и использовался раньше (см. Schmidt).

¹¹³⁰ Эту дату приводит Lea (*Span. Inq.*, I. 161). Сикст IV узаконил испанскую инквизицию 1 ноября 1478 г.

¹¹³¹ De Joinville, Bohn ed., p. 362.

¹¹³² *Practica*, p. 176: *habet excellentiam altitudinis ex sua origine, quia immediate a sede apostolica dirivatur, committitur et noscitur institutum*.

занием за ересь должна быть смерть. В 385 г. были казнены присциллиане. Ссылались на великий авторитет Августина и его роковое толкование слов притчи, «убеди прийти»¹¹³³, оправдывающей якобы применение силы к донатистам, сторонники жестокости делали отсюда уже гораздо более серьезные выводы, чем те, к которым, вероятно, мог бы прийти сам отец церкви (см. т. 3, §27). Начиная с конца XII века соборы выступали за смертную казнь, папы настаивали на ней и Фома Аквинат ревностно защищал это мнение. Ересь, как гласило учение и ее определение, была преступлением, которое церковь не могла терпеть. Это злейшая из нападок сатаны.

Иннокентий III писал, что если измена наказывается смертью и конфискацией имущества, то намного больше такого наказания заслуживают те, кто хулит Бога и Божьего Сына. Преступление против Бога, рассуждал он, несомненно, гораздо тяжелее, чем преступление против светской власти¹¹³⁴.

Обоснованные рассуждения выдающегося богослова Фомы Аквината об обращении с еретиками были изложены по крайней мере через четверть века после того, как инквизиция вошла в полную силу. Опираясь на Августина и его толкование «убеди прийти», Фома самым ясным образом заявляет, что еретики заслуживают не только удаления из церкви посредством отлучения, но и удаления с лица земли посредством казни¹¹³⁵. Заблуждения в области геометрии не влекут за собой моральной вины, а заблуждения в вопросах веры влекут. Если фальшивомонетчиков приговаривают к смерти, то еще более справедлива смертная казнь тех, кто творит самое греховное дело, развращая верующих. Еретик, состояние которого церковь объявляет безнадежным, передается ею светскому суду, чтобы его удалили из мира. Здесь действует следующий принцип: крещенные находились под непосредственной юрисдикцией церкви, и церковь могла поступать с ними, как считала нужным. Лишь в XIV веке Августино Триумфо¹¹³⁶ (ум. в 1328) и другие папские авторы распространили на язычников юрисдикцию церкви и папы. Так, собор во Вьенне (1312) запретил правителям разрешать их мусульманским подданным практиковать обряды этой религии¹¹³⁷.

Законодательство, объявляющее инквизицию церковным институтом и определяющее ее власть, стало развиваться с Турского синода 1163 г. и Третьего Латеранского собора (1179). Большой шаг в этом направлении был сделан на соборе в Вероне (1184). Четвертый Латеранский собор (1215) и собор в Тулузе (1229) формально утвердили инквизицию и усовершенствовали ее организацию. Григорий IX, Иннокентий IV и Александр IV укрепили ее права и расширили их. От начала и до конца папы были ее главными сторонниками.

¹¹³³ *Cogite intrare* (Ep., 93, ad Vincent, contra Gaudent., I. 1). Хотя, с другой стороны, он выступал против того, чтобы подвергать их тем страданиям, которых они заслуживали (Ep., 100, Ad Donat., etc.; Migne, 33. 360).

¹¹³⁴ Ep., II. 1. Вот как описывает отношение Иннокентия к неисправимым еретикам Hurter (II. 264). Они попали под власть сатаны и должны быть лишены всего имущества. Если они мертвы — их тела должны быть выкопаны из освященной земли. Светские князья должны выступать против них с мечом, ибо Господь доверил могущественным мира сего защиту благочестивых и уничтожение злодеев, и ни в чем светская власть не проявится лучше, чем в уничтожении тех, кто старается сбить других с пути истинной веры и лишить их вечной жизни.

¹¹³⁵ *Meruerunt non solum ab ecclesia per excommunicationem separari sed etiam per mortem a mundo excludi* (Summa, II. Pt. II. 11; Migne's ed., III. 109).

¹¹³⁶ Такое толкование дает его словам Гефеле (V. 716).

¹¹³⁷ *Pagani jure sunt sub papae obedientia* (23, art. I).

Турский синод 1163 г. призвал епископов и клириков запретить католикам смешиваться с альбигойцами, поддерживать с ними торговые отношения и предоставлять им убежище. Князья должны были бросать их в темницы и конфисковывать их имущество. Третий Латеранский собор (1179) распространил наказания на защитников еретиков и их друзей. Он позволил князьям поработать еретиков в рабство и сократил до двух лет время церковного наказания для того, кто выступит против них с оружием. Папа Луций III и император Фридрих Барбаросса объединились в священном намерении искоренять еретиков и объявили о своем отношении на соборе в Вероне в 1184 г. Фридрих велел зачитать закон против еретиков, который он вводил в своей империи, и бросил перчатку на пол в знак того, чтобы будет насаждать его. Затем Луций объявил о постановлении собора, который призывал епископов посещать не реже раза в год все районы своих епархий, допрашивать всех подозрительных и передавать их, если они виновны, гражданским властям. Князья должны были поклясться поддерживать борьбу церкви против ереси под страхом лишения титулов. Города, которые отказывались преследовать преступников, должны были лишаться общения с другими городами, а если в них находилась резиденция епископов, то города лишались этой чести.

Оказавшись на престоле, Иннокентий III, самый решительный из гонителей, немедленно начал войну против еретической заразы. Он выпускал послание за посланием, нападая на ересь и призывая вооружаться для ее уничтожения. Четвертый Латеранский собор формально и окончательно сформулировал взгляды Иннокентия. Третий канон начинается с анафемы на еретиков всех названий. В нем князей снова призывают поклясться защищать веру под страхом потери своих земель. Всем, кто принимает участие в истреблении еретиков (*ad haereticorum exterminium*), предлагалась такая же индульгенция, как и крестоносцам в Палестине. Все «верующие», а также все, кто предоставляет еретикам укрытие, защищает их и дружит с ними, должны быть отлучены от церкви и лишены своего законного наследства¹¹³⁸. Епископам было велено объезжать свои епархии раз или два в год лично или посылать своих представителей для обнаружения ереси; в случае пренебрежения этими обязанностями епископов следовало смещать.

В течение более ста лет после Иннокентия правила обнаружения и наказания еретиков были постоянной темой булл, выпускаемых апостольским престолом, и постановлений синодов, особенно в Южной Франции и Испании. Только Иннокентий IV и Александр IV выпустили более ста таких булл¹¹³⁹.

Правила епископского надзора над инквизицией были окончательно сформулированы на синоде в Тулузе (1229). Епископам было велено назначить священников и мирян для выявления еретиков (*inquirant haereticos*) в домах и других зданиях, с разрешением выходить за границы своих епархий, а князьям — за границы своих владений при выполнении этой задачи. Но еретик не мог быть наказан, пока не предстал перед судом епископа. Князьям было велено унич-

¹¹³⁸ *Credentes, praeterea receptores, defensores et fautores haereticorum*. Фридрих II в своей Конституции 1220 г. использует те же выражения; они стали официальной формулировкой закона. См. Bernard Guy, pp. 176, 194, etc. Термин *fautor* в последующей истории инквизиции стал обычным термином для обозначения соучастников ереси. Термин «верующие» обозначал катаров и т. д.

¹¹³⁹ Между 1255 и 1258 г. Александр IV, по утверждению Flade (p. 1), выпустил не менее тридцати восьми булл против еретиков.

тожать жилища и убежища еретиков, даже если они находились под землей. Если в землях князя обнаруживались еретики, о которых он не знал, князя все равно следовало наказывать. Мужчины старше четырнадцати и женщины старше двенадцати лет обязаны были поклясться, что будут сообщать о еретиках. Все, кто желал избежать обвинения в ереси, должны были приходиться на исповедь не реже, чем раз в год. В качестве предохранения от еретической заразы мальчики старше семи лет должны были ходить в церковь каждую субботу и по праздникам, чтобы учить *Credo*, *Pater noster* и *Ave Maria*.

Государственное законодательство полностью соответствовало законам церкви. Петр Арагонский (1197) изгонял еретиков из своих владений или угрожал им смертью на костре. В 1226 г. дон Хайме I Арагонский запретил всем еретикам въезд в свое королевство. Он был первым князем, запретившим Библию на разговорном языке (*Romancia*, 1234). Из другого источника, от которого мы могли бы ожидать лучшего, также вышел ряд суровых эдиктов. Во время коронации (1220) Фридрих II говорил о еретиках как о зловных сынах коварства и изгнал их из своей империи¹¹⁴⁰. Этот закон был возобновлен в Равенне (1232) и позже, в 1238 и 1239 г. Имущество должно было изыматься у самих еретиков и у их детей на том основании, что преступления духовные были гораздо серьезнее, чем преступления против светского князя. Четыре года спустя, в 1224 г., император приговорил еретиков к сожжению или лишению языка, по усмотрению судьи¹¹⁴¹. В Сицилийских конституциях 1231 г. сожжение живьем на глазах у народа объявляется наказанием для еретиков, ранее осужденных церковью¹¹⁴².

Князья и города Италии следовали примеру Фридриха. В Риме после 1231 г., по требованию Григория IX, сенатор поклялся хватать еретиков, на которых будет указывать инквизиция, и казнить их в течение восьми дней с момента вынесения церковного приговора. В Венеции начиная с 1249 г. дож поклялся сжигать еретиков. Во Франции власть инквизиции была полностью признана Людовиком IX в 1228 г. Два великих сборника законов Германии, «Саксонское зеркало» и «Швабское зеркало», приказывали сжигать еретиков¹¹⁴³. Князь, который не сжигал еретиков, сам считался еретиком. В Англии постановление о сожжении еретиков (*De comburendo haeretico*) было принято только век спустя, в 1401 г.

То, что церковь полностью одобрила суровое законодательство Фридриха, подтверждают действия Гонория III, пославшего императорский эдикт 1220 г. в

¹¹⁴⁰ *Vipereos perfidiae filios*. Фридрих поклялся, что *Catharos, Patarenos, Speronistas, Leonistias, Arnaldistas, Circumcisos et omnes haeticos utriusque sexus quocumque nomine censentur perpetua damnatus infamia, diffidamus atque bannimus*. См. Bréholles, II, 6, 7, и Mirbt, p. 137. Гефеле говорит, что сам Торквемада не мог бы использовать выражений более категорических, чем Фридрих в данном случае (V. 993).

¹¹⁴¹ *Ignis judicio concremandus, ut vel ultricibus flammis pereat aut cum linguae plectro deprivent* (Bréholles, II, 422; Mirbt, 138). Flade (p. 9) неправ, когда говорит, что первое явное упоминание сожжения как наказания еретиков в законах Фридриха относится к 1238 г.

¹¹⁴² Фридрих говорит о еретиках в самых сильных выражениях. Он называет их свирепыми волками, порочными ангелами, сынами скверны, змеями, обманывающими голубей, змеями, источающими яд (Bréholles, IV, 5). Gregorovius (V, 162) говорит, что Фридрих выпускал декреты против еретиков каждый раз, как мирился с папой. «Его законы против ереси составляют разительный контраст с его в прочих отношениях просвещенным законодательством».

¹¹⁴³ По поводу «Саксонского зеркала» см. Mirbt, 139. Одна из статей «Швабского зеркала» гласит, что «лица, которых считают еретиками, должны быть обвинены перед духовным судом. А приговоренные, они должны быть переданы светскому суду, который вынесет им положенный приговор, то есть о сожжении на костре» (Wackernagel ed., p. 241 sqq.).

Болонью с указанием учить ему как части канонического права. Папы и епископы хвалили последующие законы Фридриха¹¹⁴⁴ и приказывали включать их в муниципальные уставы.

Для того чтобы более эффективно выполнять задачи инквизиции, при Григории IX суды и наказание еретиков были изъяты из ведения епископов и отданы в руки монашеских орденов. Уже в 1227 г. этот папа назначил некоего доминиканца из Флоренции выступить против епископа-еретика Филиппа Патернона. В 1232 г. первые доминиканцы стали инквизиторами в Германии и Арагоне¹¹⁴⁵. В 1233 г. Григорий совершил решающий шаг, заменив доминиканцами епископов в качестве вершителей инквизиции по той причине, что епископы были обременены многими другими заботами¹¹⁴⁶. Так инквизиторы стали отдельным кланом, избавленным от пастырской заботы о душах. Братья имели право лишать должности подозрительных священников и призывать себе на помощь светские власти для подавления ереси. Апелляции после их суда можно было подавать только в суд папы. Позже к доминиканцам присоединились францисканцы в разных районах Италии, во Франции, а позже — на Сардинии, в Сирии и Палестине. Епископы жаловались на то, что их лишили этой прерогативы¹¹⁴⁷, и в 1254 г. Иннокентий IV прислушался к их жалобе и постановил, чтобы смертные приговоры не выносились без их согласия. Собор во Вьенне постановил, чтобы тюрьмы, где содержались еретики, охранялись двумя тюремщиками, один из которых должен назначаться инквизитором, а другой — епископом.

Оставалось сделать еще один шаг. В знаменитой булле *Ad exstirpanda* (1252) Иннокентий IV разрешил пытки с целью вытянуть признание. Это беспощадное оружие стало одной из самых жестоких особенностей всей процедуры дознания.

Тем не менее инквизиторам, несмотря на папские санкции, постановления синодов и государственное законодательство, не всегда было легко. В 1235 г. жители Нарбонна выгнали их из своего города. В 1242 г. ряд инквизиторов был убит в Авиньоне; в 1866 г. Пий IX постарался воздать им должное, удостоив их канонизации, как за год до этого он сделал по отношению к самому кровожадному из инквизиторов, испанцу Арбуэсу (ум. в 1485). Парма, по сведениям Салимбене¹¹⁴⁸, в 1279 г. была подвергнута интердикту на три года в наказание за содеянное «некими безумцами», ворвавшимися в монастырь доминиканцев и убившими одного или двух братьев за то, что они сожгли как еретичек некую благородную даму и ее служанку. Выдающийся инквизитор Петр из Вероны, известный как Петр Мартир, был убит в Комо в 1252 г. В Германии выступления против инквизиции случались часто, и ее агенты искупали свою деятельность насильственной смертью. Самым известным из них был Конрад Марбургский.

¹¹⁴⁴ Так, архиепископ Миланский насаждал их на поместном синоде 1287 г. (Hefele, VI. 253, и Lea, I. 322 sq.). Синод в Майнце (1233) велел епископам скрупулезно соблюдать императорские и папские эдикты (Hefele, V. 1027).

¹¹⁴⁵ Фридрих II присоединился к папе, назначая доминиканцев инквизиторами в Германии (Bréholles, IV. 298-301).

¹¹⁴⁶ Potthast, 8932, 9126, 9143, 9152, 9153, 9235. Из-за этого назначения доминиканцев возникло ложное представление о том, что основателем инквизиции был Доминик. Поэтому Limborch (I, ch. X) называет его «жестоким и кровожадным человеком». Lacordaire (I. 197 sqq.) показывает, что сведения Лимборха недостоверны. Но и красноречивый французский доминиканец заходит слишком далеко в своем рвении, когда объявляет зачинщиком инквизиции Филиппа II. У Филиппа II было достаточно своих грехов, чтобы добавлять к ним еще и этот.

¹¹⁴⁷ См. Lea, I. 348 sq.

¹¹⁴⁸ Coulton, p. 203.

До самого конца средних веков страницы истории были омрачены постановлениями пап и синодов, подтверждавшими, что наказанием за ересь и за занятия колдовством должна быть смертная казнь. Великий собор в Констанце (1415) действовал вполне в духе времени, постановив, что еретики должны быть наказаны костром (*puniantur ad ignem*). А Лев X в своей булле против Лютера (1520) называет ересь утверждение либерального деятеля Реформации, что сожжение еретиков противоречит воле Духа.

К великому позору протестантских церквей, религиозная нетерпимость и даже случаи смертных приговоров встречались у них намного позже начала Реформации. В Женеве государство и церковь, причем с санкции Кальвина, допускали пытки и показания детей против родителей. Буллингер во Втором Гельветическом исповедании объявлял, что ересь должна караться так же, как караются убийство или измена. Отношение к анабаптистам до сих пор несмыслаемым пятном чернит репутацию Реформации. Страсбург был единственным центром, где к ним относились терпимо. Кранмер убеждал Эдуарда VI жечь женщин. При Елизавете казнили пуритан. Дух нетерпимости был перенесен за моря и в XVII — XVIII веках, за некоторыми исключениями, был так же силен в американских колониях, как и в Европе. Казнь квакеров в Бостоне и лиц, обвиненных в колдовстве, в Салеме вкупе с законами Виргинии и других колоний являются плачевными пережитками Средневековья, когда пример Христа, плачущего над Иерусалимом, был забыт, как и напоминание апостола: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь».

Насколько мы знаем, Католическая церковь никогда официально не отрекалась от теории и практики средневековых пап и соборов. Напротив, в высказываниях Пия IX и Льва XIII наблюдается тот же дух греховного осуждения по отношению к протестантам и их действиям.

§87. Инквизиция. Способ действия и наказания

Инквизиция называлась «святым служением» (*sanctum officium*) — по достохвальности, которая приписывалась этому занятию. Сами же действующие лица, инквизиторы, были освобождены Александром IV (1259) и Урбаном IV (1262) от подотчетности всякой церковной юрисдикции — епископам, архиепископам или папским легатам (за исключением самого апостольского престола¹¹⁴⁹) — и от вмешательства светских властей. Они обладали также правом отлучать от церкви, объявлять интердикт, прощать своим членам насильственные действия¹¹⁵⁰. Процедура инквизиции была оскорбительна для современных представлений о правосудии. Принимались и считались обязательными показания жен и детей¹¹⁵¹, допускались показания лиц, уличенных в других преступлениях. Подозрения и слухи были достаточным основанием для обвинения, заключения в темницу и формального суда — о чем явно заявляет собор в Тулузе (1229) в восемнадцатом каноне и что признавалось государством. Сицилийские конституции 1231 г. велят, чтобы на еретиков усердно охотились, а «если есть хотя бы малейшие подозрения в вине» — то чтобы их отправляли к епископу¹¹⁵². Одно намерение при отсутствии явных преступлений было достаточным основанием

¹¹⁴⁹ См. Bernard Guy, pp. 209-211.

¹¹⁵⁰ *Ad exstirpanda* (1252), две буллы Александра IV (1257, 1260), собор во Вьенне (1312) etc.

¹¹⁵¹ Eumericus II, 110, 199, etc., цит. во Flade, p. 54.

¹¹⁵² Bréholles, IV. 5 sqq.

для обвинения. Инквизитор мог одновременно исполнять функции розыска, обвинения и суда.

Иннокентий III заявил, что он не изобрел инквизиторскую процедуру, а почерпнул ее из практики, уже распространенной в государстве¹¹⁵³.

Лицо, не отвечающее на вызов в суд в течение года, объявлялось еретиком даже при отсутствии доказательств. Тот, кто укрывал еретика в течение сорока дней с момента предупреждения, объявлялся еретиком¹¹⁵⁴. На суде соблюдалась полная секретность, имена обвинителей не объявлялись. Рекомендую такую секретность, инквизитор Парамо заявлял, что ее пример подал сам Бог, учредивший первую инквизицию в Эдемском саду с намерением обмануть хитрого сатану, который в противном случае общался бы с Адамом и Евой.

Кающиеся еретики обязаны были поменять место жительства, если были какие-то сомнения в их искренности, а согласно Тулузскому собору, если они относились к «совершенным», то им приходилось делать это в любом случае. К таким кающимся применялись церковные наказания — штрафы, которые допускались папским декретом уже в 1237 и 1245 г., им вменялись паломничества и ношение двух крестов, на левой и правой стороне тела, называемое *poena confusibilis*¹¹⁵⁵.

Но паломничество в Иерусалим было запрещено синодом в Нарбонне (1243), упоминая о недавнем папском запрете на него, чтобы оградить святые места от еретической заразы. Молодых женщин часто освобождали от ношения крестов, чтобы они не помешали им вступить в брак. По французскому закону, если беременную женщину приговаривали к смерти, то приговор приводили в исполнение только после рождения ребенка.

Поместные синоды в Южной Франции приказывали, чтобы еретики и их защитники отлучались от церкви каждое воскресенье и чтобы этот приговор произносился при звоне колоколов и с погашенными свечами. С целью защиты от ересей в колокола следовало звонить каждый вечер.

В 1229 г. Григорий IX постановил приговаривать к пожизненному заключению всех, кто возвращается к вере из страха наказания¹¹⁵⁶. Тюрьмы во Франции состояли из маленьких камер. Средства на их сооружение и расширение выделяли епископ и инквизиторы. Французские синоды утверждали, что количество приговоренных к пожизненному заключению так велико, что уже невозможно найти достаточно камней для сооружения тюремных зданий¹¹⁵⁷. Светские власти

¹¹⁵³ Шмидт в своем *Herkunft d. Inquisitionsprocesses* находит начатки инквизиторской процедуры в законодательстве Карла Великого. Элемент отыскивания (*inquisitio*) стал доминировать в юридической процедуре всей Западной Европы, кроме Англии. Его существенной особенностью было то, что общественные слухи или подозрения (*publica fama, mala fama, clamor publicus, infamia*, etc.) считались достаточной причиной, чтобы городские власти хватили подозрительных лиц и устраивали суд над ними. Норманны напрасно пытались ввести эти принципы в Англии, где Великая хартия вольностей провозглашала иные принципы, однако норманны принесли с собой инквизицию в Южную Италию, откуда мода на нее передалась Фридриху II. Иннокентий же при изучении канонического права обнаружил, что инквизиторская процедура удачно соответствует его замыслам.

¹¹⁵⁴ Врачам запрещено было лечить лиц, подозреваемых в ереси, и они обязывались давать клятву не защищать ересь. Синоды в Тулузе (1229), Безьере (1246), Альби (1254).

¹¹⁵⁵ {Санбенито как одежда осужденных относится к последующему периоду.}

¹¹⁵⁶ Potthast, 8445. Собор в Тулузе, канон XI, предписывал, чтобы средства на содержание заключенного выделял епископ, так как у обвиненного не было своего имущества.

¹¹⁵⁷ Синод в Нарбонне (1243) и т. д. (Hefele, V. 1104). Существовало две формы заключения, *murus largus* — со свободным хождением по тюрьме и *murus strictus* — одиночное заключение.

уничтожали дом еретика, конфисковывали его имущество¹¹⁵⁸ и приговаривали его к смертной казни.

Правила распределения конфискованной собственности были разными в зависимости от региона. В Венеции, после длительных переговоров с папой, было решено, что она перейдет к государству¹¹⁵⁹. В остальной части Италии она поровну делилась между государством, инквизицией и курией, в Южной Франции — между государством, инквизиторами и епископом. Часть конфискованной собственности шла на нужды инквизиции. Искушение пограбить стало важным поводом для выслеживания предполагаемых еретиков. Просто обвиненные, люди уже становились беспомощными. Синоды поощряли аресты, предлагая фиксированную награду старательным доносчикам.

Не удовлетворяясь казнями живых, инквизиция объявила войну мертвым, эксгумируя тела тех, кто умер в ереси, и сжигая их¹¹⁶⁰. Это фанатическое варварство вызывает в нашей памяти слова, которые, возможно, неправомерно, но приписываются Карлу V. Стоя у могилы Лютера, он не решился потревожить кости реформатора и сказал: «Я воюю с живыми, а не с мертвыми». Собор в Вероне (1184) велел передавать еретиков, вновь ввавших в ересь, светским властям¹¹⁶¹.

В период до 1480 г. больше всего жертв у инквизиции было в Южной Франции. Дуэ приводит имена семнадцати великих инквизиторов, несших служение с 1229 по 1329 г.¹¹⁶² В приговорах, которые выносил Бернар де Ко, называемый «молотом еретиков» (1244 — 1248), фигурируют имена сотен людей, пострадавших от утраты имущества, пожизненного заключения или того и другого¹¹⁶³.

Во время Бернара Гюи, инквизитора Тулузы (1306 — 1323), сорок два человека были сожжены на костре, шестьдесят девять тел эксгумировано и сожжено, триста семь человек заключены в тюрьму, сто сорок три приговорены к ношению крестов¹¹⁶⁴. Достаточно такого примера, чтобы получить представление о каждодневных трудах инквизиции: 12 мая 1234 г. в Тулузе сожгли шесть молодых людей, двенадцать мужчин и одиннадцать женщин.

В других районах Франции гонения инквизиции не были такими масштабными. От нее пострадал, как уже упоминалось, орден тамплиеров. В 1253 г. верховным инквизитором стал доминиканский настоятель Парижа. Среди самых мрачных инквизиторов Франции был доминиканец Робер ле Пти, известный как Ле Бугр, потому что он был ранее патареном¹¹⁶⁵. Григорий IX назначил его великим инквизитором в 1233 г. и заявил, что Бог «наделил его особой благодатью, чтобы

¹¹⁵⁸ Синоды в Тулузе (1229); Альби (1254).

¹¹⁵⁹ Lea, I. 512.

¹¹⁶⁰ Это делалось часто. Самый знаменитый случай — с Виклифом, кости которого были эксгумированы и сожжены по приказу собора в Констанце. Также известен случай преследования после смерти — Роджера, графа Фуа, по прозвищу Добрый. Его жена и сестра общались с вальденсами, а другая сестра — с катарями. В 1263 г., через много лет после смерти графа, против него был возбужден процесс (см. Lea, II. 53 sqq.).

¹¹⁶¹ Lea (I. 533) в завершение длинного рассмотрения этой темы говорит: «Мы можем с полной уверенностью сказать, что если бы дело не сулило выгоды от штрафов и конфискации, то работа инквизиции выродилась бы в безразличное отношение к ереси вместе с ослаблением первоначального лицемерного рвения». Синоды в Безьере (1233), Альби (1254) и т. д. обещали серебряную марку за обнаружение еретиков (Hefele, V. 1035; VI. 50).

¹¹⁶² *Documents, etc.*, I. CXXIX — CCVI.

¹¹⁶³ Douais, II. 1-89. Молинье, цитируемый в Lea (II. 46), насчитывает 8000 — 10.000 человек, которых осудил этот инквизитор за два года.

¹¹⁶⁴ Douais (I. CCV) приводит таблицу приговоров, вынесенных при Гюи.

¹¹⁶⁵ Lea, II. 115 sqq., и особенно Haskins.

каждый охотник за душами страшился его рога»¹¹⁶⁶. Французский король оказывал ему особую помощь и дал ему королевского телохранителя. Он вынес приговоры сотням жертв в Западной Бургундии и прилегающих регионах. За два или три месяца он сжег пятьдесят человек обоих полов¹¹⁶⁷. В Камбрэ он сжег двадцать человек, в Дуэ — десять. Его последним деянием было сожжение двадцати семи человек на горе Эме в 1239 г.; согласно другим сведениям, их было более ста восьмидесяти, и это был «великий и угодный Богу холокост», как утверждает автор древней хроники¹¹⁶⁸. В 1239 г. он сам был приговорен к пожизненному заключению за свои преступления.

В испанском Арагонском королевстве количество еретиков, похоже, было невелико. В 1232 г. архиепископ Таррагоны получил приказ от Григория IX выступить против еретиков в союзе с доминиканцами¹¹⁶⁹. Один из самых известных инквизиторов, испанец-доминиканец Эймерик, был назначен великим инквизитором в 1357 г., был смещен в 1360 г. и вновь назначен на должность в 1366 г. Он умер в изгнании. Его *Directorium inquisitorum*, написанный в 1376 г., — самый знаменитый трактат об отношении к ереси. По его мнению, еретикам предлагалась справедливая альтернатива: подчинение вере или костер. Хотя в древности у испанской инквизиции жертв было немного, она заявила о себе в полный рост рядом убийств при Фердинанде в 1480 г.

В Северной и Центральной Италии инквизиция проявилась во всей полноте, и первыми лицами, которые отвечали за нее по приказу папы, были епископы Брешии и Модены (1224). Случаи ереси в Южной Италии были единичными и разрозненными. В Риме первые костры зажглись в 1231 г. перед Санта Мария Маджоре. Начиная с этого года по требованию Григория IX римский сенатор приносил клятву казнить еретиков в течение восьми дней с момента их обвинения церковным судом, а дома, укрывавшие их, должны были сноситься. Приговор еретикам инквизитор зачитывал на ступенях Капитолия в присутствии сенатора¹¹⁷⁰. В более поздний период в Риме был сформирован специальный орден сан Джованни Деколлато, «обезглавленного Иоанна», члены которого сопровождали осужденных на место казни.

В Германии инквизиция не обладала всей полнотой власти, пока не начался крестовый поход против колдовства. Доминиканцы начали формально отвечать за это дело в 1248 г. Из шестидесяти трех папских инквизиторов, имена которых нам известны, десять были францисканцами, два августинцами, один целестинцем, остальные доминиканцами¹¹⁷¹. Законы Фридриха II были возобновлены Рудольфом (1292) и другими императорами¹¹⁷², а законы церкви — многими поме-

¹¹⁶⁶ Булла 22 августа 1235 г. Portland, 9994.

¹¹⁶⁷ Согласно М. Парису, он также хоронил людей живьем (Luard ed., iii. 361).

¹¹⁶⁸ В Haskins (p. 635) приводится большее число. «Говорят, — пишет Альберик, — что однажды псы сбежались сюда со всех сторон и разорвали друг друга на части на том самом месте, — предвосхитив таким образом нынешние события, ибо эти бугары, еретики, которые хуже псов, были уничтожены в один день ради триумфа святой церкви». Цит. в Haskins.

¹¹⁶⁹ Potthast, 8932.

¹¹⁷⁰ Gregorovius, V. 156-161. Часто говорили — испанец Бальмес (1842), аббат Кер (1846), автор *Dublin Review* (1850) и другие, — что Рим ни разу не видел казни еретика. Доллингер и Рейш в своем издании Беллармина (Бонн, 1887, p. 233) уделили внимание этому заблуждению и привели список, куда входило более двадцати вальденсов, лютеран и евреев, сожженных в папском городе уже в 1553 — 1635 г.

¹¹⁷¹ Flade, p. 37 sq.

¹¹⁷² Генрихом VII (1312) и Карлом IV (1369, 1871, 1373, etc.); Flade, p. 10. По законам Карла,

стными соборами¹¹⁷³. Епископы Трира, Майнца и Кельна иногда вмешивались в преследования бегардов и бегинок и выступали против папских инквизиторов, напоминая перечень их прав в соответствии с папскими буллами 1259 и 1320 г. После убийства Конрада Марбургского Григорий IX напрасно призывал их решительно преследовать еретиков. Фактически, немцы вновь и вновь проявляли несогласие и убивали инквизиторов¹¹⁷⁴.

Центрами ереси в Германии были Страсбург (уже в 1212 г.), Кельн и Эрфурт. Говорят, что жертв было очень много, и было сожжено не менее пятисот человек¹¹⁷⁵. Изгнание, повешение и утопление были альтернативными видами наказаний. В 1368 г. инквизитор Вальтер Керлингер из одного только Эрфурта изгнал двести семей. Тюрьмы, куда сажали осужденных, были ужасны — грязные, полные червей и змей¹¹⁷⁶.

Как Торквемада воплощает всю бесчеловечность испанской инквизиции, так бесчеловечность германской инквизиции воплощает Конрад Марбургский.

Этот доминиканец, которого Григорий IX называл «сторожевым псом Господа», впервые отличился при дворе Людовика IV Тюрингского в Вартбурге, в древнем замке, в котором происходили состязания миннезингеров и который предстояло прославить Лютеру своим заточением после Вормсского сейма (1521). Конрад стал исповедником жены Людовика, юной и благочестивой Елизаветы. Дочь венгерского короля Андрея II, она вышла за ландграфа Тюрингии в 1221 г. в возрасте четырнадцати лет. После его смерти в Бриндизи, по пути в Святую Землю, в 1227 г., она полностью попала под власть Конрада. И во всей христианской истории вряд ли можно найти другой случай такого высокомерия и такой беспощадной жестокости со стороны духовного наставника, какую он проявил по отношению к нежной, повинующейся ему женщине. Из Вартбурга, где ее обожали за милосердие и добрые дела, она переехала в Марбург. Там Конрад подверг ее ежедневному умерщвлению плоти и тяжелому труду, постепенно удалил от нее всех ее дам и разлучил ее с тремя детьми. Однажды, когда она посетила женский монастырь в Ольденбурге (что противоречило строгим монастырским правилам), Конрад велел Елизавете и ее спутнице лечь ничком и вытерпеть жестокое бичевание от монаха Герхарда, в то время как сам он смотрел на это и повторял *Miserere*. Эта достойнейшая женщина средневековой Германии лишилась жизни от умерщвления плоти в 1231 г. Четыре года спустя она была канонизирована. В Марбурге в память о ней построена церковь Св. Елизаветы, которая стоит до сих пор.

В год смерти Елизаветы Григорий IX облек Конрада правами великого инквизитора и призвал светские власти помогать ему. Так называемых люцифериан и других еретиков активно сжигали. Конрад имел обыкновение сжигать преступников в тот же день, когда выносился приговор¹¹⁷⁷. Ужас царил там, куда он направлялся. Его убили в 1233 г., когда он возвращался в Марбург с Майнцкого

конфискованное имущество еретиков делилось на три части, которые, соответственно, шли на милостыню, инквизиторам и муниципалитету для обновления улиц и городских стен.

¹¹⁷³ Flade (p. 24) перечисляет 71 собор в промежутке между 1227 и 1452 г.

¹¹⁷⁴ Имена см. во Flade, pp. 6, 7.

¹¹⁷⁵ Flade, p. 116. Следует почитать этого автора, чтобы получить адекватное представление об ужасах инквизиции в Германии. По его мнению, она была еще более кровавой, чем инквизиция в Южной Франции.

¹¹⁷⁶ Flade, p. 87.

¹¹⁷⁷ Католические авторы обычно стараются умолчать о том факте, что жертв Конрада было множество. См. ответ Бенрата (ст. *Konrad of Marburg*, Herzog, X. 749 sqq.).

сейма. После смерти Конрада Григорий объявил его человеком высшей добродетели и провозвестником христианской веры. Конрада похоронили рядом с Елизаветой, но папская инквизиция в Германии еще много лет не могла оправиться от удара, нанесенного ей безжалостным бессердечием Конрада. Как написано в вормских анналах, «Германия получила свободу, избавившись от отвратительного и неслыханно жестокого суда этого человека»¹¹⁷⁸.

В Нидерландах Анверпен, Брюссель и другие города были активными центрами ереси, представлявшими для инквизиторов прекрасное поле деятельности. В списках тех, кого обвиняли и казнили на костре, присутствовали вальденсы, бегинки, бегарды, апостолики, лолларды и другие сектанты. Фредерик достойно увековечивает их память в своих трудах. Крещение Голландии кровью состоялось только в дни Филиппа II и герцога Альбы, в XVI веке.

В Англии методы инквизиции так и не прижились. Когда папские агенты прибыли туда, чтобы преследовать тамплиеров, король Эдуард запретил пытки, как противоречащие законам королевства. Мы уже упоминали о бичевании *publicani*, которым, как говорят, удалось обратить в свою веру только одного человека во всей Англии. В 1222 г. был повешен некий диакон, который стал иудеем¹¹⁷⁹. Парламентский закон о сожжении еретиков, принятый в 1401 г., был направлен против последователей Виклифа и лоллардов. Период полномасштабных гонений и сожжения еретиков в Англии начался только во времена Генриха VIII.

¹¹⁷⁸ Цит. в Wagenmann, Herzog, 2^d, VIII. 192.

¹¹⁷⁹ См. Stubbs (*Const. Hist.*, II. 353, note, sqq.), который говорит, что если до 1382 г. были бы какие-нибудь гонения на еретиков, то они приняли бы обычную форму слушаний в церковном суде. См. Maitland, *Can. Law in the Church of England*, p. 158 sq.

ГЛАВА XI

УНИВЕРСИТЕТЫ И СОБОРЫ

§88. Школы

ЛИТЕРАТУРА. ИОАНН СОЛСБЕРИЙСКИЙ: *Metalogicus*, Migne, 199. 823-946. — ГИБЕРТ (ГВИБЕРТ) ПОЖАНСКИЙ: *De vita sua*, I, 4-7; Migne, 153. 843-850. — А. Н. L. HEEREN: *Gesch. d. class. Lit. im MIA.*, 2 vols. Götting., 1822. — S. R. MAITLAND: *The Dark Ages, Essays on the State of Rel. and Lit.*, 800 — 1200 A.D., Lond., 1845, 5th ed. 1890. — Н. НЕРПЕ: *D. Schulwesen d. MIA.*, etc., Marb., 1860. — SCHAARSCHMIDT: J. Saresberiensis (Иоанн Солсберийский), Leip., 1862. — LÉON MAÏTRE: *Les écoles épiscopales et monastiques de l'occident*, 768 — 1180 A.D., Paris, 1866. — E. MICHAUD: *G. de Champeaux et les écoles de Paris au 12e siècle*, Paris, 1867. — J. B. MULLINGER: *The Schools of Chas. the Great*, Lond., 1877; *Hist. of the Univ. of Cambr. to 1535*, Cambr., 1873. — *R. L. POOLE: *The School of Chartres*, гл. IV ero *Illustr. of the Hist. of Med. Thought*. — *F. A. SPECHT: *Gesch. d. Unterrichtswesens in Deutschland von d. ältesten Zeiten bis zur Mitte des 13ten Jahrh.*, Stuttg., 1885. — *А. и G. SCHMID: *Gesch. d. Erziehung bis auf unsere Zeit*, pp. 94-333, Stuttg., 1892. — МИСС DRANE: *Christ. Schools and Scholars*, Lond., 2^d ed. 1881. — *J. E. SANDYS: *A Hist. of Class. Scholarship from 600 B. C. to the end of the M. A.*, Cambr., 1903. — МИБТ: *Publizistik im Zeitalter Greg. VII.*, pp. 104 sqq. — RASHDALL: *Universities*, vol. I.

ОБРАЗОВАНИЕ и распространение истинной веры неразрывно связаны. Для истории литературы и культуры этого периода характерно примечательное пробуждение, которое началось в Западной Европе в конце XI века и привело к возникновению университетов в XII веке. Последнее событие было одним из самых важных в развитии интеллектуальных способностей народов. Возрождение XI века проявилось в возрастании интереса к школам, в появлении выдающихся учителей, в возобновлении изучения классики и в расширении человеческого кругозора.

Городские школы Римской империи были сметены варварским вторжением IV — V веков, и от них остались лишь немногие следы. Церковь со времен Тертуллиана и Иеронима была враждебна к языческой учености, а кульминацией такого отношения стали действия Юстиниана, закрывшего Афинский университет. Но вряд ли древние римские школы выдержали бы натиск готов, вандалов и гуннов, даже если бы церковные учителя дружелюбно относились к классической литературе.

Школы раннего Средневековья были связаны с монастырями и соборами, а городские школы вновь появились только в XIII веке далеко на севере, в Германии и Нидерландах. Первое имя в истории нового образования — Кассиан, основавший монастырскую школу Св. Виктора в Марселе в 404 г. Однако твердое желание содержать школы появилось в Западной Европе лишь при Бенедикте Нурсийском. В бенедиктинском уставе образование было объявлено обязательным для религии; там говорится о необходимости воспитания детей членами ордена, а также о копировании рукописей. Именно благодаря бенедиктинцам, особенно цистерцианцам, в наших библиотеках сохранились труды классиков и отцов церкви.

Мудрая политика Карла Великого, который создал дворцовую школу (по сути, образец для школ Германской империи) и выпустил капитулярии об образовании, а также политика Альфреда Английского придали образованию новый импульс, вверив его королевскому покровительству. Алкуин при дворе Карла Великого, Ассер в Англии, Иоанн Скот Эриугена при дворе Карла Лысого относятся к наиболее выдающимся учителям. Теперь образование касалось не только клириков, потому что в монастырях было два типа школ: внутренняя — для тех, кто собирался поступить в монастырь, и внешняя, более общего характера. Первой, если не единственной задачей школ при соборах было воспитание молодежи, призванной занять соборные должности — *canonici puri*. Основной, если не исключительной задачей обучения была подготовка священников и монахов¹¹⁸⁰. В XI веке при всех монастырях и соборах в Германии были школы¹¹⁸¹, среди которых выделялись Корбей на Везере и Гильдесгейм; в Италии были широко известны школы Милана и Пармы.

Но центром образования в тот век стала Франция. У ее школ в Беке, Реймсе, Орлеане, Лаоне и Париже не было соперников. Их слава привлекала студентов, даже монахов, священников и епископов из Англии и Германии¹¹⁸². На первом месте стоял Реймс, где Герберт, или Сильвестр II (ум. в 1003), удостоился славного титула «восстановитель занятий», но и он уступил еще большей славе Бека при Ланфранке и Ансельме. Студенты приходили издалека, и знаменитый панегирист Ордерик Виталий говорил, что Афины в период своего процветания восславили бы Ланфранка во всех областях знаний¹¹⁸³. За этими двумя приорам следовал ряд учителей, которых Ордерик называет «осторожными кормчими и умелыми колесничими». Редко человек, достигший высокого положения, делает такой комплимент своему учителю, какой сделал Ланфранку Александр II¹¹⁸⁴, когда Ланфранк посетил Рим, став архиепископом Кентерберийским. Поднявшись навстречу ему с распростертыми объятьями, папа сказал стоящей рядом свите, что принимает Ланфранка как своего учителя, у ног которого он сидел, а не как архиепископа. Гиберт Ножанский (ум. ок. 1120) авторитетно заявляет, что в годы его молодости учителя были очень редки во Франции, а в то время, когда он писал свои труды, уже в каждом крупном городе Франции был учитель¹¹⁸⁵. То, что матери беспокоились об образовании своих сыновей, видно из примера Гиберта, рассказывающего о его собственной матери.

Как и в более ранний период Средневековья, так и в этот, средний период о всеобщем образовании еще и не помышляли. Еще не было ни так называемых гуманитарных наук, ни филологии¹¹⁸⁶. Вся литература имела непосредственное

¹¹⁸⁰ См. Mullinger, *Schools of Chas. the Great*, pp. 31 sqq.; Rashdall, p. 28; Hauck, IV. 450, etc.

¹¹⁸¹ Mirbt, pp. 105 sq.

¹¹⁸² Schmid, pp. 250 sq.; Mirbt, pp. 106 sq. Hauck (IV. 462-456) приводит причины, по которым студенты пренебрегали германскими школами.

¹¹⁸³ *Ord. Vit.*, IV. 7, 11; Bohn ed., II. 40, 68. Он говорит о семени учености, зароненном в почву Ланфранком (*liberalium artium et sac. lectionis sedimen per Lanfr. coepit*).

¹¹⁸⁴ *Vita Lanf.*, Migne, 150. 49. Maître (p. 122) называет Бек «старшей сестрой Парижского университета», а Schmid (p. 248) — *die erste Hochschule der Wissenschaft*. Черч в своей *Life of Anselm* (pp. 53 sqq.) рассказывает о средневековом образовании.

¹¹⁸⁵ *De vita sua*, Migne, 156. 844.

¹¹⁸⁶ Guizot, *Hist. of Civilization*, Bohn ed., II. 22 sqq. Кардинал Ньюман в своих *Hist. Essays*, восхищаясь монашескими школами, позволяет себе говорить об образовании в Европе первой половины средних веков в выражениях, которые неприемлемы для той эпохи (см. Laurie, p. 36).

отношение к религиозным темам¹¹⁸⁷. Такие люди, как Вальтер Мэп и Иоанн Солсберийский, наиболее близко соответствующие нашему представлению о писателе, были клириками. Основатели монастырей, как Херлуин, основатель Бека, часто не умели ни читать, ни писать. Ордрик говорит, что в правление шести герцогов до того, как в Бек пришел Ланфранк, вряд ли хоть один норманн посвящал себя учебе. Герцог Гильом Аквитанский (ум. в 1030), однако, был образован с детства. Говорят, что он читал по ночам, пока его не одолевал сон, и владел собранием книг¹¹⁸⁸.

Самыми блестящими учителями той эпохи были Ансельм Лаонский, Гильом из Шампо, Бернар из Шартра, Гильом из Конша (Вильгельм Конхесский) и прежде всего Абельяр. В их случае школа следовала за учителем и студенты были привязаны не к месту, а к преподавателю. Но все больше и больше студентов оседало в Париже, где было несколько школ: кафедральная, святой Женеьевы, святого Виктора, святого Дениса¹¹⁸⁹. Наши сведения об этих людях в основном почерпнуты из Абельяра и Иоанна Солсберийского. Иоанн учился во Франции двенадцать лет (1137 — 1149) и видел все эти школы. Его описание учебы того времени, методов обучения и соперничества учителей приведено в *Metalogicus*.

Гильом де Шампо (ум. в 1121), ученик Ансельма Лаонского, прославился в кафедральной школе в Париже, но утратил свое положение из-за столкновения с Абельяром, обладавшим блестящими способностями. Он удалился в Сен-Виктор и провел последние восемь лет жизни, управляя епархией Шалона. Он был крайним реалистом.

Ансельм Лаонский и его брат Ральф привлекали к себе студентов от Милана на юге до Бремена на севере. Иоанн Солсберийский называл братьев «великолепными светочами Галлии»¹¹⁹⁰, а обычным прозвищем Ансельма было «доктор из докторов». Слушателем у этого учителя, умершего в 1117 г., возможно, ученика Ансельма из Бека, был Абельяр, который отнесся к нему пренебрежительно. Но мы должны судить о нем по хвале Иоанна Солсберийского, а не по презрению Абельяра. Его *Glossa interlinearis*, комментарий-переложение к Вульгате, пользуется уважением в течение нескольких веков¹¹⁹¹.

Бернар из Шартра, около 1140 г., был прославляем Иоанном Солсберийским как «самый обильный источник знаний Галлии в недавние времена» и «самый совершенный платоник нашей эпохи»¹¹⁹². Он признал свой долг перед древними авторами в таких словах: «Мы подобны карликам, взобравшимся на плечи гигантам, чтобы видеть дальше и лучше, чем они; но мы видим лучше не из-за остроты нашего зрения или нашего роста, но потому, что мы стоим на плечах гигантов. Наш век пользуется дарами предыдущих веков, и мы знаем больше не потому, что талантливее, но потому, что пользуемся произведениями других, бывших перед нами»¹¹⁹³.

Гильом из Конша, ум. в 1152 (?), получил свое имя от норманнской деревушки, в которой родился. Как и его учитель, Бернар из Шартра, он считал основой

¹¹⁸⁷ Hauck, III. 342.

¹¹⁸⁸ Wattenbach, p. 592.

¹¹⁸⁹ Poole, p. 110.

¹¹⁹⁰ *Splendidissima lumina Galliarum* (*Metal.*, Migne, 199. 832).

¹¹⁹¹ Он написал также аллегорические примечания к Песни песней, Матфею и Откровению. Migne, vol. 162.

¹¹⁹² *Metal.*, Migne, 199. 854.

¹¹⁹³ *Metal.*, III. 4; Migne, 199. 900.

всякого образования знание грамматики, а как и Иоанн Солсберийский, похоже, написал свой *Metalogicus* в поддержку заявлений его учителей о фундаментальной важности этой науки в противовес диалектике. Но он защищал дело, которое было обречено. Схоластика забывала ростки гуманизма¹¹⁹⁴. Гильом из Конша вольно относился к общепринятым мнениям и отрицал, что Ева была в буквальном смысле сотворена из ребра Адама. Суть его учения Пул находит в собственных словах Гильома: «через знание о творении мы приближаемся к знанию о Творце»¹¹⁹⁵.

Обучение, по крайней мере, теоретически, продолжалось в соответствии со старой схемой: *trivium* — грамматика, риторика и диалектика; и *quadrivium* — арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Эти отрасли включали в себя больше, нежели то, что мы сейчас понимаем под этими дисциплинами. Например, грамматика для Бернара из Шартра была не просто техническими правилами и фундаментальными различиями слов. Она занималась тропами и фигурами речи, анализировала авторскую мысль, искала аллюзии в природе, науке и этических вопросах. Обучение распространилось далеко за пределы капитуляриев Карла Великого. Однако все эти науки были только введением в богословие и имели ценность только как таковое. Иаков Витрийский (ум. в 1244), сравнивая семь вольных искусств с богословием, сказал: «Логика хороша, так как учит нас отличать истину от лжи; грамматика хороша, так как учит нас правильно говорить и писать; риторика хороша, так как учит говорить изящно и убеждать. Хороши и геометрия, которая учит нас измерять землю; и арифметика, как искусство счета, позволяющее нам измерить краткость наших дней; и музыка, напоминающая нам о сладком пении блаженных; и астрономия, которая помогает рассматривать небесные тела, великолепно сияющие перед Богом. Но гораздо лучше богословие, которое единственное может быть названо вольным искусством, потому что только оно избавляет человеческую душу от ее скорбей»¹¹⁹⁶.

Иннокентий III, через каноны Четвертого Латеранского собора, постановил, чтобы во всех соборах были учителя грамматики и богословия, и обещал высокие должности только тем, кто усердно, до пота на лице, учится¹¹⁹⁷. Причем он имел в виду только кандидатов богословия.

Учебники, которые использовались на протяжении столетий, были еще популярны: Кассиодор, *Isagoge* Порфирия, «Категории» и *De interpretatione* Аристотеля, «Музыка» и «Философские утешения» Боэция, Марциан Капелла и грамматики Присциана и Доната¹¹⁹⁸. Но было заметно и новое движение, которое лучше всего доказывается открытым использованием классиков отдельными ведущими учителями в их лекциях и произведениях того времени.

Приговор древним классикам, вынесенный Иеронимом, был подхвачен Кассианом и воспринят последующими поколениями. Обскурантисты в течение веков практически не делали исключений из этого правила. Не к чести Алкуина следует сказать, что в конце жизни он решил пренебречь Вергилием, назвав его труды собранием «лживых басен», и в послании к послушнику советовал не

¹¹⁹⁴ См. Rashdall, I. 67.

¹¹⁹⁵ См. ст. Poole в Herzog, 2^d ed., XVIII. 132 sqq.

¹¹⁹⁶ Цит. в Compayré, p. 200.

¹¹⁹⁷ *Qui diutius sudavit in scholis et laudabiliter proferit in eis* (Hurter, III. 244).

¹¹⁹⁸ См. Laurie, pp. 62 sq.; Mullinger, pp. 63 sq., etc.

забывать мозги пышным многословием этого поэта¹¹⁹⁹. Лев в ответном послании Арнульфусу Орлеанскому (991) писал, что апостол Павел не знал ни таких авторов, как Платон, Вергилий и Теренций, ни кого-либо из лжефилософов и что Бог изначально избрал Своими вестниками не ораторов и философов, а невежественных простолудинов¹²⁰⁰. Петр Достопочтенный выступал против них. Но таких предостережений было недостаточно¹²⁰¹, чтобы наложить запрет на очарование латинских авторов.

Герберт ввел в программу занятий Вергилия, Стация, Теренция, Ювенала, Персия, Горация и Лукана¹²⁰². От них он перешел к философам. Петр Дамиани уподоблял изучение поэтов и философов вывозу трофеев из Египта — они помогали обострить понимание. Изучение же церковных авторов помогало созидать Божью скинию. Ансельм из Бека рекомендовал изучать Вергилия и других классиков, за исключением тех трактатов, которые призывали ко злу¹²⁰³. Учителя Иоанна Солсберийского усердно читали такие произведения. Иоанн в небольшом по объему *Metalogicus* цитирует не менее семи классических поэтов, Стация, Марциана, Вергилия, Горация, Овидия, Катулла и Персия, причем некоторых из них — не раз, и утверждает, что в Вергилии и Лукане можно обнаружить суть философии независимо от того, какую философию вы исповедуете¹²⁰⁴. Он жаловался на старую школу, которая приравнивала людей, изучающих классических поэтов и историков, к медленно идущему ослу, да еще и насмехалась над этим ослом, считая его тупым, как камень¹²⁰⁵. Абельяр почитал Вергилия как пророка. Петр Блуаский (ум. в 1204), английский архидиакон, цитирует Цицерона, Саллюстия, Ливия, Курция, Тацита, Светония, Сенеку (послания) и других авторов. Гроссетест был знаком с Овидием, Сенекой, Горацием и другими классиками. Однако эпоха полноводного Ренессанса была еще далека. В древнейших уставах Парижского университета классики исключены из учебной программы. Оперировавших тонкими материями схоластов нельзя назвать совершенно неизвестными с классическими произведениями, однако их великие богословские построения создавались без помощи классических знаний, хотя и с широкой и активной опорой на Аристотеля.

Дисциплина в школах была строгой. Хорошая порка считалась полноценным приемом обучения. Она изгоняла злых духов интеллектуальной тупости и лени. *Degere sub virga*, «ходить под палкой», стало синонимом процесса образования. А позже на церемонии официального посвящения школьному учителю вручали розги и требовали, по крайней мере, в Англии, показать свое умение и публично высечь мальчика¹²⁰⁶. Если опыт Гиберта Ножанского был типичным, то процесс получения образования был связан с подлинными физическими муками.

¹¹⁹⁹ Цит. в Mullinger, p. 110.

¹²⁰⁰ Migne, 139. 337 sq., цит. в Schmid, p. 243.

¹²⁰¹ Migne, 189. 77. Другие предупреждения см. в Wattenbach, pp. 324 sqq., и Sandys, pp. 595 sq.

¹²⁰² Richer, *Historiae*, III. 45, цит. в Schmid, p. 241.

¹²⁰³ *Ep.*, I. 55 (*exceptis his in quibus aliqua turpitudine sonat*).

¹²⁰⁴ Migne, 199. 854. Цитаты из поэтов в *Polycraticus* еще более многочисленны. Иоанн также цитирует историков Саллюстия, Светония, Валерия Максима и т. д., а Ливия, Цезаря и Тацита упоминает только по именам. См. Sandys, 521.

¹²⁰⁵ *Metal.*, I. 8; Migne, 199. 830. См. Sandys, pp. 504 sqq., латинские цитаты начиная с 1100.

¹²⁰⁶ *Then shall the Bedell purvay for every master in Gramer a shrewde boy whom the master in Gramer shall bete openlye in the Scolys*, etc. (Mullinger, *Univ. of Cambridge*, I, 345).

Рассказ Гиберта — самое подробное дошедшее до нас описание средневековой школьной жизни и одно из интереснейших литературных повествований о переживаниях школьника¹²⁰⁷. Ребенок, рано посланный в школу овдовевшей матерью, был немилосердно бит кулаками и палкой в ходе получения знаний у чело- века, который научился грамматике уже в немолодом возрасте. Хотя учитель был посредственным грамматиком, Гиберт говорит о силе его морального влия- ния и о полноценном моральном впечатлении, которое он производил на учени- ков. Избиения совершались каждый день, но интерес мальчика к учебе не охла- девал. Однажды вечером, когда он вернулся домой и расстегнул рубашку, его мать увидела кровоподтеки и синяки у него на плечах, потому что в этот день его избили¹²⁰⁸. Она с негодованием и жалостью предложила своему сыну отказаться от подготовки на священника и пообещала достать ему снаряжение рыцаря, но Гиберт, будучи в восторге от учебы, отказался от такого предложения.

В Ключни ученики спали рядом с наставниками, и если им нужно было ночью встать, то они могли делать это только с разрешения учителя. Если они ошиба- лись при пении псалмов или других песен, отправляясь в постель, или каким-то иным образом, их наказывал приор или другой учитель с помощью приготовлен- ных заранее прутьев¹²⁰⁹.

Но некоторые учителя протестовали против таких методов. Ансельм настаи- вал на привязанности и доверии и говорил, что умелый ювелир никогда не будет придавать форму золотому блюду с помощью одних лишь ударов. Он придает ему форму мудрой и кроткой рукой. Непрекращающиеся побои только ожесточают. Когда некий аббат сказал Ансельму, что «мы днем и ночью не прекращаем нака- зывать ребят, вверенных нашей заботе, но они становятся все хуже и хуже», — Ансельм ответил: «Неудивительно! А кем они станут, когда вырастут? Глупыми невеждами. Ничего себе образование — превращать людей в скотину!.. Если вы посадите в своем саду дерево и оградите его забором, чтобы его ветви не могли вытянуться в стороны, то что вы увидите, когда через несколько лет сломаете забор? Дерево со скрюченными и изогнутыми ветвями. И разве в этом будете виноваты не вы, так неразумно его ограничившие?»¹²¹⁰

Обучение обычно было бесплатным для всех, кто не имел возможности за него платить. Остальные его оплачивали. Фульберт из Шартра брал плату со студен- тов, количество которых быстро возрастало, так как он считал, что философия стоит того, чтобы за нее платили. Но его практика была исключительной и вы- зывала возражения¹²¹¹. Слова Алкуина: «Если вы хотите учиться, вы получите то, чего ищете, бесплатно», — были начертаны на стене монастыря Св. Петра в Зальцбурге¹²¹². В Ключни хвалились, что о самом смиренном ученике там заботят- ся так же усердно, как о наследниках во дворце¹²¹³.

¹²⁰⁷ *De vita sua*, I. 4-6; Migne, 166. 843-848; Guizot, в его *Hist. of Civilization*, Bohn ed., II. 94 sqq.; Schmid, p. 249, и Laurie, pp. 80 sqq. — все они считают этот рассказ таким важным, что приводят большие фрагменты из оригинала или из перевода.

¹²⁰⁸ *Ipsa viventes attendit ulnulas dorsicula ex viminum illusione cutem ubique prominulam* (*De vita sua*, Migne, 156. 847).

¹²⁰⁹ Цит. в Schmid, p. 246, note.

¹²¹⁰ Цит. в Compayré, p. 303.

¹²¹¹ Hauck, IV. 452. См. Schmid, p. 250.

¹²¹² *Discere si cupias gratis quod quaeris habebis* (Migne, 101. 757).

¹²¹³ Schmid, p. 246.

§89. Книги и библиотеки

ЛИТЕРАТУРА. Е. EDWARDS: *Libraries and Founders of Libraries*, Lond., 1865. — Т. GOTTLIEB: *Mitteltalt. Bibliotheken*, Leip., 1890. — F. A. GASQUET: *Notes on Med. Libraries*, Lond., 1891. — Е. М. THOMPSON: *Had. book of Gr. and Lat. Palaeography*, Lond., 1893. Содержит прекрасные факсимильные издания средневековых рукописей и т. п. — J. W. CLARK: *Libraries in the Med. and Renaiss. Periods*, Cambr., 1894. — G. R. PUTNAM: *Books and their Makers, 476 — 1709*, 2 vols. N. Y., 1896 sq. См. его подробный список книг о монашеском образовании, библиотеках и т. д., I. xviii. sqq. — MIRBT: *Publizistik in Zeitalter Greg. VII*, pp. 96 sqq. и 119 sqq. — *MAITLAND: *The Dark Ages*. — *W. WATTENBACH: *D. Schriftwesen in Mittelalter*, 3^d ed., Leip., 1896. — Ст. *Bibliothek* в *Wetzer-Welte*, II. 783 sqq. *Transl. and Reprints* университета Пенсильвании, II. 3.

Книги и школы взаимосвязаны. Те и другие обязательны для развития мышления в церкви. Средневековый каталог монастыря в Мури свидетельствует о тесном союзе между интеллектуальной и религиозной жизнью. Нам подобает, говорится в нем, всегда копировать, украшать, улучшать и комментировать книги, потому что жизнь духовного человека — ничто без книг¹²¹⁴.

Счастлив был тот монастырь, который владел несколькими книгами¹²¹⁵. Монастыри и соборы были практически единственными хранилищами книг. Здесь книги были защищены от вандализма завоевателей и пожаров, таких частых в средние века. Здесь они были доступны для людей, умевших читать. Было распространено высказывание, которое приписывают Готфриду, канонику из Сен-Барб-ан-Ожа, что монастырь без библиотеки подобен крепости без оружия¹²¹⁶. В начале средних веков небольшие собрания книг существовали в Йорке, Фульде, Монте Кассино и других монастырях. Они высоко ценились. Служители церкви предпринимали путешествия, чтобы увидеть их, как делал Бископ, аббат Вирмута, совершивший с этой целью пять поездок в Италию. За два столетия с лишним после Григория VII количество книг возросло, они стали использоваться более активно, но только рвение Петрарки в XIV веке открыло новую эпоху в истории библиотек. Последовавший период Возрождения характеризовался беспримерным интересом к древним рукописям, который оказался возможно удовлетворить благодаря переезду ученых из Константинополя.

Монастырям Западной Европы гуманитарные науки и религия обязаны не только сохранением книг, но и их умножением. Монахи святого Бенедикта занимали первое место как основатели библиотек, хранители трудов отцов церкви и классической литературы. Их устав требовал от них каждый день читать определенное количество строк, и в начале великого поста каждый получал из монастырской библиотеки по книге, которую должен был «прочитать до конца». Это указание ярким светом пронизывает историю монастырских установлений, хотя во многих монастырях, возможно, и не было книг, а некоторые монастыри не особенно их ценили.

Тогда собрание из нескольких сотен книг по важности можно было бы приравнять к современной библиотеке из сотен тысяч томов. В монастыре Флери в XII веке было 238 книг, в Сен-Рикьере — 258¹²¹⁷. Когда был уничтожен английский монастырь в Кройленде, это привело к утрате «300 оригиналов и более 400

¹²¹⁴ *Quia vita omnium spiritualium hominum sine libris nihil est* (цит. в *Wetzer-Welte*, II. 792).

¹²¹⁵ Hurter, *Innocent III*, IV. 179.

¹²¹⁶ *Clastrum sine armario quasi est castrum sine armamentario* (см. Maitland, p. 230; Wattenbach, p. 570).

¹²¹⁷ Clark, p. 25.

меньших томов». Монастырь пострадал от ночного пожара. В познавательном докладе аббата Ингульфа, рассказывающего о бедствии, упоминаются прекрасные рукописи с иллюстрациями и украшенные золотыми крестами. Сообщив об утрате часовни, больницы и других частей здания, добрый аббат говорит далее, что «погреб и даже бочонки, полные пива, также сгорели»¹²¹⁸.

Сохранились каталоги этого периода. Эдвардс приводит список из тридцати трех средневековых каталогов английских библиотек¹²¹⁹. В каталоге Прюффенинга из Зальцбурга (1158), подготовленного «прирожденным библиотекарем»¹²²⁰, книги делятся на три группы: копии Писания, произведения отцов церкви и современные труды. Чаще всего встречались Библия или ее части, литургические книги — Августин, Григорий Великий, Иероним и Амвросий, — а среди авторов каролинской эпохи, Беда и Алкуин. В каталоге Корвейского монастыря (Пикардия), относящемся к XII веку, упоминается 39 копий Августина, 16 Иеронима, 13 Беды, 15 Боэция, 5 Цицерона, а также копии Теренция, Ливия, Плиния и Сенеки¹²²¹. Из более поздних средневековых авторов чаще всего встречаются труды Ансельма, Бернара, Гуго и Абеляра, однако во многих собраниях вообще не было авторов недавнего периода. Богатая в прочих отношениях коллекция Сент-Михельсберга, в Бамберге, содержала только один труд недавнего времени, «Размышления» Ансельма. В библиотеке Прюффенинга было по копии Ансельма, Гуго, Абеляра, Петра Ломбардского и Грациана. Классические авторы встречались часто. В библиотеке Дарема были копии Цицерона, Теренция, Вергилия, Горация, Клавдиана, Стация, Саллюстия, Светония, Квинтилиана и других латинских авторов¹²²². Иногда классики перечислялись в отдельном каталоге, как в Ньюмонстере.

Книги считались драгоценным подарком. Петр, епископ Парижский, перед отъездом в Святую Землю отдал 300 книг на попечение монастыря Сен-Виктор¹²²³. Гроссетест завещал свою библиотеку оксфордским францисканцам¹²²⁴. Герберт (позже Сильвестр II) говорит, что щедрость друзей позволила ему купить ряд книг в Риме, Италии и Фландрии¹²²⁵. Восхищенный летописец считает, что Теодорих прославил аббатство Сент-Эвро, достав для него книги Ветхого и Нового Завета и все собрание трудов Григория Великого. Многие последовали его примеру, предоставляя монастырям труды Иеронима, Августина, Амвросия и других отцов церкви¹²²⁶. Петр Достопочтенный засвидетельствовал, что в Клюни книги, особенно произведения Августина, считались дороже золота¹²²⁷.

Иногда библиотеки дарили при том условии, что книги будут одалживаться для чтения, — именно так Иаков Карнарий в 1234 г. отдал свою библиотеку доминиканцам из Верчелли. В 1270 г. Стефан, служивший одно время архидиаконом Кентерберийским, подарил свои книги Нотр-Даму в Париже при том ус-

¹²¹⁸ Maitland, pp. 286 sqq.

¹²¹⁹ Edwards, pp. 448-454.

¹²²⁰ Hauck, IV. 448.

¹²²¹ Edwards, p. 52.

¹²²² Edwards, p. 56. См. также Sandys, pp. 500 sqq.

¹²²³ Hurter, III. 314. Сохранился список книг, которые были отданы в собор архиепископом далекого северного Лунда.

¹²²⁴ Stevenson, *Life of Gross.*, p. 86.

¹²²⁵ *Ep.*, 44; Migne, 139. 214.

¹²²⁶ *Order. Vit.*, III. 3.

¹²²⁷ *Libri maxime Augustiniani, ut nosti, apud nos auro pretiosiores sunt.*

ловии, что их будут одалживать бедным студентам богословия, а Петр из Жуаньи (1297) непосредственно завещал свое собрание книг бедным студентам¹²²⁸. В следующем веке Петрарка передал свои книги собору Св. Марка в Венеции, а Бокаччо пожелал, чтобы его книги были отданы братьям-августинцам из Флоренции.

Иногда рукописи возлагались на алтарь или в святилища святых в качестве жертвоприношения, ради исцеления души дарителя, *pro remedio animae suae*¹²²⁹. С другой стороны, в экстренных случаях книги закладывались или продавались. Уильям из Лонгшампа, епископ Эли (1190), заложил 13 Евангелий для выкупа Ричарда I¹²³⁰. Аббат Диемо из Лорша (1139), нуждаясь в средствах для покупки военного снаряжения, продал три книги, украшенные золотом и драгоценными камнями¹²³¹. То там, то здесь за обладание библиотекой взимались налоги, как в случае Ившема (1215), и Лионский синод в тот же год принял похожее постановление¹²³². Князь Борвин из Ростока в 1240 г. подарил монастырю Даргун земельный надел, доходы от которого должны были тратиться на нужды библиотеки¹²³³.

Из всех книг больше всего ценились копии Писания. Их заключали в дорогие переплеты, покрытые золотом и серебром, иногда украшали драгоценными камнями и богато иллюстрировали. Павел, аббат в Сент-Альбане, поместил в библиотеку своего аббатства восемь Псалтирей и два Евангелия, богато украшенных золотом и драгоценными камнями, а также книгу коллект, копию Посланий и 28 других книг. В 1295 г. декан Св. Павла нашел в соборе 12 Евангелий, украшенных драгоценными камнями, а тринадцатая копия оказалась в сундуке с мощами¹²³⁴.

Книги хранились в *armaria*, или горизонтальных шкафах. Библиотекарь назывался *armarius*. Около XIV века в монастырях появились книжные полки вдоль стен¹²³⁵. Уже в XIII веке книги приковывали цепями, чтобы их не украли слишком ревностные читатели¹²³⁶. Уставы Тринити-колледжа в Кембридже (1350) требовали, чтобы определенные книги постоянно оставались в библиотеке, прикованные к своим местам и доступные для студентов. В Англии в XVI веке еще был распространен обычай приковывать английскую Библию к кафедрам в церквях. Древнее бенедиктинское правило распределения книг по-прежнему действовало. Уставы Ланфранка для английских бенедиктинцев (1070) требовали, чтобы монахи возвращали книги в первое воскресенье великого поста. Тогда их раскладывали на полу и раздавали на следующий год, каждому монаху — по книге. Тот, кто не прочел свою книгу, должен был пасть ниц и покаяться в своем небрежении¹²³⁷. Было принято делиться книгами. Бернар одалживал их и брал

¹²²⁸ *Chart. Univ. Paris.*, I. 493. Перев. в *Translations and Reprints* университета Пенсильвании.

¹²²⁹ Maitland, pp. 98 sq., 238 sqq.

¹²³⁰ Maitland, p. 250.

¹²³¹ Wattenbach, p. 546.

¹²³² Wattenbach, p. 582.

¹²³³ Putnam, I. 159.

¹²³⁴ Maitland, p. 242.

¹²³⁵ Clark, p. 24, и Gasquet, pp. 20-28.

¹²³⁶ Такие прикованные книги, как в Сорбонне начиная с 1289 г., были предназначены «для общего пользования братии» — *in communem sociorum utilitatem*.

¹²³⁷ Putnam, I. 152. Устав оксфордского Ориэл-колледжа (1329) постановлял, чтобы книги разбирались раз в год, 2 ноября, и каждый брал себе по одной книге, причем очередь выстраивалась по возрасту (Clark, p. 34).

на время, как и Петр Достопочтенный¹²³⁸. Цистерцианцы участливо одалживали книги другим монастырям, и синод в Париже (1212) настаивал на том, чтобы монастыри не отходили от этой благой практики, которую он объявлял делом милосердия.

Книжная палата, или *scriptorium*, была частью монастырского здания. Здесь писали и переписывали рукописи. Иногда у монахов были свои маленькие кабинеты, называемые *scriptoriolum*, или же они держали книги в своих кельях. Николай, секретарь Бернара, писал, что его маленькая комната, находящаяся рядом с лазаретом, «полна избранных и божественных книг»¹²³⁹. Петр из Целле, преемник Иоанна Солсберийского в епархии Шартра, говорил о своем полном книг *scriptoriolum*, где он мог избавиться от суеты и тягот этого мира. Как он понимал, это место было выделено ему Провидением для чтения, письма, размышлений, молитвы и поклонения Господу¹²⁴⁰.

Сами аббаты сочетали со своими каждодневными заботами труд переписчика. Так делал Теодорих из Сент-Эвро (1050 — 1057), умелый писец, который, по словам Ордерика Виталия¹²⁴¹, оставил «великолепные памятники своего каллиграфического искусства» в виде копий коллект, книг обедни и антифонария, хранившихся в монастырском собрании. Теодорих велел другим переписчикам изготовить копии комментариев и Семикнижия¹²⁴². Монастыри старались заполучить себе опытных переписчиков. Аббат Павел (1077 — 1093) превратил переписывание книг в специализацию монастыря Сент-Альбан. Он добыл средства, чтобы оборудовать *scriptorium*, и пригласил переписчиков издалека. В конце XI века Гиршау в Южной Германии был известен такого рода деятельностью благодаря аббату этого монастыря Вильгельму, который воспитал в своем доме двенадцать хороших переписчиков. Эти люди сделали много копий. Говорят, что Вильгельм дарил книги каждому монастырю, который он реформировал. Переписчик того же века Отлон из Эммерама оставил нам список книг, которые он роздал¹²⁴³.

Усердное переписывание часто вменялось монахам в заслугу, когда речь заходила о грядущей жизни. Об одном таком переписчике упоминает Ордерик¹²⁴⁴. Этот монах своей собственной рукой скопировал толстый том Писания, но сам он был большим грешником. И когда злые духи пришли претендовать на его душу, то ангелы принесли святой том, переписанный монахом. Каждая его буква была засчитана как уравновешивающая какой-то грех. В конце концов оказалось, что букв в книге на одну больше, чем грехов. Бесы старались найти еще какой-нибудь грех, но напрасно, и Господь позволил удачливому монаху вернуться в тело и должным образом понести церковное наказание.

Иногда переписывание книг становилось наказанием за нарушение монастырских правил, а согласно картузианскому уставу, монаху, который умеет переписывать книги, но не трудится над этим усердно, не давали вина. Иногда эта задача оборачивалась крайним затворничеством и измождением. Льюис, мо-

¹²³⁸ *Ep.*, 88; Migne, 182. 219. См. Coulton, *Salimbene*, p. 167.

¹²³⁹ *Ep.*, 35; Migne, 196. 1626.

¹²⁴⁰ Maitland, p. 442.

¹²⁴¹ III. 3; англ. перев., I. 406. Ордерик часто упоминает переписчиков (III. 5, IV. 19, etc.).

¹²⁴² Семь первых книг Ветхого Завета.

¹²⁴³ См. его собственное описание в Maitland, pp. 454 sqq.

¹²⁴⁴ III. 3; англ. перев., I. 407.

нах из Вессобрунна в Баварии, просил читателей о молитве, сделав от себя добавление к копии комментария Иеронима на Даниила: «Когда он переписывал, он замерзал, и то, что не было закончено при свете дня, он дописывал при ночном свете»¹²⁴⁵.

До изобретения печатного станка книги стоили дорого. Граф Анжуйский отдал за копию гомилий Гаймона Гальберштадтского 200 овец и большое количество провианта. В 1274 г. хорошо написанная Библия стоила 50 марок, около 170 долларов, когда за день работы платили шиллинг. Мэйтленд подсчитал, что у монаха уходило десять месяцев на то, чтобы скопировать Библию, и что такой труд сегодня {то есть на конец XIX, а не на начало XXI века} стоил бы 60 или 70 фунтов¹²⁴⁶. Но часто цены резко падали, и Ричард из Бери в своем *Philobiblion* говорит, что он приобрел у монастыря Сент-Альбан 32 книги за 50 фунтов.

Переписчики, подобно строителям соборов, обычно скрывали свои имена. Было принято в конце переписанного тома добавлять какое-нибудь благочестивое, а иногда остроумное замечание. Часто добавлялась строка: *Finito libro, sit laus et gloria Christo* («Книга закончена, да будет слава и честь Христу»). Иногда переписчик выражал удовольствие от окончания работы и добавлял: *Libro completo, saltat scriptor pede leto* («Теперь, когда книга закончена, ноги переписчика пляшут от радости»). Другие выражали более благочестивые чувства: *Dentur pro penna scriptori coelica regna* («Да будет переписчику небесная награда за труд его пера»)¹²⁴⁷.

Вот как изысканно характеризует один средневековый богослов удовольствие от общения с книгами в библиотечной тиши, когда он оставался один в монастыре, а все остальные отправлялись на отдых:

Наш дом пуст. Остался только я и крысы и мыши, которые копошатся, вечно голодные. Не слышно ни голосов в зале, ни шагов на лестнице... Я сижу в окружении одних лишь книг, погружаясь в их ароматные софы. Все умы мировой литературы собраны в библиотеке. Она — колокольня храма, с которой мы видим царства мира и их славу. Я храню Египет и Святую Землю в шкафчике у окна. Рядом с ними — Афины и Римская империя. Такой армии, как здесь у меня, не было никогда. Ни у одного генерала не было таких воинов, как у меня. Ни в одном царстве не было таких замечательных подданных, как мои, и таких дисциплинированных. Я помещаю своих высочайших подданных то там, то здесь, как мне нравится... Я выкликаю Платона, и этот благородный и отважный воин отвечает мне: «Здесь!» «Аристотель!» — «Здесь!» Он сам себе отдельное войско. «Демосфен!.. Плиний!.. Цицерон!.. Тацит!.. Цезарь!..» — «Здесь!» — отвечают они и улыбаются мне в своей бессмертной юности. Все они скромны и хранят молчание, пока к ним не обращаются. Изобилующие знаниями, они никогда не отказываются дать ответ. Они миролюбивы друг с другом... Весь мир вокруг меня!.. Все, что возбуждало человеческое сердце и воспаляло воображение, — здесь, и никому не причиняет вреда. Мои книжные шкафы — это улицы в городе времени. Громятся века, вырастают поколения — и тут собраны все их цветы. Это сад бессмертных плодов, для охраны которого не нужны псы или чудовища.

§90. Университеты

ЛИТЕРАТУРА. *Chartularium Universitatis Parisiensis*, ed. H. DENFLE, O. P. и A. CHATELAIN (помощники библиотекаря Сорбонны), 4 vols. Paris, 1889 — 1897. В этом великолепном труде собраны документы, касающиеся происхождения, организации, обычаев и правил Парижского университета в 1200 — 1452 г.; это один из наиболее ценных недавних

¹²⁴⁵ *Dum scripsit frigit, et quod cum lumine solis scribere non potuit, perfecit lumine noctis* (Maitland, p. 444).

¹²⁴⁶ P. 232.

¹²⁴⁷ Wattenbach (pp. 471-534) приводит ряд таких надписей.

вкладов в изучение средних веков. — *Auctarium Chartularii Univ. Paris.*, ed. DENIFLE и СНАТЕЛАЙН, 2 vols. Paris, 1893 — 1897. Здесь приведены документы об истории английско-го «народа» в Париже в 1393 — 1466 г. — DENIFLE: *Urkunden zur mittelalt. Universitäten, in Archiv für Lit.- und Kirchengesch.*, V. 167 sqq., 1889. — Англ. перев. главы про Фридриха Барбароссу (1158); привилегии Филиппа Августа (1200); хартия Фридриха II об основании Неаполитанского университета; правила Робера де Курсона (1215) и т. д. — приведены в *Trans. and Reprints of the Dep. of Hist., Univ. of Penn.* — С. Е. BULAEUS (Du Boulay): *Hist. univ. Paris., etc., a Carolo Magno ad nostra tempora* (1600), 6 vols. Paris, 1665 — 1678. Великолепный труд, но неверно описано происхождение университета и некоторые проблемы его организации. — F. C. VON SAVIGNY (профессор из Берлина, ум. в 1861): *Gesch. des röm. Rechts im M. A.*, Heidel., 2^d ed., 1834, vol. III. — J. H. NEWMAN: *Office and Work of Universities*, London, 1856, vol. III его *Hist. Sketches*. Слишком высокого мнения о средневековой культуре. I. DÖLLINGER: *D. Universitäten sonst und jetzt*, в его *Akad. Vorträge*, Nordl., 1889. — *DENIFLE: *D. Entstehung d. Universitäten d. Mittelalters bis 1400*, Berlin, 1885, pp. 814. Знаменует новую эпоху в рассмотрении темы; ученый и полный оригинальных выводов труд, но много повторений и спорных мест. Денифле собирался написать еще три тома. — *S. S. LAURIE: *The Rise and Constit. of Universities*, etc., Camb., 1892. — G. COMPAÏRE: *Abelard and Origin and Early Hist. of Universities*, N. Y., 1898. — *H. RASHDALL: *The Universities of Europe in the M. A.*, 2 vols., Oxford, 1895. — P. SCHAFF: *The Univ. Past, Present and Future*, в *Lit. and Poetry*, pp. 256-278.

Университет как организация появляется в Европе в XII веке. Он быстро превратился в центр непрерывной интеллектуальной и литературной деятельности, в мастерскую учености и научного прогресса. Демократический по своему устройству, он принимал представителей всех слоев общества, снабжал их новыми идеями и готовил к роли ведущих мыслителей своего времени.

Происхождение. Университеты были продуктом средневековой учености, которому не находится никаких адекватных аналогий в древнем мире. Они выросли на почве кафедральных и монастырских школ, но органической преемственности между университетами и прежними школами не существовало. Они сложились независимо, появились в ответ на потребность общества, сформировались благодаря изменившимся условиям жизни и пробуждению мысли в Европе. Возникли они бесшумно и незаметно, постепенно развившись из несовершенных в тщательно организованные образовательные заведения.

Университеты не были непосредственным творением церкви. Никакой церковный авторитет не вызвал их к жизни, в отличие от крестовых походов. Можно сказать только, что люди, стоявшие у их основ и создавшие их, были церковными деятелями, а папы оказались достаточно мудры, чтобы стать их покровителями и, как в случае Парижа, взять бразды управления ими в собственные руки. Пришло время для разделения знаний на области гуманитарных наук, искусств, закона, медицины и богословия. Последнее, по словам Иакова Витрийского, «единственное может быть названо вольным искусством, так как оно одно освобождает человеческую душу от ее скорбей».

Университеты возникли благодаря энтузиазму отдельных учителей¹²⁴⁸, чьи диалектические навыки и притягательность формировали круг студентов повсюду, куда бы они ни отправлялись. Болонья, благодаря Ирнерию и другим учителям, и Париж, благодаря группе людей, самым выдающимся из которых был Абельяр, стали центрами, где идея университета реализовалась раньше всего и

¹²⁴⁸ «Учитель, вдохновленный любовью к знаниям, собирал рядом с собой круг учеников, жаждущих учиться. Другие учителя следовали его примеру. Круг слушателей увеличивался — и так, в силу внутренних потребностей, возникала постоянная школа» (Savigny, XX. 58).

наиболее ощутимым образом. Эти учителя осознавали потребность в специализации образования и специализировали его.

Следует воздать должное и гильдиям, организация которых послужила образцом для университетов, особенно в случае Болоньи. Университет был литературной гильдией, представляющей сообщество единомышленников с общими интеллектуальными интересами и делами. Возможно также, что здесь присутствовало некое арабское влияние, как в случае медицинской школы в Салерно.

Первые университеты возникли в Италии, самые древние — в Салерно и Болонье. За ними последовали Парижский и другие французские университеты. Потом шла Англия, за ней Испания. Прага первой воплотила эту идею в Центральной Европе. Собственно германские университеты относятся только ко второй половине XIV века: в Вене (1365), в Эрфурте (1379), в Гейдельберге (1385), в Кельне (1388). Три шотландских университета, Св. Андрея, в Глазго и в Эбердине, были учреждены в XV веке. На этот век пришлось также рождение университетов далекого севера, в Копенгагене и Упсале. К концу XV века насчитывалось почти восемьдесят этих учебных заведений. Некоторые из них позже прекратили свое существование, некоторые пользовались лишь местной известностью.

Салерно, Болонья, Париж, Падуя, Оксфорд, Кембридж и другие университеты не были обязаны своим существованием никаким папским или королевским постановлениям. Университеты в Тулузе (1229) и Риме (1244) были первыми, возникшими согласно папским буллам. Неаполитанский университет был основан императором Фридрихом II (1224). Испанские университеты Паленсии (1212), Саламанки (1230) и Севильи (1254) были учреждены королями Кастилии. Пражский университет (1347) был основан двойной хартией папы и Карла IV. Некоторые университеты появились из-за несогласий в уже существовавших университетах: Падуя была основана группой несогласных студентов Болоньи, а Кембридж в 1209 г. — группой студентов Оксфорда; Лейпциг (1409) вырос вследствие недовольства германского «народа» обучением в Праге. Древнейший из университетов, созданных папой, но перешедших на сторону Реформации, — Гейдельберг¹²⁴⁹.

Организация. Изначально университетом называлось не здание или место, где происходила учеба, а сообщество учителей и студентов (*universitas magistrorum et scholarium*). Термин «университет» обозначал лишь группу людей и представлял собой не более чем сочетание «ваше сообщество» или «все вы» — *universitas vestra*¹²⁵⁰. В XII — XIII веках университеты часто относили к гильдиям. Гильдия преподавателей, или университет, была группой людей, ведущих занятия, а эквивалентом слова «университет» в том значении, в котором мы его используем сейчас, в средние века были слова *studium* и *studium generale* («занятия» или «общие занятия»). Так, Болонский университет назывался *studio Bono-*

¹²⁴⁹ Согласно Денифле, примерно в середине XIII века уже ни один университет не создавался без папской буллы (I. 777), но Кауфман оспаривает это мнение и, похоже, не без оснований (см. Laurie, p. 137; Rashdall, I. 13). Средневековый обычай санкционировать существование университета папской буллой был возобновлен в Соединенных Штатах, когда Лев XIII дал добро на открытие Вашингтонского университета (1888).

¹²⁵⁰ Иннокентий III (1205) обращался к профессорам Парижа: *universitatem vestram rogamus* (*Chart.*, I. 63). В этом послании Иннокентий называет их также *universis magistris et scholaribus* {букв. «все магистры и школяры»}. См. также Григория IX (1251), Александра IV (1256) и т. д. (*Chart.*, I. 136, 342), тогда как выражение «университет преподавателей и учеников» (*universitas magistrorum et scholarium*), похоже, впервые было использовано лишь в 1221 г. (*Chart.*, I. ix, 98, 99).

nie или *Bononiese* (он до сих пор называется *studio Bolognese* в Италии), Парижский — *studium Parisiense*, Оксфордский — *studium Oxoniense*. Добавление «общий» относилось к студентам, а не к совокупности отраслей знания и обозначало, что *studium* открыт для всех слоев общества¹²⁵¹. К XV веку термин «университет» приобрел наше современное значение. Центры знаний стали называться *alma* или *alma mater* {«кормящая (благодатная) мать»} лишь в XIII веке.

«Полный» университет должен был иметь не менее четырех факультетов: искусств (называемый сейчас в германских университетах факультетом философии), права, медицины и богословия. Но первые университеты и не стремились соответствовать такому требованию, а некоторые университеты оставались «неполными» в течение всего своего существования. Салерно был медицинской школой. Болонья больше века была только школой закона. Саламанка, самое уважаемое из существующих испанских учебных заведений, не имела факультета богословия до конца XIV века¹²⁵². Парижский университет, который начинался как оплот богословской культуры, не имел формальной возможности обучать гражданскому праву до XVII века, хотя гражданское право преподавали там до 1219 г.¹²⁵³ Почти половина университетов не включала богословие в программу обучения. Итальянские университеты, почти без исключения, поначалу ограничивались обучением юриспруденции и медицине. Причина этого — нежелание вступать в конфликт с епископскими и монастырскими школами, которые и предназначались для подготовки священников. Факультет искусств (низшей из отраслей знания) включал в себя обучение семи наукам, входящим в *trivium* и *quadrivium*, а в более поздний период обратился к изучению метафизических, лингвистических, исторических и прочих наук, не входивших в области права, медицины и богословия. Богословие считалось высшей и главной наукой. Александр IV в послании к Парижскому университету (1256) писал, что теология правит остальными науками, как их госпожа, а они следуют за ней, как ее служанки¹²⁵⁴.

Университет обладал собственным управлением, имуществом и привилегиями. Эти привилегии, или хартии о правах, имели большую ценность. Они защищали преподавателей и студентов от обычного полицейского надзора муниципалитетов и включали в себя освобождение от налогов, от военной службы, кроме случаев экстренной необходимости, и от подсудности муниципальным властям. Обвинения против членов Парижского университета рассматривались в суде епископа Парижа. В Болонье такие дела рассматривались перед профессором обвиняемого студента или епископом. По привилегии, дарованной Филиппом Августом (1200), движимое имущество парижских студентов не могло быть конфисковано гражданскими служителями. Университет был государством в государстве, вольной республикой наук¹²⁵⁵. Преподаватели и студенты образовали отдельный слой общества. Когда они чувствовали, что их права ущемляются, они прибегали к так называемому прекращению действия, *cessatio*, остановке функ-

¹²⁵¹ Rashdall, I. 8: «общие занятия» могли относиться к одному из факультетов, как *studium generale in theologica facultate* (Denifle, I. 5).

¹²⁵² Термин «факультет» в исходном смысле, похоже, был синонимом «науки» и обозначал отрасль знаний. Так, Фридрих II в постановлении об учреждении Неаполитанского университета называл тех, кто учит хирургии, *chirurgiae facultatem instruunt*.

¹²⁵³ Гонорий III (1219) запретил обучение гражданскому праву в Париже (*Chart.*, I. p. xxviii, 92).

¹²⁵⁴ *Praeest reliquis sicut superior*, etc. (*Chart.*, I. 343).

¹²⁵⁵ Кембриджский университет в своем календаре до сих пор назван «республикой образования» (Laurie, p. 186).

ционирования университета или даже перемещению его в другую местность. В 1229 г. университет Парижа на два года прекратил действие, когда королева Бланш не поторопилась с возмещением за насильственную смерть двух студентов на карнавале. Многие профессора покинули Париж, и там не осталось ни одного известного преподавателя. Епископ Парижский отлучил от церкви основных нарушителей порядка, но университет все равно победил, король принес извинения за причиненный ущерб, а папа отменил церковное наказание. Григорий IX (1231) подтвердил право на прекращение лекций¹²⁵⁶. Это право сохраняется у германских университетов, примыкающих к Лерфрайхайту: профессора имеют право обучать, как подсказывает им совесть, не боясь вмешательства со стороны государства.

Образцовые университеты. В ведении своих дел университеты подражали Болонье и Парижу как образцам. В Болонье всем управляли студенты, в Париже — преподаватели вместе со студентами. В плане отношений с папой и церковной властью Болонский университет всегда был свободным, антипапским и антиклерикальным в сравнении с его младшим французским братом. Активно применялся демократический принцип. Первое, на что следует обратить внимание, — это роль, которую играли разные факультеты. В Париже факультеты полностью сформировались в середине XIII века. В 1281 г. университет как организация пообещал защищать каждый из своих факультетов¹²⁵⁷, но уже задолго до этого каждый факультет присваивал свои собственные ученые степени, сам планировал лекции и самостоятельно выполнял другие формальности.

Вторым моментом была роль в администрации так называемых землячеств или «народов». В Болонье были четыре землячества: итальянцы, англичане¹²⁵⁸, провансальцы и немцы. Студенты Парижа также делились на четыре группы, представляющие Францию, Пикардию (включая Нидерланды), Нормандию и Англию, которая в 1430 г. уступила место Германии. Характерная организация Парижского университета относится к началу XIII века¹²⁵⁹. Сначала это были неустойчивые колонии, объединенные по национальному и языковому признаку, но затем они превратились в корпоративные организации, и у каждой из них имелся свой кодекс. Колонии, в свою очередь, делились на провинции. Их официальный руководитель, называемый ректором, стоял во главе всей корпорации. В Болонье его называли, уже в 1194 г., «ректором обществ», *rector societatum*. Он управлял делами университета вместе с советом, представляющим провинции.

Первое письменное свидетельство, где глава Парижского университета называется ректором¹²⁶⁰, — это булла Александра IV (1259), но сама должность, без сомнения, существовала задолго до того. Ректор избирался прокторами, или пре-

¹²⁵⁶ *Chart.*, I. 138: *liceat vobis usque ad satisfactionem condignam suspendere lectiones.*

¹²⁵⁷ *Chart.*, I. 590. Термин «факультет» впервые был использован Гонорием III в отношении к Парижскому университету (1219), *Chart.*, I. x, 87.

¹²⁵⁸ Английские архидиаконы должны были, после избрания, отправляться в Болонью изучать каноническое право (см. Capes, *Hist. of the Eng. Church*, p. 240).

¹²⁵⁹ В *Chart.* (I. 215, 1222 г.) Гонорий III говорит о землячествах, но не приводит их точного количества. В *Chart.* (I. 103) Du Boulay, опираясь на поддельный документ, относит их появление аж к 1206 г. Денифле считает, что четыре землячества Парижского университета существовали еще в 1215 — 1222 г. (см. *Chart.*, I. xxi). Первый заметный след деления на землячества, похоже, присутствует в булле Гонория III (1217) и касается Болоньи. Гонорий обращается к *scolaribus universitatis de urbe, de campania et de Tuscia, Bononie commorantibus.*

¹²⁶⁰ *Rector univ. magistrorum et scholarium* (*Chart.*, I, p. xxiii, 379).

зидентами четырех землячеств. Ректор должен быть магистром искусств и мог быть мирянином, но для него было необходимо безбрачие. Он выступал в торжественных случаях и носил отличительный костюм. Он отвечал за организацию, которую возглавлял. К парижскому ректору обращались *vestra amplitudo* («ваше обилие», «ваша широта»).

В Париже был также канцлер, старейшина служителей. Он возглавлял капитул Нотр-Дама, и его называли попеременно то управителем собора, то канцлером Парижа. Ему принадлежало право выдавать лицензии на преподавание и присваивать ученые степени. Его власть постоянно признавали папы, но она была ограничена папским указом, и ректор получил те права, которые утратил канцлер¹²⁶¹. В Болонье по указу Гонория III (1219) ученые степени присваивал архидиакон епархии¹²⁶².

Ученые степени. Самое позднее, к 1264 г. у каждого факультета в Париже был свой собственный декан¹²⁶³, имевший право выдавать лицензии на преподавание на своем отделении. Такая лицензия, *jus docendi* или *legendi*, выдаваемая в Болонье или Париже, наделяла правом преподавать везде — *jus ubique docendi*. Григорий IX (1233) и другие папы наделили такими же правами руководителей Тулузы и других университетов, но представляется сомнительным, что их ученые степени уважались в других местах. Даже оксфордская степень не давала права читать лекции в Париже без переэкзаменовки. Когда Александр IV даровал учителям из Саламанки право преподавать «везде», сюда не включались Болонья и Париж¹²⁶⁴.

Проблема средневековых научных степеней весьма сложна. Представляется, что существовало три степени: бакалавр (*baccalaureus*), лицензиат (обладатель диплома) и доктор или магистр. Они соответствовали трем степеням гильдий — ученик, подмастерье и мастер. Бакалавры принимались в университеты на работу после экзамена и читали второстепенные лекции. Ученая степень не только свидетельствовала о проделанном труде, но была сертификатом, дающим его владельцу право на чтение лекций и преподавание. Звания магистра (*magister*), доктора (*dominus*) и профессора (*scholasticus*) были синонимами. Обычно в Болонье использовался титул доктора, а в Париже — магистра, но постепенно в Париже докторами стали называть специалистов по каноническому праву, а магистрами — по богословию¹²⁶⁵. В своей хартии 1224 г. Фридрих говорил о «докторах и магистрах на каждом факультете» — без сомнения, используя эти слова как синонимы. Экзамен на должности назывался «определением» (*determinatione*), главной его частью было представление тезисов и защита против всех оппонентов.

Робер де Курсон (1215) постановил, что для получения степени доктора богословия необходимо восьмилетнее обучение, но в начале XIV века этот срок увеличили до четырнадцати лет. На юридическом факультете учились восемь лет, на медицинском — шесть лет.

¹²⁶¹ *Chart.*, I. p. xix.

¹²⁶² *Chart.*, I. 90 sqq.

¹²⁶³ *Chart.*, I, p. xi, 441.

¹²⁶⁴ Rashdall, I. 16.

¹²⁶⁵ К XV веку титул «доктор» распространился среди богословов в Германии — как доктор Лютер, доктор Эрк (Rashdall, I. 22). Он также относился ко всем высшим факультетам. Титул «магистр» постепенно стал ограничиваться факультетом искусств и вышел из употребления в Германии.

Учителя и занятия. Первоначально обучение проводилось в монастырях и частным образом. В 1253 г. в Париже было двенадцать профессоров богословия, девять из них преподавали в монастырях и принадлежали к монашеским орденам. Университетские здания росли медленно, а такое явление, как крупные университеты, подобные Джону Хопкинсу, Корнеллу и Чикагскому университету, которые с момента своего возникновения уже были полностью обеспечены всем полагающимся для занятий, было неизвестно в средние века. Профессорам и студентам приходилось организовывать все самим. Поначалу ни король, ни городские власти не заботились об их заработной плате. Профессор жил на то, что платили ему за лекции, и на подарки от богатых студентов. Позже было налажено обеспечение, и города создали фонды зарплаты для преподавателей¹²⁶⁶. Колледжи сначала представляли собой бурсу, или общежитие, где студенты жили вместе, и их бесплатно содержали¹²⁶⁷. Древнейшее учреждение такого рода, существующее до сих пор, — колледж Сорбонна в Париже, основанный Робером Сорбоном (1257) для шестнадцати студентов-мирян, по четверо от каждого землячества. Они назывались «мирянами», чтобы отличать их от учащихя конвентуальных, монашеских школ. Другой знаменитостью был колледж в Наварре на Сен-Женевьев, основанный супругой Филиппа Красивого Жанной Наваррской в 1304 г. Рэшделл (I. 478-517) приводит список из более чем шестидесяти колледжей или бурс, основанных в Париже до 1500 г. Сначала колледжи были просто общежитиями для студентов, потом в них стали включаться и преподаватели, как в Оксфорде и Кембридже. В Болонье система колледжей не развилась до такой степени, как в Париже и в Англии.

За редкими исключениями, преподаватели на факультетах были священниками, а если они были мирянами, то неженатыми. Иоанн XXII в 1331 г. разрешил женатому мужчине преподавать медицину в Париже, но это было исключение из правил. Только в 1452 г. требование безбрачия было отменено на медицинском факультете в Париже, и только в 1479 г. — в Гейдельберге. Преподаватели права в Париже и Болонье были освобождены от этого ограничения еще позже. Реформация сразу же произвела изменения в университетах, находившихся под протестантским влиянием¹²⁶⁸.

Лекции читались на латыни, и от студентов и преподавателей требовалось разговаривать на этом языке. Ученость любого вида считалась слишком священной, чтобы осквернять ее вульгарными диалектами Европы¹²⁶⁹. Программа занятий в Парижском университете была авторитетно утверждена папским легатом Робером де Курсоном (1215)¹²⁷⁰. Григорий IX (1231) также принял участие в выборе учебников. Классикам не было места в программе. Некоторые труды Аристотеля были запрещены, как и, в более позднее время, произведения Амальрика из Бены, Давида из Динанто и других предполагаемых или реальных еретиков.

¹²⁶⁶ К XIV веку большинство профессоров Болоньи получали плату от муниципалитета (Savigny, цит. в Comraugé, p. 283).

¹²⁶⁷ В Парижском университете *bursa* была суммой денег, которая выплачивалась каждую неделю на питание (*Auctar.*, I, p. xlv, xlix; *Chart.*, II. 673 sqq., etc.).

¹²⁶⁸ См. Rashdall, II. 647 sqq. Comraugé (p. 286), комментируя запрет на брак, замечает, что если бы у преподавателей были семьи, то розга не просуществовала бы в университетах так долго.

¹²⁶⁹ Удачный пример использования студентами латыни — интересный диалог двух студентов по пути в Виттенберг. Эта рукопись была обнаружена профессором Хаусслейтером (1898) в библиотеке Йены и опубликована (Leipzig, 1903, *D. Univ. Wittenb. n. d. Schilderung d. Mag. Andreas Meinhardi*, 1507).

¹²⁷⁰ *Chart.*, I. 78.

Григорий IX предупреждал студентов богословия, чтобы они не изучали философию и довольствовались превращением в «боговедов»¹²⁷¹.

Посещаемость и дисциплина. Посещаемость в средневековых университетах — весьма спорный вопрос. Некоторые цифры кажутся невероятно большими¹²⁷². Реестров в древнейшие периоды не существовало, и только в конце XIV века появились записи о количестве выпускников Парижского университета. Одефрид, автор XIII века, говорит, что за два поколения до него в Болонье было 10.000 студентов. В Париже якобы было 25.000 студентов, в Оксфорде — все 30.000¹²⁷³, а в эпоху популярности Виклифа даже 60.000. Однако сам Виклиф, говоря о своем времени, приводит более разумную цифру — 3000. В дни своей наивысшей славы Абельяр читал лекции 3000 слушателей, и эта цифра не кажется нам преувеличенной, когда мы вспоминаем о необыкновенной притягательности его личности. В любом случае, следует помнить, что среди студентов были как юноши, так и зрелые мужчины. Рэшделл считает, что в Оксфорде училось максимум 1500 — 3000 человек¹²⁷⁴.

В XIII веке не существовало такой вещи, как университетская дисциплина, в нашем понимании этого слова. Все единодушно свидетельствуют, что студенты вели разнузданный образ жизни¹²⁷⁵. Многие из них были обыкновенными подростками, обучающимися на факультете искусств. Общежитий не было, а средства связи не позволяли родителям контролировать уехавших сыновей так, как можно сделать сегодня. Феликс Платтер (ум. в 1614) говорит в своей автобиографии, что еще в середине XVI века требовалось двадцать дней на путешествие из Базеля в школу Монпелье. Парижские студенты освобождались от платы за обучение из-за больших расстояний между их домами и местом учебы — путешествия нередко занимали несколько месяцев, а по пути на них могли напасть разбойники¹²⁷⁶. В Париже раздавались жалобы, что студенты врываются в дома, уводят девушек и женщин; в 1269 г. была выпущена публичная прокламация, говорящая, что банды студентов врываются в дома, насиловали женщин, грабили и творили «другие чудовищные дела, ненавистные Богу»¹²⁷⁷. В Париже было много таверн (*tabernae*). Английские студенты славились своей любовью к спиртному. Выражение «петь как норманн и пить как англичанин» вошло в поговорку¹²⁷⁸. Дуэль была обычным способом улаживания споров, и Григорий IX (1231) запретил студентам ходить по улицам с оружием¹²⁷⁹.

В предписании Фридриха Барбароссы, обращенном к Болонье (1158), студенты представлены как люди, «которые отправляются в добровольное изгнание, побуждаемые любовью к знаниям, и живут в бедности». Но факты не подтвер-

¹²⁷¹ *Satagant fieri theodocti* (*Chart.*, I. 138). Студенты должны были поклоняться, что «слышали», по каким книгам требуется обучаться (*Chart.*, I, 227 sqq., на год 1252; II. 673, на год 1347, и т. д.).

¹²⁷² Denifle, p. 248.

¹²⁷³ Ричард Фиц-Ральф, архиепископ Армага, утверждает, что в его время (около 1330 г.) студентов было шесть тысяч.

¹²⁷⁴ См. Rashdall, II. 584 sqq.

¹²⁷⁵ *Chart.*, I. Nos. 60, 197, 425, etc.

¹²⁷⁶ *Auctar.*, I. p. xlvi.

¹²⁷⁷ *Chart.*, I. 426; Compayré, p. 276.

¹²⁷⁸ *Cantat ut Normannus, bibit ut Anglicanus* (*Auctar.*, I. p. lvi). О пугающих способностях английского землячества см. *Auctar.*, I. p. lx. Rashdall (II. 678 sqq.) рассказывает о драках между горожанами и студентами в Париже. Наиболее примечательны случаи 1278 и 1304 г.

¹²⁷⁹ *Chart.*, I. 138.

ждает той привлекательной картины общественного равенства, которой нам следовало бы ожидать от такой идеальной демократической организации. Многие отправлялись в университеты из любви к приключениям и новизне. У знатных студентов были свои жилища и слуги, в то время как бедным приходилось просить хлеба. Канцлер Оксфорда выдавал нуждающимся студентам позволения просить милостыню¹²⁸⁰. В Болонье богатые занимали места в первых рядах¹²⁸¹. Робер де Курсон хвалил тех, кто дарил одежду и другие вещи нуждающимся студентам.

Средневековые университеты были центрами, где расцветали идеалы и надежды молодого поколения. Там были посеяны семена церковных и интеллектуальных движений последующего времени и революций, осуждаемые консервативными кругами как научные новшества и доктринальные ереси.

Один средневековый автор утверждал, что тремя основными средствами сохранения католической веры были священство, империя и университет, однако так было не всегда. В Париже зародились самые яростные нападки на теорию папского абсолютизма и оттуда же век спустя вышли реформаторы Жерсон и д'Альи. Гуситство началось в Пражском университете, а учение Виклифа сделало Оксфорд вместилищем ереси. Виттенберг, открывшийся последним из средневековых университетов, защищал Лютера и следовал за ним. Базель, творение Пия II, Гейдельберг, Оксфорд, Кембридж, Сент-Эндрюс и другие университеты стали плацдармом для новых идей. С другой стороны, Сорбонна, Лувен и Кельн приказывали сжечь труды Лютера. Но в плане развития культуры и поступательного прогресса человечества университеты были все-таки самым ценным вкладом средних веков в современность.

§91. Болонский университет

ЛИТЕРАТУРА. MURATORI: *Antiqq. Ital.*, III. 884 sqq. Важные документы о состоянии образования в Италии. — *Acta nationis Germanicae univ. Bononiensis*, ed. E. FRIEDLÄNDER et C. MALAGOLA, Berl., 1887. — CARLO MALAGOLA: *Statuti della università e dei collegi dello studio Bolognese*, p. 524, Bologna, 1888. — DENIFLE: *D. Statutum d. Juristen Univ. Bologna, 1317 — 1347*, в *Archiv. für Lit.- und Kirchengesch.*, III. 196-409 1887. — GIACOMO CASSANI (профессор канонического права, Болонья): *Dell' antico Studio di Bologna a sua origine*, Bologna, 1888. — H. FITTING: *Die Anfänge der Rechtsschule zu Bologna*, Berl., 1888. — SAVIGNY (см. ранее) приводит полный рассказ с особым упоминанием об изучении римского права, но его следует дополнять и проверять с помощью DENIFLE: *Universitäten*, etc. — Публикации к восьмисотлетию университета, 1888, см. в P. SCHAFF: *Lit. and Poetry*, p. 278. Полный список литературы см. в RASHDALL, I. 89-91.

Университет Болоньи — самый почтенный из европейских университетов. Салерно, возникший раньше, достаточно широко прославился как медицинская школа, чтобы Петрарка восхвалял его как источник медицины (*fons medicinae*), но его успех ограничился только двумя столетиями¹²⁸². Происхождение университета Салерно неизвестно. У нас нет достаточно веских доказательств того, что эта школа имела какое-либо отношение к монастырю Монте Кассино, находив-

¹²⁸⁰ Rashdall, II. 656 sqq. Рэшделл производит следующие подсчеты в связи с жизнью Оксфорда в XV веке. Мясо стоило четверть пенса за фунт; масло и сыр — полпенса за фунт, а шесть фунтов пшеницы стоили 4 пенса. Таким образом, полтора фунта хлеба, фунт мяса и четверть фунта масла и сыра обходились примерно в пенни в день, или семь пенсов в неделю, — «что вполне допустимо для студенческой диеты».

¹²⁸¹ Compaugré, p. 271.

¹²⁸² См. Laurie, p. 123 sqq.; Rashdall, I. 80 sqq.

шемую в 80 милях (129 км) от нее. Она возникла вследствие возраставшего интереса к медицине в Южной Италии, обусловленного отчасти греческим и арабским влиянием.

В 1888 г. Болонский университет отпраздновал свой восьмисотлетний юбилей, и он остается одним из самых процветающих учебных заведений в Южной Европе. Уже в XIII веке было распространено предание, что хартию даровал ему еще Феодосий II в 433 г., но на самом деле он появился не ранее конца XI или начала XII века. Как раз в этот период Ирнерий (ум. ок. 1130) преподавал кодекс Юстиниана¹²⁸³, а чуть позже камальдолийский монах Грациан учил каноническому праву в монастыре Св. Феликса. Эти два учителя права, светского и церковного, считаются родоначальниками Болонского университета.

Болонья стала главной школой изучения обоих видов права в Европе. Факультеты искусств (добавился в 1221 г.), медицины (в 1260) и богословия (в 1360, по булле Иннокентия VI) никогда не достигали в нем такого уровня, как школа права.

Посетив Болонью в 1155 г., Фридрих Барбаросса признал университет и в 1158 г., на поле Ронкальи, дал ему первую хартию¹²⁸⁴. Это древнейший университетский закон. С тех пор Болонья была вторым и лучшим Беритом, колыбелью юриспруденции, *legum nutrix*, и приняла гордый девиз: *Bononia docet* («Болонья учит»). Папскому покровительству она была обязана или немногим, или вообще ничем. В этом и в других отношениях ее история отличается от истории Парижского университета¹²⁸⁵. Студенты стекались туда сотнями и тысячами со всех районов Западной Европы.

Обучавшиеся студенты сначала делились на четыре «университета» или гильдии. Сохранился устав германского землячества, в котором говорится, что его задача — братская благотворительность, общение, забота о больных и помощь нуждающимся, проведение похорон, пресечение ссор и подобающее сопровождение студентов, собирающихся сдать экзамен для получения докторской степени¹²⁸⁶. К XIV веку четыре «университета» уступили место двум группам, называвшимся ультрамонтанами и цисмонтанами, а каждая из них делилась на более мелкие группы, возглавляемые советниками (*conciliarii*).

Ректоры факультетов избирались на два года из числа неженатых светских клириков и носили клерикальную одежду. В момент посвящения им на голову надевался капюшон. Два ректора двух юридических «университетов» в середине XIV века были заменены одним общим ректором.

Профессора принесли клятву студентам, обещая следовать их уставу. Для освобождения от своих обязанностей они должны были получить разрешение у ректоров. Они должны были начинать и заканчивать лекции точно по звуку

¹²⁸³ Rashdall (I. 120) связывает «эпоху в изучении права» с Ирнерием, но настаивает на том, что преподаватели права активно действовали и до того времени. И когда Лори называет Ирнерия «заново открывшим римский закон» (p. 128), этот титул справедлив лишь отчасти.

¹²⁸⁴ Документ 1155 г. известен как *Authentica Habita*. В исторической поэме, обнаруженной и опубликованной Гизбрехтом в 1879 г., описывается визит Фридриха в 1155 г. Документ 1158 г. адресован «всем ученым и особенно профессорам божественного и священного права» (Denifle, p. 49 sqq.).

¹²⁸⁵ Где первым папским распоряжением была булла Климента III (1189), запрещающая магистрам и преподавателям предлагать цену за дом, уже занимаемый студентами.

¹²⁸⁶ Denifle (p. 130) считает, что студенческие гильдии были созданы германцами. Как торговая организация, гильдия существовала в Болонье ранее, чем там возникла школа. У живших в Болонье иностранных торговцев были свои сообщества. См. также Rashdall, I. 160.

колокольчика под страхом штрафов. Им было запрещено пропускать разделы учебников или откладывать ответ на вопросы на послелекционное время. Другое правило требовало, чтобы они за определенный срок преподавали определенное количество материала¹²⁸⁷. Профессор преподавал под угрозой миграции студентов, которая случалась, если они были чем-то недовольны. Такие бойкоты бывали не раз — студенты Болоньи уходили в Виченцу (1204), Падую (1222), а в последний раз — в Сиену (1321). Сначала жалование профессоров зависело от студенческой платы за обучение, и иногда они останавливали лекции, потому что студенты не могли за них заплатить. Юрист Одефрид из Болоньи объявил однажды, что не станет читать послеобеденные лекции в следующий учебный период, потому что «ученики хотят получать знания, но не хотят платить». Сначала профессоров назначали сами студенты, потом — муниципалитет. Отчасти это было связано с тем, что оплата труда преподавателей стала обязанностью городских властей¹²⁸⁸. Странно, но примерно к середине XIII века преподавание в Болонье стало в основном наследственным занятием.

Заметной, хотя и не исключительной особенностью Болоньи было то, что к преподаванию допускались ученые женщины. Новелла д'Андреа (1312 — 1366), дочь знаменитого юриста Джованни д'Андреа, читала лекции по философии и праву, но делала это, отгородившись занавесом, чтобы ее лицо не отвлекало студентов от занятий. Другими женщинами-преподавателями были Лаура Басси (ум. в 1778), доктор и профессор философии и математики; Клотильда Тамброни, которая учила греческой классике (1794 — 1817); и Джузеппина Каттани, которая несколькими годами ранее уже читала лекции по патологии. В Салерно женщины тоже учились медицине и читали лекции — например, Тротула (около 1059 г.), писавшая о женских болезнях. В Париже, как напоминает нам Денифле, в конце XI века преподавали богословие дочери некоего Мангольда¹²⁸⁹.

С другой стороны, принимались меры, чтобы защитить студентов Болоньи от женского коварства. Уставы болонского колледжа, основанного кардиналом Альборносом (1367) для испанских студентов, запрещали им танцевать, потому что «дьявол легко искушает мужчин с помощью этого развлечения». Правила также запрещали женщинам «входить в помещения колледжа, потому что женщина — глава греха, правая рука дьявола и причина изгнания из рая»¹²⁹⁰.

Для обучения гражданскому праву в Болонье нужно было семь лет, для обучения каноническому праву — шесть. Чтобы стать доктором обоих видов права, *utriusque juris*, было предписано заниматься десять лет. В 1292 г. Николай IV формально даровал докторам из Болоньи право преподавать везде, хотя реально они пользовались этим правом и раньше. Вступление в докторскую степень со-

¹²⁸⁷ Или достигали определенного пункта (*punctum*) — так назывались разделы в гражданском учебнике и в *Decretum* Грациана (Rashdall, I. 199).

¹²⁸⁸ Первым лектором с фиксированной зарплатой был Гарсиас, канонист, которому обещали 150 фунтов. В 1838 г. в Болонье было 27 профессоров гражданского права, 12 — канонического, 14 — медицины и 15 — искусств (Laurie, p. 140). В 1381 г. там было 23 профессора права с постоянной зарплатой, и город тратил на них 63.670 фунтов (Rashdall, I. 212 sq.).

¹²⁸⁹ Denifle, I. 233. Ордерик Виталий упоминает об женщинах-преподавателях и называет имя одной из них, учившейся в Палермо (англ. перев., I. 433). В Париже в XIV веке были женщины-врачи, одна из которых, Жакоба, вылечила королевского канцлера (*Chart.*, II. 263 sq.). Устав медицинского факультета Парижа запрещал врачу лечить пациента, который не заплатил по счету другому врачу, а также запрещал ему практиковать совместно с евреями и женщинами (Rashdall, II. 430).

¹²⁹⁰ Rashdall, I. 204.

проводилось большой пышностью. Кандидату приходилось тратить много средств на подарки и пиры¹²⁹¹.

Преподавание канонического и гражданского права в Болонье вошло в поговорку как синоним застойности взглядов. Оригинальность не поощрялась. На разъяснении учебников, переходящих от поколения к поколению, работа профессора заканчивалась. Возможно, Данте имел в виду этот консерватизм, когда жаловался, что в Болонье изучают одни только Декреталии. А Роджер Бэкон восклицал, что «за сорок лет изучением юриспруденции было изничтожено изучение премудрости [философии, наук и богословия], то есть самой церкви и всех наук»¹²⁹². Возрождение началось не в Болонье и не в каком-то другом итальянском университете, а при дворах князей и пап, в первую очередь во Флоренции. Университеты не породили ни одного Савонаролы и не поощряли ни религиозные, ни вероучительные реформы.

ПРИМЕЧАНИЕ. О великолепном праздновании восьмисотлетия Болонского университета (1888) рассказывается в Philip Schaff, *The University, etc.*, в *Lit. and Poetry*, pp. 265-278. Доктор Шафф был представителем от Нью-Йоркского университета. На празднике присутствовали Гумберт и королева Италии. Злополучный Фридрих III Германский был болен и послал поздравительное письмо, будучи, в некотором роде, наследником Фридриха Барбароссы. На праздновании бросалось в глаза отсутствие клириков, хотя среди гостей был отец Гавацци, бывший член варнавитского братства, который в 1848 г. призывал своих соотечественников из Болоньи бороться за итальянскую свободу и единство, а позже стал красноречивым защитником нового движения благовестия в своей родной стране и за рубежом. В этом отношении все торжество контрастировало с пятисотлетием Гейдельбергского университета (1886), на котором также присутствовал доктор Шафф и которое сопровождалось праздничным богослужением и проповедью.

§92. Парижский университет

ЛИТЕРАТУРА. Труды BULAEUS, DENIFLE, RASHDALL, etc., указанные в §90. В vol. I *Chartularium* приводятся официальные документы, относящиеся к истории университета в 1200 — 1286 г., со вступлением Денифле. — CREVIER: *Hist. de l'Univ. de Paris*, 7 vols. Paris, 1761, основано на Bulaeus. — P. FERET: *La Faculté de Theol. de Paris et ses docteurs les plus célèbres au moyen âge*, 5 vols. Paris, 1894 sqq. — A. LUCHAIRE: *L'univ. de Paris sous Phil. Auguste*, Paris, 1899. — C. GROSS: *The Polit. Infl. of the Univ. of Paris in the M. A.*, в *Am. Hist. Rev.*, 1901, pp. 440-446. — H. FELDER: *Gesch. der wissenschaftl. Studien im Franziskanerorden bis c. 1250*, Freib., 1904. — F. X. SEPELT: *D. Kampf d. Bettelorden an d. Univ. zu Paris in d. Mitte d. 13ten Jahrh.*, Breslau, 1905. — RASHDALL: *Universities*, I. 270-557, и приведенный там список литературы.

Парижский университет славился по всей Западной Европе уже в начале XIII века. Он продолжал оставаться главным оплотом богословской и светской учености вплоть до Реформации. В 1231 г. Григорий IX называл Париж «отцом всех наук, вторым Кириаф-Сефером, городом знания, в котором, как на фабрике мудрости, драгоценные камни и золото мудрости совершенствуются и полируются для церкви Христовой»¹²⁹³. Александр IV (1256) славил этот университет в том же духе¹²⁹⁴, как «превосходнейшее государство наук, знаменитый город искусств, знаменитую школу эрудиции, высшую фабрику мудрости (*officina sapientiae*) и самую эффективную гимназию для обучения. Здесь выбивается на поверхность чистый источник наук, из которого пьют все народы». Триста лет

¹²⁹¹ Об этих тратах см. Rashdall, I. 229 sqq.

¹²⁹² Brewer ed., p. 418. Bridges, *Opus Majus of Rog. Bacon*, I, p. lxxxiii sq.

¹²⁹³ *Chart.*, I. 137.

¹²⁹⁴ *Chart.*, I. 343.

спустя, в 1518 г., Лютер в протесте против Каетана выразил желание, чтобы его дело было представлено на обсуждение в Парижском университете, который он назвал «отцом наук и с древних времен самым христианским университетом, особо специализирующимся на богословии».

Французам, из гордости, трудно было отказываться от древнего предания, которое возводит происхождение университета ко временам Карла Великого. Дю Булэ написал целый том о его предполагаемой истории до 1000 г., но даже Абельяр не был его основателем. Можно сказать только, что этот блестящий учитель лишь проторил путь для создания нового центра учености¹²⁹⁵, возникшего в 1150 — 1170 г.

С самого начала своего существования университет был признан королями и папами, которые быстро осознали его будущее значение. В 1200 г. Филипп Август, король Франции, даровал ему ценные привилегии, наделив студентов и преподавателей самостоятельными правами и независимостью от муниципальных властей. Среди университетских почетных документов есть послания от Иннокентия III, его легата Робера де Курсона, Гонория III и Григория IX (1231). Начиная с этого времени в архивах присутствует множество папских посланий и сообщений, адресованных университетским властям.

В Париже, как мы уже говорили, университетом управляли преподаватели. Впервые выражение «университет преподавателей и студентов» употребляется в 1221 г.¹²⁹⁶ Древнейший образец его устава присутствует в булле Иннокентия III, написанной около 1209 г.¹²⁹⁷ Позже Иннокентий признал корпоративные права этой организации, разрешив ей иметь представителей в Риме и повелев, чтобы один изгнанный из нее учитель был допущен обратно. Уставы Робера де Курсона (1215) предписывали, по каким учебникам следует заниматься, и вводили другие правила. Университетская печать использовалась уже в 1221 г.¹²⁹⁸ Споры между университетом и канцлером собора и другими церковными властями Парижа велись уже в 1213 г.

Существуют самые разные мнения по поводу того, какой изначально была университетская организация. Денифле, ведущий современный авторитет, возражая Дю Булэ, настаивает, что существовало четыре факультета, а не «землячества» и что факультеты сформировались в первые годы XIII века¹²⁹⁹. Некоторые ассоциации преподавателей существовали еще в 1170 г.; примерно в это время в их число входил Иоанн из Целле, аббат монастыря Св. Альбана (1195 — 1214)¹³⁰⁰. В 1207 г. Иннокентий III говорит об «организации преподавателей», а в 1213 г. он признал право преподавателей настаивать на выдаче преподавательской лицензии указанным ими кандидатам. Мнение канцлера здесь не учитывалось¹³⁰¹. В середине XIII века роль канцлера стала еще меньше: некоторые препо-

¹²⁹⁵ Denifle, p. 677.

¹²⁹⁶ Chart., I. 98 sq.

¹²⁹⁷ Денифле приводит дату 1208 или 1209 г. (Chart., I. 67). Rashdall (I. 301) считает, что это был 1210 г.

¹²⁹⁸ Chart., I. 100. Эта печать сломалась в 1225 г. Печать 1292 г. хранится в Париже (Chart., I, p. ix, sq.).

¹²⁹⁹ Universitäten, pp. 64 sqq., 655 sqq. Савиньи согласен с Дю Булэ. Сеппельт (p. 221) соглашается с Денифле.

¹³⁰⁰ Биограф Иоанна, Томас из Уошингема, говорит, что Иоанн был прилежным студентом в Париже «в годы юности» и вошел «в ассоциацию избранных преподавателей».

¹³⁰¹ Chart., I. 73, 75, 85.

даватели удалились на холм Св. Женевьевы на западном берегу Сены, и аббат Св. Женевьевы, которого начали называть «канцлером Св. Женевьевы» в 1255 г., получил право выдавать лицензии или степени. Это право было признано папским декретом¹³⁰².

Четыре землячества, похоже, сформировались в ответ на необходимость поддерживать дисциплину среди студентов из родственных областей и для взаимной защиты их от гражданских властей. Возможно, на Париж повлиял пример Болоньи.

Булла Григория IX *Parens scientiarum* (1231), которую Денифле называет «великой хартией вольности университета», признавала и закрепляла его права. Она была выпущена после того, как занятия прервались на два года. Проблемы начались из-за драки в таверне, после чего разгорелась вражда между городом и студентами. Городская полиция с согласия королевы Бланш вмешалась и убила нескольких студентов. Профессора потребовали «перерыва» занятий, а когда правосудие все-таки не восторжествовало, они закрыли университет на шесть лет. Некоторые из них эмигрировали в Англию и стали преподавать в Оксфорде и Кембридже¹³⁰³. Часть из них обосновалась в других учебных заведениях Франции. Проблема была решена Григорием IX, который подтвердил право учителей на прекращение занятий, призвал Бланш наказать виновных должностных лиц и запретил канцлеру заведовать тюрьмами, а епископу — штрафовать или сажать в тюрьму студентов.

Возможно, должность ректора появилась еще в 1200 г., когда некое должностное лицо называли «главой парижских студентов»¹³⁰⁴. Уже в 1245 г. этот титул используется явно, и ректор предстает перед нами как лицо, отличное от прокторов¹³⁰⁵. В более позднее время при обращении к университету была принята формулировка «ректору и преподавателям». Вопрос об отношениях между ректором и другими должностными лицами, такими как епископ и канцлер Парижа, остается спорным и вызывает много разногласий. Дю Булэ, сам бывший ректор, с гордостью приводит примеры, когда ректору было отдано предпочтение перед архиепископами, кардиналами, папскими нунциями, пэрами Франции и другими, менее значительными общественными деятелями¹³⁰⁶.

Факультеты возглавлялись деканами, землячества — прокторами. Управление общими делами университета осуществлялось с помощью голосования факультетов.

Свобода, которой университет пользовался вначале, была значительно урезана Людовиком XI и его преемниками во второй половине XV века. Университет сурово упрекали за вмешательство в дела, которые его не касались. У него было отнято право прекращения занятий, были отменены свободные выборы ректо-

¹³⁰² *Chart.*, I. 75, 85. Формула, используемая канцлером Св. Женевьевы, приводится в *Chart.*, I. 299.

¹³⁰³ См. послание Генриха III (*Chart.*, I. 119).

¹³⁰⁴ *Capitale Parisiensium scoliarium* (*Chart.*, I. 60). Этому мнению придерживаются Дю Булэ и Савиньи. Rashdall (I. 297) освещает ситуацию совсем иначе, говоря, что речь идет вообще не о людях, а об имуществе. Denifle (p. 119) придерживается совершенно иного мнения и отрицает, что у университета до середины XIV века был ректор в полном смысле этого слова. Он полагает, что ректор факультета искусств постепенно был признан ректором всего университета. Рэшделл приводит веские доводы в пользу того, что ректор, без сомнения, был признан главой университета в середине XIII века.

¹³⁰⁵ *Chart.*, I. 179, 379.

¹³⁰⁶ *Bulaeus*, V. 359.

ра¹³⁰⁷. Были расширены права городской полиции, и воля суверена стала основным контролирующим элементом.

Парижский университет прославился своими школами искусств и богословия. Колледж Сорбонна (изначально это была бурса для бедных студентов богословия) позже дал свое имя богословскому отделению. Он был основан Робером Сорбоном, капелланом церкви Св. Людовика, и сам король участвовал в его строительстве. С течением времени в его залах стали проводить диспуты, а принятые на них решения факультета обретали общеевропейский авторитет. Студенты богословия в возрасте не менее двадцати пяти лет, проучившиеся шесть лет и выдержавшие экзамен, получали степень бакалавра. Первые три года они читали лекции по Библии, потом — по «Сентенциям» Петра Ломбардского. Их называли *Biblici* и *Sententiarii*. Возрастной ценз для получения степени доктора составлял тридцать пять лет.

Одна из самых интересных глав в истории университета — это его борьба против допуска к преподаванию нищенствующих монахов в середине XIII века. Но папство обеспечило победу монахов, и университет был вынужден признать их частью своего преподавательского состава.

Впервые борьба разразилась в момент прекращения занятий, в 1229 г., когда доминиканцы, похоже, тайно выступили на стороне городских властей против университетских властей и настраивали двор против последних. Доминиканцы закрепились в Париже в 1217 г., францисканцы — в 1220 г., и оба ордена, снабженные рекомендательными письмами от Гонория III, сначала были хорошо приняты, о чем сами учителя заявляли в документе от 1254 г.¹³⁰⁸ Но вскоре монахи стали вести себя высокомерно и требовать для своих студентов ученые степени, не считая нужным подчиняться уставам университета. Одним из первых двух доминиканских преподавателей в университете был англичанин Иоанн из Жилия. После проповеди о бедности в соборе Св. Иакова Иоанн сошел с кафедры и облачился в доминиканские одежды.

В период «перерыва» занятий в 1251 г. два доминиканца и один францисканец, признанные преподавателями университета, не пожелали занять позицию руководства, а когда проблема была улажена, двум доминиканцам отказали в возвращении в университет. Было принято правило, согласно которому к университетскому общению, *consortium*, не допускались те, кто отказывался принести клятву о соблюдении его законов. Монахи отказались выполнять правила и добились у Александра IV распоряжения, чтобы университет принял их и отменил все решения против них¹³⁰⁹.

Трения продолжались, и светские преподаватели постарались снизить влияние францисканцев, привлекая внимание к ересям Иоахима Флорского. В ответ братья атаковали Гильома из Сент-Амура, труд которого, «Краткий трактат об опасностях новейшего времени», был решительным выступлением против нищенствующего монашества, которое в своей сути противоречило апостольскому учению. Против книги Гильома выступили с опровержениями Фома Аквинат и Бонавентура, и ее сожгли. Автор отказался покаяться, поэтому ему запретили преподавать и изгнали из Франции¹³¹⁰. Над братьями издевались и избивали их

¹³⁰⁷ *Amer. Hist. Rev.*, 1901, p. 442.

¹³⁰⁸ *Chart.*, I. 253. Странно, что Felder (pp. 159 sqq.) вообще не упоминает об этом конфликте, так что его читатель даже не может вообразить себе, что такие события имели место.

¹³⁰⁹ *Chart.*, I. 285 (*omnes sententias privationis seu separationis a consortio... penitus revocamus*).

¹³¹⁰ *Chart.*, I. 362, 363, 367, 404, etc.

на улицах. К 1257 г., как уверяет Александр IV, спокойствие было восстановлено. Так папство отплатило университету за выказывавшуюся с древних времен готовность подчиняться его указаниям, лишив его свободы¹³¹¹.

Начиная с середины XIV века Парижский университет играл существенную роль в политических делах Франции. Не раз его представители выступали в суде и перед пэрами королевства, не раз его упрекали за чрезмерное рвение¹³¹². Сами французские короли называли его «королевской дочерью». Он принимал активное участие в гонениях на Жанну д'Арк¹³¹³.

Что касается религиозной истории Европы, то университет наиболее активно проявил себя во время западного раскола (1378 — 1418). Он предложил три способа прекращения раскола и для достижения этого результата разослал своих уполномоченных по Западной Европе, чтобы сообщить о решениях королям и другим властям. Под руководством его канцлеров Жерсона и Д'Альи проводились обсуждения реформаторских соборов в Пизе и Констанце, положившие конец папскому расколу. Его триумфом было голосование народов в Констанце.

По части доктринальных вопросов, университет выступил против Иоанна XXII и его ереси, отрицающей, что праведники получают блаженное видение Бога сразу же после смерти. В 1497 г. он потребовал от всех своих кандидатов на ученые степени клятвы в том, что они признают учение о непорочном зачатии. В эпоху протестантской Реформации университет ополчился против этого движения и приказал сжечь книги Лютера.

§93. Оксфорд и Кембридж

ЛИТЕРАТУРА. ANTHONY WOOD (1632 — 1695): *Hist. et Antiquitates Univ. Oxoniensis*, 2 vols. Oxford, 1674. Перевод рукописей, авторы Wase и Peers, под руководством доктора Фелла, на основании английской рукописи Вуда. Вуд не был доволен переводом и переписал этот труд, который был опубликован через сто лет после его смерти с продолжением — JOHN GUTSCH: *The Hist. and Antiquities of the Colleges and Halls in the Univ. of Oxf.*, 2 vols. Oxford, 1786 — 1790. Также: *The Hist. and Antiquities of Oxf., now first published in English from the original MS. in the Bodleian Library*, 2 vols. Oxford, 1792 — 1796. Его же: *Athenae Oxonienses*, 2 vols. London, 1691 — 1692, 3^d ed., Ph. Bliss, 1813 — 1820, 4 vols. Последний труд — биографический, в нем рассказывается об оксфордских авторах и епископах 1500 — 1690 г.

Публикации Оксфордского исторического общества, 45 томов. СОДЕРЖАНИЕ: *University Register*, 1449 — 1463, 1505 — 1671, ed. W. C. BOASE, 5 vols.; Hearne, *Collectanea*, 1705 — 1719, 6 vols.; *Early History of Oxford* (727 — 1100); *Memorials of Merton College*, etc. — V. A. HUBER: *D. Engl. Universitäten*, 2 vols. Cassel, 1839. Англ. перев. F. W. NEWMAN, брат кардинала, 3 vols. London, 1848. — C. JEAFFERSON: *Annals of Oxford*, 2 vols. 2^d ed. London, 1871. — H. C. M. LYTE: *Hist. of the Univ. of Oxf. from the Earliest Times to 1530*, Oxford, 1886. — H. C. BRODRICK: *Hist. of the Univ. of Oxf.*, London, 1887. — RASHDALL: *Universities*, II. 319-542. — JESSOPP: *The Coming of the Friars*, pp. 262-302. — THOMAS FULLER: *Hist. of the Univ. of Cambr.*, ed. PRITCHARD и WRIGHT, Cambridge, 1840. — C. H. COOPER: *Annals of Cambr.*, 4 vols. 1842 — 1852; *Memorials of Cambr.*, 3 vols. 1884. — MULLINGER: *Hist. of the Univ. of Cambr. from the earliest times to the accession of Charles I*, 2 vols. Cambridge, 1873 — 1883; *Hist. of the Univ. of Cambr.*, London, 1887, сокращенный вариант предыдущего труда. Подробный список литературы см. в Rashdall, II. 319 sqq., 543 sq.

¹³¹¹ См. Rashdall, I. 391. Приведенный выше рассказ отличается от рассказа Сеппелта, который во всем оправдывает братьев и считает первоначальное хорошее отношение к ним в университете доказательством того, что они все время вели себя правильно.

¹³¹² См. *Amer. Hist. Rev.*, 1901, p. 442 sq.

¹³¹³ *Chart.*, IV. Nos. 510-528.

Следующей после Парижа по возрасту и значению школой философии и богословия является Оксфордский университет, происхождение которого ложное предание прослеживает до короля Альфреда. Первое историческое упоминание об Оксенфорде, или Оксфорде, относится к 912 г. В городе были три религиозных учреждения — монастырь Св. Фридесвиды, аббатство Оссеней и церковь уставных каноников «Св. Георгия в Замке», и университет мог быть обязан своим происхождением любому из них или всем им вместе. Обычно считается, что университет произошел от первого, но возможно, на самом деле он возник и вследствие миграции из Парижа в 1167 г. Это мнение основано на утверждении Иоанна Солсберийского о том, что Франция изгнала чуждых ей ученых, и на приказе Генриха II, запрещающем клирикам отправляться на континент или возвращаться с него без судейского разрешения¹³¹⁴. Однако преподавание велось в Оксфорде и до этого времени.

Первый из учителей, Тибо д'Эстамп (Теобальд Стампенский), приехал из аббатства Св. Стефана в Кайене и преподавал в Оксфорде между 1117 и 1121 г. У него была школа из шестидесяти — ста учеников, и он называл себя оксфордским учителем, *magister oxenfordiae*. Один из монахов насмеялся над ним как над «мелким клириком», *tantillus clericellus* и одним из тех «странствующих капелланов с заостренными бородками, завитыми волосами и женственным платьем, которые стыдятся подобающей церковной одежды и тонзуры»; его обвиняли также в том, что он «увлекается светской литературой».

Кембриджский университет, первые ясные упоминания о котором относятся к 1209 г.¹³¹⁵, занял выдающееся положение только в XV веке, и до этого времени там не было известных учителей. Первое папское признание зафиксировано в булле Григория IX (1233), где упоминается канцлер¹³¹⁶.

В период Реформации Кембридж занимал положение, по известности и влиянию равное Оксфорду. Фишер, епископ Рочестера, ставший мучеником по вине Генриха VIII и один из наиболее свободных покровителей знаний, основал два колледжа — Христа (1505) и Св. Иоанна (1511). Среди их преподавателей были Эразм, а позже Буцер и Фагий, деятели Реформации с континента. Здесь учились Тиндейл, переводчик первого печатного английского Нового Завета, и Томас Билни, оба мученики. Здесь же учились и три мученика Кранмер, Латимер и Ридли — хотя они были сожжены в Оксфорде. В эпоху Елизаветы университет был оплотом пуританства, кафедры на нем занимали Картрайт и Трэверс. Там процветали Кадуорт и неоплатоники. В недавние годы его кафедры возглавляли многие представители исторической и экзегетической школы, такие как епископ Лайтфут, Уэсткотт, его преемник в Дареме, Элликотт, епископ Глостера и Бристола, и Джон Энтони Хорт.

Оксфорд и Кембридж отличаются от континентальных университетов повышенным вниманием, которое они уделяют домагистерскому обучению, и систе-

¹³¹⁴ Rashdall (II. 331-345) аргументированно отстаивает эту точку зрения.

¹³¹⁵ Мюллингер и другие считают, что «зародышем» университета стало аббатство Барнуэлл в начале XII века. Рэшделл (II. 545) отрицает это. Легенды гласят, что университет был основан испанским принцем Кантабером неизвестно когда, или королем Артуром, или саксонским королем Зигбертом в VII веке.

¹³¹⁶ Булла Григория, адресованная *cancellarius et universitas scholarium Cantabrigiensium*, сохранилась в Ватиканских архивах и опубликована в Denifle, *Universitäten*, pp. 370 sq. Архивы университета были сожжены жителями города во время бунтов 1261 и 1322 г.

мой колледжей и общежитий, а также более тесными живыми отношениями с церковью.

В 1149 г. итальянец Вакарий ввел в Оксфорде изучение гражданского права, если верить сомнительному свидетельству Гервасия Кентерберийского, хотя более вероятно, что он читал свои лекции в доме Теобальда, архиепископа Кентерберийского¹³¹⁷. Говорят, что он написал краткий сборник законов, «достаточный для разрешения любых юридических проблем, которые обыкновенно обсуждаются в школах».

Одно из самых древних упоминаний об Оксфорде как о месте обучения мы встречаем в описании Геральда Камбрейского, валлийского путешественника и историка. Около 1185 г. он посетил город и читал «перед факультетами, докторами и студентами» свой труд о топографии Ирландии¹³¹⁸. Очевидно, что школа была известна, если она привлекла такого человека. Вальтера Мэпа, архидиакона Оксфорда, Геральд называет «оксфордским учителем». Первая научная степень, о которой мы знаем, была дана Эдмунду Ричу, позже архиепископу Кентерберии. Из слов Геральда видно, что преподаватели группировались по факультетам. Уже в 1209 г. вследствие того, что мэр приказал повесить трех студентов, произошло переселение преподавателей и студентов, которых, по сообщениям, было три тысячи, отсюда и возник Кембриджский университет¹³¹⁹.

Оксфордский университет был менее ограничен церковными властями, чем Парижский. Епископ Линкольна, в епархии которого он располагался, совершил неудачную попытку навязать ему свою власть. Булла Иннокентия IV, вышедшая в 1254 г., была ближе всего к папской хартии и подтверждала право университета на «вольности и древние обычаи». В 1201 г. впервые упоминается канцлер. Похоже, занимающего эту должность выбирали с самого начала существования университета. Изначально он пребывал на этом посту в течение двух лет. В настоящее время канцлер — почетная должность, он не обязан жить в Оксфорде.

В 1395 г. папская булла освободила университет от контроля епископов и *legati nati*. Этот указ был отозван обратно в 1411 г. вследствие беспокойств из-за Виклифа и его последователей, но в 1490 г. Сикст IV вновь даровал университету свободу от церковных властей.

Университет постоянно конфликтовал с городом и его властями. Самый примечательный конфликт разгорелся в 1354 г. Как обычно, все началось со ссоры в таверне. Ее владельца поддерживали не только другие горожане, но и тысячи жителей из окрестностей¹³²⁰. Канцлер бежал. Монахи вынесли гостию и пытались раздавать ее сражающимся, но ее растоптали, а одного студента убили в то время, как он хватался за монаха, державшего ее. Было пролито много крови. Горожане, желая отплатить за старые обиды, ворвались в двадцать харчевен и общежитий колледжа и разграбили их. Не проявили уважения даже к святости церкви и преследовали студентов, которые пытались там укрыться. Студенты

¹³¹⁷ Цитату из Гервасия см. в Rashdall, II. 336. Иоанн Солсберийский говорит о преподавании в доме епископа.

¹³¹⁸ Цит. в Rashdall, II. 341.

¹³¹⁹ Роджер из Вендова, *anno* 1290, говорит, что учителя и студенты полностью покинули Оксфорд и отправились кто в Кембридж, кто в Реддинг. Три повешенных студента жили вместе с четвертым, который убил женщину и бежал. О других перерывах занятий см. Rashdall, II. 395, etc. О других попытках создать университеты в Нортгемптоне, Стэмфорде и Дареме (Кромвелем) см. Rashdall, II. 396 sqq.

¹³²⁰ Две тысячи человек вошли в городские ворота (см. Rashdall, II. 403 sqq.).

покинули город. Канцлер пожаловался королю, и под влиянием его власти и духовной власти епископа город был вынужден возместить ущерб. Он в течение года был подвергнут интердикту. Официальные лица были наказаны, студентам вернули их имущество. Интердикт был отменен лишь при условии, что мэр, судебные приставы и шестьдесят горожан будут являться в церковь Св. Марии в годовщину бунта, в день святой Схоластики, и нести церковное наказание за убитых студентов, причем каждый бюргер должен будет положить на алтарь пенни и эту сумму потом поровну поделат между бедными студентами и помощниками священника. Только в 1825 г. университет согласился отказаться от этого ежегодного покаяния, продолжавшегося почти пять веков. Университет долго сохранял свои традиции¹³²¹. Среди самих студентов тоже не всегда царил мир. Ирландский контингент учащихся был изгнан за беспорядки актом Парламента в 1413 г.¹³²²

Прибытие доминиканцев и францисканцев, о которых мы уже говорили в других местах, было весьма примечательным событием в Оксфорде, но они не добились там самостоятельности, как в Париже. За ними последовали кармелиты, августинцы и другие ордена.

Следующим важным событием был спор о Виклифе, а также об учении и характере лоллардов в последней четверти XIV века и позже.

В английских университетах твердо установилась система колледжей. Щедрые дары епископов, королей и других лиц заложили основы формирования корпораций и общежитий, объединяющих преподавателей и студентов, и каждый из колледжей вел образ жизни, несколько отличающийся от других. Эти колледжи и их здания продолжают придавать Оксфорду и Кембриджу средневековый облик и постоянно напоминают нам о почтенных прошлых столетиях. В Оксфорде с тех древних пор сохранились двадцать один колледж и пять общежитий. Древнейшие — Университетский колледж, основанный по просьбе Уильяма Даремского перед смертью (1249), Мертон (1264), Баллиол, основанный отцом короля Шотландии (1266), Эксетер (1314), Ориэл (1324), Колледж Королевы (1340), знаменитый Новый колледж (1379), основанный Уильямом из Викенгема, епископом Винчестера, Колледж всех душ (1438), Колледж Магдалины (1448), связанный с кардиналом Уолси. Среди знаменитостей, которые преподавали в Оксфорде в древности, были Эдмунд Рич, Роджер Бэкон, Гроссетест, Адам Марш, Дунс Скот, Оккам, Брадуардин, Ричард Армагский, Виклиф.

Как центр богословского образования, Оксфорд был тесно связан с некоторыми важнейшими движениями религиозной истории Англии. Здесь Виклиф преподавал свое учение и осуществлял практические реформы. Здесь учили гуманисты Гроссин, Колет и Линакр. Университет был важным религиозным центром во время Реформации, в период Английской республики и в период Реставрации. В его пределах учились Весли и Уайтфилд, здесь возникло методистское движение, здесь в первой половине девятнадцатого века Пьюзи, Кебл и Ньюман оказывали свое влияние и здесь же зародилось и окрепло трактарианское движение. Начиная с 1854 г. Оксфорд и Кембридж были открыты для диссентеров. Все религиозные экзамены были упразднены в 1871 г. В 1885 г. духовные наследники пуритан индипенденты основали в Оксфорде колледж Мэнсфилд для подготовки служителей.

¹³²¹ Рэшделл (II. 411) говорит, что в середине XV века «город был почти полностью подчинен власти университета». По его словам, «анналы средневековых университетов как ничто другое помогают нам осознать, насколько цивилизация укротила природные страсти даже в низших слоях нынешнего общества» (II. 416).

¹³²² Rashdall, II. 416.

ПРИМЕЧАНИЕ

Список средневековых университетов¹³²³

До 1100, Салерно.

1100 — 1200. — Болонья, 1150?; Париж, 1160?; Оксфорд, 1170; Реджио и Модена.

1200 — 1300. — Виченца, 1204; Кембридж, 1209; Паленсия, Испания, 1212, основан Альфонсо VIII Кастильским, потом заброшен; Ареццо, 1215; Падуя, 1222; Неаполь, 1224; Верчелли, 1228; Тулуза, 1229, Григорием IX; Саламанка, 1230, Фердинандом III Кастильским, утвержден Александром IV, 1254; Курия Романа, 1244, папой Иннокентием IV; Пьяченца, Италия, 1248; Севилья, 1254, Альфонсо X Кастильским; Монпелье, 1289, Николаем IV; Алькала, 1293, Санчо Арагонским, в 1837 перемещен в Мадрид; Памьер, Франция, 1295, Бонифацем VIII.

1300 — 1400. — Лерида, 1300, Иаковом II Арагонским и Сицилийским; Рим, 1303, Бонифацем VIII; Анжер, 1305; Орлеан, 1306, Филиппом Красивым и Климентом V; Перуджа, 1308, Климентом V; Лиссабон, 1309, королем Динишем, перемещен в Коимбру; Дублин, 1312, по хартии Климента V, но не организован; Треviso, 1318; Кагор, 1332, Иоанном XXII; Гренобль, 1339, Бенедиктом XII; Верона, 1339, Бенедиктом XII; Пиза, 1343, Климентом VI; Вальядолид, 1346, Климентом VI; Прага, 1347, Климентом VI и Карлом IV; Перпиньян, 1349, Петром IV Арагонским, утвержден Климентом VII, 1379; Флоренция, 1349, Карлом IV; Сиена, 1357, Карлом IV; Уэска, 1359; Павия, 1361, Карлом IV и Бонифацем VIII, 1389; Вена, 1365, Рудольфом IV и Урбаном V; Оранж, 1365; Краков, 1364, Казимиром III Польским и Урбаном V; Фюнфкирхен, Венгрия, 1365, Урбаном V; Орвьето, 1377; Эрфурт, 1379, Климентом VII; Кельн, 1385, Урбаном VI; Гейдельберг, 1386, электором Рупрехтом из Палатината и Урбаном VI; Лукка, 1387; Феррара, 1391; Фермо, 1398.

1400 — 1500. — Вюрцбург, 1402; Турин, 1405; Экс, в Провансе, 1409; Лейпциг, 1409; Сент-Эндрюс, 1411; Росток, 1419; Доль, 1423; Лувен, Бельгия, 1425; Пуатье, 1431; Кайен, 1437; Катана, Сицилия, 1444; Барселона, 1450; Валанс, Франция, 1452; Глазго, 1453; Грейфсвальд, 1455; Фрейбург в Брейсгау, 1455; Базель, 1459; Нант, 1460; Прессбург, 1465; Ингольштадт, 1472; Сарагосса, 1474; Копенгаген, 1475; Майнц, 1476; Упсала, 1477; Тюбинген, 1477; Парма, 1482; Безансон, 1485; Абердин, 1494; Виттенберг, 1502, Фридрихом Мудрым, электором Саксонии.

§94. Соборы

ЛИТЕРАТУРА. J. FERGUSSON: *Hist. of Architecture in All Countries*, 2 vols. 1865 — 1867, были и другие издания. — Сэр G. G. SCOTT: *The Rise and Devel. of Med. Arch.*, London, 1879. — VIOLLET-LE DUC: *Lectures on Arch.*, англ. перев., 2 vols. London, 1877. — T. R. SMITH: *Arch. Gothic and Renaissance*, N. Y., 1880. — V. FERREE: *Christ. Thought in Arch.*, в *Papers of Am. Soc. of Ch. Hist.*, 1892, pp. 113-140. — F. X. KRAUS: *Gesch. der christl. Kunst*, 2 vols. Freib., 1896 — 1900. — F. BOND: *Engl. cathedrals*, London, 1899. — R. STURGIS: *Dict. of Arch. and Building*, 3 vols. N. Y., 1901 sq. — Ст. *Kirchenbau*, HAUCK, в Herzog, X. 774-793. P. LASEROUX: *The Arts of the Middle Ages*, англ. перев., London. — RUSKIN: *Stones of Venice, Seven Lamps of Arch.*, и другие произведения. Этот энтузиаст архитектуры, особенно готической, судил об искусстве с высшей точки зрения нравственности и религии.

Соборы средних веков были выражением религиозной хвалы и поклонения, произведением церкви от начала до конца. Никто другой не принимал участия в их создании. Это были гимны славы, запечатленные в камне. После университетов они остаются самым впечатляющим и благотворным вкладом Средневековья в историю. Воинам-крестоносцам не удалось завоевать Святую Землю, строители же, оставаясь дома, сумели возвести здания, побуждавшие к благочестию и вызывавшие восхищение на протяжении веков. Причем соборами мы обязаны не папам, а вере горожан, знати и простого народа.

Заметным прогрессом был переход от триклиниев (*triclinia*), помещений в частных домах, и крипт, в которых поклонялись первые христиане, к собору Св. Софии, по завершении которого Юстиниан, как сообщают, воскликнул: «О Соломон, я превзошел тебя!» Не менее существенную роль сыграл и переход от лачуг и варварских храмов Центральной и Северной Европы к великолепным дворцам

¹³²³ Ср. таблицы в Denifle, 807-810, Compaupré, 50-52, и Rashdall в Table of Contents, vol. II.

для христианского богослужения, которое Августин Кентерберийский, Бонифаций и святой Ансгар ввели среди языческих северных племен.

Характерно, что величайшие средневековые сооружения — не торговые здания (хотя готический дворец дождей в Венеции и городские ратуши в Брюсселе, Лувене и других городах Бельгии и Голландии также производят впечатление). Это были религиозные здания, соборы и монастыри. Часто, как во Франции, они сооружались на возвышенном месте или в центре города, окруженные другими зданиями, словно для защиты.

Величественные соборы стали ежедневной проповедью, свидетельствующей о присутствии Бога и о воскресении Христа. Они служили народу в качестве Библии, основное учение которой можно было узреть своими глазами. Созерцание их стен и парящих спицей помогало помышлять о духовном. Их просторные помещения, либо наполненные, либо тускло освещенные солнечным светом, проникающим через витражные окна, напоминали о славе грядущей жизни, которая дает о себе знать различными откровениями в ходе страннической и бессмысленной земной жизни. Прочные фундаменты и массивные колонны и контрфорсы символизировали непоколебимость Божьего престола и то, что Он сотворил все сущее словом силы Своей.

Строительство соборов продолжалось годы. Иногда, чтобы завершить их, нужны были целые века. Кто может подсчитать, сколько молитв было вознесено при закладке первого камня и продолжало возноситься, пока не был положен последний ряд камней на башнях и не установлен шпиль? Их скульптуры, витражи, фрески и живопись представляли сцены из Писания и истории церкви. В соборах хоронили королей и королев, воинов и тех святых, которые уже при жизни отождествлялись с образом благочестия. Этот обычай дожил и до нового времени, проявившись в случае с Лютером и Меланктоном, прах которых покоится в церкви замка Виттенберг. Нередкие пожары приводили к уничтожению фрагментов великих церквей или целых зданий, поэтому их восстанавливали и перестраивали, иногда по несколько раз, как в случае с соборами Шартра, Кентербери и Норвича. Центральные башни обрушивались, например, в Винчестере, Петерборо, Линкольне и других английских соборах, но их устанавливали снова. В сооружении этих церквей принимали участие князья и народ, вносявшие материальный вклад и трудившиеся для достижения славной цели. Женщины Ульма отдали свои украшения, чтобы ускорить строительство собора в этом городе, а на постройку Кельнского собора жертвования собирались среди немцев всех стран.

XI век — начало одного из наиболее примечательных периодов в истории мировой архитектуры, продолжавшегося по меньшей мере триста лет. Он обладал своими отличительными особенностями. В создании его произведений принимали участие выдающиеся таланты. Можно сказать, что первопроходцами здесь были монахи, ревностно строившие прочные, просторные и красивые монастырские здания, но французские епископы пожелали превзойти их. Для этого периода характерны два стиля: романский (также именуемый в Англии норманским) и готический. Исследователи архитектуры выделяют в них ряд подразделов, а некоторые включают всю архитектуру XII — XV веков в раздел готической или христианской готической. В течение этих веков Европа от юга до далекого севера Шотландии и Швеции была усеяна впечатляющими сооружениями, которые, с одной стороны, соперничали со Святой Софией в Константинополе, а

с другой, вызвали впоследствии множество подражаний, хотя и не удостоившихся права сравняться с оригиналом.

В Риме еще в XIII веке, когда Гонорий III начал строительство Сан-Лоренцо, преобладал старый стиль базилики. Романский стиль начал свое существование в Северной Италии, а в начале XI века пересек Альпы, за которыми его ждал самый славный триумф. В Италии Пизанский собор представлял собой смешение старого и нового — крестообразной формы и купола. В Германии к этому периоду относятся соборы Шпейера, Вормса и Майнца, а в Англии — самые ранние соборы или их части, как в Винчестере (начат ок. 1070), Ворчестере (ок. 1084), Петерборо (ок. 1120), Норвиче (ок. 1096), Эли (ок. 1083), Дареме (ок. 1099).

Прямоугольный в основе план базилики был заменен крестообразной формой. Размер хоров увеличился, хоры были приподняты. Это была эпоха священников, что проявилось в увеличении размеров алтаря, в богатых алтарных сидениях для духовенства, в пространстве за алтарем. Эти особенности были характерны и для предыдущего периода, но теперь им уделялось больше внимания. Длинная часть креста, неф, особенно в английских соборах, был расширен, так что алтарь и его убранство стали видны из самой далекой западной части церкви, где был главный вход. Отличительной чертой постройки стала башня, к стенам были добавлены контрфорсы. В Италии башня приобрела форму колокольни, которая строилась в дополнение к куполу и иногда была отдельным зданием, а не составной частью собора. Плоский потолок сменился сводчатым и крестообразным.

Готический стиль, который итальянцы считали варварским, а потому и выбрали ему такое название, зародился в Северной Франции и достиг своего высшего выражения на севере. Это величайший стиль церковной архитектуры всех веков. Высота церковных стен и шпильей создавала впечатление, что церковь устремляется к самому Божьему престолу. Высота свода собора в Амьене — 147 футов (45 м) над полом, в Бове — 157 футов (48 м), в Кельне — 155 футов (47 м). Для стиля характерны заостренные арки, перпендикулярные линии, стрельчатые окна. Они чем-то похожи на ломбардские тополя, парящие, строгие и торжественные. Мощные контрфорсы, башни и массивные колонны напоминают суровый и могучий северный лес. Заостренные крыши были приспособлены к снегопадам, обычным для севера. Парящие контрфорсы и тщательно выполненная резьба внутри, а также великолепные врата, особенно во французских соборах, символизировали богатство христианского обетования и надежды.

Готический стиль начал распространяться во Франции в XIII веке. Его примечательные образцы мы встречаем в Реймсе (начат в 1211 г.), в Амьене, Лаоне и в парижском Нотр-Даме (начат в 1163 г.). Арки там были менее заостренные, чем в Англии, а порталы — более масштабные и богато украшенные. Нотр-Дам — один из лучших соборов с парящими контрфорсами. Над ним, как и над большинством французских готических соборов, возвышаются башни. У соборов Парижа, Амьена и Реймса башни не завершены. Сен-Шапель в Париже — великолепный образец чистой готики.

В Германии прекрасные образцы готики — церковь в Марбурге, посвященная святой Елизавете, в Нюрнберге, Бамберге, Фрейбурге, Страсбурге и других городах. Кельнский собор называют самым прекрасным из существующих готических зданий. Его хоры были начаты в 1248 г., и Конрад Хохштеден заложил краеугольный камень в присутствии только что коронованного императора Вильгельма Голландского и многих князей. Хоры были освящены в 1322 г. К 1437 г. одна из башен была доведена до одной трети нынешней высоты. Во времена

Реформации крыша была покрыта плитами. В XIX веке были обнаружены первоначальные проекты, и завершение здания, над которым вознеслись к небу два шпиля, стало общенемецким делом. Работа была закончена в 1880 г.

В Англии начиная с заселения норманнами сохранилось много памятников средневековой архитектуры, история которой тесно связана с историей народа. Вестминстерское аббатство, вероятно, — самое известное место захоронения в мире. Помимо уже упоминавшихся соборов, в этот период были начаты церкви Линкольна, Кентерберри, Йорка, Солсбери и другие. Добавление следовало за добавлением, пока благородные церкви Англии не приобрели свой окончательный облик. Башня — одна из выдающихся особенностей английского собора, и самый выдающийся шпиль, вероятно, находится в Личфилде. Внешне наибольшее впечатление производят кафедральные соборы Солсбери и Линкольна. Многие из этих соборов были построены монахами-бенедиктинцами, как, например, Кентерберри, Дарем, Эли и Норвич, или уставными канониками св. Августина, как Карлайл и Бристоль. В соборах Линкольна, Чичестера, Солсбери, Йорка, Сент-Дэвида и других служили светские священники.

Архитекторы Шотландии, похоже, были выходцами из Англии и строили по английским образцам. Благороднейшие из ее средневековых церквей находятся в Глазго, Сент-Эндрюсе, Дамблейне и Элгине; следует упомянуть также монастыри Кельсо, Драйбург, Холируд и Мелроуз.

В Испании великие соборы Толедо, Бургоса и других городов строились в готическом стиле в XIII веке. Собор Севильи, в котором площадь пола самая большая из всех христианских церквей, тоже относится к этому типу. Он был начат в 1401 и завершен в 1520 г.

В Италии готика так и не утвердилась. Соборы Милана, Флоренции и Сиены считаются лучшими ее образцами. Сиенский собор был начат в 1243 г., Миланский — не ранее 1385 г. Это крупнейшая христианская церковь после соборов Севильи и Св. Петра. Ее западный фасад не соответствует остальному зданию, которое выстроено в чисто готическом стиле из белого мрамора и тянется к облакам сотнями шпилей. С его крыши видны Альпы. Они увенчаны снегом и в своей устремленности к небесам оставляют далеко внизу суету человеческой толкотни и разногласия. В сравнении с этим непревзойденным Божьим собором творения людей столь же незначительны, как сам человек — в сравнении со своим Творцом.

ГЛАВА XII

СХОЛАСТИКА И МИСТИЧЕСКОЕ
БОГОСЛОВИЕ

§95. Литература и общее вступление

- ЛИТЕРАТУРА. I. — Труды Ансельма, Абелияра, Петра Ломбардского, Гуго Сен-Викторского, Альберта Великого, Фомы Аквината, Бонавентуры, Дунса Скота и других схоластов.
- II. R. D. НАМРЕН (епископ Херефорда, ум. в 1868): *The Scholastic Philos. considered in its Relation to Christ. Theol.*, Vampton Lectures, Oxf., 1832, 3^d ed. 1848. — В. HAUREAU: *De la philos. scholast.*, 2 vols. Paris, 1850. — W. KAULICH: *Gesch. d. scholast. Philos.*, Prag, 1863. — С. PRANTL: *Gesch. d. Logik im Abendlande*, 4 vols. Leip., 1861 — 1870: — P. D. MAURICE (ум. в 1872): *Med. Philos.*, London, 1870. — *А. STÖCKL (католик): *Gesch. d. Philos. d. Mittelalters*, Mainz, 3 vols. 1864 — 1866. Vol. I освещает начало схоластики от Исидора Севильского до Петра Ломбардского; Vol. II — период ее господства; Vol. III. — период ее упадка вплоть до иезуитства и янсенизма. — R. REUTER (профессор церковной истории в Геттингене, ум. в 1889): *Gesch. d. Rel. Aufklärung im Mittelalter*, 2 vols. Berlin, 1875 — 1877. Важен для понимания скептических и рационалистических тенденций средних веков. — ТН. HARPER: *The Metaphysics of the School*, London, 1880. — К. WERNER (католик): *D. Scholastik des späteren Mittelalters*, 4 vols. Wien, 1881 — 1887. Начинает с Дунса Скота. — Соответствующие главы в *историях учения*: HARNACK, LOOFS, FISHER, SEEBERG, SHELDON и католических богословов, а также J. VACH: *Dogmengesch. d. Mittelalters*, 2 vols. 1873 — 1875, и *J. SCHWANE: *Dogmengesch. d. mittleren Zeit*, 1882. — *Истории философии*, RITTER, ERDMANN, UEBERWEG-HEINZE, и *Scholasticism*, ПРОФ. SETH, в *Enc. Brit.* XXI. 417-431.

СХОЛАСТИКА — термин, обозначающий богословие средних веков. Это отдельная область мысли, подобно произведениям отцов церкви или деятелей Реформации. Отцы церкви исследовали Писание и, выступая против ереси, одно за другим сформировали догматические учения. Схоласты же собрали, проанализировали, систематизировали эти учения и доказали их разумность, опровергнув все возможные возражения. А деятели Реформации, отвергнувшие иго человеческого авторитета и труды схоластов, вернулись к источнику Писания и вновь утвердили его истины.

Ведущие особенности схоластики обусловлены тем, что она подчинила разум церковному авторитету и старалась независимо доказать догматы церкви при помощи диалектики. Что касается Писания, то схоласты признавали их авторитет и демонстрировали прекрасное знание его текстов от Бытия до Откровения. За редким исключением вроде Абелияра, они принимали также учение отцов церкви, находя в них точное отражение Писания. Но Александр Галес и другие проводили разграничение между Писанием, которое рассматривалось как истина (*veritas*), и учением отцов церкви, которое рассматривалось как авторитет (*auctoritas*).

Схоласты не искали в Писании новые истины и никоим образом не хотели вновь его исследовать. Их задачей было подтвердить то, что они унаследовали. По этой причине они не внесли никакого оригинального вклада в экзегетику и библейское богословие. Они не претендовали на обнаружение новых догм. Они доносили до людей те догмы, которые получили от отцов церкви.

Перед схоластами стояли две задачи: примирить догму и разум и привести догматы церкви в упорядоченную систему, называемую *summa theologiae*. Такие системы, подобно современным энциклопедиям, были задуманы как исчерпывающие. Надо воздать должное человеческому разуму, который подверг интеллектуальному осмыслению все серьезные проблемы в области религии и этики, но схоласты дошли до крайности, стремясь ответить практически на все возможные вопросы — включая и те, которые служили лишь удовлетворению праздного любопытства. Ансельм — прекрасный пример автора трактатов на разные темы, такие как существование Бога, необходимость Воплощения и грехопадение дьявола. Петр Ломбардский создал самую ясную, а Фома Аквинат — самую полную и законченную богословскую систему.

С непоколебимым упорством эти неустанные мыслители предавались самым возвышенным рассуждениям, ставили всевозможные вопросы, отвечали на них и подвергали каждую догму огненной ордалии, чтобы доказать ее неуязвимость. Это были рыцари богословия, его Готфриды и Танкреды. Философия была их служанкой (*ancilla*), а диалектика — их мечом и копьем.

Когда христианские учения рассматриваются со строго диалектической точки зрения, возникает опасность утраты ими живости и жизненной силы, превращения их в богословский труп. Величайшим из средневековых богословов удалось избежать этого благодаря их религиозному рвению. Ансельм, Фома Аквинат и Бонавентура были людьми пылко благочестивыми, как Августин. Они сочетали метафизическое с мистическим, размышления — с навыками поклонения и молитвы.

Далек от истины тот, кто представляет себе средневековые рассуждения как пустые спекуляции, подвиги интеллектуальной акробатики. Напротив, это были серьезные исследования, подчиненные торжественной цели. Схоласты воодушевлялись глубоким чувством присутствия Бога и жертвой Креста, и такие трактаты, как этические произведения Фомы Аквината, свидетельствуют о серьезном интересе к области человеческого поведения. По этой причине, а также потому, что эта богословская литература охватывает по меньшей мере два столетия, схоластические произведения живы и, без сомнения, будут жить¹³²⁴.

Вслед за Августином схоласты исходили из принципа, что вера предшествует знанию: *fides praecedit intellectum*. Или, как формулирует эту мысль Ансельм, «я верю для того, чтобы я понимал, а не я понимаю для того, чтобы я верил» (*credo ut intelligam, non intelligo ut credam*). Они цитировали в доказательство Ис. 7:9: «Если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены». Абельяр был исключением. Он изменил порядок и считал, что знание предшествует вере. Но все схоласты приходили к одному и тому же результату. Откровение и разум, вера и

¹³²⁴ Milman (*Hist. of Lat. Christianity*, VIII. 257), несомненно, ошибается, когда говорит: «При всем своем поиске выразимого схоласты ничего не выразили; при всем своем обширном логическом аппарате они не доказали ничего, чем удовлетворился бы пытливый ум». Достаточно только вспомнить об онтологическом доказательстве Ансельма, о космологических доказательствах Фомы Аквината и обо всем написанном про удовлетворение Христа, чтобы понять: это не так.

наука, богословие и философия находятся в согласии, ибо они исходят от одного Бога, Который не может противоречить Себе.

Схоластика вызывает интерес не только как особая область интеллектуальных усилий. Она важна также как каноническое богословие Римской Католической церкви, сохранившееся по сей день. Догматы об отношении к ереси, о превосходстве церкви над государством, о непорочном зачатии и о семи таинствах, сформулированные схоластами, остаются обязательными. По крайней мере, от них еще официально не отказались. Лев XIII вновь свидетельствовал об этом, когда в своей энциклике от 4 августа 1879 г. объявил богословие Фомы Аквината стандартом католической ортодоксии и надежнейшим наставником христианской философии в битве веры со скептицизмом XIX века.

Схоластические системы, как и все другие отличительные институты и движения средних веков, впечатляли своим масштабом. Трудлюбие авторов не может нас не изумлять. Утверждение следовало за утверждением неотступно, последовательно и точно. Глава добавлялась к главе, том — к тому, тема рассматривалась со всех возможных сторон, пока не исчерпывала себя. Дунс Скот создал тринадцать томов *in folio* — а умер он, вероятно, в возрасте всего тридцати четырех лет. Произведения Альберта Великого еще обширнее. Эти богословские системы по праву сравнивались с устройством средневекового папства и творениями готической архитектуры — внушительными, массивными, укрепленными. Папство подчинило все королевства своему божественному авторитету. Архитектура подчинила богослужению все известные материалы и ремесленные искусства. Схоласты использовали все силы логики и философии, чтобы доказать ортодоксальную систему богословия, но в их строениях было слишком много дерева и соломы, как показала здравая экзегетика и более соответствующее Писанию богословие деятелей Реформации и наших дней.

§96. Источники и развитие схоластики

Основными источниками, питавшими схоластику, были произведения Августина и Аристотеля. Первые предоставляли тему, последние — форму; первые — догматические принципы, последние — диалектический метод.

Правивший мысль средних веков Августин был богословом, выступавшим в пользу церкви и таинств, против манихеев и донатистов. Это был тот же самый Августин, на трудах которого Лютер и Кальвин строили свои учения о грехе и благодати, — и все-таки другой. Странно, что тот же самый могучий интеллект, который помог создать систему схоластического богословия, помог реформаторам сокрушить ее и создать другую структуру, более соответствующую Писанию и приспособленную к практическим требованиям жизни!

Аристотель, по оценке средних веков, был ведущим философским мыслителем. Схоласты проявляли высшее уважение к нему, вновь и вновь называя его Философом. Данте не допустил его и Вергилия в рай и чистилище, как язычников, но поместил их в преддверии ада, где они были освобождены от страданий. Аристотель считался предтечей христианской истины — Иоанном Крестителем, предвосхищающим метод и знание о природных вещах (*precursor Christi in naturalibus*). До XIII века его труды были известны недостаточно хорошо. «Категории» и *De interpretatione* были известны Абельяру и другим схоластам в латинском переводе Боэция. Иоанн Солсберийский знал три книги «Органона». «Физика» и «Метафизика» стали известны около 1200 г., и все его труды стали

доступны в начале XIII века при посредничестве арабских философов Авиценны (ум. в 1037), Аверроэса (ум. в 1198) и Абубацера (Ибн Туфайль, ум. в 1185), а также из иудейских источников. Роджер Бэкон жалуется на ошибки в переводе с арабского Михаила Скота, Герара Кремонского и других¹³²⁵.

Сначала к Стагириту¹³²⁶ относились с подозрением. Его даже запрещали папы и синоды как содействующего появлению ереси и духовной гордости¹³²⁷. Но начиная с 1250 г. он стал высшим авторитетом. В Париже было распространено высказывание Готфрида Сен-Викторского: «Исключают и выгоняют всякого, кто не облечется в броню Аристотеля»¹³²⁸.

Деятели Реформации сбросили это иго, и Лютер в момент возмущения выродившимися схоластами своего времени осудил «проклятого язычника Аристотеля», а в своем «Вавилонском пленении» назвал средневековую церковь «фомистской или аристотелевской церковью».

Череда схоластов начинается в последние годы XI века с Росцеллина и Ансельма. За два века до того Иоанн Скот Эриугена предвосхитил некоторые из их рассуждений на фундаментальные темы и заложил принцип единства истинной философии и истинной религии. Но он, похоже, не оказал существенного влияния на схоластическую мысль. История схоластики делится на три периода: возникновение, расцвет и упадок¹³²⁹. К первому периоду относятся Ансельм (ум. в 1109), Росцеллин (ум. ок. 1125), Абельяр (ум. в 1142), Бернар (ум. в 1153), Гуго Сен-Викторский (ум. в 1161), Ричард Сен-Викторский (ум. в 1173) и Жильбер из Пуатье (ум. в 1154). Главные имена второго периода: Петр Ломбардский (ум. в 1160), Александр Галесский (ум. в 1243), Альберт Великий (ум. в 1280), Фома Аквинат (ум. в 1274), Бонавентура (ум. в 1274), Роджер Бэкон (ум. в 1294) и Дунс Скот (ум. в 1308). К периоду упадка относятся, помимо прочих, Дуранд (ум. в 1334), Брадуардин (ум. в 1349) и Оккам (ум. в 1367). Эти люди были родом из Англии, Франции, Германии, Италии и Испании. Габриэля Биля, профессора Тюбингена (ум. в 1495), обычно называют последним из схоластов. Почти все великие схоласты были монахами.

За два столетия, прошедших между жизнью Ансельма и Дунса Скота, существенно изменились мнения о таких важных вопросах, как непорочное зачатие и возможность доказательства в категориях чистого разума учений о воплощении и Троице. Эти два учения Фома Аквинат, как и Дунс Скот и Оккам, объявляли находящимися за пределами рационального. Даже существование Бога и бессмертие души рассматривались Дунсом Скотом и поздними схоластами как тайны, которые следует принимать, основываясь исключительно на авторитете церкви. Аргументы от вероятности на последних этапах схоластического мышления стали подчеркиваться, как никогда прежде.

Стараясь отразить малейшие оттенки мысли, схоласты изобрели новый словарь, неизвестный классической латыни, введя такие слова, как *ens*, *absolutum*

¹³²⁵ См. Roger Bacon: *Opus Majus*, Bridges ed. I. 54-56; Sandys, *Class. Scholarship*, pp. 507, 540-546, 568-sqq., и *Seth, Enc. Brit.*, XXI. 419.

¹³²⁶ {Вероятно, стоит добавить, что так называли Аристотеля, поскольку он родился в Стагире.}

¹³²⁷ Парижский собор (1209) запретил использовать его «Естественную философию». Григорий IX, 1231, осудил «Физику», хотя в 1254 г. Парижский университет уже предписывал посвящать определенное количество часов объяснению трудов Аристотеля.

¹³²⁸ *Omnis hic excluditur, omnis est abjectus qui non Aristotelis venit armis tectus* (*Chart.*, I. p. xviii).

¹³²⁹ Кузен также говорит о трех периодах: первом, когда философия была подчинена богословию; втором, когда они были едины; и третьем, когда они отделились друг от друга.

*identitas, quidditas, haecceitas, aliquiditas, aleitas*¹³³⁰. Софистические рассуждения, которые они себе позволяли, по большей части касались ангелов, Девы Марии, дьявола, сотворения и тел воскресения. Подобные вопросы задавались и самым торжественным образом обсуждались ведущими схоластами. Альберт Великий задавался вопросами, что было труднее для Бога — создавать вселенную или человека и когда понимание у ангелов более ясное — по утрам или по вечерам. «Кто согрешил больше, Адам или Ева?» — это был любимый вопрос Ансельма, Гуго Сен-Викторского¹³³¹ и других. Александр Галесский попытался определить то время дня, когда Адам согрешил, и после долгих рассуждений решил, что это было в девятом часу, когда испустил дух Христос. Бонавентура спрашивал, могут ли несколько ангелов одновременно находиться в одном и том же месте, может ли один ангел находиться в нескольких местах одновременно и возлюбил ли Бог человечество больше, чем Христа¹³³². Ансельм в своем труде о Троице спрашивал, мог ли Бог принять облик женщины и почему не воплотился Святой Дух. Последний вопрос дал Вальтеру Сен-Викторскому возможность заметить в отношении Петра Ломбардского, что разумнее спрашивать, почему сам Ломбардский не появился на земле в облике осла, нежели Ломбардскому спрашивать, мог ли Бог воплотиться в облике женщины. Знаменитый спор о том, какие последствия для мыши имело бы съедение гостии, был связан с вечерей Господней. Над этой проблемой размышляли Альберт Великий, Бонавентура, Фома Аквинат и другие схоласты. Роберт Пуллейн рассуждал о том, получит ли мужчина при воскресении обратно ребро, утраченное им в Эдеме, и вернутся ли к нему обратно все обрезанные ногти.

Эти бесконечные дискуссии казались наивными и легкомысленными и давали повод для насмешек, хотя, как мы уже говорили, они выросли из желания осветить истину исчерпывающим образом. В конечном итоге они привели ко вполне закономерному падению авторитета схоластики. Блуждая в облаках и туманах трансцендентального, она пренебрегала лежащей у ног землей. Как папство осудило само себя своими непомерными амбициями, так и схоластика подорвала свой авторитет интеллектуальной софистикой и была отвергнута в пользу практических интересов Возрождения и гуманизма, вытеснена простой верой, которая изучает Писание, чтобы достичь живых отношений любви со Христом¹³³³.

§97. Реализм и номинализм

Основопологающей философской проблемой схоластических рассуждений была реальность и независимость существования общих или родовых понятий, называемых универсалиями (*universalia*). Обязательно ли универсалии обладают своим собственным бытием? По этому вопросу схоласты делились на два лагеря, реалистов и номиналистов¹³³⁴. Этот вопрос, на который сейчас обращают мало внимания, был очень важен в средние века.

¹³³⁰ Термин «инакость» применялся Ричардом Сен-Викторским к различиям между ипостасями Троицы.

¹³³¹ *De sacram.*, I. 7; Migne ed., 176, 290.

¹³³² Peltier ed., V. 38.

¹³³³ Томас Фуллер уподобляет схоластов людям, которые строят в Лондоне свои дома на маленьких клочках земли и «пытаются спрятать ничтожность фундамента за грандиозностью рассуждений».

Реалисты учили, что универсалии — не просто умственные обобщения. Они реально существуют. Вслед за Платоном, как он представлен у Аристотеля, одна из групп реалистов утверждала, что универсалии — это творческие прообразы, модели божественного разума. Эта точка зрения обобщалась фразой *universalia ante rem* — то есть универсалии существуют прежде отдельных, конкретных вещей. Другая группа реалистов, чистые последователи Аристотеля, считали, что универсалии обладают реальным существованием, но существуют только в индивидуальных вещах. Это было учение *universalia in re*. Например, человеческая природа — это универсалия, обладающая реальным существованием. То есть, скажем, Сократ характеризуется универсалией, человеческой природой, но является конкретным, отдельным человеком, отличным от других людей. Ансельм, представляющий платоновскую школу, трактовал универсалию человеческой природы как имеющую независимое существование в самой себе. А Дунс Скот, представитель второй разновидности реализма, находил в универсалиях основу всякой классификации сотворенной вселенной и только в этом плане признавал их реальное существование.

Номиналисты же учили, что универсалии, или общие понятия, вообще не обладают самостоятельным существованием. Это просто имена — *nomina, flatus vocis, voces*. Они возникают на основе сравнения отдельных вещей и их качеств. Так, красота — это понятие, возникшее вследствие наблюдения за красивыми объектами. Сначала происходит наблюдение за индивидуальными вещами, а потом на этой основе вырабатываются универсалии, или абстрактные понятия. Это учение выражено в словах *universalia post rem*, универсалии после вещей. Модификация этого взгляда получила название концептуализма, или учения о том, что универсалии существуют, но только как умственные понятия, а потому не обладают реальным бытием¹³³⁵.

Отправной точкой этих диалектических расхождений мог стать отрывок из *Isagoge* Порфирия в еретику Боэция. Не начиная дискуссии по этому поводу, Порфирий просто спрашивает, следует ли считать, что универсалии обладают отдельным бытием вне видимых вещей или же они — только умственные представления, обладающие существованием лишь в ощутимых вещах¹³³⁶. Эта разница приобретала практическое значение в применении к таким богословским учениям, как догматы о Троице, об искуплении и о первородном грехе.

Теория реализма возникла в XI веке в трудах Росцеллина, современника Ансельма и учителя Абеляра, который, как может показаться, был сторонником номинализма¹³³⁷. Наши знания о его взглядах почти полностью почерпнуты из высказываний двух его оппонентов, Ансельма и Абеляра. Он был каноником в

¹³³⁴ H. Doergens, *Lehre von d. Universalien*, Heidelberg, 1867; J. H. Löwe, *D. Kampf zwischen d. Realismus und Nominalismus im Mittelalter*, Prag, 1876. ст. «Universalien» в Wetzler-Welte, XII. 305 sqq. Истории философии.

¹³³⁵ Согласно Иоанну Солсберийскому, существовало не менее тринадцати разновидностей такой трактовки. См. Prantl, *Gesch. der Logik*, II. 118.

¹³³⁶ Отрывок из Порфирия гласит: *Mox de generibus et speciebus illud quidem sive subsistant, sive in solis nudis intellectibus posita sint, sive subsistentia corporalia sint an incorporalia, et utrum separata a sensibilibus, an insensibilibus posita et circa haec consistentia, dicere recusabo. Altissimum enim negotium est hujusmodi et majoris egens inquisitionis*. См. Gieseler, *Ch. Hist.*, немецкое издание, III. 384.

¹³³⁷ Оттон Фрейзингенский упоминал о нем как о родоначальнике номинализма в ту эпоху, qui *primus nostris temporibus in logica sententiam vocum instituit* (*De gest. Frid.*, I. 47). Согласно Иоанну Солсберийскому, номинализм почти полностью исчез после Росцеллина (*Metalog.*, II. 17).

Компьяне, в епархии Суассона (1092), когда был вынужден отречься от своего предполагаемого тритеизма, которым он заменил учение о Троице.

Взгляды этого богослова побудили Ансельма написать трактат о Троице, а Абельяр осуждал его как диалектика-шарлатана¹³³⁸. Ансельм утверждал, что еретические взгляды Росцеллина на Троицу были непосредственным продуктом его ложного богословского принципа, отрицания реального существования универсалий. Росцеллин называл три ипостаси Бога тремя субстанциями, как до него делал Скот Эриугена. Эти ипостаси были тремя отдельными сущностями, равными по силе и воле, но отдельными друг от друга и обладающими полнотой в самих себе, подобно трем людям или ангелам. Эти три ипостаси не могли быть одним Богом в смысле одинаковой сущности, потому что тогда Отец и Святой Дух должны были бы воплотиться, как и Сын.

Отстаивая ортодоксальное учение о Троице, Ансельм исходил из строгого реализма и заявлял, что три ипостаси представляют три типа отношений, а не три субстанции. Исток, ручей и водоем — три вещи, но в каждом из них присутствует одна и та же вода, хотя мы не можем сказать, что исток — это ручей или что ручей — это водоем. Вода может поступать из истока по трубе, и в таком случае не будет ни ручья, ни водоема. Подобным образом и Бог Сын воплотился без воплощения Отца и Святого Духа.

Решение синода в Суассоне и аргументы Ансельма привели к шельмованию номинализма, и он появился вновь только в XIV веке, когда его возродил энергичный и практичный разум Оккама, Дуранда и других. В течение какого-то времени с ним яростно сражались соборы и король Людовик XI, но потом он был признан многими из великих учителей XIV — XV веков.

§98. Ансельм Кентерберийский

ЛИТЕРАТУРА. *Труды* Ансельма. Первое полное издание — GERBERON, Paris, 1675, репринт в Migne, vols. 158, 159. — *Opuscula* Ансельма, перев., Chicago, 1903, pp. 288. — *Devotions* Ансельма, перевод Pusey, Oxf., 1856, London, 1872, и C. C. J. Webb., London, 1903. — Перев. *Cur Deus homo* в *Anc. and Mod. Library*, London. — *Жизнь* Ансельма, автор — его секретарь и преданный друг ЕАДМЕР: *De vita Anselmi* и *Historia novorum* в Migne, также ed. RULE в Rolls series, London, 1884. — Иоанн Солсберийский, *Житие*, написанное по случаю канонизации Ансельма Александром III, Migne, 199: 1009 — 1040, основано на Эадмере. — Уильям из МАЛМСБЕРИ, в *Gesta Pontificum*, добавляет кое-какой материал. — *Современные жизнеописания*, *F. R. HASSE, 2 vols. Leip., 1843 — 1852, сокращенный перевод *W. TURNER, London, 1850. Одна из лучших исторических монографий. — *C. DE REMUSAT: Paris, 1853, последнее издание, 1868. — *ДЕКАН R. W. CHURCH (ум. в 1890): London, новое издание, 1877 (хороший рассказ о деятельности Ансельма, но обращает мало внимания на его философию и богословие). — M. RULE: 2 vols. London, 1883, хвалебный и ультрамонтанский. — P. RAGEY: 2 vols. Paris, 1890. — J. M. RIGG: London, 1896. — A. C. WELCH, Edinburgh, 1901. — *W. R. W. STEPHENS в *Dict. Natl. Biog.*, II. 10-31. — P. SCHAFF, в *Presb. and Ref'd Review*, Jan., 1894. — *ED. A. FREEMAN: *The Reign of William Rufus*, 2 vols. London, 1882. — H. BÖHMER: *Kirche u. Staat in England u. in der Normandie im XI u. XII^{ten} Jahrh.*, Leip., 1899. — Философия Ансельма обсуждается в RITTER, ERDMANN и UEBERWEG-HEINZE, истории философии; его богословие рассматривается в BAUR: *Gesch. d. Christl. Lehre. von d. Versöhnung*, Tübingen, 1838, 142-189. — RITSCHL: *Rechtfertigung u. Versöhnung*, и в историях доктрины. — KÖLLING: *D. satisfactio vicaria*, 2 vols., Gütersloh, 1897 — 1899. Впечатляющее представление позиции Ансельма. — LEIPOLDT: *D. Begriff meritum in Anselm*, в *Theol. Studien u. Kritiken*, 1904. — LE CHANOINE PORÉE: *Hist. de l'Abbaye du Bec*, Paris, 1901.

¹³³⁸ *Pseudo-Dialecticus* (Ep., 21). *De fide trin.*, 3 (*tres personae sunt tres res sicut tres angeli aut tres animae, ita tamen ut voluntas et potestas omnino sunt idem*). Также Ep., II. 41.

Ансельм Кентерберийский (1033 — 1109), первый из великих схоластов, был одним из наиболее способных и чистых людей средневековой церкви. Он вошел в историю своего века на многих основаниях. Он с энтузиазмом отстаивал монашеский образ жизни. Он был архиепископом Кентерберийским и боролся на стороне иерархии Гильдебранда против английского государства. Его христианские размышления обеспечили ему выдающееся место в анналах благочестия. Его глубокие размышления знаменуют начало одной из ведущих эпох в истории богословия и обеспечивают ему законное место среди учителей церкви. Бернар был величайшим из монахов, Ансельм же был величайшим богословом. Он был самым оригинальным мыслителем церкви со времен Августина¹³³⁹.

Жизнь. Ансельм родился в Аосте, в Пьемонте, у подножия великого Сен-Бернара, отделяющего Италию от западной Швейцарии¹³⁴⁰. У него была благочестивая мать, Эрменберга. Отец, Гундульф, мирской и грубый представитель знати, резко протестовал против религиозных порывов сына, но на смертном одре сам надел на себя монашеские одежды, чтобы избежать погибели.

В своих детских фантазиях Ансельм представлял всемогущего Бога восседающим на престоле на вершине Альп, и ему снилось, как он карабкается на гору, чтобы встретиться с Королем. Увидев по пути, что королевские служанки, трудящиеся осенью на поле, пренебрегают своим трудом, он решил рассказать королю об их нерадивости. Его самым милостивым образом приняли, расспрашивали, откуда он пришел и чего хочет. Доброта короля заставила его начисто забыть о намерении пожаловаться на служанок. Подкрепившись самым белым хлебом, он вновь спустился в долину. На следующий день он твердо уверовал, что действительно побывал на небесах и ел за столом Господа. Эту историю он позже рассказывал, когда занял престол Кентербери.

Из-за ссоры с отцом Ансельм был вынужден покинуть дом. Он отправился на запад и обосновался в норманнском аббатстве Ле Бек, находившемся тогда на попечении его соотечественника Ланфранка. Там он учился и принял сан. Когда Ланфранк был переведен в монастырь Св. Стефана в Кайене (1063), Ансельм стал приором, а в 1078 г. — аббатом. В Беке он написал большую часть своих трудов. Его пылкая преданность монашеской жизни проявляется в частых упоминаниях о ней в посланиях и в желании вернуться в монастырь после того, как он стал архиепископом.

В 1093 г. он стал преемником Ланфранка на посту архиепископа Кентерберийского. Его борьбу с Вильгельмом Рыжим и Генрихом I из-за инвеституры мы уже описывали (§23). Во время изгнания на континент он посетил синод в Бари, где отстаивал латинское учение об исхождении Святого Духа в споре с присутствовавшими там греческими епископами¹³⁴¹.

Последние годы жизни архиепископа в Англии прошли тихо, кончина его была спокойна. Его подняли с постели и положили на пепел на полу. И там «на рассвете, в среду после Пасхи», 21 апреля 1109, на шестнадцатый год своего правления и на семьдесят шестом году жизни, он почил в мире, как говорит его биограф Эадмер, «вручив свой дух в руки своего Творца». Он похоронен в Кентерберийском соборе рядом с Ланфранком.

¹³³⁹ Loofs (p. 271) говорит: «Вероятно, он — самый главный из всех средневековых богословов».

¹³⁴⁰ Черч ярко описывает «дикую Аосту, которую убаюкивают альпийские ручьи». Аоста — это римское поселение Аугуста Претория; около V века там появился епископ.

¹³⁴¹ Его взгляды изложены в *De processione Spiritus Sancti*. Он утверждал, что Дух исходит от Отца не как от Отца, но как Бога. Следовательно, Он должен исходить и от Сына, как Бога.

Ансельм был человеком непогрешимо правдивым, исключительно преданным истине, стойким перед лицом страданий. Его почитали как святого еще до официальной канонизации в 1494 г.¹³⁴² Данте помещает его в рай рядом с пророком Нафаном и Златоустом, которые оба были известны тем, что избличали пороки властителей, а также рядом с калабрийским пророком Иоахимом¹³⁴³.

Произведения. Главные труды Ансельма в области богословия — это его *Monologium* и *Proslogium*, где представлены доказательства существования Бога, а также *Cur Deus homo* («Почему Бог воочеловечился», трактат об искуплении). Он писал также о Троице против Росцеллина, о первородном грехе, о свободе воли, о гармонии предведения и предопределения и о грехопадении дьявола. К этим богословским трактатам следует добавить ряд произведений более практического характера, гомилий, размышлений и четырехста двенадцать посланий, из которых мы узнаем о разных сторонах его личности как прелата церкви, пастыря, учителя, дающего советы ученикам, и друга¹³⁴⁴. Переписка показывает Ансельма в его отношениях с людьми. Его размышления и молитвы свидетельствуют о глубине его благочестия. Его богословские трактаты подтверждают гениальность его ума. В плане объема они менее значительны, чем произведения Фомы Аквината и других схоластов более позднего периода.

Богословие. Ансельм был одним из редких людей, в которых возвышенные рассуждения сочетаются с детской верой. Любовь к Богу была центром его каждодневного существования, и та же самая любовь к Богу стала пылающим центром его богословия. Не сомнения побуждали его к рассуждениям, а восторженное отношение к истине и преданность Богу. Его знаменитая предпосылка, которую Шлейермахер сделал девизом собственного богословия, гласит, что вера предшествует знанию — *fides praecedit intellectum*. Божественное следует пережить, прежде чем оно сможет быть осмыслено разумом. «Тот, кто не верит, — говорил Ансельм, — не чувствует, а кто не чувствует, тот не понимает»¹³⁴⁵. Христос должен войти в разум путем веры, а не в веру путем разума¹³⁴⁶. С другой стороны, Ансельм был против слепой веры. Он считал грехом, если имеющий веру не стремится к знанию¹³⁴⁷.

Эти взгляды, в которых согласованы супернатурализм и рационализм, образуют действующий принцип богословия Ансельма. Два источника знания — это Библия и учение церкви. Они полностью соответствуют друг другу и не противоречат истинной философии¹³⁴⁸. Ансельм с глубоким почтением относился к великому африканскому учителю Августину, и согласие с последним в духе и методе привело к тому, что его называли «вторым Августином» и «языком Августина».

Ансельм внес два вечных вклада в богословие своим доказательством существования Бога и своей теорией искупления.

Сформулированный им онтологический аргумент ознаменовал новую эпоху в истории доказательств существования Бога. Он был впервые изложен в «Моно-

¹³⁴² См. цитаты в Freeman, *W. Rufus*, II. 661.

¹³⁴³ *Paradiso*, XII. 137.

¹³⁴⁴ Фримен делает экскурс на тему посланий Ансельма в своем *W. Rufus*, II. 570-588.

¹³⁴⁵ *Qui non crediderit, non experietur, et qui expertus non fuerit non intelliget* (*De fide trin.*, 2; Migne, 158, 264).

¹³⁴⁶ *Ep.*, II. 41; Migne, 158. 1193 (*Christianus per fidem debet ad intellectum proficere non per intellectum ad fidem*).

¹³⁴⁷ *Cur Deus homo*, I. 2; Migne, 158, 364.

¹³⁴⁸ Eadmer: *nihil asserere nisi quod aut canonicis aut Augustini dictis posse defendi videret*.

логе» (*Monologium*), который он называл примером рассуждения о разумности веры, хотя оно и смешивается там с космологическими элементами. Исходя из идеи, что благость и истина должны существовать независимо от конкретных вещей, Ансельм идет от представления о сравнительном благе и величии к Тому, Кто абсолютно благ и велик.

В «Обращении» (*Proslogium*, «Прослогий») онтологический аргумент представлен в чистейшей форме. Ансельм создал его из желания найти единственный довод, которого самого по себе было бы достаточно для доказательства существования Бога. Этот довод возник вследствие долгих размышлений и был основан на благочестии и молитве. День и ночь автора преследовала мысль о том, что Божье существование может быть доказано таким образом. Эта мысль беспокоила его до такой степени, что иногда он не мог спать и есть. Наконец, однажды ночью, во время бдения, аргумент ясно предстал перед ним в уже полностью разработанном виде. Ансельм записал его, пока он был еще свеж в его представлении. Первая копия была утеряна, а вторая неосторожно разорвана.

И доводу, который является высочайшим примером религиозного размышления и схоластического рассуждения, предпослано увещание и слова Ансельма: «Я не пытаюсь понять для того, чтобы поверить, но я верю для того, чтобы понять, ибо я уверен, что если я не буду верить, то я и не пойму».

Рассуждение начинается с представлений разума о Боге и переходит к утверждению о необходимости объективного существования Бога. Разум обладает представлением о чем-то величайшем, больше которого ничего нельзя вообразить¹³⁴⁹. Даже безумец обладает таким представлением о Боге, когда говорит: «Нет Бога» (Пс. 13:1). Он улавливает это представление, слушая, а, когда он улавливает его, оно присутствует в его разуме. Бытие, больше которого ничего нельзя вообразить, не может существовать только в уме. Ведь если бы оно существовало только в уме, то было бы возможно думать о нем как о существующем еще и в реальности, объективно, а тогда уже это объективное было бы чем-то большим¹³⁵⁰. А это невозможно. Следовательно, эта вещь, больше которой ничего нельзя вообразить, существует и в уме, и в реальности. Это Бог. «Воистину, — восклицает Ансельм, — Ты существуешь, о Господи Боже, так что невозможно представить Тебя как не существующего. Ибо если бы мой ум мог вообразить нечто лучшее, чем Ты, то творение вознеслось бы выше Творца и стало бы Его судьей, что в высшей степени абсурдно. Как не существующее можно представить все, но только не Тебя».

Этот силлогизм, компактно представленный и точно сформулированный, имеет, однако, один логический недостаток. Он наталкивает на вопрос. Его автор забывает о том принципе, что выводы из некоего определения действительны только в том случае, если предмет, указанный в определении, существует. Определение и утверждение Божьего существования зависят от основной предпосылки, что «существует нечто, больше которого ничего нельзя вообразить». Однако именно объективное бытие этой сущности Ансельм и хотел доказать. Даже если забыть об этом возражении, существует еще одно, роковое возражение: объективное существование — это не утверждение, не предикат. Объективное существование лишь предполагается во всех случаях, когда мы что-то утверждаем. Это

¹³⁴⁹ *Aliquid quo majus nihil cogitari potest.*

¹³⁵⁰ *Si vel in solo intellectu est, potest cogitari esse et in re, quod majus est.*

возражение было сформулировано Кантом¹³⁵¹. А кроме того, Ансельм смешивал как синонимы познание предмета и существующее в разуме понятие¹³⁵².

Рассуждения из *Proslogium* критиковал монах Гонилон из Мармонтье, возле Бека, в своей *Liber pro insipiente*. Он утверждал, что нельзя делать никаких выводов об объективной реальности на основании субъективного представления, поскольку таким методом мы можем доказать реальность любого представления, даже существование утонувшей Атлантиды. «Вещь, больше которой ничего нельзя вообразить», существует в нашем представлении точно так же, как существует в нашем представлении этот остров. Мы должны знать о реальном существовании вещи, прежде чем делать о ней какие-то выводы. Ансельм ответил на возражение Гонилона, что представление о потерянном острове — это не обязательное представление, в то время как идея высшего бытия — обязательна, и его довод относится только к ней.

Хотя довод Ансельма неприемлем логически, он обладает определенной привлекательностью и содержит в себе великую истину. Бытие Бога интуитивно ощущается разумом, что может быть объяснено только объективным существованием Бога. Современное богословие соответствий помогает вскрыть то, что в конечном итоге наиболее важно в изложении Ансельма, а именно — что идея Бога в уме должна соответствовать Богу, Который реально существует. В противном случае мы сталкиваемся с тайной, вероятно, еще более великой: как такая идея вообще могла овладеть человеческим умом¹³⁵³.

Учение об искуплении. С *Cur Deus homo* («Почему Бог воочеловечился») открывается новая глава в развитии учения об искуплении. Этот трактат, написанный в форме диалога, — самый совершенный труд Ансельма, и его автор полагал, что приведенных там доводов достаточно, чтобы опровергнуть возражения иудеев и язычников против христианской системы.

Ансельм первым попытался доказать необходимость воплощения и смерти Сына Божьего в категориях чистого разума. Он утверждал, что мир не мог быть искуплен ни произвольным Божиим постановлением, ни через человека или ангела. Человек находится во власти дьявола. Он заслуживает наказания и подвергается ему справедливо. Но дьявол мучает его незаконно¹³⁵⁴, ведь он делает это не властью Бога, а из коварства. И рукописание против грешника (Кол. 2:14) было

¹³⁵¹ Фома Аквинат говорил, что, даже если имя Бога значит *illud quo majus cogitari non potest*, исходя из этого все равно нельзя было бы заявлять о реальном существовании Бога, ибо атеист отрицает, что существует *aliquid quo majus cogitari non potest* (*Summa*, I. ii. 2). Гегель отвечал Канту, что *Begriff an und für sich selbst enthält das Sein also eine Bestimmtheit*. Профессор Э. Кэирд в статье *Anselm's Argument for the Being of God* (*Journal of Theolog. Studies*, 1900, pp. 23-39) подводит итоги возражений против аргумента Ансельма, говоря: «Это схоластическое искажение идеи, которая впервые была представлена в философии Платона» и т. д. Ритчль в *Justification and Reconciliation* (p. 217) делает такое же возражение, говоря, что Ансельм пугает реальность и мысль.

¹³⁵² *Intelligere et in intellectu esse*.

¹³⁵³ Подробно об истории онтологического аргумента рассказывается в Köstlin, *D. Beweise fürs Dasein Gottes*, в *Studien u. Kritiken*, 1875, 1876. Также Ruze, *D. ontol. Gottesbeweis seit Anselm*, Halle, 1882.

¹³⁵⁴ *Quamvis homo juste a diabolo torqueretur, ipse tamen illum injuste torquebat*, etc., I. 7; Migne, 158. 367 sq. Затем Ансельм вновь возвращается к этой теме (II. 20; p. 427 sq.) и говорит, что Богу не обязательно было спускаться в мир, чтобы победить дьявола, или осудить его для освобождения человека. Бог ничего не был обязан делать по отношению к дьяволу, кроме как наказать его, а человек не должен был делать по отношению к дьяволу ничего, кроме того, что сам дьявол сделал по отношению к человеку, — то есть подчинить его, подобно тому как был подчинен сам человек. И все то, чего требовал дьявол, человек получал от Бога, а не от дьявола.

не предназначениями дьявола, а приговором Бога, согласно которому согрешивший должен был оказаться рабом греха.

Бог не может позволить, чтобы Его изначальный замысел нарушился. Грех должен быть прощен, но как? Человек должен повиноваться Божьей воле. Грешить — значит отказывать Богу в почестях, которые полагается воздавать Ему¹³⁵⁵. Для того чтобы было возможно прощение, надо удовлетворить справедливость. Но простого воздаяния недостаточно. За свою «дерзость» человек должен отдать больше, чем забрал. Он должен компенсировать почести Богу¹³⁵⁶. Тот, кто нанес рану, должен не только исцелить ее, но и возместить ущерб, чтобы удовлетворить требования поруганной чести.

Таким образом, всякий грех должен либо повлечь за собой наказание, либо быть возмещен. Может ли человек возместить его? Нет. Если бы человек мог жить в совершенной святости с того момента, как осознал свой долг, так он бы просто выполнял свои обязанности на этот период, а долги прошлых грехов оставались бы невозмещенными. Да и грех, поразивший человеческое существо полностью, не позволяет человеку вести совершенный образ жизни.

Следовательно, человек не может удовлетворить Божью справедливость. Он должен, но не может. А Бог не обязан, но делает. Ибо Бог не хотел бы, чтобы человек, самое драгоценное из Его творений, погиб. Так как Сам Бог должен принести удовлетворение, а сделать это должен человек, то удовлетворение должно быть принесено Тем, Кто одновременно Бог и человек, то есть Богочеловек¹³⁵⁷.

Для того чтобы принести удовлетворение, Богочеловек должен отдать Богу то, что Он не обязан отдавать. Он и так живет в совершенном подчинении. И Он не обязан идти на смерть, потому что смерть — наказание за грех, а Он безгрешен. Принимая смерть, Он обретает заслугу. Так как ценность этой заслуги, которая связана с личностью бесконечного Сына Божьего, также бесконечна, то она покрывает безграничную вину грешника и приносит требуемое удовлетворение.

Ансельм завершает свой трактат рассмотрением вопроса, почему Христос не спас дьявола и его ангелов. Он отвечал, что их вина и греховное состояние не происходят от отдельной личности, как человеческие вина и грех происходят от одного Адама. Каждый из них грешит сам по себе. По этой причине для спасения каждого из них потребовалось бы по отдельному Богоангелу. Заявив, что спасение павших ангелов невозможно, Ансельм завершает труд словами: «Я объясняю невозможность этого не той причиной, что ценность смерти Христа недостаточно велика, чтобы искупить все грехи людей и павших ангелов, а причиной неизменного порядка вещей, который препятствует спасению павших ангелов»¹³⁵⁸.

Заслуга Ансельма в том, что он объяснил необходимость *страданий* Христа, в то время как Афанасий и Августин делали акцент на необходимости *искупления* через страдания Христа. Он оказал также ценнейшую услугу, опровергнув

¹³⁵⁵ *Non aliud est peccare quam Deo non reddere debitum* (I. 11; Migne, p. 376).

¹³⁵⁶ *Pro contumelia illata plus reddere quam abstulit... Debet omnis qui peccat, honorem quem rapuit, Deo solvere et haec est satisfactio quam omnis peccator Deo debet facere.*

¹³⁵⁷ *Satisfactio quam nec potest facere nisi Deus nec debet nisi homo, necesse est ut eam faciat Deus-homo* (II. 6; Migne, p. 404).

¹³⁵⁸ II. 22; Migne, 158. 431. Остается спорным, опирался Ансельм на учение о наказаниях, переданное от отцов церкви, или же на германский закон с его *Wehrgeld*, долгом чести, или же на то и другое. А возможно, что система церковных наказаний повлияла на рыцарские представления о чести. Harnack (*Dogmengesch.*, III. 252 sq.) и Ritschl (*Justification, etc.*, p. 263) возражают против аргумента Ансельма, поскольку он основан на «представлениях о Божьей справедливости, которая предполагает равенство частных прав Бога и человека».

мнение отцов церкви о том, что смерть Христа была выкупом, уплаченным сатане. Даже Августин говорил о правах дьявола. Опять же, Ансельм уделил должное внимание вине грешника. Он представил ее не как заблуждение, а как нарушение закона, лишение Бога почестей, которые должны Ему воздаваться.

Тема искупления не исчерпывается аргументацией *Cur Deus homo*. Ни одна теория не может объять всего ее смысла. После эпохи Ансельма стали подчеркиваться определенные библейские особенности, которым Ансельм не уделял внимания. Каждая творческая эпоха вносила свой вклад в богословие, выделяя то один, то другой аспект неизменной библейской истины. Разные теории занимают свое место как фрагменты общей картины истины. Ансельм рассматривал искупление с точки зрения, скорее, юридической, чем моральной. Он придавал непропорционально большое значение вопросу справедливости. Отношения человека и Бога рассматривались им как отношения подчиненного к начальнику. Отцовство Бога не получило адекватного выражения. Творец человеческого искупления у него — Бог Владыка и Судья. Ансельм забывал об Ин. 3:16 и притче о блудном сыне¹³⁵⁹.

Ансельм как мистик. У Ансельма мистика сочеталась со схоластикой, благочестивая вера — с возвышенными рассуждениями, молитва — с логическим анализом. Его глубоко духовная натура проявляется во всех его произведениях, но особенно в таком труде, как «Размышления и молитвы»¹³⁶⁰. Было бы ошибкой пренебрегать ими, обращая внимание только на богословские произведения Ансельма.

Духовные рассуждения этого схоласта полны великолепных высказываний, исходящих из внутренней сиюминутности его сердца. Он то теряет, предаваясь созерцанию божественных качеств, то жалуется на мертвенность и заблудшее состояние человека. То он парит в потоках восхваления и поклонения, то молит о милосердии и прощении. Он описывает трагедию креста или радости искупленных, а затем рассуждает об ужасах суда и безнадежном состоянии грешников. Редко можно встретить такую смесь страстных чувств с возвышенными рассуждениями. Никто из великих персонажей средних веков, за исключением Бернара, не превосходит его как мистика. Часто он напоминает нам Бернара, например, когда восклицает: «О добрый Иисус, как сладок Ты для сердца того, кто думает о Тебе и любит Тебя!»¹³⁶¹ Или когда он восклицает в своем десятом размышлении: «О благословенный Иисус, снисходительный Господь, святой Учитель, со сладкими устами, сладким сердцем, сладкий для слуха, непостижимо, неизреченно кроткий, жертвенный, милостивый, мудрый, могущественный, сладчайший и любезнейший — *valde dulcis et suavis!*» Возвышенность мыслей Ансельма можно сравнить с горами его родного края, а обилие духовных чувств —

¹³⁵⁹ Гарнак подробно обсуждает аргументацию Ансельма (*Dogmengesch.*, III. 341-358) и, указывая на его заслуги и недостатки, делает вывод, что недостатков у него намного больше, чем заслуг. Другими словами, теорию Ансельма вообще не стоит брать в расчет (*die Theorie ist völlig unannehmbar*). И Гарнак говорит, что не стоило бы столько говорить о недостатках, если бы богословие в наше время не погрязло в традиционализме и не пренебрегало бы всеми канонами Евангелия — этическими, логическими и культурными. Он считает кошмарной саму мысль о том, что Бог не может простить из чистой любви и должен получить жертву для удовлетворения Своей чести. Сам по себе аргумент Ансельма не заслуживает столь строгой критики, а если принимать во внимание другие его произведения и его собственный характер, мы можем снять выдвигаемые против него обвинения.

¹³⁶⁰ *Meditationes seu Orationes*, Migne, 158. 709-1014. См. Hasse, I. 176-232.

¹³⁶¹ *Jesu bone, quam dulcis es in corde cogitantis de te et diligentis te* (Migne, 158. 770).

с потоками и лугами долин. Он вновь и вновь цитирует Писание, излагая свои мысли на его языке.

В первом размышлении Ансельм делает знаменитое сравнение человеческой жизни с переходом через хрупкий мост, висящий над глубокой и зловещей пропастью, полной всевозможных ужасов и чудищ¹³⁶². Ширина этого моста — всего один фут. Какое отчаяние охватывает того, кому нужно пересечь его с завязанными глазами и связанными руками, не имея возможности даже воспользоваться посохом! А насколько ужаснее становится путь, когда громадные птицы летают в воздухе, стараясь наброситься на путника и сбить его! Но ему становится намного страшнее, когда при каждом шаге из-под ног его падают вниз камни! Пропасть — это ад, бездонный, ужасный от клубов черного, мрачного дыма!¹³⁶³ Хрупкий мост — это наша жизнь на земле. Тот, кто живет неправильно, сваливается в пропасть. Падающие камни — отдельные дни земного существования человека. Птицы — злые духи. А мы, путники, ослеплены невежеством, и наши благие помыслы скованы железными обручами невзгод. Так разве не стоит обратить взоры на Господа, Который «свет мой и спасение мое: кого мне бояться?» (Пс. 26:1).

Молитвы обращены к Сыну и Духу, а не только к Отцу. К ним добавляются просьбы, обращенные к Деве, которую Ансельм награждает самыми почетными титулами, и к святым. В этом отношении Ансельм был в полной мере сыном своей эпохи.

Эти молитвенные упражнения, литургия души Ансельма, — кладезь благочестивой мысли, который все еще не оценен по достоинству. Мистический элемент делает Ансельму больше чести, нежели его богословские трактаты, несмотря на их превознесенность и важность¹³⁶⁴.

§99. Петр Абеляр

ЛИТЕРАТУРА. Труды АБЕЛЯРА: первое издание — DUCHESNE, Paris, 1616. COUSIN: *Ouvrages inédites d'Abélard*, Paris, 1836, содержит *Dialectica* и *Sic et Non*; также *Opera omnia*, 2 vols. Paris, 1849 — 1859. Воспроизведено в Migne, vol. 178. — R. STÖLZLE: *De unitate et trinitate divina*, первое издание, Freib. im Br., 1891. — Издание его посланий — R. RAWLINSON, Lond., 1718. Англ. перев. *Letters of Abaelard and Heloise*, в Temple Classics.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ. Автобиография Абеляра: *Hist. calamitatum*, в Migne, 178. 113-180. — BERENGAR: *Apologeticus contra Bernardum*, etc., в Migne, 178. 1856 — 1870. — Послания Бернара, цит. ниже. — ОТТОН ФРЕЙЗИНГЕНСКИЙ: *De Gestis Frid.*, 47 sqq. — ИОАНН СОЛСБЕРИЙСКИЙ: *Metalog.* и *Hist. Pontificalis*. — Современные жизнеописания: А. F. GERVAISE, Paris, 1728; COUSIN, в *Ouvrages*, 1836; WILKINS, Göttingen, 1855; CH. DE RÉMUSAT, Paris, 1845, 2 vols., новое издание, 1855; O. I. DE ROCHELY (*Abél. et le rationalisme moderne*), Paris 1867; BONNIER (*Abél. et S. Bernard*), Paris, 1862; VACANDARD (*P. Abél. et sa lutte avec S. Bernard*), Paris, 1881; *S. M. DEUTSCH (*P. Abael., ein kritischer Theologe des 12ten Jahrh.*, лучшее изложение системы взглядов Абеляра, Leip., 1883; A. HAUSRATH, Leip., 1893; JOSEPH МССАВЕ, London, 1901. — E. KAISER: *P. Abél. Critique*, Freib., 1901. — История Абеляра и Элоизы была отдельно рассказана в MAD. GUIZOT, 2 vols., Paris 1839; JACOBI, Berl., 1850; WRIGHT, New York, 1853; KANNIS, Leip., 1865, etc. — COMPAYRÉ, *Abél. and the*

¹³⁶² Rule (I. 48) делится личными ощущениями от древнего и вызывающего головокружение моста над горным потоком недалеко от Аосты (le Pont de l'Aël), который, по его словам, Ансельм представлял, когда создавал свое описание.

¹³⁶³ *Sine mensura profundum, et tenebrosa caligine horribiliter obscurum* (Migne, 158, 719).

¹³⁶⁴ Схоласты более позднего периода, вопреки ожиданию, не опирались на богословие Ансельма. Однако его часто цитировали, например, Фома Аквинат и Альберт Великий (*Summa*, I. 3, 13, etc., Borgnet ed., XXXI. 60, 69, 326).

Orig. and Early His. of Universities. — R. L. POOLE: P. Abailard в *Illustrations of Med. Thought*, Lond., 1884, pp. 136-167. — STÖCKL: *Phil. des Mittelalters*, I. 218-272. — DENIFLE: *D. Sentenzen d. Abael. und die Bearbeitungen seiner Theologie vor Mitte des 12ten Jahrh.* в *Archiv für Lit. und Kirchengesch.*, etc., 1885, pp. 402-470, 584-624; HEFELE, *Councils*, V. 451-488. — Истории философии: UEBERWEG — HEINZE и RITTER — Жизнеописание святого Бернара: NEANDER, I. 207-297; II. 1-44; MORISON, 254-322; VACANDARD, II. 120-181. — Истории учения: SCHWANE, HARNACK, LOOFS, FISHER, SEEBERG, SHELDON.

В первой половине XII века Петр Абеляр (1079 — 1142) был одной из самых выдающихся личностей Европы. Он прославился своим блестящим интеллектом. Он сильно отличался от Ансельма. Ансельм был конструктивным богословом, Абеляр — критиком. Ансельм был осмотрительным, Абеляр — резким и импульсивным. Ансельм предпочитал уединение, Абеляр искал известности. Среди учителей, оказывавших магнетическое влияние на слушателей, Абеляр занимал первое место. Вероятно, во Франции ему не было равных. Некоторые из его богословских рассуждений опережали эпоху. Его личные неурядицы придают его биографии романтический оттенок, что не характерно ни для одного другого схоласта. Дерзкий мыслитель, неустанно деятельный, он был нестабилен в плане верований и морально непостоянен. Главный источник, из которого мы узнаем о его жизни, — это «История бедствий», написанная им лично в форме послания (*Historia calamitatum*, Migne, 178. 113-180).

Абеляр, старший сын рыцаря, родился в селении Пале или ле Палле, в нескольких милях от Нанта. Его настоящее имя было Пьер де Пале. Его родители ушли в монастырь. Сначала учителем Абеляра был Росцеллин. Он слушал Гильома из Шампо, возглавлявшего тогда кафедральную школу в Париже, а вскоре начал твердо возражать против его учения¹³⁶⁵. Потом он основал независимые школы в Мелене и Корбее. Какое-то время он болел, живя в отчем доме, потом вернулся в Париж. Он снова слушал курс Гильома по риторике, но открыто выступил против его взглядов и учил на холме Св. Женевьевы, покрытой тогда виноградниками. Абеляр писал, что почти все студенты ушли из кафедральной школы на гору Женевьевы. Затем он учился у Ансельма Лаонского, который вместе со своим братом Ральфом прославил школу Лаона. Абеляр опять выступил против своего учителя, говоря, что его речи — чудесный поток слов, но без единой мысли. Зажигая огонь, он наполняет весь дом дымом¹³⁶⁶. Он подобен бесплодной смоковнице, которая может произвести листья, и ничего больше. В Лаоне Абеляр начал читать собственные лекции о Иезекииле.

Но настал и его счастливый час, когда он получил возможность руководить кафедральной школой в Париже. Гильом из Шампо удалился в Сен-Виктор, а потом стал епископом. Последующие годы были самыми блестящими в карьере Абеляра. Казалось, весь мир воздает ему почести. Студенты стекались отовсюду, чтобы послушать его. Он читал лекции по философии и богословию. Он был хорошо знаком с классической и священной литературой. Его диалектические способности созрели, и, когда ему не хватало доводов, его выручали воображение и красноречие учителя. Его книги читали не только в школах и монастырях, но и в замках и гильдиях. Гильом из Тьерри говорил¹³⁶⁷, что они были известны за

¹³⁶⁵ С этого момента и с враждебного отношения Гильома он начинает перечислять свои несчастья. *Hinc calamitatum mearum quae nunc perseverant coeperunt exordia et quo amplius fama extendebatur nostra, aliena in me succensa est invidia* (Migne, p. 116).

¹³⁶⁶ *Verborum usum habebat mirabilem, sed sensu contemptibilem et ratione vacuum* (Migne, p. 123).

¹³⁶⁷ *Ер.*, 326; «Труды св. Бернара», Migne, 182. 531.

морями и по ту сторону Альп. Когда Абеляр приезжал в какой-нибудь город, люди толпами собирались на улицах и вытягивали шеи, чтобы увидеть его. То замечательное воздействие, которое он оказывал на людей, объясняется не столько интеллектуальной глубиной его трудов, сколько дерзновением, литературным талантом и блеском. Он привлекал к себе людей, и, возможно, Бернар имел в виду именно это, когда говорил, что Абеляр внешнею Иоанн, а сердцем — Ирод¹³⁶⁸. Его утверждения были понятны. Он использовал умелые сравнения и часто цитировал Горация, Овидия и других латинских поэтов. К этим качествам прибавлялась жизнерадостность, которая проявлялась в сочинении песен и пении, и это делало его привлекательным для женщин, о чем, в более поздние годы, напоминала ему Элоиза¹³⁶⁹.

Он был на пике популярности, когда случилась трагедия его жизни, связь с Элоизой, которую Ремюза называет «первой из женщин»¹³⁷⁰. Эта выдающаяся французка средних веков предстает перед нами осененная ореолом почти что королевского достоинства, в то время как ее обольститель за свое отношение к ней поплатился уважением всех, кто предпочитает мужскую силу и честь дарованию ума, сколь бы блестящим оно ни казалось.

Элоиза, вероятно, была дочерью каноника и жила в Париже со своим дядей Фульбером, также каноником. Когда Абеляр познакомился с ней, ей было семнадцать лет, она была привлекательна и весьма одарена. Абеляр добился того, что Фульбер принимал его в своем доме как учителя Элоизы. Элоиза до этого побывала в монастыре Аржантей. Встречи учителя и ученицы превратились во встречи влюбленных. Абеляр писал, что над открытыми книгами произносилось больше слов любви, чем обсуждений, и дарилось больше поцелуев, чем наставлений. О них ходили слухи по всему Парижу. Фульбер был в ярости. Абеляр отослал Элоизу к своей сестре в Бретань, где она родила сына, названного Астралабием¹³⁷¹. Абеляр выразил согласие на бракосочетание, хотя и тайное, чтобы задобрить Фульбера. Публичного же бракосочетания быть не могло, оно было бы бесчестьем для Абеляра, в чем он сам открыто признается¹³⁷².

«История моих бедствий» не оставляет сомнений в том, что согласие Абеляра на брак объяснялось страхом, а не чувством должного уважения к Элоизе или правильным представлением о женщине и браке. Разве согласуются, писал он, «занятия с выкармливанием младенца, писчие материалы — с колыбелями, книги и письменные столы — с прялками, перья и чернила — с веретеном?! Кто, настроившийся на священные и философские размышления, мог бы вынести вопли детей, колыбельные няnek и шум мужской и женской толпы?! Кто вынес бы неприятную и постоянную грязь от маленьких детей?!»

Тайное бракосочетание Абеляра состоялось, так как на нем настаивали родственники Элоизы. Но это была в лучшем случае формальная церемония, потому что Элоиза упорно отрицала, что она — жена Абеляра. С ошибочной, но великолепной твердостью она отказывалась вступать с ним в брак, считая, что брак

¹³⁶⁸ Ремюза приводит привлекательное описание его внешности (I. 43 sq.).

¹³⁶⁹ *Ep.*, II; Migne, 178, 188.

¹³⁷⁰ См. его описание, I. 47 sqq.

¹³⁷¹ Сохранилось письмо Абеляра к сыну. Из него видно, что он любил мальчика. Отец призывает сына изучать Писание. В 1150 г. некий Астралабий упоминается как участник нантского капитула. Hausrath (p. 173) полагает, что это был сын Абеляра.

¹³⁷² *Ut amplius mitagarem, obtuli me ei satisfacere eam scilicet quam corruperam mihi matrimonio copulando, dummodo id secreto fieret, ne famae detrimentum incurrerem* (Migne, p. 130).

помешает его карьере. В одном из посланий к нему она писала: «Если тебе имя жены кажется более подходящим, то для меня всегда более дорого слово “друг”, а если же оно тебе не нравится, пусть это будет имя сожительницы или блудницы (*concupina vel scortum*). Я призываю Бога в свидетели, что, если бы Август пожелал отдать в мою власть весь мир, попросив меня вступить в брак, я предпочла бы быть твоей любовницей (*meretrix*), чем его императрицей (*imperatrix*). Тебя привлекла ко мне твоя страсть, а не твоя дружба, пыл желаний, а не любовь»¹³⁷³.

Абеляр отослал Элоизу в Аржантей, и она приняла постриг. Он тайно посещал ее, и тогда Фульбер отомстил ему. Вступив в сговор со слугой Абеляра, он ночью напал на него и оскопил его. Униженный таким образом, Абеляр вступил в монастырь Сен-Дени (1118) — не из порыва благочестия, а по необходимости¹³⁷⁴. Он стал равнодушен к Элоизе.

Затем Абеляра ждали новые испытания — обвинение в ереси. Его обвинили в савелиианском взгляде на Троицу в Суассоне (1121) перед папским легатом. Обвинение выдвинул Росцеллин, его прежний учитель. Абеляр жалуется, что на суд и его решение повлияли два его врага, Альберих и Лотульф, учителя из Реймса. Его обязали сжечь свою книгу¹³⁷⁵ и публично прочесть текст Афанасьевского символа веры.

У него снова возникли трудности, когда он выступил против распространенного верования, основанного на утверждении Беда, что Дионисий, или святой Денис, покровитель Франции, был тем самым Дионисием, которого Павел обратил в Афинах. Монахи Сен-Дени были возмущены его позицией. Он бежал, забрал свои слова обратно, затем, с позволения Сугерия, нового аббата Сен-Дени, обосновался на просторах Шампани и построил часовню, которую назвал в честь третьей ипостаси Троицы, Параклета. Вокруг него снова стали собираться ученики. Первоначальное строение из тростника и соломы было заменено прочным каменным, но старые соперники, говорит он, опять начали преследовать его, как в древности еретики преследовали святого Афанасия. Против него выступили «некие церковные деятели» — предположительно Норберт, основатель ордена премонстрантов, и Бернар Клервоский. Абеляр, возможно, не слишком сильно себя принижая, говорит, что в сравнении с ними он кажется муравьем рядом со львами. В этих обстоятельствах он получил известие об избрании его аббатом монастыря Сен-Жиль на побережье его родной Бретани. Он отправился туда, говоря, что «зависть франков погнала его на Запад, подобно тому как зависть римлян погнала Иеронима на Восток».

Абеляр описывает монахов Сен-Жиля как толпу отъявленных негодяев. У них были жены и дети, которые жили на территории монастыря. Они обращались с новым аббатом пренебрежительно и жестоко — по крайней мере, дважды покушались на его жизнь. Один раз они хотели его отравить. Он жаловался на бесплодие своего окружения. Бернар описывал Абеляра как аббата без дисциплины. В отчаянии Абеляр бежал и, как он говорил, «стараясь избежать одного

¹³⁷³ *Concupiscentia te mihi potius quam amicitia sociavit, libidinis ardor potius quam amor* (Ep., II; Migne, p. 186).

¹³⁷⁴ Deutsch, p. 35 (*So war Abaelard Mönch geworden, nicht von innerem Verlangen getrieben, etc.*). Его отношения с Элоизой, возможные, когда он был учителем, теперь оказались невозможными.

¹³⁷⁵ *Introductio in theologiam*. Абеляр — наш главный источник сведений об этом суде (*Hist. Calam.*, Migne, pp. 141-150). См. Оттона Фрейзингенского.

меча, подставился под другой». Здесь его автобиография заканчивается, и мы мало знаем о жизни ее автора до 1136 г.¹³⁷⁶

Тем временем аржантейских монашек выгнали из монастыря. В 1127 г. Абеляр поручил Элоизе заботу о часовне Параклета, которая стала процветать под ее руководством. В течение долгого времени он хранил молчание, но время от времени посещал Параклет и читал проповеди монашкам. Элоиза получила «Историю бедствий» и написала ему, обращаясь как к «своему господину, или, скорее, отцу, мужу, или, скорее, брату, от его служанки, или, скорее, дочери, супруги, или, скорее, сестры». С ее первыми двумя письмами вряд ли могут сравниться какие-либо послания в истории, такая в них присутствует самозабвенная и пылкая преданность. Она молила его написать ей. Разве она не принесла всю свою жизнь на алтарь ради его блага? Разве она не повиновалась ему во всем и хоть в чем-нибудь его оскорбила?

Абеляр отвечал Элоизе как главной монахине Параклета, но ничуть не более того. Он адресовал ей проповедь о молитве, призывая молиться за монахинь от его имени, и велел, чтобы его тело было похоронено в Параклете. Он радовался, что связь Элоизы с ним мешает ей вступить в брак и рожать детей. Так она сможет вести более возвышенную жизнь и быть матерью многих духовных дочерей. Элоиза задавала ему массу вопросов о трудных местах Писания и практических проблемах повседневной жизни и монашеского платья — чтобы обеспечить постоянную переписку между ними. Абеляр отвечал, адресуя монашкам длинные и строгие правила. Он призывал их, прежде всего, изучать Писание и подражать Иерониму, который в конце жизни выучил еврейский язык. Он посылал им проповеди, семь из которых были прочитаны в Параклете. Он хотел, чтобы недалеко от Параклета был создан мужской монастырь. Монахи и монашки должны были помогать друг другу. Аббат должен был возглавлять обе организации. Монахини должны были стирать и готовить для монахов, доить коров, кормить цыплят и гусей.

В 1137 и снова в 1139 г. мы неожиданно обнаруживаем Абеляра на Сен-Женевьев наслаждающимся в течение какого-то времени сверкнувшей, как метеор, славой. Иоанн Солсберийский был одним из его учеников. Мы не знаем, как произошла эта перемена, но Абеляру не суждено было долго наслаждаться миром. Начался последний эпизод его карьеры. Бернар в это время был самым известным религиозным деятелем Европы, Абеляр — самым выдающимся философом. Один был представителем церкви и церковного авторитета, другой — свободы мысли. Стычка между ними близилась, хотя мы не можем считать исторической неудачей то, что эти два человека столкнулись на поле спора и на церковных синодах. История хранит верность себе тогда, когда представляет людей именно такими, какими они и были. Она ничему не учит, если не пользуется возможностью представить слабости великих людей, а не только их добродетели.

Абеляр, самоуверенно отстаивавший свои права, был виновен в конфликте в той же мере, в какой и Бернар, без должных оснований вступивший на территорию Абеляра. Гильом, аббат Сен-Тьерри, обратился к Бернару и Жеоффруа, епископу Шалона, с письмом, в котором заявлял, что Абеляр снова учит доктринальным новшествами и пишет труды о них. И это были не маловажные пробле-

¹³⁷⁶ Абеляр заканчивает свою автобиографию заявлением, что, подобно новому Каину, он скитается по земле, беглец и странник, но цитирует также отрывки о Божьем провидении и о том, что любящему Его все способствует ко благу.

мы, а учения о Троице, о личности Христа, о Святом Духе и о Божьей благодати. Они даже милостиво принимались римской курией. Гильом насчитал не менее тринадцати заблуждений¹³⁷⁷.

Первым открытым признаком антагонизма было послание Абеяра, полное самомнения. Посетив Элоизу в Параклете, Бернар в молитве Господней использовал выражение «хлеб сверхсущностный» (*supersubstantial*) вместо «хлеб насущный», как указано у Луки. Абеяр узнал об этом от Элоизы и, готовый поссориться с Бернаром, написал ему, давая понять, что тот заблуждается. Абеяр в ответ саркастически указывает, что в Клерво приняты новшества, не существующие больше нигде в церкви. Там поют новые гимны и не используют ходатайственные молитвы, как будто монахи-цистерцианцы, в отличие от остальных людей, не нуждаются в ходатайствах¹³⁷⁸.

Насколько нам известно, Бернар не ответил на это письмо, а какое-то время спустя откликнулся на просьбу Гильома из Тьерри, посетил Абеяра в Париже и попытался получить от него обещание, что тот раскается в своих заблуждениях¹³⁷⁹.

Разногласия привели к открытому конфликту на синоде в Сансе (1141), где Абеяр попросил представить его дело, чтобы он мог встретиться с Бернаром в споре. На синоде, похоже, присутствовал Арнольд Брешианский¹³⁸⁰. Бернар был окружен друзьями и поклонниками. У Абеяра было мало друзей. К нему с самого начала отнеслись с подозрением. Бернар воспользовался всем своим влиянием, выступая против Абеяра. Он призвал вмешаться епископов, как друзей Христа, невеста которых взывает к ним о помощи из чащи ересей. Он писал к кардиналам и Иннокентию III, называя Абеяра прожорливым львом и драконом. С Арнольдом в качестве оруженосца Абеяра, как новый Голиаф, бросал вызов полкам Израиля, а Бернар чувствовал себя младенцем по части диалектических навыков.

На предварительном собрании епископов Бернар изложил дело и, очевидно, было принято, по крайней мере, неформально, решение осудить Абеяра¹³⁸¹. На

¹³⁷⁷ *Ep. Bernardi*, 326; Migne, 132. 531 sqq. Гильом послал Бернару *Theologia* и другие труды Абеяра в подтверждение своих обвинений. Он боялся, что Абеяр превратится в «дракона», с которым никто не сможет справиться. Куттер в своем *Wilhelm von St. Thierry* (pp. 34, 36, 43, 48) настаивает, возражая Дейчу, что именно Гильом был инициатором суда над Абеяром, последовавшего вскоре, а Бернар предпочитал молчание и мир конфликту и его побудил к действиям только призыв Гильома.

¹³⁷⁸ *Ep. Abael.*, X; Migne, 178. 335.

¹³⁷⁹ Биограф Бернара Гофрид говорит, что Абеяра обещал покаяться. В изложении обвинений, выдвинутых в Сансе, о таком обещании не упоминается, что трудно объяснить, если такое обещание на самом деле было дано (см. Remusat, I. 172, и Poole, p. 163).

¹³⁸⁰ *Ep. Bernardi*, 189; Migne, 182. 355. Бернар описывает собрание и говорит об опасности влияния Абеяра (*Epp.* 187-194, 330-338). Об этом суде см. мою статью «St. Bernard the Churchman» в *Princeton Rev.*, 1903, pp. 180 sqq.

¹³⁸¹ Об этом предварительном собрании мы узнаем от Беренгара и из отрывка у Иоанна Солсберийского (*Hist. Pontif.*, chap. VIII. 9). Иоанн, описывая суд над Жильбером из Пуатье, говорит, что Бернар хотел рассмотреть дело Жильбера на предварительном заседании точно так же, как он сделал в случае с Абеяром (*arte simili magistrum Petrum agressus erat*). Защита Абеяра Беренгаром подливает масла в огонь (Migne, 178. 1858 sqq.). Беренгар сообщает, что епископы и Бернар подогревали себя вином на предварительном заседании, когда они приняли решение против Абеяра. Подробности его рассказа и его обвинения против Бернара совершенно не соответствуют тому, что мы знаем об этом персонаже из других источников. Дейч (Neander, *St. Bernard*, II. 1 sqq.) не считает возможным снять с Бернара обвинения в несправедливости за его участие в собрании, как делает Вакандар.

следующий день Бернар публично представил обвинения, но, к великому удивлению присутствующих, Абеляр отказался защищаться и предоставил дело на усмотрение папы. Когда Жильбер из Пуатье проходил мимо Абеляра, тот шептал строки из Горация: *Nam tua res agitur, paries cum proximus ardet* («Забиться о своем хозяйстве, когда пожар у соседа»).

Дело должны были передать в Рим. Абеляр, без сомнения, чувствовал, что не может надеяться на прелатов¹³⁸². Но он мог ждать милостивого отношения от Иннокентия II, сторону которого он принял против антипапы Анаклета, и у него были друзья в курии. Синод призвал верховного понтифика заклеить ереси Абеляра вечным осуждением (*perpetua damnatione*) и наказать их защитников. Обвинения, числом четырнадцать, касались Троицы, природы веры, власти и деяний Христа и природы греха¹³⁸³. Бернар направил папе синодальное послание, в котором излагал дело (занимает у Миня сорок колонок), а также послания к кардиналам, полные пылких обвинений против Абеляра. Абеляр и Арнольд Брешианский вступили в сговор. Абеляр встал на сторону Ария — он выделяет степени внутри Троицы, на сторону Пелагия — он ставит свободу воли перед благодатью, и на сторону Нестория — он разделяет личность Христа. Он называл себя монахом и выглядел как монах, но в душе был еретиком. Он появился из Бретани, как ядовитая змея выползает из норы, и у него, как у гидры, выросло семь голов там, где прежде была одна¹³⁸⁴. В послании к папе Бернар утверждал, что Абеляр не знает только одного — слова «не знаю» (*nescio*).

Суд наступил быстро и был сокрушителен. Десяти дней оказалось достаточно. Четырнадцать статей были сожжены папой собственноручно перед собором Св. Петра в присутствии кардиналов. Сам Абеляр был объявлен еретиком и был осужден на постоянное молчание и заключение. Несчастный отправился в Рим и только начал свое путешествие, когда до него дошла весть о приговоре. Он остановился в Клуни, где встретил самого полезного друга в своей жизни, Петра Достопочтенного. По ходатайству Петра Иннокентий позволил бездомному ученому оставаться в Клуни, где когда-то жил сам папа.

Следуя совету Петра, Абеляр снова встретился с Бернаром лицом к лицу. Отстаивая свою ортодоксию в послании к Элоизе, он утверждал, что принимает все положения церкви, от учения о Троице до воскресения мертвых. Но, как и в случае с Иеронимом, каждый, кто много пишет, бывает неправильно понят.

¹³⁸² Это вполне соответствует рассказу Отгона Фрейзингенского, беспристрастного свидетеля, который сообщает, что Абеляр отказался защищаться в споре, так как опасался народного бунта.

¹³⁸³ Migne, 182. 1049-1051. Также Hefele, V. 463 sqq.

¹³⁸⁴ *Ep.*, 331; Migne, 182. 537. Есть девять писем к кардиналам (188, 192, 193, 331-335, 338). Самое длинное письмо адресовано папе (190; Migne, 182. 1051-1071). Страстный характер посланий привел к тому, что в определенных кругах Бернар был суровым образом осужден. С позиций христианской умеренности и милосердия его послания трудно понять и невозможно оправдать. Nausrath (p. 248, etc.) представляет Бернара как *der werltkluge Abt von Clairvaux*, прибегшего ко всем возможным дипломатическим уловкам, чтобы обеспечить приговор против Абеляра. M'Sabe в очень легко читающейся главе (pp. 322-354) придерживается того же мнения. Мы не станем оправдывать Бернара, хотя следует помнить, что в тот век ересь считалась мерзостью. Бернар, без сомнения, испытывал также отвращение к Абеляру как к человеку, который ищет известности, а не блага церкви. Morison (p. 302) говорит об «ужасе перед великой тьмой, который охватывал Бернара», осознающего опасности новой эпохи. Как утверждает Neander (*St. Bernard*, II. 3), никто не может сомневаться в том, что рвение Бернара проистекало из чисто христианских помыслов, но он пользовался оружием ненависти под маской святой любви.

Однако его беспокойная карьера подошла к концу. Петр отправил его лечиться в монастырь Св. Марцелла возле Шалона, и там он умер 21 апреля 1142 г. в возрасте шестидесяти трех лет. Его последние дни в Ключни описаны Петром в послании к Элоизе, полном истинно христианской симпатии. Петр называет Абе-ляра подлинным философом Христа. Он не видел более кроткого человека. Абе-ляр был воздержан в плане еды и питья. Он постоянно читал и пылко молился. Он преданно посвятил свое тело и душу Господу Искупителю во времени и вечности. «Так и сам Учитель Петр окончил дни свои; тот, кто был известен почти во всем мире, благодаря своей великой эрудиции и способностям учителя мирно почил в Том, Кто сказал: “Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем”, — и, как мы должны полагать, отправился к Нему».

Тело Абеляра было перевезено в Параклет и похоронено там. Двадцать два года спустя Элоиза была похоронена рядом с ним. На могиле написано: «Сократ галлов, великий Платон Запада, наш Аристотель, величайший или равный ему среди логиков! Абеляр был князем ученых мира, с разнообразными талантами, тонкий и пронизательный, покоряющий всё силой своего ума. Он стал воистину победителем, когда, вступив в Ключни, обратился к истинной философии Христа»¹³⁸⁵. Впоследствии над прахом этих замечательных и несчастных людей была помещена надпись: «Под этим мраморным камнем лежит основатель монастыря П. Абеляр и первая аббатиса Элоиза, некогда объединенные занятиями, разумом, любовью, запретным браком (*infaustis nuptiis*) и покаянием, а сейчас, как мы надеемся, — и вечным блаженством».

Когда Параклет во время Французской революции был разрушен (1792), мраморный саркофаг был перевезен в Париж, а в 1816 г. перенесен на кладбище Пер-Лашез. Там он и остается главной достопримечательностью, привлекая в этом скорбном месте упокоения внимание французов и гостей из далеких стран, которые со слезами сочувствия и молитвами о заблуждениях смертных вспоминают несчастных влюбленных.

§100. Учение и богословие Абеляра

Абеляр, наделенный блестящими талантами, занимает место в первом ряду французских учителей. Он был импульсивной личностью и прекрасно сознавал свою одаренность и достижения. Ему недоставало почтенной скромности и равновесия, которые подобают великим людям. Ему не хватало моральной силы, которая возвысила бы его над прихотями и уколами фортуны или, даже скорее, над бедствиями, которые он навлек на себя сам. Похоже, у него не было иной цели, кроме его эгоистических амбиций. Как сказал Неандер, если бы он обладал чистой морального характера, он добился бы большего, чем совершил в области схоластических исследований. Человек высшего типа не написал бы «Историю бедствий» в таком тоне, в котором ее написал Абеляр. Он не раскаивается перед Богом в своем обращении с Элоизой. Вспоминая об этом эпизоде, он не считает себя виноватым или чем-то ей обязанным.

Его готовность выступать против своих учителей и презрительно о них отзываться, находя причину вражды в их зависти, также свидетельствует о недостатке высшего морального чувства. Он постоянно беспокоится об утрате славы и положения и все время жалуется на это. Вместо того чтобы объяснять неудачи

¹³⁸⁵ Migne, 178. 103.

собственными ошибками и невоздержанностью, он объяснял их соперничеством и ревностью других¹³⁸⁶. Своей единственной целью посреди невзгод он считал обретение былой популярности.

Произведения Абельяра — это диалектические, этические и богословские трактаты, стихотворения и послания к Элоизе и его автобиография. Его главные богословские труды — «Комментарий к Римлянам», «Введение в богословие» и «Христианское богословие» (последние два в основном посвящены теме Троицы), диалог между философом, иудеем и христианином и *Sic et Non* («Да и нет»). В последнем труде автор в ста пятидесяти восьми главах приводит сборник цитат из отцов церкви, которые кажутся или действительно являются противоречивыми. Компилятор не предлагает решения проблемы. Темы, в которых мнения расходятся, разнообразны — от трудной для понимания проблемы Троицы и личности Христа до вопросов, была обольщена одна лишь Ева или Адам вместе с ней, был ли Адам похоронен на Голгофе (как считали Амвросий и Иероним) или нет (Исидор Севильский) и спасся ли Адам. Его главное произведение по этике называлось *Scito te ipsum* («Познай самого себя»).

Некоторые из богословских представлений Абельяра опережали его эпоху. Посеянные им семена мысли проросли в недавнее время. Его произведения показывают, что и в XII веке у критического отношения были свои сторонники.

1. В конфликте между реализмом и номинализмом Абельяр занимал промежуточную позицию. С одной стороны, он насмехался над номинализмом Росцеллина, с другой — выступал против строгого реализма Гильома из Шампо. Он учил, что универсалия — не просто слово, *vox*. Это утверждение, *sermo*¹³⁸⁷. Он объявлял реальным все, что есть общего в нашем мышлении, а формы вещей, по его пониманию, существовали в Божьем разуме еще до сотворения.

2. Гораздо более интересны взгляды Абельяра на конечный источник религиозного авторитета и богодухновенности. Хотя иногда его заявления кажутся противоречивыми, можно полагать, что он был сторонником разумной свободы критики и исследования, даже если результаты противоречили авторитету церкви. Он признавал принцип богодухновенности, но понимал под ним не то, чему учил Григорий Великий (что библейские авторы были совершенно пассивными). По мнению Абельяра, они обладали некоторой независимостью, однако были защищены от всяческих ошибок.

Позиция, с которой он рассматривает труды отцов церкви и Писание, сформулирована в прологе к *Sic et Non*¹³⁸⁸. Представляя противоречивые мнения отцов церкви, он демонстрирует интеллектуальную свободу — в отличие от распространенной среди его современников веры, будто бы утверждения отцов были последовательными от начала до конца. Абельяр объявил, что такая вера сродни заблуждению. Разве Августин не взял обратно некоторые из своих заявлений?

¹³⁸⁶ «История моих бедствий» была написана, когда он был аббатом Сен-Жиля. Ее сравнивали с «Исповедью» Августина, но подобное сравнение оскорбительно для истины. Абельяр стремился к мирским целям. Он хотел привлечь внимание к себе и построить карьеру. Его послания к Элоизе призваны не столько уверить ее в его ортодоксии, сколько произвести впечатление на церковные власти. Такого мнения придерживаются Deutsch, pp. 43 sqq., Hausrath, 275 sqq., и Nitsch, ст. *Abaelard* в Herzog.

¹³⁸⁷ Французские авторы называют теорию Абельяра концептуализмом и заявляют, что он заменил *vores* на *conceptus* (Deutsch, p. 105). Вальтер Мэйп, писавший во второй половине XII века, называет Абельяра «вождем номиналистов (*princeps nominalismi*), который больше согрешил в диалектике, чем в изложении Писания» (Wright ed., I. 24, p. 41).

¹³⁸⁸ См. также *Introd. ad Theol.*, Migne, 178. 980.

Но в то же время ошибки отцов, как и предполагаемые ошибки Писания, могут быть только воображаемыми — поскольку мы не всегда понимаем, что они хотели сказать. Павел, говоря, что у Мелхиседека не было ни отца, ни матери, имел в виду лишь то, что имена его родителей не приводятся в Ветхом Завете. Явление Самуила Саулу у аэндорской волшебницы было воображаемым, а не реальным. Пророки не всегда говорили с помощью Божьего Духа, и Петр иногда ошибался. Так почему же отцы церкви не могли совершать ошибок? Авторитет Писания и отцов церкви не исключает критического исследования. Напротив, критический дух обязателен при их изучении. «В духе сомнения мы подходим к исследованию, и в ходе исследования мы находим истину, ведь Тот, Кто есть Истина, сказал: “Ищите, и найдете; стучите, и отворят вам”»¹³⁸⁹.

Мистический и философский элементы, объединенные у Ансельма, у Абельяра отделены друг от друга. Но Абельяр следовал философскому принципу больше, чем Ансельм. Он был рожденным критиком, неутомимым мыслителем, жаждущим нового. В нем дух исследования брал верх над верой. Некоторые авторы даже считают его предтечей современного рационализма. По крайней мере, внешне он исходил из принципа, противоположного принципу Ансельма, а именно: «Ни во что нельзя верить до тех пор, пока оно не понято»¹³⁹⁰. Его определение веры как предположения о незримом¹³⁹¹ было воспринято Бернаром и другими современниками за утверждение, будто вера — это лишь неопределенное мнение, хотя Абельяр, вероятно, имел в виду, что вера становится твердой, когда она опирается не на авторитеты, а на опыт и исследование. Однако иногда кажется, что он противоречит сам себе и выдвигает противоположный принцип. Он говорит: «Мы верим, чтобы знать, и, если не поверим, не узнаем»¹³⁹². Современники считали Абельяра безумцем и полагали, что его мнение может ниспровергнуть авторитет церкви¹³⁹³.

Как утверждал Абельяр, великие учения о Троице и о существовании Бога не могут быть доказаны как обязательные — а только как вероятные. Вопреки устремлениям большинства схоластов, он утверждал, что ко многому касающемуся Бога не следует относиться ни с верой, ни с отрицанием, потому что ни в вере, ни в отрицании их нет никакой опасности¹³⁹⁴. Он приводит примеры: пошлет Бог завтра дождь или нет, смилостивится Бог над каким-нибудь великим грешником или нет. С другой стороны, он считал ошибочным утверждать, что мы не в состоянии понять слов Писания о Троице, ведь это значило бы, что сами авторы Писания не понимали того, чему учили¹³⁹⁵. Что касается католической веры, то она обязательна для всех, и без нее не может спастись никто из пребывающих в здравом уме¹³⁹⁶.

¹³⁸⁹ *Dubitando ad inquisitionem venimus, inquirendo veritatem percipimus (Sic et Non, Migne, p. 1349). Deutsch (pp. 159 sq.)* говорит об этом духе свободного исследования (*Die Freiheit der Forschung*) как об особенности всех произведений Абельяра.

¹³⁹⁰ *Hist. Calam., Migne, 178. 142 (Nec credi posse aliquid nisi primitus intellectus, etc.)*.

¹³⁹¹ *Introd. ad Theol., Migne, p. 1051, также p. 959 (Fides quippe dicitur existimatio non apparentium, cognitio vero ipsarum rerum experientia per ipsam earum praesentiam)*.

¹³⁹² *Credimus ut cognoscamus; nisi credideritis, non intelligetis*. См. другие цитаты в Hefele, V. 463-469; также Deutsch, в главе «Faith and Knowledge», pp. 168 sqq.

¹³⁹³ В этом его обвиняют Бернар и синод в Сансе, а также Оттон Фрейзингенский (*De gestis Frid., 48*).

¹³⁹⁴ *Introd. ad Theol., Migne, p. 986*.

¹³⁹⁵ *Introd. ad Theol., Migne, p. 1052*.

¹³⁹⁶ *Catholica quippe est fides, id est universalis quae ita omnibus necessaria est ut nemo discretus absque ea salvari possit, Migne, p. 986*. В связи с несомненностью этой позиции Абельяра Пул

3. В том, что касается учения о Троице, Абельяр навлек на себя обвинения в модализме и арианстве. В этом плане Бернар самым суровым образом критиковал его, но его критика осталась без ответа. Идею Троицы Абельяр производил из абсолютных совершенств Бога. Бог как совершенная сила — это Отец; Бог как мудрость — Сын; как любовь — Дух. И он прибежал к Писанию, чтобы доказать это мнение. Отец положил все в Своей власти (Деян. 1:7). Сын, Логос, — Премудрость. Святой Дух назван благим (Пс. 142:10) и наделяет духовными дарами. Аналогии Абельяра весьма туманны, ибо он сравнивал три ипостаси Троицы с медью, из которой сделана печать, формой печати и самой печатью как сочетанием меди и формы. «Сама медь, которая есть субстанция медной печати, и сама печать, субстанция которой — медь, есть по сути одно; однако медь и печать отличны по своим качествам, так что качества меди — одни, а качества медной печати — другие». В конечном итоге существует три вещи: собственно медь (*aes*), медь, которая может оставить отпечаток (*sigillabile*), и медь, производящая отпечаток (*sigillans*).

4. В трактовке искупления у Абельяра присутствуют ценные и оригинальные особенности¹³⁹⁷. Странно, но он не упоминает о великом трактате Ансельма. Человек, говорит Абельяр, находится во власти дьявола, но дьявол не имеет права на эту власть. Ибо какое право имеет раб на другого раба, которого он сбивает с пути? Христос не только не заплатил дьяволу никакой цены за искупление человека, но Он и не удовлетворял никакую божественную справедливость и не умилил Божий гнев. Если уж древнее грехопадение Адама следовало искупить чьей-то смертью, так тем более следует искупить и смерть Христа, а кто вообще способен искупить Его смерть? В жизни и смерти Искупителя Богу угодно было наглядно показать Свою любовь к людям и пробудить тем самым любовь в человеке, чтобы любовью привлечь человека обратно к Себе. Бог мог искупить человека одним Своим словом, но Он предпочел показать человеку Свою любовь во Христе. Заслугой Христа является любовь Христова. Эта теория предвосхищает современные взгляды на искупление, сформулированные в виде теории морального влияния.

5. Учение Абельяра о грехе также отличается от распространенного в его время мнения¹³⁹⁸. Грехопадение произошло, когда Ева решила съесть запретный плод, то есть после того, как у нее возникло желание, но до непосредственного вкушения плода¹³⁹⁹.

Вместилище греха — намерение, которое есть корень, приносящий благие и дурные плоды¹⁴⁰⁰. Сами по себе желание или чувство — не грех. Намерение же (*intentio*) — это уже не просто желание (скажем, стремление убить человека, противопоставленное непреднамеренному убийству), ибо в его основе уже лежит замысел сделать добро или зло. В осознании этого добра или зла и заключается вина. Те, кто осудил Христа на смерть, считая, что поступают правильно, не

замечает, что «на самом деле Абельяра осудили не за результаты, к которым он пришел, а за тот путь, который он выбрал для их получения» (р. 153).

¹³⁹⁷ Они присутствуют в его «Комментарии к Римлянам», а также во «Введении в богословие» и «Проповедях» (V, X, XII).

¹³⁹⁸ Оно изложено прежде всего в его этическом трактате *Scito te ipsum* и в «Комментарии к Римлянам», особенно в экскурсе о первородном грехе, прилагаемом к главе V (Migne, pp. 866-874).

¹³⁹⁹ Абельяр полагает, что растением, плод которого вызвал половое желание, была виноградная лоза (*Hexameron*, Migne, p. 777).

¹⁴⁰⁰ *Com. on Romans*, ch. II. 6. Deutsch (pp. 344 sqq.) подробно рассматривает взгляды Абельяра на грех.

согрешили, а если и согрешили, то гораздо менее серьезно, чем если бы они воспротивились голосу своей совести сделать доброе и не приговорили Его к смерти. Почему же тогда Христос молился о прощении тех, кто Его распял? Абельяр отвечает на это, что наказание, о прощении которого Он просил, было временным по своему характеру.

Из предпосылок Абельяра логически следует, что наказанию подвержены только те, кто добровольно предается греху. Но от такого вывода он воздерживался. Нечестивое состояние язычников он изображал в самых мрачных красках, однако хвалил философов и объявлял, что они, благодаря Сивиллиным книгам или другим источникам, знают о единстве Бога и даже о Троице¹⁴⁰¹. Бернар писал Иннокентию II, что Абельяр в попытках доказать, что Платон был христианином, по сути, доказывал, что сам он — язычник. Но каким бы либералом ни был Абельяр в некоторых доктринальных взглядах, он был един с церковью в признании эффективности таинств, в первую очередь крещения и вечери Господней.

Так как Абельяр находится вне богословского круга своего времени, он всегда останется одной из наиболее интересных фигур Средневековья. Его недостатком была нехватка моральной силы, и исследователь часто вынужден задаваться вопросом, всегда ли в заявлениях Абельяра отражались его искренние убеждения. Если бы не этот недостаток моральной силы, он мог бы стать Тертуллианом Средневековья, поскольку походил на него смелостью, оригинальностью и свежестью своей мысли. Африканского отца церкви, обладавшего выдающимися моральными достоинствами, Латинская церковь исключает из ряда святых по причине его несогласий с церковью. Абельяра же она не смогла включить в этот ряд по причине его моральной слабости¹⁴⁰². Если бы он был готов пострадать, отказавшись отречься от всех заблуждений, в которых его обвиняли, он мог бы занять место среди мучеников мысли¹⁴⁰³.

§101. Младшие современники Абельяра

ЛИТЕРАТУРА. О Жильбере из Пуатье (Gislebertus) — его *Комментарии* к Бозцию, *De trinitate*, — в Migne, 64. 1266 sqq. *De sex principiis*, Migne, 188. 1250 — 1270. О его жизни: ГОФРИД ИЗ ОКСЕРРА, Migne, 185. 595 sqq. — ОТТОН ФРЕЙЗИНГЕНСКИЙ, *De gestis Frid.*, 50-57. — ИОАНН СОЛСБЕРИЙСКИЙ, *Hist. pontif.*, VII. — POOLE, в *Illustr. of the Hist. of Med. Thought*, pp. 167-200. HEFELE, V. 503-508, 520-524. — NEANDER-DEUTSCH, *St. Bernard*, II. 130-144.

Об Иоанне Солсберийском — *Труды* в Migne, vols. 190, 199, и J. A. Giles, Oxford, 1848, 5 vols. — *Hist. pontificalis romanus*, в *Mon. German.*, vol. XX. — *Жизнеописание* — REUTER, Berlin, 1842. — *C. SCHAARSCHMIDT, *Joh. Saresbriensis nach Leben und Studien, Schriften und Philosophie*, Leip., 1862, и ст. в Herzog, IX. 313-319. — Denimuid, Paris, 1873. — SCHUBERT: *Staatslehre J. von Sal.*, Berlin, 1897. — STUBBS, в *Study of Med. and Mod. Hist.*, Lect. VI, VII. — POOLE, в *Illustr. etc.*, pp. 201-226, и *Dict. of Natl. Biogr.*, XXIX. 439-446.

¹⁴⁰¹ *Introd. ad Theol.*, Migne, p. 1008.

¹⁴⁰² Hausrath (pp. 293 sqq.) выделяет Абельяру место в первых рядах мучеников такого рода и оправдывает непостоянство его суждений: «Было бы несправедливо требовать, чтобы ученый, находившийся под давлением таких обстоятельств (то есть средневекового церковничества), демонстрировал пробивную силу крестьянина или доводил свои взгляды до логического завершения, как государственный деятель».

¹⁴⁰³ У Абельяра остались восхищенные ученики, и некоторые из них, как Омнебене, писали «Сентенции», основанные на «Богословии» их учителя, следуя его трехчастному делению на веру, таинства и любовь (см. Denifle, *Archiv*, pp. 613 sqq.).

Среди младших современников и учеников Абельяра были Жильбер из Пуатъе, Иоанн Солсберийский и Роберт Пуллейн — богословы, на которых большее или меньшее влияние оказал дух свободного исследования, характерный для Абельяра. Петр Ломбардский (ум. в 1164) также находился под влиянием учения Абельяра, особенно в своей христологии¹⁴⁰⁴.

Жильбер из Пуатъе (или Жильбер Порретанский, 1070 — 1154) больше известен публичным судом над ним, нежели благодаря его произведениям или какому-либо постоянному вкладу в богословие. Он родился в Пуатъе и учился у Бернара из Шартра, Гильома из Шампо, Ансельма Лаонского и Абельяра. Он возглавлял кафедральную школу в Шартре в течение десяти лет, а в 1137 г. начал преподавать в Париже. В 1142 г. он стал епископом Пуатъе. Его два основных труда — это *De sex principiis*, объяснение шести последних категорий Аристотеля, которые сам Аристотель оставил без объяснения, и комментарий к труду о Троице, приписываемому Боэцию. Они занимают всего несколько печатных страниц.

Из-за труда Жильбера о Троице его судили за ересь, и ведущим действующим лицом на этом суде опять был Бернар¹⁴⁰⁵. Дело рассматривалось на синодах в Париже (1147) и Реймсе (1148). Согласно Оттону Фрейзингенскому, Жильбер был искренним человеком. Его обвинили в неортодоксальности из-за туманных и громоздких выражений и чрезмерного реализма.

Некоторые из учеников Жильбера были готовы свидетельствовать против него, хотя для обвинения его в тритеизме в Париже не было представлено достаточно свидетельств, и папа, председательствовавший там, передал дело в Реймс. В Реймсе Бернар, назначенный обвинителем, оскорбил нескольких кардиналов теми методами, которые применял при обвинении. Оттон Фрейзингенский и Иоанн Солсберийский¹⁴⁰⁶ утверждают, что возникла угроза раскола, которая была предотвращена только благодаря здравому смыслу папы Евгения.

На вопрос папы, является ли Богом сама высшая сущность, посредством которой, как утверждал Жильбер, каждая из трех ипостасей Троицы есть Бог, он ответил отрицательно¹⁴⁰⁷. Жильбер завоевал расположение собравшихся благодаря своему прекрасному знакомству с отцами церкви. Обвинение было объявлено недоказанным. Жильбера призвали исправить сомнительные заявления с учетом четвертого предложения, выдвинутого Бернаром, и обвинявшийся продолжал управлять своей епархией до самой смерти. Оттон Фрейзингенский завершает рассказ, сообщая, что либо Бернар был обманут в том, что касается природы учения Жильбера, как Давид был обманут Мемфивосфеем (2 Цар. 9:19 и сл.), либо Жильбер скрыл его реальный смысл, умело пользуясь словами, чтобы избежать церковного суда. Вальтер Сен-Викторский, говоря о привычке Жиль-

¹⁴⁰⁴ Денифле относит Ломбардского к богословской школе Абельяра. См. его *Abaelard's Sentenzen und d. Bearbeitungen seiner Theologie, Archiv*, 1885, pp. 613-624.

¹⁴⁰⁵ Neander-Deutsch, *St. Bernard*, II. 131. Poole (p. 181) называет учение о Троице в изложении Жильбера «одним из наиболее тонких и продуманных вкладов в богословскую метафизику, произведенных в средние века».

¹⁴⁰⁶ *Hist. pontif.*, VIII; Migne, pp. 522 sqq. Одним из обвинителей был Адам дю Пти Пон, англичанин, позже епископ Св. Асафа. Он получил свое имя от названия школы, находившейся на маленьком мосту, связывающем Париж с Латинским кварталом (Schaarschmidt, p. 13).

¹⁴⁰⁷ Оттон Фрейзингенский так формулирует четыре выдвинутых обвинения: 1. *Divina essentia non est deus*. 2. *Proprietates personarum non sunt ipsae personae*. 3. *Theolog. personae in nulla praedicantur propositione*. 4. *Divina natura non est incarnata*. Гоффрид (Migne, 185. 617) формулирует первые три пункта немного по-другому.

бера путать мудрость со словами, называл его одним из четырех лабиринтов Франции.

Иоанн Солсберийский (ок. 1115 — 1180) был главным литературным деятелем и ученым среди англичан XII века. В его трудах отразились практические тенденции более поздней английской философии¹⁴⁰⁸. Он родился в Солсбери и был плебейского происхождения. Провел десять или двенадцать лет, обучаясь «разным наукам» на континенте, сидел у ног Абеяра на холме Женеьевы (1136) и слушал Жильбера из Пуатье, Гильома из Конша, Роберта Пуллейна и других знаменитых учителей. В своем *Metalogicus* он приводит подробный рассказ о годах учебы. Вернувшись в Англию, он находился в конфиденциальных отношениях с архиепископом Теобальдом. Позже он поддержал дело Бекета и присутствовал в соборе, когда архиепископа убили. Он призывал архиепископа не входить в церковь. В 1176 г. он стал епископом Шартра. Он говорит, что пересекал Альпы не менее десяти раз, путешествуя по церковным делам.

Своими воспоминаниями и разными произведениями Иоанн внес редкий вклад в наше знание о его веке. Он отличался инстинктами гуманиста, и, если бы он жил несколько веков спустя, вероятно, он полностью поддержал бы Возрождение. Его основные труды — это *Metalogicus*, *Polycraticus* и *Historia pontificalis*. *Polycraticus* — это трактат о принципах управления и философии, цель которого — отвлечь внимание от незначительных споров и мирских проблем через осмысление церковного служения и важности жизненных устремлений¹⁴⁰⁹. Он подкрепляет свое мнение цитатами из Писания и классических авторов и показывает, что церковь — истинный хранитель морали и защитник справедливости в государстве. Он был одним из лучших знатоков классики своей эпохи¹⁴¹⁰.

В *Metalogicus* Иоанн призывает поставить преграду на пути схоластической казуистики и заявляет, что разум тоже может заблуждаться, как и чувства. Диалектика стала использоваться для демонстрации человеческой сообразительности, и такие люди, как Адам дю Пти Пон, стали делать свои лекции как можно более запутанными и туманными, чтобы привлекать студентов видимостью глубины. Иоанн заявил, что логика — пустое занятие. Она важна только как орудие, а сама по себе бесполезна, подобно «мечу Геркулеса в руке пигмея». Он подчеркивал важность полезного знания и привел длинный список вопросов, которые не имеют окончательного решения и у мудрых людей всегда оставляют сомнения (провидение и человеческая судьба, происхождение души, происхождение движения, равны ли все грехи и в равной ли мере они будут наказаны). По его утверждению, Бог выше всего того, что может постичь ум, и неизмеримо превосходит способности нашего рассуждения¹⁴¹¹.

Historia pontificalis — это рассказ о церковных делах, которые Иоанн наблюдал своими глазами, начиная с Реймского собора (1148) до 1152 г.

¹⁴⁰⁸ Стивенс называет его «самым выдающимся английским ученым того века» (*Hist. of the Engl. Ch.*, pp. 320 sqq.).

¹⁴⁰⁹ Шааршмидт называет его «первой великой теорией государства в литературе средних веков». Имея в виду разнообразие его содержания, Пул говорит, что «это в некотором роде энциклопедия культурной мысли середины XII века» (p. 218).

¹⁴¹⁰ Пул говорит: «Никто из авторов этого века не может сравниться с ним по масштабу и глубине его осведомленности в классической литературе» (*Dict. of Natl. Biog.*, XXIX. 441). Шааршмидт также отмечает его прекрасное знание классиков (*eine staunenswerthe Vertrautheit*).

¹⁴¹¹ *Metalog.*, VII. 2.

§102. Петр Ломбардский и богословы-систематики (суммисты)

ЛИТЕРАТУРА. Труды П. Ломбардского, Migne, vols. 191, 192. — Protois: *P. Lomb., son époque, sa vie, ses écrits et son influence*, Paris, 1881. Содержит проповеди, которых нет у Миня. — KÖGEL: *P. Lomb. in s. Stellung zur Philos. des Mittelalters*, Leip., 1897. — *O. BALTZER: *D. Sentenzen d. P. Lomb., irhe Quellen und ihre dogmengeschichtl. Bedeutung*, Leip., 1902. — *DENIFLE: *D. Sentenzen Abaelards, etc.*, в *Archiv*, 1885, pp. 404 sqq. — Ст. *Lombardus* в *Wetzer-Welte*, IX. 1916-1923, и *Herzog (автор Seeberg), XI. 630-642. — Stöckl, *Philos. des Mittelalters*, I. 390-411. Истории учения: Schwane, pp. 160 sqq., WACH, HARNACK, FISHER, etc.

Петр Ломбардский — отец систематического богословия Католической церкви. Он создал самый полезный и популярный богословский учебник средних веков, тогда как Фома Аквинат создал самую полную богословскую систему. В плане метода он принадлежит к эпохе великих богословов XIII века, когда схоластика была в самом расцвете популярности. В плане эпохи он занимает свое место в XII веке, вместе с богословами Бернаром, Абеяром, Жильбером, Гуго Сен-Викторским и другими, с которыми он был лично знаком.

Петр родился в Новаре, в Северной Италии, и умер в Париже около 1164 г.¹⁴¹² Он учился в Болонье, а потом отправился во Францию и посещал школу Сен-Виктора и кафедральную школу в Париже, где попал под влияние Абеяра. Позже он преподавал в Париже. Вальтер Мэп, описывая свою жизнь во Франции, называет его «знаменитым богословом». В 1159 г. он стал епископом Парижа.

Его монументальный труд, четыре книги сентенций, *Libri quatuor sententiarum*, систематическим образом освещают всю область догматического богословия, подобно тому как Иоанн Дамаскин подвел итог ортодоксальной вере на четыреста лет ранее. Благодаря этому труду его автор заслужил титул «магистра сентенций» (*magister sententiarum*). Трактату Ломбардского предшествовали другие системы богословия под именем *сентенций*. Подобный труд приписывался Абеяру святым Бернаром¹⁴¹³, хотя, вероятно, это было ошибкой. Но нет сомнений в том, что ученики Абеяра — Роланд (позже Александр III), в бытность профессором в Болонье (1142), и Омнебене — создавали такие труды, следуя трехчастному делению Абеяра на веру, любовь и таинства¹⁴¹⁴. Более важны трактаты Ансельма Лаонского, Роберта Пуллейна¹⁴¹⁵ и Гуго Сен-Викторского, которые писали до Ломбардского. Роберт Пуллейн (ум. ок. 1147) был англичанином и одним из первых преподавателей Оксфорда, потом отправился в Париж, где Иоанн Солсберийский слушал его лекции около 1142 г.; он общался со святым Бернаром и был в милости у Рима. Целестин II назначил его кардиналом.

¹⁴¹² Эта дата приводится в древней эпитафии в Париже, но она вызывает сомнения, так как епископ Парижский, преемник Ломбардского, был назначен в 1160 г. Похоже, он уже умер в этом году, если только не был смещен по обвинению в симонии, в которой был виновен, как утверждает Вальтер Сен-Викторский (Migne, 199. 1140).

¹⁴¹³ *Liber quem dicunt sententiarum* (Ep., 188; Migne, 182. 668). Вальтер Сен-Викторский заявляет, что он был написан рукой Абеяра или взят из его трудов, *aut ex libris ejus excerptus*. См. Deutsch, *P. Abaelard excursus*.

¹⁴¹⁴ Денифле (*Archiv*, 1885) научно прослеживает связь этих трудов с Абеяром. Они существуют в виде рукописей в Нюрнберге, Мюнхене и т. д. Омнебене откровенно заявлял, что его труд — компиляция, взятая из разных источников.

¹⁴¹⁵ *Sententiarum theologiarum libri*, VII; Migne, vol. 186. Его пишут как Пуллен, Пуллан и т. д. См. статью Rashdall в *Dict. of Nat'l Biogr.*, XLVII. 19.

Труд Ломбардского — ясный, емкий и сентенциозный, умеренный и вдумчивый по духу. В нем мало бесполезной казуистики. Несмотря на то что некоторые сомневались в его ортодоксии, он пользовался широким признанием и несколько веков служил учебником — подобно тому как «Институты» Кальвина служили протестантским церквям в более поздний период. До XVI века все кандидаты на степень бакалавра искусств в Париже были обязаны сдать экзамен по этой книге. Существует мало книг, к которым было бы написано столько комментариев. Говорят, что к нему есть сто шестьдесят английских комментариев и сто пятьдесят два — написанных членами ордена святого Доминика. Величайшие схоласты читали по нему лекции и комментировали его — Александр Галесский, Альберт Великий, Бонавентура, Фома Аквинат, Дуранд и Оккам¹⁴¹⁶.

Находясь под некоторым влиянием метода, используемого Абеяром в *Sic et Non*, Ломбардский собрал высказывания отцов церкви и составил из них компиляцию, чтобы облегчить задачу студента и освободить его от самостоятельного поиска информации в произведениях отцов¹⁴¹⁷. Цитат из Августина там в два раза больше, чем из всех остальных отцов церкви вместе взятых¹⁴¹⁸. Ломбардский пошел дальше, чем Абеяр, и предложил провести согласование между высказываниями отцов церкви. В плане расположения материала и самого материала он в значительной степени опирался на Абеяра, Грациана и Гуго Сен-Викторского¹⁴¹⁹, но не упоминает их имена. Из Гуго он брал целые абзацы.

«Сентенции» поделены на четыре части, посвященные темам триединого Бога, творения и греха, воплощения, христианских добродетелей и десяти заповедей, таинств и некоторых вопросов эсхатологии. Метод автора таков: он приводит утверждение учения, которое преподает церковь, подтверждение его на основании Писания, затем — мнения отцов церкви, а если они кажутся противоречивыми, то и их согласование. Его конечная цель — выше поднять сосуд, излучающий свет истины, и он уверяет нас, что этот труд стоил ему много труда и пота¹⁴²⁰.

Доводы Ломбардского в пользу существования Бога в основном космологические. Благодать в Божьих избранных ко спасению существует по Божьему предопределению, а не объясняется каким-либо предвидением той благодати, которой они могли бы обладать. Количество избранных не может ни увеличиться, ни уменьшиться. С другой стороны, Богу не принадлежит инициатива осуждения грешников. Их осуждение — следствие зла в них, которое известно по предвидению¹⁴²¹.

¹⁴¹⁶ Иезуит Поссевен приводит список из 246 печатных комментариев. См. Wetzler-Welte, IX. 1921, где о количестве комментариев говорится как о «бесчисленном» (*unzählig*). Гергенротер говорит о них как о *zahllos* (*Gesch.*, II. 516). Первый комментарий, согласно Вернеру (*Thom. von Aquino*, I. 314), был написан Гильомом из Сеньеле, учителем в Париже, а позже — епископом Парижским.

¹⁴¹⁷ Prolog. к «Сентенциям»: *Brevi volumine complicans patrum sententias appositis eorum testimoniis, etc.*

¹⁴¹⁸ Baltzer (pp. 2-5) приводит результаты тщательных исследований. Из Августина взято 1000 цитат. За ним следует Иларий, который цитируется 85 раз. Книга Бальцера — это усердное сравнение каждого параграфа Ломбардского с отцами церкви и его предшественниками-схоластами, особенно Абеяром и Гуго Сен-Викторским.

¹⁴¹⁹ Денифле (*Archiv*, pp. 621 sqq.) авторитетно заявляет, что он цитирует также «Сентенции» Гандульфа, рукопись которых хранится в Турине.

¹⁴²⁰ Migne, 192. 522.

¹⁴²¹ *Reprobatio Dei est praescientia militiae in quibusdam non finiendae, et praeparatio poenae non terminandae.*

Во второй книге Ломбардский делает знаменитое заявление, которое он цитирует из Августина и которое ошибочно приписывали Мэтью Генри: женщина была сотворена не из головы Адама, чтобы управлять им, и не из ног, чтобы быть его рабыней, но из бока, чтобы быть рядом и жить бок о бок. Из-за грехопадения человек пострадал как от раны (*vulneratio*), но не лишился всякой добродетели. Первородный грех передается через тело и воздействует на душу, так как та контактирует с телом. Корень зла — похоть, *concupiscentia*. Ломбардский был креацианистом¹⁴²². Бог знал, что человек согрешит. Почему Он не предотвратил это, неизвестно.

Рассматривая искупление, Петр отрицал, что смерть Христа была выкупом, уплаченным дьяволу. Это проявление Божьей любви, и благодаря любви Христа не кресте любовь воспламеняется в нас. Здесь Ломбардский приближается ко взглядам Абельяра. Он ничего не говорит в поддержку Ансельма о том, что смерть Христа была уплатой для восстановления Божьей чести¹⁴²³.

Говоря о таинствах, Ломбардский рекомендует в качестве подобающей формы крещения погружение, тройное или единократное¹⁴²⁴. Крещение уничтожает вину первородного греха. Вечеря Господня — это принесение жертвы. Дары преобразуются в тело и кровь Христовы. Вино должно разбавляться водой. Вода симболизирует людей, искупленных страстями Христа.

Примечательно, что труд, который пользовался таким всеобщим уважением и в котором присутствует столько ссылок на Августина, вновь и вновь критиковали как еретический, как на синоде в Туре (1163) и на Третьем Латеранском соборе (1179), однако никакие санкции к нему не применялись. На Четвертом Латеранском соборе (1215) подверглись критике высказывания Петра о Троице. Петр говорил, что Отец, Сын и Дух есть «некое высшее бытие» — сущность, которая и не порождает, и не рождена, и ни из чего не проистекает¹⁴²⁵. Иоахим обвинил его в том, что он подменяет Троицу четверицей, и назвал его еретиком, но собор склонился к другому мнению и высказался в пользу ортодоксии Петра. Вальтер Сен-Викторский зашел настолько далеко, что обвинил автора «Сентенций» в савеллианстве, арианстве и «новых ересях»¹⁴²⁶. Несмотря на эти обвинения, никто не представил средневековое богословие так ясно и сжато, как Петр Ломбардский, — разве что Бонавентура в своем *Breviloquium*.

Последним и самым ясным из богословов-систематиков (суммистов) XII века был Алан Лилльский (Алан аб Инсулис), который родился в Лилле, во Фландрии, и умер около 1202 г.¹⁴²⁷ Его труды активно читались, особенно аллегорические поэмы *Anticlaudianus* и *De planctu naturae*.

¹⁴²² II. 31; Migne, p. 211.

¹⁴²³ *Mors nos justificat, dum per eam caritas excitatur in cordibus nostris* (III. 19; Migne, p. 285). Иоанн Корнуольский, его ученик, явно говорит, что Ломбардский перенял взгляды на искупление от Абельяра и часто держал в руках *Theologia* Абельяра (Migne, 199. 1052). См. Denifle, pp. 616 sqq. Baltzer (pp. 96 sqq.) даже заявляет, что его молчание о теории Ансельма следует воспринимать как ее отрицание.

¹⁴²⁴ IV. 3; Migne, p. 335.

¹⁴²⁵ *Quaedam summa res est Pater et Filius et Spiritus et illa non est generans neque genita nec procedens*.

¹⁴²⁶ Время от времени спорные места из Ломбардского продолжали цитировать. В середине XIII века количество таких мест, расхоdivшихся с католической верой, считалось равным восьми. Профессора Парижа увеличили их число. Эймерик написал трактат о двадцати двух таких еретических утверждениях. Список из пятнадцати пунктов приводится в конце «Сентенций» Петра (Migne, 451-454).

¹⁴²⁷ Вероятно, это не тот самый же человек, что Алан, архиепископ Оксерра, с которым его часто отождествляют и который провел последние двадцать лет своей жизни в Клерво и написал

В «Правилах священного богословия» Алан приводит сто двадцать пять кратких объяснений богословских положений. В пяти книгах «Католической веры»¹⁴²⁸ он рассматривает учение о Боге, сотворении и искуплении, о таинствах и последних временах. Церковь он определяет как собрание верных, исповедующих Христа, и сокровищницу таинств¹⁴²⁹. Труд Алана «Против еретиков» мы уже затрагивали в главах о катарах и вальденсах.

Кроме того, здесь следует упомянуть и Вальтера Сен-Викторского, известного в основном благодаря тому, что он уподобил Абельяра, Жильбера из Пуатье, Петра Ломбардского и учившегося у Петра Ломбардского Петра из Пуатье (позже канцлера Парижского университета) четырьмя лабиринтам Франции. Он сравнивал их рассуждения с кваканьем лягушек (*ranarum garrulitas*) и утверждал, что, увлекшись софистикой, они только разрушают веру своими аргументами и контраргументами. Труд Вальтера не был напечатан. Он стал преемником Ричарда на посту приора монастыря Сен-Виктор. Умер около 1180 г.¹⁴³⁰

§103. Мистицизм

ЛИТЕРАТУРА. Труды святого Бернара, Гуго и Ричарда Сен-Викторского, Руперта из Дейца, также Ансельма, Бонавентуры, Фомы Аквината, все в Migne, *Patrology*. — G. ARNOLD: *Historie und Beschreibung d. myst. Theologie*, Frankf., 1703. — H. SCHMID: *D. Mysticismus des Mittelalters*, Jena, 1824. — J. GÖRRES (проф. истории из Мюнхена, основатель германского ультрамонтанства, ум. в 1848): *D. christl. Mystik*, 4 vols. Regensb., 1836 — 1842. Скорее продукт вымысла, чем здорового исторического исследования. — A. HELFFERICH: *D. christl. Mystik*, etc., 2 parts, Gotha, 1842. — R. A. VAUGHN: *Hours with the Mystics*, Lond., 1856, 4th ed., без даты, предисловие Wycliffe Vaughan. — LUDWIG NOACK: *D. christl. Mystik nach ihrem geschichtl. Entwicklungsgang*, 2 parts, Königsb., 1863. — J. HAMBERGER: *Stimmen der Mystik*, etc., 2 parts, Stuttg., 1857. — W. PREGER: *Gesch. der deutschen Mystik im Mittelalter*, 3 vols. Leip., 1874 — 1893. Мистицизм XII — XIII веков приводится в vol. I, 1-309. — CARL DU PREL: *D. Philosophie der Mystik*, Leip., 1885. — W. R. INGE: *Christ. Mysticism*, Lond., 1899. — *Жизнеописания* Бернара, Гуго Сен-Викторского и т. д. — *Истории учения* — SCHWANE, HARNACK и т. д.

Бок о бок со схоластикой развивалась и мистическая ветвь средневекового богословия. Мистицизм нацеливается на непосредственное, личное общение души с Безграничным Духом через внутреннюю молитву и духовные побуждения, через отвлечение от окружения, а не через логический анализ, через поклонение, а не через аргументы, сердцем, а не головой, духовным чувством, а не интеллектуальными способностями, через непосредственный контакт души с Богом, а не через обряды и церемонии. Деятельность мистика характеризуется словом *созерцание* , а схоласта — словом *размышление* . Мистицизм обращает меньше внимания на Бога вне человека и больше — на Бога в сердце человека. Он опирается на опыт, а не на определения¹⁴³¹. Мистицизм одинаково противостоит рационализму и обрядовой формализованности.

житие святого Бернара (Migne, 186. 470-523). См. Deutsch, *Alanus*, Herzog, I. 283 sqq. В Hergenröther-Kirsch часто цитируется Алан.

¹⁴²⁸ *Regulae de sacra theologia*, Migne, 210. 621-684; и *De arte sive de articulis catholicae fidei*, Migne, 593-617.

¹⁴²⁹ *Congregatio fidelium confitentium Christum, et sacramentorum subsidium* (Migne, p. 613). Он написал также *Liber sententiarum* (Migne, 229-264), о рождестве Господа, Иоанне Крестителе и Марии.

¹⁴³⁰ Вальтер говорит, что эти четыре лабиринта «со схоластическим пустозвонством рассуждают о тайнах Троицы и воплощения и исторгают из себя множество ересей». Планк анализирует труд Вальтера в *Studien und Kritiken*, 1844, pp. 823 sqq. Bulaeus (в *Hist. universitatum*, vol. II. 402, 629) приводит отрывки, которые перепечатаны в Migne, 199, pp. 1127 sqq. Денифле также приводит цитаты, *Archiv*, etc., 1886, pp. 404 sqq.

¹⁴³¹ Гарнак (*Dogmengesch.*, III. 314 sqq., 373 sqq.) высмеивает такое разделение и отрицает различия, которые обычно проводятся между схоластикой и мистицизмом. Он явно не симпатизирует эмоциональным и квиетистским тенденциям веры, «религии сердца» (*die Pektoraltheologie*, как называют это немцы). Он обращает внимание на то, что схоластика и мистицизм

Мы встречаем мистический элемент у апостола Иоанна и у апостола Павла. Центр богословия Иоанна — Бог есть любовь. Задача верующего — пребыть во Христе и позволить Христу пребыть в себе. Подлинный мистик *ощущает*. Это не визионер и не любитель оккультизма, но это и не затворник. Ни мистики этого периода, ни Экхарт или Таулер в более поздний период не чуждались человеческих деяний и человеческого общества. Бернар и богословы Сен-Виктора не погружались полностью в экстатические упражнения, хотя и стремились обрести покой и умиротворение души под влиянием любви Христовой и чистого духовного созерцания. «Бога, — говорил святой Бернар, — проще искать и находить в молитве, а не в споре». Как утверждали Бернар и Гуго Сен-Викторский, «Бог познается в той мере, в которой Его любят». Данте поместил Бернара выше, чем Фому Аквината, учителя схоластической мысли, и Бернар через молитву привел его к блаженному созерцанию Пресвятой Троицы, которым и заканчивается «Божественная комедия»¹⁴³².

Основным вдохновителем для мистиков средних веков, как и для схоластов, стал Августин. Именно он сказал: «Ты сотворил нас для Себя, и наше сердце не найдет покоя, пока не успокоится в Тебе». Но на место Аристотеля мистики поставили Дионисия Ареопагита, христианского неоплатоника, труды которого были известны в латинском переводе Скота Эриугены¹⁴³³. Мистический элемент был сильно выражен у величайших схоластов Ансельма, Фомы Аквината и Бонавентуры.

Средневековье воспринимало Рахиль и Лию, Марию и Марфу как представительниц контрастировавшей созерцательной и активной, монастырской и мирской жизни, а также мистического и схоластического методов. Петр Дамиани говорит¹⁴³⁴, что Иаков работал за Рахиль даже два семилетних периода. Каждый обращенный должен выдержать борьбу с искушением, но все жаждут отдыха и покоя в радости высшего созерцания, то есть в объятиях прекрасной Рахили. И эти два семилетних периода символизируют Ветхий и Новый Завет, закон и евангельскую благодать. И тот, кто соблюдает заповеди обоих периодов, в конечном итоге оказывается в желанных объятиях Рахили.

Ричард Сен-Викторский посвящает целый трактат сравнению между Рахилью и Лией. Лия была более плодovitой, Рахиль — более привлекательной. Лия представляет дисциплину добродетели, Рахиль — учение истины. Рахиль символизирует созерцание, задумчивость, духовное восприятие и пронизательность, Лия — плач, жалобу, ропот и печаль. Рахиль умерла, рожая Вениамина. Так разум, в муках рассуждения, вызывает к жизни религиозную преданность и пыл¹⁴³⁵.

одинаково уходят корнями в благочестие, а в качестве идеала обещают достижение одной и той же общей цели — полного знания. Он резко заявляет (р. 318), что «мистик, не ставший католиком, — просто любитель». Ритчль говорил ранее, что «нормального мистицизма не существует вне связи с монашеской жизнью, а любовь к нему, распространенная среди евангельских христиан, — чисто любительская» (*Pietismus*, II. 12). Но Гарнак все-таки допускает разницу в этих терминах. Он говорит, что схоластика касается отношений Бога со вселенной, а мистицизм — единения души с Богом.

¹⁴³² *Paradiso*, XXXI. 130, XXXIII. 49, etc. Доктор Филип Шафф писал: «Бернар, в противовес Петру Абеляру, защищал ортодоксальный мистицизм и богословие сердца от спекулятивного рационализма и богословия интеллекта» (*Lit. and Poetry*, p. 232).

¹⁴³³ «Средневековые мистики были с головой погружены в труды Дионисия» (Inge, p. 110).

¹⁴³⁴ *De perf. monachi*, VIII; Migne, 145. 303.

¹⁴³⁵ *De preparat. ad contemplationem sive Benjamin minor* (I. 73; Migne, 196. 52).

Это сравнение было взято из Августина, который утверждал, что Рахиль обозначает радостное постижение истины и по этой причине считается красивой лицом и фигурой¹⁴³⁶. Святой Бернар говорил об отношениях созерцательной и активной жизни как о двух членах одной семьи, живущих вместе, подобно Марии и Марфе¹⁴³⁷.

Схоластическое богословие сформировалось в связи со школой и университетом, мистическое — в связи с монастырем. Клерво и Сен-Виктор, находящиеся неподалеку от Парижа, были краеугольными камнями средневекового мистицизма. В стенах монастырей писались страстные гимны средних веков, и евхаристические гимны Фомы Аквината обладают мистическим, а не схоластическим характером.

Ведущими богословами-мистиками того периода были Бернар, Гуго и Ричард Сен-Викторские и Руперт из Дейца. В плане своих склонностей абсолютными мистиками были Иоахим Флорский, Хильдегарда и Елизавета из Шенау, которые образуют отдельную группу.

§104. Святой Бернар как мистик

Список литературы см. в §65, также RITSCHL: *Lesefrüchte aus d. hl. Bernard*, в *Studien u. Kritiken*, 1879, pp. 317-335. — J. RIES (католик): *D. geistliche Leben nach der Lehre d. hl. Bernard*, Freib., 1906, p. 327.

Труды Бернара, где представлено его мистическое богословие, — это «Степени кротости и гордости», адресованная клиру проповедь под названием «Обращение», трактат «Любящий Бог», «Проповеди о Песни песней» и его гимны. Близкое знакомство автора с Писанием видно почти что из каждой страницы. Он помнил все книги, и цитата следует за цитатой с великой быстротой. Бернар пользовался величайшим уважением среди современников как разъяснитель их внутренней жизни. Это показывают его послания, написанные как ответы на вопросы. Гарнак называет его религиозным гением XII века, лидером своего времени, величайшим проповедником, которого когда-либо слышала Германия. В вопросах религиозного созерцания Бернар был, по словам Гарнака, новым Августином (*Augustinus redivivus*)¹⁴³⁸.

Практический инстинкт Бернара лишил его возможности философствования, подобно тому как мирские амбиции Абельяра исключали из его произведений мистический элемент. Бернар особо уважал апостола Павла и восхищался Августином как «мощнейшим молотом еретиков» и «столпом церкви»¹⁴³⁹. Он гораздо привлекательнее для нас как богослов поклонения, рассуждающий о превосходствах любви и повторяющий слова Павла: «Все у вас да будет с любовью» (1 Кор. 16:14), нежели как защитник ортодоксии, который писал: «Пусть лучше погибнет один, чем все вместе»¹⁴⁴⁰.

По Бернару, способы познания Бога — это молитва и личная святость, а вовсе не споры. Бога постигает святой, а не спорящий¹⁴⁴¹. Кротость и любовь — осно-

¹⁴³⁶ *C. Faus. Man.*, XXII. 52.

¹⁴³⁷ *Sermo in Cant.*, 51, 2. См. *De consid.*, I, 1.

¹⁴³⁸ *Dogmengesch.*, III. 301, 305. О знакомстве Бернара с Писанием см. Ries, pp. 11 sq.

¹⁴³⁹ Ries, pp. 9, 15.

¹⁴⁴⁰ *Omnia vestra in caritate fiant* (Ep., 221). *Melius est ut unus pereat quam unitas* (Ep., 102; Migne, 182. 257).

¹⁴⁴¹ *Non ea disputatio comprehendit sed sanctitas*, цитируя Eph., III, 18. *Sancti comprehendunt* (*De consid.*, V. 14; Migne, 182. 804).

вополагающие этические принципы богословия. Монастырская жизнь с ее бедствиями и постами — не самоцель, а средство развития этих двух фундаментальных христианских добродетелей¹⁴⁴². Каждый монастырь он рассматривал как сообщество совершенных (*collegium perfectorum*), хотя и не в том смысле, что все монахи совершенны¹⁴⁴³.

В трактате о «Любящем Боге» Бернар утверждает, что Бог познается в той степени, в которой Он любим. Обращаясь к кардиналу Гаймеру, который спрашивал, почему и как следует любить Бога, Бернар отвечал: «Причина, побуждающая нас любить Бога, — это Сам Бог. Мерой любви к Богу должна быть безмерность¹⁴⁴⁴. Дары природы и души нужны, чтобы пробуждать любовь. Но дары, которые душа получает в общении с Отцом, Сыном и Святым Духом, неизвестными неверующему, намного более драгоценны и побуждают человека к безграничной и неизмеримой любви, ибо Бог безграничен и неизмерим. Душа велика в той степени, в какой она любит Бога»¹⁴⁴⁵.

Любовь вырастает из нашего понимания Божьей любви. Когда душа размышляет о кресте, ее пронзает меч любви, как говорится в Песни песней 2:5: «Я изнемогаю от любви». Любовь к Богу влечет за собой награду, но любви награда не нужна. Быть полностью поглощенным любовью значит достичь обожения¹⁴⁴⁶. Как капля воды, попавшая в вино, теряет свой цвет и вкус, и как железо, которое держат в огне, теряет свою прежнюю форму и становится подобно огню, и как воздух, пронизанный светом солнца, становится как само солнце, так и чувства святого полностью преображаются Божьей волей, и Бог становится всем во всем.

В восьмидесяти шести проповедях Бернара на Песнь песней постоянно упоминается любовь, любовь Бога и любовь души к Богу. Среди других проповедей они выделяются, подобно тому как *Petite Carême* Массильона выделяется среди других сборников французской кафедры. А Бернар добрался только до первого стиха третьей главы. В своем разъяснении, написанном на латинском, он наслаждается изысканностью образов этой любимой книги Средневековья. Всё аллегоризируется. Сами слова превращаются в аллегории. Но во всем объемном объяснении нет ни одного чувственного или нецеломудренного предположения. В отношении исторического и буквального значения текста Бернар отвергает все, недостойное Священного Писания, отдавая эти трактовки на откуп иудеям, перед глазами которых была завеса¹⁴⁴⁷. Любовь Суламиты и ее суженого — символ любви церкви и Христа, хотя иногда Суламита символизирует душу или даже Деву Марию. Поцелуй в Песн. 1:2 — это Святой Дух, Которого являет нам вторая ипостась Троицы¹⁴⁴⁸. Сосцы невесты, 4:5, — это благодать и долготерпение, которые проявляет и распространяет Христос (Рим. 2:4). Песнь песней увековечивает благодать священной любви и таинство вечного брака¹⁴⁴⁹. Это гимн-эпиталама (песнь перед

¹⁴⁴² *Ep.*, 142, 2; Migne, 182, 297. Доктор Филип Шафф говорил, что «любовь и кротость увенчивали характер Бернара» (*Lit. and Poetry*, p. 232).

¹⁴⁴³ Ries, pp. 35 sqq.

¹⁴⁴⁴ *Causa diligendi Deum Deus est, modus sine modo diligere (De dilig. Deo.* 1. Migne, 182. 974).

¹⁴⁴⁵ *In Cant.*, p. 919, цит. в Ries, p. 212.

¹⁴⁴⁶ *Sic affici deificari est.* Бернар не боится использовать это слово, как не боялись его использовать Ориген и Григорий Нисский, а также другие отцы церкви, которые употребляли либо его, либо его греческий эквивалент.

¹⁴⁴⁷ *Serm.*, LXXV. 2; LXIII. 1; LXXIII. 1, 2.

¹⁴⁴⁸ *Serm.*, VIII. Migne, p. 810.

спальней}, но его не услышит тот, кто не любит, ибо язык любви — варварский язык для того, кто не любит, как греческий — варварский язык для того, кто не грек¹⁴⁵⁰. Любовь, кроме себя самой, не нуждается в дополнительных стимулах. Любовь любит только для того, чтобы снова быть любимой.

Подобные рапсодические выражения в изобилии встречались в обращениях Бернара к его аудитории в монастыре Клерво. Никакого развития мысли в них не наблюдалось. Афористические высказывания занимали место логики. Один и тот же духовный опыт описывался снова и снова. Но изложение всегда было полным веры и вдохновения, и оно доказывает справедливость титула «медоточивый доктор» (*doctor mellifluus*), которым почтили этого пылкого проповедника.

В центре мистицизма святого Бернара был Христос. Созерцая Христа, душа исполняется знанием и экстазом. И она стремится к тому, чтобы Христос пребывал в нас, а наша любовь к Богу стала всепоглощающим чувством. Христос — чистая лилия долин, белизна которой озаряет ум. Как желтая пыльца лилии просвечивает сквозь белые лепестки, так золото Божественности Христа сияет сквозь Его человеческую природу. Мыслями проповедника владели Вифлеем и Голгофа, рождество и страсти Христа. Распятый Христос был для него вершиной философии¹⁴⁵¹. Имя Иисуса — как елей, который освещает, питает и смягчает. Это свет, пища и лекарство. Иисус — мед для уст, мелодия для слуха, радость для сердца¹⁴⁵².

Бернар был далек от пантеистического самоотречения Экхарта и от крайностей воображения святой Терезы. Он отличался от мадам Гийон и квиетистов XVII века тем, что не верил в состояние чистой любви при этой жизни. Полное подчинение закону любви невозможно здесь, разве что в случае некоторых мучеников¹⁴⁵³. Его практические тенденции и здравый смысл помогали ему проводить время в созерцании и рекомендовать его другим. Союз с Богом и Христом подобен общению учеников в ранней церкви, которые были едины сердцем и душой (Деян. 4:32). Этот союз — не смешение природ, но согласие воли¹⁴⁵⁴.

§105. Гуго и Ричард Сен-Викторские

ЛИТЕРАТУРА О ГУГО. — *Труды*, впервые опубликованы: Paris, 1618, 1625, etc. Migne, vols. 175-177. — *Жизнеописания* — А. HUGONIN в Migne, 175. XV — CXXV. В *Hist. Lit. de France*, репринт в Migne, 175. CXXVI sqq. — *А. LIEBNER: *Hugo von St. V. und d. Theol. Richtungen s. Zeit.*, Leip., 1832. — В. HAUREAU: *Hugues de S. V. avec deux opuscules inédits*, Paris, 1859; новое издание 1886. — А. MIGNON: *Les origines de la scholastique et Hugues de St. V.*, 2 vols. Paris, 1896. — KILGENSTEIN: *D. Gotteslehre d. Hugo von St. V.*, Würzb., 1897. — DENIFLE: *D. Sentenzen Z. von St. Victor*, в *Archiv*, etc., 1887, pp. 644 sqq. — STÖKL, pp. 352-381.

¹⁴⁴⁹ *Divinitus inspiratus Christi et ecclesiae laudes, et sacri amoris gratiam et aeterni connubii cecinit sacramenta*, etc. (*Serm.*, I. 8; Migne, p. 788).

¹⁴⁵⁰ *Serm.*, LXXIX. 1; Migne, p. 1163.

¹⁴⁵¹ *Haec mea philosophia scire Jesum Christum et hunc crucifixum* (*Serm.*, XLIII. 4; Migne, p. 995).

¹⁴⁵² *Jesus mel in ore, in aure melos, in corde jubilus* (*Serm.*, XV. 6; Migne, p. 847).

¹⁴⁵³ См. Vacandard, *Vie de S. Bernard*, II. 497, и Ries, pp. 198 sq.

¹⁴⁵⁴ *Unitas quam facit non confusio naturarum, sed voluntatum consensio* (*Serm. in Cant.*, LXXI. 7; Migne, 183. 1124). Гарнак, чей рассказ о святом Бернаре — одна из самых волнующих глав в его «Истории учения», однако, несправедливо заявляет, что мистицизм Бернара естественным образом вел к пантеизму (III. 304). У самого Бернара нет ни следа пантеизма (См. Ries, pp. 190 sq.).

О РИЧАРДЕ. — *Труды*, первая публикация: Venice, 1506. Migne, vol. 196. — J. G. V. ENGELHARDT: *Rich. von St. V.*, Erlangen, — LIEBNER: *Rich. a S. Victore de contemp. doctrina*, Gött., 1837 — 1839, 2 parts. — KAULICH: *D. Lehren des H. und Rich. von St. Victor*, Prag., 1864. — Статья в *Dict. Of Natl. Biogr.*, PREGER, VAUGHAN, STÖKL, SCHWANE, etc.

В трудах Гуго Сен-Викторского (ум. в 1141) и более полно — у его ученика Ричарда Сен-Викторского (ум. в 1173) к мистике примешивался сильный схоластический элемент. У Бернара мистицизм является высоко развитым личным опытом. Для представителей монастыря Св. Виктора он заключен в рамки четких определений и превращается в научную систему. Деятельность Гуго и Ричарда ограничилась монастырем. Они не принимали участия в публичных спорах того века¹⁴⁵⁵.

Гуго, первый из великих германских богословов, родился около 1097 г. в Саксонии¹⁴⁵⁶. Около 1115 г. он отправился в Париж в сопровождении своего дяди и стал послушником Сен-Виктора. Он был другом святого Бернара. Гуго оставил после себя много произведений. Он был независимым и проницательным мыслителем и повлиял на авторов того времени, которые его цитируют. Его самые значительные труды — об обучении и таинствах, *Summa*¹⁴⁵⁷, а также комментарий к «Небесной иерархии» Дионисия Ареопагита. Он написал комментарии на Римлян, Екклесиаста и на другие книги Библии, а также трактат, который можно было бы назвать «Введением в Библию»¹⁴⁵⁸. Он различал в Писании три значения: историческое, аллегорическое и анаagogическое и был склонен уделять больше внимания историческому значению, чем было принято в то время. В пример этих трех значений приводится Иов. Он жил в земле Уц, был богат, его постигло несчастье, и он сидел на куче мусора, расчесывая свои язвы. Это историческое значение. Иов, имя которого значит «страдающий» (*dolens*), символизирует Христа, Который оставил Свою божественную славу, вошел в наше несчастное положение и сидит на груде праха этого мира, разделяя наши слабости и скорби. Это аллегорическое значение. Иов символизирует кающуюся душу, которая наваливает в своей памяти мусорную кучу собственных грехов и сидит на ней, непрерывно размышляя и плача. Это анаagogическое значение.

Гуго тщательно рассмотрел учение о таинствах, вслед за Августином определяя таинство как видимый знак невидимой благодати. Его взгляды мы приводим в главе о системе таинств.

Мистический элемент занимает выдающееся место в произведениях Гуго¹⁴⁵⁹. Душа обладает тройной способностью понимания и видения: плотскими очами,

¹⁴⁵⁵ Монастырь Св. Виктора, который прославили Гильом из Шампо, Гуго и Ричард, имел ответвления не только во Франции, но и в Ирландии. После Французской революции монастырь и его владения прекратили существование. Через его земли были проложены две парижские улицы, Ги де ла Бросс и де Жюссье (см. Wetzler-Welte, *St. Victor*, XII. 914 sqq.).

¹⁴⁵⁶ Аргумент в пользу Саксонии доказывает Preger (*Deutsche Mystik*, I. 227 sqq.). См. также Zöckler в Herzog, и ст. *Hugo* в Wetzler-Welte.

¹⁴⁵⁷ *Summa Sententiarum*, Migne, 176. 42-172. Денифле отрицает, что автор этого труда — Гуго, но не приводит веских доводов. Гуго начинает труд с рассмотрения трех основных добродетелей — веры, надежды и любви — и переходит к обсуждению Троицы, сотворения, пяти таинств и брака.

¹⁴⁵⁸ Обсуждаются значение Писания, количество книг, апокрифы, перевод, исторические трудности, связанные с Писанием, и т. д. См. Migne, 175. 9-28. Те же самые темы рассматриваются в трактате «Об обучении» (Migne, 176. 778-811).

¹⁴⁵⁹ Среди его мистических произведений — *De arca Noe morali* (Migne, 176. 619-680); *De arca mystica* (Migne, 176. 681-703); *De vanitate mundi*. Ноев ковчег символизирует духовный дом, а Христос — «капитан, духовный Ной». Дерево, окна и другие части ковчега толкуются в духовном смысле. Во втором трактате ковчег представлен как прообраз креста.

очаи разума и очами созерцания. Способность созерцания связана с божественным, но была утрачена с грехопадением, когда пострадали также и очи разума. Только плотские очи остались неповрежденными. Искупительная благодать восстанавливает очи созерцания. Эта способность связана с тремя видами деятельности: *cogitatio*, или постижение объектов в их внешней форме; *meditatio*, или изучение их внутреннего значения и сущности; и *contemplatio*, или ясное, незамутненное проникновение в истину и видение Бога. Эти три этапа сравниваются с костром из зеленых веток. Когда костер разгорается и пламя и дым перемешаны так, что огонь лишь изредка вырывается наружу, — это *cogitatio*. Когда огонь превращается в пламя, но дым все еще присутствует, — это *meditatio*. А когда пламя становится ярким и не смешивается с дымом, — это *contemplatio*. Плотское сердце — это зеленые ветки, из которых еще не выветрились похотливые страсти¹⁴⁶⁰.

В другом месте Гуго сравнивает дух, воспламененный желанием и поднимающийся к Богу, со столбом дыма, который становится все менее плотным по мере того, как поднимается. Возвышаясь над испарениями похоти, он смешивается со светом от лика Господня и удостаивается возможности созерцать Его¹⁴⁶¹. Когда сердце полностью изменяется и наполняется огнем любви, мы узнаем, что Бог есть всё во всё. Тогда наша любовь овладевает Богом и познает Бога. Любовь и видение приходят одновременно.

Пять составляющих религиозной жизни, по Гуго, — это чтение, размышление, молитва, поведение и созерцание¹⁴⁶². Слово «любовь» встречается у Гуго не так часто, как у святого Бернара. Слова, с помощью которых он чаще всего передавал свои мысли, — это «созерцание» и «видение», и он много говорит о восхищении души (*excessus* или *raptus* {в том же смысле, в каком это слово используется во 2 Кор 12:4}). Заповедь блаженства «чистые сердцем Бога узрят» — его любимое место, которое он цитирует снова и снова, чтобы указать на будущую возможность увидеть блаженство и на ту ясность зрения, которой может достичь душа даже сейчас. Первый человек в невинном состоянии жил с неповрежденной возможностью видеть Бога.

Те, кто обладает духом Божьим, обладают Богом. Они видят Бога. Так как их очи просвещены, они видят Бога таким, какой Он есть, отдельным от всего остального, самим по себе. Мыслящий человек разделяет блаженство Бога, и чем больше мы понимаем Бога, тем больше обладаем Им. Бог сотворил человека с разумом, чтобы он мог понять, посредством понимания любить, через любовь обладать, а от обладания наслаждаться¹⁴⁶³.

Ричард Сен-Викторский более, чем Гуго, опирался на диалектический метод и на аллегорический подход к Писанию. Ричард фантазирует там, где Гуго здраво судит. Он экстравагантен там, где Гуго сдержан, и напыщен там, где Гуго спокоен¹⁴⁶⁴. Но он всегда вдохновляет. Сохранилось много его произведений, хотя о его жизни известно мало. Он был шотландцем, в 1162 г. стал субприором, позже — приором Сен-Виктора. Во время его пребывания в Сен-Викторе монастырь посещали Александр III и Фома Бекет. В экзегетических трудах о Песни песней, Апокалипсисе и Иезекииле Ричард с пылкой фантазией преадевается алле-

¹⁴⁶⁰ *Carnale cor quasi lignum viride necdum ab humore carnalis concupiscentiae exsiccatum*, etc. (см. Liebner, p. 315).

¹⁴⁶¹ *De arca morali*, III. 7; Migne, 176. 654.

¹⁴⁶² *De erud. didasc.*, Migne, 176. 797.

¹⁴⁶³ *Quia non potest dei beatitudo participari nisi per intellectum*, etc. (*Summa*, II. 1: Migne, 176. 79).

¹⁴⁶⁴ См. Liebner, *Hugo von St. Victor*, pp. 81 sq.

горическим толкованиям. В Песни песней, по его мнению, представлена жизнь в созерцании, в Екклесиасте — жизнь природная, а в Притчах — жизнь моральная. Иаков соответствует Песни песней, ибо он видел поднимающихся и спускающихся ангелов. Авраам соответствует Притчам, а Исаак — Екклесиасту¹⁴⁶⁵. Песнь песней представляет созерцательную жизнь, потому что эта книга говорит о желании пришествия и созерцания Господа.

К догматическим трудам Ричарда относятся «Еммануил» — трактат, обращенный к иудеям¹⁴⁶⁶, и труд о воплощении, адресованный святому Бернару¹⁴⁶⁷, в котором, следуя за Августином, он одобрял грех как удачное преступление (*felix culpa*), потому что в результате возникла потребность в воплощении Искупителя¹⁴⁶⁸. Его главный богословский труд — о Троице. Здесь он заявляет, что всякое значение проистекает из опыта, рассуждения и веры. Философы-диалектики раскрывают себя в полной мере, когда пытаются соединить веру и знания. Ричард осуждал псевдофилософов, которые больше полагались на Аристотеля, чем на Христа, и больше думали об открытии нового, чем об утверждении старых истин¹⁴⁶⁹. Вера представлена как обязательное требование для христианского познания. Это отправная точка и фундамент¹⁴⁷⁰. Автор доказывает существование Троицы из идеи любви, которая требует сосуществования разных личностей, а точнее, трех, потому что две личности, любящие друг друга, желают, чтобы существовала и третья, которую они любили бы вместе.

Благодаря явно мистическим произведениям Ричард заслужил известность великого созерцателя (*magnus contemplator*). В «Подготовке разума к созерцанию», или «Вениамине Малом», проводится развернутое сравнение между Лией и Рахилью, о котором мы уже упоминали. Он прослеживает духовный смысл двух их кормилиц и их детей вплоть до Вениамина. Ричард даже делает смелое заявление: Вениамин убил свою мать, чтобы подняться выше природного разума¹⁴⁷¹.

В «Вениамине Большом», или «Благодати созерцания», обсуждается происходящее внутри души, когда та воспаряет «через себя и выше себя» к сверхъестественному видению Бога. Ричард настаивает, что очищение души от всякого греха — это условие познания Бога. Сердце должно пропитаться добродетелями, о которых говорит Ричард, чтобы вознестись к высочайшим вещам, и тот, кто пытается достичь вершин знания, должен в первую и главную очередь в совершенстве познать самого себя¹⁴⁷².

Ричард повторяет классификацию Гуго: *cogitatio*, *meditatio* и *contemplatio*. Созерцание — это свободное, ясное и воспаряющее умственное видение чудес Божьей премудрости¹⁴⁷³. Оно состоит из шести этапов, последний из которых — «созерцание над разумом и вне его». На этом этапе постигаются тайны Троицы.

¹⁴⁶⁵ Migne, 196. 409.

¹⁴⁶⁶ *De Emmanuele*, Migne, 196. 601-665.

¹⁴⁶⁷ Migne, 196. 995-1011. Ричард называет Бернара *divus Bernardus* и «мой Бернар» (V; Migne, 195. 999). Он посвящал святому Бернару и другие труды.

¹⁴⁶⁸ *O felix culpa quae talem ac tantum meruit habere redemptorem* (Migne, 196. 1003).

¹⁴⁶⁹ См. Engelhardt, pp. 14 sqq.

¹⁴⁷⁰ *Fides totius boni initium est atque fundamentum* (Migne, 196. 889).

¹⁴⁷¹ *Interficit matrem ubi omnem supergreditur rationem* (*De prep.*, 86; Migne, 196. 62, etc.).

¹⁴⁷² *Animus qui ad scientiae altitudinem nititur ascendere, primum et principale sit ei studium se ipsum cognoscere* (*De prep.*, 76; Migne, 196. 54).

¹⁴⁷³ *Contemplatio est libera mentis perspicacia in sapientiae spectacula cum admiratione suspensa* (*De gratia*, I, 5; Migne, 196. 67). Здесь, как и в других местах, Ричард цитирует своего учителя Гуго.

Выходя за свои пределы, душа может войти в состояние экстаза, иметь видения, наслаждаться возвышенным поклонением и невыразимо сладкими переживаниями. Это непосредственное общение с Богом. Третье небо, куда был восхищен Павел, выше разума. Туда можно попасть только посредством восхищения ума (*per mentis excessum*). Оно «выше разума и вне его»¹⁴⁷⁴. Любовь обязательна для всего процесса созерцания, а «созерцание — это гора, которая возвышается над всей мирской философией». Аристотель не додумался до такой вещи, как и Платон, как и все прочие философы¹⁴⁷⁵.

Ричард прославляет Писание и считает его средством проверки духовного состояния. Все, что не соответствует букве Писания, должно восприниматься с подозрением¹⁴⁷⁶.

Эти два вдохновляющих учителя в своих трудах учат нас прежде всего тому, что мы должны верить, любить и освящаться, чтобы душа достигла экстаза и полноты созерцания, то есть познания Бога. Писание — высшее руководство, а душа посредством созерцания достигает духовного состояния, которого никогда не достичь с помощью интеллекта и разумных доводов.

Руперт из Дейца. Среди мистиков XII века немаловажное место принадлежит Руперту из Дейца¹⁴⁷⁷. Немец по национальности, он стал аббатом бенедиктинского монастыря Дейца близ Кельна около 1120 г. и умер в 1135 г. Он вступил в конфликт с Ансельмом Лаонским и Гильомом из Шампо, приписав им учение, что Бог сотворил зло и что Адам, согрешив, исполнил Божью волю. Руперт разоблачал их заблуждения в двух трудах, «Воля Божья» и «Всеведение Божье». Он даже отправился во Францию, чтобы спорить с этими двумя знаменитыми учителями¹⁴⁷⁸. Ансельма Лаонского он застал на смертном одре, а с Гильомом провел открытый диспут.

Главная заслуга Руперта относится к области экзегетики. Он был самым плодовитым библейским комментатором того времени. Он прославлял Писание. В одном общем томе он откомментировал книги Ветхого Завета от Бытия до Паралипоменона, четырех больших пророков и четырех евангелистов¹⁴⁷⁹. Один только комментарий к Книге Бытия занимает в издании Миня почти четверта колонок. Среди других его экзегетических трудов — комментарии к Евангелию и Откровению святого Иоанна, к малым пророкам, к Екклесиасту и особенно к Песни песней и Матфею. В этих трудах он сознательно и усердно изучает текст стих за стихом. Песнь песней Руперт считал песней в честь Девы Марии, но выступал против учения о том, что она была зачата без греха. Комментарий начинается с толкования первого стиха главы 1, «Да лобзает он меня лобзанием уст своих!»: «Что значит это восклицание, столь великое, столь неожиданное? О благословенная Мария! поток радости, сила любви, река удовольствия наполнили тебя и опьянили тебя, и ты почувствовала то, чего глаза не видели, уши не слышали и чего не ощущало сердце человеческое, и ты сказала: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих!» — ибо ты сказала ангелу: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему». Что значило это слово? Что он сказал ей? «Ты обрела благодать у Бога, — сказал он, — и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына...» Разве не таковы были слова ангельского обетования и обещание поцелуя уст Господа?» и т. д.¹⁴⁸⁰

Руперт занимает также место в истории учения о вечере Господней, и остается открытым вопрос, не ли заменил учение о пресуществлении учением об импанации¹⁴⁸¹.

¹⁴⁷⁴ *Supra rationem et praeter rationem (De prep., 86; Migne, 196. 61).*

¹⁴⁷⁵ *De prep., 74; Migne, p. 54.*

¹⁴⁷⁶ *Suspecta mihi est omnis veritas, quam non confirmat scripturarum auctoritas (De prep., 81; Migne, 196. 57).*

¹⁴⁷⁷ Полное издание его трудов есть в Migne, vols. 167-170. См. Bach и Schwane. Также Rocholl, *Rupert von Deutz. Beitrag zur Gesch. der Kirche im 12ten Jahrh.,* Gütersloh, 1886.

¹⁴⁷⁸ Руперт рассказывает о своем путешествии во Францию для встречи с Гильомом и Ансельмом в *De regula Benedicti (I. 1; Migne, 170. 482 sq.).*

¹⁴⁷⁹ Этот труд называется *De operibus sanctae trinitatis (Migne, 167. 199-1827).* Первые две части представляют деяния Отца и Сына, третья — деяния Святого Духа (pp. 1571-1827).

¹⁴⁸⁰ Migne, 168. 841.

¹⁴⁸¹ *De operibus S. trinitatis, II. 10.* Беллармин объявил Руперта еретиком из-за его взглядов на вечерю Господню. Schwane (*Dogmengesch.,* p. 641) отрицает это обвинение.

ГЛАВА XIII

РАСЦВЕТ СХОЛАСТИКИ

§106. Александр Галесский

ЛИТЕРАТУРА. Труды о схоластике вообще см. в §95. АЛЕКСАНДР ГАЛЕССКИЙ: *Summa universae theologiae*, Venice, 1475, Nürnberg, 1482, Basel, 1502, Cologne, 1611, 4 vols. — WADDING: *Annal. Min.*, III. — STÖCKL: *Phil. des Mittelalters*, II. 313-326. — K. MÜLLER: *Der Umschwung in der Lehre Soon der Busse*, etc., Freib., 1892. — Истории учения: SCHWANE, HARNACK, SEEBERG, etc., *Dict. of Natl. Biogr.*, I. 272 sq.

Кульминация схоластики приходится на XIII век. Ученые уже больше не были так уверены в способности разума доказать все богословские положения, как в дни Ансельма и Абеляра, за сто лет до того. На первое место выступил этический элемент. Возобладал умеренный реализм. Отрабатывался силлогизм. Обсуждался вопрос, является богословие наукой или нет. Авторитет Августина стал еще больше, если такое вообще было возможно. Благодаря переводам открылся доступ ко всем его произведениям. Стали известны учения Аверроэса, Авиценны и других арабских философов. Главные схоласты принадлежали к какому-либо из двух великих нищенствующих орденов. Францисканцами были Александр Галесский, Бонавентура, Дунс Скот, Роджер Бэкон и Раймунд Луллий. Альберт Великий и Фома Аквинат были доминиканцами. Все эти люди были связаны с университетами.

Александр из Гэльса (Галесский), которого ученики называли «неопровержимым доктором» (*doctor irrefragabilis*) и «королем богословов» (*monarcha theologorum*), родился в Гэльсе (Глостершир, Англия) и умер в Париже в 1245 г. Получив сан архидиакона, он отправился в Париж, чтобы продолжить обучение. Вступил в орден святого Франциска (1222) и был первым францисканцем, получившим степень доктора и преподававшим в Парижском университете, где и оставался до 1238 г.

Александр был первым схоластом, которому стали доступны все произведения Аристотеля. Его главный труд, «Система всеобщего богословия», был завершен одним из его учеников (1252).¹⁴⁸² Другие рукописи, приписываемые Александру, находятся в Оксфорде и т. д. Происхождение *Summa de virtutibus* (Париж, 1509) и «Комментария к Апокалипсису» (Париж, 1647), опубликованных под его именем, вызывает сомнения. Его метод — формулировать некий вопрос в утвердительной и отрицательной форме¹⁴⁸³, а потом давать на него ответ. В мирских вопросах знание проистекает из рационального убеждения, в духовных же вера предшествует знанию. Следовательно, богословие — это, скорее, премуд-

¹⁴⁸² Роджер Бэкон с презрением говорит, что эта книга тяжелее лошади (*Natl. Dict. of Biogr.*, I. 273).

¹⁴⁸³ *Videtur quod sic, et videtur quod non.*

дрость (*sapientia*), а не наука (*scientia*); знание берется не из исследования, а из опыта¹⁴⁸⁴. Александр принял важное участие в формулировании некоторых характерных учений Средневековья, вошедших в доктринальную систему Римской католической церкви. Он объявил о необратимом характере крещения и рукоположения. Он разработал аргументы, оправдывающие удаление чаши от мирян и сформулировал новое учение о церковных наказаниях. Он особенно знаменит тем, что изобрел догму о сокровищнице сверхдолжных заслуг (*thesaurus meritorum*) — порочное учение, на котором была основана практика распределения и продажи индульгенций. Он одним из первых провел разграничение между *attritio*, или несовершенным покаянием, которое вызвано страхом (*timor servilis*), и *contritio*, или совершенным покаянием, которое вызвано более возвышенными причинами. Во всех этих вопросах он оказал довлеющее влияние на более поздних схоластов¹⁴⁸⁵.

§107. Альберт Великий

ЛИТЕРАТУРА. *Труды*. Полное издание — Jammy, Lyons, 1651, 21 vols.; пересмотренное — Augusti Borgnet, 38 vols. Paris, 1890. Посвящено Льву XIII, содержит *Жизнеописание* и ценные указатели. *De vegetabilibus*, ed. Meyer и Jessen, Berl., 1867. — *Комментарий к Иоану*, ed. M. Weiss, Freib., 1904. — Самая полная монография — J. SIGHART: *Alb. Mag., sein Leben und seine Wissenschaft*, Regensb., 1857, основана на компиляции из ПЕТРА ПРУССКОГО: *Vita B. Alb. doctoris magni ex ordine Praedicatorum*, etc., Col., 1486. — Зигарт приводит список биографических сведений из Фомы де Шантимпре, 1261. — D'ASSAILY: *Alb. le Grand*, Paris, 1870. — G. VON HERTLING: *Alb. Mag., Beiträge zu s. Würdigung*, Col., 1880; *Alb. Mag. in Gesch. und Sage*, Col., 1880, и его статья в *Wetzer-Welte*, I. 414-419. — Ueberweg-Heinze. — STÖCKL, II. 353-421. — SCHWANE, pp. 46 sqq. etc. — PREGER: *Deutsche Mystik*, I. 263-268. — HARNACK, SEEBERG.

Самым ученым и активно читаемым представителем XIII века был Альберт Великий. Его энциклопедические достижения не имели себе равных в средние века, и благодаря им он заслужил титул «универсального доктора» (*doctor universalis*). Он был величайшим из немецких ученых и мыслителей той эпохи.

Альберт (1193 — 1280) родился в Лауингене, в Баварии, учился в Павии и около 1223 г. вступил в орден доминиканцев под влиянием проповеди его второго генерала Джордана. Он преподавал во Фрейбурге, Гильдесгейме, Страсбурге, Регенсбурге и других городах. В Кельне, который был его основным местом жительства¹⁴⁸⁶, он, среди прочих учеников, обучал Фому Аквината¹⁴⁸⁷. Похоже, три года он преподавал в Париже (около 1245 г.). В 1254 г. он был избран провинциальным настоятелем своего ордена в Германии. Два года спустя мы встречаем его в Риме, куда он был призван Александром IV для совета касательно конфликта нищенствующих орденов и Гильома Сент-Амурского.

Он стал епископом Регенсбурга, но отказался от этого поста в 1262 г.¹⁴⁸⁸ Его присутствие на соборе в Лионе (1274) сомнительно¹⁴⁸⁹. Уже в конце жизни он

¹⁴⁸⁴ *Cognitio secundum visum, cognitio secundum gustum.*

¹⁴⁸⁵ Смотри главу о системе таинств.

¹⁴⁸⁶ Он говорит в завещании, что провел большую часть жизни в монастыре в Кельне. Он назначил родного брата Генриха своим душеприказчиком (Sighart, p. 247).

¹⁴⁸⁷ Лев XIII в послании, разрешающем Борнье посвятить ему издание трудов Альберта, говорит: «Я в особенности рад даровать это разрешение, так как наша любовь к ангелическому доктору неотделима от любви к его учителю» (Borgnet ed., I, p. vii). Лаббей, иезуит, издатель актов соборов, написал поэму, в которой сравнивал Альберта с его учеником Фомой Аквинатом и весьма славил Альберта за восхваление Марии (Borgnet, I. lxxii. sq.).

¹⁴⁸⁸ Sighart (pp. 148, 152) объясняет его отказ от должности яростной оппозицией и полагает, что

совершил путешествие в Париж, чтобы защитить учение Фомы Аквината после смерти этого богослова. Он умер в возрасте восьмидесяти семи лет в Кельне и был похоронен там в церкви Св. Андрея.

Альберт был невысокого роста. Рассказывают, что папа во время первой встречи с ним подумал, что он стоит на коленях, и попросил его встать. За несколько лет до смерти он впал в детство, и говорят, что, когда архиепископ Зигфрид стучал в дверь его кельи, спрашивая: «Альберт, ты здесь?» — он отвечал: «Альберта здесь нет. Он был здесь. Его больше здесь нет». В юности Альберта называли «немым быком», потому что он учился медленно, а по поводу его интеллектуальных способностей шутили, что «Альберт превратился из осла в философа, а из философа в осла». В 1880 г., в честь шестисотлетия смерти, в родном городе Альберта ему был воздвигнут памятник.

Альберт Великий был философом, натуралистом и богословом. Он изучал Бога, природу и человека. Он не знал греческого, но был хорошо начитан в латинской классике, а также в трудах отцов церкви. Он пользовался полным собранием произведений Аристотеля и был знаком с арабскими философами, которых иногда опровергал¹⁴⁹⁰. Он также пользовался трудами евреев Исаака Израэли (Ицхака Старшего), Маймонида и Гебироля (Авицеброна)¹⁴⁹¹. Так как он многим был обязан Аристотелю, его называли «мартышкой Аристотеля» (*simia Aristotelis*), но это несправедливо, потому что он часто не соглашался с учителем¹⁴⁹².

Альберт сумел объять всю область естественных наук. В течение веков не было другого такого исследователя природы. Он писал о растительном царстве, о географии, минералогии, зоологии, астрономии и об органах пищеварения. Его произведения на эти темы полны любопытных сведений и объяснений природных явлений. Например, в трактате о метеорах (*De meteororibus*), который в издании Борнье занимает триста страниц (IV. 477-808), подробно рассматриваются такие темы, как кометы, Млечный Путь, причины световых явлений в нижних слоях воздуха, происхождение рек, ветер, молния, гром и циклоны, радуга и т. д. Говоря о реках, Альберт сообщает о больших впадинах на поверхности земли и о губчатых областях под ее плоской поверхностью. На вопрос, зачем было сотворено солнце, если существовавшего до тех пор света было достаточно, чтобы говорить об «утре и вечере» первых дней творения, он отвечал, что «предыдущий свет обильно освещал верхние сферы вселенной, солнце же было предназначено для освещения нижних областей, или, скорее, для того, чтобы от

Альберт имел в виду эту оппозицию, когда писал свое переложение «Политики» Аристотеля. Ленивые, говорит Альберт, придираются к тем, кто преуспевает. Они убили Сократа, изгнали Платона из Афин и отправили в изгнание Аристотеля. Эти люди занимают в области литературы и науки то же место, что печень — в человеческом теле, потому как у каждого в печени скапливается желчь, которая распространяется и делает горьким все тело. Так и в области литературы есть горькие люди, полные желчи, которые стараются огорчить других людей и не позволяют им искать истину в приятной компании.

¹⁴⁸⁹ Так считает Фон Гертлинг. В записях собора не упоминается его имя. Петр Прусский утверждает, что Альберт присутствовал, и ему вторит Sighart (p. 225).

¹⁴⁹⁰ Аверроэсом, Авиценной, Аль-Газалем и др. Schwane (p. 40) говорит, что Альберт первым получил в свое распоряжение все труды Аристотеля и поставил их на служение христианской философии.

¹⁴⁹¹ Об этом говорит J. Guttman, *Die Scholastik des 13ten Jahrhunderts in ihren Beziehungen zum Judenthum und zur jüdischen Literatur*, Breslau, 1902.

¹⁴⁹² Он вновь и вновь говорит: «Аристотель ошибался» (например, Borgnet ed., III. 545, etc.). Он говорит: «Тот, кто верит в Аристотеля как в бога, может верить, что он никогда не ошибался. Но если он был человеком, то он мог ошибаться, как все» (Borgnet ed., III. 553).

солнца день стал еще светлее; если же спросить, что стало с предыдущим светом, мы ответим, что из него было сформировано тело солнца (*corpus solis*), и в любом случае предыдущий свет находился в той же части небес, где расположено солнце, не в том смысле, что это было солнце, но в том, что он так объединился с солнцем, что теперь не может быть отделен от него»¹⁴⁹³.

Альберт видел мир по-новому. Часто его сведения ошибочны, но иногда он выступает как пророк современных открытий. Например, он писал, что на краях земли слишком холодно, чтобы они были обитаемыми. Он знал о сне растений и о многих законах растительного мира. Он неустанно экспериментировал, был предтечей современных лабораторных ученых, много работал с мышьяком, серой и другими химическими веществами. Он знал о порохе, но почерпнул это знание у других¹⁴⁹⁴. Последующая эпоха свяжет его имя, как и имя Роджера Бэкона, с магией и темными искусствами, но, вероятно, без веских на то причин.

В мире было мало таких плодovitых авторов, как Альберт Великий. Издание Борнье, 38 томов, содержит, за исключением ценных указателей, не менее 27.014 страниц по две колонки каждая. Можно сказать, что эти произведения охватывают не только все области естественных знаний, но и все возможные темы религии и философии. Он деятельно сочетал труд оригинального мыслителя с работой компилятора. Двенадцать томов в издании Борнье посвящены философии и естественным наукам, один — проповедям, один — комментарию на Дионисия Ареопагита, десять — комментариям на книги Ветхого и Нового Завета, четырнадцать — богословию. Он свободно пользовался произведениями своих предшественников-схоластов, таких как Ансельм, Бернар, Гуго и Ричард Сен-Викторские, а также трудами отцов церкви, греческих и арабских философов.

Основные богословские труды Альберта — это комментарий на «Сентенции» Петра Ломбардского, «Исследование сотворенных вещей»¹⁴⁹⁵ и независимая *summa* богословия, оставшаяся незаконченной и прекращенная на обсуждении греха. В плане многих рассматриваемых вопросов эти три труда параллельны, но каждый из них оригинален, тщательно проработан и обладает своеобразным строением. «Исследование сотворенных вещей», или «Система природы», — это не имеющая себе равных по смелости попытка объяснить великие явления видимой вселенной вверху и внизу, вечность и время, звезды и движение небесных тел, ангелов и бесов, а также описать человека (его душу и тело, законы его питания, сна, рассуждения, его мозг и другие части тела, истолковать события, которые с ним происходят).

Комментарии Альберта освещают Псалтирь, в трех томах, Плач Иеремии, Даниила, малых пророков, Варуха, евангелия и Апокалипсис. Его комментарий о достойной женщине из Пр. 31:10-31 занимает 200 страниц по две колонки каждая.

Богословие Альберт называл наукой в самом полном смысле этого слова, и более того, премудростью¹⁴⁹⁶. Это практическая наука о том, что касается спасения. Бытие Бога не поддается позитивному доказательству *a priori*. Оно может быть доказано опосредованно, через недопустимость тех абсурдностей, которые пристокают из его отрицания¹⁴⁹⁷. Существование Бога — это, собственно, не

¹⁴⁹³ *Sent.*, II, xiii, F. Borgnet ed., XXVII, 249 sq.

¹⁴⁹⁴ Интересный обзор знаний Альберта делает Sighart, pp. 302-356; также Stöckl, II, 359 sqq.

¹⁴⁹⁵ *Summa de creaturis*, vols. XXXIV, XXXV, в Borgnet ed.

¹⁴⁹⁶ *Theologia verissima scientia est et, quod plus est, sapientia* (*Summa theol.*, I, 1, 1; Borgnet ed., XXXI, 9).

¹⁴⁹⁷ *Summa*, I, 3, q. 17; Borgnet ed., XXXI, 116.

постулат богословия, но antecedent всех его постулатов. В своей *Summa* он цитирует определение Ансельма: «Бог больше всего, что может быть воспринято». На это Ансельму выдвигалось возражение, что мы не можем постичь то, что выше нашего восприятия. И на это возражение Альберт отвечает, показывая, что Бог может быть познан и через позитивное утверждение, и через отрицание. Космологическое доказательство было самым важным для Альберта, и он подробно обсуждал, что фактом движения предполагается наличие перводвигателя. Материя не может начать двигаться сама¹⁴⁹⁸.

Троица — вопрос откровения. Философия не может его установить¹⁴⁹⁹. Тем не менее Альберт вдаётся в подробные спекулятивные обсуждения этого учения.

Вслед за Августином, Ансельмом и Ричардом Сен-Викторским он выступал за обязательное исхождение Духа от Сына, а не только от Отца¹⁵⁰⁰ и ставил акцент на любви как главном принципе, которым руководствуются в своих взаимоотношениях три ипостаси Троицы.

Альберт исчерпывающе изучает обычный для схоластов список вопросов об ангелах, добрых и злых. Он утверждает, что несколько ангелов не могут одновременно находиться в одном месте, причем не из-за связанных с этим пространственных неудобств, а из-за возможной путаницы действий, к которой это может привести. Он считает также, что ангел не может одновременно быть в разных местах. Он подробно рассматривает язык и органы речи ангелов¹⁵⁰¹. Особенно подробно он изучает грехопадение, деятельность и место обитания Люцифера и бесов. В плане дотошности он не уступает прочим схоластам. Он задает все возможные вопросы и отвечает на них. Вот некоторые из этих вопросов. Грешат ли грешники в аду? Желают ли они блага? Обязательна ли для бесов дымная атмосфера? Каким будет возраст и рост тех, кто воскресает из мертвых? Умалется ли слава блаженных от того, что они видят страдания грешников? И на этот последний вопрос он отвечает, что от возможности смотреть на чужие страдания только усиливается радость святых, которые с новой ревностью благодарят за свое искупление¹⁵⁰². Серьезная проблема грехопадения дьявола несколько раз привлекала к себе пристальное и длительное внимание Альберта¹⁵⁰³. Взгляды «универсального доктора» на демонологию будут изложены в другой главе. Также в другом месте мы поговорим о его ответе на вопрос, что будет с мышью, которая съела освященную гостию.

Главная и конечная причина сотворения человека — в том, что он должен служить Богу своими поступками, восхвалять Бога своими устами, наслаждаться Богом всем своим существом. Вторая причина — в том, что он должен заполнить пробелы, образовавшиеся вследствие грехопадения ангелов¹⁵⁰⁴. В другом месте Альберт объясняет сотворение человека и ангелов следствием Божьей благодати¹⁵⁰⁵.

¹⁴⁹⁸ *Physic*, VII; Borgnet ed., III. 483-502.

¹⁴⁹⁹ *Philosophi pro propria ductu naturalis rationis non potuerunt cognoscere trinitatem personarum* (Borgnet, XXXI. 60).

¹⁵⁰⁰ *Summa*, I. 7, q. 31; Borgnet, XXXI. 326 sqq.

¹⁵⁰¹ *De locutione angelorum. Summa*, II. 9, q. 35; Borgnet, XXXII. 376-387. Он опирается на высказывания Августина, святого Василия и Иоанна Дамаскина.

¹⁵⁰² *Sent.*, IV. 50; Borgnet ed., XXX. 699. Альберт обсуждает даже, воскреснут ли из мертвых не рожденные из-за произведенного аборта младенцы.

¹⁵⁰³ *In quid cecidit diabolus. Summa de creaturis*, IX. 67; Borgnet ed., XXXIV. 682 sqq. *Summa theol.*, II. 5, q. 23 sqq.; Borgnet ed., XXXII. 266-286.

¹⁵⁰⁴ *Adjunctus autem finis est qui secutus est ex isto: et ille est reparatio ruinae angelicae* (*Summa*, II. 12 sq., 74; Borgnet ed., XXXIII. 57).

Из всех, кто славил Деву Марию вплоть до Альфонсо да Лигуори, никто не был таким красноречивым и детальным, как Альберт. Краткое содержание его знаменитого трактата «Восхваления Марии» (*De laudibus B. Mariae Virginis*)¹⁵⁰⁶, который занимает 841 страницу в издании Борнье, мы приводим в разделе о поклонении Марии. В этом трактате к Марии отнесено не менее шестидесяти разных мест из Песни песней. Альберт объявляет, что она была коронована по вознесении на небеса.

Одним из пунктов, на которых этот богослов неустанно и твердо настаивал, было утверждение, что Ева зачала еще до того, как согрешила.

Что касается организации средневековой церкви, то для Альберта папа был наместником Бога, облеченным всей полнотой власти¹⁵⁰⁷.

Альберт поражает нас производительностью и широтой своей богословской мысли, а также усердием и гибкостью ума. Подобно всем схоластам, он старался исчерпывающе рассмотреть обсуждаемые им вопросы и изучить их во всех возможных аспектах. В представлении темы у него нередко наблюдается некоторая хаотичность, однако он весьма вдохновляет. Великому ученику Альберта Фоме Аквинату оставалось только добавить ясности и сжатости в формулировку богословских проблем там, где этого не хватало. Альберт трудился с ненасытным любопытством ученого, глубиной философа и возможностями широко начитанного исследователя, тогда как Фома добавил к его достижениям навык диалектического артистизма и заострил внимание на практическом и этическом смысле богословия.

§108. Фома Аквинат

ЛИТЕРАТУРА. I. *Труды*. — U. CHEVALIER: *Répertoire under Thomas Aq.*, pp. 1200-1206, и *Suppl.*, pp. 2823-2827. — S. *Thomae Aquinatis Doctoris Angelici opera omnia*, jussu impensaque Leonis XIII, P. M., edita, Romae ex typographia polyglotta S. C. de Propaganda Fide, vols. 1-11, 1882-1902, еще не завершено, планируется 25 томов. Для этого издания, называемого, из-за покровительства Льва, *editio Leonina*, папой было выделено 300.000 лир. См. vol. I, p. xxv. — Более старые издания, Rome, 1570, 18 vols., по распоряжению Пия V, и Venice, 1592 — 1594; Antwerp, C. MORELLES, 1612 sqq., 18 vols.; Paris, 1660, 23 vols.; Venice, 1786 — 1790, 28 vols.; с 30 диссертациями, B. M. DE RUBEIS, Naples, 1846 — 1848, 19 vols.; Parma, 1852 sqq.; Paris, 1871 — 1880, 33 vols., FRETTE и MARÉ. — *Summa theologica* часто издавалась отдельно: MIGNÉ, 4 vols. Paris, 1841, 1864; *DRIUOX, 15 vols. Paris, 1853 — 1856; с французским переводом, и 8 vols. Paris, 1885. Среди многочисленных комментаторов *Summa* — Cajetan (ум. в 1534), есть в издании Льва, Melchior Canus (ум. в 1560), Dominicus Soto (ум. в 1560), Medina (ум. в 1580), Bannez (ум. в 1604), Xantes Moriales (ум. в 1666), Mauritius de Gregorii (ум. в 1666), все доминиканцы; Vasquez (ум. в 1604), Suarez (ум. в 1617), иезуиты. Наиболее многословные комментарии сделаны босоногими кармелитами из Испании, например, *Cursus theologicus* Саламанки, 19 vols., переизд. Venice, 1677 sqq., и *Disputationes collegii complutensis* из Алькалы, 4 vols., переизд. Lyons, 1667 sqq. — См. WERNER: *D. hl. Thomas*, I. 885 sqq. — P. A. UCCELLI, изд. *contra Gentiles*, Rome, 1878, на основании рукописи из Ватикана, содержит факсимиле почерка Фомы, который почти невозможно прочесть. — Англ. перев. *Aurea Catena*, Oxford, 1865, 6 vols., и *Этика*, J. RICKABY, N. Y., 1896. — FR. SATOLLI, в *Summam Theol. d. Th. Aq. praelectiones*, Milan, 1884 — 1888. — L. JANSSEN: *Summa Theol. ad modum commentarii in Aquinatis Summam praesentis aevi studii aptatam*, Freib. im Br., 5 vols. 1902. — *La théol. affective ou St. Th. d'Aq. médité en vue de prédication*, L. Bail, Paris, 12 vols.

¹⁵⁰⁵ *Quare est creatus homo vel angelus? Brevi sermone, respondere potest. Propter bonitatem ejus* (*Sent.*, II. 1, E; Borgnet ed., XXVII. 35).

¹⁵⁰⁶ *Summa*, II. 14; Borgnet ed., pp. 131 sq.

¹⁵⁰⁷ *Habet potestatis plenitudinem quia est ordinarius omnium hominum et quia est vice Dei in terris* (*Summa*, II. q. 141, 3; Borgnet, XXXIII. 484).

- II. Жизнеописания и т. д. — Древнейшее жизнеописание — WILLIAM DE THOSO, который знал Фому лично, репринт в ed. Leonina, vol. I. Документы в *Chartularium parisiensis*. — F. V. DE RUBEIS: *De gestis et scriptis ac doctrina S. Th. Aq. dissertationes crit. et apolog.*, репринт в изд. Льва. — P. A. TOURON: Paris, 1737. — J. BAREILLE: 1846, 4th ed. 1862. — *KARL WERNER, католик, профессор из Сен-Пелтена, Австрия: *D. heilige Th. von Aquino*, 5 vols. 1858 — 1859, Regensb. Ученый, исчерпывающий, но плохо организованный труд. — R. V. VAUGHAN, католик, архиепископ Сиднея: *Life and Labors of St. Th. of Aquino*, 2 vols. Lond., 1871 — 1872, основан на Вернере. — CIOGNANI: *Sulla vita de S. Tomasio*, англ. перев., 1882. — P. CAVENAUGH: *Life of Th. Aq., the Angelic Doctor*. N. Y., 1890. — DIDOT: *Le docteur angélique S. Th. d'Aq.*, Bruges, 1894. — JOURDAIN: *Le Phil. de S. Th. d'Aq.*, 2 vols. Paris, 1861. — *F. X. LEITNER: *D. hl. Th. von Aq. über d. unfehlbare Lehramt d. Papstes*, Freib., 1872. — J. J. BAUMANN: *D. Staatslehre des hl. Th. von Aq.*, Leip., 1873. — SCHÖTZ: *Thomas Lexicon* (объяснение специальных терминов), Paderb., 1881. — EICKEN: *D. Philos. d. Th. von Aq. und. d. Kultur d. Neuzeit*, Halle, 1886, 54 pp.; также *Th. von Aq. und Kant, ein Kampf zweier Welten*, Berlin, 1901. — *F. H. REUSCH, старокатолик: *D. Fälschungen in dem Traktat des Th. von Aq. gegen die Griechen*, München, 1889. — F. TESSEN-WESIERSKY: *D. Grundlagen d. Wunderbegriffs n. Th. von Aq.*, Paderb., 1899, p. 142. — J. GUTTMANN: *D. Verhältniss des Th. von Aq. zum Judenthum und zur jüdischen Literatur*, 1891. — WITTMANN: *D. Stellung d. hl. Th. von Aq. zu Avencebrol*, Münster, 1900. — DE GROOT: *Leo XIII und der hl. Th. von Aq.*, Regensb., 1897. — M. GRABMANN: *D. Lehre d. hl. Th. v. Aq. v. d. Kirche als Gotteswerk*, Regensb., 1903. — J. GÖTTLER: *D. hl. Th. v. Aq. u. d. vortridentin. Thomisten üb. d. Wirkgn. d. Bussakramentes*, 1904. — STÖCKL: *Philos. d. Mittelalters*, II. 421-728. *The Hist. of Doctr.* — SCHWANE, HARNACK, III. 422-428, etc., и Loofs, pp. 284-304. — LANE-POOLE: *Illustrations etc.*, pp. 226 sqq. — BAUR: *D. Christl. Kirche des M. A.*, 312-354. — Ст. в *Wetzer-Welte*, XI. 1626-1661. — T. O'GORMAN: *Life and Works of St. Th. Aq. in Papers of Am. Soc. of Ch. Hist.*, 1893, pp. 81-97. — D. S. SCHAFF: *Th. Aq. and Leo XIII in Princeton Rev.*, 1904, pp. 177-196. — Ст. *Th. Aq. and Med. Thought*. в *Dubl. Rev.*, Jan., 1906.

Надальтарное украшение работы Траини, созданное в 1341 г. в церкви Св. Екатерины в Пизе, изображает Фому Аквината сидящим в центре, с открытой книгой перед ним. Вверху художник поместил Христа, рядом с Ним — Матфея, Луку и Павла, а с другой стороны — Моисея, Иоанна и Марка. Под Фомой Аквинатом, левее, изображен стоящий Аристотель, смотрящий на Фому. Аристотель держит открытую книгу, обращенную к центральной фигуре. А правее представлен Платон, также стоящий и смотрящий на Фому с открытой книгой в руках. Внизу полотна помещены три группы. В двух углах изображены монахи, которые с восхищением взирают на Фому снизу вверх. Между ними представлен возлежащий Аверроэс с закрытой книгой. Это замечательное произведение искусства показывает нам, что Фома Аквинат занимает центральное место в средневековом богословии. Арабская философия выполнила свою миссию, когда пришел этот светоч христианского богословия. Два великих представителя философии разума предлагают ему результаты своих размышлений и воздают почтение. Монахи восхищаются им, а Христос, судя по всему, одобряет.

Фома Аквинат (1225 — 1274), называемый ангелическим доктором (*doctor angelicus*), — князь схоластов и следующий по важности богослов Латинской церкви после Августина. Этот человек отличался редким гением, мудростью и чистотой жизни. Он не имел себе равных в умении формулировать упорядоченные и сильные заявления. Его рукой схоластические учения были организованы в полную и окончательную систему. Он объяснил их с прозрачной ясностью и подкрепил мощными аргументами из Писания, предания и разума. Мистическое благочестие соединено у него со здоровым интеллектом. В сравнении со многими другими схоластами, особенно с Дунсом Скотом, Фома был, скорее, практиком, чем теоретиком. Папы и соборы неоднократно признавали его авторитет как учителя католического богословия. Фома был канонизирован Иоанном XXII в

1323 г. и удостоился звания «доктора церкви» в 1567 г. В 1879 г. Лев XIII хвалил его как корифея и князя всех схоластов, надежнейшего проводника, который возглавил христианскую философию в битве веры и разума со скептическими и революционными тенденциями XIX века¹⁵⁰⁸, «уладил раз и навсегда все противоречия между верой и разумом и прославил достоинство каждого из них, связав их в дружеский союз». В 1880 г. этот папа объявил Фому покровителем католических школ. В учениях Фомы Аквината мы находим, за одним или двумя исключениями, доктрины Латинской церкви в их совершенном изложении, обретшем окончательную формулировку в постановлениях Тридентского собора.

Фома из Аквино родился около 1225 г. в замке Рокка Сикка (сейчас он разрушен) рядом с Аквино, в землях Неаполя. По отцу, графу д'Аквино, он вел родословную от княжеского дома Ломбардии. Его мать была норманнского происхождения, она была внучкой знаменитого крестоносца Танкреда. В возрасте пяти лет мальчик был послан в соседний монастырь Монте Кассино, откуда перешел в Неаполитанский университет. В 1243 г. он вступил в доминиканский орден, о чем сожалела его семья. Его братья, которые служили в армии Фридриха II, силой схватили послушника и удерживали его больше года в отцовском замке. Фома использовал время своего заточения для изучения Библии, «Сентенций» Петра Ломбардского и трудов Аристотеля.

Затем он оказался в Кельне и учился у Альберта Великого. Говорят, что этот великий схоласт, предвидя гениальность своего молчаливого ученика, сказал: «Мычание этого быка в богословии будет слышно по всей земле»¹⁵⁰⁹. Он сопровождал Альберта в Париж и в 1248 г. вернулся в Кельн как учитель. Потом он снова побывал в Париже и получил докторскую степень. Когда Гильом Сент-Амурский напал на монашеские ордена, Фома защищал их, как и Бонавентура. Фома был призван в Ананьи, чтобы представлять дело со стороны орденов. Александр IV похвалил его речь; в послании к канцлеру Парижского университета он говорил о Фоме как о человеке выдающейся добродетели и энциклопедической учености. В 1261 г. Фома оставил кафедру в Париже и преподавал в Болонье, Риме и других итальянских городах. Урбан IV и Климент IV почтили его своим доверием. Годы с 1272 по 1274 он провел в Неаполе. Он умер по пути на общий собор в Лионе 7 марта 1274 г. в возрасте всего сорока восьми лет в цистерцианском монастыре Фосса Нуова близ Террачины. Данте и Виллани сообщают, что он был отравлен по распоряжению Карла Анжуйского, но в более древних рассказах об этом ничего не говорится. Тело великого учителя было перевезено в Тулузу, кроме правой руки, которую отвезли в доминиканский монастырь Св. Иакова в Париже, откуда позже она была переправлена в Рим.

Подлинных произведений Фомы Аквината сохранилось более шестидесяти. Их можно поделить на четыре группы. *Философские* труды — это комментарии к «Этике», «Метафизике», «Политике» и другим трактатам Аристотеля. Его *эзегетические* труды включают в себя комментарии на Иова, на пятьдесят один псалом, на Песнь песней, на Книгу Исаии, Плач Иеремии, на евангелия и посла-

¹⁵⁰⁸ *Encyclical*, 4 августа 1879 г. См. текст в Mirbt, pp. 391 sqq. Фома прославляется как *inter scholasticos doctores omnium princeps et magister... ingenio docilis et acer, memoriae facilis et tenax, vitae integerrimus, veritatis, unice amator, divina humanae scientia praedives*. В предисловии к папскому творению критикуется *Lutheriana pestis* и *Lutherianum virus*, с которыми можно бороться с помощью трудов Фомы (*in cuius limpidissima et angelica mente veritas divinitus nobis patefacta*). См. Schaff, *Thos. Aq. and Leo. XIII*, p. 179.

¹⁵⁰⁹ Вильгельм из Торо: *Ipse talem dabit in doctrina mugitum quod in toto mundo sonabit*.

ния Павла. В разъяснении евангелий, известном как «Золотая цепь» (*Aurea catena*)¹⁵¹⁰, приводятся выдержки из отцов церкви. Сохранился также ряд проповедей Фомы. Но гораздо важнее его *апологетические* труды. Главные из них направлены на то, чтобы убедить мусульман и других неверующих¹⁵¹¹, а также способствовать объединению греков и латинян. Сюда же относится и трактат против учеников Аверроэса¹⁵¹².

Труды Фомы по *догматическому богословию и этике* — самые важные из его произведений. Самый ранний из них — комментарий к «Сентенциям» Петра Ломбардского. Сюда относятся также объяснения апостольского символа веры, молитвы Господней, десяти заповедей, ангельского приветствия и таинств. Фома представляет первое систематическое изложение всего богословия в своем *Compendium theologiae*. Тема представлена под заголовками трех основных добродетелей — веры, надежды и любви. Его шедевр — это *Summa theologica*, которую он не завершил и которая дополнена компиляциями из комментариев автора к Петру Ломбардскому. Фома внес также важный вклад в литургию и гимнологию. В 1264 г. по просьбе Урбана IV он подготовил службу в честь праздника Тела Господня (*Corpus Christi*), куда вошли *Pange lingua*, *Lauda Sion* и другие гимны¹⁵¹³.

Вместе с Августином и Жаном Кальвином, Фома Аквинат считается одним из трех великих богословов Западного мира. Он сделал для богословия средневековой церкви то же самое, что Иоанн Дамаскин сделал для богословия Греческой церкви, — придал ему наиболее совершенную форму. Исключительность Фомы состоит в ясности метода и в сбалансированном суждении, а не в оригинальности мысли¹⁵¹⁴. Он не был великим исследователем. Как и Августин, он не знал еврейского и слабо знал греческий. Абельяр, Бонавентура и Альберт Великий, похоже, были лучше знакомы с классиками, отцами церкви и светскими авторами, но они сильно отличаются от него. Он в значительной степени опирался на Альберта Великого¹⁵¹⁵. Альберт больше думал о природе, Фома — о моральных поступках. Как и остальные схоласты, Фома весьма уважал Августина и Аристотеля, цитируя последнего как «Философа». Он был полностью на стороне иерархической системы и богословия средневековой церкви и не имел с ними никаких разногласий.

Summa theologica, в соответствии с обещанием автора, избегает многих праздных дискуссий его предшественников и современников¹⁵¹⁶. Сокровища схо-

¹⁵¹⁰ Это название было дано труду после смерти Фомы. Сам же Фома в посвящении книги Урбану IV называет ее *Exposito continua. Catena* задумана как комментарий, в котором несколько отрывков соединено вместе. Работа составителя заключалась только в соединении частей. См. предисловие к оксфордскому изданию, р. iv.

¹⁵¹¹ *Summa de veritate Catholicae fidei contra Gentiles*. Первые три книги содержат доводы разума, четвертая — доводы откровения.

¹⁵¹² *Contra errores Graecorum* и *De unitate intellectus contra Averrhoistas*.

¹⁵¹³ См. Koch, *Kirchenlied*, I. 137; Wackernagel, *Kirchenlied*, I. 143 sqq.; Werner, I. 791 sqq.

¹⁵¹⁴ Eicken (*D. Philosophie d. Th. von Aq.*, р. 4) пишет: «Фома относился не столько к порождающим, сколько к организующим умам» (*er gehört nicht so wohl zu den schaffenden als zu den ordnenden Geistern*). И он повторяет это суждение в своем *Thomas von Aquino und Kant*, р. 27. Тот, кто обвиняет средние века в запутанных и неудобоваримых умозаключениях, вынужден искать примеры где угодно, но только не у Фомы.

¹⁵¹⁵ Вслед за Sighart (*Life of Albertus Magnus*) и Landerer (ст. *Albertus* в Herzog, 2^d ed. XV. 575) Stöckl говорит (II. 421, 734), что «Фома целиком опирается на плечи Альберта. Фома закончил то, что Альберт начал». Фома получил сильный импульс от Альберта, но вдавался в области, которые не были полностью охвачены его великим учителем, особенно в плане этики и апологетики.

¹⁵¹⁶ *Multiplicatio inutilium quaestionum, articulorum et argumentorum* (Пролог).

ластики и церкви собраны здесь вместе, рассмотрены и приведены в порядок в соответствии с разветвленной, но вдохновляющей и понятной структурой. Три книги посвящены, соответственно, Богу, человеку и Искупителю. Тайинства включены в последний том. Тема излагается в 518 разделах, называемых *вопросами*, которые, в свою очередь, поделены на 2652 *статьи*. Каждая статья рассматривает отрицательные и утвердительные стороны изучаемого вопроса, аргументы за и против него, а затем в ней приводится решение автора. Этому единообразному трехчастному методу он следует повсеместно. Такая жестко закрепленная структура могла бы стать невыносимой, если бы не точность высказываний Фомы и не интересность материалов. Каждая его статья — законченное произведение литературного искусства.

Вот материалы статьи о простоте Бога¹⁵¹⁷. Задан вопрос, является ли Бог телом (*utrum Deus sit corpus*). В пользу утвердительного ответа говорит следующее: 1. Представляется, что Бог обладает телом, потому что у тела есть три измерения, а Библия приписывает Богу высоту, глубину и длину (Иов 11:8,12). 2. Тот, кто обладает лицом, обладает телом. У Бога, судя по всему, есть лицо (Быт. 1:26), так как Он сказал: «Сотворим человека по образу Нашему». 3. Если у чего-то есть части тела, то есть и тело. У Бога есть рука (Иов 40:4) и глаза (Пс. 23:15). 4. У Бога есть сидение и престол (Ис. 6:1). 5. Человек может приблизиться к Богу пространственно (Пс. 23:5).

С другой стороны, следует отметить, что в Ин. 4:24 сказано: «Бог есть дух». Следовательно, абсолютный Бог — это не тело. 1. Все тела могут двигаться, только если их двигают, а Бог — перводвигатель. 2. Бог — исходная сущность (*primum ens*). 3. Бог — благороднейшая из сущностей.

Противоречие разрешается следующим образом: 1. Отрывки Писания, в которых говорится о частях тела Бога, фигуральны. 2. Выражение «образ Божий» указывает только на превосходство Бога над человеком и на превосходство человека над животными. 3. Приписывание Богу телесных органов чувств, например зрения, — это способ указать на Божье восприятие.

Богословские рассуждения для Фомы — это не возможность продемонстрировать богословскую проницательность, а благочестивое занятие, задача которого — познать Бога и поклониться Ему. И действительно, как рассказывают, по пути в Париж он воскликнул, что не променял бы комментарий Златоуста к Матфею на весь этот город. Рассказывают также, что в последние годы пребывания в Неаполе ему явился Господь и спросил, какой награды он желает за то, что так хорошо отвечал на богословские вопросы. И Фома ответил: «Никакой награды, Господи, кроме Тебя».

Фома более четко, чем схоласты до него, разграничивал философию и религию, разум и откровение. Разум своими собственными силами не может открыть высшие истины, касающиеся Бога, такие как учение о Троице¹⁵¹⁸. Природный ум может постичь лишь *praeambula fidei*, то есть только те идеи, которые являются введением в веру. Богословие использует разум не для того, чтобы вывести доказательство веры, ибо такой процесс лишил бы веру ее заслуги, но чтобы пролить свет на учения, которые даются через откровение¹⁵¹⁹. Богословие — наивысшая наука из-за точности ее данных и из-за превосходства ее предмета-материала¹⁵²⁰.

¹⁵¹⁷ *De Dei simplicitate*, I. q. 3; Migne, I. 626 sqq.

¹⁵¹⁸ *Summa*, I. 32, 1; Migne, I. 888, I. 1, 1; Migne, I. 607.

¹⁵¹⁹ *Summa*, I. 1, 8; Migne, I. 615.

Между философией и богословием нет противоречия. И то и другое является источником знания. И то и другое исходит от одного и того же Бога.

Фома проводит также четкое разграничение между Писанием и отцами церкви. Церковь использует и то и другое, чтобы достичь истины и объяснить ее. Писание обязательно и является высшим авторитетом. Свидетельство же отцов церкви дополнительно. Задача Фомы — представить богословие церкви так, как оно дошло до него, и ничего больше¹⁵²¹.

Философия и богословие ищут истину с помощью разных методов¹⁵²². В философии знание, основанное на видимом творении, предшествует вере. В богословии, или в *doctrina fidei*, вера, рассматривающая Бога как Он есть, предшествует знанию. Существование Бога — это не вопрос одной только веры. Философы подтвердили существование Бога с помощью неоспоримых доказательств. Онтологический аргумент Ансельма Фома отвергал на том основании, что умственное представление (*esse in intellectu*) есть нечто отличное от реального существования (*esse in re*). Он выдвинул четыре космологических аргумента и аргумент замысла¹⁵²³. Космологические аргументы таковы: 1. Движение предполагает наличие перводвигающего. 2. Невозможно представить себе бесконечное количество причин, а следовательно, должна быть Первопричина. 3. Обусловленное требует существования абсолютного. 4. То, что несовершенно, требует существования совершенного как его стандарта. Что касается телеологического аргумента, то предметы и события, судя по всему, управляются определенным высшим замыслом, подобно тому как стрела выпускается лучником¹⁵²⁴.

Богу не обязательно было творить что-либо, потому что Сам Он ни в чем не испытывает недостатка. Сотворение было проявлением Его любви и благодати. Фома соглашается с Аристотелем: начало существования мира невозможно доказать с помощью природного разума¹⁵²⁵. Первыми четырьмя сотворенными вещами были царство духов, небеса, время и земная материя. Едемский сад был реальным местом. Географы не знают его расположения. Он окружен барьером из гор, морей и некоей области бурь¹⁵²⁶.

Обсуждая происхождение зла, Фома говорит, что в совершенном мире будут доступны все возможные степени существования. Благо целого важнее, чем благополучие части. Допустив зло, Бог способствовал благу целого. Многих благих вещей не было бы, если бы не зло. Как жизнь продолжается благодаря тлению, так, например, терпение вырабатывается в гонениях.

Естественный порядок не связывает Бога. Его воля свободна. Он предпочитает не противоречить естественному порядку, но действует вне его (*praeter ordinem*)¹⁵²⁷. Божье провидение включает в себя то, что нам кажется случайным.

¹⁵²⁰ *Tum propter certitudinem tum propter dignitatem materiae* (*Summa*, I. 1, 5; Migne, I. 610).

¹⁵²¹ *Seine Darstellung will gar nichts anders sein als das wissenschaftliche Bewusstsein der kirchlichen Lehre* (Baur, p. 354).

¹⁵²² *Non eodem ordine utraque doctrina procedit*, etc. См. Werner, II. 151, и его цитату из *Contra Gentiles*.

¹⁵²³ См. Köstlin, *Beweise fürs Dasein Gottes*, в *Studien u. Kritiken*, 1876, pp. 10 sqq.

¹⁵²⁴ *Sicut sagitta a sagittante* (*Summa*, I. 2, 3; Migne, I. 622 sqq.).

¹⁵²⁵ *Mundum incepisse est credibile, non autem demonstrabile vel scibile* (*Summa*, I. 46; Migne, I. 1008).

¹⁵²⁶ *Ideo scriptores locorum de hoc loco mentionem non fecerunt* (*Summa*, I. 102, 1; Migne, I. 1433).

¹⁵²⁷ *Summa*, I. 103, 7; Migne, I. 1446. См. в Werner, II. 396 sqq., отрывки из *Contra Gentiles*.

Копая, человек находит клад. Для него это случайное открытие, но хозяин, похваливший его копать в определенном месте, уже предполагал обнаружение клада.

Из идеи Божьего провидения как отправной точки развивается учение о предопределении. Фома был склонен к полупелагианской позиции. Избранные заменяют ангелов, которые утратили свое первоначальное, непадшее положение¹⁵²⁸, подобно тому как язычники заменили евреев. Количество избранных неизвестно, но их меньшинство среди человечества. Осуждение — это не позитивное Божье деяние. Божий промысел допускает зло. Бог любит всех людей. Он предоставляет людям самим себе, и те, кто погибает, погибают по своей собственной вине. Божий замысел избрания включает в себя замысел наделения благодатью и славой.

Говоря об ангелах, Фома проявляет похвальную сдержанность в сравнении с Бонавентурой и другими богословами-суммистами.

О человеке «ангелический доктор» говорит гораздо подробнее. Обсуждая первоначальное состояние человека и его состояние после грехопадения, он задает много вопросов, на которые вынужден отвечать с помощью диалектических навыков, так как в Писании об этом ничего не сказано. Вот примеры. Мог ли Адам в невинном состоянии видеть ангелов? Обладал ли он знанием обо всех вещах? Нуждался ли он в пище? Были бы дети, рожденные от него в невинном состоянии, праведниками и знали бы они о том, что совершенно? Передался бы первородный грех потомству Адама, если бы он отказался согрешить вместе с Евой?¹⁵²⁹

Фома отвергал традуцианизм как ересь и был креацианистом¹⁵³⁰. Вслед за Петром Ломбардским он утверждал, что благодать была дополнительным даром, вверенным Адаму помимо природных способностей и сил души и тела¹⁵³¹. Этот дар побуждал человека любить Бога более всего остального¹⁵³².

Если бы не грехопадение, то изначальная праведность человека передалась бы потомству Адама. Причиной греха была чрезмерная любовь к себе¹⁵³³. Первородный грех — это разлад в моральной конституции. Он проявляется в похоти, которая есть неразумное желание. Он стал постоянным состоянием человечества, тлетворной склонностью души (*habitus corruptus*), как болезнь для тела. Но развращенность человеческой природы лишь частичная; это рана, а не полное омертвление его морального состояния.

На тему Христа и искупления Фома сказал, что «наш Спаситель Иисус Христос показал нам путь истины в Себе — путь к блаженству бессмертной жизни, на который мы можем ступить через воскресение»¹⁵³⁴. В связи с этим ставятся три основных вопроса: личность Спасителя, таинства, которые являются каналами спасения, и цель, или бессмертная жизнь. Фома принимает взгляд Ансельма на искупление. Так как человеческая вина безгранична, Сын Божий должен был совершить искупление. Но Бог не был ограничен этим методом. Он может и

¹⁵²⁸ *In locum angelorum cadentium substituti sunt homines* (*Summa*, I. 23, 6; Migne, I. 828).

¹⁵²⁹ *Summa*, I. 2, q. 72, 5; Migne, II. 633 sq. Фома отвечает, что в таком случае первородный грех не передался бы потомству Адама, потому что, согласно философам, активный принцип порождения — это отец. Но если бы согрешил Адам, а Ева не согрешила, то первородный грех передался бы потомкам Адама.

¹⁵³⁰ *Haereticum est dicere quod anima intellectiva traducatur cum semine* (*Summa*, I. 118, 2; Migne, I. 1556).

¹⁵³¹ *Superadditio gratiae* (*Summa*, I. 95, 1; Migne, I. 1405 sq.). См. Loofs, *Dogmengesch.*, pp. 292-295.

¹⁵³² *Ad diligendum Deum naturaliter super omnia* (Migne, II. 909).

¹⁵³³ Migne, II. 603.

¹⁵³⁴ *Summa*, III. Prologus; Migne, IV. 10.

простить грех, если Ему будет угодно. Фома собирает все основные данные о жизни Христа, от зачатия до распятия. Оправдание — не постепенный процесс, но одно мгновенное действие¹⁵³⁵. Вера, действующая любовью, лежит в основе этой благодати.

Вряд ли какое-то учение Августина и Фомы Аквината вызвало такое волнение в христианском богословии той эпохи, как учение о будущем состоянии некрещеных детей, умирающих во младенчестве. Эти богословы соглашались в том, что отрицают для них надежду на будущее блаженство. Дети пребывают в аду за грех Адама, поскольку они никак не связаны с деяниями Христа, Его страданиями и смертью через выражение веры и любви, в отличие от крещеных и от патриархов Ветхого Завета. Так как таинство веры, то есть крещение, к ним не применялось, они погибли навеки. Крещение освобождает от первородного греха, и без крещения нет спасения¹⁵³⁶.

Учение о таинствах в изложении Фомы, вплоть до мельчайших деталей, тождественно учению Католической церкви. Христос заслужил благодать. Церковь наделяет ею. Таинства — видимые знаки невидимого, как определил их Августин. Их семь, что соответствует семи основным добродетелям и семи смертным грехам. Они избавляют от греха и способствуют совершенствованию человека в праведности¹⁵³⁷. Эффективность таинства зависит от блага, присущего самому таинству, и никак не зависит от веры получателя таинства. Три таинства — крещение, конфирмация и рукоположение — имеют необратимый характер. Фома задает все возможные вопросы, связанные с таинствами, и отвечает на них. Рассмотрение крещения и евхаристии занимает у Миня не менее двухсот пятидесяти страниц (IV. 600-852).

Крещение, изначальная форма которого — погружение, очищает от первородного греха и включает верующего в состав Тела Христова. Детей иудеев и неверующих людей не следует крестить без согласия их родителей¹⁵³⁸. Существование церкви обеспечивается таинством рукоположения. Вечере Господней прославленное тело Искusstителя полностью присутствует качественно, но не количественно. Слова Христа: «Сие есть тело Мое», — могут быть истолкованы только одним образом: дары превращаются в самое настоящее тело и кровь Христа. Сущность хлеба подвергается изменению. Размеры хлеба и другие его качества остаются прежними. Все тело целиком содержится в хлебе, и точно так же все тело целиком содержится в вине¹⁵³⁹.

Церковное наказание действительно удаляет грехи, совершенные после крещения. Индульгенции эффективны для мертвых, а не только для живых. Их распределением прежде всего занимается папа, как глава церкви. Накопление заслуг происходит главным образом за счет сверхизобильной заслуги Христа, но ее дополняет избыток добрых дел, совершенных святыми¹⁵⁴⁰.

¹⁵³⁵ *Justificatio impii non est successiva* (*Summa*, I. 2, q. 113, 7 sqq. Migne, II. 955). Оправдание определяется как «наделение благодатью, которая воздействует на свободную волю и обеспечивает прощение вины».

¹⁵³⁶ *Per baptismum pueri liberantur a peccato originali et ab inferno* (*Summa*, III. 57, 7; Migne, IV. 485, 486).

¹⁵³⁷ *Summa*, III. 65, 1; Migne, IV. 595. См. Werner, II. 676-699.

¹⁵³⁸ *Summa*, II (2), 10, 12; Migne, III. 101 sqq.

¹⁵³⁹ *Totus Christus sub utraque specie* (*Summa*, III. 76, 2; Migne, IV. 734).

¹⁵⁴⁰ *Praecipue propter meritum Christi*, etc. (*Supplem.*, XXV. 1; Migne, IV. 1014).

Что касается жизни после смерти, то огонь в аду будет физическим. Блаженные смогут наблюдать за страданиями грешников. Они не будут скорбеть о последних, и зрелище этих страданий, как говорил Альберт, будет побуждать их славить Бога за свое собственное избавление. Их блаженство не увеличивается от этого зрелища. Тело воскресения будет тем же, что и сейчас, включая внутренности¹⁵⁴¹.

В плане этики Фома Аквинат возвышается над всеми остальными средневековыми авторами, в этом отношении он открыл новую эпоху. Он посвящает этическим темам почти двести вопросов, или треть всей его богословской системы. Здесь ссылки на «Философа» встречаются очень часто¹⁵⁴². Заслуга Фомы состоит в том, что он подробно анализирует повседневное поведение¹⁵⁴³. Например, касательно опьянения Фома, вместе с Аристотелем, приходит к выводу, что оно не оправдывает совершенных по нетрезвости преступлений¹⁵⁴⁴. Здесь Фома позволяет себе также вдаваться в бесполезные дискуссии и активно предаётся софистике — например, спрашивает, должен ли человек любить своего ребенка больше, чем своего отца, или мать больше, чем отца.

Фома открывает этическую тему обсуждением высшего блага, то есть блаженства (*beatitudo*), которое заключается не в богатствах, почестях, славе, власти или удовольствиях¹⁵⁴⁵. Богатства полезны только для тела, и чем больше их у нас, тем более мы пренебрегаем ими, потому что они не могут удовлетворить потребности человека. Наш Господь говорил о воде мира сего, что тот, кто пьет ее, будет жаждать снова (Ин. 4:13). Блаженство состоит в видении Бога, как Он есть¹⁵⁴⁶. Удовлетворение желаний обязательно сопутствует блаженству, как тепло сопутствует огню.

Добродетели — это три религиозные (сверхъестественные) добродетели, которыми наделяет Бог, — вера, надежда и любовь — и четыре философские, или кардинальные (природные) добродетели — благоразумие, справедливость, мужество и умеренность. О них рассказывается подробно¹⁵⁴⁷. Этические разделы завершаются обсуждением требований к профессиональным клирикам. Совершая те же грехи, что и миряне, клирики грешат серьезнее. Должны ли они жить на милостыню? Этот и множество вопросов подобного рода рассматриваются со всей серьезностью и метафизической точностью. Сущность христианского совершенства — любовь¹⁵⁴⁸.

Во взглядах на церковь и государство Фома также не пошел дальше того, что было принято в его эпоху¹⁵⁴⁹. Он зафиксировал богословские постулаты о превосходстве духовной сферы, о превосходстве папы и о праве карать еретиков смертью. Его взгляды изложены в *Summa* и еще трех произведениях, «Правление

¹⁵⁴¹ *Summa*, III. 94; Migne, IV. 1343 sqq. См. Werner, II. 712.

¹⁵⁴² Нередко мы видим по две или три ссылки на Аристотеля на одной странице — например, I (2), 2, 2; I (2), 4, 2, Migne, II. 22, 46.

¹⁵⁴³ Баур (pp. 429 sqq.) называет метод Фомы скорее описательным, чем последовательным. Его система не выстраивается на фундаменте из основных принципов.

¹⁵⁴⁴ *Summa*, II (2), 150, 4; Migne, III. 1051.

¹⁵⁴⁵ *Summa*, I (2), 2, 1 sqq.; Migne, II. 19-37.

¹⁵⁴⁶ *In visione divinae essentiae* (Migne, II. 43).

¹⁵⁴⁷ Религиозным добродетелям посвящено сорок шесть вопросов (Migne, III. 9-375), философским — сто двадцать четыре (III. 375-1194).

¹⁵⁴⁸ *Per se et essentialiter consistit perfectio christianae vitae in charitate* (*Summa*, II (2), 84, 3; Migne, III. 1295).

¹⁵⁴⁹ См. Werner, I. 760 sqq., 794 sqq. Köstlin, ст. *Staat und Kirche*, Herzog Enc., 2^d ed., XIV. 629 sqq. Reusch, *Die Fälschungen*, etc.

князей»¹⁵⁵⁰, «Заблуждения греков» и *Contra Gentes*. Фома доказывает, что государство существует, чтобы обеспечить человеку достижение главной цели его жизни, спасения души, а также материального благополучия в этой жизни. Отдельные европейские государства и народы его не беспокоили¹⁵⁵¹. Папа, как глава мистического тела Христа, выше всех гражданских властей, подобно тому как духовная природа выше физической природы человека. Христианские короли должны подчиняться ему, как Самому Христу, ибо папа — преемник Петра и наместник Христа¹⁵⁵².

Что касается церкви, то Рим — госпожа и мать всех церквей. Повиноваться Риму значит повиноваться Христу. Это соответствует решениям святых соборов и святых отцов церкви¹⁵⁵³. Единство церкви предполагает наличие центра, обладающего высшей властью¹⁵⁵⁴. Папа определяет, как подобает исповедовать веру. Подчинение ему необходимо для спасения¹⁵⁵⁵. Пойти еще дальше в превознесении церковничества уже невозможно.

Своими заявлениями о ереси и об отношении к ней Фома способствовал тому, что смертные наказания еретиков стали признанной политикой церкви и государства. В любом случае, он отмел все возражения, если таковые еще оставались на чьем-то пути. Ересь, как мы уже говорили, была, по его учению, преступлением, за которое следует наказывать как за подделку денег. Никого не заставляют вступать в церковь, но, если человек вступил в нее и стал еретиком, его нужно насильственными мерами заставить повиноваться вере (*haeretici sunt compellendi ut fidem teneat*). Из этого обзора, а также из последующих глав о таинствах, о будущем состоянии человечества и о мариологии становится видно, что богословие «ангелического доктора» и богословие Римской католической церкви идентичны во всех деталях, за исключением непорочного зачатия Марии. Тот, кто

¹⁵⁵⁰ *De regimine principum ad regem Cypri*. Две из четырех книг этого знаменитого труда, без сомнения, подлинны. Последние две книги, вероятно, принадлежат ученику Фомы Птолемею из Лукки. Пул делает вдумчивые замечания об этом труде (*Illustr. of Med. Thought*, pp. 240-266).

¹⁵⁵¹ Eicken, *D. Philosophie d. Thomas*, etc., p. 38.

¹⁵⁵² *Successor Petri, Christi vicarius Romanus Pontifex cui omnes reges populi Christiani oportet esse subdito sicut ipsi domino Jesu Christo (De reg. principum, I. 14)*.

¹⁵⁵³ *Romanae ecclesiae magistrae et matris omnium ecclesiarum cui obediendum est tanquam Domino Deo Jesu*, etc. (*Contra errores Graecorum*, Reusch ed., p. 9). Также Mirbt, *Quellen*, pp. 143 sq. В этом труде обсуждаются четыре момента: исхождение Святого Духа, первенство папы, использование пресного хлеба при евхаристии и чистилище. Он был написан в то время, когда велись переговоры о воссоединении греков и латинян. При подготовке трактата Фома пользовался трудом, который дал ему Урбан IV, некогда патриарх Иерусалима. Фома называет его *libellum ab excellentia vestra mihi exhibitum sanctissime Pater Urbane Papa diligenter perlegi*. Он полон цитат из Кирилла Иерусалимского, Кирилла Александрийского, Златоуста и других отцов церкви, что осведомленно доказывает Рейш вслед за Лонуа. Фома принимает цитаты, не сомневаясь в их подлинности. Трактат никогда не был опубликован полностью. Он был известен по рукописи из Ватикана аббату Уччелли, который использовал его части, касающиеся папства (1870). Рейш издал отрывок из Ватиканской рукописи, а также часть неопубликованной рукописи *Thesaurus veritatis fidei* доминиканца Бонакура, писавшего позже, чем Фома, и опиравшегося на тот же источник. Доминиканцы особо активно распространяли экстравагантные претензии папства, выступая против Греческого патриарха.

¹⁵⁵⁴ *Cum tota ecclesia sit unum corpus, oportet si ista unitas debet conservari, quod sit aliqua potestas regitiva respectu totius ecclesiae supra potestatem episcopalem, qua uniuersaeque specialis ecclesia regitur, et haec est potestas papae (Summa, Supplem., 40, 7; Migne, IV. 1075)*.

¹⁵⁵⁵ *Quod subesse Romano pontifici sit de necessitate salutis (Contra errores Graecorum)*. Döllinger в *Das Papstthum* говорит, что «Фома был первым богословом, обсуждавшим теорию о папской непогрешимости как неотъемлемую часть систематического богословия». Leitner (pp. 10-14, etc.) отрицает это. См. главу XV.

понимает Фому, понимает средневековое богословие в его лучшем проявлении и владеет вероучительной системой Римской церкви.

Фома Аквинат был возвышен доминиканским орденом до положения авторитетного учителя в 1286 г. У него было много учеников, но его богословие принималось не повсеместно.

Некоторые его ученики были осуждены Парижским университетом уже в 1277 г., а около 1285 г. Вильгельм из Вара (Варронский)¹⁵⁵⁶, учившийся в Оксфорде, который был оплотом францисканцев, писал труды с критикой выдающегося доминиканца. Вскоре после смерти францисканца Дунса Скота стали подчеркивать разногласия между ним и Фомой, и два ордена вступили в спор, который продолжался веками. Было отмечено не менее восьмидесяти шести богословских расхождений между этими двумя учителями¹⁵⁵⁷.

Данте руководствовался богословием Фомы Аквината. Первый печатный комментарий к *Summa* был написан кардиналом Каетаном (Венеция, 1507 — 1522). Однако томисты потерпели поражение, когда было принято учение о непорочном зачатии Марии (1854). Это учение было главным предметом спора между ними и францисканцами. Равновесие восстановилось, когда Лев XIII сделал богословие и философию Фомы стандартом католического учения.

Деятели протестантской Реформации, негодующие против богословской схоластики, не могли по достоинству оценить вклад Фомы Аквината. Лютер даже назвал *Summa* квинтэссенцией всех ересей, имея в виду доктрину о папстве. Он считал Фому «источником и зачинщиком всякой ереси, заблуждений и ниспровержения Евангелия, о чем свидетельствуют его книги»¹⁵⁵⁸. «Вы должны быть сурово осуждены, — сказал Лютер Приериасу, — потому что осмеливаетесь выдавать нам за артикулы веры мнение этого святоши Фомы с его многочисленными ложными выводами». Однажды Лютер уподобил Фому падающей с неба звезде из Откровения, пустые рассуждения Аристотеля — дыму из бездны, университеты — саранче, а самого Аристотеля — его хозяину Аполлиону¹⁵⁵⁹.

Такие полемические крайности давно уже уступили место более справедливой исторической оценке этого выдающегося человека. Фома заслуживает нашего восхищения как систематический богослов — благодаря пылу и ясности, а как этик-мыслитель — благодаря искренности и чистоте. В своих великих основах христианской системы он был верен Писанию и воистину католичен. Его заблуждения были заблуждениями его века, над которым он не смог возвыситься, как три века спустя ясный и логичный протестантский богослов Жан Кальвин не смог возвыситься в некоторых важных моментах над верованиями, распространенными в его время, несмотря на усердное исследование Писания и прекрасное знакомство с содержащимися там учениями.

Папская оценка, сформулированная в энциклике Льва XIII, — это, по сути, отрицание какого бы то ни было прогресса в богословии после XIII века, а вместе

¹⁵⁵⁶ Ряд его рукописей хранится в Оксфорде.

¹⁵⁵⁷ *Controversiae theol. inter Thomam et Scotum*, De Rada (францисканец, епископ Транийский), Cologne, 1620. Вернер посвящает весь третий том своей *Life of Thomas*, 876 страниц, посмертному влиянию Фомы. Он говорит о взглядах его учеников, о конфликтах с францисканцами и иезуитами и т. д., называет имена Декарта, Лейбница, Мальбранша, Шеллинга и др. См. также ст. *Thomismus und Scotismus* в *Wetzer-Welte*, XI. 1699-1710.

¹⁵⁵⁸ *Thomas war der Brunn und Grundsuppe aller Ketzerei, Irrthumb und Vertilgung des Evangelium wie seine Bücher beweisen* (Erl. ed., 24. 240).

¹⁵⁵⁹ Köstlin, *Leben M. Luthers*, I. 431.

с этим и отрицание научных достижений последующих веков. С точки зрения неизменной католической ортодоксии Лев не ошибся, когда объявил Фому Аквината образцовым глашатаем христианской доктрины. Протестанты расходятся с ним во мнениях, не считая непогрешимым ни одного богослова со времени апостолов. Они не ждут, что доводы схоласта смогут решить богословские и религиозные проблемы современности, проистекающие из таких библейских теорий, научных и религиозных исследований, которые даже не снились великому учителю, и из таких всемирных проблем, которые он не мог и вообразить.

Современность не интересуется многими курьезными вопросами, которыми задавались Фома и другие схоласты. У каждого научного века есть свои проблемы и собственные религиозные сомнения, с которыми следует согласовывать его фундаментальное учение. Средневековые системы могут содействовать прогрессу в нынешних богословских спорах не больше, чем артиллерия, которая использовалась на поле битвы в Креси, — победе в современной войне¹⁵⁶⁰. Право на частное мнение утверждается все больше и больше. Есть причины полагать, что это происходит и в католичестве. А если давать оценку с общехристианских позиций, то мы рады, что мудрый папа Лев XIII и проницательный схоласт Фома Аквинат занимают выдающееся место среди великих деятелей церкви всех веков, — но так получилось не потому, что они были свободны от ошибок, неизбежных с нашей грешной человеческой природой, а потому, что они выступали как разъяснители Евангелия в важных вопросах христианской жизни.

§109. Бонавентура

ЛИТЕРАТУРА. ТРУДЫ. — edd. Strassburg, 1482; Nürnberg 1499, 4 vols.; Rome, 1588 — 1596, 8 vols. Lyons, 1668, 7 vols. Venice, 1751, 13 vols.; Paris, A. C. PELTIER, ed., 1864 — 1871, 15 vols., и Quaracchi, 1882 — 1902, подготовленное францисканцами. — B. BONELLI: *Prodromus ad omnia opp. S. Bon.*, Bassani, 1767. — W. A. HOLLENBERG: *Studien zum Bon.*, Berlin, 1862. — A. M. DA VICENZA: *D. heil. Bon.*, нем. перев. с итал., Paderborn, 1874. — J. RICHARD: *Etude sur le mysticisme speculatif de S. Bon.*, Heidelberg, 1869. — Перев. *Meditations of Bon.* о жизни Христа, W. H. Hutchings, London, 1881. — A. MARGERIE: *Essai sur la Phil. de S. Bon.*, Paris, 1855. — J. KRAUSE: *Lehre d. heil. Bon. über die Natur der geistl. und körperl. Wesen*, Paderborn, 1888. — L. DE CHÉRANCÉ: *S. Bonaventure*, Paris, 1899. — STÖCKL, II. 880-915. — Истории учения: SCHWANE, и т. д. — PREGER: *Deutsche Mystik*, I. 51-43. Остальную литературу см. в Potthast, II. 1216.

Современником Фомы Аквината был Иоанн Бонавентура. Они даже умерли в один год. Фома был исключительно богословом, а Бонавентура был и богословом, и выдающимся административным деятелем своего ордена, францисканцев. Первый был точен в высказываниях, второй поэтичен в образах. Бонавентура (1221 — 1274), называемый «серафическим доктором» (*doctor seraphicus*), родился в Тоскане. Его настоящее имя, Джованни Фиданца, было изменено вследствие исцеления от болезни в возрасте четырех лет в ответ на молитву Франциску Ассизскому. Когда ребенок начал выздоравливать, его мать воскликнула: *O buona ventura!* (О какая удача!). Об этом рассказывал сам святой¹⁵⁶¹.

¹⁵⁶⁰ В трактате *Thomas von Aquino und Kant* Эйкен сопоставляет Фому и Канта как представителей двух противоположных типов мышления и исследования — средневекового, механического, ограниченного внешними авторитетами и современного, индивидуального, субъективного. Кант — творец идей, мыслитель. Фома — компилятор и систематизатор того, о чем говорилось до него.

¹⁵⁶¹ Вступление к его «Житию св. Франциска».

Мальчик вступил в орден францисканцев в 1238 г. Он провел три года в Париже, учась у Александра Галесского, причем, по рассказам, учитель отзывался об ученике так: «Похоже, что в брате Бонавентуре Адам не согрешил».

Бонавентура преподавал в Париже после Иоанна из Пармы, когда Иоанн стал генералом ордена францисканцев (1247). Он был очевидцем конфликта между университетом и нищенствующими орденами. В ответ на трактат Гильома Сент-Амурского против принципа нищенствования, *De periculis novissimorum temporum*, Бонавентура написал свой трактат о бедности Христа¹⁵⁶².

В 1257 г. он был избран главой францисканского ордена, и здесь став преемником Иоанна из Пармы. Он занял промежуточное положение между двумя противоборствовавшими партиями францисканцев, и его называли вторым основателем ордена. По поручению первого францисканского генерального совета в Нарбонне (1260) он составил *Legenda S. Francisci*, авторитетное францисканское житие святого¹⁵⁶³. В нем описано много чудес, великих и малых. В своих *Quaestiones circa regulam* и посланиях он описывает упадок францисканского ордена в сравнении с идеалом его основателей. Он едва избежал возможности прочно обосноваться в истории Английской церкви, отказавшись в 1265 г. от престола Йорка. В 1273 г. он стал кардиналом-епископом Альбано. Он принимал участие в подготовке Лионского собора, но умер вскоре после его открытия, 14 июля 1274 г. Таинство елеосвящения совершил папа, похороны проходили в присутствии торжественного собрания высокопоставленных лиц со всех концов христианского мира. Его похоронили в Лионе¹⁵⁶⁴. Он был канонизирован в 1482 г. и объявлен «доктором церкви» в 1587 г.

Жерсон специально написал панегирик в честь Бонавентуры и утверждал, что он был самым плодовитым из учителей, а его учение было надежным и талантливым, благочестивым и исполненным веры. Он не шел на поводу у пустого любопытства и не смешивал диалектику и медицину с богословским обсуждением¹⁵⁶⁵. Данте помещает его рядом с Фомой Аквинатом:

...Мне мой труд был свят,
И все, что слева, было мной забыто¹⁵⁶⁶.

Эти два выдающихся человека всегда будут упоминаться вместе¹⁵⁶⁷. Штекль, историк средневекового богословия, называет их яркими звездами на небосводе XIII века¹⁵⁶⁸. Ни один из них не возвышался над современниками так, как Бернар за сто лет до них, но оба прославили свой век и остаются самыми знаменитыми представителями своих орденов после самих Франциска и Доминика. Фо-

¹⁵⁶² *De paupertate Christi*. Peltier ed., XIV. 364-409. Несколько лет спустя он представил эту тему более полно в своей *Apologia pauperum*. Peltier ed., XIV. 410-520.

¹⁵⁶³ Sabatier (*Vie de S. François*, lxxi-lxxxviii) сравнивает труд Бонавентуры с фигурками святых на полках магазинов, которые выглядят серьезными, благочестивыми, но неживыми. Биография приводится в Peltier, XIV. 293-363.

¹⁵⁶⁴ Его тело, похоже, было сожжено кальвинистами в 1562 г. Сохранилась только голова. Правая рука была перенесена в родной город Бонавентуры. См. Hergenröther. *Kirchengesch.*, II. 529; Wetzler-Welte, II. 1022.

¹⁵⁶⁵ *Quae veritatis sunt credenda de necessitate salutis* (Du Pin, изд. трудов Жерсона, 1728, I. 21). См. также Жерсон, *Epistola in laudem S. Bonaventurae*, Du Pin ed., I. 117.

¹⁵⁶⁶ *Paradiso*, XII. 127.

¹⁵⁶⁷ Сикст V в своей энциклике, в которой он причисляет Бонавентуру к докторам церкви, ставит их бок о бок и выявляет отличительные характеристики. Он называет их *potissimum gloriosi doctores* («эти преславнейшие учителя»).

¹⁵⁶⁸ *Sie sind die beiden leuchtenden Sterne am Horizont des 13ten Jahrhunderts* (Stöckl, II. 882).

ма обладал более острым умом, он держал первенство в плане анализа, Бонавентура же отличался детальностью проработки вопросов. У Фомы выделяется этический элемент, у Бонавентуры — мистический. Фома был более авторитетным учителем, Бонавентура — более многоплановым автором. Оба непревзойденно защищали богословие и организацию средневековой церкви.

Бонавентура прославился как проповедник¹⁵⁶⁹. Он был также поэтом и оставил самые замечательные восхваления Марии в форме псалмов и в прозе.

Из богословских произведений наиболее известен его комментарий к «Сентенциям» Петра Ломбардского¹⁵⁷⁰. Следующие по важности — его *Breviloquium* {«Краткословие»} и *Centiloquium* {«Стословие»}. *Breviloquium*¹⁵⁷¹, который Функ называет лучшим средневековым компендиумом богословия, рассматривает семь основных проблем: Троицу, сотворение, грех, воплощение, благодать Святого Духа, таинства и конечное состояние. В предисловии восхваляется Писание и излагаются взгляды автора на толкование. Как и все схоласты, Бонавентура был прекрасно знаком с Писанием. Для него было характерно уравновешенное суждение, помогавшее ему не впадать в крайности при формулировке доктрин, однако он не поднялся над своим веком и задавал касательно добрых и злых ангелов вопросы, которые кажутся донельзя пустыми и не имеют никакого отношения к практической вере. Он ответил более чем на сто подобных вопросов, и в издании Пелтиера его ангелология и демонология занимают более двухсот страниц по две колонки каждая¹⁵⁷². Он обсуждает, мог ли Бог сотворить лучший мир, мог ли Он сотворить его быстрее, может ли ангел быть в нескольких местах одновременно, могут ли несколько ангелов одновременно быть в одном и том же месте¹⁵⁷³, был ли Люцифер грешным в момент его сотворения, относился ли он к ангельскому чину, есть ли иерархия у падших ангелов и обладают ли бесы предведением о возможных событиях¹⁵⁷⁴. Переходя к человеку, Бонавентура рассуждает, могли ли люди вступить в половую связь до грехопадения, предполагается ли равнопропорциональное рождение мужчин и женщин и кто грешит более сильно, мужчины или женщины.

Бонавентура отличается от Фомы своим доказательством того, что мир не вечен. Отпечаток ноги, которая представляет собой сотворенную материю, существует не так же долго, сколько сама нога, потому что отпечаток был оставлен ногой в какой-то момент. Вслед за Платоном и возражая Аристотелю он заявлял, что материя не вечна не только в своей нынешней форме, но и по существу. Мир без человека невозможно себе представить, потому что он обладает всеми призна-

¹⁵⁶⁹ Пелтиер приводит его проповеди в vol. XIII. Касательно его трудов о Марии см. §130.

¹⁵⁷⁰ Ряд трудов, которые когда-то приписывались Бонавентуре, считаются ему не принадлежащими, например, *De six alis cherubim*, *De septem itineribus aeternitatis*, etc. В венецианском издании 1751 г. и у Бонелли обсуждается авторство многих произведений, связываемых с именем Бонавентуры.

¹⁵⁷¹ Peltier ed., VII. 240-343. Funk, *Kirchengesch.*, p. 364. Одно издание было выпущено Hefele, 3^d ed., Tübingen, 1861, также Vicenza, 2^d ed., Freiburg, 1881. Сикст V говорил о богословии Бонавентуры, что «ничего более плодотворного для церкви Божьей» не появлялось (энциклика в Peltier ed., I, p. viii).

¹⁵⁷² II. 296-520.

¹⁵⁷³ Peltier ed., II. 298 sqq. В пользу утвердительного ответа на этот вопрос он говорит, что ангелы находятся на своем месте «не телесно, но духовно». Они — духи света, как свидетельствует Ареопагит, а следовательно, не зависят от пространства, и т. д. Однако в конечном итоге Бонавентура отвечает на этот вопрос отрицательно.

¹⁵⁷⁴ Peltier ed., II. 415 sqq. Бонавентура отвечает, что только Бог обладает предведением, но поскольку бесы умны, пронизательны и отличаются большим опытом, иногда они способны в точности предсказывать будущие события.

ками жилья, приспособленного для людей. Если бы не было греха, Христос не стал бы воплощаться.

Что касается учения о непорочном зачатии, то Бонавентура соглашается с Фомой, отрицая незапятнанность Марии первородным грехом, и не соглашается с францисканцем Дунсом Скотом, учение которого стало догмой в Римской католической церкви.

Бонавентура занимает свое особенное место среди схоластов, скорее, как мистик и автор жития святого Франциска, чем как догматик¹⁵⁷⁵. Очевидно, он опирался на мистические произведения Сен-Викторских, пользовался их терминологией¹⁵⁷⁶ и не пошел дальше них. Наилучшее проявление его мистицизма — «Путешествие разума к Богу»¹⁵⁷⁷. В это паломничество души к высшим божественным тайнам никто не может отправиться без благодати свыше. Это путешествие не может совершаться без искренней молитвы, чистых размышлений и святой жизни. Усердная молитва порождает движение ввысь, к Богу, и начинает его. Созерцание впервые выводит нас из себя, чтобы обратить внимание на деяния Бога во внешнем мире. Затем мы возвращаемся в себя, чтобы обратить внимание на Божий образ в себе, и, наконец, возвышаемся над собой, чтобы созерцать Бога, как Он есть¹⁵⁷⁸. Каждый из этих этапов состоит из двух частей, так что всего в продвижении души шесть ступеней. Конечный шаг — это созерцание душой Троицы и абсолютного Божьего блага.

За этими шестью ступенями находится состояние восхищения, экстатическое видение, как субботный день отдыха следует за шестью рабочими днями. Путь к этой мистической жизни лежит через Христа. Опыт, который обретает душа затем, — это океан блаженного экстаза. Никто не может познать его, кроме того, кто его переживает. И его получает только тот, кто его желает, а желает его только тот, кто воспламенен огнем крещения Святого Духа. Это благодать, а не учение, желание, а не понятие, привычка молиться, а не научная цель, невеста, а не учитель. Он — от Бога, а не от человека, пламя пылкой любви, переносящее нас в присутствие и бытие Бога¹⁵⁷⁹. Как в случае Бернара, так и в случае Бонавентуры эта мистическая тенденция нашла выражение в исполненных веры гимнах.

§110. Дунс Скот

ЛИТЕРАТУРА. ТРУДЫ. — Полное издание — LUKE WADDING, 12 vols., Lyons, 1639, с *Жизнеописанием*, автор WADDING, и глоссами, HUGH MASSAGHWELL (Hugo Cavellus, ум. в 1626), архиепископ Армага, MAURICE O'FINELY, архиепископ Туама, и т. д. *Новое издание, 26 vols., Paris, 1891 — 1895, с некоторыми изменениями. — *Opus Oxoniense*, Vienna, 1481, ed. MASSAGHWELL, вместе с *Reportata Parisiensia and Quaestiones Quodlibetales* и *Жизнеописанием*, Antwerp, 1620. — *Quaestiones Quodlibet.*, Venice, 1474, 1505, Paris, 1513. — *Логические трактаты* были опубликованы: Barcelona, 1475, Venice, 1491 — 1493, также

¹⁵⁷⁵ Stöckl (II. 880) пишет: *Bonav. ist vorzugsweise Mystiker*, и выражает мнение, что мистицизм средних веков достиг в нем высшей точки своего развития.

¹⁵⁷⁶ *Cogitatio, meditatio, contemplatio, ascendere*, etc.

¹⁵⁷⁷ *Itinerarium mentis in Deum*. Peltier ed., XII. 1-22. Его «Размышления о жизни Иисуса», комментарии к Екклесиасту, Притчам, Иоанну и Луке относятся к этой группе. Мистический элемент силен также в *Breviloquium* и *Centiloquium*. Происхождение прочих мистических трудов, приписываемых Бонавентуре, таких как *Incendium amoris*, *De septem verbis domini*, etc., спорно.

¹⁵⁷⁸ Эти три этапа называются *theologia symbolica*, *theol. propria* и *theol. mystica*.

¹⁵⁷⁹ *Itin.*, 7.

издание O'FINELY, 1504. — Система Дунса была объяснена ANGELO VULPI в *Sacr. theol. Summa Joan. Scoti*, 12 vols., Naples, 1622 — 1640. Биографические и аналитические труды, опубл. до 1800 г., см. в RIGG, *Dict. Of Natl. Biog.* XVI. 216 sqq. — BAUMGARTEN-CRUISE: *De theol. Scoti*, Jena, 1826. — SCHNEID: *D. Körperlehre des J. Duns Sc. und ihr Verhältniss zum Thomismus und Atomismus*, Mainz, 1879. — *C. WERNER: *J. Duns Sc.*, Vienna, 1881, также *S. Thomas von Aquino*, III, 3-101. — KAHL: *D. Primat des Willens bei Augustinus, Duns Sc. und Des Cartes*, Strassb., 1886. — *R. SEEBERG: *D. Theologie des J. Duns Sc.*, Leip., 1900; также его ст. в HERZOG, 3^d ed., и его *Dogmengesch.*, II. 129 sqq. — RENAN: ст. *Scotus*, в *Hist. Lit. de France*, vol. XXV. — *DÖLLINGER: ст. в WETZER-WELTE, X. 2123-2133. — J. M. RIGG: в *Dict. Natl. Biog.*, XVI. 216-220. — *SCHWANE: *Dogmengesch.*, pp. 74-76, etc. — HARNACK: *Dogmengesch.*, III. 459 sqq. — *A. RITSCHL: *Rechtfertigung und Versöhnung*, I. 58-86; *Gesch. des Pietismus*, I. 470. — P. MINGES: *Ist Duns Scotus Indeterminist?* Münster, 1905, p. 139. — *Hist. of Philos.*

Последним из мыслителей-схоластов первого ранга и самым смелым из средневековых логиков был Иоанн Дунс Скот. С его смертью начинается упадок схоластического богословия. Этой замечательной личности, одному из интеллектуальных гениев человечества, возможно, еще не было сорока, когда его забрала смерть. Диалектический гений и непосредственность помогли ему завоевать титул *doctor subtilis* («проницательный [утонченный] доктор»). Его интеллектуальная независимость видна из свободы, с которой он подвергал предшественников своей проницательной и нередко полной софизмов критике. Он запросто называл Ансельма, Сен-Викторских, Альберта Великого, Бонавентуру, Фому Аквината, Генриха Гентского и других схоластов по одним именам и критиковал их взгляды. Часто мишенью для его нападков становились рассуждения Фомы Аквината. Дунс стал главным богословским украшением францисканского ордена, и его богословие отстаивала отдельная школа, взявшая его имя. Скотисты и томисты (последователи учения Фомы Аквината) — главные школы богословия, возникшие в средние века и ведущие между собой активные споры.

Дунс обладал умом скорее критическим, чем конструктивным. Непонятность его стиля создает почти непреодолимые препятствия для понимания современного исследователя¹⁵⁸⁰. Он не разработал полной системы¹⁵⁸¹. Для него было характерно ставить под сомнение веру и заново задавать вопросы, на которые уже дали, как считалось, исчерпывающий ответ Фома Аквинат и другие схоласты. Его резкое разграничение веры и знания, догмы и разума, его аргументы от умолчания и вероятности подрывали веру в непогрешимость церкви и открывали путь для будущего пренебрежительного отношения к схоластике. Дунс отрицал, что существование Бога и другие догмы можно доказать с помощью разума и основывал их признание исключительно на авторитете церкви. «Утонченному доктору» недоставало аналитической точности и понятности высказываний Фомы и Петра Ломбардского; мистический же элемент, такой заметный у Ансельма, Фомы и Бонавентуры, уступает у него чисто теоретическому интересу.

¹⁵⁸⁰ Döllinger (p. 2127) и Harnack (III. 429) единогласно признают Дунса «самым проницательным мыслителем среди схоластов» (*der scharfsinnigste scholastische Denker*). Seeberg (*Theol. d. J. D. Scotus*, p. 2) говорит о «громадных трудностях» (*ungeheure Schwierigkeit*) чтения трудов Дунса для тех, кто недостаточно хорошо знаком с его способом мышления и выражения. Он же (p. 6) говорит о «сентенциях и доводах» Дунса как о «бесконечно сложных». Schwane (p. 78) заявляет, что Дунс сложно выражается, представляет материал без всякой системы и что тернистый путь его критического метода не особенно прославил богословие. См. также pp. 288, 292.

¹⁵⁸¹ *Die Hoffnung aus seinen Schriften ein System herzustellen ist vergeblich* (Seeberg, p. 644).

Как резок контраст между Дунсом и основателем его ордена Франциском Ассизским, человеком простой веры и учения с его популярными речами и служением! Из всех схоластов Дунс больше всех блуждал в лабиринте метафизических тонкостей, и никто из них не внес большего вклада в господствующее ныне представление, что средневековое богословие и надуманные спекуляции разума — это взаимозаменяемые понятия. Он настолько прославился вывертами своей формалистической логики, что его имя даже вошло в английский язык со значением «тупица» (*dunce*)¹⁵⁸².

О его личной жизни почти ничего не известно, и в его объемных произведениях о ней нет ни единого упоминания. Мы не можем даже с уверенностью сказать, когда и где он вступил во францисканский орден. Единственная установленная дата его жизни — день его смерти. Он умер в Кельне 8 ноября 1308 г. Дату его рождения относят к 1265 — 1274 г.¹⁵⁸³

Англия, Шотландия и Ирландия спорили за право называться родиной этого схоласта. Вероятно, ею все-таки была Англия. Ирландцы начиная с XV века считали его родиной город Дун, или Даун, в Ольстере. Шотландцы считают, что это город Дунс в Бервикшире, в то время как авторы, не озабоченные патриотическими соображениями, по большей части называют Дунстан в Нортумберленде¹⁵⁸⁴. Непроверенное предание гласит, что он учился в Мертонском колледже (Оксфорд) и стал там преподавать, когда Вильгельм из Вара перебрался в Париж. В 1304 г. он был во французской столице, где получил докторскую степень. В 1308 г. он был переведен генералом своего ордена в Кельн, где вскоре после этого умер. Рассказывали даже, что его похоронили живьем¹⁵⁸⁵. В 1707 г. францисканцы тщетно пытались добиться его канонизации. На памятнике, возведенном в честь Дунса во францисканской церкви в Кельне (1513), написано:

*Скотия дала мне рождение, Англия меня вскормила,
Галлия меня обучила, Кельн хранит мой прах*¹⁵⁸⁶.

Среди историй о Дунсе Скоте есть и такая, в которой содержится больше мудрости, чем в целой главе с детальными обсуждениями его трудов. Однажды он остановился поговорить с английским крестьянином о религии. А крестьянин, которого больше занимала посевная, сказал: «К чему эта болтовня? Если Бог предопределил, чтобы я спасся, я буду спасен, независимо от того, стану я поступать хорошо или плохо». И Дунс ответил: «В таком случае, если Бог предопределил, чтобы из этой земли выросло зерно, так оно вырастет независимо от того, будешь ты его сеять или нет. К чему тогда твой напрасный труд?»

¹⁵⁸² «Разве вы не помните, — говорил Тиндейл, — как еще тридцать и меньше лет назад старые твякующие шавки, ученики Дунса, и тому подобные отбросы, называемые скотистами, дети тьмы, свирепствовали на каждой кафедре против греческого, латинского и еврейского языков?» (цит. в Trench: *The Study of Words*, p.91).

¹⁵⁸³ В пользу 1274 г. склоняются Ваддинг, Кавелл и Шване. Доллингер, Ригг и Зиберг считают верной более раннюю дату. Зиберг (pp. 36 sqq.) подчеркивает тот факт, что епископ Линкольна в 1300 г. отказался дать Дунсу право принимать исповедь, а устав францисканцев (1292) запрещал членам ордена моложе тридцати лет просить о такой привилегии. В таком случае Дунс родился до 1270 г.

¹⁵⁸⁴ Доллингер всячески заостряет внимание на одной рукописи из Мертонского колледжа, где в тексте труда Дунса сказано, что он родился в Дунстане, Англия. О'Файхели, Мак-Кагуэлл и Ваддинг, все ирландцы, хранят верность теории о его ирландском происхождении. Демпстер приводит двенадцать доводов в пользу того, что Дунс был шотландцем. См. *Dict. Natl. Biog.*, XVI. 216, и Seeberg, p. 34.

¹⁵⁸⁵ Seeberg, pp. 46 sqq. Мак-Кагуэлл в двух трактатах аргументированно опровергает эту историю.

¹⁵⁸⁶ *Scotia me genuit, Anglia me suscepit, Gallia me docuit, Colonia me tenit.*

Произведения Дунса Скота включают в себя комментарии к Аристотелю, пространный комментарий к «Сентенциям» Петра Ломбардского, называемый *Opus oxoniense*, его богословские лекции, прочитанные в Париже, известные как *Reportata parisiensia*¹⁵⁸⁷, и его *Quaestiones quodlibetales*, разнообразные обсуждения богословских и философских проблем. Дунсу также приписывают комментарий к Бытию и к евангелиям, проповеди и другие произведения, подлинность которых вызывает сомнения¹⁵⁸⁸.

В философском отношении Дунс был умеренным реалистом. Универсалии — это не вымысел разума, *fictiones intellectus*. Наши идеи предполагают реальность универсалий¹⁵⁸⁹. Универсалия возникает путем абстрагирования и выделения общих моментов в индивидуальных случаях, и в некотором роде она есть творение разума. Индивидуальное обладает своей индивидуальностью, или *haecceitas*, не по причине своего отличия от чего-то еще, но в силу своей собственной сущности, или *quidditas*. Камень индивидуален по причине неких позитивных качеств, которыми он неотъемлемо обладает. Индивидуальность — это конечная форма бытия, *ultima realitas entis*.

Богословие — это практическая наука, и ее главная ценность — снабжать волю материалом веры для того, чтобы облегчать ее продвижение по пути добродетельных поступков.

Писание содержит то, во что надо верить, но авторитет церкви устанавливает, чем именно являются эти истины. Артикулы веры следует принимать не потому, что они доказаны разумом. На разум нельзя полагаться. В лучшем случае он туманен, и он не может доказать многие истины, такие как бессмертие души, единство Бога и пресуществование. Однако такое учение, как сошествие Христа в ад, которого нет в Писании, следует принимать, потому что оно есть в апостольском символе веры. Церковь обладает и другими истинами, которых нет в Писании. Сама наша вера в Писание в конечном итоге основана на авторитете церкви¹⁵⁹⁰.

Больше всего Дунс отличается от своих предшественников взглядами на Бога и пресуществование. В изучении Бога Дунс оказался самым позитивным детерминистом. Ведущий элемент Божьей природы — это воля Бога. Подчиняться воле Бога — высшая цель, которой может достичь человек (здесь он сильно отличается от Фомы Аквината, который ставит понимание Бога выше Его воли). Одного факта Его абсолютного соизволения достаточно для объяснения действий Бога¹⁵⁹¹. Бог благ, потому что Бог желает быть благим. Божья воля могла бы превратить зло в добро, если бы Бог пожелал этого. Он может сделать все, кроме того, что абсурдно с позиций логики¹⁵⁹². Бог мог бы спасти Иуду после того, как он был осужден, но Он не может сделать камень святым или изменить уже произошедшее событие.

¹⁵⁸⁷ В трех томах в парижском издании; *Opus Oxoniense* — 14 томов; *Quodlibetales* — vols. XXV, XXVI.

¹⁵⁸⁸ Тритемий (1495) явно говорит о двух томах проповедей Дунса (Seeberg, p. 63).

¹⁵⁸⁹ *Universali aliquid extra correspondet a quo movetur intellectus ad causandum talem intentionem* (Seeberg, p. 69).

¹⁵⁹⁰ *Libris canonici sacri non est credendum nisi quia primo credendum est ecclesiae approbanti et autorizanti libros istos et contenta in eis* (Seeberg, p. 120).

¹⁵⁹¹ *Quare voluntas voluit hoc, nulla est causa, nisi quia voluntas voluntas est* (Seeberg, pp. 162 sqq., 660 sqq.).

¹⁵⁹² Harnack (*Dogmengesch.*, III. 446) в категорических выражениях говорит о нежелании Фомы Аквината и Дунса Скота следовать к познанию Бога узким путем, то есть через личность исторического Христа. Зибберг (p. 671) ставит акцент на неспособности Дунса приблизить Бога к душе. Бог оставался у них далеким. По словам обоих этих современных догматиков, только

Волей Бога определяется спасение людей. Предопределение избранных — акт Божьего решения. Неизбранные осуждены ввиду их предузнанной вины. С другой стороны, Дунс, похоже, твердо придерживался учения о том, что избранные заслужили вечную награду добрыми делами. Не стараясь разрешить явное противоречие между Божьим предопределением и человеческой ответственностью, он признает, что эта тема окутана тайной¹⁵⁹³.

Грех не бесконечен, так как связан со смертными существами. Изначальная праведность была сверхдолжным даром, которым люди пренебрегли, совершив первый грех. Грех Евы был серьезнее, чем грех Адама, потому что Адаму просто не хотелось обижать Еву отказом, а Ева хотела стать равной Богу. Человеческая свобода заключается в способности человека выбирать. Первородный грех состоит в утрате inicialной праведности, которой Адам был обязан Богу¹⁵⁹⁴. Грех не передается потомкам Адама подобно инфекции. Дунс не согласен с Августином и отрицает учение о моральной подчиненности выбора (*servum arbitrium*): для самой природы воли характерна свобода, хотя эту свободу воля может утратить вследствие повторяющихся волеизъявлений. Грех присущ одной лишь воле, и похоть — это только склонность воли неумеренно желать объектов, приносящих удовольствие¹⁵⁹⁵.

Мировоззренческие вопросы, почему Бог допустил зло и как Он мог заранее знать о зле, не предопределяя его, находят простой ответ в идее абсолютности Божьей воли. Бог пожелал, и это достаточная причина.

Бесконечная ценность искупления тоже объясняется абсолютной волей Бога. Христос умер в облике человека, и по этой причине Его заслуга сама по себе не была безгранична. Если бы Бог того пожелал, то вполне достаточной искупительной жертвой мог бы стать ангел или человек, свободный от первородного греха. Вина греха никоим образом не приводит к неизбежной смерти Божьего Сына. Бог решил наделять грешников благодатью через соизволенное Им повиновение Христа. Дунс твердо следует теории Ансельма и последовательно формулирует его принципы¹⁵⁹⁶.

Рассматривая пресуществление, Дунс решительно критиковал взгляды Фомы Аквината на превращение хлеба в тело Христа. Он утверждал, что, если бы такое превращение имело место, то при совершении евхаристии в течение трех дней, когда Христос был в могиле, дары превращались бы в Его мертвое тело. Чтобы избежать этой трудности, он создал теорию о том, что тело Христа, равно как и каждого человека, имеет больше одной формы, то есть, помимо разумной души, обладает *forma mixti sive corporeitatis*, которая соединяется с материей и образует человеческое тело. В эту телесную форму Христа, *corporeitas*, и превращаются дары. И эта самая форма оставалась вместе с телом Христа в могиле. Дунс заявлял, что учение о пресуществлении не может быть с уверенностью доказано на

Реформация утвердила принципы живой веры и Божьей любви, чтобы сблизить Бога и человеческую душу.

¹⁵⁹³ Seeberg, *Dogmengesch.*, II. 135, *Theologie*, etc., 227 sq., 293 sqq., 666 sq.; Schwane, p. 463.

¹⁵⁹⁴ *Carentia iustitiae originalis* (Seeberg, 218 sq. Loofs, *Dogmengesch.*, p. 305). Harnack (III. 551) и Seeberg (p. 220) эмфатически утверждают, что Дунс отказался от августиновского представления о грехе и моральной развращенности.

¹⁵⁹⁵ *Pronitas in appetitu rationali*, т. е. *in voluntate ad concupiscendum delectabilia immoderate* (цит. в Stöckl, II. 362).

¹⁵⁹⁶ Он завершает изложение позиции Ансельма признанием своего долга перед последним: *Haec veraciter, ut potui, ex dictis ejus, collegi* (Seeberg, p. 283). Полное обсуждение Зибергом теории Дунса об искуплении см. на pp. 275-296.

основании Писания или разума. Он говорил, что эта теория более вероятна, чем любая другая, потому что ее приняла церковь и потому, что эта догма больше всего соответствует идее Божьего всемогущества. Любую догму следует принимать лишь после ее одобрения авторитетом церкви¹⁵⁹⁷.

Однако наибольшее влияние «утонченный доктор» оказал на учение о непорочном зачатии и формулировал его в той же форме, в какой оно было догматически провозглашено Пием IX в 1854 г. На основании высказываний Ансельма, Бернара, Фомы Аквината и Бонавентуры Дунс учил, что Мария была зачата без греха (его теория подробно представлена в главе о деве Марии). Рассказывают, что, отстаивая свою теорию на публичном диспуте в Париже, он опроверг позицию Фомы, выдвинув не менее двухсот доводов¹⁵⁹⁸. Частые нападки Дунса на Фому были достаточной причиной для спора между последователями двух учителей, и их спор относится к числу самых ожесточенных в рядах римо-католического сообщества. Это было соревнование не между ортодоксией и гетеродоксией, а между двумя выдающимися учителями, равными по своему авторитету, и между двумя орденами, представителями которых они являлись.

Доллингер высказывает мнение, что спор стал благословением для богословия, потому что предохранял его от «застоя и гниения», и благословением для церкви, которая взяла под свою защиту обе системы и помешала каждой из них узурпировать право на высший авторитет.

Обычно считается, что Дунс Скот играл в истории доктрины роль возмутителя порядка. Он не добавил к богословской мысли ничего, что имело бы постоянную ценность, но потрясал основания схоластической структуры, в создание которой в течение почти двухсот лет вносили вклад Ансельм, Фома Аквинат и другие богословы. Без сомнения, в будущем Дунса по-прежнему будут признавать мастером изысканных рассуждений, а его выводам по-прежнему будут отказывать в здравомыслии¹⁵⁹⁹. Справедливо будет отметить, что Зиберг из Берлина в своей недавней детальной и доскональной монографии о богословии Дунса Скота придерживается совершенно иного мнения. Для него Дунс — не причина беспорядков в богословской мысли, а глава нового этапа развития, достойный равных почестей с Фомой Аквинатом. Он даже полагает, что Дунс оказал на богословие более глубокое и обширное влияние, чем Фома. Дунс открыл новый путь и «был исторической фигурой эпохального значения»¹⁶⁰⁰.

Своей спекулятивной остротой Дунс, с одной стороны, подкрепил желание определенных групп в Европе выработать более здравый метод богословского обсуждения, а с другой стороны — стимулировал благочестивые умы на Рейне искать лучший путь к личной святости, как поступили Таулер и немецкие мистики. Последующее поколение схоластов было воспитано им, их вождем, в поле-

¹⁵⁹⁷ Цитаты см. в Schwane, pp. 656 sqq. Зиберг усматривает в определении Дунса учение о восуществлении (*consubstantiation*).

¹⁵⁹⁸ Доллингер считает эту историю весьма сомнительной, потому что в то время, когда проходил диспут, конфликта между двумя орденами еще не было (Wetzer-Welte, X, p. 2129).

¹⁵⁹⁹ Это мнение таких специалистов по истории средневекового богословия, как Schwane (p. 78, etc.) и Stöckl. Stöckl (II. 868) отказывается сравнивать Дунса с Фомой, этим достойным доверия учителем, и говорит, что единственной услугой Дунса богословию была его полемика, ставшая импульсом для поиска более прочных оснований доказательства доктринальной истины в разуме и откровении.

¹⁶⁰⁰ Рр. 33, 668, 672, 677. Ритчль изучал Дунса и хвалил ясность его мысли в случаях, когда тот не прибегал к силлогизмам. И Ритчль постоянно держал под рукой труды этого схоласта (O. Ritschl, A. Ritschl's Leben, II. 483).

мическом духе. А чего еще следовало ожидать, если Дунс, вопреки фундаментальным принципам Фомы Аквината, Альберта Великого и других богословов, без колебаний утверждал, что истинное в философии одновременно может быть ложным в богословии?¹⁶⁰¹

Оккам, который разделял детерминизм Дунса, называл его «доктором нашего ордена». Когда в XV веке шел спор о непорочном зачатии, ни одного богослова не цитировали чаще. Век спустя архиепископ Мак-Кагуэлл и другие ирландские богословы страстно высказывались о его влиянии, писали его биографии и издавали его труды.

Реформация низвергла Дунса Скота с поста авторитетного учителя. Ричард Лейтон писал к Кромвелю (1535): «Мы поместили Дунса в Бокардо и изгнали его из Оксфорда навсегда; теперь он стал служить всем, пригвожденный к столбам во всех местах общественного облегчения»¹⁶⁰². Лютер называл его «самым отъявленным из софистов» и возлагал на него ответственность за возрождение пелагианства и за ту роль, которую стали придавать добрым делам вследствие внимания к свободе воли и к силам природы¹⁶⁰³. Дунс не предвидел никакого другого церковного устройства, кроме папского, и ничего не говорил о реформации учения.

Среди современников Дунса, близких к нему в богословском отношении, были Генрих Гентский и англичанин Ричард Миддлтон. Генрих Гентский, называемый *doctor solemnis*, знаменитый учитель в Париже, родился в Генте и умер в 1293 г. в Париже или Турне. Его *Quodlibeta* и *Summa* были опубликованы в Париже в 1518 и 1520 г.¹⁶⁰⁴ В отдельных вопросах Генрих выступал против Фомы Аквината и подготовил путь для Дунса Скота, который признает некоторые взгляды Генриха. Генрих глубоко погружался в области невразумительной метафизики. Он был склонен к платонизму и был реалистом.

Ричард Миддлтон был, предположительно, преподавателем Дунса в Оксфорде. О его жизни известно мало. Он был францисканцем, ученым в Париже. Генерал ордена поручил ему исследовать учение Петра Оливы (1278 — 1288). Он умер около 1307 г. Его комментарии к «Сентенциям» Петра Ломбардского пережили его¹⁶⁰⁵. Миддлтон был известен в Париже как *doctor solidis*. На соборе в Констанце его цитировали как авторитет против Виклифа. Его имя упоминается в надписи на могиле Дунса Скота в Кельне, и предание гласит, что Дунс был его учеником. Возможно, его учение о воле, которую он определил как самую благородную из способностей души, повлияло на Дунса (это пытается доказать Зибберг). Миддлтон сравнивал разум со слугой, который несет свет перед своим хозяином и только показывает тому путь, в то время как хозяин руководит и выбирает направление.

§111. Роджер Бэкон

ЛИТЕРАТУРА. Труды. — Среди ранних публикаций были *Speculum alchymiae*, Nurnb., 1541, англ. перев. London, 1597; *De mirabili potestate artis et naturae*, Paris, 1542, англ. перев. 1659; *De retardandis senectutis accidentibus*, Oxford, 1590, англ. перев.; *The Cure of Old Age and Preservation of Youth*, by the great mathematician and physician, Roger Bacon, ed. R. BROWNE, London, 1683; *Opus majus* (только шесть книг), SAMUEL JEVV, London, 1733, репринт Venice, 1750; *Opus minus* и *Opus tertium*, с ценным предисловием J. S. BREWER,

¹⁶⁰¹ См. ссылку на *Reportata* (Schwane, p. 78).

¹⁶⁰² Цит. в *Dict. of Natl. Biog.* XVI, 219.

¹⁶⁰³ Несмотря на это, Зибберг (pp. 683-685) пытается доказать, что в своем восприятии Бога Лютер находился, хотя и «негативно», под влиянием взглядов Дунса на Божью волю. Сам Лютер, конечно же, не признал бы, что он в таком долгу перед Дунсом.

¹⁶⁰⁴ Рукописи других трудов упоминаются в Ehrle, *Zur Biogr. Heinrichs von Ghent* (*Archiv für Lit. u. K. gesch.*, 1885, pp. 400 sq.). См. Schwane, pp. 71-76, etc., и Wetzler-Welte, V. 1704 sqq.

¹⁶⁰⁵ Опубликованы в Венеции, 1489 — 1509, Брешии, 1591, и т. д. Рукописи сохранились в Оксфорде и других местах. См. Little, *Grey Friars of Oxford*; Kingsford, в *Dict. of Nat. Biog.*, XXXVII. 356 sq.; Seeberg, pp. 16-33.

London, 1859, Rolls Series; *Opus majus*, с ценным предисловием J. H. BRIDGES, все семь книг, 3 vols., London, 1900.

БИОГРАФИИ. EMILE CHARLES: *R. Bacon, sa vie, ses ouvrages, ses doctrines*, Paris, 1861. — L. SCHNEIDER: *R. Bacon, etc.*, Augsb., 1873 — предисловия BREWER и BRIDGES, как выше. — Проф. R. ADAMSON, в *Enc. Brit.*, III. 218-222, и *Dict. of Natl. Biog.*, II. 374-378. WHITE: *Warfare of Science and Theol.* I. 386-393.

Дунс Скот был схоластом, и не более того, а Роджер Бэкон, его современник, относится к другому классу людей, хотя он и был одним из величайших мыслителей-богословов своего века. Он не брался за великие вопросы богословия, но оказал содействие их разрешению с помощью диалектики. Он лишь закладывал принципы изучения богословия, и делал это как пионер современной науки и научного экспериментального метода, благодаря чему занял выдающееся место среди великих умов Средневековья. Тот факт, что он пострадал от заключения и был принужден к молчанию из-за смелости своих речей, привлекает еще большее внимание к его учениям. Его метод мышления не соответствовал принятому в то время. Он намного опережал свою эпоху, предвидел новую эру, когда изучение природы займет подобающее ему достойное место, а богословские нивы станут приносить плод диалектической зрелости.

Роджер Бэкон (1214? — 1294), называемый «чудесным доктором» (*mirabilis doctor*), родился в Сомерсетшире, Англия, учился в Оксфорде, где вошел в близкий контакт с Робертом Гроссетестом и Адамом Маршем, которого он часто упоминает с восхищением. Он отправился в Париж около 1240 г., продолжил свое обучение и вступил в орден францисканцев. В своем *Opus tertium* он говорит, что более двадцати лет изучал языки и науку и потратил на это обучение и на покупку книг и инструментов 2000 фунтов, или 600 — 700 фунтов в современном исчислении¹⁶⁰⁶. Он вернулся в Оксфорд, но был отозван орденом (во главе которого тогда находился Бонавентура) в Париж и помещен в более или менее строгое заключение (1257). Сначала ему отказали в праве писать, но разрешили обучать языкам юных студентов.

Климент IV, до возвышения на папский престол бывший легатом в Англии и другом Бэкона, хотел получить в свое распоряжение его произведения. Примерно за восемнадцать месяцев (1264 — 1266) Бэкон подготовил *Opus majus* и два приложения к нему, *Opus minus* и *Opus tertium*, и послал их папе. В 1268 г. он снова был в Оксфорде. В 1278 г. его подвергли более строгому заключению в связи с «некими подозрительными новшествами», о точном содержании которых у нас нет сведений. На них указал генерал францисканцев Иероним из Асколи, позже Николай IV. Насколько нам известно, Бэкон был освобожден в 1292 г. Его тело похоронено во францисканской церкви в Оксфорде. Говорят, что его книги пригвоздили к стенам библиотеки в Оксфорде и оставили гнить. Возможно, эта история — вымысел, но она показывает, какую важность придавали трудам ученого.

Если бы мы при выборе упоминаемых здесь людей руководствовались влиянием, которое они оказали на свою эпоху, то Роджеру Бэкону не нашлось бы места в нашем повествовании. В лучшем случае его считали знатоком темных искусств и некромантом. Он не обладал авторитетом среди современников, и в течение нескольких веков о нем упоминали очень редко. Д'Альи, не называя Бэкона, скопировал из него большой отрывок о родстве Испании и Индии, который Колумб использует в послании к Фердинанду (1498). Его имя стало звучать только в эпоху Возрождения. После публикации его произведений Самуилом

¹⁶⁰⁶ Bridges ed., p. xxiii.

Джеббом (1733) его стали все больше и больше уважать как человека, отвергнувшего маловразумительные тонкости схоластики в пользу рационального изучения предметов, которые мы видим и познаем. В нем же признали научного предтечу современного лабораторного анализа и современных изобретений. Ему, хотя и несправедливо, приписывали пророческое предвидение некоторых современных изобретений. Однако Бэкон выдвинул теорию световых лучей, доказал, что вселенная имеет сферическую форму, и предположил, что самые малые звезды больше, чем земля¹⁶⁰⁷. Вместе с Анаксагором он объяснял полноводность Нила таянием снегов в Эфиопии¹⁶⁰⁸. Он не был изобретателем пороха, уже знакомого арабам.

Труды Бэкона (из числа опубликованных) представляют собой смесь богословия, философии и того, что мы называли бы естественными науками. Его *Opus majus* в семи книгах, *Opus minus* и *Opus tertium* представляют собой сравнительно полный труд. Из его *Scriptum principale*, или *Compendium studii philosophiae*, который часто упоминается в предыдущих трудах, были написаны лишь фрагменты, а сохранились из них только отрывки. Этот труд должен был составлять четыре тома и предполагал рассмотрение грамматики и логики, математики, физики, метафизики и морали. *Communio naturalium* и другие трактаты пока существуют только в виде рукописей.

Opus majus в плане охвата тем — самый энциклопедический труд средних веков. В нем отдельно изучены связь философии и богословия, астрономия, включающая многие разделы (географию, астрологию, барологию, алхимию, сельское хозяйство, оптику или перспективу), а также философия морали, медицина и экспериментальная наука (*scientia experimentalis*).

Сельским хозяйством Бэкон называл изучение растительного и животного мира, а также, например, пригодность почвы для разных типов растений. Говоря об оптике, он рассматривает строение глаза и законы зрения. Математика у него — основа всех наук и очень ценна для церкви. Алхимия изучает жидкости, газы и твердые вещества и их порождение. Дитя своего века, Бэкон полагал, что металлы — сложные вещества, элементы которых могут быть разделены¹⁶⁰⁹. В области астрологии, в соответствии с преобладавшим в те дни мнением, он считал, что звезды и планеты оказывают влияние на все земные состояния и объекты, в том числе на человека. Климат, темперамент, движение — все в большей или меньшей степени зависит от их силы. Как луна влияет на приливы, так звезды внушают благие или дурные намерения. Их сила влияет на свободную волю человека, но не принуждает ее ни к чему. Комета 1264 г., возбуждаемая Марсом, вызвала войны в Англии, Испании и Италии¹⁶¹⁰. В области оптики и учений о силе Бэкон намного опередил свое время. Он учил, что все объекты испускают силу во всех направлениях. Экспериментальная наука управляет всеми предыдущими науками. Знание приходит вследствие рассуждения и опыта. Сомнения, возникающие у разума, проверяются на опыте, который производит окончательную проверку истины.

Практическая тенденция рассуждений Бэкона очевидна. Он был апостолом здравого смысла. Говоря о Петре из Марикюра в Париже, о котором нам больше

¹⁶⁰⁷ *Opus majus*, Bridges ed., I. 152, 176.

¹⁶⁰⁸ I. 323.

¹⁶⁰⁹ Пример химического и медицинского совета от Бэкона. Он говорит, что смесь из золота, жемчуга, морской росы, спермацета, алоэ, кость из сердца оленя, мяса тирской змеи и эфиопского дракона, составленная в нужных пропорциях, способна продлить жизнь до небывалого возраста (*Op. Maj.*, II. 206).

¹⁶¹⁰ *Op. maj.*, I. 385 sqq.

ничего не известно, Бэкон хвалит его за достижения в области экспериментальных исследований и заявляет: «Он не обращает внимания на речи и словесные баталии. Посредством экспериментов он приобретает знание о природных вещах, медицине, химии, обо всем на небесах и на земле. Он стыдится оттого, что миряне, старухи, воины и землепашцы могут знать то, о чем не знает он сам» (Бэкон тоже признавал, что научился неизмеримо большому от необразованных и неизвестных людей, чем от самых знаменитых учителей)¹⁶¹¹.

Бэкон критиковал педантизм схоластического метода, фривольные и бесполезные логические баталии по поводу вопросов, которые выходят за пределы области разума и не преподаны в откровении. Вновь и вновь он упрекал богословов своего века в самомнении и метафизической запутанности, особенно Александра Галеса, Альберта Великого и Фому Аквината. Он активно пользовался трудами Альфарابي, Авиценны, Аль-Газали и других арабских философов, а также Аристотеля. Он очень сурово высказывался о гордости, жадности и невежестве клириков и заявлял, что мораль Сенеки и его века была намного возвышеннее, чем мораль XIII века, хотя древние римляне не знали о добродетелях любви, веры и надежды, явленных Христом¹⁶¹². Он много цитировал Сенеку. Столь критическая направленность достаточно хорошо объясняет, почему этот английский францисканец не был востребован в свою эпоху.

Этот философ XIII века считал спор об универсалиях и индивидуальностях нелепым и бессмысленным. Одна индивидуальность ценнее, чем все универсалии мира. Универсалия — это не что иное, как согласованность между несколькими предметами, *convenientia plurium individuorum convenientia individui respectu alterius*. То общее между двумя людьми, чем не обладают ни осел, ни свинья, и есть их универсалия.

Интересуясь исправлением Вульгаты и новым переводом трудов Аристотеля в области филологии¹⁶¹³, он призывал к изучению арабского, еврейского и греческого языков. Он проследил историю переводов Библии до Иеронима.

Бэкон рекомендовал сравнительное изучение религий, которые делил на шесть классов: языческая, идолопоклонническая, татарская (буддизм), сарадинская, иудейская и христианская, — и делал вывод, что может существовать только одно откровение и одна церковь, так как существует только один Бог¹⁶¹⁴. За чудесами он признавал силу прощать грехи, видел в чудесах главное доказательство Божественности Христа и приводил шесть причин, на основании которых следует принимать свидетельство христианских авторов: святость, мудрость, сила чудотворения, твердость перед лицом гонений, единообразие веры и их успех, несмотря на скромное происхождение. Для этого философа характерно, что в религиозоведении он пользуется информацией, привезенной в Европу Вилемом Рубруком, которого он цитирует¹⁶¹⁵.

По его мнению, философия была явлена уже иудейским патриархам, а греческая философия возникла по воле провидения или, скорее, была Божьим даром — как Августин говорил о Сократе¹⁶¹⁶. Аристотель — великий философ, а философия

¹⁶¹¹ Bridges ed., *Op. maj.*, I, p. xxv, 23.

¹⁶¹² *Op. maj.*, II, 303 sqq.

¹⁶¹³ Bridges ed., I, 66-96.

¹⁶¹⁴ Bridges ed., II, 366-404.

¹⁶¹⁵ I, 303, II, 367 sq.

¹⁶¹⁶ I, 41.

приводит к порогу истины, даваемой откровением, так что христиане обязаны овладеть ею¹⁶¹⁷. Как Соломон, предвещавший Христа, пользовался помощью Хирама и других иностранных работников при строительстве храма, так и церковь должна использовать труды языческих философов¹⁶¹⁸. Он приводит пять причин, по которым ранняя церковь не использовала греческую философию, за исключением разве что греческой помощи в летоисчислении и музыки¹⁶¹⁹ (хотя такое утверждение покажется весьма грубым уху нынешних сторонников теории о зависимости апостольских авторов от эллинистической мысли). Бэкон славит высший авторитет Писания, в котором изложены все истины и которое следует читать мирянам. Все науки и знания должны быть подчинены Католической церкви, которая назначена хранительницей общечеловеческих интересов. Богословие — наука, которая правит всеми остальными¹⁶²⁰. И почти неуместно кажется завершающее *Opus majus* утверждение, что «тайнство алтаря» содержит в себе высшее благо, то есть единение Бога с человеком. В гостии содержится вся полнота Божества.

Доктор Бриджес, замечательный издатель, опубликовавший *Opus majus*, сравнил Бэкона с путешественником, который отправляется в новый мир и привозит назад его богатства, чтобы убедить власти своей страны предпринять более систематическое исследование¹⁶²¹. Не вдаваясь в обсуждение тех великих тем, которые так нравились другим схоластам, Бэкон отстаивал правильный принцип богословского исследования, исключая непомерное обсуждение предметов, которые не имеют непосредственной связи с интересами повседневной жизни или личной веры, и объявляющий бесполезными те утомительные для восприятия системы, которые не служили ясной духовной цели, а, скорее, демонстрировали спекулятивную изоэдренность в умении сочетать слова. Сферы творчества Абеляра и Бэкона не пересекаются. Абеляр был в основном схоластом-метафизиком, а Бэкон — наблюдателем природы. Абеляр, как представляется, тщетно желал схоластических почестей, а Бэкон был терпеливым и сознательным исследователем.

Профессор Адамсон и доктор Бриджес, два выдающихся специалиста по Бэкону, ставят последнего в один ряд с такими мыслителями, как Альберт Великий и Фома Аквинат. Дотошный исследователь средних веков Коултон недавно даже объявил Бэкона более великим мыслителем, чем Фома Аквинат¹⁶²². И почет, который оказывается ему сегодня в кругах научных работников, столь же искренний, как уважение к «ангелическому доктору» среди католиков. Наблюдается тенденция приписать Бэкону слишком многое, но в любом случае этот предтеча современного научного познания, не получивший почестей в свое время, оказался гораздо большим благодетелем для человечества, чем мастер метафизических тонкостей Дунс Скот, признанный авторитетом для своего века и своих непосредственных последователей.

¹⁶¹⁷ I. 56-59.

¹⁶¹⁸ I. 37.

¹⁶¹⁹ I. 28-30.

¹⁶²⁰ I. 33 (*Una scientia dominatrix aliarum*).

¹⁶²¹ I, p. lxxxix.

¹⁶²² *From St. Francis to Dante*, p. 293.

ГЛАВА XIV

СИСТЕМА ТАИНСТВ

§112. Литература о таинствах

- ЛИТЕРАТУРА. — ОБЩИЕ ТРУДЫ. Произведения Абеяра, Гуго Сен-Викторского, Петра Ломбардского, Альберта Великого, Фомы Аквината, Бонавентуры, Дунса Скота и других схоластов. — G. L. HAHN: *Lehre von d. Sakramenten*, Breslau, 1864. — *J. SCHWANE: *Dogmengesch. der mittleren Zeit*, 787-1517, Freib., 1882, pp. 579-693. — J. H. OSWALD: *D. dogmatische Lehre von d. hl. Sakramenten d. kathol. Kirche*, 5th ed., Munich, 1894. Истории христианского учения: FISHER, pp. 254-263; HARNACK, II. 462-562; LOOFS, pp. 298-304; SEEBERG, II. 107 sqq. — HERGENRÖTHER-KIRSCH: *Kirchengesch.*, II. 682-701. Труды по каноническому праву: HINSCHIUS; P. HERGENRÖTHER (католик), pp. 667-684; FRIEDBERG, pp. 374-495. — HEFELE-KNÖPFLER, V. VI. — Ст. *Sakrament* в *Wetzer-Welte* и *Herzog*. — D. S. SCHAFF: *The Sacramental Theory of the Med. Ch.* в «*Princeton Rev.*», 1906, pp. 206-236.
- О ЕВХАРИСТИИ, §§115, 116. DALGAIRNS: *The Holy Communion, its Philos., Theol., and Practice*, Dublin, 1861. — F. S. RENZ: *D. Gesch. d. Messopfer-Begriffs*, etc., 1st vol., *Alterthum und Mittelalter*, Munich, 1901. — J. SMEND: *Kelchversagung und Kelchspendung in d. abendländ. Kirche*, Götting., 1898. — A. FRANZ: *D. Messe im deutschen Mittelalter*, Freib., 1902. — Ст. *Communion, Messe, Transubstantiation* в *Wetzer-Welte* и *Abendmahl, Kindercommunion* в *Herzog*.
- О ПОКАЯНИИ И ИНДУЛЬГЕНЦИЯХ, §§117, 118. JOAN MORINUS: *Comment. hist. de disciplina in administratione sacr. poenitentiae*, Paris, 1651. — F. BERINGER, S. J., перев. с фр. J. SCHNEIDER: *D. Ablässe, ihr Wesen und Gebrauch*, 12th ed., Paderb., 1900. — *K. MÜLLER: *D. Umschwung in der Lehre von d. Busse während d. 12ten Jahrhunderts*, Freib., 1892. — H. C. LEA: *A Formulary of the Papal Penitentiary in the 13th Century*, Phil., 1892; **A Hist. of Auricular Confession and Indulgences*, 3 vols. Phil., 1896. — *TH. BRIEGER: *D. Wesen des Ablasses am Ausgange des Mittelalters*, Leipzig., 1897. — A. KURTZ: *D. kathol. Lehre vom Ablass vor und nach dem Auftreten Luthers*, Paderb., 1900. — C. M. ROBERTS: *Hist. of Confession until it developed into Auric. Conf. A. D. 1215*, London, 1901. — *W. KÖHLER: *Dokumente zum Ablassstreit vom 1517*, Tübing., 1902. Очень удобный труд, содержит 32 очень важных документа на данную тему, включает Jacob von Juterbocks, *Tract. de indulgentiis*, ок. 1451, и выдержки из *Coelifodina*, 1502. — *A. GOTTLÖB: *Kreuzablass u. Almosenablass*, Stuttg., 1906. — A. M. KOENINGER: *D. Beicht nach Caesarius von Heisterbach*, Mun., 1906. — Ст. *Ablass*, *Bussdisciplin, FUNK, II. 1562-1590, и BUSSE, II. 1590-1614, в *Wetzer-Welte* и *Indulgenzen, TH. BRIEGER в *Herzog*, IX. 76-94. Другую литературу см. в ст. *Brieger* в *Herzog*.
- О ЕЛЕОСВЯЩЕНИИ И Т. Д., §119. См. ст. *Oelung* и *Ordo* в *Wetzer-Welte*, IX. 716 sqq., 1027 sqq., и *Oelung*, KATTENBUSCH, и *Priesterweihe* в *Herzog*, XIV. 304 sqq., XVI. 47 sqq. О браке — труды по христианской этике. — VON EICKEN: *Gesch. u. System der mittelalterl. Weltanschauung*, pp. 437-487, Stuttg., 1887. — Статья *Ehe* в *Herzog*, V. 182 sqq., и *Wetzer-Welte*, IV. 142-231 (в том числе ряд тем, связанных с браком).
- О БЛАГОДАТИ И БУДУЩЕМ СОСТОЯНИИ, §§120, 121. ANSELM: *De conceptu virginali et originale peccato*, Migne, 168. 431-467. — P. LOMBARDUS: *Sent.*, II. 31, etc. — Г. СЕН-ВИКТОРСКИЙ: *De sacramentis*, I. 7, Migne, 176. 287-306. — ALB. MAGNUS: *In Sent.*, II. 31 sqq., etc., Borgnet ed., XXVII. — BONAVENTURA: *In Sent.*, II, etc.; Peltier ed., III. — TH. AQUINAS: *Summa*, II. 71-90, III. 52 sqq.; *Supplem.*, LXIX, sqq., Migne, IV. 1215-1459 — DUNS SCOTUS: *Reportata*. XXIV-XXVI, etc. Истории учения: SCHWANE, pp. 393-493, HARNACK, LOOFS, SEEBERG, SHELDON.

§113. *Семь таинств*

Если в никейский и посленикийский период сформировались учения о Троице и о личности Христа, то схоласты XII — XIII веков сформировали католическое учение о таинствах. И в этом вопросе средневековые богословы отличились наибольшим трудолюбием и наибольшей силой спекулятивной проницательности. Для католического сообщества результаты их рассуждений остаются непреложным авторитетом. Наибольшую роль в формировании системы таинств сыграли Гуго Сен-Викторский, Петр Ломбардский, Александр Галесский и Фома Аквинат. Гуго написал первый трактат о таинствах, *De sacramentis*. Фома Аквинат лишь придал более ясную формулировку взглядам, предложенным Гуго, Петром Ломбардским и особенно Александром Галесским, и на этом развитии наступил конец¹⁶²³. Его формулировка была по сути одобрена соборами в Ферраре (1439) и в Тренто (1560).

Под влиянием Петра Ломбардского и Фомы Аквината количество таинств стало равным семи: крещение, конфирмация (утверждение или миропомазание), евхаристия, покаяние, елеосвящение (последнее помазание, соборование), рукоположение (чин, священство) и брак¹⁶²⁴. Бернар говорил о многих таинствах и перечислял десять, в том числе омовение ног и инвеституру епископов и аббатов. Абельяр упоминал пять: крещение, конфирмацию, евхаристию, брак и елеосвящение. Гуго Сен-Викторский в своей *Summa* также, похоже, признавал только пять таинств: крещение, конфирмацию, евхаристию, покаяние и елеосвящение¹⁶²⁵ — а в своем труде о таинствах, в котором собрал все, что говорил на эту тему в других произведениях, он перечисляет тридцать. Очевидно, здесь он понимает это слово в более широком значении, почти как синоним религиозного обряда. Гуго делил таинства на три класса: таинства обязательные для спасения (крещение и евхаристия), оказывающие освящающее воздействие (как святая вода и пепел в пепельную среду) и третий класс — подготавливающие к другим таинствам. Он называл таинством окропление водой¹⁶²⁶. Фома Аквинат также считал подобные обряды «в некотором роде таинствами», *quaedam sacramentalia*¹⁶²⁷.

Неточность в плане количества таинств была унаследована от отцов церкви. Августин называл таинством любой священный обряд. На Третьем Латеранском соборе (1179) этот термин использовался в широком смысле, в число таинств

¹⁶²³ Некоторое представление о важности темы таинств можно получить, обратив внимание на объем трудов, посвященных этой теме схоластами. У Гуго Сен-Викторского — 440 колонок (Migne ed., 176. 183-617), у Ломбардского — 90 колонок из 452 колонок его «Сентенций», у Бонавентуры — 1003 страницы из 3875 страниц его «Системы богословия» (Peltier ed.) и у Фомы Аквината — 670 колонок из 4854 колонок его *Summa* (Migne, IV. 543-1217). Доктор Чарльз Ходж (*System. Theol.*) посвящает таинствам 207 страниц из 2260, доктор Шедд (*Dogm. Theol.*) — 25 страниц из 1348, доктор Э. В. Герхарт (*Institutes*) — 84 страницы из 1666 и доктор А. Х. Стронг (*Sys. Theol.*) — 30 из 600.

¹⁶²⁴ Число семь упоминалось и до эпохи Петра Ломбардского, например, Роландом (позже Александр III) в его «Сентенциях» и Оттоном Бамбергским в проповеди (1158), как сообщает его биограф Герборд.

¹⁶²⁵ Migne, 176. 127 sqq. После рассмотрения пяти таинств Гуго говорит о браке, но мне не кажется, чтобы он называл последний таинством.

¹⁶²⁶ *De sacr.*, II. 9, Migne, 176. 473. *Aqua aspersionis*, или вода для окропления, смешанная с солью, стала использоваться, по мнению Гуго, в правление Александра, пятого папы после Петра. Посыпание головы пеплом, *susceptio cineris*, он относит к «малым таинствам», но в определении называет его «церковным обрядом», как и использование пальмовых ветвей в вербное воскресенье (Migne, 176. 423).

¹⁶²⁷ Migne, IV. 597, 1025.

включались инвеститура епископов и погребение. Сегодня Католическая церковь проводит разграничение между различными священными обрядами, называемыми *sacramentalia*, и семью таинствами¹⁶²⁸. Фома приводил причину числа семь: три — это число Бога, четыре — число творения, а семь — число единства Бога и человека¹⁶²⁹.

Предпринимались наивные, но настойчивые попытки соотнести семь таинств со всеми духовными недостатками человека и показать их «пригодность» для удовлетворения всех нужд греховной и искушенной природы человека¹⁶³⁰. Крещение соответствует недостаткам духовной жизни, конфирмация — умственной слабости недавно рожденных свыше, евхаристия — искушению впасть в грех (*labilitas animi ad peccandum*); покаяние — грехам, совершенным после крещения, елеосвящение — остальным грехам, не очищенным с помощью покаяния, рукоположение — греховному состоянию человечества, брак — похоти и уязвимости человечества перед физической смертью.

Количество семь соответствует также семи добродетелям: крещение, елеосвящение и евхаристия — вере, надежде и любви, рукоположение — просвещению, покаяние — праведности, брак — умеренности, конфирмация — устоянию. Бонавентура подробно разрабатывает интересное сравнение с военным служением. Таинства наделяют благодатью для духовной борьбы и укрепляют воина на разных этапах битвы. Крещение вооружает его, когда он вступает в бой, конфирмация воодушевляет в ходе сражения, елеосвящение помогает в конце, евхаристия и покаяние восстанавливают его силы, рукоположение призывает на помощь подкрепление, а брак готовит рекрутов. Августин сравнивал таинства со знаками отличия и рангами воинов, и Фома Аквинат подхватил это сравнение¹⁶³¹.

Таинства не были нужны, когда человек был невинным. Брак тогда был «природной функцией», и ничем больше. При ветхом завете тоже были таинства, как и при новом. Схоласты вслед за Августином заявляли, что ветхозаветные таинства предвещали будущую благодать, а таинства Нового Завета наделяют ею¹⁶³². Альберт Великий и другие схоласты любили задавать вопрос, почему обрезание не делали женщинам¹⁶³³.

Давая определение таинству (*quid est sacramentum*), схоласты исходили из определения Августина — таинство есть видимый знак невидимой благодати¹⁶³⁴, — но шли дальше него в плане приписываемой таинству действительности. Начиная с Гуго они категорически утверждали, что таинства, или внешние символы, содержат в себе и передают благодать (*continere et conferre gratiam*), как позже было заявлено и на Тридентском соборе. Таинства обладают благостью сами в себе. Любимое сравнение, которым характеризуется их действие, взято из

¹⁶²⁸ Hergenröther, *Kathol. Kirchenrecht.*, pp. 667 sq.

¹⁶²⁹ Альберт Великий подробно рассматривает эту тему (*Cur sint sacr. septem, In IV Sent.*, I. 2, vol. XXIX. 6-11).

¹⁶³⁰ См. Бонавентура, *Brevil.*, VI. 3, Peltier ed., VII. 314; Фома Аквинат, *Summa*, Migne ed., IV. 594 sq.

¹⁶³¹ Bonaventura, *Brevil.*, VI. 3; Фома Аквинат, *Summa*, III. 63. 1, Migne ed., IV. 571.

¹⁶³² Фома Аквинат, *Summa*, III. 62. 6, Migne, IV. 569 (*Sacramenta veteris legis non habebant in se aliquam virtutem qua operarentur ad conferendam gratiam justificantem*). См. цитаты из *Сентенций* Фомы в Loofs, p. 301.

¹⁶³³ *In IV Sent.*, I. 21, vol. XXIX. 37.

¹⁶³⁴ Абеляр (*Introd. ad Theol.*, Migne ed., p. 984) цитирует это определение. Альберт Великий и другие схоласты, жившие после Гуго, обычно после Августина цитируют Гуго — например, Петр Ломбардский и Фома Аквинат (III. 66. 1).

области медицины. Гуго¹⁶³⁵ говорил: Бог — врач, человек — больной, священник — служитель или вестник, благодать — лекарство, а таинство — сосуд, его содержащий. Врач прописывает лекарство, служитель выдает его, сосуд содержит его, духовное лекарство исцеляет больного. Однако если таинства — лишь сосуды духовной благодати, значит, они не исцеляют сами по себе. Не сосуд, но лекарство исцеляет больного. Бонавентура назвал свои главы о таинствах «Лекарство таинств»¹⁶³⁶.

Таинства — это лекарства, принесенные Великим Самарянином, для исцеления ран первородного греха и фактических грехов. Это не просто внешние признаки и каналы передачи благодати. Они не только символизируют. Они освящают. Они — эффективная причина воздействия благодати на принимающего их. Внутреннее воздействие, говорит Фома Аквинат, происходит благодаря Христу¹⁶³⁷ или, говорит он в другом месте, благословию Христа и действию священника совместно. Способ такого воздействия — *ex opere operato*. Это выражение, используемое Гильомом из Оксерра и Александром Галлесским, перенял Фома. Он говорит снова и снова, что таинства делают праведным и наделяют благодатью *ex opere operato* — действуя своим совершением, то есть вследствие благодати, которая присуща им самим по себе¹⁶³⁸.

Под этим Фома Аквинат понимает не то, что религиозное состояние принимающего таинство не имеет значения, но то, что таинство наделяет своей благодатью без соучастия активной веры. Протестантские авторы склонны были осуждать схоластов за то, что те приписывали видимому символу таинства магическое воздействие, если не независимое от Божьего предназначения, то уж точно независимое от отношения к нему самого принимающего. Но схоласты так не считали. Фома Аквинат проводит различие между оригинальной причиной благодати, которая есть Бог, и инструментальной ее причиной, которая есть таинство. Польза последнего зависит от Божьего предназначения и совершения¹⁶³⁹. Блага искупления Христа передаются верующим через веру и таинства¹⁶⁴⁰. Церковь, говорит Бонавентура, получила таинства от Христа и наделяет ими для спасения верующих¹⁶⁴¹. Таинства эффективны только для тех, кто верит.

Дунс Скот, взгляды которого были отвергнуты на соборе в Ферраре в пользу Фомы Аквината, настаивал на том, что Бог может наделять благодатью вне таинств и что их действенность зависит от действия воли. Они действуют опосредованно, а не непосредственно. Дунс оспаривал взгляды Фомы о том, что таинство есть видимый знак, содержащий в самом себе абсолютную сверхъестественную добродетель¹⁶⁴². При совершении таинств задействованы психологические процессы в душе. Как символы, таинства напоминают душе о Божьей благодати и привлекают ее. Однако благое состояние сердца — это не заслуга их эффективно-

¹⁶³⁵ *De sacr.*, I. 9. 4, Migne, 176. 325.

¹⁶³⁶ *Brevil.*, VI, Peltier ed., VII. 311-330. Петр Ломбардский, Альберт Великий, Фома Аквинат и др. тоже пользовались сравнением с лекарством.

¹⁶³⁷ *Interiorem sacramentorum effectum operatur Christus* (III. 64. 3, Migne, IV. 583).

¹⁶³⁸ *Sacr. justificans et gratiam conferunt ex opere operato*. См. ссылки в Schwane, p. 581.

¹⁶³⁹ *Summa*, III. 62. 1, Migne, IV. 562 (*causa vero instrumentalis non agit per virtutem suae formae sed solum per motum quo movetur a principali agente*).

¹⁶⁴⁰ Migne, IV. 568 sq. *Virtus passionis Christi copulatur nobis per fidem et sacramenta*.

¹⁶⁴¹ *Ecclesia sicut sacramenta a Christo accepit sic ad fidelium salutem dispensat* (*Breviloq.*, VI. 5, Peltier ed., VII. 316).

¹⁶⁴² См. Seeberg, *Duns Scotus*, pp. 356-358.

сти. Для принятия таинств достаточно, чтобы не было никакого морального препятствия (*obex*), то есть никакого мешающего отсутствия расположения¹⁶⁴³. Как говорит Дунс Скот, таинства нового закона превосходят тем, что само их принятие уже есть достаточная предрасположенность к благодати¹⁶⁴⁴.

Связь таинств со священниками жизненно важна, и за исключением особых случаев его участие необходимо. Эффективность таинств не зависит от характера личности священника. Достаточно, чтобы он проводил их в соответствии с церковным обрядом¹⁶⁴⁵. Даже безнравственный священник может наделить благодатью таинства. Используя средневековый пример, скажем, что чистая вода может поступать как по серебряной трубе, так и по свинцовой. Даже если отправляющий таинство священник не имеет намерения передать благодать, эффективность таинства не нарушается. Священник действует во имя церкви и, произнося слова таинства, он оглашает намерения церкви. Этих намерений достаточно для совершения таинства в любом случае. В конечном же итоге благодатью таинства наделяет не священник своей собственной добродетелью, а Христос¹⁶⁴⁶. В этом Фома тоже следовал за Августином.

Дунс Скот в этом вопросе также не соглашался с великим доминиканцем, заявляя, что для эффективности таинства необходимо «реальное намерение» отправляющего таинство. Он приводит в пример паломника, который отправился в путь к святилищу святого Иакова. Паломник может не думать о святом Иакове в течение всего пути, но он отправляется в путь с «реальным намерением» дойти до святилища и твердо держится направления. Так и священник в процессе отправления таинства может отвлекаться и забывать о том, что делает, но у него должно быть реальное намерение совершить обряд¹⁶⁴⁷.

Таинства могут быть «полезными», говорил Бонавентура, даже если они совершаются вне церкви, но при условии, что позже принимающий вступает в «святую мать церковь». Бонавентура приводит в пример августиновское сравнение таинств с четырьмя реками рая. Реки текли в разные стороны, но они не несли радость жизни ни в Месопотамию, ни в Египет, хотя и были полезны¹⁶⁴⁸. Так происходит и с таинствами, когда они отправляются вне истинной церкви.

Не все таинства равно необходимы. Только крещение необходимо для жизни вечной. Крещение и евхаристия — самые сильные таинства, а самое сильное из всех (*potissimum*) — евхаристия, по трем причинам. 1. Она содержит в своих дарах Самого Христа. 2. Другие таинства готовят к ней. 3. Все верующие участвуют в ней — взрослые люди, которые крестятся, и те, кто принял церковное служение. Три таинства имеют необратимый характер — крещение, рукоположение и конфирмация. Их воздействие нельзя отменить, и их нельзя повторять. Они связаны со спасением, как пища связана с жизнью. Остальные четыре таин-

¹⁶⁴³ *Non requiritur bonus motus qui mereatur gratiam sed sufficit quod suscipiens non ponat obicem* (*In Sent.*, IV. 1. 6, цитируется в Schwane, p. 581). *Nisi impediatur indispositio* (цит. в Seeberg, p. 343).

¹⁶⁴⁴ *Susceptio est dispositio sufficiens ad gratiam* (Seeberg, p. 349). О разногласиях между томистами и скотистами по вопросу таинств см. также Harnack, II. 483.

¹⁶⁴⁵ *Ministri ecclesiae possunt sacramenta conferre etiamsi sint mali* (Фома Аквинат, Migne ed., IV. 586. 821, 824).

¹⁶⁴⁶ *Ministri non gratiam conferunt sua virtute, sed hoc facit Christus sua potestate per eos sicut per quaedam instrumenta* (Th. Aq., III. 64. 5, Migne, IV. 586).

¹⁶⁴⁷ Seeberg, p. 350.

¹⁶⁴⁸ *Brevil.*, Peltier ed., p. 317. Это длинное и очень интересное сравнение — прекрасный пример средневековой благочестивой гомилетики.

ства необходимы для спасения только в том плане, в каком лошадь необходима для путешествия¹⁶⁴⁹.

Среди схоластов не было единого мнения насчет происхождения разных таинств. Петр Ломбардский ясно говорил, что елеосвящение было учреждено апостолами. Александр Галесский, Альберт Великий и Фома Аквинат считали, что все таинства были учреждены Христом¹⁶⁵⁰.

Гуго Сен-Викторский сказал, что Бог мог бы спасти человека и без таинств, но человек, отвергающий их, не может спастись¹⁶⁵¹. Для средневекового мышления они были необходимой пищей религиозной жизни, и средневековый богослов, созидавая систему таинств, считал, что укрепляет саму ткань церкви. Самим совершением таинства священство оставляло за собой право открывать или запира́ть врата царства небесного, даровать блаженство или скорбь в этой жизни и в жизни грядущей. Теория таинств, основанная где на ложном, где на однобоком толковании Писания и увязанная воедино с помощью умозаключений, попыталась выдать механически распределяемую благодать таинств за Спасителя, в непосредственное присутствие Которого душа попадает только через покаяние сердца и молитву. Как писал Лютер в своем знаменитом трактате, система таинств стала «вавилонским пленением церкви», которое сковало права и свободу христианина человеческим преданием.

§114. Крещение и конфирмация

Крещение — это путь к остальным таинствам и к царству небесному¹⁶⁵². Оно необходимо для спасения, за исключением случаев, когда кто-то желает креститься, но не имеет возможности исполнить обряд. Желание родиться свыше с помощью воды и Святого Духа — достаточное свидетельство того, что сердце человека уже родилось свыше. Говоря о необходимости крещения, Фома Аквинат и другие схоласты цитируют Ин. 3:3: «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Из всех таинств крещение — самое обязательное. Оно дает рождение свыше, а точнее даже, является самим рождением свыше¹⁶⁵³. Оно удаляет вину и наказание за первородный грех и за все совершенные до крещения грехи¹⁶⁵⁴. Водное очищение символизирует очищение от вины, а замерзание воды, по странному сравнению Фомы Аквината, — освобождение от всякого наказания. Крещение обладает также позитивным качеством надления благодатью, что доказывается прозрачностью воды.

Для того чтобы таинство было действенным, необходимо использование всех имен Троицы. Мнение Гуго Сен-Викторского в этом вопросе отличается от мнения последующих схоластов, хотя он сомневается в том, достаточно ли использовать одно только имя Христа или только имя Бога. Бернар допускает использование формулы: «Крещу тебя во имя Отца и истинного и святого креста». Эти

¹⁶⁴⁹ Фома Аквинат, III. 65. 4, Migne, IV. 601.

¹⁶⁵⁰ См. также мнение Дунса Скота в Seeberg, p. 338.

¹⁶⁵¹ *De sacr.*, II. 9, 5, Migne, 176. 325 (*potuit Deus hominem salvare si ista non instituisset, sed homo nullatenus salvari posset si ista contemneret*).

¹⁶⁵² *Janua omnium aliorum sacramentorum* (Bonavent., *Brevil.*, VII, Peltier ed., p. 318; Th. Aq., *Summa*, III. 62. 6, Migne, IV. 569; *Supplem.*, XXXV. 1, Migne, IV. 1047).

¹⁶⁵³ *Baptismus qui est regeneratio hominis in vitam spiritualem* (Th. Aq., III. 66. 9; 67. 3; 68. 9; 72. 1, Migne, IV. 617, 626, 646, 678).

¹⁶⁵⁴ *Omne peccatum per baptismum tollitur* (Th. Aq., 69. 1, Migne, p. 652). *Baptismus institutus est contra vulnus originalis peccati* (Alanus ab Insulis, *Cont. haer.*, I. 39, 43, Migne, 210. 345, 347).

люди писали до Четвертого Латеранского собора. Бонавентура и Фома признавали, что в древние времена церковь часто довольствовалась крещением во имя Христа, понимая под Ним Троицу, но после Четвертого Латеранского собора опущение хотя бы единственного слова из трехчастной формулы крещения делало все крещение недействительным¹⁶⁵⁵. Экзорцизм, помазание елеем и раздача соли предписывались для того, чтобы сделать обряд более торжественным. Экзорцизм изгонял бесов и не давал им помешать спасению крещаемого. Соль, возлагаемая на уши, означала принятие нового учения, на ноздри — его одобрение и в рот — исповедь. Елей означал, что крещаемый готов к битве с бесами.

Крещение должен совершать священник, но в случае необходимости мог крестить и мирянин мужского или женского пола, а родители могли крестить своих детей¹⁶⁵⁶, — ибо в царстве небесном не будет ни мужчин, ни женщин. Но женщина должна была совершать обряд в одиночку, подобно тому как ей не разрешалось публично выступать. Фома Аквинат заявил даже, что некрещеный, в случае необходимости, может и сам совершить крещение, потому что Христос использует для крещения кого Ему угодно и на самом деле внутреннее крещение совершает Он Сам (Ин. 1:33). Основная причина для разрешения такого крещения — как можно больше расширить границы спасения¹⁶⁵⁷.

Детей следует крестить, так как они уже находятся под проклятием Адама. Как мать питает свое дитя во чреве, когда оно не может питаться само, так и в лоне матери церкви дети получают питание, обретая спасение через действия церкви¹⁶⁵⁸. Ребенок не может быть крещен до рождения, ибо сущность крещения в том, чтобы вода прикасалась к телу¹⁶⁵⁹. Фома Аквинат и большинство схоластов считали незаконным крестить детей иудеев и язычников без согласия их родителей. Дунс Скот был исключением. Он допускал насильственное крещение детей иудеев, да и взрослых иудеев тоже¹⁶⁶⁰.

Из определения крещения следует, что все некрещеные дети, умирающие во младенчестве, на небеса не попадают. Мистик и популярный богослов Гуго Сен-Викторский обсуждал вопрос, могут ли спастись дети христианских родителей, погибшие в городе, осажденном язычниками, и умершие некрещеными. Он оставляет вопрос без ответа, замечая, что «ни один авторитетный источник не указывает, что с ними станет»¹⁶⁶¹. Дунс Скот ясно утверждает, что даже нерожденные дети находятся во власти греха — не потому, что они связаны с телом матери, а из-за их собственных тел. Он милостиво освобождает от погибели нерожденных

¹⁶⁵⁵ *Brevil.*, VI, Peltier ed., p. 318; *Th. Aq.*, III, 66, 6, Migne, p. 611 (*quicquid desit ad plenam invocationem trinitatis tollit integritatem baptismi*).

¹⁶⁵⁶ Им разрешалось проводить обряд на родном языке (синоды в Трире, 1227, Майнце, 1233). Священники должны были учить мирян проводить обряд крещения на родном языке на случай необходимости (Fritzlar, 1243, Hefele, V, 1099). Если ребенок, отнятый у матери после ее смерти, умирал некрещеным, его хоронили в неосвященной земле (Трир, 1310).

¹⁶⁵⁷ *Th. Aq.*, III, 67, 4 sq., Migne, IV, 628 sq.

¹⁶⁵⁸ *Pueri non se ipsos sed per actum eccl. salutem suscipiunt* (*Th. Aq.*, III, 68, 9, Migne, 646; Bonavent., *Brevil.*, VII, Peltier ed., VII, 320; мнение Дунса Скота см. в Seeberg, p. 360).

¹⁶⁵⁹ Петр Ломбардский (IV, 6, 2, Migne, II, 853), Фома Аквинат (Migne, IV, 649) и Дунс Скот (Seeberg, p. 360) соглашались с тем, что, если голова ребенка только высунулась из чрева, его уже можно крестить, так как голова — вместилище бессмертного духа.

¹⁶⁶⁰ *Th. Aq.*, Migne, IV, 648. Одна из причин, на которые указывает Дунс, в том, что дети таких иудеев, если их хорошо воспитать, оказываются хорошими христианами (*vere fideles*) в третьем и четвертом поколениях (Seeberg, p. 364).

¹⁶⁶¹ *Summa*, V, 6, Migne, 176, 132.

детей, матери которых пострадали как мученицы или приняли кровавое крещение¹⁶⁶². Деятели Реформации, за исключением Цвингли, разделяли взгляды средневековых богословов, считая, что некрещенные дети, умирающие во младенчестве, погибают. Позже, около 1740 г., Исаак Уоттс и другие протестантские богословы, желая освободиться от тяжелой мысли о том, что дети нехристианских родителей, умирающие во младенчестве, погибают и терпят мучения, выработали мнение, что эти дети попросту будут уничтожены. И только впоследствии протестанты высказались за спасение всех таких детей ввиду обильной полноты искупления и слов нашего Господа: «Таковых есть Царство Небесное».

Для крещения необходима вода. Схоласты соглашались, что вино, елей и другие жидкости не подходят. Дунс Скот говорил по поводу крещения пивом, что для проверки его действительности следует научно установить, продолжает пиво быть разновидностью воды или нет¹⁶⁶³. Петр Ломбардский решительно выступал за погружение в воду как правильный способ крещения. Фома Аквинат называет этот способ самым распространенным в его дни и предпочитает его как самый надежный. Так же считают Бонавентура и Дунс Скот¹⁶⁶⁴. В любом случае, вода должна прикоснуться к голове, потому что это — самая важная часть человека, символизирующая его бессмертный дух. Действенно как троекратное погружение (обычай Греческой церкви), так и единократное. Троекратное погружение символизирует три ипостаси Троицы и три дня погребения Господа; единократное — единство Бога и неповторимость смерти Христа. Синоды, вплоть до синода в Таррагоне (1391), говорят о погружении детей при крещении.

Таинство *конфирмации* (утверждения, миропомазания)¹⁶⁶⁵ соответствует взрослому возрасту, тогда как крещение — детскому (1 Кор. 13:11). Оно дополняет предыдущее таинство и наделяет благодатью крепости и устояния. С его помощью крещенный становится христианином в полном смысле этого слова¹⁶⁶⁶. Схоласты по-разному говорили об этом таинстве — как об учрежденном непосредственно Христом, апостолами или церковными соборами. Фома Аквинат полагал, что оно было учреждено Христом и подразумевалось в обетовании о Святом Духе (Ин. 16:7).

Обряд проводится епископом, преемником апостолов, который говорит: «Запечатлеваю тебя знаком креста, подтверждаю твое помазание спасения во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Применяется миро, или священный елей, символ Духа, и знак креста делается на лбу, самой важной части тела¹⁶⁶⁷, — ведь именно в голове вызревает постыдное нежелание молодых христиан подтвердить свое исповедание.

¹⁶⁶² *In Sent.*, IV. 4, 3. 3, Paris ed., XVI. 406, 410.

¹⁶⁶³ Seeberg, p. 359, *Summa*, III. 66. 7, Migne, IV. 613 sq.; P. Lomb., IV. 3, 8, Migne, II. 845; Bonav., *Brevil.*, VII, Peltier ed., p. 319, Duns Scotus, *In IV. Sent.*, vol. XVI. 272. Григорий IX ответил отрицательно, когда архиепископ Дронтхейма спросил его, является ли действительным крещение пивом, проведенное в условиях, когда под рукой нет воды (Potthast, 11,048). Синод в Ориллаке (1278) объявил, что для крещения подходят пресная, соленая или талая вода.

¹⁶⁶⁴ *Quamvis tutius sit baptizare per modum immersionis, potest tamen fieri baptismus per modum aspersionis vel etiam per modum effusionis.*

¹⁶⁶⁵ {Оно называется также вторым помазанием, в отличие от первого, которое совершается при крещении и не является таинством, и от последнего, елеосвящения на смертном одре.}

¹⁶⁶⁶ *Confirmatio est quasi ultima consummatio baptismi* (Th. Aq., III. 72. 11, Migne, IV. 693).

¹⁶⁶⁷ Фома Аквинат (III. 73. 9) цитирует Иез. 3:8: «Я сделал... твое чело крепким против их лба». Он хвалит обычай, согласно которому принимающего конфирмацию поддерживал другой человек, потому что, «будучи взрослым телесно, он еще мал духовно».

§115. Евхаристия

Евхаристия, которую схоласты называли венцом таинств и таинством алтаря, считалась одновременно таинством и жертвоприношением. Разрабатывая учение о ней, схоластическое богословие достигло высшей точки своего теоретизирования. Альберт Великий посвятил этой теме отдельный трактат, а Фома Аквинат — почти четыреста колонок своей *Summa*. На практике совершение этого таинства стало главной религиозной функцией церкви¹⁶⁶⁸. Праздник Тела Христова (*Corpus Christi*), учрежденный в честь таинства евхаристии, отмечался с великой торжественностью. Теория пресуществления даров и удаления чаши от мирян были основными предметами критики со стороны деятелей Реформации.

Наиболее полное и ясное представление о евхаристии мы находим у Фомы Аквината. Он обсудил все возможные его стороны. Там, где в Писании ничего не говорится, а Августин не уверен, этот схоласт никогда не теряется благодаря своему спекулятивному таланту, который, однако, подвергся серьезному испытанию. Церковь к тому времени уже утвердила учение о пресуществлении и жертвенный смысл таинства, а потому схоластам пришлось доказывать эти учения с помощью всех метафизических средств, бывших в их распоряжении. Хотя молчание Писания или отсутствие в нем ясных утверждений на данную тему вынуждает нас считать обсуждения схоластов пустой демонстрацией их способностей по части интеллектуального аргументирования, мы все же признаем, что они были движимы благими религиозными мотивами. Кто осмелился бы отрицать это, прочитав молитвенный гимн Фомы Аквината, в котором выражено трепетное отношение его души к жертвенному дару на алтаре?¹⁶⁶⁹

Кульминацией в истории средневекового учения о евхаристии стало догматическое определение пресуществления Четвертым Латеранским собором (1215). И после этого считалось ересью верить во что-либо иное. Определение гласило, что «тело и кровь Христа воистину содержатся в таинстве алтаря под видами хлеба и вина, причем хлеб пресуществляется в тело, а вино — в кровь Божьей силой»¹⁶⁷⁰. Собор не навязывал церкви новое учение. Он просто сформулировал преобладавшее на тот момент верование.

Гуго Сен-Викторский и другие ранние схоласты не используют слово «пресуществление». Они говорят о «переходе» и «превращении», причем последний термин — любимый. Слово «пресуществление», похоже, было использовано впервые Гильдебертом Турским (ум. в 1134)¹⁶⁷¹. Согласно Дунсу Скоту, это учение не может быть с уверенностью доказано на основании Писания и должно приниматься на основании решения церкви¹⁶⁷². Отрывки, которые обычно связывались с доказательством учения, — это Ин. 6 и слова учреждения, «сие есть тело Мое», глагол в которых понимается в буквальном смысле. Руперт из Дей-

¹⁶⁶⁸ *Quasi omnis devotio in ecclesia est in ordine ad illud sacramentum* (Дунс Скот, цит. в Seeberg, *Dogmengesch.*, II. 113).

¹⁶⁶⁹ *Pange lingua gloriosi corporis mysterium* («Воспой, язык мой, тайну тела славы»). См. Schaff, *Christ in Song*, pp. 465 sqq. Стих, в котором отражено учение о пресуществлении, гласит:

*Verbum caro, panem verum verbo carnem efficit
Fitque sanguis Christi merum; etsi sensus deficit
Ad firmandum cor sincerum sola fides sufficit.*

¹⁶⁷⁰ *Corpus et sanguis in sacramento altaris sub speciebus panis et vini veraciter continentur, transubstantiatis pane in corpore et vino in sanguinem potestate divina.*

¹⁶⁷¹ Migne, 171. 776.

¹⁶⁷² См. Schwane, p. 656.

ца — единственный схоласт XII — XIII веков, не соглашавшийся с этим. Он, похоже, склонялся к теории импанации¹⁶⁷³.

Особо выделялись три предназначения евхаристии¹⁶⁷⁴: 1) *жертва*, потому что она повторяет жертву Христа на кресте; 2) *причастие* — в ней мы становимся частью Церкви; 3) *дорожная трапеза* (*viaticum*, от *via*, «путь») — небесная манна, укрепляющая паломников на пути к небесам. Фома Аквинат использовал термин Иоанна Дамаскина *успение* (*assumption*), потому что это таинство возносит нас к Божественности Христа, а также называл его *гостия* (*hostia*), потому что оно содержит Самого Христа, Который принимает нас и выступает Подателем нашего спасения¹⁶⁷⁵. Евхаристию также называли *мессой* или *обедней*.

В качестве даров следовало использовать пшеничный хлеб, дрожжевой или пресный, и разбавленное водой вино — как, вероятно, делал Христос по палестинскому обычаю. Вода символизирует народ, вино символизирует Христа, а их сочетание — союз людей со Христом. Смещение их также символизирует сцену страстей. Фома Аквинат усматривает прообраз этого таинства в воде, которую евреи пили в пустыне (1 Кор. 10:4). Как и Альберт Великий до него¹⁶⁷⁶, он в этом вопросе твердо опирался на Пр. 9:5: «Идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною *растворенное*». Однако растворять вино не обязательно. Синоды в Кельне (1279), Ламбете (1281) и т. д. постановили, что достаточно двух или трех капель воды.

В момент освящения священником дары хлеба и вина превращаются в истинное тело и кровь Христа. Сущность хлеба и вина исчезает, а качества (*species sensibiles*) остаются — например, вкус, цвет, размеры и вес. «Что происходит с сущностью даров?» — спрашивает Петр Ломбардский. Было три возможных ответа. Во-первых, сущность превращается в четыре исходных элемента, или в тело и кровь Христа. Во-вторых, она уничтожается. В-третьих, она сохраняется частично или целиком. Дунс Скот склонялся ко второму объяснению, что сущность уничтожается¹⁶⁷⁷. Ломбардский, Бонавентура и Фома Аквинат считали, что сущность превращается в тело и кровь Христа. Выступая против теории уничтожения, Фома приводил пример: воздух, из которого рождается огонь, не имеет места постоянного присутствия, но это не значит, что он уничтожается. Изменения, происходящие на алтаре, сверхъестественны. Тело Христово — это таинство, существующее не количественно (*per modum quantitatis*), а качественно. Оно проявляется не в *размерах*, а в *силе* таинства (*ex vi sacramenti*), способом, характерным для этого таинства. Оно происходит на алтаре и может восприниматься только в вере¹⁶⁷⁸.

Схоласты усовершенствовали свою теорию, разделив бытие «сущности» и «качеств». Что есть сущность хлеба, как не его питательная сила, и как можно

¹⁶⁷³ Schwane, p. 641, и Rocholl, ст. *Rupert*, в Herzog, XV. 229 sqq.

¹⁶⁷⁴ Th. Aq., III. 73. 4, Migne, IV. 701; Bonaventura, *Brev.*, VI. 9, Peltier ed., 322 (*eucharistiae dedit in sacrificium oblationis, et sacramentum communionis et viaticum refectionis*).

¹⁶⁷⁵ *Hostia salutaris*. При этом цитировался Еф. 5:2, где в Вульгате для обозначения жертвы Христа используется слово *hostia*.

¹⁶⁷⁶ *De euchar.*, vol. XIII. 668. Фома Аквинат говорит, что катафригийцы и пепузиане добавляли к тесту для евхаристического хлеба кровь детей, получаемую при прокалывании кожи, а также упоминает об аквариях, которые из соображений воздержания использовали только воду (III. 74. 1, Migne, IV. 705).

¹⁶⁷⁷ Он определял пресуществление как *transitus totalis substantiae in substantiam* (Seeberg, p. 378).

¹⁶⁷⁸ Фома Аквинат, III. 75. 1, Migne, IV. 716 (*neque sensu, neque intellectu deprehendi potest sed sola fide*). Бонавентура говорит (*Brev.*, VI 9): *In specierum utraque continetur totaliter, non circumscriptibiliter, nec localiter sed sacramentaliter totus Christus*.

представить себе хлеб без тех качеств, которые делают его для нас хлебом, практический ум не может понять. А схоластическая диалектика утверждала, что понимает это, но ее заявления — не более чем скопище туманных терминов и ни на чем не основанных предположений. Виклиф детально разоблачил эти ошибочные рассуждения.

Фома Аквинат зашел очень далеко и отстаивал даже сохранение *качеств* (акциденций) хлеба и вина несмотря на то, что сама их *сущность* исчезает¹⁶⁷⁹. Лютер иронизировал, что схоластам было вполне по силам доказать переход внешних качеств хлеба и вина в тело и кровь Христа без изменения вида и создать теорию *прекачествленнем даров* (*transaccidentation*), подобно тому как они создали теорию пресуществления (*transubstantiation*). Однако Фома Аквинат предвосхитил его мысль и утверждал, что провидение не предполагает подобного по трем причинам. 1. Человек не ест человеческую плоть и не пьет человеческую кровь, так что мы не стали бы пить кровь и есть плоть Христа под видом хлеба и вина. 2. Тайнство стало бы поводом для насмешек со стороны неверующих, если бы Христа ели в Его собственном виде. 3. Для того чтобы причащаться Господом в виде хлеба и вина, требуется вера, так что тело Христа не крошится и не раскусывается, а принимается сакраментально, как тайнство¹⁶⁸⁰. Легче понять сотворение, говорит этот великий схоласт, чем пресуществление, ибо сотворение произошло из ничего, а в ходе тайнства сущность хлеба и вина исчезает, в то время как их качества сохраняются.

Второе положение, разработанное схоластами, гласит, что в тайнстве присутствует весь Христос — и в Своем божественном, и в Своем человеческом естестве (плоть, кости, нервы и другие составляющие элементы)¹⁶⁸¹ несмотря на то, что тело Христа не присутствует на алтаре пространственно или в своих естественных размерах.

Это так называемое учение о сопутствовании (*concomitance*), с великой тщательностью разработанное Александром Галесским, Фомой Аквинатом и другими схоластами. Согласно этому учению, Божественность Христа и его тело никогда не разделяются. Там, где Его тело, там и Его Божественность, будь то небеса или алтарь. На этом моменте было важно поставить акцент, потому что в словах об учреждении вечери упоминается только тело Христа.

Третья составляющая схоластической теории евхаристии — утверждение, что весь Христос присутствует в каждом из даров¹⁶⁸², и этим пунктом полностью оправдывается лишение мирян чаши с вином. Ансельм придерживался мнения,

¹⁶⁷⁹ *Quamvis non sint substantia, habent virtutem substantiae* (Фома Аквинат, III. 77. 6, Migne, IV. 755).

¹⁶⁸⁰ Фома Аквинат, III. 77. 7, Migne, IV. 756; Бонавентура, *Brevil.*, 322.

¹⁶⁸¹ *Non solum caro sed totum corpus Christi, scilicet ossa, nervi et alia hujusmodi* (Фома Аквинат, 76. 1, Migne, IV. 732). Он подчеркивает слово «тело», которое состоит из частей, и «плоть» в Ин. 6:56, которую он считает означающей все тело. Принимая аристотелевские идеи касательно категорий сущности и формы, Фома Аквинат (Migne, IV. 726) и другие схоласты (см. Schwane, p. 648) утверждали, что *форма* хлеба и вина также превращается в тело и кровь Христа. При этом они различали слова *форма* и *вид*. *Вид* хлеба и вина сохраняется, а *форма* исчезает. Дунс Скот уделял большое внимание доказательству того, что у сущности может быть множество форм.

¹⁶⁸² *Sub utraque specie sacramenti totus est Christus* (Фома Аквинат, 76. 2, Migne, 733). *Sub utraque specie est unus Christus et totus et indivisus, scilicet corpus, et anima, et Deus* (Бонавентура, *Brevil.*, VI. 9, Peltier ed., VII. 322).

что весь Христос полностью присутствует в каждом из даров евхаристии, но не упоминал о возможности лишать причащающихся чаши¹⁶⁸⁴.

Отсюда вытекали два серьезных вопроса, а именно: были ли дары, которые Господь благословил ночью, когда был предан, Его собственным телом и кровью и что же ели ученики, когда причащались в момент пребывания Господа в могиле. На второй вопрос был дан ответ, что ученики причащались реальным телом, если они принимали евхаристию в это время. Здесь Дунс Скот выдвинул теорию, что у одной вещи может быть множество форм и что Бог может совершить даже то, что нам кажется совершенно невозможным. А от ответа на первый вопрос Гуго Сен-Викторский увернулся под тем благообразным предлогом, что высокие божественные тайны следует чтить, а не обсуждать¹⁶⁸⁵. Другие же схоласты смело утверждали, что Христос причащался Своим собственным телом и кровью и давал их ученикам. «Он держал их в руках и во рту». Его тело, согласно Фоме, было «бессмертным и неподверженным боли»¹⁶⁸⁶. Фома с одобрением цитировал строки: «Царь, сидящий с Двенадцатью за столом, держал в руках Самого Себя. Он, Пицца, кормил Себя Собой»¹⁶⁸⁷.

Столь чудовищные представления вызывают еще один вопрос. Причащался ли Иуда истинным телом и кровью Господа? На это схоласты отвечали отрицательно. Предатель ел только обычный, не благословленный хлеб. И они, опираясь на Августина и путем манипуляций с Лк. 22 и Ин. 13, где дословно написано, что Христос раздал хлеб и вино еще до того, как Иуда взял хлеб или обмакнул кусок, заявляли, что кусок этот был иллюзорным. То есть Иуда был обманут¹⁶⁸⁸.

Умы Альберта Великого, Бонавентуры, Фомы Аквината и других схоластов волновал и другой курьезный, но имевший далеко идущие последствия вопрос. Если мышь съест освященную гостию, причастится ли она ее священной сущности? Фома рассуждал таким образом. Если освященная гостия упадет в грязь, она не перестанет быть телом и кровью Христа, потому что Бог позволил даже распять тело Христово. Что же касается мышей, то они не были сотворены для того, чтобы вкушать хлеб как таинство, так что они не могут съесть тело Христова с его таинством (*sacramentaliter*), а могут только принять качества (акциденцию) этого дара (*per accidens*), как съел бы его человек, взявший освященную гостию, но не знающий, что она освящена¹⁶⁸⁹. Бонавентура, цитируя Иннокен-

¹⁶⁸⁴ *In acceptatione sanguinis totum Christum, Deum et hominem, et in acceptatione corporis similiter totum accipimus* (Ер. 4:107, Migne, vol. 159, p. 255). Ансельм различал тело и дух Христа: Его дух представлен кровью и вином, а тело — хлебом и плотью.

¹⁶⁸⁵ *Summa*, II. VIII, Migne, 176. 462 (*ego in ejusmodi divina secreta magis venerenda quam discutienda cerneo*).

¹⁶⁸⁶ *Summa*, 81. 3, Migne, IV. 810-813. Ансельм использовал те же выражения (Migne, 159. 255). Шване соглашается, что представление о Христе, Который ел Свое собственное тело, было распространено среди схоластов (p. 645).

¹⁶⁸⁷ *Rex sedet in coena turba, cinctus duodena
Se tenet in manibus et cibatur ipse cibus.*

¹⁶⁸⁸ Так считают Гуго, II, 8. 4; Ломбардский, XI. 8; Фома Аквинат, 81. 2, Migne, p. 811 sq. Этот обман называют *factio* либо же «причастием Иуды» (Лондонский синод, 1175). Этот вывод явно противоречит ясному смыслу евангельского повествования.

¹⁶⁸⁹ Об этом богословском и метафизическом курьезе см. Фома Аквинат, 80. 3, Migne, 789 (*non tangit mus ipsum corpus Christi, secundum propriam speciem sed solum secundum species sacramentales... nec tamen animal brutum sacramentaliter corpus Christi manducat quia non est natum uti eo ut sacramento, unde non sacramentaliter sed per accidens corpus Christi manducat, etc.*). Альберт Великий, *In Sent.*, IV. 13. 38. Borgnet ed., XXIX. 397, Бонавентура, *Sent.*, IV. 13. 2. 1, Peltier ed., V. 550.

тия III, склонялся к более осмысленному мнению, что в таком случае хлеб перестает быть телом Христовым. Петр Ломбардский сказал, что животное не причащается тела Христова, когда ест хлеб, но только Бог знает, что именно оно ест. Дунс Скот задавал похожий вопрос: что случится с ослом, если он выпьет воду, освященную для крещения, пронизательно называя проблему «ослиной слабостью» (*subtilitas asinina*), потому что осел во время питья не способен вобрать в себя то очищение, которым наделяет эта освященная вода¹⁶⁹⁰. Руперт из Дейца {с его теорией импанаии, сосуществования} стал исключением в подходе к теории пресуществления. Иоанн Парижский лишился места в Парижском университете, когда уподобил соединение тела Христова и хлеба сосуществованию божественной и человеческой природы в личности Христа. Он умер в 1306 г., когда его дело рассматривалось в Риме. Оккам {«непобедимый доктор», «исключительный доктор»} из чистого энтузиазма доработал теорию импанаии, согласно которой тело Христа и хлеб соединялись в одной сущности, но выразил готовность уступить церковной догме.

Жертвенный аспект евхаристии был исследован не менее полно. Гуго Сен-Викторский ничего не говорит о повторении жертвы на кресте. Он называет мессу вознесением наших молитв, обетов и жертв (*oblaciones*) Богу¹⁶⁹¹. Петр Ломбардский утверждал, что алтарная жертва по природе отличается от жертвы на кресте, хотя она — подлинная жертва. Схоласты более позднего периода вслед за Александром Галесским делали акцент на жертвенной составляющей. Евхаристия — бескровное, но «реальное жертвоприношение», совершаемое священником.

Алтарь символизирует крест, священник представляет Христа, от лица и в силе Которого он произносит слова освящения даров¹⁶⁹², а раздача представляет страсти на кресте. Основная функция священника — освятить тело и кровь Христа¹⁶⁹³.

Жертва должна приноситься ежедневно, так как мы ежедневно нуждаемся в плодах смерти Христа и молимся о хлебе насущном. Так как Христос находился на кресте с девяти часов до трех, то подобает совершать жертвоприношение именно в этот период времени — в любом случае, днем, а не ночью, ибо Христос сказал: «Мне должно делать дела пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать» (Ин. 9:4).

Схоласты уделяли много внимания обсуждению двойственного действия евхаристии — как таинства и как жертвоприношения. Как и другие таинства, евхаристия обладает способностью наделять присущей ей благодатью¹⁶⁹⁴. Как таинство, она способствует нашему питанию и совершенствованию во Христе, а как жертва, она удаляет грехи, простительные и смертные. Как таинство, она приносит благо тем, кто в ней участвует, а как жертва, она производит преумножение благ, распространяющих свое действие и на тех, кто ее не принимает, живых и мертвых¹⁶⁹⁵. В поддержку этого догмата Фома Аквинский цити-

¹⁶⁹⁰ Seeberg, p. 360.

¹⁶⁹¹ И посредником этого возношения выступает священник (*Summa*, Migne, 176. 472).

¹⁶⁹² *Sacerdos gerit imaginem Christi* (Фома Аквинат, III. 83. 1, Migne, IV. 830).

¹⁶⁹³ Фома Аквинат, *Supplem.*, 37. 5, Migne, IV. 1062.

¹⁶⁹⁴ *Ex seipso virtutem habet gratiam conferendi* (Фома Аквинат, III. 79. 1, Migne, IV. 774).

¹⁶⁹⁵ Фома Аквинат, 79. 7, *Supplem.*, III. 71. 10, Migne, IV. 782, 1246 sq. Альберт Великий (I. 4) распространял благотворное действие мессы и на прославленных святых (*pro salute vivorum, pro requie defunctorum, pro gloria beatorum*).

ровал соединенными слова нашего Господа из Лк. 22 и Мф. 26: «которая за вас проливается» и «за многих изливаемая во оставление грехов», причем второе место понималось им как относящееся к тем, кто не присутствовал при совершении алтарной жертвы, но тем не менее получал возможность пользоваться ее благами.

§116. Евхаристическая практика и суеверия

Совершение евхаристии занимает центральное место в богослужении Латинской церкви. Фома Аквинат говорил, что она должна отправляться с большей торжественностью, чем остальные таинства, так как содержит в себе всю тайну нашего спасения. Он раскрывает смысл разных церемоний¹⁶⁹⁶, таких как крестное знамение, обращение священника лицом к народу определенное количество раз со ссылкой на явления Христа после воскресения, использование ладана, простираание рук священника, преломление хлеба и полоскание рта после принятия вина. Из того внимания, которое уделяет им схоласт, можно сделать вывод об исключительной важности подобных предписаний. Если муха, говорит он, или паук будут найдены в вине после освящения, то насекомое следует выловить, тщательно обмыть водой и сжечь, а потом поместить пепел в эту воду и вылить ее в чашу с вином. Если в освященном вине будет найден яд, то содержимое чаши следует вылить в сосуд и хранить его среди реликвий¹⁶⁹⁷.

Способность священника освящать дары кроется в священной силе, которой он наделяется при рукоположении. Он освящает дары не от своего собственного имени, а как служитель Христа и не перестает быть служителем, даже если он грешен (*malus*)¹⁶⁹⁸. Он — единственный посредник между Богом и народом, поэтому мирянин не может проводить евхаристию. «Ангелический доктор» заявляет, что если блага других таинств накапливаются через использование их элементов, то блага евхаристии возникают при освящении даров священником, а не в их использовании народом¹⁶⁹⁹.

Церковное рассуждение и догматизирование задействовали практически всё, чтобы наделить простую трапезу-воспоминание, учрежденную нашим Господом, регалиями прямого общения между верующим и Спасителем и превратить ее в подобие магического амулета. Но было бы несправедливостью не отметить, что схоласты в своем отношении к евхаристии всемерно подчеркивают личного поклонения. Когда они рассматривают ее как жертву, они ставят особый акцент на вере участников¹⁷⁰⁰. Несмотря на это, протестантские церкви все-таки полагают, что схоласты недостаточно оценили ту роль, которую играет здесь вера как обязательный орган восприятия Божьей благодати, распространяемой посредством священного обряда. То значение, которое средневековые богословы придавали

¹⁶⁹⁶ *Summa*, III. 83. 5 sq., Migne, IV. 844-853.

¹⁶⁹⁷ Фома Аквинат, III. 83. 5, Migne, IV. 850.

¹⁶⁹⁸ *Non ex hoc desinit aliquis minister esse Christi quod est malus* (Фома Аквинат, 82. 5, 7, Migne, IV. 821, 824). Ансельм (*Ep.* IV, 107, Migne, 159. 257) говорил то же самое (*nec a bono sacerdote majus*, etc.).

¹⁶⁹⁹ Фома Аквинат, III. 80. 12, Migne, IV. 809 (*Perfectio hujus sacramenti non est in usu fidelium sed in consecratione materiae*).

¹⁷⁰⁰ *Requiritur ut cum magna devotione et reverentia ad hoc sacramentum accedat... Eucharistia exigit actualem devotionem in suscipiente* (Фома Аквинат, III. 80. 10, *Supplem.*, III, 32. 4, Migne, IV. 805, 1038).

церкви и посреднической роли священства, не позволяло им оценить истинную важность веры¹⁷⁰¹.

Теория эффективности мессы как жертвоприношения поощряла суеверия. Она подкармливала жреческое полноправие священника¹⁷⁰², который мог разрешить последнее причастие, а мог отказать в нем и лишить духовной пищи паломников, стремящихся на небеса. Народ начал больше взирать на священника, а не на Христа, потому что только священник мог воспроизвести ужасную жертву на кресте! Частое участие в евхаристии стало темой для жалоб. Альберт Великий говорит о женщинах, которые ходят на мессу каждый день из легкомыслия, а не из веры, что заслуживает осуждения¹⁷⁰³. Соборы вновь и вновь запрещали служить мессу больше одного раза в день одним и тем же священником, за исключением Рождества, Пасхи и случаев смерти. А поскольку мессы обладали определенной ценностью, то священникам приходилось, по сути, заниматься торговлей и пугать народ, чтобы тот позаботился о них в своих завещаниях¹⁷⁰⁴.

Возвеличивание гостии и поклонение ей практиковалось Латинской церковью уже в XII веке. Гонорий III (1217) сделал обязательным звон колоколов в тот момент, когда произносились слова учреждения вечера, чтобы молящиеся могли пасть на колени и поклониться гостии. Синод в Ламбете (1281) постановил, чтобы церковные колокола звонили в момент освящения, напоминая труженикам в поле и сидящим по домам женщинам о возможности поклониться и помолиться. Синоды предписывали, чтобы дароносица (монстранция), куда помещалась гостия, делалась из золота, серебра, слоновой кости или хотя бы полированной меди. Перед ней постоянно должна была гореть лампада. Если крошка хлеба или капля вина падали на ткань или одежду священника, эту часть следовало вырезать и сжечь, а пепел бросить в чашу. Если *corporale*, льняное покрытие для алтаря, намокало от крови, его нужно было омыть трижды, а воду должен был выпить священник. Если капля падала на камень, дерево или землю, священник или какой-нибудь благочестивый человек должен был слизнуть ее.

Праздник Тела Господня, *Corpus Christi*, отмечался в первый четверг после воскресенья Святой Троицы. Его происхождение связано с льежской монахиней Юлианой, которой привиделась полная луна, представляющая церковный год, но с одним пятном на поверхности. Это пятно означало, что церковь пренебрегает почестями, которые подобает воздать реальному присутствию Христа. Она сообщила о своем видении епископу Льежа и архидиакону Иакову Панталеону. В этой епархии был учрежден соответствующий праздник, а когда Иаков стал папой, под именем Урбана IV, то он в 1264 г. предписал соблюдать этот праздник повсеместно. Иоанн XXII учредил шествие в день *Corpus Christi*, и гостию с великой торжественностью носили по улицам¹⁷⁰⁵. Литургическое служение в праздник Тела Христова было подготовлено Фомой Аквинатом по просьбе Урба-

¹⁷⁰¹ И здесь мы целиком согласны с Гарнаком, который восклицает: «В учении о евхаристии церковь отразила все, что ей было дорого, — свое богословие, свои мистические отношения с Христом, общение верующих, священство, жертву и т. д. — все, но только не веру, которая ищет уверенности и получает ее» (*Dogmengesch.*, II. 489 sq.).

¹⁷⁰² *Populus indiget medio ad Deum qui per seipsum accedere ad deum non potest* (Фома Аквинат, III. 22. 4, Migne, IV. 219).

¹⁷⁰³ *De euchar.*, VI. 3.

¹⁷⁰⁴ Соборы в Вюрцбурге (1287), Париже (1212) и т. д. См. Hefele, V. 866.

¹⁷⁰⁵ См. ст. *Fronleichnamsfest* в Wetzler-Welte, IV. 2061 sqq., и Herzog, VI. 297 sqq. Это был один из первых обычаев Рима, вызвавших протест Лютера (*Köstlin, Leben Luthers*, I. 560).

на IV. В этот же период произошли два важных изменения в раздаче даров — отказались причащать детей и лишили мирян чаши.

Ранняя церковь практиковала причащение детей, о чем свидетельствует Августин. Оно до сих практикуется в Греческой церкви и, похоже, было распространено еще в правление Пасхалия II. Пасхалий, в 1118 г., писал, что детям и тяжело больным людям, которые уже не в состоянии есть хлеб, достаточно давать вино (в данном случае хлеб обмакивали в вино)¹⁷⁰⁶. Неизвестно, как именно произошло это изменение. Одон, епископ Парижский (1175), запретил причащение детей. Синод в Трире (1227) не разрешил им принимать хлеб, а синод в Бордо (1255) не разрешил принимать ни хлеб, ни вино. Великие схоласты ничего не пишут на эту тему. В «Дополнении» к богословию Фомы Аквината сказано, что елеосвящение и евхаристия не применяются к детям, потому что оба эти таинства требуют реальной веры принимающих¹⁷⁰⁷.

Удаление чаши от мирян, ныне установленное в Римской церкви, распространилось в XIII веке. Сначала оно объяснялось страхом осквернить священную кровь Христа посредством ее пролития. В то же время ограничение причастия одним лишь хлебом рассматривалось как действенный способ убедить народ, что в каждом из даров присутствует весь Христос. Среди свидетелей того, что в XII веке мирянам давали и хлеб, и вино, — Руперт из Дейца и папа Пасхалий II. Пасхалий утверждал, что этот обычай должен всегда сохраняться¹⁷⁰⁸. Но очевидно, что практика уже тогда была разной. Англичанин Роберт Пуллейн (ум. ок. 1150) упоминал об этом и осуждал тех, кто обмакивал гостию в вино, подобно причастию Иуды, со ссылкой на Ин. 13:26¹⁷⁰⁹.

К середине XIII века такой великий авторитет, как Александр Галесский, уже осуждал допущение мирян к чаше на том доктринальном основании, что в каждом из даров присутствует весь Христос. Он настаивал на удалении чаши от народа, чтобы научить людей этой доктрине. Но Альберт Великий, его современник, никоим образом не склонялся к такой практике¹⁷¹⁰. Фома Аквинат следовал за Александром, приводя в качестве основной причины опасность осквернения священного содержимого чаши вследствие разлития. Он говорил, что принимать из чаши вполне достаточно одному только священнику, потому что для полного блага хватает причащения и одним из даров (*communio sub una specie*, «под одним видом»)¹⁷¹¹. Христос ведь раздавал пяти тысячам человек только хлеб, а не питье.

¹⁷⁰⁶ *Ep.*, 535, Migne, 163. 442 (*qui panem absorbere non possunt*, etc.), цит. в Herzog, в ст. *Kinderkommunion*, X. 289.

¹⁷⁰⁷ *Suppl.*, XXXII. 4, Migne, IV. 1038. Тридентский собор объявлял анафему тем, кто считает обязательным причащение детей.

¹⁷⁰⁸ Migne, 163. 142. См. прочие свидетельства в Smend, p. 7. Книга Сменда — самое подробное исследование, обязательное для изучения темы. За исключением нескольких цитат, я почерпнул материал этих абзацев из нее.

¹⁷⁰⁹ Это называлось *intinctio*. Гуго Сен-Викторский и Петр Ломбардский одними из первых осудили эту практику. Также синод в Лондоне (1175), Hefele, V. 688. См. также V. 224 о постановлении синода в Клермоне (1095).

¹⁷¹⁰ Альберт не упоминает эту тему в своих *De eucharistia* и «Комментарии к Сентенциям». Петр Рокизана на соборе в Базеле в XV веке ссылался на него как на сторонника допуска мирян к чаше.

¹⁷¹¹ Фома Аквинат, III. 80. 12, Migne, IV. 808 sq. (*nihil derogat perfectioni hujus sacr., si populus sumat corpus sine sanguine dummodo sacerdos consecrans sumat utrumque*). См. также Бонавентура, *Sent.*, IV. 11. 2.

Обычай постепенно распространился. Капитул цистерцианцев в 1261 г. запретил монахам, монахиням и мирянам ордена брать в руки чашу. Мнения немногих соборов, которые высказывались на данную тему, разнятся¹⁷¹².

Синод в Констанце угрожал отлучением всем, кто будет давать вино мирянам. Он говорил о многих «опасностях и скандалах», сопровождающих раздачу вина. Жерсон, который голосовал за это решение, говорил об опасности пролития вина, об осквернении священных сосудов вследствие контакта с руками и губами мирян, о длинных бородах мирян, о возможности превращения вина в уксус, если его поднесут больным, об осквернении его мухами, о замерзании от холода, о трудности доставать вино и о невозможности обеспечить чашами десять или двадцать тысяч причащающихся на Пасху. Тридентский собор вновь подтвердил удаление чаши как справедливое постановление церкви. Григорий II велел использовать в причастии только один сосуд¹⁷¹³.

Причащение вином стало связываться с некоторыми странными обычаями, например, с использованием тростинки или соломинки, которое объяснялось уважением к священному дару. Этот инструмент называли по-разному: *fistula*, *tuba*, *canna*, *siphon*, *pipa*, *calamus*. Литургический ритуал требовал, чтобы папа пил через *fistula* в чистый четверг и страстную пятницу. И он все еще следует этому обычаю на публичных мессах. Эта практика сохранялась до XVIII века кое-где в лютеранских церквях, например, в Гамбурге и окрестностях и в Бранденбурге¹⁷¹⁴.

Другой обычай заключался в прополаскивании рта неосвященным вином после причащения одним или двумя дарами (что по-немецки называлось *Spülkelch*). Синод в Суассоне в XII веке рекомендовал всем прополаскивать рот после принятия даров. Пекхем, архиепископ Кентерберийский (1281), призывал священников объяснять народу, что они, причащаясь хлебом, принимают всего Христа, а то вино, которое дается им в чаше, — это уже просто вино, с помощью которого им будет легче принять святое тело¹⁷¹⁵. Относящийся к V веку обычай принимать пищу сразу после таинства также встречался и в этот период¹⁷¹⁶.

Рассмотрение средневековой истории евхаристии было бы неполным, если бы мы не привели здесь хотя бы несколько чудесных историй, которые свидетельствуют о чрезвычайном уважении к священной гостии и крови. Одна из самых знаменитых историй рассказывает нам о монахе, который исцелился от сомнений, увидев священную кровь (она есть у Александра Галесского, Бонавентуры¹⁷¹⁷ и других авторов). Нередки были случаи, когда в чаше видели настоящую кровь. Иногда гостия оставалась неповрежденной среди пепла сгоревшей церкви¹⁷¹⁸. Цезарий Гейстербахский приводит несколько случаев, когда рядом с потиром появлялся снежно-белый голубь при отправлении мессы, и ряд случаев зри-

¹⁷¹² Синод в Ламбете (1281), похоже, запретил допуск мирян к чаше, тогда как синод в Эксетере (1287) настойчиво рекомендовал его.

¹⁷¹³ См. Migne, 89. 525. Интересную информацию о разных формах чаши (потира) см. в *Enc. Brit.*, XIX. 185 sq. У более древних сосудов было две ручки и небольшое основание, у сосудов XIII — XIV веков не было ручек и было широкое основание. Некоторые более поздние чаши были очень вместительными.

¹⁷¹⁴ См. интересные подробности в Smend, pp. 18 sqq.

¹⁷¹⁵ *Vinum purum... ut facilius sacrum corpus glutiat*. См. подробности в Smend, pp. 43-75.

¹⁷¹⁶ Это делали для того, чтобы не допустить никакой потери священных даров из-за сплевывания или рвоты (*per sputum vel vomitum*). Схожую рекомендацию давал Златоуст (Smend, 44).

¹⁷¹⁷ *Sent.*, IV. 11, 2, 2, Peltier ed., V. 496.

¹⁷¹⁸ Цезарий Гейстербахский, *Dial.*, IV. 16.

мого явления Христа в руках освящающего дары священника. Так, один из монахов, присутствующий на мессе, которую проводил Герман, аббат в Гиммельроде, после освящения гостии увидел в руках аббата младенца Христа. Ребенок увеличился до размеров креста, а потом вновь уменьшился до размеров гостии, которая была съедена аббатом¹⁷¹⁹. Тот же автор сообщает, что некий монах Адольф из Нидерландов после освящения гостии увидел в своих руках деву, держащую младенца Христа. Повернув гостию, он увидел на другой стороне агнца. Вновь повернув ее, он увидел Христа на кресте. А затем в его руке осталась только видимая форма хлеба, которую и съел благочестивый монах. Далее автор говорит, что Адольф не испытал полной радости при этом видении, потому что жил с наложницей¹⁷²⁰. К фламандке из города Торембе, которой священник отказал в таинстве, той же ночью явился Сам Христос, вручивший ей гостию из собственных рук¹⁷²¹.

При освящении церкви в Анроде приглашенные священники начали празднество и, танцуя у алтаря, опрокинули дароносицу, откуда выпало пять гостий. Музыка тут же прекратилась, гостии стали искать, но безрезультатно. Тогда народ покинул здание и стал искать гостии повсюду, пока они не нашлись на выступе стены, куда их положил ангел¹⁷²².

Возможно, самый примечательный из рассказанных гейстербахским летописцем случаев произошел с кровавой гостией монастыря Св. Тронда, Бельгия. Цезарий лично был свидетелем и говорит о нем как о чуде, которое он должен был описать на благо многих последующих поколений. В 1223 г. некая женщина из Арбэ, в епархии Льежа, поцеловала своего возлюбленного, держа во рту гостию, чтобы таким образом усилить его любовь к ней. Потом она обнаружила, что не может проглотить гостию, и аккуратно завернула ее в салфетку. Уже находясь в агонии, она наконец рассказала о своем поступке священнику, который позвал епископа Ливленда, находившегося на тот момент в их городе. Они вместе отправились туда, где была спрятана гостия, и увидели на ткани три капли свежей крови. Когда же они позвали аббата Св. Тронда, обнаружилось, что половина гостии уже была плотью, а половина — хлебом. Епископ с таким уважением отнесся к реликвии, что попытался забрать с собой две капли крови, но тут же вмешались шестьдесят вооруженных людей. Священная кровь была помещена в сосуд и выставлена среди реликвий в церкви Св. Тронда¹⁷²³. Цезарий полностью подтверждает правдивость этого случая и не выражает никаких сомнений ни в нем, ни во всех других историях, о которых он сообщает.

Еще об одном случае повествует Этьен де Бурбон¹⁷²⁴. Некий крестьянин, который хотел разбогатеть, последовал совету друга и положил гостию в один из своих ульев. Пчелы же с великим почтением построили миниатюрную церковь с алтарем, на который они и возложили священный предмет. Все пчелы из окрестностей собирались там и пели прекрасные мелодии. Когда крестьянин пришел к своим ульям, ожидая, что они полны меда, то, к своему изумлению, обнаружил, что они все пусты, кроме того, куда он положил гостию. А пчелы яростно

¹⁷¹⁹ *Dial.*, IX. 29, Strange ed., II. 186.

¹⁷²⁰ IX. 3.

¹⁷²¹ IX. 35, Strange ed., II. 191.

¹⁷²² *Dial.*, IX. 15.

¹⁷²³ См. Kaufmann, перев. Цезария, II. 208-210.

¹⁷²⁴ *De la Marche* ed., pp. 266 sq.

набросились на него. Он покаялся перед священником, который, заручившись одобрением епископа, с процессией подошел к улью, нашел там миниатюрную церковь с алтарем и отнес ее в сельскую церковь, а пчелы, распевая гимны, улетели.

Эти истории, которых можно привести очень много, свидетельствуют о глубоком уважении к гостии и о тех невежественных суевериях, которыми она была окружена в монастырях и среди народа. Средневековое богословие и практика отказались от участия в простой и назидательной вечере Нового Завета ради нелепых церковных чудес.

§117. Покаяние и исповедь

Схоласты связывали таинство покаяния с крещением. Позже это подтвердил Тридентский собор, объявивший его «подвижнической разновидностью крещения»¹⁷²⁵. Крещение служит для омытия первородного греха, а покаяние — для устранения смертных грехов, совершенных после крещения. Схоласты, используя сравнение Тертуллиана, называли покаяние второй доской, брошенной грешнику, потерпевшему кораблекрушение, в то время как первой доской было крещение¹⁷²⁶. В повседневной духовной жизни покаяние стало главной целью людей, а также главным орудием священства, устанавливавшего и укреплявшего свою власть. Схоласты рассматривали тему покаяния даже тщательнее, чем тему евхаристии¹⁷²⁷.

Одна из особенностей, отличающих покаяние от прочих таинств, заключается в количестве позитивных усилий, которых оно требует от человека, ищущего заключенной в нем благодати. Раскаяние, исповедь перед священником и исполнение предписанных священником добрых дел — вот условия принятия этой благодати. Все зависит от Бога, однако все зависит и от подчинения кающегося священнику и от акта отпущения грехов священником. Именно в этом таинстве вступает в полную силу учение о ключах от царства небесного. Именно здесь человеку прощаются грехи, здесь он воссоединяется с церковью и примиряется со Христом при посредничестве священника¹⁷²⁸.

В основание теории о заслуге покаяния положены два искажения Писания. Первым было ложное толкование Ин. 20:23: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся». Это место было истолковано в том смысле, что Христос даровал апостолам и церкви право выступать судьями при прощении грехов. Протестантская же точка зрения такова, что эта власть имеет возвещательный, благовестнический характер. Вторым искажением был перевод в Вульгате новозаветного слова «каяться» как «совершать покаяние», *poenitenti-*

¹⁷²⁵ Дунс Скот говорил об «удовлетворении, которое приносит усердный труд» (*quae est executio operis laboriosi*, *Report.* IV. 16. 1, цит. в Schwane, p. 669).

¹⁷²⁶ Тертуллиан, *De Poen.*, XII. См. также Иеронима. См. также: Ломбардский, *Sent.*, XIV. 1, Migne, 868; Бонавентура, *Sent.*, XIV. 1, Peltier ed., V. 553; *Brevil.*, VI. 10, VII. 323; Фома Аквинат, III. 84. 6, Migne, IV. 862; *Supplem.*, VI. 3. 936; Альберт Великий, *In Sent.*, Borgnet ed., XXIX. 404 sq.

¹⁷²⁷ Ломбардский (Migne ed.) посвящает покаянию в два с половиной раза больше места, чем евхаристии: стр. 868-899, о евхаристии — стр. 856-868; Гуго Сен-Викторский — 550-578, о евхаристии — 462-471; Фома Аквинат — 852-1023, о евхаристии — 695-852; а Бонавентура (Peltier ed.) — почти в четыре раза больше: vol. V — 533-709, vol. VI — 1-129, тогда как евхаристии — vol. V, 415-533.

¹⁷²⁸ *Absolvitur homo a peccato, et reunitur ecclesiae et reconciliatur Christo, mediante clavi sacerdotali* (Бонавентура, *Brevil.*, VI. 10, Peltier ed., VII. 323).

am agite, словно покаяние — внешний поступок, который наделяет заслугой, а не изменение настроения, отношения, на что явно указывает греческое слово *μετανοέω*, «изменять отношение»¹⁷²⁹.

Путаница новозаветной идеи и церковного учения очевидна из того двойного значения, которое Петр Ломбардский и Фома Аквинат вкладывают в понятие покаяния. Крещение, говорят они, — это таинство, а покаяние — это и таинство, и добродетельное состояние ума (хотя в Новом Завете подразумевается именно последнее). Богословы же добавили к нему целый механизм покаяния¹⁷³⁰.

В конце XII века в учении о покаянии произошло коренное изменение. Теория ранней церкви, разработанная Тертуллианом и другими отцами церкви, гласила, что покаяния достаточно для освобождения от грехов, совершенных после крещения, и что оно состоит в определенных покаянных упражнениях, таких как молитва и милостыня. Первым элементом, добавленным средневековой системой, было представление о том, что исповедь перед священником и отпущение грехов священником — обязательные условия прощения. Петр Ломбардский не считал посредничество священника обязательным и утверждал, что исповеди перед Богом достаточно. В его время, по его собственному свидетельству, не было согласия по трем вопросам, связанным с покаянием: во-первых, обязательно ли сожаление о грехе для его отпущения; во-вторых, обязательна ли исповедь перед священником; и в третьих, достаточно ли исповеди перед мирянином. Мнения отцов церкви, утверждает он, различны, если не сказать противоречивы¹⁷³¹.

Александр Галесский открывает новую эпоху в истории учения. Он первым из схоластов ясно ответил на все эти вопросы, и ему больше, чем какому-либо другому отдельному богослову, Католическая церковь обязана доктриной о покаянии. Фома Аквинат подтвердил то, чему учил Александр¹⁷³².

В отличие от крещения, которое есть рождение свыше, Фома Аквинат уподоблял покаяние выздоровлению после болезни. Он и Бонавентура соглашались с тем, что покаяние эффективным образом искупает смертные грехи. Фома проследивал происхождение обряда покаяния вплоть до Христа, Который говорил о необходимости «проповедану быть... покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима» (Лк. 24:47). Иаков имел в виду именно заповедь покаяния, когда призывал христиан исповедоваться в грехах друг перед другом¹⁷³³. Покаяние может повторяться, потому что мы можем снова и снова утрачивать свою любовь к Богу.

¹⁷²⁹ Реймский перевод также передает это слово как «совершать покаяние», однако далеко не всегда, и тем самым окончательно запутывает читателя, который невольно подменяет новозаветное слово надуманными добавлениями из церковной системы таинств.

¹⁷³⁰ *Poenitentia dicitur et sacramentum et virtus mentis* (Ломбардский, XIV. 1, p. 869; Фома Аквинат, Migne, IV. 850 sqq.). Если мы используем два слова, *repentance* (раскаяние) и *penance* (наказание, епитимья), то схоласты пользовались словом *poenitentia*, внушая представление, будто покаяние сердца, или *μετανοία*, не передает всего смысла оригинального текста.

¹⁷³¹ *Sent.*, XVII. 1, Migne, p. 880. Окончательная теория о покаянии многим обязана трактату *De vera et falsa poenitentia*, который сочинен, вероятно, в XII веке и приписывается Августину. Грациан включил его почти полностью в свои «Декреталии», как и Петр Ломбардский. Согласно Lea (I. 210), этот труд продолжают цитировать как принадлежащий Августину вплоть до XVII века. Ли считает его произведением двух авторов, V и XII веков.

¹⁷³² Это доказано в примечательном труде Миллера *Der Umschwung*, etc. Высказывания Абельяра, представителя прежних взглядов, и высказывания Фомы Аквината, представителя нового взгляда, приведены в Köhler, pp. 11-18.

¹⁷³³ *Summa*, III. 84. 7; *Supplem.*, VIII. 1, Migne, IV. 864, 943.

Покаяние состоит из четырех элементов: раскаяния сердца, устной исповеди, удовлетворения провинности с помощью подвигов благочестия и отпущения греха священником. Первые три этапа назывались сущностью покаяния и делами грешника. Отпущение греха священником называлось формой покаяния¹⁷³⁴.

1. *Раскаяние* определялось как скорбь души в связи с ее грехами, отвращение к ним и решение больше не совершать их. Ломбардский и Грациан учили, что такое раскаяние, основанное на любви, достаточно для того, чтобы Бог простил грехи без исповеди перед священником и без отпущения грехов последним¹⁷³⁵.

Параллельно с учением о полном раскаянии схоласты начиная с Александра Галесского разрабатывали новое учение о неполном раскаянии (*attritio*), которое наиболее категорично отстаивал Дунс Скот. Неполное раскаяние — это негативная составляющая раскаяния, раскаяние из страха наказания (*Galgenreue*, «раскаяние перед эшафотом», как называли его немцы)¹⁷³⁶. Это состояние сердца схоласты находили в блудном сыне в тот момент, когда отец вышел к нему навстречу. Согласно этому учению, человек может быть прощен и спасен просто из страха перед адом и перед наказанием — не имея в сердце ни веры, ни сыновней любви. Он только должен старательно пройти через этапы покаяния, и ему обеспечено отпущение грехов священником¹⁷³⁷.

2. *Исповедь* перед священником, второй элемент покаяния, определен Фомой Аквинатом как обнажение скрытой болезни греха в надежде получить прощение¹⁷³⁸. Даже папа не имеет права освобождать от исповеди, равно как он не может предлагать спасение от первородного греха без крещения¹⁷³⁹. Исповедь покрывает смертные грехи. Для отпущения простительных грехов исповедь не обязательна. Церковь ежедневно молится о прощении таких грехов, и этого достаточно. Они не отдаляют душу от Бога и церкви¹⁷⁴⁰. Это просто неудачные проявления любви к Богу, но не отвращение от Него. Такие грехи удаляются с помощью святой воды и других мелких обрядов.

Согласно Четвертому Латеранскому собору (1215), исповедь перед священником не реже, чем раз в год, стала признаком ортодоксии. Схоласты начиная с Александра Галесского утверждали, что для действительности исповеди необходимо, чтобы она совершалась перед священником, и что отпущение грехов священ-

¹⁷³⁴ Ломбардский, XVI. 1, Migne, p. 877; Альберт Великий, Borgnet ed., XXIX. 536. Фома Аквинат, 90. 1, 2, Migne, IV. 912 sq., и Бонавентура, *Brevil.*, VI. 10, Peltier ed., VII. 323, называют первые три этапа «неотъемлемыми частями» покаяния. См. также Абельяра (*Ethica*, 17-24).

¹⁷³⁵ См. суровое осуждение этого мнения у Шване, который не сомневается, что Ломбардский считал именно так (p. 662).

¹⁷³⁶ *Timor servilis principium est attritionis* (Александр Галесский, цит. в Schwane, p. 664). Фома Аквинат (*Supplem.*, I. 2, Migne, IV. 919) более сдержан, чем Александр, Бонавентура и Дунс. Цезарий Гейстербахский называет «раболопный страх даром Божиим» (Koeniger, p. 31). В конце средних веков Габриэль Биль считал, что неполное раскаяние через исповедь и отпущение грехов превращается в полное (см. Seeberg, *Dogmengesch.*, II. 121).

¹⁷³⁷ См. Hahn, p. 413; Schwane, p. 666. Тридентский собор, XIV. 4 (Schaff, *Creeds*, II. 145 sq.), обозначил это понятие словом *attritio* и определил его как несовершенное раскаяние. Учение об *attritio* оказалось в центре горячего спора об индульгенциях, начавшегося с трудов Янсена, в котором принимали участие Кольде, Каверау, Дикхоф и другие. Гарнак очень сурово отзывался об этом учении как демонстрирующем трухлявость всей католической системы (*Dogmengesch.*, II. 482, 504 sqq.).

¹⁷³⁸ Аквинат цитирует определение Августина (*Supplem.*, VII. 1, IX. 3, Migne, IV. 940, 954).

¹⁷³⁹ Migne, IV. 939.

¹⁷⁴⁰ Фома Аквинат, III. 87. 1, Migne, IV. 890; *Supplem.*, VI. 1, 3, VIII. 3, Migne, IV. 934, 936, 945. С характерной для него скрупулезностью Фома задается вопросом, может ли человек исповедоваться в грехах, которых не совершал (Migne IV. 936).

ником — это обязательное условие прощения грешника. Бонавентура, детально проработав вопрос, достаточно ли исповедоваться в наших грехах перед одним только Богом, ответил на него отрицательно. Он уделил цитатам из отцов церкви еще большее внимание, чем Петр Ломбардский, чтобы показать: у отцов не было единодушия на этот счет. Но он заявил, что после решения Четвертого Латеранского собора должны считаться еретиками все те, кто отрицает, что исповедь перед священником обязательна. А до этого решения такое отрицание не было ересью¹⁷⁴¹.

Исповедь совершалась перед священником как заместителем Христа. В случае необходимости, если священника рядом не было, мирянин также мог выслушать исповедь¹⁷⁴². С помощью такой исповеди грешник может примириться с Богом, но не с церковью. А чтобы примириться с нею и быть допущенным к другим таинствам, он должен, когда представится возможность, вновь исповедаться перед священником.

Священникам было запрещено смотреть в лицо исповедующимся женщинам. Строгие наказания были предписаны за разглашение тайны исповеди, вплоть до смещения с должности и пожизненного заключения в монастыре¹⁷⁴³. Климент IV и Мартин IV подтвердили право нищенствующих монахов отпускать грехи по-всяду. Как заявляет один современник, в результате через уста этих монахов стал протекать целый Йордан¹⁷⁴⁴.

3. *Удовлетворение* (епитимья), третий элемент покаяния, назначалось священником как служителем Бога и состояло из молитвы, паломничеств, постов, уплаты денег и других благочестивых дел. Эти действия были лекарством от духовных ран и компенсацией перед Богом за преступления против Него, как учил Фома Аквинат¹⁷⁴⁵ вслед за Ансельмом. Священник судит о том, каким должно быть удовлетворение. Среди самых известных случаев публичного покаяния — покаяние Генриха II (после смерти Бекета), Филиппа I Французского и Раймунда Тулузского.

Удовлетворение отличается от раскаяния и исповеди одной чрезвычайно важной особенностью: один человек может совершить его за другого. И Фома Аквинат, пытаясь доказать это утверждение, цитировал слова апостола: «Носите бремена друг друга» (Гал. 6:2).

4. Четвертый элемент таинства покаяния заключался в формальном *отпущении грехов*, о котором объявлял священник. Эта функция, которую Шване называет главной частью таинства покаяния¹⁷⁴⁶, или «власть над ключами» (*potestas clavis*), прежде всего и во всей полноте принадлежит папе, а уже потом, исходя от него, — епископам и священникам. Обладающие ею открывают двери небес для бессмертных душ или закрывают их.

¹⁷⁴¹ *In Sent.*, IV. 17. 2, Peltier ed., V. 674 (*ante hanc determinationem hoc non erat heresis*, etc.). Альберт Великий тоже заявлял, что исповеди перед одним только Богом недостаточно (Borget ed. XXIX. 603).

¹⁷⁴² Фома Аквинат, *Supplem.*, VII. 1, 2, Migne, IV. 943 sq.; Бонавентура, *Sent.*, XVII. 3. 1, Peltier ed., V. 695. Цезарий Гейстербахский говорит об исповеди перед неверующим как о действенной на смертном одре, если неверующий не насмехается над таинством (Koeniger, p. 73).

¹⁷⁴³ Четвертый Латеранский собор, cap. 21, синоды в Трире (1227), Кентерберги (1236) и т. д.

¹⁷⁴⁴ См. Hefele, VI. 30.

¹⁷⁴⁵ *Supplem.*, XV. 3, Migne, IV. 978. Дунс Скот (цит. в Seeberg, 412) говорит, что удовлетворение — это добровольное возмещение (*redditio voluntaria aequalentis*).

¹⁷⁴⁶ Schwane, p. 670.

§118. Отпущение грехов и индульгенции

1200 год был поворотным в истории широко расходившихся мнений по вопросу о смысле отпущения грехов священником. Петр Ломбардский был представителем взгляда, преобладавшего в более ранний период, когда называл отпущение грехов декларативным возвещением. Александр Галесский был представителем более позднего периода, когда называл отпущение грехов судебным приговором. Согласно Петру Ломбардскому, грехи отпускает только Бог. Именно Господь возвращал прокаженным здоровье, а не священники, к которым Он затем посылал. Они только свидетельствовали прокаженным об исцелении. Власть священника ограничена тем, что он только «указывает или объявляет, кто связан, а кто разрешен»¹⁷⁴⁷. Позже богословие отказалось от этого взгляда «мастера сентенций».

До конца XIII века была распространена молитвенная форма отпущения грехов, хотя не исключительно, и священник просил о благодати прощения для грешника¹⁷⁴⁸. Затем эта формула была заменена юридическим приговором: «Отпускаю тебе грехи во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», — формой, которую Фома Аквинат выделял из всех прочих¹⁷⁴⁹. Гуго Сен-Викторский был сторонником этой формы и объявлял другие скорее смешными и легкомысленными, нежели достойными опровержения. Вслед за ним Ричард Сен-Викторский подчеркивал разницу между правом священника отменять наказание за грех и прерогативой Бога прощать вину греха¹⁷⁵⁰. Отпущение священника ведет к отмене греха, и он действует по отношению к грешнику как Христос по отношению к Лазарю, когда Он сказал: «Развяжите его, пусть идет».

Отпускать некоторые из грехов имели право только епископы — например, убийство, святотатство при осквернении евхаристии или воды крещения, клятвopеступление, отравление и допущение смерти ребенка без крещения¹⁷⁵¹. Были и прегрешения, которые относились исключительно к юрисдикции папского престола, такие как оскорбление личности священника или монаха, сожжение церковного здания и подделка папских документов.

Запрещалось отказывать в таинстве отпущения грехов на смертном одре. В такой момент не требовалось дел удовлетворения за грех, как их не требовалось от разбойника на кресте.

Вопрос о степени эффективности отпущения подвергся тщательному рассмотрению и обсуждению. Покрывает ли оно вину, отменяя наказание, и распространяется ли оно на наказания чистилища? Ответ на эти вопросы был положительным и отличным от того, что давали во времена Александра Галесского. Петр Ломбардский был последним из выдающихся схоластов, кто заявлял, что священник не освобождает от вины. Схоласты более позднего периода были против него в этом вопросе и учили, что священник освобождает и от вины, и от наказания за грех в этом мире и в чистилище. Фома Аквинат утверждал, что, «если

¹⁷⁴⁷ *Potestas solvendi et ligandi, i. e. ostendendi homines ligatos vel solutos, etc.* (IV. 18, 6, Migne, p. 887).

¹⁷⁴⁸ См. эту форму у Гонория Отунского, ок. 1130 г.: *Indulgentiam et absolutionem de omnibus... tribuat vobis Pater et Filius et Sp. Sanctus et custodiet vos a peccatis et ab omnibus malis et post hanc vitam perducat vos in consortium omnium sanctorum* (Lea, I. 206).

¹⁷⁴⁹ *Summa*, III. 84, 3, Migne, IV. 857. Недостаточно было сказать: «Всемогущий Бог отпускает тебе грехи» или «Бог дарует тебе отпущение» и т. д.

¹⁷⁵⁰ *De sacr.*, II. 14, 8, Migne, 176. 568 (...*De potestate ligandi et solvendi*).

¹⁷⁵¹ Так решили синоды в Трире (1227), Кентерберии (1236), Лондоне (1237) и др. Блуд монахинь также попадал под юрисдикцию епископа.

священник не может освободить от этих временных наказаний — ибо наказания чистилища временны, — то он вообще не может освободить от них, а это противоречит словам Евангелия, обращенным к Петру, что то, что он разрешит на земле, разрешится на небе»¹⁷⁵².

Последней и, как оказалось, самой порочной формой отпущения грехов священниками стала индульгенция, освобождение от вины и наказания за грех посредством послабления или полного отказа от дел удовлетворения, которые требовались бы в противном случае. Более строгое покаяние заменялось более легким¹⁷⁵³. Готтлоб¹⁷⁵⁴ недавно поделил индульгенции на три класса: 1) которые обеспечивались участием в крестовом походе; 2) которые обеспечивались уплатой денег на какое-нибудь благо церковное дело; и 3) которые обеспечивались посещением определенных церквей.

В конце рассматриваемого периода замена обычно имела форму выплаты денег. За крупную сумму можно было получить прощение самых тяжелых прегрешений. Индульгенции стали соблазнительным источником дохода для церквей и римской курии, которые быстро этим воспользовались. Догматическое оправдание данного метода отпущения грехов было сформулировано еще до того, как эта практика стала распространенной. Здесь снова отличился Александр Галесский. Он первым дал ученое определение этому методу церковного служения и уделил ему заметное внимание. Фома Аквинат, Бонавентура и другие схоласты последовали за ним и добавили немного. Фома Аквинат объявил нечестивым утверждение, что церковь не должна распространять индульгенции¹⁷⁵⁵.

Первый известный случай употребления индульгенций относится к 1016 г., когда архиепископ Арля дал индульгенцию на год тем, кто участвовал в сооружении здания церкви¹⁷⁵⁶. Крестовые походы предоставили папам возможность выдавать индульгенции с большим размахом. Индульгенция Урбана II (1095) предоставляла полное отпущение грехов всем, кто отправится в Иерусалим. Она была первой из длинной череды схожих папских документов. Это путешествие, говорил Урбан, должно было заменить всякое покаяние. Сначала отпущение грехов даровалось воинам, сражающимся с неверными в Святой Земле, а потом индульгенции стали распространяться и на сражающихся со славянами, как в случае Евгения III (1147), со штедингерами, с альбигойцами, с гуситами (1425) и вообще со всеми врагами папства, в том числе с Фридрихом II и Манфредом. Иннокентий II в 1135 г. обещал полное отпущение грехов тем, кто сражался за папский престол с Роджером Сицилийским и с антипапой Анаклетом II. В этих случаях использовались такие выражения, как «отпущение и индульгенция покаяний», «послабление или отпущение наложенного покаяния», «ослабление назначенного удовлетворения», «облегчение или отпущение грехов»¹⁷⁵⁷.

¹⁷⁵² *Si non potest remittere quantum ad poenam temporalem, nullo modo remittere potest quod omnino contrarium dictus evangelii (Supplem., VIII, 2, Migne, IV, 988; Sent., IV, 20, 1, 1-5).*

¹⁷⁵³ Beringer-Schneider, главный римо-католический автор, пишущий об индульгенциях (р. 2), определяет индульгенцию как «акт милосердия и благодати, спасение по воле церкви, акт благодати и прощения».

¹⁷⁵⁴ *Kreuzablass, etc.*, pp. 10 sqq. Gottlob (р. xv) пишет, что индульгенции занимают центральное место в политической и религиозной жизни последних трех столетий Средневековья.

¹⁷⁵⁵ *Supplem.*, xxv-xxvii, Migne, IV, 1013 sqq. Ли посвящает весь третий том своей *Hist. of Confession* примечательному обсуждению темы индульгенций.

¹⁷⁵⁶ См. текст в Köhler, pp. 5 sq.

¹⁷⁵⁷ *Relaxatio, remissio, indulgentia de injuncta poenitentia, etc.* См. об этих выражениях у Бригера. Также у Бригера и Ли приводятся многочисленные примеры папских индульгенций такого рода.

Свобода, с которой епископы раздавали такие отпущения, стала столь скандальной, что Латеранский собор 1215 г. выпустил строгий указ об ее ограничении. Более чем за полвека до того, в 1140 г., Абельяр осуждал злоупотребление этой прерогативой со стороны епископов и священников, которые руководствовались исключительно жадностью¹⁷⁵⁸.

Строительство мостов через реки, строительство церквей и посещение святых мест стали любимыми и достаточными основаниями для индульгенций. Иннокентий III в 1209 г. даровал полное отпущение грехов за строительство моста через Рону, Иннокентий IV — за восстановление пострадавших от пожара соборов в Кельне (1248) и Упсале (1250)¹⁷⁵⁹. Согласно Матфею Парису, Григорий IX в 1241 г. даровал индульгенцию на сорок дней всем, кто поклонялся терновому венцу и кресту в часовне в Париже, а в 1247 г. епископ Норвича, говоря от имени английских прелатов, объявил отпущение всех грехов на шесть лет и сто сорок дней для тех, кто поклонялся Святой Крови в Вестминстере¹⁷⁶⁰. Индульгенции за строительство мостов и дорог были распространены в Англии¹⁷⁶¹.

К следующему периоду относятся первые случаи дарования индульгенций Бонифацием VIII в связи с юбилейным годом (1300). Среди наиболее знаменитых индульгенций, дарованных отдельным группам и местностям, была индульгенция Порциункулы, которая отпускала грехи всем, кто посещал знаменитое францисканское святилище в Ассизи в определенный день года¹⁷⁶², и *Sabbatina*, которая в первую же субботу после смерти освобождала из чистилища всех вступающих в орден кармелитов либо же носящих монашеский наплечник¹⁷⁶³.

Практика раздачи индульгенций быстро распространялась. Иннокентий III выпустил пять индульгенций во время своего понтификата, а менее чем через столет Николай IV за два года своего правления (1288 — 1290) выпустил их не менее четырехсот. К этому времени они стали регулярной статьёй папских доходов.

Какие же приводились основания того, что церковь имеет право освобождать от дел покаяния во искупление грехов, или, как говорит об этом Александр Галесский, даровать послабление наказания за грех?¹⁷⁶⁴ Утверждали следующее: заслуга страстей Христа безгранична. Мария и святые своими делами долготерпения также приобрели заслугу больше той, которая необходима им на небесах. И эти сверхдолжные заслуги святых и Христа так обильны, что их достаточно для уплаты долга всех живущих¹⁷⁶⁵. Вместе они составляют *thesaurus meritorum*, или сокровищницу заслуг, которая находится в распоряжении церкви, и церковь может использовать эти заслуги по своему усмотрению. Христос отменил наказание, которое ждало женщину, взятую в прелюбодеянии, не требуя от нее удовлетворения, которого следовало бы потребовать за ее грех при обычных обстоятельствах. Так и папа, наместник Христа, освобождает от греха, используя

¹⁷⁵⁸ *Ethica*, XL. См. Köhler, p. 8.

¹⁷⁵⁹ Potthast, 3799, 12938, 14122.

¹⁷⁶⁰ Luard ed., IV. 90, 643.

¹⁷⁶¹ См. Jusseraud (*Engl. Wayfaring Life in the M. Ages*, London, 1890, pp. 41 sqq.), где приводится много примеров индульгенций за строительство мостов.

¹⁷⁶² Sabatier, *F. Bartholi de Assisio tractatus de indulgentia S. Mariae de Portiuncula*, 1900.

¹⁷⁶³ См. стр. 366, Lea, III. 270 sqq., и Wetzler-Welte, *Sabbatina*.

¹⁷⁶⁴ *Summa*, IV. 83.1 (*relaxatio poenae debitae pro peccato*), цит. в Brieger.

¹⁷⁶⁵ Фома Аквинат, *Summa*, III. 83, 1 (*quorum meritorum tanta est copia quod omnem poenam debitam nunc viventibus excedunt*). См. Gottlob, pp. 271 sqq.

накопление заслуг. Вот почему индульгенция может занимать место третьего элемента покаяния, удовлетворения.

Такие заявления схоластов были открыто подтверждены папой в лице Климента VI в 1343 г. Этот понтифик не только заявил, что «хранилище сокровищ» (*cululus thesauri*), состоящее из заслуг «благословенной матери Божьей и святых», находится в распоряжении преемников Петра, но и удостоил церковь поразительнейшего заявления, что, чем больше используется эта сокровищница, тем больше увеличивается сокровище¹⁷⁶⁶. Как и дерево истинного креста, она обладает способностью к самостоятельному преумножению. Однако справедливости ради следует заметить, что дарующие эту спасительную благодать папские бреве неизменно сопровождают свою милость условием раскаяния и исповеди со стороны принимающего ее¹⁷⁶⁷.

До конца XIII века преобладала теория, что индульгенция позволяет обойтись без обычных дел покаяния, заменяя их каким-то другим действием, но еще до начала XIV века был сделан новый шаг: индульгенция стала считаться непосредственно освобождающей от вины и наказания за грехи (*culpa et poena peccatorum*). Она больше не была смягчением или послаблением обязательного покаяния. Она непосредственно отпускала то, что должен был удалить акт покаяния, а именно, вину и наказание. Было достаточно, чтобы церковь объявила грех прощенным. Виклиф смело критиковал индульгенции «от вины и наказания» (*a culpa et poena*) в своей *Cruciata*. Сейчас, когда уже больше невозможно утверждать, что такие папские индульгенции — обыкновенная подделка, некоторые католические авторы заявляют, что эта порочная фраза, «от вины и наказания», на самом деле значит «от наказания вины» (*a poena culpa*).

Именно такой была общая индульгенция, данная папой Целестином V в 1294 г. всем, кто в определенный день года придет в церковь Св. Марии де Коллемайо, в которой он был посвящен в сан¹⁷⁶⁸. Такая возможность была подтверждена почти за тридцать лет до того Фомой из Шантимпре¹⁷⁶⁹. А около 1280 г. Петр Олива заявлял, что индульгенция, дарованная церкви Порциункула, — это «индульгенция от всех грехов и от всякой вины и наказания»¹⁷⁷⁰. Из этих документов очевидно, что в конце XIII века формула *a culpa et poena*, «от вины и наказания», была всем знакома.

Бонифаций VIII, вероятно, подразумевал и вину греха, когда объявлял о «полном прощении всех грехов». Последующие папы постоянно пользовались этим выражением¹⁷⁷¹. Иоанн XXIII в начале XV века особенно усердно раздавал

¹⁷⁶⁶ *Quanto plures ex ejus applicatione trahuntur ad justitiam, tanto magis accrescit ipsorum cululus meritorum* (см. Friedberg, *Corp. Jur. can.*, II. 1304 sq.).

¹⁷⁶⁷ *Vere poenitentibus et confessis* — распространенная формула.

¹⁷⁶⁸ Доктор Lea (III. 63) доказал подлинность этого документа.

¹⁷⁶⁹ Köhler, p. 27 (*quae securam et mundatam animam ab omni culpa et poena fecerunt*).

¹⁷⁷⁰ См. Sabatier, *Fr. F. Bartholi*, etc., отчасти воспроизведено в Köhler, pp. 27 sqq.

¹⁷⁷¹ См. примеры у Бригера и особенно в Lea, III. 55-80. Ли цитирует символ веры Петра Пахаря, чтобы показать, что таким было популярное верование:

*The power of the Apostells they posen in speche
For to sellen the synnes for silver other mede
And pulchye a pena the purple assoileth
And a culpa also, that they may cacchen
Money other money wothe and mede to fonge.*

Один из самых поразительных примеров индульгенции такого рода — *absolutio plenaria a poena et culpa*, выпущенная Александром V для всех участников собора в Пизе (Von der Hardt, *Conc. Const.* III. 688).

такие индульгенции, и собор в Констанце тщетно старался как-то ограничить эту практику. Тетцель следовал уже двухвековой традиции, когда предлагал «отпущение и индульгенцию *вины* и наказания».

Что касается применения таинства покаяния к душам чистилища, то Александр Галесский утверждал, что если это таинство для них не действенно, то церковь вообще напрасно молится за покойных. Такие души все еще находятся в ведомстве церкви и по-прежнему подвластны ее суду (*de foro ecclesiae*)¹⁷⁷². Люди строили алтари и часовни, полностью содержали или вносили вклад в содержание священников, чтобы те молились и служили мессы за их души после их ухода из жизни. Дальнейшее рассмотрение этой темы относится к периоду, непосредственно предшествующему Реформации. Здесь же достаточно будет сказать, что Сикст IV в 1476 г. четко связывал индульгенции с выплатой денег и заявлял, что за определенную сумму, отданную папским сборщикам, живущие на земле могут избавить своих родственников от чистилища. Так за золото или серебро самый закоренелый преступник мог освободить своего отца или мать от мук чистилища, причем ни раскаяния, ни исповеди для этой сделки не требовалось¹⁷⁷³. Вот к какому финалу пришло учение о таинстве покаяния, на разработку которого схоласты потратили больше всего времени и сил! И Тридентский собор подтвердил право церкви даровать индульгенции¹⁷⁷⁴, хотя что может больше противоречить простому учению Евангелия, чем обязательность исповеди перед священником и его отпущение грехов, выдаваемые за условие прощения?! Недвусмысленное повествование Писания, скорее, убеждает нас в возможности непосредственного доступа ко Христу, Который сказал: «Приходящего ко Мне не изгоню вон».

О суевериях и практических странностях, к которым привела эта очень отдаленно напоминающая библейское слово средневековая теория покаяния, сообщают нам популярные авторы того века, такие как Цезарий Гейстербахский и Иаков из Варацце, вполне соглашающиеся с этими неразумными баснями. Вот только две из них, рассказанные Иаковом, и они типичны среди множества подобных историй. Некий епископ, отслужив тридцать месс, помог освободиться из чистилища несчастной душе, которая томилась там замерзшей в глыбе льда. Во втором случае женщина, которая перед смертью не совершила таинства исповеди, была воскрешена молитвой святого Франциска Ассизского. Затем она исповедовалась перед священником, после чего спокойно легла и умерла снова¹⁷⁷⁵.

§119. Елеосвящение, рукоположение и брак

ЕЛЕОСВЯЩЕНИЕ, или последнее помазание (*unctio infirmorum*) — пятое таинство в списке. Оно совершается над больными, которым угрожает смерть, и именно о нем якобы писал сам Иаков: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне» (5:14). Более древнее мнение, к которому склонялись Гуго Сен-Виктор-

¹⁷⁷² В отличие от *de fore dei*, Божьего суда. См. Lea, II. 296-371, и Brieger.

¹⁷⁷³ Lea, III. 595 sq., и наставления Альберта, архиепископа Майнца, цит. в Brieger: *Nec opus est, quod contribuentes pro animabus in capsum sint corde contriti et ore confessi*.

¹⁷⁷⁴ Schaff, *Creeds*, II. 205. Harnack (*Hist. of Doctr.*, II. 511 sqq.) выражает моральное негодование по поводу средневековой системы покаяния. Он весьма эмоционально называет *attritio, sacramentum poenitentiae* и *indulgentia* «католической Троицей» (*das ist die katholische Trias!*).

¹⁷⁷⁵ *Legenda aurea*, в *All Souls*, и Francis d'Assisi, *Temple Classics* ed., VI. 113, V. 231.

ский, Петр Ломбардский и Бонавентура, гласило, что это таинство было учреждено самими апостолами. А Фома Аквинат прослеживал его происхождение даже до Христа. Христос, утверждал он, говорил апостолам много того, о чем не написано в евангелиях¹⁷⁷⁶. Фоме вторили Дунс Скот и Тридентский собор. Воздействие данного таинства — это удаление простительных грехов и грехов, оставшихся после покаяния, а также исцеление тела. Оно может повторяться. Елеосвящение, как и евхаристия, не применяется к детям, так как их телесные немощи не вызваны грехом¹⁷⁷⁷. Некоторые соборы устанавливали минимальный возраст для елеосвящения четырнадцать лет¹⁷⁷⁸. В таинстве использовался елей, освященный епископом. Им смазывали глаза, уши, ноздри, губы, руки, ноги и чресла.

Рукоположение (чин, священство) наделяет сакраментальной благодатью семь орденов служения: пресвитеров, диаконов, иподиаконов, аколуфов, экзорцистов, чтецов и остиариев (или привратников). Эти семь чинов соответствуют семи благодатям Духа, упомянутым в 1 Кор. 12. Первые три чина были учреждены Христом, остальные четыре — церковью¹⁷⁷⁹. Епископы не образуют отдельный чин, но относятся к чину священников. Епископство — должность, функция; Петр Ломбардский и Фома Аквинат вновь и вновь повторяли, что это не чин, и посвящение в епископы — не таинство. Схоласты настаивали на высшем достоинстве епископа, но высшей формой проявления благодати таинств была способность священника совершать мессу. А епископат, патриархат и папство поставлены над священством ради «полноты»¹⁷⁸⁰.

Тонзура, требовавшаяся для чина, — это символ порядка и совершенства, поэтому она имеет форму круга. Она означает также, что священник не думает о временном и занят созерцанием божественного¹⁷⁸¹.

Согласно Фоме Аквинату, из всех семи священных обрядов рукоположение может считаться таинством больше всего, потому что оно наделяет силой для служения другим. На его действенность более всего влияет личность отправляющего это таинство¹⁷⁸². Через него передается благодать. Форма церемонии или

¹⁷⁷⁶ *Supplem.*, XXIX. 3, Migne, IV. 1027.

¹⁷⁷⁷ Фома Аквинат, *Supplem.*, XXXII. 4, Migne, IV. 1038; Бонавентура, *Brevil.*, VI. 11, Peltier ed., VII. 326.

¹⁷⁷⁸ В Кельне (1279); в Ламбете (1330) и т. д.

¹⁷⁷⁹ П. Ломбардский, *Sent.*, IV. XXIV. 9; Гуго Сен-Викторский, *De sacr.*, II. 2, 5; Фома Аквинат, *Supplem.*, XXXVII. 2, Migne, IV. 1056; Бонавентура, *Brevil.*, VI. 12.

¹⁷⁸⁰ *Per modum complementi superponitur episcopatus*, etc. (Бонавентура, *Brevil.*, VI. 12). П. Ломбардский (*Sent.*, XXIV. 9, Migne, p. 904) говорит о четырехчастном епископском сане, т. е. о патриархах, архиепископах, митрополитах и епископах. Это, говорит он, — не чины, но «именования сана и должности». Учение Дунса Скота на сей счет неопределенно. В одном месте он говорит, что епископат должен быть отдельным чином, восьмым, так как некоторые из таинств могут отправлять только епископ (см. Seeberg, p. 441). С другой стороны, он цитирует Иеронима, чтобы показать, что епископат был учрежден церковью и не был регламентирован Божьим законом (см. Schwane, p. 684). Каноническое право до сих пор не установило, являются епископы отдельным чином или нет (см. Friedberg, *Kirchenrecht*, p. 150). Тридентский собор не высказался формально по этому вопросу, хотя он говорит о иерархии епископов, священников и диаконов (см. Schaff, *Creeds*, II. 186 sqq.). Иннокентий III относил иподиаконов к высшим чинам (Friedberg, p. 150). Согласно Филипу Гергенротеру (*Kathol. Kirchenrecht*, pp. 208 sq.), в настоящее время епископат считается в Католической церкви отдельной степенью священства.

¹⁷⁸¹ Фома Аквинат, *Supplem.*, XL. 1, Migne, 1071; Бонавентура, *Brevil.*, VI. 12, Peltier ed., 327. Синоды в Лондоне (1102), Суассоне (1078), Руане (1190), Четвертый Латеранский (1215) и т. д. постановили, что тонзуру нельзя скрывать.

используемые в ней символы второстепенны или не важны. Фактически, соборы или схоласты этого периода редко упоминают о символах¹⁷⁸³.

Рукоположение обладает необратимым действием для поставляемого в любой из чинов. На его действенность не влияют личные качества рукоположенного¹⁷⁸⁴.

Что касается действенности этого таинства, проведенного еретиком или раскольником, то здесь существовали самые разные мнения. Проблема была столь сложной, что представлялась Грациану и Петру Ломбардскому практически неразрешимой. Трудность увеличивалась вследствие постановлений соборов, которые осуждали как недействительные рукоположения антипап и рукоположения, совершенные епископами, которых назначали антипапы¹⁷⁸⁵. Заявления Фомы Аквината трудно понять. Он проводил разграничение между властью (*potestas*) рукоположения и юрисдикцией совершать это таинство. Епископы-раскольники или еретики сохраняют власть, *potestas*, в противном случае, когда они примиряются с церковью, их опять следовало бы рукополагать, а такого не делается¹⁷⁸⁶. Но они не обладают юрисдикцией. А в таком случае рукополагаемый ими епископ при назначении на должность не получает никакой благодати и, значит, его назначение епископом не имеет необратимого характера. Он рукоположен не непосредственно для Бога, а лишь для мистического тела Христа. И те, кого рукополагает епископ-раскольник, на самом деле не получают рукоположения, потому что рукополагаются в нарушение запрета церкви.

Насколько мы можем понять, позиция «ангелического доктора» такова. Церковь может лишить епископа права рукоположения других, но при этом он сохраняет власть епископа делать это. Фома упорно настаивал на незыблемости «епископской власти», полученной при посвящении в сан. Разрешение этой проблемы очень важно, потому что от него зависит эффективность действий многих священников, отсеченных от Латинской церкви и принадлежащих к раскольникам, — таких как старокатолики и Янсенистская церковь Голландии.

Брак занимал последнее место среди таинств, потому что в наименьшей мере сопрягался с наделением духовностью¹⁷⁸⁷. Изначально отношения супругов были неоскверненными. Зачатие должно было происходить без страсти, а роды — без боли. После грехопадения брак стал средством избавления от похоти и нечестивых желаний¹⁷⁸⁸. Сначала брак означал единение души с Богом. С тех пор как он

¹⁷⁸² Фома Аквинат, *Supplem.*, XXXIV. 4, 5, Migne, 1045 sq. (*efficacia principaliter residet penes eum qui sacramentum dispensat*).

¹⁷⁸³ Schwane (p. 681) говорит, что обряд рукоположения в средние века не развивался. Фома Аквинат упоминает о возложении рук лишь случайно, в главах о покаянии (*Summa*, III. 84, 3, Migne, IV. 850). Собор во Флоренции (1438) требовал, чтобы посвящение в некоторые из чинов сопровождалось вручением потира и диска.

¹⁷⁸⁴ Фома Аквинат, *Supplem.*, XXXVI. I, Migne, IV. 1051 (*si malus ordinatur nihilominus ordinati-onem habet*).

¹⁷⁸⁵ Например, девятый (Hefele, V. 380) и одиннадцатый общие соборы выносили такие приговоры касательно антипап. Синод в Пьяченце (1095) объявил недействительными рукоположения Виберта и других епископов.

¹⁷⁸⁶ Фома Аквинат, *Supplem.*, XXXIX. 2, Migne, 1065 (*Episcopus in haeresin lapsus... non amisit potestatem quam habebat ordines conferendi*). Фома очень решительно отстаивает свое мнение и продолжает: *Omnis potestas quae datur cum aliqua consecratione, nulla casu contingente tolli protest, etc... Unde cum episcopalis potestas cum quadam consecratione detur, oportet quod perpetuo maneat quantumcumque aliquis peccet, vel ab ecclesia praecidatur*.

¹⁷⁸⁷ Фома Аквинат, *Summa*, III. 65, 2, Migne, IV. 598 (*quia minimum habet de spiritualitate*).

¹⁷⁸⁸ Абеляр: *Conjugium non confert aliquod donum sicut cetera sacramenta faciunt sed tamen mali remedium est... datur propter incontinentiam refraenendam* (*Theol. Christ.*, 31). Гуро Сен-Виктор-

стал таинством, он означает также единство Христа и Церкви и единство двух природ в одной личности. Ложный перевод слов Еф. 5:31 в Вульгате, «это великое таинство» (тайна сия велика), доказывал схоластам, что это таинство. Элемент таинства заключается в словесном соглашении двух сторон и, как полагал Фома Аквинат, в благословении священника¹⁷⁸⁹.

Фома был склонен допускать к вступлению в брак мальчиков начиная с четырнадцати лет и девочек начиная с двенадцати¹⁷⁹⁰. Согласно тому же авторитету, дети наследовали социальное положение матери¹⁷⁹¹. Препятствия для заключения брака были тщательно перечислены и оговорены. Их было двенадцать, в том числе родство, ошибка, обеты и неверные представления; они перечислены в строках, которые цитируют Бонавентура и Фома Аквинат:

*Error, conditio, votum, cognatio crimen,
Cultus disparitas¹⁷⁹², vis, ordo, ligamen,
Honestas, si sis affinis, si forte coire nequibus
Haec socianda vetant connubia, facta retractant.*

Четвертый Латеранский собор изменил некоторые из самых строгих ограничений для брака, связанных с родством, но объявил детей от родителей, состоящих в родстве, незаконными, даже если бракосочетание проходило в церкви. Соборы XIII — XIV веков часто говорили о правилах брака. Брак должен был заключаться перед лицом церкви и только после публичного объявления. Дети людей, вступивших в брак неверующими, и отпрыски тайных браков были незаконными¹⁷⁹³.

Смерть расторгает брак, и вдовец имеет право вступить в брак снова до четвертого раза и даже больше. В противном случае брачные узы нерушимы — *vinculum matrimonii est perpetuum*. Это объясняется двумя соображениями. Брак предполагает воспитание детей и является символом союза между Христом и Церковью. Брак начинает связывать супругов абсолютно только после плотской связи между ними. До этого один из супругов может уйти в монастырь, и в таком случае другой супруг имеет право снова вступить в брак.

Развод допускался только в одном случае — прелюбодеяния. Схоласты утверждали это на основании слов Христа. Но развод — это расставание супругов, не дающее им права снова вступать в брак. Брак никогда не может быть расторгнут по воле человека. Того, что соединил Бог, человек разлучить не может¹⁷⁹⁴. Невин-

ский: *Conjugium ante peccatum ad officium, post peccatum ad remedium* (*De sacr.*, II. 11. 3, Migne, p. 481). Alanus ab Insulis: *Conjugium sacramentum remedii contra incontinentiam* (*Reg. Theol.*, 114, Migne ed., p. 681). См. также: Бонавентура, *Brevil.*, VI. 13; Фома Аквинат, *Supplem.*, XLII. 2, Migne, IV. 1084; *Summa*, LXI. 2, Migne, p. 558.

¹⁷⁸⁹ Фома Аквинат, *Supplem.*, XLII. 1, Migne, IV. 1083 (*benedictio sacerdotis quae est quoddam sacramentale*).

¹⁷⁹⁰ Этот возраст считался наступлением совершеннолетия (*Supplem.*, LVIII. 5, Migne, IV. 1165). Синод в Ниме (1096) запретил вступать в брак девочкам моложе двенадцати лет. О случаях вступления в брак принцесс моложе этого возраста см. в Eicken, pp. 448 sq.

¹⁷⁹¹ «Как потомство животных следует природе матери». Фома приводит в пример мула (*Supplem.*, LII. 4, Migne, 1127).

¹⁷⁹² Имеется в виду брак, в котором одна сторона — из католиков, а другая — из еретиков, иудеев или неверующих.

¹⁷⁹³ Синоды в Лондоне (1102, 1125, 1200), Четвертый Латеранский (1215), синод в Трире (1227), Магдебурге (1261) и т. д. Синод в Лондоне (1200) запретил мужу или жене совершать длительное путешествие без согласия супруга. Фома Аквинат считал, что браки между верующим и неверующим недопустимы, потому что они мешают воспитывать детей в духе поклонения Богу, а это одна из главных задач таинства (*Supplem.*, LIX. 1, Migne, IV. 1167).

¹⁷⁹⁴ Фома Аквинат, *Supplem.*, LXI. 2, Migne, IV. 1177. Фома утверждает, что до того, как произой-

ная сторона может снова вступить в брак только после смерти изменника¹⁷⁹⁵. Повторный и последующие браки — такое же таинство, как и первый.

§120. Грех и благодать

ГРЕХ. Схоласты единодушно утверждали, что зараза первородного греха передалась всем потомкам Адама и навлекла на всех них вину и вечную погибель. Вслед за Августином Ансельм называл человечество греховной массой, *peccatrix massa*. Из-за грехопадения человеческое тело, или плоть, уподобилось звериному, стало подвержено плотским желаниям, а разум, в свою очередь, стал заражен этими желаниями¹⁷⁹⁶. Если бы человек не согрешил, его природа осталась бы такой, какой она изначально была сотворена Богом. Осудив Абеяра, синод в Сансе (1141) осудил ересь, гласившую, что вина Адама не передается его потомству.

Природа человека греховна не из-за подражания Адаму, но из-за наследования от Адама через поколения предков. Плоть осквернена, так как зачата в похоти, а похоть — это одновременно и скверна, и вина. Как утверждал Петр Ломбардский, это и есть сам первородный грех¹⁷⁹⁷. До первого грехопадения мужчина и женщина не испытывали похоти, и их ложе не было осквернено, но после грехопадения они не могли уже вступать в супружеские отношения без похоти¹⁷⁹⁸. Так считали все схоласты, однако все они отвергают учение традицианизма¹⁷⁹⁹. От родителя к ребенку передается только плоть, но не дух.

Первородный грех был определен Александром Галесским и Фомой Аквином как отсутствие или «недостаток изначальной праведности»¹⁸⁰⁰. Он предполагает утрату дарованной благодати и нарушение естественных способностей¹⁸⁰¹. Эта утрата, или первородный грех, — длительное качество или состояние греховности (*habitus corruptionis* или *vitium*), подобное телесному заболеванию. Это не просто недостаток. В другом месте Фома определяет первородный грех как по сути похоть, а по форме — недостаток изначальной праведности¹⁸⁰². Бог не может быть творцом греха, потому что грех — преступление против порядка.

Фома учил, что клеймо первородного греха наследуется не от матери, но от отца, который является активным агентом порождения. Если бы согрешила только Ева, а не Адам, дети не унаследовали бы этой скверны. С другой стороны,

дет плотское соитие, *carnalis copula*, узы имеют духовный характер и они могут быть расторгнуты одной из сторон, которая выберет «духовную смерть», то есть смерть для мира и уход в монастырь. А после плотской связи узы между мужем и женой — это уже плотское единство, *vinculum carnale*, которое может быть расторгнуто только в случае телесной смерти.

¹⁷⁹⁵ Фома Аквинат, *Supplem.*, LXII. 5, Migne, IV. 1184 (*non licet uni, altero vivente, ad aliam copulam transire*). Однако в этой ситуации любой из супругов может уйти в монастырь без разрешения другого.

¹⁷⁹⁶ *Carnalibus appetitis infecta, de conceptu* (II. Migne, 158. 434).

¹⁷⁹⁷ *Vitium concupiscentiae, quod est originale peccatum*.

¹⁷⁹⁸ *Post peccatum non valet fieri carnalis copula absque libidinosa concupiscentia quae semper vitium est et etiam culpa* (Петр Ломбардский, *Sent.*, II. 31, 3).

¹⁷⁹⁹ *Etsi anima non traducatur, quia virtus seminis non potest causare animam rationalem* (Фома Аквинат, *Summa*, II. 81, 1, Migne, II. 629).

¹⁸⁰⁰ *Carentia... defectus originalis iustitiae est originale peccatum* (Schwane, p. 401; Фома Аквинат, *Summa*, II. 81, 5).

¹⁸⁰¹ *Spoliatio in gratuitis et vulneratio in naturalibus*.

¹⁸⁰² *Summa*, II. 82, 3 (*materialiter quidem est concupiscentia, formaliter vero est defectus orig. just*); *vitium* и *corruptio* — слова, которые чаще всего используются для определения морального характера греха. Гуго Сен-Викторский, *De sacr.*, I. 28, Migne, 176. 299.

если бы Адам согрешил, а Ева осталась невинной, их потомки унаследовали бы первородный грех¹⁸⁰³. Согласно Петру Ломбардскому, Альберту Великому и другим, изначальной причиной греха была гордость¹⁸⁰⁴.

Схоласты подробно обсуждали грех против Святого Духа и семь «смертных» грехов¹⁸⁰⁵, количество которых основано на Пр. 6:16: «Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе Его». На вопрос о том, существовали бы половые отношения, если бы Адам не согрешил, отвечали утвердительно ввиду заповеди плодиться и населять землю. Бонавентура также подробно обсуждает вопрос, было бы количество потомков мужского и женского пола равным, если бы человек не согрешил. На это он также отвечал утвердительно, отчасти на том основании, что не было бы женщин без мужей и мужчин без жен, ибо в раю не может быть ни многоженства, ни многожужия. Он основывал также этот вывод на рассуждении Аристотеля, что неравное количество детей мужского и женского пола объясняется какой-либо слабостью или другими особенностями одного из родителей¹⁸⁰⁶. Если бы наши прародители не согрешили, то дети в конечном итоге рождались бы для того, чтобы пополнить количество избранных ангелов.

Другой вопрос, который обсуждался весьма пылко, кто согрешил более тяжело, Адам или Ева. Гуго Сен-Викторский, Петр Ломбардский, Альберт Великий, Бонавентура и другие великие схоласты пытались разрешить эту проблему, опираясь на слова Павла в 1 Тим. 2:14, судя по которым прельстилась женщина, а не мужчина. И они пришли к выводу, что основная вина лежит на Еве. Ломбардский терпимо относится к Адаму. Он утверждает, что Адам, уступив уговорам жены, действовал из привязанности к ней и просто не желал огорчать ее своим отказом. Он не предполагал строгости Божьего суда, и его грех был простительным, а не смертным. Фактически, этот богослов заявляет, что сам Адам не поддавался бы искушению дьявола¹⁸⁰⁷. Ева согрешила из гордости, желая быть равной Богу. Адам же не был прельщен дьяволом вообще. Он уповал на Божье милосердие и собирался позже исповедаться в своем грехе и получить прощение. Грех Евы был более тяжким, потому что она согрешила против себя, против Бога и против своего ближнего. Адам же согрешил против себя и Бога, но не против ближнего. По мнению Гуго Сен-Викторского, женщина поверила, будто Бог из зависти запрещает им есть плоды дерева. Адам знал, что это неправда. Его грех был в том, что он уступил жене, а не наставил ее на путь истинный¹⁸⁰⁸. Альберт Великий, похоже, склонен к более уравновешенному мнению. В том, что касается сути греха, говорил он, Ева согрешила сильнее, но если мы обратим внимание на одаренность Адама и другие обстоятельства, то более тяжким был грех Адама¹⁸⁰⁹. Бонавен-

¹⁸⁰³ *Peccatum orig. non contrahitur a matre sed a patre*, etc. (*Summa*, II. 81, 5).

¹⁸⁰⁴ Петр Ломбардский, II. 42, 9; Альберт Великий, Borgnet ed., XXVII. 663 sqq., etc.

¹⁸⁰⁵ Петр Ломбардский (II. 42) перечисляет их как *inanis gloria, ira, invidia, acedia vel tristitia, avaritia, gastrimargia, luxuria*. Альберт Великий талантливо обсуждает, может ли их быть больше семи (*In Sent.*, II. 42, Borgnet ed., XXVII. 662 sqq.).

¹⁸⁰⁶ *Utrum aequalis fieret multiplicatio virorum et mulierum* (*In Sent.*, II. 20, 2, Peltier ed., III. 85). Три довода, которые Бонавентура приводит для объяснения разного количества детей разных полов, следовало бы изучать в оригинале. Он описывает тему с точностью и подробностями, характерными для схоластического обсуждения. Справедливости ради стоит упомянуть, что он объявляет этот вопрос сложным и признает существование множества разногласий у врачей и представителей естественной философии своего времени.

¹⁸⁰⁷ *Sed dolo illo serpentino quo mulier seducta est, nullo modo arbitrator illum potuisse seduci*.

¹⁸⁰⁸ *De sacr.*, I. 7, Migne, 176. 290.

¹⁸⁰⁹ *In Sent.*, II. 22, E. Borgnet ed., XXVII. 377.

тура утверждал, что тяжесть греха зависит от трех моментов: неблагодарности, похоти и растления, которое следует за греховным поступком¹⁸¹⁰. Применив эти правила к грехопадению, он заявил, что, в плане неблагодарности грех Адама был больше, а в плане похоти больше был грех женщины. Что же касается дурных последствий греха, то Адам согрешил более тяжко как *причина* проклятия своего потомства, Ева же просто *дала повод* к такому проклятию. Но так как Ева стала еще и причиной греха Адама, то ее грех и вина объявлялись более великими.

Благодать. В учении о благодати средневековое богословие пользовалось терминологией Августина, но, похоже, отошло от его учения в сторону полупелагианства¹⁸¹¹. То, как Фома Аквинат рассматривает два элемента, обнаруженных им у африканского отца церкви, а именно, свободу воли, сохраненную человеком после грехопадения, и учение о заслуге, производит впечатление отхода от учения Августина. Но на самом деле Фома учил, что все благое в человеке — от Бога и человек не может иметь заслуги перед Богом, кроме как согласно Божьему промыслу¹⁸¹². Ни в каком другом смысле праведное действие — то есть когда человек поступает так, как должен, — не может быть названо заслугой. Без благодати Святого Духа невозможно заслужить вечную жизнь. Человек не способен даже подготовиться к принятию света благодати. Предваряющая благодать необходима, чтобы породить в нем предрасположенность к святости (*interior voluntas*). Количество избранных строго определено, и сохраняющая благодать дается тем, кто устоит до конца. Человек не может даже познать истину без помощи свыше¹⁸¹³.

Фома различал два вида заслуг: заслуга от подобающего использования наших природных даров (*meritum de congruo*) и заслуга от подобающего использования даров благодати (*meritum de condigno*). В первоначальном своем состоянии человек, с помощью дарованной благодати, был способен любить Бога превыше всего. В греховном состоянии благодать требуется для того, чтобы эта способность восстановилась, и никакие дела подобного рода не могут совершаться без помощи Святого Духа. Такие высказывания можно цитировать бесконечно. Но, несмотря на эти ясные высказывания, в изложении Фомы есть нотки, позволяющие думать, что он видоизменил строгую систему Августина и выделил место для реальной заслуги, в чем католическая система вторит ему.

Что касается удовлетворения, совершенного Христом, то Фома Аквинат следовал за Ансельмом, утверждая: смерть Христа не была выкупом, уплаченным дьяволу¹⁸¹⁴. Он не дал точного определения, каким образом подействовало искупление, но подчеркнул, что заслуга Христа заключалась в согласии Его собственной воли с волей Божьей. Он не говорит об умилостивлении жертвой Христа так,

¹⁸¹⁰ *In Sent.*, II, 22, I, 3, Peltier ed., III, 123.

¹⁸¹¹ *Man hatte Augustinische Formeln und gregorianische Gedanken* (Loofs, p. 291). Schwane (p. 455) хвалит ясное изложение учения о благодати у Фомы и говорит, что он учил в соответствии с современной католической догмой. Луфс, Гарнак и Зиберг, как нам представляется, слишком далеко зашли, приписывая Фоме тенденцию не соглашаться с Августином. Его простые высказывания о необходимости божественной благодати и человеческой неспособности вполне согласуются с учением Августина. Взяв же за исходную точку изложение теории таинств у Фомы, нетрудно придать его высказываниям о благодати пелагианское толкование. Справедливее всего будет истолковывать его теорию о таинствах в свете его учений о благодати.

¹⁸¹² *Meritum apud deum esse non potest, nisi secundum praesuppositionem divinae ordinationis* (*Summa*, II, 114, I, Migne, II, 960).

¹⁸¹³ *Verum non potest cognoscere sine auxilio divino* (*Summa*, II, 109, 2, 6, 7, Migne, II, 907 sqq.).

¹⁸¹⁴ *Sanguis qui est pretium nostrae redemptionis non dicitur obtulisse diabolo sed deo* (*Summa*, III, 48, 4, Migne, III, 44).

как это делают Абельяр и Петр Ломбардский¹⁸¹⁵, — как об акте любви, приближающем человека к Богу. Любовь и повиновение Христа благодаря страданиям, которые Он вынес на кресте, эффективно примиряют человека с Богом и избавляют человека от власти дьявола.

Фома очень ясно говорит о последствиях искупления Христа. Первое заключается в том, что благодаря ему человек узнает, насколько велика любовь Бога к нему, и в нем пробуждается ответная любовь к Богу¹⁸¹⁶. На кресте Христос подал пример кротости, праведности и других добродетелей. Он также научил людей, что необходимо оставаться свободными от греха, одолевая дьявола и побеждая смерть, умирая для греха и мира. Бог мог бы простить людей без жертвы Христа, потому что для Бога нет ничего невозможного. Это было возражением постулату Ансельма о том, что Бог мог искупить человечество только через крест.

Бонаventura пошел дальше, возражая Ансельму. Он ясно заявляет, что Бог мог бы освободить и спасти человечество иным способом. Он мог спасти его путем сострадания (*per viam misericordiae*), а не путем справедливости. Избрав такой путь, Он ничем не нарушил бы требований справедливости¹⁸¹⁷. Его глава на эту тему завершается словами: «Было бы опасно для меня ограничивать Божью способность искупления, ибо Он способен совершить большее, чем мы можем подумать».

Средневековые богословы не проводили разграничений между учением об *оправдании* и учением об *освящении*, как это делают протестантские богословы. Оправдание рассматривалось как часть процесса превращения грешника в праведника, а не как провозглашение судебного решения, посредством которого он объявлялся праведным. Освящение же было так тесно связано с системой таинств, что мы вынуждены искать информацию о нем в главах о семи таинствах (орудиях освящения) или в повествовании о христианских добродетелях (вере, надежде и любви), как у Бонавентуры¹⁸¹⁸. Фома Аквинат обсуждает освящение в связи с искуплением и в специальных частях, озаглавленных «Разделение благодати»¹⁸¹⁹, под которым он понимает различие между предваряющей (или подготовительной, содействующей) благодатью, *gratia gratis data*, или благодатью, даруемой безвозмездно, и *gratia gratum faciens*, или благодатью, которая делает праведным.

Оправдание, говорит Фома, — это наделение благодатью¹⁸²⁰. Для оправдания грешника требуется четыре вещи: наделение благодатью, движение свободной воли к Богу в вере, выступление свободной воли против греха и отпущение грехов. Как человек, который поворачивается спиной к одному месту и, уходя от него, попадает в другое место, так при оправдании освобожденная воля начинает ненавидеть грех и обращается к Богу.

В отношении разницы между оправданием и освящением, как нам представляется, существует полное религиозное согласие между Фомой Аквинатом, князем схоластов, и нашим протестантским представлением об искупительной благодати, в которой мы видим от начала до конца благодатное действие Бога в свете

¹⁸¹⁵ *Mors Christi nos justificat, dum per eam charitas excitatur in cordibus nostris* (*Sent.*, III. 19, 1).

¹⁸¹⁶ *Per passionem Christi homo cognoscit quantum deus hominem diligit et per hoc provocat ur ad eum diligendum* (*Summa*, III. 46, 3, Migne, III. 417).

¹⁸¹⁷ *In Sent.*, III. 20, Peltier ed., IV. 439. Он пытается показать, что не расходится с Ансельмом, но ему это не особенно удается. Высказывание Ансельма абсолютно (*Cur deus homo*, II. 10).

¹⁸¹⁸ Peltier ed., IV. 474 sqq.

¹⁸¹⁹ *De divisione gratiae* (*Summa*, Migne, II. 927-960).

¹⁸²⁰ *Tota justificatio impii consistit in infusione gratiae... justif. fit, deo movente hominem ad justitiam* (*Summa*, II. 113, 3, 7, Migne, II. 946. 952).

смерти Христа. Кажется, что его теория о таинствах вносит поправки в понимание благодати, но это только видимость, ибо эффективность таинств зависит от предварительного действия Божьей благодати, которая делает их эффективными.

ВЕРА. В определении веры средневековое богословие не дошло до формулировки, выработанной деятелями Реформации. Схоласты¹⁸²¹ начинают обсуждение со слов Послания к евреям 11:1 о том, что вера есть осуществление ожидаемого, и определяют веру как благодать, посредством которой мы верим в то, чего не видим. Дальше этого определения они практически не идут. Хотя Фома Аквинат и цитирует некоторые высказывания Павла из Послания к римлянам, ни он, ни другие схоласты не поднимаются до идеи, что человек оправдывается на основании веры. Вера есть добродетель, а не принцип оправдания. Она рассматривается наряду с надеждой и любовью. Эти добродетели называются «богословскими», потому что относятся непосредственно к Богу и основаны в конечном итоге только на свидетельстве Его Слова. Христианская вера действует в любви, и не существует благодати, не связанной с любовью. Бесы имеют осмысленную веру без любви, потому что они верят и трепещут.

Есть три степени веры: вера в Бога, вера Богу и вера в Боге¹⁸²². Вера в Бога — это вера в то, что Он существует. Вера Богу — это признание истинности того, что Он говорит. Такой верой обладают и бесы. А верить в Боге — значит любить Бога с верой, идти к Нему в вере, быть преданным Ему, быть Его орудием. И связанное с такой верой знание более определено, чем любое другое знание, потому что оно основано на Божьем Слове и озарено светом, который исходит от Слова.

Схоласты настаивали, что без веры угодить Богу невозможно, а проповедники, такие как Гонорий Отунский, даже возвещали, что как рыба не может жить без воды, так и человек не может спастись без веры¹⁸²³. Однако Фома Аквинат практически не идет дальше определения веры как интеллектуального согласия, *assensus intellectus*¹⁸²⁴. Тем не менее он говорит, что любовь и вера так тесно связаны, что любовь может быть названа разновидностью веры, ее проявлением¹⁸²⁵, и без любви вера мертва. Петр Ломбардский говорит, что для достаточной веры во Христа требуется четыре вещи: соглашаться с тем, что Он родился, умер, воскрес и вновь грядет для суда¹⁸²⁶. Фома требует признания учения о Троице даже от ветхозаветных святых, ибо Троица была явлена в самом начале, когда Бог сказал: «Сотворим человека по образу *Нашему*». Невозможна вера в воплощение без веры в Троицу. Вера прекращается, когда разум не соглашается хотя бы с одним из артикулов веры¹⁸²⁷. Тот, кто не верит хотя бы в одно из положений Апостольского символа веры, не имеет веры вообще¹⁸²⁸. Прочитировав Рим. 4:5, этот

¹⁸²¹ Гуго Сен-Викторский, *Desacr.*, I. 10, 9, Migne, 176. 341 sqq.; Петр Ломбардский, *Sent.*, III. 23, 24, Migne, pp. 295 sqq.; Бонавентура, *In Sent.*, III. 23, 24, Peltier ed., IV. 475 sqq.; Фома Аквинат, IV. 1-5, Migne, IV. 12 sqq.; Альберт Великий, *In Sent.*, III. 23, 24, Borgnet ed., XXVIII. 408 sqq.

¹⁸²² *Aliud credere deo, aliud credere deum, aliud credere in deum* (Петр Ломбардский, III. 23, 4).

¹⁸²³ *Spec. eccles.*, Migne, 172. 823.

¹⁸²⁴ *Summa*, IV. 4, 2, Migne, IV. 14, цитируя 1 Кор. 13:12.

¹⁸²⁵ *Charitas dicitur forma fidei*, etc. (IV. 4, 3). Вера без любви — это *fides informis*.

¹⁸²⁶ Петр Ломбардский, III. 25, 3, Migne, p. 300.

¹⁸²⁷ *Fides non remanet in homine postquam discredet unum articulum fidei* (*Summa*, IV. 5. 3, I. 7 sqq., Migne, III. 63 sq.).

¹⁸²⁸ *In heretico discredente unum articulum fidei, non manet fides neque formata neque informis* (IV. 5, 3, Migne, p. 63).

великий богослов заявляет, что при оправдании от человека требуется поверить настолько, чтобы признать оправдание людей Богом через искупление Христа¹⁸²⁹.

Схоласты не поняли Павла. Деятелям Реформации пришлось заново провозгласить учение об оправдании верой, сформулированное в посланиях Римлянам и Галатам. С другой стороны, заслуга схоластов в том, что они подчеркнули принцип: истинная вера действует в проявлении любви, а всякая иная вера тщетна, *inanis*. Протестантским богословам не удалось должным образом заявить об этом, а в результате иногда делался вывод, будто, по их мнению, одной веры достаточно для спасения, даже если она не сопровождается добрыми делами или делами любви для Бога и человека¹⁸³⁰. Заблуждения схоластов в основном связаны с их искажающей Писание и опасной теорией о благодати таинств, которая пыталась подменить простую веру в безвозмездную благодать Христа совершением формальных поступков, рекомендуемых священником¹⁸³¹.

¹⁸²⁹ *Summa*, II. 113, 4, Migne, II. 948.

¹⁸³⁰ Это одно из обвинений, которые выдвигает против Лютера и Реформации Денифле (*Luther und Lutherthum*, I. 374-456). Он неправильно понял или сознательно перетолковал Лютера, который никогда не намеревался отделять добродетельную жизнь, непреложное следствие веры, от самой веры.

¹⁸³¹ {Собственно, ничто не мешало и не мешает церкви принять догмат о неотделимости веры от дел. Хотя Послание Иакова и навлекало на себя недовольство реформаторов, в нем содержится бесспорное апостольское утверждение о том, что вера, которая не сопровождается делами, мертва, то есть не обеспечивает спасения. С другой стороны, разработанное богословами и принятое церковью уравновешенное учение о Троице («неразлучно, нераздельно, неизменно, неслиянно...»), выходящее за рамки логики, позволяет, точно таким же способом, снять поляризованность богословских и обрядовых систем, ставящих на первое место в вопросах спасения либо веру, либо дела. Дела исходят от веры, однако любая попытка разделить веру и дела в вопросе о спасении приводит к столь же пагубным парадоксам, к каким приходили богословы, пытавшиеся с помощью логических категорий или земных аналогий соотнести ипостаси Троицы. После многолетних баталий они вынуждены были довольствоваться догматом, свидетельствующим не столько о том, что человек проник в механику Божьего бытия, сколько о смиренном признании ограниченных возможностей человеческого познания, даже когда оно получает в свое распоряжение истину Божьего откровения. При соотнесении веры и дел наиболее важным представляется не столько философский вопрос о первичности веры или дел, сколько вопрос о том, какие именно дела свидетельствуют о живой, то есть спасающей вере. Несмотря на многочисленные и разнообразные попытки доказать (а по сути, подменить) действительность христианской веры чудотворением и мистикой, спасенность — принятием Христа в виде хлеба и вина, раскаяние, свое или даже чужое, — покупкой индульгенций или обрядами, христианский рост — аскетическими упражнениями в виде самобичевания или отказа от еды, а близость ко Христу — почитанием людей, явивших такую близость, живая, спасающая вера во Христа доказывает свою сверхъестественность, а вместе с ней и присутствие, когда человек использует находящиеся в его власти земные возможности по образцу искупительного служения Христа, видя залог спасения не в мистическом восприятии Духа через нагромождение логических и обрядовых догм или чудес, а в Его проявлении, преодолевающим разобщенность падшего человеческого бытия и настолько глубоко нарушающим земные стандарты отношений, что даже некрещение становится крещением. Единство со Христом обеспечивается не догматической теорией спасения или впечатляющими обрядами, а принадлежностью к царственному священству, провозглашающему основанное на принципе любви тождество священника и жертвы и доступному для каждого человека, который согласится вслед за Христом принять на себя обе эти обязанности. На кресте был осужден и принесен в жертву Сам Тот, Кто установил закон о жертвах и будет судить мир. Исчерпав закон наказания за грех, Он заменил систему судопроизводства. Если раньше на первый план отношений с Богом выходили грехи, то теперь отношения благодати соединили в каждом человеке закон, священника и жертву одновременно и мы получили свободу сами принимать решение о приносимых нами же самими жертвах и покаянии. Это уже не условные, отвлеченные приношения животных, прилагающиеся к перечню грехов в знак почтения Божьей святости, а сильные нам исправляющие наш или чужой грех дела любви. Все христианские церкви пытаются вывести человека на этот путь, но, прибегая к разным организационным, догматическим и обрядовым средствам, они не всегда отличают способ достижения цели от самой цели и нередко считают

§121. Будущее состояние

Средневековое богословие делило невидимый мир духов на пять разных областей или сфер (*receptacula animarum*, как называет их Фома Аквинат): небеса, ад, чистилище, *limbus patrum*, или место временного пребывания ветхозаветных святых, и *limbus infantum*, или место пребывания детей, которые умерли без крещения.

Ад, место наказания или вечных мук¹⁸³², — это серное и огненное озеро, в котором терпят вечные мучения грешники и бесы. Это область крошечной тьмы, подземелье в сравнении с небесами. Туда низвергают бесов¹⁸³³. Желания и страдания находящихся там постоянны и не могут быть утолены. Огонь обжигает, но не испепеляет. Никакой другой жар не может сравниться с жаром ада¹⁸³⁴. Схоласты соглашались с тем, что места Писания, в которых говорится об адском огне, имеют буквальный смысл. Огонь — это материальный огонь, который воздействует как на души, так и на тела грешников¹⁸³⁵. Жар мучений подобен мучениям в пустыне.

Limbus patrum соответствует лону Авраама в притче о богаче и Лазаре. В этом месте пребывали достойные герои Ветхого Завета, пока Христос не сошел в гадес и не призвал их к Себе. До этого времени они были освобождены от мук, а после этого они стали наслаждаться небесным блаженством. Обрезание освободило их от первородного греха. Ад и *limbus patrum*, вероятно, находятся рядом, это смежные области¹⁸³⁶. Мнение о том, что патриархи пребывали в гадесе до смерти Христа, восходит к Эрме и Клименту Александрийскому.

свой выбор средства единственно верным. В отличие от Христа, способного видеть веру, готовую на дела, нам необходимо видеть дела, чтобы вынести суждение даже о своей собственной вере. Можно сказать, что вера — это человеческий аналог Божьего слова, которое тождественно деянию уже при произнесении. По делам нам виден закон, с которым мы связали себя на земле как священники и которым мы будем связаны на небесах при определении нашей участи. Обесценивая дела как свидетельство веры, мы лишаемся возможности испытать и укрепить свою веру, отказываемся по-Царски распорядиться имеющимися у нас благами, устранимся от общей собственности с Царем или даже теряем причастность к обетованиям новозаветного священства. И наоборот, завышая роль дел, мы пытаемся возродить уже утративший силу ветхий закон искупления и сделать спасение предметом торговли, обещающей человеку грядущее блаженство без внутреннего преобразования, без изменения личного отношения к своему окружению и вообще ко греху. Чтобы провозглашать спасение верой, которая никак не проявляется в отношениях, или же сулить спасение тем, кто остается во власти земных благ, приходится изрядно потрудиться над категориями «духовного» или «мистического», хотя выполняемое на основе греческой или любой другой философии переложение библейской мысли и без того чревато погрешностями. Этическая направленность откровения не позволяет увенчать человеческую логику ореолом святости, благодатью которой «правильное» спасение оказывается достижимым лишь в разобранном виде через сотни или тысячи лет богословских или философских поисков. Схоластика как обобщение и изложение истины откровения языком философии играет важную роль в жизни церкви, но когда она выходит за эти присущие ей рамки, то становится в корне ошибочной и показывает лишь то, каким было бы спасение, если бы человек решил спасти человечество силами собственного рассудка. — Ю.Д.}

¹⁸³² Фома Аквинат называет его *locus dolorum* и *infernum damnatorum*.

¹⁸³³ *Profundus carcer respectu amoenitatis coeli et est aer iste caliginosus in quem detrusi sunt demones*, etc. (Альберт Великий, *In Sent.*, III, 22, С, 4, Borgnet ed., XXVIII, 393).

¹⁸³⁴ *Ignis est in fortissima caliditate... cui nil est comparabile* (Альберт Великий, Borgnet ed., XXX, 597).

¹⁸³⁵ *Gehenna illa quae stagnum ignis et sulphuris dicta est, corporeus ignis erit et cruciabit damnatorum corpora vel hominum vel daemonum* (Петр Ломбардский, *Sent.*, IV, 44, 6). *Absque dubietate corporeus ignis cruciat*, etc. (Альберт Великий, *In Sent.*, Borgnet ed., XXX, 393). *Ignis corporalis qui concremabit et affliget spiritus et etiam corpora... sed semper affliget, alios plus alios minus, secundum exigentiam meritorum* (Бонавентура, *Brev.*, VII, 6).

¹⁸³⁶ *Probabile est, quod idem locus vel quasi continuus, sit infernus et limbus* (Фома Аквинат, Migne, IV, 1222). Фома называет адские области *infernus* или *inferni*. Альберт Великий использует форму множественного числа среднего рода, *inferna* (*In Sent.*, III, 26, с. 392).

Limbus puerorum или *infantum* — это место пребывания детей, умерших во младенчестве без крещения. Они находятся там из-за первородного греха, который может быть смыт только крещением¹⁸³⁷. Согласно Фоме Аквинату, это место, вероятно, находится немного ниже, чем *limbus patrum*. Эти дети освобождены от страданий, но они погибли в том смысле, что лишены видения Бога и физического света. Они наказаны вечной гибелью (*supplicium mortis aeternae*), но их проклятие — самое мягкое, *omnium levissima*. У них нет надежды на блаженство. Бог в Своей справедливости позаботился о том, чтобы они не перемещались ни выше, ни ниже и не знали ни радости, ни печали. Они навсегда останутся неизменными¹⁸³⁸. На такую безнадежную гибель великие доминиканские и францисканские богословы средних веков обрекали всех детей, умерших без крещения. Странно, что схоласты, ради большей милосердности учения, не приняли во внимание благословенных слов Христа: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное». Но они этого не сделали. Их учение о первородном грехе и учение о необходимости водного крещения для спасения привели к столь крайнему логическому выводу, игнорирующему изобилие Божьей благодати. Так учил и Августин, а в более поздний период и большинство деятелей Реформации.

Схоласты подробно разобрали сошествие Христа в ад. Оно произошло, когда Его душа была отделена от тела после Его смерти. Он был в адских областях в три дня, когда был погребен, но не страдал от тамошних мучений. Причина этого визита была двойной, говорит Бонавентура: освободить ветхозаветных святых и поразить противников Евангелия, бесов¹⁸³⁹. Фома Аквинат же попытался доказать, что, когда Иов говорил: «в преисподнюю сойдет она [надежда моя]» (17:16), — то этим предполагалось, что Христос спустится лишь до *limbus patrum*, а совсем не до места пребывания грешников¹⁸⁴⁰. Согласно Фоме¹⁸⁴¹, Христос сошел в ад с тремя целями: чтобы избавить нас от необходимости отправляться туда самим; чтобы освободить еврейских святых, отворив врата ада (*vetes inferni*), то есть «отняв силы у начальств и властей», Кол. 2:15; и, в-третьих, чтобы явить Свою Божественность (*manifestatio divinitatis*) бесам посредством проповеди (1 Пет. 3:19) и осветить эти мрачные места Своим присутствием, как сказано: «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!» (Пс. 23:7). Здесь опять Вульгата несет ответственность за ошибку, так как слово «верхи» в ней переведено как «князья»¹⁸⁴². Сошествие Христа в ад не помогло некрещеным детям. С окончанием земной жизни уже слишком поздно получать благодать¹⁸⁴³.

¹⁸³⁷ Фома Аквинат, *Summa*, III. 69, 6 (*originali peccato debebatur poena aeterna in limbo puerorum*). *Limbus* значит «край» или «граница». Альберт Великий также называет его *limbus parvulorum*, «область маленьких» (Borgnet ed., XXVIII. 392).

¹⁸³⁸ *Pueris non adest spes beatæ vitæ*, etc. (Фома Аквинат, *Supplem.*, p. 1223). *Divinae justitiæ aequitas perpetualiter eos consolidat, ut nec proficiant, nec deficiant, nec laetentur, nec tristentur; sed semper per sic uniformiter maneat*, etc. (Бонавентура, *In Sent.*, II. 33, 2, 3, Peltier ed., III. 419).

¹⁸³⁹ *In Sent.*, III. 22, I. 4 sqq., Peltier ed., IV. 467.

¹⁸⁴⁰ *Suppl.*, Migne, III. 1222. Преисподняя, *profundissimus infernus*, — это место пребывания безнадежных грешников (Бонавентура, *Brevil.*, VII. 6, Peltier ed., VII. 339).

¹⁸⁴¹ *Summa*, III. 52, 1, Migne, IV. 476.

¹⁸⁴² *Attolite portas, principes, vestras*.

¹⁸⁴³ *Post hanc vitam non est tempus gratiam acquirendi* (Фома Аквинат, *Summa*, III. 52, 7; *Suppl.*, Migne, IV. 1244).

Чистилище — нечто вроде исправительной колонии для крещеных католиков, которые недостаточно хороши, чтобы после смерти попасть прямо на небеса. Они находятся в этой промежуточной области за фактические прегрешения¹⁸⁴⁴, вина которых не полностью удалена таинством покаяния и елеосвящения. Идея о существовании чистилища основана преимущественно на 2 Мак. 12:40 и на всеобщности церковного спасения¹⁸⁴⁵. Его обитатели принадлежат к общению святых, и верующие могут ходатайствовать за них. Молитвы за усопших существуют именно с этой целью. Для детей в *limbus puerorum* подобные ходатайства не имеют силы, но если человек был крещен, будь то во младенчестве или в зрелом возрасте, то каким бы преступником он ни был в жизни, для него остается надежда и он может быть уверен, что однажды покинет чистилище и попадет в общение блаженных.

Как говорил Бонавентура, на небесах есть три вида награды: *существенная* (*substantial*), или видение Бога; *присущая* (*consubstantial*), или прославление тела (оно будет обладать прозрачностью, легкостью, способностями и бесстрапностью, степень которых будет зависеть от того, насколько сильно мы любили на земле¹⁸⁴⁶); и *сопутствующая* (*accidental*) — ореол святости, получаемый за поведи и ведение других к спасению, за непорочную чистоту и мученичество.

Небесное блаженство, говорил Фома Аквинат, заключается в непосредственном созерцании Бога¹⁸⁴⁷. Это необратимое состояние. Блаженные знают, что происходит на земле, слышат молитвы, которые возносятся к ним, и, благодаря личным заслугам, ходатайствуют за своих братьев. Святой Бернар в своих гомилиях на Песнь песней¹⁸⁴⁸ и Ансельм¹⁸⁴⁹ приводят возвышенные описания небесного блаженства. Но лучше всего удовлетворение и слава души на небесах представлены в поэме Бернара из Ключи:

*О сладкая блаженная страна, дом Божьих избранных,
О сладкая блаженная страна, которой страстно жаждут сердца;
Иисус в милости Своей вводит нас в эту сладкую страну покоя,
Чтобы мы вечно были в блаженстве с Богом Отцом и Духом.*

На долю Данте оставалось лишь наполнить вызывающие дрожь схоластические учения о чистилище и преисподней реальными людьми, добавив страсти поэтической образностью и видениями райского блаженства.

У Роджера Вендоверского и других авторов подробно описано примечательное видение некоего англичанина, Терчиля, демонстрирующее, какими были популярные представления о будущем мире¹⁸⁵⁰. Святой Юлиан явился честному труженику и взял его с собой в «середину мира», где они вошли в церковь, принимающую, по словам Терчиля, души всех недавно умерших. Мария силой своего ходатайства сделала так, чтобы все рожденные свыше души могли, покинув тело, попасть в эту церковь и избежать нападков со стороны бесов. У одной из церковных стен был выход в ад, откуда исходил ужасный смрад. У другой стены было огненное озеро чистилища, в которое души погружались кто по колени, кто по шею. Над озером был мост, устланный волчками и терниями, и по нему

¹⁸⁴⁴ *Poenā purgatorii est in supplementum satisfactionis quae non fuerat plene in corpore consummata* (Фома Аквинат, *Suppl.*, 71, 6, Migne, IV. 1242).

¹⁸⁴⁵ Фома Аквинат, Migne, IV. 1239.

¹⁸⁴⁶ *Claritas, subtilitas, agilitas, et impossibilitas quae... secundum majoritatem et minoritatem prius habitae charitatis* (*Brevil.*, VII. 7, Peltier ed., VII. 340).

¹⁸⁴⁷ *Deum per essentiam videre in quo consistit perfecta hominis beatitudo* (*Summa*, III. 52, 5, Migne, IV. 482).

¹⁸⁴⁸ *Serm.*, XI.

¹⁸⁴⁹ *Proslog.*, XXIV sqq.

¹⁸⁵⁰ *An.* 1206, Luard ed. Матфея Париса, II. 497-512.

должны были проходить все, кто хотел попасть на гору радости. Те, кому не помогали специальными молитвами, шли по мосту очень медленно и испытывали ужасную боль. На горе стояла большая и чудесная церковь, которая, похоже, была достаточно велика, чтобы вместить в себя все население мира. Святой Николай, святой Иаков и другие святые наблюдали за церковью Марии, озером и мостом чистилища. В церкви Марии Терчил увидели также святого Петра. Перед ним стояли души, которые приходили к нему на оглашение приговора. Дьявол и его ангелы были изгнаны в адские сферы, где их злые дела взвешивались на весах. Некий святой Домнин показал Терчилю, как развлекаются бесы. В аду грешников ждали железные сидения, раскаленные добела, с вбитыми в них гвоздями, и бесчисленное множество людей сидело на таких сидениях. Бесы же сидели вокруг, у стен, насмехаясь над несчастными и говоря с ними о грехах, которые те совершали при жизни. Затем были приведены разные грешники: солдат, торговец, священник, прелюбодей, вор и ростовщик — которым пришлось расплачиваться за свои прегрешения, после чего их плоть была яростно разодрана бесами в клочья и сожжена, но тут же восстановилась. Таковы были популярные представления, послужившие основой для Дантова ада.

Из всех ужасных религиозных сказок Средневековья самые ужасные — те, в которых дьявол мучает обнаженную душу. Было распространено верование в то, что душа (сущность, облаченная или одетая в форму, как определяли ее схоласты) после смерти обнажается, отделяясь от тела. Цезарий Гейстербахский рассказывает об аббате из Моримонда, душой которого бесы играли в мяч, катая ее с холма на холм через находившуюся между ними долину, пока Бог не позволил душе вновь войти в тело (бесы играли душой еще до того, как этот человек стал монахом).

Еще одна история Цезария Гейстербахского¹⁸⁵¹ повествует о студенте, которому дьявол дал камень. Держа камень в руке, студент обладал сверхъестественным знанием. Когда он умер, его тело принесли в церковь, но пока друзья студенты пели рядом с телом, дьявол отнес его душу в ад. Там бесы играли ею в мяч. Они вонзали в нее свои острые клыки, причиняя ей невыносимые страдания. По ходатайству святых Господь вызволил душу, воссоединил ее с телом — и молодой человек внезапно поднялся в гробу. Он рассказал о том, что ему пришлось пережить, и заявил, что душа его была похожа на круглый кусок стекла, сквозь который он видел происходящее со всех сторон. К счастью, студент был достаточно сильно напуган случившимся, а потому ушел в монастырь и принес соответствующее покаяние. Бернар из Тирона свидетельствовал, что видел, как бесы унесли через окно душу нерадивого монаха¹⁸⁵².

О суровости мучений чистилища рассказывает Фома из Шантимпре¹⁸⁵³, цитирующий Альберта Великого. Доброму человеку, который в течение года страдал от тяжелой болезни, ангел предложил следующую альтернативу: отправиться в чистилище и страдать там три дня или болеть еще год, а потом отправиться прямо на небеса. Человек выбрал три дня в чистилище. Душа его покинула тело, но мучения уже самого первого дня показались ему вечностью, и страдалец воспользовался возможностью вернуться в свое еще не похороненное тело, чтобы проболеть целый год.

Такие истории многочисленны и помогают нам представить, сколь варварское богословие бытовало в монастырях и среди народа.

¹⁸⁵¹ *Dial.*, I. 32, Strange ed., I. 36-39.

¹⁸⁵² См. Walter, *Die ersten Wanderprediger*, etc., p. 49.

¹⁸⁵³ См. Kaufmann, *Thos. von Chantimpré*, pp. 117 sq.

ГЛАВА XV

ПАПА И КЛИР

§122. Каноническое право

ЛИТЕРАТУРА. *Decretum Gratiani emendatum et notationibus illustratum. Una cum glossis, Gregorii XIII Pont. Max. jussu editum*, 6 vols. Rome, 1582. — *Corpus juris canonici*, ed. J. H. ВОЕНМЕР, 2 vols. Halle 1747, с введением ВОЕНМЕР о *Decretum* Грациана, I. 1-42, и более полным собранием декреталий, II. 1-34. — Лучшее критическое издание A. L. РИХТЕР, 2 vols. Leip., 1839, пересм. изд., E. FRIEDBERG, Leip., 1879 — 1881, 2 vols. (vol. I, *Decret. Gratiani*, vol. II, *Decretalium collectiones*). — J. FR. VON SCHULTE (старокатолик, профессор в Бонне): *D. Gesch. der Quellen und Lit. des kanonischen Rechts von Gratian bis auf die Gegenwart*, 3 vols. Stuttg., 1875 — 1880. — DODD: *Hist. of canon. Law*, Oxf., 1884. — T. HINSCHIUS: *D. Kirchenrecht d. Katholiken und Protestanten*, etc., 6 vols. Berl., 1869 — 1897. — E. FRIEDBERG: *Lehrbuch des kath. und evangel. Kirchenrechts*, 6th ed., Leip., 1903. — A. VON KIRCHENHEIM: *Kirchenrecht*, Bonn, 1900. — P. HERGENRÖTHER (католик): *Lehrbuch d. kath. Rechts*, 2^d ed., Freib., 1905. — Другие труды: WALTER, 14th ed., 1877. — RICHTER-DOVE, 8th ed., Leip. — PHILLIMORE: *The Eccles. Law of the Ch. of Engl.*, 2 vols. London, 1873, *Supplem.*, 1876. — F. W. MAITLAND: *Rom. Can. Law in the Ch. of Engl.*, Lond., 1898. — Статьи в HERZOG, vol. X. *Kanonen-Sammlungen, Kanonisches Rechtsbuch, Kirchenrecht*. — STUBBS: *Const. Hist. of Engl.*, II. 170 sqq., III. 295-388. — Подробный список трудов по каноническому праву см. в FRIEDBERG: *Kirchenrecht*, pp. 3-11, и HERGENRÖTHER: *Kirchenrecht*, pp. 15 sqq.

Немаловажной отличительной особенностью и впечатляющим продуктом средневековой церкви является гигантский корпус канонического права¹⁸⁵⁴. Он воплощен в ряде сборников, содержащих постановления соборов и папские декреталии, начиная со сборника Грациана, XII века, и заканчивая декреталиями Иоанна XXII, XIV век, а каноническое право стало юридическим оплотом папской теократии и оставалось основным законом вплоть до Реформации.

Изучение канонического права восходит к Грациану, основоположнику этой науки. Болонья была основным центром ее изучения. Хотя труды на данную тему создавались и в других странах, Италия со своими университетами далеко опережала всех в этой области вплоть до XV века¹⁸⁵⁵.

В римском государстве религиозные законы (*jus sacrum*, *jus pontificium*) не представляли собой отдельной ветви законодательства. В христианской же церкви понятие отдельного и высшего Божьего закона существовало с самого начала. Составление письменного свода законов следовало за созывом христианских синодов и их постановлениями. По мере того как юрисдикция иерархии и институт средневекового папства развивались, церковное законодательство стало включать в себя гражданские обязанности и гражданские наказания, кроме смертной

¹⁸⁵⁴ *Jus canonicum* или *ecclesiastica constitutio*, в отличие от гражданского права, *jus civile*. См. *Decr. Grat. Dist.*, III. Friedberg ed., I. 5. Термин *canones* преобладал до XII века, когда в обиход вошло выражение *jus canonicum*.

¹⁸⁵⁵ См. Schulte, I. 2 sqq.

казни¹⁸⁵⁶. Церковь все активнее принимала участие в решениях гражданских судов, и конфликт был неизбежен: она угрожала не только независимости гражданского права как отдельной ветви, но и самому его существованию. Только в XIV веке светское правительство смогло успешно сопротивляться этим поползновениям и восстановить часть внутренне присущих гражданским судам прав, которых они были лишены. «О если бы каноническое право было очищено от примесей гражданского права и руководствовалось богословием! — восклицал Роджер Бэкон в XIII веке. — Тогда управление церковью осуществлялось бы с достоинством и в соответствии с ее высоким положением!»¹⁸⁵⁷

Труду Грациана предшествовали церковные уложения о наказаниях и ряд несовершенных сборников церковных решений, главными из которых были две книги синодальных дел Реджино (ум. в 915), сборники Бурхарда, епископа Вормса (ум. в 1025), Ансельма из Лукки (ум. в 1086), кардинала Деуседита (составленный ок. 1087) и Ива из Шартра (ум. в 1117)¹⁸⁵⁸. Сюда относятся также Лжеисидоровы декреталии. Они активно использовались, особенно Бурхардом.

Труд Грациана вытеснил эти более ранние сборники. Он считается монументальным трудом по каноническому праву. Грациан, камальдуленский монах, итальянец по происхождению, преподавал в монастыре Св. Феликса, в Болонье, в то же время, когда Ирнерий учил гражданскому праву в этом городе. Подробности его жизни до нас не дошли. Биографией Грациана стала его великая компиляция, составленная около 1140 — 1150 г. Ее первоначальное заглавие — «Согласование расхождений в канонах» (*Concordantia canonum discordantium*), но позже ее стали называть просто *Decretum*, «Книга декретов». Это юридическая энциклопедия, сразу же ставшая учебником в своей области, как «Сентенции» Петра Ломбардского, современника Грациана, стали учебником богословия¹⁸⁵⁹. Ее признание не объясняется никакими формальными, папскими или синодальными санкциями, потому что таковых не было. Ее вновь и вновь издавали ученые комментаторы, и первым из них был ученик Грациана Паукапалеа. Этих издателей и комментаторов называли суммистами или глоссаристами. Официальное римское издание было подготовлено папской комиссией из тридцати пяти членов и издано Григорием XIII в 1582 г. Григорий объявил сам текст навеки авторитетным, но не высказался по поводу содержания труда Грациана¹⁸⁶⁰.

Задачей Грациана было создать труд, в котором все реальные или кажущиеся противоречия между обычаями и постановлениями, принятыми в церкви, были бы устранены или объяснены. Он добился этого методом исключения и добавления комментариев, называемых *dicta Gratiani* («высказывания Грациана»). Труд делится на три части. Первая, из 101 раздела или расхождения (*distinctiones*), посвящена источникам канонического права, соборам и способам их созыва, ав-

¹⁸⁵⁶ Döllinger-Friedrich (*Papstthum*, p. 403) пишет: «За исключением смертной казни, я не знаю ни одной функции государства, которую не переняла бы церковь. Так стоит ли удивляться возникшему в церкви представлению, что государство не обязательно и его единственное предназначение — слепо исполнять волю церкви?»

¹⁸⁵⁷ Bridges ed., I, p. lxxxiii.

¹⁸⁵⁸ Полный список см. в Friedberg, p. 126; Schulte, I. 43 sqq.; Hergenröther, p. 179.

¹⁸⁵⁹ Петр Ломбардский многое заимствовал из Грациана, особенно в четвертой книге «Сентенций», где он полностью воспроизводит многие из *distinctiones* Грациана. См. Baltzer, *D. Sentenzen des P. Lombardus*, pp. 10 sq., etc.

¹⁸⁶⁰ *Perpetuo integrum et incorruptum conservetur*. См. замечания Шульте о влияниях Грациана, I. 69-71.

торитету декреталий, избранию римского понтифика, избранию и посвящению епископов, папским прерогативам, папским легатам, рукоположению клириков, целибату клира и тому подобным вопросам. Вторая, из тридцати шести разделов или *causae*, обсуждает разные процедурные вопросы (рукоположение и суд над епископами и низшими клириками, отлучение от церкви, симония, клерикальная и церковная собственность, брак, ересь, магия и покаяние). Третья часть посвящена таинствам евхаристии и крещения и освящению церквей. Автор следует схоластическому методу. Он делает утверждение, а потом формально опровергает возражения, если таковые имеются, цитируя синодальные акты, свидетельства отцов церкви, пап и других церковных деятелей. Первое *расхождение* начинается с заявления о том, что человечеством управляют два принципа, естественный закон и обычаи. Затем задается ряд вопросов, например, что такое закон, что такое обычаи, какие виды закона существуют, что такое естественный закон, гражданский закон и закон народов.

Вскоре обнаружилось, что труд Грациана нуждается в дополнениях. В два последующих века появилось очень много папских декретов, особенно в период понтификата Александра III, Иннокентия III и Григория IX. В эти века состоялись латеранские и другие важные соборы. Постановления пап и синодов, выпущенные после времени Грациана, были названы *extravagantes*, или «упущенными»¹⁸⁶¹. Пять сборников (так называемые «старые сборники») были составлены с 1191 по 1226 г.¹⁸⁶² Третий из них, изданный распоряжением Иннокентия III и содержащий его декреталии, был послан этим понтификом в Болонский университет, чтобы его включили в курс преподавания. Этот сборник — первая книга канонического права, имеющая папскую санкцию.

Необходимость составления полного сборника таких материалов побудила Григория IX поручить своему капеллану Раймунду Пеньяфорте собрать их в одном томе¹⁸⁶³. Этот труд, обычно называемый *Decretales Gregorii IX*, был закончен и направлен в Париж и Болонью в 1234 г. с указанием использовать его для обучения и рассмотрения дел. Подготовка других компиляций была строго запрещена. Сборник Григория содержит 185 разделов и 1871 декреталию. Он делится на пять частей по тематическому образцу Бернарда из Павии¹⁸⁶⁴.

Новый сборник, называемый «Шестой книгой» (*Liber sextus* — или, как пишут английские авторы, *Sext*), — был издан властью Бонифация VIII в 1298 г. на основании сборников Грациана и Григория IX. В 1314 г. Климент V выпустил еще один сборник, включавший в себя его собственные декреталии и постановления собора во Вьенне; этот сборник назвали «Седьмой книгой», *Liber septimus*, или *Clementines*. В 1317 г. Иоанн XXII официально послал сборник Климента в университеты Болоньи и Парижа. После публикации «Климентин» к ним было добавлено двадцать собственных декретов Иоанна. В 1500 г. Иоанн Каппуй, издавая *Liber sextus* и *Clementines*, добавил декреталии Иоанна и семьдесят одну декреталию других пап. Этот ряд сборников — *Decretum* Грациана, *Decretales* Григория IX, *Sext*, *Clementines* и *Extravagantes* Иоанна XXII — составляют офи-

¹⁸⁶¹ *Quia extra Decretum Gratiani vagabantur.*

¹⁸⁶² Friedberg ed., *Quinque compilationes antiquae*, Leip., 1882. Первый, выпущенный Бернардом из Павии (1191), — *Breviarium extravagantium*, где материал разделен на пять частей: судьи, приговоры, клир, брак, преступления.

¹⁸⁶³ Булла Григория приводится в Wetzler-Welte, III. 1146-1450.

¹⁸⁶⁴ Текст приведен во Friedberg, II. 6-927, как и послание Григория IX к Болонскому университету, сопровождавшее декреталии.

циальный корпус канонического права, *Corpus juris canonici*, и были изданы Григорием XIII.

Каноническое право попыталось в подробностях кодифицировать все моменты человеческой жизни — клерикальной, церковной, общественной, домашней — от колыбели до могилы с помощью авторитетных решений священства. Оно вторглось в область гражданского права и постаралось полностью устранить его. Церковь обладала не только своим сводом законов и своими особыми религиозными наказаниями, но и своими тюрьмами.

Этот свод законов был улучшением в сравнении с произволом и варварской жестокостью князей — по крайней мере, он исходил из принципов справедливости и гуманности. Однако он выродился в попытку ограничить личную жизнь в христианском мире точно таким же образом, каким фарисеи пытались ограничить иудейскую религиозную жизнь. Он вылился в грандиозную ошибку, подменив всеобъемлющие и содержательные моральные принципы бесконечным количеством правил, а нередко и казуистических изощрений. Он ограничивал развитие мысли и мешал людям, как тяжелый жернов на шее. Он обладал всеми добродетелями и всеми пороками папской системы. Он защищал клириков, совершавших преступления, так как требовал, чтобы их в любом случае судил церковный суд. Он стал мощной поддержкой папских притязаний. Он поддерживал и укреплял вымысел Лжеисидоровых декреталий и создал новые подделки. Он учил, что решения Рима обладают окончательным, высшим авторитетом¹⁸⁶⁵. Папа так же выше закона, как и Христос¹⁸⁶⁶. Доллингер завершает рассмотрение *Decretum* выводом, что он, «полный подделок и заблуждений... как мощный клин вонзился в прежнюю структурную организацию церкви и расколол ее».

Каноническое право также санкционировало сатанинский принцип церковного принуждения, согласно которому всех несогласных с церковью следовало убеждать путем физической силы. Он оправдывал войну против врагов религии и преследование еретиков, подобно тому как Сарра, этот прообраз небесного Иерусалима, преследовала свою служанку Агарь. Он провозглашал, вместе с Урбаном II, что убивающий отлученного от церкви не считается убийцей¹⁸⁶⁷. Эти принципы, изложенные ясно и четко, поддерживались Фомой Аквинатом и другими схоластами и утверждались величайшими из пап.

В конце концов законническая тирания стала слишком тяжела для просвещенного сознания Европы, как это случилось с обрядовым законом во дни апостолов, против которого Петр протестовал на соборе в Иерусалиме, а Павел — в своих посланиях. Деятели Реформации выступили с протестом. В то же самое пламя, которое поглотило папскую буллу в Виттенберге (1520), Лютер бросил и издание канонического права. Первым действием он выразил протест против непогрешимости папы, вторым — против нетерпимого высокомерия человеческих законодателей, вторгающихся в вопросы веры, поскольку и то и другое было

¹⁸⁶⁵ *Dist.*, XIX. 3, Friedberg, I. 61 (*Romana ecclesia, cui nos Christus preesse voluit, posita est, omnibus, quicquid statuit, quicquid ordinat, perpetuo, irrefragabiliter observandum est*).

¹⁸⁶⁶ *Causa*, XXV. I. 16; Döllinger, *Papstthum*, pp. 55 sqq. Грациан неверно передал тридцать шестой канон Шестого вселенского собора, дающий патриарху Константинополя равные права с патриархом Рима, и сформулировал его в совершенно противоположном смысле. Неправильно цитируя постановления Карфагенского синода 418 г., запрещающие обращаться за морем с апелляцией, Грациан приписывает синоду совершенно противоположное решение (*Causa*, II. 6, 37). Опираясь на лже-Исидора, Грациан допускает перевод епископов из одной епархии в другую с согласия папы (*Causa*, VII. I. 34).

¹⁸⁶⁷ См. *Causa*, XXIII. 4, 5, 6, Friedberg ed., I. 899-950.

губительно для личной свободы. В своем обращении «К христианскому дворянству» Лютер утверждал, что в каноническом праве нет и двух строк, которые были бы пригодны для наставления верующих, зато в нем есть много опасных правил, так что лучшее применение ему — выбросить на свалку.

Даже в католическом мире постановления канонического права были в значительной степени вытеснены канонами Тридентского собора, папскими декретами, выпущенными после него, и конкордатами между католическими князьями и папским престолом. Но в силу своей официальной непогрешимости папа в любой момент может заменить их собственными решениями и постановлениями.

К каноническому праву вполне подходят слова Гете:

*...Седого кодекса графа
Как груз наследственной болезни.*

*Иной закон из рода в род
От деда переходит к внуку.
Он благом был, но в свой черед
Стал из благодаянья мукой.
Вся суть в естественных правах.
А их и втаптывают в прах.¹⁸⁶⁸*

§123. Папское верховенство в церкви и государстве

ЛИТЕРАТУРА. См. главы о Григории VII и Иннокентии III, а также упомянутые там труды. — БЕРНАР: *De consideratione*, Migne, 182. 727-808. — ТН. АКИНАС: *De regimine principum et Contra errores Graecorum*. Последнее издание *F. H. REUSCH (ум. в 1900): *D. Fälschungen in d. Tractat. d. Th. v. Aq. gegen die Griechen*, Munich, 1889. — Произведения Григория VII, Александра III, Иннокентия III, Григория IX и т. д. *Corpus juris canonum*, FRIEDBERG ed. — *МИРВТ: *Quellen des Papstthums*. — С. LUX: *Constitutionum Apostolicarum de generali beneficiorum reservatione, 1265 — 1378... collectio et interpr.*, Wratislav, 1904. — MAASSEN: *Primat des Bischofs von Rom*, Bonn, 1853. — SCHULTE: *D. Macht des röm. Papstthums*, Prag, 2¹ ed., 1871, — *DÖLLINGER-FRIEDRICH: *D. Papstthum*, Munich, 1892. — *F. X. LEITNER: *D. hl. Th. von Aquino ueber d. unfehlbare Lehramt d. Papstes*, Franf., 1872. Лейтнер выступает против Доллингера, его труд весьма важен. — *BRYCE: *Holy Rom. Emp.*, VI—XI. — G. V. ADAMS: *Civilizat. during the M. A.*, chap. X. — W. BARRY: *The Papal Monarchy*, 590 — 1303, N. Y., 1902. — *J. HALLER: *Papsttum und Kirchenreform*, Berlin, 1903. — *A. HAUCK: *D. Gedanke der päpstl. Weltherrschaft bis auf Bonifaz VIII*, Leip., 1904. — RANKE: *Weltgesch.*, vol. VI. — HARNACK: *Dogmengesch.*, II. 392-419. Учебники канонического права: FRIEDBERG, HINSCHIUS, HERGENRÖTHER.

О папских притязаниях Григория VII и Иннокентия III мы уже говорили (§11, 36). Значительную часть истории данного периода занимают попытки пап установить папскую теократию, от начала борьбы Григория VII с Генрихом IV до смерти Конрадина, Гогенштауфена. Их самые решительные высказывания, насколько нам известно, делались не для того, чтобы призвать людей и народы к христианскому милосердию, а для того, чтобы насаждать папскую юрисдикцию. Здесь мы не станем повторять то, что уже было сказано, а представим институт папства как реализовавшийся факт, поговорим об оценке, которую давали ему схоласты, и приведем народное мнение.

Из сорока одного папы, занимавшего престол святого Петра от Григория VII до Бонифация VIII, некоторые явно зарекомендовали себя как люди редких способностей и заняли выдающееся место среди правителей. В отличие от предыду-

¹⁸⁶⁸ {«Фауст», в переводе Б.Пастернака.}

щего периода, скандалов, связанных с папской властью, не случилось. Императорам с севера не приходилось спускаться в Рим и устранять понтификов, неспособных нести служение по причине юности или распутства. С другой стороны, Рим не обладал репутацией ни благочестивого города, ни центра развития наук. Религиозным рвением славились монастыри, интеллектуальной культурой — Болонья, Париж и другие места. А репутация Рима была основана только на его власти как центра церковного управления.

Грехом пап была иерархическая гордость, однако нас не могут не привлекать эти впечатляющие личности, идеалом которых было правление миром, а амбиции могли сравниться лишь с самыми смелыми проектами римских императоров, хотя и сильно отличались от таковых из-за сопутствующего им нравственно-го элемента¹⁸⁶⁹.

В этот период в Западной Европе были реализованы самые возвышенные притязания папства. Папа был признан главой церкви, стоящим над всеми епископами, и, за некоторыми исключениями, — высшей властью в светских вопросах. Против применения обоих этих прав иногда протестовали, но в целом Европа поддерживала их. Папе принадлежала вся полнота власти в обеих областях — *plenitudo potestatis*.

Papa u церковь. Любимый пример, приводимый Иннокентием III в поддержку притязаний на высшую власть в церкви, был основан на отношениях головы с телом. Как голова руководит всеми силами тела, так и преемник Петра, глава церкви, обладает всей полнотой ее прерогатив и правом руководить ею. Папа призывает других разделить с ним заботу о церкви, но таким образом, чтобы голова не утрачивала власти¹⁸⁷⁰. Иннокентий II, открывая Второй Латеранский собор, воспользовался тем же сравнением и заявил, что ни один церковный сан не считается законным без санкции Римского понтифика. Согласно Григорию VII, папа может смещать и назначать епископов, как пожелает. Принцип, что апостольский престол не подчинен человеческой юрисдикции, был сформулирован Геласием (493) и поддержан Бернардом, хотя Бернар протестовал против превращения папских прихотей в закон для церкви¹⁸⁷¹. Римская церковь, говорит Ланфранк (1072), является вершиной всех церквей, а другие церкви — ее частями. Устройство всех церковных вопросов авторитетно только тогда, когда его одобряют преемники Петра¹⁸⁷².

Четвертый Латеранский собор формально объявил Римскую церковь матерью и наставницей всех верующих, а ее епископа — стоящим выше патриархов Константинополя, Иерусалима, Антиохии и Александрии по рангу и авторитету. Лев IX (ум. в 1054) выражал эти притязания, выступая против Керулария, патриарха Константинополя¹⁸⁷³. Иннокентий III заменил в этой уважаемой епархии греческого патриарха латинским. На Втором Лионском соборе (1274) было выдвинуто требование, чтобы греки подписали документ, признающий «полное первенство» Римского понтифика и его право руководить всей церковью.

¹⁸⁶⁹ Ранке сообщал (*Weltgesch.*, VIII. 410), что римские власти внесли его в Индекс, потому что он не считает папство божественным институтом. Но вместе с тем он пишет: «Я утверждаю, что папство является одним из могущественнейших институтов в истории и наиболее достойно нашего изумления и восхищения».

¹⁸⁷⁰ См. послание Иннокентия в *Decr. Greg.*, III. 8, 5, Friedberg ed., II. 489.

¹⁸⁷¹ *Sedes apost. a nemine judicatur.* Мнение Бернара см. в *Ep.*, 213; *De consid.*, III. 4.

¹⁸⁷² См. Gee and Hardy, *Doc. of Engl. Ch. Hist.*, p. 53.

¹⁸⁷³ См. Schwane, p. 531.

Эта теория папского абсолютизма нашла полное богословское и каноническое признание у Фомы Аквината и Грациана. Грациан объявил, что послушаться папу значит послушаться Бога¹⁸⁷⁴. Фома рассуждал: раз епископ — глава епархии, то обязательно должен существовать и верховный глава, объединяющий все епархии и гарантирующий чистоту нравов и учения церкви. У церкви-победительницы — один правитель, так и у воинствующей церкви должен быть один правитель, это папа. Папе принадлежит вся полнота власти и управление всей церковью. Ему принадлежит право решать, что является догматом веры¹⁸⁷⁵.

Бонавентура занимал такую же позицию. Папа руководит во всех вопросах, относящихся к церкви. Он — авторитетный источник во всем, что касается управления прелатами, и его власть распространяется на всех членов церкви, от высших до низших¹⁸⁷⁶. Великие епископы и патриархи должны обращаться со своими проблемами к апостольскому престолу и подчиняться его высшей юрисдикции. Так поступал Гроссетест, епископ Линкольна. Он заявил: «Я знаю, и знаю прекрасно, что наш господин папа обладает властью свободно действовать по отношению ко всем церковным бенефициям»¹⁸⁷⁷.

А Климент IV уже просто отразил всеобщее мнение латинского христианского мира, когда заявил, что римский понтифик «обладает полным правом распоряжаться всеми церквями, церковными должностями, положениями и бенефициями»¹⁸⁷⁸.

Теоретически остается спорным вопрос, кто был высшим органом власти — церковный собор или папа. Но фактически папа контролировал законодательство великих соборов в этот период, даже если они и были высшим органом управления и определяли правила церкви, как в случае с Григорием IX. Сравнить власть пап и соборов начали только в XIII веке.

Папа также претендовал на право облагать налогами все части церкви. Это право, о котором определенно заявляли папы второй половины XIII века, вылилось в скандальные злоупотребления XIV века, нанесшие удар по моральным чувствам христианского мира и в конечном итоге вызвавшие к жизни реформаторские соборы в Пизе, Констанце и Базеле.

Начиная с Иннокентия III у пап стало принято говорить о себе как о заместителях Христа и заместителях Бога. К ним обращались исключительно как к «святейшеству» (*sanctitas* или *sanctissimus*)¹⁸⁷⁹.

Папа и отдельные личности. Девиз Киприана «нет спасения вне церкви» сменился утверждением, что нет спасения вне Римской церкви. Ни у кого не было никаких сомнений в том, что все, кто отказывается подчиниться папе, — еретики¹⁸⁸⁰. Ни один человек не был свободен от власти связывать и разрешать, дарованной папе. Ничто не исключалось из области его юрисдикции¹⁸⁸¹.

¹⁸⁷⁴ *Anathema apud deum, qui censuram Rom. pontificum violat (Causa, XXV. I, 11, Friedberg ed., I. 1009).*

¹⁸⁷⁵ *Christi vicarius in totam eccles. univ. praelationem obtinet... Pontificem pertinet quae fidei sunt determinare (C. errores Graec., II. 32, 36).* Также Фома Аквинат, *Summa*, II. 2, q. I. 10.

¹⁸⁷⁶ *Christi vicarius fons, origo, et regula omnium principatum eccles., etc. (Brevil., VI. 12, Peltier ed., VII. 327).*

¹⁸⁷⁷ *Ep.*, 49. См. Luard ed., p. x.

¹⁸⁷⁸ *Ad quem plenaria de omnibus totius orbis beneficiis eccles. pertinet, etc. (Lib. Sext., Friedberg, II. 102).*

¹⁸⁷⁹ Фома Аквинат в его *C. errores Graec.* Бернар, *Epp.*, 187. 341, 356, 396, etc.

¹⁸⁸⁰ Деуседит, *Dictatus papae*. Mirbt, p. 113.

Папа и государство. Англия, Польша, Норвегия и Швеция, Португалия, Арагон, Неаполь, Сардиния, Корсика и Сицилия, не говоря уже об областях Центральной Италии, в этот период в течение более долгого или более короткого времени были ленами апостольского престола. В 1299 г. папы претендовали и на Шотландию. Народам от Эдессы до Шотландии и от Кастилии до Риги напоминали, что Рим — центр божественно установленной власти. Даже западные острова принадлежали ему. Петру была дана, писал Иннокентий, не только вся церковь, но и вся земля, чтобы он мог править ею¹⁸⁸². Как мы уже видели, он следовал своим заявлениям на практике. Было время, когда папы признавали высшую власть императора, как Григорий Великий в 593 г.¹⁸⁸³ Петр Дамиани, писавший в век Григория VII, признавал уже два разных меча и два царства, сотрудничающих между собой¹⁸⁸⁴. Но потом возникли иные представления — о подчинении гражданской власти папе. Смещать князей, освобождать подданных от клятвы верности, активно подстрекать к бунту, как против Фридриха II, отнимать земли, как Южную Францию, раздавать короны, угрозами жесточайших церковных наказаний вымогать дань, наказывать религиозных несогласных пожизненным заключением или передавать их светским властям, зная, что их покарают смертью, посылать на войну и признавать безгрешными армии крестоносцев, вторгаться в сферы гражданского суда, узурпировать его власть и аннулировать своды народных законов, как в случае с Великой хартией вольностей, — вот те высокие прерогативы, реально присвоенные папством. Решение, принятое на поле Ронкальи юристами из Болоньи о независимых правах империи было лишь эпизодом, и папы не обращали внимания на эту академическую дерзость. Время от времени носители тиары терпели поражения, но не переставали претендовать на божественные права своего сана. И напрасно такие императоры, как Фридрих II, ссылались на Писание, в котором ничего не сказано о праве пап наказывать царей и лишать их царства.

Заявления пап были ясными и категоричными. Иннокентий доработал и отстоял метафору Григория VII, который сравнивал две сферы власти с золотом и свинцом, солнцем и луной, душой и телом. Григорий утверждал, что он держит ответ за все царства перед Богом¹⁸⁸⁵. Ему было вверено всеобщее правление — *regimen universale*¹⁸⁸⁶. А Иннокентий III нашел в образе Мелхиседека, царя-священника, прообраз папы, сочетающего в себе функции короля и священника.

Люди менее оригинальные и обладающие меньшей моральной силой лишь повторяли заявления и метафоры, сделанные этими двумя искусными правителями. Но ни тот, ни другой не обладал большей самоуверенностью, чем Григорий IX, который, в том возрасте, когда большинство людей уже немощны, смело выдвинул в противовес планам Фридриха II вымысел о даре Константина. О чем тут еще говорить, если римский скипетр был вверен апостольскому престолу самым первым христианским императором и именно апостольский престол забрал империю у греков и передал германцам, а Карл Великий, да и сам Фридрих являются преемниками Аркадия, Валентиниана, Феодосия и других христиан-

¹⁸⁸¹ *Deus nullum excepit, nihil ab ejus potestate subtraxit* (Reg., IV. 2).

¹⁸⁸² *Petro non solum universam eccles. sed totum reliquit seculum gubernandum* (Ep. I. 401, Mirbt, p. 130).

¹⁸⁸³ Hauck, p. 1.

¹⁸⁸⁴ Mirbt, *Quellen*, pp. 99 sq.

¹⁸⁸⁵ Reg., I. 63, Migne, 148. 569.

¹⁸⁸⁶ Reg., II. 51.

ских императоров Рима!¹⁸⁸⁷ Но Иннокентий IV (1254) вернулся к позиции Гильдебранда: папство не зависит даже от Константина в плане светских владений, потому что Петр получил их непосредственно от Бога¹⁸⁸⁸.

Когда борьба против Гогенштауфенов завершилась и с восшествием на императорский трон Рудольфа Габсбургского установился мир, Григорий X писал Рудольфу: «Если святой престол пуст, империи не хватает того, кто наделяет спасением, а если трон пуст, у церкви нет защиты от ее гонителей. Обязанность правителя церкви — поддерживать королей, обязанность королей — защищать права церкви». Это мягкая формулировка в том, что касается превосходства апостольского престола. Бонифаций VIII в своей знаменитой булле *Unam sanctam* (1302) уже твердо, хотя и резковато, заявит о том, на что претендовали его предшественники начиная с Гильдебранда и даже с Николая I, — о высшей власти над обоими мечами, над духовным, который правит душами людей, и над светским, который правит их временными земными заботами.

Эти притязания нашли поддержку в специальных трактатах Бернара и Фомы Аквината, двух наиболее выдающихся церковных деятелей всех веков существования христианства. Бернар был другом пап. Он поддерживал тот дух, который господствовал в Европе во время понтификатов Иннокентия II и Евгения III, как мощнейшую моральную силу своего времени. А Фома Аквинат писал как богослов. Он первым отдельно рассматривает проблему папства в систематическом богословии. В «Правлении князей» и выступлении «Против заблуждений греков» Фома однозначно утверждает высшую власть апостольского престола над государством, равно как и над всею церковью. Что касается Бернара, то и ультрамонтаны, и галликаны признают его авторитет, однако в его труде, обращенном к Евгению III (*De consideratione*), есть выражения, не допускающие иного толкования и признающие, что папа обладает высшей властью в обеих сферах.

Трактат Бернара, занимающий восемьдесят компактных колонок в издании Миня, призывает Евгения, к которому святой обращается как его духовный сын, подумать о четырех вещах: о себе самом; о том, что под ним; о том, что вокруг него; и о том, что над ним. Занимающие папский престол редко слышали столь резкие предостережения и увещевания. Вероятно, автор писал это в самый последний год своей жизни.

Размышляя о себе, папа должен был вспомнить, что возвысился на свою должность не ради правления, а для того, чтобы быть пророком; не с целью показать власть, а чтобы заботиться о церквях. Да, папа занимает высочайшее положение, но только до тех пор, пока остается рабом. Как понтифик, он — наследник апостолов, князь епископов. Он следует за Авелем, Авраамом, Мелхиседеком, Моисеем, Аароном, Самуилом и Петром. Ему принадлежат ключи. Другим вверены отдельные стада, а он — пастырь всех овец, пастыреначальник. Он в состоянии смещать даже епископов и не допустить их в царство небесное. Однако Евгений — человек. Хотя он и папа, он в той же мере презрен, как ничтожнейший прах. Изменение положения не меняет самого человека. Даже царь Давид творил безумия.

Находящееся ниже папы, — это церковь и все люди, которым должно быть проповедано Евангелие.

¹⁸⁸⁷ Bréholles, IV. 914-923.

¹⁸⁸⁸ Dollinger, *Papstthum*, pp. 67, 404. В булле Льва X против Лютера вновь подтверждается этот вымысел о передаче империи от греков к германцам через папу. См. копию буллы в нашей «Истории», том VII.

То, что вокруг папы, — это кардиналы и все папское окружение. Здесь ему следует сдерживать жадность и амбиции, прекращать ссоры, связанные с судебными делами, выбирать достойных на должности. Римляне — дурное окружение. Они льстят понтифику ради выгоды. А когда они видят человека, устремляющегося к святости, они считают его лицемером.

Преданный советник красноречиво описывает идеального папу. Это один из епископов, а не их господин. Он — брат всех, кто любит Бога. Он должен быть образцом праведности, защитником истины, опорой бедных, убежищем угнетенных. Он — священник Всевышнего, наместник Христа, помазанник Господа, Бог фараона. То есть у него есть власть над непокорными князьями.

Бернар явно вручает папе оба меча, причем свой духовный меч папа обнажает сам, тогда как мирской меч должен извлекаться из ножен по его команде¹⁸⁸⁹. Конечно, Бернар подчеркивает обязательность простоты и бедности, характерных для апостола Петра. Петр не носил драгоценных камней, у него не было телохранителей, он не гарцевал на белом коне. В этой внешней показухе «папы следуют за Константином, а не за апостолом». Но правда и то, что Бернар вслед за всем своим поколением признает папу наместником Бога на земле¹⁸⁹⁰.

О взглядах Фомы Аквината мы уже упоминали (§108). Его высказывания весьма определены. В их смысле не приходится сомневаться. В папе сосредоточена вся полнота власти. Римской церкви следует повиноваться, как Христу¹⁸⁹¹. Фома делает эти заявления в своем трактате против заблуждений греков, написанном в то время, когда приближался Второй Лионский собор и принимались меры для прекращения раскола между Востоком и Западом. Папа — царь и священник, а светское царство получает свою власть от Петра и его преемников¹⁸⁹².

Фома пошел дальше. Он заявил о непогрешимости папы. В подтверждение этого мнения он процитировал поддельные произведения Кирилла, но вместе с тем и подлинные отрывки из отцов церкви¹⁸⁹³.

Цезарий Гейстербахский в начале XIII века выражает популярное мнение, распространенное среди священников и монахов, когда сравнивает церковь с твердью, папу — с солнцем, императора — с луной, епископов — со звездами, клириков — с днем, а мирян — с ночью.

Нас поражает размах подобных заявлений, но, без сомнения, папы искренне верили во все это, как и богословы, и народ. Все были твердо убеждены в высшей власти римского понтифика над церковью и над государством. Слова о том, что кесарю надо воздать кесарево, а Богу — Богово, которые сегодня цитируются в поддержку разделения двух областей власти, тогда истолковывались совершенно по-другому. Гуго Сен-Викторский¹⁸⁹⁴ вслед за Августином определял церковь как

¹⁸⁸⁹ *De consid.*, IV. 3, Migne, 82, 776 (*Uterque Ecclesiae et spiritualis gladius et materialis; sed is quidem pro Ecclesia, ille vero et ab Ecclesia exserendus: ille sacerdotis, is militis manu, sed sane ad nutum sacerdotis, et iussum imperatoris*).

¹⁸⁹⁰ Епископ Райнкенс, старокатолик, в своем переводе трактата Бернара *De consideratione* с аннотациями, отстаивает другое мнение, а именно, что Бернар вовсе не излагает теорию «папы-кесаря». Как пишет Райнкенс (pp. vi sq.), по мнению Бернара, епископы получают свою власть не от папы, а прямо от Бога. Его издание вышло во время Ватиканского собора 1870 г. и выражало протест против догмы о папской непогрешимости. Позиции, которой придерживаемся мы, придерживается большинство авторов, протестантов и католиков.

¹⁸⁹¹ *Rom. ecclesiae obediendum est tanquam domino J. Christo* (Reusch ed., p. 9).

¹⁸⁹² *Rom. episcopus dici potest rex et sacerdos... Sicut corpus per animam habet virtutem et operationem ita et temporalis iurisdictio principum per spiritualem Petri et successorum eius* (*De regim.*, II. 10).

¹⁸⁹³ См. Werner, *D. hl. Thomas*, I. 760 sqq., 794 sqq.; и особенно Reusch и Leitner.

вселенную верующих (*universitas fidelium*), Алан де Инсулис — как собрание верующих во Христа и хранилище тайств¹⁸⁹⁵. Но идеи личной свободы христианина и его непосредственной ответственности перед Христом, явленной в Новом Завете, не существовало. Как временная мера, вымысел о папской высшей власти был полезен для объединения мятущихся и воюющих частей европейского общества. Страх перед решениями понтифика удерживал светских правителей от разнузданных и незаконных действий. Но как теория, как учрежденный Богом и постоянный принцип, он был неприемлем и опасен. Государства Европы переросли его, и протестантские общины христианского мира никогда не станут повиноваться тому, кто называет себя наместником Христа, как бы ни уважали они Римского епископа, действующего в духе Христа, подобно Льву XIII.

§124. Папа и курия

ЛИТЕРАТУРА. Об избрании папы. — Текст законов Николая II и Григория X приводится в МИРЕТ: *Quellen*, 57 sqq., 146; Friedberg ed. Грациана, I. 78 sq. — W. C. CARTWRIGHT: *The Papal Conclave*, Edinb., 1868. — ZÖPFEL: *D. Papstwahlen etc. vom 11-15 Jahrh.*, Götting., 1871. — T. A. TROLLOPE: *The Papal Conclaves as they were and as they are*. Lond., 1876. — L. LECTOR: *Le conclave, etc.*, Paris, 1894. — HEFELE-KNÖPFLE, IV. 800-826; VI. 146 sqq. — SCHWANE: *Dogmengesch.*, pp. 522-589. — FRIEDBERG: *Kirchenrecht*, pp. 165 sqq. — HERGENRÖTHER, *Kirchenrecht*, pp. 267-302. — Ст. *Papstwahl*. в Herzog, XI. 213-217, HINSCHIUS и WETZER-WELTE, IX. 1442-1461.

О финансовой политике курии. — В. P. WOKER: *D. kirchl. Finanzwesen d. Päpste*, Nördl., 1878. — FABRE: *Le libre censuum de l'église Romaine*, Paris, 1892. — *M. TANGL: *D. Taxenwesen der päpstl. Kanzlei vom 13 bis zur Mitte des 15 Jahrh.*, Innsbr., 1892. — *J. P. KIRSCH: *Die Finanzverwaltung des Kardinalkollegiums im XIII und XIV Jahrh.*, Munster, 1895. — *P. M. BAUMGARTEN: *Untersuchungen und Urkunden über die Camera Collegii Cardinalium, 1295 — 1437*, Leip., 1898. — *A. GOTTLÖB: *D. päpstl. Kreuzzugssteuern des 13 Jahrh.*, Heiligens., 1892; **D. Servitientaxe im 13 Jahrh.*, Stuttg., 1903. — *O. JENSEN: *D. englische Peterspfennig*, Heidelb., 1903. — HALLER: *Papsttum u. Kirchenreform*, Berlin, 1903. — HURTER: *Inn. III*, IV. 161 sqq. — Дополнительную литературу о финансовой политике пап, особенно в XIV веке, см. следующий том (про Иоанна XXII).

Курией называют совокупность кардиналов и младших должностных лиц папского окружения. Ее значение сильно возросло в рассматриваемый период благодаря централизации власти в Риме. Папа был вынужден использовать целую армию нотариусов, адвокатов, прокуроров и других лиц, которые помогали выполнять многочисленные задачи, привлекающие его внимание.

В строгом смысле слово «курия» обозначает коллегия кардиналов. Эта организация поддерживала с папой отношения, похожие на отношения капитула с епископом и кабинета министров с мирским правителем. На общих соборах в Лионе (1245 и 1274) члены курии получили приоритет над всеми другими церковными чинами.

Законодательство по избранию папы появилось именно в этот период — начиная с Николая II, изъяснявшегося через Римский собор (1059), и Григория X, изъяснявшегося через Второй Лионский собор (1274). Начиная с IX века император претендовал на право подтверждать избрание папы или накладывать на него вето, но право это было отменено благодаря влиянию Григория VII. Закон Николая, в соответствии со взглядами Григория, вручал право избрания кардиналам, и оно стало их основной функцией. Это был важный шаг в сторону полной

¹⁸⁹⁴ Migne, 210. 613.

¹⁸⁹⁵ *De sacr.*, II. 1, 2, Migne, 176. 141, etc.

независимости папства, хотя в строгом смысле закон стал исполняться только после его подтверждения Александром III на Третьем Латеранском соборе (1179). Для избрания было необходимо получить голоса двух третей кардиналов. Важное добавление объявляло действительными выборы папы, состоявшиеся вне Рима.

Но когда после смерти Климента IV (ум. в 1268) место понтифика оставалось вакантным почти три года, оказалось, что необходимы более точные правила. И усовершенствованный при Григории X закон действует до сих пор, хотя и с незначительными изменениями. Он гласит, что в течение десяти дней с момента смерти папы в том же здании, где он скончался, должны собраться кардиналы для выбора его преемника. Конклав (от *clavis*, «ключ»), или комната собрания, дала название и самому собранию. В ходе обсуждения собравшиеся церковные служители не должны общаться с внешним миром, а пищу им должны подавать через окно. Если за три дня решение не принято, им начинают подавать одно блюдо на ужин и одно блюдо на обед. Если за восемь дней решение не принято, тогда их рацион ограничивается хлебом и вином. А светские власти обязаны охранять конклав от вторжений и насилия.

Конгрегации или комитеты, по которым сейчас распределены кардиналы, возникли позже. Древнейшая из конгрегаций, Святая Палата или Конгрегация инквизиции, появилась в 1542 г. Красную шапку, знак своего сана, кардиналы начали носить при Иннокентии IV (1245), пурпурную мантию — двести лет спустя, при Павле II (1464). Они носят кольцо с сапфиром и, по постановлению Урбана VIII (1630), к ним обращаются как к «высокопреосвященству». В 1586 г. Сикст V ограничил их количество семьюдесятью. Точное же их количество, не превышающее данной цифры, зависит от желания правящего понтифика. Больше всего кардиналов было у Пия IV (1559) — семьдесят шесть. В конце XIII века кардиналов часто бывало очень мало, однажды — всего семь. Начиная со времен Урбана VI (1378 — 1382) на папский престол мог быть избран только кардинал. Право папы отречься основано на прецедентах Григория VI (1046), Целестина V (1294) и Григория XII (1415).

Коронация и восхождение папы на престол проводились с великой помпезностью и напыщенностью. Обычно они сопровождались шествиями от собора Св. Петра до Латеранского дворца, в которых участвовали знать и светские власти, сам папа и представители высшего и низшего клира. Тиара (или три совмещенные друг с другом короны), похоже, начала использоваться только в правление Урбана V (1362 — 1372). Этот тройной головной убор символизирует власть папы над небесами, землей и преисподней; или его земную власть и власть связывать во времени и в вечности; или же Рим, Восточный патриархат и всю землю.

В рассматриваемый период развилась система папских легатов, которая оказалась важным орудием распространения папской юрисдикции. Эти должностные лица постоянно упоминались начиная с понтификата Григория VII. Климент IV сравнивал их с римскими проконсулами. Они назначались, чтобы представлять апостольский престол в особых случаях и считались выше епископов в тех районах, куда были посланы; они председательствовали на синодах и претендовали на уважение, с которым люди должны были относиться к самому папе.

Григорий VII, хваля одного легата, цитировал Луки 10:16: «Слушающий вас Меня слушает»¹⁸⁹⁶. В Испании его представлял кардинал Гуго, а на Сардинии, во Франции, в Дании, в Польше и в Англии — другие легаты¹⁸⁹⁷. Сам Гильдебранд

¹⁸⁹⁶ *Reg.*, II. 44, Migne, 148. 392.

был папским представителем в особых миссиях, а Адриан IV отличился тем, что успешно действовал в качестве легата в Северной Европе. Папские легаты присутствовали на коронации Вильгельма Завоевателя (1070).

Про легатов говорили, что они живут как князья. Их содержали на средства тех стран, куда их направляли. Их вторжение в юрисдикцию епископов и вымогательство денег выливались в отчаянные жалобы по всей Европе. Барбаросса писал Адриану IV, что отказывается принимать папских легатов, потому что они приходят к нему как грабители, а не как священники¹⁸⁹⁸. Иоанн Солсберийский и Матфей Парис, как и святой Бернар, осуждали высокомерие и жадность легатов. Бернару удалось встретить только двух неподкупных легатов. Один из них, Мартин, посланный в Дакию, вернулся в Италию таким нищим, что с трудом смог добраться до Флоренции, а оттуда ему пришлось бы идти в Рим пешком, если бы ему не одолжили лошадей. И Бернару казалось, что его рассказ будет восприниматься как выдумка — ведь кто поверит, что легат возвращается из земли золота без золота и пересекает землю серебра, не имея серебра! Другим примером был легат Гоффрид из Аквитании, который даже рыбу и овощи не принимал в дар и платил за них деньги, чтобы никто не мог сказать: «Я обогатил Аврама» (Быт. 14:23)¹⁸⁹⁹.

Салимбене, гениальный францисканский летописец, также сообщает о мрачной низости папских легатов в Северной Италии, причем некоторые из них были знакомы ему лично. Он упоминает двенадцать имен, четырех особо обвиняет в нечистоте, в том числе Уголино (впоследствии папу Григория IX), и перечисляет имена некоторых из их детей. Двое из них были пьяницами. Вообще, он обвиняет легатов в том, что они «грабят церкви и уносят все, что могут»¹⁹⁰⁰.

За папским судом закрепились роль суда последней инстанции в Западной Европе — хотя раньше об этом папы даже и не мечтали. Туда обращались с бесчисленными апелляциями. Если у спорящих были время и деньги, то никакой спор не считался слишком тривиальным для того, чтобы воззвать к римскому суду. Апелляции поступали от князей и королей, от капитулов и епископов, от монастырей и аббатов. Бурхард из Урсперга говорит¹⁹⁰¹, что не было такой епархии или прихода, у которого дело не рассматривалось бы в Риме, и что все партии, отправлявшиеся туда, везли много золота и серебра. Приток спорщиков в Вечный город был постоянным, так что все дороги вели в Рим в буквальном смысле. Бернар жалуется, что для рассмотрения этих споров не хватало дня, и слушания продолжались по ночам¹⁹⁰². Курия поощряла апелляции, которые были для нее неистощимым источником дохода. Бернар, обращаясь к Евгению, жалуется, что главный епископ христианского мира убивает время, которое должен был бы тратить на выполнение своих обязанностей, на слушание приличествующих ему дел и разбор личных жалоб. Залы папского дворца чаще отзывались законами Юстиниана, чем заповедями Господа. Бернар признавал, что право на

¹⁸⁹⁷ *Reg.*, I.7; I. 29, VIII. 10; II. 32; II. 51; II. 73; I. 70, Migne, 148. 290, 312, 387, 405, 423, 345.

¹⁸⁹⁸ Hefele, V. 565. Постоянные нунциатуры при католических дворах впервые были учреждены в XVI веке. Такие нунциатуры сейчас сохраняются в Мюнхене, Вене, Лиссабоне, Мадриде и Брюсселе.

¹⁸⁹⁹ *De consid.*, IV. 5.

¹⁹⁰⁰ Coulton, *From St. Francis to Dante*, pp. 252 sqq.

¹⁹⁰¹ См. Döllinger, *Papstthum*, p. 76.

¹⁹⁰² *Quale est istud de mane ad vesperam litigare, aut litigantes audire? Utinam sufficeret diei malitia sua! non sunt liberae noctes.*

подобные апелляции — неоспоримая привилегия, но ему хотелось бы ограничить их жалобами вдов и сирот и исключить споры о собственности¹⁹⁰³.

Выражение *ad calendas Graecas* (до греческих календ) стало поговоркой в Риме, где вынесение судебного решения могло откладываться до тех пор, пока одна из сторон не умирала или, устав от ожидания, не уступала в споре. Бернар приводит следующий пример, показывающий, до какой крайности доходило использование права на апелляцию. В Париже один человек внезапно прервал свадебную церемонию, подойдя к алтарю и заявив об апелляции к Риму против данного брака на том основании, что невеста была обещана ему. Священник не мог продолжать обряд, а жениху и невесте пришлось жить порознь, пока дело не было представлено перед курией. Власть курии непомерно возросла, и уже сама курия выносила решение, что является здоровым учением, а что — ересь¹⁹⁰⁴.

В XIII веке папская казна стала пользоваться дурной славой из-за поборов курии, но только в XIV веке, в период авиньонского изгнания, действия курии вызвали громкий протест по всей Европе. Расходы папского двора росли, и надо было изыскивать средства. Раз верховный понтифик претендует на власть над всем сообществом, которым он руководит, то церкви не могли не призвать справедливость денежных поборов. Это требование было выражено Пасхалием II в послании к Ансельму Кентерберийскому (1101): «Вы хорошо знаете о наших насущных потребностях и о нашем недостатке средств. Римская церковь трудится на благо всех церквей, и каждая церковь, посылающая ей дары, признает не только свой долг перед нею, но и долг всего христианского мира»¹⁹⁰⁵. Скандальное злоупотребление этим справедливым требованием вызвало ожесточенные жалобы.

Что касается доходов папы в начале XIII века, то до нас дошли записи о казне Иннокентия III, сделанные его управляющим Ценцием, который позже стал кардиналом¹⁹⁰⁶. Из 633 перечисленных там епископатов 330 платили Риму налоги того или иного рода. Помимо денежных даров, упоминаются разнообразные товары: овощи, вино, зерно, рыба, шерсть, хлопок, лен, упряжки волов, лошади. Монастыри, церкви и госпитали заботились о нуждах папы. Аббат Рейхенау по вступлении в должность послал ему двух белых лошадей, бревиарий и сборник евангелий. Госпиталь из епархии Тербуанна послал 100 сельдей, аббатство Св. Василия в Риме — два воза рыбы.

В конце XIII века управление папскими финансами стало осуществляться на систематической основе. Были приняты правила распределения доходов между папой и коллегией кардиналов. Наши сведения ограничены единственным документом о податях¹⁹⁰⁷ этого периода, в то время как от первой половины XIV века до нас дошел ряд подробных и очень интересных бухгалтерских книг, где указаны точные цены на папские привилегии разного рода. Там мы находим фискальные соглашения, которые заключались между прелатами и папскими должност-

¹⁹⁰³ *De consid.*, I. 4-6; III. 2.

¹⁹⁰⁴ Иоанн Солсберийский, *Polycrat.*, VI. 64 (*qui a doctrina vestra dissentit aut hereticus aut schismaticus est*).

¹⁹⁰⁵ Цит. в Jensen, p. 42.

¹⁹⁰⁶ Hurter, *Innocent III*, III. 121-149. Можно только удивляться масштабу и разнообразию дани и занятым названиям монет, полученных из разных стран.

¹⁹⁰⁷ Tangl, pp. 7 sqq. Подробно мы рассматриваем папские финансы в главах об авиньонском изгнании. На эту тему был создан ряд отдельных трудов начиная с работы Уокера, в том числе скрупулезные труды Тангла, Кирша, Геллера, Готтлоба, Баумгартена и других.

ными лицами, и расписки, говорящие о существовании продуманной банковской системы. Эти списки и другие источники информации позволяют нам сделать выводы о методах, которые практиковались начиная с 1250 — 1300 г.

Источниками дохода папской казны были: ежегодная дань феодальных государств, называемая *census*; выплаты прелатов и других обладателей церковных бенефициариев, называемые *servitia*, *visitationes* и *annates*; а также налоги, которыми периодически облагалась вся церковь или ее части в связи с крестовыми походами и другими особыми надобностями. К этим обычным источникам дохода следует добавить выплаты за различные папские уступки и индульгенции¹⁹⁰⁸.

*Servitia*¹⁹⁰⁹, *visitationes* и *annates*, первоначально бывшие добровольными пожертвованиями клира, к концу XIII века стали обязательными выплатами. *Annates* были частью годового дохода папских назначенцев на бенефиции, право заполнения которых папа сохранял за собой, — это пребенды, бенефиции каноников и другие. Обычно аннаты составляли половину дохода. *Visitationes* были выплатами от прелатов, то есть архиепископов, епископов и аббатов, посещавших Рим¹⁹¹⁰. Эти визиты планировались в определенные периоды, установленные согласно закону. Прелаты, принимая клятву при вступлении в должность, давали обещание совершать их.

*Servitia*¹⁹¹¹ были денежными дарами от архиепископов, епископов и аббатов при их вступлении в должность. Они составляли крупный источник средств. Размер выплаты определялся в зависимости от годового средств. Единожды определенный, он оставался постоянным и обязательным, пока не производились новые подсчеты¹⁹¹². Обычно, хотя и не всегда, налог составлял одну треть от годового дохода¹⁹¹³. Точное происхождение этой дани неизвестно, но она была признана как обычай и имела силу закона еще до правления Николая III (1277 — 1280) — вероятно, уже в середине XIII века¹⁹¹⁴. Прелаты обычно платили этот налог во время визита в Рим, когда их назначение подтверждалось. Иногда требование об уплате выдвигалось через торговый дом¹⁹¹⁵.

¹⁹⁰⁸ Деньги из этих источников назывались «деньгами коллегии», *pecuniae collegii*. Они часто заносились в книги коллегии кардиналов как *servitia*, *census*, *visitationes* и *proventus* (Kirsch, *Finanzverw.*, p. 5, Baumgarten, p. xcvi).

¹⁹⁰⁹ Термины *servitia* и *annatae* использовались как более или менее взаимозаменяемые, но первый обычно относился к дарам прелатов, а второй — к выплатам низших клириков (Gottlob, *Servitientaxe*, p. 1).

¹⁹¹⁰ Такой визит назывался *visitatio ad limina apostolorum* и не ограничивался собственно Римом. Визиты, на которые налагался налог, назывались *visitationes reales*, в отличие от остальных, называвшихся *visitationes verbales*.

¹⁹¹¹ О значении и истории этого слова см. Gottlob, *Servitientaxe*, pp. 14-17. Они назывались *servitia communia* в отличие от *servitia pro familia* или *servitia minuta*, которые обращивались менее значительными выплатами папскому двору и лицам из совета кардиналов, называемыми *familiares*. По поводу этих меньших выплат также существовали четкие правила; обычно они составляли одну четырнадцатую или одну двадцатую от *servitium commune*. До 1298 г. мы читаем только о двух фиксированных выплатах в пользу папского окружения. В 1299 г. их уже три, а в XIV веке количество *servitia minuta* увеличилось до пяти. Gottlob, *Servitientaxe*, pp. 101 sqq.; Kirsch, pp. 12 sqq.

¹⁹¹² Kirsch (p. 12) приводит документы, в которых архиепископы Нарбонна (1341), Кэшеля (1332) и аббат Амьена (1344) просят об уменьшении подати. В случае с аббатом подать была уменьшена с 4000 до 2500 золотых флоринов.

¹⁹¹³ См. случаи, на основании которых Кирш выводит это правило (p. 9).

¹⁹¹⁴ Похоже, именно ее уплатил римскому престолу аббат Сент-Эдмундсбери в 1248 г., когда, по имеющимся сведениям, Риму было передано 800 марок (M. Paris, Luard's ed., V. 40; Tangl, p. 6).

Census включал в себя налоги, которые платило церкви государство, выплаты монастырей и церквей, находящихся под особой защитой апостольского престола, дань вассальных государств, Неаполя, Сицилии, Корсики и Сардинии, а также Англии и доходы от лепты святого Петра. Дань Сицилии в 1272 г., 8000 унций золотом, была поделена на две равные части между Григорием X и кардиналами. В 1307 г. Карлу II Неаполитанскому было выдвинуто требование уплатить по этой статье громадную сумму, 93.340 унций золота. В 1350 г. требуемая сумма составляла 88.852 унции¹⁹¹⁶.

Обычай платить лепту святого Петра, то есть определенное количество денег с каждого двора, был распространен в Англии, Швеции, Дании, Норвегии, Северной Германии и Польше, но никогда не вводился во Францию. Хотя Григорий VII пытался сделать это, он потерпел неудачу¹⁹¹⁷. Роберт Гвискар в 1059 г. обещал выплачивать от Сицилии по двенадцать динариев за каждую упряжку волов¹⁹¹⁸. Далекая Гренландия также вносила лепту; она выплачивалась там при Олафе, епископе Гардара (1246).¹⁹¹⁹

Во второй половине XIII века доходы от *visitationes*, *servitia* и *census* было принято делить между папой и коллегией кардиналов¹⁹²⁰. А до того времени кардиналы зависели от бенефициев, которыми они владели от своего имени, а также от податей с замков и городов на папских территориях, которые выделял им папа. В XIII веке к этим источникам дохода прибавились доходы от приходов в других странах, которыми они управляли (если вообще управляли, поскольку администрацией занимались викарии). Нередко член курии получал сразу несколько бенефициев, но злоупотребления достигли особого размаха только к концу XV века. В 1291 г. Бенедикт Гаэтани (Бонифаций VIII), кардинал Св. Николая в Карчере, имел, помимо этого прихода, два архидиаконства и две церкви во Франции, три церкви в Риме и пребанды в Лангре, Шартре, Лионе, Париже, Ананьи, Тоди, Теруанне и в соборе Св. Петра в Риме.

Половина средств, выделявшихся для кардиналов, поровну делилась между ними. Если кардинал отстранялся от должности, его доля делилась поровну между папской казной и остальными кардиналами. В конце XIII века стало принято при назначении кардинала объявлять, что ему выделяется доля *servitia*¹⁹²¹. Когда кардинал отсутствовал, выполняя обязанности легата или по иной причине, его участие в фонде приостанавливалось.

Доходами распоряжались два казначея — папский казначей, или управляющий, и казначей коллегии кардиналов¹⁹²². Последняя должность была пожизнен-

¹⁹¹⁵ Обещания уплатить назывались *obligationes*. Папский казначей, или же казначей коллегии кардиналов, или же оба вместе выдавали расписки, *quitationes*. Кирш приводит подлинные документы. Он первым прояснил тему *servitia*.

¹⁹¹⁶ Kirsch, p. 32.

¹⁹¹⁷ Hurter, III. 136.

¹⁹¹⁸ Jensen, p. 36.

¹⁹¹⁹ См. O'Gorman, *Hist. of the Cath. Ch. in the U. S.*, p. 6. Николас Брейкспир (Адриан IV) в свою бытность легатом-кардиналом получил на синоде в Линкопине (1152) обещание от Норвегии и Швеции выплачивать Риму лепту св. Петра (Jensen, p. 12).

¹⁹²⁰ Kirsch, pp. 22, 23, 25. Николай IV (1288) первым учредил равное деление *census* буллой *Coelestis altitudo*.

¹⁹²¹ Такая формула (1296) приводится в Kirsch, p. 58. В бухгалтерских книгах точно указано количество кардиналов, а также имена кардиналов, которые утратили свои права, будучи смещенными.

¹⁹²² *Camerarius collegii dominorum cardinalium*. Первый казначей, имя которого нам известно, —

ной. Никогда не случалось, чтобы одно лицо совмещало обе эти должности. Каждый казначей, по крайней мере, со времен Бенедикта XII в XIV веке, вел свои собственные книги; иногда изготовлялись копии папских бухгалтерских книг и передавались кардиналам. Управление финансами было настолько хорошо систематизировано, что уже в правление Бонифация VIII было возможно ознакомиться со счетными книгами предыдущих понтификов¹⁹²³. В период 1295 — 1298 г. коллегия кардиналов получала в качестве своей доли 85.431 золотых флоринов, что ныне равно 200.000 долларов¹⁹²⁴.

К собственному казначею папы поступали дополнительные суммы, получаемые как *annates*, о которых мы говорили выше, как специальные налоги, которые папа имел право устанавливать, и как дары в благодарность за особые папские милости. Крестовые походы против сарацин и Фридриха II были удобным предложением для нового налогообложения. Они были причиной бесконечных раздоров, особенно во Франции и в Англии, где на папских сборщиках налогов жаловались крайне часто и отчаянно. Первый папский налог на годовую доход во Франции, похоже, взимался в 1188 г. Уже в 1247 г. такой налог на церковную собственность вызвал решительные протесты. В 1269 г. Людовик IX выступил с Прагматической санкцией и запретил взимать папские налоги с церковной собственности Франции без согласия короля. Одним из самых знаменитых поборов средневековой Англии был Саладинов налог — на крестовый поход против сарацин.

Уже во времена святого Бернара курия прославилась своим стяжательством. Никакая сумма не могла удовлетворить ее аппетиты. Ее обвиняли в постоянном вымогании денег на потребу Рима. Бернар живо, хотя, возможно, излишне яркими красками, рисует эту алчущую толпу служителей и восклицает: «Было ли такое, что Рим отказывался от золота? Рим превратил святилище в место торговли. Германцы путешествуют в Рим, и их вьючные животные нагружены сокровищами. Серебра в нем стало как соломы. К чести Евгения можно сказать, что он отвернул свое лицо от таких даров. Во всем виновата курия. Они превратили Рим в место купли и продажи. “Римляне” (ибо именно так называют эту группу служителей) представляют собой собрание бесстыдных попрошаек, которые не умеют отказываться от серебра и золота. Это драконы и скорпионы, а не овцы»¹⁹²⁵.

Английский летописец Матфей Парис, живший век спустя, чуть ли не на каждой странице своей хроники жалуется на поведение папских сборщиков налогов. По его летописи можно сделать вывод, что Английская церковь и народ существовали исключительно для пополнения римской казны. Курия, говорил он, как прорва, поглощает средства всех классов общества, доходы епископов и аббатов¹⁹²⁶. Его современник, итальянский летописец Салимбене, жестко крити-

Гильом де Брэ, кардинал-священник Св. Марка (1272 — 1282). Список его преемников см. в Kirsch, pp. 44-46; Baumgarten, pp. xliii sqq.

¹⁹²³ Kirsch, p. 66. Baumgarten (p. xxiii) иного мнения; он считает, что первые систематизированные бухгалтерские книги относятся к 1295 г.

¹⁹²⁴ Список необычных монет, которые выплачивались в фонд, и подсчет их стоимости во флоринах см. в Kirsch, pp. 56 sq. Кирш полагает, что золотой флорин был равен 10 маркам, или 2,5 долларам, а марка XIV века обладала покупательной способностью, в четыре раза превышающей покупательную способность современной марки.

¹⁹²⁵ *De consid.*, III.1, 3. Бернар снова и снова (в *De consid.*, I. 11; IV. 4, etc., и в посланиях) говорит о продажности курии. Он даже предположил, что Евгению следовало бы покинуть Рим ради отдаления от этой скверны (*De consid.*, IV. 3).

¹⁹²⁶ Luard ed., V. 96.

кует роскошь и праздность кардиналов и рассказывает об обвинениях, которые выдвинул Гуго де Динь на соборе в Лионе (1245)¹⁹²⁷.

Бернар из Клуни и другие поэты того времени обвиняли курию в симонии¹⁹²⁸. Все в Риме имело свою цену. Поэмы, приписываемые Вальтеру Мэпу, полны ожесточенной критики против кардиналов, раскрытые рты которых можно ублажить только деньгами. В одной из них, «Гибель Рима», город сравнивается с водами между Сциллой и Харибдой, «которые вмещают в себя больше золота, чем судов». Там, в бездне, скрываются сирты и сирены, которые угрожают всему миру кораблекрушением. У этой бездны уста человека, но сердце дьявола. Там кардиналы продают свое наследство, внешне подражая Петру, но обладая сердцем Нерона. Они выглядят как агнцы, а по природе они — волки¹⁹²⁹. Говорят, что однажды папа, показывая Фоме Аквинату папскую сокровищницу, заметил: «Фома, сейчас Петр уже не смог бы сказать, как он однажды сказал хромоту: “Серебра и золота нет у меня”». На что Фома ответил: «А его преемник уже не обладает силой, чтобы возложить на хромого руки и исцелить».

§125. Епископы

Хотя епископат утратил часть своего прежнего престижа после централизации папской власти, обладатели великих епархий по-прежнему были могущественны, как величайшие из светских князей. Все меньше людей защищало древнюю теорию о том, что все епископы — это преемники Петра. Бернар говорил¹⁹³⁰, что епископы, как и папа, — пастыри и привратники царства небесного, источники власти, но по силе и рангу они ниже папы, который является непосредственным преемником князя апостолов. Но и сто лет спустя Гроссетест по-прежнему утверждал равное достоинство всех епископов как преемников Петра¹⁹³¹.

По закону Григория IX, архиепископы приносили клятву верности папе, а Мартин V (1417 — 1431) распространил это требование на всех епископов. Григорий IX и другие папы использовали эту клятву как обязательство нести воинскую повинность. Задолго до этого, в 1139 г., Иннокентий II говорил, что отношения епископов с папским престолом подобны отношениям вассалов со своим князем. Они были «епископами милостью Бога и апостольского престола»¹⁹³². Иннокентий III явно говорил, что епископы получают свою власть милостью

¹⁹²⁷ Coulton ed., pp. 261 sq.

¹⁹²⁸ У Бернара из Клуни в *De contemptu mundi* есть такие строки:
Roma dat omnibus omnia, dantibus omnia Romae
Cum pretio: quia jure ibi via, jus perit omne
Ut rota labitur, ergo vocabitur hinc rota a Roma
Roma nocens nocet, atque viam docet ipsa nocendi
Jura relinquere, lucra requirere, pallia vendi.

¹⁹²⁹ Место встречи наших разбойников кардиналов,
Ibi latrat Scylla rapax et Charybdis auri capax
Potius quam navium, ibi cursus galearum
Et concursus piratarum, id est cardinalium.
 (Latin Poems of Walter Mapes, ed. T. Wright, London, 1841, p. 218.)

¹⁹³⁰ *De consid.*, II. 8; III. 4; IV. 8. После воскресения Петр пошел к Иисусу на озеро. Озеро символизирует мир, и Петру был поручен весь мир, а каждому апостолу — его маленькая лодка. Иаков довольствовался властью над Иерусалимом и признал власть Петра над всей церковью.

¹⁹³¹ Послание 23, Luard ed., *principes ecclesiastici qui vicem Petri tenent*.

¹⁹³² В решительном послании к Иннокентию Бернар жаловался, что курия лишила епископов власти вершить правосудие в своих епархиях и пользоваться «ключами» (*Ep.*, 178, Migne, 182. 310).

папы, в котором пребывает вся полнота власти¹⁹³³. Возможность утверждать назначение епископов папой стало правилом при Николае III (1277 — 1280)¹⁹³⁴. Древнее право епископов отказываться от своего престола теперь не признавалось, а их привилегии отдавались на откуп папской милости.

После Вормского конкордата (1122) князья и другие светские правители, по крайней мере формально, перестали назначать епископов. Папы один за другим объявляли, что право выдвижения епископов принадлежит кафедральным капитулам. Но фактически выборы не были свободными. Князья игнорировали права капитулов и диктовали им свою волю или выступали против неугодных им выборов, апеллируя в Рим. Во Франции и Испании для того, чтобы выборы могли состояться, необходимо было королевское предписание, а признание королем кандидата было обязательным условием посвящения. В Англии, несмотря на соглашение между Ансельмом и Генрихом I, права капитулов все время нарушались, а результаты выборов постоянно оспаривались. Согласно хартии Иоанна, выборы проходили в здании соборного капитула, и король мог воспользоваться правом номинации и утверждения¹⁹³⁵. При спорности выборов папа выступал как третейский судья: он мог отвергнуть всех кандидатов и назначить новые выборы — как сделал Иннокентий III в ситуации со Стефаном Лангтоном. Четвертый Латеранский собор установил следующее правило: капитул, не сумевший принять решение за три месяца, лишается права выборов.

Закон требовал, чтобы епископ был не моложе тридцати лет¹⁹³⁶ и законнорожденный, но это требование часто игнорировали. Джефри, сын Генриха II, был назначен епископом Линкольна, когда был моложе двадцати, и шесть лет получал доходы от епархии, не будучи рукоположен священником. Позже он был сделан архиепископом Йорка. Герлах из Нассау стал архиепископом в двадцать лет. Самый вопиющий случай в рассматриваемом периоде — когда Гуго из Вермандуа, около 930 г., отравив архиепископа Реймского, посадил на эту должность собственного пятилетнего сына. Пренебрежение возрастным цензом достигло кульминации во второй половине XV века. Крупные епархии соблазнительно манили дворянство, и Иннокентий III был вынужден подчеркнуть, что для избрания епископом необходимы заслуги, а не благородное происхождение.

Важное право канонизации было отнято у епископов Александром III (1181), и с тех пор им пользовался только папа. Сами епископы редко становились святыми. Оттон Бамбергский — заметное исключение.

Со времен Оттона Великого германские епископы обладали статусом князей¹⁹³⁷. Во Франции, Англии и других странах они были возвышены до достоинства пэров. Епископы трех германских епархий — Трира, Майнца и Кельна, — вероятно, имели наибольшие доходы и обладали большей властью, чем все остальные епархии западного христианского мира. В результате территория вокруг Рейна получила название «долины священников». Эти три прелата были в числе семи электоров империи. В Северной Германии сравнительно важной была Бременская епархия. Лунд был метрополией Дании и Скандинавии. Во Франции

¹⁹³³ См. Döllinger, *Papstthum*, pp. 73, 409 sq. Иннокентий ссылался на Льва I, который писал епископу Фессалоники: *Vices enim nostras ita tuae credidimus charitati, ut in partem sis vocatus sollicitudinis, non in plenitudinem potestatis* (Ep., VI. Migne, LIV. 671).

¹⁹³⁴ *Lib. Sextus*, I. 6, 16, Friedberg ed., II. 954 sqq.

¹⁹³⁵ Stubbs (*Const. Hist.*, III. 303 sq.) пишет о «туманной свободе выборов».

¹⁹³⁶ Третий Латеранский, *can.* 3.

¹⁹³⁷ Hauck, III. 28 sqq.

древние архиепископаты Лиона и Реймса сохраняли прежний ранг и влияние. В Англии после епархии Кентерберри самой важной была епархия Линкольна.

Возросла роль кафедральных и коллегиальных капитулов. В начале рассматриваемого периода было по-прежнему принято, чтобы каноники, принадлежащие к капитулу, жили под одной крышей и ели за одним столом. В XIII веке произошли большие изменения. Когда богатство церквей возросло, капитулы стали приобретать права отдельных корпораций и стали практически независимыми от епископов¹⁹³⁸. Пребенды, или сидение на клиросах (*stallum in choro*), сопровождалось соответствующими привилегиями. Сыновья знатных людей жаждали заполучить и занимали эти места, которые позволяли кормиться и приобретать влияние, не работая. Каноники жили отдельно, получая доходы от своих мест и свою долю соборного дохода. Никакие другие должности, на которые назначал папа, не заполнялись с такой охотой и не выпрашивались так задолго до их освобождения¹⁹³⁹.

Архидиакон (по-прежнему, как в древности, называемый «оком епископа») помогал ему в вопросах управления епархией, посещал церкви, надзирал за священными одеяниями и сосудами, решал споры, председательствовал на синодах и, согласно Английским конституциям Оттона, наставлял клириков по вопросу таинств и другим темам. Это должностное лицо представляло угрозу епископскому суверенитету, поскольку должность архидиакона приближалась по достоинству к рангу епископа или даже фигурировала независимо от епископа¹⁹⁴⁰. О его обязанностях часто шла речь на английских, германских и французских синодах. В крупных епархиях было несколько архидиаконов. Уже в XI веке в епархии Трира было пять архидиаконов, Кельна — шесть, Гальберштадта — тридцать¹⁹⁴¹. После норманнского завоевания английские епархии переняли эту систему. Линкольн делился на архидиаконства Линкольна, Лестера, Стоу, Бэкингема, Хантингдона, Нортгемптона, Оксфорда и Бедфорда. Нередко архидиаконы назначались на должность в весьма юном возрасте. Было принято отправлять их за границу для изучения канонического права, прежде чем они приступали к исполнению своих обязанностей. Они были склонны позволять себе больше свободы, чем другие церковные деятели, так что Иоанн Солсберийский даже задавался вопросом, может ли архидиакон быть спасен. Среди наиболее известных английских архидиаконов были Фома Бекет, Вальтер Мэп (архидиакон Оксфорда) и Петр из Блуа (архидиакон Лондона). Петр жаловался Иннокентию III, что не получает финансовой поддержки от 120 церквей Лондона.

Чтобы не допустить светские власти к церковным средствам, велась жестокая борьба. Синоды, поместные и общие, угрожали строжайшим наказанием всем, кто будет посягать на церковные привилегии. В 1209 г. Оттон IV отказался от древнего права захвата имущества (*jus spoli* или *jus exuviarum*), согласно которому светский князь мог присвоить доходы от незанятых епархий и приходов.

¹⁹³⁸ *Capitula clausa*. Hurter (III. 355) объявляет это признаком упадка.

¹⁹³⁹ Те, чье право занять в будущем место на клиросе уже было утверждено, назывались *canonici in herbis*; те, кто уже занимал их, — *canonici in floribus et fructibus*. Третий Латеранский собор запретил предварительное назначение каноников на места, которые еще не были освобождены, но Александр IV (1254) санкционировал назначение четырех таких ожидающих. См. ст. *Kapitel*, Herzog, X. 38.

¹⁹⁴⁰ Третий Латеранский собор, *can. 6*, Friedberg, pp. 188 sqq. Иннокентий III признал архидиакона представителем епископа. Hurter, III. 362 sq.

¹⁹⁴¹ Hauck, IV. 10 sqq. В Метце, Туле, Майнце и т. д. также было больше одного архидиакона.

Иннокентий III освободил церковь от всех гражданских податей, поступающих в руки мирян, за исключением санкционированных папой или епископом, а светских покровителей предупредили, чтобы они не удерживали и не забирали для собственного пользования церковные приходы, в которые они имели право назначать священников¹⁹⁴². Имущество, полученное клириками от их приходов, было собственностью церкви¹⁹⁴³, если же священник умирал без завещания, то в некоторых районах право распоряжаться его имуществом принадлежало епископу. Священники были освобождены от подушного налога. Предписанные налоги были заменены так называемыми добровольными дарами. Петр Блуаский хвалил благочестие неких князей, которые не стали взимать налоги с церковей и других церковных учреждений даже на необходимые расходы, такие как починка городских стен, а образовавшийся вследствие этого недостаток возмещался если не из личных доходов, то из добычи, захваченной на войне¹⁹⁴⁴.

Помимо обычного дохода, который обеспечивали земельные владения и десятины, у епископа были и другие источники прибыли. Он мог по желанию облагать свою епархию налогами на духовные нужды¹⁹⁴⁵ и присваивать доход только что назначенных священников за первый год их служения. Начиная с XI века к этому прибавлялись выплаты за индульгенции, дары при освящении церковей и алтарей и благословении кладбищ. Абельяр говорит о толпах людей, которые собирались на такие торжественные мероприятия, и о больших пожертвованиях, которые отчасти представляли собой уплату для отпущения грехов¹⁹⁴⁶.

Что касается пастырской верности и епископской нравственности, то существовало много оснований для жалоб, но были и образцовые прелаты. В целом же, прелаты были воинствующим классом. Ни один из пап данного периода не носил латы, как это делал Иоанн XII, а позже — Юлий II, однако лишь немногие из понтификов (если таковые вообще встречались) отказывались поощрять войну во имя религии. Епископы и аббаты часто были в числе храбрейших воинов, они вели свои войска в самую гущу сражения, как на европейской территории, так и под солнцем Сирии. Монахи и священники носили броню и шли на битву. Когда папа просил об освобождении воинственного епископа Бове, взятого в плен Ричардом Львиное Сердце, Ричард послал ему залитые кровью доспехи епископа со словами из истории Иосифа: «Мы это нашли; посмотри, сына ли твоего это одежда, или нет». Архиепископ Христиан Майнцский (ум. в 1183), говорят, собственноручно сразил девять противников в Ломбардской войне и выбил зубы еще тридцати. Авессалом и Андрей из Лунда были знаменитыми воинами¹⁹⁴⁷. Воинами были также Одон из Байе, Роджер из Йорка, его преемник Джеффри и многие английские прелаты. Аббат Генрих, позже архиепископ Нарбонна, встал во главе армий, посланных против альбигойцев, и в своем монашеском одеянии вдохновлял кровопролитие больше, чем мог бы сделать в военных доспехах.

Целомудрие епископов часто подвергалось вполне оправданному сомнению. Епископ Христиан, которого мы только что упоминали, верный союзник Барба-

¹⁹⁴²Третий Латеранский собор, *can.* 19, Четвертый Латеранский, *can.* 46. Этот принцип был признан Фридрихом II, 1220. Также Нарбонн, 1127, *can.* 12; Тулуза, 1229, *can.* 20 sq., etc.

¹⁹⁴³Третий Латеранский, *can.* 15.

¹⁹⁴⁴*Epp.*, 112, 121.

¹⁹⁴⁵*Subsidium charitativum* (Третий Латеранский).

¹⁹⁴⁶*Ethica*, 25, Migne, 178. 672 sq.

¹⁹⁴⁷См. список прелатов-воинов в Hurter, III. 292 sqq.

россы, содержал гарем¹⁹⁴⁹. Когда назначение Джеффри Риддела на пост епископа Эли утверждалось в папском суде, а сам Джеффри отсутствовал, епископ Орлеана дал шутовское объяснение: «Он женился, поэтому не может прийти»¹⁹⁵⁰. Но, вероятно, самый примечательный случай бесчестия мы имеем в лице Генриха Льежского, князя-епископа Льежа. Против него были выдвинуты обвинения перед Григорием X на Втором Лионском соборе, и он был вынужден отказаться от поста. Генрих был неграмотным и не смог прочесть книгу, которую ему дали. В течение тридцати лет он вел распутную жизнь. Среди его наложниц были две аббатисы и одна монахиня, и он хвалился, что за двадцать два месяца стал отцом четырнадцати детей. Иннокентий IV был его другом и покровителем. Салимбене рассказывает популярную историю о том, как святой цистерцианец того времени Годефруа Пероннский вернулся из мира иного и объявил, что, если бы он согласился стать епископом Турне, как просил его папа, то он горел бы теперь в аду. На страницах летописей мы находим описания многих недостойных прелатов, увлекавшихся вином и предававшихся страстям, но там есть и описания нескольких образцовых пастырей¹⁹⁵¹.

Репутация прелатов Германии была не лучше, чем у итальянских. Как сообщает Цезарий Гейстербахский¹⁹⁵², один парижский клирик заявил ему, что «готов поверить во что угодно, но только не в то, что кто-нибудь из германских епископов спасется». Когда его спросили о причине такого мнения, он ответил, что германские прелаты носили мечи, сражались на войне и больше беспокоились о деньгах для воинов, чем о спасении вверенных их заботе душ.

Противоположная сторона этой картины представлена не столь широко. Летописцы больше говорят о скандальном поведении священников, нежели о клирической верности. Существовали хранящие веру и добродетельные епископы и аббаты. Достаточно упомянуть только имена Ансельма Кентерберийского и Гуго из Линкольна, Бернара и Петра Достопочтенного, чтобы понять: не все прелаты были распутными и недостойными.

§126. Низший клир

Душепопечительство (*regimen animarum*) на Четвертом Латеранском соборе, след за Григорием Великим, было признано искусством искусств, и епископов призвали следить за тем, чтобы бенефиции доставались служителям образованным и высокоморальным. Людей учили уважать священника ради его святого служения, а пятая заповедь толковалась как Божье наставление повиноваться священнику¹⁹⁵³.

По-прежнему действовало старое правило, согласно которому канонический возраст для рукоположения в священники составлял двадцать пять лет. Соборы и папы постоянно упоминали об обязательных для священника моральных качествах, таких как честность, умеренность в употреблении крепких напитков¹⁹⁵⁴,

¹⁹⁴⁹Gregorovius, IV. 610.

¹⁹⁵⁰*Hoveden*, Stubbs ed., II. 58.

¹⁹⁵¹Coulton ed., p. 264 sqq.

¹⁹⁵²*Dial.*, II. 27, Strange ed., I. 99.

¹⁹⁵³Иннокентий III, *Ep.*, II. 142. Как говорит Hurter (III. 388), «папа сотни раз напоминал священникам о необходимости повиноваться высшим чинам церкви и говорил, что “зло непослушания — это преступление идолопоклонства” (*inobedientiae malum est scelus idolatriae*)».

¹⁹⁵⁴Четвертый Латеранский, *can.* 15.

простота в питании и одежде, полный отказ от ростовщичества¹⁹⁵⁵. Священникам запрещалось ходить в таверны, играть в кости, посещать театральные и шутовские представления, допускать танцы в церковном здании и на церковном дворе.

Старые правила были обновлены. Было запрещено назначать священниками людей с физическими недостатками, и Иннокентий III укорял епископа Ангулемского, когда тот рукоположил священником человека, потерявшего палец¹⁹⁵⁶.

Начиная с XII века количество приходов быстро увеличивалось и в сельской местности, и в городах. В германских городах жители поощряли деление старых приходов, как во Фрейбурге, Майнце, Вормсе и Любеке; они настаивали также на своем праве выбирать пастырей¹⁹⁵⁷. С другой стороны, церкви активно создавались силами монастырей. Так, в Германии монастыри управляли тысячами церквей¹⁹⁵⁸. XI — XII века особо выделяются как эпоха строительства церквей.

В Англии происходило то же, что в Германии. Но там церкви и часовни чаще основывались богатыми и благочестивыми мирянами. Конечно, и такие приходы нередко попадали в распоряжение орденов, но значительная их доля оказывалась также в ведении кафедральных капитулов и епископов.

Доходы клириков в те дни были еще более неоднородными, чем теперь. Беднейшие германские священники получали от одной десятой до одной двадцатой дохода более удачливых ректоров и каноников¹⁹⁵⁹. Четвертый Латеранский собор объяснял недостаточную обученность служителей низкими доходами.

Клирики жили прежде всего на доходы от земель и десятину. По теории, одна десятая доходов принадлежала церкви, «ибо Господня земля, и что наполняет ее». Этот принцип распространялся на десятую часть уловов рыбы, добычи охотника и продаваемых товаров¹⁹⁶⁰. Клирики также получали плату за особые службы, от крещения до похорон, и за обряды, касающиеся душ усопших. Такие выплаты распространились после XII века, но звучали и решительные протесты против них. Второй Латеранский и другие синоды¹⁹⁶¹ запрещали священникам взимать плату за проведение крещения, бракосочетания, елеосвящения и других обрядов, а также за похороны. Иннокентий III утверждал, что, хотя дары в подобных случаях уместны, они должны быть добровольными, а не вынужденными. Четвертый Латеранский собор призывал мирян противостоять таким злоупотреблениям.

Священников, которые получали свои бенефиции от мирян, сравнивали с ворами, которые не входят в дверь, а проникают в дом иными способами. Мирянин-покровитель имел право назначения священника (*presentatio*), епископу же принадлежало право подтверждения (*concessio*). Мирянин, который осмеливался

¹⁹⁵⁵ Ростовщичество, которое так часто запрещалось священникам, запрещалось и мирянам (*laicus usura dampnabilis est* (Gratiani Decr. causa, XIV. 4, 9, Friedberg ed., I. 737).

¹⁹⁵⁶ *Ep.*, I. 231.

¹⁹⁵⁷ Nauck, IV. 29 sqq.

¹⁹⁵⁸ В «Декреталях» Григория обсуждаются часовни, подведомственные монахам (Friedberg ed., II. 607 sqq.).

¹⁹⁵⁹ Nauck, IV. 47 sq. В некоторых епархиях священники, как сообщают, получали только одну шестнадцатую от собираемой ими десятины, а остальное присваивал мирянин-покровитель или епископ. Так говорилось на синоде в Майнце (Hefele, VI. 75).

¹⁹⁶⁰ Это последнее притязание, выдвинутое архиепископом Бергена, было отвергнуто Иннокентием III (*Ep.*, I. 217).

¹⁹⁶¹ Пьяченца (1095); Лондон (1138, 1175); Оксфорд (1222); Трир (1227) etc. Цезарий Гейстербахский (*Dial.*, II. 7) рассказывает о священниках, которые за подкуп совершали похоронный обряд над неверующими.

вверить кому-либо приход без согласия церковных властей, подлежал отлучению¹⁹⁶². Рассказывалось много историй о клириках, которые купили свое рукоположение и бенефиции, а потом кусали себе языки в раскаянии¹⁹⁶³. Несмотря на постановления общих и поместных синодов¹⁹⁶⁴, практиковалось совместительство служений.

Идеалом верного священника был не проповедник, а тот, кто исправно совершает таинства и другие церковные обряды для живых и мертвых. Хотя священники не отличались образованностью, они превосходили в этом отношении своих собратьев мирян и вовсе не были такими невеждами, какими их часто представляют. Некоторые авторы действительно высмеивали невежество клира, но на основании их примеров опасно делать обобщения. Можно процитировать и высказывания другого рода, говорящие о том, что литературные интересы священников были настолько широки, насколько позволяла та эпоха. Существовавшие образовательные учреждения предназначались прежде всего для подготовки священников. Синоды предполагали, что клирики умеют читать, и предписывали им читать свои бревиарии, находясь в путешествии. Петр Блуаский призывал их читать Писание, которое он называет арфой Давида, плугом, вспахивающим поле сердца, и сравнивает с напитком, лекарством, бальзамом и оружием. Он также предостерегал священников, чтобы они не позволяли себе «обольщаться наивностями языческой литературы и выдумками философов». Возникшие университеты предоставили все возможности для развития культуры, и студенты, посещавшие их, были клириками или людьми, собиравшимися получить священный чин. Кельнский синод 1260 г., вероятно, установил золотую середину общецерковного образования, заявив, что от клириков не требуется выдающейся учености, однако они должны уметь читать и правильно петь церковную службу.

Нельзя сказать, что в приходах полностью пренебрегали проповедью. Четвертый Латеранский собор призывал епископов назначать людей для проповедования по всем соборным и монастырским церквям. В XI веке в Германии вряд ли был приход, где в течение года не произносилось бы ни одной проповеди, а в последующее время проповеди стали читаться регулярно¹⁹⁶⁵. Проповеди читались иногда на латыни, иногда на немецком языке. Те, что дошли до нас, полны историй и практических примеров и больше основаны на отцах церкви, чем на Писании. В Англии и других районах Европы чтение проповедей было распространено меньше. Английские священники обязаны были разъяснять символ веры, десять заповедей, евангельские предписания, семь добрых дел, семь основных добродетелей и семь таинств и освещать эти темы раз в три месяца. Гроссетест призывал их усердно навещать больных днем и ночью, проповедовать и внимательно читать Писания, чтобы быть в состоянии дать отчет о своем уповании¹⁹⁶⁶. В районах, пораженных альбигойской ересью, детей было велено учить

¹⁹⁶² Первый Латеранский, *can.* 9; Второй Латеранский, *can.* 10; Третий Латеранский, *can.* 17; синоды в Ниме (1096), Труа (1107), Реймсе (1119), etc. Декреталии Григория много говорят на тему покровителей и их прав (Friedberg ed., II. 609-622). Иннокентий III сформулировал правило, *quod beneficia non possint conferri per saeculares* (*Ep.*, I. 64, IX. 234, цит. в Hurter, III. 381).

¹⁹⁶³ Hurter, III. 395.

¹⁹⁶⁴ Третий Латеранский, *can.* 13; Четвертый Латеранский, *can.* 29; Париж (1212), etc.

¹⁹⁶⁵ Nauck, IV. 40. Cruel (*Deutsche Predigt*, etc.) менее оптимистичен и считает, что половина германского клира в XIII веке была необразованной и не способной проповедовать. Coulton (p. 277), говоря в основном об Италии, упоминает о «беспредельной безграмотности клира, которой мы можем только поражаться».

догматам христианской веры. Нищенствующие монахи были странствующими проповедниками и удовлетворяли потребность народа в наставлении. Иногда проповеди даже запрещались из-за невежества священников (синод в Оксфорде, 1281).

Не менее важной функцией священника был надзор за завещаниями и за тем, чтобы церкви уделялось в них подобающее место. Государственные законы, противоречащие этому обычаю, устранялись. Синоды признавали наличие злоупотреблений в этом вопросе, и Парижский синод (1212) даже постановил, чтобы мирян не вынуждали упоминать в своих завещаниях об уплате за тридцать посмертных месс. Подпись священника удостоверяла действительность завещания, и некоторые синоды угрожали отлучением тому, кто не зовет священника для подтверждения своей последней воли¹⁹⁶⁷.

Если говорить о священнике как о члене общества, то церковь с непоколебимой уверенностью настаивала на его независимости от светского суда. В VII веке Гераклий даровал клиру, даже в случае уголовных преступлений, право быть судимым в церковном суде. Вымысел Исидора полностью поддерживал такую теорию. Из-за этой и других привилегий многие желающие получали низшие клерикальные чины, не намереваясь исполнять церковные служения. Соборы один за другим объявляли личность священника неприкосновенной. Иннокентий III особенно настаивал на этом¹⁹⁶⁸. Насилие по отношению к священнику наказывалось анафемой. Гражданским властям, которые осмеливались привлекать клириков к своему суду, угрожали той же карой¹⁹⁶⁹. Но подобное законодательство не обеспечивало полной безопасности священников и не спасало церковной собственности от разграбления. В Англии самый примечательный пример этого — Фома Бекет. Епископу Кейтнесса отрезали язык. С одним испанским епископом таким же образом поступил король Арагона. В Германии убили отличавшегося ученостью епископа Дитриха Наумбургского (1123); та же судьба постигла Конрада, епископа Утрехта (1099), Арнольда, епископа Мерсебурга (1126) и других. Лаврентий, архидиакон Йорка, был убит рыцарем в притворе собственной церкви. На жизнь Норберта Магдебургского покушались дважды¹⁹⁷⁰. Принципы, которыми руководствовалась церковь при наказании преступлений, совершенных священником, были заложены Целестином III (1192). Воровство, убийство, нарушение клятвы и другие «смертные грехи» наказывались смещением с должности. Если священник упорствовал и продолжал совершать преступления, его отлучали от церкви, и, наконец, передавали на суд государству¹⁹⁷¹.

Раздавалось немало жалоб в связи с применением канонического права. Роджер Бэкон жаловался на то, что потратил в Болонье время на его изучение. Он считал, что такое изучение стирает грань между клириками и мирянами. Доктора закона называли себя клириками, хотя не носили тонзуры и могли жениться.

¹⁹⁶⁶ Конституции Оттона, 1237 (Grosseteste, *Letters*, LI, Luard ed., p. 154 sqq.).

¹⁹⁶⁷ Синоды в Кэшеле (1171), Нарбонне (1127), Руане (1231) и т. д.

¹⁹⁶⁸ *Ep.*, VI. 199, etc. В послании к архиепископу Пизы он выражает удивление по тому поводу, что архиепископ отправил клирика, которого оскорбил мирянин, решать свое дело в светском суде (*Ep.*, IX. 63).

¹⁹⁶⁹ Клермон (1095, 1130); Реймс (1131, 1148); Второй Латеранский, Третий Латеранский, *can.* 12, etc.

¹⁹⁷⁰ Иннокентий III, *Ep.*, V. 79; М. Парис, IV. 578; Hauck, IV. 83 sqq.; М. Парис, IV. 496; *vita Norberti*, 18. Салимбене рассказывает об убийстве епископа Мантуи в ходе политического спора (Coulton ed., p. 35).

¹⁹⁷¹ Григорий, *Decret.*, II. 1, 10, Friedberg ed., II. 242.

По его мнению, если уж клирики и миряне должны подчиняться одному закону, то это должен быть закон Англии для англичан и закон Франции для французов, а не закон Ломбардии для всех.

Поведение клириков постоянно обсуждалось на соборах. Рукоположение не освобождало от тщеславия и любви к хвастовству. Из-за крайностей, допускаемых епископами и другими представителями клира в плане одежды и украшений, возникало много скандалов. Третий Латеранский собор попытался ограничить тщеславие и хвастовство, запретив архиепископам иметь в свите более 40-50 всадников, кардиналам — более 25 всадников, епископам — более 20-30 всадников. Архидиаконам полагалось 5-7 сопровождающих, диаконам — 2 (хотя, конечно же, большие свиты объясняются соображениями безопасности в тот век насилия, когда не существовало общественной охраны порядка). Особой помпезностью отличалась охота, и епископам было запрещено брать с собой борзых или соколов, когда они отправлялись с визитами. В некоторых местах священникам вообще запрещалось иметь собак и охотиться¹⁹⁷².

Часто клириков упрекали за любовь к ярким нарядам. На юге Франции священники осмеливались одеваться в красное и зеленое и заменять строгое одеяние изысканными развевающимися плащами. Они следовали моде того времени, украшая себя пряжками, золотыми и серебряными поясами, скрывая тонзуру под длинными волосами. Они носили туфли по последней моде, щеголяли шелковыми перчатками и позолоченными шпорами. На их лошадях были позолоченные удила и позолоченные седла¹⁹⁷³.

Хотя атмосфера века была воинственной и существовало много воюющих прелатов, законодательство церкви выступало против сражающегося клира. Ему неоднократно запрещалось ношение мечей, кинжалов и доспехов. Разграничивались войны для уничтожения ереси и раздоры между христианами-католиками. По поводу первых Петр де Рош, епископ Винчестера, сказал: «Врагов Христа мы будем убивать и очистим лицо земли, чтобы весь мир был подчинен одной Католической церкви и стал одним стадом с одним пастырем»¹⁹⁷⁴. Священникам запрещалось посещать казни, турниры и дуэли на том основании, что эти поединки могут привести к смерти кого-то из участников. Если участник поединка получал смертельную рану, для него проводилось таинство, но ему отказывали в церковном погребении¹⁹⁷⁵. Четвертый Латеранский собор официально призывал священников не выносить смертный приговор и не приводить его в исполнение. Тот же самый собор запрещал диаконам, иподиаконам и священникам заниматься хирургией, так как для этого неизбежно приходится резать и прижигать тело.

К началу нашего периода относится мрачная картина нравственности клириков, нарисованная Петром Дамиани, который сравнивал ее с нравами жителей городов равнины¹⁹⁷⁶. Бернар, осуждая клириков за ношение военной формы сто лет спустя, заявлял, что они не обладали ни отвагой воинов, ни добродетелями священников¹⁹⁷⁷. А еще через сто лет Гроссетест, описывая упадок нравов и рели-

¹⁹⁷² Третий Латеранский и т. д.

¹⁹⁷³ Четвертый Латеранский, *can.* 16; Суассон (1079), Лондон (1102, 1175); Реймс (1171); Париж (1212); Монпелье (1215), etc. В посланиях Иннокентия III также упоминается мирской облик священников (см. Hurter, III. 391).

¹⁹⁷⁴ M. Paris, *an.* 1238.

¹⁹⁷⁵ Руан (1083), Суассон (1079); Клермон (1095); Четвертый Латеранский; Трир (1227); Руан (1231). Конституции Оттона (1237) и т. д.

¹⁹⁷⁶ {См. Вт. 3:10; Нав. 13:21 и т.п.}

гиозное состояние английского народа, говорил, что во всем виноваты аморальные клирики.

В кости играли даже на алтарях Нотр-Дама в Париже¹⁹⁷⁸, и в актах синодов священникам часто запрещается игра в кости. Священники были также виновны в чрезмерном употреблении вина, а Салимбене знал итальянских клириков, которые торговали вином и содержали таверны¹⁹⁷⁹. Согласно Цезарию Гейстербахскому, освящение церковей нередко сопровождалось обильными возлияниями. Некий священник из Девоншира постоянно варил пиво в здании церкви.

Самой знаменитое описание, вероятно, принадлежит Иакову Витрийскому, характеризующему состояние нравственности в Париже. Он говорит, что блуд не считался грехом среди клириков. Блудницы ходили по улицам и усердно зазывали их в свои апартаменты. Если же клирики отказывались, то женщины показывали на них пальцами, крича: «Содомиты!» Дела обстояли крайне плохо, и свирепствовала проказа, так что одна или более наложниц считались даже при знаком поряdochности. В одном и том же здании наверху находились университетские классы, а внизу жили блудницы. На верхнем этаже преподавали учителя, а на нижнем распутницы занимались своим ремеслом. В одной части здания женщины решали дела со своими сводниками, в другой клирики занимались своими спорами¹⁹⁸⁰.

Четвертый Латеранский собор упрекал епископов в том, что они проводят ночи за кутежами и распутством. Пост архиепископа Руана в течение 113 лет занимали три скандально известных прелата. Двое из них были незаконными графскими детьми, и все они соперничали с окружавшими баронами или даже превосходили их в плане бурной и развратной жизни. Примечателен случай с папским легатом кардиналом Иоанном из Кремы. Он провел собор, который запретил священникам и низшему клиру иметь жен или наложниц, а затем направился к епископу Дарема, чтобы прекратить дебоши, которыми славился его дворец. Но епископ подослал к нему женщину, от услуг которой кардинал не смог отказаться, и епископ выставил кардинала на посмешище, уличив в блуде.

Клирики продолжали вступать в брак и жить с наложницами, несмотря на законодательство Гильдебранда. Иннокентий III соглашался с Гильдебрандом: священник, у которого есть семья, уделяет ей часть своей любви и не может посвящать Богу и церкви все свое время и все свои мысли¹⁹⁸¹. Такие авторы, как Салимбене и Цезарий Гейстербахский, сурово отзываются о женатых священниках. Согласно Четвертому Латеранскому собору, епископы не только нарушали каноны церкви, предаваясь «плотскому греху», как говорил Григорий VII, но и закрывали глаза на грехи священников, получая за это от них денежную плату. Среди священников было распространено высказывание: *si non caste, caute* («если и не целомудренный, то, по крайней мере, осторожный»), которым они извращенно толковали слова Павла: «Если не могут воздержаться {=быть осторожными}, пусть вступают в брак». Бонавентура, хорошо знакомый с фактами, заявлял, «что очень многие клирики явно нецеломудренны, держат наложниц у себя дома и в других местах или открыто грешат тут и там со многими»¹⁹⁸².

¹⁹⁷⁷ *De consid.*, III. 5 (*habitu milites, quaestu clericos, actu neutrum exhibent*).

¹⁹⁷⁸ *Chart. univ. Paris*, I. No. 470.

¹⁹⁷⁹ Coulton ed., 272 sqq.

¹⁹⁸⁰ См. текст; Rashdall, *Universities*, II. 690.

¹⁹⁸¹ *Ep.*, I. 469, VI. 103, etc., Migne, 214. 436; 215. 110.

Ситуация была достаточно плачевной, если уж обычаи священников XIV века сравнивались с нравами папства второй половины XV века. Кто может забыть о примере и любовницах первого и единственного шотландского кардинала архиепископа Битона, который осудил Патрика Гамильтона и Уишарта на смерть! А разве швейцарские деятели Реформации Буллингер и Леон Юд не были сыновьями священников? А разве Цвингли, несмотря на нарушение закона воздержания, не оставался так долго на хорошем счету, пока пребывал в рядах католиков?

Однако нарушение церковного закона о celibate не всегда было нарушением морального закона. Многие священники хотя и не вступали в брак официально, но честно жили со своими избранницами, заботились о них и оберегали их семьи. Распоряжение римского понтифика, противоречащее заповеди Всемогущего Бога, стало одним из самых пагубных постановлений папского законодательства и нанесло церкви несказанный урон.

§127. Соборы

Законы, принятые на общих и поместных синодах в эту эпоху, самым впечатляющим образом свидетельствуют о моральных идеалах церкви и о ее попытках провести моральные реформы. Большое количество соборов в сравнении с периодом непосредственно до 1050 г., — это хороший признак¹⁹⁸³. Они решали в основном дисциплинарные и моральные вопросы. Они принимали постановления об отношениях церкви и империи, об избрании папы, против симонии и брака священников, о ереси и мерах по ее подавлению, о крестовых походах и Божьем мире, о нормах поведения и об одежде священников, а также об обрядах поклонения. Учение о пресуществлении, закрепленное на Четвертом Латеранском соборе, было единственным учением, которое церковные власти добавили к списку великих догм, полученных от ранней церкви.

В зависимости от времени, актуальным становился то один вопрос, то другой. Направленность законодательной деятельности зависела также от места. Синоды в Риме во второй половине XI века обсуждали celibat, симонию и инвеституру мирян. Синоды в Южной Франции и Испании начиная с 1200 г., принимали много постановлений о ереси. Синоды в Англии и Германии больше беспокоились о стандартах поклонения и поведения клириков.

Примечательная особенность — посещение папами синодов, проводившихся вне Рима. Лев IX посещал синоды во Франции и Германии, а не только в Италии. Урбан II председательствовал на великом синоде в Клермоне (1095). Иннокентий II посетил ряд синодов вне Рима. Александр III присутствовал на важном синоде в Туре, где по его правую руку сидел Фома Бекет. Люций III председательствовал на соборе в Вероне (1184). Иннокентий IV и Григорий X заседали на первом и втором соборах в Лионе. Такие соборы приобретали двойной вес, так как там присутствовал глава христианского мира. Синоды можно поделить на три класса.

I. *Поместные синоды* (1050 — 1122). Синоды, которые проводились в этот гильдебрандовский период, знаменовали новую эру церковной истории. Основные синоды состоялись в Риме; начиная с 1049 г. они продвигали реформаторское законодательство, насаждая celibat священников и запрещая симонию. Кульминация законодательства против инвеституры мирян приходится на вели-

¹⁹⁸² *Libellus apologet. и Quare fratres Minores praedicant.*

¹⁹⁸³ Hergenröther (*Kathol. Kirchenrecht*, p. 342) говорит о редкости синодов в 900 — 1050 г. как о признаке слабости католической дисциплины.

копостные синоды в Риме (1074 и 1075), на которых председательствовал Григорий VII. Поместные синоды, особенно во Франции и Англии, повторили эти законы. Метод избрания папы был установлен Римским синодом, который провел Николай, и подтвержден Третьим Латеранским собором (1179). Учение о вечере Господней, в поддержку которого выступал Беренгар (ум. в 1088), привлекало к себе внимание в Риме, в Верчелли (1050) и вновь в Риме (1059 и 1079). Законы о возврате Святой Земли были приняты в Пьяченце и, уже более основательно, на синоде в Клермоне (оба — 1095).

II. *Общекатолические соборы*. За сто пятьдесят лет (1123 — 1274) состоялось шесть общих соборов, в сравнении с восемью с 325 по 869 г. — то есть за пятьсот лет. Первые четыре носят название Латеранских, от Латеранского дворца в Риме, где они проходили. Последние два проводились в Лионе. Они были созданы папами, и светские правители не имели ничего общего с их созывом¹⁹⁸⁴. На них председательствовали папы, и перечни вопросов составлялись под папским руководством. Папы ратифицировали их постановления. Первый канон Первого Латеранского собора гласил: «Властью апостольского престола мы запрещаем...» (*Auctoritate sedis apostol. prohibemus...*). Однако согласие собравшихся прелатов было обязательно; формулировка гласила: «с согласия священного синода» или «в ходе совещания священного синода» (*sacro approbante concilio* или *sacro praesente concilio*). Так было на Четвертом Латеранском.

Вот шесть общих соборов.

1. I Латеранский (1123) созванный Калликстом II (Латинская церковь называет его IX Вселенским собором). Его главной задачей была ратификация Вормского конкордата. Это был первый общий собор, запретивший брак священников. На нем были вновь приняты законы Урбана II, гарантировавшего индульгенции крестоносцам.

2. II Латеранский собор (1139) открылся обращением Иннокентия II, завершил недавний папский раскол и высказался против заблуждений Арнольда Брешианского.

3. III Латеранский собор (1179) под председательством Александра III официально признал восстановление мира между церковью и империей и, вернувшись к канонам Второго Латеранского, принял законы против катаров и патаренов. Он постановил отделить церкви и кладбища от прокаженных. На нем присутствовало двести семьдесят семь, а по другим данным — триста или триста девяносто шесть епископов.

4. IV Латеранский собор, или Двенадцатый Вселенский (1215), ознаменовал целую эпоху в Средневековье. На нем была учреждена инквизиция и сформулировано учение о пресуществлении — два решения средневековой церкви, которые имели самые далеко идущие последствия. На соборе доминировал Иннокентий III, его дисциплинарные и моральные каноны соответствовали возвышенным критериям и сами по себе могли бы прославить это собрание. Здесь было рассмотрено дело Раймунда Тулузского, здесь был назначен на 1217 г. крестовый поход, который впоследствии доставил столько хлопот Фридриху II и двум непосредственным преемникам Иннокентия. Новой особенностью было присутствие ряда латинских патриархов с Востока, авторитет которых был невысок, но титулы почетны. Решения собора цитировались как авторитетные Бонавентурой и Фомой Аквинатом¹⁹⁸⁵.

¹⁹⁸⁴ Döllinger-Friedrich, *D. Papstthum*, p. 88 sqq.

5. Первый собор в Лионе (1245), на котором председательствовал Иннокентий IV, прославился благодаря низложению императора Фридриха II. На нем также говорилось о плачевном положении Иерусалима и об угрозе татар в Восточной Европе.

6. Второй Лионский, или Четырнадцатый Вселенский собор (1274) был созван Григорием X. На нем присутствовало пятьсот епископов и тысяча прочих церковных деятелей. Григорий открыл заседания обращением, как Иннокентий III открывал Четвертый Латеранский, а Иннокентий IV — Первый Лионский собор. Первый канон из тридцати одного канона этого собора вновь утвердил учение об исхождении Святого Духа от Сына. На нем были повторены законы Четвертого Латеранского собора, запрещающие учреждение новых монашеских орденов. Попытка воссоединить церкви Запада и Востока придавала этому собору первостепенную важность. Восточные церкви были представлены внушительной делегацией.

Эти общие соборы имели значение благодаря вопросам, которые на них обсуждались, и людям, которые на них собирались. Они оказали влияние на объединение всех областей западного христианского мира и на формирование их верно-сти апостольскому престолу как нормы христианского единства.

III. *Поместные синоды* (1122 — 1294). Некоторые поместные синоды XII — XIII веков имеют еще большее значение, чем некоторые общие соборы того же периода. Постановления всех этих соборов призывали к подавлению ереси. Некоторые из них имели более широкое значение — например, Турский синод 1163 г., где, помимо Франции, были представлены Испания, Сицилия, Италия, Англия, Шотландия и Ирландия. Там присутствовали Александр III и семнадцать кардиналов. Синод принял законы против ереси.

Синод в Вероне (1184) принял длинное и примечательное постановление по поводу суда над еретиками и их наказания. На нем была выслушана просьба вальденсов, но им было отказано в ее удовлетворении.

Синод в Трире (1227) принял важные каноны в связи с отправлением таинств.

Синод в Тулузе (1229), где председательствовал папский легат, ознаменовал завершение крестовых походов против альбигойцев и усовершенствовал кодекс инквизиции. Его нельзя не отметить среди великих синодов, поскольку на нем было принято постановление, запрещавшее мирянам иметь Библию.

Эти синоды были великими событиями, просвещавшими тот век и стимулировавшими мышление. Хотя их меры против церковных нестроений и некоторые другие решения были неверными, в целом их законотворчество двигалось в верном направлении, призывая к чистоте нравов и защищая права людей.

§128. Церковь и клир в Англии

ЛИТЕРАТУРА. I. Труды Уильяма из Малмсбери, Уильяма из Ньюбурга, Генриха из Хантингдона, Роджера из Вендовера, М. Париса, Ричарда из Ховедена, Иоанна Солсберийского, Вальтера Мэпа, Геральда Камбрейского, Ордерика Виталия, Петра Блуаского, Гроссестета и др.

II. PHILLIMORE. *The Eccles. Law of Engl.*, 2 vols. Lond., 1873, *Supplem.*, 1870. — STUBBS: *Select Charters of Engl. Const. Hist.*, 8th ed., Oxf., 1896; *Constit. Hist. of Engl.*, 6th ed., 1897, 3 vols. — GEE AND HARDY: *Documents Illustr. of Engl. Ch. Hist.*, Lond., 1896. — F. W. MAITLAND: *Rom. Canon Law in the Ch. of Engl.*, Lond., 1898. — JESSOPP: *The Coming of the Friars*. — H. D. TRAILL: *Social England, a Record of the Progress of the People*, etc., 2 vols.

¹⁹⁸⁵ *Summa, supplem.*, VIII. 4, Migne, IV. 946, etc.

Lond., 2^d ed., 1894. — W. R. W. STEPHENS: *A Hist. of the Engl. Church, 1066 — 1272*, Lond., 1901. FREEMAN: *The Norman Conquest and William Rufus*. Истории Англии и Английской церкви, etc. — *Dict. of Nat. Biogr.*

После норманнского завоевания римская курия стала проявлять неустанную заботу об Английской церкви и стремилась получать от нее доход. Хотя саксонские короли почтительно относились к папам, что видно из их визитов в Рим и уплаты лепты святого Петра, дикость, царившая в стране во время вторжений датчан, не способствовала возникновению симпатий к церковным правителям с юга. Генрих из Хантингдона называл Англию своего времени (XII века) «развешенной Англией»¹⁹⁸⁶ и говорил, что англичане — свободный народ, легкий по духу и в речах, но еще более вольный в деяниях, живущий в изобилии сам и имеющий возможность выделить что-то своим заморским соседям. Римляне быстро обнаружили это и относились к Английской церкви как к изобилующему сокровищами руднику, который следует разрабатывать. Вероятно, ни к одной другой стране христианского мира ими не предъявлялось столько неустанных и беззащитных требований по поводу церковного покровительства и имущества¹⁹⁸⁷. С другой стороны, ни одна страна так упорно не отстаивала национальные права церкви и государства против поползновений папы и короны.

Одними из первых посягательств папы на свободу Английской церкви было назначение легатов и требование, чтобы архиепископ отправился в Рим для получения паллия. Похоже, что первые легаты были посланы в Англию еще по приглашению Вильгельма Завоевателя (1070) для рассмотрения дела Стиганда, саксонского архиепископа Кентербери, который поддержал антипапу. Вскоре назначению иноземных легатов стали сопротивляться, а когда нескольких представителей папы отказались принять, Римский престол был вынужден уступить и разрешил архиепископам Кентербери и Йорка выступать на правах своих легатов — однако из этого правила было много исключений. Легаты английского происхождения назывались *legati nati*, в отличие от иноземных представителей, называемых *legati a latere*.

Право папы вмешиваться в назначение епископов и распределение бенефициев было утверждено вскоре после смерти Вильгельма Завоевателя. В этих вопросах король имел почти такое же сильное влияние. Папы много раз отменяли проведенные в капитулах выборы либо по собственному желанию, либо по просьбе короля. Евгений III отверг кандидатуру Уильяма, которого каноники избрали архиепископом Йорка. Стефан Лангтон (1207), Эдмунд Рич (1234), францисканец Килвардби (1273), Пекхем (1279) и Рейнольдс (1313) — все архиепископы Кентербери — были назначены вместо кандидатов, выбранных канониками. Бонавентура сменил Уильяма Лангтона, избранного архиепископом Йорка, в 1264 г. Подобное случалось постоянно. Епископы, уже посвященные в должность, смецались папой в силу «полноты его власти», как в случае, когда Ричард из Бери (ум. в 1345) сменил Роберта Грейстана в епархии Дарема.

Такое насилие над правами капитулов вело к большому количеству споров. Почти каждому епископу приходилось выдержать битву с Римом, чтобы получить свою епархию. Между 1215 и 1264 г. в Риме рассматривалось не менее тридцати случаев, когда избрание епископа оспаривалось. Папе или королю пра-

¹⁹⁸⁶ *Anglia plena jocis (merrie England)*. Уильям Фиц-Стефан (цит. в Traill, I. 377 sq.) упоминает о любви англичан той эпохи к спорту — игре в мяч, лодочным гонкам, стрельбе из лука и т. д.

¹⁹⁸⁷ Haller, *Papsttum*, p. 27.

ктически всегда удавалось найти в капитуле несогласующееся меньшинство и посредством апелляции обеспечить слушание в Риме, оканчивающееся полным пересмотром решения капитула. Из четырехсот семидесяти декреталий Александра III, принятых Григорием IX, около ста восьмидесяти касаются Англии¹⁹⁸⁸.

Регулярное распределение бенефициев также нарушалось из-за пагубной привычки папства распоряжаться ими, в рассматриваемый период — вплоть до претензий на все высшие должности Английской церкви. Несколько позже, в 1317 г., верховный понтифик использовал право назначения прелатов в епархиях Ворчестера, Херефорда, Дарема и Рочестера; в 1320 г. — Линкольна и Винчестера; в 1322, 1323 г. — Личфилда и Винчестера; в 1325 г. — Карлайла и Норвича; в 1327 г. — Ворчестера, Эксета и Херефорда¹⁹⁸⁹.

Другим способом, с помощью которого папа устанавливал свое господство над Английской церковью, был перевод епископа с одного престола на другой. Это, говорит Матфей Парис (V. 228), «стало обычаем, так что одна церковь казалась любовницей другой».

Английскому клиру и баронам не нравилась такая практика, и они, как на Пасхальном, или Безумном парламенте (1258), требовали соблюдать решения капитула. Кларендонские конституции (1164) явно свидетельствовали о народной оппозиции, но папа продолжал идти своим путем.

Монастыри по большей части избежали вмешательства папы в избрание аббатов. Причина этого — в поддержке, которую ордена оказывали папе в борьбе за подчинение епископов. Корона также не осмеливалась вмешиваться, отпугиваемая компактной организацией монашеских орденов, которые упорядоченно выступали на защиту аббатства в случае нападения.

Участие английских епископов в палате лордов было прежде всего основано на рыцарской повинности. Отсюда вытекало право епископов принимать решения по общественным вопросам наравне с баронами. На момент, когда в палате лордов было менее сорока пэров-мирян, в ней было двадцать епископов и двадцать шесть аббатов. У большинства епископов и аббатов, похоже, были дома в Лондоне, который занял место Винчестера в качестве центра национальной жизни¹⁹⁹⁰. По мере того как доходы высших церковных чинов росли, знатные люди и члены царской семьи старались обеспечить эти должности своим сыновьям. Одон, епископ Байе (ум. в 1097), был братом Вильгельма Завоевателя. Два племянника Стефана стали, соответственно, епископом Дарема и архиепископом Йорка. Этельмар, брат Генриха III, получил винчестерский престол в 1250 г.¹⁹⁹¹, а архиепископат Кентербери достался дяде Генриха, Бонифацию. Джефри, сын Генриха II, был сделан епископом Линкольна еще в юности, а потом переведен в Йорк. Среди людей незнатного происхождения, получивших высшие церковные чины, были Эдмунд Рич и Роберт Килвардби.

Почетной канонизации были удостоены Гуго из Линкольна, Рич из Кентербери и Ричард Чичестерский, не говоря об Ансельме и Фоме Бекете. Было много высокомерных и воинственных прелатов, а обычаем, согласно которому епископы занимали высокое положение при дворе, не способствовал развитию религиозной

¹⁹⁸⁸ Maitland, p. 123; Jessopp приводит много случаев подобных апелляций.

¹⁹⁸⁹ Stubbs, III. 322 sq.

¹⁹⁹⁰ Fitzstephen, цит. в Traill, I. 383.

¹⁹⁹¹ Король пришел в капитул и заставил принять это решение. Папа ему уступил, но в доказательство того, что «зерно не попало на бесплодную почву и принесет урожай, тут же потребовал за Генрихова фаворита 5000 марок» (М. Парис, V. 179 sqq.).

добродетели. Ричард Фламбард, епископ Дарема при Вильгельме Рыжем; Гуго, епископ Личфилда (1188 — 1195); и Петр де Рош Винчестерский (1205 — 1238), поддерживавший Иоанна, — наиболее яркие примеры прелатов, которые исполняли свои обязанности без добродетели и ничему не научились. Уильяма Лонгшампа, епископа Эли и фаворита Ричарда I, сопровождала свита в 1000 человек¹⁹⁹². Собор в Лондоне (1237), на котором председательствовал кардинал-легат Оттон, напомнил епископам об их обязанности «сеять слово жизни на поле Господнем». А чтобы не забывать о своих обязанностях, они должны были дважды в год слушать чтение клятвы, которую они давали при посвящении.

Английские капитулы почти поровну распределялись между двумя классами клириков — из монахов и светскими. Монашескими капитулами были Кентербери, Винчестер, Дарем, Норвич, Ковентри, Рочестер, Ворчестер, Эли и Бат. Капитулы Йорка, Лондона, Эксетера, Личфилда, Уэллса, Херефорда, Линкольна, Солсбери, Ландаффа, Сент-Асафа, Сент-Дэвида и Чичестера состояли из светских клириков. Когда за капитулами утвердилось право самостоятельных организаций, их владения стали отделяться от владений епископа. Нередко епископ утрачивал свое влияние на капитул. Декан, если каноники были светскими, и приор, если они были монахами, фактически заменяли епископа на посту управляющего собором в случаях, когда епископ и каноники враждовали друг с другом. Однако Четвертый Латеранский собор признал высшее право епископа входить в церковь и вести богослужение. Третий Латеранский собор постановил, чтобы проблемы решались в капитуле в зависимости от мнения большинства, какими бы ни были традиционные обычаи.

Папа и английский король оспаривали друг у друга владение доходами Английской церкви, хотя, вероятно, папа победил короля. В правление Вильгельма Рыжего, как только высокий церковный чин умирал, королевский чиновник тут же составлял перепись его имущества и передавал его короне. В правление Стефана Блуаского злоупотреблений было столько, что появилась поговорка: «Христос и Его святые заснули». Престолы оставались незанятыми, чтобы корона могла присваивать себе доходы от них. Принцип обложения налогом церковной собственности не может не вызвать справедливой критики. Налоги на военное снаряжение, обусловленные рыцарской повинностью, восходят к саксонскому периоду. Во второй половине XII века вошла в моду новая система, старый налог был заменен денежной суммой. Первый налог на движимое имущество клира касался десятины и пожертвований, назывался *spiritualia* и, похоже, был введен в 1188 г. Генрихом II. Это был знаменитый Саладинов налог, на войну с турками¹⁹⁹³. Для выкупа Ричарда I налогами были обложены даже священная утварь и книги клириков. При Иоанне существовало множество налогов, но еще более требовательным в этом плане был Генрих III (1216 — 1272). В 1294 г. Эдуард I угрожал объявить клириков вне закона, если они откажутся отдать ему половину своих доходов на войну с Францией. Декан Св. Павла упрекнул короля за это неслыханное требование и умер от потрясения, когда на него обрушился королевский гнев. Хотя клирикам не хотелось платить эти поборы, говорят, что они редко отказывались отдавать десятину, когда парламент принимал соответствующее решение. Налоги на крестовые походы вводились непосредственно папами,

¹⁹⁹² Hurter (III. 331 sqq.) говорит об английских епископах времен Иннокентия III как о наиболее развратных. Stubbs (III. 327 sq.) считает заслугой епископов то, что лишь немногие были «удалены со своих престолов по причине какой-либо провинности».

¹⁹⁹³ Stubbs, II. 180.

а иногда — через короля. Еще в 1288 г. Николай IV даровал Эдуарду I десятину за шесть лет на крестовый поход¹⁹⁹⁴.

Папы получали от Англии доходы из трех источников: лепта святого Петра, дань Иоанна и особые налоги. Лепта святого Петра, которая, похоже, возникла при Оффе II, короле Мерсии, в VIII веке и была первой денежной данью, которую английский народ выплачивал Риму, изначально представляла собой добровольный дар, но потом стала считаться обязательной¹⁹⁹⁵. Неспособность быстро выплачивать эту дань была частой темой жалоб, с которыми папы обращались к королям и епископам. В посланиях к Генриху I (1115) и архиепископу Кентерберийскому Пасхалий напоминал им, что святому Петру не выплачена даже половина «дара». Иннокентий III дал своему легату строгие указания собирать лепту и жаловался, что епископы удерживают часть подати для собственных нужд. Налог в пенни на каждое хозяйство был сокращен до общей суммы 201 фунтов 7 шиллингов, но в 1306 г. Уильям де Теста, папский легат, получил распоряжение вернуться к первоначальной величине. Начиная с XIII века сбор лепты перешел из рук епископов в руки папского легата. Согласно закону Григория X, в каждую епархию были назначены два сборщика налога, каждый из которых получал по 3 сольди в день, а позже его плата была увеличена до 5 и 8 сольди. Лепта святого Петра, как и другие подати Риму, была упразднена законом Генриха VIII в 1534 г.

Дань в тысячу марок, обещанная Иоанном, выплачивалась народом очень неохотно или не выплачивалась вообще. В 1275 г. Иоанн XXI напоминал английскому королю о том, выплата этой суммы задерживается уже на семь лет. К 1301 г. долг составлял двенадцать тысяч марок. Похоже, эту дань перестали платить после 1334 г., а в 1366 г. парламент запретил ее дальнейшую выплату и отменил все задолженности начиная с 1334 г.¹⁹⁹⁶ Однако папы продолжали ее требовать, и она выплачивалась целиком или частично.

Особые налоги, устанавливаемые папой, предназначались для проведения крестовых походов на Востоке и борьбы с Фридрихом II, а также для возмещения расходов папского двора. Григорий IX (1229), с санкции короля, ввел десятину для собственных целей. Когда Иннокентий IV (1246) выдвинул чрезвычайное требование, пожелав, чтобы ему выплатили треть всех доходов клириков за три с половиной года, большое собрание епископов и аббатов в Рединге выступило против этого и потребовало созвать общий собор¹⁹⁹⁷.

Самым плодотворным методом обогащения за счет доходов Английской церкви, который использовал Рим, была реквизиция ее бенефициев и особые налоги для епископов и других должностных лиц за то, что они занимали должности. Казалось, что былая жадность римских проконсулов переживает второе рождение. Первое формальное требование было выдвинуто Гонорием III (1226). Он пожелал, чтобы две пребенды в каждом соборе и два места в каждом монастыре были переданы в распоряжение папы. Итальянцы к тому времени уже владели английскими приходами.

¹⁹⁹⁴ По оценке 1291 г., налог клириков должен был доходить до 20.000 фунтов (Stubbs, III. 360).

¹⁹⁹⁵ Jensen, *D. englische Peterspfennig*, Heidelb., 1903, и Liebermann, *The Peter's Pence and the Population of Engl. about 1164*, в *Engl. Hist. Rev.*, 1896. Саксы называли лепту святого Петра *romfeoh* и *heordpfennig*. Норманны называли ее *romascot*, а папы — *denarius*, *census*, *res beati Petri* или «дар», *elemosyna*.

¹⁹⁹⁶ Jensen, pp. 60-64, с подробным списком ссылок на авторитетные источники.

¹⁹⁹⁷ М. Paris, IV. 580.

В 1231 г. Григорий IX запретил английским епископам выделять пребенды кому бы то ни было, пока они не обеспечат местами пятерых римлян. В 1240 г. тот же понтифик хладнокровно вытребовал у архиепископа Кентерберийского и епископов Линкольна и Солсбери места для трехсот итальянцев¹⁹⁹⁸. Постоянно звучали жалобы на то, что одни итальянцы сменяют других. Горечь и негодование звучат в словах короля Иоанна, выражающего требование,

*...что итальянский поп
Взимать не будет во владеньях наших
Ни десятины, ни других поборов.*¹⁹⁹⁹

Иннокентий IV самым беззастенчивым образом вмешивался в дела Английской церкви. Он отдавал пребенды мальчикам, например, в Солсбери, и Гроссестест откровенно называл назначенных им служителей детьми (*parvuli*). В одном из адресованных папе протестов говорится, что в местах в Английской церкви владеет «бесчисленное количество итальянцев» и что они ежегодно вывозят из королевства 60.000 марок, то есть более половины доходов, которые получает от страны король²⁰⁰⁰.

Уже в 1256 г. папа стал претендовать на получение первых плодов епископства, распространяя срок первых плодов до пяти лет. Позже эта претензия стала фиксированным правилом²⁰⁰¹. Было бы удивительно, если бы папские легаты отставали от своих бессовестных и самодовольных понтификов. Когда Мартин прибыл в страну в 1244 г., он потребовал 30.000 марок и захватил бенефициев более чем на 3000 марок в год. Легаты зарекомендовали себя неутомимыми грабителями, кровопийцами и «волками, кровавые челюсти которых вцепились в английский клир»²⁰⁰². Получение денег было главным ремеслом папских представителей в Шотландии²⁰⁰³. Матфей Парис сравнивал это «вымогательство кровососов» с работой блудницы, вульгарной и бесстыжей, которая предлагает себя всем, и говорил об осквернении чистоты Английской церкви. Народ, заявляет он, отдалялся телом, если и не сердцем, от папы, который вел себя как отчим, и от Римской церкви, которая обращалась с Англией как мачеха²⁰⁰⁴. Иногда народное негодование проявлялось не только в словах. Когда Мартин получил свои ткани, вазы, мебель и лошадей, не говоря уже о золоте и серебре, бароны велели ему покинуть королевство. А когда он обратился к королю, чтобы тот обеспечил ему безопасный проезд, король ответил: «Пусть дьявол охраняет тебя по пути в ад и доставит туда в безопасности».

Норманнское завоевание оказало большое влияние на церковь Англии. Началась новая эпоха строительства церквей и монастырей, регулярного и канонического соблюдения церковных обрядов. XIII век — примечательный период распространения церкви. Развилась система викарных бенефициев.

¹⁹⁹⁸ М. Paris, IV. 32. Летописец говорит, что Эдмунд, архиепископ Кентерберийский, был так потрясен этими требованиями, что в отчаянии покинул королевство, отправившись в добровольное изгнание.

¹⁹⁹⁹ Шекспир, «Король Иоанн», акт III, сцена 1 {перевод Н. Рыковой}.

²⁰⁰⁰ М. Paris, IV. 285, 443.

²⁰⁰¹ Stubbs, III. 348.

²⁰⁰² М. Paris, II. 229, IV. 60, 100, 136, 160, 284, 626, etc.

²⁰⁰³ М. Парис (II. 210, IV. 610), говоря о Джефри, епископе Вифлеема, легате в Шотландии, сообщает: «Как алмаз притягателен для железа, так и он надеялся привлечь к себе желанные деньги Шотландии».

²⁰⁰⁴ V. 233.

Гуго из Уэллса создал несколько сотен мест викариев, а Гроссетест продолжил его политику и обеспечивал их содержание за счет доходов более старых церквей. Основывались часовни, где произносились мессы за упокой души умерших. Со временем они стали объединяться и образовывать независимые бенефиции викариев или приходы. Синод в Вестминстере (1102) позаботился о более справедливом отношении к викариям, которым мало платили. Конституции Оттона запрещают сносить древние исторические здания и сооружать новые без согласия епископа.

При норманнах началась также новая эпоха в образовании клириков. До их прибытия, говорит Уильям из Малмсбери²⁰⁰⁵, клирики довольствовались незначительными знаниями и с трудом произносили нужные слова при отправлении таинств. Нам сложно с точностью разобраться, насколько велики и насколько широко распространены были знания клира. Уважаемый авторитет, доктор Стаббс²⁰⁰⁶, делает вызывающее сомнения заявление, что для вступления даже в низшие ордена необходимо было уметь читать и писать. Случалось, тем не менее, что епископов смещали, так как они не могли пройти экзамены, а других епископов сажали на престол, несмотря на неумение читать²⁰⁰⁷. Что касается проповеди, то приходские священники в Англии в средние века проповедовали редко. Встречались среди английского клира и люди с литературными способностями; мы видим это из дошедших до нас хроник таких авторов, как Иоанн Солсберийский, Вальтер Мэп, Петр Блуаский (приехавший из Франции), а также по схоластам, преподававшим на кафедрах Оксфорда в начале его истории.

Несмотря на меры Ансельма и других прелатов, священники в Англии продолжали вступать в брак и имели наложниц. В послании к Ансельму Пасхалий II говорил, что большинство английских священников женаты. Выпускались законы, запрещавшие людям посещать мессы, которые проводил священник-нарушитель. С женщинами, которые не покидали дома священников, следовало обращаться как с прелюбодейками. Им отказывали в погребении в святой земле. Один английский священник во времена Адриана IV назвал свою дочь Адрианой, напоминая папе, что тот сам был сыном священника²⁰⁰⁸. Была совершена попытка облегчить положение, введя устав Августина, требующий, чтобы священники жили вместе, но он был принят только в одном английском соборе, в Карлайле, и в нескольких шотландских соборах. Придворные хроники не оставляют сомнений в том, что непристойный порок преобладал среди клириков. Даже после XII века многие епископы были женаты или имели полузаконные семьи. Согласно Матфею Парису, Гроссетест чуть не отказался от своего престола из-за аморальности своих клириков.

Попытки ввести закон Грациана в Англии никогда не удавались полностью. Архиепископ Арундель мог объявлять, что «во всех случаях следует соблюдать каноны и законы, утверждаемые носителем ключей от вечной жизни и смерти, восседающим на престоле Самого Бога, которому Бог вверил законы небесного царства»²⁰⁰⁹, — но бароны, как на парламенте в Мертоне (1236), сопротивлялись иноземным притязаниям. Вильгельм Завоеватель дал начало церковным судам,

²⁰⁰⁵ III. 245.

²⁰⁰⁶ III. 283.

²⁰⁰⁷ M. Paris, III. 170. См. Stubbs, III. 383, note.

²⁰⁰⁸ Иоанн Солсберийский, *Ep.* 27, Migne, 199. 18.

²⁰⁰⁹ См. Maitland, p. 18.

заседавшим под руководством епископов и архидиаконов, которые заняли место окружных судов (*hundred court*).

Но дела, касающиеся владений и доходов клира, рассматривались в светских судах²⁰¹⁰, как и преступления против лесных законов и законов об охоте. А все вопросы, относящиеся к завещаниям и браку, рассматривались в церковном суде. Эти постановления давали церкви большую власть, но неизбежно возникали столкновения между юридическими органами, велись бесконечные споры по поводу назначения на церковные должности, десятин и других подобных случаев. Сравнительная мягкость наказаний, которые ждали клириков, побуждала многих претендовать хотя бы на самые низшие церковные чины, а в результате клириками становились люди, не имевшие ни малейшего представления о выполнении соответствующих функций.

Более важными постановлениями церкви Англии в этот период были, помимо мандатов Вильгельма о разделении гражданского и церковного суда, каноны Лондонского собора (1108) и Кларендонские конституции (1164), документ Иоанна о лене его королевства (1213), Конституции Оттона (1237) и Акт о владении недвижимостью (*Mortmain Act*, 1279). Этот последний, один из самых важных английских актов парламента в средние века, препятствовал отчуждению земель в пользу церкви, при котором государство переставало получать с них налоги.

§129. Два английских епископа

- О Гуго из Линкольна. *The magna vita*, его капеллана АДАМА, ed. Dimock, Lond., 1864; — метрическая *Life*, ed. Dimock, Lond., 1860, — G. G. PERRY: *St. Hugh of Avalon*, Lond., 1879. — Н. THURSTON (католик): *St. Hugh of Lincoln*, Lond., 1898, пер. с фр., с многочисленными добавлениями. — J. A. FROUDE: *A Bishop of the Twelfth Century*, в *Short Studies on Great Subjects*, 2^d series, pp. 54-86.
- О ГРОССЕТЕСТЕ. Его *Epistolae*, ed. Luard, Lond., 1861; *Monumenta Franc.*, ed. Brewer. — M. PARIS, Luard ed. — Жизнеописание Гроссетеста, PEGGE, Lond., 1793. — LECHLER, в его *Life of Wiclif*, перев. Lorimer, pp. 20-40. — G. G. PERRY, Lond., 1871. — FELTEN, Freib., 1887. — F. S. STEVENSON, Lond., 1899. — M. CREIGHTON: в *Hist. Lectt. and Addresses*, Lond., 1903. — C. BIGG, в *Wayside Sketches in Eccles. Hist.*, Lond., 1906. — *Dict. of Nat'l Biog.*

Самые выдающиеся среди английских церковных деятелей этого периода, преданные служители своих престолов, — Гуго и Роберт Гроссетест, оба епископы Линкольна²⁰¹¹.

Гуго из Линкольна, или Гуго Авалонского, как его также называют (1140 — 1200), Раскин признал самой привлекательной личностью церковной истории из всех известных ему²⁰¹²; Фруд же хвалит его, говоря, что он «был одной из самых прекрасных душ, когда-либо воплощенных в человеческом теле, и история его должна быть известна каждому английскому ребенку».

Рожденный возле Гренобля, во Франции, он был взят в монастырь на девятом году жизни, после смерти матери. Позже он вступил в Гранд Шартрез и, по приглашению Генриха II, около 1180 г. принял заботу о картузианском монастыре Св. Витама, основанном королем за несколько лет до того. В 1186 г. он был избран епископом Линкольна, самой большой епархии в Англии²⁰¹³.

²⁰¹⁰ Stubbs, I. 306 sq., III. 353 sqq.

²⁰¹¹ Stubbs, *Const. Hist.* (II. 313), объявляя XIII век «золотым веком английских церковных деятелей», имеет в виду прежде всего влияние епископов на формирование английской конституции.

²⁰¹² *Praeterita*, III. 1.

Дружба Гуго с Генрихом не мешала ему сопротивляться вторжениям короля в дела его епархии. Когда король попытался отдать одному из придворных пребенду в Линкольне, епископ ответил: «Скажите королю, что с этих пор церковные бенефиции отдаются не придворным короля, а служителям церкви». Он отлучил от церкви королевского лесничего за то, что тот ущемлял права народа. Король был в ярости, но епископ оставался непреклонен. Леса строго охранялись для защиты дичи, а также, вероятно, для того, чтобы помешать саксам скрываться в их чащах. Королевских лесничих и смотрителей ненавидели, так как за нарушение лесных законов предусматривалось выкалывание глаз и другие жестокие увечья.

По отношению к Ричарду и Иоанну Гуго вел себя так же независимо, как и по отношению к Генриху. На соборе в Оксфорде (1197) он осмелился не согласиться с требованиями Ричарда, хотевшего денег, что было почти неслыханной дерзостью²⁰¹⁴. Гнев короля успокоился, когда прелат нанес ему визит в замке на скале Эндели. Это был знаменитый замок, построенный за один год, о котором Филипп сказал: «Я взял бы его, даже если бы он был из железа». Ричард же на это ответил: «Я удержал бы его, даже если бы он был из масла». После отъезда Гуго Ричард, как сообщают, заявил: «Если бы все прелаты были как епископ Линкольна, ни один князь не осмелился бы подняться против них».

Следует упомянуть также просвещенное отношение Гуго к евреям. Кроме того, он проявлял интерес к прокаженным, построил для них дом, заботился о них лично и называл их «цветами рая и драгоценностями венца небесного». На Третьем Латеранском соборе постановили строить для прокаженных отдельные церкви и кладбища. Его отношение к могиле прекрасной Розамунды более соответствует канонам того века, чем нашему духу. Когда, посетив Гэдстоу, он обнаружил, что она похоронена в монастырской церкви и рядом с ее телом постоянно горят светильники, он велел убрать тело, говоря, что ее жизнь была скандальной и что такое обращение с ее прахом станет для других уроком целомудрия. В последние часы жизни Гуго лежал на кресте из пепла. Иоанн, проводивший собор в Линкольне, помогал нести тело на место его последнего упокоения. В похоронах принимали участие архиепископ Кентерберийский и многие епископы. Евреи плакали. Гуго был канонизирован в 1220 г., и его усыпальница стала местом паломничества.

Одна из поразительных историй, которые рассказывают о Гуго, — это история с лебедем. Ее подтверждают его капеллан и Геральд Камбрыйский, ставший свидетелем событий. У лебедя было гнездо в Стоу, одном из поместий епископа. Когда Гуго впервые увидел его, лебедь был диким и неприрученным. Но птица сразу же стала кроткой, научилась слушаться голоса епископа, ела из его рук и касалась клювом его рукава. Создавалось впечатление, будто она инстинктивно узнавала, когда епископ приедет в поместье, и за несколько дней до приезда начинала летать вокруг озера, хлопая крыльями. А когда Гуго спал, она его охраняла.

Роберт Гроссетест (1175 — 1253) имел больше влияния, чем Гуго, и, вероятно, был самым знаменитым англичанином своего поколения²⁰¹⁵. Ни один прелат

²⁰¹³ В переписи Ценция приводится количество домов, обязанных выплачивать лепту святого Петра: для Линкольна — 10.800, для Винчестера — 4160, для Лондона — 3960 и для Кентерберии — 1896.

²⁰¹⁴ Stubbs (ed. Hoveden, IV, p. xcii) называет эту ситуацию «вехой английской конституционной истории, первым явным случаем отказа отдать деньги по прямому требованию короны».

того времени не напоминал папе столь смело о его обязанностях. Помимо прочих качеств, он обладал вкусом и восприимчивостью ученого. Он выступал против злоупотреблений и был предтечей Виклифа в плане использования Писания. Роджер Бэкон, его пылкий поклонник, говорил, что никто не знает наук лучше, чем Роберт Гроссетест²⁰¹⁶. О его большом влиянии свидетельствует тот факт, что не одно поколение называло его просто *Lincolniensis*, «Линкольским».

Рожденный в Англии, в скромной семье (над чем насмеялись монахи из Линкольна), он учился в Оксфорде и Париже, а потом стал канцлером Оксфорда. Он знал греческий язык и немного еврейский. Он был плодовитым автором и близким знакомым Адама Марша²⁰¹⁷.

Никто не приветствовал появление нищенствующих монахов в Англии с большим энтузиазмом, чем Гроссетест. Он воспринял их приход как начало новой эры, прочитал первые лекции в их школе в Оксфорде и оставил им свою библиотеку, хотя сам, в отличие от Адама Марша, серого клобука не надел.

Приняв в 1235 г. престол Линкольна, Гроссетест начал бороться со злоупотреблениями монахов и клириков, что стало для него причиной постоянных тревог вплоть до самого завершения его карьеры. Он выступил против попоек, против азартных игр в церквях и на церковных дворах и против приходских шествий по случаю посещения епископа. Скрупулезность его епископского надзора была в новинку. Он обрушился на монахов как молот, сообщает Матфей Парис, и в первый же год отстранил от должности семерых аббатов и четырех приоров. В Рэмси он осматривал даже постели монахов и открывал их сундуки, как «грабитель», уничтожая их серебряную утварь и украшения²⁰¹⁸. Монахам, которые собирались выбирать аббата, он писал: «Решая, кто будет пасти ваших свиней, вы старательно ищете человека, который обладал бы нужными качествами. Вы спрашиваете, силен ли он физически, есть ли у него необходимый опыт, готов ли он водить их по утрам на подходящие пастбища, защищать их от воров и диких зверей, следить за ними ночью. А разве ваши собственные души не дороже свиней?»

Самым длительным спором в его жизни был спор с его деканом и капитулом о епископском праве посещения²⁰¹⁹. Каноники в его же соборе читали проповеди, направленные против него. Но Гроссетест напоминал им о Самуиле, который посещал Вефиль, Галгал и Мицфу, а также о Давиде, защищавшем стадо своего отца. В конце концов его поддержал папа.

Больше всего великий епископ прославился в истории благодаря своему упорному сопротивлению против назначения недостойных итальянцев в английские приходы и других папских мер. В 1252 г. он выступил против санкционированного папой сбора десятины на крестовый поход. Он отказался выполнить указ

²⁰¹⁵ Его называют Grossetete, Grosthead, Greathead и т. д. Также использовались латинские формы *Grossum Caput* и *Capito*. Фуллер, скорее из экстравагантности, чем по здравомыслию, утверждает, что свое имя Гроссетест получил из-за размеров головы, «в которой было много места для накопления и хранения заполняющих ее мозгов». Stevenson (p. 337) указывает на три области, в которых отличился Гроссетест: как церковный реформатор, как защитник учености и как государственный деятель.

²⁰¹⁶ *Solus... novit scientias* (Bridges ed., I. 67). Говер в своем *Confessio amantis* славит «великого клирика Гроссетеста».

²⁰¹⁷ В *Mon. Francisc.* приводится шестьдесят писем Марша к Гроссетесту.

²⁰¹⁸ М. Paris, V. 226. М. Парис рассказывает и о том, как епископ определял, верны ли монахи своим обетам.

²⁰¹⁹ Послание 127. См. Luard, *Introd.*, p. 114.

короля, узаконивавший детей, рожденных вне брака. Особо известен его отказ дать должность итальянцу, папскому племяннику Фридриху из Лаваньи. Папа написал послание, в котором угрожал отлучением от церкви всякому, кто будет выступать против назначения этого молодого человека. Гроссетест, которому было тогда семьдесят пять лет, объявил в ответ: «Я не повинуюсь, сопротивляюсь и выступаю против»²⁰²⁰. Матфей Парис (III. 393) описывает сцену, произошедшую якобы в папском дворце при получении этого послания, и сообщает, что Иннокентий IV «неистово обрушился на глухого старого безумца, который осмелился столь дерзостно судить о его поступках». Несмотря на свое отрицательное отношение к назначению недостойных итальянцев, епископ признавал, что папе принадлежит право распределения всех бенефициев церкви²⁰²¹.

Во время визита Гроссетеста в Лион (1250) его меморандум о злоупотреблениях клира был зачитан в присутствии папы. Обязанности пастыря заключались «не в отправлении мессы, а в обучении живой истине, — заявил он. — Жизнь клириков — вот книга для мирян». Адам Марш, находившийся рядом с ним, сравнивал поведение Гроссетеста с поведением Илии, Иоанна Крестителя, Павла, Афанасия и Августина Гиппонского.

Согласно Матфею Парису, в ночь, когда умер Гроссетест, был слышен странный колокольный звон. На его могиле якобы совершались чудеса, и распространился слух, что, когда Иннокентию предложили убрать тело епископа из места его захоронения в соборе, Гроссетест явился папе во сне, отчитал его и испугал до полусмерти. Народ уважал Гроссетеста, о чем свидетельствует легенда: в ночь, когда умирал Иннокентий IV, ему явился этот епископ со словами: «Вставай, несчастный, и иди к своей гибели».

В начале жизни Гроссетест проповедовал на латыни, а позже он часто пользовался разговорным языком. Он был величайшим английским проповедником своего времени. Он не поднялся выше суеверий своей эпохи, и одна из его знаменитых проповедей была произнесена перед Генрихом III в момент принятия крови Христовой²⁰²². Его произведения полны цитат из Писания. Он говорил о важности изучения Писаний в университете и посвящал ему утренние часы, подчеркивая авторитет Библии²⁰²³. Виклиф цитировал его протест против римских обычаев²⁰²⁴, и его стали считать предтечей английской Реформации.

Самое известное из произведений Гроссетеста, — это, вероятно, его *De cessatione legalium*, «Конец закона», книга для убеждения иудеев. С помощью Иоанна из Бэзингстока он перевел «Завет двенадцати патриархов», который Иоанн нашел в Константинополе²⁰²⁵. Похоже, он обладал завидным здравомыслием, о чем

²⁰²⁰ *Ep.* 128. Адам Марш упоминает об этом письме как о «бесстрашном ответе, написанном с такой сдержанностью, красноречием и выразительностью, что, с Божьей помощью, он послужит на благо всем последующим векам» (см. Stevenson, p. 312). М. Парис (V. 257) цитирует самого Гроссетеста, сказавшего, что он поступил бы по-дьявольски, если бы доверил попечение о душах англичан римлянам, «которых он люто ненавидел».

²⁰²¹ *De omnibus beneficiis eccles. libere potest ordinare (Ep., 49, Luard ed., p. 145).*

²⁰²² M. Paris, IV. 643 sqq., VI. 138-144.

²⁰²³ *Ep. 2 (auctoritas irrefragabilis scripturae).*

²⁰²⁴ Епископ Холл цитировал Гроссетеста, чтобы оценить важность Писания, а в Field (*Of the Church*, IV. 384 sqq.) его мнение приводится для опровержения притязаний папы на высший авторитет, хотя и со спорными обоснованиями.

²⁰²⁵ Педже приводит список книг епископа, который занимает двадцать пять страниц мелким шрифтом.

свидетельствуют следующие советы. Одному монаху он сказал: «Для земного благополучия необходимы три вещи: еда, сон и веселое сердце». Другому монаху, склонному к меланхолии, он предписал в качестве покаяния выпить кубок лучшего вина, а когда «лекарство» было принято, Гроссетест сказал: «Дорогой брат, если ты будешь чаще выполнять это покаяние, совесть у тебя будет спокойнее»²⁰²⁶.

Вот как Матфей Парис подводит итоги деятельности епископа:

Он открыто опровергал пап и королей, наставлял монахов, управлял священниками, учил клириков, поддерживал ученых, проповедовал народу, гнал предававшихся излишествам, неустанно изучал Писание, унимал и презирал римлян. У стола с плотской пищей он был гостеприимным, красноречивым, вежливым и любезным; у духовного стола — преданным, полным страха Божьего и смирения. Обязанности епископа он исполнял усердно, достойно и неустанно (V. 407).

---

²⁰²⁶ *Mon. Franc.*, p. 64.

ГЛАВА XVI

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ВЕРОВАНИЯ И СУЕВЕРИЯ

§130. Поклонение Марии

- ЛИТЕРАТУРА. Труды схоластов, особенно ДАМИАНИ: *De bono suffragiorum et variis miraculis, praesertim B. Virginis*, Migne, 145. 559 sqq., 586 sqq., etc. — АНСЕЛЬМ: *Orationes et meditationes, de conceptu virginis*, Migne, vol. 158. — ГИБЕРТ ИЗ НОЖАНА: *De laudibus S. Mariae*, Migne, 166. 537-579. — ГОНОРИЙ ОТУНСКИЙ: *Sigillum b. Mariae*, Migne, 172. 495-518. — БЕРНАР: *De laudibus virginis matris*, Migne, 183. 55 sqq., 70 sqq., 415 sqq., etc. — ПЕТР ЛОМБАРДСКИЙ: *Sent.*, III. 3 sqq. ГУТО СЕН-ВИКТОРСКИЙ: *De Mariae virginitate*, Migne, 176. 857-875, etc. — АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ: *De laudibus b. Mariae virginis*, Borgnet ed., 36. 1-841. — БОНАВЕНТУРА: *In Sent.*, III. 3, Peltier ed., IV. 53 sqq., 105 sqq., 202 sqq., etc.; *De corona b. Mariae V., Speculum b. M. V., Laus b. M. V., Psalterium minus et majus b. M. V.*, etc., все — Peltier ed., XIV. 179-293. — ФОМА АКВИНАТ: *Summa*, III. 27-35, Migne, IV. 245-319. — *Analecta Hymnica medii aevi*, ed. G. M. DREVES, 49 parts, Leipz., 1886 — 1906. — Популярные авторы, такие как ЦЕЗАРИЙ ГЕЙСТЕРБАХСКИЙ, де БУРБОН, Фома из ШАНТИМПРЕ и ИАКОВ ИЗ ВАРАЦЦЕ: *Legenda aurea*, перев. на англ. William Caxton, Kelmscott Press ed., 1892; Temple classics ed., 7 vols.
- F. MARGOTT: *D. Mariologie d. hl. Th. v. Aquino*, Freiburg, 1878. — B. HÄUSLER: *De Mariae plenitudine gratiae secundum S. Bernardum*, Freiburg, 1901. — H. VON EICKEN: *Gesch. und System d. mittelalt. Weltanschauung*, Stuttg., 1887, p. 476 sqq. — K. BENRATH: *Zur Gesch. der Marienverehrung*, Gotha, 1886. — Истории учения: SCHWANE, pp. 413-428, HARNACK, II. 568-562, SEEBERG, SHELDON, etc. — SCHAFF: *Creeds of Christendom*, I. 108-128. Ст. в Wetzler-Welte, *Empfängnis*, IV. 454-474, *Maria, Marienlegenden, Marienfeste*, vol. VIII, *Ave Maria, Rosenkranz*, и ст. *Maria*, автор ZÖCKLER, в Herzog. — Mrs. JAMIESON: *Legends of the Monastic Orders*. — BARING-GOULD: *Lives of the Saints, Curious Myths of the M. Ages*. — BUTLER: *Legends of the Saints*.

*Ave coeleste lilium, Ave rosa speciosa
Ave mater humilium, Superis imperiosa,
Deitatis triclinium; hac in valle lacrymarum
Da robur, fer auxilium, O excrusatrix culparum.*

БОНАВЕНТУРА, *Laus Beatae Virginis Mariae*²⁰²⁷.

Поклонение деве Марии составляет саму душу средневекового благочестия и достигло своего апогея в учении о ее непорочном зачатии. Серьезные богословы в своих догматических трактатах, пылкие авторы гимнов и миннезингеры, ревностные проповедники и популярные прозаики объединялись в восхвалении ее чистоты и благодати на земле и ее красоты и ходатайственной силы на небесах. В поклонении ей рыцарственность сочеталась с верой. Благочестивая галантность наделила ее всеми очаровательными качествами женщины и высшими добродетелями.

²⁰²⁷ Peltier ed., XIV. 181. Вольный перевод таков: «Приветствую тебя, небесная лилия, приветствую, благодатнейшая роза, приветствую, мать униженных, правящая в вышних, божественное лоно. Дай нам силу в этой долине слез, помоги нам, о смягчающая вину».

телями небесного состояния. Суровость монастырской жизни смягчалась благодаря воспоминанию о ее защите и нежной опеке, и монахи, чуждавшиеся женщин, припадали к супружеским узам, объединявшим их с нею. Для них ее чудесная поддержка постоянно противодействовала злу, которое творил сатана. Схоласты, говоря о ее непорочном зачатии, постоянно употребляли интимные термины²⁰²⁸, которые сегодня благочестивые люди в разговоре не используют.

Марии посвящались монашеские ордена — такие как картузианцы, цистерцианцы и кармелиты, а также некоторые из наиболее впечатляющих церквей христианского мира, такие как Миланский собор или Нотр-Дам в Париже.

Титулы, которыми называли Марию, были гораздо многочисленнее, чем титулы Христа, причем ни один из них не встречался в Библии, кроме слова «дева». Неукротимая фантазия помогала находить аллегорические упоминания о ней в самых разных текстах — чего и вообразить не могли библейские авторы. Почти все фигуральные выражения Ветхого Завета, которые можно отнести к праведным людям, считались относящимися к ней. Для всех схоластов Мария — мать Божья, царица небесная, милосердная царица, царица мира, владычица мира, посредница, царица веков, царица ангелов, людей и бесов²⁰²⁹, образец всех добродетелей, а Дамиани даже называет ее «матерью вечного императора»²⁰³⁰.

Монахи, богословы и поэты изыскивают все новые и новые латинские обороты, чтобы передать свое восхищение ее красотой и благостью, ее целомудрием и небесной славой. Ее материнство и девственность в равной мере являются темами восхваления. Представление о физической благодатности, выраженное в древности Ноткером из Сен-Галлена, который назвал ее «прекраснейшей из дев», будоражило мысли как схоластов, так и крестьян. Альберт Великий посвящает целую главу — больше тридцати страниц текста в две колонки — восхвалению ее телесной красоты. Разъясняя Песнь песней 1:15, «Ты прекрасна, моя любовь» {синод.: «О, ты прекрасен, возлюбленный мой»}, он комментирует красоту ее волос, плеч, губ, носа, ног и других частей ее тела. Гимны Бонавентуры, восхваляющие ее, полны образных выражений: «Она краснее розы и белее лилии». Вернер из Тегернзее (ок. 1173) пел:

*Ее лик был так добродетелен, ее глаза так ярки,
Ее манеры так чисты, что из всех женщин
Ни одна не может с ней сравниться*²⁰³¹.

В примечательном отрывке Бернар представляет ее находящейся на небесах и привлекающей к себе внимание обликом и красотой, благодаря которым ее возжелал Сам Царь²⁰³². Данте больше века спустя, наслаждаясь раем в компании Бернара, так описывал видение Марии:

*Им улыбалась Красота, дая
Отраду всем, чьи очи к ней взирали.
Будь даже равномоцна речь моя
Воображенью, — как она прекрасна,
И смутно молвить не дерзнул бы я.
(Рай, песнь XXXI)*

²⁰²⁸ *Sinus*, лоно; *pectus*, грудь; *viscera*, внутренности; *ubera*, чрево; *uterus*, etc.

²⁰²⁹ Бонавентура, *Speculum*, III. Peltier ed., XIV. 240.

²⁰³⁰ Migne, 145. 566.

²⁰³¹ *Ir antlutze war so tugentliche, Ir ougen also kunchliche, Ir gebaerde also reine, Das sich ze ir glichte deheine, Under allen den frouen* (цит. в von Eicken, p. 477).

²⁰³² Бернар использует здесь слово *concupiscentia*, обычно обозначающее похоть (Migne, 183. 62).

Песнь песней считалась богодухновенным перечислением превосходных телесных и духовных качеств Марии. Дамиани пишет, что Бог воспламенился любовью к ней и воспел ее черты. Она была тем золотым ложем, на котором почивал Бог, уставший от трудов на благо людей и ангелов. Позже возникло толкование этой книги как свадебной песни на бракосочетание Святого Духа и Девы. Гомилии Бернара на эту часть Писания — самый известный сборник Средневековья. Алан аб Инсулис, который называет Марию «скинией Бога, дворцом Небесного Царя», говорит, что книга эта относится к церкви, но особым и более духовным образом — и к преславной Деве²⁰³³. Автор за автором, проповедник за проповедником брались за объяснение этой всеми любимой части Ветхого Завета. Одна аббатиса представляла Деву как поющую Духу: «Мой возлюбленный принадлежит мне, и я — ему. Он отдохнет на моей груди». И Святой Дух отвечал: «Грудь твоя слаще меда»²⁰³⁴.

Марии выделялось место, которое равнялось достоинству Христа или даже превосходило его своим положением друга для грешников и несчастных и проводника, направляющего души на небеса. Дамиани называет ее «вратами небес», окном рая. Ансельм говорил о ней как о «притворе всеобщего умиловления, причине всеобщего примирения, сосуде и храме жизни и спасения для мира»²⁰³⁵. Любимым выражением было «древо жизни» (*lignum vitae*), основанное на Пр. 3:8. Альберт Великий в большом труде, который он посвящает добродетелям Марии, приводит не менее сорока причин, по которым следует поклоняться ей, причем каждую основывает на авторитетном тексте Писания. Первая причина в том, что Сын Божий почитает Марию. Это соответствует пятой заповеди и тому, что Сам Христос сказал о Своей Матери: «Я прослаблю дом славы Моей» (Ис. 60:7); дом, по словам схоластов, означает Марию. Библия полна открытых и скрытых упоминаний о ней. Альберт приписывал ей тридцать пять добродетелей, о каждой из которых подробно рассказал, — смирение, честность, благодать, всемогущество, скромность и т.п. Он находит восемьдесят одно библейское имя, указывающее на ее функции и благодать. Двенадцать из них — из повествований о небесных явлениях. Она — солнце, луна, свет, облако, небосвод, заря. Восемь — земной природы. Мария — это поле, гора, холм, камень. Двадцать один образ связан с водой. Она — река, источник, озеро, рыбный пруд, водоем, поток, раковина. Тридцать один образ касается библейских понятий. Мария — ковчег, престол, дом, ложе, гнездо, печь, библиотека. Девять образов связаны с жизнью военной и семейной. Мария — замок, башня, стена. Интересно посмотреть, как Мария выполняла функции библиотеки. В ней, искренне заявляет схоласт, присутствовали все книги Ветхого Завета, которые она все прекрасно знала, что видно из слов ее песни: «как говорил отцам нашим». Она также прекрасно знала евангелия, что очевидно из Лк. 2:19: «Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце своем». Но особенно хорошо качества Марии передает образ сада, так часто используемый в Песни песней. Развитию этого сравнения Альберт посвя-

²⁰³³ *Specialissime et spiritualissime* (Migne, 210. 53).

²⁰³⁴ См. von Eicken, p. 481. В песне к Марии, написанной доминиканцем Эберхардом Саксонским в XIII веке, есть строки:

*Got in sinem hohen trone hat begehrt diner schone
Da er wil, o wiber Krone mit gelüste dich ansehen.
(«Бог на Своем престоле возжелал твою красоту и захотел,
о венец женства, взглянуть на тебя со страстью»).*

²⁰³⁵ *Orationes*, ЛП, Migne, 158. 954.

щает двести сорок страниц, вводя его словами: «Запертый сад — сестра моя, невеста» (Песн. 4:12)²⁰³⁶.

Бонавентура не отстает от Альберта в поиске образов на небесах, на земле и в воде, чтобы передать славу Марии. В его разъяснении присутствует нежное дуновение мистицизма, трогательное все сердца и уводящее неосторожного читателя прочь от простых библейских высказываний. Благочестивый францисканец часто возвращается к этой теме. Мария становится предметом его стихов и проповедей²⁰³⁷. Он находит все новые слова для ее восхваления. Ее предвещали лестница Иакова, Ноев ковчег, медный змей, жезл Аарона, звезда Валаама, сосуд с манной, рог Гедсона и другие предметы еврейской истории. Каждому из них в его «Хвале благословенной девы Марии» уделяется отдельный поэтический отрывок, всего более сотни строк. Читатель не может противостоять напору воображения автора и сладости его рифм.

Бонавентура написал две книги в подражание Псалтири, каждая — из ста пятидесяти частей. Каждая часть Малой Псалтири состоит из четырех строк. Ее первые строки таковы: «Приветствую тебя, Дева, древо жизни; приветствую тебя, Дева, врата свободы; приветствую тебя, Дева, дорогая Богу; приветствую тебя, Дева, свет мира; приветствую тебя, Дева, гавань жизни; приветствую тебя, Дева, прекраснейшая». В Большой Псалтири Бонавентура своими словами излагает сто пятьдесят псалмов и вводит в каждый из них имя Марии и ее качества, говоря о ее превосходстве над людьми и ангелами. Вот несколько мест оттуда, хотя ни одна выборка не может адекватно показать, с какой вольностью автор обращался с Писанием. Первый псалом звучит так: «Блажен человек, любящий тебя, о Дева Мария. Твоя благодать утешит его душу». Двадцать второй псалом звучит: «Господь наставляет меня, о Дева Богородица (*generix dei*), потому что ты обратила ко мне любящий взор». Первый стих псалма 120 звучит так: «Я возвел глаза к тебе, о мать Христа, от которой всякая плоть получает утешение».

Хотя Бернар самым нежным образом описывает Христа и Его деяния, он наделяет Марию ролью посредницы между душой и Спасителем. В Марии нет никакой строгости, ее невозможно бояться. Она нежна со всеми, предлагает всем молоко и шерсть. Если вас страшат громы Отца, идите к Иисусу, если же вы боитесь идти к Иисусу, бегите к Марии. Когда грешник обращается к ней, она показывает свою грудь и лоно Сыну, а Сын показывает Свои раны Отцу. Не позволяйте ей покинуть ваше сердце. Следуйте за нею — и не собьетесь с пути; ищите ее — и не впадете в отчаяние; думайте о ней — и не ошибетесь²⁰³⁸.

Бонавентура также объявляет Марию посредницей между нами и Христом²⁰³⁹. Он говорит в своей Большой Псалтири: как Бог — господин возмездия (*dominus ultionum*), так Мария — мать сострадания. Она представляет мольбы смертных пред лицом второй ипостаси Троицы, смягчает Его гнев и обеспечивает нам милости, которых в противном случае мы не могли бы добиться.

Ансельм, которого мы склонны считать более здравым богословом, чем его коллеги, не менее решительно отстаивает роль Марии как посредницы. Он возносит к ней одну молитву за другой со всем пылом веры. «Помоги мне своей

²⁰³⁶ *De laud. Mariae*, Borgnet ed., XXXVI. 600-840.

²⁰³⁷ Возможно, не все эти труды подлинны, но, по крайней мере, они относятся к эпохе Бонавентуры.

²⁰³⁸ *De assumpt.*, Migne, 183. 430; *De nativ. Mariae*, Migne, 183. 441; *Supermissus*, III, Migne, 183. 70.

²⁰³⁹ *In Sent.*, III. 1, 2, Peltier ed., IV. 63.

смертью и своим успением на небесах», — молится он. «Приди мне на помощь! — восклицает он, — и ходатайствуй за меня, о мать Божья, перед своим нежным Сыном, ибо я грешен»²⁰⁴⁰.

Поклонение Марии нашло не менее примечательное отражение в поэзии средних веков. Обширный сборник *Analecta hymnica*, публикуемый Древсом и до сих пор составляющий пятнадцать томов, содержит сотни и тысячи священных гимнов о заслугах и славе Девы. Молитвенный и нежный дух, в котором они написаны, может тронуть самое ожесточенное сердце, хотя они и полны слов, не имеющих ничего общего с Писанием. Вот два стиха, выбранные наугад из многих тысяч: «Приветствую тебя, Мария, мать Божья, правительница небесная, о дева Мария... Приветствую, Звезда морей, освещающая келью страданий Бога, врата Царя»²⁰⁴¹.

Если мыслители и певцы того века столь пылко поклонялись Марии, то чего ожидать от массы монахов и народа! Будет достаточно нескольких цитат, чтобы показать, как сильна была вера в ходатайство Марии и ее чудотворную силу.

Петр Дамиани рассказывает о женщине, которая через год после смерти появилась в одной из церквей Рима и сообщила, что ее и многих других отпустили из чистилища по воле Марии в ответ на их молитвы. Он рассказывает также, как она побила епископа за то, что тот сместил клирика, никогда не проходившего мимо образа Марии без приветствия²⁰⁴².

У Цезария Гейстербахского много историй о чудесных деяниях Марии, совершенных в монастыре и вне его. Ее часто видели в монастырских пределах, даже когда монахи лежали в постели. Время от времени она оборачивалась, чтобы строго взглянуть на небрежного монаха, лежащего в постели не так, как положено. В одном из таких случаев рассказчик не понял, было ее недовольство вызвано тем, что он снял пояс, или тем, что он снял сандалии. Мария принимала души умирающих монахов, стоя рядом с ними, выделяла им место, чтобы они могли сесть у ее ног на небесах, иногда помогала сонным братьям молиться, иногда, проходя по хорам, будила дремлющих, иногда протягивала руку с алтаря и давала пощечины тем, кто недостаточно пылко молился, а иногда вручала посох любимым монахам еще до того, как они были избраны аббатами. Иногда она отменяла уже сделанное ею ранее. Например, она приложила руку к смещению Дитриха, который с ее же помощью был избран архиепископом Кельна²⁰⁴³.

К благочестивым рыцарям, по словам Цезария Гейстербахского, Мария была не менее милостива, чем к обитателям монастырей. Она даже сражалась на турнирах вместо рыцарей. Так было с Вальтером из Бирбаха. Он записался в участники турнира, но опоздал, потому что задержался в часовне, молясь Марии. Но зрители не заметили его отсутствия. Турнир начался и закончился, все думали, что Вальтер победил. На самом же деле сама Мария заняла место рыцаря и сражалась вместо него, а когда рыцарь наконец прибыл, то, к его изумлению, все поздравляли его с победой²⁰⁴⁴. Фома из Шантимпре²⁰⁴⁵ рассказывает, как у разбойника отрубили голову, и она покатила по долине. Разбойник воззвал к

²⁰⁴⁰ *Orat.*, LVIII, LX. Migne, 158. 964, 966.

²⁰⁴¹ *Ave Maria, Angelorum dia Coeli rectrix, Virgo Maria Ave maris stella, Lucens miseris Deitatis cella, Porta principis* (Dreves, *Analecta*, I. 48 sqq.).

²⁰⁴² *De variis mirac.*, Migne, 145. 586 sq.; *De bono suffr.*, Migne, 145. 564.

²⁰⁴³ *Dial.*, VII. 13, 19, XI. 12, VII. 12, 39, 40, 51, etc.

²⁰⁴⁴ *Dial.*, VII. 38.

²⁰⁴⁵ II. 264.

Деве, чтобы ему позволили исповедаться. Проходивший мимо священник велел приставить голову к телу. Тогда разбойник исповедался перед священником и сообщил ему, что в молодости он постился в честь Девы каждую среду и субботу, прося, чтобы она дала ему возможность исповедаться перед переходом в мир иной.

Все эти сказочные сборники сообщают, что Мария часто встречалась с дьяволом, упрекала и наказывала его. Согласно Иакову из Варацце²⁰⁴⁶, некий муж в обмен на богатство пообещал дьяволу свою жену. По пути на место, где он должен был отдать ее, жена, подозревая дурное, вошла в часовню и попросила Марию о помощи. Мария усыпила молящуюся и милосердно заняла ее место рядом с мужем, а он не заметил подмены. Когда они встретились с дьяволом, «мать Божья» отчитала его и, несмотря на его завывания, отправила обратно в ад.

Сострадание Марии и способность тронуть сердце ее сурового Сына представлены в мираклях (пьесах с чудесами). В пьесе о мудрых и неразумных девах неразумные девы, напрасно молившие Бога о милости, обращались к Деве с такими словами:

*Так как Бог отказал нам,
Мы молим Марию, кроткую деву,
Мать сострадания,
Сжалиться над нами в великих страданиях
И помолиться за нас, несчастных грешниц,
О милости ее возлюбленного Сына²⁰⁴⁷.*

Церковь никогда официально не подтверждала народную веру в строгость Сына, но вплоть до самого кануна Реформации в обществе преобладала вера в то, что состраданием Марии смягчается суровость Христа.

Рождение Христа от девы. О литературной критике Библии, распространенной в последнее время, в средние века помышляли не больше, чем о пароходах или телефонах. Схоласты и священники не испытывали ни тени сомнения, повторяя символ веры: «Зачатый от Святого Духа, рожденный от девы Марии». Гомилии и богословские трактаты основывались на словах Ис. 7:14: «Се, Дева во чреве приимет» — и на словах ангельского благовещения: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами... Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя». Они обсуждали все возможные аспекты зачатия и рождения от девы в том, что касается участия Святого Духа и самой Марии в этом событии. Вот некоторые из вопросов, которые задает Фома Аквинат: был ли настоящим брак Иосифа и Марии? обязательно ли ангел должен был явиться в телесном облике? взята плоть Христа от Адама или от Давида? сформировалась ли плоть Христа из чистейших кровей Марии? был ли Святой Дух основным действующим лицом при зачатии Христа? было ли тело Христа наделено душой в момент зачатия?

Ни один из схоластов не рассматривает вопрос об участии Святого Духа в зачатии Иисуса тщательнее, чем Гуго Сен-Викторский. Он старался показать, что, хотя Дух и оказал влияние на Деву при зачатии, Он не был отцом Иисуса. Дух не наделял Марию семенем от Своей собственной сущности, а новая сущность зародилась от ее собственной плоти Его силой и любовью, действующими в ней²⁰⁴⁸.

²⁰⁴⁶ *The Assumption of Mary*. Temple Classics, IV. 249.

²⁰⁴⁷ Hase, *Miracle Plays*, 31.

²⁰⁴⁸ *De Mariae virg.*, Migne, 173. 872. Бернар даже использует слово «оплодотворять» (*impregnare*) для обозначения влияния Духа (Migne, 183. 59).

Согласно Ансельму, Бог может сотворить человека четырьмя способами: при содействии мужчины и женщины; без такового, как в случае с Адамом; при содействии одного мужчины, как в случае с Евой; при содействии женщины, без мужчины. Так как Бог уже сотворял людей первыми тремя способами, в случае Иисуса Ему подобало прибегнуть к четвертому методу. В другом труде он сравнивает сотворение Богом первого человека из праха и сотворение последнего Адама из женщины без участия мужчины²⁰⁴⁹.

Фома Аквинат очень подробно рассматривает тему девственности Марии. «Как дева, она зачала; как дева, родила; и осталась девой навсегда». Предположение, что у нее были другие дети, лишает ее святости. Будучи Богородицей, она проявила бы себя неблагодарной, если бы не удовлетворилась таким Сыном. Со стороны Иосифа крайним бесчинством было бы осквернить ту, что выслушала благую весть от ангела. Фома учил, что в зачатии тела Христа принимала активное участие вся Троица и что Марию следует «по праву, воистину и благочестиво» называть *genetrix Dei*, Богородицей²⁰⁵⁰.

Кульминацией средневекового возвышенного отношения к Марии стало учение о ее непорочном зачатии, то есть учение о том, что сама Мария была зачата без греха. Схоласты соглашались с тем, что она была свободна от любых фактических прегрешений. Они расходились во мнениях по поводу того, была она зачата без греха, то есть непорочна с момента своего зачатия, или же она также была осквернена первородным грехом, но избавлена от него еще в материнском чреве. Последнего мнения придерживались Ансельм, Гуго Сен-Викторский, Альберт Великий, Фома Аквинат и даже Бонавентура²⁰⁵¹. Мнение о том, что она была зачата без греха и никогда не была осквернена первородным грехом, выдвинул Дунс Скот, который, однако, заявил лишь, что такое возможно. Бернар в своем послании осудил Лионскую церковь за учреждение праздника в честь непорочного зачатия, который, по его словам, не был одобрен церковью и не был оправдан соображениями разума и предания. Если Мария была зачата без греха, почему бы не объявить также безгрешным и рождение родителей Марии, ее дедов и всех предков до глубокой древности? Однако Бернар сообщал о своей готовности уступить, если церковь одобрит праздник в честь непорочного зачатия²⁰⁵².

Бонавентура привел три довода против учения о свободе Марии от первородного греха. Доводы эти опирались на общественное мнение, разум и осторожность²⁰⁵³. Согласно первому, она страдала от скорбей вместе со всем остальным человечеством, что было наказанием за вину, унаследованную от Адама. Согласно второму, зачатие тела предшествует его «одушевлению», под которым схоласты понимали первый контакт души с телом. В зачатии тела всегда участвует похоть. Третий довод был основан на отцах церкви, которые соглашались, что Христос был единственным на земле человеком, свободным от греха. Бонавентура не сообщал, когда Мария стала непорочной, а сказал только, что это случилось, вероятно, вскоре после ее зачатия, когда страсть или пламя греха (*fomes peccati*) угасло.

²⁰⁴⁹ *Cur Deus homo*, II. 8; *De concept. virg.*, Migne, 158. 445.

²⁰⁵⁰ *Summa*, III. 28, 1, etc., Migne, IV. 258, 262, 294, 298, etc.

²⁰⁵¹ *In Sent.*, III. 5, IV. 3, 1, Peltier ed., IV. 53 sqq., V. 59.

²⁰⁵² *Ep.*, 174, Migne, 332-336.

²⁰⁵³ *Sententia communior, rationabilior et securior* (Peltier ed., IV. 67).

Фома Аквинат решительно отстаивал эту позицию и объявлял достаточным просто исповедовать, что блаженная дева не совершала фактических грехов, ни смертных, ни простительных. «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!» (Песн. 4:7)²⁰⁵⁴.

Ни в одном другом месте Дунс Скот не использовал больше тонкостей и софизмов, чем в своем доводе в пользу непорочного зачатия Марии, благодаря которому она была свободна от наследственного греха, и ни одно другое учение не оказалось так тесно связано с его именем. Его доказательство представляет собой цепь выводов. Безгрешное зачатие Марии, говорит он, было лишь вероятным, но в то же время правдоподобным и уместным. Тройной довод в его пользу таков: 1. Ценность Божьей благодати повысилась бы, если бы Он освободил одного человека от всей скверны первородного греха с самого начала. 2. Наделив Марию этим благом, Христос самым тесным образом привязывал ее к Себе. 3. Пустое место, оставленное на небесах падшими ангелами, могло быть наилучшим образом заполнено ею, если бы она оставалась непорочной с самого начала. Как последний Адам остался непорочным, так должна была оставаться непорочной и последняя Ева. Вывод Дунса звучит так: «Если нечто не противоречит церкви и Писанию, оно представляется вероятным, а потому вернее всего будет утверждать, что Мария не была зачата во грехе»²⁰⁵⁵.

О пылких спорах между томистами и скотистами о непорочном зачатии мы упоминали в другом месте. Святые также участвовали в нем. Святая Бригитта Шведская узнала из видения, что Мария была зачата непорочной. С другой стороны, доминиканка, святая Екатерина Сиенская, пророчествовала, что Мария была освящена только на третий час после своего зачатия. Парижский синод 1387 г. высказался в поддержку позиции скотистов, но Сикст IV (1483) угрожал отлучением членам обеих партий, если они будут осуждать друг друга. Победил же в конце концов Дунс Скот, и в 1854 г. Пий IX сделал церковной догмой учение о том, что Мария с самого момента своего зачатия была свободна от скверны первородного греха²⁰⁵⁶.

Праздник непорочного зачатия, отмечаемый 8 декабря, был принят францисканцами на их всеобщем капитуле, проведен в Пизе в 1263 г., и его празднование стало обязательным в их церквях.

На тот момент не успела стать догмой Римской церкви и еще одна форма прославления Марии, кроткой матери нашего Господа, — ее успение, то есть непосредственное вознесение на небеса ее нетленного, не познавшего смерти тела. Однако распространенное благочестивое мнение было именно таким. Об этом говорили проповедники святой Бернар, Гонорий Отунский, Готфрид из Адмонта и Вернер из монастыря Св. Власия, произносившие проповедь за проповедью об успении Марии. Вера в него основана на истории, рассказанной Ювеналом Иерусалимским императору Маркиану на Халкидонском соборе (451): через три дня после похорон Марии в Иерусалиме апостолы нашли ее гроб, но без ее тела. Позже Ювенал послал этот гроб императору²⁰⁵⁷. Даже Августину не хотелось

²⁰⁵⁴ *Summa*, III. 27, 4, Migne, IV. 252.

²⁰⁵⁵ *Si auctoritati eccles. vel scripturae non repugnet videtur probabile quod excellentius est attribuere Mariae videlicet quod non sit in originali peccato concepta* (*Sent.*, III. 3, Paris ed., XIV. 165). См. Seeberg, p. 247 sq., и Schwane, p. 424 sqq.

²⁰⁵⁶ Schaff, *Creeds of Christendom*, II. 211.

²⁰⁵⁷ Addis and Arnold (*Cath. Dict.*, 6th ed.) объявляют это предание правдоподобным, так как останков Марии не было найдено.

верить, что тело матери нашего Господа могло быть подвержено тлену. Праздник Успения стали отмечать в Риме уже в середине XI века²⁰⁵⁸. Синод в Тулузе (1229) включил этот праздник в число других церковных праздников наравне с Рождеством и Пасхой. Фома Аквинат говорил, что церковь терпит его, но не заповедует.

Песнь *Ave Maria* («Радуйся, Благодатная! Господь с тобою; благословенна ты между женами и благословен плод чрева твоего») основана на ангельском приветствии и на словах Елисаветы (Лк. 1:28,42). Эта молитва использовалась во времена Петра Дамиани²⁰⁵⁹; ее специально разъясняют Бонавентура и Фома Аквинат. Мольба «Святая Мать, Богоматерь, помолись за нас, грешников, сейчас и в момент смерти» появилась в XVI веке и была включена в Римский breviарий 1568 г.²⁰⁶⁰ По распоряжению Иоанна XXII (ум. в 1334) трижды в день стал звонить колокол, призывающий к чтению «Аве» (или *Angelus*). Ожидалось, что, заслышав его звуки, женщины в домах и работники в поле будут становиться на колени и молиться Марии.

Поклонение и учение средних веков в немногих отношениях расходится с поклонением и учением протестантских церквей столь же сильно, как в заявлениях о Марии и о ее почитании. И если судить по высказываниям и примеру Пия IX и Льва XIII, то в католическом сообществе этот средневековый культ остается неизменным. В недавнее время Пий X продемонстрировал, что идет по стопам своих предшественников. В энциклике от 15 января 1907 г., обращенной к французским епископам, он говорит: «В полной уверенности, что Непорочная Дева, дочь нашего Отца, мать Слова, супруга Святого Духа, умолит наисвятейшую и обожаемую Троицу о лучших днях для вас, мы даем вам наше апостольское благословение». Средневековые богословы безоговорочно унаследовали восхваления и поклонение, с которыми обращались к Марии Иероним и другие отцы древней церкви. Они слепо ринулись за своими предшественниками, взяв от прошлого также и аллегорический метод толкования. С одной стороны, они искренне желали прославить Божественность Христа, когда объявляли Марию свободной от греха. С другой стороны, возвышение ее до положения богини, которая стоит между Христом и грешником и своим ходатайством смягчает суровость Христа к людям, было языческим, хотя и рыцарственным, суеверием. Таким был ответ средневековой церкви на восклицание святого Бернара: «Кто эта дева, столь достойная почестей, чтобы ее приветствовал ангел, и столь смиренная, чтобы стать женой плотника?!»²⁰⁶¹ Самое прочувствованное благочестие средних веков было обращено на нее и выразилось в таких гимнах, как *Mater dolorosa* и родственный ему *Mater speciosa*. Но это благочестие, которое, без сомнения, способствовало возвышению женщины, одновременно угашало дух покаяния, поскольку в поклонении Марии оно променяло решимость покаяния на слезы сочувствия.

²⁰⁵⁸ Damiani, *De Mirac.*, Migne, 146. 586.

²⁰⁵⁹ *De bono suffr.* Migne, 145. 564.

²⁰⁶⁰ Согласно Цезарию Гейстербахскому, *Ave Maria* заняла место сахара и меда в устах монахинь, которые повторяли ее, стоя на коленях, по пятьдесят раз в день, и она имела вкус меда. Священник, повторявший ее в течение шести недель, обнаружил, что его слюна превратилась в мед (*Sermons*, цит. в Cruel, *Gesch. d. Deutschen Predigt*, p. 284).

²⁰⁶¹ *De laude virginis*, Migne, 183. 58.

§131. Поклонение реликвиям

ЛИТЕРАТУРА. См. список литературы в §55. ГИБЕРТ ИЗ НОЖАНА (ум. в 1124): *De pignoribus sanctorum*, Migne, vol. 156, 607-679. — GUNTHERUS: *Hist. Constantinopol.*, Migne, vol. 212. — ПЕТР ДОСТОПОЧТЕННЫЙ: *De miraculis*, Migne, vol. 189. — ЦЕЗАРИЙ ГЕЙСТЕРБАХСКИЙ, ИАКОВ ИЗ ВАРАЦЦЕ, САЛИМБЕНЕ, etc. — P. VIGNON: *The Shroud of Christ*, англ. перев., N. Y., 1903.

Фома Аквинат объяснял поклонение реликвиям уважением, которое мы от природы выказываем умершим друзьям и тому, что было для них свято. А тела святых почитают потому, что они были храмами Святого Духа в особом смысле. Поклонение им — низшая форма поклонения (*dulia*), тогда как *hyperdulia*, более высокая форма поклонения, подобает истинному кресту, на котором висел Христос. В этом случае мы поклоняемся не куску дерева, а Тому, Кто висел на кресте. А *latreia*, высшая форма поклонения, принадлежит одному лишь Богу²⁰⁶². Вслед за Седьмым вселенским собором схоласты отрицали, что в случае поклонения образам (скажем, образу Петра) поклонение относится к самому образу. Оно касается того, что изображено²⁰⁶³.

В начале Средневековья Италия была самым плодовитым источником реликвий. После начала крестовых походов глаза церкви обратились к Востоку, и охота за реликвиями оказалась прибыльным делом. С открытым ртом западное легкое верие принимало священные предметы, которые выдавались крестоносцам за подлинные. Мы уже упоминали, сколько сокровищ было привезено в Европу вследствие разграбления Константинополя. Воровство оказывалось святым, когда с его помощью человек получал в свое распоряжение кусочек тела святого или принадлежавший ему предмет. Монах Гунтер без колебаний пронумеровал все вещи, которые аббат Мартин и его сообщники украли из реликвария одной из церквей византийского города. Салимбене²⁰⁶⁴ упоминает, что одна из церквей Равенны подарила ему все кости Елисея, кроме головы, украденной монахами-августинцами.

В критический момент, во время осады Антиохии, было обнаружено святое копье. Святой Грааль был найден в Кесарии в 1101 г. Мощи трех волхвов, Каспара, Мельхиора и Валтасара, якобы принесших свои дары к яслям Иисуса, были перевезены из Милана в Кельн, где находятся до сих пор. В том же Кельне в 1156 г. были найдены останки Урсулы и девственниц-мучениц, погибших от руки гуннов, причем Елизавете из Шенау в видении было явлено, что останки эти подлинные. Среди бесчисленных предметов, привезенных в Западную Европу, были борода Ноя, роги Моисея, камень, на котором Иаков спал в Вефиле, ветка, за которую зацепился Авессалом, крайняя плоть нашего Господа, Его пуповина, Его плащ, слезы, которые Он пролил у могилы Лазаря, молоко из груди Марии, стол, за которым проходила последняя вечеря, камень от гробницы Христа, жало в плоть Павла и зуб святого Лаврентия. Гиберт Ножанский сомневался в подлинности зуба Христа, которым владели монахи из аббатства Св. Медарда, на том основании, что, когда Христос воскрес из мертвых, в Его теле не могло быть недостающих частей. Он сомневался и в подлинности Его

²⁰⁶² Фома Аквинат, *Summa*, III. 25, 6, Migne, IV. 240 sq.; Бонавентура, Peltier ed., IV. 206 sq., VIII. 196. Фома посвящает теме реликвий одну краткую главу и цитирует в поддержку поклонения реликвиям Августина, но не Писание.

²⁰⁶³ Бонавентура, III. 27, 2, Peltier ed., IV. 619.

²⁰⁶⁴ Coulton ed., p. 253.

пуповины²⁰⁶⁵. Говорили, что приориса Фретельсгейма владеет двумя реликвиями осла, на котором Христос въехал в Иерусалим.

Вероятно, в литературе о реликвиях чаще всего упоминались святой хитон, кровь Христова и Его крест. На обладание святым хитоном претендовали Трир, Аржантей и другие местности. Это было одеяние без швов (*tunica inconsutilis*), сшитое Марией, которое росло вместе со Христом и было на Нем, когда Он висел на кресте²⁰⁶⁶. В *Gesta Trevirorum* (1105 — 1124) история хитона прослеживается до императрицы Елены, которая якобы привезла его в Трир. Во времена Фридриха Барбароссы он был одной из достопримечательностей города. Накануне Реформации его торжественно показывали Максимилиану I и собранию германских князей. Целые полчища паломников приходили посмотреть на него в разное время — наибольшее количество в 1891 г., когда через собор с этой целью прошло 1.925.130 человек. Считается, что хитон совершил много чудес²⁰⁶⁷.

Прибытие небольшого количества крови Христовой в Англию 13 октября 1247 г. было торжественным образом отмечено и стало одной из самых странных и живописных религиозных сцен английской средневековой истории. В подробном описании у Матфея Париса это событие названо «святой милостью с небес»²⁰⁶⁸. Подлинность крови удостоверялась магистрами тамплиеров и госпитальеров, печатями патриарха Иерусалима, архиепископами и другими прелатами Святой Земли. После поста и ночного бдения король Генрих III в сопровождении священников Лондона при полном параде и с зажженными свечами нес сосуд со священной жидкостью от собора Св. Павла до Вестминстера, обойдя вокруг церкви, дворца и собственных королевских апартаментов. Король шел пешком, держа священный сосуд над головой. Епископ Норвича произнес проповедь, посвященную событию. Позже Роберт Гроссетест также произнес проповедь, в которой защищал подлинность этой реликвии и явил прекрасный пример наивности схоластов²⁰⁶⁹.

Истинный крест находили не один раз. Его фрагментов сохранилось много — так много, что пришлось изобретать басню о том, что истинный крест обладает свойством бесконечно умножаться. Приходится даже выбирать между множеством разных историй. Первые крестоносцы уже видели крест в Иерусалиме. Ричарду I во время третьего крестового похода показал этот крест престарелый аббат Сент-Эли (он закопал крест в землю и отказался открыть место Саладину, хотя тот вынуждал его и даже заковал в цепи). Ричард и его армия благочестиво целовали крест²⁰⁷⁰. Среди предметов, которые аббат Мартин достал в Константинополе, был фрагмент истинного креста и капля крови Господней. Истинный крест, однако, оставался цел, и в 1241 г. он был привезен в Париж. Сначала его купили венецианцы у короля Иерусалима за 20.000 фунтов, а затем Людовик IX приобрел его у императора Болдуина. Реликвия была принята с великой торжественностью. Ее внес во французскую столицу король, босиком и с непокрытой

²⁰⁶⁵ *De pignoribus*, Migne, 156. 649 sqq.

²⁰⁶⁶ Среди легенд о его обнаружении есть и такая: Ирод отдал этот хитон одному иудею, потому что с него невозможно было отстирать капли крови, а иудей выбросил его в море. Хитон проглотил кит. Орендель, сын короля Трира, выловил его по пути в Иерусалим и достал хитон. Говорили, что он был длиной в пять футов один дюйм (1,75 м), цвета губки.

²⁰⁶⁷ См. Wetzler-Welte, *Der hl. Rock*, X. 1229 sqq.

²⁰⁶⁸ Luard ed., IV. 641-643.

²⁰⁶⁹ Luard, VI. 138-144. См. Stevenson, *Grosseteste*, p. 263.

²⁰⁷⁰ De Vinsauf, *Chronicle of Richard's Crusade*, LIV.

головой, в сопровождении своей матери, Бланш, королевы, братьев короля и большого скопления знати и клириков²⁰⁷¹. Терновый венец был удостоен такой же процессии. Позже эти реликвии были помещены в новую и прекрасную часовню, построенную Людовиком, вместе с предполагаемым хитомом Христа, железным наконечником копья, пронзившим Его бок, губкой, которую предлагали Ему на кресте, и другими реликвиями.

Энтузиазм английского летописца в связи с этим событием, похоже, ничуть не уменьшался из-за того, что английское аббатство Бромхольм уже владело столь же истинным крестом. Он попал в Англию в 1247 г. через монаха, нашедшего его среди имущества императора Балдуина после того, как тот пал в сражении. Монах появился на пороге монастыря в сопровождении двух своих детей и нес священную реликвию под плащом. Его историю выслушали, его пустили. Тут же начали совершаться чудеса — даже очищение прокаженных и воскрешение мертвых²⁰⁷².

Некоторое представление о ценности реликвий для народа можно составить на основании истории, рассказываемой Цезарием Гейстербахским о некоем Бернардe из монастыря Цезария²⁰⁷³. Бернад имел обыкновение носить с собой ларец с реликвиями святого Петра и святого Павла. Как только Бернад поддавался похотливым мыслям, святые тут же толкали его в бок. Когда Бернад восстанавливал душевное равновесие, толчки прекращались, но как только к нему возвращались неподобающие мысли, толчки начинались снова. Бернад понял намек и совсем перестал думать о неподобающем. Цезарий с удовольствием воспринял сведения о том, что, когда с Бернадом начало происходить подобное, он не был еще монахом.

Цезарий упоминает о частых случаях, когда неподобающее обращение с реликвиями вызывало их недовольство. Один из зубов святого Николая, хранившихся в Браувейлере, однажды выпрыгнул из стеклянной шкатулки, где хранился, чтобы показать, что святой недоволен непочтительностью людей, смотревших на зубы. Другой случай касался останков двух дев. Их спрятали во время войны и забыли достать, когда после войны остальные реликвии вернулись в реликварий. Останки дев не потерпели пренебрежения и начали стучать о стены сундука так сильно, что шум слышался по всему монастырю, и стучали до тех пор, пока их не достали²⁰⁷⁴.

Бессовестные торговцы занимались организованной поставкой реликвий, навязывая их доверчивым верующим. Четвертый Латеранский собор попытался положить этому конец, запретив поклоняться новым реликвиям без санкции папы. Согласно Гиберту Ножанскому²⁰⁷⁵, тот, кто по ошибке поклонялся поддельным реликвиям, считая их принадлежащими святому, которого он хотел почтить, не утрачивал никаких благ, могущих проистечь из такого поклонения подлинным реликвиям. Все святые, говорил он, составляют единое тело во Христе (Ин. 17:22), и, поклоняясь одному, мы воздаем почтение всем.

Иногда в подтверждении подлинности реликвий принимал участие сам дьявол. Благодаря его вмешательству выяснилось, что гвоздь из кельнского релик-

²⁰⁷¹ Luard, *M. Paris*, IV. 90 sq.; Иаков из Варацце, VII. 210.

²⁰⁷² Luard ed., III. 30 sq.

²⁰⁷³ *Dial.*, VIII. 67, Strange ed., II. 138.

²⁰⁷⁴ *Dial.*, VIII. 68, 85.

²⁰⁷⁵ Migne, 156. 627.

вария, о происхождении которого никто ничего не знал, — это один из самых настоящих гвоздей распятия²⁰⁷⁶. Но такие услуги дьявол, конечно же, оказывал редко. Придворный проповедник из Веймара Ириней (1566 — 1570), посетив Трир в компании герцогини Веймарской, нашел в одной из церквей коготь дьявола. «Оказалось», что, когда был сооружен новый алтарь, дьявол рассвирепел больше, чем обычно в подобных случаях, и с такой силой ударил по алтарю, что один из его когтей застрял в деревянном покрытии²⁰⁷⁷.

Отношение протестантских церквей к реликвиям было выражено Лютером в его «Большом катехизисе»: это безжизненные, мертвые вещи, которые не могут сделать человека святым (*es ist alles tot Ding das niemand heiligen kann*).

§132. Проповедь

ЛИТЕРАТУРА. А. НЕВЕ: *Charakterbilder d. bedeutendsten Kanzelredner*, vol. I. От Оригена до Таулера, 1879. — J. M. NEALE: *Med. Preachers*, Lond., 1853, новое издание, 1873. — J. A. BROADUS: *The Hist. of Preaching*, N. Y., 1876. Беглый набросок. — Н. HERING: *Gesch. d. Predigt.* (p. 55-68), Berlin, 1905. — E. C. DARGAN: *Hist. of Preaching, from 70 to 1570*, N. Y., 1906.

О французских кафедрах. *LECOY DE LA MARCHE: *La chaire franc. au moyen âge spécialement au XIIIe siècle*, Paris, 1868, новое издание, 1886. — L. BOURGAIN: *La chaire franc. au XIIme siècle d'après les Mss.*, Paris, 1879. — J. VON WALTER: *D. ersten Wanderprediger Frankreichs*, 2 parts, Leip., 1903, 1906.

О немецких кафедрах. W. WACKERNAGEL: *Altdeutsche Predigten und Gebete*, Basel, 1876. — *R. CRUEL: *Gesch. d. Deutschen Predigt im MtA.*, Detmold, 1879. — *A. LINSENMAYER (католик): *Gesch. der Predigt in Deutschland von Karl dem Grossen bis zum Ausgange d. 14ten Jahrhunderts*, Munich, 1886. — НАУСК: *Kirchengesch.* — Сборники средневековых немецких проповедей. — Н. LEYSER: *Deutsche Predigten d. 13ten und 14ten Jahrhunderts*, 1838. — К. РОТН: *Deutsche Predigten des XII und XIII Jahrhunderts*, 1839. — F. E. GRIESHABER: *Deutsche Predigt. d. XIII Jahrhunderts*, 2 vols. Stuttg., 1844. — *A. E. SCHÖNBACH: *Altdeutsche Predigten*, 3 vols. Graz, 1886 — 1891; *Studien zur Gesch. d. Altdeutschen Predigt.* (о Бертольде Регенсбургском), 3 parts, Vienna, 1904 — 1906. — А. FRANZ: *Drei Minoritenprediger aus d. XIII u. XIV Jahrh.*, Freib., 1907.

Об английских кафедрах. R. MORRIS: *Old Engl. Homilies of the Twelfth and Thirteenth Centuries*, 2 vols. Lond., 1868 — 1873. — СМ. Т. F. CRANE: *Introd. to the Exempla of Jacob de Vitry*, Folklore Soc., Lond., 1890. — RICHARDSON: *Voragine as a Preacher*, Presb. Rev., July, 1904.

Хотя задачи проповедника в средние века были менее значительны, чем функции священника, искусством проповеди пренебрегали не всегда. XII — XIII века внесли определенный вклад в развитие проповеди, так как в каждом из них был по меньшей мере один проповедник первой величины. Это святой Бернар, которого мы считаем монастырским проповедником и проповедником крестовых походов, и Бертольд Регенсбургский, Уайтфилд своей эпохи, который произносил жизненно полезные речи перед собранием народа.

²⁰⁷⁶ Науск, IV. 74.

²⁰⁷⁷ Трир, Кельн и Аахен выделялись количеством находившихся в их распоряжении реликвий. Гелений, священник из Кельна, в своем *De admiranda sacra et civili magnitudine Coloniae* (1645) перечислил огромное количество кельнских реликвий, — таких как фрагменты истинного креста, ясли, немного земли, на которой стояла Мария во время благовещения, один из зубов Иоанна Крестителя, обрывок его одеяния, волосы с головы Варфоломея, останки вифлеемских младенцев. Не далее как 30 ноября 1898 г. архиепископ Кельна объявил, что народу будет показана рука святого апостола Андрея, находившаяся в закрытом хранении в течение ста лет. Ее держали вместе с другими реликвиями в сундуке, спрятанном во время Французской революции.

Два движения пробудили угасающую энергию кафедры: крестовые походы в XII веке и возникновение нищенствующих орденов в XIII веке. Пример еретических сект, представители которых проповедовали на улицах и дорогах, также способствовал возрождению проповеди в официальной церкви.

Амвросий говорил, что проповедь — основная задача епископа. И в рассматриваемые нами века ближе всего к такому пониманию приблизился десятый канон Четвертого Латеранского собора. Подчеркнув высшую необходимость знания Слова Божьего, собор рекомендовал епископам, если они не способны проповедовать сами, выбирать для выполнения этой задачи других способных людей. Папа Иннокентий III проповедовал сам. Сохранилось пятьдесят восемь его проповедей²⁰⁷⁸. Упоминания о проповеди в актах соборов редки. Авторы же гомилий и проповедники время от времени высказывались в пользу частых проповедей. Так, Гонорий Отунский в обращении к священникам заявил, что, если они живут добродетельно, но при этом публично не учат и не проповедают, они подобны «стражам слепым, невеждам» и немым псам (Ис. 56:9). Если же они проповедают, но живут во грехе, то они — слепые поводыри слепых²⁰⁷⁹. Этьен де Бурбон хвалит новичка из доминиканского ордена, которого призвали перейти в другой орден, но он ответил: «Я не нахожу в Писании, чтобы Иисус Христос был черным или белым монахом, я знаю только, что Он был бедным проповедником. И я последую по Его стопам».

Невозможно точно определить, насколько часто в приходах произносились проповеди. Вероятно, половина священников Германии в XII веке не проповедовала²⁰⁸⁰. Синод в Трире (1227) запретил неграмотным священникам проповедовать. В Англии проповеди были редкостью до появления там монашеских орденов. Священник мог владеть бенефицием в течение пятидесяти лет и за это время не произнести ни единой проповеди. В английских церквях того времени было немного кафедр²⁰⁸¹.

В XIII веке произошли заметные изменения благодаря примеру монахов. Они были проповедниками и шли в народ. Для того чтобы послушать популярных проповедников, таких как Антоний Падуанский или Бертольд Регенбургский, в полях и на улицах собирались большие толпы. В начале XIV века францисканцы получили от Климента V формальное разрешение «проповедовать на улицах Слово Божье».

Проповедовали не только члены орденов. Миряне из еретиков, из ортодоксов и бичующиеся (флагелланты) также пользовались своими дарами²⁰⁸². Иннокентий III в послании к епископу Метца (1199) и Григорий IX (1235) осуждали несанкционированные проповеди мирян. В те дни были и подростки-проповедники²⁰⁸³.

Наряду с латынью использовался разговорный язык²⁰⁸⁴. Самсон, аббат Сент-Эдмундсбери, проповедовал на английском, и Гроссетест в последние годы жизни следовал его примеру. Епископ Герман Пражский (ум. в 1122) проповедовал на

²⁰⁷⁸ См. мнение Хертера об Иннокентии как о проповеднике (II. 729 sqq.).

²⁰⁷⁹ *Spec. eccles.*, Migne, 172. 862.

²⁰⁸⁰ Cruel, pp. 210, 262.

²⁰⁸¹ Jessopp, *Coming of the Friars*, p. 86.

²⁰⁸² Linsenmayer, p. 125 sqq.

²⁰⁸³ Salimbene, Coulton ed., p. 305.

²⁰⁸⁴ Hurter, IV. 507; Cruel, p. 217.

богемском²⁰⁸⁵. Из сохранившихся проповедей Бертольда пятьсот — на латыни и семьдесят одна — на немецком языке.

Слушатели вели себя примерно так же, как в наши дни. Цезарий Гейстербахский, сам бывший проповедником, рассказывает, как однажды собрание начало засыпать и похрапывать во время проповеди. Проповедник, вдруг прервав ход своей речи, воскликнул: «Послушайте, братья мои, я расскажу вам кое-что новое и необычное. Жил-был король по имени Артус». Спящие проснулись, и проповедник продолжал: «Видите, братья мои, когда я говорю о Боге, вы спите, а когда я начинаю рассказывать банальную историю, вы наостряете уши и слушаете»²⁰⁸⁶. Цезарий лично присутствовал на этой проповеди.

Рассказы современников не оставляют сомнений в том, что иногда проповедь оказывала чрезвычайное воздействие на большие аудитории²⁰⁸⁷. Проповеди, дошедшие до нас, почти неизменно основываются на тексте или месте Писания и полны библейских наставлений, доктринальных учений и моральных выводов. Все прекрасно понимали, что личность проповедника влияет на действенность его речи. Хотя жители окрестностей Рейна не понимали языка святого Бернара, они были тронуты его проповедями до глубины души. А переведенные, его проповеди теряли свою силу.

От этого периода до нас дошло четыре трактата о гомилетике и проповеди: Гиберта Ножанского, Алана Лилльского, Гумберта Романского и Гуто из Сен-Шера²⁰⁸⁸. Рекомендации этих трактатов не очень отличаются от советов, которые дают по этому поводу авторы в наши дни. Гиберт в труде «Какому порядку должна следовать проповедь»²⁰⁸⁹ настаивает, что священник должен усердно заниматься, готовить свои проповеди с молитвой и вырабатывать привычку превращать в символ религиозной истины все, что он видит. Он говорит о разных мотивах, которыми руководствуются проповедники, — от желания показать себя до искреннего намерения научить людей и объяснить им Писание.

Алан в своем «Искусстве проповеди»²⁰⁹⁰ советует проповедникам вызывать расположение аудитории с помощью кротости манер и полезных наставлений. Проповедник должен произнести на слушателей такое впечатление, чтобы они обращали внимание не на то, кто говорит, а на то, о чем идет речь. Он советует использовать цитаты из языческих авторов — по примеру Павла. Алан дает и другие советы, после чего, в сорока семи главах, приводит примеры рассмотрения различных тем, таких как презрение к миру, роскошь, обжорство, благочестивая скорбь, радость, терпение, вера. Затем он приводит образцы увещаний, обращенных к разным классам слушателей — князьям, юристам, монахам, женатым, вдовцам, девам, сонным христианам.

Гумберт Романский, генерал ордена доминиканцев (ум. в 1277), в гораздо более подробном труде²⁰⁹¹ объявил проповедь самым чудесным занятием монаха и поставил ее выше литургического служения, которое, совершаемое на латинском языке, непонятно народу. Проповедь лучше, чем месса, ибо Христос прово-

²⁰⁸⁵ Его *homiliarium* издал Hecht, 1863.

²⁰⁸⁶ *Dial.*, IV. 36.

²⁰⁸⁷ Dargan (p. 229) говорит, что проповеди в XIII веке собирали, «вероятно, самое большое количество слушателей».

²⁰⁸⁸ *Speculum ecclesiae*, Lyons, 1554.

²⁰⁸⁹ *Quo ordine sermo fieri debeat*, Migne, 157. 20-34.

²⁰⁹⁰ *Summa de arte praedicatoria*, Migne, 210. 111-198.

²⁰⁹¹ *De eruditione praedicatorum*.

дил мессу только раз, а проповедовал постоянно. Гумберт призвал проповедников учиться и советовал им предпочитать возвышенные мысли изящным и хорошо оформленным фразам, сравнивая первые с пищей, а последние — с блюдами, на которых она подается.

К этим гомилетическим правилам и подсказкам следует прибавить упоминания, рассеянные по трудам таких проповедников, как Гонорий Отунский и Цезарий Гейстербахский. Цезарий говорил²⁰⁹², что проповедь должна быть подобна сети, сотканной из текстов Писания, что она должна пронзать сердца слушателей, как стрела, что она должна быть прямой, то есть не содержать ложных учений, и крылатой, то есть доступной для понимания. А Слово Божье он уподоблял луку, из которого вылетает стрела.

Среди выдающихся проповедников 1050 — 1200 годов, чьи проповеди дошли до нас, были Петр Дамиани (ум. в 1072), Ив Шартрский (ум. в 1116), Гильдеберт Турский (ум. в 1133), Абельяр (ум. в 1142), святой Бернар (ум. в 1153) и Маврикий, архиепископ Парижа (ум. в 1196). От красноречивых выступлений Арнольда Брешианского, Норберта, основателя ордена премонстрантов, и Фулько из Нейи, пламенного проповедника четвертого крестового похода, до нас ничего не дошло. Несли служение также и странствующие проповедники. Некоторые из них получили поручение проповедовать от пап, как Роберт из Абрисселя и Бернар Тиронский, которые путешествовали по свету в грубой одежде, с развевающимися бородами, проповедуя перед большими скоплениями людей. Они призывали к покаянию и резко упрекали клир в обмирщении, плакали сами и заставляли плакать слушателей.

Бернар Тиронский славился в свою эпоху как самое яркое светило кафедры со времен Григория Великого. Лютер высоко ценил его проповеди и называл его «золотым проповедником» (*der güldene Prediger*). Среди проповедников Франции его помещают в один ряд с Бурдалу и Боссюэ. Он оставил более двухсот пятидесяти проповедей на конкретные места и на определенные темы, а также восемьдесят шесть гомилий на Песнь песней²⁰⁹³. Темы речей различны — от пяти камней, которые Давид взял со дна ручья, до самых торжественных тайн жизни и деяний Христа. Проповеди не записывались, но читались на основании конспектов или импровизировались после размышлений в монастырском саду. В том, что касается моральной искренности, полета воображения, благочестивых раздумий и страстной преданности духовным помыслам, они занимают почетное место в первом ряду произведений подобного рода. «Их постоянно осеняет тень вечности», — сказал доктор Сторрс, один из самых славных представителей американской кафедры прошлого века. Один из ведущих специалистов по Бернарду Дейч сказал, что Бернард сочетал в себе все качества великого проповедника — живое понимание Божьей благодати, глубокое желание помочь своим слушателям, прекрасное знание человеческого сердца, знание Писания, могущество мысли и умение привлекательно излагать мысль²⁰⁹⁴.

Фулько, пастырь из Нейи, возле Парижа, был человеком иного склада по сравнению с Бернардом, но его красноречие также было связано с крестовыми походами²⁰⁹⁵. Он был рожденным оратором. Его проповеди о покаянии в

²⁰⁹² Цит. в Cruel, p. 249.

²⁰⁹³ См. Vacandard, *S. Bernard*, I. 474 sqq., и Storrs, *St. Bernard*, pp. 355-427, Migne, 183. 73-747, 784-1105.

²⁰⁹⁴ Ст. *Bernard* в Herzog, II. 634.

²⁰⁹⁵ A. Charasson, *Un curé plébien au XIIe siècle Foulques, curé de Veully*, Paris, 1905.

Нотр-Даме и на улицах Парижа сопровождалась примечательными выражениями чувств. Народ бросался на землю, плача и бичуя себя. Ростовщики, «которых мог сотворить лишь дьявол», падшие женщины и другие грешники отказывались от своего греховного образа жизни. Призванный Иннокентием III провозглашать четвертый крестовый поход, Фулько, по его собственным подсчетам, побудил не менее двух миллионов человек принять крест. Он не дожидаясь взятия Константинополя, но внес громадный вклад в это завоевание.

Великие проповедники XIII века вышли из нищенствующих орденов или, как Гроссетест, симпатизировали их целям и методам. Схоласты, принадлежавшие к этим орденам, похоже, все были проповедниками, и их читавшиеся в монастырях проповеди (или *сопоставления*, *collationes*, многие из которых сохранились) удостоились высшей похвалы современников, хотя и следовали схоластическим методам. Альберт Великий, Фома Аквинат и Бонавентура были проповедниками²⁰⁹⁶, причем Бонавентура — великим проповедником. Тридцать две проповеди Альберта о евхаристии, основанные на Пр. 9:5, составляют одну из первых серий средневековых проповедей.

К нищенствующим орденам принадлежали и выдающиеся народные проповедники Антоний Падуанский, Иоанн Виченцкий и Бертольд Регенсбургский. Антоний Падуанский (1195 — 1231), родившийся в Лиссабоне, вступил во францисканский орден и нес служение в Северной Италии. Он отличался от Франциска тем, что был хорошо образован. Он присоединился к партии конвентуалов, во главе которой стоял Илия Кортонский. Подобно Франциску, он любил природу и проповедовал рыбам. Он проповедовал в полях и на открытых площадях. Говорят, что послушать его собиралось до тридцати тысяч человек. Он отрицал, что обладает чудотворной силой, но легенда гласит, что его прикосновение творило чудеса, и чудеса совершались на его могиле. Сохранившиеся фрагменты его проповедей — это только наброски, и, подобно напечатанным проповедям Уайтфилда, они не дают нам представления о его проповеднической силе. Антоний был канонизирован уже через год после смерти Григорием IX. Его останки нашли упокоение в Падуе (1263), в церкви, сооруженной в память о нем. При этом присутствовал Бонавентура. При перезахоронении выяснилось, что его тело полностью разложилось, за исключением языка²⁰⁹⁷.

Бертольд Регенсбургский (ум. в 1272) учился у Давида Аугсбургского (ум. в 1271), также знаменитого проповедника. Член францисканского ордена, Бертольд ходил от Тюрингии до Богемии и от Шпейера до верховьев Рейна, вплоть до швейцарского кантона Граубюнден. Его называли *rusticanus*, «деревенский проповедник». По свидетельствам современников, его слушало одновременно до шестидесяти тысяч человек. Его проповеди записывали другие люди, и, чтобы исправить ошибки, он вынужден был редактировать их собственноручно²⁰⁹⁸.

²⁰⁹⁶ Peltier ed., XIII. 1-636, etc. О проповедях Фомы см. Bourin, *La prédication en France et les sermons de Thomas*, Paris, 1882. Vaughan хвалит Фому как проповедника (*Life*, etc., I. 459 sq., II. 104 sqq., 112-117).

²⁰⁹⁷ Автор в Wetzler-Welte (I. 995) заявляет, что язык сохранился нетленным по сей день. См. Lempp, *Leben d. hl. Antonius v. Padua*.

²⁰⁹⁸ Существует много изданий проповедей Бертольда. Cruel, pp. 307-322; Linsenmayer, pp. 333-354; E. Bernhardt, *Bruder Berthold von Regensb.*, etc., Erf., 1905. Издания его проповедей: Kling, Berlin, 1824; Pfeiffer, Vienna, 1862; J. Strobel, 2 vols. Vienna, 1880; Gobel, 2 vols. Schaffh., 1850; 4th ed., Regensb., 1905; также *Predigten a. d. Sonn und Festtagen*, 2 vols. 1884; G. Jacob, *D. latein. Reden d. Berthold*, etc., Regensb., 1880.

Стиль этого прославленного проповедника особенно красноречив. Он приводил в пример звезды и поля, леса и воды. Казалось, что для него открыты самые тайные сердечные помыслы. Круэл, специалист по средневековой немецкой проповеди, указывает на три его сильные стороны: миряне хорошо понимали его простонародный говор, его выразительная личность никогда не скрывалась за цитатами из авторитетов, он пылко любил Бога и человека. Он непримиримо выступал против пороков того времени — ростовщичества, жадности, блуда, пьянства, танцев, турниров и против всего, что нарушает святость семьи.

В качестве побудительных аргументов проповеди он использовал отцовство Бога и братство людей, но особенный страх он внушал напоминаниями о погибели и связанных с ней мучениях. Если бы все ваше тело, говорил он, было раскаленным железом, а весь мир — огнем, это все равно не сравнилось бы с муками грешников, ведь когда душа соединяется с телом в аду, она попадает из состояния утренней росы в пылающее жерло. Его проповеди оживлены образными диалогами, в которых ведущим лицом выступает дьявол. Бертольд требовал раскаяния и дел покаяния, но он был сыном своего времени — жестоким по отношению к еретикам и не выступал против принятых догм.

До нас дошло внушительное количество проповедей, отчасти анонимных, созданных в средние века в Германии, где проповедь, похоже, была наиболее популярна²⁰⁹⁹. Среди проповедников можно назвать Готфрида, аббата Адмонта (ум. в 1165), Гонория Отунского (ум. в 1152) и Вернера из Св. Власия в Шварцвальде (ум. в 1126). Проповеди Готфрида, из которых сохранилось около двухсот, занимают более тысячи колонок у Миня (174. 21-1133). Они полны экзегетического и назидательного материала, как и все прочие речи средних веков.

Гонорий и Вернер подготовили *homiliaria*, то есть сборники проповедей, задуманные как гомилетический арсенал для проповедников. Сборник Гонория, «Зеркало церкви»²¹⁰⁰, составлен из его собственных речей, а большая часть текстов взята из Псалтири. Проповеди делятся на тридцать шесть воскресений, или праздничных дней, иногда три или четыре проповеди объединены под одним заголовком. В одной из проповедей он поочередно обращается к различным группам своих слушателей. Интересная особенность его проповедей — разбросанные тут и там намеки на гомилетическую методологию. Следующие две цитаты показывают, что и в добрые старые времена тоже приходилось менять длительность проповеди в зависимости от терпения слушателей: «Вы можете закончить проповедь здесь, если хотите, а если время позволяет, можете добавить еще вот что...»; «Ради краткости вы можете немного сократить эту проповедь, а если время позволяет, можно сделать ее длиннее».

Сборник Вернера, «Цветы от отцов церкви» (*Deflorationes sanctorum patrum*), занимает более пятисот колонок у Миня (151. 734-1294). В нем речи патристического периода сочетаются с прочими проповедями. Некоторые из них, вероятно, принадлежат самому Вернеру. Тринадцать проповедей взяты из Гонория Отунского. К сожалению, за отсутствием места мы не можем привести образцы проповедей из этих сборников.

Об английской кафедре можно сказать не так много. На ней тогда не было проповедников, которые в плане славы сравнились бы с проповедниками Герма-

²⁰⁹⁹ См. Cruel, 146-208; Linsenmayer, 191-320.

²¹⁰⁰ *Speculum ecclesiae* (Migne, vol. 172). См. Rocholl, в Herzog, VIII. 327-331; Endres, *Honor. August.*, Leip., 1903. Гонорий называет себя *Augustoduniensis*, но непонятно, имеется в виду Отун или Страсбург.

нии и Италии. Наш основной источник информации — два тома «Старых английских гомилий» Морриса, содержащие английский перевод наряду с саксонским оригиналом. Имена проповедников утрачены. Проповеди представляют собой краткие объяснения текстов Писания, символа веры, молитвы Господней, посвящены Марии и апостолам и адаптированы к нуждам и искушениям повседневной жизни. В проповеди о символе веры²¹⁰¹ есть общее вступление, которое вполне могло быть написано и каким-нибудь мудрым нынешним проповедником: «Каждый человек должен обладать тремя вещами, которые ведут к христианскому образу жизни: правильной верой, крещением и добропорядочной жизнью. Если у кого-то нет хотя бы одной из этих вещей, он уже не в полной мере христианин». В другой проповеди он говорит о четырех ловушках, которые дьявол расставил в четырех ямах: ловушка праздности в яме азартных игр, ловушка преслушания в яме пьянства, ловушка обмана в яме торгашества, и ловушка гордости в яме церкви. В последнюю ловушку попадает духовенство — когда священник пренебрегает своим служением, не говорит то, что должен, или распевает песни для того, чтобы понравиться женщинам²¹⁰².

По материалам проповедей этого периода можно сделать общий вывод, что в то время, в точности как и сегодня, для христианской веры представляли опасность человеческие страсти, склонность пренебрегать религиозными обязанностями и привычка подменять подлинную веру ее видимостью. А кроме того, призывы проповедников были аналогичны современным призывам, разве что в те дни больше внимания уделялось теме адских мучений.

§133. Гимны и священная поэзия

ЛАТИНСКИЕ ГИМНЫ. Н. А. DANIEL: *Thesaurus Hymnol.*, 5 vols. Halle and Leipzig, 1855 — 1856. — F. J. MONE: *Latein. Hymnen d. Mittelalters*, 3 vols. Freib., 1853 — 1855. — R. C. TRENCH: *Sacr. Lat. Poetry with Notes*, Lond., 1849, 3^d ed., 1874. — G. A. KÖNIGSFELD: *Latein. Hymnen und Gesänge d. MtA.*, 2 vols. Bonn, 1847 — 1863 с переводами. — J. M. NEALE: *Med. Hymns and Sequences*, Lond., 1851, 3^d ed., 1867; *Hymns chiefly Med. on the Joys and Glories of Paradise*, Lond., 1862, 4th ed., изд. S. G. HATHERLEY, 1882. — W. J. LOFTIE: *Lat. Hymns*, 3 vols. Lond., 1873 — 1877. — F. W. E. ROTH: *Lat. Hymnen d. MtA.*, Augsb., 1888. — *G. M. DREVES and C. BLUME: *Analecta hymnica medii aevi*, Leipz., 1886 — 1906, 49 parts, 16 vols. — U. CHEVALIER: *Repertorium hymnol. Cat. des chants, hymnes, proses, sequences, tropes*, etc., 2 vols. Louvaine, 1892 — 1897; *Poésie liturg. du moyen âge*, Paris, 1893. — S. G. PIRMONT: *Les hymnes du Bréviare rom.*, 3 vols. Paris, 1874 — 1884. — ED. CASWALL: *Lyra Catholica* (197 переводов), Lond., 1849. — R. MANT: *Anc. Hymns from the Rom. Brev.*, новое издание, Lond., 1871. — F. A. MARCH: *Lat. Hymns with Engl. Notes*, N. Y., 1874. — D. T. MORGAN: *Hymns and other Poems of the Lat. Ch.*, Oxf., 1880. — W. H. FRERE: *The Winchester Tropar from MSS. of the 10th and 11th centt.*, Lond., 1894. — H. MILLS: *The Hymn of Hildebert and the Ode of Xavier*, с англ. перев., Auburn, 1844. — W. C. PRIME: *The Seven Great Hymns of the Med. Ch.*, N. Y., 1865. — E. C. BENEDICT: *The Hymn of Hildebert and other Med. Hymns*, с переводами, N. Y., 1867, 2^d ed., 1869. — A. COLES: *Dies Irae and other Lat. Poems*, N. Y., 1868. — D. S. WRANGHAM: *The Liturg. Poetry of Adam de St. Victor*, с англ. перев., 3 vols. Lond., 1881. — OZANAM: *Les Poètes Franciscains en Italie au XIIIe siècle*, Paris, 1852, 3^d ed. 1869. — L. GAUTIER: *Oeuvres poet. d' Adam de St. Victor*, Paris, 1858, 2^d ed., 1887; *Hist. de la poésie liturg. au moyen âge*. Paris, 1886. — P. SCHAFF: *Christ in Song, a Collection of Hymns*, английский текст и переводы с примечаниями, N. Y. and Lond., 1869. — SCHAFF and GILMAN: *Libr. of Rel. Poetry*, N. Y., 1881. — SCHAFF: *Lit. and Poetry*, N. Y., 1890. Содержит очерки о святом Бернаре как авторе гимнов *Dies irae*, *Stabat mater*, etc. — S. W. DUFFIELD: *Lat. Hymn Writers and their Hymns*, N. Y., 1889.

²¹⁰¹ *Old Engl. Hom.*, II, 14.

²¹⁰² II, 209 sqq.

О НЕМЕЦКИХ ГИМНАХ, etc. С. Е. P. WACKERNAGEL: *D. Deutsche Kirchenlied von d. ältesten Zeit bis zum 1600*, 5 vols. Leip., 1864 — 1877. — Ед. Е. КОХ: *Gesch. des Kirchenlieds und Kirchengesangs*, 2 vols. 1847, 3^d ed., LAUXMANN, 8 vols. 1866 — 1876. — Ст. *Hymnus und Kirchenlied* в WETZER-WELTE, VI. 519-551, VII. 600-606; *Kirchenlied*, в HERZOG, автор DREWS, X. 409-419, и *Lat. and Ger. Hymnody in Julian's Dicty. of hymnology*.

ПРИМЕЧАНИЕ. Сборник латинских гимнов Дрекса и Блюма, членов ордена иезуитов, — памятник трудолюбия и учености. За немногими исключениями он содержит ранее не опубликованные произведения. Этот сборник был задуман как исчерпывающий, и можно только удивляться разнообразию средневековой священной поэзии. В каждом томе около семисот страниц и в среднем 1100 стихотворений. Гимнологические сокровища искали в монастырях и бревиариях всех областей Западной Европы. Иногда целый том, или *Heft* (ибо тома пронумерованы), посвящен поэмам одного монастыря, как № VII (282 стр.), — прозе монастыря Св. Марциала в Лиможе. № XL содержит *секвенции* из английских рукописей — молитвенников Солсбери, Йорка, Кентерберии и Винчестера и издан Х. М. Баннистером (1902). Одна из самых любопытных частей — том XXVII (287 стр.), содержащий религиозные поэмы мозарабов и готтскую литургию. Если Дрекс добавит печатное издание средневековой латинской поэзии, присутствующее у Моуна, Дэниэла и в других стандартных сборниках, его сборник превзойдет все сборники его предшественников.

Средневековая проповедь — это тема, возбуждающая, в лучшем случае, любопытство отдельных исследователей. Со средневековыми гимнами дело обстоит иначе. Они сияют в собрании величайших гимнов всех веков, используются при богослужении во всех церквях Запада и продолжают выполнять священные функции. Они принадлежат не одной конфессии и не одному веку, а христианам всех эпох.

Латинская священная поэзия Средневековья, из которой до нас дошли тысячи образцов, по большей части была создана под сенью монастырских стен, особенно в Сен-Галлене, в Сен-Марциале, в Лиможе, Ключни, Клерво и Сен-Викторе близ Парижа. Некоторые из этих стихотворений стали использоваться в церковном богослужении или для молитвенного чтения. Рифма стала общепринятой стихотворной формой после 1150 г.

Эти произведения включают в себя литургическую прозу, гимны, секвенции, тропы, псалтири и рифмованные молитвы для четок, называемые *rosaria*. Псалтири (*psalteria rhythmica*), в подражание псалмам, делились на сто пятьдесят частей и были обращены к Троице, Иисусу и Марии, причем наибольшее количество — к Марии²¹⁰³. Слово «секвенция», изначально относившееся к мелодии, впоследствии стало использоваться и по отношению к богослужебному стихотворению. Ноткер из Сен-Галлена первым стал заниматься переложением таких стихотворений на секвенции, или мелодии²¹⁰⁴. Тропы были краткими стихами, включенными в богослужения или литургии. Они соединялись с *Gloria*, *Hosanna* и другими ее частями. Тропы возникли во Франции и были особенно популярны там и в Англии²¹⁰⁵.

Латинская средневековая поэзия создавалась в основном во Франции и Германии. Англия произвела лишь небольшое количество религиозных поэтических произведений, и ни одно из них не имеет особого значения. Лучшее из

²¹⁰³ В № XXXV, 254-270, Дрекс приводит две псалтири, приписываемые Ансельму.

²¹⁰⁴ *Anal. Hymn.*, XLVII. 11 sq.

²¹⁰⁵ Блюм собрал сотни тропов в *Anal. Hymn.* В них может быть от двух-трех до пятидесяти строк. Готье первым обратил внимание современных исследователей на этот забытый жанр средневековой поэзии. (Как составная часть литургической духовной поэзии, троп — это, по сути, то же самое, что и тропарь (заимствован из богослужения Восточной церкви и встречается на Западе с VIII века). Расширение тропов тогда же привело к появлению литургических секвенций. Тридентский собор положил конец использованию тропов и большинства секвенций в западной литургии.)

них — рифмованная служба архиепископа Пекхема (ум. в 1292) в честь Троицы, из которой было взято три гимна²¹⁰⁶. Один из стихов звучит так:

*Adesto, sancta trinitas
Par splendor, una deitas,
Qui exstas rerum omnium
Sine fine principium.*

Приблизься, о святая Троица,
Равная по великолепию, единая по Божественности;
Начало всего сущего,
Не имеющее конца.

Средневековые гимны на немецком языке многочисленны. Обычай смешивать немецкие и латинские строки в одном гимне был очень распространен, особенно в следующем периоде. Количество саксонских гимнов, созданных в Англии, весьма ограничено²¹⁰⁷.

Хотя литургическое богослужение пелось священниками, пение было распространено и среди народа, особенно в Северной Италии и Германии. Флагелланты пели. Герхот из Райхерсберга (ум. в 1169) говорил, что весь народ прославлял Спасителя в гимнах²¹⁰⁸. В момент битвы под Тускулумом (1168) армия пела *Christ der du geboren bist*.

Святой Бернар, покинув Германию, говорил своим товарищам, что ему не хватает немецких песен. На совместных религиозных богослужениях народ в какой-то степени участвовал в пении. Песни назывались *Leisen*, и Бертольд Регенбургский по завершении своих проповедей обыкновенно призывал собрание спеть²¹⁰⁹. Он жаловался, что еретики увлекают за собой детей своими песнями. Гонорий Отунский давал людям указания присоединяться к пению: «Теперь вознесем к небу наши голоса» или «Споем, прославим Сына Божьего».

Если сравнить средневековую священную поэзию с гимнами Амвросия и Пруденция, то первой недостает решительного и ликующего тона последних. Она написана в миноре, для выражения нежных сердечных чувств, страхов и переживаний. Она посвящена распятию и тайне вечера Господней, страстно взывает к Марии о ее заступничестве, прославляет ее совершенства, рассказывает об ужасном и торжественном часе суда и о восхитительной славе рая. Хотя мы не можем разделить с поэтами их богословские взгляды, нас не могут не увлечь их благозвучные каденции и нежность их веры.

Среди поэтов начала рассматриваемого периода можно назвать Петра Дамиани (некоторые из его гимнов включены в бревиарии²¹¹⁰), Ансельма Кентерберийского и Гильдеберта, архиепископа Турского (ум. в 1134). Некоторые строки Гильдеберта использовал Лонгфелло в своей «Золотой легенде». Абельяр также писал гимны, один из которых, о сотворении, был переведен Тренчем²¹¹¹.

Бернар Клервоский, по свидетельству ученика Абеяра, Беренгара, с юных лет занимался сочинением поэтических произведений²¹¹². Ему приписывают пять длинных религиозных поэм²¹¹³. Из «Рифмованной песни во имя Христа»

²¹⁰⁶ Их прозаическое переложение можно найти в Сарумском служебнике, ок. 1400 г. (ed. Maskell, *Mon. ritualia*, vol. III). Дэниэл приводит все три (I. 276, etc.). Дреус приводит *adesto et festi laudes*, № IV, 14, и называет первый «гимном в строгом смысле этого слова». См. № XXIII, 5, 6, где Дреус признает Пекхема их бесспорным автором.

²¹⁰⁷ Два из них, обращенных к Марии, и один — к Богу, приведены в Morris, *Old Engl. Hom.*, II. 255 sqq.

²¹⁰⁸ Hauck, IV. 60.

²¹⁰⁹ Linsenmayer, *Deutsche Predigt*, pp. 70, 132.

²¹¹⁰ Migne, 145. 930 sqq. См. *Libr. of Rel. Poetry*, pp. 897, 880.

²¹¹¹ Кузен приводит 97 этих стихотворений в своем издании Абеяра, 1849.

²¹¹² *Apol. pro Abaelardo*, Migne, 178. 1857.

(*Jubilus rhythmicus de nomine Jesu*) в Римский бревиарий вошли три гимна, которые используются на праздновании имени Христа, — *Jesu, dulcis memoria* («Иисус, сладка мысль о Тебе»), *Jesu, rex admirabilis* («Иисус, чудесный Царь»), *Jesus, decus angelicum* («Иисус, Ты — Красота»). Первый из этих гимнов доктор Филип Шафф называл «сладчайшим и самым евангельским гимном Средневековья»²¹¹⁴.

Поэма, обращенная к «Членам тела Христова на кресте» (*Rhythmica oratio ad unum quodlibet membrorum Christi patientis*), — это ряд благочестивых стихотворений, адресованных ногам, коленям, рукам, ребрам, груди, сердцу и лику распятого Спасителя. Из стихотворения, обращенного к лику нашего Господа (*Salve caput crucientatum*), Иоанн Герхардт (1656) почерпнул свой *O Haupt voll Blut und Wunden* («О священная глава, ныне раненная, обремененная скорбями и позором...»).

На свой век Бернар оказывал влияние разными способами, а на наш продолжает оказывать влияние в основном через свои гимны.

Бернар из Клуни (ум. ок. 1150) прославился как автор самого прекрасного и широко исполняемого гимна о небесах, «Золотой Иерусалим». Он жил в монастыре Клуни, когда аббатом там был Петр Достопочтенный (1122 — 1156). Иногда его называли Бернаром из Морле, так как он, вероятно, родился в Морле, в Бретани. О конце его жизни ничего не известно. Он остался жить в своей поэме «О презрении к миру» (*De contemptu mundi*), на основании которой создавались гимны с тем же названием²¹¹⁵. Она содержит почти три тысячи строк и посвящена Петру Достопочтенному. Наряду с потрясающими описаниями небес, которые идут рефреном, в ней есть сатира о безумствах того века и о жадности римского престола²¹¹⁶. Ее довольно сложно переводить, поскольку она написана дактилическими гекзаметрами с леонинской и концевой рифмами²¹¹⁷.

Самым плодовитым из средневековых поэтов, писавших на латыни, был Адам Сен-Викторский (ум. ок. 1180) — один из тех, кто прославил монастырь Сен-Виктор. Он писал труды в области экзегетики и психологии, однако известен в основном как поэт. Готье, Нил и Тренч объявили его «самым выдающимся из поэтов Средневековья, творивших на латыни», но ни один из его гимнов не сравнится с гимнами Бернара²¹¹⁸ *Stabat mater* или *Dies irae*. Многие из произведе-

²¹¹⁸ См. Herold, *Bernhard's Hymnen*, в Herzog, II. 649. Текст гимнов есть в Migne, 184. 1307 sqq., и частично — в Schaff, *Lit. and Poetry*, etc. Мабийон, издание которого воспроизводит Минь, сомневается в подлинности всех их, кроме двух, а Вакандар (*Vie de S. Bern.*, II. 103) и Оро (*Les poëms attribués a S. Bern.*, Paris, 1890) — вообще всех. Но их приписывает Бернару древнее предание, и, скорее всего, их автором является именно Бернар. Герольд выступает в защиту авторства Бернара.

²¹¹⁴ Несколько его стихов в вольном переводе Рэя Палмера стали самыми популярными стихотворениями Бернара в американских церквях:

*Иисус, Ты — радость любящих сердец,
Ты — источник жизни, Ты — свет людей,
От лучших благословений, которыми наделяет земля,
Мы, неудовлетворенные, вновь обращаемся к Тебе.*

²¹¹⁵ Девяносто шесть строк оригинала известны английским читателям благодаря Тренчу. Перевод Нила приводится в *Libr. of Rel. Poetry*, pp. 981-985; прозаический перевод всей поэмы (автор — д-р S. M. Jackson) — в *Am. Journ. of Theol.*, 1906. См. примечание в Schaff, *Christ in Song*, Lond. ed., pp. 511 sq.

²¹¹⁶ По этой причине Флаций Иллирик напечатал поэму полностью в своем сборнике стихотворений о разращенности церкви (*Varia doctorum piorumque virorum de corrupto eccles. statu poemata*, Basel, 1557). У меня есть экземпляр этого редкого тома.

²¹¹⁷ {Рифмованием частей одной строки (серединными рифмами) и окончаний разных строк.}

дений Адама посвящены Марии и святым, в том числе Фоме Бекету. Все они проникнуты глубоким благочестием²¹¹⁹.

Наиболее возвышенными и полными веры гимнами мы обязаны двум выдающимся богословам, Бонавентуре и Фоме Аквинату. Одна из священных поэм Бонавентуры, вошедшая во многие сборники гимнов, начинается словами:

*Recordare sanctae crucis
Qui perfectam viam ducis.
(«Вспомним крест Христа священный —
Подвиг жизни совершенной...»)*

Три гимна Фомы Аквината вошли в Римский бревиарий. В течение шестисот лет два из них составляли часть обряда на праздник *Corpus Christi* — *Pange, lingua, gloriosi corporis mysterium* («Воспой, язык мой, тайну...») и *Lauda, Zion, salvatorem* («Славь Спасителя, Сион»)²¹²⁰.

В обоих этих замечательных гимнах находит свое полное выражение учение о пресуществлении.

Никакие другие гимны древности или Средневековья не привлекли к себе столько внимания, как *Dies irae* и *Stabat mater*. Они были продуктом исключительного религиозного рвения, которым отличался францисканский орден в ранний период своего существования, и никто никогда не превозмогал торжественного величия первого гимна и нежного и трогательного пафоса второго.

Фома Челанский, автор *Dies irae*²¹²¹, родился около 1200 г. в Челано, недалеко от Неаполя, и стал одним из первых соратников Франциска Ассизского. В 1221 г. он сопровождал Цезария Шпейерского в Германию, а несколько лет спустя стал настоятелем (*custos*) францисканских монастырей Вормса, Шпейера, Майнца и Кельна. Вернувшись в Ассизи, он написал по поручению Григория IX «Житие святого Франциска», а позже, по приказу генерала его ордена, второе его «Житие».

Dies irae начинается строками:

<i>Dies irae, dies illa</i>	День гнева, в этот день
<i>solvet saeculum in favilla,</i>	Мир превратится в раскаленный пепел,
<i>teste David cum sibylla.</i>	Как свидетельствовали Давид и сивилла ²¹²² .

Это грандиозное поэтическое произведение описывает уничтожение мира и трепет, с которым грешник, ожидающий ужасного последнего дня, молит о милосердии. Доктор Филип Шафф²¹²³ охарактеризовал *Dies irae* как «признанный шедевр латинской церковной поэзии и величайший гимн всех времен о послед-

²¹¹⁸ Deutsch (ст. *Adam de S. Victor*, Herzog, I. 164, Migne, vol. 196) приводит 36 стихотворений Адама. Готье в 1858 г. обнаружил 106 из них в библиотеке Лувра, куда они попали после разрушения Сен-Виктора во время Французской революции. Из них 45 он считает подлинными.

²¹¹⁹ Врэнгем переводит все гимны Адама. Марч приводит восемь стихотворений в оригинале. Некоторые из них вошли в английские сборники гимнов. См. Julian, p. 15.

²¹²⁰ Julian, pp. 662 sqq., 878 sqq. Также *Christ in Song*, англ. изд., pp. 467 sqq. Дэниэл приводит пять гимнов Фомы, I. 251-256, II. 97.

²¹²¹ Первое упоминание о его авторстве мы находим в *Liber conformitatum*, ок. 1380 г. Древнейшая рукопись — доминиканский молитвенник из Бодлеанской библиотеки, того же периода.

²¹²² В самом известном из переводов сэр Вальтер Скотт довольно свободно перелагает первые строки:

*That day of wrath, that dreadful day,
When heaven and earth shall pass away,
What power shall be the sinner's stay?
How shall he meet that dreadful day?*

²¹²³ *Lit. and Poetry*, pp. 135-186.

нем суде». Поэт — единственное действующее лицо. Он размышляет о грядущем суде над миром, слышит трубу архангела над отверстием гробом, выражает чувства вины и отчаяния и завершает гимн молитвой о милости, которую Спаситель явил к Марии Магдалине и разбойнику на кресте. Строфы переливаются как орган. Они то обрушиваются на нас, подобно удару грома, то текут нежно и трепетно, как шепот молитвы в гулком величии собора. Первые слова взяты из Соф. 1:15. Подобно отцам церкви, Микеланджело и другим художникам Возрождения, автор соединяет предсказания язычницы Сивиллы с пророчествами Ветхого Завета.

Этот гимн использовался в День всех святых, 2 ноября. Моцарт включил его в свой реквием. Он переводился чаще, чем любое другое латинское стихотворение²¹²⁴. Вальтер Скотт включил его в «Балладу последнего менестреля», а у Гете Маргарита дрожит в отчаянии, услышав его в соборе.

Самый нежный гимн Средневековья — *Stabat mater dolorosa* («Стояла скорбящая мать»). Вот его первая строфа:

*Stabat mater dolorosa
juxta crucem lachrymosa
dum pendebat filius;
cujus animam gementem
contristatam ac dolentem
pertransiit gladius.*

Стояла скорбящая мать
И плакала возле креста,
Когда на нем висел Сын,
Душу Которого, стенающую,
Сочувствующую и сострадающую,
Пронзил меч.²¹²⁵

Этот гимн занимает ведущее место среди многочисленных средневековых гимнов, посвященных Марии, и, несмотря на очевидную связь с культом Марии, пробуждает в человеческом сердце сильнейшие чувства. Содержащуюся в нем страсть пытались передать языком музыки Палестрина, Асторга, Перголезе, Гайдн, Беллини, Россини и другие композиторы.

Гимн описывает страдания Марии, которая взирает на умирающего Сына. Первая строка взята из Ин. 19:25. Поэт молит Марию о возможности присоединиться к ней в ее скорби, обрести ее защиту в судный день и быть допущенным в славу. Гимн вошел во все молитвенники. В Италии его пели флагелланты в конце XIV века²¹²⁶.

Якопоне из Тоди, автор этих гимнов, называемый также Якопо деи Бенедетти (ум. в 1306), вел разнузданный образ жизни, но обратился, когда его жена внезапно погибла из-за обрушившейся галереи театра. Он прекратил заниматься правом, по которому к тому времени уже получил обе ученые степени в Болонье, и вступил во францисканский орден²¹²⁷. Он отличался чрезмерной аскетической

²¹²⁴ Julian (pp. 299 sqq.) приводит список из 133 переводов, из которых девятнадцать вошли в молитвенники. *London Athenaeum* (July 26, 1890) приводит еще больший список из 87 британских и 92 американских переводов. Первый английский перевод был выполнен Джошуа Сильвестром (1621), один из лучших — У. Дж. Айронсом (1848).

²¹²⁵ *At the cross her station keeping,
Stood the mournful mother weeping,
Close to Jesus to the last;
Through her heart, His sorrow sharing,
All His bitter anguish bearing,
Now at length the sword had passed.*

Помимо перевода Кэзуэлла, доктор Шафф приводит еще ряд переводов (*Lit. and Poetry*, pp. 187-218).

²¹²⁶ Аналогичный ему гимн, *Stabat mater speciosa* («Стояла прекрасная мать»), который приписывают тому же автору, был обнаружен в 1852 г. См. *Lit. and Poetry*, pp. 219-230.

²¹²⁷ Julian, pp. 1080-1084, ст. *Jacopone*, автор Lauxmann-Lempp, в Herzog, VIII. 516-519, и ссылки на Ваддингга, приведенные там. Флорентийское издание его трудов (1490) включает 100 стихотворений на итальянском языке, а венецианское (1614) — 211.

суровостью. Однажды он вышел на людную площадь на четвереньках, оседланный, как лошадь. Он написал на разговорном языке ряд стихотворений, изобличающих пороки того времени и обвиняющих Бонифация VIII в жадности. Он поддержал протест Пьетро Колонны против этого папы. Бонифаций посадил его в темницу. Рассказывают, что однажды папа спросил его, когда он надеется выйти из тюрьмы, и Якопоне ответил: «Когда ты войдешь». Поэта освободили только после смерти Бонифация в 1303 г. Последние годы жизни он провел в монастыре Коллацоне. Его утешением в последние часы жизни стал его собственный гимн *Giesu nostra fidanza* («Иисус — наше упование»).

§134. Религиозная драма

ЛИТЕРАТУРА. W. HONE: *Anc. Mysteries*, Lond., 1823. — W. MARRIOTT: *Col. of Engl. Miracle Plays*, Basel, 1838. — J. P. COLLIER: *Hist. of Engl. Dram. Poetry*, 2 vols. Lond. 1831; новое издание, 1879. — TH. WRIGHT: *Engl. Mysteries*, Lond., 1838. — F. J. MONE: *Altdeutsche Schauspiele*, Quedlinb., 1841; *D. Schauspiel d. Mtl.*, 2 vols., Karlsr., 1846. — *KARL HASE: *D. geistliche Schauspiel*, Leip., 1858, англ. перев. A. W. Jackson, Lond. 1880. — E. DE COUSSEMAKER: *Dramas liturg. du moyen âge*, Paris, 1861. — E. WILKEN: *Gesch. D. Geistl. Spiele In Deutschland*, Götting., 2^d ed., 1879. — A. W. WARD: *Hist. of Engl. Dram. Lit.*, Lond., 1875. — G. MILCHSACK: *D. Oster und Passionsspiele*, Wolfenbüttel, 1880. — *A. W. POLLARD: *Engl. Miracle Plays, Moralities and Interludes*, со вступлением и примечаниями, Lond., 1890, 4th ed., 1904. — C. DAVIDSON: *Studies in the Engl. Mystery Plays*, 1892, напечатано для Йельского университета. — W. CREIZENACH: *Gesch. des neueren Dramas*, 3 vols. Halle, 1893 — 1903. — HEINZEL: *Beschreibung des geistl. Schauspiels im Deutschen Mtl.*, Leip., 1898. — O'CONNOR: *Sacred Scenes and Mysteries*, Lond., 1899. — *E. K. CHAMBERS: *The Mediaeval Stage*, 2 vols. Oxf., 1903. — Ст. в *Nineteenth Century*, June 1906, *Festum stultorum*, автор V. HEMMING. — J. S. TUNISON: *Dram. Traditions of the Dark Ages*, Cincinnati, 1907. См. обширный список трудов в Chambers, I. xiii-xlii.

Важное содействие народной вере оказывала священная драма, которая поощрялась клиром и сначала исполнялась в церквях или церковных приделах. В средние века она в какой-то мере заменяла проповедь и воскресную школу. Древнеримская драма была жестоко раскритикована христианскими отцами церкви начиная с Тертуллиана и синодами, которые осуждали призвание актера как противное христианской вере. Отчасти вследствие этой оппозиции, а отчасти из-за той вульгарной низменности, до которой она деградировала, римская сцена была отвергнута. Согласно двум сводам германского права, «Саксонскому зеркалу» и «Швабскому зеркалу», актеры не имели никаких юридических прав²¹²⁸. Однако драматические инстинкты не умерли и через какое-то время вновь проявились в Западной Европе.

Средневековая драма развивалась самостоятельно. Она была продуктом местных усилий монастыря и священства, тесно переплетенным с церковным богослужением. Ее история делится на два периода, до второй половины XIII века и после. В первый период представления в основном контролировались клиром. Актерами были священники, и стоявшие перед ними задачи были исключительно религиозными. Во второй период в драму стали свободно вставляться элементы пантомимы и бурлеска, а священство перестало выполнять контролирующую функцию. Современная драма появилась в XVI веке, во времена Шекспира.

Средневековые представления назывались играми (*ludi*), мистериями, мираклями и моралите. Термин «моралите» использовался для обозначения пьес, в

²¹²⁸ Eicken, p. 674.

которых были представлены персонифицированные добродетели и пороки, ведущие диалог, чтобы обучить зрителей повседневной сдержанности и вере. Термин «мистерия» происходит от слова *ministerium*, которое означает священное служение²¹²⁹. Ранний период религиозной драмы был также веком странствующих комедиантов и шутов, которые развлекали и поучали народ. Такими были трубадуры Прованса и Северной Италии, фигляры, скоморохи и жонглеры Франции, которые пели *chansons de geste*, «песни о деяниях»²¹³⁰. Миннезингеры Германии и английские менестрели относятся к той же общей группе. Трудно сказать, насколько велико было влияние двух этих движений друг на друга. Одно зародилось в монастыре и преследовало строго религиозные цели, тогда как другое появилось среди народа и служило его развлечению.

Первое литературное выражение средневековая драма нашла в шести коротких пьесах Хросвиты, монахини из саксонского монастыря Гандерсгейм, которая умерла около 980 г. Они написаны в подражание Теренцию и прославляют мученичество и целомудренную чистоту. В одной из них рассказывается о том, как римский наместник домогался девственниц-христианок, которых запер в помещении для мытья посуды на кухне своего дворца. Но, к счастью для пленниц, наместника поразило безумие, он стал целовать горшки и котлы, и его, всего в сажу и грязи, бесцеремонно гонял дьявол. Неизвестно, ставились эти пьесы на сцене или нет²¹³¹.

Но Хросвита была исключительным явлением, и средневековые пьесы берут начало не с нее, а с литургических обрядов, связанных с праздниками Пасхи, страстной пятницы и Рождества. Для того чтобы служба оказала более сильное воздействие, чем простое чтение или распев текста, в нее вводился драматический элемент, который первоначально представлял собой простые картины с людьми. Эти картины существовали уже до XI века, и их предшественниками были тропы, или стихотворные вставки, добавлявшиеся по ходу литургии, чтобы оказать большее воздействие на поклонявшихся²¹³².

Первые драматические действия были связаны с богослужениями на страстную пятницу и на Пасху. В страстную пятницу крест прятали под покрывалом, в алькове стены или же в специальном деревянном ограждении. Такие углубления в стенах (*sepulchres*, «склепы») до сих пор встречаются в Нортвольде, Нэвенби и других английских церквях. А на Пасху распятие открывалось в ходе торжественного обряда. В «Древних обрядах Дарема» Дэвиса есть такое описание²¹³³:

В церкви Дарема в страстную пятницу проводится замечательная торжественная служба, в ходе которой два старых монаха берут большое золотое распятие с изображением нашего Спасителя Христа, пригвожденного к кресту... Когда богослужение заканчивается, эти два монаха несут крест к «склепу» с большой почтительностью («склеп» устанавливается утром на северной стороне хоров рядом с главным алтарем до начала службы) и укладывают его в «склеп» с великим благоговением.

²¹²⁹ Не от *mysterium*. Древнефранцузское слово — *misterre*. Термин «мистерия» в Англии не использовался. Там говорили о пьесах и мираклях. {В такой формулировке этимология Шаффамладшего представляется сомнительной и, похоже, ничем не подтверждается. Скорее, значение слова *ministerium* («священное служение») наложило на семантику слова *мистерия* в связи с тем, что театральные представления стали разновидностью церковной деятельности.}

²¹³⁰ {Жонглер в исходном смысле — бродячий певец и комедиант, но жонглерами назывались и исполнители благочестивых представлений о житии святых.}

²¹³¹ Текст приводится в Migne (137. 975-1062) вместе с несколькими стихотворениями, приписываемыми Хросвите, одно из которых, «Падение и обращение святого Феофила», часто считалось исходным вариантом истории Фауста.

²¹³² См. Blume, *Tropen d. Missale in Analecta hymn.*, XLVII. 7.

²¹³³ Chambers, II. 310.

К этой простой церемонии, призванной произвести впечатление на народное воображение, скоро добавились и другие реалистические элементы, такие как появление ангелов и женщин у гроба, соревнование между Петром и Иоанном, разговор Марии и садовника. Стали вводиться диалоги, основанные на тексте Библии. Один из наиболее древних таких диалогов — беседа женщин с ангелами:

— Кого вы ищете у гроба, поклоняющиеся Христу?
— Иисуса из Назарета, распятого, о обитатели небес.

«*Quam quaeritis in sepulchro, Christocolae?*»
«*Jesum Nazarenum, crucifixum, o coelicolae.*»

В Рождество драматические действия предполагали участие ангелов, волхвов и других персонажей, а также присутствие настоящей колыбели или яслей. Священники в одежде пастухов приближались к яслям, где их встречали вопросом:

— Кого вы ищете в яслях, о пастухи, скажите?

«*Quem quaeritis in praesepe, pastores, dicite?*»

На что они отвечали:

— Спасителя, Господа Христа, Младенца в пеленах.

И это было только начало. Позже в подобных представлениях были задействованы все сюжеты Писания, от грехопадения Адама до последнего суда.

Первое упоминание о чуде в Англии связано с пьесой о святой Екатерине с участием учеников аббатства Данстейбл вскоре после 1100 г.²¹³⁴ Уильям Фиц-Стефен, писавший около 1180 г., противопоставлял религиозные пьесы, исполнявшиеся в его дни в Лондоне, драмам языческого Рима.

В амбициозной немецкой пьесе XIII века представлен Августин, сидящий перед церковью, Исаия, Даниил и другие пророки по его правую руку, первосвященник и иудеи — по левую. Исаия произносил свое пророчество о Мессии. Сивилла указывала на звезду. Входил Аарон с расцветшим жезлом. Появлялись Валаам и его ослица. Ангел преграждал им путь. Ослица говорила. Валаам произносил свое предсказание о звезде Иакова. Делались пророческие возвещения, торжественно являлся первосвященник, разгоралась дискуссия между ним, с одной стороны, и пророками и Августином, с другой. В следующем акте ангел объявлял о рождении Спасителя. Рождался младенец. На сцену выходили три волхва и пастухи. Затем наступал черед путешествия в Египет. Египетский царь встречал святое семейство. Ирода пожирали черви. И пьеса продолжалась вплоть до появления антихриста. Мы наблюдаем здесь большой прогресс в сравнении с простыми драматическими представлениями предыдущего века, и в то же время только зародыш той сложной драмы, которая разовьется позже. Но, в любом случае, используемый материал был исключительно религиозным.

Драматический инстинкт не удовлетворялся назидательностью библейских тем. Он требовал бурлеска и фарса. В пьесах стали высмеивать Иуду, евреев, дьявола. Иуде платили фальшивой монетой. Дьявол играл роль соблазнителя. Он искушал Еву, льстя ей. Он держал зеркало перед Марией Магдалиной, пока та прихорашивалась, прежде чем пойти танцевать с первым встречным. Он вез грешников в ад на тачке и с насмешливыми церемониями приветствовал заблудших в своем царстве. Часто его изображали как глупого неумеху. Он высказывал

²¹³⁴ Pollard, p. xix. М. Парис называет это представление «мираклем» (*quem miracula vulgariter appellamus*).

со сцены, пугая маленьких детей и вызывая у взрослых зрителей смех. Его неудачи были источником бесконечного веселья.

Не все в церкви одобряли подобные пьесы. Герхох из Райхерсберга выступал против них как против осквернения святой веры. Иннокентий III в 1210 г. если не осудил их вообще, то осудил злоупотребление ими²¹³⁵. Синод в Трире (1227) и другие синоды запрещали священникам устраивать «театральные игры» в церковных зданиях. Цезарий Гейстербахский относился к ним в духе ригоризма. Услышав от одного священника, как молния ударила в сцену и двадцать человек сгорело заживо, он заявил, что сожжение — самое подходящее наказание для тех, кто ведет себя легкомысленно, и посчитал чудом, что присутствовавший там священник избежал подобной участи²¹³⁶.

К концу XIII века пьесы больше не разыгрывали в церквях. Они были перенесены на площади и в другие общественные места. Возникли актерские гильдии. Актерство снова стало признанной профессией. Но религиозный элемент сохранился. Религиозные и назидательные сюжеты оставались основными во всех пьесах. Даже после того, как представления стали разыгрывать на площадях, они, подобно современным политическим собраниям, предварялись молитвами и пением *Veni creator spiritus*. Среди первых обществ, посвятивших себя таким представлениям, было братство Гонфалоне. В часовне общества, Санта Мария делла Пьета в Колизее, пьесы ставились, вероятно, уже в 1250 г. В страстную неделю крыша часовни превращалась в сцену, где разыгрывались представления о страстях²¹³⁷. Первая компания актеров в Париже называлась *confrère de la passion* («братство страстей»).

Праздник дураков и праздник осла. В ходе этих странных праздников, которые восходят к XI веку, клирики безраздельно предавались любви к бурлеску. Сначала эти праздники были отдыхом от серьезного церковного служения, и, хотя в ходе торжеств пародировались религиозные установления, их целью было не святотатство, а невинное развлечение. Позже празднование стало принимать экстравагантные формы и заслужило всеобщее осуждение. Но уже в этот период празднование в церквях и соборах сопровождалось застольями, которые строго критиковал епископ Гроссетест²¹³⁸, а два века спустя — Ян Гус. Оба праздника отмечались в рождественский период и в начале января. Их описывают по-разному, и трудно составить ясное представление о каком-либо из них.

В праздник дураков (*festum stultorum*)²¹³⁹ диаконы и иподиаконы выбирали мальчика епископом или папой и в шутку позволяли ему выполнять функции епископа. Предписания относительно того, как должен быть одет мальчик-епископ, остались в анналах соборов Св. Павла, Йорка и Линкольна; в его одеяние входили белая митра и посох. Эту церемонию проводили и в Итоне. Но наибольшей популярностью праздник пользовался во Франции. Мальчик-прелат ехал на осле во главе процессии, которая двигалась к церкви под звон колоколов и звук музыкальных инструментов. Потом он сходил с осла, облачался в одеяние епископа и садился на возвышение. Далее проходил пир и богослужение, а за ними наступала очередь танцев и других развлечений. Церемония была разной в разных местах. До нас дошло несколько ритуалов.

На праздник осла (*festum asinorum*) центром торжеств (*dramatis persona*) было животное, на котором ездил Валаам. Шкура Валаамовой ослицы была драгоценным приобретением монастыря в Вероне. Праздник проводился с целью наглядно представить библейскую истину, а возможно, и воздать должное уважаемому и многострадальному животному, которое с незапамятных времен возило людей и разные грузы. В Руане празднование происходило на Рождество. В нем принимали участие Моисей, Аарон, Иоанн Креститель, Сивилла, Вергилий, отроки из печи и другие древние

²¹³⁵ О значении бреве Иннокентия ведутся споры. Возможно, речь в нем идет только о празднике дураков. Текст приводится в *Decretals*, III. 1, 12, Friedberg ed., II. 452.

²¹³⁶ *Dial.*, X. 28, Strange ed., II. 238.

²¹³⁷ Gregorovius, *Hist. of the City of Rome*, VI. 712.

²¹³⁸ Luard ed., pp. 118, 161. Об этих праздниках см. *Eselsfest*, в Herzog, V. 497 sq., и *Feste*, в Wetzler-Welte, IV. 1398-1407; Chambers, I. 274-372.

²¹³⁹ Он назывался также *festum hypodiconorum*, праздник иподиаконов.

герои. Центром внимания был Балаам, верхом на осле и со шпорами на ногах. В середине церкви разжигали огонь, вокруг которого стояли шесть иудеев и язычников. Пророки один за другим проповедовали, стараясь обратить их. Когда на пути осла вставал ангел, осел говорил, и Балаам произносил свое пророчество о звезде. Осла ставили у алтаря, на него набрасывали ризу, после чего проводилась высокая месса.

В Бове 14 января отмечали праздник бегства святого семейства в Египет. Осла, на котором сидела «прекраснейшая из дев» с Младенцем в руках, вводили в церковь и ставили перед алтарем на время мессы. В конце обряда священник, вместо того чтобы произнести привычную формулу роспуска собрания (*Ite, missa est*), трижды подражал реву осла (*sacerdos tres hinhannabit*), и народ трижды отвечал: *Hinham* {«Иа»}.

Фривольное поведение и кутежи, связанные с этими праздниками, позорили веру и вызывали нарекания со стороны Иннокентия III и Иннокентия IV, причем последний упомянул мальчику-епископа по имени и осудил переодевание-травести на основании серьезных аргументов. В 1444 г. богословский факультет в Париже упоминал о серьезных и достойных проклятия скандалах, связанных с этими праздниками, таких как пение комических песен, переодевание мужчин в женскую одежду и поедание жирных пирогов на алтаре. Соборы вплоть до 1584 г. дружно осуждали их. В конце правления Генриха VIII эти праздники были запрещены в Англии по предложению Кранмера.

§135. Флагелланты

ЛИТЕРАТУРА. Хроники SALIMBENE, VILLANI, etc.; GERSON: *Contra sectam flagellantium*, 1417, Du Pin ed., Antwerp, 1706. Послание Жерсона к Ферреру и его обращение к собору в Констанце о флагеллантах приведены в VAN DER HARDT: *Constant. concilium*, Frankf., 1700, III. 92-104. — J. VOILEAU: *Hist. Flagel.*, Paris, 1700, новое издание, 1770. — *E. G. FÖRSTEMANN: *D. christl. Geisslergesellschaften*, Halle, 1828. — W. M. COOPER: *Flagellation and the Flagellants, A Hist. of the Rod in all Countries*, Lond., 1877; новое издание, 1896. — FREDERICQ: в *Corpus doc. inquis.*, etc., рассказывает об их судах в Голландии (I. 190 sqq., etc.). — *F. NEUKIRCH: *D. Leben d. P. Damiani*, Gött., 1875. — ЛЕА: *Hist. of Inq.*, I. 72 sqq., II. 381 sqq. — Ст. *Geissler* и *Geisselung* в Wetzer-Welte (KNÖPFLE), IV. 1532 sqq., и в Herzog (Haupt), VI. 432 sqq. Более древнюю литературу см. в FÖRSTEMANN, pp. 291-325.

О народных религиозных устремлениях в рамках церковной ортодоксии доподлинно свидетельствует странное движение флагеллантов, или бичующихся. Грегоровиус даже признал их «одним из самых потрясающих явлений Средневековья»²¹⁴⁰. Хотя флагелланты возникли как движение внутри церкви и не причисляются к средневековым сектантам, в более позднюю эпоху к ним стали относиться с подозрением, их формально осудили на соборе в Констанце и они даже стали объектом гонений со стороны церкви. Впервые они появились в 1259 г., потом фигурировали в 1333, 1349, 1399 г., вплоть до времени собора в Констанце. Самым примечательным было их появление в 1349 г., когда в Европе свирепствовала «черная смерть».

Это движение не обладало формальной организацией, что видно из его подъемов и спадов. Оно было вскормлено недовольством внутри церкви, жадной искреннего покаяния и исправления образа жизни. Пророчества Иоахима Флорского, который объявил 1260 г. временем прихода антихриста, вероятно, содействовали начавшимся брожениям. Возможно, сыграл роль также голод в Италии в 1258 г., сопровождавшийся странной физической болезнью, выражавшейся в онемении частей тела (Салимбене сообщает, что похороны проводили без колокольного звона, чтобы не пугать больных). Энтузиазм выразился в шествиях, бичеваниях, некоторых новых и странных церемониях. Они были разнообразно благовестия, намерением ополчиться против физических и прочих грехов,

²¹⁴⁰ *Hist. of City of Rome*, V. 333. Их называли *flagellarii*, *flagellantes*, *crucifratres*, *verberantes*, *cruciferi*, *acephali*, или «независимыми», из-за того что они отделялись от еретиков.

подобно тому как крестовые походы были попыткой сокрушить сарацин Востока. Участники движения постарались ввести в обиход практику бичевания, существовавшую в монастырях, и обеспечить покаяние, которого этим якобы добились монахи.

Самым примечательным адептом монастырского бичевания был Доминик Лорикат (ум. в 1060), получивший свое прозвище за то, что надевал железный панцирь прямо на голое тело. Он сопровождал повторение каждого псалма сотней ударов хлыстом по обнаженной спине. Три тысячи ударов приравнивались тогда к году покаяния, но Лорикат побил все рекорды. Ему удавалось прочитать всю Псалтирь не менее двадцати раз за шесть дней, что приравнивалось к ста годам покаяния. Петр Дамиани, которому мы обязаны сведениями о Доминике, сообщает, что однажды этот ревностный аскет, прочитав Псалтирь девять раз за день и сопроводив чтение соответствующим количеством ударов, отправился в свою келью удостовериться, что считал правильно. Он снял свое железное одеяние, а затем, взяв в каждую руку по кнуту, продолжал читать Псалтирь всю ночь. Когда он остановился, он прочел Псалтирь двенадцать раз и начал уже читать в тринадцатый.

«Что есть ваше тело!? — восклицал Дамиани, который считал достаточным, чтобы его монахи читали всего по сорок псалмов в день. — Что есть ваше тело!? Разве это не мертвечина, не гниль, не прах и не пепел? И смогут ли черви поблагодарить вас за то, что вы о нем заботились?»²¹⁴¹

По призыву таких проповедников, как Фулько из Нейи и Антоний Падуанский, разыгрывались неестественные сцены физического поклонения, во время которых слушатели бичевали себя.

В 1259 г. флагелланты появились в Перудже, и движение распространилось подобно эпидемии. Оно охватило все слои общества, все возрасты. Обнаженные по пояс, с крестами и хоругвями, распевая гимны, только что сочиненные и старые, они ходили по улицам, бичуя себя. Священники и монахи присоединялись к кающимся. Наблюдались примечательные моральные преобразования. Ростовщики отдавали свое несправедливо нажитое богатство, убийцы исповедовались и, упирая мечи себе в горло, сдавались в руки правосудия, враги примирялись. Как пишет обильный на слова летописец Салимбене, тот, кто не бичевал себя, считался сатанинским отродьем. Более того, таких людей постигала болезнь или преждевременная смерть²¹⁴². Двадцать тысяч кающихся прошли шествием из Модены в Болонью. В Реджио, Палермо и других городах к ним присоединились высокопоставленные лица. Но не все относились к движению так благосклонно. Например, власти Кремоны и Манфред запретили флагеллантам входить на свои территории.

В Италии пыл флагеллантов быстро утих, но движение распространилось на другую сторону Альп. Тысяча двести бичующихся появились в Страсбурге. Их влияние докатилось до Польши и Богемии. Немецкие флагелланты несли покаяние тридцать три дня, в память о годах жизни Христа. Они наказывали себя и распевали гимны. Здесь энтузиазм погас столь же внезапно, как и возгорелся. Повторные вспышки этого движения относятся уже к истории следующего периода.

²¹⁴¹ Migne, 144. 1017. Дамиани говорит о Лорикате: *Lorica ferrea vestitur ad carnem* (Migne, 145. 747). Он сравнивал тело с бубном, в который следует ударять, когда славить Бога.

²¹⁴² Coulton, *From St. Francis to Dante*, pp. 192 sq.

§136. Демонология и темные искусства

ЛИТЕРАТУРА. АНСЕЛЬМ: *De casu diaboli*, Migne, 158. 326-362. — ПЕТР ЛОМБАРДСКИЙ: *Sent.*, II. 7 sqq. — АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ: *In Sent.*, Borgnet ed., XXVII. etc. — ФОМА АКВИНАТ: *Summa*, I. 51 sqq., II. 94-96, Migne, I. 893 sqq., II. 718 sqq., etc. Популярные высказывания, например: ПЕТР ДАМИАНИ, Migne, 144, 145. ПЕТР ДОСТОПОЧТЕННЫЙ: *De mirac.*, Migne, 189. 850-954. — ИОАНН СОЛСБЕРИЙСКИЙ: *Polycraticus*, Migne, 199. 405 sqq. — Вальтер Мэл. — ПЕЗАРИЙ ГЕЙСТЕРВАХСКИЙ: *Dial. mirac.* Strange ed., 2 vols. Bonn, 1851, особенно кн. V. — ФОМА ИЗ ШАНТИМПРЕ: *Bonum universale de apibus*, немецкое издание А. KAUFMANN, Col., 1899. — ИАКОВ ИЗ ВАРАЦЕ: *Golden Legend*, Temple Class. ed. — ЭТЬЕН ДЕ БУРВОН, особенно часть IV. — *T. WRIGHT: *Narrative of Sorcery and Magic*, 2 vols. Lond., 1851. — *G. ROSKOFF: *Gesch. des Teufels*, 2 vols. Leipzig, 1869. — *W. G. SOLDAU: *Gesch. der Hexenprocesse*, Stuttg., 1843; новое издание НЕРПЕ, 2 vols. Stuttg., 1880. — *LEA: *Hist. of the Inquis.*, III. 379-550. — ЛЕСКУ: *Hist. of the Rise and Influence of the Spirit of Rationalism in Europe*, chap. 1. — DÖLLINGER-FRIEDRICH: *D. Papstthum*, Munich, 1892. — A. D. WHITE: *Hist. of the Warfare of Science and Theol. in Christendom*, 2 vols. N. Y., 1898. — *JOSEPH HANSEN: *Zauberwahn, Inquisition und Hexenprocess im Mittelalter und die Entstehung der grossen Hexenverfolgung*, Munich, 1900; **Quellen und Untersuchungen zur Gesch. des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im MItA.*, Leip., 1901. — GRAF VON HOENSBRÖCH: *D. Papstthum in seiner sozialkulturellen Wirksamkeit*, Leipzig, 2 vols. 1900; 4th ed., 1901, vol. I. 207-380. Специальную литературу о колдовстве (1300 — 1500) см. в следующем томе.

Вера и опыт нашего времени разительно отличаются от средневековых в отношении к деятельности дьявола и к царству злых духов. Мы уже затрагивали эту тему, говоря о монашестве и будущем состоянии души, но история данного периода не будет полна, если не рассмотреть этот вопрос отдельно, — поскольку вера в то, что сатанинское царство своим пагубным воздействием свободно вторгается в повседневную жизнь человека, владела умами в гораздо большей степени, чем дух монашества или даже тот дух, который порождал крестовые походы.

Легковерие монахов и народа и богословие схоластов населили землю и воздух злыми духами. В популярных произведениях мы встречаем массу историй об их явлениях и зловредных действиях, а схоластические определения наиболее точны и аккуратны именно в области демонологии. Несмотря на то, что христианство существовало уже многие века, в первой половине XIII века Европа, наплодившая измышлений о том, как могут свирепствовать бесы, была повергнута в панику, оказывавшую свое мощное воздействие на общество вплоть до Реформации. Гонения, к которым привела эта паника, были безжалостными и жестокими. Преследование и казни ведьм составляют отдельную главу в истории. Они достигли наибольшего размаха к XV веку, то есть относятся к следующему периоду, а мы сейчас рассмотрим народные и схоластические представления о дьяволе и его воздействии, бытовавшие до того, как развернулась охота на ведьм.

Средние века черпали свои представления о демоническом мире из систем классической древности, скандинавской мифологии и Библии в истолковании Августина и Григория Великого, и средневековое богословие в своих самых диких выдумках на данную тему лишь следовало этим двум великим авторитетам.

Для обозначения темных искусств, то есть умений, находящихся под управлением сатанинских сил, использовался унаследованный от римлян общий термин *maleficium* («злодеяние», «колдовство»). Сюда относились магия, чародейство, некромантия, гадание, ворожба. Астрология, после некоторых колебаний, также была включена в этот список²¹⁴³.

²¹⁴³ Александр из Гэльса различал восемь способов влияния демонов при посредничестве людей:

I. *Народные верования.* Народные верования описаны такими авторами, как Петр Дамиани, Петр Достопочтенный, Цезарий Гейстербахский, Иаков из Варацце, Фома из Шантимпре, Этьен де Бурбон и французские поэты. Народных взглядов, с незначительными изменениями, придерживались даже английские авторы Вальтер Мэп и Иоанн Солберийский. Они оба путешествовали и были, как сейчас сказали бы, весьма опытными людьми, от которых мы могли бы ожидать другого отношения. Мэп считает Цереру, Вакха, Пана, сатиров, дриад и фавнов бесами, а Иоанн в шести главах обсуждает пагубную близость бесов и людей (*pestifera familiaritas daemonum et hominum*)²¹⁴⁴.

Петр Дамиани, современник Гильдебранда, рассказывал об ордах бесов самых разных обличей, которых он собственными глазами видел в воздухе.

Цезарий Гейстербахский приводит множество историй, которые казались ему столь же достоверными, сколь правдивыми представляются нам рассказы Стенли или Спекса об Африке. Этот гениальный автор пишет о старом монахе, который, избавляя от сомнений новичка, уверяет последнего, что сам видел дьявола в облике мавра, вола, пса, жабы, обезьяны, свиньи, даже переодетого монахиней и приором. Петр Достопочтенный также говорит о сатане, который принял облик медведя²¹⁴⁵. Сатана мог появиться в образе черного коня, грачей и других существ. Французская поэзия и народное воображение наделяли его рогами, когтями и хвостом²¹⁴⁶.

Дьявол мог являться в любое время дня или ночи, когда человек был здоров или в его смертный час. Молящийся монах тоже не был избавлен от появления дьявола. Особенно злые души любили устраивать свои проделки на хорах, когда монахи собирались для заутрени и других богослужений. Они досаждали верующим, задувая свечи, подсовывая им не те страницы или путая мотив²¹⁴⁷.

Однажды Герман из Мариенштадта видел трех бесов, прошедших так близко от него, что он мог бы дотронуться до них, если бы пожелал. Он обратил внимание, что бесы не касаются пола и что у одного из них под покрывалом просматривалось лицо женщины. Иногда бесы появлялись, чтобы вызвать беспорядки на одной стороне хоров, а когда другая сторона начинала петь, бесы спешили туда и также устраивали там путаницу, в результате чего оба крыла хоров голосили вразброд, несогласованно, пытаясь перекричать друг друга²¹⁴⁸.

В другой раз Герман, ставший уже аббатом (монах, которого Цезарий называл человеком выдающегося благочестия), увидел дьявола в облике мавра, сидящего на одном из церковных окон. Дьявол выглядел так, будто только что вышел из адского пламени, но вскоре улетел. Когда Герман помолился, чтобы Господь избавил его от подобных видений, дьявол воспользовался последней возможностью и явился аббату в образе сияющего глаза размером с кулак, словно говоря: «Посмотри на меня в последний раз». Но аббат увидел дьявола снова, на этот раз на могиле графини Алейдиты из Фреусберга. Дьявол возник рядом с телом дамы, закутанном в саван, и рыскал по всем углам, как будто искал что-то потерянное.

---

mantic, sortilegium, maleficium, augurium, prestigium, mathesis (или астрология), *ariolatio* и толкование сновидений.

²¹⁴⁴ *De nug. curialium*, Wright ed., II. 14; *Polyerat.*, bk. I, VIII — XIII. Migne, 199. 404 sqq.

²¹⁴⁵ *De mir.*, Migne, 189. 883.

²¹⁴⁶ *Roman de la Rose*, 1280, не совсем типичен, когда говорит о хвосте и рогах, а также выражает веру в то, что женщины по ночам летают по воздуху.

²¹⁴⁷ *Dial.*, V. 53, etc., Strange ed., I. 336.

²¹⁴⁸ *Dial.*, V. 5, Strange ed., I. 287 sqq.

Воображению монахов было свойственно видеть дьявола в монастырях в облике женщины, причем обнаженной. Иногда монахи от его вида заболевали и не могли есть, пить и спать в течение многих дней. Иногда они теряли рассудок и умирали в безумии. Но случалось, что бдительным монахиням удавалось дать дьяволу пощечину²¹⁴⁹. Как-то раз бес вошел в ухо женщины, когда муж сказал ей: «Иди к черту!» Дети могли проглотить беса вместе с молоком. Один ребенок, с которым это случилось в возрасте четырех лет, тридцать лет оставался одержимым. Дьяволу, как и следовало ожидать, нравилось играть в кости. Один рыцарь по имени Тьем проиграл с ним всю ночь, после чего дьявол вынес проигравшего через крышу, и рыцаря, по свидетельству его сына, больше никогда не видели²¹⁵⁰. Бернар, по его собственным словам, изгонял бесов, как и Норберт и большинство других средневековых святых. Биограф Норберта сообщает, что дьявол ударил нескольких премонстрантов своим хвостом. В другой раз дьявол наделил кандидатов в монахи необычным даром проповеди и толкования Библии, и премонстранты собирались уже принять кое-кого из них в свой орден, когда бесовская уловка открылась. Однажды, когда Норберт собирался изгнать беса из мальчика, бес принял облик горошины и сел мальчику на язык, занявшись своими бесовскими делами и бесстыдно заявляя, что не покинет своего жилища. «Ты лжец, — сказал Норберт, — и был лжецом от начала». Эту истину бес не смог отрицать. Он вышел наружу и исчез, но оставил после себя дурной запах, а ребенок заболел²¹⁵¹.

Однако дьявол нередко говорил правду, изобличая грешников. Так случилось однажды в Маастрихте. Норберт хотел исцелить одержимого, собралась большая толпа, а бес начал рассказывать присутствующим об их прелюбодеяниях и прочих грехах, не искупленных исповедью. Неудивительно, что толпа быстро рассеялась²¹⁵². Дьявол мог произнести молитву Господню, но с ошибками, благодаря чему его легко было распознать²¹⁵³. Как только дьявол был узан, от него нетрудно было отделаться. Чтобы его прогнать, достаточно было крестного знамения, плевок и произнесения *Ave Maria*²¹⁵⁴. Петр Достопочтенный рассказывает о многих случаях, когда распятие, гостия и святая вода защищали монахов от коварных нападков «детей зла» и «древнего врага» (*antiquus hostis*). Иногда требовалось окропить комнату и всю мебель святой водой, произвести своего рода дезинфекцию, — и враги исчезали.

Иаков из Варацце рассказывает, как святой Луп, молясь ночью, почувствовал сильную жажду. Он понял, что жажда вызвана дьяволом, и попросил воды. Когда ее принесли, он тут же закрыл крышку сосуда, «заперев там дьявола». Его пленник, неспособный выбраться наружу, завывал всю ночь²¹⁵⁵.

Салимбене сообщает о забавном случае с крестьянином, в которого вошел бес, заставивший его говорить на латыни. Но крестьянин делал такие ошибки, что «наш чтец смеялся над ними». Бес же сказал: «Я хорошо говорю на латинском, но язык у этой деревенщины такой неуклюжий, что мне тяжело им шеве-

²¹⁴⁹ *Dial.*, III, 11, V, 28, 45, Strange ed., I, 123, 311, 330.

²¹⁵⁰ *Dial.*, V, 11, 26, 34.

²¹⁵¹ *Vita Norb.*, XIII.

²¹⁵² *Vita Norb.*, XIV.

²¹⁵³ *Dial.*, III, 6.

²¹⁵⁴ *Dial.*, III, 6, 7, 13, 14, VII, 25, etc.

²¹⁵⁵ Temple ed., V, 88.

лить»²¹⁵⁶. Когда Лютер называл мышей, блох и других паразитов творениями дьявола, он руководствовался высказыванием цистерцианца Рипшальма, написавшего в XIII веке книгу о дьявольских кознях: «Кажется невероятным, но это правда: не блохи и вши кусают нас. То, что мы считаем их укусами, — это укусы бесов. Ибо эти малые паразиты питаются не нашей кровью, а испариной от нашей суеты, и мы часто ощущаем укусы тогда, когда никаких блох нет»²¹⁵⁷.

Примеры подобных случаев мы хотим завершить рассказом Цезария Гейстербахского, который приводит следующий разговор между двумя злыми духами. «Ах, если бы мы только не послушались Люцифера, — говорил один, — мы не были бы сброшены с небес!» Другой отвечал: «Успокойся, раскаиваться слишком поздно. Ты не можешь вернуться обратно, даже если захочешь». На что первый сказал: «Даже если бы пришлось лазать по железной колонне из острейших ножей и пил вверх и вниз до дня последнего суда, я бы согласился это делать, только бы вернуться обратно в славу!»

Такие истории повествуют о событиях, которые считались вполне реальными. Обитатели преисподней присутствовали повсюду, зримые и незримые, чтобы досаждала святым и грешникам и мучать их телесно и духовно. Никто не протестовал против этой веры. Утешительно, однако, узнать хотя бы об одном проявлении скептицизма. Так, Венсан де Бове рассказывает о женщине, которая уверяла своего священника, что она и другие женщины, находясь под влиянием колдовства, однажды ночью проникли в спальню священника через замочную скважину. Священник напрасно пытался убедить ее, что она заблуждается, а когда ему это не удалось, он запер дверь и, положив ключ в карман, хорошенько побил женщину палкой, приговаривая: «Выбирайся через замочную скважину, если можешь!»

II. *Богословские мнения.* Дичайшие народные представления о деяниях злых духов успешно подтверждались богословскими постулатами Петра Ломбардского, Альберта Великого, Бонавентуры, Фомы Аквината и других схоластов. Согласно средневековому богословию, дьявол был главой царства бесов, которые делились на прелатства и иерархии, как и добрые ангелы.

Область, в которую были повержены дьявол и его ангелы, представляла собой сумрачный воздух. Там, в темной бездне, он и его последователи пребывают до дня последнего суда. Затем их должны постичь вечные мучения. А пока им позволено беспокоить и мучать людей²¹⁵⁸. Для подтверждения этого мнения цитировались такие места, как Мф. 8:29 и Лк. 8:31.

Альберт Великий, который с наибольшей из всех схоластов детально высказывался на эту тему, определял точное местонахождение воздушного царства. Идя вслед за философами, он выделяет три воздушные сферы — высшую, низшую и среднюю²¹⁵⁹. Высшая область светла и спокойна, состоит из тонкого воздуха, и там очень жарко. Там много света, так как эта область близка к звездам и лучи солнца пронизывают ее в течение большего промежутка времени. Низшая область, окружающая земную твердь и соприкасающаяся с ней, освещается мощным отражением солнечных лучей. В промежуточной области очень холодно и темно. В ней зарождаются бури, град и снег. В ней обитают злые духи. Они передвигают облака, вызывают гром и прочие природные катаклизмы, чтобы

²¹⁵⁶ Coulton, *From St. Francis, etc.*, p. 298.

²¹⁵⁷ *Lib. revelationum de insidiis et versutiis daemonum*, цит. в Cruel, *Deutsche Predigt*, p. 268.

²¹⁵⁸ *Daemones in hoc aere caliginoso sunt ad nostrum exercitium* (Фома Аквинат, *Summa*, I. 64, 4). См. также: Петр Ломбардский, II. 7, 6.

²¹⁵⁹ *Zonas, interstitia (In sent., II. 6, 5, Borgnet ed., XXVII. 132).*

напугать людей и повредить им. Философы пытались установить точное расстояние от этой области до земли, но Альберт предпочел не определять расстояние.

Говоря об умственных способностях злых духов и их влиянии, Фома Аквинат и другие схоласты вторили Августину, хотя и разработали соответствующие теории гораздо тщательнее. После грехопадения бесы не утратили интеллектуальных способностей²¹⁶⁰. Их пронизательность и большой опыт позволяют им предсказывать будущее. Если астрономы, говорит Альберт Великий, предсказывают будущие события, наблюдая за созвездиями, то бесы гораздо лучше способны делать это благодаря своей хитрости и созерцанию звезд. Но их предсказания отличаются от предсказаний пророков, так как они — продукт творения, а пророки получают откровение от Бога.

Чудеса, которые совершают злые духи, — это по большей части обман²¹⁶¹. Однако Фома Аквинат заявляет, что эти их деяния обладают подлинно сверхъестественными качествами. Иногда эти чудеса реальны, как в случае с магами фараона, которые с помощью дьявола сотворили лягушек, или в случае с детьми Иова, на которых сошел огонь с небес. Бесы не способны творить из ничего, но они могут ускорить развитие зародыша и высвободить скрытый потенциал, могут уничтожить урожай, повлиять на погоду, вызвать болезнь и смерть.

Особое влияние, которое они оказывают на людей через волшебство и колдовство, основано на соглашении между ними и людьми. Ис. 28:18: «И союз ваш со смертью рушится, и договор ваш с преисподнею не устоит». Самая злодейская и частая из колдовских операций — нарушение супружеского единства. Мужчин они делают бессильными, женщин — бесплодными. Древняя выдумка о суккубах и инкубах, унаследованная из языческой мифологии и подтвержденная Августином, получила всеобщее признание в средние века. В христианском мире распространилась шокирующая вера в то, что бесы сожительствуют с мужчинами (*succubus*) и делят ложе с женщинами (*incubus*). Схоласты зашли настолько далеко, что утверждали: хотя непосредственного потомства у бесов быть не может, но после соития с мужчинами они преобразуются и передают полученное семя женщинам²¹⁶².

Сформулированные схоластами взгляды были общераспространенным верованием. В средние века была популярна история о Мерлине, сыне инкуба и монахини²¹⁶³. Гиберт Ножанский заявляет, что его отец и мать три года не могли войти в свои супружеские права, пока добрый ангел не изгнал инкуба. Матфей Парис рассказывает о ребенке, которого принимали за дитя инкуба²¹⁶⁴. Гуннов в

²¹⁶⁰ Аквинат рассматривает эту тему в своей *Summa*, I. 51 sqq., II. 94-96, Migne, I. 893 sqq., II. 718 sqq.; тж. Петр Ломбардский, *Sent.*, II. 7 sqq.

²¹⁶¹ Альберт Великий, Иоанн Солсберийский и другие используют слово *praestigia*.

²¹⁶² Об этом в деталях повествует Фома Аквинат, *Summa*, I. 51, 3 (*idem daemon qui est succubus ad virum fit incubus ad mulierem*). Другие цитаты на данную тему см. у Бонавентуры, Дунса Скота и т. д., в Hansen, p. 186. Альберт Великий (Vorgnet ed., XXVII. 175) говорит о гигантских кошках, которые появляются в связи с такими случаями, но этот отрывок настолько нелепый, что мы не станем его повторять. Этот схоласт заявил даже, будто бесы сохраняют человеческое семя в сосудах. Иллюстрируя ультрамонтанскую честность, мы можем сослаться на книгу Hoensbroech, *D. Papstthum*, I. 222. Ее автор цитирует доминиканца Шнейдера, который в немецком переводе Фомы Аквината вообще опускает отрывок, часть которого мы процитировали, хотя и заявляет во вступлении, будто его перевод содержит «полный текст».

²¹⁶³ Мерлин, «пророк Британии», как называет его Цезарий Гейстербахский (*Dial.*, III. 12, Strange ed., I. 124). Бес обольстил монахиню ночью, когда она удалилась ко сну, не осенив себя крестным знаменем. Некоторые считали, что антихрист будет порожден именно таким способом.

²¹⁶⁴ *Al.*, 1249. В возрасте шести месяцев у этого ребенка уже были на месте все зубы и он был похож на семнадцатилетнего. Мать ребенка зачахла и умерла.

народе считали потомками бесов и отвергнутых готтских женщин²¹⁶⁵. Элеонора, жена Людовика VII, а потом Генриха II Английского, как сообщали, также была дочерью беса²¹⁶⁶. Цезарий Гейстербахский рассказывает много историй о сожигательстве бесов со священниками и женщинами²¹⁶⁷.

Фома Аквинат считал такое зловерное воздействие на супружеские отношения достаточным основанием для развода²¹⁶⁸. Этот богослов говорил также о полетах мужчин и женщин по воздуху. Еще в XII веке патаренов обвиняли в подобной практике — например, Вальтер Мэп. Позже полеты по воздуху стали связывать с ведьмами, которые проводили свои собрания, или синагоги, за закрытыми дверями. Когда они гасили свет, дьявол спускался к ним по веревке в облике кота, и тогда наступал черед разнузданных оргий. Мэп даже верил в то, что еретики целуют кота под хвостом²¹⁶⁹.

Европа не очень серьезно задумывалась об одержимости бесами, пока не появилась ересь и не стали приниматься меры по ее искоренению. Четвертый Латеранский собор не упоминает о темных искусствах, и это умолчание можно объяснить только тем, что представление о них еще не сформировалось в сознании христиан. Но вскоре яростный натиск предполагаемых сил тьмы пробудил бдительность церкви, и со времен Григория IX ересь и воздействие злых духов считались тесно связанными между собой. В одном из осуждений штедингеров папа собственноручно подтверждал истинность того, что еретики советуются с ведьмами, общаются с бесами, предаются с ними оргиям, а дьявол встречается с ними в образе громадной жабы и черного кота. Если бы звезды небесные и все силы объединились ради уничтожения таких людей независимо от их возраста и пола, то даже это было бы недостаточным наказанием²¹⁷⁰.

После 1250 г. гонения на еретиков с их доктринальными заблуждениями устраивались реже, а суды над колдунами, ведьмами и прочей бесовской нечистью участились²¹⁷¹. В своей булле *Ad extirpanda* (1252) Иннокентий IV призывал князей относиться к еретикам так, как будто они — колдуны, а в 1258 г. Александр IV говорил, что колдовство отдает духом ереси²¹⁷². До этого момента случаи магии и колдовства попадали исключительно под юрисдикцию государства.

Отношение церкви к колдовству сформировалось под влиянием Фомы Аквината и его великих современников-богословов. Церковным и гражданским властям не оставалось ничего, кроме как выслеживать колдунов, ведьм и всех тех, кто поддерживал тайные сношения с дьяволом. Церковью овладело безумное желание очистить христианский мир от воображаемых полчищ злых духов, овладевающих мужчинами и особенно женщинами. Папы один за другим издавали приказы не щадить сообщников дьявола, подвергать их пытке и отправлять на костер²¹⁷³. Древнейшие дела о колдовстве рассматривались инквизицией в Юж-

²¹⁶⁵ *Dial.*, V. 12.

²¹⁶⁶ См. цит. в Kaufmann, *Caesar of Heisterbach*, II. 80.

²¹⁶⁷ Иногда бесы занимали место блудниц, с которыми связывались священники (*Dial.*, III. 10). Цезарий сообщает о женщине, которая блудила с бесом в течение семи лет, а потом, когда исповедовалась в своем грехе священнику, умерла.

²¹⁶⁸ Он уделяет этому вопросу целую главу (*In Sent.*, IV. 34. 1).

²¹⁶⁹ Wright ed., p. 61 (*plurimi sub cauda, plerique pudenda*).

²¹⁷⁰ Перевод буллы от июня 1233 г. (Potthast, I, no. 9230, приведен в Hoensbroech, I. 215 sqq.).

²¹⁷¹ Хансен считает, что новое отношение церкви к колдовству родилось в 1230 г. и продолжалось до 1430 г. Он называет это время периодом ведьмовства и подавления его церковью.

²¹⁷² Hansen, *Quellen*, p. 1.

ной Франции около 1250 г., а самые древние допросы инквизиции по таким обвинениям проводились двадцать пять лет спустя²¹⁷⁴. Эти гонения достигли апогея в XV веке, а папское отношение к ним было наиболее ярко выражено в булле Иннокентия VIII против ведьм (1484).

Народ обвинял в колдовстве таких людей, как Альберт Великий и Роджер Бэкон. Бэкон, который в плане просвещенности опережал свое время, объявил некоторые из народных воззрений заблуждениями, но был далек от отрицания реальности колдовства и магии. Он пытался объяснить эффективность заклинаний и заговоров тем, что они делаются в благоприятное для небес время.

§137. Суждение века о самом себе

На предыдущих страницах мы познакомили вас с выдающимися событиями и движениями, личностями и идеями с момента вступления Гильдебранда в Рим при Льве IX (1049) до отречения простодушного Целестина (1294). Наши современники считают самыми важными в истории события второй половины XIX века, но то же самое говорил Матфей Парис о половине века, свидетелем которой был он (1200 — 1250). Полезных изобретений и открытий, характерных для второй половины XIX века, в XIII веке было мало или не было вообще, однако и те времена были полны событий и мероприятий, вызывавших глубокий интерес и занимавших мысли людей. Обзор пятидесяти лет XIII века, сделанный здравомыслящим английским монахом в его хрониках, является одним из наиболее назидательных образцов средневековой литературы.

Вот что говорит Матфей Парис. В это время разворачивались необычные и удивительные сцены, подобных которым не было раньше и рассказов о которых нет в произведениях отцов церкви. Татары опустошали страны, населенные христианами. Дамьета была дважды взята и потеряна, а Иерусалим дважды опустошен неверными. Святой Людовик был пленен на Востоке вместе со своими братьями. Уэльс перешел под власть Англии. Вершил свои дела Фридрих II, чудо мира. Великое множество воинов постигла славная смерть в крестовых походах. Что касается природных чудес, то два раза за три года случалось солнечное затмение, несколько раз Англию сотрясали землетрясения и случился разрушительный морской прилив, какого никогда ранее не видели. Однажды ночью громадное количество звезд упало с неба, и причину этого явления, о котором ничего не говорит «Книга метеоров», следует, скорее, искать в предупреждении Христа о конце времени: «Будут... великие знамения с неба».

Среди событий явно религиозного плана летописец упоминает, как один английский кардинал был задушен в своем дворце, предположительно за то, что устремил завистливый взгляд на тиару. Образ Христа явился на небесах в Германии, и его ясно видели все. Процветали Елизавета Венгерская и святая Хильдегарда. Были упразднены огненные и водные ордалии. Севилья, Кордова и другие части Испании были освобождены от мавров. Появились ордена францисканцев

²¹⁷³ Хансен приводит ряд таких булл и цитирует автора, который говорит о 103 папских буллах, направленных против колдовства, — хотя Хансен сомневается в истинности этой цифры (*Quellen*, p. 1).

²¹⁷⁴ Hansen (*Quellen*, pp. 43 sqq.) приводит их под заглавием *forma et modus interrogandi augures et ydolotras* и относит к 1270 г. (*Gesch.*, p. 243). Дуэ считает, что они были несколько раньше. Часть *Practica inquisitionis* Бернара Гюи (1320) посвящена допросам тех, кто практикует оккультные искусства — *interrog. ad sortileges et divinos ei invocatores daemonum* (см. Douais ed., Paris, 1886).

и доминиканцев, поразившие мир своим благочестием и приведшие его в негодование своим внезапным упадком. В Англию были привезены капля крови Христовой и камень с отпечатком Его ног.

Таковы были некоторые из событий, показавшихся колоритному английскому историку чудесными. Но если бы он перечитал страницы своей хроники, как делаем мы, он мог бы указать и на многие другие чудесные события — на подавленного королем Франции королю Англии слона, которого, как он сообщает, видели в Англии впервые, на появление морского чудовища в Норвиче²¹⁷⁵, на дивные деяния пап и императоров и на неслыханное недовольство английского народа папской несправедливостью.

Жизнь людей, которые были свидетелями века крестовых походов и Иннокентия III, вовсе не была скучной и монотонной. Напротив, она была полна неожиданностей и привлекательных движений, от перипетий, связанных с папством и империей, до экспедиций крестоносцев и путешествий Марко Поло и Рубрука.

Важность исторического периода оценивается суждением о нем современников и суждением последующих поколений. Что случилось в период с 1050 по 1294 г. важного для тех, кто жил тогда, и какой вклад он внес в развитие и благополучие человечества? На первый вопрос может ответить поколение, жившее тогда, а на второй — последующие поколения.

Школа средневековых энтузиастов была убеждена, что этот период был золотым веком веры и нравственности, веком твердых догматических верований, когда Божьим законам подчинялись как никогда, веком, который уделяет религиозным вопросам должное внимание, веком высоких идеалов и духовного покая. Оправдано ли такое мнение или правы древние протестанты, которые считали, что от Средневековья мы не получили никаких непреходящих ценностей, и даже наоборот, ему мы обязаны множеством преобладающих ныне в церкви суеверий и лжеучений, так что было бы лучше, если бы церковь сразу перешла от периода отцов церкви к Реформации, минуя средние века?²¹⁷⁶

Ни то, ни другое не верно. Сейчас начинает преобладать более взвешенное мнение, и от сближения крайних взглядов протестантов и католиков по данному вопросу в значительной степени зависит возможность сближения между церковными сообществами Запада. Ясно, что к зерну примешалось много плевелов. А с другой стороны, в средневековый период были также посеяны семена религиозных идей и установлений, которые сейчас зацветают и обещают принести плоды.

Устремленность к абсолютной папской власти, несмотря на все величие этой цели, была в корне ошибочной, независимо от того, будем мы опираться на учение Писания или на преобладающее суждение нашего времени. Амбиции, гордость и жадность примешивались к искренней вере пап в то, что римский престол унаследовал от апостолов всю полноту власти во всех областях. Ставшая более просвещенной Европа не может смириться с такими притязаниями, а моральное вырождение и духовная некомпетентность пап в последующий период на опыте доказали, что эта теория неверна.

Что касается священства и иерархии, то у нас достаточно свидетельств, чтобы утверждать: таинство рукоположения не обеспечивает преданности служению и личной чистоты. Дантов ад содержит не одного понтифика, жившего в этот пе-

²¹⁷⁵ Luard ed., V. 448 sq.

²¹⁷⁶ Выразительное описание общественного, религиозного и морального состояния средневековой Англии и распространенных заболеваний см. в Jessopp, *Coming of the Friars*, p. 111, etc.

риод. И чем ближе мы к Риму, тем многочисленнее скандалы. Слово «римляне» стало обозначать бессовестных и жадных людей. Григорий X в 1274 г. объявил, что «прелаты — это погибель христианского мира». Хотя Фридриха II и признали плохим верующим, он был проникательным наблюдателем и выразил очевидное и широко распространенное недовольство клиром, когда заявил, что, если бы священники изменили свой образ жизни, то мир, как в старые времена, вновь увидел бы чудеса²¹⁷⁷.

Чисто средневековое представление о религиозной жизни не отличается привлекательностью в наше время. Затворничество в монастыре резко контрастирует с активной деятельностью, которой требуют от верующего христианина сегодня. Пример святого Бернара и восхваление им монашества, как и восхваления от других авторов, достаточно весомы, чтобы понимать: лучшие люди эпохи искали монашеского уединения как высшего из возможных преимуществ. Монашеские институты сыграли важнейшую роль в воспитании дикого и неуравновешенного общества того времени. Но дисциплина и пыл монашеских орденов быстро исчезли, несмотря на веру Франциска Ассизского и других их основателей. Простота уступила место роскоши, духовность — лени и гордости. Пылкий францисканец Бонавентура изобличает пороки, проникшие в его орден, а Иаков Витрийский, кардинал-епископ (ум. в 1240), говорил, что добродетель девицы будет в опасности во всех орденах, кроме цистерцианского. Что можно сказать об идеале человеческой жизни, который возвещается в истории о святом Брандане, не говоря уже о множестве схожих басен у Иакова из Варацце, архиепископа Генуи (ум. в 1298)?! Как отнестись к примеру блаженной святой Анжелы из Фолиньо, которой восхищаются и которую славят многочисленные францисканские авторы?! В момент «обращения» она молилась о том, чтобы ее освободили от необходимости слушаться мужа, почитать мать и заботиться о детях. И в ответ на ее молитву все они умерли, а она радовалась!

Если мы желаем власти священников, то ее было достаточно, чтобы удовлетворить кого бы то ни было. Но вместе с возвышением священников была утрачена индивидуальная свобода и право души определять свою судьбу перед лицом Творца. Иаков из Варацце²¹⁷⁸ говорит о Фоме Бекете, который посредством великого воздержания сделал свое тело худым, а душу — сильной. Фома, конечно же, был волен поступать так, как ему хотелось. Но тот же самый прелат проявлял иерархическую гордость своего века, заявляя английскому королю, что священники — отцы и хозяева королей. По словам Цезария Гейстербахского, которые мы уже цитировали, миряне подобны ночи, а клирики — дню. Проповедник Вернер из Св. Власия называл крестьян ногами, предназначение которых в том, чтобы поддерживать более достойные части тела — епископов, священников и монахов²¹⁷⁹. Мыслители этого периода не могли и подумать о Реформации.

Средневековье хвалили как период религиозного согласия и свободы от сектантских раздоров. На самом деле все было иначе. Ссоры между монахами и светским клиром, а иногда — внутри самих монашеских орденов были не менее ожесточенными, чем споры между протестантскими церквями. Проблема заключается не в том, были ли несогласия, а в тех способах, которыми официальная

²¹⁷⁷ М. Парис, Luard ed., IV. 538 sq.

²¹⁷⁸ *Legenda*, Temple Classics ed., II. 189.

²¹⁷⁹ Migne, 157. 1047.

церковь со времен Арнольда Брешианского пыталась вытравить еретические бунты. Религиозные сомнения существовали и в среде монахов. Как уверяет нас Цезарий Гейстербахский, некоторые женщины осмеливались даже отрицать, что Еву искушали яблоком.

Преобладавшие в эту эпоху суеверия были в основном унаследованы от предыдущих эпох. Поклонение Марии затемняло заслуги Христа. Фома из Шангимпре (ум. ок. 1263) со всей серьезностью рассказывает, как разбойник, которому отрубили голову, воззвал к Деве и вновь ожил, когда некий священник присоединил уже скатившуюся с холма голову к телу. Тогда казненный рассказал ему, как в детстве посвящал субботы и среды деве Марии, которая пообещала, что он не умрет, пока ему не будет предоставлена возможность исповедаться. Он исповедался и умер еще раз, отправившись, как сообщают читателю, в иной мир с радостью.

Ужасные истории о присутствии и воздействии бесов свидетельствуют о состоянии умов, от которого мы, к счастью, избавлены. Иоанн из Сен-Жиля, замечательный английский доминиканец, удаляясь в келью по вечерам, обычно говорил: «Теперь я готов к своему мученичеству», — и ожидал побоев от дьявола. Жуткая история о том, как Людвига Железного (1100 — 1172) приветствовали в аду, показали ему все адские области, а потом безжалостно ввергли в неугасимое пламя, ничуть не хуже видений Данте, но ее очевидная черствость по отношению к страданиям других людей слишком отвратительна, и сегодня она заставляет нас содрогаться²¹⁸⁰.

Конечно же, из таких примеров нельзя делать вывод, что этот век был лишен милосердия. Святой Франциск и Гуго Линкольнский целовали руки прокаженным. Рыцари св. Лазаря по поручению Людовика IX заботились об этих страдальцах. Дома для прокаженных строились в Англии Ланфранком, Матильдой, королевой Генриха, королем Стефаном в Бергоне и другими. Матильда мыла им ноги и верила, что, поступая так, она моет ноги Христу²¹⁸¹. Древнейшие рыцарские ордена, в частности, тевтонские рыцари, да и другие ордена, занимались заботой о больных и несчастных.

С другой стороны, этот период подает пример великой в некоторых отношениях веры. От него до нас дошли университеты и соборы, нежнейшие гимны и впечатляющие богословские системы, которые хотя и не могут быть приняты во всех деталях, но являются, тем не менее, замечательными творениями мысли и благочестия. Этот период дал нам выдающихся людей, способных вдохновить все поколения верующих, заинтересованных в распространении царства Христа.

Согласно мнению самих этих людей, рассматриваемый период не был идеален ни в плане нравственности, ни в плане веры. Если мы обратимся к проповедникам, таким как Бертольд Регенбургский, мы найдем у них свидетельства о царствовании греха и беспорядка среди всех классов общества. Если мы обратимся к папам и схоластам, мы услышим горькие жалобы на злоупотребления и на собственную участь, соответствующие самой пессимистической философии нашего времени. Иннокентий III в своем «Презрении к миру» (*De contemptu mundi*) выступает с крайне отчаянными и мрачными жалобами. Ансельм написал труд под тем же заглавием, а Гуго Сен-Викторский²¹⁸² сетовал на тщеславие мира (*De vanitate mundi*). Вальтер Мэп писал о несчастье мира (*De mundi miseria*), заявляя, что

²¹⁸⁰ Heisterbach, *Dial.*, XII. 2, Strange ed., II. 316.

²¹⁸¹ См. Creighton в Traill, I. 368 sq., и Geo. Pernet, *Leprosy*, в *Quart. Rev.*, 1903, pp. 384 sqq.

²¹⁸² Migne, 158. 705 sqq., 176. 703-739.

мир близок к гибели, что справедливости в обществе нет, а поклонение Христу подошло к концу (*Exultat justitia, cessat Christi cultus*).

Самая знаменитая из длинных поэм этого периода носит такое же заглавие, как и труд Иннокентия, а ее автор, Бернар из Клуни, сурово высказывается о развращенности церкви и общества. Поэма начинается печальной нотой:

*Hora novissima, tempora pessima sunt, vigilemus
Ecce minaciter, imminet arbiter ille supremus.
Imminet, imminet, et mala terminet, aequa coronet.*

*Последние времена, худшие времена наступили, будьте бдительны.
Смотрите на Судью, Всевышнего, Он грядет в Своем гневе.
Он здесь, Он здесь. Он покончит со злом. Он вознаградит праведных.*

Великий Бернар Клервоский восклицал: «О, если бы я мог увидеть перед смертью Церковь Божию, возвратившуюся к идеалу ее ранних дней, когда сети бросались не для ловли золота и серебра, а для спасения душ! Опасные времена не грядут. Они уже настали. На земле воцарилось насилие»²¹⁸³.

Англичанин Адам Марш в послании к Гроссетесту говорил об «этих проклятых временах» (*his diebus damnatissimis*)²¹⁸⁴. Эдмунд из Абингдона, архиепископ Кентерберийский, умирая в изгнании в Понтины, восклицал: «Я жил слишком долго, ибо я увидел гибель всего, что меня окружало. Господи Боже, прими мою душу!»²¹⁸⁵ Роджер Бэкон везде находил признаки разложения и упадка и соглашался с другими моралистами того времени в убеждении, что за царящую развращенность отвечает прежде всего клир. Весь клир, говорит он, «подвержен гордости, жадности и самолюбованию. Там, где клирики собираются вместе, как в Париже и Оксфорде, их ссоры, раздоры и пороки становятся камнем преткновения для мирян»²¹⁸⁶.

На это жаловался и Гильдебранд в начале данного периода, когда принимал обязанности папы.

Пророк Иоахим Флорский считал, что единственное облегчение может прийти лишь с наступлением нового времени.

Подлинное величие рассматриваемого периода заключается не в его относительном моральном и религиозном совершенстве, если сравнивать его с нашим веком, а во впечатляющем великолепии мировосприятия и веры, проявившемся в крестовых походах, в устремленных к небу соборах, в схоластической системе и даже в ошибочном идеале папского превосходства. Институты Средневековья еще не сформировались окончательно, и религиозная жизнь была беспокойной. Шла титаническая борьба. На поверхности отмечалось волнение, а на глубине бурлили потоки мятежности. Со стороны нашего поколения, унаследовавшего в два раза больше столетий христианского наставления по сравнению с XII — XIII веками, было бы неблагоприятно и неразумно хвалиться своими достижениями, как будто христианское милосердие, нравственность и устремленность к высшим идеалам тянули время, чтобы проявиться только в нынешнюю эпоху. Средние века, с 1050 по 1300 г., разворачивают перед нами панораму волнующей посвященности религиозным целям в мысли и поведении.

²¹⁸³ *Ep.*, 238, «К Евгению», Migne, 182. 430. *De consid.* I. 10.

²¹⁸⁴ *Mon. Franc.*, Ep. XXVI, p. 116.

²¹⁸⁵ Creighton, *Hist. Lectures*, p. 132.

²¹⁸⁶ Brewer ed., pp. 399 sqq.

Указатель имен

- Ааргау** 131
- Аарон из Линкольна** 276
- Аахен** 106, 118, 131, 163, 174, 522
- Аббасиды** 158
- Абеляр, Петр (Пьер)** 15, 69-70, 200, 206, 212, 214-215, 218-219, 222, 227, 296, 329, 331, 334, 338, 344, 349, 360-363, 365-366, 373-392, 399, 407, 428-431, 448-449, 453, 457, 459, 462, 489, 525, 530
- Абердин** 356
- Абиссиния** 268
- Абруцци** 253
- Абубацер** 363
- Августин Гиппонский** 17, 28, 30, 72, 94, 139, 141, 192, 194, 199, 207, 216, 220, 258, 262, 275, 298, 317, 334, 361-362, 367-368, 371-372, 381, 388-389, 391-392, 395, 397, 399, 403, 405, 407, 411, 422, 427, 430-431, 433, 437, 440, 444, 448-449, 459, 461, 466, 478, 504, 508, 517, 519, 536, 540, 544
- Августин Кентерберийский** 357
- Августино Триумфо** 317
- Авентин** 18, 201
- Аверроэс** 266-267, 363, 399, 401, 405, 407
- Авессалом** 127, 489
- Авиафар** 89
- Авиньон** 74, 180, 266, 313, 320
- Авицеброн** 401
- Авиценна** 363, 399, 401, 427
- Авраиш** 97
- Агнесса, мать Генриха III** 40-41, 72, 107, 244
- Агнесса Меранская** 107
- Агобард** 273
- Адальберто** 264
- Адам** 460
- Адам де Мариско** 239
- Адам дю Пти Пон** 385-386
- Адам, капеллан** 505
- Адам Марш** 236, 256, 355, 425, 507-508, 550
- Адам Сен-Викторский** 192, 531
- Адамсон** 428
- Аделазия** 121
- Адель** 150
- Адельгейда** 43, 45, 54
- Адемар** 145, 148, 150, 152, 154-155
- Адольф Кельнский** 106
- Адольф, монах** 446
- Адольф Сафир** 280
- Адолия** 89
- Адриан I** 81
- Адриан IV** 69, 71, 73-74, 82, 85, 201, 203, 481, 484, 504
- Адриан V** 130-131
- Адриана** 504
- Адриатика** 134, 148, 170
- Ажиль (Агилер)** 135, 153
- Айронс, Дж.** 533
- Аквила** 133
- Аквилея** 36, 80
- Аквино** 406
- Аквитания** 85, 109, 187, 290
- Акра** 131-132, 137, 143, 156-158, 160, 162-166, 174, 177-179, 182, 184-190, 266
- Алан Лилльский (Алан аб Инсулис)** 279, 310, 389, 479, 512, 524
- Алан Оксеррский** 211, 214, 220, 307-308, 389
- Алансон** 315
- Албан Батлер** 96
- Албания** 290
- Алейдита из Фреусберга** 541
- Александр II** 22, 24, 26, 35, 61-62, 205, 328
- Александр III** 7, 15, 66, 73, 76-78, 82, 84-85, 87-88, 97, 102, 108, 111, 123, 162, 186, 188, 200, 212, 223, 228, 268, 275, 303, 308, 366, 387, 396, 430, 471, 473, 480, 487, 496-498, 500
- Александр IV** 66, 74, 129, 139, 221, 232, 235, 237, 317-318, 321, 339-342, 348, 351-352, 356, 400, 406, 488, 545
- Александр V** 454
- Александр VI** 38, 129, 137
- Александр Галесский** 236, 360, 363-364, 388, 399, 416, 427, 430, 432, 434, 439, 441, 444-445, 448-449, 451-453, 455, 459, 540
- Александр Македонский** 52, 166
- Александр Север** 269
- Александрия** 114, 133, 177, 474
- Алексей I Комнен** 136, 142, 144, 147, 149
- Алексей III** 170-171
- Алексей Дукас (Муруцфл)** 171
- Алексий, св.** 303
- Алессандрия** 78
- Алета** 212
- Алиса Антиохийская** 137
- Алжуин** 328, 330, 332, 334
- Аль-Газаль** 401, 427
- Альба, герцог** 326
- Альбано** 49, 74, 416
- Альберик из Труа-Фонтена** 48, 324
- Альберих, цистерцианец** 208
- Альберих, кардинал** 296, 376
- Альберт Великий** 9, 15, 192, 235, 299, 360, 362-364, 373, 388, 399-402, 406-407, 419, 424, 427-429, 431-432, 434, 437-438, 440-441, 443-444, 447, 449-450, 460, 463, 465-466, 468, 510-512, 516, 526, 540, 543-544, 546
- Альберт, граф** 36
- Альберт из Аахена** 135, 143-144, 146-148, 151-155
- Альберт из Аппельдерна** 265
- Альберт из Богемии, легат** 121
- Альберт, кардинал** 97
- Альберт Медведь** 264
- Альберт Константинопольский** 224
- Альби** 289-290, 295, 322-323
- Альборнос** 347
- Альбрехт Бранденбургский** 190, 265
- Альвар Пелагий** 139
- д'Альи** 345, 352, 425
- Алькала** 356, 404
- Алькантар** 210
- Альпы** 19-20, 43-44, 47-48, 75, 78, 107, 144, 148, 167, 215, 358-359, 367, 375, 386, 539
- Альтенеш** 315
- Альтенкамп** 210
- Альтман Пассауский** 36
- Альфандери** 9, 284, 291, 299
- Альфараби** 427
- Альфонсо VIII Кастильский** 31, 129, 131, 257, 274, 356
- Альфонсо IX** 107
- Альфонсо X Мудрый** 38, 356
- Альфонсо да Лигуори** 404
- Альфонсо, граф Пуатье** 176
- Альфред Английский** 328, 353
- Амальрик I (Амори) Иерусалимский** 158
- Амальрик II** 159
- Амальрик из Бены (Амори Шартрский)** 16, 114, 298-299, 343
- Амальфи** 185
- Аманд** 37
- Амвросий** 24, 98, 192, 231, 334, 381, 523, 530
- Амстердам** 302
- Амьен** 143, 152, 172, 358, 483
- Анаклет II** 23, 67-68, 204, 215-216, 222, 379, 452
- Анаксагор** 426
- Ананьи** 76, 78-80, 101, 120, 134, 406, 484
- Анастасий IV** 72-74, 185
- Анверпен** 326
- Антроии** 305
- Анджело, друг Франциска** 238, 240, 245, 247
- Анджело Кларено** 254
- д'Андреа, Джованни** 347
- д'Андреа, Новелла** 347
- Андрей II** 325
- Андрей Венгерский** 108, 137, 174
- Андрей из Лунда** 489
- Анжела из Фолиньо** 548
- Анжер** 356
- Анжу** 85, 109
- Анкона** 79, 118
- Анна Комнен** 147-148, 153-154

- Аннон из Кельна** 36
аноним из Пассау 282, 287, 299, 303, 306, 310
Анрод 446
Ансгар 357
Ансельм Гавельбергский 199
Ансельм из Бека 329, 331
Ансельм из Лукки 22, 24, 470
Ансельм Кентерберийский 15, 37, 59-66, 84, 87-88, 109, 191-192, 195, 197-198, 204, 212, 277-278, 328, 332, 334, 360-361, 363-374, 382-383, 389-391, 398-399, 402-403, 409-410, 419, 422-423, 439-440, 442, 450, 459, 461-462, 467, 482, 487, 490, 500, 504, 510, 512-513, 516, 529-530, 540, 549
Ансельм Лаонский 329, 374, 385, 387, 398
Ансельм Миланский 157
Антверпен 295-296, 300
Антиохия 130, 142, 144-145, 149-150, 154, 156, 160, 163, 178, 187, 224, 474, 519
Антоний Египетский 133, 192, 214, 234, 303
Антоний Падуанский 192, 225-226, 236, 246, 255, 258, 523, 526, 539
Аньелл из Пизы 255
Аоста 61, 367, 373
Апеннины 44
Апфельдери 265
Апулия 20, 23, 53, 75, 118
Арагон 105, 114, 132, 186-187, 267, 276, 312-313, 320, 324, 476, 493
Арбуэс 320
Арбэ 446
Ареццо 21, 49, 356
Аржантей 375-377, 520
Ариас де Лойола, Д. 267
Аристотель 299, 330-331, 337, 343, 362-363, 365, 385, 391, 398-401, 405-407, 409, 412, 414, 417, 421, 427, 460
Аркадий 476
Арктика 269
Арль 74, 164, 232, 452
Армаг 344, 418
Арно 248
Арнольд Брешианский 68-69, 73, 234, 378-379, 497, 525, 549
Арнольд из Кельна 270
Арнольд из Лизье 88
Арнольд из Мерсебурга 493
Арнольд из Сито 203, 209, 313-314
Арнольд, легат 313
Арульф Иерусалимский 151, 156
Арульф Миланский 40
Арульф Орлеанский 331
Артглиб 299
Аргуа 122, 176-177
Аргур, король 353
Аргур Бретонский 109
Аргус 524
Арундель 504
Арчер 153-154, 165, 181
д'Асеведа, Диего 257
Аскалон 156, 165, 176
Ассер 328
Ассизи 105, 233, 240-245, 247-251, 253-254, 257, 259, 453, 532
Асти 185
Асторга 533
Астралабий 375
Атталия 160, 188
Аугсбург 43, 255, 275, 282
Аугуст Преторий 367
Аура (Урах) 58
Аустрия 193
Афанасий 192, 371, 376, 508
Афины 328, 337
Африка 263, 266
Ахилл 166
Ашер 311
Бавария 54, 72, 306, 337, 400
Багдад 157-158, 269
Базель 160, 200, 206, 217-218, 237, 258, 344-345, 356, 444, 475
Базер 312
Баие 500
Балдуин I 136, 148, 150, 154, 157
Балдуин II Порфирородный 124, 157, 172, 187, 521
Балдуин III 157, 160, 173
Балдуин IV 158
Балдуин V 158
Балдуин Кентерберийский 137, 162, 164
Балдуин Фландрский 169, 173
Балеарские острова 266
Балтика 263
Балтия 184
Бальдрик из Доля (Анжуйский) 135, 144-146, 153-154
Бальмес 324
Бальцер 388
Бамберг 20, 48, 142, 334, 358
Баниас 162
Баннистер 529
Баньоло 291
Бардни 203
Бари 148, 367
Барнстепль 205
Барнуэлл 353
Бароний 70
Барселона 275, 356
Бартольд 265
Бат 62, 501
Баттаций 124
Баумгартен 482
Баур 116, 412
Баха-ад-дин 163, 165-166
Беатриса 41, 78-79
Беатриса 106
Беатриче 46
Беверли 85
Бегга, святая 300
Беда 334, 376
Бедфорд 488
Безансон 19, 137, 164, 356
Безьер 313-314, 322-323
Бейрут (Берит) 157
Бек 61-62, 65, 87, 328-329, 331, 367, 370
Бекет, Гильберт 84
Белград 147
Беллармин 324, 398
Беллини 533
Бельгия 107, 148, 287, 296, 302, 356-357, 446
Бемер 9
Беневенто 20, 56, 75, 78, 92, 129
Бенедикт IX 18, 35
Бенедикт X 21, 62
Бенедикт XI 13, 248
Бенедикт XII 208, 356, 485
Бенедикт XIII 50, 210, 224, 279
Бенедикт XIV 225
Бенедикт Газани (Бонифаций VIII) 133, 484
Бенедикт, приор Кентербери 96
Бенедикт Нурсийский 192, 214, 327
Бенедикт Христиан 19
Бензон 36
Бенигн 204, 212
Бенрат 325
Беньямин из Туделы 273
Бервикшир 420
Бергамо 291, 305, 309
Берген 491
Беренгар 20, 22, 48, 51, 54, 61, 218, 378, 497, 530
Береггария Наваррская 137, 163, 188
Бержер 9
Бери 203
Берит (Бейрут) 157, 346
Бермондси 205
Бернар Гюн, инквизитор 282, 285, 287, 305, 307, 309-310, 316, 323, 546
Бернар де Ко 323
Бернар Идрос 303
Бернар из Бесса 238
Бернар из Морде (Бернар Клонийский) 531
Бернар из Фонтис Калиди 302, 307-310
Бернар из Шартра 329-330, 385
Бернар Клервоский 15, 68, 102, 138-139, 141, 159, 180, 184, 187, 191-192, 195-196, 198-199, 205-207, 211, 215, 217, 222, 227, 295, 334, 376, 389, 516-518, 525, 530, 550
Бернар Клонийский 207, 467, 486, 531, 550
Бернар Раймунд 295
Бернар Тиронский 223, 234, 284, 468, 525
Бернард из монастыря Цезария 521
Бернард из Павии 471
Бернард, испанский цистерцианец 264
Бернардин Сиенский 192, 236

- Бернардо ди Квинтавалло 243
 Бернардоне, Пьетро 241
 Бернардоне, Франческо (Франциск Ассизский) 241
 Бернрид 16
 Берта, королева 25, 43-44, 49, 53-54
 Бертольд из Каринтии 36
 Бертольд Калабрийский 44, 224
 Бертольд Регенсбургский 192, 236, 522-523, 526, 530, 549
 Бертон 549
 Бертрада 53
 Бесс 238
 Бибарс 178
 Библиандер 206
 Биль, Габриэль 363, 449
 Бинген 227, 229
 Бископ 333
 Бисмарк 46
 Битон 496
 Бланш 177, 341, 350, 521
 Блуа 149
 Блэкфрайерс-бридж 258
 Блом 9, 529
 Бове 281, 358, 489, 538
 Богемия 78, 105, 108, 187, 271, 306, 310, 526, 539
 Бокардо 424
 Бокаччо 335
 Боклерк (Мудрый) 65
 Болеслав 31
 Болонья 14, 75, 77, 84-85, 101, 126, 128, 132, 235, 245, 255, 257-258, 267, 320, 338-348, 350, 356, 387, 469, 471, 474, 476, 493, 533, 539
 Бона Валлис 211
 Бонавентура 9, 15, 192, 236-238, 240, 249, 254, 256, 316, 351, 360-361, 363-364, 388-391, 399, 406-407, 410, 415-419, 423, 425, 429-433, 436, 438-440, 444-445, 447-449, 456-457, 460, 462-463, 465-466, 475, 495, 499, 510-511, 513, 516, 518-519, 526, 532, 543-544, 548
 Бонаграция 254
 Бонакуре 291, 413
 Бонелли 417
 Бонизон 18, 23-24, 26-27, 35, 42
 Бонифаций VIII 14-15, 17, 54, 118, 133-134, 226, 316, 356, 453-454, 471, 473, 477, 484-485, 534
 Бонифаций IX 301-302
 Бонифаций Кентерберийский 500
 Бонифаций, миссионер 217, 262, 357
 Бонифаций Монферратский 173
 Бонневаль 219
 Борвин 335
 Борджия 66
 Борнье 9, 400-402, 404
 Босния 289
 Боссюэ 525
 Босфор 147, 160, 162-163, 171, 173
 Бозмунд 53, 148-150, 154-155, 157
 Бозий 330, 334, 362, 365, 384-385
 Брадуардин 355, 363
 Брайс 128
 Брандан 197, 246, 548
 Бранденбург 190, 263, 445
 Браувейлер 521
 Бреда 302
 Брейсгау 356
 Бремен 189, 263-264, 283, 315, 329
 Бреслау 271
 Бретань 38, 167, 200, 226, 295-296, 375-376, 379, 531
 Бретон (Бритон) 94
 Брешия 69-71, 291, 324, 424
 Бригер 452, 454
 Бригитта Шведская 200, 517
 Бриджес 9, 428
 Бриксен 27, 48
 Бриндизи 119, 148, 167, 174, 325
 Бристоль 110, 221, 276, 353, 359
 Бритон, Ричард 95
 Бришар 313
 Бромхольм 521
 Бруно, картузианец 192, 222-223
 Бруно из Туля, епископ 19
 Брюнsvик 54
 Брюс, Роберт 140
 Брюссель 326, 357, 481
 Брюэр 9
 Бувин 107, 112
 Бутия 267
 Будапешт 269
 Буллинггер 321, 496
 Булонь-сюр-мер 148
 Бульон 148
 Бурга 301
 Бургенхаус 301
 Бургос 37, 252, 279, 359
 Бургундия 20, 44, 53, 58, 143, 164, 169, 290
 Бурдалу 525
 Бурж 198
 Бурхард Вормсский 470
 Бурхард из Урсперга 481
 Буцер 306, 353
 Бэйе 93
 Бэйхем 222
 Бэкингем 488
 Бэкон 425
 Бэкон, Роджер 236, 348, 355, 363, 399, 402, 425-427, 470, 493, 507, 546, 550
 Бэкон, Фрэнсис 267
 Бэллиол 355
 Бэтл 197
 Ваверлей 210
 Вавилон 177, 230, 298
 Ваддинг 420, 533
 Вакандар 9, 216, 378, 530
 Вакарый 354
 Валаам 122
 Валанс 356
 Валенсия 267
 Валенсьенн 300
 Валентиниан 476
 Валерга 156
 Валерий Максим 331
 Валь д'Аран 295
 Вальдес (Петр Вальд) 302
 Вальтер Безденежный 147
 Вальтер Бриеннский 242
 Вальтер де Немур 177
 Вальтер из Бирбаха 514
 Вальтер из Ковентри 108, 271
 Вальтер Керлинггер 325
 Вальтер Сен-Викторский 221, 364, 385, 387, 389-390
 Вальядолид 356
 Варавва 49
 Варацце 9, 191, 196-197, 288, 540
 Варгбург 325
 Варфоломей Альберик 238
 Варфоломей Тридентский 257
 Василий 192, 208, 403
 Ватикан 46, 58, 77, 81, 92, 117, 404, 413
 Ваттенбах 27
 Везеле 92, 159, 162
 Везер 328
 Веймар 522
 Вейссенбург 203
 Великобритания 221
 Вена 356, 481
 Венгрия 78, 105, 114, 124, 140, 147-148, 154, 160, 162, 169-170, 187, 210-211, 226, 251, 259, 269, 272, 283, 356
 Вендовер 108, 174
 Венеция 79-80, 162, 169-170, 190, 240, 319, 323, 335, 357, 414, 424
 Венсан де Бове 543
 Вергилий 330-331, 334, 362, 537
 Верден 43, 263
 Вермандуа 148
 Верна 248, 254
 Вернер из Св. Власия 285, 388, 405, 414, 517, 527, 548
 Вернер из Тегернзее 511
 Верона 71, 82, 287, 304, 318, 323, 356, 496, 498, 537
 Верцелли 334, 356, 497
 Весли 355
 Веспасиан 277
 Вессобрунн 337
 Вестминстер 59, 65, 88, 97-98, 198, 203, 453, 504, 520
 Вестминстер-холл 86
 Вефиль 242
 Виберт из Равенны 26, 48-49, 53-54, 457
 Вивальди 167
 Вивет 305
 Видон из Ареццо 39
 Видон из Реймса 20
 Видон Миланский 23, 25
 Византий 118
 Виклиф 28, 111, 194, 323, 326, 344-345, 354-355, 424, 439, 454, 507-508
 Виктор II 21, 39
 Виктор III 21, 50, 53-54, 201
 Виктор IV 76-78

- Вилкен 156, 167-168
 Виллани 126, 406
 Вильгардун 169-172, 175, 182
 Вильгельм I
 Завоеватель 15, 23, 25, 27, 30, 32, 37-38, 59, 61, 72, 91, 148, 196, 198, 204, 276, 315, 481, 499-500, 504
 Вильгельм II Рыжий 63-64, 75, 88, 148, 163, 186, 367, 501
 Вильгельм, аббат 204, 336
 Вильгельм Бургундский 44
 Вильгельм Гиффорд 210
 Вильгельм Голландский 126, 129, 174, 358
 Вильгельм из Вара 414, 420
 Вильгельм из Гиршау 192, 204
 Вильгельм из Корбея 66, 87
 Вильгельм из Токо 406
 Вильгельм из Сен-Тьерри 191, 194, 211-214, 217, 219
 Вильгельм Карпентарий 150
 Вильгельм Конхесский 329
 Вильгельм Неверский 196
 Вильгельм Порк 168
 Вильгельм Тирский 135, 139, 143-144, 146, 150-155, 157, 160, 162, 185, 187
 Вильгельм Утрехтский 43
 Вильям из Пуатье 59
 Виндзор 112
 Винсент де Бове 166
 Винченцо (Викентий) Феррер 260, 279
 Винчестер 25, 37, 59, 64, 210, 355, 357-358, 494, 500-501, 505, 529
 Виргиния 321
 Вирмут 333
 Висла 190, 265
 Виссенден 276
 Виталий из Савиньи 234, 284
 Витербо 129, 131-132, 283
 Витиза 35
 Витри 159
 Виттельсбах 106
 Виттенберг 343, 345, 356-357, 472
 Вифлеем 140-141, 151, 157, 166, 168, 174, 503
 Вихманн из Магдебурга 79
 Вицелин 262-265
 Виченца 347, 356
 Войт 16
 Вормс 19-20, 40-43, 57-58, 255, 258, 274, 307, 358, 470, 491, 532
 Вортвин 79
 Ворчестер 110, 113, 358, 500-501
 Вратислав 264
 Врангем 532
 Вуд 352
 Вудсток 89
 Вудхауз 187
 Вульфстан из Ворчестера 62
 Вьенна 39, 56-57, 266, 275, 301, 317, 320-321, 471
 Вэйл Роял 198
 Вюртемберг 130-131, 204
 Вюрцбург 55, 57, 263, 356, 443
 Габала 268
 Габсбурги 131
 Гавацци 348
 Гавельберг 263
 Гагенбах 116
 Гагенмейер 142-143, 146, 148, 150-155
 Газа 176, 184, 188
 Гайдн 533
 Гаймерик 393
 Гаймон
 Гальберштадтский 337
 Галата, башня 171
 Галес 236
 Галилея 156
 Галле 189
 Галлия 139
 Гальберштадт 172, 263, 488
 Гамбург 263-264, 445
 Гандерсейм 535
 Гандульф 388
 Ганновер 54
 Гардар 484
 Гарнак 192, 219, 233, 241, 249, 309, 372, 390, 392, 394, 443, 449, 461
 Гарольд 61
 Гарольд из Глостера 277
 Гарсиас 347
 Гартвиг II 315
 Гаске 203
 Гасконь 285
 Гастингс 61, 198
 Гастон 226
 Гвельф IV Баварский, муж Матильды 46-47, 54, 106
 Гвиго 223
 Гвидо, антипапа 81
 Гвидо из Кастелло (Целестин II) 70
 Гвидо из Судзарры 129
 Гвидо, легат 70
 Гвидо, францискапец 196, 217
 Гвискар 49
 Гебироль 401
 Гебхард 21, 55
 Гегель 140, 146, 370
 Гейбель, Эм. 75
 Гейдельберг 339, 343, 345, 356
 Гейстербах 193, 199, 223
 Гектор 166
 Геласий I 474
 Геласий II 57, 204
 Геленный 522
 Гелинанд 197
 Геллеспонт 145
 Гемфрид Торонский 166
 Генри, Мэтью 389
 Генрих I 59, 65, 84, 215, 367, 487, 502
 Генрих II 65, 76, 78, 81, 83, 85, 97-98, 108, 111, 160, 162, 196, 208, 224, 226, 276, 290, 353, 450, 487, 500-501, 505, 545
 Генрих III 17, 19, 21-22, 27, 30, 40-41, 121, 128-129, 137, 178, 188, 208, 210, 276-277, 350, 500-501, 508, 520
 Генрих IV 16-17, 21-22, 24-27, 31-32, 36, 40-41, 43, 46-47, 53-55, 72-73, 75, 80, 88, 110, 141, 143, 149, 473
 Генрих V 46, 55-57, 65
 Генрих VI 72-74, 105-106, 118, 130, 166, 189, 229
 Генрих VII 324
 Генрих VIII 60, 86, 98, 205, 207, 210, 256, 258, 326, 353, 502, 538
 Генрих, аббат 489
 Генрих Анжуйский 160
 Генрих Гентский 419, 424
 Генрих из Хантингдона 498-499
 Генрих из Шпейера 36
 Генрих Константинопольский 114
 Генрих Лев, герцог Саксонский 79, 106, 264
 Генрих Лозаннский 281, 284, 288, 295-297
 Генрих Льежский 490
 Генрих Распе 126
 Генрих Шампанский 159, 165
 Гент 300, 424
 Генуя 57, 123, 163, 167, 169, 266, 548
 Георг I 54
 Гепшинген 72
 Гераклий 493
 Геральд 76, 162, 208, 354, 498, 506
 Герар, госпитальер 185
 Герар из Борго Сан Доннино 231, 254
 Герар из Монфорте 290
 Герар Кременский 363
 Герард из Вальберберга 193
 Герберт Виссенденский 276
 Герберт из Бошема 84, 93
 Герберт (Сильвестр II) 328, 331
 Герборд 262, 264, 430
 Гервасий Кентерберийский 354
 Гергенротер 22, 127, 133, 208, 222, 234, 268, 388, 456
 Гериберт 289
 Герлах из Нассау 487
 Герлах, рыцарь 193
 Герман из Гиммельроде 446
 Герман из Кельна 277
 Герман из Мариенштадта 541
 Герман из Метца 29-30, 42, 48, 51-52
 Герман Константинопольский 131
 Герман Констанцкий 218
 Герман Люксембургский 48
 Герман Пражский 523

- Герман фон Сальца 189, 265
 Герман Шеле 301
 Герсон, см. Жерсон 238
 Гертлинг, фон 400
 Герхард Бременский 315
 Герхард из Бронье 204
 Герхард, монах 325
 Герхард Флорентийский 21
 Герхарт, Э. В. 430
 Герцох из Райхерсберга 530, 537
 Герцог 303, 310
 Гершон 273
 Гете 473, 533
 Геттинген 72, 289, 360
 Гетц 241
 Гефеле 23, 35, 45, 48, 71, 84, 313, 317, 319
 Ги Лузиньянский 158, 164
 Гиббон 115, 128, 137, 148-149, 171, 173, 181, 185, 269
 Гиберт (Гвиберт) Ножанский 135, 138, 140, 144-148, 151, 153-155, 327-328, 331, 510, 519, 521, 524, 544
 Гиза 207
 Гизбрехт 9, 18, 24, 44, 55, 70, 346
 Гизелер 55, 289
 Гиюн 394
 Гильберт де Виз 256
 Гильберт Сандрингамский 221
 Гильберт Фолиот 84, 87, 97
 Гильдеберт из Ле Манса 56, 296
 Гильдеберт Турский 49, 437, 525, 530
 Гильдебранд 14, 16-29, 32-34, 36-37, 40-41, 43, 46, 50, 52-53, 55, 61-62, 64, 70, 72, 88, 101, 103, 129, 192, 367, 477, 480, 495, 541, 546, 550
 Гильдесгейм 328, 400
 Гильом Аквитанский 157, 204, 329
 Гильом де Брэ 484
 Гильом из Конша 329-330, 386
 Гильом из Оксерра 432
 Гильом из Сент-Амура 191, 200, 231, 237, 351, 400, 406, 416
 Гильом из Сеньеле 388
 Гильом из Тьерри 374, 377-378
 Гильом из Шампо 329, 374, 381, 385, 395, 398
 Гильом Ланглуа 221
 Гильом Ювелир 298
 Гиммельрод 446
 Гиппон 220
 Гиро Мерсье 295
 Гиршау 198, 204, 209, 234, 336
 Гишар де Божоле 255
 Глазго 339, 356, 359
 Гластонбери 203
 Глостер 203, 353
 Глостершир 399
 Говер 507
 Гогенцоллерны 131, 190
 Гогенштауфены 15, 23, 47, 72-74, 77, 100, 106, 128, 130-131, 473, 477
 Годафрау Перонский 490
 Годфрей из Витербо 80
 Годфри Лотарингский 21, 27
 Голдаст 55
 Голл 306
 Голландия 300, 302, 326, 357, 457, 538
 Гольштейн 264
 Гомер 136
 Гонилон из Мармонтье 370
 Гонорий II 24, 67, 187, 205, 264
 Гонорий III 74, 106, 117-118, 137, 174, 189, 224, 226, 235-236, 242, 245, 252, 258, 265, 319, 340-342, 349, 351, 358, 443, 502
 Гонорий IV 130
 Гонорий Отунский 191, 195, 286, 451, 463, 510, 517, 523, 525, 527, 530
 Горащий 101, 213, 331, 334, 375, 379
 Гослар 290
 Готтлоб 452, 482
 Готфрид, аббат 265
 Готфрид Бульонский 48, 148-149, 151, 155-157, 166, 171, 182, 185, 227
 Готфрид из Адмонта 517, 527
 Готфрид из Сен-Барб-ан-Ожа 333
 Готфрид из Сент-Омера 187
 Готфрид, монах 196
 Готфрид Сев-Викторский 363
 Готшалк 146-147, 154, 263
 Готье 529, 531
 Гофрид из Аквитании 481
 Гофрид из Оксерра 384-385
 Гофрид Клервоский 211, 216-218, 378
 Граммон 226
 Гранада 140
 Граубюнден 526
 Грациан 85, 272, 275, 334, 346-347, 388, 448-449, 457, 469-472, 475, 479, 504
 Грегоровиус 9, 45, 52, 70-71, 73, 76, 101, 104, 115, 125, 127, 130, 140, 144, 538
 Грейфсвальд 356
 Гренландия 484
 Гренобль 222, 311, 356, 505
 Грестиан 200
 Гретц 273-274, 279
 Греция 124, 210, 259
 Григорий I Великий 20, 102, 115, 194, 231, 272, 283, 334, 381, 476, 490, 525, 540
 Григорий II 445
 Григорий III 231
 Григорий VI 18-19, 27, 133, 480
 Григорий VII 7, 15-17, 24-25, 28-31, 33, 35, 37, 46-47, 49-50, 56, 62, 77, 82, 88, 92, 102, 104-105, 110, 115, 140, 143, 145, 201, 204-205, 283, 333, 473-474, 476, 479-480, 484, 495, 497
 Григорий VIII 57, 73, 100, 162
 Григорий IX 74, 117-119, 123, 168, 175, 234, 236-238, 240-241, 245, 247-248, 252-253, 258, 260, 265, 276, 286, 300, 315, 317, 319-320, 322-325, 339, 341-344, 348-350, 353, 356, 363, 436, 453, 471, 473, 475-476, 481, 486, 500, 502-503, 523, 526, 532, 545
 Григорий X 130-132, 137, 179, 232, 254, 270, 477, 479-480, 484, 490, 496, 498, 502, 548
 Григорий XI 83, 268, 302
 Григорий XII 302, 480
 Григорий XIII 50, 470, 472
 Григорий из Верчелли 27
 Григорий Нисский 141, 192, 199, 393
 Григорий Турский 194
 Грим, Эдуард 86, 94-95
 Грин 109, 271
 Гросин 355
 Гроссегет, Гуго 490, 500, 505, 549
 Гроссегет, Роберт 13, 15, 111, 125, 232, 255-256, 274-275, 278, 284, 331, 334, 355, 425, 475, 486, 492, 494, 498, 503-509, 520, 523, 526, 537, 550
 Губбио 247
 Губерт Вальтер, епископ Солсбери 164-166
 Губерт Кентерберийский 109
 Губерт, легат 32, 235
 Гуго Бланк (Леблан) 41
 Гуго, герцог Бургундский 162
 Гуго Гранменил 196
 Гуго Гроссегет (Г. из Линкольна, Г. Авалонский) 490, 500
 Гуго де Динь 486
 Гуго из Вермандуа 148-149, 157, 487
 Гуго из Личфицда 501
 Гуго из Сен-Шера 524
 Гуго из Уэллса 504
 Гуго Кандид, кардинал 26, 48
 Гуго Клонанский 19, 27, 44-45, 204-205, 334
 Гуго Лузиньянский 257
 Гуго Пайеннский 187
 Гуго Сен-Викторский 192, 360, 363-364, 387-388, 391, 395, 429-430, 434-435, 437, 440-441, 444, 447, 451, 455-457, 459-460, 463, 478, 510, 515-516, 549
 Гуго Феррей 168
 Гумберт, кардинал 25, 39, 348
 Гумберт де Романис, доминиканец 179, 235, 257, 260, 524
 Гумблин 214-215
 Гундрада 205
 Гундульф 367
 Гунтер 172, 519
 Гус, Ян 28, 537
 Гусман 257
 Гфрорер 100
 Гэдстоу 506
 Гэльс 399

- Гюн 152
Давид из Аугсбурга 236, 282, 307, 309-310, 526
Давид из Динанто 299, 343
Дагоберт 155-156
Даимберт 156
Дакия 481
Далмаций из Сержи 172
Далмация 32, 170, 290
Дамаск 157-158, 160-161, 166, 174, 177
Дамблейн 359
Дамнан, святой 133, 242, 244, 251
Дамьетта 119, 174, 177-178, 182, 266, 546
Даниил, кармелит 224
Дания 31, 105, 257, 259, 285, 480, 484, 487
Данстейбл 536
Данте 14-15, 46, 54, 102, 127-128, 132, 134, 232-233, 241, 260, 348, 362, 368, 391, 406, 414, 416, 467, 511, 547, 549
Данфермлайн 198
Данциг 265
Даргун 335
Дарданеллы 171
Дарем 202, 282, 334, 353-354, 358-359, 495, 499-501, 535
Даун 420
Девоншир 495
Дезидерий 21, 50, 53
Дейль 159
Дейц 398
Дейч 9, 67, 219, 378, 525
Декарт 414
Делакруа 299
Демосфен 144, 337
Демпстер 420
Денис, св. 95, 376
Денифле 9, 192, 212, 244, 258-259, 338-339, 341, 347-350, 385, 387-388, 390, 395, 464
Деусдедит 470, 475
Джагатайский улус 270
Джебб, Самуил 426
Джейкобс 276
Джессоп 199-200, 202
Джеффри, епископ Вифлеема 503
Джеффри, сын Генриха II, епископ Линкольнский и Йоркский 487, 489, 500
Джеффри, архидиакон Норвича 110
Джилс 84
Джинеффо 245
Джованни Деколлато 324
Джованни Фиданца 415
Джонсон, Сэмюэль 242
Джордаи, приемник Доминика 257-259, 400
Джордано Бруно 267
Джотто 243, 247
Джошуа Сильвестр 533
Джузеппина Каттани 347
Диемо из Лорша 335
Дижон 204, 208, 212
Дизебоденберг 227-228
Дикхоф 303, 310, 449
Дилич 280
Димитрий 32
Диниш 356
Диоген 244
Дионисий Ареопагит 391, 395, 402
Дионисий (св. Денис) 376
Дитрих Кельнский 514
Дитрих Наумбургский 493
Днепр 269
Доллингер 9, 13, 45, 126, 230, 273, 280-282, 297, 306-307, 310, 324, 420, 423, 472-473
Доль 136, 356
Доминик (де Гусман), святой 15, 118, 123, 191-192, 200, 202, 221, 232-233, 257
Доминик Лорикат 539
Домнин 468
Дон-Хуан 186
Донат 330
Дорилея 149
Доротея 190
Дорпат 265
Дорчестер 62
Драйбург 359
Древе 9, 514, 529-530
Дронтхейм 436
Друффель 55
Дублин 109, 111, 311, 356
Дувр 64, 93, 110, 255
Дун 420
Дунай 142-143, 148
Дунс Скот 9, 15, 191-192, 202, 236-237, 353, 360, 362-363, 365, 399, 405, 414, 418-419, 421, 423-425, 428-429, 432-433, 435-441, 447, 449-450, 456, 516-517, 544
Дунстан 37, 60, 98, 420
Дуранд 235, 304, 363, 366, 388
Дураццо 148
Дуэ 323, 546
Дуэ, город 300, 324
Дэвис 535
Дэй, Джордж Э. 8
Дэниэл 529-530, 532
Дю Булэ 349-350
Дю Канж 24
Дюпре 247
Ева 460, 549
Евгений III 67-69, 71, 73-74, 77, 82, 138, 159, 162, 201, 208, 215-216, 228, 268, 276, 286, 452, 477, 499
Евгений IV 210, 272, 302
Евдон 288
Евпраксия 54
Евсевий 154
Евстахий (Евстафий) 148
Евфимий 289
Египет 119, 139, 142-143, 157-158, 162, 169-170, 174, 177-178, 188, 194, 245, 266, 331, 337, 536, 538
Екатерина Сиенская 249, 517
Елена 141, 520
Елизавета Английская 321
Елизавета Венгерская 325
Елизавета из Шенау 199-200, 227, 229, 392, 519, 546
Ерма 465
Ермон 161
Жакоба 347
Жанна д'Арк 352
Жанна Наваррская 343
Жанна Тулузская 314
Жаффе 9, 16, 55, 92
Женева 311-312, 321
Женевское озеро 213
Женевьява 329, 350, 374, 377, 386
Жеоффрау 377
Жерар 216-217
Жерсон (Герсон) 238, 345, 352, 416, 445, 538
Жильбер из Пуатье (Порретанский) 214, 363, 378-379, 384-387, 390
Жиранд из Галерии 24
Жирона 37
Жоселин I 159
Жоселин II 159
Жоселин из Бэлиола 90
Жоселин из Солсбери 90
Жоффрей Плантагенет 65
де Жуанвиль 165, 176-178, 182
Жуьи 215
Задар 169-170
Зальцбург 147, 185, 300, 332
Зара 169-170
Захария 42
Зенки 157, 159, 224
Зибель 136, 151-152
Зибберг 420-424, 461
Зигарт 400
Зигберг 221, 265
Зигберг 353
Зигфрид из Майнца 36, 41, 43, 47, 142, 401
Иаков II 356
Иаков V Шотландский 207
Иаков Витрийский 188, 252, 266, 283-284, 330, 338, 495, 548
Иаков из Варацце (Борагинский) 9, 191, 196-197, 288, 455, 510, 515, 519, 521, 540-542, 548
Иаков из Компостеллы 97
Иаков Иуст 172
Иаков Карнарий 334
Иаков Панталеон 443
Ибн Туфайль 363
Ив Шаргрский 56, 199, 470, 525
Ившем 203, 335
Ида Австрийская 137, 157
Иерихон 151
Иероним 141, 192, 199, 231, 275, 327, 330, 334, 337, 376-377, 379, 381, 427, 447, 456, 518
Иероним из Асколи 425

- Иерусалим** 48, 55, 57, 73, 78, 97-98, 114, 118-120, 124, 126, 136-138, 140-145, 147, 149-166, 169, 171, 174-180, 185-189, 205-207, 228, 259, 268, 277, 293, 311, 321-322, 413, 448, 452, 472, 474, 486, 498, 517, 520, 531, 546
- Изабелла I Испанская** 140, 278
- Изабелла Английская** 121, 128
- Изабелла Иерусалимская** 158
- Изли** 222
- Икония** 163
- Иксуль** 265
- Иларий** 388
- Иларион** 246
- Илия Кортонский** 240, 247-248, 251, 253, 255, 526
- Имад-ад-дин** 157
- Ингеборга** 107
- Ингольштадт** 356
- Ингульф** 195, 334
- Индия** 268, 270, 425
- Иннокентий II** 13, 67, 69, 71, 73, 82, 186, 205, 215, 221-222, 379, 384, 452, 474, 477, 486, 496-497
- Иннокентий III** 7, 13, 15, 17, 30, 72-73, 76-78, 100, 105, 109, 115-116, 118-119, 138, 168-173, 185, 189, 194, 201, 209, 212, 220-223, 236, 243, 245, 251-252, 257-258, 265, 272-273, 282-283, 286-288, 292, 298, 304, 308, 311, 316-318, 322, 330, 339, 349, 378, 440, 453, 456, 471, 473-476, 482, 486-495, 497-498, 501-502, 523, 526, 537-538, 547, 549
- Иннокентий IV** 74, 117-118, 123, 126, 128, 139, 176, 221, 224-225, 232, 236-237, 247, 252-253, 256, 265, 270, 272, 317-318, 320, 354, 356, 453, 477, 480, 490, 496, 498, 502-503, 508, 538, 545
- Иннокентий V** 130-131
- Иннокентий VI** 346
- Иннокентий VIII** 306, 546
- Иннокентий XI** 223
- Иннокентий XII** 224
- Иннокентий XIII** 101
- Иоав** 89
- Иоанн VIII** 138, 141
- Иоанн XII** 489
- Иоанн XVIII** 203
- Иоанн XXI** 130-131, 502
- Иоанн XXII** 225, 254, 301, 343, 352, 356, 405, 443, 469, 471, 479, 518
- Иоанн XXIII** 38, 454
- Иоанн Английский (Безземельный)** 104, 106-107, 109, 120, 188, 276
- Иоанн Бриеннский** 119, 159, 174
- Иоанн Вицбургский** 186
- Иоанн Виченцкий** 526
- Иоанн Герхардт** 531
- Иоанн Дамаскин** 387, 403, 407, 438
- Иоанн де Грей** 109
- Иоанн Златоуст** 139, 368, 408, 413, 445
- Иоанн из Бэзингстока** 508
- Иоанн из Кремы** 495
- Иоанн из Маты** 226
- Иоанн из Монте Корвино** 236, 263, 269-270
- Иоанн из Пармы** 232, 254, 416
- Иоанн из Прочиды** 50
- Иоанн из Сен-Жилия** 236, 351, 549
- Иоанн из Струмы** 81
- Иоанн из Целле** 349
- Иоанн Капшуй** 471
- Иоанн Корнуольский** 389
- Иоанн Мариньола** 270
- Иоанн, несторианин** 269
- Иоанн Отшельник** 211
- Иоанн Парижский** 441
- Иоанн Пресвитер** 268, 269
- Иоанн Ронко** 304
- Иоанн Солсберийский** 76, 82, 87, 92-94, 96, 327, 329-331, 336, 353-354, 362, 365-366, 373, 377-378, 384-387, 481-482, 488, 498, 504, 540-541, 544
- Иоанн Тристан** 178
- Иоанна, жена Вильгельма II Сицилийского** 163
- Иоанна из Акры** 179
- Иоанниций Болгарский** 108
- Иоахим Флорский** 114, 179, 192, 219, 227, 229, 233, 254, 285, 290, 299, 351, 368, 389, 392, 538, 550
- Иоланта Бриеннская** 119, 121, 159, 174
- Иопния** 151, 165-166, 185
- Иордан, река** 141, 156-157
- Иордан Джианский (Джордано ди Джано)** 255, 266
- Иостес** 310
- Ириней из Веймара** 522
- Ирландия** 76, 85, 98, 110-111, 197, 210, 221, 255, 354, 395, 420, 498
- Ирнерий** 338, 346, 470
- Исаак I Комнен** 163
- Исаак II Ангел** 162, 170-171, 173
- Исаак Израэли (Ицхак Старший)** 401
- Исидор Севильский** 360, 381
- Исландия** 107
- Испания** 14, 31, 35, 37, 73, 78, 122, 140, 145, 190, 203, 206, 210, 221, 224, 251-252, 257-260, 267, 269, 272-273, 278, 282-283, 318, 339, 356, 359, 363, 404, 425-426, 480, 487, 496, 498, 546
- Итон** 537
- Ицхак Старший** 401
- Йена** 343
- Йорк** 91-93, 96, 109, 113, 162, 256, 277, 333, 359, 416, 487, 493, 499-501, 529, 537
- Кавелл** 420
- Каверау** 449
- Кавказ** 269
- Кагор** 356
- Кадал (Кадалус)** 24-25
- Кадурт** 353
- Каеган** 349, 414
- Казимир III** 356
- Каир** 155, 158, 177
- Кайен** 84, 353, 356, 367
- Калабрийские горы** 223
- Калабрия** 20, 23, 53, 132, 226, 229, 305
- Каларог** 257
- Калатрав** 210
- Каликади** 163
- Калли, Дэвид Э.** 9
- Калликст II** 57, 67, 185, 204-205, 209, 226, 497
- Калликст III** 76, 78-79
- Кальвин** 212, 321, 362, 388, 407, 414
- Камбалук** 269-270
- Камбрэ** 324
- Кампанья** 77
- Кампель** 220
- Каносса** 43-48, 50, 52, 55, 80, 98
- Канг** 370, 415
- Каптабер** 353
- Капистрано** 253
- Капитолий** 71, 324
- Капшадокийские горы** 160
- Капуя** 75
- Каракорум** 270
- Каркассон** 295, 313-314
- Карл I Великий** 30, 39, 42, 47, 77-78, 82, 126, 144-145, 149, 163, 185, 263, 313, 322, 328, 330, 349, 476
- Карл II Лысый** 328
- Карл II Неаполитанский** 133, 484
- Карл IV** 324, 339, 356
- Карл V** 73, 98, 323
- Карл VIII** 306
- Карл Анжуйский** 129, 132, 176, 178, 406
- Карлайл** 221, 359, 500, 504
- Кармил** 164, 201, 224-225
- Карпентарий** 150
- Картрайт** 353
- Карфаген** 178
- Карчер** 484
- Кассиан** 327, 330
- Кассиодор** 330
- Кастилия** 186, 276, 339, 476
- Катана** 356
- Катон** 19
- Катулл** 331
- Каульбах** 150
- Кауффман** 339
- Кваракки** 245
- Квебек** 251
- Квинтиллиан** 334
- Кебл** 355
- Кейтнесс** 493
- Келлер** 306, 309-310
- Кельзо, Джеймс Э.** 8
- Кельн** 19, 106, 160, 167, 193, 199, 203, 218, 222, 235, 255, 258, 270, 277, 281, 283, 285, 290, 295-296, 300-301, 325, 339, 345, 356-358, 398, 400-401, 406, 420, 424, 438, 453, 456, 487-488, 492, 514, 519, 522, 532
- Кельсо** 359
- Кембри** 142
- Кембридж** 93, 109, 256, 311, 335, 339, 343, 345, 350, 353-356

- Кемптен** 203
Кенигсберг 16, 190, 265, 306
Кентербери 37, 59, 61, 63-64, 82, 84, 91, 93-98, 109, 200, 203, 205, 255-256, 354, 357, 359, 367, 488, 499-501, 505, 529
Кер 324
Керак 158, 174
Керат 156
Кербога из Мосула 150
Керуларий 474
Кесария 150, 157, 175, 519
Килвардби, Роберт 256, 499
Киликия 163
Кимхи 273
Кипр 156, 159, 163-164, 176-177, 186-187, 189, 225, 270
Киприан 28, 275, 475
Кириаф-Сефер 348
Кирилл Александрийский 413, 478
Кирилл Иерусалимский 413
Кириш 133, 482-483, 485
Киссенген 58
Китай 268-271
Киффхаузер 75
Клавдиан 334
Клара Цефи 244, 251
Кларендон 89, 91
Кларено, Анджели 254
Клерво 193-194, 198, 208-209, 211, 213-216, 219, 228, 233, 274, 378, 389, 392, 394, 529
Клермон 53-54, 143-145, 153-154, 312, 444, 493-494, 496-497
Климент, святой 172
Климент I 133
Климент III 36, 48-49, 53, 55, 64, 73, 100-101, 178, 189, 346
Климент IV 74, 128-129, 131, 186, 406, 425, 450, 475, 480
Климент V 133, 189, 266, 275, 301, 356, 471, 523
Климент VI 356, 454
Климент VII 356
Климент VIII 225
Климент Александрийский 465
Климент Виллекург 16
- Клотильда Тамброни** 347
Клуае 167
Клони 18-19, 53, 55, 57, 125, 172, 192, 198-199, 201, 204-210, 223, 291, 297, 332, 334, 379-380, 486, 529, 531
Кнопфлер 9
Ковентри 108, 271, 501
Коинбра 356
Коирхан 269
Кола ди Риенцо 71
Колет, Джон 98, 355
Колизей 537
Коллацоне 534
Колумб 137, 425
Колумба 251, 262
Кольде 449
Кольчестер 221
Комба 303, 306-310
Комо 320
Компостелла 37, 97, 266
Компъен 366
Конкорреджио 290
Конрад Германский, старший сын Генриха IV 43, 46, 53
Конрад III 68, 71-73, 137, 159-160, 162, 174, 228
Конрад IV 74, 121, 128, 130
Конрад Гальберштадтский 172
Конрад Гогенштауфен 54
Конрад из Вормса 79
Конрад из Эбербаха 207
Конрад Марбургский 236, 320, 325
Конрад Монферратский 158-159, 164, 174
Конрад Моравский 189
Конрад Утрехтский 493
Конрад Хохштеден 358
Конрадин 73-74, 128-130, 473
Константин I Великий 30, 33, 46, 71, 76-77, 102, 106, 141-142, 231, 316, 476-477
Константинополь 32, 56, 101, 103, 105, 108, 114, 118, 124, 130-132, 142-143, 145, 147-148, 154-156, 160, 162, 168-173, 181, 198, 224, 289, 333, 357, 472, 474, 508, 519-520, 526
- Констанц** 54, 70, 160, 189, 194, 200, 203, 218, 321, 323, 352, 424, 445, 455, 475, 538
Констанция 74, 118, 132, 289
Конти де Сеньи 101
Контрада де Патари 288
Копенгаген 339, 356
Корацца 229
Корбей 328, 374
Кордова 546
Корнелл 343
Корнуолл 131
Корнхилл 256
Корсика 31, 76, 476, 484
Кортенуове 121
Корфу 171
Корчи 290
Котские Альпы 305
Коултон 428
Краков 269, 356
Кранмер 321, 353, 538
Краон 226
Кремона 54, 77, 539
Креси 415
Кристоф 204
Кройленд 195, 203, 333
Кромвель 278, 311, 354, 424
Круэл 527
Ксант 221
Кульм 190, 265
Кульмландия 190
Кумберленд 94
Куниберт Туринский 35
Кунигунда 189
Кур 48, 147
Курси 78
Курций 331
Куси 221
Кутгер 378
Кьоддже 79
Кэзуэлл 533
Кэирд 370
Кэмпбелл 84
Кэшель 483
- Ла Валетт** 186
Ла Ферге 208
Ла-Рошель 16
Лаббей 13, 400
Лавор 313
Лаврентий 493, 519
Лайтфут 353
Лакордер 260
- Ламберт из Герсфельда** 16, 36, 44-46
Ламберт ле Бег 300
Ламбет 109, 438, 443, 445, 456
Ланг 7
Лангедок 283, 295, 311, 315
Ланген 22
Лангр 217, 223, 484
Лангтон, Симон 113
Лангтон, Стефан 108-110, 112-113, 273, 487, 499
Лангтон, Уильям 499
Ландафф 501
Ландо Ситино 78
Ланфранк Кентерберийский 37, 60-63, 65, 87, 91, 328-329, 335, 367, 474, 549
Лаодикия 188
Лаон 221, 328, 358, 374
Ларнета 295
Лас Каса 236
Латимер 353
Лаунген 400
Лаура Басси 347
Лацнум 101
Ле Брет, Ричард 94
Леблан 41
Лев I 29, 275, 487
Лев IX 19-20, 23, 26, 34-35, 39, 474, 496, 546
Лев X 253, 261, 268, 321, 477
Лев XIII 28, 46, 51, 81, 117, 123, 225, 261, 321, 339, 362, 400, 406, 414-415, 479, 518
Левен 301
Леже 282, 306
Лейден 282
Лейн 8
Лейнциг 339, 356
Лейтнер 473
Лейтон, Ричард 424
Лемпп 9, 240-241, 284, 291
Леньяно 79
Леон, друг Франциска 238, 240, 245, 247-248, 254
Леон, королевство 107
Леон Юд 496
Леопольд герцог Австрийский 166
Лепанто 186, 261
Лерида 356
Лерфрайхайт 341
Лессинг 162
Лестер 275, 313, 488

- Лестранж, Джон 256
 Легольд из Турне 151
 Леутард 289
 лже-Исидор 28, 493
 Ли, Генри Чарльз 9, 241, 267, 278, 295, 305, 448, 452, 454
 Ливий 331, 334
 Ливингстон 268-269
 Ливленд 221, 446
 Лигурия 210
 Лизье 312
 Лиллбонн 38
 Лилль 389
 Лимборх 320
 Лимбург 204
 Лимож 529
 Линакр 355
 Лингард 84, 109, 111
 Линкольн 62, 125, 276, 354, 357, 359, 420, 475, 487-488, 500-501, 503, 505-507, 537
 Линкольншир 222
 Линкопинг 484
 Лион 101, 123-124, 128, 179, 188, 222, 273, 282, 303-304, 310-312, 400, 406, 416, 479, 484, 486, 488, 496-498, 508
 Лиссабон 356, 481, 526
 Литтлтон 84
 Лиутберг 142
 Личфилд 62, 242, 359, 500-501
 Лод 99
 Лоди 291
 Лозанна 35, 48, 213, 296
 Ломбардия 24-25, 42, 44, 47-48, 53-54, 69-70, 75, 78, 121, 126, 157, 187, 259, 283-284, 286, 290-291, 304, 306, 406, 494
 Лонгфелло 246, 530
 Лондон 37, 84, 87, 93, 97, 110, 113, 162, 188, 205, 224, 255-256, 258, 262, 276, 278, 280, 364, 444, 451, 456, 458, 488, 491, 494, 500-501, 505, 520, 536
 Лонуа 413
 Лопе де Вега 278
 Лорето 98, 261
 Лори 346
 Лотарингия 20, 145, 147-148, 200, 202, 204
 Лотарио (Иннокентий III) 101-102
 Лотарь II Саксонский 68
 Лотульф 376
 Луара 78
 Луард 9
 Лувен 345, 356-357
 Лувр 531
 Лукан 19, 331
 Лукка 13, 24, 63, 148, 356, 470
 Лунд 75, 334, 487
 Луфс 461
 Луций II 68, 73
 Луций III 73, 81, 100, 190, 229, 318
 Льеж 55, 131, 148, 152, 214-215, 289-290, 300, 443, 446, 490
 Льоренте 278
 Льюис 205, 336
 Лэйн-Пул 165
 Лэр 143
 Любек 189, 263, 265, 491
 Людвиг Железный 549
 Людовик IV 325
 Людовик VI 193, 196
 Людовик VII 78, 81, 85, 137, 159, 226, 274, 311-312, 545
 Людовик VIII 314
 Людовик IX Святой 15, 91, 122, 129, 137, 140, 143, 166, 176, 182, 232, 270, 273, 276, 300, 314, 316, 319, 485, 520, 546, 549
 Людовик XI 350, 366
 Людовик XII 305
 Людовик XIII 237
 Людовик XIV 204
 Людовик Баварский 189
 Людовик из Блуа 169
 Люксембург 148
 Лютер 57, 130, 190, 212, 216, 219, 221-222, 238, 249, 263, 307, 321, 323, 325, 342, 345, 349, 352, 357, 362-363, 414, 424, 434, 439, 443, 464, 472-473, 477, 522, 525, 543
 Люттих 55
 Люциус III 252, 496
 Лючера 126
 Маас 55
 Маастрихт 542
 Мабийон 9, 530
 Мавр (Мауро) из Амальфи 185
 Маврикий Испанский 299
 Маврикий Парижский 525
 Магдебург 222
 Мадлен 207
 Мадонне 240, 245, 253
 Мадрид 258, 356, 481
 Мазарини 240
 Маймонид 273, 401
 Майнц 20, 43, 47, 55, 57, 106, 142, 148, 255, 263, 274, 276, 283, 289, 301, 320, 325, 356, 358, 435, 455, 487-488, 491, 532
 Майоль 204
 Майорка 266, 268
 Мак-Кагуэлл 420, 424
 Макон 204-205
 Максимилиан I 520
 Малахия, ирландский архиепископ 219
 Маллик-аль-Камил 174
 Малмсбери 59
 Мальбранш 414
 Малькольм 65
 Мальта 186
 Манассия Реймский 31
 Маннинг 238
 Манс 296
 Мансур 177
 Мантуя 25, 291, 493
 Мануил Константинопольский 160, 268
 Мануил I Португальский 278
 Манфред 126, 128-130, 132, 452, 539
 Марбург 17, 325, 358
 Маргарита 137, 172, 177
 Маргат 184
 Мариенбург 190, 265
 Мария Английская 98
 Мария Иерусалимская 159
 Марк из Анвейлера 105
 Марк из Ломбардии 290
 Маркиан 517
 Марко Поло 269-270, 547
 Марокко 251, 266, 278
 Марсель 162-163, 167-168, 182, 327
 Маргенс 18
 Мартин IV 130, 132, 272, 450
 Мартин V 194, 486
 Мартин, аббат 168-169, 172, 519-520
 Мартин, легат 503
 Марциан 331
 Марциан Капелла 330
 Марч 532
 Массильон 393
 Матильда де Гарланд 210
 Матильда Тосканская 41-42, 44-46, 48-49, 53, 56, 61, 65, 68, 76, 84, 106, 195, 549
 Матурин 226
 Матфей Парис 13, 108, 110-111, 119, 122-123, 126-129, 135, 139, 172, 176, 178, 181-182, 185, 187-188, 198, 202-203, 208, 210, 227, 232, 238, 243, 256, 271, 274, 276-277, 284, 289, 300, 324, 453, 467, 481, 485, 493, 498, 500, 503-504, 507-509, 520, 536, 544, 546, 548
 Маффей Поло 270
 Мейнгард 265
 Мейссен 263
 Мейстер Экарт 192, 236, 391, 394
 Мекленбург 263
 Мексика 140, 225, 236
 Меланхтон 357
 Мелен 374
 Мелик-шах 152
 Мелроуз 210, 359
 Мелхиседек 104, 382, 476
 Мельрихштадт 47
 Мердок, Генри 213
 Мерлин 544
 Мерсебург 48, 263, 493
 Мерсербург 7
 Мерсия 502
 Мергон 84, 355, 504
 Мессина 23, 163
 Метц 29-30, 52, 209, 219-220, 306, 308, 488, 523
 Миддлтон 424
 Микеланджело 258, 533
 Милан 23-24, 75, 78, 127, 215, 217, 283, 288, 300, 328-329, 359, 519
 Миллер 448
 Миллисента 157
 Милмен 60, 70, 80, 84
 Мило 313
 Мильтон 270, 306
 Минокки 240-241
 Минь 9, 279, 379, 387, 398, 411, 477, 527, 530
 Мирбт 26-27, 35, 46, 52
 Михаил VII 143
 Михаил VIII Палеолог 131, 173, 269

- Михаил Скот 127, 363
 Мод Добрая 65
 Модена 44, 49, 324, 356, 539
 Молинье 323
 Мользен 149
 Мон-Сени 44
 Мондонего 37
 Моника 212
 Монпелье 209, 314, 344, 356, 494
 Монреаль 164
 Монсегюр 315
 Монталамбер 193
 Монте Кассино 21, 49-50, 53, 201, 204-205, 333, 345, 406
 Монте Корвино 236, 263
 Монферрат 158
 Монфорте 53
 Монфорте, замок 289
 Монца 53, 290
 Моравия 189
 Моран из Тулузы 293
 де Морвиль, Хью 94
 Морель 306-307, 309
 Мориа 158, 187
 Моримонд 193, 208, 468
 Морисон 218
 Мория 187
 Морланд, Сэмюэль 311
 Морле 531
 Моррис 528
 Мосул 150
 Мотли 210
 Моун 529
 Моцарт 533
 Мункэ 269-270
 Мунро, Д. Ч. 9, 144, 153
 Муратори 9, 24
 Мури 333
 Мурцуфл 171
 Мэйтленд 89, 337
 Мэн 85, 109
 Мэнсфилд 355
 Мэп, Вальтер 180, 198, 217, 290, 303-304, 329, 354, 381, 387, 486, 488, 498, 504, 540-541, 545, 549
 Мэтьюз, Шейлер 9
 Мюллер, Карл 9, 233, 240-241, 245, 304, 306, 310, 315
 Мюллингер 353
 Мюльбахер 67
 Мюльгейм 47
 Мюнхен 268, 387, 390, 481
- Мюр 313
 Наварра 343
 Назарет 166, 174, 224, 255
 Нанси 135
 Нант 356, 374
 Наполеон 52, 127, 224
 Нарбонн 254, 304, 308, 314, 320, 322, 416, 483, 489
 Наумбург 48
 Неандер 8, 69, 127, 218, 274, 280, 380
 Неаполь 72, 106, 132, 178, 236, 406, 476, 484, 532
 Невер 312
 Невин, Джон У. 7
 Непи 49
 Нерон 29, 486
 Нестор 166
 Несторий 379
 Негли 210
 Неусс 106
 Нивелон из Суассона 172
 Нидерланды 73, 296, 326-327, 341, 446
 Никея 56, 142, 147, 149-150, 154-155, 160, 168
 Никита Акоминат 168, 172
 Никита Константинопольский 290, 295
 Никодим 63
 Николай I 29, 477
 Николай II 21, 24, 34-35, 479
 Николай III 130, 132, 254, 483, 487
 Николай IV 130, 132, 179-180, 185, 252-253, 270, 347, 356, 425, 453, 484, 502
 Николай Де Лира 236
 Николай из Клеманжа 200
 Николай из Тускулума 111
 Николай Кузанский 279
 Николай Пизанский 258
 Николас Брейксспир 74, 484
 Николо Поло 270
 Нил 158, 169, 174, 177, 426, 531
 Ним 194, 201, 492
 Нинфа 77
 Нисибис 268
 Новара 387
- Новас де Толоса 313
 Ножан 136, 154, 510
 Нонна 212
 Норберт 191-192, 218, 221-222, 227, 264, 296, 376, 493, 542
 Норвегия 74, 78, 210, 476, 484
 Норвич 63, 109, 111, 256, 276, 357-359, 453, 500-501, 520, 547
 Нормандия 23, 38, 60-61, 63, 65, 84-85, 88, 93, 97, 109, 148, 169, 341
 Нортвольд 535
 Нортгемптон 83, 91, 256, 354, 488
 Нортгумберленд 94, 202, 420
 Ноткер из Сен-Галлена 511, 529
 Нотр-Дам 334, 342, 358, 495, 511, 526
 Нуреддин 157-158
 Ньюарк 113
 Ньюбург 271
 Ньюгейт 256
 Ньюман 328, 355
 Ньюмейстер 287, 306
 Ньюмонстер 334
 Ньюхаус 222
 Нэвенби 535
 Нюрнберг 101, 107, 189, 358, 387
- О'Файхели 420
 Оверни 186, 205
 Овидий 101, 213, 298, 331, 375
 Оврэй 9
 Одефрид 344, 347
 Одилон 18, 204
 Одолырик 141
 Одон из Байе 489, 500
 Одон из Дейля 159
 Одон из Клуни 204, 208
 Одон Парижский 444
 Одон Туринский 43
 Оккам 236, 355, 363, 366, 388, 424, 441
 Оксерр 84, 312, 384
 Оксфорд (Оксенфорд) 14, 59, 68, 109, 209, 235, 255-256, 258, 266, 273, 276, 290, 339, 343-345, 350, 353-356, 387, 399, 414, 420, 424-425, 488, 491, 493, 504, 506-507, 550
- Октавиан 77-78, 81
 Олаф 484
 Олдминстер 64
- Олива (Петр Иоанн Олива) 232, 254, 302, 424, 454
 Ольденбург 263, 265, 315, 325
 Ольстер 420
 Омнебене 384, 387
 Онъиссаити 241
 Опперт 269
 Оранж 356
 Орбителло 18
 Орвьето 356
 Ордери Виталий 135, 146, 196, 328-329, 336, 347, 498
 Орендель 520
 Ориген 393, 522
 Ориллак 436
 Ориэл 335, 355
 Орлеан 141, 283, 289, 328, 356, 490
 Ормуз 270
 Оро 9, 530
 Орсини 101, 132
 Ортлиб 299
 ван Ортрой 241
 Освальд 276
 Осма 257
 Осмунд 63
 Оссений 353
 Остия 22, 49-50, 53, 57
 Отберг из Люттиха 55
 Отвили 23
 Отель де Клуни 207
 Отлон из Эммерара 336
 Отранто 185
 Оттокар 108
 Оттон I Великий 30, 77, 263, 487
 Оттон IV 73, 106-107, 118, 193, 305, 488, 492, 494
 Оттон Аустрийский 193
 Оттон Бамбергский 262-264, 430, 487
 Оттон из Констанца 36
 Оттон, кардинал 122, 501
 Оттон (Одон), епископ Остии (Урбан II) 50, 53
 Оттон Фрейзингенский 19, 42, 69-71, 159-160, 195, 199, 213, 268, 274, 281, 295-296, 365, 373, 376, 379, 382, 384-385
 Отун 53, 312, 527
 Оффа II 502
 Павел II 480
 Павел IV 268

- Павел V 50, 225
 Павел Кассель 280
 Павел Сент-Альбанский 335
 Павия 20, 61, 77-79, 223, 356, 400
 Падуя 339, 347, 356, 526
 Пале 374
 Паленсия 257, 339, 356
 Палермо 23, 107, 118, 126, 129, 141, 189, 347, 539
 Палестрина 533
 Палмер, Рэй 220, 531
 Пальма 266
 Памьер 356
 Пандульф 110-111
 Панкратий 205
 Папекрок 224
 Параклет 376-378, 380
 Парамо 322
 Париж 14, 70, 84, 86, 101, 109, 114, 127, 159, 172-173, 178, 193, 200, 207, 209, 220, 222, 224, 226, 231, 235, 237, 240, 258-259, 264, 266, 268, 298-300, 308, 311, 323, 328-329, 334, 336, 338-345, 347-351, 353, 355-356, 358, 363, 374-375, 378, 380, 385, 387-388, 392, 395, 399, 406, 416, 420-421, 423-425, 443, 453, 471, 474, 484, 492, 494-495, 507, 511, 520, 525, 529, 537-538, 550
 Парма 24-25, 41, 44, 126-127, 320, 328, 356
 Паскаль 210, 237
 Пассау 282, 287, 299-300, 306-308
 Пасхалий II 38, 55-56, 65, 70, 157, 185, 201, 204-205, 208, 444, 482, 502, 504
 Пасхалий III 76, 78
 Патария 288
 Патрик Гамильтон 496
 Паукапалеа 470
 Пачифико 255
 Педже 508
 Педро Арагонский 107, 312-313
 Пекин 251, 269, 271
 Пекхем 445, 499, 530
 Пеллагий 379
 Пелтиер 9, 417
 Пенсильвания 136, 168, 333, 335
 Пер-Лашез 380
 Перголезе 533
 Перпиньян 356
 Персий 331
 Персия 269-270
 Перу 140
 Перуджа 105, 120, 132, 242, 356, 539
 Перуза 305
 Петерборо 96, 203, 276, 357-358
 Петр IV 356
 Петр Амьенский 140, 148
 Петр Арагонский 132, 319
 Петр Блуаский 201, 279, 331, 489, 492, 498, 504
 Петр Вальд 288, 300, 302-305, 307-308
 Петр Варфоломей 150, 154
 Петр Дамиани 19-22, 24-25, 34-35, 39, 286, 331, 391, 476, 494, 510-512, 514, 518, 525, 530, 539-541
 Петр де Брюн 206, 288, 295-297, 315
 Петр де Винеа 126
 Петр де Мурроне 133
 Петр де Ройа 194, 214
 Петр де Рош 494, 501
 Петр Достопочтенный 68, 191-192, 196, 199, 205, 207, 215, 222-223, 271-272, 274, 276, 279, 281, 285, 295-297, 331, 334, 336, 379, 490, 519, 531, 540-542
 Петр Дюбуа 267
 Петр из Блуа 488
 Петр из Вероны 320
 Петр из Жуаны 335
 Петр из Марикура 426
 Петр из Пуатье 390
 Петр из Уэйкфилда 111
 Петр из Целле 223, 336
 Петр Кантор 286
 Петр Кастельно 312
 Петр Катанский 245, 251
 Петр Куртенэ 118
 Петр Ломбардский 114, 127, 229, 334, 351, 360-361, 363-364, 385, 387-390, 402, 406-407, 410, 417, 419, 421, 424, 429-432, 434-436, 438, 441, 444, 447-451, 456-457, 459-460, 462-463, 465, 470, 510, 540, 543-544
 Петр Мартир 320
 Петр Массона 306
 Петр Ноласко 226
 Петр Отшельник 138, 143-147, 150-155
 Петр Парижский 334
 Петр Пахарь 454
 Петр Пизанский 16, 216
 Петр Прусский 400
 Петр Рокизана 444
 Петр Селлани 258
 Петр Тудебод 135, 153-154
 Петра 157
 Петрарка 134, 224, 333, 335, 345
 Пиза 57, 68, 106, 118, 162, 169, 185, 224, 238, 352, 356, 405, 454, 475, 493, 517
 Пий II 34, 345
 Пий IV 480
 Пий V 261, 404
 Пий VII 81, 247
 Пий VIII 212
 Пий IX 81, 156, 259, 261, 268, 320-321, 423, 517-518
 Пий X 518
 Пикардия 334, 341
 Пипин II Геристальский 300
 Пипин III Короткий 42, 106
 Пиренеи 37, 85, 167, 257, 283, 314
 Пириц 264
 Пиэре 171, 173
 Планк 390
 Плантагенеты 65, 85
 Платон 331, 337, 365, 370, 384, 398, 400, 405, 417
 Плиний 334, 337
 Польша 189-190, 259, 263, 269, 301, 306, 476, 480, 484, 539
 Померания 263-265
 Понт-Сен-Максанс 83
 Понтий 205-206
 Понтины 92, 208, 550
 Поппон, монах 204
 Поппон из Туля 35
 Португалия 107, 131, 187, 190, 272, 276, 278, 476
 Порфирий 330, 365
 Порцинкула 233, 242, 247, 253, 453-454
 Поссевен 388
 Поттхаст 9
 Прага 252, 308, 339, 356
 Прегер 306, 310
 Премонстрантум 222
 Премонтре 222
 Прессбург 356
 Престер Иоанн 268
 Приериас 414
 Принстон 282
 Прициан 330
 Прованс 186-187, 259, 311, 356, 535
 Пруденций 530
 Пруйль 257
 Пруссия 46, 190, 265
 Приофиниг из Зальцбурга 334
 Птолемаид (Сен-Жан-д'Акр, Акра) 132, 157, 164
 Птолемей из Лукки 413
 Пуатье 38, 59, 136, 143, 176-177, 214, 312, 356, 385
 Пуд, Р. Л. 9, 330, 382, 386, 413
 Пфлукк-Гарттунг 143
 Пьемонт 78, 224, 302, 305, 367
 Пьер де Пале 374
 Пьерлеоне 67
 Пьетро Колонна 534
 Пьетро Стачча 255
 Пьюзи 355
 Пьяченца 24, 41-42, 54, 75, 144, 283, 356, 491, 497
 Пюи 145
 Рабле 237
 Равенна 48, 106, 263, 319, 519
 Радульф, монах 160, 274
 Радульф Кайенский 136, 146, 149, 153
 Раймонд, каноник Нотр-Дама 222
 Раймунд VI Тулузский 115, 145, 148, 150-151, 154, 311-314, 450, 497
 Раймунд VII 314
 Раймунд Ажилский 135, 150-151, 153-154, 156
 Раймунд де Казали 295
 Раймунд дю Пюи 185-186
 Раймунд Луллий 179, 262-263, 265-268, 279, 399
 Раймунд Пеньяфорте 226, 259, 279, 471
 Райнер 127
 Райнерий 290-293, 305, 307-309
 Райнкенс 478
 Ральф из Коггешала 13
 Ральф из Эскуреса 66, 87
 Ральф Лаонский 329, 374

- Рамле 140, 150, 155
 Ранда 266
 Рандульф из Брока 94
 Раннимед 112
 Ранульф из Главвиля 164
 Раскин 505
 Ратисбон 162
 Раши 273
 Регенсбург 20-21, 142, 160, 204, 400
 Реджинальд из Кентерберри 109
 Реджинальд Парижский 258
 Реджинальд Шатильонский 158
 Реджино 470
 Реджио 44, 356, 539
 Рединг 354, 502
 Реймс 20, 31, 39, 57, 136, 140, 214, 252, 290, 312, 328, 358, 376, 385-386, 448, 487-488, 492-494
 Рейн 43, 145, 148, 160, 217-218, 221, 227, 255, 274, 300, 423, 487, 524, 526
 Рейнольдс 499
 Рейтер 84
 Рейхенау 203, 482
 Рейхерсберг 68
 Рейш 324, 413
 Ремюза 9, 375
 Ренан 246
 Риан 135, 143
 Риво 210
 Рига 263, 265, 476
 Ригт 420
 Риддел, Джеффри 95, 490
 Ридли 353
 Рим 18-22, 24-25, 31, 48-49, 56-57, 61, 64, 68, 71, 76, 78-82, 89, 91-92, 97, 114, 122-123, 128-129, 148, 153, 162, 202, 205, 208, 213, 215-216, 223, 230, 242-243, 258, 264-266, 296, 298, 304, 324, 328, 356, 379, 406, 413, 474, 476, 480-481, 483, 485, 487, 499, 502, 546
 Римини 246
 Ритчль 370, 390, 423
 Ричард I Львиное Сердце 85, 106, 109, 111, 137, 158, 161, 177, 180, 189, 226, 229, 277, 335, 489, 501, 520
 Ричард II 108
 Ричард Армагский 355
 Ричард де Люси 90
 Ричард из Бери 337, 499
 Ричард из Девиза 161-163, 165, 274
 Ричард из Мариско 202
 Ричард (Роджер) из Ховедена 13, 135, 158, 182, 274, 498
 Ричард Корнуольский 129, 131, 175, 277
 Ричард Миддлтон 424
 Ричард Норманнский 24
 Ричард Сен-Викторский 279, 363-364, 390-391, 395-396, 403, 451
 Ричард Фламбард 501
 Ричард Чичестерский 500
 Ришальм 543
 Робер де Курсон 338, 342-343, 345, 349
 Робер Сорбон 343, 351
 Роберт из Абрисселя 226, 234, 284, 525
 Роберт, граф Артуа 176
 Роберт Булгарин (Роберт Бугр, т.ж. Ле Бугр или Робер ле Пти) 286, 323
 Роберт Гвискар (Вискар) 23, 42, 49-50, 149, 484
 Роберт Грейстан 499
 Роберт Дьявол 61
 Роберт Иерусалимский 176
 Роберт из Клари 170
 Роберт из Линкольна 507
 Роберт из Мерттона 95
 Роберт из Эдмондсбери 277
 Роберт Килвардби 500
 Роберт Молезмский 208
 Роберт Монах 135, 138, 144-146, 150-154
 Роберт Нормандский 53, 63, 68, 142, 148, 151, 156
 Роберт Пуллейн 364, 385-387, 444
 Роберт, родственник Бернара 206
 Роберт Фландрский 142, 149
 Робертсон 60, 84, 92
 Робинсон 245
 Роджер II 23, 42, 68, 75, 178, 196, 216, 452
 Роджер III 196
 Роджер Добрый 323
 Роджер из Андрии 79
 Роджер из Вендовера 13, 76, 108, 113, 135, 162, 354, 467, 498
 Роджер из Йорка 79
 Роджер из Понтины 93
 Роджер из Солсбери 65
 Роджер из Йорка 79, 88, 90-93, 489
 Родос 185-186
 Розамунда де Клиффорд 85, 506
 Рокингем 64
 Рокка Сикка 406
 Роланд 41, 77-78, 387, 430
 Роман Диоген 142
 Романья 79, 106
 Ромси 65
 Ромуальд из Салерно 79
 Рона 297, 303, 453
 Ронкалья 75, 346, 476
 Рорихт 144, 147, 168
 Россини 533
 Росток 335, 356
 Росцеллин 363, 365-366, 368, 374, 376, 381
 Роттенбург 13
 Рочестер 66, 353, 500-501
 Руан 61, 84, 97, 162, 312, 494-495, 537
 Рубрук, Гильом (Рубруквис, Вилем Рейсбрук) 236, 263, 269-270, 427, 547
 Рудольф I Габсбург 131, 324, 477
 Рудольф IV 356
 Рудольф Швабский 36, 47-48, 149
 Рука святого Георгия (Геллеспонг) 145
 Руперт из Дейца 279, 286, 390, 392, 398, 437, 441, 444
 Рупертсберг 228
 Рупрехт из Палатината 356
 Руф 74
 Руфино, друг Франциска 238, 240
 Рэмси 507
 Рэнделл 9, 343-345, 350, 353, 355
 Рюкерт 75
 Сабатъе 9, 233, 238-241, 243-246, 248-249, 253, 266
 Савиньи 349-350
 Савонарола 192, 236, 260, 348
 Саксония 43, 47, 53, 200, 263-264, 276, 356, 395
 Саладин 155, 157-158, 161-166, 180, 520
 Саламанка 266, 273, 339-340, 342, 356, 404
 Салем 321
 Салерно 50, 79, 339-340, 345, 347, 356
 Салимбене 9, 227, 232, 249, 284, 287, 320, 481, 485, 490, 493, 495, 519, 538-539, 542
 Саллюстий 331, 334
 Салоника 173
 Сальв Бурс 304-305, 307, 310
 Самландия 190, 265
 Самсон, аббат Сент-Эдмундсбери 523
 Сан-Лоренцо 81, 358
 Сан-Пьетро 168
 Сананг Сетцен 269
 Сандрингам 221
 Санс 91-92, 172, 312, 378, 382, 459
 Санта-Мария-Новелла 260
 Санта-Чечилия 77
 Сантьяго де Компостелла 190
 Санча, королева Арагона 186
 Санчо Арагонский 31, 356
 Санчо Португальский 107
 Сарагосса 186, 224, 356
 Сардиния 31, 76, 121, 168, 320, 476, 480, 484
 Сатурнин 293
 Саутгемптон 210
 Свенон 31
 Светоний 331, 334
 Севилья 258, 275, 339, 356, 359, 546
 Селден, Джон 279
 Селигенкурт 172
 Селси 62
 Семигалия 265
 Сен-Барб-ан-Ож 333
 Сен-Бернар 367
 Сен-Виктор 221, 329, 334, 374, 387, 390, 392, 395-396, 529, 531
 Сен-Галлен 203, 529
 Сен-Готгард 210
 Сен-Дени 160, 167, 176, 178, 198, 376

- Сен-Дидье-де-Мот 226
 Сен-Жак 235, 258-259
 Сен-Жан-д'Акр (Штолемаида) 157, 166
 Сен-Женевьев 343
 Сен-Жиль 185, 297, 312, 376, 381
 Сен-Марциал 529
 Сен-Пелтен 405
 Сен-Поль 312
 Сен-Рикьер 333
 Сен-Тьерри 191, 211, 214, 377
 Сен-Феликс-де-Караман 290
 Сен-Шапель 178, 358
 Сена 350
 Сенека 213, 331, 334, 427
 Сенлак 61
 Сеннахирим 78
 Сент-Альбан 74, 108, 172, 201-203, 276, 335-337, 349
 Сент-Асаф 501
 Сент-Ботольф 221
 Сент-Дэвид 359, 501
 Сент-Михельсберг 334
 Сент-Эбби 255
 Сент-Эвро 334
 Сент-Эдмундсбери 203, 483
 Сент-Эли 520
 Сент-Эндрюс 345, 356, 359
 Сент-Яго 20
 Сеппелт 349, 352
 Сергий IV 143
 Сержи 172
 Сибел 48
 Сибилла 158
 Сигурд 137, 157
 Сидней 405
 Сидон 156-157, 177
 Сиена 106, 347, 356, 359
 Сикард 36
 Сиксена 186
 Сикст IV 249, 259, 261, 302, 316, 354, 455, 517
 Сикст V 416-417, 480
 Сильвестр I 76, 81, 102
 Сильвестр II 143, 328, 334
 Сильвестр IV 55
 Симеон, епископ 143-144, 152, 154
 Симон де Монфор 115, 169, 171, 257, 275, 312, 314
 Симон Сток 225
 Симон Торнацеский 127
 Сиракузы 23, 141
 Сирия 73, 132, 142, 174, 179, 245, 251, 255, 266, 320, 489
 Сисибут 273
 Сито 68, 198, 201, 206, 208, 211, 213, 313
 Сихем 151
 Сицилия 20, 23, 25, 68, 72-73, 75, 78-79, 92, 105-107, 118-119, 121, 124-129, 131-132, 141, 163-164, 169, 178, 187, 356, 476, 484, 498
 Скандинавия 487
 Скот Эрвигена 298, 328, 363, 366, 391
 Скотт, Вальтер 136, 162, 532-533
 Сменд 444
 Смит, Генри Гудвин 8
 Соана 18
 Согомомбар-хан 269
 Сократ 244, 365, 400, 427
 Соломон Венгерский 31
 Соломон Гелеви 279
 Солсбери 62-63, 89, 93, 164, 359, 386, 501, 503, 529
 Солтвуд 94
 Сомерсетшир 425
 Сорбонна 335, 337, 343, 345, 351
 София 148
 Спек 268, 541
 Спинелло 80
 Спиноза 299
 Сполето 76, 79, 105, 242-243
 Стаббс 9, 111, 161, 202, 504
 Ставло 204
 Стагира 363
 Стагирит 363
 Стаций 331, 334
 Стенли 14, 83, 268, 541
 Стефан IX 21
 Стефан Блуаский 85, 187, 501
 Стефан Венгерский 31
 Стефан, епископ Метца 219
 Стефан из Ансы 303
 Стефан из Оверни 226
 Стефан Норманнский 66
 Стефан, святой 172
 Стефан Хардинг 208-210
 Стефанески 133
 Стивенс 386
 Стиганд 62, 499
 Стинкинг-лейн 256
 Сторрс, Ричард С. 183, 218, 525
 Стоу 488, 506
 Стоув, Кальвин Э. 8
 Страсбург 147, 232, 258, 275, 283, 287, 299, 301, 306, 321, 325, 358, 400, 527, 539
 Стронг 430
 Струма 81
 Стэмфорд 354
 Суассон 110, 169, 172, 366, 376, 445, 494
 Субазио 242
 Сугерий 376
 Суза 43-44, 78
 Сулейман Великолепный 186
 Сутри 16-17, 19, 27, 35, 49
 Сэндвич 93-94
 Сэсс Фонтен 223
 Сюррей 84, 210
 Тальякоццо 129
 Тангл 482
 Танкред 149, 151-155, 163, 182, 406
 Танненберг 190, 265
 Танхельм 281, 284, 288, 295-296
 Тарентум 149, 185
 Таррагона 324, 436
 Таулер 192, 236, 391, 423, 522
 Тацит 263, 331, 337
 Тейлор, Джереми 7
 Темза 112, 187
 Теннисон 83-85, 87, 89
 Теобальд Кентерберийский 66, 85-88, 354, 386
 Теобальд Стампенский 353
 Теодорих из Сент-Эвро 227, 334, 336
 Теодорих Верденский 36
 Тель 310
 Тереза 225, 394
 Теренций 331, 334, 535
 Террачина 406
 Терриций 158
 Тертуллиан 13, 275, 327, 384, 447-448, 534
 Теруанн 482, 484
 Терчиль 467-468
 Тетфорд 63, 205
 Тетцель 455
 Тибет 269
 Тибо д'Эстамп 353
 Тибо Шампанский 169
 Тибр 68, 71, 78
 Тибургинские холмы 75
 Тивериада 158, 184
 Тивериадское озеро 161
 Тилеман 241
 Тильето 210
 Тиндейл 353, 420
 Тироль 48
 Тит 151, 277
 Тоди 484
 Толедо 359
 Толук 248
 Томас Билли 353
 Томас, граф Савойский 305
 Томас из Уошингема 349
 Томас Морозини 173
 Торембе 446
 Торквато Тассо 136, 149
 Торквемада 236, 260, 278, 319, 325
 Торн 190, 265
 Тортоза 279
 Тоскана 78, 132, 415
 Тости 70
 Тразмондо 101
 Траини 405
 Трансвааль 172
 Трастевере 68, 75
 Тревельян 234
 Тревизо 356
 де Трейси, Уильям 93, 95
 Тренто (Тридент) 255, 430
 Тренч 530-531
 Трибур 36, 42-43
 Триглар 264
 Триполи 156, 179, 187
 Трир 37, 147, 228-229, 289, 301, 325, 435, 444, 487-488, 491, 494, 520, 522-523
 Тритемий 421
 Тронд 446
 Тротула 347
 Труа 149, 184, 187, 215, 492
 Трэверс 353
 Туам 418
 Туллиу Таша 269
 Тулуза 86, 209, 217, 257-259, 283, 285, 290, 295, 297, 311, 314, 316-318, 321-323, 339, 342, 356, 406, 489, 518

- Туль 488
 Тунис 178, 266-267
 Тур 93, 389
 Турин 289, 311, 356, 388
 Турне 151, 424
 Тускулум 81, 111, 530
 Тьем 542
 Тьерри 84, 87
 Тьерри Фландрский 161
 Тэтчер, О. Т. 9, 76, 153
 Тюбинген 135, 356, 363
 Тюи 285
 Тюрингия 47, 126, 227, 325, 526
 Уайтфилд 355, 522, 526
 Убертино да Казале 232, 239, 253-254
 Уголино 119, 233, 241, 245, 251, 481
 Уиллард-Бреоль 127
 Уильям, монах 96
 Уильям Даремский 355
 Уильям де Мадл 256
 Уильям де Теста 502
 Уильям из Викенгема 355
 Уильям из Кентерберн 93
 Уильям из Лонгшампа 335, 501
 Уильям из Малмсбери 13, 18, 147, 200, 208, 210, 366, 498, 504
 Уильям из Норвича 277
 Уильям из Ньюбурга 271, 274, 277, 290, 498
 Уильям Шотландский 162
 Уитгем 224
 Уитгьер 306
 Уишарт 496
 Ульм 101, 357
 Ульхорн 186
 Уокер 482
 Уолси 86, 355
 Уоттс, Исаак 436
 Уош 113
 Упсала 339, 356, 453
 Урбан II 24, 50, 53, 56, 64-65, 67, 82, 138, 140, 142-144, 152-153, 157, 159, 162, 181, 201, 204-205, 223, 226, 452, 472, 496-497
 Урбан III 73, 100, 162
 Урбан IV 74, 128-129, 178, 252, 321, 406-407, 413, 443
 Урбан V 356, 480
 Урбан VI 356, 480
 Урбан VIII 222, 480
 Урсула 519
 Утрехт 142, 295, 493
 Уччелли 413
 Уэллс 62, 501
 Уэльс 64, 98, 110, 162, 546
 Уэнлок 205
 Уэска 304, 356
 Уэсткотт 353
 Фагий 353
 Фаддей из Суэссы 124, 126
 Фарфа 77, 204
 Фатимиды 158
 Феликс Платтер 344
 Фелл 352
 Фельдер 9, 243, 310
 Феодосий I Великий 77, 98, 316, 476
 Феодосий II 273, 346
 Феофил 535
 Фердинанд II Католик 140, 190, 278, 324, 425
 Фердинанд III Кастильский 356
 Фердинанд VII 282
 Фермо 356
 Феррара 76, 356, 430, 432
 Феррер 538
 Фескамп 255
 Фессалоника 487
 Фивейская пустыня 234
 Филадельфия 7, 281
 Филип из Бруа 88
 Филипп I Французский 31, 42, 53, 148, 450, 506
 Филипп II Август Французский 107, 110, 137, 143, 161-163, 165, 268, 276, 320, 338, 340, 349
 Филипп II Испанский 326
 Филипп IV Красивый 133, 189, 276, 343, 356
 Филипп, врач 268
 Филипп де Елеомозина (Благотворительный) 89
 Филипп Патернон 320
 Филипп Фландрский 162
 Филипп Швабский 106, 108, 170, 193
 Филиппополь 148
 Финке 133
 Фируз 150
 Фиц-Ральф, Ричард 344
 Фиц-Стефен, Уильям 93-95, 499, 536
 Фиц-Урс, Реджинальд 93, 95
 Фишер 127-128, 353
 Фландрия 61, 85, 164, 169, 285, 295, 300, 312, 334, 389
 Флаций Иллирик 281, 531
 Флери 333
 Флор 229
 Флоренция 13, 21, 54, 106, 118, 224, 238, 241, 253, 260, 303, 310, 320, 335, 348, 356, 359, 481
 Флорида 251
 Флото 55
 фон дер Фогельвейде, Вальтер 103, 284
 Фока 224
 Фолиот из Лондона 90
 Фолькмар 146, 154
 Фома Аквинат 9, 15, 139, 186, 191-192, 235, 237, 261, 286-287, 316-317, 351, 360-364, 368, 370, 373, 387-388, 390-392, 399-401, 404-407, 411-412, 414-416, 419, 421-424, 427-444, 447-453, 456-459, 461-463, 465-467, 472, 475, 477-478, 486, 497, 510, 515-519, 526, 532, 540, 543-545
 Фома Бекет (Фома Кентерберийский) 15, 66, 78, 81-84, 98, 102, 108, 200, 218, 312, 386, 396, 450, 488, 493, 496, 500, 532, 548
 Фома из Шантимпре 400, 454, 468, 510, 514, 540-541, 549
 Фома Кантипратанский 191
 Фома Челанский 102, 235-236, 238, 241, 243-244, 247-248, 255, 532
 Фома Экклстон 239, 255
 Фонтевро 85, 226, 303
 Фонтен 210, 212
 Фонтис Калиди 302, 308, 310
 Форкхейм 47
 Фосса Нуова 406
 Франджипани 67
 Франкония 47
 Франкфурт 107, 118, 275, 300-301
 Франциск I 207
 Франциск Ассизский 15, 118, 123, 191-192, 200, 202, 213, 232-234, 241, 249, 262-263, 265, 310, 415, 420, 455, 532, 548-549
 Франш-Комт 237
 Фрейбург 356, 358, 400, 491
 Фрейзинген 48, 68, 72
 Фретельсгейм 520
 Фретгвиль (Фретеваль) 93
 Фригия 149
 Фридрих 9
 Фридесвида 353
 Фридрих I Барбаросса 15, 71-75, 77-80, 82, 84, 91-92, 98, 107, 118, 126, 130, 137, 159, 161-163, 174, 213, 228, 318, 338, 344, 346, 348, 489, 520
 Фридрих II 15, 17, 23, 72-74, 111, 114, 118, 126, 128-130, 132, 137, 159, 172, 174, 188-189, 195, 203, 236, 254, 272, 287-288, 299, 316, 318-320, 322, 324, 338-340, 406, 452, 476, 485, 489, 497-498, 502, 546, 548
 Фридрих III Мудрый 348, 356
 Фридрих из Лаваньи 508
 Фридрих фон Бюрен 72
 Фридрих фон Штауфен 72
 Фридрих Швабский 137, 162-163, 189
 Фримен 61, 83-84, 87, 127-128, 175, 276, 368
 Фроуд 83-84, 505
 Фуа 323
 Фуаньи 217
 Фуллер, Томас 113, 277, 364, 506
 Фульбер 375-376
 Фульберт из Шартра 332
 Фульда 203, 205, 333
 Фулько из Нейи 138, 169-170, 189, 525, 539
 Фулькон Анжуйский 53
 Фульхер (Фуше) из Шартра 135, 139, 144-145, 148-149, 153-155, 157
 Фульхерий Тулузский 258
 Фульхерий Черный, граф Анжуйский 141, 157
 Фумон 134

- Функ** 9, 35, 174, 188, 417
Фюнфкирхен 356
Хазе 244, 248
Хайме I Арагонский 313, 319
Хайфа 224
Хаким 142
Халкидон 56
Ханаан 194
Ханбальк 269
Хансен 545
Хант 109
Хантингдон 488
Хардук 60
Хаттим 188
Хатгин 158
Хаук 9, 52, 200, 208, 264
Хаупт 306, 310
Хаусрат 249
Хаусслейтер 343
Херфорд 87, 360, 500-501
Херлуин 329
Хертгер 7, 100, 103, 116, 167, 171, 223, 313-314, 523
Хильдегарда Бингенская 191-192, 199-200, 219, 227-229, 285-286, 392, 546
Хильдерик 42
Ховеден 164-166, 182, 274, 277, 290, 498
Ходж, Чарльз 430
Холборн 187
Холируд 359
Холцапфель 261
Хопкинс, Джон 343
Хорт, Джон Энтони 353
Хрисогон 109
Христиан Майнцкий 79, 489
Христиан, монах 189, 265
Христофор 300
Хродеганг 220
Хросвита 535
Хуана из Азы 257
Хубилай 269-270
Хук 60, 84
Хулагу 269
Хью из Линкольна 274-275, 277
Хью из Хорси 95
Цвингли 28, 70, 436, 496
- Цезарий Гейстербахский** 9, 139, 191, 193-194, 196-197, 200, 223, 277, 281, 284, 290, 298, 313, 445-446, 449-450, 455, 468, 478, 490-491, 495, 510, 514, 518-519, 521, 524-525, 537, 540-541, 543-545, 548-549
Цезарий Шпейерский 255, 532
Цезарь 52, 331
Целестин II 13, 68, 70, 73, 387
Целестин III 73, 100-102, 229, 493
Целестин IV 74, 123
Целестин V 130, 133, 254, 454, 480, 546
Ценций, кузен префекта 41, 482, 505
Ценций Франджипани 57
Цинциннати 8
Цицерон 144, 331, 334, 337
Цоллерн 131
Цюрих 43, 70, 276
Чартерхаус 224
Челано 532
Чераме 141
Чергоза в Пизе 224
Чергоза ди Сан Кашиано 224
Чергоза Мария дельи Анджели 224
Черч 66, 328, 367
Честер 62
Чешир 198
Чивита Веккья 123
Чивита Кастеллана 81
Чикаго 8
Чимабуэ 247
Чинг-Цзе 269
Чингисхан 269
Чипсайд 84
Чичестер 62, 359, 501
Чосер, Джеффри 98, 149, 200, 237
Шааршмидт 386
Шалон 289, 329, 377, 380
де Шамбюр 187
Шампань 169, 176, 208, 376
Шантимпре 510, 540
Шарлетр 217
Шартр 93, 135-136, 149, 167, 215, 296, 312, 336, 357, 385-386, 484
Шартрез 198, 222-224, 505
Шателен 9
- Шатильон** 140
Шафф, Филип 7-9, 28, 61, 141, 154, 211, 246, 310, 348, 391, 393, 531-533
Шаффхаузен 100
Швабия 54, 72, 164, 200, 306
Швабский Альб 72
Шване 9, 420, 440, 449-450
Шварцвальд 72, 204, 527
Швейцария 98, 100, 131, 167, 200, 240, 275, 301, 367
Швеция 74, 78, 107, 210, 228, 357, 476, 484
Шевалье 9
Шедд 430
Шекспир 108, 110, 113, 141, 213, 503, 534
Шеленхаус 301
Шеллинг 414
Шенау 229
Шерборн 62
Шеффер-Бойхорст 9, 76
Шиллер 131
Шлейермахер 368
Шлоссер 127
Шмидт 288, 290-291, 322
Шнейдер 544
Шнюрер 240
Шольц 133
Шотландия 81, 98, 101, 107, 110, 140, 198, 201, 204, 210, 355, 357, 420, 476, 498, 503
Шотмюллер 187
Шпейер 19, 35, 43, 55, 106, 160, 203, 238, 255, 274, 276, 358, 526, 532
Шпренгер, Якоб 261
Шрусбери 256
Штаупиц, Иоганн 212, 221
Штекль 416
Шгеттин 264, 306
Шульте 9, 470
Шульц, Ганс 133
Эадгита 65
Эадмер 37, 63-65, 366-367
Эббот 96
Эбербах 207
Эбердин 339
Эберхард Саксонский 512
Эвдон де л'Этуаль 295-296
Эвервин из Штейнфельда 295
Эвершем 201
- Эвон** 262
Эвул 31
Эгер 107
Эглингем 202
Эд, герцог Бургундский 208
Эдвардс 334
Эдгар Английский (Мерсийский и Нортумберлендский) 98
Эдесса 68, 142, 150, 156-157, 159, 161, 176, 268, 476
Эджидно 243
Эдмунд из Абингдона 550
Эдмунд Рич, архиепископ Кентерберри 354-355, 499-500, 503
Эдуард I Английский 128, 137, 140, 178, 198, 273, 278, 501-502
Эдуард VI 321
Эдуард Грим 93
Эдуард Исповедник 60, 276, 326
Эйбинген 228
Эйкен 415
Эйлсфорд 225
Эймерик 267-268, 282, 324, 389
Эйнзидельн 98
Эйхштадт 21
Экберт 288
Экк 342
Эккегард из Ураха 58, 138, 153, 155
Экклстон 239, 256
Эколампадий 306, 309
Экс-ла-Шапель 19, 73, 356
Эксетер 355, 445, 500-501
Элгин 359
Элдгейт 256
Элеонора 85, 137, 160, 179, 545
Эли 95, 110, 358-359, 501
Элиот, Джон 279
Элликотт 353
Элмхем 63
Элник 225
Элоиза 227, 373, 375-381
Эльба 263
Эльвира 148
Эльстер 48
Эльфрик, св. 95
Эме 324
Эмери де Колле 295

- Эмих из Лейнингена** 146, 148, 154
Эммерам 204
Эммерих Венгерский 108
Энделн 506
Энрико Дандоло 169-170
Энцио 121-122, 126, 128
Эразм 98, 180, 353
Эрих Датский 142
Эрле 9
Эрлунг 55
- Эрменберг** 367
Эрменгауд 291
Эрмландия 265
Эрвальд 211
Эрфурт 269, 275, 301, 325, 339, 356
Эскиль из Лунда 75
Эскуриал 267-268
Эстония 265
Этельмар 500
Этьен Блуаский 148-150
Этьен Бургундский 157
- Этьен де Бурбон** 9, 284, 286, 307, 309-310, 446, 510, 523, 540-541
Этьен, пастушок из Клуайе 167
Эфес 56, 160
Эфиопия 426
Эхард 258
Ювенал 101, 331, 517
Юлиан из Шпейера 238
Юлиан, святой 467
Юлиана, монахиня 443
- Юлий II** 129, 489
Юстиниан 71, 77, 82, 231, 327, 346, 356, 481
Юханан 269
Якопоне из Тоди (Якопо деи Бенедетти) 236, 244, 533
Янсен 449
Янушек 209
Ярмут 256
Яффа 155-156, 165, 177

Тематический указатель

- Ad exstirpanda** 321
annates 483, 485
attritio 400, 449, 455
Ave Maria 319, 510, 514, 518, 542
beneficium 75-76
Bononia docet 346
Bulgari (Bugares, Bugres) 289
Carta charitatis 209
Clementines 471
consolamentum 292-294
conversi 194, 209
Corpus Christi 407, 437, 443, 532
Cur Deus homo 366, 368, 370, 372, 516
De consideratione 159, 161, 211, 215-216, 473, 477-478
De contemptu mundi 101, 207, 486, 531, 549
Dictatus papae 29, 475
Dies irae 102, 192, 528, 531-532
Extravagantes 471
fratres de poenitentia 234
Gesta francorum 135-136, 143, 153
Gesta romanorum 218
legati nati 354, 499
limbus infantum 465
limbus patrum 465-466
Metalogicus 327, 329-331, 386
Monologium 368-369
Passagii (Passageni) 299
Pauperes Christi 303
Proslodium 368-370
Rolls Series 9, 13, 59, 76, 82, 108, 161, 200, 271, 425
runcarii 304
Sabbatina 225, 453
servitia 483-484
Sic et Non 373, 381-382, 388
Speculum perfectionis 238-242, 244, 248, 254
Stabat mater 192, 528, 531-533
studium generale 339-340
trivium 330, 340
visitationes 483-484
- августинцы** 220-221, 232, 258, 324, 335, 355, 519
адвент 279
аквариум 438
аколуфы 456
альбаненцы 290-291, 305
альбигойцы 81, 115, 203, 209, 257, 260, 282, 285, 289, 300, 302, 305, 311, 313-316, 318, 452, 489, 492, 498
альмошарики 89
амальриканцы 288, 298-299
амальфиты 185
анагогическое значение 395
анафема 25, 42, 43, 47-50, 54-56, 64, 79, 110, 113, 120-121, 123-124, 126, 129, 132, 175, 205, 287-288, 304, 318, 444, 493
анакореты 223
ангелология 417
аннаты 483
антипапы 23-25, 36, 48, 50, 53-55, 57, 64, 67, 76-79, 81, 127, 204, 222, 379, 452, 457, 499
антониты 225-226
апостолики 287, 296, 326
ариане 283, 289, 316
арнольдисты 68, 71, 74, 287-288
аскетизм 14, 19, 22, 24, 28, 33, 60, 69-70, 88, 96, 102, 115, 152, 199, 201, 211, 213, 222, 252, 254, 258, 294, 533
баньоленцы 291
бегарды 281, 287-288, 300-302, 325-326
бегинажи 300-301
бегинки 281, 288, 300-302, 325-326
безбрачие 24, 26, 33, 35, 37-38, 51, 61, 190, 303, 342-343
бenedиктинцы 197, 201, 244
бенефиции 75, 121, 475, 483-484, 490-492, 499-500, 502-504, 506, 508, 523
библиотеки 8, 13, 59, 109, 135, 204, 240, 267-268, 311, 327, 333-335, 337, 343, 425, 507, 512, 531-532
бичующиеся 523
благовестие 193, 311, 348, 538
богемские братья 302
- богодуховенность** 381
богомилы 289
болландисты 238, 257
босоногие монахи 225, 238
братство Гонфалоне 537
бреве 174, 237, 301, 454, 537
бrevиарий 222, 225, 235, 243, 251, 268, 482, 492, 518, 529-532
бугары (булгары, бугры) 289, 324
вагры 264
вальденсы 69, 252, 282, 284, 287-288, 299-300, 302-312, 315, 323-324, 326, 390, 498
варины 300
варнавиты 348
Вормский конкордат 17, 56-58, 487, 497
восуществление 423
Вульгата 329, 427, 438, 447, 458, 466
гадес 465
галликаны 477
гвельфы 47, 54, 72, 121
Гельветическое исповедание 321
гибеллины 47, 50, 54, 72, 121, 127
гильбертинцы 221
гlossаристы 470
госпитальеры 158, 164, 178-179, 185-189, 520
гостия 37, 293, 440, 443-446, 542
готтская литургия 529
Грааль 519
граммонтенцы 226
григориане 56
гумилиаты 234, 252, 287-288, 304-305
гуситы 345
далматик 205
дароносица 443
декреталии
 - Грациана 272
 - Григория IX 123
демонология 403, 417, 540
детерминизм 421, 424
диаконы 456
дискос 457
диссентеры 284, 287, 306, 310, 315, 355
- доминиканцы** 9, 13, 179, 192, 194, 198, 203, 210, 225, 232, 234-237, 248-249, 257-261, 270, 279, 281, 289, 320, 324, 334, 351, 355, 399-400, 404, 413-414, 433, 512, 524, 544, 547
донатисты 297, 317, 362
евхаристия 20, 54, 69, 101, 114, 289-290, 293, 295, 299, 305, 308, 392, 411, 413, 422, 429-431, 433, 437-445, 447, 451, 456, 471, 526
елей 47, 436
елеосвящение 429
еремиты-августинцы 221
еремиты-целестинцы 254
зилоты 253
иерократическая теория 28
импанация 398, 438, 441
инвеститура 17, 38-40, 46, 51, 56-58, 60, 62, 64-65, 70, 76, 204, 367, 430-431, 496
индепенденты 355
индугльенци 33, 98, 162, 181, 294, 318, 400, 411, 429, 449, 452-455, 483, 489, 497
инквизиция 9, 14, 101, 105, 114-115, 123, 203, 236-237, 260, 278, 282-285, 287, 295, 302, 305, 311, 314-326, 480, 497-498, 545-546
инкубы 544
интердикт 31, 44-45, 61, 71, 74, 76, 81, 90, 92-93, 97, 104, 107, 110-111, 113, 120, 132, 175, 187, 205, 236, 312, 320-321, 355
иоанниты 185
иоахимизм 232
иовиниане 289
иосефины 287, 300
иподиаконы 456
ипостаси 114, 304, 364, 366, 376, 383, 403, 436, 513
каноническое право 74, 84-85, 101, 341, 470
капернаитство 22

- кардиналы** 13, 16, 19, 22, 24, 26-27, 39, 41, 48-50, 53, 56-57, 67-68, 70-71, 74, 77, 79, 81-83, 88-89, 92, 97, 101-102, 109-111, 119, 122-123, 127-129, 131, 133, 169, 174, 204-205, 208, 223, 233, 238, 241, 245, 251, 267, 291, 296, 328, 347, 350, 352, 355, 378-379, 385, 387, 393, 412, 414, 416, 470, 478-480, 482-486, 494-496, 498, 501, 546, 548
- кармелиты** 203, 220, 224-225, 232, 236, 261, 355, 404, 453, 511
- картузианцы** 129, 196, 203, 220, 222-224, 336, 505, 511
- катары** 81, 114, 228, 237, 281, 284-285, 287-295, 297, 300, 302, 304-305, 307, 309, 312, 318, 323, 390, 497
- катафригйцы** 438
- катехумены** 292
- «католическая Троица»** 455
- квакеры** 295, 321
- квиегисты** 390, 394
- киновиты** 225
- клариссы** 245, 251-252, 256
- клонийцы** 206-207
- колледжи** 262, 310-311, 335, 343, 347, 351, 353-355, 420
- конвентуалы** 231, 240, 253-254, 260, 526
- конклав** 129, 131, 480
- конкоррецы** 290-291, 305
- Константинов дар** 76
- конституции**
- доминиканская (1228) 259
- Кларендонские 89, 91-93, 97, 500, 505
- Отгона 488, 492, 504-505
- Сицилийские 126, 319, 321
- Фридриха II 318
- контрреформация** 105
- креацианизм** 389, 410
- лен** 23, 31-32, 75, 90, 106-107, 111, 119, 121, 124, 129, 156, 166, 190
- Лжеисидоровы декреталии** 29, 33, 470, 472
- люксемские бедняки** 234, 237, 252, 287, 303-305, 307
- лионцы** 305
- локуторий** 198
- лолларды** 302, 326, 355
- Ломбардская лига** 78
- ломбардские бедняки** 234, 252, 304-307, 309
- ломбардцы** 75, 305
- луллисты** 267
- люциферiane** 300, 325
- мальтийские рыцари** 185
- мальтийский крест** 186
- мамлоки** 178
- манихеи** 284, 288-289, 297, 307, 362
- мариология** 413
- маркизаты** 31
- марониты** 34, 114
- матурины** 226
- медицина** 223, 227-228, 267, 273, 338-340, 342-343, 345-347, 426-427, 432
- мельхиты** 114
- мендиканты** 232
- меннониты** 295
- милленаризм** 232
- минориты** 232, 250-251
- миракли** 515, 534-536
- миро** 436
- миссионерство** 190, 244, 255, 262-263, 266-267, 270-271
- модализм** 383
- мозарабы** 529
- монашество** 8, 14, 19, 191-193, 197, 199-202, 204, 212, 214, 232-234, 244, 277, 351, 540, 548
- монголы** 124, 130, 132, 176, 262-263, 265, 268-270
- монстранция** 443
- мусульмане** 25, 81, 105, 126-127, 130, 132, 137, 140-143, 152, 156, 158, 163, 170-171, 174-175, 181, 206, 262-263, 265-270, 317, 407
- напечничек (скапуляр)** 225, 453
- непорочное зачатие Марии** 218, 237, 414
- нестриане** 268-270
- нефь** 358
- николаитство** 19, 23-25, 33, 35-36, 54
- норбертины** 221
- обожение** 393
- оботриты** 264
- обсерванты** 231-232, 253-255
- ордена**
- Алькантара 190, 210
- Граммона 226
- Калатрава 190, 210
- меченосцев 265
- сан Джованни Деколлато 324
- орифламма** 160
- орглибарии** 287-288, 298-299
- остиари** 456
- павликиане** 289-290
- паллий** 91, 499
- пассагиане** 287, 298-299
- патарены** 25, 36, 283, 287-289, 300, 304, 323, 497, 545
- пелагианство** 424, 461
- пепузиане** 438
- петробрузианцы** 281, 296-297
- полупелагианство** 410, 461
- попликаны** 289
- потир** 171, 445, 457
- пребенды** 85, 109, 483-484, 488
- предведение** 368, 388, 417
- предопределение** 368, 388, 410, 422
- премонстранты** 220-222, 258, 264, 296, 376, 525, 542
- пресвитеры** 456
- пресуществление** 20, 61, 101, 114-115, 285, 289, 297, 398, 421-422, 437-439, 441, 496-497, 532
- привратники** 456
- присциллиане** 317
- прокаженные** 96, 158, 176, 242-244, 273, 451, 497, 506, 521, 549
- протонотарий** 79
- публиканы** 289, 300
- рейхстаг в Аугсбурге** 44
- розарий** 260-261
- рукоположение** 37, 54, 61, 81, 194, 297, 308, 400, 411, 430-431, 433, 442, 456-457, 471, 490, 492, 494, 547
- рункарии** 234, 304
- савелианство** 289, 376, 389
- Саладинов налог** 162, 485, 501
- санбенито** 322
- сандалиаты** 303
- сарацины** 23, 37, 49, 72, 84, 113, 115, 124, 127, 138-142, 152, 158, 165-166, 169-170, 174, 179-181, 226, 231, 266, 269, 272, 274-275, 285, 287, 311, 427, 485, 539
- Сарумский служебник** 530
- сверхдолжные заслуги** 400, 422, 453
- Септуагинта** 89
- Сивиллины книги** 384
- Силлабус** 51
- симонисты** 48, 82
- симония** 19-21, 23-25, 31, 33, 35-36, 38, 40, 42, 47-48, 54, 58, 60, 62, 387, 471, 486, 496
- синоды** 62, 301
- в Альби 323
- в Арле 232
- в Бари 367
- в Безьере 301, 323
- в Бордо 444
- в Бремене 315
- в Вероне 299-300, 304, 498
- в Вестминстере 504
- во Вьенне 39, 56
- в Зальцбурге 185
- в Карфагене 472
- в Кельне 438, 492
- в Клермоне 53-54, 153-154, 444, 496-497
- в Констанце 54, 445
- в Кэшеле 493
- в Лаворе 313
- в Ламбете 443, 445
- Латеранские 22-23, 55-56, 70
- в Лиллебонне 38
- в Линкопинге 484
- в Лионе 335
- в Лондоне 62, 440, 444, 456, 458, 491
- в Магдебурге 458
- в Майнце 301, 320, 491
- в Нарбонне 322, 493
- в Ниме 194, 201, 458, 492
- в Оксфорде 273, 491, 493
- в Ориллаке 436
- в Отуне 53
- в Павии 20
- в Париже 38, 298, 336, 385, 493, 517
- в Пуатье 38
- в Пьяченце 54, 457, 491
- в Равенне 263

- в Реймсе 20, 39, 57, 385, 492
- в Риме 20, 34-35, 39-40, 47, 220, 496-497
- в Руане 456, 493
- в Саламанке 273
- в Сансе 378, 382, 459
- в Суассоне 366, 445, 456
- в Сутри 19, 27
- в Таррагоне 436
- в Толедо 115
- в Трире 301, 435, 444, 450-451, 458, 491, 498, 523, 537
- в Труа 184, 215, 492
- в Тулузе 285, 292, 297, 311, 316-318, 322-323, 498, 518
- в Туре 39, 317-318, 389, 496, 498
- в Эксетере 445
- в Эльвире 273, 275
- в Эрфурте 269
- сицилийская вечера 132
- скапуляр 225
- скотисты 419-420, 433, 517
- скрипторий 198
- соборы
  - в Авиньоне 313
  - в Авранше 97
  - в Ассизи 253
  - в Базеле 200
  - в Бургосе 37
  - I Ватиканский 13
  - в Везеле 159
  - в Вероне 71, 287, 304, 323
  - в Вестминстере 65, 97
  - в Винчестере 37, 59, 61
  - в Вормсе 36, 41, 43
  - во Вьенне 266, 275, 301, 320
  - в Жироне 37
- в Кентерберии 61
- в Кларендоне 89
- в Клермоне 143-144, 153-154, 205
- в Компостелле 37
- в Констанце 189, 194, 200
- в Лаворе 313
- I Латеранский 58, 140, 492, 497
- II Латеранский 68, 194, 474, 491-492, 497
- III Латеранский 80-81, 193, 272, 275, 288, 303, 317-318, 389, 430, 480, 487-489, 492, 494, 497, 506
- IV Латеранский 73, 81, 101, 113, 132, 173, 186, 188, 194, 202, 229, 231, 233, 258, 272-273, 286, 298-299, 311, 313-314, 316-318, 330, 389, 435, 437, 449-450, 453, 456, 458, 474, 487, 489-492, 495-498, 501, 521, 523, 545
- I Лионский 124, 176, 269, 498
- II Лионский 131, 179, 188, 254, 269, 498
- в Лондоне 37, 501
- в Лукке 63
- в Майнце 43
- в Мантуе 25
- в Мерсебурге 48
- в Монпелье 314
- I Никейский 56, 275
- II Никейский 56
- в Оксфорде 290
- в Павии 77
- в Пьяченце 24, 41, 144
- в Регенсбурге 21
- в Салерно 50
- в Сен-Феликс-де-Караман 290
- в Тренто (Тридентский) 268, 406, 431, 444-445, 447, 449, 455-456, 473
- в Трибуре 42
- в Труа 187
- в Тулузе 314, 322
- в Туре 88
- во Флоренции 13, 457
- сперонисты 298, 300
- спиритуалы 231-232, 253, 299
- старокатолики 457
- стигматы 247-249
- суккубы 544
- суммисты 389, 470
- супернатурализм 368
- суффраганы 91, 109
- тамплиеры 158, 164, 178-179, 184-185, 187-190, 215, 323, 326, 520
- таргумы 276
- тевтонцы 15
- тексторы 289
- терциарии 234, 240, 252-253, 260, 266, 300, 302, 304
- тессаранты 289
- томисты 414, 419, 433, 517
- тонзура 209, 243, 353, 456, 493-494
- Торнский мир 265
- Тосканская лига 106
- традудцианизм 410, 459
- трактарианцы 16-17, 355
- траписты 211
- тринитарии 226
- Тринити-колледж 311, 335
- тритеизм 366, 385
- Троица 114, 229-230, 289, 304, 363-366, 368, 376, 379, 382-383, 385, 389, 463, 513, 516, 518, 529-530
- ультрамонтанство 366, 477, 544
- ультрамонтанские бедняки (ультрамонтаны) 305, 346
- усупение 147, 438, 514, 517-518
- уставные каноники 220-221, 258, 353, 359
- устояние 431, 436
- флагелланты 523, 530, 533, 538-539
- францисканцы 156, 194, 197-198, 203, 225, 227, 229-232, 234-237, 239-241, 248, 250-253, 255-256, 259-261, 266-268, 270, 302, 320, 324, 334, 351, 355, 399, 414-416, 418, 420, 424-425, 517, 523, 546
- Фрейбургские хроники 128
- хартия 59-60, 108, 111-112, 125-126, 188, 322, 338-339, 342, 346, 350, 354, 356, 476, 487
- целестинцы 133, 254, 324
- церковничество 384, 413
- цисмонтаны 346
- цистерцианцы 126, 189, 196, 198, 205-210, 213, 215, 222, 229, 264, 276, 312, 327, 336, 378, 406, 445, 490, 511, 543, 548
- чистилище 225, 294, 309, 362, 413, 451-453, 455, 465, 467-468, 514
- чтецы 456
- шверкеры 107
- швестрионки 302
- штедингеры 315, 452, 545
- экзорцизм 435, 456
- янсенистская церковь 457

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
§1. <i>Общая литература</i>	13
§2. <i>Вступительный обзор</i>	14

ГЛАВА I

ГИЛЬДЕБРАНДОВСКИЕ ПАПЫ. 1049 — 1073

§3. <i>Источники и литература к главам I и II</i>	16
§4. <i>Гильдебранд и его воспитание</i>	17
§5. <i>Гильдебранд и Лев IX. 1049 — 1054</i>	19
§6. <i>Виктор II и Стефан IX (X). 1055 — 1058</i>	21
§7. <i>Николай II и кардиналы. 1059 — 1061</i>	21
§8. <i>Война против браков священства</i>	23
§9. <i>Александр II и раскол Кадалуса. 1061 — 1073</i>	24

ГЛАВА II

ГРИГОРИЙ VII. 1073 — 1085

§10. <i>Избрание Гильдебранда. Его взгляд на ситуацию</i>	26
§11. <i>Теократия Григория</i>	28
§12. <i>Григорий VII как реформатор морали.</i> <i>Симония и брак священников</i>	33
§13. <i>Насаждение безбрачия священников</i>	35
§14. <i>Борьба против инвеституры</i>	38
§15. <i>Григорий VII и Генрих IV</i>	40
§16. <i>Каносса. 1077</i>	43
§17. <i>Возобновление конфликта.</i> <i>Два короля и два папы</i>	47
§18. <i>Смерть Григория VII</i>	49

ГЛАВА III

ПАПСТВО ОТ СМЕРТИ ГРИГОРИЯ VII ДО КОНКОРДАТА В ВОРМСЕ. 1085 — 1122

§19. <i>Виктор III и Урбан II. 1086 — 1099</i>	53
§20. <i>Пасхалий II и Генрих V. 1099 — 1118</i>	55
§21. <i>Вормеский конкордат. 1122</i>	57
§22. <i>Конфликт иерархии в Англии.</i> <i>Вильгельм Завоеватель и Ланфранк</i>	59
§23. <i>Вильгельм Рыжий и Ансельм</i>	63
§24. <i>Ансельм и Генрих I</i>	65

ГЛАВА IV

ПАПСТВО ОТ ВОРМСКОГО КОНКОРДАТА
ДО ИННОКЕНТИЯ III. 1122 — 1198

§25. <i>Иннокентий II (1130 — 1143) и Евгений III (1145 — 1153)</i>	67
§26. <i>Арнольд Брешианский</i>	68
§27. <i>Папы и Гогенштауфены</i>	72
§28. <i>Адриан IV и Фридрих Барбаросса</i>	74
§29. <i>Александр III в конфликте с Барбароссой</i>	76
§30. <i>Мир в Венеции. 1177</i>	79
§31. <i>Фома Бекет и Генрих II Английский</i>	82
§32. <i>Архиепископ и король</i>	87
§33. <i>Мученичество Фомы Бекета. 29 декабря 1170 г.</i>	93
§34. <i>Последствия убийства Бекета</i>	96

ГЛАВА V

ИННОКЕНТИЙ III И ЕГО ЭПОХА. 1198 — 1216

§35. <i>Литература</i>	100
§36. <i>Образование и избрание Иннокентия</i>	100
§37. <i>Теория папства Иннокентия</i>	103
§38. <i>Иннокентий и Германская империя</i>	105
§39. <i>Иннокентий и король Иоанн Безземельный</i>	108
§40. <i>Иннокентий и Великая хартия вольностей</i>	111
§41. <i>Четвертый Латеранский собор, 1215</i>	113

ГЛАВА VI

ПАПСТВО ПОСЛЕ СМЕРТИ ИННОКЕНТИЯ III
ДО БОНИФАЦИЯ VIII. 1216 — 1294

§42. <i>Начало конфликта папы с Фридрихом II</i>	118
§43. <i>Григорий IX и Фридрих II. 1227 — 1241</i>	119
§44. <i>Первый Лионский собор и завершение карьеры Фридриха. 1241 — 1250</i>	123
§45. <i>Последний из Гогенштауфенов</i>	128
§46. <i>Мир между империей и папством. 1271 — 1294</i>	130

ГЛАВА VII

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

§47. <i>Литература о крестовых походах вообще</i>	135
§48. <i>Характер и причины крестовых походов</i>	137
§49. <i>Призыв к крестовым походам</i>	143
§50. <i>Первый крестовый поход и завоевание Иерусалима</i>	147
§51. <i>Латинское королевство Иерусалима. 1099 — 1187</i>	155
§52. <i>Падение Эдессы и второй крестовый поход</i>	159

§53. Третий крестовый поход. 1189 — 1192	161
§54. Крестовые походы детей	167
§55. Четвертый крестовый поход и захват Константинополя. 1200 — 1204	168
§56. Фридрих II и пятый крестовый поход. 1229	173
§57. Людовик Святой и последние крестовые походы. 1248 и 1270	175
§58. Последний оплот крестоносцев в Палестине	178
§59. Последствия крестовых походов	180
§60. Рыцарские ордена	183

ГЛАВА VIII

МОНАШЕСКИЕ ОРДЕНА

§61. Возрождение монашества	191
§62. Монашество и папство	201
§63. Монахи Клуни	204
§64. Цистерцианцы	207
§65. Святой Бернар Клервоский	211
§66. Августинцы, картузианцы, кармелиты и другие ордена	220
§67. Монашеские пророки	227
§68. Нищенствующие ордена	232
§69. Францисканская литература	238
§70. Франциск Ассизский	241
§71. Францисканцы	250
§72. Святой Доминик и доминиканцы	257

ГЛАВА IX

МИССИИ

§73. Литература и общий обзор	262
§74. Миссионерство на северо-востоке Германии	263
§75. Миссионерство мусульманам	265
§76. Миссионерство монголам	268
§77. Евреи	271

ГЛАВА X

ЕРЕСИ И БОРЬБА С НИМИ

§78. Литература ко всей главе	281
§79. Средневековые диссентеры	283
§80. Катары	288
§81. Петр де Брюи и другие независимые вожди	295
§82. Амальриканы и другие разрозненные секты	298
§83. Бегинки и бегарды	300
§84. Вальденсы	302
§85. Крестовые походы против альбигойцев	311

§86. <i>Инквизиция. Ее происхождение и задачи</i>	315
§87. <i>Инквизиция. Способ действия и наказания</i>	321

ГЛАВА XI

УНИВЕРСИТЕТЫ И СОБОРЫ

§88. <i>Школы</i>	327
§89. <i>Книги и библиотеки</i>	333
§90. <i>Университеты</i>	337
§91. <i>Болонский университет</i>	345
§92. <i>Парижский университет</i>	348
§93. <i>Оксфорд и Кембридж</i>	352
§94. <i>Соборы</i>	356

ГЛАВА XII

СХОЛАСТИКА И МИСТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ

§95. <i>Литература и общее вступление</i>	360
§96. <i>Источники и развитие схоластики</i>	362
§97. <i>Реализм и номинализм</i>	364
§98. <i>Ансельм Кентерберийский</i>	366
§99. <i>Петр Абеляр</i>	373
§100. <i>Учение и богословие Абеляра</i>	380
§101. <i>Младшие современники Абеляра</i>	384
§102. <i>Петр Ломбардский</i> <i>и богословы-систематики (суммисты)</i>	387
§103. <i>Мистицизм</i>	390
§104. <i>Святой Бернар как мистик</i>	392
§105. <i>Гуго и Ричард Сен-Викторские</i>	394

ГЛАВА XIII

РАСЦВЕТ СХОЛАСТИКИ

§106. <i>Александр Галесский</i>	399
§107. <i>Альберт Великий</i>	400
§108. <i>Фома Аквинат</i>	404
§109. <i>Бонавентура</i>	415
§110. <i>Дунс Скот</i>	418
§111. <i>Роджер Бэкон</i>	424

ГЛАВА XIV

СИСТЕМА ТАИНСТВ

§112. <i>Литература о таинствах</i>	429
§113. <i>Семь таинств</i>	430
§114. <i>Крещение и конфирмация</i>	434
§115. <i>Евхаристия</i>	437

§116. <i>Евхаристическая практика и суеверия</i>	442
§117. <i>Покаяние и исповедь</i>	447
§118. <i>Отпущение грехов и индульгенции</i>	451
§119. <i>Елеосвящение, рукоположение и брак</i>	455
§120. <i>Грех и благодать</i>	459
§121. <i>Будущее состояние</i>	465

ГЛАВА XV

ПАПА И КЛИР

§122. <i>Каноническое право</i>	469
§123. <i>Папское верховенство в церкви и государстве</i>	473
§124. <i>Папа и курия</i>	479
§125. <i>Епископы</i>	486
§126. <i>Низший клир</i>	490
§127. <i>Соборы</i>	496
§128. <i>Церковь и клир в Англии</i>	498
§129. <i>Два английских епископа</i>	505

ГЛАВА XVI

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ВЕРОВАНИЯ И СУЕВЕРИЯ

§130. <i>Поклонение Марии</i>	510
§131. <i>Поклонение реликвиям</i>	519
§132. <i>Проповедь</i>	522
§133. <i>Гимны и священная поэзия</i>	528
§134. <i>Религиозная драма</i>	534
§135. <i>Флагелланты</i>	538
§136. <i>Демонология и темные искусства</i>	540
§137. <i>Суждение века о самом себе</i>	546
УКАЗАТЕЛИ	551